

Б. П. КРАЕВСКИЙ

**ЛОПУХИНЫ
В ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВА**

Б.П. Краевский

**ЛОПУХИНЫ
В ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВА**

К 1000-летию рода

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2001

ББК 63.3(2)-8
К78

Под общей редакцией предводителя
Российского Дворянского Собрания
князя А.К. Голицына

Авторы проекта:
Валентина Алексеевна БЛАГОВО
Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ

*Художественное оформление
художника И.А. Озерова*

Глава «Лопухинская геральдика» написана С.В. Думиным, глава
«Лопухины в архитектуре и строительстве» — Л.А. Перфильевой,
родословная роспись — Д.Д. Лотаревой.

Рисунки, репродукции, семейные фотографии —
из собрания князя В.О. Лопухина.

Краевский Б.П.

К78

Лопухины в истории Отечества. — М.: ЗАО Изд-во
Центрполиграф, 2001. — 861 с.

ISBN 5-227-01022-6

«Лопухины в истории Отечества» — первая книга об истории России, рассмотренной через призму истории одного древнего дворянского рода. Уже в течение почти 1000 лет представители этого рода участвуют практически во всех крупных событиях российской истории. Главы этой книги, посвященные как роду в целом, так и отдельным личностям, носившим фамилию Лопухиных и оставившим о себе наиболее заметную память, — увлекательное чтение для всех, любящих Россию.

В приложении к основному тексту дан обширный справочный материал — родословная роспись Лопухиных, фамильные документы, отрывки из произведений Лопухиных, библиография, именной указатель почти на 1500 персон. Многие документальные материалы, включая сведения о судьбе представителей этого рода за последние сто лет, и иллюстрации публикуются впервые.

Книга вместе с рядом других книг открывает новую серию под названием «РОССИЯ ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ», к изданию которой приступает издательство «Центрполиграф». Книга, как и вся серия, рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© Б.П. Краевский, 2001

© Художественное оформление серии,

ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

ISBN 5-227-01022-6

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге	3
От автора	5

РОД

У истоков рода	9
Новгородская быль, или Первые Лопухины на Волхове	19
Московское служение	32
На службе Российской Империи	59
XX век — Лопухины в 1914—1939 годах	95
XX век — Лопухины в 1939—2000 годах	145
Лопухинская геральдика	180
Родственные связи Лопухиных	187
Лопухины в искусстве и литературе	195
Лопухины в архитектуре и строительстве	228

ЛЮДИ

Последняя Русская Царица	263
Царевич Алексей Петрович	294
Адмирал Степан Васильевич, или «Лопухинское дело»	314
Рыцарь ордена «Златорозового креста»	328
Светлейший князь	349
Под знаменами российских полков	381
Друзья поэта	405
Создатель «Лопухинской Библии»	424
Директор Департамента полиции	443

ЛОПУХИНЫ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

Жизнь за Царя	466
Православный деятель Русского Зарубежья	479
Монархист	492
Капитан дальнего плавания	508
Послесловие князя В.О. Лопухина	524

ПРИЛОЖЕНИЯ

Светлейшие князья, князья и дворяне Лопухины (родословная поколенная роспись)	529
Лопухины, не вошедшие в роспись	630
Указатель фамилий и имен супругов и супруг Лопухиных в основной росписи	634
ДОКУМЕНТЫ РОДА ЛОПУХИНЫХ	643
СТРОКИ ИЗ ТРУДОВ	707
Библиография	809
Именной указатель	826

Об авторе

Борис Прохорович Краевский.

Тонкий. Чуткий. Необычный. В нем было все по Чехову: красота, физическая сила, стать, прекрасное образование. Но более всего – необыкновенная простота в отношениях, деликатность, высокая культура, нравственная чистота, энциклопедический ум.

Борис Прохорович Краевский... В прошлом, 2009-ом, году, ему исполнилось бы 80 лет, а в этом – шесть, как его нет с нами. Говорят, душа жива, пока ее помнят.

Мы, незабвенный Борис Прохорович, не просто помним Вас, мы разговариваем с Вами, советуемся, любим. Были на его веку печали, потери, испытания. Но всегда оставались друзья, любимая жена, которую он ласково называл Лидушок, умные дети и запас самоиронии. Супруга Бориса Прохоровича, Лидия Петровна, рассказала мне, как когда-то на улице подошла к ней странная женщина, вероятно, юродивая, оглядела со всех сторон и изрекла: «Всю жизнь ходишь под мужем». «А я всегда была в тени мужа» (вот пример жертвенности, самоотдачи – такое признание), – без тени сожаления говорит Лидия Петровна и добавляет: «Я гордилась, что меня всегда окружали мужчины с энциклопедическими познаниями – и батюшка, и супруг. Теперь редко можно встретить таких людей». А фамилия... Краевский... В ней видятся бескрайние дали и слышится отзвук фамилии известного издателя и журналиста XIX века.

Помню, праздновали в родном дворянском Доме юбилей Бориса Прохоровича – семидесятилетие. Столько комплиментов наслушался он в тот вечер, самых искренних. Наверное, про себя подумал: они не для моего возраста. Выглядел моложе своих лет. Вспомнил Николая Эрдмана: «Какая у тебя компания, такие и успехи». В 1994 году вышел первый номер альманаха «Дворянское собрание», служивший восстановлению и развитию лучших традиций дворянского сословия, его высокой культуры. Радовался, как юноша. Десять номеров вышли под его редакторством.

Вспомним один из последних вечеров литературного салона в старом дворянском Доме. Представляли тогда издательскую деятельность РДС. Я пригласила на вечер митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. И вот уже 18.30. Владыки нет. Я переживаю, но вида не подаю, а успокаиваю Бориса Прохоровича. Слушателей полный зал (тема интересная, да и наслышаны, что и Владыка прибудет). Ходим с ним друг за другом, тянем время. И вот уже Владыка Питирим сидит в первом ряду... Открываем. Представили альманах «Дворянское собрание», журнал «Гувернер», газету «Дворянский вестник», книгу Бориса Прохоровича о древнем роде Лопухиных из серии «Россия забытая и неизвестная».

Сопереживали и сорадовались слушатели каждому выступлению, наполненному светлой радостью и переживанием, иронией и сложным историко-философским мотивом. Среди выступающих – граф Н.Н. Бобринский, С.А. Сапожников, Л.П. Краевская, Н.В. Дмитриева, В.А. Благово. Очень проникновенным было выступление Владыки Питирима. На память об этом вечере остался фильм и фотографии. Как-то вечером звоню Борису Прохоровичу, посоветоваться по одному делу, а Лидия Петровна отвечает: «Смотрит Пуаро...». Очень любил смотреть фильмы по произведениям Агаты Кристи. Особенно ему нравился Пуаро в исполнении Дэвида Суше, а из фильмов – «Убийство в Восточном экспрессе», отлично передающий суть дела и приковывающий внимание. Можно понять Бориса Прохоровича. Восток всегда ассоциируется с тайной, волшебством.

В Борисе Прохоровиче все удивляет. Тонко чувствующий, с высокой духовной планкой. Мир отпустил его из своего пустоцветного мельканья, буйства, суеты.

Но мы его помним... и будем помнить.

Нонна Кристи (Москва).

Газета "Дворянский мир Москвы" · № 2-3, май-ноябрь 2010 г.

Биографическая справка.

Борис Прохорович Краевский родился 4 августа 1929 года в Москве.

Его отец Краевский Прохор Дамианович – доктор филологических наук, профессор Московского педагогического института – известен созданием институтов русского языка в странах Восточной Европы.

Борис Прохорович получил образование на филологическом факультете МГУ. Начал журналистскую работу в «Учительской газете» корреспондентом. Объездил всю страну по заданиям редакции, создавая серии очерков. Затем заведовал отделом информации, откуда был приглашен на ту же должность в «Литературную газету», где проработал с 1960 по 1962 г. и перешел на должность ответственного секретаря редакции журнала «Смена».

С 1965 до выхода на пенсию в 1989 г. его творческая деятельность была связана с ТАСС. 1965-1969 – зав. отделом информации по СССР; 1969-1975 – руководитель Чехословацкого отделения ТАСС, затем руководитель корр. службы союзных республик и с 1980 – руководитель международной корр. службы ТАСС.

Борис Прохорович является автором сотен статей, очерков, корреспонденций. Непреодолимой была его любовь к российской истории и истории Москвы, которым он посвятил множество трудов и, в том числе, 4 книги. Много времени он уделял редактированию и подготовке к изданию книг других авторов и воспоминаний, уже ушедших из жизни, известных людей Императорской России.

С 1992 г по приглашению предводителя Российского Дворянского собрания князя А.К. Голицына Борис Прохорович возглавил редакцию альманаха «Дворянское собрание» и в течение 10 лет руководил издательской деятельностью Российского Дворянского собрания. Благодаря ему увидели свет 10 номеров альманаха, ставшего весьма известным изданием во всем мире, а также целый ряд книг, брошюр и информационных изданий.

В 2001 году в московском издательстве Центрполиграф вышел в свет его объемный, 860-страничный труд «Лопухины в истории Отечества. К 1000-летию рода».

Скончался в Москве 16 августа 2004 года. Похоронен на кладбище Донского монастыря рядом с родителями.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В современном историописании, в научных и научно-популярных сочинениях о прошлом практически не встретить таких, которые были бы посвящены изучению истории целого рода людей. Само понятие рода, как совокупности родственников, носящих одну фамилию, не только живущих в настоящее время, но и живших в прошлом, бывших далекими прабабушками и прадедушками наших современников, утрачено в сознании современного человека. Мы помним имена и занятия наших дедов, по их отчествам — имена наших прадедов, но дальше знания истории нашего рода чаще всего не идут. Историю рода сейчас принято изучать применительно к великим людям («Предки и потомки Пушкина», «Лев Толстой и его предки»).

А между тем история рода, при условии, что она, во-первых, может быть достаточно надежно реконструирована, а во-вторых, охватывает довольно длительный период, сама может представить интерес не только для истории ее членов, но и более широко. Такую возможность представляет прежде всего история русских дворянских родов. По своей профессиональной деятельности служившее России на полях сражений или осуществлявшее управление ею дворянское сословие лучше других отражено в документах своего времени, что позволяет восстановить генеалогический ряд дворян от потомков к далеким предкам поименно и с достаточно подробными характеристиками их деятельности.

Настоящая книга посвящена истории России, рассматриваемой через судьбы членов одного старинного дворянского и княжеского рода Лопухиных, представители которого являются нашими современниками и живут среди нас.

В общеизвестной истории страны князья и военачальники, государственные деятели и богословы, масоны и врачи, деятели белого движе-

ния и полярные капитаны, царицы и героини лирических стихов принадлежат к разным родам, фамилиям, социальным группам. Судьбе было угодно, чтобы и мужчины, и женщины из семей, носивших фамилию Лопухиных или бывших их потомками, оказывались часто в центре внимания современников и людей следующих поколений благодаря своим талантам, своим успехам, своему месту в жизни.

Предлагаемая читателю книга уникальна уже потому, что в ней идет рассказ о деятелях, принадлежавших этому весьма неординарному роду.

История рода Лопухиных показана в книге на длительном протяжении тысячелетия, и это большей частью сделано удачно. Однако начальные столетия жизни рода представлены историческими источниками, сообщающими о событиях и людях своего времени значительно хуже, чем последующие, что заставляет рассматривать рассказ о них менее достоверным, более гипотетическим, что, впрочем, отмечает и сам автор. Более всего нового для истории дают последние главы книги, посвященные XIX и, особенно, XX векам.

Автор стремится смотреть на события XX века поверх границ и фронтов, как бы с птичьего полета, не боясь быть подбитым с той или другой стороны, когда он рассказывает об участии членов многочисленного рода Лопухиных в войне и на российской, и на германской сторонах или когда его герои, члены Православной Церкви и священнослужители, участвуют в расколе Церкви на Карловацком соборе... Книга выходит в свет на самом рубеже XXI века, и отрадно, что теперь об этом можно и писать, и читать, поскольку это и есть реальная жизнь нашего никак не кончающегося страшного XX века.

Достоинства и богатство языка автора, как и жанровое разнообразие включенных в книгу частей, читатель сам может оценить. Это историческое повествование, написанное знающим и любящим прошлое писателем для широкого читателя. Не всегда, однако, автор следует нормам, давно ставшим общепринятыми в современной науке. Таково употребление им архаичного этнонима *малороссы*, *малорусский* вместо *украинцы*, *украинский*. Впрочем, и по содержанию книга столь необычна для современной литературы, что и это лишь одно из свидетельств ее уникальности.

Я.Н. Щапов,
профессор, доктор исторических наук,
член-корреспондент Российской Академии наук

ОТ АВТОРА

Передавая книгу на суд читателей, хочу предварить ее несколькими словами. Она — для любящих историю, увлекающихся прошлым России, для любителей мысленно побродить по тропинкам, дорогам, мостовым давно минувших веков, представить себе в живых картинах, как жили, мыслили и поступали наши предки.

Историю древнего рода Лопухиных можно рассматривать как тянущуюся из глуби веков живую нить, как последовательность исторического развития многочисленной фамилии, менявшей на протяжении веков свой общественный статус, свои представления об успехе, профессиональные склонности, привязанности. Этому отвечают главы раздела «Род».

На историю рода можно посмотреть и как на непрерывную цепочку поколений, на ряд ярких и знаменитых людей, почти целое тысячелетие сменявших друг друга на исторической арене России. Многие из них делами своими заслужили, чтобы потомки знали о них. О таком видении рода рассказывают главы раздела «Люди».

И наконец, «Приложения» содержат дополнительные материалы, которые пополняют представление заинтересованного читателя о роде Лопухиных.

...Исторические драмы всегда волнуют общество. Но в нашей стране почему-то лучше знают трагедию шотландской Королевы Марии Стюарт и больше сочувствуют ей, чем собственной Царице Евдокии Федоровне, урожденной Лопухиной, несчастной супруге Царя Петра I и матери Царевича Алексея. Мы почему-то неплохо осведомлены о делах министра французского Короля Людовика XIII кардинала де Ришелье, но очень мало знаем о служении светлейшего князя Петра

Васильевича Лопухина четырьмя великими Императорами России... Мне захотелось рассказать о таких людях.

Я встретил человека, принадлежащего к этому роду и располагающего множеством материалов, документов, мемуаров, в том числе и неизданных, относящихся к этой фамилии. Князь Вадим Олегович Лопухин предложил использовать их для создания книги. Так родился замысел этого труда. Заранее прошу прощения у читателя за некоторые фактические повторы: разделы книги и некоторые документальные приложения могут, по замыслу, читаться как самостоятельные сочинения и должны быть достаточно полными. В целом же книга охватывает все доступные ныне материалы и сведения об истории этого древнего рода.

Ставя точку на последней странице, рассчитываю на Милость Божию и благосклонность читателя.

Б.П. Краевский

Москва 2000 год

У ИСТОКОВ РОДА

Широка, неохватна Россия, обильна славными делами и громкими именами ее история. Древние летописи и целые летописные своды; устные сказания, записанные через столетия; страницы сочинений ученых монахов и других «книжных людей», а позже и первопечатные книги хранят эту историю, оставляя нам возможность домысливать недосказанное и воображать опущенное.

Нет и не может быть истории страны, народа или рода, где было бы записано все. Клио всегда оставляет простор для фантазии — в историческом контексте реальности и разумных пределах. Но основой для любых исторических построений должны быть факты, даты, имена... Правда, далеко не всегда их источники — летописи или исторические хроники.

Вспомним Троянскую войну. Не осталось ни одного исторического ее описания — только Гомер рассказал о ней в своей «Илиаде». Поэтому войну из-за прекрасной Елены строгая историческая наука считала легендарной, пока неутомный Шлиман, следуя за строками Гомерова эпоса, не раскопал остатки древнего города царя Приама.

И мы иной раз почти так же восстанавливаем исторические реалии, и мы ведем иногда реконструкцию событий прошлого, основываясь на неписанных, но логичных и достоверных устных преданиях, освященных веками. Если же говорить о родоначальнике Лопухиных, то он назван в писаной русской истории по имени и упоминание его точно датировано — 1022 годом от Рождества Христова, или 6530-м от Сотворения мира. Имя родоначальника мы встречаем в самом древнем из русских летописных сводов — в «Повести Временных Лет». Вот эти строки:

«В год 6530. Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав, который владел Тмутороканью, пошел на касогов. Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И когда стали два полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И, если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, а борьбою». И схватились бороться крепко, и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О Пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, построю церковь во имя Твое». И, сказав это, ударил Редедю о землю. И, выхватив нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмуторокань, заложил церковь Святой Богородицы и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмуторокани».

Князь Мстислав Владимирович, выполняя условия поединка, предложенные его противником, распорядился своим «новым имуществом». Прежде всего, как утверждает официальное родословие многих дворянских родов, основанное на свидетельстве в «Бархатной книге», князь Мстислав крестил сына Редеди православным обрядом и женил его на своей дочери, которую, как считают некоторые историки, звали Татианой. От них и пошло потомство, представители которого положили начало многим русским дворянским фамилиям, в том числе и Лопухиным.

Победа над Редедью была не единственным подвигом рыцарственного русского князя. Все историки выделяют его среди сыновей и наследников святого князя Владимира Красное Солнышко. Известный историк С.М. Соловьев так писал о нем: «Из всех сыновей Владимира Мстислав больше других похож был на деда своего Святослава, был он князь — вождь дружины по преимуществу. Жизнь ли в Тмуторокани и постоянная борьба с окрестными варварскими народами развила такой характер в Мстиславе, или же волость чья-то приходилась по нраву, но Мстислав всегда обращался к своей дружине... Он был славен в народных преданиях, как князь-богатырь».

А его окраинное княжество тот же историк описывает так: «Тмуторокань — княжество застенное и привольное, где толпились остатки разноплеменных народов, из которых храброму вождю можно было набрать себе всегда храбрую дружину, где княжил знаменитый Мстислав, откуда он с воинственными толпами прикав-

казских народов приходил на Русь и даже заставил однажды старшего брата поделить половину отцовского наследства».

Приведем еще одно высказывание о князе Мстиславе Владимировиче русского историка, на этот раз генерала А.Н. Нечволодова, из его труда «Сказания о Русской Земле», вышедшего в свет перед Первой мировой войной: «Мстислав был сыном Святого Равноапостольного Князя Владимира и известной в истории полочанки Рогнеды, и следовательно, родным братом Великого Князя Ярослава Владимировича Мудрого. Этот Мстислав, получив от отца далекую Тмуторокань, усилил свои владения, победил татар и касогов, живших в степях, примыкающих к Северному Кавказу. По природе богатырь, дебелый телом, черный волосом, светлый лицом, храбрый, милостивый и долготерпимый ко всем, Мстислав больше всего на свете любил свою дружину, для которой ничего не жалел. В 1016 году, помогая грекам, он окончательно разгромил Хазарское Царство и взял в плен Хазарского Кагана...»

Вот этот-то Мстислав, усиливший свои полки, решил в 1023 году искать себе волостей после умерших братьев и вторгся из Тмуторокани в русские пределы. Он уже раньше требовал их себе, и Ярослав давал ему Муром, но Мстислав нашел, что этого мало. В то время как Мстислав шел к Киеву, Ярослав был в Новгороде, где работал на пользу народа... Узнав о вооружении Мстислава, Ярослав стал собирать в Новгороде рать и послал за море нанять варягов. Эти варяги пришли к нему под начальством воеводы Якуна Слепого, носившего на глазах повязку из золотой ткани. Тем временем Мстислав подошел к Киеву; но киевляне заперлись и отказались его принимать. Тогда он сел в Чернигове.

Собрав своих новгородцев, Ярослав вместе с варягами пошел против брата; Мстислав тоже вышел к нему навстречу и полки сошлись в Листвене, в 40 верстах от Чернигова. Мстислав построил свое войско с вечера, а ночью разразилась страшная гроза. И тогда князь Мстислав сказал дружине: «Пойдем на них, они — наша добыча». Но и Ярослав не дремал, его новгородцы и варяги тоже хотели напасть на Мстислава во время грозы. Оба войска встретились, и наступила страшная сеча. Мстислав ударил своей дружиною сильнее на варягов, и они побежали, слепой Якун второпях потерял даже свою золотую повязку с глаз и бежал прямо домой, за море. Ярослав тоже был вынужден отступить и направился в свой Новгород. Тогда Мстислав послал ему вдогонку посланных, чтобы они сказали Ярославу от него: «Садись в своем Киеве, ты старейший брат, а мне будет эта Черниговская сторона...» И пошел Ярослав в Киев и зак-

лючил с Мстиславом мир, братья съехались у Городца близ Киева и разделили всю Русскую землю по Днепру: Мстислав взял себе восточную часть со столом в Чернигове, а Ярослав — западную, с Киевом. Это было в 1025 году, и «начали они жить мирно и братолюбиво, — говорит летописец, — и перестала усобица и мятеж, и была тишина великая на Русской земле».

Добавим, что рыцарственный князь Мстислав скончался в 1036 году, и с того времени Великий Князь Ярослав стал уже единоличным владельцем Киевской Руси и заслужил своим правлением прозвание Мудрого.

Таким образом, у истоков рода Лопухиных, как и ряда других дворянских семей, стояли, если верить приведенным выше источникам, сын касожского князя-рыцаря и дочь русского князя, который в первой половине одиннадцатого столетия владел половиной Киевской Руси, деля ее с Ярославом Мудрым...

Пока мы говорили об отце родоначальницы Лопухиных, о русском князе Мстиславе Владимировиче, о его «Тмуторокани», откуда он вышел с дружиной на касогов, чтобы схватиться в молодечком единоборстве с их князем Редедю.

Кстати, специалисты установили автора записи об этом удивительном поединке — им оказался Никон, прозванный Великим, будущий игумен Киево-Печерского монастыря. Согласно летописным сведениям, он в 1061—1067 годах жил в Тмуторокани и, следовательно, мог рассказать о поединке сына Великого Князя Владимира Святого — Мстислава Владимировича и касожского князя Редеди со слов свидетелей. В то время мог быть в живых и сын князя Редеди — Роман.

Хотя Роман Редедич и был наследственным, природным князем, а его супруга — внучкой Святого князя Владимира, никто из их потомков княжеский титул не унаследовал. Тому есть причины: в одиннадцатом, двенадцатом и вплоть до тринадцатого столетия князьями на Руси признавали лишь прямых потомков Рюрика. Выезжим, иноплеменным князьям не разрешалось пользоваться этим титулом. Историк Е.П. Карнович, автор труда «Родовые прозвания и титулы в России», писал в связи с этим: «Кроме Рюриковичей имели бы право на княжеский титул по происхождению своему несколько дворянских ныне существующих фамилий, происходящих от касожского князя Редеди и греческого владетельного князя Степана Ховры, но восстановление утраченных княжеских титулов у нас не в обычае». Добавим, что в память о природном княжеском достоинстве в древнем гербе Лопухиных долгое время сохранялась княжеская митра

вместо дворянского шлема, отмененная лишь в 1799 году в связи с унификацией дворянских гербов.

Рыцарский поединок двух владетельных князей, видимо, произвел большое впечатление на современников да и на последующие поколения. Редкий частный эпизод из княжеской жизни был так подробно описан в официальных летописях, кроме того, и через полтора столетия об этом поединке упомянул автор знаменитой «ироической песни» конца XII века — «Слова о полку Игореве». В этой древнейшей нашей поэме упоминается «храбрый Мстислав, поразивший Редедю пред полками касожскими»...

...Касожские полки, касоги, касожский князь Редедя? Что это за народ, что за люди, что за князь, пославший рыцарский вызов сыну Святого Равноапостольного Владимира? В массовой литературе, даже исторической, ответов на эти вопросы не найти. Но если обратиться к специальным историческим трудам по кавказоведению, по истории Ближнего и Среднего Востока, ответы получить можно.

Касоги — это старинное русское название известного в истории народа черкесов или адыгов, который тысячи лет жил в горах и предгорьях Кавказа. Потомки их живут и сейчас — вспомните Адыгейскую республику или Карачаево-Черкессию! Что же до истории черкесов, их давнего прошлого, то оно поистине удивительно и достойно восточных сказок. Ей посвящена обширная научная литература, и, познакомившись лишь с небольшой частью написанного об истории черкесов, мы тем не менее позволим себе коротко рассказать о ней, поскольку она связана с историей рода Лопухиных.

«Кавказ, как крупнейший исторический перекресток культурных связей, тысячелетиями оказывал колоссальное цивилизующее воздействие на судьбы народов и стран, отдаленных от него подчас на многие тысячи миль. Особое место в таких контактах занимают черкесы, оказавшие влияние на жизнь народов Ближнего и Среднего Востока — Ирака и Ирана, Сирии и Палестины, Египта и других стран Северной Африки», — сообщал заведующий кафедрой истории Ближнего Востока Санкт-Петербургского университета доктор исторических наук, профессор Н.Н. Дьяков. А французский историк-медиевист Анри Дерен так писал о черкесах: «Своеобразна судьба этой расы, возвращенной у подножий Кавказских гор, чьи дочери — красавицы сераля Великого Сеньора и чьи сыновья, попав в Египет, наследовали фараонам».

Это не преувеличение — черкесы, черкесская знать столетиями правила Египтом, да и многими другими странами. Они отличались военным искусством и воинской доблестью, благородством обычаев

и традиций. Они жили почти по всей территории Кавказа, но их страну с трудом можно назвать централизованным государством — верховного князя у них не было. Черкесы жили родственными племенами-кланами, которые назывались «псухо». Каждый из них возглавляли свои вожди, и общие действия всех псухо бывали весьма нечастыми — почему бы не вспомнить по аналогии чеченские тейпы!

Воспитание мужчин было суровым. У черкесов существовал своего рода культ вооруженного всадника, и не было для черкеса доблести выше, чем стать первым всадником среди равных. Неудивительно, что с древнейших времен черкесы были самым лучшим, самым желанным для правителей наемным конным войском. Со временем, не смешиваясь с местным населением, эти наемники превратились в правящую военную и государственную элиту пригласивших их стран. Тысячелетия черкесы рассматривали военную службу в других странах как своего рода национальный отхожий промысел, но превратили ее в дело чести и доблести, дополнив военную службу государственным управлением. Черкесы считали себя достойными власти. Когда в 1830 году был составлен «Меморандум конфедеративных князей Черкесии», его авторы начали этот документ просто, но гордо: «Мы правили почти на целом Востоке».

Добрый десяток стран имели у себя мамлюкское войско (так назывались отборные черкесские конные отряды), во многих — начальники мамлюков стали правителями. Из истории мы знаем, что мамлюкские султаны Египта и Сирии, правившие с VII по XVI век, были черкесами. 47 из 53 султанов того периода были выходцами из Черкесии. Такие данные приводит в своем труде «Генезис черкесских элит в Султанате Мамлюков и Османской Империи» научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований кандидат исторических наук Самир Х. Хотко.

Стоит ли удивляться, что потомки черкесского племенного князя Редеди в России — дворяне, князья и светлейшие князья Лопухины чаще всего бывали военными, нередко занимали видные и даже высшие государственные должности в Российской Империи. Кровь черкеса Редеди, видимо, давала о себе знать. Это относится, кстати, и к другим дворянским родам, ведущим свое начало от летописного Редеди.

Но не только они представляли в русской аристократии черкесскую кровь. Потомками черкесов было и несколько других знатных русских родов. Вот пример: на службу к Царю Иоанну IV Васильевичу приехал из Черкесии на службу князь Темрюк, потомок мам-

люкского Египетского султана Инала. Его красавица дочь Мария пленила грозного Царя и после кончины Благоверной Царицы Анастасии Романовны, урожденной Романовой, стала его второй супругой. А мужчины Темрюкова рода стали прозываться князьями Черкасскими — имя, хорошо известное в российской истории. Среди них было много бояр, крупных воевод, а позднее — генералов и адмиралов. Род князей Черкасских здравствует в России по сей день...

Так кто же такой Редедя?

Родословия его не сохранилось, у черкесов вообще не было своей письменной истории. Все, что нам известно о них, написано в трудах византийских хронистов, восточных ученых или европейских путешественников. Но очевидно, что Редедя — вождь, глава одного из псухо, местный князь и, кроме того, признанный военачальник. Случалось, что для какой-либо войны объединяли свои отряды несколько псухо и выбирали наиболее авторитетного командира. Возможно, Редедя был одним из таких князей. Известно, однако, что он не мог быть единоличным правителем всех касогов просто потому, что таких в Черкесии не существовало вовсе. «Имея в виду консерватизм духовной и материальной культуры в пределах исторической Черкесии и то, что страна адыгов никогда не была завоевана, мы можем прийти к заключению, что Редедя и его окружение принадлежали к тому же этносоциальному слою, который дал многочисленных султанов Египта... Собратья Редеди управляли едва ли не половиной тогдашнего цивилизованного мира, итальянский ученый XV века Джорджио Интериано именовал их «величайшими владыками на свете», и похоже, что эти слова не преувеличение», — утверждает в своем письме князю В.О. Лопухину уже упоминавшийся адыгский ученый-историк Самир Х. Хотко.

Вместе с тем он напоминает об организации и традициях черкесского войска и утверждает, что гибель в поединке его вождя ни в коем случае не могла привести к тому, чтобы сложили оружие его соратники. Иными словами, ученый-кавказовед ставит под сомнение утверждение русского летописного свода, будто князь Мстислав, победив Редедю, взял себе все его княжество и наложил на касогов дань. Не решаясь вступать в ученый спор — пусть это делают специалисты, — позволю себе высказать предположение, которое снимает многие из кажущихся противоречий. Мы знаем, что летописец побывал в Тмуторокани примерно через сорок лет после памятного поединка и наверняка не мог знать в подробностях его условий. Весьма сомнительно, чтобы князь Мстислав, договариваясь о поединке, ставил на карту целое русское княжество, да он и не

мог этого сделать! То же, как кажется, можно сказать и о князе Редее. Вероятно, речь шла о другом. Во-первых, о продолжении войны — если бы победил Редее, Мстиславу с войском пришлось бы вернуться в свои владения. Во-вторых, не княжества были ставкой в этой рыцарской игре, а дружины и личное имущество князей, почему в перечень его входили и жена, и дети... Тем более, что в более поздних источниках значатся «Редедины внучата — царевици», это значит, что династия считалась продолжавшейся и после гибели самого князя.

Как бы то ни было, очевидно, что победа досталась князю Мстиславу Владимировичу нелегко. И неудивительно, что о поединке помнили через десятилетия, благодаря чему рассказ о нем и попал в летопись. Победить в единоборстве черкесского витязя — это была большая честь для любого бойца. Нет сомнений и в другом: сын черкесского князя Роман, женившийся на дочери Мстислава, остался настоящим черкесом, а следовательно, джигитом и воином. Несомненно, он был видным членом княжеской дружины своего тестя.

Известные исторические документы не содержат каких-либо упоминаний о ближайших потомках князя Редеди и его сына Романа. Память о них сохранили лишь семейные предания целого ряда дворянских родов, предком которых был касожский князь. Родословия Лопухиных, Лаптевых, Глебовых, Бобровых, Телегиных, Лупандиных и многих других фамилий сохранили в памяти целую череду потомков Романа Редедича и его жены. После самого Редеди и Романа эти родословия называют Василия Романовича, затем Юрия Васильевича и, наконец, вполне историческую фигуру Михаила Юрьевича Сорокоума, который в начале четырнадцатого столетия был боярином Великого Князя Московского Иоанна I Даниловича, прозванного Калитой.

...И здесь возникает серьезное и обоснованное сомнение в точности семейного предания Редедичей. Дело в том, что с 1022 года, когда состоялся знаменитый поединок двух князей, до начала четырнадцатого столетия, когда жил московский боярин Сорокоум, прошло три столетия. Но за все это время родословная роспись указывает всего пять поколений, включая самих князя Редедю и боярина Сорокоума, хотя должно быть их никак не меньше десяти. Очевидно, что родословная роспись потомков Редеди неполна.

Но это не должно подрывать доверия к росписи в целом, хотя некоторые исследователи и склонны просто отмахнуться от нее, как легендарной. Во-первых, даже это неполное родословие было включено в знаменитую «Бархатную книгу», которая служила документом

для многих поколений генеалогов, и вряд ли стоит считать предков такими уж темными и ничего не понимающими людьми. Во-вторых, вспомним, что на Руси со стародавних времен сохранилась лишь одна полная родословная роспись, где документированы все члены рода. Это роспись потомков князя Рюрика. И наконец, третье: родовая память в те времена, когда еще не велись записи, должна была сохранить имена выдающихся людей, предмет гордости рода, а не всех, чья заслуга ограничилась, может быть, тем лишь, что они оставили потомство...

Закономерно, что живая память рода сохранила в далекие XI, XII, XIII века не поименно всех, но тех, кто возвышался над средним уровнем. И если среди потомков князя Редеди за три столетия таких оказалось пять человек, то это совсем немало. Даже такую деталь, как соответствие имени отцов и отчества детей, можно объяснить не только старанием писцов, да и самих потомков, как бы «подогнать под ответ» логику родословной росписи. Возможно и другое — многие семьи на Руси придерживались правила, согласно которому сыновьям давали имена их дедов. Оттого, в частности, и в роде Лопухиных на протяжении столетия встречаешь в одной семье по несколько Алексеев Александровичей или Сергеев Алексеевичей. Одни запомнились делами своими, другие — нет, но, рассказывая об этих людях сегодня, несмотря на точные родовые росписи и таблицы, иногда бывает трудно не перепутать деда с внуком и наоборот. Что же говорить о давних временах, когда и записей-то практически не было...

Поэтому крупные ученые-генеалоги и не отвергают семейные предания, в том числе и о потомках князя Редеди. Классик русской генеалогии Леонид Михайлович Савелов писал в начале двадцатого столетия, что доказать неверность предания вообще бывает очень трудно, в большинстве случаев лишь подрывается доверие к нему, а случаев доказательного опровержения семейных преданий очень немного. Поэтому и мы, вслед за Л.М. Савеловым и другими генеалогами, будем считать происхождение Лопухиных от касожского князя Редеди вполне достоверным.

Тем более, что существует еще один вариант родословия — совсем иной, нежели тот, который мы рассмотрели выше, но и тут родословная цепочка ведет все к тому же князю касогов Редее. Этот вариант приведен в «Родословной книге летописной редакции», опубликованной в сборнике «Редкие источники по истории России» за 1977 год. Вот текст этой записи:

«Приехали к Москве два царевича, Редедины внучаты царицы, Касай-царевич да Сеундюк-царевич... во крещении царевич Касай на-

реченный Ондрей, а прозвище Тронцея. А царевич Сеундюк во крещении Иван, а прозвище Черменка... А от Ивана от Черменки род: у Черменки род Яков, в Черменскине роду первый боярин. У Якова сын Михайло Сорокоум, 18 лет боярин».

Вот такой текст относится к первым годам правления Великого Князя Иоанна Даниловича Калиты. И здесь боярин Сорокоум прямо называется потомком князя касогов, таким образом, несколько меняется лишь цепочка, связывающая самого Редедю и Михаила Сорокоума. Заметим, впрочем, что этот, второй вариант родословного предания вызывает у специалистов большие сомнения. Поэтому и оставим его всего лишь как вариант, тем более что родоначальником Лопухиных, согласно ему, все равно остается касожский князь Редедя...

Разумеется, о первых Редедичах нам мало что известно, но боярин Великого Князя Иоанна Калиты уже оставил след в писаной истории Российского государства. Что же до потомков Михаила Сорокоума, то мы попытаемся по мере сил и сведений, находящихся в нашем распоряжении, проследить их судьбу в следующем очерке, посвященном новгородскому периоду истории рода Лопухиных.

НОВГОРОДСКАЯ БЫЛЬ, ИЛИ ПЕРВЫЕ ЛОПУХИНЫ НА ВОЛХОВЕ

Рассматривая историю рода Лопухиных, непросто говорить о раннем периоде его существования, связанном с Великим Новгородом. Длился этот период примерно полтора столетия. Именно в это время, когда сменилось пять-шесть поколений, развились и устоялись некоторые отличающие представителей этого рода качества, о них речь еще впереди. Именно за это время они получили и фамилию свою, которую носят до сего дня.

Рассказ о новгородском периоде лопухинской истории лучше начать несколько отступя во времени — с московского боярина Михаила Юрьевича Сорокоума, прозванного так, надо думать, за недюжинные умственные способности. Он служил Великому Князю Московскому Иоанну I по прозвищу Калита — первому собирателю Руси.

Мы не знаем точно, как Михаил Юрьевич стал боярином на Москве, но это вряд ли было случайностью. В.О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» указывал, что «с конца XIII века, еще прежде, чем Москва начинает играть заметную роль в судьбе северной Руси, в нее со всех сторон собираются знатные служилые люди из Мурома, из Нижнего, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже Киева и с Вольни». Москва становится в это время самым последовательным собирателем русских земель и центром притяжения энергичных людей.

Заметными людьми на Москве были не только сам боярин Михаил Сорокоум, но и ближайшие его потомки. Если опираться на «Бархатную книгу», то это сын Сорокоума Глеб Михайлович, который был, как и отец, боярином, сыновья Глеба Михайловича, кото-

рые также занимали видное положение и стали родоначальниками московских дворянских родов Глебовых, Бобровых, Ощериных, Буруновых, Кошкардовых, Лупандиных и других. У одного из братьев Глебовичей, Ильи, был сын, правнук боярина Сорокоума, Григорий Ильич, прозванный Слепым. Судя по всему, он и был первым в роду, оказавшимся на службе в Великом Новгороде, хоть прямых документальных подтверждений этому и не сохранилось.

По земельным владельческим записям Великого Новгорода мы точно знаем — это уже документы, — что потомки Григория Ильича входили в высший слой новгородского общества и владели многими новгородскими землями. Мы можем высказать и весьма вероятное предположение относительно обстоятельств появления Григория Ильича в Великом Новгороде. В те времена этот вольный город постоянно приглашал к себе русских князей Рюриковичей, которые возглавляли Новгородское войско. Каждый князь выезжал на службу со своими боярами и дружиной. Более чем вероятно, что потомок московских бояр Григорий Ильич выехал вместе с одним из князей в составе его советников или дружины на службу в Новгород и обосновался там. Однако этот вариант развития событий порождает новую загадку. Академик В.А. Янин с документами в руках доказал, что новгородцы, приглашая князя, заключали с ним договор, согласно которому князь не мог жаловать своим боярам и дружинникам новгородские земли, владеть ими могли только коренные новгородцы, землевладельцы-бояре. Можно выдвинуть еще одно предположение — но всего лишь предположение! — что Григорий Ильич или его сыновья могли жениться на девицах из местных боярских родов и таким путем стать землевладельцами... Словом, предположения, догадки... Однако знак вопроса мы вынуждены оставить позднейшим исследователям.

Из документов же известно, что у Григория Ильича по прозвищу Слепой было восемь сыновей: Глеб по прозвищу Ушак, Варфоломей по прозвищу Лапотка, а также Кропотка, Илья, Алексей, Иван, Лев и еще один Иван — меньшой. Потомство оставили только трое из них — от Глеба Григорьевича Ушака пошел род дворян Ушаковых, от Варфоломея Григорьевича Лаптя — род Лаптевых.

В конце XIV и начале XV веков мы находим в Новгороде двух представителей интересующей нас ветви рода — Есипа Варфоломеевича Лаптева и Василия Варфоломеевича Лаптева по прозвищу Лопуха... Так впервые появилось прозвище, ставшее вскоре фамилией, которую члены рода носят до сей поры.

Во второй половине четырнадцатого столетия, когда потомок боярина Сорокоума приехал в Новгород, золотая пора вольного города

уже миновала. Канули в прошлое времена, когда Господин Великий Новгород был неоспоримо суверенным городом, историей стали и громкие победы новгородцев над войском ярла Биргера на Невском берегу и над тевтонскими рыцарями на льду Чудского озера, которые прославили Святого Князя Александра, прозванного Невским. Но братья Варфоломеевичи застали новгородскую вольность еще достаточно прочной, в то время как дети Василия Варфоломеевича Лопухи — Алферий, Денис, Матвей Лопухины и многочисленные внуки его жили уже в трудные для вольного города времена, стали очевидцами падения Новгородской республики и присоединения Новгорода к Русскому государству.

...Еще в десятом столетии Великий Новгород был крупным городом, одним из двух центров зарождавшейся тогда государственности Древней Руси. Киев и Новгород — вот два столпа, на которых столетиями создавалось наше государство. И там и там княжили варяги. Недавно, кстати, была окончательно поставлена точка в вековом споре сторонников и противников «норманской теории». Как ни огорчило бы это великого нашего патриота Михайлу Ломоносова, варяги все-таки были призваны на Русь, потому что три составные части северорусского общества того времени — новгородцы, кривичи и маря — не смогли договориться между собою и выдвинуть единого кандидата на роль верховного судьи и командира вооруженной силы. Понадобился «человек со стороны», чтобы удовлетворить всех. Первый князь пришел не в сам Новгород, а на древнее городище в трех верстах от него, это и был варяжский ярл Рюрик. А уже ярл Олег, спустившись водным путем к югу и нарушив тем самым договор с новгородцами, «взял под свою высокую руку» Киев, ставший южным центром древнего государства.

Последующие века создали для Новгорода уникальные условия — общерусское государство было еще слабым, а татаро-монгольское нашествие не затронуло новгородских земель. Договор с князем стал прецедентом, и новгородцы постепенно вводили у себя такие принципы и институты управления, которых не было и не могло быть в городах Киевской и Владимирской Руси, — вече, посадник, которого выбирали, выборный магистрат...

Но время шло, крепло Московское государство, вобравшее в себя к пятнадцатому столетию почти все русские земли. Зависимость Руси от Орды и угроза с Запада диктовали Московским Государям необходимость завершить объединение русских земель, создать единое и мощное Русское государство. Все чаще Московские Великие Князья поглядывали на вольный Великий Новгород и его младшего

брата Псков. Эти владетели были умные, решительные, но и осмотрительные объединители русских земель. Характеризуя тех Московских Государей, известный историк С.М. Соловьев так писал о них: *«Все они похожи друг на друга; в их бесстрастных лицах трудно уловить историку характеристические черты каждого; все они заняты одною думою, все идут по одному пути, идут медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступает шаг вперед пред своим предшественником, каждый готовится для своего преемника возможность ступить еще шаг вперед. Благодаря этой неуклонности, постоянству в стремлении... великая цель была достигнута: родовые княжеские отношения рушились, сменяясь государственными...»*

В какой-то момент Новгород стал исключением из правила. Он признавал свою принадлежность к русским землям и по мере усиления Москвы оказывал ее Великим Князьям подобающие знаки внимания и почтения, но отказывался называть их своими Государями и признавать за ними право миловать или казнить новгородцев, собирать с них сборы и подати — добровольные дары Великим Князьям Московским Новгород посылал всегда.

Богатый, но слабый в военном отношении Новгород находился как бы меж двух огней и пытался лавировать между двумя крупными претендентами на власть над ним — Москвой и Литвой. В начале 1470-х годов Государь Иоанн III серьезно наказал Новгород за попытку «отложиться к Литве». Он не хотел кровопролития, и когда новгородцы послали к Королю Польскому и Великому Князю Литовскому Казимиру свое посольство, которое должно было предложить ему стать господином Новгорода, Великий Государь Иоанн III направил его жителям такое увещевание: *«Люди новгородские! Рюрик, Святой Владимир и Великий Всеволод Юрьевич, мои предки, повелевали вами; я унаследовал сие право: жалую вас, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушание. Когда вы бывали подданными Литвы?.. Вы изменили мне: казнь Божия над вами! Но еще медлю, не любя кровопролития, и готов миловать, если с раскаянием возвратитесь под сень отечества».*

Увещевания, однако, остались безответными. Народ на Вече кричал: «Новгород сам государь, а Король его покровитель!» Когда в Москве узнали об упорстве ослушников, Государь созвал думных людей и предложил на их суд измену новгородцев. Не только бояре и воеводы, но и святители, как пишет Н.М. Карамзин, ответствовали единогласно: «Государь! Возьми оружие в руки!» И тогда Иоанн III решительно произнес: «Да будет война»

Московское войско сравнительно легко разбило новгородскую «тысячу» (так называлось войско Новгорода), но Великий Князь простил новгородцев, справедливо полагая, что еще не пришло время для окончательного присоединения вольного города к Московскому государству. Это могло бы в то время вызвать бурные события, способные ослабить внутреннюю прочность Русского государства. Государь установил своего рода переходный период: за Новгородом были сохранены многие его вольности, но в город был послан великокняжеский наместник с весьма широкими полномочиями. «Еще Новгород остался державою народною; но свобода его была уже единственно милостию Иоанна», — заметил в связи с этим Николай Михайлович Карамзин.

Новгородское общество в своем противостоянии Москве не было единым. Наиболее твердолобые настаивали на борьбе «до конца» за вольности новгородские, другие, более реально мыслящие, понимали, что присоединение к крупному государству неизбежно. Существовала так называемая литовская партия, но наиболее широкой поддержкой пользовалась все-таки московская — ни та ни другая, конечно, не были оформлены. Сторонники Москвы, представленные главным образом имущими людьми, понимавшими, что Великий Князь все равно не оставит Новгород вольным городом, стремились к наиболее мягкому переходу власти к Московским Государям, что давало больше шансов сохранить имущество. Главным же противником присоединения к Москве было Вече, где «кричал» простой народ, которому терять было нечего.

В описываемое нами время новгородское общество состояло из бояр, житейных людей, купцов и черных людей. Бояре — коренные жители, крупные землевладельцы составляли правящий Совет города, который готовил решения, выносимые далее на Вече. К боярам примыкали житейные люди — влиятельный слой общества: служащие городского управления, управители боярских поместий, мелкие землевладельцы, купцы, финансовая знать. Эти люди и вершили в городе все дела. А черный люд — мелкие торговцы, ремесленники, холопы, крестьяне — мог только поддакивать или протестовать.

Лопухины принадлежали к новгородскому боярству и были крупными землевладельцами. Выше мы говорили, что не можем определенно утверждать, как именно и когда они или их предки вошли в число бояр. Но остается фактом, что Лопухиным принадлежали поместья в Деревской пятине, документы об этом сохранились. Эта пятина простиралась на юго-восток от города между реками Мстою и Ловатью, включая в себя и часть земель нынешней Тверской гу-

бернии. А еще были Вотская пятина, Обонежская, Шелонская и Бежицкая. Обширные новгородские земли уже за пределами пятин простирались к Белому морю, к предгорьям Урала, в нынешнюю Финляндию.

Таким было деление новгородских земель. Сам город был разделен на несколько концов со своими местными управлениями, но наиболее заметно делился рекою Волховом на две стороны — правую и левую по течению реки — Софийскую и Торговую. Обе стороны соединял большой и широкий мост, на котором иной раз простейшим путем разрешались противоречия между жителями двух новгородских сторон, недолголюбившими друг друга.

На Софийской стороне стоял Дом Святой Софии — главная новгородская святыня, древний храм, давший имя стороне. Княжий двор, вокруг которого селились, как правило, «ближние люди» князя с семьями и домочадцами, находился на Торговой стороне. Дворы богатых и знатных новгородцев стояли на обеих сторонах и представляли собою подобие небольших бревенчатых крепостей, были просторны, в них обитала и охрана, и прислуга, и просто люди, «жившие при боярине».

Стороны города нередко враждовали. В исторических документах сохранились записи о многих стычках и более крупных «усобных ратях» в городе. Бывали они по разным поводам, в том числе и из-за по-разному понимаемой «автономии». Определенными «демократическими» правами обладали и городские концы, и даже отдельные улицы. Эта новгородская «демократия» стоила городу немалой крови.

Например, в 1359 году Славенскому концу города чем-то не понравился посадник Андреян. Пользуясь территориальной близостью к вечевой площади, кончане славенские в доспехах и с оружием «подсели» на вече и, не спросив других, сбросили посадника, выбрали другого, а пришедших увещивать их безоружных «заречан» «побили, полунили, пограбили, а одного и убили». А когда с Софийской стороны стало подходить подкрепление, то вечевые «разметали мост» через Волхов. Три дня обе стороны Новгорода стояли друг против друга в полном вооружении по обоим берегам реки, пока духовенству во главе с архиепископом не удалось успокоить новгородцев и те пошли на компромисс — старого посадника восстанавливать не стали, но и нового не утвердили, во главе города стал третий боярин.

Еще страшнее было противостояние новгородских сторон в 1418 году. По пустячному поводу, о котором все вскоре и позабы-

ли, Торговая сторона (она почти всегда бывала зачинщицей беспорядков) напала на Софийскую, чернь принялась сводить счеты со знатью: грабила аристократические улицы, громила боярские дома-крепости, опустошила монастырь Святого Николая, где были боярские житницы. Уцелела одна только Прусская улица, которую софийцы сумели отстоять. Тогда чернь бросилась на свою сторону, крича, что знать идет громить их жилища. Тут уже вооружились и остальные, и у моста через реку разразилось настоящее сражение — раздавались боевые кличи и крики ужаса, падали убитые и раненые... Положение спасла внезапно налетевшая страшная гроза с ливнем. Воспользовавшись ею, новгородский владыка с крестом в руке и в сопровождении многих священников протиснулся к мосту и стал благословлять крестом обе стороны. Увидев благословляющего архиепископа, толпа пала на колени, и противостояние разрешилось...

Мы не знаем, на какой именно новгородской улице стояли дворы Василия Лопухи и первых Лопухиных. Не исключено, что на Прусской, которая переходила в дорогу, ведущую в прусские земли. Кстати, эта улица в свое время вводила в заблуждение иных генеалогов. Дворянские роды нередко называли своим основоположником «выходца из Прусс». Первоначально эти слова понимались однозначно, как «выходец из Прусской земли». Но позже в ряде случаев оказывалось, что так же писалось и указание на происхождение с «Прусской улицы Великого Новгорода», что также было своего рода свидетельством о знатности...

Лопухины, надо думать, играли не последнюю роль в новгородском самоуправлении. Мы не располагаем документами, но вправе предположить, что Алферий, Денис и Матвей Лопухины заседали в городском Совете и исполняли другие обязанности в магистратуре. А вот сын боярина Алферия Лопухина Яков Алферьевич достиг, по некоторым данным, и высшей выборной должности в Новгороде — стал посадником. Об этом, в частности, говорится в книге М.П. Чернявского «Генеалогия господ дворян, внесенных в Родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 годы» (Тверь, 1869). Однако в известном капитальном труде уже упоминавшегося академика В.А. Янина «Новгородские посадники» имя Якова Алферьевича не упоминается. Но в известном «Синодике по убиенным во брани» Царя Иоанна IV Грозного прямо назван павший под Москвой в бою с татарами «Володя Посадников сын Лопухин», новгородский помещик. Возможно, впрочем, что речь в этом случае шла всего лишь о прозвище некоего Владимира Лопухина. Словом, еще одна загадка, еще один вопрос, на который предстоит ответить позднее.

Большой и сильный клан Лопухиных — к началу последней четверти пятнадцатого столетия он насчитывал едва не два десятка мужчин, — конечно, понимал неизбежность присоединения Новгорода к Москве и в 1475 году, надо думать, спокойно встретил весть о том, что Великий Князь Московский Иоанн III Васильевич идет в Новгород не во главе военной силы, а просто «к себе».

Этот поход Государя Иоанна III красочно описан в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: *«Сие путешествие Иоанново — без войска, с одною избранною благородною дружиною имел вид мирного, но торжественного величия: Государь объявил, что идет утвердить спокойствие Новгорода, коего знатнейшие сановники и граждане ежедневно выезжали к нему, от реки Цны до Ильменя, навстречу с приветствиями и дарами, с жалобами и оправданиями: Старые Посадники, Тысяцкие, люди Житыи, Наместник и Дворецкий Великокняжеские, Изюмень... За 90 верст от города ожидали Иоанна Владыка Феофил, Князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, Посадник и Тысяцкий Степенные... Явились Бояре, старосты концов Новгородских и другие первостепенные люди...»*

Среди встречавших Великого Князя могли быть и старшие Лопухины. Историки утверждают, что был «пир великий», что Иоанн Московский «обедал, веселился, говорил только слова милостивые». Но «за днем пиршественным следовали дни суда», — продолжает Н.М. Карамзин. Многие, накопив обиды на ближних, горько жаловались Иоанну Васильевичу на несправедливости и злоупотребления, просили Государевой защиты. Некоторых бояр, особенно тех, которых новгородцы обвиняли в «пособничестве Литве», Государь гневно назвал предателями и велел тут же оковать цепями...

Был создан небывалый за последние три столетия прецедент — Великий Князь Московский судил новгородцев с в о и м с у д о м! На следующий день вся новгородская верхушка пришла к Иоанну молить его отдать преступников городу, который сам будет судить их, но тот отказал. Правда, менее известных, которые также были «взяты в окопы» во время суда, Государь велел освободить, но главные, виновные в «желании Литвы», остались у него. Вскоре Великий Князь покинул Новгород, увозя с собой шестерых «злодеев в железах».

Новгородская вольница не успокоилась. Последовал обмен послами, Новгород настаивал на освобождении узников, Москва отказывалась. Расслоение в новгородском обществе углублялось, все больше людей хотело мирно пойти под высокую руку Московского Государя. Но тут воспротивилось Вече. От его имени Иоанну III была послана грамота, в которой говорилось: *«Кланяемся тебе, Господину*

нашему Великому Князю, но Государем тебя не зовем. Суд твоим Наместникам будет на Городище по старине, но твоего суда, ни твоих тиунов у нас не будет. Дворище Ярославово не даем. Хотим жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростыне тобою и нами в 1471 году. Кто же предлагает тебе быть Государем Новгородским, тех сам знаешь и казни за обман, мы здесь тоже казним сих лживых предателей...»

Когда на Вече принимали эту дерзкую грамоту, некоторые опять завели речь о возможности в крайнем случае «предаться Литве».

И тогда Иоанн III объявил военный поход на Новгород. Огромное московское войско собиралось возле границ новгородских, «не осталось ни одного местечка на Руси, которое не прислало бы своих ратников Великому Князю», — свидетельствует один из авторов.

Небезынтересно, что в этом походе Иоанна III на Новгород участвовал в качестве военного инженера, строившего мосты по дороге войска и осадные сооружения вокруг города, выдающийся венецианский инженер и архитектор Аристотель Фьораванти, который одновременно строил кафедральный Успенский собор в Московском Кремле. Последние этапы борьбы за покорение Великого Новгорода шли одновременно со строительством этого храма, и многие связывали освящение его в 1479 году с торжествами по случаю уничтожения новгородской вольности.

А о том времени, когда Великий Князь подошел к Новгороду, любопытную деталь подметил Николай Михайлович Карамзин. Он писал: *«Между тем многие знатные новгородцы прибыли в Московский стан и вступили в службу к Великому Князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь от злобы тамошнего народа, который гнал всех бояр, подозреваемых в тайных связях с Москвою».*

Заметим, что среди этих перебежчиков, которые спасали свое имущество или жизни свои от народного гнева, Лопухиных не было. Они, конечно, понимали, что переход на службу к Московскому Государю неизбежен, ведь они и сами были потомками выходцев из Москвы. Однако тогда к Иоанну III Васильевичу они не пошли — это было бы предательством.

«Тем временем московские низовские рати, а с ними и псковичи окружили Новгород со всех сторон, заняли вокруг города все монастыри, стеснили город так, что в нем от собравшихся в осаду людей появился мор», — читаем у Ивана Егоровича Забелина.

Не станем писать об осаде Новгорода войском Иоанна Московского, о напряженных переговорах, в ходе которых новгородцы пы-

тались сохранить хоть что-то из былых вольностей, о сдаче, наконец, вольного города и о ее последствиях. Для самих новгородцев они, кстати, были неожиданно мягкими: десятка полтора зачинщиков сопротивления отвезли «в железах» в Москву... Но вольного города больше не было, и Вече перестало существовать.

Январь 1478 года ознаменовался для Государя Иоанна Васильевича, стоявшего под вольным городом, праздниками и торжествами: 22 января ему исполнилось тридцать восемь лет, 27 января был день тезоименитства — перенесение мощей святого Иоанна Златоустого, а тут еще и долгожданное бескровное присоединение к державе Московской самого важного, самого богатого и самого желанного русского края — Великого Новгорода. В конце месяца Великий Князь отслужил благодарственный молебен в храме Святой Софии — это, к слову, была почти точная копия Софийского собора в Киеве, построенного сразу вслед за ним в одиннадцатом столетии, — устроил большой обед для архиепископа, бояр и житых людей, одарил присутствовавших по-царски и сам принял щедрые «дары» побежденного города. И отбыл в Москву. За ним тянулся огромный обоз — 300 возов: серебро, золото, драгоценные камни, бесчисленное множество мехов, сукон и шелковых тканей, другого добра. Среди других трофеев отправился в Москву с этим обозом и знаменитый вечевой колокол. «А как привезен был, то вознесли его на колокольницу на площади с прочими колоколами звонить», — записал один чудовский монах. С тех пор и звонил москвичам с колокольни Ивана Великого бывший новгородский вечевой колокол...

Так Иоанн III Васильевич Московский «привел Великий Новгород во всю волю свою», как писал составитель одной из хроник.

...А Лопухины остались в Новгороде. Никакой опалы на них не последовало. Все мужчины рода продолжали владеть своими поместьями, но теперь уже «от Государя Великого Князя Московского». Лопухинских земель в Деревской пятине оказалось много. По описи 1495 года пятнадцать помещиков Лопухиных числились по этой пятине новгородскими землевладельцами.

Забегая вперед, скажем, что некоторые из этих поместий оставались в руках представителей рода в течение четырех столетий. Например, деревня Горчель, оказавшаяся позже в Тверской губернии, которой владел известный нам Алферий Васильевич, там и погребенный, до самой отмены крепостного права принадлежала Лопухиным — редкий пример столь долгого пребывания поместья в одном роду.

После потери Новгородом независимости многое в городе стало меняться. В первую очередь это коснулось известных людей. По рас-

поряжению Московского Государя, который велел «перетрясти людишек новгородских», многие именитые горожане «вместе с животами своими» были «по указу» переселены на московские земли, а на их месте появились переселенцы из коренных владений Великого Государя. Управляли городом теперь уже не местные бояре, но московский наместник и тиуны, приезжие из Москвы вершили суд, в Москву же посылали по Государеву указу ратных людей и всяческие подати...

Жизнь в городе замирала, и не только политическая, но и коммерческая, чем город всегда славился. У Московской Руси — а теперь бывший вольный город принадлежал ей окончательно — стали портиться отношения с ганзейскими городами. В 1492 году Великий Князь Иоанн III заложил на севере против Нарвы на высокой горе каменную крепость Ивангород, стоящую по сей день, чем сильно встревожил ливонских немцев. Те в ответ стали притеснять русских, в том числе и купцов, в Ревеле и других портовых городах. И как следствие, хуже стали относиться к ганзейским купцам на Руси и в Новгороде. Торговля с Ганзой стала здесь ослабевать, а через несколько лет и вовсе прекратится...

Более десяти лет, прошедших после падения вольности новгородской, видимо, показали наиболее энергичным людям, что здесь, на северо-западной окраине Великой Руси, делать им больше нечего. К тому времени была «приведена под руку Москвы» Пермская земля, полностью перешло к Москве Ростовское княжество, в 1489 году была покорена Вятка, в те же годы без боя присягнула Иоанну III осажденная им Тверь, в 1490-е годы князья Черниговские, Северские, Мезецкие и многие другие признали над собою власть Великого Князя Московского... Иоанн III Васильевич уже писался как «Божией милостию Государь Всея Руссии, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Югорский, Вятский, Пермский, Болгарский и прочая, и прочая, и прочая...». Москва, официально еще не объявленная Третьим Римом — это случится через три десятилетия, — фактически уже стала преемником двух великих православных столиц.

Положение дел в Новгороде и Москве обсуждалось, скорее всего, и на семейном совете Лопухиных. Если судить по последующему, единства среди них не было. Род разделился надвое — Алферьевичи были за отъезд в Москву, Матвеевичи хотели остаться в Новгороде.

Трудно сказать, как развивались события дальше, но, скорее всего, потомки Алферия Васильевича либо прямо били челом Великому Князю о Государевой службе, либо другим путем выясняли, как может быть воспринят их приезд в Москве. По-видимому, они получи-

ли какие-то заверения, потому что уже с середины 1494 года стали собираться в путь.

В анналах рода запечатлен год от Рождества Христова 1494-й. Именно тогда выехали в Москву шестеро Лопухиных с семьями, пожитками, запасами, с многочисленными домочадцами, которых в те времена ни один знатный человек не мог бросить на произвол судьбы. Забегая вперед, скажу, что недавно, в 1995 году, современные Лопухины торжественно отметили 500-летие возвращения рода в Москву, 500-летие служения Лопухиных Московским Великим Князьям и Царям, а затем и Всероссийским Императорам...

Потомки же Матвея Васильевича остались в Новгороде. Через год после отъезда родственников в Москву, в 1495 году, все шестеро новгородских Лопухиных числились там землевладельцами, испомещенными в Деревской пятине. Через полстолетия, в 1552 году, лишь трое их потомков значились владельцами поместий, «запустевших от мора». О дальнейшей судьбе потомков Матвея Васильевича Лопухина новгородские документы умалчивают, их следы затерялись.

История не сохранила описания переезда братьев Алферьевичей из Новгорода в Москву. Но благодаря записям в поколенной росписи мы можем поименно назвать мужчин Лопухиных, отправившихся в тот далекий путь. Это были бывший (возможно) посадник Яков Алферьевич, его братья Иван, Григорий, Тимофей, Игнатий и Григорий-меньшой Алферьевичи. Если учесть, что у каждого была семья, были «свои домашние люди» и немало скарба, можно представить, какой большой лопухинский обоз двинулся по первому зимнему пути из Новгорода в Первопрестольную столицу Руси. Ехали наверняка вместе — так было безопаснее, и, уж конечно, в начале зимы — это время наши предки всегда выбирали для больших переездов: на санях ездить легче и быстрее, и впереди еще вся зима, дороги не развезет...

Длинен и долог был их путь — более шестисот верст. Потомки московского боярина Сорокоума возвращались в Москву, где их в значительной степени ждала неизвестность...

Василий Осипович Ключевский рассказывал студентам, что сохранились свидетельства многих предсказаний падения Великого Новгорода. Одно из самых ярких связано с именем Христа ради юродивого Михаила Клопского, жившего в одном из монастырей близ города в первой половине пятнадцатого столетия. Когда в 1440 году у него побывал новгородский архиепископ Евфимий, преподобный, как видно из его жития, сказал владыке: «А сегодня радость большая на Москве... У Великого Князя родился сын, нареченный Иван,

разрушит он обычаи новгородские и принесет гибель нашему городу...» А еще через двадцать лет, перед кончиной своей блаженный Михаил скажет навестившему его князю: «Шлите скорее послов в Москву, добивайте челом Великому Князю за вины свои, а не то придет он на Новгород со всеми силами своими и выйдете вы против него, и не будет вам Божиего пособия, и побьет он многих, а еще больших в Москву сведет...»

А семейное предание Лопухиных сохранило легенду о том, что в тяжкие для Новгорода дни один из них пришел к ворожее, чтобы спросить, что ждет его род в будущем... Ворожея, глядя на тлеющие под сизым налетом пепла угли, сказала: «Не будет вас в Новгороде... Вижу вас под многими золотыми куполами... Большие люди, большие дела, большие тяготы, большая слава...»

Исполнились предсказания: не стало вольного Новгорода, выехал в златоглавую Первопрестольную клан Лопухиных. Их ждала Государева служба, Государевы милости и опалы — продолжение славной истории рода, которой и посвящена эта книга.

МОСКОВСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Лопухины в Москве XV—XVII веков

Можно лишь догадываться, как встретила Москва братьев Лопухиных. Мы не знаем, где они остановились по приезде, кому нанесли первые визиты... Но мы представляем себе, какой была сама Первопрестольная столица русская, когда более пятисот лет назад прибыли сюда недавние новгородцы.

К концу царствования Великого Государя Иоанна III Васильевича Москва, как свидетельствуют дошедшие до нас материалы, насчитывала около ста тысяч жителей, в ней было около 20 тысяч различных построек. Она была большим столичным городом. Лопухины застали окончание строительства мощной московской крепости — новых стен и башен Кремля, которые стоят до сих пор. Уже после их приезда достроили северную сторону стен, запрудили Неглинку и ее водою заполнили ров, прорытый вдоль западной части будущей Красной площади, превратив Кремль в неприступный остров.

Кремль называли тогда Городом, а вокруг него были бóльшие или меньшие посады. Главный и крупнейший Большой посад начинался сразу за Пожаром — так называлась тогда Красная площадь. Его еще только собирались обнести каменной стеною. Когда через несколько десятилетий повелением Царицы Елены, матери будущего грозного Царя Иоанна IV, это будет сделано, появится известный нам Китайгород, окруженный китайгородской стеной. Только что приехавшие из Новгорода Лопухины видеть его еще не могли.

Конечно, по приезде новоиспеченные москвичи по делам часто ходили в Город, где тогда бурлила государственная и общественная жизнь. Входили в него, скорее всего, со стороны Большого посада через толь-

ко что законченные строителем Петром Фрязиным Фроловские ворота, которые много позднее назовут Спасскими. Они не были похожи на те, что мы знаем теперь. На воротной башне еще не красовался в то время стрельчатый и легкий шатер (он появится лишь через столетия), она была массивной, прямоугольной и казалась тяжелой. Зато новичков поражали ее размеры, толщина кладки и очевидная неприступность — Кремль по европейским меркам того времени считался первоклассной крепостью.

За Фроловскими воротами в Городе начиналась узкая улица и по правой стороне ее — стена с воротами и постройки Вознесенского девичьего монастыря, основанного сто лет перед тем вдовою Великого Князя Дмитрия Донского Евдокией Дмитриевной. Здесь, после кончины супруга своего, она постриглась в монахини под именем Евфросинии, скончалась в 1407 году и была погребена. А по левой стороне улицы стояли дворы знатных москвичей — боярина князя Семена Ряполовского, боярина Григория Морозова, боярина Андрея Челяднина. Последний дом выходил воротами на еще деревянную церковь Николы Гостунского (каменную построят на этом месте только при Василии III Ивановиче), а далее по улице шли дворы князя Ивана Патрикеева и князя Ивана Сицкого.

На площади, которую сегодня называют Соборною, стояли Успенский и Благовещенский соборы — новенькие, сверкающие свежим камнем, только что законченные. Архангельский собор еще строился, только стены начинали подниматься, а Грановитая палата уже красовалась невиданной покраской стен... Первый каменный Государев двор в Кремле был еще не достроен... Рядом с громадами новых соборов казались маленькими храмы и палаты Чудова монастыря. Проходя мимо него, Лопухины, наверное, вспоминали знакомого им последнего владыку независимого Новгорода архиепископа Феофила. Он был взят Великим Государем под стражу за «измену к Литве», увезен в Москву и помещен в уединенной келии Чудова монастыря, где и скончался.

И все это — вся Москва, и соборы, и каменные палаты стояли тогда почерневшие от дыма и с попалинами на камнях, а многочисленные «порозжия места» указывали, где еще недавно высились деревянные хоромы. За год до приезда Лопухиных Москву дважды, с промежутком всего в три месяца, посетила большая беда — в 1493 году город страшно горел. Пожары вообще были бичом столицы Руси, но такие опустошительные, как те два, случались нечасто...

Сохранилось немного сведений о первых годах жизни и службы братьев Лопухиных и их ближайших потомков в Москве, но из-

вестно главное: все они состояли на Государевой службе. Это подтверждается тем, что за всеми ними были сохранены вотчины в Новгородской земле — не служа, землей тогда не мог владеть никто; жаловались им «за службу в кормление» и новые поместья, уже в землях Государя Московского — сведения об этом сохранились.

В первой половине шестнадцатого столетия особенных высот на службе Лопухины не достигали, все-таки они были «чужаками», да еще выехавшими из недавно мятежного Великого Новгорода. Однако можно считать бесспорным, что некоторые представители рода участвовали в первых походах Иоанна IV на Казань и Астрахань. Таким образом, в победу русского оружия, памятником которой стал знаменитый собор Покрова на Рву, или Василия Блаженного, внесли свой вклад и Лопухины. Несомненно, хоть мы не знаем никаких подробностей, участвовали они в победном Полоцком походе и в неудачных Ливонских войнах. Говоря о времени Грозного, отметим, что Лопухиных не было в опричнине — списки опричников сохранились. Это говорит в пользу наших героев. Более того, мы знаем, что некоторые Лопухины пострадали от опричнины. В документах Великого Новгорода сказано, что некоторые лопухинские поместья в новгородских землях «запустили от опричнины».

Внуки и правнуки братьев Алферьевичей, выехавших в Москву, занимали в обществе все более и более видное положение. Историки считают одним из важных источников сведений о служилых людях, о Государевом Дворе того времени так называемую «Тысячную книгу». В 1550 году Государь Иоанн IV велел составить особый список «дутшей тысячи» московских людей, которые были бы главной опорой Государя и которым надлежало дать дополнительные земли в кормление. В этой «Тысячной книге» оказалось записано несколько Лопухиных. Первым был Григорий Тимофеевич, сын известного нам Тимофея Алферьевича. Он был записан в 1555 году, вскоре после победного похода на Казань. Записали в «Тысячную книгу» внука посадника новгородского Никиту Васильевича Лопухина. Позже Никита Васильевич был на Москве стрелецким головою, а позднее — воеводою Владимирским и Боровским. Был он человеком заслуженным, лично известным при Дворе, а в 1584 году, сразу после вступления на престол Царя Федора Иоанновича, получил от молодого Государя прекрасную вотчину в Мещовском уезде Калужской губернии, как стали позже именовать эти места. Это было 450 четей земли с двумя деревнями и большим селом, где Никита

Васильевич и построил дом. Этот дом и эти земли служили Лопухиным родовым гнездом на протяжении многих поколений.

Не повезло сыну Никиты Васильевича — Дмитрию Никитичу. Он служил в стрельцах, из сотников был сделан стрелецким головою, но чем-то сильно не угодил боярину Борису Годунову — скорее всего, своей дружбой с Романовыми. Когда тот стал Царем, велел посадить Дмитрия Никитича в острог, где тот вскоре и был уморен. Сын же несчастного Дмитрия Никитича — Илларион Дмитриевич стал весьма крупным московским деятелем, но о нем речь еще впереди...

Еще один важный документальный источник сведений о ратных служилых людях шестнадцатого столетия — «Синодик по убиенным в брани», который был заведен Иоанном IV Грозным в 1548 году и велся много лет. И в этом «Синодике...» мы встречаем Лопухиных. Так, в записях за 1571 год против пометки «Торопчане убиты» читаем: «Федке Елизарову сыну Чихачеву, Володе Посадникову сыну Лопухину, Богдану Елизарову сыну Чихачеву, Ивану Афонасьеву сыну Вельяминову, Федке Васильеву сыну Вельяминову, Ивану Ондрееву сыну Кулешову — вечная память».

Рядом с представителями знатнейших московских родов Вельяминовых и Лихачевых Великий Государь повелел записать на вечное поминовение потомка новгородского посадника Владимира Лопухина — не сына его, конечно, но внука или даже правнука, павшего в битве под Москвой во время нашествия на столицу хана Девлет-Гирея. Да как ласково назвал — «Володя Посадников сын Лопухин»... Такая формула была тогда довольно распространена — «сыном боярским», например, называли не обязательно сына боярина, но служилого определенного ранга, у которого, может быть, и не было предков в столь высоком ранге...

«Тысячная книга», «Синодик по убиенным в брани»... Не правда ли — прикосновение к истории! Мы нередко жалуемся сейчас на трудное время, а ведь Лопухины, вернувшиеся через полтора века из Новгорода в Москву, застали здесь не просто трудное, но страшное, даже грозное время. К ним в полной мере можно отнести слова Григория из пушкинского «Бориса Годунова», обращенные к Пимену: «Ты воевал под башнями Казани, ты рать Литвы при Шуйском отражал, ты видел двор и роскошь Иоанна!»...

Все это видели дети, внуки и правнуки выехавших из Новгорода Лопухиных, и не только видели, но участвовали во всем этом, как действующие лица великой исторической драмы. Участвовали просто, скромно, без пафоса. Потому что все это называлось без громких слов Государевой службой!

Лопухины служили Московским Царям верою и правдою. Но они, как показывает история служения, не бывали личными слугами сильных мира сего, готовыми выполнить любой приказ хозяина... Потому, кстати, и не было их среди опричников, куда набирали, как известно, «лихих людей, готовых сделать все, что похочет Государь». Служили Лопухины и при Царе Иоанне Грозном, но служили не кровавым делам его, не прихотям, но Отечеству...

Интересен службою своею Ависс Иванович Лопухин, который в разных актах именуется еще «Трубицыным сыном». Отец его Иван Алферьевич по прозванию Трубица, младший брат предполагаемого новгородского посадника, известен нам лишь как новгородский помещик. Сыну же его, родившемуся уже в Москве, суждено было вернуться в Новгород в качестве московского чиновника, пусть и не крупного. В 1550-х годах Ависс Иванович служил в Поместном столе Новгородской съезжей или приказной избы, занимаясь делами пятин новгородских. Был он писцом, то есть третьим лицом в избе после дьяка и подьячего. Исследователь приказной службы в России XVI—XVII веков доктор исторических наук Н.Ф. Демидова считает, что «состав приказных изб в таких значительных городах Руси, как Киев или Новгород, комплектовался исключительно из доверенных москвичей». И писец тогда не был всего лишь переписчиком бумаг. Он был, как сказали бы теперь, присланным из центра чиновником. Позднее Ависс Иванович, видимо, возвратился в Москву, где женился на дочери дмитровского помещика Авдотье Катупиной и получил за ней вотчину под Дмитровом, которую после смерти жены передал во вклад в Троице-Сергиеву обитель на помин души покойной. Скончался Ависс Иванович около 1585 года, и его наследственным поместьем в Деревской пятине Новгорода стал владеть сын Павел Ависсович. В 1612 году этот последний числился к тому же владельцем еще 300 четей московской, вновь пожалованной за службу земли. Павел Ависсович, владевший новым поместьем в 1612 году, конечно, не мог оказаться в стороне от событий Смутного времени. Нет сомнения, что жил он в Москве и наверняка участвовал в некоторых из сражений того времени. Но сведений об этом не сохранилось. Зато нам точно известно, что другой Лопухин — Илларион Дмитриевич — был в знаменитом «Московском сидении», когда русскую столицу осадили польско-литовские войска. За мужество и храбрость во время этой осады ему была пожалована земля, и даже не «поместье в кормление», как бывало обычно, а вотчина, то есть наследуемое владение. Вообще, тема «Лопухины и Смутное время» еще ждет исследователя, в те

годы многие представители рода жили в Москве, и если внимательно изучить документы, без сомнения, можно найти новые свидетельства участия Лопухиных в борьбе за независимость Русского государства.

Вернемся, однако, к нашему рассказу. Приказная служба, как, например, служба в Новгородской приказной избе Ависса Ивановича, была тогда относительно редкой в роду Лопухиных. Большинство их предпочитали военное поприще. А основой московского войска в XVI—XVII веках были дворянская конница и пешие стрельцы — особые отряды и полки стрельцов, вооруженных огнестрельным и холодным оружием. Служить в стрельцах для горожан было выгодно и престижно. Рядовые набирались в эти полки, как говорили тогда, «по прибору» из горожан и окрестных крестьян, а стрелецкие начальники — из людей, служивших «по отечеству», то есть потомственных военных, дворян. Стрельцы были тогда наиболее профессиональной частью «московской силы», они постоянно занимались военным строем, стрельбой, и стрелецкие начальники — своего рода «офицерский корпус» средневековой Руси — ощущали себя неким кланом и сознавали собственную значимость.

Коль скоро большинство Лопухиных служили в стрелецких полках и все они без исключения входили в дворянское конное ополчение, думается, есть смысл подробнее рассказать о московской вооруженной силе. Мы перескажем здесь некоторые положения капитального труда историка профессора С.К. Богоявленского, который на рубеже XIX и XX веков много писал об истории вооруженных сил России.

В середине шестнадцатого—семнадцатом столетиях, а именно на это время приходился расцвет военной службы Лопухиных Русским Царям, в Москве бывало постоянно 35—40 тысяч вооруженных людей. Самую привилегированную часть представлял Государев полк. Он состоял из нескольких хорошо обученных конных сотен, в которых служили (каждые в своих сотнях) стольники, стряпчие и жильцы. Стольник, как известно, — это первый придворный чин, который жаловался Государем дворянам за заслуги перед Отечеством; стряпчий — это дворцовый служащий, «человек на виду», известный Государю; и, наконец, жилец — это «младший человек», «живущий на дворе Государя», из жильцов черпались резервы для пополнения и дворцовых служителей, и командиров среднего звена для войска. Государев полк охранял Царя, сопровождал его во всех поездках. В этом полку люди служили в очередь, примерно по полгода. В случае войны созывалось в Москве все дворянское ополче-

ние, и часто командирами подразделений его служили рядовые из сотен Государева полка.

Дворянская конница, особенно Государев полк, была хорошо вооружена и красиво одета. Например, сотня стольников Государева полка была одета в красные кафтаны с крыльями из орлиных перьев за плечами. Вот отзыв одного иностранца: «Цвет длинных одежд красного цвета был у всех одинаков; сидели они на белых конях, а к плечам их были прилажены крылья, поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках длинные пики, к концам которых было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся на ветру. Отряд казался ангельским. Кто не подивился бы на такое чудное зрелище, того я считал бы слепым...»

Другой иностранец свидетельствовал: «Если бы Великий Государь указал, то он мог бы, как говорят, устроить таких крылатых конных до тысяч тридцати или даже сорока, и такой конницы нет ни у одного христианского монарха, и она была бы страшна всякому неприятелю». А когда русский посол И.И. Чемаданов приехал с посольством во Флоренцию, он на вопрос Козимо Медичи о московском войске, ответил: «Их трудно сосчитать, аргомаки под ними резвы, да сабли у них острые, и на какое место ни приедут, никакие полки против них не стоят». Присутствующий на приеме посла флорентиец, бывавший в Москве, подтвердил Медичи, что «все это чистая правда».

Пешее войско — стрельцы. При Царе Иоанне IV Грозном в Москве было 12 тысяч стрельцов, разделенных сначала на приказы, а затем на полки. Были, как мы сейчас сказали бы, гвардейские, их называли стремениными, они шли в походы «у Государева стремени». Остальные — обычные стрелецкие полки. Командовал приказом стрелецкий голова, полком — стрелецкий полковник. Стрелецкие головы были подчинены непосредственно Стрелецкому приказу и по торжественным дням «сидели за столом у Великого Государя», получали большие «дворовые места» в городе и хорошие поместья, к тому же и большое денежное жалованье. Профессор Богоявленский пишет, что рядовые стрельцы получали в год 10 рублей да рожь, овес, соль и другие припасы, а стрелецкий голова — 200 рублей и припасы вдесятеро против стрельца.

«Стрелецкий голова, — пишет профессор Богоявленский, — был почти полным хозяином в своем приказе, он даже судил подчиненных стрельцов по всем их искам друг на друга и по уголовным делам, включая убийства и разбой. Голова мог посадить под арест, бить ботгами и кнутом. Голова сам раздавал стрельцам жалованье — по заслу-

гам, кому побольше, за усердие, кому поменьше, за промахи или малый еще стаж. Голова выдавал стрельцам оружие, проверял его сохранность, отвечал за то, чтобы «стрелец вел себя тихо, никакого дурна или воровства не чинил». Голова мог отпустить со службы, признать стрельца непригодным, а мог поступить и наоборот... Жаловаться на голову было бесполезно, как видно из документов, в подавляющем большинстве таких случаев виноватым оказывался сам стрелец, и с него взыскивали в пользу головы «за бесчестие».

Все головы были, конечно, из известных Царю родов. Обязательно из дворян были полуголовы и сотники. А десятники и пятидесятники выдвигались из рядовых стрельцов».

Мы уже упоминали нескольких Лопухиных, которые служили в стрельцах. Среди них бывали и полусотники, и сотники, и стрелецкие головы, а позже, в семнадцатом столетии, — и полковники, командовавшие стрелецкими полками.

Нет возможности да и не нужно называть всех мужчин интересующего нас рода, бывших стрелецкими начальниками. Имена их встречаются во многих документах. В свое время мне пришлось работать с ними, и некоторые имена я могу назвать.

На нынешней Знаменке, например, в конце правления первого Царя династии Романовых и в самом начале царствования Государя Алексея Михайловича стояла «Стрелецкая слобода в Абрамове приказе Лопухина» — стрелецкие полки первоначально называли приказами. Сохранились отчеты о постройке там «иждивением Абрама Лопухина» Стрелецкой приказной избы (своего рода штаб) и о возведении деревянной церкви во имя «Никола Чудотворца, что в Стрелецкой слободе Абрамова приказа Лопухина». Известно, что и церковь и приказную избу строил в 1648—1650 годах стрелецкий голова Авраам Никитич Лопухин, названный в документах Абрамом.

Немного позднее рядовой стрелец московский Иван Моисеев покупал у некоего Петра Акудинова его лавку в Тележном ряду. Купчая на лавку с датой сохранилась. В ней говорится: «Се аз Петр Акудинов продал есми стольника и полковника Петра Аврамовича Лопухина приказу стрельцу Ивану Моисееву в Тележном ряду место становое...» Это упоминание свидетельствует о том, что в 1672 году сын известного нам Авраама Никитича Петр Авраамович Лопухин был уже не только стрелецким полковником, но и Государевым стольником, то есть носил придворный чин.

Не раз встречались мне документы с «решительными пометками» думного дьяка Иллариона Дмитриевича Лопухина. Вот пример: причт церкви праведных Козьмы и Дамиана, что в Кадашеве, бил

челом Великому Государю Царю Алексею Михайловичу и благоверной Государыне Марии Ильиничне, чтобы повелели они вернуть землю при церкви, несправедно отнятую. Челобитную, как видно по бумагам, рассматривал «думный дьяк Ларион Лопухин» и вынес от имени Великого Государя решение: «Государь пожаловал, велел учинить приятный челобитчикам указ думному дворянину Прокопию Елизарову». Церкви было возвращено «место вдоль того 21 сажень без трети, попереч 16 сажень без получети и быть той земле у церковной земли бесповоротно»... Такие вот решения по челобитным Царю принимал Илларион Дмитриевич Лопухин, к которому мы в этом рассказе еще вернемся.

Благодаря церковным документам, например, мы знаем, где жили некоторые Лопухины. Московская писцовая книга за 1679 год сохранила запись обмера земли, состоявшей при церкви «каменной Живоначальная Троицы, что на Хохловке». Из нее следует, что при церкви «двор Троицкого попа Федора Карпова в меже с двором стольника Кузьмы Авраамова сына Лопухина», а «двор Троицкого дьячка Левки Анфилова в межах со двором думного дворянина Авраама Никитыча Лопухина». Оказывается, отец и сын жили рядом, в одном приходе. Когда ветхую церковь решили «переложить», деньги давали многие, в том числе отец и сын Лопухины. Но тогда эти средства не были использованы, новая церковь была заложена только в 1696 году, когда их здесь уже не было — Авраам Никитич скончался, а Кузьма Авраамович впал в немилость. Строительницей церкви стала дочь Авраама Никитича и сестра Кузьмы Авраамовича Евдокия Авраамовна, урожденная Лопухина, которая была замужем за окольным Ильей Ивановичем Чириковым. По сведениям, сообщенным в девятнадцатом столетии известным историком А.Ф. Малиновским, Евдокия Авраамовна, «сетуя безутешно о кончине дочери своей Неонилы, в цвете лет своих скончавшейся, заложила 1696 года апреля 1-го ныне видимый нам храм и на отстроение оного употребила изготовленное для замужества дочери приданое».

Вот какая трогательная история у церкви Живоначальной Троицы на Хохловке. Дед и дядя внесли денежный вклад в постройку храма, который стал как бы памятником их рано ушедшей внучке и племяннице. Колокольню пристроили уже в восемнадцатом столетии, а сам храм стоит и по сей день в Хохловском переулке (дом номер 12), названном так потому, что в этом месте поселились хохлы, приехавшие в Москву после воссоединения Украины с Россией.

Расскажем о некоторых Лопухиных того времени отдельно и немного подробнее, насколько позволят дошедшие до сего времени

документы. Но предварительно отметим, что XVII век стал временем чиновного и придворного взлета этого рода, который к тому времени уже прочно укрепился в верхнем слое московского общества.

Надобно заметить, что во времена Смуты на Москве незаметно произошла смена элит, которая завершилась, кажется, при втором Государе династии Романовых. Историк В.О. Ключевский писал об этом так: «При Царях Михаиле и Алексее нет уже ни князей Курбских, ни князей Холмских, скоро сойдут со сцены князья Мстиславские и Воротынские... Точно так же не заметно наверху фамилий нетитулованных, но принадлежавших к старинному московскому боярству: нет Тучковых, Челядниных, падают Сабуровы; на их место являются люди новых родов, о которых мало кто знал в XVI веке, — Стрешневы, Нарышкины, Милославские, Лопухины, Языковы, Толстые...»

Итак, несколько слов о выдающихся Лопухиных семнадцатого столетия. Начнем с Иллариона Дмитриевича и Леонтия Илларионовича Лопухиных, отца и сына, служивших Русским Царям на протяжении почти семидесяти лет. Отец, Илларион Дмитриевич, начал службу свою еще в Смутное время, при Царе Василии Ивановиче Шуйском, был жильцом с окладом жалованья в 400 четей земли и 10 рублей в год деньгами. Во время известной осады Москвы поляками и литовцами вел себя как мужественный и храбрый воин. Эти качества его были названы в Государевом указе о пожаловании ему «за осадное сидение» вотчины. Позже Царь Михаил Федорович пожаловал его московским дворянином и назначил стрелецким головою. Однако через несколько лет, обнаружив, видимо, в стрелецком начальнике дипломатические способности, Царь послал Иллариона Лопухина сначала как «атташе», а затем в 1630 году и послом в Венгрию, а позже и в Турцию. Надо думать, что посольства И.Д. Лопухина были успешными, потому что новый Царь Алексей Михайлович вообще перевел его в Посольский приказ и использовал для особо деликатных дипломатических поручений.

Тем временем начал службу Великим Государям и его сын Леонтий Илларионович. В 1640 году он — жилец на Государевом дворе, а в 1648 году — уже Государев стряпчий.

Вернемся, однако, к отцу, Иллариону Дмитриевичу, и отметим его роль в присоединении к России Украины. Еще за два с лишним года до этого торжественного акта, в 1651 году, дипломат Лопухин был направлен Царем «с его Государевыми дарами» к гетману Богдану Хмельницкому. Надо думать, что его посольство, как и мно-

гие другие в те времена, направлявшиеся к гетману, было удачным: через два с небольшим года, в январе 1654 года, были подписаны соглашения о присоединении Украины к России. Лопухин не был главным деятелем этого выдающегося события, но известно, что он, будучи в Москве, поддерживал постоянную переписку со вторым лицом малороссийской администрации генеральным писарем Выговским, в которой обсуждались детали будущего договора о воссоединении двух славянских народов под скипетром Романовых. Через Иллариона Лопухина Царь Алексей Михайлович посылал генеральному писарю Выговскому свои дары. Известно содержание одного из них: «Сорок соболей да три пары соболей добрых». Выговский благодарил Царя, и тоже посредством Лопухина: «Благодарю Господа Бога и Пречистую Богородицу, что такой Пресветлый Великий Государь меня, холопа своего, и все войско Запорожское пожаловал своим Царским неизреченным жалованием».

Илларион Дмитриевич, служа в Посольском приказе, разрабатывал статьи российско-украинского договора. Поэтому его послали и подписывать его. Вот как говорится об этом в шеститомной «Истории Москвы»: «1 октября 1653 года открылся Земский Собор в Грановитой палате Кремля, созванный Царем Алексеем Михайловичем для решения вопроса о присоединении Украины к России. Была читана «скаска о неправдах короля Польского» по отношению к Украине и челобитная гетмана Богдана Хмельницкого о принятии всего войска в подданство Великого Государя. Решение Собора: «Гетмана Богдана Хмельницкого и все войско Запорожское с городами и землями принять под высокую руку Царя всея Руси».

Тут же, в Грановитой палате, боярину В.В. Бутурлину, стольнику И.В. Алферьеву и думному дьяку Лариону Лопухину был объявлен Царский указ «чтобы ехать принимать гетмана Богдана Хмельницкого, и полковников, и писаря, и все войско Запорожское и привести к вере, также и в Киеве и в иных городах, которыми гетман и все войско Запорожское владеют, мещан и всяких жилаецких людей по тому привести к вере».

Заметим, что «привести к вере» означало принять присягу на верность.

Высокое Государево посольство отправилось. «В Малороссии уже знали, с чем едет Бутурлин с товарищами, и потому во всех городах встречали их с торжеством, духовенство — с крестами, мещане — с хлебом», — писал историк С.М. Соловьев.

В Переяславль московские послы прибыли 1 января, а 8-го на Великом войсковом круге было решено: Малая Россия идет «под

высокую руку» Великой России. В тот же день Бутурлин, Алферьев и Лопухин приняли от имени Великого Государя присягу в верности Русскому Царю гетмана Хмельницкого, генерального писаря Выговского, полковников, а на следующий день — сотников, есаулов, казаков, мещан...

Едва отшумели торжества по случаю присоединения Украины, как Иллариону Дмитриевичу Лопухину в составе Государевой свиты пришлось участвовать в походах Царя на Литву и Польшу. Он исполнял обязанности Царского советника по дипломатическим делам, а позже вел от имени Государя переговоры с Цесарским послом в Полоцке о мире и его условиях. Результатом этих и других переговоров в ходе той войны поляки возвратили России ее исконный город Смоленск.

Беспокойным был для Иллариона Дмитриевича и год 1658-й. В том году Патриарх Никон оставил свое патриаршее служение и удалился в построенный им Воскресенский монастырь на Истре. Не станем касаться здесь сути разногласий между ним и Царем Алексеем Михайловичем, скажем лишь, что Царь еще надеялся тогда на возвращение Патриарха в Москву и поддерживал с ним связь через личных своих послов. Первыми среди них стали князь Алексей Трубецкой и Илларион Лопухин, выбранные Государем за дипломатичность и умение терпеливо вести самые сложные беседы. Илларион Дмитриевич много раз ездил к Никону в качестве личного посланника Государя. Позже он передал эту миссию — разумеется, с согласия Государя Алексея Михайловича — своему родственнику Кузьме Авраамовичу Лопухину, о котором речь еще впереди.

Год 1658-й ознаменовался для Иллариона Дмитриевича еще одним волнующим событием: не без приключений он был назначен думным дьяком «у челобитных на Государево имя». Думный дьяк по челобитьям — высокая и по тем временам завидная для многих должность давала право принимать по челобитьям решения от Царского имени. Но положение Иллариона Дмитриевича к тому времени было более значительным по понятиям, существовавшим тогда в чиновных кругах, он был уже думным дворянином. С точки зрения господствовавшего тогда местничества, он мог тем самым «уронить» свой род. Лопухин был вынужден отказаться от Царского предложения — честь рода была превыше всего. Царь, хорошо зная способности и возможности опытного дипломата, все же просил его принять «невместную» дьяческую должность. Лопухин согласился, но с условием...

В Царском указе специально было написано: «чтобы впредь того в бесчестье и в упрек и в случай, что он в дьяках, его братье дворя-

ном и кто ему в версту, не ставить, потому что он взят из дворян в дьяки по его государеву имянному указу, а не его хотением». Такая оговорка исключала возможность «урона в месте», и Илларион Дмитриевич стал вершить дела именем Государя. Выше уже приводился пример справедливого и милостивого решения им спорного дела о церковной земле. Архивы сохранили множество и других челобитных русских людей на Высочайшее имя, на которых стоят «разрешительные резолюции» думного дьяка Лариона Лопухина».

Через какое-то время он получил повышение и как думный дворянин был назначен на высокую должность Второго судьи Приказа Казанского дворца. Это был один из важнейших, так называемых «больших» приказов и ведал управлением огромными территориями Среднего и Нижнего Поволжья до самой Астрахани, причем в каждом крупном городе была от Приказа своя Приказная изба. Занимался Приказ и назначением должностных лиц в местные управления, и сбором налогов в казну, и таможенными сборами, и купеческими делами, и многим другим.

К концу жизни Илларион Дмитриевич был весьма богатым человеком. Государь, которым он служил, пожаловали ему множество вотчин и поместий. Скончался И.Д. Лопухин в 1671 году, отпевал его Святейший Патриарх Иоасаф II, а на надгробном камне было высечено: «Скончался сей препочтенный, трудолюбивый и справедливый муж, верный Монарху слуга и патриот думный дворянин Илларион Дмитриевич Лопухин в 7179 (1671. — *Примеч. ред.*) году»...

Сын же его Леонтий Илларионович, которого мы оставили в 1648 году Государевым стряпчим, вскоре стал Царским стольником. Так же, как отец, ездил он в Малороссию для принятия под высокую руку Государеву «Белгородского полку полковников и ясаулов», также участвовал в составе Государевой свиты в походах Царя Алексея Михайловича на Литву и Польшу, бывал в сражениях за Смоленск, Вильну, Брест. За эти труды получил от Государя Именным указом «многие вотчины». А через семь лет после смерти отца своего, в 1678 году, Леонтий Илларионович занял такую же, как он, должность — стал Вторым судьей Земского приказа. Скончался он в 1687 году, оставив безутешную вдову Наталью Осиповну, дочь стольника Ладыженского.

...Мы так подробно рассказали об этих чиновных отце и сыне для того, чтобы подчеркнуть: задолго не только до свадьбы девицы Авдотьи Лопухиной и Царя Петра Алексеевича, но даже до рождения будущей Царской невесты и ее Августейшего жениха, Лопухины прочно утвердились в верхнем слое иерархического общества

Русского государства, были хорошо известны Всероссийским Самодержцам.

Историки считают, что Царица Наталья Кирилловна, урожденная Нарышкина, выбрала для своего сына Петра невесту из дома Лопухиных из-за их давней дружбы к Нарышкиным и привязанности к ним. Видимо, это верно. Но добавим, что, оказавшись после кончины Царя Федора Алексеевича лицом к лицу с жесткой соперницей в борьбе за власть с правящей Царевною Софией Алексеевной, Царица Наталья Кирилловна рассчитывала на новых родственников и как на серьезную опору в этом противостоянии. Клан Лопухиных, который насчитывал тогда несколько десятков мужчин, многие из которых занимали важные государственные посты, в том числе и во влиятельном стрелецком войске, мог стать и стал для этой Государыни и ее сына надежной опорой. Это подтвердили события тревожных лет детства и юности Царя Петра, когда Лопухины неизменно выступали на его стороне.

...Но вернемся к положению интересующего нас рода в русском обществе и государстве до свадьбы Царя Петра Алексеевича и девицы Авдотьи Лопухиной. Свидетельства близости тех или иных родов к престолу и принадлежности их к высшему слою общества часто фиксируются не только делами, чинами, должностями и званиями мужчин. Бывают и другие, не менее красноречивые свидетельства.

В Дворцовых книгах середины семнадцатого столетия, где записывались все расходы Царского Двора до последней копейки, сохранилась, например, запись, из которой видно, что первая супруга Царя Алексея Михайловича Царица Мария Ильинична, урожденная Милославская, «пожаловала девке Ографене Лопухиной серьги с жемчуги, камень вареники — те серьги куплены в серебряном ряду от торгового человека за рубль 16 алтын и 4 деньги».

Запись эта требует некоторых пояснений. Вареником называли в старину на Руси красноватый аметист, а полтора рубля (алтын равен трем копейкам) были тогда немалыми деньгами — годовое денежное содержание жильца на Государевом Дворе или городского дворянина составляло 8—10 рублей. В родословной росписи рода Лопухиных за интересующий нас период мы не нашли имени Ографены или Аграфены. Возможно, это была одна из дочерей боярина Авраама Никитича — в росписи она указана без имени, указано лишь имя ее мужа — Иван Есипов. Однако это всего лишь предположение. Но нас не должно смущать отсутствие имени в росписи — в родословные списки бывали записаны, конечно, далеко не все женщины, имена многих из них навсегда потерялись в

глубинах истории. Но сомневаться в подлинности записи в Дворцовой расходной книге не приходится, так же как и несостоятелен был бы поиск каких-то других Лопухиных. Доподлинно известно, что единственные Лопухины, действовавшие тогда на российской исторической арене, были потомками выходцев из Новгорода. Иными словами, является фактом, что Царица Мария Ильинична достаточно хорошо знала «девку Ографену Лопухину» и высоко ценила ее, если сделала такой дорогой подарок. Возможно, впрочем, что это был и знак внимания Царской семьи к отцу девицы. Если им был, как можно предположить, Авраам Никитич Лопухин, то, развивая нашу мысль, скажем, что этот государственный деятель был пожалован боярством, то есть получил высшее на Руси того времени достоинство, также задолго до свадьбы Царя Петра и юной Авдотьи.

Коль скоро мы упомянули Авраама Никитича, расскажем о нем несколько подробнее. Это был один из видных представителей рода в допетровской Руси. Сын уже известного нам по страницам этого очерка Никиты Васильевича, который одним из первых был записан в московскую «Тысячную книгу», Авраам Никитич родился в Москве, видимо, вскоре после воцарения Государя Михаила Федоровича. Этот же Царь, первый из династии Романовых, сделал его московским дворянином, а в последний год своего правления — и воеводой в Лихвине.

К тому времени значение воеводской должности заметно изменилось. Это был уже не просто глава местной военной силы, отвечавший за ее боеготовность, а присланный из Москвы администратор, которому подчинялись все местные власти, за исключением духовной. Жалованья от Государя воевода не получал, зато имел право «кормиться» от местных доходов. Каждый воевода имел письменный «наказ» от Царя, который предписывал ему управлять воеводством «как пригоже, смотря по тамошнему делу, как Бог вразумил».

Лихвинского воеводу Авраама Никитича Бог, видимо, вразумлял хорошо. На многих воевод поступали бесчисленные жалобы, на Лопухина, надо полагать, их почти не было, потому что, благополучно пройдя «искушение воеводством», он уже через два года был снова переведен в Москву и назначен стрелецким головою.

Уже говорилось как-то о том, что почти все Лопухины, за малым исключением, прошли в молодые годы через стрелецкую службу. Даже виднейшие вельможи этого рода в молодости были стрельцами. Видимо, это было семейной традицией, которая сыграла определенную роль в судьбе рода.

Стрелецким начальником А.Н. Лопухин был с 1648-го по 1655 год. Несколькими страницами выше мы уже цитировали старинные московские документы, где упоминался «Стрелецкий Абрамов приказ Лопухина». Это и был полк Авраама Никитича, который тогда назывался еще не полком, а приказом. На долю этого полка выпало деятельное участие в кампаниях Царя Алексея Михайловича против Польши в 1654-м и 1655 годах, которые ознаменовались возвращением Москве Смоленского края, завоеванием Белой Руси и части Литовского государства. Когда в конце этой войны поляки, желая взять хотя бы частичный реванш, осадили Могилев, его гарнизон, куда входили два стрелецких полка — Авраама Лопухина и Логина Оничкова, — устоял, не сдал город, а позже и со славою прогнал от его стен врага.

Результаты этой кампании, как свидетельствуют историки, сделали честь Русскому государству, порадовали сердце Царя Алексея Михайловича, но привели к почти полному опустошению Государевой казны. Перед государством стала новая задача: удержать мир и закрепить за Русью присоединенные вооруженною рукою земли. А для этого нужны были уже не стрельцы с их храбрыми начальниками, но умелые дипломаты.

Стоит отметить, что царствование Государя Алексея Михайловича стало временем бурного развития внешних связей Русского государства. Как писал В.О. Ключевский, «в государстве Царя Алексея приезд иностранного посольства становится привычным явлением в Москве. Московские послы ездят ко всевозможным европейским дворам, даже к испанскому и тосканскому. Впервые московская дипломатия выходит на столь широкое поприще...». Не Царю ли Алексею Михайловичу, кстати сказать, должна бы принадлежать слава Государя, «прорубившего окно в Европу»?..

В период становления московской дипломатии Авраам Никитич Лопухин переходит на службу в Посольский приказ. Одновременно, не прерывая надолго службы в Посольском приказе, он выполняет отдельные и весьма ответственные поручения. Когда в Путивле понадобилось создать новый стрелецкий полк, туда для этого послали именно его, уже в чине полковника. Участвовал он и в разного рода церемониях широкого и даже государственного значения. Весьма пышным бывало, например, «действие шествия Святейшего Патриарха на осяти в Иерусалим» на Вербное воскресенье. Оно заключалось в том, что сам Царь вел под уздцы ослика, на котором Патриарх ехал из Кремля в собор Покрова на рву, который символизировал Святой город. В этом действе бывало занято множество

людей, и такое участие было весьма почетно. Сподобился такой чести в 1662 году и Авраам Никитич. В праздничной росписи обязанностей читаем, что он «по указу Великого Государя после действия ходил за образы к Предтече вместе с окольным Данилой Степановичем Велико-Гагиным».

Случилось так, что почти в те же самые дни в Москве находилось Великое Посольство Цесарского Величества, как называли тогда Императора Священной Римской Империи германской нации Леопольда I. К столь важному посольству были приставлены видные русские дипломаты, главным из них был Авраам Никитич Лопухин. С посольством в Москву прибыли два художника, Сторн и Пюман, которые по поручению посла барона Августина фон Мейерберга постоянно делали зарисовки. Запечатлели они на бумаге и момент торжественного приема Цесарского посла Московским Царем Алексеем Михайловичем в кремлевской палате 24 апреля 1662 года. Все рисунки были снабжены подробными подписями, поэтому мы знаем, что по правую руку от Государя на этом приеме стоял «канцлер Авраам Никитич Лопухин», как было записано в посольских бумагах.

Так Авраам Никитич стал первым Лопухиным, портретная зарисовка которого была сделана и сохранилась до наших дней. Этот рисунок, напечатанный в отчете Посольства еще в семнадцатом столетии, мы публикуем в этой книге.

К тому времени, о котором мы говорим, Лопухины обросли в Москве обширными связями. И не только в Москве. Сказалось и то, что многие мужчины этой фамилии бывали крупными людьми в приказах и воеводствах, то есть управляли от имени Государя территориями. Это сделало их в значительной степени «своими» в высших кругах государственной администрации. А благодаря службе в стрелецких полках они наверняка были знакомы с военными начальниками. Наконец, Лопухины ко второй половине семнадцатого столетия были весьма крупными землевладельцами. Почти у всех, помимо поместий, которые считались тогда жалованьем за службу, были и вотчины, пожалованные им Государями в вечное и наследственное владение, не считая, конечно, древних новгородских лопухинских вотчин. Отсюда несомненны и поземельные связи с соседями. Впрочем, не только соседство по земле помогает сближению, но и соседство в городе.

Мы знаем, например, что несколько семей Лопухиных жили в Москве совсем близко от семьи стрелецких начальников Глебовых. Молодежь, естественно, была знакома между собой, а может быть, и не только молодежь. Случилось так, что это знакомство сыграло свою

роль в судьбе одного из Глебовых и в судьбе Царицы Евдокии Федоровны — подробнее об этом в главе «Последняя Русская Царица» в этой книге.

И еще одно соседство сказалось, видимо, на судьбах рода — дворы нескольких Лопухиных были на Хохловке, за Ильинскими воротами Белого города, о чем мы уже упоминали. А совсем недалеко, стоит только перейти Покровку, на месте дома, что стоит сейчас на углу нынешних Армянского и Сверчкова переулков, высился дворец боярина Артамона Сергеевича Матвеева — крупнейшего и богатейшего вельможи своего времени, у которого воспитывалась его родственница девица Наталья Кирилловна Нарышкина. Именно здесь Царь Алексей Михайлович и увидел впервые свою будущую вторую жену и мать Царя Петра... Один из знатных иностранцев Яков Рейтенфельс свидетельствует в своих записках, что из всех боярских домов тогдашней Москвы «пальма первенства вполне заслуженно принадлежит изящнейшему дворцу боярина Артамона Сергеевича». В нем часто проходили переговоры с иностранными послами, устраивались приемы... Словом, это было одним из мест, где «делалась» московская внешняя политика.

А о том, как состоялось знакомство Царя Алексея Михайловича с его будущей супругой красочно рассказал знаменитый наш историк М.П. Погодин в 1872 году на заседании Московского археологического общества: *«...Царь посетил однажды Матвеева и остался ужинать по-семейному. Жена его с молодой приемной дочерью явилась в столовую. Красавица поднесла по обычаю с поклоном Царю перед ужином чару зелена вина на серебряном блюде. В верхней сорочке из шелковой ткани яркого цвета, вышанной по швам мелким жемчугом, с длинными рукавами кисейными, вышитыми на плечах и у запястьев золотом, подпоясанная кушаком шемаханским, с распущенной по плечам длинной, роскошной косой, она была, верно, загляденьем, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Вдовец увидел ее неожиданно... и сердце у него защемило. За ужином он разбеселился, вступил в разговор с нею, услышал ее голос сладкий, приветливый, получил ответы разумные и на прощанье сказал хозяевам, что сам найдет жениха для их воспитанницы...»*

А вскоре была и свадьба. Поскольку Авраам Никитич Лопухин в 50—60-х годах служил в Посольском приказе и выполнял дипломатические поручения, соблазнительно предположить, что он бывал во дворце боярина Артамона Матвеева и по делам, а позже, возможно, и на правах соседа. Нельзя исключить, что сорока-пятидесятилетний дипломат встречал здесь девочку, а затем и барышню Наталью,

которую однажды увидел и Царь. Во всяком случае, такое предположение вполне объясняет многие из последующих событий...

В 1671 году Государь всея Руси Алексей Михайлович, оплакав скончавшуюся Царицу Марию Ильиничну, женился вторично. Царской невестой стала Наталья Кирилловна Нарышкина. И в день свадьбы в Государевом Кремлевском дворце сидел на почетном гостевом месте московский дворянин Авраам Никитич Лопухин. Весьма высокая честь! Конечно, он был лично известен Государю, выполнял его поручения, его знали при Дворе. И все же не оставляет мысль, что этого было недостаточно, чтобы стать почетным гостем на Царской свадьбе. Я лично убежден, что Авраам Никитич был знаком с Натальей Кирилловной и прежде и именно по ее просьбе Лопухина пригласили на семейное Царское торжество.

Прошло совсем немного времени, и Авраам Никитич был назначен дворецким новой Великой Государыни всея Руси. Уж такое назначение ничем, кроме давнего знакомства, не объяснишь. В 1672 году Авраам Никитич был пожалован думным дворянином и уже в этом качестве в день Святого крещения Царевича Петра Алексеевича снова «сидел у Царицы Натальи Кирилловны за поставцом», иными словами, исполнял весьма почетную церемониальную обязанность на торжестве крещения Царевича.

Через четыре года Царь пожаловал Аврааму Никитичу боярство и поручил управление Приказом Большого двора. Это была важная должность, ибо приказ этот отвечал за снабжение Государева Двора всеми необходимыми продуктами, а также ведал Царскими музыкантами.

Не потерял Авраам Никитич Лопухин своего веса и значения и после воцарения Государя Федора Алексеевича. Он, к примеру, участвовал в знаменитом Соборе, который уничтожил местничество, и был среди тех, кто поставил свою подпись под соборным актом, которым «зловредное местничество» было признано несуществующим.

Остаток дней своих боярин Авраам Никитич Лопухин посвятил Господу. За несколько лет до смерти он удалился в Троице-Сергиев монастырь, где был пострижен в монахи, а позже под именем Александра принял и схиму. Скончался схимник Александр в Троице-Сергиевом монастыре 2 августа 1685 года и там же был погребен. Случилось это за четыре года до того, как Царица Наталья Кирилловна назвала его внуку, девицу Авдотью Лопухину, невестой своего сына.

На протяжении XVI и XVII веков в Московском государстве жили и действовали в общей сложности более ста мужчин из рода Лопу-

хиных. Мы уже рассказывали здесь более или менее пространно или хотя бы упоминали примерно о двадцати из них, наиболее заметных и примечательных. Однако Великим Государям служили и остальные. Но обо всех не расскажешь, к тому же о некоторых сохранилось очень мало сведений.

Например, в 1637 году в одной из военных кампаний Царя Михаила Федоровича был убит в бою Василий Федорович Лопухин, который владел 350 четями земли в Новгороде и 260 четями — в Туле... Московский дворянин Иван Дмитриевич Лопухин, помещик в Ростове Великом, выполнял в 1652 году важное поручение — вместе с другими дворянами переносил из Соловецкого монастыря в Москву мощи святого чудотворца митрополита Филиппа, за что получил от Государя жалованье в 20 рублей деньгами и 100 четей земли... Дипломат Иван Харитонович Лопухин Большой был в 50—60-х годах семнадцатого столетия посланником по особым поручениям Посольского приказа, а позже стал стольником молодого Царя Петра... Московский дворянин Лука Васильевич Лопухин был в 70-х годах того же века воеводой в Ядрине, владел поместьями в Нижнем Новгороде и Муроме... Иван Васильевич Лопухин воеводствовал в Козьмодемьянске близ Казани, потом стал Государевым стряпчим, владел наследственными вотчинами в Новгородской земле, которые были за Лопухиными с древних времен...

Многих еще можно перечислить, но, наверное, есть смысл перейти к событиям последних лет XVII века, когда Лопухины стали самым влиятельным кланом Московского государства, когда женитьба Царя Петра Алексеевича на Авдотье Лопухиной вывела весь этот род на самую вершину знатности и власти.

В так называемом «Беляевском летописце», впервые изданном лишь в 90-х годах XX века, содержатся краткие конспективные записи обо всех важных событиях государственной жизни России за много лет. Записи эти, напоминающие лаконичностью пометки в камер-фурьерском журнале, были обнаружены в девятнадцатом столетии историком И.Д. Беляевым и названы его именем, поскольку авторы рукописи неизвестны. Вот в этом «Летописце» и есть запись, которая стала переломной для истории рода Лопухиных:

«О браке государском. Того же году (1689. — *Примеч. ред.*) иануария против 28 числа Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья Руси совокупися законным браком, поя девицу избранную, дочь Феодора Авраамовича Лопухина Евдокию Феодоровну».

Вскоре после этой свадьбы за весьма короткое время стали боярами, то есть получили высшее на Руси достоинство и одновременно самые высокие должности, сразу шесть братьев Лопухиных: отец новой Царицы Илларион Авраамович, которому дали новое имя Федор — по семейной святыне Романовых Федоровской иконе Божией Матери; его старшие братья Петр Авраамович Большой и Петр Авраамович Меньшой, и младшие Кузьма Авраамович, Василий Авраамович и Сергей Авраамович Лопухины.

В русской истории, кажется, не было другого примера столь многочисленного и одновременного прихода в боярство представителей одной семьи. Поистине, эпоха Лопухиных настала в Москве, что, разумеется, не могло понравиться другим представителям сановой элиты. Интриги начались сразу же, но привели к печальному для Лопухиных результату лишь через несколько лет. Годы же с 1690-го по 1695-й в истории России можно с полным основанием назвать лопухинскими...

Отец молодой Русской Царицы Федор Авраамович Лопухин (будем называть его новым именем) родился в 1638 году в семье Авраама Никитича, о котором мы подробно говорили выше. Если дед молодой Царицы принадлежал к поколению отцов Царицы Натальи Кирилловны, то Федор Авраамович — уже к поколению матери Петра Алексеевича и был, скорее всего, знаком ей еще по годам девичества, проведенным во дворце ее воспитателя боярина и дипломата Артамона Сергеевича Матвеева. В этот дворец, как мы писали ранее, наверняка был вхож дед Царицы Евдокии, бывал там, надо думать, и ее отец. Государеву службу Федор Авраамович начал стряпчим, затем по семейной традиции стал стрелецким головою, а затем и полковником. В 1669 году тридцати лет он был пожалован стольником Царя Алексея Михайловича. В начале 80-х годов будущий Царский тесть служил воеводою в Верхотурье — далеко, но весьма важным для России городе на Среднем Урале, где зарождалось тогда отечественное горнорудное и металлургическое производство. По возвращении был пожалован Царем Федором Алексеевичем в окольничии. Это было высокое придворное звание, оно означало, что носитель его находится «около» Государя. Когда Авдотья Илларионовна Лопухина была наречена Царской невестой, ее отец стал боярином, а когда она стала Царицей Евдокией Федоровной, он получил достоинство ближнего боярина. Более высоких должностей на Руси не было...

Старший брат Царицына отца Петр Авраамович Большой по прозвищу Лапка, родившийся в 1630 году, был ко времени замужества племянницы уже пожилым шестидесятилетним человеком. Как и

другие Лопухины, он бывал стряпчим, стрелецким начальником, в свите Царя Алексея Михайловича участвовал в военных походах на Польшу и Литву, за храбрость был пожалован многими вотчинами. В 1670 году он возглавлял Астраханский стрелецкий полк, но против воровской банды Стеньки Разина действовал неудачно и покинул город перед самым вступлением в него воровской вольницы. Однако неудача не была поставлена ему в вину и в укор, в 1672 году Петр Авраамович Большой по прозвищу Лапка стал стольником Царя Алексея Михайловича и был назначен главным воеводою в походе на Курск, возле которого вдруг появились поляки. В 1682 году Петра Авраамовича обвинила в подстрекательстве стрелецкого бунта, хорошо известного в истории, и сослала в Кольский острог. Но до места ссылки он так и не доехал: стрельцы вступились за любимого начальника, и он был возвращен с дороги и уехал в свои ярославские поместья. Но, видимо, скоро вернулся в Москву, потому что во время мятежа князей Хованских осенью того же года он во главе своего родного стрелецкого полка первым встал на защиту Царей Ивана и Петра Алексеевичей и сопровождал их в известных переездах из села Коломенское в Воздвиженское и Троице-Сергиев монастырь. Сорвав известную «Хованщину», Петр Авраамович Именным Государевым указом «за мужество, верную службу и усердное рачение» снова был пожалован богатыми вотчинами. В 1689 году после объявления племянницы Царской невестой был пожалован окольничим и во время заговора против Царя Петра снова первым пришел на помощь со своим полком ему и своей племяннице Царице Евдокии. Вскоре после этого был пожалован боярином. Будучи весьма богатым человеком, поставил в те годы в Москве богатую городскую усадьбу, которой дивились современники. Частичка ее сохранилась до сего дня в Старосадском переулке.

Был Петр Авраамович Большой хлебосол и гостеприимен, его дом — полная чаша всегда был полон людей. Среди гостей бывали не только представители высшей русской знати, но и видные иностранцы, которых в тогдашней Москве было много. Сохранился дневник известного по истории петровского времени генерала Патрика Гордона, где он аккуратно перечисляет аристократические дома Москвы, где он бывал один или с другими иноземцами. Видное место среди них занимает дом Петра Авраамовича Лопухина Большого в нынешнем Старосадском переулке.

Второй по старшинству брат — Петр Авраамович Меньшой также немало послужил Великим Государям Московским. Был стольником Царя Алексея Михайловича, в этом придворном звании стал

стрелецким головою, а затем и полковником. Как знаток военного строя, в 1678—1680 годах возглавлял Рейтарский приказ, который занимался организацией конных полков нового строя, получивших позже названия драгунских и вытеснивших в конце концов из русского войска иррегулярную дворянскую конницу. После известного стрелецкого бунта он, как и старший брат его, был сослан в Сибирь, но так же, как и тот, был возвращен с дороги по требованию стрельцов, и даже не просто возвращен, но и восстановлен в прежней должности — великая сила были тогда стрельцы! В 1688 году Петр Авраамович Меньшой был пожалован в окольных, в 1690-м, после свадьбы племянницы, возведен в боярское достоинство, назначен начальником Приказа Большого двorca и дворцового Судного приказа...

Теперь — о трех младших дядьях молодой Царицы Евдокии. Кузьма Авраамович начал службу при Дворе Алексея Михайловича — Государевым стряпчим. Выполнял деликатные поручения. Известно, в частности, что Царь посылал его в Ферапонтов монастырь к опальному Патриарху Никону для переговоров. Заметим, кстати, что это весьма доверительное поручение давалось в разное время и другим Лопухиным — отцу новой Царицы Федору Авраамовичу и думному дьяку Иллариону Дмитриевичу... Был Кузьма Авраамович и стрелецким полковником, как другие, и получил от Государя за верную службу несколько поместий. В 1689 году он стал окольным, а в 1691 году — боярином...

Василий Авраамович Лопухин родился в 1646 году, но службу начал тоже еще при Царе Алексее Михайловиче, был стряпчим, пожалован в стольники. Тридцати лет стал стрелецким головою. В тридцать семь лет он уже полковник и получает «за верную службу в это смутное время» немалое земельное пожалование. В 1689 году стал окольным и главою Приказа Казанского двorca. В 1691 году Василий Авраамович пожалован боярством...

И, наконец, самый младший из дядьев молодой Царицы — Сергей Авраамович. Как и другие, он служил при Дворе. Был личным стольником Царя Ивана Алексеевича, затем — спальником Царя Петра Алексеевича. Сергей Авраамович — один из немногих Лопухиных, избежавший почти обязательной для них стрелецкой службы. Боярским достоинством пожалован последним из братьев — в 1692 году...

...Так по заслугам, подтвердив свое право на высокое звание делами и успехами в служебных делах, пришли в начале 1690-х годов в боярство шестеро братьев Лопухиных. Они представляли собою мощ-

ную силу и участвовали практически во всех государственных делах. Хотя номинально Царем был тогда молодой Петр, бразды правления были в руках Царицы Натальи Кирилловны. Между нею и сыном было как бы негласное соглашение: Царь до поры не вмешивался в управление государственными делами, Царица не мешала его «воинским забавам».

Впрочем, забавами воинские игры Царя Петра в 90-е годы уже никак нельзя было назвать. Напомним хотя бы об одной такой «забаве» — об известном Кожуховском походе. Осенью 1694 года Царь Петр Алексеевич устроил под Москвой крупное воинское учение. Возле села Кожухово был специально построен укрепленный городок, который обороняли «поляки», наступали на него, конечно, русские. Интересно, что «поляки» были представлены стрелецкими полками численностью до 8 тысяч человек, а русские — солдатскими полками нового строя и дворянской конницей. К участию в этой «потехе» Царь привлек всех знатных людей, разделив их на два лагеря. «Ходили в Кожухово» и четверо Лопухиных.

Сохранились интереснейшие «Записки» современника — окольного Ивана Афанасьевича Желябужского, которые содержат весьма красочное описание того, как стороны отправлялись на эту «войну»: «...сентября в 23 день, в воскресенье, в 5 часу дни Иван Бутурлин, а звание ему было польский король, поехал из Москвы в обоз под Кожухов. И ехал он, князь Иван Иванович, в уборе в немецком и платье с ратными людьми... А перед ним, Иваном Ивановичем, шла пехота, шесть приказов стрелецких..., а за теми стрелецкими полками шла конница всех приказов, а у них были ротмистры немцы. А за ними ехали стольники и есаулы, а за ними ехали в немецком платье ратные люди: дворовый воевода князь Андрей Иванович Голицын, Петр Абрамович Большой Лопухин, Федор Абрамович, Василий Абрамович, Сергей Абрамович Лопухины, Василий Федорович Нарышкин и окольные...»

Можно представить себе, как внушительно выглядело это шествие... Чтобы закончить о Кожуховском походе, скажем, что многодневное «сражение» показало неоспоримое превосходство солдатских полков нового строя по сравнению со стрелецкими полками. После кожуховского дела Царь Петр Алексеевич начал серьезную реорганизацию русской армии.

Чтобы закончить рассказ о Лопухиных в Москве семнадцатого столетия, остается поведать, чем и как завершилась «лопухинская эпоха» 1690-х годов. Вне сомнения, все эти годы зависть делала свое дело, и интриги, направленные на отстранение Лопухиных от выс-

ших в государстве должностей, продолжались. Царь Петр, видимо, все больше и больше склонялся к этим наветам, тем более что на ту же мельницу лило воду ухудшение отношений в Царской семье. При жизни матери своей Царь Петр не решался порвать с женою. Но после кончины Царицы Натальи Кирилловны в 1694 году он резко переменялся к Царице Евдокии, и это сразу же сказалось на его отношении к родственникам Царицы, хоть их деятельность и не давала для этого никаких поводов. Тогда Царь стал искать этот повод, и нашел его.

Первой среди Лопухиных жертвой Царской неприязни стал боярин Петр Авраамович Большой. В документах не зафиксирована точная формулировка обвинения против него, известно лишь, что на него «бил челом» весьма могущественный человек боярин Лев Кириллович Нарышкин, брат матери Царя Петра, возглавлявший тогда Посольский приказ. Царь, несмотря на многие услуги, оказанные ему в свое время Петром Авраамовичем, лично пытал оговоренного, да с таким пристрастием, что боярин не выдержал... Упоминание об этом есть в тех же подневных «Записках» Желябужского: «Генваря в 24 день (1695 года. — Примеч. ред.) на Потешном дворце пытан боярин Петр Авраамович Лопухин, прозвище Лапка, по обвинению во государственном и великом деле и генваря в 25 день в ночи умер».

Такая же участь, но несколько позднее, постигла второго из братьев — Петра Авраамовича Меньшого. На него пожаловались Царю крестьяне, приписанные к Архангельскому собору Кремля. Они утверждали, что «боярин Лопухин убивает до смерти крестьян, а суда на него нет». Нам трудно сказать, насколько обоснованным было такое обвинение и было ли проведено какое-нибудь дознание, но Царь Петр, поверив, приказал «привести боярина в Константиновский застенок». В делах секретного Преображенского приказа за 1697 год сохранились «пытошные листы», в которых говорится, что, будучи поднят на дыбу и истязаем, Петр Авраамович говорил о Царе, что «он сын еретический, от антихриста зачался, извел у нас боярина Голицына, да боярина Неплюева, да дядю своего боярина Петра Абрамыча Лопухина сам пытал, поливал двойным вином и зажег». Эти слова относятся, видимо, к пыткам скончавшегося два года назад боярина Петра Авраамовича Лапки. И Петр Авраамович Меньшой, как старший брат его, скончался во время царского «пытошного дознания».

В том же году, когда открылся заговор видных стрельцких начальников Соковнина, Циклера и Пушкина, в участии в нем Петр заподозрил и остальных дядьев Царицы Евдокии Федоровны. Однако на

них никто не показал, вины их обнаружено не было, но Царь все же решил наложить на них опалу, удалив из Москвы, и назначил воеводами в дальние города. И об этом есть интересные строки в «Записках» Желябужского:

«В нынешнем 205 (1697. — Примеч. ред.) году марта в 6 да в 9 числах по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Руси и по боярскому приговору воры и изменники и крестопреступники: окольник Алексей Соковнин, думный дворянин Ивашка Циклер, стольник Федька Пушкин, стрельцы Васька Филинов, Федька Рожин, донской казак Петрушка Лукьянов — по розыску казнены смертию, а воровство их и крестопреступство явилось...»

И в то же время к казни из могилы выкопан мертвый Иван Михайлович Милославский и привезен в Преображенское на свиньях. И гроб его поставлен был у плах изменничьих, и как головы им секли — и руду (кровь. — Примеч. ред.) точили в гроб на него, Ивана Милославского...»

И марта в 8 день на стенной караул в Верх или комнатные стольники пешим строем, переменяли с караулов полковников; также и по всем воротам стояли Преображенские и Семеновские солдаты.

Марта в 10 день изволил Государь пойти за море, а Москва приказана ближнему стольнику князю Федору Юрьевичу Ромодановскому.

И марта в день... (пропуск даты. — Примеч. ред.) по указу Великого Государя, Царя и Великого Князя Петра Алексеевича всея Великия, Малыя и Белья Руси велено послать в розные города Лопухиных: боярина Федора Аврамовича на Тотьму; Василья Аврамовича в Саранск; Сергея Аврамовича — в Вязьму...

А в ночи, часу в пятом ночи... было на Москве на небу явление: сошла в полуденной стороне звезда с хвостом...»

...Так явлением зловещей кометы закончилась славная, а вместе и трагическая эпопея Лопухиных, длившаяся почти восемь лет. Дальнейшая судьба супружества Царя Петра Алексеевича и Царицы Евдокии Федоровны известна, знаем мы и о печальной судьбе этой Государыни, которой в этой книге посвящена целая глава...

Отец Царицы Евдокии Федор Авраамович позже вернулся из Тотьмы, но в Москве уже не жил, целиком отдавшись управлению своими вотчинами, строительству храмов и основанию монастырей. В документах 1705 года он показан среди бояр, которые живут в своих деревнях. Вернулись из почетной ссылки и другие братья, но

в государственных делах тоже не участвовали. Поместья Лопухиных были отобраны, но их родовые вотчины остались во владении рода, что сохранило Лопухиных среди крупнейших русских землевладельцев, а это, в свою очередь, стало залогом их довольно скорого возвращения в государственную и общественную жизнь.

Не надо думать, однако, что разгромом 1695—1698 годов гонения на род Лопухиных закончились — эта фамилия дорого заплатила за свою близость к российскому престолу. Позже были новые опалы, и пытки, и казни, и не только со стороны Царя Петра Алексеевича, но и во время царствования его дочери Императрицы Елизаветы Петровны. Но речь об этом пойдет позднее. Здесь же мы ограничимся хронологическими рамками пятнадцатого—семнадцатого столетий, как и было указано в названии главы.

НА СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

История рода с 1700-го по 1914 год

Российская Империя была провозглашена, как известно, в 1721 году, но и первые годы восемнадцатого столетия в России можно присоединить к имперским, ибо именно в это время тяжкими ударами Царя Петра Алексеевича ковались основы Империи. Первая четверть XVIII века была временем непростым и нелегким, когда на месте прежней Московской Руси дорожной ценою создавалась великая держава, которая позже, когда забудутся связанные с ее рождением жертвы и тяготы, безоговорочно станет предметом гордости русских.

Среди многочисленных строителей и оберегателей этой Империи с первых же ее дней был и древний род Лопухиных. Заняв свое место в высшем слое русского общества еще в предыдущем столетии, в XVIII век Лопухины вступили под знаком недавних опал и жестоких казней со стороны верховной власти. Об этих гонениях уже говорилось в конце предыдущей главы. Но справедливости ради надо заметить, что опалы со стороны Царя Петра коснулись в то время лишь старших членов рода и лишь тех его ветвей, которые были самой близкой родней низложенной Царицы. Многие же Лопухины, принадлежавшие к другим ветвям, и те, кто был помоложе и, видимо, не вызывал каких-либо опасений у власти, продолжали и при Царе Петре государеву службу, вместе с ним созидали основы Империи.

Боярин Петр Авраамович Большой по прозванию Лапка, например, был поднят на дыбу самим Царем и так усердно пытан, что на следующий день скончался. А его старший сын Иван Петрович Лопухин служил в Петровской гвардии, стал полковником и пережил самого Царя Петра. Второй сын Петра Авраамовича Большого

Александр Петрович Лопухин служил по статскому ведомству и тоже весьма успешно. Он был одним из первых больших статских генералов — действительных тайных советников (2-й класс) по только что введенной тогда Царем Петром Табели о рангах. А их родная сестра, дочь замученного боярина, Татьяна Петровна стала, как утверждает один из исторических источников, второй супругой первого российского графа и фельдмаршала знаменитого Бориса Петровича Шереметева...

Авраам Федорович Лопухин, младший брат опальной Царицы, не подвергался явным гонениям в первые десятилетия царствования Петра. Царь послал его за границу учиться морскому делу вместе с молодыми людьми знатнейших фамилий России. По возвращении он успешно служил, хоть и не на флоте — к любимым Петром кораблям его не допустили. Конец же брата Царицы был страшен. Мученичество его приходится на позднее время Петрова царствования. Авраам Федорович, несмотря на строгие запреты, поддерживал связь со своей сестрой Царицей Евдокией Федоровной, близок он был и к своему племяннику Царевичу Алексею.

О том, что брат бывшей Царицы переписывается с нею, Царь, видимо, не знал, но о том, что он проводит много времени с Царевичем, ему было известно. О «зловредности» разговоров дяди и племянника Царю Петру донесли еще в 1708 году, но он оставил донос без последствий — то ли счел дело мелким, недостойным внимания, то ли было недосуг, война с Карлом XII Шведским была в разгаре, и Полтавская баталия еще предстояла. Положение стало меняться, когда в 1716 году Царевич Алексей бежал из России к Австрийскому Цесарю. За ним было наряжено посольство во главе с Петром Андреевичем Толстым, и наивный Царевич попался в расставленные отцом сети. Когда Толстой привез несчастного в Россию, началось следствие, которое выявило среди других и роль Авраама Федоровича в побеге наследника престола: он знал о нем, но не донес... Известно стало и об участии этого Лопухина в группе недовольных политическим курсом Царя Петра Алексеевича. В 1718 году Авраама Федоровича несколько раз пытали, а осенью Правительствующий Сенат объявил и приговор — смертная казнь колесованием... Совершилась она 8 декабря 1718 года в Санкт-Петербурге, новой молодой столице России, которой едва исполнилось тогда пятнадцать лет. Отрубленную голову Царицына младшего брата насадили на длинный железный прут, позаимствованный для этого случая в Адмиралтействе, и выставили ее для всеобщего обозрения на многолюдной площади Съестного рынка. А изломанное тело было оставлено на позорном колесе,

где оно еще несколько месяцев наводило ужас на петербуржцев, как напоминание о том, что ждет Царских слушников и Государевых злодеев.

Тогда, в связи с «делом Царевича», пострадал не один Авраам Федорович. Взяли под стражу и подвергли «пытошному дознанию» его сестру княгиню Анастасию Федоровну Троекурову, урожденную Лопухину. Был сослан в Кольский острог Степан Иванович Лопухин. Не пощадил Царь Петр и бывшую жену свою — сведенная с престола Царица была привезена в Москву из монастыря и тоже была мучена в «преображенской пытошной избе». Много людей, сочувствующих опальной Царице и несчастному Царевичу, пострадало в то время...

Отвлечемся немного, чтобы отметить любопытное явление, которое свидетельствует о пришедшей к роду Лопухиных поединной популярности. В восемнадцатом столетии возникает лопухинская мифология. О них заговорили в народе, и разного рода источники донесли до нас образцы «лопухинского фольклора».

Вспомним, как рождаются легенды. Героями их становятся, как правило, исторические фигуры, судьбы которых необычны. Гибель в Угличе малолетнего сына Царя Иоанна IV Грозного породила мифы о его чудесном спасении, а сами мифы обернулись для России трагедией Смуты, связанной с именами Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Убийство Императора Петра III в Ропше породило миф о якобы спасшемся Государе, который стал «мужицким царем Петром Федоровичем». На поверку он оказался беглым казаком Емелькой Пугачевым...

Мифы, связанные с именами некоторых Лопухиных, к счастью, не имели для России печальных последствий, но они любопытны и как свидетельства популярности рода, и как показатель народного представления о справедливости, о том, каким должен и каким не должен быть Русский Государь.

Вот, например, как преломилась в народной фантазии страшная казнь Царицына брата Авраама Федоровича Лопухина. Эта легенда, возможно, так и утонула бы в толще других не записанных народных сказаний, если бы не известный всем Александр Дюма-отец. В середине девятнадцатого столетия он по приглашению нескольких русских вельмож посетил Россию, путешествовал по ее городам и оставил «Путевые впечатления. В России». В начале третьего тома этих интересных записок несколько страниц посвящено его пребыванию в Троице-Сергиевой лавре под Москвой. Дюма пишет, с каким нетерпением ждал он на постоялом дворе момента, когда можно будет отправиться в знаменитый монастырь:

«Я был готов войти в монастырь, как только отворят ворота. Спор на историческую тему, который я вел накануне за чаем с Нарышкиным (попутчик А. Дюма по этой поездке. — *Примеч. ред.*), подстегивал мое любопытство. Я утверждал, что у входа в Успенский собор, слева, находится надгробная плита в шесть футов длиной, распиленная на уровне пятого фута с той стороны, где должна находиться голова покойника.

Это связано с легендой о Петре Великом, которую при мне рассказывали моему старому другу господину де Вильнев.

Итак, я поспешно вступил под сводчатые ворота и по красивой аллее, усаженной деревьями, дошел до собора, окруженного решетчатой оградой монастырского кладбища. Сделав четыре-пять шагов внутри ограды, я испустил радостный крик. Моя плита была тут, распиленная на уровне пятого фута, и хотя я плохо разбираю русские буквы, но, сопоставляя их с греческими, на которые они очень похожи, прочитал на плите имя Авраама Лопухина.

Я помчался объявить Нарышкину о своем триумфе. Он еще спал. Пришлось его разбудить. Это было ему наказанием. А вот и сама легенда.

Мы уже рассказывали о заговоре Евдокии Алексеевны Лопухиной в пользу ее сына Алексея. Мы говорили, что в этот заговор вступил влюбленный в нее боярин Глебов. И, наконец, мы рассказали, как он был посажен на кол на эшафоте, по трем углам которого на плахах были выставлены головы его сообщников.

На четвертой, пустой плахе стояло имя Авраама Лопухина, ускользнувшего от гнева Царя, который, несмотря на самые усердные розыски, не смог его схватить. Авраам Лопухин укрылся в Троицком монастыре, постригся в монахи и умер своею смертью три или четыре года спустя. Его похоронили на монастырском кладбище.

Петр I, не знавший при жизни Лопухина, что тот удалился в монастырь, услышал о его смерти от самого настоятеля, который, упоная на почтении Петра к монастырю, надеялся избежать кары. Первая мысль Царя была — выкопать труп и обезглавить его, но, вняв просьбе настоятеля, умолявшего не совершать подобного святотатства, Царь ограничился тем, что приказал распилить надгробную плиту на уровне головы. Не имея возможности обезглавить труп, он обезглавил накрывший его камень. В этой казни есть что-то одновременно от законника и от дикаря».

Сведения Александра Дюма-отца во многом неточны: Русскую Царицу звали Евдокией Федоровной, а не Алексеевной, ни в каких заговорах в пользу своего сына она не участвовала и т. д. Но дело

не в этом, фактические неточности в народных легендах неизбежны, дело в сути мифа. Как и во всех других, герой каким-то образом избегает верной гибели, остается в живых, и справедливость торжествует. Мифическое же решение Царя Петра «обезглавить» могильную плиту говорит о том, каким видел этого Государя народ: мстительным, карающим даже за гробовой доской...

Приведу, к слову, еще одну легенду, связанную с Лопухиными и также относящуюся по времени действия к первой половине восемнадцатого столетия. Это — большая народная песня «Пострижение Царицы», записанная от стариков в Нижегородской губернии:

У нас в Москве нездорьво —
В большой колокол звонят заунывно,
Заунывно и печально:
Государь Царь на Царицу прогневался,
Высылает Царь Царицу из Москвы вон —
И в тот ли монастырь во Покровской.
Как возговорит Царица Евдокия:
«Где мои конюхи молодые!
Вы закладываете коней вороных,
Вы поедете Москвою — не спешите,
Вы московских людей не смешите,
Что и может Государь Царь умилиться,
Не прикажет ли мне воротиться».

Однако Царь не воротил Царицу с дороги...
Приеждяла Государыня в Суздааль,
Что и в тот ли монастырь во Покровский,
И встречает Государыню игуменья с сестрами...
Надевают на Царицу черное платье,
Черное платье печальное,
Да и вскоре Государыню постригли,
Нарекли ей имя Евфросинья.
А после Государь Царь умилился,
Он приехал в монастырь во Покровский,
Чтоб Царица воротилась...
И встречает его игуменья с сестрами:
«Я прошу тебя, Государь, воротиться,
Что твоя та ли Царица постриглась,
Нарекли ей имя Евфросинья».
Что и тут ли Государь Царь заплакал,
И поехал в Москву он печальный.

Песня эта была сложена по свежим следам небывалого для Руси события — Царь Петр насильно постриг в монахини Царицу Евдокию, мать Наследника престола. Этот шокирующий и сегодня факт, видимо, произвел столь сильное впечатление в народе, что в его среде родилась своя версия, мифическая. Обнаружены исторические

документы, подтверждающие, что эта песня действительно ровесница событий, что ее пели в петровское время, что власти запрещали ее, дабы не была опорочена Царская фамилия, и даже наказывали певцов. Об этом можно узнать из книги «Русская историческая песня», вышедшей в 1990 году в малой серии «Библиотеки поэта». Впрочем, еще ранее, в 70-х годах, в Москве была выпущена пластинка с записью этой песни.

Отметим любопытный момент: народ, всегда стремящийся к торжеству правды и справедливости, не мог смириться с таким Царем, каким показывали его реальные события. В этой исторической легенде народ создал тот образ Царя, который был ему близок и понятен — Царя если уж и гневливого, то отходчивого, если и совершившего несправедливость, то исправляющего ее... Реальный Царь Петр Алексеевич не был таким, ни разу не пожалел он об участи своей бывшей супруги. Но именно идеальный, выдуманный Царь Петр останется в памяти народной, когда забудется настоящий, страшный...

Вернемся, однако, к нашему рассказу. Уже говорилось, что многие Лопухины успешно служили и при Царе Петре Алексеевиче. Вот еще примеры. Степан Иванович Лопухин был назначен Царем из гвардии ландратом во Псков, это воеводская должность. Там он не только руководил городом, но и обеспечивал снабжение армии и флота продуктами на позднем этапе Северной войны. Однако был арестован по делу Царевича Алексея и сослан навечно в Кольский острог. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Успешно шагал при Царе Петре по служебной лестнице двоюродный брат Царицы Евдокии Федоровны Степан Васильевич Лопухин. Родился он около 1685 года, после недолгого домашнего обучения поступил в Школу математических и навигацких наук — первое в России военно-морское учебное заведение. После ее окончания в 1708 году был направлен для продолжения образования в Лондон. Целых девять лет провел он за границей, совершенствуясь во флотском деле, плавая для практики на голландском и английском флотах, и даже ходил в Вест-Индию. Возвратившись в 1717 году в Россию, Степан Васильевич был произведен в лейтенанты флота, а через год, в то самое время, когда его двоюродный брат Авраам Федорович был по велению Царя колесован, одним из первых русских моряков получил в самостоятельное командование военный корабль — шняву «Наталья» — и крейсировал с нею у прусских берегов. Еще через год Степан Васильевич сражался со шведами в составе отряда тогда еще капитана Наума Сенявина. В последние годы царствования Петра Алексеевича он был произведен в капитан-лейтенанты и назначен

командиром фрегата «Стен-Феникс». Весьма успешная карьера, особенно при Царе, который ревностно и со знанием дела следил за службой флотских офицеров!

Продолжил Степан Васильевич восхождение в чинах и званиях при Императрице Екатерине I, и при Петре II, и при Государыне Анне Иоанновне. За это время он успел побывать и дипломатом — чрезвычайным посланником в Швеции, и высоким воинским начальником — морским генерал-кригс-комиссаром, стал вице-адмиралом и камергером и даже был назначен Архангельским губернатором.

Но на этом карьера его прервалась. Адмирал Лопухин стал одним из главных героев печально известного в русской истории XVIII века «Лопухинского дела», которое было сфабриковано сторонниками Императрицы Елизаветы Петровны. Лопухины не были виновны в том, в чем их обвинили, их просто оболгали. А дочь Царя Петра, которая вслед за отцом недолюбливала Лопухиных, поверила наветам... Это был последний в истории интересующего нас рода случай сознательных гонений на Лопухиных... Подробно об этой печальной истории говорится в главе «Лопухинское дело».

...Листая страницы родословной росписи Лопухиных за первую половину и середину восемнадцатого столетия, постоянно встречаешь слова: «поручик гвардии», «вышел в отставку в чине прапорщика, затем продолжил службу подпоручиком», «полковник», «поручик, затем секунд-майор», «капитан гвардии», «служил ротмистром в драгунах»... Очевидно, что если Лопухины семнадцатого столетия служили в стрелецких полках и приказах, то их потомки в восемнадцатом чаще всего выбирали гвардию или армию. То, что называют «военной жилкой», видимо, преобладало в генах рода. Например, Андриян Иванович Лопухин, сын воеводы Царя Федора Алексеевича в Козьмодемьянске, был при Петре Алексеевиче секунд-майором лейб-гвардии Преображенского полка и возглавлял первую русскую экспедицию в Персию, а при Императрице Елизавете стал генерал-майором. В те же времена жил и служил Владимир Иванович Лопухин, сын петровского полковника. Он был на военной службе в общей сложности восемьдесят лет и присягал шести Русским Государям — удивительный пример служебного долголетия. Его карьера стоит того, чтобы коротко рассказать о ней.

Владимир Иванович родился в 1705 году и вступил в действительную военную службу морским кадетом в 1717 году, а уже в 1723-м был штурманом эскадры. При Императоре Петре II он командовал сухопутным отрядом, который помог утвердиться на престоле Польскому королю Августу II. При Императрице Анне Иоанновне Вла-

димир Иванович воевал под командованием известного принца Евгения Савойского вместе с имперским войском, помогая ему. При Императрице Елизавете Петровне Лопухин стал уже генерал-майором и Киевским генерал-губернатором, а Император Петр III направил его с войском в помощь Прусскому Королю Фридриху II. Отставка последовала при Императрице Екатерине II, а скончался генерал-лейтенант Владимир Иванович Лопухин в самом конце ее царствования, будучи девяносто двух лет от роду.

Особый разговор — о судьбе двух братьев, сыновей несчастного Царицына брата Авраама Федоровича, который был колесован в 1718 году и стал героем народной легенды. Старший, Федор Авраамович, с молодых лет служил при Государевом Дворе по гражданской части, при Императрице Анне Иоанновне стал действительным статским советником — статским генералом, был женат на графине Вере Борисовне, дочери фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Во время коронации Государыни Елизаветы Петровны был обер-церемониймейстером. Позже стал тайным советником (3-й класс по Табели о рангах) и кавалером ордена Святой Анны I степени. Это он владел подмосковным Ясенево, построил там великолепную усадьбу, остатки которой сохранились до сего дня, и церковь во имя первоверховных Апостолов Петра и Павла.

Младший брат его, Василий Авраамович, был, в отличие от старшего, военным, сражался в трех больших войнах — против Турции, Швеции и Пруссии. Последняя была эпизодом широко известной в истории Семилетней войны. Начав службу кадетом, он закончил ее генерал-аншефом. Возможно, Василий Авраамович и остался бы в истории рода всего лишь одним из 16 генералов Лопухиных, если бы не последнее в его жизни сражение. После целого ряда побед прусской армии над войсками союзников 19 августа 1757 года при деревне Гросс-Егерсдорф произошло решающее сражение русской армии, во главе с фельдмаршалом С.Ф. Апраксиным, с прусской. Левым флангом русских войск командовал генерал-аншеф Лопухин. Именно на него легла главная тяжесть битвы. Левый фланг заставил неприятеля бежать, увлекая за собой остальных. Прусская армия была разбита, и дорога в Пруссию — открыта. Уже в следующем году русские войска заняли прусские земли, а еще через год вошли в Берлин. Но генерал Лопухин уже не присутствовал при этом триумфе. Он скончался от ран, полученных в ходе Гросс-Егерсдорфского сражения. Фельдмаршал Апраксин доносил Государыне Елизавете Петровне, что последние слова его были: «Теперь умираю спокойно, отдав мой долг Всемилостивейшей Государыне».

Подвиг генерала не забыт по сей день. Имя Василия Авраамовича Лопухина упоминается не только в военно-исторических трудах, но даже в современном «Военном энциклопедическом словаре», изданном десяток лет назад, а народные песни о храбром генерале пели в русской армии еще во время Отечественной войны 1812 года.

...И здесь мы снова должны возвратиться к народным, на этот раз к солдатским песням, которые их безымянные авторы посвящают обычно важнейшим боям и народным любимцам. Известны солдатские песни о Бородинском сражении, об изгнании французов из России, о Суворове, Кутузове, Румянцеве, Багратионе, Раевском, Макарове и т. д. Из советских — о Жукове. К этой плеяде солдатский фольклор присоединил Семилетнюю войну и генерала Василия Лопухина.

Песни о генерале Лопухине (их несколько) рассказывают об историческом Гросс-Егерсдорфском сражении. В них часто повторяется один и тот же мотив, видимо запомнившийся войскам...

На лужку было, лужку,
Стоит армия в кружку,
Лопухин ездит в полку,
Курит трубку табаку...

Одна из песен рассказывает о гибели генерала. Начинается она патетически:

Не пыль во поле пылит,
Не дубравушка шумит —
Король с армией валит.
При долине на лугу
Лопухин гулял в полку,
Курил трубку табаку...

Далее разворачивается действие:

Таки речи говорит:
«Починайте-ка, робята,
Вы со правого крыла!»
Наши зачали палить,
Только сажица валит.
Они билися, рубилися
Четырнадцать часов.
На пятнадцатом часу
Стали силу разбирать.
Лопухин лежит убит...

В другой песне так перечисляются потери русских:

Стали силу разбирать,
Стали полковничков считать.
И нашли таких убитых
Полковничков до семи,
Генералов до восьми,
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли...

Учитывая, что с обеих сторон в этой битве участвовало 80 тысяч человек, что она продолжалась с раннего утра до позднего вечера и что общие потери составили десятки тысяч человек, цифры потерь, приведенные в песнях, видимо, следует считать просто удобными для рифмования...

...Но продолжим рассказ о роде Лопухиных. Мы уже использовали прием показа семейных цепочек — отцов и их сыновей, продолжим его и скажем о сыновьях того заслуженного генерала Владимира Ивановича Лопухина, который верой и правдой служил шести Русским Государям.

Старший сын его, Петр Владимирович, пошел по стопам отца, служил в лейб-гвардии Семеновском полку и дослужился до капитанского чина. Поскольку гвардейские чины на две ступени опережали армейские, то в 1785 году Государыня Екатерина Великая перевела Петра Владимировича в действующую армию, произведя его в бригадиры — тогда это был младший из генеральских чинов. Петр Владимирович участвовал в войне с Турцией и, как написано в Именном указе на его имя Государыни, «поступал, как честному, послушному и искусному офицеру надлежит». Скончался он бездетным в 1805 году за несколько месяцев до несчастного Аустерлицкого сражения, так и не узнав о поражении русской армии.

О его младшем брате Иване Владимировиче Лопухине следует сказать особо. Этот яркий представитель рода стал первым в послепетровское время Лопухиным — крупным государственным и общественным деятелем европейского масштаба. Иван Владимирович был оригинальным мыслителем, едва ли не крупнейшим в свое время русским масоном, видным его теоретиком, Великим Мастером нескольких масонских лож и автором множества произведений, большинство которых переиздается и в наши дни. Кроме того, И.В. Лопухин был крупным судебным деятелем, инициатором нескольких законов, смягчавших наказания, служил в Судебном департаменте Правительствующего Сената и какое-то время был статс-секретарем Императора Павла Петровича. Он был действительным тайным со-

ветником (II класс по Табели о рангах) и сенатором. Желая более подробно узнать об Иване Владимировиче отсылаю к очерку «Рыцарь ордена Златорозового креста», публикуемому в этой книге, а также к его сочинениям. Издательство «Наука» в 80-е и 90-е годы XX века не раз выпускало в разных сериях интересные «Записки сенатора И.В. Лопухина», а совсем недавно издательство «Алетейя» выпустило в свет его основные масонские труды: «Искатель премудрости, или Духовный рыцарь», «Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов» и «Некоторые черты о внутренней церкви».

К этой фактической канве жизни Ивана Владимировича Лопухина добавлю следующее: некоторые исследователи духовной и культурной жизни России его времени, указывая на явную связь автора «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева с масонскими кругами, где столь видную роль играл Лопухин, усматривали влияния взглядов русских масонов на мировоззрение Радищева и даже на идейную основу его знаменитой разоблачительной книги. Не все согласны с этим, но переписка русских масонов того времени позволяет сделать вывод, что без такого влияния не обошлось. Известный историк культуры профессор Ю.М. Лотман цитирует в одной из своих работ Пушкина: «Радищев попал в общество масонов» и «таинственность их бесед воспламенила его воображение». А когда на Радищева обрушились гнев и кары Императрицы Екатерины II, В.И. Лопухин писал масону А.М. Кутузову: «Здесь... вообще участниками Радищева почитали всех нас, так называемых каких-то мартинистов». Во всяком случае, вскоре после опалы на Радищева были разгромлены и масонские ложи в Москве. И.В. Лопухин не был тогда арестован и выслан только, как заметила Государыня, из уважения к его заслуженному и престарелому отцу, который жил вместе с Иваном Владимировичем.

Любопытно и другое предположение ученых — многие считают, что весьма близок к лопухинскому масонскому кружку был и Николай Михайлович Карамзин. Приехав в Москву из Симбирска, он почти сразу же поселился в доме масонского «Дружеского общества» в нынешнем Кривоколенном переулке близ Мясницкой. Дом этот до сих пор стоит, и историки Москвы неизменно называют его «Масонским домом». Конечно, адрес — лишь один из многих доводов в пользу любопытного предположения. Некоторые идут еще дальше и утверждают, что и знаменитые «Письма русского путешественника» Карамзин написал, вернувшись из большой заграничной поездки, куда московские масоны отправили его на свой счет для ознакомления с европейскими ложами. Надо сказать, что некоторые опубликованные

письма И.В. Лопухина дают основания считать, что все было именно так. Если это верно, то масонам и лично Ивану Владимировичу Лопухину русская литература обязана одной из лучших своих книг. Впрочем, ни в коем случае не следует делать из Лопухина какого-то вдохновителя ниспровергателей и революционеров. Он был убежденным консерватором, вольнодумцем, но последовательным монархистом. В 1791 году, в разгар парижских революционных безумств, Иван Владимирович писал уже упоминавшемуся Кутузову: «Что же это, братец, делается во Франции? Гнев Божий!»

Надобно заметить, что Иван Владимирович Лопухин был одним из крупнейших просветителей своего времени. Вместе с известным Н.И. Новиковым он основал в Москве «Типографическую компанию». Это была самая крупная в те годы типография в Первопрестольной столице. За восемь лет существования она выпустила в свет 267 названий самых разных книг — и русских, и зарубежных в переводах, и учебников. Именно в этой типографии, кстати, были впервые напечатаны на русском языке сочинения Вольтера...

...Современником Ивана Владимировича был Степан Авраамович Лопухин, принадлежавший к другой ветви рода. Он был младшим сыном несчастного Авраама Степановича, который незаслуженно пострадал в начале царствования Императрицы Елизаветы Петровны (см. очерк «Лопухинское дело» в этой книге). Тому не было и девяти лет, когда на эшафоте в Петербурге били кнутом и урезали языки его отцу, матери и старшему брату. Воспитали его родные, он исправно служил при матушке Екатерине, хоть и не достиг особенных высот. Зато сын его Степан Авраамович в 1797 году в 28 лет получил от Государя Павла Петровича придворный чин егермейстера, который соответствовал тогда III классу по Табели о рангах и был равен генерал-лейтенанту в военной и тайному советнику в статской службе. Вскоре он женился на замечательной красавице Марии Ивановне, дочери генерал-майора графа Ивана Андреевича Толстого. Юной графине Толстой, в замужестве Лопухиной, было всего восемнадцать лет, но она была старшим ребенком в семье. Ее младшим братом был впоследствии скандально известный граф Федор Иванович Толстой по прозвищу Американец, великосветский карточный шулер и бретер, которому Пушкин посвятил несколько едких эпиграмм. А внуком еще одного младшего брата красавицы Марии Ивановны Лопухиной стал знаменитый наш поэт граф Алексей Константинович Толстой.

Что до самой Марии Ивановны, то она, возможно, сама того не сознавая, вписала имя Лопухиных в историю русской живописи.

Вскоре после замужества ее портрет по заказу Степана Авраамовича написал знаменитый портретист Владимир Лукич Боровиковский. Позже этот портрет купил для своей галереи П.М. Третьяков, и он вошел в хрестоматийные собрания лучших русских портретов. Нынешние искусствоведы считают портрет Марии Ивановны Лопухиной «лучшим, самым поэтичным дамским портретом в России» и «высшим достижением сентиментализма в русской живописи».

Знаменитому портрету, который вошел в каталоги мировой живописной иконографии, поэты посвятили немало стихов. Известен «Экспромт к портрету Лопухиной» Якова Полонского:

Она давно прошла — и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет, что молча выражали
Страданье — тень любви, и мысли — тень печали...
Но красоту ее Боровиковский спас...

Так, на рубеже XVIII и XIX веков Лопухины заняли свое место в истории русского искусства. В новом столетии этот процесс продолжится — достаточно упомянуть хотя бы портрет светлейшего князя Павла Петровича Лопухина, написанный великим Карлом Брюлловым...

На рубеже столетий — новый чиновный взлет рода. Интересно, что наиболее яркие представители Лопухиных этого периода не военные, но статские сановники, хоть и отдавшие в молодости дань гвардейской службе.

Самым крупным из «больших Лопухиных» того времени, самым чиновным и самым облаканным вниманием Императоров был светлейший князь Петр Васильевич Лопухин. И ему посвящена в этой книге пространная глава. Выдающиеся способности, скорее даже — таланты этого Лопухина были по достоинству оценены сначала матушкой Екатериной, затем ее сыном Императором Павлом Петровичем, затем сыном последнего Императором Александром Павловичем и, наконец, его младшим братом Императором Николаем I. Каждый из этих Государей поручал Петру Васильевичу ответственные дела, назначал на все более высокие должности. Вершины своей карьеры, став во главе правительства, П.В. Лопухин достиг при Императоре Александре I. Это, кстати, совершенно опровергает завистливые суждения некоторых его современников, которые пытались объяснить карьеру Петра Васильевича лишь тем, что Император Павел Петрович был влюблен в его дочь Анну. Служба светлейшего князя при преемниках Павла I опровергает подобные измышления.

Но сын Великой Екатерины действительно был серьезно влюблен в дочь светлейшего князя. И сам этот факт также был подвергнут серьезному анализу исследователями русской духовной культуры рубежа восемнадцатого и девятнадцатого столетий. Они проводили исторические параллели и находили примеры столь же рыцарского поклонения прекрасной даме, какой стала для Императора Павла I Анна Петровна Лопухина.

В своем обширном исследовании, посвященном Н.М. Карамзину, тот же профессор Ю.М. Лотман пишет о долголетней и нежной дружбе будущего историографа России с Настасьей Ивановной Плещеевой и ее мужем, которая началась около 1785 года.

«Сентиментальная дружба с Настасьей Ивановной занимает значительное место в биографии Карамзина, — пишет Ю.М. Лотман. — И это заставляет нас остановиться на природе этого чувства. Прежде всего следует отметить, что сам Карамзин превратил его из факта своей интимной биографии в факт культуры своего времени и своей литературной деятельности. Он не просто подчеркивал свои нежные чувства к этой женщине, но демонстративно (под прозрачным поэтическим псевдонимом Аглая) посвящал ей свои труды, писал ее имя на титульном листе своего альманаха, публиковал посвященные ей стихотворения, называл себя другом нежнейшей женщины. Когда Император Павел I избрал своей дамой сердца Анну Лопухину и сделал ее объектом, видимо, платонического рыцарского культа, он также афишировал публично свое преклонение: дознавшись, что имя Анна (Ханна) по-древнееврейски означает «благодать», он назвал этим именем военный фрегат, приказал написать «благодать» на гренадерских шапках и корабельных флагах. Это было публичное признание в любви, пусть даже рыцарской *fin amour*...

В эпоху романтизма немало было сказано презрительных слов в адрес сентиментальной дружбы между женщиной и мужчиной... На самом деле перед нами серьезный культурный феномен, и в нем стоит разобраться беспристрастно».

Ю.М. Лотман рассматривает этот феномен и приходит к выводу, что такое не раз случалось в высокообразованных кругах и Европы, и России. «Чувствительная дружба — это не любовь, — пишет он, — и ценится именно тем, что она не любовь, что можно годами быть в переписке с женщиной, вечерами просиживать у камина, слушая ее игру на клавикордах, читать с ней «Вертера», совершать чувствительные прогулки и все же не любить ее, то есть не быть ее любовником и не ждать от нее чувственной любви... В этом — освобождение женщины от альтернативы: быть или же-

ной, или любовницей, и предоставление ей третьей возможности, в которой, кстати, не отказывают мужчинам — быть другом».

Ученый пишет далее, что «женская дружба сыграла большую роль в жизни Карамзина: он остался сиротой в младенчестве, и потребность материнства проявилась в его влечении к женской дружбе». Но вспомним, что так же был лишен в детстве материнской ласки и Император Павел I — матери было не до него... Пусть задумаются об этом те, кто склонен видеть в сентиментальной паре «Император — светлейшая княжна Лопухина» всего лишь обычную любовную связь, где женщина не более чем наложница. Когда вчерашние да и сегодняшние писатели утверждают, что между мужчиной и женщиной не может быть чистой дружбы, они демонстрируют лишь свою собственную неспособность к ней и нежелание понять ее.

...Однако мы снова удалились от сути повествования. Вернемся к Петру Васильевичу Лопухину, который интересен для нас еще и тем, что стал первым представителем рода, получившим от Государя титул. Хотя, по мнению известного специалиста Е.П. Карновича, потомки касожского князя Редеди имели право на природный княжеский титул и не носили его лишь потому, что в те далекие времена князьями именовались лишь правящие особы, а позже восстановление титулов на Руси не было в обычае. Возможно, что такой точки зрения на потомков князя Редеди придерживался и Государь Павел Петрович, потому что Лопухин сразу стал светлейшим князем Российской Империи — более высокого пожалования Император сделать не мог. К сожалению, мы знаем лишь двух светлейших князей Лопухиных — Петра Васильевича и его сына Павла Петровича. У последнего детей не было, и эта линия рода с кончиной Павла Петровича угасла. Позже Государь Александр II восстановил княжеское достоинство рода Лопухиных, но об этом — позднее. А пока вернемся к 1825 году, когда оба светлейших князя оказались — хоть и с прямо противоположных сторон — причастны к печально известному мятежу 14 декабря. Сын оказался в списках декабристов, отец был назначен председателем Верховного уголовного суда, который должен был рассмотреть их вину и вынести приговор.

К счастью, светлейший князь Павел Петрович оказался замешанным в деле о мятеже лишь косвенно. В 1827 году по свежим следам событий правитель дел Следственного комитета по делу декабристов А.Д. Боровков составил любопытный документ — «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу...», где были точно сформулированы вины мятежников. Вот что говорится в «Алфавите...» о Лопухине:

«Лопухин, князь Павел Петров. Генерал-майор.

В 1817 году вступил в Союз спасения и был на нескольких совещаниях у Трубецкого и Александра Муравьева. После уничтожения Союза благоденствия в 1821 году согласился на предложение Никиты Муравьева о возобновлении тайного общества на прежнем основании, то есть действовать на общественное мнение для приготовления оною к представительному правлению. Вскоре после того уклонился от общества и даже считал оно не состоявшимся... Никита Муравьев отозвался, что в 1822 году Лопухин прервал сношения с обществом.

После предварительного допроса, снятого генерал-адъютантом Левашовым, он по Высочайшему повелению освобожден.

Отец же Павла Петровича светлейший князь Петр Васильевич исправлял должность председателя суда, собирал голоса судей при вынесении приговора и лично представил Государю Николаю Павловичу этот приговор. Случилось это, как известно, 1 июля 1826 года, когда Император получил официальный текст его: 36 мятежников были осуждены на смерть. Тогда же Государь помиловал 31 осужденного, оставив приговор в силе лишь для пяти и заменив жестокую казнь простым повешением. При этой встрече Императора и председателя Верховного уголовного суда свидетелей не было, и какими словами они обменялись — неизвестно.

И тут мы снова оказываемся перед лопухинской мифологией. В мемуарах того времени сохранилось несколько записей об обмене фразами между Государем и князем Лопухиным. Вот, например, что писала в своих воспоминаниях фрейлина Августейшей супруги Императора известная А.О. Смирнова-Россет:

«К концу поста как-то Государь пошел с собакой Гусаром его купать и бросил ему свой носовой платок; в эту минуту его камердинер, запыхавшись, прибежал к нему и сказал: «Светлейший князь Лопухин ожидает Ваше Величество». Государь, взволнованный, скорым ходом пошел во дворец, и Гусар за ним; я вытянула носовой платок и после отдала его камердинеру. После я узнала, что Лопухин принес лист осужденных на смерть, их было 20... Так как в числе заговорщиков многие принадлежали к высшему кругу, то их родственники... рассказывали, что когда старый Лопухин подал Государю лист в 20 человек, приговоренных на смертную казнь, что он хотел подписать, и будто Лопухин ему сказал: «Государь, вы начинаете царствовать» и затрясся...»

Сразу бросаются в глаза неточности: это не могло быть «к концу поста», ибо Пасха в тот год пришлась на 18 апреля, осужденных на

смерть было 36, а не 20, да и свидетелей разговора не было. Но интересно другое — общественное мнение приписывало Петру Васильевичу Лопухину доброе стремление смягчить участь осужденных. Это значит, что его нравственный и моральный авторитет среди людей — в данном случае в высшем обществе — был весьма высок.

Менее чем через год после суда над мятежниками светлейший князь Петр Васильевич скончался. А сын его продолжал службу и в армии — он был генерал-майором, и при Дворе — в звании действительного камергера. В 1831 году герою Отечественной войны, дравшемуся в 1812 году и под Витебском, и под Смоленском, и при Бородине, Тарутине, Малоярославце, Вязме, Красном, пришлось снова взять в руки оружие. Командир Первой гусарской дивизии светлейший князь и генерал-лейтенант Павел Петрович участвовал в подавлении известного Польского восстания, а вскоре после этого ушел в отставку по болезни. Жил он в наследственном своем имении Корсунь, владел почти двенадцатью тысячами душ одного только мужского пола и скончался в глубокой старости.

К слову, об имении Лопухиных Корсунь. Первый светлейший князь Петр Васильевич, получив от Императора Павла Петровича это имение в Малороссии, развернул здесь обширное строительство, и при его сыне Корсунь славился на всю Россию своим прекрасным усадебным архитектурным и садово-парковым ансамблями. Добавим, что в России были известны и многие другие усадьбы Лопухиных, как городские, так и сельские. Москвичи, например, специально ходили смотреть на замечательный дом и парк генерала Владимира Ивановича Лопухина, который он построил в районе нынешней Маросейки за Ильинскими воротами. Остатки этой городской усадьбы сохранились по сей день. После отца этой усадьбой владел его сын, известный мason и судебный деятель сенатор Иван Владимирович Лопухин.

Лопухины владели обширными имениями не только на недавно пожалованных Государями землях, но и берегли древние лопухинские вотчины. Несколько крупных таких латифундий было под Калугой и под Тулой.

Тула и Тульская губерния вообще считали себя многим обязанными Лопухиным. Они были не только крупнейшими помещиками. Случилось так, что в самый разгар начатых Императрицей Екатериной II работ по строительству регулярного города Тула, по развитию промышленности, дорог, хозяйства губернии, в течение нескольких десятилетий был Тульским наместником, а потом губернатором Андрей Иванович Лопухин, большой хозяин и организатор, а также отец

15 детей, из которых выросли и выдающиеся военные, и статские чиновники, и такие сельские хозяева, которых вся округа звала не иначе как «наш отец родной».

Именно такое прозвище закрепилось за Андреем Ивановичем Лопухиным. Рассказывая о нем в одной из своих книг, историк С.Н. Шубинский припомнил историю получения А.И. Лопухиным чина тайного советника.

«В феврале 1791 года стало известно, что светлейший князь Потемкин проездом из Ясс в Петербург остановится в Туле для осмотра оружейных заводов. Тогдашний Наместник Тульский, Калужский и Рязанский генерал-поручик Михаил Никитич Кречетников решил встретить князя как следует. Он попросил Тульского губернатора Андрея Ивановича Лопухина встретить князя на границе губернии. Он так и сделал, но князь по причине позднего времени так и не вышел на границу из дорожного дормеза, стекла его были опущены. Только утром, уже в 60 верстах от Тулы, Потемкин проснулся и очень удивился, что губернатор всю ночь скакал за дормезом.

— Напрасно, голубчик, напрасно, спали бы себе... Я, право, не знал этого, а то бы проснулся... Рад видеть Вас, голубчик, а теперь езжайте с Богом в Тулу, там и встретимся. Вас же сердечно благодарю...

К вечеру светлейший и его поезд въехал в Тулу, ярко иллюминированную по случаю его приезда. За ужином Потемкин был весел, а после него увел наместника и губернатора в другую комнату, где стал задавать всякие трудные вопросы о делах в губернии. И Кречетников и Лопухин отвечали быстро и очень толково.

— Ну спасибо, — сказал светлейший, — порадовали, а то я уж подумал, что вы только встречи готовить умеете...

Осмотрел завод и город, и, оставшись очень довольным увиденным, Потемкин уехал, а вскоре по его докладу о блестящем состоянии Тульской губернии и оружейного завода Государыня Екатерина Великая произвела Кречетникова в генерал-аншефы, а Лопухина — в тайные советники».

...Пусть и не слишком содержательная история, но она свидетельствует о нравах того времени, о том, что быть начальниками в те времена было совсем не просто, надо было знать дело и быть готовым в любое время ответить на любой вопрос, касающийся подведомственной губернии, города или дела.

Вернемся, однако, к лопухинским усадьбам. Примером большой и богатой усадьбы могло бы послужить подмосковное Ясенево, сейчас, правда, уже вошедшее в пределы города. Лопухины владели Ясе-

нево с 1690 года, когда это село подарил своему тестю Царь Петр Алексеевич, до 1790 года, когда оно было продано. Годами расцвета Ясенева были 30—40-е годы восемнадцатого столетия, когда имением владел сын замученного на колесе Царицына брата Федор Авраамович Лопухин. Он был женат на дочери первого в России фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева и получил за ней такое приданое, которое позволило не жалеть средств на строительство. Федор Авраамович воздвиг в Ясеневе замечательный храм во имя Первоверховных Апостолов Петра и Павла, прекрасный усадебный дом со службами и многими декоративными сооружениями. Часть построек сохранилась здесь до сего дня.

Если в архитектуре Лопухины и не создали свой собственный стиль, как, например, нарышкинский, то, во всяком случае, оставили немало архитектурных памятников, которые до сих пор украшают русскую землю. Подробнее об этом — в специальной главе «Лопухины в архитектуре и строительстве», которая помещена в этой книге. Специалист подробно рассказывает о лопухинских городских домах и сельских усадьбах, об их месте среди других памятников русского зодчества, приводит интересные примеры участия Лопухиных — заказчиков и хозяев — в работе над проектами будущих зданий.

В лопухинских усадьбах не раз гостили Августейшие гости.

Из камер-фурьерского журнала Двора Императрицы Екатерины Великой известно, что эта Государыня дважды приезжала в подмосковное лопухинское имение Садки. Оно принадлежало известному Федору Авраамовичу Лопухину, племяннику последней Русской Царицы Евдокии Федоровны и сыну ее брата Авраама Федоровича, казенного Царем Петром I в 1718 году. Этому Федору Авраамовичу во время правления Императора Петра II были возвращены все имения его отца, конфискованные в казну. Среди них — усадьбы Ясенево и Садки. Еще в 1741 году в Садках был построен прекрасный храм во имя Претечи и Крестителя Господня Иоанна, а вслед за ним и большой господский дом со службами.

К тому времени, когда Екатерина Великая стала Императрицей, хозяина Садков Авраама Федоровича уже не было в живых, он скончался в 1757 году. Августейшую гостью принимала его вдова Вера Борисовна. В первый раз Государыня приезжала в Садки к Вере Борисовне Лопухиной 5 мая 1763 года — той весной она гостила во многих подмосковных имениях.

А в 1775 году, во время известной поездки Императрицы в Москву для празднования Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией, Го-

сударыня Екатерина изволила вторично навестить Садки и их хозяйку. На этот раз Государыня, «а также Двор и иностранцы имели там стол и отдохновение».

Можно привести и другие примеры Августейших посещений домов и усадеб Лопухиных.

Уже упоминалось, что конец восемнадцатого — начало девятнадцатого столетия стало временем многочисленных и разнообразных вкладов Лопухиных в русскую культуру. Это не ограничивалось лишь архитектурными памятниками, некоторые из которых, кстати, строились по собственным наброскам, эскизам и даже чертежам хозяев, или прекрасными, ставшими классикой, портретами представителей рода, выполненными великими мастерами. В первой половине XIX века имя Лопухиных оказалось связанным с русской литературой.

Расскажем коротко об Аврааме Васильевиче Лопухине, который в молодости служил в гвардии, затем стал статским чиновником, действительным статским советником и в то же время популярным поэтом и переводчиком. Есть свидетельства, что Авраама Васильевича как поэта и переводчика весьма высоко ценили такие мастера, как В.А. Жуковский и Н.М. Карамзин. Лопухин печатался в самых популярных журналах своего времени — «Чтении для вкуса, раздумий и чувствований», в «Приятном и полезном провождении времени», в «Друге Просвещения», «Ипокрене» и других. Он уверенно и легко переводил с французского, немецкого, английского и древнегреческого. В 1796 году, когда Карамзин подготовил к изданию двухтомник избранных стихов лучших поэтов того времени, в первый том он включил два стихотворения А.В. Лопухина.

Стихи Авраама Васильевича высоко ценил его племянник, уже известный нам Иван Владимирович Лопухин. В своем знаменитом имени Савинском под Москвой, в «интеллектуальном парке», где современники восхищались многими памятниками известным поэтам и мыслителям, таким, как Юнг, Фенелон, Диоген, Иван Владимирович установил памятник и своему дяде Аврааму Васильевичу...

Стремясь не упустить в нашем перечне кого-нибудь из значительных представителей рода, мы как-то упустили из виду многочисленных военных этой фамилии, участвовавших, кажется, во всех без исключения войнах, которые Россия вела в девятнадцатом столетии. Напомним, что только на Бородинском поле в 1812 году стояли насмерть четверо Лопухиных. Все они были отмечены наградами, и двое погибли. Во всех войнах России с Наполеоном, от Аустерлица до Парижа, участвовал светлейший князь Павел Петрович Лопухин, заслуживший множество самых почетных наград и выросший в чи-

нах от корнета до полковника. Позже, уже генералом, он участвовал со своей дивизией в польской кампании. Служили Лопухины в армии и в период Крымской войны, и во время турецкой кампании 70-х годов. Сражались Лопухины и в русско-японскую войну, а один из них, гвардеец, даже специально для этого попросил о переводе в армию, поскольку гвардейские полки в боях на востоке не участвовали. Обо всем этом подробно говорится в главе «Под знаменами Российских полков», входящей во второй раздел книги.

А пока — другая история. Участник Отечественной войны 1812 года кавалергард Александр Николаевич Лопухин, выйдя в отставку, жил в своем вяземском имении и купил дом в Москве на Большой Молчановке, чтобы было куда переезжать из деревни зимой. Рядом стоял дом родных жены его Екатерины Петровны, урожденной Верещагиной. В 1827 году переехала в Москву из своего имения Тарханы под Пензой родственница Верещагиных Елизавета Алексеевна Арсеньева, которая привезла своего внука, тринадцатилетнего Мишеля Лермонтова, чтобы подготовить его к поступлению в Московский благородный университетский пансион. Поселилась она недалеко от родных на Поварской, где жил и ее родной брат Столыпин, а через год переехала на Малую Молчановку. Обитатели этих родственных домов — Лопухиных, Верещагиных, Столыпиных и Арсеньевой — и стали тем кругом, в котором вращался Михаил Юрьевич Лермонтов — сначала подросток, затем юноша и, наконец, взрослый молодой человек.

Так начались знакомство, а потом и дружба молодого Лермонтова с молодежью этой семьи Лопухиных, в которой Михаил Юрьевич нашел и самых близких, верных — на всю жизнь — друзей, с которыми встречался и переписывался до самой гибели своей на Кавказе, и единственную настоящую любовь, которую не забывал до гробовой доски, которой посвятил лучшие свои произведения — его «чудную Вареньку». Нам сегодня так же трудно представить себе Лермонтова без Лопухиных, как, скажем, Пушкина без князя Вяземского или Натальи Николаевны...

Как самые близкие поэту люди вошли в историю литературы и Мария Александровна, которой адресовано большинство известных нам писем Лермонтова, и ее сестра Елизавета Александровна, и лучший, вернейший друг его Алексей Александрович и, наконец, Варвара Александровна Лопухина — избранница сердца и муза Лермонтова. Не будем говорить здесь об этом подробнее, теме Лопухины и Лермонтов в этой книге посвящен очерк «Друзья поэта».

К середине девятнадцатого столетия заметно усиливается связь рода Лопухиных с духовными и научными кругами, с видными де-

ителями культуры. Дружба детей кавалергарда Александра Николаевича с Лермонтовым — лишь один из эпизодов этого закономерного процесса. Когда главным делом дворянства была защита России, присоединение к ней новых владений, Лопухины чаще всего бывали военными; когда России понадобились в первую очередь администраторы, Лопухины — многие десятки Лопухиных — стали губернаторами, генерал-губернаторами, Государевыми наместниками. Настал золотой век русской культуры, Лопухины и здесь оказались не последними. В этом, впрочем, нет особенных заслуг членов рода. Просто они были современными людьми и ощущали направление развития общества, страны, государства. Род эволюционировал вместе с Россией.

В 1841 году, когда молодые Лопухины с Большой Молчановки оплакивали только что погибшего на дуэли Лермонтова, в семье лучшего друга поэта Алексея Александровича Лопухина и его супруги Варвары Александровны, урожденной княжны Оболенской, родилась дочь Софья Алексеевна, которая через два десятилетия выйдет замуж за князя Николая Петровича Трубецкого, одного из культурнейших людей своего времени. Он был талантливым композитором-любителем и одним из основателей и первых попечителей Императорского Русского музыкального общества. Судя по воспоминаниям современников, взаимная симпатия между будущими супругами возникла на основе общих увлечений искусством и литературой. Софья Алексеевна, дочь ближайшего друга Лермонтова, стала матерью двух крупнейших русских философов и общественных деятелей России конца XIX — начала XX века князей Сергея Николаевича и Евгения Николаевича Трубецких.

В одном из своих писем княгиня Софья Алексеевна Трубецкая, урожденная Лопухина, еще в 1882 году писала, какими бы она хотела видеть своих детей: «...Еще до рождения детей, во время беременности, я молилась и особенно любила слова: «Даруй им души всеразумные к прославлению имени Твоего. Дай Бог, чтобы до конца жизни сыновья мои продолжали искать света и совершенствовались по возможности. Высшего счастья нет на земле. Я мечтаю о том, чтобы со временем они были миссионерами. Но миссионерами не в Японии и даже не в России, а в своей собственной среде. Лишь бы гордость не примешалась к желанию распространения истины. Если двигателем будет сознание обязанностей, возлагаемых на них тем сокровищем Веры, которое дано им от Бога, тогда нет места гордости...»

А младший брат знаменитых философов крупный дипломат князь Григорий Николаевич так прокомментировал позже письмо своей матери: «...Может ли погибнуть страна, где есть такие матери, кото-

рые так думают, так чувствуют, так молятся... Пусть все рухнет, что тлен, пусть отгорят все фейерверки человеческой пошлости. Огнем познается всякое дело, но не умрет и не погаснет то, чем из века в век жила Россия. Молитвы русских матерей и молитвы русских праведников не останутся не услышаны перед Престолом Господа, и да оправдают их дела сыновей».

Мы знаем, что семья Лопухиных, из которой вышла Софья Алексеевна, оказала немалое влияние на формирование личности ее детей. В этом отношении весьма любопытны воспоминания Евгения Николаевича Трубецкого, написанные им летом 1917 года только для своих, домашних, они были изданы позже в эмиграции, в Вене.

Знаменитый философ пишет, что, «не поняв семьи Лопухиных, из которой происходила моя мать, невозможно говорить и о нашей семье». «Это была стародворянская типическая семья, но совершенно в другом стиле, нежели семья Трубецких. В стиле этом не было княжеского «великолепия», не было той ширины барского размаха, как у дедушки Петра Ивановича Трубецкого, но зато было несравненно больше свободы, — писал князь Е.Н. Трубецкой. — А главное, была недостающая старому поколению Трубецких душевная теплота, простота, естественность, жизнерадостность и та очаровательная стародворянская уютность жизни, которая нашла себе гениальное отражение в семействе Ростовых толстовского романа.

Тут дедушка и бабушка были совсем другие. Дистанции между ними и нами не было никакой... Дедушке Трубецкому мы говорили «вы», а с дедушкой и бабушкой Лопухиными были на «ты»... Мы обожили дедушку и бабушку Лопухиных».

Читатель, несомненно, понял, что речь здесь идет об Алексее Александровиче Лопухине и его супруге, урожденной княжне Оболенской.

«Весь жизненный уклад лопухинской семьи был совершенно и во всем противоположен укладу трубецковскому. Прежде всего, у них было совершенно иное отношение к дому. Дом, городской и деревенский, был для них не местом парада, а уютным и теплым семейным гнездом. Им был и деревенский старосветско-помещичьего типа дом на Молчановке с мезонином и гипсовыми сфинксами на крыльце, мы, дети, разумеется, сидели на них верхом... Стиль барского дома выражался и в серых мраморных колоннах в кабинете и спальне. В подмосковной Лопухиных — Меньшове — стояло два светлых деревянных помещичьих дома на холме над рекой. Контраст с ахтырским домом был, разумеется, полный (Ахтырка — подмосковная князей Трубецких. — Примеч. ред.): тот был великолепен, тогда как эти — милостивы и уютны... Все в этих домах было просто и

ни о каких «высочайших выходах» в такой обстановке, разумеется, не могло быть и речи. Также и в парке с небольшими живописными ображками, со сколоченными на живую нитку мостиками, не было ни беседок, ни каких-либо других затей, но зато все было бесконечно мило, уютно и жизнерадостно...

Сопоставляя меньшевскую вольницу с ахтырским стилем бабушки Петра Ивановича, я не могу не видеть, что именно эта меньшевская лопухинская веселость и вольность, вторгшаяся позже и в Ахтырку, подготовила чрезвычайно важный перелом в нашем жизненном непонимании. Свободное отношение отцов и детей, внуков и дедов облегчало переход от старой России к новой. Семья Лопухиных в шестидесятых годах была куда современнее, чем семья Трубецких. Благодаря этому неизбежный спор отцов и детей здесь проявлялся в других формах, несравненно более мягких: несмотря на этот спор, расстояние между поколениями все-таки превращалось в пропасть».

Любопытно характеризует князь Евгений Николаевич Трубецкой и мировоззрения своих родственников со стороны матери. «Нигилистов и вольнодумцев между моими дядями Лопухиными не было, — писал он. — Но характерно то, что в отличие от дядей Трубецких, которые все начинали свою службу в гвардии, мои дяди Лопухины все были судебными деятелями, притом — либеральными: мягкая душа и гибкий ум Лопухиных сразу восприняли облик «эпохи великих реформ». Благодаря этому вся атмосфера, в которой мы росли, была пропитана тогдашним либерализмом особого, судебного типа...»

С особенной теплотой и сердечностью князь Е.Н. Трубецкой пишет о своей матери Софье Алексеевне: «...в семье Лопухиных было одно существо головою выше своих братьев и сестер, превосходившее всех и даровитостью природы и глубиной своего сердца. Это была моя мать, — пишет Евгений Николаевич. — Она росла свободно, весело вместе с другими среди лопухинской вольницы. Но общая жизнерадостность лопухинского образа в ее душе совмещалась с тем духовным горением, которое у ее братьев и сестер давало искры, а у нее разгорелось в пламя... Это была душа — та самая душа, которая потом одухотворила и Ахтырку, наполнила неведомой ранее благодатью красивые архитектурные формы ее усадьбы и местности...»

Страницей ранее мы привели слова о своей матери младшего сына Софьи Алексеевны, князя Григория Николаевича, теперь — другого сына, князя Евгения Николаевича... Поистине счастлива мать, которой сыновья посвящают такие слова, счастливы сыновья, у которых была такая мама...

...Мы говорили здесь о Софье Алексеевне Лопухиной, в замужестве княгине Трубецкой, теперь несколько слов о ее младшем брате, Сергее Алексеевиче. Так же, как отец, он окончил юридический факультет Московского университета. Он — один из тех самых «моих дядей Лопухиных», о которых писал в своих только что процитированных воспоминаниях князь Е.Н. Трубецкой. В самом начале его службы случилась освободительная война 1877—1878 годов. Он добровольно пошел в армию, получил, как имеющий высшее образование, офицерский чин, отличился в бою. Сергей Алексеевич заслужил самую почетную награду, на какую только может рассчитывать храбрый и хладнокровный офицер, — орден Святого Георгия IV степени. Позднее, уже в статской службе, он получил и другие ордена — Святой Анны и Святого Владимира на шею и ленту Святого Станислава, но едва ли не больше их ценил скромный белый эмалевый крест Святого Георгия.

Сергей Алексеевич сделал завидную юридическую карьеру. Он был товарищем прокурора в Туле, был назначен сенатором и присутствующим в Уголовно-процессуальном департаменте Сената, позже стал прокурором Киевской судебной палаты, дослужился до высокого чина тайного советника (III класс по Табели о рангах).

Один из его знакомых, друг Толстого Н.В. Давыдов, писал о нем в своих записках «Из прошлого», опубликованных в 1914 году:

«В воспоминаниях моих все ярче выдвигается личность человека, к которому я отношусь с совершенно особым чувством уважения и глубокой симпатии; я говорю о скончавшемся два года назад Сергее Алексеевиче Лопухине. Это был человек особенно одаренный: глубокий и острый ум, блестящие ораторские способности, умение быстро ориентироваться в наиболее сложных вопросах, тонкий юмор, пылкость, умирямая логическим мышлением, и выдающееся благородство мыслей и чувств выдвигали его в каждой среде и в каждом деле, за которое он брался... Карьера Лопухина была блестяща, но он не только не стремился к повышению, но был полной противоположностью того, что носит имя карьериста. Надо думать, именно поэтому он пробыл так долго на посту обер-прокурора...»

«Мне думается, — продолжает Н.В. Давыдов, — что Лопухин был прототипом русского прокурора и идеально исполнял функции такового. Он, впрочем, и сам говорил, что прокурорские обязанности настолько близки ему и понятны, что он словно родился и вырос в камере прокурора. Убежденный сторонник законности, видевший главную задачу русской прокуратуры именно в поддержании всеми средствами законности, Лопухин достигал в этом отношении

очень многого. Строгое соблюдение Закона сочеталось в нем с гуманностью, которая проявлялась и в обвинениях, и в направлении отдельных дел, а главное, в его влиянии на подчиненных и близкую ему судебную и даже административную среду. Тени чиновничьей сухости не было в Лопухине, он отличался простотой, доступностью и искренностью...»

Обращаю внимание читателя на характеристики брата и сестры, данные совершенно разными людьми, — нельзя не заметить удивительного семейного сходства, заметного тогда, надо думать, всем.

Отвлечемся, однако, от служебной деятельности Лопухина.

Сергей Алексеевич был женат на Александра Павловне, урожденной графине Барановой, которая в юности была фрейлиной Императрицы Марии Александровны, а выйдя замуж, поселилась с мужем в его московском доме. Лето проводили в тульском имении Хилково. Было у них пятеро сыновей и пять дочерей (о них пойдет речь в следующих очерках, посвященных роду Лопухиных в двадцатом столетии).

Ближайшим к Хилкову имением была известная Ясная Поляна графов Толстых. Сергей Алексеевич подружился с младшим сыном великого писателя, Михаилом Львовичем Толстым. Естественно, был он знаком и с графом Львом Николаевичем. Забегая вперед, скажем, что позднее эта семья Лопухиных породнилась с яснополянскими Толстыми — уже в эмиграции внучатый племянник Сергея Алексеевича Рафаил Николаевич Лопухин женился на внучке Льва Николаевича графине Софье Михайловне Толстой.

...Семья Лопухиных из Хилкова навела Л.Н. Толстого на мысль написать художественное произведение. Вот как писал об этом литературовед, знаток творчества Толстого: «Среди художественных замыслов Л.Н. Толстого особое место занимает неосуществленное произведение «Мать». В дневнике Льва Николаевича от 25 марта 1891 года — краткая запись: «Ходил гулять и очень живо представил — воспитание художественное — Лопухину. Мать. Вопрос материнства, записки матери...» Два дня спустя там же — «утром гуляя думал опять о записках матери. Всё яснее...».

«Из этого дневника до нас дошли три небольших отрывка, — развивает эту тему в своих «Воспоминаниях» внук хозяина Хилкова Сергей Николаевич Лопухин. — В одном из них главный герой назван Евграфом Лопухиным, служившим офицером во время Севастопольской кампании. Мы знаем, что Толстой нередко слегка изменял фамилии своих героев: Оболенский — Облонский, Волконский — Болконский, Трубецкой — Друбецкой... А тут — Лопухин — Лопухин... У Лопухиных было много детей, из которых старшим был мой

отец. Из семейных преданий мы знаем, что Сергей Алексеевич и его жена (а позже и мой отец) нередко бывали в Ясной Поляне, пока Сергей Алексеевич не был переведен на службу из Тулы. Также и Толстой нередко приезжал к Лопухиным на их тульскую квартиру, где однажды он долго расспрашивал Сергея Алексеевича (опытного юриста) о различных деталях судопроизводства (очевидно, собирая материал для своего будущего романа «Воскресение»). Из этих же преданий мне известно, что мой дедушка был великолепный рассказчик и чтец. Из того же дневника Толстого можно заключить, что Лев Николаевич не был удовлетворен тем воспитанием, какое получили его собственные дети, и присматривался к «художественному» (по его словам) воспитанию детей Лопухиных. Цитирую еще последнюю запись Толстого в его дневнике, отзыв его об А.П. Лопухиной: «Я не знал женщины более полно олицетворяющей тип хорошей женщины и матери...»

Пусть творческий замысел Л.Н. Толстого и не был, к сожалению, осуществлен, но само желание писателя написать о выдающейся матери говорит о многом! Дружба же хилковских Лопухиных с семьей Толстых как бы продолжает традицию, заложенную старшими в этой линии рода — обитателями дома на Большой Молчановке, дружившими с Лермонтовым...

О семье Сергея Алексеевича Лопухина, о его доме сохранилась целая литература, многие известные люди, знавшие эту семью, упоминали ее в своих записках и воспоминаниях. Признаемся, что совершенно неожиданным для нас стал пассаж об этой лопухинской семье в мемуаре «Путь моей жизни» митрополита Евлогия (Георгиевского), видного церковного деятеля и богослова, Предстоятеля Русских православных церквей в Западной Европе. Эта книга была издана им в Париже в 1947 году. Высокопреосвященный Евлогий вспоминал о своей жизни в России, о начале своего жизненного пути. Вот несколько строк из этого мемуара, в которых говорится о том, как, окончив Петербургскую Духовную академию, будущий владыка ожидал назначения на должность:

«Выпускные экзамены окончились в июне, и началось томительное ожидание вакансий. Многих из нас тревожила мысль — скоро ли найдется подходящая? Протекция имела большое значение, но у меня таковой не было. А чем жить до поступления на службу? Неужели бедному отцу сесть на шею? Я уехал в Тулу и решил найти урок, — писал митрополит Евлогий. — Мне помог знакомый учитель — указал, что в семье прокурора Сергея Алексеевича Лопухина есть место живущего учителя. Я должность эту и принял.

Семья Лопухиных была дворянская, родовитая, богатая, культурная семья либерального уклона типа «Вестника Европы» или «Русской мысли». Круг знакомств и родственных связей был сановный, но в доме бывала и интеллигенция... Жили Лопухины широко, по-барски, жизнью привольной и беспечальной. Семья была большая (10 человек детей), крепкая, с устоями — прекрасная семья. Дети учились дома. Гувернеры, гувернантки, учителя, учительницы... целое учебное заведение. С утра во всех комнатах шли уроки.

Я преподавал старшим детям Закон Божий, географию и историю, с младшими вечером готовил уроки, гулял, читал им вслух, укладывал спать. Мои обязанности выполнял я с увлечением, с желанием быть добросовестным. Дети ко мне привязались. Мы стали друзьями...

За столом велись обычно оживленные беседы. Обсуждались текущие вопросы русской общественной и политической жизни, но уделяли внимание и европейским делам, в которых были хорошо осведомлены, — так, например, следили за борьбой политических партий во французском парламенте по французской газете, которую получали. В семье Лопухиных мне довелось встретить Льва Николаевича Толстого, его друга Николая Васильевича Давыдова, князя Георгия Евгеньевича Львова и Михаила Александровича Стаховича... Как-то раз Толстой со Стаховичем пришли из Москвы в Тулу пешком в лаптях и наследили лаптями на коврах; лакеи потом ворчали: «Дурят господа!»

...Я расстался с Лопухинными в самых добрых отношениях и впоследствии приезжал к ним в деревню навещать моих маленьких друзей, мы вместе гуляли, ловили рыбу... Пробыл я у Лопухиных шесть месяцев: с октября 1892 по март 1893 года».

...За увлекательным рассказом об участии Лопухиных в создании в России правового государства, о литературных и культурных связях рода не следует упустить весьма важного события истории рода. 23 февраля 1873 года восьмидесяти пяти лет в своем великолепном наследственном поместье Корсунь, что в полутораста верстах южнее Киева, бездетным скончался светлейший князь Павел Петрович Лопухин. Княжеская ветвь рода пресеклась.

Но княжество Лопухиных не кануло в лету. Государь Александр II Николаевич, дабы не исчезла в России память о светлейших князьях Лопухиных, счел за благо передать это имя и титул ближайшим родственникам угасшей ветви и позволить принять их внуку родной сестры покойного Павла Петровича генерал-майору Николаю Петровичу Демидову — потомку известных заводчиков, заложивших экономическую мощь России. Именным указом Императора от 1866

года, данным на основе Высочайше утвержденного Мнения Государственного Совета, ему было дозволено именоваться светлейшим князем Лопухиным-Демидовым с тем, чтобы это имя носил только старший мужчина в семье. Новая линия светлейших князей продолжалась почти сто двадцать лет, пока в эмиграции, вдали от Отечества, не скончался последний светлейший князь Лопухин-Демидов...

Но и после этого Бог не судил княжеской ветви рода прекратить свое существование. Об этом позаботилась правнучка Императора Александра II Глава Российского Императорского Дома Государыня Великая Княгиня Мария Владимировна. Но это событие относится уже к другому времени, и речь о втором восстановлении княжеского достоинства в роду Лопухиных пойдет в другом месте.

...Вернемся, однако, в девятнадцатое столетие. В середине и второй половине его все более распространенной среди Лопухиных профессией становится юриспруденция. И это понятно — род всегда стремился идти в ногу со временем, а к интересующему нас периоду построение правового государства в России выдвинулось на передний план государственных и общественных задач. Реформы Государя Александра II, которые не напрасно названы историей великими реформами, создали условия для торжества в России Закона, для эффективной защиты законных прав каждого гражданина Империи. Понятно, что стране потребовались юристы, знатоки Закона, его оберегатели и толкователи...

В этот период по родословной росписи можно проследить несколько семейных цепочек потомственных юристов в клане Лопухиных. Проследим коротко одну из них, первым звеном которой был уже известный нам друг Лермонтова Алексей Александрович Лопухин. Он успешно служил на административном и на юридическом поприщах, завершил свою карьеру в генеральском чине действительного статского советника.

Юристами стали его сыновья Александр Алексеевич и Сергей Алексеевич. О последнем мы только что рассказали, упомянув его знакомство с графом Л.Н. Толстым. К потомкам Сергея Алексеевича мы, как и обещали, еще вернемся в следующем очерке, а вот Александру Алексеевичу и его сыну Алексею Александровичу пришлось время уделить должное внимание. В этой семье по традиции одному из мальчиков обязательно давали имя деда, поэтому сын Александра Алексеевича стал Алексеем Александровичем и полным тезкой лермонтовского друга. И тот и другой занимали видные должности в судебной и административной системе России, и тот и другой носили генеральский чин действительного статского советни-

ка. Трудно сказать, в чем причины и корни — не влияние ли свободолюбивых стихов Лермонтова, которого в семье особенно читали, — но именно эти Лопухины оказались самыми большими либералами и вольнодумцами среди всей своей родни.

Второй в нашей цепочке правоведов — Александр Алексеевич родился в 1839 году, именно ему Лермонтов посвятил свои строки «Ребенка милого рожденье...». Он был на два года старше своей сестры Софьи Алексеевны, в замужестве княгини Трубецкой, о которой мы уже говорили. Он кончил юридический факультет Московского университета, был мировым судьей в Москве и товарищем прокурора Московского окружного суда. В 1870-х годах его перевели в Санкт-Петербург с повышением в должности и чине — он стал статским генералом и прокурором Петербургской судебной палаты. В этом качестве он участвовал в первом открытом судебном процессе по делу о политическом терроризме: на скамье подсудимых сидела революционерка и террористка Вера Засулич, стрелявшая в Петербургского градоначальника Трепова. Позиция и прокурора, и председателя суда, небезызвестного А.Ф. Кони, привела к тому, что суд присяжных оправдал террористку. Это было самым скандальным решением молодого суда, который был только что реформирован в соответствии с новым Законом о судебной системе Империи, подписанным Государем Александром II. И Кони, и Лопухин были освобождены от своих должностей и прослыли «красными». Александр Алексеевич был отправлен в почетную ссылку в Константинополь, где стал председателем Юридической комиссии при посольстве России. Позже он вернулся в Россию, уже не служил, жил в своих имениях, а в конце жизни пополнил любопытным экспонатом Лермонтовский музей при Николаевском кавалерийском училище в Петербурге. Об этом подробно говорится в главе «Друзья поэта».

Либеральные взгляды усвоил, видимо, и сын последнего Алексей Александрович Лопухин, третий в этой семейной юридической цепочке. О нем мы не станем говорить подробно, потому что ему тоже посвящена отдельная глава, которая называется «Директор Департамента полиции».

Потомственный юрист в третьем поколении, Алексей Александрович после весьма успешной службы на разных судебных и прокурорских должностях принял предложение только что назначенного тогда министром внутренних дел России Вячеслава Константиновича Плеве и стал директором Департамента полиции министерства. Правда, был он в этой должности недолго, в 1905 году после злодейского убийства Великого Князя Сергея Александровича, которое

он не смог предотвратить, Алексей Александрович был смещен и назначен Эстляндским губернатором. Но прослужил и там недолго. Позднее А.А. Лопухин прославился как человек, разоблачивший самого крупного и дерзкого провокатора и двойного агента Евно Азефа. Об истории этого разоблачения и последующих событиях подробно говорится в упомянутой главе.

Добавим, что Алексей Александрович в принципе симпатизировал революционерам, считал их действительно борцами за народное дело. Эта позиция не изменилась и после прихода к власти Временного правительства. Но ничего хорошего из его увлечения революцией не получилось. Октябрьский переворот Лопухин встретил в Москве. В 1918 году после громкого убийства германского посла графа Мирбаха большевики взяли большую группу заложников. Среди других «бывших» был в ней и Алексей Александрович Лопухин. Этот шаг властей, видимо, избавил его от иллюзий, связанных с большевистским режимом. Он уже не пытался сотрудничать с ним. В 1922 году в Москве решили переиздать выпущенные в свет в Берлине «Воспоминания» графа С.Ю. Витте. Лопухин читал их в берлинском издании и написал много возражений на неверные, с его точки зрения, высказывания и выводы Витте. Власти узнали о записках Лопухина и предложили издать их. Алексей Александрович, видимо, с радостью согласился. Он, конечно, не знал, что предисловие к его книжечке напишет сам Покровский — большевик с подпольным стажем, член ЦИК, главный идеологический консультант Кремля и «красный историк» революции. Эта книжка «Отрывки из воспоминаний» вышла в Госиздате в 1923 году одновременно с записками графа Витте, создав желательное для властей впечатление, будто два царских чиновника обливают друг друга грязью. Вскоре после выхода книжки А.А. Лопухин попросил разрешения выехать из России. Ему разрешили, и семья уехала во Францию. Скончался Алексей Александрович в Париже в 1928 году, его супруга пережила его на два года, а две девочки позже вышли замуж, и потомки их, под другими фамилиями, конечно, до сего дня живут в Европе и Америке.

Обратив внимание на заметную «юридическую составляющую» в профессиональной деятельности Лопухиных, обратимся к тем предшественникам фамилии, которые по роду своей деятельности не имели предшественников.

Всего на десяток лет старше директора Департамента полиции был другой Лопухин, из другой ветви рода. Александр Павлович был сыном помещика Павла Ивановича, который носил самый незначительный, самый последний чин по Табели о рангах — коллежского реги-

стратора. В первой половине девятнадцатого столетия такое бывало в порядке вещей — дворянину достаточно было получить практически любой классный чин, чтобы с почетом выйти в отставку и жить в свое удовольствие в родовом поместье. Но не служившие вообще до седых волос оставались официально недорослями, как и именовались во всех документах. Понятно, что на такое соглашались редко. Так пришлось стать чиновником XIV класса и Павлу Ивановичу Лопухину. А сыну его было суждено прославить свой род и в России, и далеко за ее пределами на новом для представителей этого рода поприще. Александр Павлович Лопухин стал одним из крупнейших, если не самым крупным в России девятнадцатого столетия библеистом и богословом.

Лопухины бывали набожными всегда — еще в шестнадцатом и семнадцатом столетиях известны их крупные вклады в многочисленные монастыри, на пожертвования Лопухиных были построены на Руси десятки храмов Божиих. Некоторые, в лопухинских поместьях, уже упоминались. Возводились они и в городах, в Москве. На деньги думного дворянина Авраама Никитича и его родных была построена церковь Святой Троицы, что на Хохловке; она и сейчас стоит недалеко от Покровки. Иждивением последней Русской Царицы Евдокии Федоровны и ее родственников в Московском Спасо-Андрониковом монастыре был построен замечательный собор во имя Архангела Михаила и Святого Алексея. Этот монастырь Лопухины считали своей усыпальницей — здесь обрели вечный покой многие члены рода, среди них и мать Царицы Евдокии Устинья Богдановна Лопухина, урожденная Ртищева, которую отпевал сам Патриарх. Скончалась она в 1691 году, место для погребения определила ее дочь Царица — недалеко от Яузы, где занимался тогда «водными потехами» ее муж Царь Петр; кроме того, основал монастырь святой митрополит Алексий, небесный покровитель ее только что появившегося на свет сына Царевича Алексея Петровича.

Есть немало и других свидетельств православного рвения разных представителей рода. Мы уже говорили в этой книге о Лопухиных, которые в конце жизни удалялись в монастыри, принимали монашеский постриг и даже схиму, многие устраивали в своих городских и сельских усадьбах домовые церкви, жертвовали драгоценные оклады икон и священных книг. Но до середины девятнадцатого столетия не было среди Лопухиных ни богословов, ни священников.

Александр Павлович первым среди них кончил Петербургскую Духовную академию и долго колебался, на чем остановить свой выбор. Перед ним открывались два пути: принять сан, получить приход и па-

сти души человеческие или посвятить себя богословию и библеистике, которая переживала тогда бурный подъем. Многие научные изыскания историков и археологов в середине XIX века неожиданно для всех подтвердили целый ряд положений библейской истории, тех положений, которые к тому времени люди «научного века» стали считать легендарными. Во внутреннем споре победил второй путь — после короткого миссионерского служения в Америке, где Александр Павлович трудился под началом будущего первого русского Патриарха нового времени святителя Тихона, он вернулся, стал преподавателем, затем профессором и заведующим кафедрой Петербургской Духовной академии. Но не в этом главная заслуга его перед Россией. Из-под пера профессора Лопухина вышло множество духовных трудов, которые не просто обогатили русское богословие, но стали первыми такого рода трудами в России.

Александру Павловичу Лопухину и делу его жизни также посвящен очерк «Создатель «Лопухинской Библии», поэтому мы не будем подробно рассказывать о нем на этих страницах и ограничимся лишь перечнем того, что профессор богословия А.П. Лопухин создал первым в России. Он сделал и издал первый перевод на русский язык всех сочинений Отца и Вселенского Учителя Церкви Иоанна Златоустого, он написал и выпустил в свет многотомную «Библейскую историю при свете новейших исследований и открытий», где на основе достижений науки доказал, что богословие и естественные науки не противоречат, но взаимно дополняют друг друга. Александр Павлович основал и начал издавать первую в России «Православную богословскую энциклопедию», — завершили этот труд его ученики и продолжатели его дела. И, наконец, предложил идею, начал работать и завершил редактирование первых четырех томов «Толковой Библии, или Комментария на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета». Этот громадный труд в 12 томах был закончен изданием тоже после кончины автора. «Толковую Библию» по справедливости стали называть лопухинской. Это название сохраняется до сего времени.

Заметим, что все эти уникальные многотомные сочинения, после периода забвения, который объясняется всем понятными причинами, сейчас вновь переиздаются. В магазинах духовной книги сегодня можно купить прекрасно изданные Московской Патриархией тома сочинений Иоанна Златоустого, великолепное новое издание трехтомной «Библейской истории». Издательство готовит к выпуску полную «Богословскую энциклопедию», а ее краткий вариант уже увидел свет. Готовится и новое издание лопухинской «Толковой Библии», хотя тома ее в сегодняшней России достать не так трудно: Междуна-

ный институт перевода Библии, действующий в Стокгольме, не так давно выпустил в свет на русском языке свое издание «Толковой Библии, подготовленной профессором А.П. Лопухиным» и весь тираж подарил Русской Православной Церкви к 1000-летию крещения Руси.

...Мы подходим к концу повествования о Лопухиных в Императорской России, некоторые наши герои пересекли временные рамки этой главы и оказались в эмигрантском изгнании. Однако сказано еще не все, что следовало, поскольку интересующему нас роду предстояло еще участвовать в Великой войне, в огне которой завершилась история Российской Империи и началась новая Смута, гораздо более страшная, чем та, первая, бывшая три столетия назад. Род Лопухиных, наряду с другими, принял на свои плечи, как это бывало и ранее, и тяготы, опасности, страдания войны, и тяжкие последствия падения Империи.

На последних страницах говорилось о том, что во второй половине девятнадцатого столетия Лопухины стали больше склоняться к гуманитарным профессиям. Это верно, но это не значит, что в роду угас воинский дух и что в гвардии и армии не было Лопухиных. Просто гуманитариев стало больше. А военные Лопухины участвовали в русско-японской войне. Гвардейский офицер Дмитрий Александрович Лопухин специально подал рапорт об отчислении из гвардии и отправился на Дальний Восток, где был ранен в сражении под Ляояном. Вольноопределяющимся ушел на русско-японскую войну Николай Сергеевич Лопухин и воевал до самого ее конца...

Гораздо больше Лопухиных служило в армии и гвардии на фронтах Великой войны. Сегодня трудно назвать их общее число, ибо некоторые, как, например, Рафаил Сергеевич Лопухин, погибли в боях с германцами, другие, как Георгий Иванович, уцелели, или как Михаил Сергеевич — лихой гусарский офицер — прославились уже после окончания войны, а некоторые просто пропали в грозные времена, и о них нет никаких сведений. Но стало фактом то, что имя Лопухиных вновь прогремело на всю Россию во фронтовых сводках самого начала войны.

Двое Лопухиных — кадровые гвардейские офицеры — наряду с другими стали героями самого первого крупного сражения Великой войны. 6—8 августа в окрестностях города Гумбиннена (Восточная Пруссия) впервые в ходе войны столкнулись во встречном бою две армии: 1-я русская и 8-я германская. Самый ожесточенный бой разгорелся 6 августа возле деревни Каушен, где русские повели атаку на германские позиции, а те получили приказ не отступать ни в коем случае. Заметим сразу, что сражение при Гумбиннене, как и бой у

деревни Каушен, выиграли русские. И в этом успехе сыграла решающую роль наша гвардейская кавалерия. На одном из участков боя у деревни необходимо было прорвать линию обороны противника. Командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка генерал-майор Дмитрий Александрович Лопухин — тот самый, что отличился в русско-японской войне, — дал приказ к решительному наступлению. В одном из эскадронов полка служил его сын, молодой корнет Георгий Дмитриевич. Сын с честью выполнил приказ отца, его эскадрон в пешем строю — это диктовалось условиями местности — опрокинул наступавшего неприятеля, повел контратаку. Неприятельская оборона была прорвана, но корнет Лопухин остался на поле боя...

Геройская гибель его не прошла незамеченной в России. Сообщение об этом сражении обошло все русские газеты, были напечатаны имена павших. Великий Князь Константин Константинович получил известие об этом прямо с фронта. В дневнике Его Императорского Высочества за 1914 год записано:

«Четверг, 7 августа. Получил телеграмму Ермолинского из действующей армии: «После вчерашнего... боя потери такие (следует перечень двух десятков офицеров разных полков. — *Примеч. ред.*)... Конногренадеры — убит Лопухин, ранены Крамеров и еще два офицера. 3-й эскадрон Конной гвардии взял батарею. Немцы всюду отступают, сжигая деревни». Сердце сжимается, столько офицеров убиты и ранены. Какой Лопухин — отец или сын? Дорого же куплен успех!»

Великий Князь хорошо знал обоих. Узнав, что погиб младший, он сказал о нем несколько теплых слов — всех бывших кадет, окончивших военно-учебные заведения, Великий Князь, как главный их начальник, считал своими детьми.

Что же до старшего, генерала Дмитрия Александровича Лопухина, то он не надолго пережил сына. Осенью того же 1914 года он был тяжело ранен в бою и 24 ноября скончался от ран в полевом госпитале. Генерал Д.А. Лопухин посмертно был награжден орденом Святого Георгия III степени. А наградой сыну стали присвоенный посмертно чин поручика и нарисованная и изданная большим тиражом лубочная картинка, на которой запечатлен подвиг корнета Лопухина. Такие патриотические картинки тысячами расходились тогда по России, славя новых ее героев...

Вернемся, однако, к сражению при Гумбиннене. Читатель, возможно, обратил внимание на фразу в телеграмме, полученной Великим Князем с фронта, о том, что «3-й эскадрон Конной гвардии взял батарею». Эти несколько слов говорят об удивительном под-

виге гвардейских кавалеристов, единственном за всю войну. 3-м эскадронном Конногвардейского полка командовал в том бою ротмистр барон Петр Николаевич Врангель. Будущий «Белый рыцарь» в том бою, в котором пал геройской смертью корнет Г.Д. Лопухин, совершил удивительное: когда наступление его полка было приостановлено огнем вражеской артиллерийской батареи, ротмистр Врангель бросил свой эскадрон в лобовую атаку на действующую батарею. В прежних войнах такие попытки бывали редкостью и иногда увенчивались успехом, но для современного боя!.. Это была отчаянная атака, и батарея противника, мешавшая наступлению русских, была взята в конном строю, прислуга ее уничтожена. Позже специалисты пришли к выводу, что этот случай стал последним в истории войн вообще, когда кавалерийское подразделение во встречном бою овладело артиллерийской батареей противника. Ротмистр барон П.Н. Врангель первым в ходе Великой войны получил за этот бой орден Святого Георгия IV степени — самую почетную для русского офицера награду. Кстати, и Петру Николаевичу Врангелю, взявшему батарею немцев, так же, как и Г.Д. Лопухину, была посвящена лубочная картинка, изданная в конце 1914 года.

Так один и тот же бой в августе 1914 года прославил корнета Георгия Дмитриевича Лопухина — к сожалению, посмертно, и его товарища по оружию ротмистра Петра Николаевича Врангеля, которому еще предстояло сыграть свою роль в истории России.

...Вот мы и закончили беглый и далеко не полный обзор истории рода Лопухиных в Императорской России. Тяжелые военные годы и последовавшая за ними Смута завершили этот период истории нашего Отечества. Многолетняя Великая война, предательство и революция, октябрьский переворот и несчастная Гражданская война наложили свой недобрый отпечаток не только на судьбы интересующего нас древнего дворянского рода, но на будущее России, всего мира. Великая катастрофа 1917 года круто повернула жизнь страны, жизнь людей, которым посвящена эта книга. О том, что ожидало Лопухиных там, за этим поворотом, мы расскажем в следующих очерках.

XX ВЕК

Лопухины в 1914—1939 годах

Сохранилась семейная фотография: в гостиной, увешанной картинами и портретами, большой семейство — стоят, сидят, даже полулежат на коврах. Все в строгих визитках и темных платьях. На снимке дата — 8 февраля 1914 года. В тот день семья Лопухиных собралась практически в полном составе — это случалось редко, у всех дела, — чтобы отметить печальную дату: трехлетие со дня кончины ее главы Сергея Алексеевича Лопухина. Тайный советник и сенатор, С.А. Лопухин, которому мы посвятили немало внимания на предыдущих страницах, скончался в 1911 году, оплаканный родными и близкими. Имени его полюбовно поделили между сыновьями и дочерьми. И жизнь продолжалась. А через три года, словно по чьей-то подсказке, вся большая семья решила собраться. И чтобы запечатлеть это нечастое событие, пригласили фотографа... Так и видишь громоздкий деревянный аппарат на треноге, фотографа с головой, укрытой черным покрывалом, вспышку магния... Снимок удался, и сегодня мы можем увидеть их всех — в большинстве молодых и полных сил, а если и пожилых, то бодрых. До начала Великой войны оставалось полгода...

Эта групповая фотография оказалась последней. В столь полном составе большая и дружная семья Лопухиных, главой которой был покойный сын друга Лермонтова, не соберется уже никогда. В центре снимка вдова Сергея Александровича — Александра Павловна, урожденная графиня Баранова, с которой Л.Н. Толстой хотел, как мы помним, писать героиню своей так и не созданной повести «Мать». Вокруг — ее сыновья, дочери, мужья дочерей и жены сыновей. Фотография эта воспроизведена в книге — взгляните в нее.

Провидение готовило каждому из этих людей свою судьбу, свои тяготы, испытания, горести и радости. Первых, к сожалению, оказалось больше, чем вторых. Не все, стоявшие и сидевшие зимою 1914 года перед фотокамерой, более или менее благополучно прошли через войну, через революцию, смуту, разруху и террор.

Красавец гренадерского роста гвардейский капитан Рафаил Сергеевич Лопухин (шестой слева в верхнем ряду) в 1915-м падет на поле боя, в котором его родной лейб-гвардии Преображенский полк в который раз покрыл себя славой. Тридцать два года жизни отмерила ему судьба. А Михаилу Сергеевичу Лопухину (на снимке он четвертый справа) в год гибели едва исполнится двадцать восемь лет. На фото он — выпускник юридического факультета Московского университета. Но когда начнется война, молодой юрист поступит вольноопределяющимся в Сумской гусарский полк, дослужится за годы войны до ротмистра, получит два Георгиевских креста и несколько Императорских орденов, а в самом начале 1918 года вместе с группой офицеров-монархистов, оставшихся верными присяге Государю, поедет в Сибирь и примет участие в попытке освободить из большевистского плена Императора Николая II и Его Семью. После неудачи возвратится в Москву, будет арестован чекистами, как командир «офицерской десятки», приговорен к смерти и расстрелян. Рассказывали, что ему предлагали свободу в обмен на подписку о неучастии в борьбе против советской власти. Как и многие офицеры, он отказался...

Остальных российская смута разбросает в разные стороны. Некоторые останутся — и на родной земле изопьют горькую чашу лишений и страданий; многие уедут из России — в разное время, разными путями и способами — и позже частично воссоединятся вдали от Отечества; судьбы некоторых так и останутся неизвестными.

Двадцать два человека на фотографии, двадцать две нелегкие судьбы! А ведь это — только одна из семей большого лопухинского рода, который в описываемое время вступил в тревожный, поворотный период российской истории, и никто не мог с уверенностью сказать тогда, в какую сторону повернется это страшное «красное колесо»...

Отречение Государя и падение Империи Лопухины встретили по-разному: иные с огорчением; другие пока с непониманием, что же, собственно, случилось; большинство — как трагедию: рушился мир, которому они принадлежали... Были, впрочем, и исключения: Алексей Александрович, бывший директор Департамента полиции, например, считал тогда, что демократические перемены пойдут России на пользу. Но клан в целом с недоверием присматривался к

новой власти, к действиям либералов, которые взяли «строить новую Россию». Наиболее дальновидные понимали, что ничего хорошего из этого не выйдет. Конечно, не все члены рода реагировали на происходившее одинаково, но несчастьем для России революцию считали почти все.

Зато отношение к октябрьскому перевороту было однозначным и категоричным — нет! После несчастного октября каждый действовал по-своему, но все в целом — в одном направлении. Гусарский ротмистр М.С. Лопухин, не задумываясь, последовал велению совести и присяги и погиб в чекистском застенке (ему посвящен очерк «Жизнь за Царя» в этой книге). В то же время покинул Россию шестидесятилетний Николай Николаевич Лопухин, который в молодости служил в гвардии, а затем перешел в придворное ведомство и был в последние годы обер-церемониймейстером Высочайшего Двора и Российским посланником в Дармштадте, где выполнял доверительные частные поручения последней нашей Государыни Александры Федоровны. Николай Николаевич уехал из России в свое французское имение, купленное по случаю еще в самом начале века в Бретани.

Уехала из России семья Ивана Николаевича Лопухина, младшего брата Николая Николаевича. Он был богатым человеком, владел в Царстве Польском майоратом, который пожаловал его деду Император Александр II. О мирной и счастливой жизни этой лопухинской семьи в довоенные годы тепло написала старшая дочь Ивана Николаевича — Татьяна Ивановна, так и не вышедшая замуж. Ее записки на итальянском языке стали известны в России не так давно, когда князь В.О. Лопухин начал собирать свидетельства о своей многочисленной родне для этой книги. Автор записок вместе с отцом после октябрьского переворота эмигрировала сначала во Францию, а затем в Италию, где еще ранее обосновался со своей семьей ее младший брат Георгий Иванович Лопухин — боевой офицер, участник Великой войны, назначенный в ее конце членом Русской военной миссии в Италии.

Записки Татьяны Ивановны Лопухиной, озаглавленные «История моей жизни. Тени прошлого» и написанные ею уже в поздние годы, доступны нам не полностью, а лишь в первой своей части, которая охватывает бурные 1914—1917 годы. Записки трудно цитировать крупными кусками, поскольку в них идет живой, часто непосредственный, но очень эмоциональный рассказ о днях молодости, предназначенный, очевидно, только «для своих». Вот — несколько строк из этой рукописи:

«Наше майоратное имение включало три тысячи гектаров земли. Наш предок получил его в 1863 году после польского восстания, но, относясь к полякам с большой теплотой и по-дружески, отказался от увеличения надела за счет частных польских владений, конфискованных у участников восстания. Ближайшая от нашей усадьбы железнодорожная станция Ритшиа находилась всего в 5 верстах от русско-германской границы и поэтому все внешние связи наши шли через Германию, так было и быстрее, и проще: до Берлина от нас было вдвое ближе, чем до Петербурга. У моих родителей были даже особые паспорта жителей российской пограничной полосы, что давали им право без всяких виз и разрешений заезжать в приграничные районы Германии.

В моей семье было четверо детей — я, моя сестра Маргарита, братья Георгий и Никита. Летом мы жили, как правило, в нашем майорате, а зимой в Варшаве. Мне очень нравилась в молодости Варшава — красивая, нарядная, чистая. И в начале 1914 года было просто немисливо представить себе, что уже через несколько месяцев исчезнет эта беззаботная и веселая Царская Варшава, Варшава блестящих гвардейских полков и изысканного общества...

...В свои 23 года я не задумывалась над сложностями международной политики. Мы, молодежь, были заняты тем летом устройством пикников, конных прогулок, верховых или на тройках, а то и автомобильных выездов на лоно природы — у моей подруги Тани Куракиной был автомобиль Мерседес, который мог делать 70 или даже 100 километров с четырьмя или пятью пассажирами. Счастливые воспоминания сохранились у меня о тех далеких днях...

Война стала для нас полной неожиданностью. Быстро отправились добровольцами в армию многие родные, а мы стали жить первыми вестями с фронта. Вскоре известно стало, что погиб в бою молодой Фетисов, которого мы знали, умер от ран Мишель Контакузен. Вдруг — телеграмма папы: «Пропал на поле боя конногренадер Лопухин». Но — который, их было двое — отец и сын... И только через день из газет узнали: «На поле чести пал корнет Георгий Лопухин». Я не знала его, но он учился одно время вместе с братом Георгием... Меня страшилась мысль, что то же самое может случиться с моим братом, гордостью семьи. Я больше волновалась за брата. Молодость эгоистична...

...Вскоре мы уехали в Киев, подальше от границы... Затем переехали в Москву, жили у родных в подмосковном Старожилове. Несколько позднее мы — я, мама и сестра стали работать сестрами милосердия в военном госпитале...

24 мая 1915 года стал счастливым днем, мы узнали, что к Сердечному Согласию, так пышно называли тогда наши союзные страны, присоединилась Италия. Наших сил, противогерманских, становилось больше. Ура!..

В своем любимом имении Златополь скончалась моя тетья Мария Лопухина урожденная Клейнмихель. Дядя, ее муж, похоронил ее и вскоре вместе с сыном Адрианом оставил Россию, чтобы окончательно обосноваться в Бретани...»

Вот и все выдержки из записок Татьяны Ивановны Лопухиной. Милые семейные воспоминания... Можно представить себе, с каким интересом читали их младшие Лопухины из этой веточки рода, оказавшиеся волею судеб в Италии. А веточка эта жизнестойка! У младшего брата автора записок Георгия Ивановича, женатого на Марии Григорьевне Давыдовой, было трое детей — Андрей, еще один Георгий и Татьяна. И у Георгия Георгиевича уже растет сын. Ему дали имя Даниэль, хотя его русские знакомые называют его Данилой...*

...Однако мы отвлеклись в сторону от нашего повествования. Пусть читатель не пеняет на это отступление, мы возвращаемся в 1918 год, в Россию, которая переживает трагедию «великого исхода» элиты Российского общества.

О других Лопухиных. Сыновья Александра Алексеевича, двоюродного брата Сергея Алексеевича, в третью годовщину смерти которого была сделана упомянутая фотография, воевали в Гражданскую войну. Юрий Александрович и Борис Александрович были деятельными участниками Белой борьбы и оба погибли в боях против большевиков. Меньше повезло их младшему брату Виктору Александровичу, действительному статскому советнику, который служил сначала Тульским, а затем — Вологодским губернатором. В последнем качестве он много сделал для сохранения в первоизданном виде и реставрации знаменитых фресок Дионисия в северном Ферапонтовом монастыре. Виктор Александрович был сугубо мирным человеком и не был в рядах Белой армии. Поэтом так называемые «революционные матросы» просто убили его, как «бывшего». А его супруга Нина Исидоровна покончила жизнь самоубийством.

Решили остаться на Родине сыновья Бориса Алексеевича, сына лермонтовского друга. Евгений Борисович Лопухин окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и к 1917 году стал приват-доцентом, преподавал и вел научную работу, но после переворота счел за благо, как и многие в то время, вместе с

* Перевод с итальянского М.М. Сухова.

семьей уехать из Петербурга туда, где его не знали. Семья оказалась в Азербайджане. В середине 20-х годов он был профессором университета в Баку, а в 30-е годы наивно решил, что прошло уже много времени, что опасность миновала, и вернулся в северную столицу. На этом следы его и его семьи, естественно, затерялись — известно, как свирепствовали в этом городе органы НКВД после убийства Кирова и в 1937—1938 годах.

Иной, но не менее печальной в итоге оказалась судьба родного брата Евгения Борисовича. Владимир Борисович Лопухин встретил октябрьский переворот будучи одним из старших сотрудников дипломатического ведомства России. Сорокашестилетний статский генерал (действительный статский советник) и камергер, кавалер многих Императорских орденов был директором Департамента общих дел Министерства иностранных дел и пережил переход этого ведомства под контроль большевиков.

Владимир Борисович оставил воспоминания о тех днях, опубликованные в историческом альманахе «Минувшее», выпускавшемся в парижском издательстве «Атенеум» в 80-х годах. В.Б. Лопухин писал: *«26 октября с утра стрельба в городе возобновилась и продолжалась весь день... Я не ходил в министерство, заболев гриппом еще накануне, 25 октября. Точно нарочно расхворался к этому дню. Ведь уже с начала месяца было известно, что именно 25 октября состоится выступление большевиков для захвата власти... 27-го прибыл в министерство назначенный народным комиссаром по иностранным делам большевик Урицкий... Он недолго оставался во главе нашего министерства, ограничившись единственным его посещением. Дня через два на смену ему в министерство прибыл Троцкий. Троцкий потребовал явки на следующий день начальников отдельных частей министерства для передачи дел ведомству народному правительству. Мне посоветовали прийти. Имелось основание ожидать, что кто не придет — того приведут. Поэтому, хотя мне еще немало нездоровилось, я наутро отправился в министерство».*

Мемуарист красочно описывает встречу с Троцким (Бронштейном), долгуя беседу с ним с глазу на глаз. «Предметом беседы, — рассказывает Лопухин, — явилась попытка Троцкого склонить меня остаться на моем посту... Я же продолжать службу отказался, насколько возможно вежливо, приводя мотивы, ни для кого ни в малейшей степени не обидные».

По словам Владимира Борисовича, еще ранее из бесед с сослуживцами *«выяснилось, что без всякого предварительного сговора, совершенно стихийно назрело решение большинства служащих не оста-*

ваться на службе при большевистском правительстве. И не по одному нашему ведомству, но и по другим... Большевики неправильно приписали это решение сговору служащих под влиянием противных большевикам политических партий. Громадное большинство служащих составляли беспартийные люди, на которых никакие вообще политические партии влияния не имели...».

...В середине 60-х годов едва ли не к пятидесятилетию октябрьского переворота советский Политиздат выпустил почти детективную книжонку «Ключи от бронированных комнат», в которой тогдашние «историки» живописали, как молодой, талантливый, обаятельный и деликатный матрос Маркин сумел по поручению Совнаркома заполучить ключи от сейфов с дипломатическими документами, чтобы большевики могли «честно» опубликовать их вместе с секретными статьями, которые прежде «антинародные правительства скрывали от своих собственных народов». Героями этой истории были, конечно, сам Маркин и «один из первых советских дипломатов» некто Залкинд. Их противниками, которые «составили заговор с целью сорвать опубликование тайных договоров», были выведены товарищи министра иностранных дел Нератов и Петряев и директора департаментов МИД Лопухин, Доливо-Добровольский, Пашенко и другие, к которым присоединились некоторые «несознательные» младшие дипломатические чины...

Само собой разумеется, что никакого заговора не было, было естественное и органическое неприятие серьезными, образованными и ответственными людьми чуждой им власти. Советские «историки», как всегда, составили невероятную смесь из полуправды, клеветы и чистой выдумки. Конечно, старшие чины МИД не могли согласиться с опубликованием секретных статей межгосударственных договоров — это было вопиющим нарушением дипломатической этики. Секретные статьи в договорах существовали всегда, случались они и в практике советской дипломатии — вспомним хотя бы тайные статьи пакта Молотов—Риббентроп, которые устанавливали сферы влияния гитлеровской Германии и сталинского СССР в Европе и с головой выдавали большевикам страны Прибалтики. Так что никто не помогал большевикам опубликовывать секретные статьи, но также никто не прятал ключи, не скрывал какие-либо документы и не устраивал детективных погонь. Ключи от дипломатических сейфов большевики просто взяли — взяли силой и именно там, где они и должны были быть.

А Владимир Борисович Лопухин, как и другие старшие чиновники МИД, отказавшиеся служить в ведомстве Троцкого, через несколь-

ко дней был уволен. Об этом был особый приказ по МИД, опубликованный в «Известиях Петросовета» за 14 ноября. В приказе за подписью Троцкого говорилось: «За отказ от подчинения СНК увольняются от должности без права на пенсию: тов. министра иностр. дел А.А. Нератов, директор канцелярии Б.А. Татищев, тов. министра А.М. Петряев и чиновники министерства: Г.П. Ухтомский, В.Б. Лопухин, Н.П. Юдин, В.И. Шавельский...» Были перечислены 33 фамилии крупнейших дипломатов, не пожелавших сотрудничать с советами.

О дальнейшей судьбе В.Б. Лопухина мы знаем не так уж много, из его собственных записок, а также из некоторых документов. Владимир Борисович, как видно, присматривался к поведению своих сослуживцев. «Публика наша стихийно устремилась за границу, — писал он в своих воспоминаниях. — Движение это началось еще до 25 октября, лишь в предвидении ознаменованных этой датой событий. После же 25 октября выезд приобрел массовый характер... Постепенно перебрались за границу большинство моих бывших товарищей по службе. Из старших должностных лиц министерства остался в России в конце концов один я».

Владимир Борисович уезжать из России не хотел, но жену и двоих детей отправил за границу с родителями жены, графами Капнист. А сам, оказавшись без семьи в Петрограде, сумел сменить свой старый паспорт на новый, в котором не значились его прежние чины и звания, и попытался заняться коммерцией. По предложению его двоюродного брата Николая Сергеевича Лопухина, который жил тогда в Москве и стал одним из руководителей кооперативного товарищества «Экрос», недавний дипломат принял должность представителя этой фирмы в Петрограде. Но вскоре «Экрос» лопнул, а сам Владимир Борисович был арестован. Правда, скоро его отпустили. Тогда он устроился заместителем управляющего делами профсоюзного «Всероссийского бюро снабжения железнодорожников». На этом достоверные сведения об этом человеке кончаются. Известно, что еще какое-то время он жил в своем родном городе. Но что стало с ним далее?... Учитывая «бдительность» петроградских чекистов, можно предположить, что и он погиб в очередной чистке.

Уже упоминалось о трагической судьбе героев Гражданской войны Юрия и Бориса Александровичей Лопухиных, которые погибли в боях с большевиками, и об убийстве матросами их младшего брата Вологодского губернатора Виктора Александровича. Из предыдущего очерка известно и о геройской гибели Дмитрия Александровича, командира лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, павшего в конце 1914 года на поле боя, как за несколько месяцев до того и его сын

Георгий Дмитриевич, павший в первом же крупном сражении Великой войны.

Несколько более благополучной оказалась судьба их старшего брата (всего их было пятеро), Алексея Александровича, бывшего одно время директором Департамента полиции МВД России. Ему в этой книге посвящена особая глава, поэтому мы не будем останавливаться на его биографии подробно. Будучи уволен от должности директора Департамента полиции после убийства Великого Князя Сергея Александровича зимою 1905 года и переведен на пост губернатора Эстляндии, А.А. Лопухин стал видным деятелем только что организовавшейся кадетской партии и разоблачал неблагоприятные дела своего бывшего департамента. Он, в частности, как говорят, «вывел на чистую воду» знаменитого провокатора и двойного агента Евно Азефа. После этого Лопухина судили за разглашение государственной тайны (наличие в полиции двойных агентов), сослали и помиловали только за год до начала Великой войны. Он работал в банковской системе и стал даже вице-директором Сибирского Торгового банка.

Попытки А.А. Лопухина работать и после октябрьского переворота натолкнулись на разного рода трудности и препятствия. Но Алексей Александрович, с молодых лет сочувствовавший революционной идее, пытался преодолеть их. Не удалось. Конец его левым увлечениям положил, как мы писали, арест и пребывание в тюрьме ВЧК — после убийства в Москве летом 1918 года германского посла. В 1928 году Алексей Александрович скончался в Париже, через два года за ним последовала его жена Екатерина Дмитриевна, урожденная княжна Урусова. Сыновей в их семье не было...

Так прекратило существовать мужское потомство Александра Алексеевича Лопухина, который имел пятерых сыновей и, казалось, не должен был сомневаться в продолжении своего рода. Однако события, потрясшие Россию в XX веке, фактически уничтожили эту большую семью.

...Читатель, видимо, не забыл, как москвич Николай Сергеевич Лопухин пригласил своего двоюродного брата, петербургского дипломата Владимира Борисовича, стать представителем его фирмы «Экрос» в северной столице и что из этого вышло. Николаю Сергеевичу было к тому времени тридцать девять лет. На известной нам фотографии 1914 года он стоит в самой середине верхнего ряда, под портретом, а слева от него рядом с матерью семейства Александрой Павловной сидит его жена Софья Михайловна, урожденная Осоргина. Николай Сергеевич был энергичным и деятельным человеком.

Окончив, как и его отец, юридический факультет Московского университета, он добровольно участвовал в русско-японской войне в качестве уполномоченного Красного Креста, организовывая помощь раненым. Затем служил — сначала в ведомстве Министерства юстиции, с 1908 года участковым мировым судьей Спасского участка Москвы, к 1917 году стал надворным советником. После октябрьского переворота попытка было заняться коммерцией — вспомните злосчастный «Экрос», — но после его закрытия и кратковременного ареста его сотрудников понял, что при большевистской власти это невозможно. Надо было уезжать!

Но как и куда? У Николая Сергеевича и Софьи Михайловны было трое маленьких детей, с ними не хотела расставаться его мать Александра Павловна, с которой в свою очередь были неразлучны ее родная сестра Евгения Павловна, урожденная графиня Баранова, в замужестве Писарева, и две младшие дочери, Татьяна и Евгения. Были и другие родственники. Словом, Николай Сергеевич оказался во главе огромного семейства, за которое нес ответственность перед Богом. Какое-то время, понимал он, можно было бы отсидеться в родовом имении Хилково Калужской губернии, но глава семьи понимал: это — временное решение. Обеспечить семье безопасное существование и более-менее достойную жизнь в Москве, в центре невозможно. Нужно было искать другое место...

Выбор пал на Сибирь. Оттуда доходили вести, что большевиков нет, что сибиряки никогда их не примут, а продуктов много и цены умеренные. Лопухин поделился этими сведениями со своим другом и кузеном, известным московским врачом князем Александром Владимировичем Голицыным, который также подумывал, куда увезти свою семью из голодной и опасной Москвы. Как-то кузены разговорились об этом с жившим тогда в Москве видным государственным и общественным деятелем, бывшим Председателем Земского союза, первым председателем Временного правительства России князем Георгием Евгеньевичем Львовым. И все трое решили: едем в Сибирь! Собрались быстро и отправились относительно налегке — никто не думал, что большевистская смута продлится более нескольких месяцев. О том, как эта большая компания уехала из Москвы, рассказал в своих мемуарах, написанных в 1927 году в Америке, доктор князь А.В. Голицын¹:

¹ В этом случае, как и во всех последующих, речь идет о рукописи «Воспоминания», написанной князем А.В. Голицыным для своего сына в США в 1927 году. Рукопись — собственность наследников автора. Мы выражаем сердечную признательность им за любезное разрешение цитировать фрагменты рукописи в этой книге.

«Некоторые из моих друзей и я стали думать об отъезде сразу после переворота. У нас была информация от людей, недавно прибывших из Сибири, что большевики никогда не возьмут власть в этой стране и что жизнь там дешевая и легкая. Поэтому князь Львов, мой кузен Николай Лопухин и я наняли спальный вагон Северной железной дороги и уехали из Москвы в декабре 1917 года.

Путешествие длилось пять дней и прошло без осложнений, если не считать того, что на каждой станции вагон осаждали толпы солдат, дезертировавших с фронта. Нам приходилось запирали двери и задерживать занавески. Две мои кузины, одетые в свою форму сестер милосердия, и два проводника стояли в дверях и объясняли возбужденной толпе, что вагон занят инфицированными больными и сумасшедшими с фронта. Это всегда помогало, и, к великому счастью, никто не выразил желания это прервать.

В конце концов, мы остановились в Тюмени — первом сибирском городе на этой дороге. Тюмень была вполне сносным городом с населением примерно в 60 тысяч жителей, главным образом купцов, торговавших с Центральной Россией, экспортируя товары, которыми так богата эта часть Сибири, — меха, лес и рыбу. Каким необычным делом казалось нам пойти на рынок и покупать по сравнительно низким ценам любые продукты без всяких специальных продуктовых карточек. Городом и уездом правил недавно сформированный Совет, состоявший в основном из интеллигенции. Робкие и нерешительные, они не пытались вводить новые большевистские методы из боязни противодействия большинства населения. Жизнь была спокойной и мирной после напряженных ноябрьских дней в Москве...»

Так для семьи Николая Сергеевича Лопухина и их спутников началась длительная и тяжкая эпопея бегства, скитаний, лишений, опасностей и редких периодов покоя, которая продлится двенадцать лет и закончится в тихом парижском предместье только в 1930 году.

О начальном этапе этого «хождения по мукам» написал все тот же доктор Голицын:

«К несчастью, мирное положение вещей длилось недолго. Около конца января 1918 года в город вошел отряд Красной армии. Его появление сопровождалось арестами членов оппозиции в Совете. Были проведены новые выборы под контролем вооруженных солдат, после чего большинство в Совете перешло к большевикам. Появились декреты Совета — предписывалась немедленная выплата контрибуции в несколько миллионов рублей, дома конфисковывались в пользу новых правителей и их чиновников, товары и про-

дукты, привозимые из деревень, реквизировались на рынках, сбережения в банках контролировались и ограничивались, из домашних сейфов конфисковывались золотые монеты и драгоценности, свободная пресса и митинги запрещались и т. д. Короче, все то, что было сделано в Москве, было сделано и в Тюмени, только в более грубой и дикой форме.

Мы жили более или менее в безопасности: князю Львову пришлось жить под чужим именем, а я убрал титул из всех своих документов и был известен в городе как доктор Голицын из Москвы. Чистая случайность — арест молодого офицера с письмом от князя Львова в кармане — помогла установить наши личности, и последовал арест».

Конечно, не только злосчастное письмо стало причиной ареста мужчин. К тому времени, когда это случилось, в Тюмени, как и в других близлежащих городах Сибири и Урала, царила нервная обстановка: шли бесконечные проверки документов, как у местных, так и у приезжих. Чекисты действовали вместе с матросами. Причина была проста — неподалеку, в Тобольске, большевики держали в заточении Императора и всю Царскую Семью. Власти панически боялись заговоров, попыток освободить Государя и предпринимали все возможное, чтобы держать под своим контролем все и вся. Хватали всех, кто вызывал хоть малейшее подозрение... А тут — офицер с письмом от князя Львова, возле бывшего премьер-министра России — еще один скрывающийся князь и в добавление крупный помещик. Власти решили, что напали на горячий след крупной попытки освободить Царя. Поэтому делом арестованных занимались самые видные чины местной администрации.

Мужчины были арестованы, но женщин в покое не оставили. В квартирах, где жили путешественники, прошли обыски, были отобраны все найденные бумаги. У родной сестры матери семейства Лопухиных Евгении Павловны, в замужестве Писаревой, отняли дневник, который она вела с самого начала поездки на восток. Читали его, видимо, очень внимательно, так как некоторые записи вызвали дополнительные вопросы. Евгению Павловну, пожилую даму, вызвал к себе на допрос не кто-нибудь, а сам областной комиссар юстиции Урала... Сохранился протокол этого допроса. Главное, что интересовало его, — о чем и как говорили в своих домашних беседах Лопухин, князя Львов и Голицын. «А вот 29 января вы записали, что у всех упало настроение... Почему?», «А вот 22 февраля вы записали...». Поняв, что именно интересует комиссара, Евгения Павловна, чтобы предупредить, видимо, дальнейшие расспросы, заявила: «Подъем и

упадок настроения и у Г.Е. Львова, и у А.В. Голицына, и у Н.С. Лопухина, моего родственника, не находились ни в какой связи с борьбой тех или иных организаций или лиц против советской власти. Все они испытывали удрученное состояние духа лишь от сознания все большей и большей зависимости, в которую попадала Россия от Германии...»

Трудно поверить, чтобы дама произнесла такую тяжелую фразу. Но мы точно цитируем протокол допроса, поэтому пусть простится нам этот казенный язык...

Приведем несколько документов из следственного дела того времени, которое через семьдесят пять лет после событий сумел получить из архива для прочтения один из сородичей Николая Сергеевича Лопухина.

На бланке Исполкома Совета Урала за № 1572 от 19 марта.

«П о с т а н о в л е н и е

Переданных Комиссаром Западной Сибири тов. Закусом в распоряжение Областного Совета арестованных князя Львова, Голицына, Лопухина и других Областной Совет постановляет передать в распоряжение Следственной Комиссии при Екатеринбургском Революционном трибунале.

*Председатель Белобородов
Секретарь Сафаров».*

Тем, кто знаком с подробностями убийства Государя Николая II и Его Семьи, эти имена должны быть знакомы: именно эти люди вместе с Голощекиным, Юровским и Войковым были в июле 1918 года исполнителями тайного приказа Ленина и Свердлова об уничтожении всех Романовых, находившихся тогда на Урале.

«Постановление от 19 марта. Следственная Комиссия постановляет: граждан Г.Е. Львова, А.В. Голицына, Н.С. Лопухина и Н.В. Заболотского подвергнуть в качестве меры пресечения содержанию под стражей и заключить в Екатеринбургскую тюрьму».

Оставшиеся на свободе жены арестованных сразу же забили во все колокола: были посланы телеграммы о противозаконном аресте в Москву — в Наркомат юстиции, во ВЦИК, друзьям и знакомым с просьбой ходатайствовать об освобождении. Указывалось на совершенное непричастие путешественников к каким бы то ни было противоправительственным действиям. В Москве главным «мотором» «освободительной кампании» стала княгиня Анна Сергеевна Голицына, урожденная Лопухина, удивительно энергичная дама, которая отыскала и попросила о помощи бывших сослуживцев князя Львова по земству, которые еще пользовались авторитетом у тог-

дашних властей. Словом, было сделано все возможное, и уже скоро по этому поводу между Москвой, Екатеринбургом и Тюменью шла оживленная переписка.

«Срочно. Тюмень. Совдепу. Из Москвы. 20 марта 1918.

Предлагаю немедленно сообщить Москву народный комиссариат юстиции основания задержания князей Львова, Голицына, Лопухина. Если обвинений в конкретных преступлениях не имеется, арестованные должны быть освобождены. Перевод арестованных в Москву во избежание эксцессов в пути не желателен.

Замнаркомюст Ширвинский».

«Екатеринбург. Срочно. Из Москвы. 21 марта 1918.

Примите срочные действительные меры к отмене произвольного ареста морским карательным отрядом в Тюмени Львова, Голицына, Лопухина, а также применения меры пресечения. О результатах срочно сообщите. За народного комиссара юстиции Красиков».

«Екатеринбург. Срочно. Совдепу. 29 марта 1918.

Сообщите немедленно судьбе арестованных Львова, Лопухина, Голицына. Председатель ЦИК Свердлов».

В громком должностном хоре слабее звучали другие голоса:

«...Мой муж жил совершенно открыто, ни от кого не скрывался и принимал больных, я покорно прошу заменить ему меру пресечения под поручительство Тюменского отдела Пироговского общества врачей, согласие которого имеется...

А. Голицына».

«...Если нельзя освободить меня под честное слово до суда, то прошу хотя бы разрешить запросить о состоянии здоровья беременной жены. Прошу также разрешить получать газеты...

Н. Лопухин».

Тем временем атмосфера вокруг Тобольска, Тюмени и Екатеринбурга накалялась. Из воспоминаний бывшего видного чекиста А. Авдеева:

«В апреле при моем возвращении из Москвы со съезда партии меня вызвал председатель Екатеринбургского Совета Белобородов. Я от него получил... примерно следующую информацию: б. царь собрался удрать из Тобольска за границу... По имеющимся сведениям, побег бывшего царя готовят черносотенцы, съезжающиеся в Тобольск и вокруг Тобольска...»

Из разговора по прямому проводу между Екатеринбургским Советом и Московским ЦИК:

«Вчера прибыло подробное письмо из Тобольска, там все в руках офицеров. Даже Омский отряд изолирован от охраны... Просьба рас-

порядиться немедленно об ускорении вопроса о б. царской семье. Сделайте это телеграфно. 24 апреля 1918 года».

В конце апреля — в мае члены Императорской Семьи двумя группами были перевезены из Тобольска в Екатеринбург. Нервозность в городе нарастала. В таких условиях Следственная комиссия наконец рассмотрела ходатайства Москвы, адвоката и родных арестованных.

«П о с т а н о в л е н и е

г. Екатеринбург. 4 июня 1918 года.

Ознакомившись с материалами, добытыми расследованием по делу Н.С. Лопухина, Г.Е. Львова, А.В. Голицына, Н.В. Заболоцкого, и считая вполне доказанными попытки названных лиц начать активную борьбу с большевиками путем создания по городам Сибири добровольческих дружин, Следственная комиссия определяет: гражданину Николаю Сергеевичу Лопухину предъявить обвинение в пособничестве лицам, принимающим участие в подготовке вооруженных выступлений против Советской власти, в пособничестве, выразившемся в ознакомлении и обсуждении сообщений непосредственных участников подготовки добровольческих дружин, в оказании этим лицам содействия для выполнения планов, в командировании людей по городам Сибири для информирования и разведки.

Члены Следственной комиссии Войков, Поляков, Чуканов.

Приписка: Настоящее постановление мне предъявлено. Виновным себя не признаю.

Н. Лопухин».

Такие же обвинения были составлены в отношении князя Г.Е. Львова, князя А.В. Голицына и других. Стало ясно, что ни о каком серьезном рассмотрении их «дела» речи не идет. Рассчитывать на большевистское «правосудие» было нечего. Тем более, что председателем комиссии, чья подпись стояла первой, был тот самый Войков, который через полтора месяца станет одним из палачей Царской Семьи и автором мерзкой провокации. Это он сочинял письма якобы с воли за подписью «Офицер», которые получал в Ипатьевском доме плененный Государь. С помощью этих фальшивок чекисты пытались получить «доказательства» подготовки Императора к побегу. Войков, впрочем, со временем получит по заслугам — в 1927 году, когда он был Полпредом СССР в Польше, молодой белый эмигрант застрелит его из пистолета, мстя за гибель Царской Семьи. Коммунисты провозгласили Войкова героем, и, к сожалению, до сих пор одна из станций Московского метро носит имя этого провокатора и убийцы.

...А между тем, пока шла переписка по этому делу между Уралом и Москвой, пока жены наших героев хлопотали, а их московские друзья им помогали, пока сочинялись обвинительные заключения в адрес невинных путешественников, они сами сидели в тюрьме — месяц, два, три... сначала порознь, потом вместе.

Вот как писал об этом в своих мемуарах уже знакомый нам доктор князь А.В. Голицын:

«Нашими соседями были заключенные офицеры и студенты, священник, несколько должностных лиц старого режима, даже один политический эмигрант из Америки. Этот человек при Царе был осужден на 10 лет ссылки, бежал из Сибири в Канаду, после революции сразу же вернулся обратно, чтобы работать вместе с большевиками, но был почему-то посажен и сидел вместе с нами, как контрреволюционер.

Однажды ночью мы услышали внизу шум, нам сказали, что привезли важных заключенных. На следующее утро меня, как врача, попросили навестить пациента в одной из камер. Там я увидел высокого плотного человека с длинными волосами, в монашеской рясе и дрожавшего от лихорадки. У него был сильный бронхит, и я прописал лекарство. Это был архиепископ Гермоген из Тобольска, арестованный несколько дней назад... Архиепископ Гермоген был хорошо известной в России фигурой, но я его ранее не встречал и был рад помочь ему в этой печальной ситуации. Он играл крупную роль в 1905 году, как лидер контрреволюционного антисемитского движения в приволжских уездах, где он был епископом... Позже он с энергией начал бороться против Распутина. Под нажимом последнего его послали в один из монастырей в Польше. В 1917 году в начале революции он был назначен архиепископом Тобольска, города, куда через несколько месяцев были привезены Государь и Его Семья. Будучи страстным патриотом, Гермоген делал все, чтобы помочь несчастному Монарху. Это было просто чудо, что он так долго оставался на своем месте при большевиках. Его защита была популярна. У меня была возможность посетить его несколько раз в качестве врача и хорошо познакомиться с этим интересным человеком. Он был взят из нашей тюрьмы под предлогом возвращения в Тобольск. Но на борту парохода его замучили и выбросили в реку.

Во время наших вечерних прогулок мы встретились с еще одним новым узником. Высокий господин в военной форме с характерной внешностью стоял прислонившись спиной к стене в позе, выражающей глубокую скорбь и отчаяние. Когда мы приблизились, то узна-

ли в нем свиты Его Величества генерал-майора князя Василия Долгорукова, одного из виднейших представителей петербургского света и человека весьма близкого к Императору и Его Семье. Он добровольно последовал за своим Государем в ссылку и в тюрьму, а позднее принял и смерть. Мы узнали от него, что Государь и часть Его Семьи привезены в Екатеринбург и содержатся под арестом где-то в городе. Князь Долгоруков был очень обеспокоен их судьбой, и мы, как могли, утешали его.

Какое странное совпадение: здесь, в этом отдаленном провинциальном городке, находились в заключении одновременно последний Самодержец России и князь Львов, бывший в качестве премьер-министра Временного правительства, его преемником в управлении страной. В Екатеринбургской тюрьме были собраны люди, принадлежавшие к самым разным партиям и течениям: князь Львов — лидер прогрессистов, архиепископ Гермоген — человек, вдохновлявший «Черные сотни», князь Долгоруков — ультраконсерватор и монархист, господин Н. — политический эмигрант, который приехал, чтобы быть с большевиками, а теперь ненавидевший новый режим...

Население тюрьмы постепенно росло. Среди вновь прибывших были двое личных слуг Императорской семьи. Один из них — мальчик лет пятнадцати — товарищ игр Наследника Престола. Все они позже были расстреляны, в тот же день, что и их несчастный Господин...»

Недели через две после предъявления обвинительного заключения и почти через полгода после заключения в тюрьму арестованных неожиданно для всех и для них самих выпустили на свободу с условием жить в Тюмени и никуда не отлучаться до дня суда: когда он будет назначен, им сообщат и пришлют за ними человека... Позже они много думали над тем, чему были обязаны освобождением, но так и не пришли к определенному выводу, скорее всего, сыграло роль какое-нибудь незначительное обстоятельство — то ли перегруженность тюрьмы, в которую поступали все новые и новые арестанты, то ли чье-то ходатайство, то ли разногласие в чекистской верхушке Екатеринбурга...

Во всяком случае, наши путешественники вернулись в Тюмень и несколько дней чувствовали себя совершенно счастливыми. Особенно Николай Сергеевич Лопухин, который впервые увидел своего младшего сына — у Софьи Михайловны 1 мая 1918 года в Тюмени «под радостные возгласы пролетарской толпы, славившей международный праздник рабочих», как писал позднее старший сын нашего героя

Сергей Николаевич в своих мемуарах, родился сын Михаил. Это был последний представитель этой семьи, родившийся в России.

Однако вскоре положение в Тюмени стало меняться, и это заставило наших путешественников задуматься: по мере продвижения с востока армии адмирала Колчака в городе становилось все более тревожно. А тут еще весть о восстании на железной дороге чехословацкого корпуса, который ехал домой через Владивосток и по дороге серьезно влиял на политическую обстановку на станциях. Большевики чувствовали, что почва уходит у них из-под ног... В таких случаях лучше быть подальше, вне пределов их досягаемости, справедливо решили друзья. И решили бежать...

И снова — слово доктору Голицыну:

«Правящая партия становилась с каждым днем все более нервной и агрессивной. Большевики стали отправлять на Запад награбленное у населения добро, аресты распространились шире... Среди публики шепотом передавались подробности падения Омска, где сформировалось новое правительство Сибири. Люди тайно ликовали, поздравляя друг друга с радостными вестями... Мы покинули город пешком, разными дорогами, с единственной телегой, груженной нашим багажом. Наши друзья, оставшиеся в городе, могли получать сведения о действиях местных властей и обещали держать нас в курсе дел, происходящих в городе... Через сутки мы сошлись в заранее определенной татарской деревишке среди чистейших людей на прекрасных берегах реки Туры. Мы отдыхали, но это продолжалось всего четыре дня. На пятый друзья прислали нам из Тюмени мальчика, сообщившего, что нас разыскивают в городе... Нам советовали скрыться в какой-либо отдаленной деревне или даже в лесах... Новости с Востока были хорошими — чехословаки и вновь созданная Сибирская армия одерживали победы, и было ясно, что через неделю-другую антибольшевистские силы дойдут и до нас...»

После небольшого обсуждения мы трое (три мушкетера, как называл нас кузен Лопухин) решили оставить в деревне свои семьи, были, правда, и колебания, но возобладала уверенность, что наше отсутствие продлится какие-то дни. Кроме того, друзья-татары обещали заботиться о безопасности женщин и детей.

И мы отправились... Шли и ехали на случайных телегах на Восток, навстречу наступавшей Сибирской армии. Через несколько дней доехали до села Покровского, известного как родина Распутина. Нам повезло, что мы не оказались там раньше — ночью

накануне нашего приезда село прочесывал отряд красных, приплывший на моторной лодке из Тюмени: искали нас и других «буржуев», бежавших из города...»

Прервем увлекательный рассказ доктора Голицына, чтобы не задерживать читателя. «Три мушкетера» добрались до Ишима, занятого Сибирской армией, через неделю, оттуда на поезде отправились в Омск и стали ждать падения красной Тюмени. Но лишь через несколько недель пришло известие, что взят у большевиков Ялуторовск, городок в 80 верстах от Тюмени, а ее падение — дело двух-трех дней. Тогда они и отправились в путь, искать своих... Это были, понятно, самые тревожные дни. Но, наконец, волнения кончились — все оканчались снова вместе!

В колчаковской Тюмени путешественники расстались. Князь Львов принял предложение правительства А.В. Колчака поехать за границу и попытаться привлечь внимание и помощь новому Сибирскому правительству. Доктор князь Голицын со своим семейством решили остаться в Тюмени и здесь ожидать полного краха большевистского правления в России — Верховный правитель просил Александра Владимировича наладить систему военных госпиталей в Западной Сибири. А Лопухины решили ехать в Омск, там Николаю Сергеевичу была предложена хорошая должность в правительстве адмирала А.В. Колчака. Спальный вагон достать не удалось, но прекрасную теплушку Николай Сергеевич купил, и семья снова двинулась в путь по железной дороге на восток...

Так, вполне благополучно, закончилась эта весьма тревожная эпопея, когда наши герои каждый день бывали на волосок от гибели. Позднее стало известно, что все узники тюрьмы, где они содержались, были уничтожены большевиками. Не сложись столь удачно обстоятельства и не будь они сами так решительны и энергичны, арестованные вполне могли закончить свой путь в Екатеринбург...

Правда, для помощи им было сделано, кажется, все возможное, особенно помогли на первых порах хлопоты московских родных и знакомых. И тут следует отдать должное княгине Анне Сергеевне Голицыной, урожденной Лопухиной, сестре Николая Сергеевича и дочери того самого Сергея Алексеевича, на трехлетие кончины которого собралась в начале 1914 года большая лопухинская семья. На упоминавшемся снимке Анна Сергеевна сидит в самом центре, возле матери своей Александры Павловны.

Анна Сергеевна вышла замуж за князя Михаила Владимировича Голицына (это его брат доктор Александр Владимирович поехал в Тюмень в том самом вагоне) и, будучи аристократкой и по рожде-

нию, и по образу жизни в семье мужа, оказалась самой приспособленной к жизни в любых условиях. По мнению всех, кто ее знал, княгиня была удивительной женщиной. Она была главной движущей силой в своей семье, прекрасным воспитателем своих детей, а когда случился крах России и того общества, к которому она принадлежала, она более чем кто-либо другой нашла в себе силы жить в новых условиях. Княгиня Анна Сергеевна оказалась мастерицей на все руки: готовила обеды не только для своей семьи, но и для многочисленных родственников, которые жила под ее кровом или возле нее, не только стирала белье и чинила обувь, но и своими руками собирала из двух-трех пар пришедших в негодность башмаков новую пару для детишек...

Узнав об аресте в Тюмени брата и его спутников, княгиня развила бурную деятельность, организовала командировку в Екатеринбург адвоката, телеграфные обращения из разных красных инстанций о пересмотре их дела и т. д.

Она всегда всем помогала, и все, кто мог, помогали ей. Вот выдержки из нескольких писем Анны Сергеевны в Тюмень, а позже и в Харбин к своим уехавшим от большевиков родственникам.

Кажется, первое такое письмо было отправлено 16 января 1918 года, ее близкие уехали из Москвы только три недели назад.

«Мы живем понемножечку, известий, кроме газетных, нет никаких. 5-го и 9-го стрельбы почти не слышали, хотя она и была, сидели больше дома. Смерть Кокошкина и Шингарева надолго выбила из колеи нас всех, а в общем все-таки преобладающее настроение — отупение. Как-нибудь опишу свои похождения с большевиками, которые хотели захватить мои учреждения на Пресне. Кончилось моим полным торжеством... Теперь устраиваем концерт с Неждановой, сегодня получила от нее согласие... Кроме Неждановой будет Архипова, Качалов и постараюсь достать Собинова.

Ваша Анночка».

Нет нужды комментировать убийство матросами в больнице двух видных кадетов, депутатов Государственной Думы, это было сделано, без всякого суда, «в силу революционной целесообразности». Что же до «моих учреждений на Пресне», то княгиня Анна Сергеевна заведовала, конечно, на общественных началах, Народным домом для рабочих в этом самом пролетарском районе Москвы. Она устраивала для рабочих спектакли, концерты, стремилась приобщить их к искусству... Конечно, «полное торжество ее» длилось очень недолго. Уже весной княгиню из Народного дома выгнали, обвинив в «контрреволюционной агитации».

Позже, когда семья ее брата жила уже в Харбине, из Москвы приходили благодарственные письма от княгини за помощь продовольственными посылками, семья Голицыных тогда голодала.

«8 июля 1918 года.

Милая тетя Женя... Уж не знаю, какими словами отблагодарить Голицына (доктора А.В. Голицына. — *Примеч. ред.*) за его посылки. Ты знаешь, эти посылки произвели прямо переворот в нашем убогом бюджете, как подарки «от американского дядюшки». Мы все избаловались и поправились, а Дедушка и Бабушка прямо окрепли. Всю жизнь буду помнить его помощь нам».

Видимо, тетка княгини Евгения Павловна Писарева, урожденная графиня Баранова, поручила княгине Анне Сергеевне взять у знакомых оставленные ею семейные альбомы. Княгиня пишет ей в 1924 году в Харбин:

*«Тетя, я получила все твои пять альбомов фотографических и просто не могла насмотреться на них! Ведь все мои и лопухинские альбомы пропали, и я так долго не видела фотографий этих. Была я в Донском (на кладбище Донского монастыря. — *Примеч. ред.*), одна была, было чудное весеннее утро, все яблоны в цвету, и так ярко встали передо мною все милые ушедшие — и Папа, и братья, и дядя Рафаил, и вы все, уехавшие, и вся прежняя жизнь, и как-то растопилось сердце и я так плакала, как, кажется, никогда в жизни. А когда встала с этих могил, почему-то легче стало, и я пошла уже прямо обновленная...»*

В этом рассказе мы вряд ли уже вернемся к княгине Анне Сергеевне Голицыной, урожденной Лопухиной, поэтому хочется привести здесь в некотором сокращении рассказ о ней внука, князя Иллариона Владимировича Голицына, известного русского современного художника.

«Моя Бабушка Анна Сергеевна Голицына, рожденная Лопухина. Сколько душевных и физических сил отдала она мне! Как я себя помню, я помню Бабушку. Мать была занята больным отцом, нами тремя занималась Бабушка. От нее исходил свет. Она никогда не повышала голоса, озаряя своим светом наш семейный круг; сколько было волнений и бед — иногда критических — она всегда была собрана, энергична и никогда не поддавалась унынию. Она спасла меня от злой скарлатины. Я был очень плох. Отец написал ей в больницу (она жила со мной в палате) — «выходи Ларюшку!» и, как видите, она выходила меня...»

В 1930 году вся наша семья (11 человек), высленная властями из Москвы, оказалась в конце концов в Дмитрове, в 65 километрах

от столицы. Нас, недобитых, приютила добрая и, я теперь это понимаю, мужественная женщина Прасковья Павловна Иванова — зубной врач...

Бабушка была бесконечно религиозна и эту свою высокую Веру пыталась передать внукам. Сестра Елена — ее лучшая последовательница. В 30-х годах в Дмитрове было много действующих храмов. Шла служба и в знаменитом Успенском соборе. Смутно, но помню отпевание прадедушки Владимира Михайловича в этом храме (князь Владимир Михайлович Голицын был в Москве гражданским губернатором, а позже Московским городским головой. — Примеч. ред.). Больше всего ходили на гору, в Казанскую церковь села Подлпичья. Бабушка раз дала мне молитвенник, и я следил по нему за ходом службы и не так было тяжело стоять. Вместе с Бабушкой я вставал, когда нужно, на колени, и помню нестерпимую боль в моих костлявых коленках.

...У Бабушки было 7 детей, 17 внуков и 42 правнука. Трудно мне подсчитать те новые листочки на древе Бабушки, которые счастливо появились после 1972 года, года кончины Бабушки».

...Счастлив человек, который оставил по себе такую память, как княгиня Анна Сергеевна, да упокоит ее Господь в своих небесных селениях!

...Но мы очень далеко отклонились и от предмета, и от времени нашего повествования. Если помнит читатель, мы оставили наших путешественников, когда они, обзаведясь за неимением лучшего теплушкой, отправились в путь от Тюмени на восток, в столицу адмирала А.В. Колчака — Омск, где Николая Сергеевича Лопухина ждала работа...

Об этом отрезке пути на восток рассказывает в своих записках старший сын Николая Сергеевича Лопухина — Сергей, которому в то время было около шести лет. Он вспоминал о поездке из Тюмени в Омск через много десятилетий, поэтому у него остались только самые общие, может быть, даже детские впечатления...

«Раздобыв с громадным трудом товарный вагон — теплушку, моему отцу удалось устроить внутри вагона нары вдоль стен, а посередине его установить чугунную печь с трубой, выходящей наружу. Эта печка в моей памяти была центральным элементом нашей походной жизни: она постоянно топилась и зимой и летом, так как на ней готовили пищу всему «населению» вагона. Вечно на ней что-то варилось, а вокруг — сушилось. На крышу теплушки (когда была зима) была погружена в виде основной провизии целая бычачья мерзлая туша... Когда было нужно, Папа влезал на крышу с топором и отрубал кусок мерзлого мяса».

Из Тюмени семья отправилась в теплушке летом, но не следует относить зимние сцены к фантазии мальчика. Все это было, но на следующем этапе бегства Лопухиных, зимой, в сибирские морозы, о чем мы еще будем говорить.

«...Помню, как поезд медленно идет через березовый лес, — вспоминал впоследствии маленький беженец из Москвы. — Так медленно, что можно было хорошо разглядеть массу цветов и даже отдельные цветы среди сочной молодой травы. Как нам хотелось побегать, поиграть в этом лесу, собрать букет цветов... Но, нельзя, поезд движется на Восток, а когда будет остановка — никто не знает. И вдруг — остановка! Обычно кто-то из наших молодых тетей соскакивает и бежит к паровозу узнать: надолго ли остановились? Когда возвращались с известием, что можно сойти, погулять, мы с восторгом прыгали вниз, в протянутые руки наших тетей. Рвали цветы, собирали ягоды и грибы, пока не раздавался паровозный гудок. Тогда надо было опростетью бежать обратно к вагону, где нас уже ожидали другие руки, вытягивающие нас обратно в теплушку...»

«Кроме остановок на узловых станциях, — вспоминал Сергей Лопухин, — мы часто и подолгу останавливались, чтобы пропустить воинские эшелоны. А иногда просто не хватало топлива для паровоза, и все пассажиры (не исключая и женщин) отправлялись в ближайший лес рубить и пилить дрова. Задерживались и из-за того, что люди с поезда рыскали по окружающим деревьям в поисках продовольствия. Поезд часто трогался неожиданно, и его догоняли кто как мог...»

Омск встретил Лопухиных гостеприимно. Николай Сергеевич начал работать, но, кроме нее, со свойственной ему энергией развернул и коммерческую деятельность, что в будущем помогло ему — об этом речь еще впереди. Его сестры, младшие дочери Александры Павловны Евгения и Татьяна Сергеевны (на фотографии они полулежат на ковре), пошли сестрами милосердия в госпитали Русской Сибирской армии адмирала А.В. Колчака. Теплушку благообразно поставили в станционный тупик и переселились пусть и не в шикарные, но вполне приличные городские квартиры.

Жизнь Лопухиных в Омске налаживалась: размеренное существование, постоянные, пусть и небольшие, заработки, уютные квартиры... На какое-то время им даже казалось, что все это — надолго, прочно и что вскоре предстоит переезд в Москву. Победы армий Колчака, которые дошли до Волги, так же как успехи Добровольческой армии на юге, захватившей Орел, вселяли надежду на скорый разгром большевиков повсюду...

...О жизни путешественников в Омске можно было бы рассказать немало интересного, но это, наверное, тема для другого повествования. Упомянем лишь об одном случае, который через много лет вызовет весьма важное продолжение и, наверное, поэтому особенно запомнился путникам. Вот как вспоминал его позже сын главы семейства Сергей Николаевич:

«Наша жизнь в Омске была отмечена одним удивительным событием: однажды один папин служащий сказал Папá: «Знаете, Николай Сергеевич, я только что был на вокзале, где вповалку лежат раненые и тифозные больные, и, проходя мимо одного совсем еще молодого мальчика, услышал, как он в бреду все время повторял вашу фамилию...» Папа помчался на вокзал, разыскал этого больного, и что же! Это оказался его племянник Федя Медем, сын его троюродной сестры. Папа перевез Федю в больницу, всячески ухаживал за ним, а когда Федя выздоровел, взял его к нам. Когда же наступил срок очередной эвакуации на Восток, Федя поехал с нами и в Китае до 1923 года разделял нашу судьбу, пока ему не удалось связаться со своими немецкими родственниками, которые выписали его в Германию...»

Мы обрываем здесь рассказ о судьбе Федора Медема, но вернемся к нему, когда придет время...

...Временное омское благополучие семьи Лопухиных близилось, однако, к концу. Наступила пора неудач Сибирской армии, и вскоре адмирал Колчак и его правительство двинулись на восток. Вот тогда-то и пригодилась поставленная в тупик теплушка, вот тогда-то на ее крышу Николай Сергеевич Лопухин и водрузил с трудом уже отысканную в Омске мерзлую тушу, которая так запомнилась маленькому Сергею. Семейство покинуло квартиры, и снова началась походная жизнь, пока еще на станции Омск.

Но вскоре Николаю Сергеевичу повезло. Он добился, что его теплушку прицепили к личному поезду Председателя Совета Министров Сибирского правительства Виктора Николаевича Пепеляева. Об этом этапе путешествия, которое в общей сложности растянулось на двенадцать лет, мы расскажем устами Евгении Павловны Писаревой, родной сестры почтенной матери многочисленного лопухинского семейства. Она, как читатель помнит, вела дневник путешествия, первую часть которого отобрали в Тюмени чекисты. Публикуем выдержки из второй части, которая сохранилась и хранится у наследников.

«13. XII. 1919.

Продолжаем ехать страшно медленно, опять стоим, так как Колчак опять разговаривает по прямому проводу. Ходила с Танечкой гу-

лять, осматривать, конечно снаружи, поезд Правителя, состоящий из великолепных пульмановских вагонов Восточной ж. д. Перед его поездом идет бронированный поезд с пушками, а за ним поезд с золотой валютой. Кажется, что у Коли (Н.С. Лопухин. — *Примеч. ред.*) была не очень счастливая мысль прицепиться со своей теплушкой к поезду Председателя Совета Министров. Мы едем, во-первых, страшно медленно, а во-вторых, ехать с ним совершенно небезопасно: можно ожидать нападения. Уже некоторые пассажиры его поезда слышали будто бы выстрелы. Сейчас мы находимся в 45 верстах от Нижнеудинска (уездный город недалеко от Иркутска. — *Примеч. ред.*). Местность красивая, чудные леса. Коля ходил к поезду Правителя за новостями. Оказывается, в Иркутске восстание, но ничего определенного неизвестно».

«14. XII. 19.

...Чехами получена телеграмма от генерала Жанена, их прямого начальника, с приказом охранять поезд Верховного Правителя. Делается это с большим почетом, но похоже скорее на арест... Что будет дальше, кто возьмет власть? Жаль бедного Колчака, какие трудные минуты ему приходится переживать... Коля не знает, что нам лично делать. Ясно, что теперь нужно отцепиться от пепеляевского поезда и постараться прицепиться к какому-нибудь чешскому или другому эшелону... Мороз крепчает, наши шубы примерзли к стенам, на полу у стенки глыбы льда. Топим печь каменным углем, от копоти и дыма мы черны, как арапы».

«15. XII. 19.

Мы все еще в Нижнеудинске. Бедный Колчак и Председатель Совета Министров сидят в своих поездах, как арестованные. Колчаковский поезд с валютой привлекает внимание и вождение со всех сторон... Сегодня выпущена прокламация, объявляющая о низвержении Колчака. Кончилось Всероссийское колчаковское правительство. Бедный Колчак! Его судьба глубоко трагична. Его приближенные его по-прежнему оставляют, в его поезде оказывается все больше и больше свободных мест. Тягостное впечатление производит суэта, поднятая многими из поезда Колчака, которые перемещаются в другие эшелоны... К вечеру выхлопотали, чтобы нас прицепили к американскому эшелону...»

«16. XII. 19.

Мы только в три часа дня выехали из Нижнеудинска, оставляя за собой великолепные поезда Колчака и Пепеляева, в которых разыгралась такая глубокая трагедия. Наши планы меняются вместе с происходящими событиями. В Чите теперь может быть тревож-

но, и Коля решил сделать там только короткую остановку, чтобы дать нам, старухам, вздохнуть, постирать и помыться, а потом отправиться во Владивосток. Мы с Сашей (А.П. Лопухина. — *Примеч. ред.*) порядочно устали».

«18. XII. 19.

Приехали на станцию Тулуп и стоим целый день, говорят, нет паровозов. Отправились стирать и стряпать в ближайшую деревню, а тем временем Коля похлопотал, чтобы нас прицепили к поезду Макдональда, который должен был скоро отойти. Скорее побежали притащить из деревни мокрое белье и несваренный суп. Поехали дальше».

«20. XII. 19.

Ночью приехали в Чернихово. Сейчас тут все спокойно, но были столкновения и пострадавшие... Вечером Коля решил прицепиться к санитарному поезду и ехать, и будь что будет. Может быть, нас пропустят, а может быть, отправят назад».

«21. XII. 19.

Приехали перед вечером в Иннокентьевское и ждали, что будет дальше... Чешский комендант станции очень любезен и обещал, что нас от чешского поезда не отцепят и повезут дальше... Несмотря на это обещание, к великому нашему огорчению, поздно ночью нас перевезли обратно в Иркутск... Станция в руках чехов и японцев».

«24. XII. 19.

Сегодня сочельник, как грустно и тоскливо на душе. К празднику нас «обрадовали» известием, что мы поедем не раньше, чем через три дня. Семеновцы и юнкера совсем ушли из города, и город совсем во власти советов... Коля перед вечером достал у американцев сухих фруктов, и мы отпраздновали наши с Женей именины компотом».

«27. XII. 19.

Наш отъезд совсем был решен, мы должны были отправиться вечером. Но за один час до отъезда нам было объявлено, что нас не пустят, так как у нас нет разрешения от представителя новой власти — комиссара, который теперь водворился на станции. К нашему отчаянию, нас отцепили... Французская миссия как будто бы согласилась прицепить нас к своему поезду, но только с условием, чтобы в нашей теплушке не было ни одного мужчины. Как оказалось, в том же поезде ехала миссия Красного Креста, у которой был свой вагон. Коля сейчас же перебрался туда и не показывался на глаза... Наконец, в 9 вечера поехали, и с особым чувством и благодарностью к Богу перекрестились, когда поезд наш тронулся. Нас прицепили в самый хвост, даже после тормозного вагона, и нас сильно качало и трясло».

«29. XII. 19.

Утром приехали на станцию Тайга. Чудный день, на солнце совсем тепло. Любовались Байкалом и горами на другом его берегу, тонущими в какой-то голубоватой мгле... Коля решил ехать или в Харбин, или во Владивосток. Какое счастье, что нам удалось прицепиться к французам, они с нами удивительно милы и предупредительны. Стоим целый день. Французы ждут поезда Жанена. Сообщение с Востоком прервано».

«31. XII. 1919.

С утра мы в Мысовой. Сегодня три недели нашего путешествия. Чем дальше мы едем, тем туманнее и безнадежнее представляется наше будущее. Коля мечтает об Америке. Если и во Владивостоке будут большевики, ему там нельзя оставаться и он тогда хотел бы попасть в Америку. А мы только и мечтаем, только и молим Бога, чтобы добраться до Юга России каким бы то ни было образом. Все решили пораньше лечь спать, чтобы не встречать нового года».

«12. 01. 1920.

После долгой-долгой остановки рано утром опять поехали. Едем быстро, остановки на станциях короткие со звонками, как в доброе старое время. Днем остановились в Андриановке, где к нам прицепили три паровоза, так как отсюда начинается большой подъем».

«14. 01. 20.

Вечером приехали на станцию Даурия, где, говорят, производится осмотр и задерживается серебро, золото и продовольствие... Коля еще в Чите достал разрешение на провоз продовольствия и столового серебра, но все равно очень боялся семеновских солдат. Он никому не позволил выйти на станцию, и мы сидели притаившись, ожидая всяких неприятностей. К нашему удивлению и радости, мы стояли там очень недолго и поехали дальше. Никто к нам и не заглянул, наверное, это благодаря французам. Вечером приехали в Манчжурию (пограничная станция. — *Примеч. ред.*). На станции много китайцев. Коля радуется, что мы приехали уже в Китай, а мне так тоскливо уехать из России».

«17. 01. 20.

...Узнали о восстаниях в Уссурийске и других городах Дальнего Востока. Всюду большевики. Сообщений с Владивостоком нет... Слухи о восстаниях подтверждаются... Может быть, нам придется остановиться в Харбине».

«18. 01. 20.

Приехали в Харбин в 5 часов утра».

«20. 01. 20.

Вчера Коля перевез свою семью в гостиницу. В теплушке осталось только 7 человек, стало просторнее и тише. Хоть бы нам найти себе пристанище, так хотелось бы перебраться в сухую комнату».

«23. 01. 20.

Вчера переехали в большую неудобную гостиницу. Коля, которого мы не видели два дня, показался нам очень озабоченным. Все дорого, деньги летят рекой и дальнейшее устройство семьи очень не легко. Великое счастье, что общество, которое Коля основал еще в Омске — «Сибур», — тут уже с успехом работает, и Коля сразу принялся за работу и получает хороший заработок...»

Так закончилось для Лопухиных это долгое — почти в два года — и длинное — через всю Россию — путешествие, имевшее единственной целью уйти от большевиков. Тогда они думали, что все трудное и тяжелое позади, в прочность новой власти на своей Родине не верили и подсчитывали, сколько времени придется провести в Харбине, прежде чем можно будет вернуться в Москву. Прошло несколько недель, и до Харбина добрались бежавшие из Тюмени Голицыны. «Мы все с трепетом ждали их, — записала в том же своем дневнике Евгения Павловна. — У всех вид прекрасный. Они приняли большие мучения в Иркутске и подъезжая к нему, а оттуда ехали совсем хорошо. Я счастлива, что Голицыны приехали. Они устроились со знакомыми недалеко от нас».

...Китайский Харбин был тогда почти целиком русским городом, о причинах этого, о харбинской жизни начала 20-х годов написано достаточно много, и нет смысла повторять. Заметим лишь, что Лопухины устроились там совсем неплохо: Николай Сергеевич трудился сначала в филиале основанной им же еще в Омске фирмы, что на первых порах воспринималось как большая удача, но со временем потребности семьи росли, хоть сама она и уменьшилась — уехали в Европу морем Александра Павловна с дочерьми и ее сестра. Николай Сергеевич перешел на другую работу — стал заведующим финансовым отделом Китайско-Восточной железной дороги. Кроме очень хорошей заработной платы у него был теперь персональный автомобиль с шофером, бесплатное купе 1-го класса в любом поезде, ложа в городском театре и даже даровые билеты в кино. Во второй половине 20-х годов семья регулярно ездила на курорты, где снимала отдельный меблированный дом. К этому времени, уже в Китае, у Лопухиных родились еще две дочери — Татьяна и Марина. Вместе с тремя, вывезенными из России и родившимся в Тюмени Михаилом, детей в семье было уже шестеро.

...И вдруг тучи снова начали сгущаться. Китайцы стали постепенно, но настойчиво заменять иностранцев, работавших на КВЖД, своими специалистами, обучившимися в Европе. Пришла пора и Н.С. Лопухину уступить свою должность китайскому специалисту. Правда, ему предложили другую, но она не шла ни в какое сравнение с прежней. Появились сложности и политического характера: власти потребовали, чтобы харбинцы решили, кто они — предлагалось стать на выбор либо китайскими, либо советскими гражданами. Китай уже наладил отношения с СССР и хотел определенности...

Снова встал вопрос о переезде — в Европу. Тем более, что уехавшие несколько лет назад родственники и друзья в письмах уверяли, что неплохо устроились во Франции. Решение ускорило неожиданное и печальное происшествие: семью обокрали, да так основательно, что вещей осталось совсем немного. «Перст Божий, — мрачно пошутил по этому поводу Николай Сергеевич, — меньше придется везти с собой...»

...От Москвы до Парижа, как известно, около двух с половиной тысяч верст. Семье Николая Сергеевича Лопухина, чтобы добраться из Первопрестольной до французской столицы, понадобилось двенадцать лет и 40 тысяч верст пути — фактически кругосветное путешествие, растянувшееся во времени. Если первая часть его длиной в четверть земного экватора прошла по суше, то остальной путь оказался морским. Денег на такой переезд, конечно, не было. Помогли родственные связи. Муж тетки Николая Сергеевича граф К.П. Хрептович-Бутенев, располагавший тогда солидными средствами, прислал на дорогу 500 долларов, большую по тем временам сумму, а другой родственник, князь А.С. Оболенский, занимавший видный пост в американской судоходной компании, устроил Лопухиным даровой проезд до Нью-Йорка на грузовом пароходе «Сити оф Эльвуд», который скоро должен был прийти за товарами в Гонконг...

Из Харбина в Циндао поездом, из Циндао в Шанхай шли японским пароходом, а из Шанхая в Гонконг — американским пакетботом «Президент Пирс». Еще две недели ожиданий в Гонконге, и в начале ноября 1929 года вся семья — двое взрослых, шестеро детей и 26 мест багажа оказались на борту транспорта «Сити оф Эльвуд». На судне было пять пассажирских кают, из коих три отдали Лопухиным. Началось двухмесячное плавание, маршрут которого зависел от назначения коммерческих грузов, которые везло судно. Оно поднялось сначала на север, к Алеутским островам, затем спустилось на юг, к берегам Формозы, потом направилось на восток, через Тихий океан к Американскому континенту. В середине декабря

увидели встающие из океана бело-розовые здания Лонг-Бич, а там и Лос-Анджелес. Здесь жила родственная семья Голицыных, спутников по давней «вагонной эпопее» 1918 года. Все они во главе с доктором Александром Владимировичем приехали на причал в своем огромном «бьюике», и, поскольку пароход отходил только поздним вечером, путешественники поехали в гости к родным. И уже в темноте — опять пароход, и снова в путь. По левому борту потянулись берега Калифорнии, а там и Панамский канал, Карибское море, Атлантика... Когда 25 декабря, в день католического Рождества Христова, «Сити оф Эльвуд» пришвартовался к набережной Нью-Йорка, была зима и на крышах домов лежал снег.

Радость встречи с родными — семьями князей Оболенских и Трубецких — была омрачена для матери семейства Софьи Михайловны, урожденной Осоргиной, скорбной вестью: осенью 1929 года на Соловецких островах в ходе чекистской акции устрашения был расстрелян ее младший брат, Георгий Михайлович Осоргин. Узнав о намерении нескольких заключенных бежать из лагеря, власти расстреляли каждого десятого узника, в тот день погибло более ста человек...

Быстро пролетела неделя, и снова — в путь, на американском пароходе «Ауралия». Семь дней зимней штормовой Атлантики, и, наконец, Франция, Гавр. На причале — старший брат Софьи Михайловны, Михаил Михайлович Осоргин, и снова недобрая весть для нее — две недели назад в Кламаре скончался ее любимый дядя, князь Григорий Николаевич Трубецкой. Позже дети вспоминали, что они впервые видели, как их мама плачет при них, закрыв лицо руками... На парижском вокзале Сен-Лазар, к удивлению путешественников, их встречала целая толпа, человек пятьдесят, — все родственники, оказавшиеся тогда во Франции, пришли встретить Лопухиных, наконец-то после стольких лет разлуки соединившихся со своими близкими...

У кого были в гостях в первый день, позже так и не могли толком вспомнить, а потом отправились в Кламар. Сейчас это пригород Парижа, а в средние века там стоял охотничий замок, куда наезжали в сезон французские короли. Вокруг него и вырос небольшой городок. Он уютно расположился на опушке знаменитых Медонских лесов, когда-то полных оленей и дичи, которые тянутся отсюда до самого Версаля. На краю городка стоял, да и сейчас стоит, старинный дом с парком, который купили князья Трубецкие, кажется, первыми «освоившие» Кламар. Впрочем, к приезду большой семьи Николая Сергеевича Лопухина здесь было уже много русских, часто связанных между собою родственными узами. Особенно Кламар стал

известен «русскому Парижу» после того, как в 1923 году стараниями семей Лопухиных, Трубецких и Осоргиных в парке возле домов была построена церковь во имя Святых Равноапостольных Константина и Елены — старший сын хозяев имения, князь Константин Григорьевич Трубецкой, погиб в годы Великой войны. Отметим, кстати, что церковь Константина и Елены в Кламаре была первым православным храмом, построенным во Франции русскими эмигрантами. Она и сегодня продолжает оставаться на содержании семей Лопухиных и Осоргиных, которые продолжают жить в этой усадьбе по сей день...

Так закончились десятилетние скитания семьи, и она обрела наконец постоянное пристанище. Сергей Николаевич Лопухин, записки которого мы не раз цитировали здесь, считал, что «приезд в Кламар можно назвать началом нашей эмигрантской жизни, так как в Харбине мы себя эмигрантами не считали. По крайней мере, мы — дети».

Приезд семьи Лопухиных в Кламар совпал с годами экономического кризиса, жить было трудно всем, вновь приехавшим — в особенности. Старших мальчиков отправили учиться в разные школы, туда, где удалось получить специальные учебные стипендии, ибо платить за обучение было нечем. Николай Сергеевич стал работать в «юридическом кабинете» своего родственника, получая маленькое жалованье. Когда старший сын, автор известного нам дневника Сергей Николаевич, в 1933 году окончил с серебряной медалью русскую гимназию в Париже, он решил поступить на работу, чтобы поддержать родителей, — был садовником, коптильщиком рыбы, разносчиком молока, механиком по пишущим машинкам...

Шли годы. Сергею Николаевичу было почти 25 лет, когда в 1938 году он женился на Александре Сергеевне Тимашевой, которую в семье все называли ласково Трешей. «Жизнь была очень трудная, но казалась нам прекрасной», — писал он много лет спустя об этом времени. Тогда никто не думал, что уже через год начнется Вторая мировая война...

Вернемся теперь на какое-то время назад, далеко назад, чтобы проследить хотя бы коротко судьбу еще одной ветви рода Лопухиных, принадлежащей к «Григорьевичам», которую в начале века представлял весьма чиновный господин, бывший, как говорят, «на виду», Николай Николаевич Лопухин, потомок екатерининского бригадира и нескольких гвардейских офицеров. В молодости он служил в тяжелой гвардейской кавалерии, в 1890 году вышел в отставку

полковником лейб-гвардии Конного полка и был назначен обер-церемониймейстером Высочайшего Двора. Это соответствовало третьему классу по Табели о рангах и чину генерал-лейтенанта или тайного советника. Однако придворными обязанностями Николай Николаевич занимался мало, потому что он был не только храбрым гвардейцем, но и хорошим дипломатом. Он был лично известен Императорской Семье и часто выполнял доверительные дипломатические поручения Государя и Государыни. Придворное звание при этом ему только помогало. Довольно много времени он провел в Великом Герцогстве Гессенском, в Дармштадте, откуда родом была Государыня Александра Федоровна.

Как мы упоминали выше, Н.Н. Лопухин уехал в 1918 году из Москвы в свое французское имение. Это имение появилось у него так. Николай Николаевич был женат на Марии Николаевне, урожденной графине Клейнмихель, внучке знаменитого графа Петра Андреевича Клейнмихеля, который строил первую в России большую железную дорогу из Петербурга в Москву и был Главнoуправляющим путей сообщения Империи. У Марии Николаевны оказалось слабое здоровье, и врачи порекомендовали ей сменить петербургский климат на более мягкий. Н.Н. Лопухину указали на небольшое имение с замком в Бретани, на берегу Бискайского залива возле Конкарно, что в 100 милях южнее Бреста. Оно продавалось не очень дорого. Супруги съездили туда, уютный замок им понравился, и покупка состоялась. Вскоре после рождения в 1902 году их первенца Адриана семья переехала в Бретань. Сам Николай Николаевич жил, как говорят, на два и даже на три дома — у него были дела и в Петербурге, и в Дармштадте, но все свободное время он проводил в своем французском имении.

Когда разразилась революция, Николай Николаевич Лопухин — убежденный монархист и патриот православной Императорской России — не колебался в выборе дальнейшего пути. Об его отъезде из России в числе других мы коротко упомянули в самом начале этого очерка. Теперь пришло время рассказать о нем немного подробнее. Средства, к счастью, позволяли, и он, оставив на произволение Божие недвижимое в России, навсегда поселился в Бретани. Там и жили Лопухины и даже принимали под свой кров обездоленных родственников.

Сохранились любопытные воспоминания об этом лопухинском имении. Княгиня Татьяна Илларионовна фон Меттерних, урожденная княжна Васильчикова, вышедшая в эмиграции замуж за потомка знаменитого австрийского канцлера, соавтора Священного Союза

1815 года князя Клеменса Меттерниха, писала в недавно выпущенной автобиографической книге «Женщина с пятью паспортами» о своем детстве, которое прошло в эмигрантских скитаниях по Европе:

«Во время наших странствий мы повсюду, даже в самых неожиданных местах, наталкивались на русских родственников и друзей; и Бретань не разочаровала нас в этом отношении, так как очень скоро мы нашли родственников Лопухиных на другой стороне бухты Конкарно. Войны и революции обошли их стороной. Они жили в старом сводчатом здании, обвитом пыльным садом.

Казалось, что мы посетили мир Моне и Будена. Пожилые господа носили белые костюмы, шляпы-панамы и имели изящные трости, как это было модно в Бордигере в начале века. Тетя была толстой и уютной, высокий воротник ее кружевной блузки был сильно накрахмален, волосы она носила под мягкой шляпой, уложенными в строгий узел. Без всякого кокетства она выглядела так, как будто бы ее внешний облик приобрел такой вид много лет назад — раз и навсегда. Мы представляли себе, как они ходили по маковым полям или прогуливались при заходе солнца по покинутому, продуваемому ветрами берегу моря. Мило и радушно Лопухины приглашали всех нас, мамá и шестерых детей, на вкуснейшие обеды, составленные как стихотворения: вкус, цвет, начало и конец — все было тщательно продумано и подобрано. Казалось, что наши гостеприимные хозяева никогда не покидали дом, в котором они жили, как в привязном аэроплане; и тем не менее они были в курсе всех событий. Мама наслаждалась беседой с ними и утверждала, что они жили не на Луне. Пока она болтала с ними, мы — Георгий, Беби и я — сидели на молу гавани Конкарно и рисовали, в то время как рыбаки сворачивали свои большие, красные паруса и шли домой, чтобы выгрузить улов серебряных извивающихся сардин...»

Забегая вперед, заметим, что лопухинское гнездо в Бретани служило своим хозяевам более полувека. Оно было продано уже после Второй мировой войны, его последний владелец Адриан Николаевич Лопухин переехал на жительство в Париж и пребывал там в одиночестве, пока случайно не встретился с парижскими Лопухинскими. О том, как это случилось, рассказала недавно князю Вадиму Олеговичу Лопухину супруга Михаила Николаевича Лопухина, родившегося, как мы помним, в 1918 году в Тюмени по дороге из Москвы в Харбин. Мария Васильевна, урожденная княжна Оболенская, вспоминала, как когда-то давно, едва ли не в 60-х годах, она случайно увидела на автобусной остановке в Париже пожилого мужчину, удиви-

тельно похожего на родных ее мужа — действительно, многие замечали, что так называемый «лопухинский тип» трудно перепутать с каким-либо другим. Когда она навела справки у знакомых, Марии Васильевне ответили: «Совершенно верно, это Адриан Николаевич Лопухин, недавно приехавший в Париж». Они познакомились, подружились. Адриан Николаевич рассказал об истории своей семьи, о смерти матери, потом отца в 1947 году, о продаже имения в Бретани... Он хотел даже передать Михаилу Николаевичу хранившуюся в их семье с давних пор реликвию — крест Царицы Евдокии Федоровны, который, по преданию, был с нею во время злосчастных мытарств по монастырям и тюрьмам. Михаил Николаевич не решился тогда принять столь ценный дар, просил владельца посоветоваться со старшими Лопухиными. А позже стало известно, что Адриан Николаевич отправил крест Царицы Евдокии «в один из советских музеев». Все позднейшие попытки выяснить, в какой именно и через кого, ни к чему, конечно, не привели. Скончался Адриан Николаевич в конце 70-х годов.

...Теперь нам предстоит снова вернуться назад. Мы коротко рассказали о двадцатилетних скитаниях кламарских Лопухиных и довели рассказ о них до трагического 1939 года. Мы поведали о семье Лопухиных, которая после революции обрела пристанище во французской Бретани. Теперь пришло время вновь обратиться к российским реалиям, рассказать о судьбах тех Лопухиных, которые на историческом переломе оказались в России.

Если читатель помнит, в начале 1918 года, когда известный нам Николай Сергеевич Лопухин — принадлежавший уже к «Тимофеевичам» — решал вопрос о том, как надежнее обеспечить безопасность своей семьи, у него возникла была мысль «переждать» большевистскую смуту в родовом имении Хилково. Тогда он от нее отказался, и, как мы увидели, правильно сделал.

Иначе решил для себя этот же вопрос младший брат Николая Сергеевича — Алексей Сергеевич Лопухин. На известной фотографии он стоит между братьями Николаем и Михаилом и тоже под портретом. Алексей Сергеевич был человеком не столь энергичным, как братья, и даже, напротив, довольно бездеятельным, и решил, что Хилково самое надежное убежище. «Был он мечтатель, идеалист, хороший человек, но уж очень инертный, его сравнивали с Обломовым», — писал об Алексее Сергеевиче его племянник, князь Сергей Михайлович Голицын.

А вот что пишет о молодости своего отца Татьяна Алексеевна Родзянко, урожденная Лопухина, вспоминая о нем через много десятилетий:

«Ни предприимчивостью, ни энергией своих братьев Алексей Сергеевич не обладал. Это во многом затрудняло жизнь нашей многочисленной семьи в скитаниях по разным странам и в эмиграции... В молодости он увлекся театром, был вольнодумцем. Но в театре он скоро разочаровался, почувствовав в нем фальшь и чувства, и интриг по сравнению с настоящей жизнью. Своими размышлениями и читая Евангелие, он пришел к глубокой, искренней вере, ставшей его путеводительницей по жизни во времена великих потрясений в России, затем в Европе и в США.

Алексей Сергеевич женился на баронессе Фекле Богдановне Мейендорф во время гражданской войны на Кавказе, где он в то время служил в отделе снабжения санитарных поездов. Фекла Богдановна была сестрой милосердия на одном из таких поездов. Она нам, детям, со смехом рассказывала, как она на свое венчание в церковь ехала на ступеньке переполненного трамвая, держась за ручку и стоя на одной ноге. После войны Алексей Сергеевич служил некоторое время в местном суде, по образованию он был юристом. Но это продолжалось недолго. Его уволили за то, что он судил по совести, а не по предписаниям «новой революционной законности». Оставшись без места и уже с первым сыном, Алексей Сергеевич с помощью своей сестры, Анны Сергеевны Голицыной, переехал в Хилково, бывшее имение своих родителей, где ему предоставили возможность арендовать фруктовый сад своих родителей и устроить таким образом жизнь своей растущей семьи. Прожили мои родители в Хилкове всего год или полтора. Это было, кажется, самое счастливое время в жизни моего отца. Из Хилкова он писал своему брату в Париж, что он счастлив и что ничего лучшего от жизни он не хочет».

Такое отношение Алексея Сергеевича к Хилкову и своей жизни там подтверждается и другими источниками. Та самая княгиня Анна Сергеевна Голицына, урожденная Лопухина, сестра Алексея Сергеевича, которая, по словам дочери А.С. Лопухина, помогла ему переехать в Хилково, та самая «милая Анночка» писала в те дни своим родным в Харбин: «...Алеша привез вишни хилковские и огурцы и все распродал тут же утром. Алеша многим напоминает, конечно внешностью, Папá. Он ходит по Хилковскому саду в широком белом пиджаке и походкой издали совсем похож на Папá, ходит и интенсивно мечтает о восстановлении Хилкова и медленными шагами все-

таки к этому двигается. Он оживлен, счастлив бесконечно женою, сыном и Хилковым и очень мне мил и приятен. Все трудности жизни старается не замечать, а на все хорошее — красоту природы и т. п. — смотрит с восхищением. Он недурно острит, и на мое восклицание: «Вот не ожидала, что ты будешь хозяйничать в Хилкове», он говорит: «Блаженни кроции, ибо наследят землю». Но сейчас же прибавляет, что как только братья приедут, все это будет, конечно, общее, и с грустным лицом говорит, что он хозяйничать им предоставит, а сам отстранится. Часто ему очень трудно, но он бодр и философски смотрит на совершенно нищенские лохмотья свои и своей жены; правда, что все стараются им помочь и понемногу кое-что все-таки собирается. Сейчас он уехал назад в Хилково, в телеге, конечно...»

Такая идиллия, очевидно, не могла продолжаться долго. Помещик в своем поместье в начале 20-х годов — это был нонсенс! Алексея Сергеевича арестовали как «бывшего», затем выпустили и через какое-то время снова арестовали, «просто так». А вот третий арест был уже серьезнее.

В начале 1928 года в московских газетах появились статьи, которые назывались почти одинаково: «Осиное гнездо в Сергиеве», «Гнездо черносотенцев под Москвой», «Враги окопались рядом» и т. д. В них перечислялись десятки священнослужителей и просто верующих людей, живших или часто бывавших в Сергиевом Посаде и Троице-Сергиевой лавре. Газеты обвиняли этих людей в «ужасных вещах». Один из них на требование письменно отречься от Бога дерзко ответил: «Мои убеждения этого не позволяют»; другой, когда чекисты кощунственно вскрывали мощи преподобного Сергия Радонежского, осмелился благоговейно снять шапку. Алексея Сергеевича Лопухина обвинили в том, что он согласился быть представителем своего прихода при высшем церковном управлении в Москве. Газеты полнились требованиями примерно наказать «врагов трудового народа и его охмурителей».

По этому «Сергиевскому делу» было арестовано 80 человек, все ордера на арест подписал лично тогдашний зампред ОГПУ Ягода. Среди арестованных были, например (цитируем по опубликованному тогда списку), «Родзянко Ксения Андреевна, 47 лет, б. дворянка...», Васильчикова Екатерина Павловна, 21 год, б. дворянка..., Лопухин Алексей Сергеевич, 46 лет, б. аристократ-помещик..., Флоренский Павел Александрович, 39 лет, б. профессор духовной академии..., Шаховская Анна Дмитриевна, 39 лет, б. княжна, научный сотрудник музея..., Сморгков Никон Фролович, 59 лет, б. иеромонах, сторож

музея..., Лагутин Тихон Михайлович, 55 лет, крестьянин...». Люди разных сословий, разного общественного положения.

Показательно, что следователи ограничились всего лишь одним допросом арестованных, и интересовала их в ходе этого допроса всего одна проблема: отношение человека к прежней власти и к нынешней. Ответы, понятно, оказались схожими. Алексей Сергеевич Лопухин, например, судя по протоколу допроса, сказал так: «Назвать себя сторонником нынешнего государственного устройства России не могу!»

Сначала всем обвиняемым готовился приговор — десять лет заключения в Соловецком лагере особого назначения. Но вмешался Политический Красный Крест, возмутились иностранцы, которые были тогда нужны советской власти, и приговор смягчили — высылка со степенью ограничения «минус шесть». Это означало, что высланный не имел права жить в шести крупнейших городах страны... Отец Павел Флоренский выбрал себе «разрешенный» Нижний Новгород, Алексей Сергеевич Лопухин — Тверь.

«В Твери отец зарабатывал на жизнь вязанием чулок, в чем помогла ему наша мама и его сестра Анна Сергеевна Голицына, — писала в своих воспоминаниях Татьяна Алексеевна Родзянко. — Тетя Анночка, так мы называли нашу тетю, добывала ему пряжу, нитки для чулок в Москве, он вязал на приобретенной для этой цели специальной машине чулки, а племянницы Маша и Катя Голицыны продавали эти чулки в Москве. Вечерами отец долго сиживал за вязанием, а я под однообразное журчание машины засыпала. Когда стало невозможно добывать пряжу для чулок, отец поступил на работу в горкомхоз на должность «пробёра» — ежедневно, без выходных брал пробы воды в Волге и ее притоках Тверце и Тьмаке... Заработок от этой работы был невелик. Помню, были дни, когда за обедом и ужином у нас была одна картошка: днем вареная в мундире, вечером — жареная. Но никто из-за этого не унывал».

«Самым ярким воспоминанием жизни в Твери было для меня появление в нашей семье баронессы Александры Богдановны Мейендорф, тети Сандры, сестры матери, — вспоминала дочь Алексея Сергеевича. — Это было рано утром. Я проснулась в своей кровати с высокими заборчиками, из-за которых я сама тогда еще не вылезала. Никто из взрослых меня не вынимал, и я стоя наблюдала пробуждение семьи. Моя кровать стояла неподалеку от окна, выходящего на улицу. Вдруг я заметила, что какая-то чужая женщина стучит в окно и жестами пытается объяснить мне, чтобы я обратила на нее внимание матери. Эта немая сцена продолжалась недолго, наконец мама

взглянула в окно и с радостным криком «Сашка-а!» бросилась открывать дверь. Радости не было конца. Тетя Сандра вернулась с Соловков, где она отбыла пятилетний срок заключения... Тетя поселилась с нами в той же избе, где для нее отгородили часть передней с окном во дворик...»

Так и жили, пока мать семейства Фекла Богдановна не решила взять судьбу семьи в свои руки и стала хлопотать о разрешении на выезд в Эстонию, где жила тогда ее семья. хлопоты увенчались успехом, благодаря помощи все того же Политического Красного Креста, который возглавляла Екатерина Павловна Пешкова. Многие русские семьи разных сословий навсегда сохранили благодарную память об этой женщине, не боявшейся в самые страшные времена помогать «неблагонадежным». Но разрешение на выезд оказалось лишь частью проблемы. Очень дорого стоили тогда заграничные паспорта, причем купить их (при наличии разрешения на выезд, конечно) можно было не на «совдензнаки», которые не стоили ничего, а только на золото или твердую валюту. Ни того ни другого у Лопухиных не было. Эстонские Мейендорфы буквально «выкупили» своих родных у «народной власти», прислав из Эстонии нужную сумму. Наконец все вопросы были решены, и в 1935 году семья, в которой было к тому времени семеро детей, уехала в Эстонию. Алексей Сергеевич ехать не хотел, но уступил настояниям жены. «Дядя Алеша приезжал к нам прощаться, жалкий, удрученный, не знающий, что его ждет», — писал позже князь С.М. Голицын.

А дети радовались вместе с матерью. «В Эстонии ожидал нас действительно уголок, похожий на рай земной, — вспоминала Татьяна Алексеевна Родзянко. — Старинное имение семьи Мейендорфов Кумна в 1935 году еще оставалось почти таким, как было до революции, с той только разницей, что не было прислуги, и все по дому и имению делали сами с помощью двух-трех рабочих, нанимаемых на время усиленных полевых и садовых работ. Жили доходами с сельского хозяйства, огорода и фруктового сада. Летом сдавали дачникам комнаты в большом старом родовом доме и других небольших строениях старого времени».

В Кумне жили тогда не только хозяева имения и приехавшая из России родня, но много и других родственников и родственниц с мужьями, женами и детьми. Вечерами в гостиную собиралось большое и веселое общество. Часто приезжали старые друзья — графиня Марион фон Пиллар, крупный землевладелец Федор Антонович Гизетти с женой Еленой Антоновной и ее матерью Ядвигой Васильевной Редигер, которая, кстати, приходилась родной бабушкой нынеш-

нему Предстоятелю Русской Православной Церкви Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II.

Почти идиллическое существование в имении Кумна закончилось с началом Второй мировой войны, а тревога разлилась в воздухе еще раньше, когда в Москве неожиданно для всех был подписан советско-германский пакт. О его секретных статьях, делящих Европу на зоны влияния, тогда, естественно, никто не знал, но всем было понятно, что фашистско-большевистская дружба ни к чему хорошему привести не может. Вскоре оправдались самые худшие ожидания — в Прибалтику пришла советская власть... Нужно было снова бежать, но теперь уже всем обитателям уютной, милой и красивой Кумны...

...Эту главу мы ограничили временными рамками 1939 года, поэтому снова прервем наше повествование, чтобы опять вернуться назад, в печально памятный 1917 год, к другим Лопухиным, для которых революционные события также обернулись бедами и страданиями.

До сих пор мы говорили о судьбах двух братьев Лопухиных, избранных на памятной фотографии, — Николая Сергеевича и Алексея Сергеевича. Их следующий по старшинству брат Петр Сергеевич стал, окончив юридический факультет Московского университета, адвокатом, но влекло его иное — христианская философия, богословие, православная церковная жизнь. В этом его поддерживала и жена Татьяна Владимировна, урожденная княжна Голицына. В Великой войне П.С. Лопухин не участвовал, революцию категорически не принял и добровольцем участвовал в Белом движении. После падения Крыма вместе с семьей он сумел выбраться с полуострова. Сначала оказался в Болгарии, где его постиг тяжкий удар — двадцати восьми лет от роду в Софии скончалась его жена. Потом была Сербия, где не только сосредоточилась тогда наиболее непримиримая и деятельная часть эмиграции, но и созидалась Русская Зарубежная Православная Церковь. Петр Сергеевич Лопухин еще в России был знаком со знаменитым митрополитом Киевским Антонием (Храповицким), а теперь, в эмиграции, стал одним из помощников этого «великого аввы», как называли владыку Антония в зарубежных русских кругах. Позже Петр Сергеевич выпустит книгу «Мысли митрополита Антония», где воспроизведет свои многочисленные беседы с владыкой, записи его устных выступлений. «Эти слова владыки Антония были бы, конечно, потеряны для нас, если бы не труд Петра Сергеевича», — писал позднее епископ Нафана-

ил. После этой книги П.С. Лопухин выпустил еще одну в таком же жанре — «Беседы с епископом Гавриилом».

Петр Сергеевич Лопухин на протяжении двух десятилетий между двумя мировыми войнами вел большую и многотрудную работу богослова, церковного деятеля, редактора церковных трудов. По церковным же делам он уехал из Сербии в Германию незадолго до Второй мировой войны. Подробно о нем, о его делах можно прочитать в специальном очерке, который помещен во втором разделе этой книги.

...А теперь снова вернемся назад и обратимся к той линии рода Лопухиных, которой пока на этих страницах уделялось мало внимания. В одном из первых очерков говорилось о том, что древний род, о котором идет речь, в 12-м колене от основоположника касожского князя Редеди разделился на несколько линий, или ветвей. У новгородского боярина Алферия Васильевича было шестеро сыновей, пять из которых дали потомство. Как мы уже рассказывали, они и стали основателями пяти линий рода, которые позже стали называть по их именам. Так возникли линии Яковлевичей, Ивановичей, Тимофеевичей, Игнатьевичей и Григорьевичей. В XVII—XIX веках три ветви рода угасли, зато две не просто сохранились, но стали довольно многочисленными. Особенно отличились в этом отношении «Тимофеевичи». Это была наиболее заметная и наиболее чиновная ветвь, которая дала многих людей, о которых говорится в этой книге.

Вторая же из сохранившихся ветвей — «Григорьевичи» — была менее многочисленна. Нельзя сказать, чтобы в этой линии было мало видных деятелей. Были среди них Царские воеводы и Государевы наместники, губернаторы и генералы, видные ученые и дипломаты, было много гвардейских офицеров и участников знаменитых в истории России сражений. О многих из них вы уже узнали или еще узнаете на этих страницах.

Но была одна особенность, которая выгодно отличала «Григорьевичей» от остальных Лопухиных: почти все были хорошими, рачительными хозяевами, крупными землевладельцами и прекрасными землепользователями. Именно в этой линии рода сохранились и древние лопухинские вотчины, которыми род владел еще в новгородский период, и первые поместья, пожалованные Лопухиным Московскими Государями еще в конце пятнадцатого столетия. Конечно, не все «Григорьевичи» бывали одинаковыми, если большинство были собирателями и сберегателями, которые не только хранили имена,

но и приобретали новые, то случались и, скажем так, не слишком бережливые.

К таким семейное предание относит Дмитрия Ивановича Лопухина, внука Тульского наместника и губернатора, преобразователя Тульской губернии и тайного советника Андрея Ивановича и сына гвардейского офицера Ивана Андреевича, записанного в Дворянские родословные книги четырех богатейших губерний Средней России — Тульской, Калужской, Орловской и Тверской — это означало, что он владел поместьями в каждой из них.

Дмитрий Иванович, родившийся в 1831 году, окончил Первую Московскую гимназию, затем пошел по стопам отца и некоторое время служил, вышел в отставку в чине штабс-капитана и поселился в любимом своем калужском имении, центрами которого были два близко друг от друга лежащих села — Нестеровка и Лопухино. Ни в чем он себе не отказывал, но хозяйством занимался мало. Однако одно лишь хозяйственное попустительство не смогло бы нанести существенного ущерба имению, уж очень много земель было у отставного гвардейца. Но тут подоспела известная крестьянская реформа 1861 года, которая в корне перевернула всю помещичью жизнь: понадобилось не только выделить крестьянам в наделы значительные площади пахотных земель, но и повести дело в новых и непривычных условиях хозяйствования.

К такому Дмитрий Иванович оказался не готов. Эта сложнейшая задача выпала на долю его сына Ивана Дмитриевича. Он окончил гимназию, затем — Московский университет, служил в своей родной Калужской губернии. Был он человеком без амбиций, добрым и совестливым, считал, что те, кто больше имеет, должны помогать тем, у кого добра меньше. Послереформенное время было периодом быстрого развертывания сети школ, народных училищ, церковноприходских учебных заведений. Иван Дмитриевич стал губернским инспектором народных училищ, немало способствовал развитию школьной сети на калужской земле и довольно много школ построил в своем родном Мещовском уезде на собственные средства. В тех местах, кстати, до сих пор сохранилась благодарная память о просветителе Лопухине, а кое-где стоят еще здания школ, им основанных. Затем Иван Дмитриевич долгие годы был гласным Мещовского уездного земского собрания, уездным земским начальником и вообще много работал по земству. А Мещовск был им избран потому, что здесь было не просто крупное, но любимое имение, владел же он после смерти отца землями также в Тульской губернии и в других уездах Калужской — Малоярославецком и Ме-

дынском. Но служба во все времена не заслоняла для него главного, а этим главным была земля. Это был настоящий сельский хозяин Божией милостью, и его сын Михаил Иванович, сам крупный специалист сельского хозяйства уже в другую эпоху, признавался позже, что никогда и нигде не видел хозяйства, которое было бы так продумано, так рационально и заботливо устроено, как имение отца.

А оно было немалым — в одном только Мещовском уезде около 7 тысяч десятин пахотной земли, не считая лугов, лесов и выгонов. Иван Дмитриевич Лопухин был не только крупным, но и умным помещиком, прекрасно знавшим свое дело. Он сразу понял простую истину: большое хозяйство в новых условиях должно строиться на новых принципах, оно должно приносить доход, иначе с землей придется распрощаться. И еще одну истину усвоил Иван Дмитриевич — если хозяин сам не будет заниматься своим хозяйством, успеха ему ждать нечего... Позже Михаил Иванович вспоминал, что отец, один или вместе с управляющим, каждый день, поднявшись с постели на рассвете, а то и раньше, ехал в поля, на луга, фермы, в мастерские — всюду, где работники выполняли его вчерашние распоряжения. Когда было возможно, Иван Дмитриевич брал с собой сына, которому со временем предполагалось передать все здешние лопухинские земли, а не делить их поровну между наследниками. Такая форма наследования земли предполагала, что ее владелец берет на себя заботу о благополучии остальных наследников. Таким путем достигалось главное — хозяйство оставалось доходным.

Имение Ивана Дмитриевича стало одним из лучших и доходных в уезде. Кроме того, он сделал его открытым, показательным — и для помещиков, и для крестьян. Вспомните, такую же роль играло пореформенное поместье известного А.Н. Энгельгардта в Смоленской губернии. Его хозяин написал книгу «Письма из деревни» — своего рода учебное пособие для пореформенного помещика и хозяйственного крестьянина. Иван Дмитриевич Лопухин книг не писал, но в его имение приезжало и приходило множество людей, чтобы поучиться, перенять опыт или просто посмотреть, как ведется образцовое хозяйство. Правнук И.Д. Лопухина, побывавший на этих землях через семь десятилетий после смерти Ивана Дмитриевича, еще застал стариков, которые рассказывали, как их отцы учились у своего доброго и умного помещика хозяйствовать на земле.

Иван Дмитриевич был женат на Сусанне Казимировне, урожденной Чарковской, происходившей из старинной польской фамилии. У них было семеро детей. Старшая дочь, Глафира, к началу революции

была уже замужем за офицером А.М. Смирновым, а младшая, Нина, родилась всего за год до отречения Государя Николая II.

К началу 1917 года Иван Дмитриевич был уже болен, происшедшие события окончательно подорвали его здоровье, и в ноябре, вскоре после пресловутых «залпов» известного корабля, он скончался в своем доме в Нестеровке. Церковь же была в Лычине, в четырех верстах, время было тревожное, дожди сделали непроезжими дороги, да и шныряли уже по селам разные комиссары и матросы, опоясанные пулеметными лентами. Поэтому благодарные крестьяне сами вызвались на руках отнести гроб с телом своего хозяина в церковь, чтобы достойно отпеть его, а после — принести обратно, в господский дом, рядом с которым находился родовой склеп Лопухиных, где лежали останки многих поколений владельцев этого имения.

Единственным мужчиной в семье оказался на время второй сын, Михаил Иванович, которому едва исполнилось шестнадцать лет. Старший, Александр Иванович, был на фронте: в 1914 году он окончил реальное училище и поступил вольноопределяющимся в полк, в 1916 году был произведен в прапорщики, в 1917-м стал уже поручиком.

Так и осталась Сусанна Казимировна с шестью детьми на руках, из которых лишь двое старших могли реально помогать ей. Позже она рассказывала, что знала о массовом бегстве родных и знакомых за границу, но самой ей это даже в голову не приходило — не было возможностей, да и просто не хватало энергичного мужчины, который взял бы на себя все неизбежные хлопоты. Кроме того, она знала, что основное богатство семьи составляла земля, а ее, как известно, с собой не увезешь...

Уходив или уезжать было некуда. Оставалось одно — продолжать жить в своем имении. Так Сусанна Казимировна и поступила. Какое-то время их там не трогали, только зачастили в усадьбу разные «реквизиторы» из местного начальства: то объявляли, что подлежат изъятию художественные ценности, то — мебель, то — еще что-то. И всякий раз выносили из дома кто что хотел. Потом Лопухиных относительно вежливо попросили очистить господский дом, там хотели устроить какое-то учреждение. Они переселились в маленький домик на территории усадьбы. Позже их выселили и из маленького дома, Лопухины переехали на мельницу... Зато не нужно было опасаться голода — крестьяне относились к своим бывшим помещикам с большой теплотой и постоянно приносили продукты: и хлеб, и молоко, и яйца, и мясо... Кроме того, семье, как всем остальным, был выделен небольшой участок земли под огород и даже скотина — все по норме, на пропитание, по числу едоков.

Тем временем Александр Иванович воевал в Белой армии, дошел с нею до самого Крыма, но решил из России не уезжать, а вернуться к семье. Как ни удивительно, это ему удалось — повезло. После первого периода зверских расправ с оставшимися в Крыму белыми, которые чинили тогда известные Бела Кун и Розалия Землячка, власти решили продемонстрировать некое подобие «объективного подхода» к чинам Белой армии. Именно тогда и арестовали скрывавшегося до времени Александра Ивановича. Над ним и его оставшимися на Родине соратниками устроили показательный общественный суд и в пропагандистских целях условно амнистировали. Так он и приехал в 1922 году в Калугу со спасительной справкой об амнистии. Наведаясь на мельницу в Нестеровку, но жить вернулся в город — поступил на работу в Калужский горкомхоз и развозил по городу в бочке воду из Оки.

А его младший брат, Михаил Иванович, был по обязательному набору взят в 1918 году в Красную армию. Ему объявили, что вся его семья — заложники за него, и если он изменит и перейдет к противнику — такие случаи бывали нередко! — его мать и сестер расстреляют... Так и «воевал с белыми» красноармеец Лопухин и был очень рад, когда его ранили и перевели в нестроевую команду. Служба в целом закончилась для него благополучно, хоть и был момент, когда Михаил Иванович едва не распрощался с жизнью...

Чтобы рассказать эту историю, нужно вернуться на полтора десятка лет назад, когда он был еще маленьким Мишенькой и родители определили к нему так называемого «казачка» Ваню. С самого начала он не был просто маленьким слугой маленького господина, стал товарищем детских лет, а потом и настоящим другом. Старшие старались не делать между ними разницы — дети вместе обедали, жили в одной комнате, когда Мишу стали готовить к поступлению в реальное училище, вместе с ним готовился и Ваня. И в училище они поступили вместе — за обучение «казачка» платили, разумеется, Лопухины. И когда Михаила в 1918 году взяли в Красную армию, одновременно забрали и Ваню, как его ровесника, и служили они в одном отряде... А теперь — к той истории, которую мы обещали рассказать. В 1919 году отряд попал в окружение белых. Командир отряда распорядился: во избежание возможной измены самим расстрелять всех «неблагонадежных». Первым в этом списке оказался Михаил Иванович Лопухин... И тогда на его защиту отчаянно выступил «вполне благонадежный», с точки зрения красных, Ваня. Он решительно заявил, что знает Мишу с раннего детства, вполне ручается за него и добавил: «Если расстреляете Мишу, стреляйте и меня...» Ми-

хаил Иванович остался в живых и смог в начале 20-х годов вернуться домой.

Так и встретились в Калуге два брата — один возил по домам воду из Оки, а другой устроился сторожем: стоял положенное время, как говорили тогда, «под грибком» из досок и охранял какое-то «народное добро». А мать семейства и младшие продолжали жить в бывшем своем имении, на мельнице...

Там же, в Калуге, служба «под грибком», Михаил Иванович познакомился, а позже и женился на Феоктисте Васильевне, урожденной Бахтеяровой, дочери дорожного инженера. Фамилия Бахтеяровых — старинная, известная с XV века, издавна владела калужским имением Кудиново. Пусть лопухинская семья и жила тогда на мельнице, но после свадьбы Михаил Иванович привез жену в имение, к матери...

Впрочем, относительно спокойная жизнь семьи на мельнице продолжалась недолго — до 1924 года. Еще в августе этого года у Михаила Ивановича и Феоктисты Васильевны появился на свет сын Олег. Он стал последним в долгой череде Лопухиных, которые рождались в Нестеровке. А осенью 1924-го стало ясно, что даже на мельнице оставаться более нельзя — времена менялись, и симпатии крестьян уже не могли защитить бывших помещиков. На семейном совете было решено разъехаться в разные стороны, желательно туда, где их не знали и где фамилия Лопухиных не вызывала бы нежелательных ассоциаций.

Братья остались в городе. Их держала в Калуге работа, а Михаила Ивановича — еще и родня жены. Старшие сестры, Татьяна Ивановна и Елизавета Ивановна, уже были замужем и, сменив фамилии, отделились от семьи, а о самой старшей, Глафире, тогда ничего не было известно. Сусанна Казимировна с младшими дочерьми решила уехать на юг, ближе к теплу... Любопытно, что через много десятилетий, уже в конце двадцатого столетия, когда потомки Лопухиных приезжали взглянуть на родные места, местные жители рассказывали им, что «барин скончался во-время, в 1917 году, ушел от страданий, а вот бедную барыню большевики увели в дальний лес и там расстреляли». И снова, в который раз уже сталкиваемся мы со своеобразной «мифологией Лопухиных», когда судьбы представителей рода передаются в устном предании в причудливом сращении правды и вымысла, причем последний всегда отражает общепринятое представление о порядке вещей — известно, что всех помещиков расстреливали, значит, и нашу барыню тоже...

На самом деле было не так. Сусанна Казимировна с девочками благополучно уехала тогда из имения на юг, выдала со временем за-

муж обеих младших дочерей: Екатерина Ивановна вышла за военного врача, Нина Ивановна — за служащего. Умерла Сусанна Казимировна в старости, в 1944 году, в Сухуми.

Со временем пришли вести о Глафире Ивановне — вместе с мужем, белым офицером Александром Маркеловичем Смирновым, она участвовала в Гражданской войне в войсках адмирала А.В. Колчака, вместе с ними отступала на Восток и, как и десятки тысяч русских, оказалась в Харбине. Там у Смирновых родились две дочери. Последние сведения об этой семье датированы 1934 годом. Что с ними стало позже — неизвестно.

Александр Иванович Лопухин, как уже говорилось, служил в Калуге: сначала водовозом, затем — в конторе, а в 1928 году его арестовали, как «бывшего», и сослали, теперь уже навсегда, в Татарию, на Волгу. Тогда эти места считались глушью. Вот в этой «глуши» и прожил он до того времени, как военная труба 1941 года не позвала его, бывшего царского офицера, как уже случалось в 1914 году, на защиту Отечества...

Осталось рассказать о судьбе Михаила Ивановича Лопухина, которому Провидением было определено продолжить эту линию рода. Так же, как и старший брат, он продолжал служить в Калуге. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба далее, если бы не удивительный случай: в Калугу из Москвы приехал, чтобы наладить государственное сельское хозяйство, большой начальник. Это был все тот же бывший «казачок» Ваня...

К сожалению, мы не можем назвать ни фамилии его, ни отчества, потому что в семье Михаила Ивановича его называли не иначе как Ваней — ласковым, уменьшительным именем. А младшие так и не догадались спросить у старших, как его фамилия и какова была должность семейного благодетеля. Теперь спрашивать уже не у кого, так и останется этот человек в семейных анналах Лопухиных просто Ваней...

Вот этот Ваня, помня, как отец обучал Михаила Ивановича хозяйствовать, и предложил ему — бывшему барину, беспартийному, не скрывавшему своего происхождения, стать директором одного из первых совхозов, которые создавались тогда под Калугой в Тихоновой пустыни. Видно, уж очень не хватало умелых, знающих специалистов! Михаил Иванович согласился, было это в 1928 году, и сумел так повести дело, что через четыре года стал директором большого совхоза «Архангельское» Лечебно-санитарного управления Кремля, а еще через год был назначен директором сразу двух крупнейших хозяйств — «Архангельское» и «Барвиха», которыми располагало в Подмосковье упомянутое управление.

Было бы ошибкой видеть за этими важными назначениями «руку» бывшего «казачка», он дал лишь первый толчок сельскохозяйственной карьере Михаила Ивановича Лопухина. Остальное — его знания и опыт, полученные в имении отца, его жесткая самодисциплина (как и отец, он вставал на рассвете и отправлялся в поля, к которым по доброй хозяйской привычке относился как к собственным), его умение управлять людьми и ладить с ними, чему его тоже научил отец. Кроме того, он чувствовал особую ответственность за результаты своей работы, за каждый поступок, каждое слово — понимал, ему не простят ни одной ошибки.

Крупнейшие подмосковные государственные хозяйства, питавшие своей продукцией высшее кремлевское начальство, М.И. Лопухин возглавлял до 1937 года. За это время судьба не раз сводила его с интереснейшими людьми того времени — с крупными учеными, писателями, художниками, артистами, которые бывали тогда частыми гостями «особой резиденции» в Барвихе и заезжали к нему домой. Часто они вместе бывали на охоте, на рыбалке, беседовали...

В самом начале «ежовщины» начальники Михаила Ивановича, желая, видимо, уберечь опытного и умелого хозяйственника, который, несмотря на все уговоры, так и не вступил в партию, командировали его в совхоз «Кирицы» под Рязанью, оставив в штате того же управления. Когда шла «чистка» в Москве, Лопухина там не было, а когда стали «перебирать» рязанских совхозников, его не тронули, как числившегося за центром. Так и остался Михаил Иванович в стороне от страшных репрессий того периода, хотя во всех анкетах и учетных кадровых листках того времени в графе «сословное происхождение» не таясь писал «дворянин», а на вопрос «чем владел и чем занимался отец» отвечал неизменно так: «владел домом с надворными постройками и занимался земледелием». Удивительно читать эти анкеты и личные листки сегодня, потомки М.И. Лопухина, к счастью, сохранили их в своем семейном архиве. Понимаешь, что расшифровать прозрачный ответ в анкете было совсем не трудно. Но, надо полагать, врагов у Михаила Ивановича не было; на его место, видимо, никто особенно не метил, уж очень оно было непростое; а начальство ценило помещичьего сына за высокие результаты хозяйствования.

И все же — береженого Бог бережет! — решил Михаил Иванович, ожидая в те страшные времена со дня на день ареста, отправить своего единственного четырнадцатилетнего сына Олега подальше от посторонних глаз. В начале лета 1940 года после окончания семилетней школы в Москве его посадили в поезд и сказали: «Здесь все

может случиться, поэтому ты поедешь в Херсон и будешь готовиться стать моряком». Впереди у Олега Михайловича Лопухина были четыре года учебы в Херсонском мореходном училище по классу «штурман дальнего плавания». Но тогда никто не знал, что до начала войны оставался всего год...

...Осталось рассказать еще об одном ответвлении лопухинской линии «Григорьевичей» — о других потомках гвардейца и крупного помещика Ивана Андреевича Лопухина, который, как мы уже упоминали выше, владел немалыми землями в четырех богатейших губерниях Средней России — Тульской, Калужской, Орловской и Тверской. Этот человек прожил жизнь, как говорится, в свое удовольствие и не очень-то заботился о приумножении богатств и доходности имений.

Младший сын его, Виктор Иванович, родившийся в 1836 году, получил хоть и значительное наследство, но все же меньше, чем мог бы. В Крымскую войну он был в Севастополе, служил, видимо, в артиллерии, потому что был знаком и близок к молодому артиллерийскому офицеру графу Льву Николаевичу Толстому. Влияние этого старшего товарища на Виктора Ивановича было, надо думать, весьма сильным, знакомство с Толстым продолжалось и позже, тем более что тульское имение Лопухина было неподалеку от Ясной Поляны. Граф бывал у Лопухиных, в их доме гостям всегда показывали стул, на котором сидел Лев Николаевич, и чашку, которой он пользовался. Словом, Виктор Иванович был настоящим толстовцем, что в те времена не было редкостью.

Когда после несчастного окончания Крымской войны в Петербурге встречали участников героической обороны Севастополя, Виктор Иванович познакомился с выпускницей Смольного института Екатериной Павловной Полторацкой, которая была, кстати сказать, племянницей известной Анны Петровны Керн, которой Пушкин посвятил свои знаменитые стихи «Я помню чудное мгновенье...». Вскоре последовала свадьба, и молодые поселились в своем орловском имении близ города Трубчевска (теперь это — Брянская область).

Доходы семьи были не очень большими, а запросы Екатерины Павловны, как говорили тогда, петербургскими. Одно с другим сочеталось плохо, и вскоре оказались проданы все наследственные имения, кроме орловского, которое заложили в Опекунском совете. Нужно было жить, и Виктор Иванович служил по выборам, бывал Трубчевским уездным предводителем дворянства, земским деятелем уездного масштаба и дослужился до чина коллежского советника...

Семейное предание утверждает, что во время поездки Императора Александра II Освободителя по Орловской губернии Виктор Иванович Лопухин на торжественном вечере говорил Государю приветственную речь от имени Трубчевска и уезда.

Скончался Виктор Иванович Лопухин в 1909 году и оставил своему сыну Николаю Викторовичу заложенное, отягощенное другими долгами и окончательно расстроенное имение. Он просил наследника очистить имение от долгов, сохранить его за собою, а всем остальным наследникам выплатить их долю деньгами.

Николай Викторович Лопухин был весьма образованным человеком, окончил химический и юридический факультеты Харьковского университета и использовал на практике свои знания дипломированного юриста — много лет был мировым судьей, снискавшим славу справедливого и неподкупного. Работал Николай Викторович очень много и по хозяйству. Причем работал сам, своими руками. В результате имение стало приносить прибыль, и из этой прибыли постепенно он выплачивал отцовские долги. Наконец, к сорока годам ему удалось выполнить завет своего отца: Николай Викторович полностью выплатил все долги и долю других наследников по имению. Можно было начинать новую жизнь. Беда только, что это счастливое событие произошло в самом начале 1917 года.

Выросший в семье толстовца, Николай Викторович считал революцию торжеством справедливости. Как и многие другие, в мартовские дни 1917 года он носил красный бант в петлице, а когда уже большевистские власти потребовали очистить усадьбу, он безропотно передал ее «новым людям». Усадьба, только что выкупленная и полностью оплаченная, была, конечно, тут же разграблена и сожжена.

Какое-то время семья ютилась у родных в Трубчевске, а в 1921 году Н.В. Лопухину предложили место в Екатеринославе, в управлении местной железной дороги. В страшное время — разруха, голод, эпидемии — вся семья, двое взрослых и пятеро детей, отправилась в путь, в Екатеринослав. И по дороге случилось худшее: где-то, то ли при пересадке, то ли при «штурме» очередного вагона, потерялись двое старших — Виктор и Александр. Оба так и пропали без вести на дорогах тогдашней взбудораженной России. А Николай Викторович и его жена Зинаида Феофановна, урожденная Шелеспанова, заразились тифом, который в считанные дни свел обоих в могилу. Чтобы похоронить родителей, оставшимся детям пришлось расстаться со своими золотыми крестами. Им троим — старшей Софье Николаевне, которой было тогда четырнадцать лет, ее братьям, Владимиру, восьми лет, и Борису, ему исполнилось всего полтора года, пришлось

возвращаться в Трубчевск, причем по дороге какая-то «сердобольная старушка», которая взялась было помогать одиноким детям, взяла себе небольшой узелок, где было все нехитрое достояние сирот.

Через несколько лет Софья Николаевна переселилась в Москву и выписала к себе старшего из братьев, Владимира Николаевича. Оба работали. Софья Николаевна вышла замуж за Михаила Павловича Гузеева, сменила фамилию и успешно трудилась в конторе, боясь только одного: чтобы никто из сослуживцев не дай Бог не узнал бы, что она Лопухина. А Владимира Николаевича из-за «чуждого происхождения» не взяли в армию, а позже не приняли в институт — «такие нам не нужны». Всю жизнь свою проработал он на одном и том же месте — на заводе «Компрессор» в Москве — сначала молотобойцем, затем токарем, слесарем, фрезеровщиком и, наконец, последние годы до выхода на пенсию в 1970 году — мастером цеха. Скончался Владимир Николаевич Лопухин в августе 1982 года, оставив вдову Галину Александровну, урожденную Лаврову, дочь военного, арестованного в 1937 году как «врага народа» и погибшего в концлагере в 1942 году.

Младший из братьев и сестер этих Лопухиных — Борис Николаевич — окончил педагогический институт и многие годы работал учителем и директором школы.

О потомках Владимира Николаевича и Бориса Николаевича Лопухиных, об их судьбах мы расскажем, среди прочих, в следующей главе, которая будет посвящена новейшей истории интересующего нас рода.

XX ВЕК

Лопухины в 1939—2000 годах

В 1939 году в Европе постоянно ощущалась напряженность. В апреле итальянские войска высадились в Албании, Германия объявила о своем протекторате над Богемией и Моравией, Англия ввела у себя всеобщую воинскую повинность. В мае с поста наркома по иностранным делам СССР был смещен сторонник ориентации на Англию и Францию Литвинов и вместо него назначен Молотов, а Латвия и Эстония подписали пакты о ненападении с Германией. В июне германские войска выдвинулись к Данцигскому коридору, а глава британского кабинета Чемберлен подтвердил в палате общин, что Англия поддержит Польшу, если возникнет угроза ее суверенитету. В июле и начале августа в Москве безуспешно шли англо-франко-советские переговоры о сотрудничестве...

А в конце августа взорвалась бомба: 22-го в СССР на огромном четырехмоторном «юнкерсе», который, демонстрируя себя, специально сделал большой круг над Москвой, прилетел германский министр иностранных дел. На следующий день 23-го был подписан знаменитый пакт Молотов—Риббентроп, и Германия, которая для всех в СССР была до того фашистским рейхом, подлым агрессором, чумой Европы и источником всех зол, превратилась в «союзное государство с национальным правительством». Агентство Гавас передавало в те дни из Парижа: «У Гитлера в Европе развязаны руки, война стала неизбежной».

31 августа германская диверсионная группа, переодетая в польскую форму, напала на радиостанцию в пограничном немецком городке Глейвиц, а 1 сентября Гитлер заявил, что Германия не намерена

терпеть польские провокации и объявляет войну... Германские войска перешли польскую границу, германские военные корабли бомбардировали польский Вестерплатте. Началась Вторая мировая война, в которой участвовало в общей сложности 72 государства, поставившие под ружье до 120 миллионов человек...

Война так или иначе коснулась всех. Не составили исключения и Лопухины, где бы они ни находились в 1939 году. Но если для живших в СССР еще было впереди несколько мирных месяцев, то для обитавших во Франции война началась сразу же, хоть на первых порах это и была «странная война».

«Мы все, три брата, были, как и все русские вообще, признаны «апатридами» и как таковые были обязаны в мирное время отбывать воинскую повинность, а в случае войны быть мобилизованными в трехдневный срок, — писал в своих воспоминаниях Сергей Николаевич Лопухин, живший во Франции русский эмигрант, которого мы оставили в предыдущем очерке только что женившимся на Александре Сергеевне Тимашевой, его милой Треше. — Меня сразу же зачислили в запас и вручили книжечку «ливрэ милитэр», где красными буквами было написано, что предьявитель сего не имеет французского гражданства. Но это не мешало тому, что мне предписывалось в случае войны в трехдневный срок доехать до города Ниора и поступить в распоряжение военных властей... Увы, ровно через год после получения «ливрэ милитэр», 1 сентября 1939 года, возвращаясь домой, я увидел на парижских улицах молчаливые толпы, с ужасом читавшие приказ о всеобщей мобилизации. С этого момента я превратился в № 4363 Третьего Бюро Департамента Сены. Тяжело, очень тяжело было расставаться с Трешей, ожидавшей нашу дочь Марину, с Мамá и тетей Татей, провожавшими меня на вокзале Аустерлиц. Но вместе с горем я испытывал и какое-то чувство облегчения, так как кончилось гнетущее чувство неминуемой, висящей над всеми нами катастрофы... Катастрофа разразилась...»

В Ниоре С.Н. Лопухина определили в 5-ю бригаду 85-го артиллерийского колониального полка. В полку он оказался единственным иностранцем, остальные были французскими подданными, но выходцами из колоний, их называли «Пье нуар». Кое-как обмундированные солдаты учились обращаться с семидесятипятимиллиметровыми пушками, которые воевали еще в Первую мировую войну. Вскоре полк повезли в Марсель, погрузили на пароход и отправили в Алжир, а затем — в Тунис. «Здесь были море и экзотика: оазисы, пальмы, верблюды и шакалы...» — вспоминал позднее Сергей Николаевич.

Историки не случайно называют европейскую кампанию 1939—1940 годов «странной войной». Германцы сидели за своими укреплениями и, казалось, боялись покинуть их, а французы после первых недель напряжения ободрились и стали даже надеяться, что знаменитая «линия Мажино» спасет Францию от «гуннов», как они называли немцев. Армейская жизнь повсюду вошла в привычную и относительно спокойную полудоженную колею, в войсках даже решили отпустить.

В феврале 1940 года супруга С.Н. Лопухина родила дочку, и счастливый отец получил в связи с этим месячный отпуск. Он ежедневно получал письма от своей Трешы, сам писал ей каждый день, и знал, что она живет в Кларамаре. Туда и отправился. «Месяц отпуска остался в памяти светлой чередой встреч с близкими — как же они переменились за это время...» — читаем в воспоминаниях. Случилось так, что одновременно в короткий отпуск приехали домой из армии его младшие братья — Рафаил Николаевич и Михаил Николаевич, родившийся, как мы помним, в Тюмени во время путешествия Лопухиных через Сибирь. Оба — молодые, красивые, в очень идущей им французской военной форме... Но отпуск миновал, братья разъехались, а в первой половине мая 1940 года — как гром с ясного неба: 10-го немцы перешли границы Люксембурга, Голландии и Бельгии, а 14-го вступили на землю Франции...

Оставим на время С.Н. Лопухина в его экзотическом Тунисе и обратимся к воспоминаниям его сестры, Елизаветы Николаевны, которая со всей семьей оставалась тогда в Париже. Она писала, что сразу же после начала немецкого наступления жизнь резко изменилась: поступившая было на работу жена Сергея Николаевича Треша осталась без нее — фирма закрылась, вскоре начались бомбардировки, 3 июня несколько бомб упало недалеко от лопухинского дома, 10 июня вместе с одним русским учреждением в Лимож уехала Треша с маленькой Мариной и еще кое-кто из родных. Немцы быстро продвигались к Парижу. И тогда «основные силы» Лопухиных — почтенный глава большой семьи Николай Сергеевич, вынесший на своих плечах всю тяжесть исхода 1918—1930 годов, его супруга Софья Михайловна, урожденная Осоргина, их дочь Татьяна Николаевна, родившаяся в Китае, и компаньонка Лили — решили тоже уходить от немцев, уходить с таким расчетом, чтобы присоединиться к остальным, уехавшим в Лимож.

Эта многодневная и нелегкая эпопея так и осталась в семейных анналах под названием «Поход Лопухиных». Вот как рассказала о нем позже Татьяна Николаевна:

«Мы узнали, что дядя Саши Трубецкой, бывший тогда еще в Париже со своим такси, собирался ехать в город Жьен, где жила его жена тетя Лина с детьми. Без большого энтузиазма он согласился взять нас в виде пассажиров. Несмотря на его протесты, мы все же захватили кое-какой багаж, в том числе одеяла, так нам пригодившиеся. До Жьена доехали благополучно. Здесь нам предстояло сесть на поезд и ехать вдоль Луары до города Невер, где надо было пересест на поезд в направлении Лиможа. На вокзале, забитом пассажирскими и товарными составами, нам удалось буквально втиснуться в товарный вагон с какими-то машинами. Тронулись нескоро и ехали с долгими остановками. До Шарите-сюр-Луар, какие-то 70 километров, тащились двое суток. На остановках все, и мы вместе со всеми, бежали в окрестные деревни в надежде достать что-то из продовольствия, а главное — воды. Один раз я опоздала, и поезд уже тронулся. С хлебом в руках я все-таки его догнала, поезда шли очень медленно. Как потом оказалось, наш поезд был в хвосте бесконечной вереницы пассажирских и товарных составов, передние из которых подверглись жестокой бомбардировке, во время которой железнодорожный путь был уничтожен. Когда об этом стало известно, людская лавина в панике, оставив вагоны и бросая имущество, кинулась через Луару на юг.

В этот трагический момент Папá проявил большую выдержку и хладнокровие. Он настоял на том, чтобы мы переждали главную волну беженцев. Когда она схлынула, нам удалось в оставшихся лавках запастись кое-каким продовольствием и, главное, купить дорожную карту фирмы Мишелен. Папá решил, что благоразумнее двигаться к Лиможу не по большим, а по маленьким дорогам — это безопаснее в смысле бомбежек и давало возможность идти по местам, не так сильно затронутым отступавшими войсками и беженцами. Среди массы разбросанного везде имущества нам удалось найти велосипед, на который мы немедленно нагрузили все наши узлы и повели его руками, как верного осла. Он служил нам верой и правдой до конца — что бы мы без него делали?.. На семейном совете было решено идти в день километров 20—25, останавливаясь каждый час на 10 минут на отдых. А среди дня старались найти ферму, где почти всегда удавалось выпросить разрешение остановиться на более серьезный отдых.

Под вечер, часов около пяти, облюбовав какую-нибудь ферму, мы высылали вперед Мамá для «дипломатических переговоров», которые почти всегда были успешными. Обычно нас пускали переночевать на сене или соломе и почти всегда давали молоко и яйца.

Иногда сердобольные хозяйки даже жарили для нас яичницу. Так мы путешествовали десять дней, и расчеты Папá вполне оправдались: мы ни разу не подвергались бомбежке или обстрелу из пулеметов. Не то бывало на больших дорогах, которые пролегали не так далеко: мы видели взрывы ночами, а днями слышали пулеметную стрельбу.

Чем дальше мы шли, тем становилось спокойнее — мы были уже в свободной зоне. Недалеко от Лиможа нам повезло, какой-то крестьянин, ехавший в том же направлении с порожней телегой, предложил нас подвезти. Вез он нас вместе с велосипедом километров 15 и даже отказался взять деньги.

Когда мы добрались до деревушки Жоньер-сен-Морис под Лиможем и замка Лермон, где жили наши, мы увидели знакомого по Парижу Хлопова. Узнав нас, он повел себя странно — бросился куда-то бежать. Оказалось, он ворвался в комнату с громким криком: «Лопухины идут!». Через несколько минут, когда мы, усталые, измученные, потные, дошли до цели, на наших шеях повисли Треша и Марина. Какое это было счастье.

Так, благополучно, кончился французский «поход Лопухиных».

А теперь вернемся к Сергею Николаевичу, который вместе со своим артиллерийским полком был срочно привезен из Туниса во Францию. Снова — Марсель, товарные вагоны... В каком-то месте путь оказался разрушенным, и весь полк — на этот раз уже без пушек, было просто не до них! — погрузили в грузовики и повезли... Но вскоре — опять остановка, кончился бензин.

«И тут, — пишет, вспоминая те годы, С.Н. Лопухин, — я совершил свой первый и единственный за войну подвиг. Недалеко было бензохранилище, которое, как говорили, было уже захвачено немцами. Командование решило отбить у немцев нужный бензин. Понадобились добровольцы, я вызвался среди первых, и мы отправились за горючим. Но немец, к счастью, на бензобаке не оказалось. Вскоре мы вернулись в полк, «с честью выполнив сложное задание командования». Кстати, я, как и другие добровольцы, получил за этот «подвиг» Военный Крест, который мне впоследствии сослужил очень хорошую службу...»

Артиллерийский полк Лопухина, как и другие части французской армии, в неразберихе просто бежал от наступавших немецких частей и оказался в конечном счете возле городка Периге в южной части страны. Если взглянуть на карту Франции, то можно увидеть, что этот городок совсем недалеко от Лиможа, всего в сотне километрах к юго-западу. Однако Сергей Николаевич и его Треша це-

лых два с половиной месяца не знали, что живут так близко друг от друга.

Это было время важных событий — главой Французского государства стал известный маршал Петен, Франция обратилась к Гитлеру с просьбой о перемирии, страну разделили на две зоны: оккупированную немцами, северную, и свободную, южную. Армия в свободной зоне стояла без дела, и многих солдат стали отпускать по домам. 25 июня 1940 года был демобилизован и кавалер Военного Креста Сергей Николаевич Лопухин. К тому времени он уже знал, где его семья, и отправился под Лимож. А вскоре пришли вести и от братьев: Рафаил, раненный при Дюнкерке, перебрался в Бретань. Самый младший, Михаил, был в плену у немцев...

Лиможские Лопухины, осмотревшись, решили вернуться домой, в Париж. Ехали не без опасений — все-таки оккупированная зона, но кроме парижских улиц, где было полно немцев в военной форме, там почти ничего не изменилось. Дома все оказалось в порядке, только толстый слой пыли говорил о долгом отсутствии хозяев. Началась новая жизнь в оккупированном Париже.

У Лопухиных, как и у других парижан, были в то время две главные проблемы — продовольствие и топливо. Сергей Николаевич вспоминал, как меняли талоны на табак — на хлебные, как ездили в ближайшие деревни, чтобы поменять вещи на продовольствие, как в холодные дни жгли в камине комплекты журнала «Иллюстрасьон» или тайком принесенное из Медонского леса полено. И все же жизнь продолжалась, кто мог работать — работали, вечерами собирались, играли, влюблялись, женились, выходили замуж...

К слову, о том времени расскажем историю второго из братьев — Рафаила Николаевича Лопухина. Так же, как и остальные, он служил во французской армии, как хорошего шофера, его определили в транспортный батальон. Вместе с ним он в 1940 году отступал к Ла-Маншу и оказался в окружении в районе Дюнкерка, где немцы почему-то дали возможность английскому экспедиционному корпусу покинуть на кораблях континент и возвратиться на свой остров. Рафаил Николаевич, как и другие, был под Дюнкерком разоружен и в связи с ранением отправлен домой. Так и жил он вместе со всеми.

1 мая 1941 года оказался для него памятным днем — Рафаил Николаевич женился на графине Софье Михайловне Толстой, внучке автора «Войны и мира». В 1942 году в Кламаре у них появился первенец — Сергей. Еще через два года родился Никита, а в 1947 году и третий сын — Андрей. Но к тому времени Рафаил Николаевич работал уже далеко от Парижа. Он окончил Французскую техническую

академию по специальности лесное хозяйство и в первые послевоенные годы работал на лесозаготовках в Пиренеях, в стране басков. Там он пробыл до начала 50-х годов, когда отношение к русским эмигрантам во Франции стало меняться. И неудивительно: к власти и в правительстве, и в парламенте пришли коммунисты и социалисты. Многие русские, бежавшие от большевиков, почувствовали себя неуютно. Рафаил Николаевич с семьей решил уехать. О дальнейшей судьбе этой семьи мы еще расскажем, а пока вернемся в военные годы, когда все Лопухины жили еще в Кламаре.

Сергей, появившийся в 1942 году в молодой семье Рафаила Николаевича Лопухина, не был единственным ребенком в доме. Весной того же года у Сергея Николаевича и Трешки тоже появился малыш — дочь Татьяна, которую ласково прозвали Тузиком, она и сейчас живет во Франции. А в 1943 году у Тузика появился брат Михаил. Интересно, что крестил этого Михаила младший брат отца, тоже Михаил, тот самый, который родился в 1918-м в Тюмени, а в 1940-м попал к немцам в плен. А в Париже он оказался вот каким образом.

...Еще в 1918 году, когда Николай Сергеевич Лопухин с семьей жил в Омске — вспомните остановку там этой семьи почти на год во время их следования из Москвы на восток, — он подобрал на вокзале и выходил заболевшего жестоким тифом дальнего родственника Федора Медема. Этот Федор несколько лет жил с Лопухиными в Харбине, а позже родные выписали его в Германию. Там он, будучи по национальности немцем, неплохо устроился и к началу войны был управляющим имениями графа фон Бисмарка. Узнав, что Михаил Лопухин в плену в Германии, Медем разыскал его, поручился и устроил рабочим в одно из графских поместий. Позже он даже выхлопотал для Михаила Николаевича трехдневный отпуск во Францию. Тогда-то он и крестил своего племянника и тезку...

«Никогда не забыть утро 6 июня 1944 года, когда сквозь треск и хрип в эфире мы узнали о высадке союзников в Нормандии. С того дня и до освобождения Парижа мы жили в каком-то радостном тумане», — писал в своих воспоминаниях С.Н. Лопухин. Последовали месяцы томительного ожидания, и наконец они увидели на улицах Кламара американские джипы с солдатами, которые спешили к Парижу...

«26 августа, как мы узнали, генерал де Голль будет возлагать венок на могилу Неизвестного Солдата, а затем спустится пешком по Елисейским полям... Мы все решили обязательно пойти на это дефиле, чтобы воочию увидеть спасителя Франции. Прошли через

взбудораженный, кипящий восторгом Париж и выбрали себе место около площади Конкорд. Прямо против нас возвышалась гостиница «Крийон», крыша которой была покрыта зрителями. Вокруг на площади стояли танки генерала Леклерка с открытыми люками.

И вот издали слышим все усиливающиеся крики «вив де Голль!». Видим, во всю ширину Полей идет толпа военных и штатских, и в середине ее, возвышаясь над всеми на целую голову, идет генерал де Голль... И вдруг — выстрелы... сначала одиночные, затем все чаще и чаще. Мы видим, что прямо против нас на крыше «Крийона» часть людей бежит, а часть — лежачи и стоя стреляют, как нам показалось, прямо в нас... Уже падают окровавленные люди... И тут захохотали все танки, стоявшие на площади, они стали бить и по гостинице, и по Палате депутатов... Как потом выяснилось, немецкие снайперы обосновались тогда повсюду, даже на деревьях вокруг площади.

Толпа бросалась из стороны в сторону, возникла паника, я даже потерял в толпе Трешу... Но в итоге все мы, к счастью, оказались живы и здоровы, хоть и пришли домой врозь.

Мы, конечно, много поволновались в тот день, но как мало это значило перед сознанием, что пятилетний кошмар кончился...

Главным событием в семье в 1945 году, по всеобщему мнению, стало возвращение из плена Михаила Николаевича. 1 мая в Кламаре получили телеграмму, что он приезжает на Северный вокзал Парижа. «Это был день рождения Михаила, — вспоминал С.Н. Лопухин. — Он запомнился и потому, что вдруг повалил поздний и густой снег. Его было так много, что под тяжестью его сломались даже хрупкие ветви каштанов с уже крупными листьями. И в этот момент у дверей появился совершенно белый от снега почтальон — телеграмма, Михаил приезжает на Гар дю Нор... Никто не знал, каким поездом он приедет, поэтому решили встречать все поезда и ехать на вокзал всем... Под вечер мы двинулись на Гар дю Нор. Вокзал был переполнен людьми, так же, как и мы, приехавшими встречать своих возвращающихся мужчин. Весь вечер и всю ночь приходили поезда, набитые несчастными изможденными солдатами. Мы по очереди спали в пустых вагонах, стоявших на запасных путях. Миша приехал утром — бледный, небритый, с громадными белыми буквами «К. Г.» на спине грязной шинели. Это означало «кригс гефанген» — военнопленный...

А неделей позже, когда уже наступило настоящее лето и мы сидели в саду под роскошно цветущей сливой, вдруг заревели все сирены Кламара, Парижа, всей Франции и зазвонили все колокола

всех церквей... Мы давно ждали этого момента, и все же волнение было неопишное... Окончательная победа над Гитлером, окончательное, официальное окончание пятилетнего кошмара. Какое облегчение, какое счастье, какая радость!..»

...В то время, как многочисленное и все растущее семейство Николая Сергеевича Лопухина переживало военную страду во Франции, другие Лопухины, семья его младшего брата, Алексея Сергеевича, встретила начало Второй мировой в Эстонии. В предыдущем очерке уже говорилось об уютной Кумне — родовом имении баронов Мейендорф, туда Лопухины приехали в 1935 году из Советской России, где Алексей Сергеевич уже успел к тому времени трижды посидеть в тюрьме. А теперь и милая Кумна перестала быть своей — в 1940 году Эстонии, как и всю Прибалтику, оккупировал СССР, и в имении разместился авиационный полк Красной армии. Вся большая семья Мейендорф уехала в Ревель, а в Кумне, чтобы совсем не бросать имение, остались старая хозяйка баронесса Елена Павловна, урожденная графиня Шувалова, ее дочери, Мария и Софья Богдановны, и внуки старой хозяйки, Михаил и Татьяна Лопухины. Все они ютились в небольшой части господского дома.

Бремя советской оккупации становилось все тяжелее, в Ревеле все чаще и чаще арестовывали знакомых и друзей. На семейном совете было решено ехать в Германию, тем более что Фатерланд звал к себе немцев, и обрусевшие Мейендорфы сочли себя вправе использовать свои немецкие корни. Не хотел уезжать один только Алексей Сергеевич Лопухин: он жил надеждою на возвращение в Россию, но она, казалось, все более и более отдалялась...

Вот как вспоминает об этом переселении Татьяна Алексеевна Лопухина, в замужестве Родзянко, в своих записках: «В конце февраля (1941 г. — Примеч. ред.) за мной и Мишей в Кумну приехала мама. Помню, как мы на лошадке, запряженной в сани, уехали из Кумны, не надеясь когда бы то ни было туда вернуться. На следующий день в Ревеле надо было явиться на сборный пункт для отъезжающих, а оттуда — на поезд. Нас везли через Латвию, Литву, Польшу и всю Германию в далекий уголок Баварии Вернек, который находился недалеко от Вюрцбурга и Швейнфурта. Путешествие длилось целую неделю, были остановки и пересадки, спали сидя и полулежа на скамьях. В памяти от этого путешествия осталось ощущение усталости, голода и нечистоты. Наконец доехали до Вернека. Здесь всех беженцев разместили в большом замке, который так и назывался —

шлосс Вернек. Это было всё, теперь мы должны были сами устраивать свою жизнь в Германии. Из Вернека мы съездили всей семьей в Бад Киссинген, знаменитый своими лечебными водами. До Первой мировой войны это был излюбленный курорт русской знати. Небольшая, удивительно красивая православная церковь Св. Сергия до наших дней украшает этот уютный городок...

Когда Гитлер объявил войну Советскому Союзу, многие из новоприбывших из Прибалтики пошли добровольцами в немецкую армию. Многие тогда верили, что Германия борется против коммунизма. Старший брат Сергей тоже пошел добровольцем воевать против ненавистного ему коммунизма. Упрекать его в измене России нельзя. Он всегда был большим русским патриотом и русским поэтом. Вся его жизнь свидетельствует о горячей любви Сергея к православной вере, к России, к русскому народу, к русскому Царю. Сергей был ранен на фронте в ногу и остался хромым на всю жизнь.

Мама, которая всегда была более энергичной, чем Папа, поехала «на разведку» в Берлин. Там была довольно большая колония русских эмигрантов, и можно было надеяться на поддержку в устройстве на работу и поисках квартиры. Все это Мама удалось, и мы, прожив в Вернеке немногим более года, оказались в Берлине. Папа и Коля устроились на фабрику, Мама стала помощницей в физической лаборатории, старшая сестра Санечка работала секретаршей на большом предприятии Сименса, а остальные дети стали ходить в русско-немецкую гимназию. Все в этой школе преподавалось на немецком языке. Но кроме обычных предметов в младших классах давали еще на одном уроке Закон Божий и русский язык.

Для нас, детей, жизнь в Берлине была интересной. Мы впервые оказались в колонии русских эмигрантов. В Берлине было тогда два прихода православной русской церкви и русские молодежные организации. Мы регулярно ходили в церковь, при церкви нашли много хороших друзей, через которых попали в организацию русских разведчиков (скаутов. — Примеч. ред.) под названием НОРМ (Национальная Организация Русской Молодежи). Нас увлекали ее собрания, походы и даже летний лагерь под Берлином, куда мы попали в 1944 году...

В Берлине мы переменили три квартиры, остановились на удобной, трехкомнатной квартире с кухней, ванной комнатой и прихожей в хорошем районе Берлина Халензее, около знаменитой широкой Курфюрстендамм, на улице Катаринен, 9. В те тревожные годы, когда Берлин подвергался частым налетам английской, а позднее американской авиации, на город падало много бомб, наша квартира стала

пристанищем для многих людей из разрушенных домов, а также беженцев из других частей Германии. К концу войны налеты становились все более частыми и разрушительными...

Наша семья милостью Божией избежала прямого попадания бомбы в наш дом, но в памяти остались воспоминания о нескольких страшных часах, когда мы мысленно прощались с жизнью...

Берлин пустел. Все, кто мог, уезжали на Запад Германии не только из страха перед бомбардировками, но из-за боязни попасть под владычество беспощадного коммунизма. И наша семья сделала попытку бежать в сторону Западного фронта. Старшая сестра Саня и брат Коля ушли к тому времени добровольцами в Русскую Освободительную Армию (РОА), а части РОА формировались на западе Германии. Мы все отправились туда в расчете как-то устроиться возле Сани и Коли, но нам в пристанище отказали. Мы предприняли еще одну попытку — попробовали устроиться возле лазарета, где лечился тогда раненый брат Сергей, но приехав в лазарет, выяснили, что Сережа, как выздоравливающий, выписан и отправился в Берлин, к семье. Это решило нашу судьбу, мы вернулись в свою берлинскую квартиру, где и пережили конец войны. Сергея, правда, нам удалось в последние дни перед замыканием кольца вокруг Берлина отправить пешком на Запад вместе с архимандритами Нафанаилом и Виталием. Позже первый стал епископом, а второй — митрополитом. Им удалось добраться до Гамбурга...

Когда Берлин был окружен Красной армией, была объявлена постоянная тревога и жителям велели находиться в убежищах. Мы, правда, в подвал не спускались, но в опасные моменты укрывались в нашей прихожей, где не было ни одного окна. Там мы и дождались «своих»... Было это около шести часов вечера. Неожиданно мы услышали в нашем доме, где-то внизу громкую русскую речь. Потом последовала пулеметная очередь, на нижних этажах раздался топот ног, кто-то крикнул «Зажигай!» — и потянуло дымом.

Пора было выходить из нашего укрытия. Папа вышел на лестничную клетку и громко крикнул вниз: «Православные!». Но никто не откликнулся. Тогда, как это бывало всегда, дело взяла в свои руки Мама. Она побежала по лестницам вниз, к солдатам, и закричала: «Товарищи, что вы делаете! Здесь целая русская семья на третьем этаже. В доме, кроме нас, никого и нет...». «А где же немцы?», — спросил кто-то из солдат. «Все в подвале...», — ответили мы.

«А ну, выходите!», — скомендовали нам, и мы не заставили себя ждать: схватили наши обычные чемоданчики, с которыми спускались в бомбоубежище, и быстро вышли на улицу. «Проводи их в

тыл», — скомандовал кому-то командир, и нас повели. Обращались с нами хорошо, никто не собирался нас убивать, и мы успокоились. В «тылу», а точнее, в каком-то городском районе нас поместили в пустой библиотеке какой-то виллы. Пьяные солдаты показывали нам свои трофеи — часы, предлагали выпить, а потом оставили нас в покое. Мы заперлись в нашей библиотеке, немного поспали на стульях, а рано утром, часов в пять, тихо ушли... Улицы разрушенного Берлина представляли собою страшное и жалкое зрелище, валялись необрунные трупы, опрокинутые трамвайные вагоны, брошенные велосипеды и другие вещи. Мы пешком, никем не остановленные, добрались за несколько часов до дома, где жили наши друзья — Мейснеры, это было в далеком пригороде Берлина Даалемдорф. На их вилле нашлось место и для нас. В этом гостеприимном доме мы встретили весть о капитуляции Германии и отпраздновали Пасху 1945 года.

Нашей семье предстояло получить разрешение на прописку в Берлине и продовольственные карточки, без которых жить было невозможно. Все это должен был разрешить советский комендант района. В местную комендатуру пошла Мамá. Заполнила анкеты, пошла на прием к коменданту. Он внимательно прочитал все бумаги и откровенно сказал: «Нам таких, как вы, не нужно. У нас таких, как вы, вешают на первом фонаре!». Отношение его к нам стало предельно ясным, но комендант почему-то все-таки выдал Мамá разрешение на прописку и на получение спасительных карточек. Через месяц Берлин был разделен на четыре зоны оккупации — американскую, английскую, французскую и советскую. Наша квартира на улице Катаринен, 9, оказалась в английской зоне. И мы поспешили, поблагодарив Мейснеров за гостеприимство, перебраться к себе, в английскую зону. В доме мы были встречены как герои — соседи рассказали, что, увидя нас из дома, солдаты погасили огонь, который зажгли было на первом этаже, проверили документы у немцев и спокойно ушли. Дом остался цел... После этого мы еще целый год прожили в Берлине».

Главной заботой берлинских Лопухиных в то время было отыскать родных, с которыми разлучились в дни окружения и падения Берлина. Запросы ничего не дали, зато через некоторое время пришла открытка от сестры: все трое потерявшихся — Александра Алексеевна, Сергей Алексеевич и Николай Алексеевич — были, оказывается, в Мюнхене, у родного брата их отца, Петра Сергеевича Лопухина, который жил там. Мюнхен в те дни представлялся гораздо более спокойным городом, чем Берлин, — подальше от советской власти, и семья решила переехать в Баварию.

Это было не так просто, но помог случай, а вернее — многочисленные родственные связи Лопухиных. Великое это дело — большая семья! Одна из дальних родственниц, Ирина Брюн де Сент-Ипполит, приехала из Парижа в Берлин вместе со своим женихом, майором армии США Эвансом. В Берлине Ирина сразу же разыскала свою родню. Молодые приехали в поверженную вражескую столицу специально, чтобы там обвенчаться. Они так и поступили, а веселую свадьбу сыграли в квартире Лопухиных на Катариненштрассе. А через несколько дней майор Эванс устроил своих новых родственников на американский транспорт, который должен был доставить в американскую зону оккупации большую группу «ДиПи» — перемещенных лиц.

Т.А. Лопухина-Родзянко запомнила и этот переезд: «Был июнь... Погода стояла прекрасная. Наш транспорт состоял из двух огромных открытых американских грузовиков. Всех собравшихся, которых было человек сорок, с вещами погрузили в эти грузовики, все наши документы, скорее списки получивших разрешение уехать из Берлина, были вручены сопровождавшим грузовики военным американцам, и транспорт наш двинулся в направлении к городу Ганновер через советскую зону. Критический момент настал при пересечении границы из советской зоны в английскую. Пограничники остановили грузовики и потребовали документы всех едущих. Наш американец подал списки, написанные по-английски. Пограничник явно ничего не понял и обратился к пассажирам: «Кто-нибудь говорит по-русски?». В ответ было гробовое молчание, а через минуту из грузовика послышалось с явным славянским акцентом: «Парле ву франсе?». Солдатик махнул рукой и пропустил наши грузовики. Интересно, что, как только мы оказались в английской зоне, почти все ехавшие заулыбались и заговорили очень громко — по-русски... Переночевав в транзитном лагере в Ганновере, мы на следующий день поездом уехали в Мюнхен».

...В Мюнхене семья прожила долгие четыре года. Это были, как вспоминали позже все домочадцы, счастливые годы: кончился ужас войны, вокруг были свои, русские люди, никто не голодал — помогали американцы, а для молодежи это было время их юности...

Поселились Лопухины в Мюнхене в своеобразном русском доме, который официально назывался Домом Милосердного Самарянина. История его такова — еще в 1945 году Православное общество, организованное оказавшимся там русским священником отцом Александром Киселевым, получило от местных властей полуразрушенный дом. Когда стали расчищать его, в одной из комнат под обломками потолка

и стен нашли образок преподобного Серафима Саровского и 200 марок. Отец Александр увидел в этом Божие благословение, и домовая церковь, устроенная там Православным обществом, была освящена во имя святого Серафима. Позже в том же доме была открыта русская гимназия, маленькое издательство, курсы сестер милосердия и амбулатория специально для оказания помощи беженцам из России. Принимали там, впрочем, всех нуждающихся в помощи. Трудившиеся в обществе работали бесплатно, включая и одного из основателей общества, уже широко известного в то время православного церковного деятеля эмиграции Петра Сергеевича Лопухина, того самого Петра Сергеевича, у которого нашли приют его племянники, дети старшего брата, Алексея Сергеевича, оказавшиеся весной 1945 года вынужденными бежать от советских войск.

Коль скоро мы упомянули о Петре Сергеевиче, сделаем небольшой экскурс в будущее и скажем, что позднее он переехал из Мюнхена в Париж, создал там эмигрантское общественное движение «Православное дело», стал его неизменным руководителем и редактором журнала «Православное обозрение». И движение, и журнал существуют и действуют до сей поры. В те парижские годы П.С. Лопухин написал несколько широко известных в эмигрантских кругах трудов, среди них — «Православный человек», «Святая Русь и Русское государство». Последняя работа привлекла внимание и российских издателей, она была перепечатана в альманахе «Дворянское Собрание» в 1997 году. Скончался Петр Сергеевич в 1962 году в Кламаре под Парижем, оплаканный всей русской православной эмиграцией. Очерк о нем читатель найдет во втором разделе этой книги.

...А теперь вернемся в 1945 год, в Мюнхен, когда из Берлина только что приехала семья старшего брата П.С. Лопухина — Алексея Сергеевича. Вновь приехавших приняли тепло, но разместить на первых порах смогли лишь в большой палатке во дворе Дома Милосердного Самарянина. В самом доме все было занято, а людей, нуждавшихся в крыше над головой, все прибывало и прибывало. В те дни не раз бывала в Русском доме и двоюродная сестра матери семейства Лопухиных Феклы Богдановны — баронесса Мария Федоровна Мейендорф, которая, бежав с отступавшими немцами из СССР, жила в Баварии в американском лагере для ДиПи. Позже она писала в своей книге «Воспоминания»:

«Все насельники американских лагерей для ДиПи имели право по своему желанию уезжать и снова возвращаться на свое место. Я пользовалась этим, чтобы навещать своих в Мюнхене. Там... жила при русской школе моя двоюродная сестра Тесья Лопухина с мужем, тре-

мя дочерьми и двумя сыновьями. Квартирный вопрос в Мюнхене был очень острый. Лопухины помещались в большой палатке, раскинутой во дворе школы. Тесья работала в школе в качестве кухарки, ее муж Алеша в качестве швейцара. С наступлением осени начальство школы разрешило им перенести палатку на ту часть чердака, где была повреждена крыша. Редко кому приходилось видеть более оригинальное жилое помещение...»

А Татьяна Алексеевна Лопухина-Родзянко, заметки которой не раз уже здесь приводились, писала: «Нас приютили сначала в палатке во дворе дома. Лето мы провели в детском лагере около городка Гаутинг, где мама заведовала лагерной кухней, а осенью нашу палатку перенесли на чердак дома. Палатка ограждала нас и нижние этажи от текущей крыши. Отапливались мы небольшой буржуйкой, питались из общей кухни Дома, который получал продукты из организации ЮНРРА, а фактически от американцев на всех беженцев Дома Милосердного Самарянина. Папе определили место сторожа, маму устроили на работу в Социальный отдел при Доме, куда приходили посылки из Америки с одеждой и другой гуманитарной помощью. Сергей записался в новооткрытый университет при ЮНРРА, Санечка к нашему приезду уже была в числе учениц курсов сестер милосердия и даже была замужем за Георгием Павловичем Горским, который вскоре после нашего приезда был посвящен во священники. Брат Коля работал в отделе приема и распределения продуктов. Сестра Елена тоже записалась на курсы сестер милосердия и успешно сдала экзамены. Ну а младшие — сестра Анна, брат Михаил и я были счастливы, попав, наконец, в русскую гимназию, в среду таких же детей, как мы.

Преподавателями русской гимназии Милосердного Самарянина были беженцы из России или из других восточноевропейских стран, где они жили между двумя мировыми войнами. Но все преподаватели имели прекрасное русское образование, полученное либо в России, либо в тех странах, где жили и учились многие эмигранты, — в Югославии, Чехословакии, Германии, Прибалтике, в меньшей степени во Франции. Всем, что мы знаем, мы, младшие члены нашей семьи, обязаны этой русской гимназии.

В Мюнхене мы встретили много родственников, которых война забросила в этот город. Так мы впервые познакомились с братом нашего отца Петром Сергеевичем Лопухиным и его семьей, приютившей Санечку, Сергея и Колю, которые каждый своим путем оказались в Мюнхене. Помню, как после службы в Синодальном храме в Мюнхене, где служил тогда владыка Анастасий, мы познакомились с

двоюродной сестрой матери Елизаветой Федоровной Родзянко, урожденной Мейендорф, и ее мужем Михаилом Михайловичем. Это было началом большой дружбы и новых крепких связей наших семей.

Деятельность отца Александра Киселева не ограничивалась его обязанностями священника и директора Дома Милосердного Самарянина. Он вел еще и работу Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). Центр этого движения был в Париже, где и до наших дней издается журнал «Вестник РСХД». Отдел Движения отец Александр организовал и в Мюнхене. Работа заключалась в организации интереснейших докладов на религиозные и культурно-просветительские темы в помещении Дома. Доклады делали русские ученые, оказавшиеся почему-то в Мюнхене. Среди них помню очень известных профессоров Степуна и Четверикова. Мы, молодое поколение, были постоянными слушателями этих докладов. Вершинами деятельности движения стали съезды РСХД в 1948 и 1949 годах, на которые приезжали и знаменитые русские богословы из Парижа, среди которых был отец Василий Зеньковский, профессор Зандер и тогда еще молодой священник отец Александр Шмеман. Все это было очень важной частью нашей жизни и оставило на всех нас заметный отпечаток».

Однако, жители Дома Милосердного Самарянина все же ощущали себя оазисом в пустыне. Немецкие власти не переставали подчеркивать, что считают русских беженцев иностранцами и к тому же не весьма желательными в послевоенной Германии. Мюнхенская русская колония, образовавшаяся вокруг Дома, стала постепенно редеть.

В конце 40-х годов из Мюнхена уезжало немало русских. Многие страны охотно принимали тогда у себя переселенцев, особенно молодых и с детьми. Уезжали в Южную Америку, в США, в Северную Африку, в Австралию, в Бельгию с обязательством работать на угольных шахтах. Лопухины решили ехать в Соединенные Штаты. Уезжали не сразу все. Сначала отправилась передовая группа в составе старших — Алексея Сергеевича, Феклы Богдановны и троих младших детей — Николая, Анны и Михаила. Через два месяца последовала автор цитированных здесь записок Татьяна Алексеевна с мужем Олегом Михайловичем Родзянко, внуком последнего председателя Государственной Думы Российской Империи. За ними — ее брат Сергей Алексеевич с молодой женой Людмилой Андреевной, урожденной Подшиваловой, и сестра Елена Алексеевна с мужем Серафимом Алексеевичем Слободским, о котором мы еще будем говорить на этих страницах.

Пригласил Лопухиных в США известный Толстовский фонд, созданный в Америке в 1939 году дочерью великого писателя Александрой Львовной Толстой. В те послевоенные годы главным делом фонда было переселение русских беженцев от большевиков в Соединенные Штаты Америки. У Толстовского фонда было небольшое имение в двадцати милях к северу от Нью-Йорка, которое служило первым пристанищем для переселенцев. Оно так и называлось Толстовской фермой. Там и оказались Лопухины по приезду. Но довольно скоро с помощью фонда они обосновались в небольшом городке Няяк, что в пяти милях от гостеприимной Толстовской фермы. Случилось так, что с маленьким Няяком оказалась связанной на долгие годы и даже десятилетия жизнь многих Лопухиных и их потомков.

...Оставим ненадолго семью Алексея Сергеевича Лопухина на новом месте, где она устраивается и пускает корни, и обратимся к другим представителям рода, чтобы посмотреть, как пережили Вторую мировую войну остальные Лопухины.

...Детей крупного калужского помещика Ивана Дмитриевича Лопухина, который скончался в памятном 1917 году, мы оставили, когда они, покинув в 1924 году родовое имение Нестеровку, разъехались в разные стороны — кто по собственной воле, кто — нет. К последним надо отнести Александра Ивановича Лопухина, который воевал в Великую войну, дослужился до чина поручика, а позже в Белой армии стал капитаном. Мы рассказывали, как в 1920 году он не захотел ехать за границу, как остался в захваченном красными Крыму, был арестован, показательно судим и так же показательно амнистирован, потом жил в Калуге, развозя в бочке воду по улицам города. Вскоре его арестовали, как «бывшего», и выслали в Татарию, где он как-то жил, как-то работал и уже не чаял перемен.

Но в 1941 году, когда Вторая мировая война пришла, наконец, в СССР, Александра Ивановича — а ему было уже сорок четыре года — призвали в армию и отправили на фронт. Боевой офицер Первой мировой войны, Вторую он прошел в сержантском чине: офицерские погоны ему, как «бывшему», не доверили. Закончил войну Александр Иванович почти пятидесятилетним старшиной, заслужив два ордена Славы, которые знающие военные приравнивают к Георгиевским крестам 1914—1917 годов. Эти ордена, как и кресты, можно было получить только за боевой солдатский труд и только за личное мужество и храбрость на поле сражения.

Сосланный до войны в Татарию, А.И. Лопухин решил, что четыре военных года на фронте и громкие награды позволят ему после войны остаться в Центральной России, где жили его родственники. Но не тут-то было: власти прозрачно дали понять, что, несмотря на заслуги перед Отечеством, его место там, куда его сослали... Пришлось вернуться в Среднее Поволжье, где Александр Иванович прожил еще целых сорок лет. Скончался он в Татарии в 1985 году, не дожив всего двух лет до своего девяностолетнего юбилея.

Его младшего брата Михаила Ивановича мы оставили, когда он был директором большого совхоза «Кирицы», принадлежавшего тогда Лечебно-санитарному управлению Кремля. Оказавшись случайно в штатах этого весьма серьезного и небезопасного по тем временам учреждения, Михаил Иванович счел за благо под каким-либо предлогом подыскать себе другую работу. Он был, как уже говорилось, прекрасным хозяином и весьма знающим специалистом сельского хозяйства, его хорошо знали в этих кругах, и найти работу было нетрудно. Уже в 1939 году он стал директором подсобного хозяйства «Тушино» Московского областного плодоовощного треста. В этом хозяйстве Михаил Иванович и проработал всю войну — ему неизменно давали освобождение от призыва, цenia как специалиста и руководителя.

У его единственного сына Олега Михайловича судьба в военные годы сложилась менее спокойно. Как мы помним, Олега отправили «подальше от посторонних глаз» учиться в Херсонское мореходное училище. Летом 1941 года он был переведен на третий курс штурманского отделения и отправлен на штурманскую практику на советском торговом судне. Вест о нападении Гитлера на СССР застала это судно в Средиземном море и лишь на несколько дней опередила эскадрилью германских бомбардировщиков, которые рыскали над водами в поисках целей. Судно разбомбили, и оно затонуло в чистых голубых водах Мидетерана.

Спаслись далеко не все, но Олегу повезло: он выплыл, благо вода была теплая, был подобран другим судном и даже доставлен на Родину. Благодаря знакомым семьи, служившим в Наркомате морского флота, ему удалось относительно быстро восстановить все документы — оригиналы пропали — и получить направление в Бакинское мореходное училище. Учился он хорошо, хоть и пришлось на время сделать перерыв — когда германские дивизии подошли к Северному Кавказу, старших курсантов мореходки свели в маршевые роты и отправили защищать Кавказ. Так Олег Михайлович принял участие в войне в пехотном строю.

В 1944 году после окончания в Баку мореходного училища молодой штурман дальнего плавания Олег Лопухин был направлен на Северный флот. Тогда это был единственный в Европейской России действующий торговый флот. Через северные порты Архангельск и Мурманск шли громадные поставки военных грузов из Англии и США. Время от времени под охраной военных кораблей и самолетов в незамерзающий Мурманский порт и в Архангельск приходили крупные конвои транспортов от союзников, кроме того, морскими просторами пробирались из Атлантики в Архангельск, соблюдая полное радиомолчание, одиночные транспортные суда.

Штурман Олег Михайлович Лопухин ходил в арктических водах и в составе конвоев, и в одиночном плавании. Позже он рассказывал сыну Вадиму об особенностях тех и других. В конвое идти веселее, не чувствуешь своей затерянности в море, надеешься на корабли охранения. И все же в конвое немало шансов потерять судно — ведь за ним целенаправленно охотятся, и с поверхности, и из-под воды, и с воздуха. В одиночном плавании моряк испытывает сложные чувства — судно практически незащищено, оно одиноко на водном просторе и открыто со всех сторон, спрятаться нигде. Зато есть надежда затеряться, проскочить, ведь за одиночками специально не охотились, кроме разве таких же одиноких германских рейдеров, которые выходили иногда в море «на свободную охоту». Но если идти тихо, не разговаривая по радио, и если подняться к северу, «прижаться» к ледовым полям, есть неплохой шанс спокойно пройти опасные воды...

Чтобы уяснить себе масштабы транспортных операций на Севере в военные годы, стоит припомнить хотя бы одну цифру — в 1944 году, когда О.М. Лопухин постоянно ходил в составе конвоев или в одиночном плавании с грузами для СССР по ленд-лизу, в наши северные порты пришло 248 транспортных судов.

Не только проводкой транспортов занимался штурман Лопухин. Свое двадцатилетие он отметил участием в крупной боевой операции Северного военно-морского флота. В октябре 1944 года началось наступление войск Карельского фронта. В его ходе была намечена высадка десанта морской пехоты прямо на базу германского флота в порту Лиинахамари, порт нужно было захватить целиком, а следовательно, сделать это в кратчайшие сроки. Но Лиинахамари стоит в длинном и узком Варангер-фиорде, по которому корабли десанта практически не могли пройти незамеченными. Оставалось одно — скорость и точность проводки и военная хитрость. Моряки решили высадить десант не с военных транспортов, а с обычных торговых судов, которые вполне могли в фиорде сойти за «свои». Для этого

военные «одолжили» у гражданского флота несколько быстроходных транспортов с лучшими экипажами и самыми надежными штурманами. Они-то и двинулись в фиорд.

Видимо, пароход «Диксон», на котором ходил Олег Михайлович, был на хорошем счету, а экипаж считали надежным, если именно это судно и его самого рекомендовали для участия в операции. Успех ее целиком зависел от мастерства капитанов и штурманов — суда десанта нужно было провести по узкому и извилистому фарватеру с максимальной точностью и скоростью, чтобы их не успели расстрелять береговые батареи.

Десант в Лиинахамари вошел не только в военные учебники тактики, как пример дерзкой и смелой наступательной операции. О нем вспоминали в своих мемуарах видные полководцы Отечественной войны 1941—1945 годов. Адмирал флота Н.Г. Кузнецов, который в годы войны был Главнокомандующим военно-морскими силами, так писал об этой операции в своей книге «Курсом к победе»:

«Флоту предписывалось высадить там (в Лиинахамари. — *Примеч. ред.*) десант, чтобы содействовать нашим войскам в скорейшем освобождении Петсамо и закрыть дорогу для отступления в Норвегию остаткам разгромленных частей противника. Североморцы предложили смелый план. Было известно, что длинный и узкий фиорд противник прикрывает огнем многих орудий разных калибров... Но потерь оказалось мало. Все решила внезапность, точность, быстрота, дерзость. Они ошеломили врага. Немецкий командир базы Лиинахамари только и успел передать по радио: «Русские прорвались на базу. Срочно эвакуируйтесь...»

Нескрываемое восхищение прославленного адмирала мастерством и мужеством морских пехотинцев в определенной степени относится и к штурману Лопухину — это он вел пароход «Диксон» по Варангер-фиорду.

Через три года после окончания Второй мировой войны двадцатичетырехлетний штурман дальнего плавания сдал судоводительские экзамены и получил диплом капитана дальнего плавания, став едва ли не самым молодым капитаном на Севере. Теперь он самостоятельно водил свое судно морскими путями.

Однако на судах Северного морского пароходства Олег Михайлович плавал в этом качестве недолго. Случилось так, что он влюбился и со свойственной всем Лопухиным решительностью женился. Его супругой стала Тамара Яковлевна Чеснокова...

Здесь нужно сделать отступление, которое не скажет ничего нового старшим жителям России, но без которого ни нынешняя моло-

дежь, ни иностранцы просто не поймут дальнейшего... В те годы, да и в последующие тоже, созданный большевистским режимом репрессивный аппарат НКВД—МГБ—КГБ строго делил людей, граждан «страны победившего социализма», на чистых и нечистых. К последним относились многочисленные «враги народа», заполнявшие тогда концлагеря системы ГУЛАГ, «бывшие враги народа», уже выпущенные из лагерей, но еще лишённые многих прав. Для краткости и удобства те, кто занимался таким «учетом», называли их просто «ВН» или «БВН». Но были и другие категории «лишенцев», например «ЧСВН», что означает «член семьи врага народа». Если в концлагерях сидели миллионы, то относящихся к этой последней категории было, наверное, много миллионов. На них тоже распространялись всяческие ограничения и запреты. В частности, если «ЧСВН» женился или выходил замуж, его новый партнер автоматически становился «подозрительным элементом», с которого карающим властям полагалось не спускать глаз...

Так вот, невеста капитана дальнего плавания Олега Михайловича Лопухина была «ЧСВН». Ее отец бывший купец II гильдии Яков Васильевич Чесноков был отнесен к «лишенцам», а мать немка Алида Гансовна расстреляна в 1937 году по стандартному обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже в пользу Швеции, Германии и Эстонии. Молодые люди встретились и полюбили друг друга в Архангельске. «Доброхоты» предупреждали его: «Не женись, останешься без судна...» Но разве это довод для влюбленного Лопухина!..

Сыграли свадьбу, а через некоторое время Олега Михайловича, который направлялся на свое судно, встретили у трапа несколько человек с красными удостоверениями и даже не пустили на борт, предложив пройти в управление пароходства. Так Олегу Михайловичу был заказан путь в заграничные воды.

На долгие десять лет он превратился в каботажника, в арктического капитана. Олег Михайлович и прежде любил Север, а в те годы особенно свялся с ним, принял в свое сердце. Русским вообще хорошо на Севере, это — их стихия. Те, кто бывал в Приполярье или в более высоких широтах, помнят, как спокойно, деловито, по-хозяйски ведут там себя русские. Иностранца или природного южанина на севере видно сразу — он постоянно кутается, ему не по себе, белая равнина вокруг ему чужда... Русский на Севере — дома!

Вот так же легко и свободно чувствовал себя на мостике судна ледового класса и капитан Лопухин. Тем более, что опыт полярного плавания позволял ему ощущать себя на месте даже в самых сложных ситуациях, а льды, как известно, шутить не любят...

Позже, в конце 50-х, родных Тамары Яковлевны реабилитировали, с капитана были сняты все запреты. Он снова получил возможность ходить в дальние рейсы и побывал во многих морях и океанах. А потом, лет через двадцать, стало пошаливать сердце. И в 1972 году капитанский мостик пришлось оставить, но знания и нажитый в море опыт пригодились на берегу — Олег Михайлович стал начальником Архангельского мореходного училища, старейшего в России морского учебного заведения. До последних дней своих учил он навигации и управлению судами будущих моряков. Скончался капитан Лопухин в 1993 году, не дожив до семидесяти всего один год. Заинтересованного читателя отсылаем к очерку «Капитан дальнего плавания» в этой книге, который подробно рассказывает об Олеге Михайловиче.

У Олега Михайловича и Тамары Яковлевны Лопухиных было двое детей. Дочь Лидия Олеговна, которая родилась в 1950 году, окончила в Петербурге педагогический институт, стала детским психологом и преподает ныне в Архангельском институте усовершенствования учителей.

Единственный сын морского капитана Вадим Олегович, родившийся в Архангельске в 1955 году, избрал иной, чем отец, жизненный путь, стал врачом. Он окончил Архангельский медицинский институт, клиническую ординатуру и аспирантуру в Москве, в 1984 году защитил диссертацию, стал кандидатом медицинских наук, автором более ста научных публикаций. С середины 80-х годов Вадим Олегович преподает в медицинских вузах, являясь сначала ассистентом, а затем и преподавателем кафедр акушерства и гинекологии в Москве. Одновременно с 1989 года В.О. Лопухин руководит родильным домом Спасо-Перовского госпиталя мира и милосердия в Первопрестольной столице России.

В разговорах со знакомыми Вадим Олегович признается, что докторская диссертация у него давно готова, да все нет времени, чтобы должным образом оформить ее и подготовить к защите... Доктор Лопухин говорит правду — последнее десятилетие XX века он очень много времени, сил, энергии отдает общественному служению.

...В 1990 году в Москве по инициативе группы дворян было образовано Российское Дворянское Собрание, общественная организация, поставившая перед собой цель объединить уцелевших потомков российских дворянских родов. Став одним из первых членов Дворянского Собрания (у него диплом члена РДС номер 19), Вадим Олегович сразу же окунулся в новую для него работу по возрождению в России дворянского сословия и дворянского движения. На выборах 1991 года В.О. Лопухин стал первым вице-предводителем Дворянского Со-

брания и помощником предводителя князя Андрея Кирилловича Голицына — человека, авторитет которого служит сегодня залогом успеха в восстановлении исторической справедливости по отношению к дворянству, подвергавшемуся поруганию на протяжении многих лет. Впоследствии Всероссийские дворянские съезды трижды вновь избирали его на этот пост.

Один из признанных лидеров современного российского дворянства, Лопухин стал также первым вице-предводителем Московского Дворянского Собрания, курировал работу организации «Российская дворянская молодежь», был назначен главным координатором Августейших визитов в России Членов Российского Императорского Дома...

В ноябре 1995 года в США скончался последний светлейший князь Николай Александрович Лопухин-Демидов. В одной из предыдущих глав мы писали, как появились светлейшие князья Лопухины и Лопухины-Демидовы. А в декабре 1995 года Глава Российского Императорского Дома Государыня Великая Княгиня Мария Владимировна в соответствии с законодательством о дворянстве подтвердила княжеское достоинство рода Лопухиных в лице старшего в той ветви рода, которая сохранилась в России, — Вадима Олеговича Лопухина.

С конца восемнадцатого столетия Российские Государыни сохраняют княжеское достоинство этого рода: Император Павел I пожаловал этот титул своему генерал-прокурору Петру Васильевичу Лопухину, Император Александр II, по пресечении прямой линии рода, повелел именовать светлейшим князем внучатому племяннику генерал-прокурора генералу Демидову, а Великая Княгиня Мария Владимировна, после того как пресекалась и эта линия, восстановила княжеское достоинство Лопухиных в лице видного московского врача и дворянского деятеля Вадима Олеговича...

В конце этой книги, среди важнейших документов рода, которые там собраны, можно прочитать и полный текст Рескрипта Государыни Марии Владимировны. Здесь же приведем лишь выдержку из него:

«Крушение Российской Империи разбросало Лопухиных по всему свету, и лишь представители одной ветви остались и выжили на территории исторической России. На сегодняшний день старший из этой ветви — Вадим Олегович Лопухин.

В этом году исполнилось 500 лет служения рода Лопухиных Московскому Государству, Царству и Российской Империи, которое последовало после окончательного присоединения к нему Новгородского Княжества.

В связи с этой датой и отмечая особые заслуги В.О. Лопухина перед Российским Императорским Домом, сочли Мы за благо вос-

становить историческую справедливость и в воздаяние заслуг рода Лопухиных перед Россией, как в период Империи, так и в настоящее время, подтвердить княжеское достоинство князей Российской Империи Лопухиных в лице Вадима Олеговича Лопухина и всего его нисходящего потомства, именуя их впредь Князьями Лопухинскими».

В свою очередь, в послании Главе Российского Императорского Дома Государыне Великой Княгине Марии Владимировне предводитель Российского Дворянского Собрания князь А.К. Голицын отметил, что «почти 1000-летняя история рода Лопухиных и членство в организации глубоко преданных Российскому Императорскому Дому людей, какой является Российское Дворянское Собрание, будут надежной гарантией, что князь Лопухин и его потомки не посрамят Земли Русской».

У князя Вадима Олеговича две дочери — княжна Мария Вадимовна, клинический ординатор кафедры терапии Московского медицинского университета, родившаяся в 1977 году, и княжна Евдокия Вадимовна, 1991 года рождения, которая учится сейчас в средней школе.

Обе дочери князя Вадима Олеговича воспитаны в традиционном духе уважения к Государыне Марии Владимировне и членам Августейшей семьи. Супруга покойного Великого Князя Владимира Кирилловича вдовствующая Государыня Леонида Георгиевна милостиво отвечает на наивные и милые детские письма, которые иногда направляет ей маленькая княжна Евдокия: «Ваше Величество! Спасибо за подарки. Мне уже пять лет. Я скоро пойду в школу...» А когда старшая дочь княжна Мария Вадимовна собиралась выйти замуж, князь Вадим Олегович в соответствии с придворным протоколом испросил у Государыни Марии Владимировны разрешение на свое, отцовское благословение этого союза. Во время очередного визита Августейшей семьи в Россию молодые были представлены Членом Российского Императорского Дома и получили Высочайшее согласие на брак. Так оживают и вновь наполняются смыслом прежние дворянские традиции.

...В предыдущем очерке мы рассказали о судьбе Николая Викторовича Лопухина, который всю жизнь работал, чтобы освободить от долгов отцовское имение, и о его детях, Софье Николаевне, Владимире Николаевиче и Борисе Николаевиче. Теперь пришло время поведать о детях Владимира Николаевича и его жены Галины Александровны, урожденной Лавровой. У них было двое детей, две дочери — Наталия, родившаяся в 1947 году и Елена, родившаяся в 1956-м.

Старшая, Наталия Владимировна, вспоминает, что «в семье о прошлом почти не говорили, редко упоминали о старших родных и прежней жизни — тогда было просто страшно, что об этом узнает кто-либо посторонний... Я и родословие Лопухиных узнала уже будучи взрослой, когда уже вступила в Российское Дворянское Собрание... Но надо признаться, что и прежде, в детстве, в юности, у меня постоянно было ощущение какой-то неправильности жизни... Видимо, гены давали себя знать».

Окончив школу, Наталия Владимировна поступила в известное Художественно-промышленное училище имени графа Строганова, успешно окончила и его, стала дипломированным художником, а вскоре и признанным мастером гобелена. В этом непростом жанре Н.В. Лопухина выполнила немало крупных заказных работ, которые и по сей день украшают музеи и некоторые официальные здания, — это гобелены размером в 10, 12 и даже 20 с лишним квадратных метров.

Сама жизнь, раздумья о ней, стремление к лучшему привели Наталию Владимировну Лопухину в русскую православную церковь. «Моя семья не была религиозной, — рассказывает она. — В семье я первая обратилась к Богу. И не только жизнь привела к Нему, но и память предков, как я думаю. Мой пример свидетельствует о том, что мы сами можем забыть свое прошлое, свой род, но Бог нас не забывает... Оглядываясь на прожитое, могу сказать, что обо мне всегда было попечение Божие, не знаю уж, чем я его заслужила... Всегда попадались хорошие, добрые люди, духовно богатые... И мне что-то от них передавалось. Не могу сказать, что в семье моему обращению порадовались, бывали целые баталии, но сейчас уже все это в прошлом: старшие не богоборствуют, а молодежь вся пришла в храм Божий...»

Наталия Владимировна вышла замуж за скульптора Петра Павловича Чусовитина. Но их сын Тимофей Петрович художником не стал, питает склонность к технике. Бывает он и в Российском Дворянском Собрании, где его мама играет заметную роль. «Сейчас, в Дворянском Собрании, у меня появилось ощущение полноты жизни», — сказала Наталия Владимировна в беседе с автором этих строк.

Вступила в Российское Дворянское Собрание и ее сестра Елена Владимировна. Она окончила Московский педагогический институт, преподает, замужем за Андреем Павловичем Андрейчуком.

И несколько слов о потомстве сына Бориса Николаевича — Бориса Борисовича Лопухина. Он инженер, живет с семьей и работает в Поволжье, в Саратовской области, руководит Саратовским губерн-

ским Дворянским Собранием. В 1984 году Борис Борисович вторично женился, и от этого брака у него трое детей: две дочери и сын Николай Борисович, родившийся в 1987 году. На сегодняшний день этот Николай Лопухин — самый молодой представитель рода в России и пока единственный продолжатель его в Отечестве.

...И вновь вернемся к Лопухиным заграничным, живущим в Европе, США и в Канаде, расскажем коротко об их жизни во второй половине и конце двадцатого столетия. Об этом времени говорить сложнее, все, что было раньше, — история, пусть и новейшая. Десятилетия же, примыкающие к нашим дням, — уже не история, а сама наша жизнь.

Первые послевоенные годы во французском Кламаре были для тамошних Лопухиных временем свадеб и прибавления семейств. Младший брат Сергея Николаевича, Михаил Николаевич, женился на княжне Марине Оболенской, а их сестра, Елизавета Николаевна, вышла замуж за князя Дмитрия Оболенского, племянника того самого Оболенского, который в 1930 году помог семье Лопухиных с переездом из Гонконга в Нью-Йорк. Еще одна сестра, Марина Николаевна, стала женой милого англичанина профессора Оксфордского университета Джона Феннелла. В довершение всего у самого Сергея Николаевича и его Трешки родился второй сын, Сережа...

Однако через какое-то время семья, та самая большая семья, в которую входили много близких друг другу и родственных душ, живших до той поры вместе и общими интересами, — эта большая семья стала постепенно распадаться: скончалась почтенная княгиня Мария Трубецкая, «принципиально» уехал в Советскую Россию князь Петр Трубецкой, несколько семей переехали в США.

Изменилась жизнь и семьи Сергея Николаевича. В те годы Франция налаживала разнообразные связи с СССР, появилась большая потребность в русских переводчиках и других специалистах, знающих русский язык. Так хорошо знакомый нам автор записок и его супруга целиком перешли на «русскую работу». Они пришли в новую редакцию «Русского радио» — переводили на русский самые разные материалы французского радио и потом читали их перед микрофоном в часы трансляции на Россию. Работа затягивалась часто до полуночи, но наши Лопухины радовались — наконец-то они получили возможность переключиться с рабочих и подсобных специальностей, какими пробавлялись до тех пор, на настоящую интересную интеллигентную работу. Труд на радио: переводы на рус-

ский, дикторское чтение, озвучивание на русском самых разных технических фильмов — оказался далеко не временным, этим делом и Сергей Николаевич, и Александра Сергеевна занимались практически всю оставшуюся жизнь.

В 1952 году скончался Николай Сергеевич Лопухин, глава большого семейства, который и вывез всех их из Советской России три десятилетия назад. На целых двадцать пять лет пережила его вдова Софья Михайловна, урожденная Осоргина, она умерла в 1977 году. Но, несмотря на все потери, Лопухиных во Франции не становилось меньше — являлись в этот большой мир все новые и новые поколения, а старый Кламар все продолжал играть роль французского родового гнезда.

...Сохранилась любопытная фотография 1992 года: в весеннем парке, окружившем дом в Кламаре, большая группа людей — уже пожилых, средних лет, молодежи, а вокруг много детей разного возраста. Это участники своеобразного «слета» всех европейских Лопухиных, которые, списавшись, собрались вместе, чтобы еще раз посмотреть друг на друга, поговорить, чтобы, несмотря ни на что, вновь почувствовать себя своими, близкими. Участники встречи утверждают, что это удалось... Их было человек тридцать, если не больше, — из Франции, Англии, из России. Времена были уже другие, и русский Лопухин — Вадим Олегович смог принять участие в этом собрании. На семейной фотографии — множество ребятишек. Их называли в те дни просто и ласково — лопушата. Именно они и есть порука тому, что древний род продолжает жить на земле.

...А теперь мысленно перенесемся в американский городок Наяк, где мы оставили семью Алексея Сергеевича Лопухина, перебравшуюся в США из Мюнхена с помощью Толстовского фонда. Наяк — фактически пригород Нью-Йорка, поэтому, сохранив там свою основную базу на долгие годы и десятилетия, Лопухины, теперь уже несколько семей, переехали в самый город или поселились в других его окрестностях, поближе к месту работы. Первые годы работали в разных местах: рабочий на спичечной фабрике, лаборантка при госпитале, механик в гараже... Но все часто собирались у старших в Наяке.

Кроме того, все считали себя прихожанами Наякской церкви. До приезда Лопухиных православного храма в этом городке не было. Но как только семья приехала сюда, она вместе с другими русскими людьми в городе, такими же «крестниками» Толстовского фонда, официально зарегистрировала Русскую православную общину во имя Покрова Пресвятой Богородицы и учредила Покровскую цер-

ковь. Основателем общины был священник отец Адриан Рымаренко, а первым старостой прихода — Алексей Сергеевич Лопухин. Первые службы проходили в обычной квартире, где собирались двести семьи, потом — в доме, специально для этого купленном, а позднее, когда к отцу Адриану присоединился приехавший в Няяк отец Серафим Слободской, женатый на Елене Алексеевне Лопухиной, была куплена земля и на ней построено новое церковное здание. Новая церковь Покрова Пресвятой Богородицы была полностью готова и освящена в 1963 году. Отец Серафим и матушка Елена, которую близкие называли матушка Ёлочка, развернули обширную деятельность: они сумели привлечь людей, собрать достаточные средства, чтобы основать неподалеку от Няяка Ново-Дивеевский женский монастырь, открыть православную приходскую школу, а в 1979 году с помощью меценатов было построено и особое здание для русской школы в Няяке.

Старшие Лопухины — Алексей Сергеевич и Фекла Богдановна — были неизменно деятельными в устройении духовной, церковной, культурной жизни родственных семей Няяка и округи. Но Алексей Сергеевич скончался в 1966 году, а Фекла Богдановна — в 1982-м. Похоронили супругов на Ново-Дивеевском монастырском кладбище.

К этому времени, правда, уже не было в живых ни отца Адриана Рымаренко, ни отца Серафима Слободского. Последний, кстати, оставил по себе не только добрую память в родном приходе, но и особое духовное наследие. Для обучения и катихизации маленьких Лопухиных и других детей из родственных семей он составил толстую книгу «Закон Божий». Этот том был издан позднее на русском языке большим тиражом в издательстве при православном Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США) и служил для обучения русских детей во всех православных приходах Америки. А в 1991 году, когда в России пал безбожный большевистский режим, московское молодежное издательство выпустило в свет в красивом синем переплете репринтное переиздание этой книги, которую сочли лучшей в своем роде к тому времени. «Закон Божий для семьи и школы со многими иллюстрациями, составленный протоиереем Серафимом Слободским» вышел в Москве тиражом в 300 тысяч экземпляров. Так добрый труд отца Серафима и сегодня, через много лет после его кончины, служит духовному просвещению русских ребят в разных странах мира, в том числе и в России.

В начале этого очерка была упомянута семья одного из парижских Лопухиных — Рафаила Николаевича, который женился на внучке Льва Николаевича Толстого, стал специалистом по лесному хозяй-

ству, работал во французской фирме в стране басков и в начале 50-х годов решил вместе с женой Софьей Михайловной и сыновьями Сергеем, Никитой и Андреем покинуть Францию. О том, как это произошло и как семья обосновалась за Атлантическим океаном, рассказал недавно на нескольких страничках старший из братьев, Сергей Рафаилович Лопухин. Он хорошо говорит по-русски, но писать предпочитает все-таки по-английски. Поэтому мы приводим его рассказ в переводе на русский язык.

«Прекрасно помню, как отец и мама обсуждали наши перспективы в той или иной стране. Выбор, правда, был невелик: квалифицированных специалистов по лесному хозяйству приглашали главным образом в США и Канаду. Выбор склонился в пользу Канады по двум причинам: нужно было ехать в Квебек — франкоговорящую провинцию, а мы все говорили по-французски, и канадские власти предоставили отцу грант, что значительно облегчало переезд и устройство на новом месте. Мы отправились в Канаду. Семь дней пути в океане на борту прекрасного круизного лайнера прошли как в сказке, и вот уже перед нами канадский берег, далее — по заливу и по реке Святого Лаврентия, которая своей шириной напоминает море, и, наконец, город Квебек.

Нас хорошо встретили и сразу же предоставили отцу работу в местечке Сент-Север де Монд в 409 милях к северу от Монреаля, там мы и поселились. Это был центр прекрасных девственных лесов с множеством всяческой фауны и относительно редкими городками и селениями. Жители их мало общались с остальным населением страны, и поэтому там сохранилась удивительная лингвистическая особенность, которой больше я нигде не встречал: местные жители, которые переселились сюда несколько веков назад из Европы, говорили на старофранцузском, старошотландском и староирландском языках. Мы оказались в языковой среде XVII века. Это было необычно, красиво, но несколько затрудняло общение.

Вскоре отцу предложили повышение по службе и гораздо более выгодные условия, и мы переехали в Маниваки, небольшой городок всего с тысячей жителей в 250 милях от Монреаля. Отец стал начальником лесного хозяйства округа, кругом была нетронутая природа — столько разных зверей и птиц я не видел больше никогда и нигде. Но были и серьезные минусы — там, в глуши, была лишь начальная шестилетняя школа, а ездить учиться в Монреаль было невозможно — шоссе зимами перекрывали трехметровые сугробы.

В 1957 году на семейном совете было решено, что отцу нельзя бросать такую выгодную работу, но детей, то есть нас троих, нужно

серьезно учить и готовить к поступлению в университет. Мы, мальчишки, уехали с мамой в Монреаль, и для нас началась настоящая учеба. Огорчало лишь то, что отец приезжал к нам редко — два-три раза в месяц, и мы очень скучали без него.

Весной 1960 года случилась у нас большая беда. 2 апреля наш дорогой отец Рафаил Николаевич Лопухин скоропостижно скончался от тромбоза сосудов сердца и легких. Папа умер совсем молодым, ему было всего 45 лет. Похоронили его в Монреале, на кладбище Королевской Горы, на печальную церемонию приехали многие наши родственники из Найяка, городка в штате Нью-Йорк (США), который, как мы знали тогда, считали чуть ли не лопухинским городом, так много было там наших близких и так много они для своего городка сделали. Они-то и уговорили маму переехать в Найяк. Вскоре я проводил маму и братьев в США, где они продолжили учебу в Найякской школе, а мама поступила работать администратором в Толстовский фонд, основанный ее теткой графиней Александрой Львовной Толстой. В фонде были очень рады, что среди его сотрудников появился еще один член фамилии основателей, еще одна Толстая...

А я остался в Монреале, мне предстояло окончить там университет, что и удалось сделать в 1962 году. Получив специальность дипломированного химика и степень магистра, я тоже приехал в США. Куда именно? Конечно же в Найяк, в лопухинский город. Так с тех пор и работаю в Соединенных Штатах.

Скоро получили дипломы о высшем образовании и мои братья. Никита Рафаилович решил пойти по стопам отца, он окончил Нью-Йоркский университет по специальности лесоведа и лесозаготовителя и вернулся в Канаду. Он работает в правительственном учреждении, которое по международной лицензии отслеживает экологическую обстановку в канадских лесах. Младший, Андрей Рафаилович, тоже окончил Нью-Йоркский университет, стал специалистом по психологии, но работает в иной сфере — в Бостоне он занимается финансами и бизнесом».

Вот что рассказал о своей семье Сергей Рафаилович Лопухин, родившийся в 1942 году в военном Париже и живущий ныне в США. Мы же снова вернемся в 50-е годы, чтобы рассказать о судьбе потомков Алексея Сергеевича Лопухина, обосновавшихся в Найяке. Впрочем, не только в Найяке. Его старший сын, Сергей Алексеевич, еще в начале 50-х годов переехал со своей семьей на Западное побережье США и обосновался в Лос-Анджелесе. Он стал одним из видных деятелей русской эмиграции в Калифорнии и вообще на Западе Соединенных Штатов. Глубоко религиозный человек (этим он боль-

ше всех детей походил на отца), с обостренным чувством справедливости и несомненным поэтическим даром (несколько его стихов напечатаны в последнем разделе этой книги), Сергей Алексеевич играл большую роль в жизни Лос-Анджелесского Преображенского собора, был одним из активных деятелей старейшей монархической организации Российского Имперского Союза-Ордена, убежденным монархистом и верноподданным законного Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича. Сергей Алексеевич много лет редактировал ежемесячный журнал русской монархической мысли «Согласие», вокруг которого объединялись русские монархисты-легитимисты, жившие в США. Не будем говорить о нем подробнее, поскольку желающие могут обратиться к отдельному очерку о С.А. Лопухине, напечатанному в этой книге. Добавим лишь, что он успел побывать в качестве гостя на свадьбе Великой Княгини Марии Владимировны и прислуживал, как иподиакон, во время таинства ее бракосочетания. Сохранилась фотография, где он в облачении стоит у Царских врат позади Испанской Королевской четы. Скончался Сергей Алексеевич пятидесяти восьмью лет от роду летом 1978 года. Когда о его кончине сообщили Великому Князю, Государь Владимир Кириллович прислал его вдове телеграмму: «Дорогая Людмила Андреевна, моя семья и я глубоко опечалены вестью о кончине Вашего мужа и шлем Вам наше глубокое и сердечное сочувствие. Да поможет Вам Господь перенести это тяжелейшее в жизни человека испытание. Владимир».

...Теперь коротко о других детях Алексея Сергеевича Лопухина. Его старшая дочь, Александра Алексеевна, переезжала вслед за своим мужем священником отцом Георгием Горским из одного православного прихода в другой, где служил отец Георгий. В 1964 году она овдовела. Когда она уезжала с детьми уже одна в Найяк к родным, прихожане сделали в пользу своей любимой матушки такие щедрые пожертвования, что она смогла купить в Найяке дом, где и жила с детьми до 1979 года, когда скончалась от рака. Дети ее получили хорошее образование и благополучно обзавелись своими семьями.

Николай Алексеевич Лопухин долгие годы работал в городском университете Нью-Йорка, позже купил себе дом в Найяке, а в 70-х годах был избран старостою прихода Покровской церкви, где трудится и по сей день.

Елена Алексеевна после кончины своего мужа отца Серафима продолжала петь в церковном хоре и преподавать в русской приходской школе. Для своих учеников она составила оригинальный Букварь с рабочими тетрадами, который впоследствии издали. Те-

перь он широко распространен в начальных классах американских русских школ.

Анна Алексеевна, выйдя замуж за Михаила Сергеевича Осоргина, тоже купила дом в Няяке. Почти все члены этой семьи пели в церковном хоре и преподавали в приходской школе, а глава ее, Михаил Сергеевич, был неизменным регентом хора.

Татьяна Алексеевна Лопухина, которую мы хорошо знаем как автора книги о Солженицыне и интересных воспоминаний, с мужем Олегом Михайловичем Родзянко живет недалеко от Няяка. Глава семьи окончил университет по специальности механика и тридцать два года преподавал в колледже в Бронксе, который является филиалом Нью-Йоркского университета. Вышел на пенсию со званием заслуженного профессора. Мать семейства также получила высшее образование, стала доктором филологии, защитила диссертацию «Духовные основы творчества А.И. Солженицына», которую издала позднее отдельной книгой в издательстве «Посев», преподавала русский язык и литературу в университетах штата. Вместе с мужем они создали у себя дома настоящую типографию, где практически двадцать лет издавали всяческие книги: религиозную литературу, мемуары, а также книги о репрессиях и подавлении инакомыслия в Советском Союзе. Эти книги были известны и популярны и в нашей стране, но за их хранение можно было угодить в тюрьму. После краха коммунизма они привезли эту типографию в Россию и подарили ее одному из приходов Православной зарубежной церкви в Сибири.

Нельзя не отметить заинтересованность Татьяны Алексеевны и Олега Михайловича Родзянко в российских делах. Вот пример. Когда два года назад над зданием, переданным Российскому Дворянскому Собранию в аренду, нависла угроза, власти хотели аннулировать договор об аренде, супруги Родзянко направили соответствующему министру в Москву протест против такого произвола. Поскольку власти ссылались на законы Российской Федерации, Татьяна Алексеевна и Олег Михайлович резонно возражали: *«...А насколько законно и обоснованно было с моральной точки зрения присвоение собственности большевиками и унаследование такового нынешними властями? Кроме того, Ваши разъяснения касаются только материального имущества, а как быть с духовным наследием, которое потомки создателей Российского государства — Дворянское Собрание — стараются возродить? Ведь это тоже — народное имущество, к тому же более ценное, чем материальное! Просим Вас, не опускайтесь до уровня арабских завоевателей Египта, которые сохранили пирамиды, но сожгли Александрийскую библиотеку!»*

Отчего Вы не сосредоточите Ваше внимание на других, не менее ценных памятниках, находящихся в Вашем ведении, — они гибнут. Для примера приведу имение моего прадеда Николая Голицына — Никольское-Урютино. Когда мы посетили его в 1993 году, оно стояло в запустении. Когда мой сын побывал там в этом году, оно все еще было в запустении, но теперь уже с провалившейся крышей. И таких культурных памятников, находящихся в Вашем «ведении», очень много. Займитесь ими и не подрывайте культурной деятельности Российского Дворянского Собрания.»

Теперь о детях этой деятельной пары. Один из сыновей няякских Родзянко, Михаил, стал летчиком гражданской авиации США. Другой, Николай, стал строителем и весьма успешно приложил свои знания, построив в Кливленде новое здание православной церкви во имя преподобного Сергия Радонежского. Свои семьи и у двух дочерей — Анны и Татьяны.

А еще один сын, Алексей Олегович Родзянко, именуемый в семье Гвидоном, стал крупным менеджером. Сейчас он живет в Москве со всеми своими домочадцами, работает по специальности и стремится внести вклад в российско-американское экономическое сотрудничество. Его старшие дети — частые гости в Российском Дворянском Собрании.

Младший из детей Алексея Сергеевича, Михаил Алексеевич Лопухин, прошел необходимую службу в армии США, что дало ему право бесплатно учиться в университете. Он закончил его по специальности «психология» и работает сейчас близ Няяка. Он женат на Елизавете Никитичне Куломзиной, их дети уже сами растят детей.

Этот беглый обзор жизни и трудов большого семейства американских Лопухиных не дает полной картины развития этой веточки рода, но того, что сказано, достаточно, чтобы сделать вывод: и в Америке они, практически все, остаются православными русскими людьми, думают и говорят по-русски и в таком же русском духе воспитывают потомство. Иными словами, они и во втором, и в третьем, и в четвертом поколении от первых переселенцев остаются русскими Лопухиными. А это значит, крепок корень, уходящий в глубину веков...

То же самое можно сказать и о других Лопухиных, о тех, например, что живут сейчас во Франции... Зная стойкий лопухинский корень, можно быть уверенными, что, где бы они ни жили, они остаются на высоте старинного родового завета, везде продолжают входить в высший, высокодуховный, интеллектуальный слой общества, к которому принадлежат.

Передо мной стостраничная родословная роспись — «Светлейшие князья, князья и дворяне Лопухины», составленная специалистами. Она основана на архивных, опубликованных и иных доступных данных, в нее включены имена, ставшие известными из дополнительных достоверных источников. Роспись эта опубликована в книге. Она — самая полная и наиболее точная родословная роспись из всех ныне известных лопухинских росписей. Последние записи в ней относятся к детям, родившимся в 80-х, 90-х и даже в 1999 году. И все же ее нельзя считать совершенно полной. Возможно, что новые архивные изыскания откроют нам новые имена Лопухиных в прошлом, а сама жизнь будет постоянно пополнять ее.

Поэтому мы и можем говорить о числе Лопухиных только приблизительно. Ныне во всем мире здравствует около 100 Лопухиных. Примерно три четверти их живут за пределами России. Самые крупные лопухинские колонии — в США и во Франции, по несколько человек живет в Великобритании и Канаде.

В России сейчас известно 14 урожденных Лопухиных. Они представляют две ветви «Григорьевичей», которая разделилась в потомстве сына Тульского губернатора Ивана Андреевича. Старшая веточка пошла от сына Дмитрия Ивановича, ныне ее в четвертом колене представляет князь Вадим Олегович Лопухин, в пятом — его дочери, княжны Мария и Евдокия. К этой ветви относится и сестра князя Лидия Олеговна. Младшая веточка пошла от младшего сына Ивана Андреевича — Виктора Ивановича. Ныне здравствует десять представителей этой ветви, старшей из них, Софье Николаевне, уже девяносто семь лет, младшему, Николаю, всего тринадцать.

Если говорить об общественном положении нынешних российских Лопухиных, то следует подчеркнуть, что все они без исключения получили хорошее образование, все заняты интеллектуальным трудом и участвуют в общественной жизни — 9 Лопухиных стали действительными членами Российского Дворянского Собрании, организации, которая ставит своей целью объединить потомков российских дворянских родов и консолидировать сословие. Словом, Лопухины на Родине продолжают оставаться в верхнем слое духовной и высокопрофессиональной группы российского общества.

Если же обратиться к Лопухиным зарубежным, то на первых порах эмиграции им, как и всем беженцам из большевистской России, пришлось испытать и лишения, и нужду. Лопухины бывали и ночными сторожами, и разносчиками молока, и механиками в гаражах, и рабочими на фабриках или в мастерских... Но уже к середине двадцатого столетия, о чем читатель может судить по последним очеркам этого

раздела, все Лопухины, как говорят, «вышли в люди», они уже — инженеры, ученые, журналисты, переводчики, преподаватели... Правда, никто из них вдали от Отечества не стал — да и не хотел становиться — ни государственной, ни политической фигурой.

Зато обращает на себя внимание другое: зарубежные Лопухины после выпавших на их долю бед и несчастий стали как бы ближе к православию, к Богу. Православная Церковь, которая больше, чем что-либо другое, связывала их, уехавших, с покинутым Отечеством, с русской жизнью, стала играть все более и более заметную роль в судьбах многих изгнанников. Как и многие другие, представители нашего рода находили в Церкви не только духовное окормление, утешение, но и живую связь с покинутым Отечеством.

Среди зарубежных Лопухиных нет богачей, миллионеров, но нет и «бедняков». Практически все получили хорошее образование, имеют престижную и неплохо оплачиваемую работу. Словом, в обществе тех стран, где они сейчас живут, Лопухины вошли как типичные представители духовного интеллектуального слоя.

Радует очевидный интерес многих зарубежных Лопухиных к России, к общественным процессам, проходящим на Родине их предков. Излишним было бы говорить, что все они с радостью восприняли освобождение России из-под власти большевиков. После падения режима многие приезжали в Россию, чтобы своими глазами увидеть то, что стало с их Родиной. Чаще стали встречаться российские и зарубежные Лопухины...

Что же касается наступающих двадцать первого столетия и третьего тысячелетия от Рождества Христова, то пока говорить о Лопухиных нового времени рано. Древний род, насчитывающий почти тысячу лет истории и сто ныне живущих людей, сам определит свое место, свою роль в новом времени. Потомки зарубежных Лопухиных неизбежно будут понемногу терять свою русскость, но этот естественный процесс не должен никого огорчать. Важно, чтобы помнили, откуда они... С Лопухиных, живущих в России, спрос особый. Отечество многого ждет от них!

ЛОПУХИНСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА*

В русской родовой геральдике, как известно, наряду с индивидуальными гербами, разработанными для отдельных семей, существовали геральдические символы, общие для нескольких и даже многих родов. В некоторых случаях это объяснялось заимствованием иностранных, чаще всего польских гербов, причем не только семьями, происходившими или претендовавшими на происхождение из Литвы или Короны. Довольно часто в таких случаях совпадение геральдических эмблем отнюдь не доказывает родства; хорошо известны многочисленные случаи заимствования гербов однофамильцев (в том числе гербов княжеских родов) нетитулованным дворянством. Но порой это совпадение или заметное сходство гербов может отражать вполне достоверную традицию общего происхождения.

Примером могут служить гербы князей Рюриковичей; разноименные потомки черниговской, ярославской, смоленской и некоторых других ветвей первой русской династии использовали в своих родовых гербах территориальные символы — гербы соответствующих княжений. Существование общеродовых геральдических эмблем можно констатировать еще у нескольких групп потомков старорусского боярства. В известном «Эмблематическом гербовнике», составленном в 1940-е годы В.К. Лукомским, приведены основные примеры такого рода. Общие для единокровцев геральдические эмблемы мы находим в гербах потомков Индриса (Толстые, Васильчиковы, Дурново и другие), Ивана Андреевича Кобылы (Шереметевы, Колычевы, Конов-

* Автор главы — С.В. Думин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Исторического музея, председатель Историко-родословного общества в Москве.

нищыны, Бабарыкины, Яковлевы и другие), Дола (Левашевы, Свечины, Яхонтовы), Михаила Прушанина (Салтыковы, Чеглоковы), Бяконта (Плещеевы, Жеребцовы, Игнатевы), Ослана-мурзы (Арсеньевы, Ртищевы, Ждановы, Сомовы).

Ту же картину можно наблюдать в еще одном старинном русском боярском роде, в потомстве служившего при Великом Князе Иване Калите (начало XIV века) боярина Михаила Юрьевича Сорокоума, которого древние родословцы называют потомком касожского князя Редеди (или Редеги). В «Общий гербовник» внесены гербы восьми таких фамилий: Глебовых, Коковцевых, Колтовских, Лаптевых, Лопухиных, Лупандиных, Чевкиных и Ушаковых.

Первой из семей, претендовавших на происхождение от Редеди, но сумевшей проследить непрерывную родословную лишь с 1622 года, стали новгородские дворяне Ушаковы. Их герб с изображением дуба, пронзенного стрелой, Высочайше утвержденный 10 января 1798 года, внесен в I часть «Общего гербовника». Та же эмблема присутствует в остальных шести гербах старых дворянских родов Ушаковых из других губерний (в большинстве восходивших к общему родоначальнику), в том числе и в гербе Ушаковых, официально признанных потомками Редеди. Герб последних был Высочайше утвержден 25 января 1807 года и внесен в VIII часть «Общего гербовника».

Из числа родов, представивших в Герольдию непрерывные родословные, восходящие к Редеде, первыми были Высочайше утверждены 30 июня 1798 года гербы Колтовских и Лупандиных, внесенные во II часть «Общего гербовника», а 19 января 1799 года в составе части III был удостоен утверждения и герб Лопухиных. Вскоре и герб светлейших князей Лопухиных был внесен в утвержденную 7 декабря 1799 года IV часть гербовника. Несколько позже, уже в царствование Императора Александра I, 23 июня 1801 года был утвержден и герб Лаптевых. Практически все эти семьи употребляли общий герб, изображающий в серебряном поле червленого грифа. Гербы Колтовских, Лаптевых, Лопухиных (нетитулованные ветви) и Лупандиных практически идентичны (только в гербе Лопухиных помещены еще и воины-щитодержатели). Утвержденный 5 августа 1816 года герб Чевкиных отличался лишь нашлаемником, а в пересеченном щите герба светлейших князей Лопухиных родовой герб этих Редедичей занимает нижнее поле. В утвержденном 4 октября 1803 года гербе Глебовых на щите изображен выходящий из облака крылатый конь — Пегас в лазоревом поле, которого, вероят-

но, можно считать своеобразной «геральдической мутацией» грифа, эмблемы их единокровцев. Отметим, что герб, Высочайше утвержденный для Ушаковых — потомков Редеди, — с изображением дуба и двух летящих стрел напоминает скорее гербы потомства Ратши или князей Стародубского дома и явно отражает иную, возможно, параллельно существовавшую геральдическую традицию. И уж вовсе «самобытен» утвержденный уже в царствование Государя Николая I герб Кокошкиных с изображением в лазуревом щите якоря, сопровождаемого четырьмя стрелами, что явно представляет собою эмблему именно этой, данной семьи или фамилии.

Таким образом, кроме Кокошкиных и Ушаковых, остальные Редеди по примеру своих наиболее древних русских родов явно стремились использовать герб, общий для всех этих фамилий. Некоторые семьи смогли принять его сравнительно поздно, по образцу уже утвержденных гербов других Редедичей. И все же такая устойчивость геральдической традиции наводит на мысль о возможном существовании каких-то более ранних прототипов этой родовой эмблемы.

Гриф, в древнегреческой мифологии один из атрибутов бога Аполлона, принадлежит к числу довольно популярных персонажей европейского геральдического бестиария. В средневековом гербовнике Конрада Грюненберга 1483 года, содержащем и фантастические «гербы» древних царей и полководцев, гриф изображен на гербе библейского героя Иуды Маккавея. Золотой гриф в лазуревом поле помещен в гербе славянской по происхождению династии герцогов Мекленбургских. Известен он и в Польше, где изображение грифа было гербом славянских князей Поморья (Померании) — династии Грифитов. Герб «Гриф» (изображение в червленом поле серебряного грифа влево) употребляет не менее 240 польских шляхетских родов. Известно, что польская геральдика вдохновляла многих русских дворян на заимствование гербов, особенно в тех случаях, когда они находили среди поляков фамилии, созвучные своим собственным. Но в нашем случае такой «простейший» путь восприятия герба вряд ли возможен: в гербовниках того времени мы не находим польских семей герба Гриф, чьи фамилии были бы созвучны фамилиям русских потомков князя Редеди. Встречался гриф и в геральдике Ливонии, принято считать, что именно со времен Ливонской войны эта эмблема укореняется в семье бояр Романовых. Но в Доме Романовых окончательное геральдическое оформление этой эмблемы в качестве родового герба династии происходит уже в девятнадцатом столетии.

Есть основание полагать, что первыми среди Редедичей эту эмблему приняли именно Лопухины. В сочинении игумена Ювеналия Воейкова «Краткое историческое родословие знаменитых и благородных дворян Лопухиных», опубликованном в Москве в 1796 году (то есть за несколько лет до Высочайшего утверждения гербов Колтовских, Лупандиных и Лопухиных), уже приведен герб этой семьи, совпадающий с уже знакомым нам гербом Редедичей. Обращает на себя внимание княжеская митра, помещенная в этом гербе над шлемом вместо обычной дворянской короны. Этот почетный геральдический атрибут, не вошедший в утвержденные позже гербы Лопухиных, указывал на родовой, а не жалованный княжеский титул, принадлежавший предкам этого рода.

Документируя существование этой эмблемы у Лопухиных в царствование Государыни Екатерины II, игумен Ювеналий утверждает, что сам этот герб относится к предшествовавшему столетию. По его сведениям, именно таким гербом пользовался известный деятель XVII века Авраам Никитич Лопухин. В 1645—1646 годах он был на воеводстве в Лихвине, в 1648-м — головою московских стрельцов. Во время войны с Польшей в 1655 году он прославился упорной защитой Могилева, затем ездил с посольством в Стамбул, в 1672 году пожалован в думные дворяне. Управлял Приказом Большого дворца, а в 1682 году в числе других поставил свою подпись под соборным деянием об уничтожении местничества. Он получил сан боярина, занимал много важных постов, но за несколько лет до кончины, овдовев, удалился в Троице-Сергиеву обитель, где принял схиму под именем Александра. Там он и скончался и был погребен Патриархом.

Как известно, в царствование Царя Алексея Михайловича гербовые печати все шире распространялись среди русской феодальной элиты. И хотя беглый московский подьячий Котошихин писал, что у русских бояр «природных» гербов нет, именно эти боярские печати и становятся основой будущих родовых гербов, поскольку всякая традиция, в том числе и геральдическая, имеет свое начало. Таким началом геральдической традиции у Редедичей, судя по сведениям, сообщенным игуменом Ювеналием Воейковым, следует, по видимому, признать эмблему на печати, избранную для себя боярином Авраамом Никитичем Лопухиным, родным дедом несчастной Царицы Евдокии Федоровны, первой супруги Царя Петра Алексеевича. Но чем руководствовался сам боярин, остановив свой выбор на изящной фигуре грифа, мы не знаем. Во всяком случае, сама эта эмблема вызывала впоследствии европейские или западнославянские ассоциации.

Как известно, в роду Лопухиных, относящихся к потомству казожского князя Редеди, впервые княжеское достоинство Российской Империи получил от Императора Павла I 19 января 1799 года Петр Васильевич Лопухин, действительный тайный советник I класса и кавалер ордена Святого Андрея Первозванного, генерал-прокурор, позже министр юстиции, председатель Государственного Совета и председатель Комитета Министров Российской Империи. Высочайшим указом от 22 февраля 1799 года ему и его потомству было пожаловано право именоваться светлейшими князьями. Герб светлейших князей Лопухиных в том же году был, как уже говорилось, внесен в IV часть «Общего гербовника». Девиз этого герба — «Благодать» (точный перевод имени Анна; этот девиз был пожалован Императором в знак Его особого расположения к дочери Петра Васильевича Анне Петровне Лопухиной, в замужестве княгине Гагариной).

Сын родоначальника первой княжеской ветви Лопухиных светлейший князь Павел Петрович потомства не оставил. Высочайше утвержденным (20 декабря 1865 года) мнением Государственного Совета этот титул вместе с фамилией был передан правнуку светлейшего князя Петра Васильевича, внуку его дочери, светлейшей княжны Екатерины Петровны, — генерал-майору Николаю Петровичу Демидову с тем, чтобы титул и соединенная фамилия переходила лишь к старшему сыну в роду из их потомства. После этого был утвержден герб светлейших князей Лопухиных-Демидовых, где на щите в 1-м и 4-м полях его помещен родовой герб этой знаменитой семьи уральских горнозаводчиков, во 2-м и 3-м полях — дворянский герб Лопухиных, а государственный черный двуглавый орел помещен в золотом центральном щитке, причем вензель Императора Павла I заменен вензелем Государя Александра II, который разрешил передачу фамилии и титула семьи ее потомку по женской линии.

Совсем недавно в эмиграции скончался последний светлейший князь Лопухин-Демидов — Николай Александрович. Он не оставил бесспорных прямых наследников своего титула, другие же Демидовы за Высочайшим соизволением по этому поводу не обращались.

И 29 декабря 1995 года Рескриптом Главы Российского Императорского Дома Великой Княгини Марии Владимировны княжеский титул был возвращен в род Лопухиных, восстановлен в ветви рода, оставшейся в России, и признан за старшим в этом роду Вадимом Олеговичем Лопухиным и его потомством. В настоящее время, в соответствии с Высочайшим Рескриптом, этот титул, кроме

самого князя Вадима Олеговича, принадлежит его супруге княгине Анне Михайловне, урожденной Суховой, а также его дочерям от предшествовавших браков, княжне Марии и княжне Евдокии.

(В очерке С.В. Думина в этом месте приведен полный текст Рескрипта Государыни Марии Владимировны «О подтверждении княжеского достоинства князей Российской Империи Лопухиных». Полный текст этого акта мы публикуем в разделе, посвященном документам рода Лопухиных. — *Примеч. ред.*)

9 февраля 1995 года во время пребывания Государыни Великой Княгини Марии Владимировны в Петербурге в Смольном монастыре, на основании всеподданнейшего доклада председателя Историко-родословного общества в Москве, председателя Экспертного совета по генеалогии и геральдике С.В. Думина и вице-директора Департамента герольдии Российского Дворянского Собрания О.В. Щербачева был Высочайше утвержден герб рода князей Лопухиных, проект которого, разработанный С.В. Думиным, был реализован художником П.Ф. Космолинским. Высочайше утвержденный рисунок герба опубликован в этой книге. В его основе — прежний герб дворян Лопухиных, модифицированный по образцу герба первоначальных носителей этого титула — светлейших князей Лопухиных. В гербе присутствуют не только обычные атрибуты княжеского достоинства — горностаевая мантия и митра, но и изображение российского геральдического двуглавого орла, на груди которого в червленом щитке вензель Императора Павла I заменен вензелем Великой Княгини Марии Владимировны. В гербе сохранены щитодержатели дворянского герба Лопухиных и цвета его намета; в отличие от герба светлейших князей Лопухиных здесь отсутствует девиз.

Мы рады, что русская дворянская геральдика пополнилась еще одним легитимно утвержденным гербом. Его Высочайше утвержденное описание приводится ниже.

ОПИСАНИЕ ГЕРБА
КНЯЗЯ ВАДИМА ОЛЕГОВИЧА ЛОПУХИНА
И ЕГО ПОТОМСТВА

Щит пересечен. В верхней золотой части черный государственный орел, на груди коего вензелевое изображение имени Великой Княгини Марии Владимировны. В нижней серебряной части червленый гриф вправо. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: семь павлиньих перьев. Намет: справа лазуревый

с золотом, слева червлёный с серебром. Щитодержатели: два воина в серебряных доспехах, вооруженные копьями. Герб украшен багряною, подбитою горностаем мантиею с золотыми кистями и таковою же бахромою и увенчан княжескою короною.

Герольдмейстер
Российского Дворянского Собрания
С.А. Сапожников

Председатель Экспертного совета
по генеалогии и геральдике
С.В. Думин

7 января 1996 года

На подлинном собственною Ее Императорского Высочества рукою подписано: «Быть посему. С.-Петербург, 9 февраля 1996 г.

МАРИЯ».

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ЛОПУХИНЫХ

«Дворяне все родня друг другу» — эти слова несчетное количество раз повторяли все, кто имеет какое-либо отношение к дворянской генеалогии. Действительно, почти все старинные дворянские фамилии связаны родственными узами. Объясняется это тем, что при всей многочисленности исторического сословия старинных дворян было не так уж и много, а матримониальные связи их с представителями иных сословий случались, во всяком случае до середины девятнадцатого столетия, нечасто. К тому же дворянские родственные связи всегда фиксировались, а записи о них хранились. Так и получилось, что дворяне все родня друг другу...

Любой дворянин, любая дворянка от рождения знали множество своих родственников, а женившись или выйдя замуж, приобретали десятки новых. Чтобы не просто понять, но и почувствовать это, прочитайте прекрасную книгу «Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово», которая сравнительно недавно была переиздана (Академическая серия «Литературные памятники», Петербург, 1989).

Не составил исключения и интересующий нас род. Достаточно взглянуть на полный список жен Лопухиных и супругов женщин этого рода, чтобы убедиться в том, что найдется немного русских старинных, в том числе владетельных родов, которые не состояли бы с Лопухиными в родстве. А многие к тому же соединялись с ними родственными узами и по нескольку раз. Благодаря обширным родственным связям в крови Лопухиных присутствуют частицы крови многих русских святых, начиная от Равноапостольного Великого Князя Владимира и кончая новомучениками Российскими.

Для любого дворянского рода особой честью всегда бывало родство с Царствующим Домом. Естественно, Лопухины гордятся тем,

что девица из их рода — внучка боярина Авраама Никитича и дочь окольного Федора Авраамовича Евдокия Федоровна стала Русской Царицей, супругой Царя Петра I Алексеевича. Это был неудачный брак, а судьба несчастной Государыни оказалась трагичной, но остается фактом то, что она вошла в Царский Дом Романовых и волею Божией стала последней Русской Царицей. Все последующие были иностранками и носили Императорский титул.

Лопухины по праву считают «своим» и сына Царицы Евдокии Федоровны несчастного Царевича Алексея Петровича (и матери и ее сыну в этой книге посвящены отдельные очерки), и ее внука Императора Петра II, в котором было немало лопухинской крови. Со смертью в пятнадцатилетнем возрасте этого Государя не только ушла из рода Российских Владетелей лопухинская кровь, но и пресекся Царский род Романовых по прямой мужской линии...

Кстати, через Царевича Алексея, который по крови наполовину Лопухин, этот род оказался в довольно близком свойстве с династией Габсбургов — Императоров Священной Римской Империи германской нации, так она называлась официально. Царевич Алексей Петрович был женат на принцессе Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской, а ее родная сестра, принцесса Елизавета, была супругой Императора Карла VI, который за неимением сыновей передал свой престол их дочери, ставшей впоследствии знаменитой Императрицей Марией-Терезией... И это далеко не единственный пример семейных уз Лопухиных со знатнейшими фамилиями Европы. Во время недавнего визита в Королевство Бельгия князя В.О. Лопухина он не без интереса узнал, что Лопухины состоят в родстве с рядом известных бельгийских дворянских родов, а сведения об этом родстве, включая семейные портреты, хранятся в архиве Союза дворян Бельгии.

Обратимся теперь к знатнейшим российским родам, которые состоят в семейных связях с родом Лопухиных, и в первую очередь к Рюриковичам, родство с которыми уходит в глубокую древность, когда сын касожского князя Редеди женился на дочери князя Мстислава, внучке Святого Равноапостольного Великого Князя Владимира и полоужкой княжны Рогнеды. Однако брачные союзы в российской генеалогии долгое время не фиксировались в родословных росписях, это стали делать лишь начиная с семнадцатого столетия. Поэтому и мы начинаем персональные исследования с этого времени.

Девица Мария Федоровна Лопухина еще в 1680-х годах вышла замуж за князя Петра Андреевича Бярятинского, двоюродного племянника боярина князя Юрия Никитича Бярятинского, который, будучи воеводой Большого полка, разгромил банды разбойника Рази-

на, а самого вора Стеньку доставил в клетку в Москву. Детей у супругов не было, а после смерти мужа княгиня Мария Федоровна вышла замуж вторично, и тоже — за Рюриковича. Ее вторым мужем стал князь Георгий Михайлович Засекин из князей Ярославских, потомков Великого Князя Владимира Мономаха.

Широкую известность в середине восемнадцатого столетия получило так называемое «Лопухинское дело», в котором невинно пострадал двоюродный брат Царицы Евдокии Федоровны, вице-адмирал Степан Васильевич Лопухин. Первым браком он был женат на княжне Рюриковне Ирине Петровне Козловской, отец которой князь Петр Тимофеевич был потомком владетельных князей Смоленских.

У известного стольника трех русских Государей: Царя Федора Алексеевича, Царицы Наталии Кирилловны и Царя Петра Алексеевича — Федора Леонтьевича Лопухина была младшая сестра Софья Леонтьевна. Она вышла замуж за князя Петра Ивановича Дашкова, происходившего также из рода владетельных князей Смоленских. У Петра Ивановича и Софьи Леонтьевны детей не было, но их двоюродный правнук, князь Михаил Иванович Дашков, стал в свое время мужем известной в русской истории княгини Екатерины Романовны Дашковой, близкой подруги и статс-дамы Государыни Екатерины Великой, Президента сразу двух Российских академий.

Гвардейский полковник Александр Никитич Лопухин был женат на княжне Рюриковне Анне Александровне Долгоруковой. Она была дочерью князя Александра Алексеевича и внучкой известного члена Верховного тайного совета и великого честолюбца князя Долгорукова, пожелавшего женить Императора Петра II на своей дочери. Детей у супругов не было.

Директор Департамента последнего МИД Царской России статский генерал Владимир Борисович Лопухин, которому в этой книге посвящено несколько страниц, остался в России и погиб в чекистских застенках. Но его жена и двое детей сумели выбраться за границу. Там, в эмиграции, дочь дипломата Марина Владимировна вышла замуж за светлейшего князя А.П. Вяземского — потомка владетельных князей Смоленских из рода Рюрика.

Старший брат отца последней Русской Царицы, боярин Петр Авраамович Большой, лично запятанный до смерти Царем Петром I, был женат на княжне Рюриковне Татьяне Петровне Болховской. У них было два сына и дочь, тоже Татьяна Петровна, которая стала позже второй женой первого русского графа и фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева.

Дочь первого светлейшего князя Лопухина — Петра Васильевича, почти тридцать лет верно служившего четырем Всероссийским Императорам, светлейшая княжна Софья Петровна была замужем за генерал-адъютантом Государя Николая Павловича князем Александром Яковлевичем Лобановым-Ростовским, потомком владетельных князей Ростова Великого. Их потомки до сих пор продолжают род Рюриковичей.

С потомками святого князя Михаила Черниговского князьями Оболенскими род Лопухиных соединялся родственными узами несколько раз. Ближайший друг Лермонтова Алексей Александрович Лопухин (о нем очерк «Друзья поэта» в этой книге) в 1836 году женился на княжне Варваре Александровне Оболенской. Они счастливо прожили вместе тридцать пять лет, оставили потомство, вошедшее в историю России, и скончались почти одновременно, с разницей в несколько месяцев. Еще два брака между этими родами были заключены уже в эмиграции. Княжна Мария Васильевна Оболенская в 1946 году в Париже вышла замуж за Михаила Николаевича Лопухина, а князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский в 1947 году там же женился на Елизавете Николаевне Лопухиной. Так родные брат и сестра Лопухины соединили свои судьбы с представителями рода Оболенских.

Крупный калужский помещик Ардалион Гаврилович Лопухин был женат на княжне Рюриковне Надежде Федоровне Волконской. Трое их сыновей стали военными и статскими генералами.

За гвардейским офицером Василием Авраамовичем Лопухиным была замужем княжна Александра Петровна Гагарина. А генерал князь Павел Гаврилович Гагарин был мужем дочери светлейшего князя Лопухина Анны Петровны, в которую был рыцарски влюблен Император Павел Петрович.

Через старшего брата Царицы Евдокии Федоровны, Авраама Федоровича, Лопухины породнились с родом князей Ромодановских. Брат Царицы женился на княжне Федосье Федоровне Ромодановской, принадлежащей к потомкам владетельных князей Стародубских. Федосья Федоровна была дочерью того самого известного своей жестокостью князя-кесаря Федора Юрьевича, которого Царь Петр Алексеевич, отъезжая за границу, оставлял «на государстве» в Москве. У этой четы было два известных в российской истории сына: Федор Авраамович был обер-церемониймейстером Двора Императрицы Елизаветы Петровны и владельцем громадного имения Ясенево, на месте которого расположился ныне целый жилой район Москвы; Василий Авраамович был генерал-аншефом, который в ходе Семилетней войны решил в пользу русских исход знаменитой битвы при Гросс-Егер-

сдорфе, в результате чего в 1760 году русские войска смогли войти в поверженный Берлин.

Девушка Анна Илларионовна, младшая сестра окольного Леонтия Илларионовича, который много сделал для воссоединения Украины с Россией в середине XVII века и в составе группы доверенных лиц Царя принимал от его имени присягу на верность гетмана Богдана Хмельницкого и других вождей Малороссии, вышла замуж за Царского окольного князя Якова Васильевича Хилкова — из рода владетельных князей Стародубских. Их потомки здравствуют по сей день.

И, наконец, на княжне Рюриковне Анна Осиповне Щербатовой был женат в первой половине восемнадцатого столетия владевший многими землями в нескольких губерниях помещик Николай Степанович Лопухин.

Проследив родство Лопухиных с князьями Рюриковичами, сделаем то же самое применительно к князьям — потомкам Литовского Великого Князя Гедимины. И Гедиминовичей было среди близких Лопухиным родных немало.

Пять раз пересекались линии родства Лопухиных и князей Голицыных. Младшая сестра Орловского генерал-губернатора Авраама Степановича и дочь опального вице-адмирала девица Прасковья Степановна Лопухина была замужем за князем Иваном Алексеевичем Голицыным. А дочь князя Алексея Борисовича Голицына княжна Татьяна Алексеевна стала второй женой Авраама Федоровича Лопухина, брата Царицы Евдокии, жестоко казненного Царем Петром за его связи с опальной Царицей и Царевичем Алексеем.

Следующее пересечение двух родов случилось в 1899 году, когда дочь Сергея Алексеевича Лопухина девица Анна Сергеевна вышла замуж за князя Михаила Владимировича Голицына, сына Московского губернатора, а позже — Московского городского головы. Тяготы революции и разрухи застали князя и княгиню примерно в сорокалетнем возрасте, и они приложили множество усилий, чтобы помочь выжить в те страшные годы многочисленным родственникам. Князь Кирилл Николаевич Голицын, которому в те годы было лет пятнадцать, в своих недавно опубликованных «Записках» с благодарностью писал о княгине Анне Сергеевне, урожденной Лопухиной, которую ласково называл «тетей Анночкой»: «Было бы непростительно не упомянуть здесь о героических усилиях тети Анночки, которая, одолев премудрость сапожного ремесла, спасала нас от холода и сырости. Тридцатидевятилетняя княгиня не сочла для себя зазорным взять в руки шило и дратву, орудовать молотком и деревянными шпильками. Ее труд не был обычным шитьем и починкой, когда все необходимое под рукой, — одну пару башмаков

приходилось собирать по деталям из нескольких пришедших в негодность пар. Помнится, кто-то получил от тети Анночки крепкие ботинки, но... составленные из разномастных фрагментов — черных и желтых...»

Уже известный нам Петр Сергеевич Лопухин, бывший крупным богословом, церковным и общественным деятелем русского зарубежья, был женат на княжне Татьяне Владимировне Голицыной, племяннице мужа «тети Анночки», о которой мы только что упоминали. И, наконец, Татьяна Петровна Лопухина, дочь того же Петра Сергеевича, была замужем за князем Дмитрием Владимировичем Голицыным.

За крупным дипломатом, послом, действительным тайным советником и богачом князем Гедиминовичем Борисом Ивановичем Куракиным была самая младшая из сестер Царицы Евдокии — Ксения Федоровна Лопухина. Их брак был счастливым, но коротким — княгиня Ксения Федоровна скончалась первыми родами, а их сын тоже стал Российским послом во Франции, а правнук, князь Александр Борисович Куракин, будучи послом Императора Александра I при Дворе Императора Наполеона, удивлял своей роскошью Париж времен первой Империи и даже получил от французов прозвание «бриллиантового князя».

Елизавета Александровна Лопухина, старшая сестра друга Лермонтова, была замужем за Гедиминовичем князем Николаем Николаевичем Трубецким. А дочь лермонтовского друга Софья Алексеевна Лопухина вышла за известного поклонника искусств, музыковеда и музыканта князя Николая Петровича Трубецкого, основавшего Российское Императорское музыкальное общество. Их сыновья, князья Евгений и Сергей Николаевичи, стали крупнейшими русскими философами, религиозными и общественными деятелями России конца XIX — начала XX века. И, наконец, сестра видного деятеля русского зарубежья Петра Сергеевича Лопухина, Мария Сергеевна, была замужем за князем Владимиром Петровичем Трубецким. Княгиня Мария Сергеевна скончалась в Париже девятию лет от роду и похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Напомним еще об одном родстве Лопухиных. Друг детства П.А. Столыпина преуспевающий юрист и либерал Алексей Александрович Лопухин на зарке девятнадцатого столетия женился на княжне Екатерине Дмитриевне Урусовой. Позже Алексей Александрович стал директором Департамента полиции МВД Российской Империи, оказался в центре внимания громкого дела, связанного с разоблачением знаменитого полицейского провокатора Евно Азефа (об этом — отдельный очерк в этой книге), затем после революции эмигрировал вместе с семьей и скончался в Париже в 1928 году. Екатерина Дмитриевна пережила мужа на два года.

...Список, как видит читатель, довольно длинный. А мы не упомянули еще такую родню Лопухиных, как князья Черкасские, — сын Московского губернатора князь Петр Петрович Черкасский был женат на девице Марии Авраамовне Лопухиной. Были в родстве с Лопухиными и многие другие титулованные роды, в том числе бывшие владельцы Крыма — герой Великой войны, генерал и командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Дмитрий Александрович Лопухин был женат на княжне Елизавете Михайловне Султан-Гирей, ханы Гирей владели Крымом до времен Екатерины Великой. Их единственный сын гвардейский поручик Георгий Дмитриевич, служивший в полку отца, пал на его глазах в первом сражении Великой войны. Вскоре за сыном последовал и отец.

Среди родственников Лопухиных — графы Головины, Клейнмихели, Кутайсовы, Ржевусские, Ягужинские. Внучка Льва Николаевича Толстого, графиня Софья Михайловна Толстая, вышла замуж за Рафаила Николаевича Лопухина уже в эмиграции. А двумя веками ранее графиня Мария Ивановна Толстая вышла за егермейстера Высочайшего Двора Степана Авраамовича Лопухина. Знаменитый портрет Марии Ивановны Лопухиной работы В.Л. Боровиковского специалисты считают едва ли не самым романтическим женским портретом в мировой живописи. А девица Анастасия Федоровна Лопухина была за генералом графом Федором Матвеевичем Толстым.

И еще об одном родстве хочется здесь упомянуть: дочь гвардейского офицера красавица Евдокия Николаевна Лопухина в 1782 году вышла замуж за одного из самых завидных женихов России — за генерал-аншефа графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, одного из тех «орлов Орловых», которые возвели на престол Императрицу Екатерину Великую. Свадьба состоялась в огромном и роскошном поместье Остров под Москвой, которое Государыня пожаловала графу Алексею Григорьевичу за Чесменскую победу. Единственная дочь от этого брака графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская — самая богатая невеста в России своего времени — так и не вышла замуж, отличалась величайшей набожностью и благотворительностью и оказалась последней в этой линии графов Орловых.

Генерал-поручик Авраам Степанович Лопухин участвовал во многих войнах России восемнадцатого столетия, но, по сведениям историка С.М. Соловьева, особенно отличился в польской кампании 1794—1795 годов, где, будучи полковником, командовал войсками рядом с генералом А.В. Суворовым. Он был женат на княжне Анне Алексеевне Юсуповой, дочери князя Алексея Борисовича Юсупова, блиставшего при Дворе Государыни Екатерины Великой.

...Читатель, видимо, обратил внимание на то, что, рассказывая о родственных связях Лопухиных, мы перечисляем пока представителей только исторических титулованных родов. Можно продолжить и такой перечень — графы Шереметевы, графы Капнисты, бароны Мейендорф, бароны Энгельгардт... Даже самый поверхностный подсчет укажет, что, помимо Российского Царского Дома Романовых, Лопухины были в родстве с примерно сорока историческими титулованными родами России. А сколько было среди лопухинской родни других фамилий древнего дворянства — это Аничковы и Давыдовы, Нащокины и Булгаковы, Верещагины и Струве, Соллогубы и Ртищевы, Ржевские и Жеребцовы, Тучковы, Бахтеяровы, Языковы и многие другие.

И еще одно обстоятельство следует иметь в виду: мы говорили здесь только о непосредственном родстве, если же упоминать и так называемую родню второго ряда, многочисленных дядюшек и тетушек, кузенов и т. д., то наш перечень многократно вырастет.

Словом, родственные связи Лопухиных необычайно широки. Если выписать в ряд имена всех людей, с которыми этот род состоял в родственных связях, получится едва ли не пофамильный перечень высшего света России, который задавал тон жизни всей Империи.

Дворяне все родня друг другу... Эта формула говорит, впрочем, и о том, что род Лопухиных, насчитывающий такое многообразие родственных связей, вовсе не исключение в среде древнего российского дворянства. Возьмите для примера любой род, насчитывающий даже не тысячу лет, как Лопухины, а значительно меньше — четыреста, пятьсот, шестьсот лет, и вы увидите примерно такую же картину. Древнее дворянство — скажем по-современному — всегда заботилось о своем «генофонде».

Эти рассуждения ни в коем случае не должны обижать молодое служилое дворянство. В этом вопросе оно должно вести и практически ведет ту же линию, создавая у себя новую элиту будущего. То, что древние роды сделали за многие столетия, молодым родам предстоит сделать в грядущих веках. Быстрее — увы! — не получится, но со временем результат будет таким же. Слои «лучших людей» существовал и существует в любом обществе, и без него ни один народ обойтись просто не может.

...Жаль, что эти страницы по жанру сродни телефонной книге. Но как иначе показать обширную лопухинскую родню в ее связях со временем, с историей рода, с историей России!*

* Полный список фамилий и имен супругов урожденных Лопухиных приведен в приложениях после Родословной росписи.

ЛОПУХИНЫ В ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

В русскую культуру — искусство, науку, литературу — Лопухины внесли большой вклад. Скажите в обществе: портрет Лопухиной работы Боровиковского, и вас поймут все. Назовите воспоминания сенатора Лопухина, и будет ясно, о ком и о чем идет речь. Упомяните «Лопухинскую Библию», и каждый представит себе «Толковую Библию», подготовленную доктором богословия, профессором Лопухиным. Имя Лопухиных прочно вошло в русский культурный обиход...

Лопухины бывали авторами, создателями произведений искусства и литературы, но чаще становились заказчиками и собирателями, меценатами и просвещенными пользователями. Вместе с другими древними и богатыми дворянскими родами Лопухины двигали русскую культуру, помогали ее развитию, поощряли ее творцов. Лопухины во все времена платили за произведения искусства, будь то усадебная церковь, которую построил знаменитый архитектор, или портрет представителя рода, написанный знаменитым художником.

В последнем столетии нас пытались убедить, что русская культура обязана своим расцветом именитому российскому купечеству: Третьяковому, Бахрушину, Щукиным, Мамонтовым, Рябушинским, Найденовым... Это справедливо, но просвещенное купечество возникло у нас лишь в середине девятнадцатого столетия, и все перечисленные меценаты действовали уже на закате Российской Империи. Но ту, многовековую русскую культуру, которая созидалась и в древности, и в XVII, и в XVIII веках, и в первой половине девятнадцатого столетия, заказывали и оплачивали Российские Государи и российское дворянство.

К просвещенным дворянам, понимающим и любящим искусство, и относятся Лопухины. Благодаря их заинтересованности, готовнос-

ти поощрять искусство, благодаря их щедрости были созданы многие произведения. Сделаем краткий обзор их, и начнем с живописи, а еще конкретнее — с портрета.

Представители старинного и разветвленного рода Лопухиных владели в разное время десятками, а скорее — сотнями городских домов и сельских усадеб, которые часто сами представляли собою произведения искусства. Ни одно из таких «дворянских гнезд» не могло обойтись и не обходилось без семейной портретной галереи. Писали эти портреты разные художники: и крепостные мастера-самоучки, и местные профессиональные живописцы, и столичные художники-академики, а иной раз и выдающиеся портретисты. Портретов Лопухиных было сотни, но нам никогда не установить их точного числа, как и не выяснить судеб отдельных холстов. Семейные портреты горели вместе с деревянными постройками от случайно упавшей свечи, а то и от пущенного «доброжелателем» красного петуха, их секли и рубили саблями — и пугачевцы, и взбунтовавшиеся крестьяне, а позже и «новые хозяева жизни», опьяневшие от сознания вседозволенности и ошалевшие от лозунга — «все народное, все наше». Сохранились и дошли до наших дней единицы, которым необычайно повезло, и принадлежат они, как правило, кисти наиболее знаменитых мастеров — всегда хранили в первую очередь лучшее...

Вот эту небольшую часть лопухинских портретов мы и попытаемся рассмотреть. И начать придется с самых первых шагов искусства портретирования в России. До восемнадцатого столетия такого жанра вообще не было в русском искусстве.

Несмотря на это, мы располагаем удивительным раритетом — изображением московского вельможи середины семнадцатого столетия Авраама Никитича Лопухина, который нарисован с натуры в те далекие времена, да еще рядом с Царем Алексеем Михайловичем.

История этого рисунка такова. Австрийский дипломат и государственный деятель барон Августин фон Мейерберг был послан Императором Священной Римской Империи германской нации Леопольдом I к Царю Алексею Михайловичу в Москву. В то время шла война между русскими и поляками за влияние на Украину, и задача Мейерберга была определена расплывчато — посредничество в переговорах между Москвой и Польшей. Успехом посольство не увенчалось и могло бы остаться одним из многих, канувших в Лету, если бы не одно обстоятельство. Посол фон Мейерберг был любознательным и широко образованным человеком и взял с собою в поездку — а она длилась 1661-го по 1663 год — людей, которым поручил разузнать как можно больше об истории, обычаях, общественном строе Мос-

ковского государства и его народа. Были в его свите и два художника — Слерн и Пюман, которым надлежало делать рисунки и снимать чертежи. По этим материалам фон Мейерберг и написал интереснейшие записки «Путешествие в Московию», проиллюстрированные более чем 250 рисунками с натуры. Этот труд содержал не только подробные описания Руси того времени, но и характеристики, а также изображения Царя и виднейших его соратников. Благодаря запискам мы больше знаем о таких государственных людях XVII века, как князь Ю.М. Ромодановский, И.Д. Милославский, Ф.М. Ртищев, Б.М. Хитрово, А.Н. Лопухин...

Среди рисунков с натуры, сделанных посольскими художниками, один изображает торжественный прием Царем Алексеем Михайловичем Цесарского посольства. Чтобы не ошибиться, кто есть кто, авторы сопроводили рисунок подписью с точным перечислением всех изображенных на нем людей. Подпись говорит, что справа от Царя в боярской одежде стоит «канцлер Лопухин Авраам Никитич».

Оговоримся, что канцлеров тогда на Руси не было. Царь Петр лишь через шестьдесят лет после приезда Мейерберга введет в России Табель о рангах, где чином I класса среди статских чинов будет значиться «канцлер», приравненный к «генерал-фельдмаршалу». В 60-х годах семнадцатого столетия Авраам Никитич Лопухин был думным дворянином и лишь позже стал боярином. Но при Царе Алексее Михайловиче он играл видную роль в Посольском приказе, и иностранцы называли его «канцлером» по аналогии со своей дипломатической иерархией.

«Путешествие в Московию» вышло в свет в Вене еще в 1666 году, и только через двести с лишним лет было переведено на русский и опубликовано в трудах Исторического общества во второй половине XIX века вместе с альбомом рисунков.

Так, благодаря Цесарскому посольству и его трудам, мы имеем сегодня первое сделанное с натуры изображение члена лопухинского рода, датированное серединой семнадцатого столетия. А подпись гарантирует нас от ошибки с атрибуции первого в истории портрета Лопухина...

Однако продолжим наш рассказ и напомним, что русское изобразительное искусство до начала XVIII века не знало жанра портрета.

«Вплоть до царствования Петра I могло казаться, что средневековая художественная система на Руси прочно властвует, а чужеродные «фряжские затеи» растворяются в ней, как ручьи в море, — писала искусствовед Нина Александровна Дмитриева. —

И вдруг это море ушло под землю и на образовавшемся дне стали со сказочной быстротой прорастать совершенно новые побеги... Всего несколькими десятилетиями ранее русские иконописцы только-только начинали писать парсуны — иконописные портреты Царя Иоанна Грозного или Федора Иоанновича, о внешности которых знали понаслышке, а через 50—60 лет в России уже были Рокотов и Левицкий, портретисты такого же склада и масштаба, как их английские современники...»

К трем великанам русского портрета второй половины восемнадцатого столетия — Рокотову, Левицкому и Боровиковскому — мы еще вернемся. Но портреты писали и в первой половине этого века. Известны имена немногих художников того времени — первые пенсионеры Петра I: Никитин, обучавшийся в Италии, и Матвеев — в Голландии, способный Антропов, удивительный самоучка Аргунов... Они не писали Лопухиных, и это легко объяснимо — в первой половине восемнадцатого столетия этот род только приходил в себя после гонений петровского времени. Но все же несколько портретов сохранилось. И едва ли не самые интересные из них — изображения Царицы Евдокии Федоровны Романовой, урожденной Лопухиной, писанные еще в конце XVII и в начале XVIII веков.

Их мало, но все же достаточно, чтобы представить себе живой облик Царицы. Конечно, ее портретировали гораздо больше, но некоторые портреты наверняка были уничтожены после того, как Царь Петр в 1698 году сослал Царицу в монастырь. Изображения Государыни Евдокии Федоровны находятся сегодня и в галерее Зимнего дворца, и в Третьяковской галерее, и в Петербургском Русском музее, и в Московских палатах бояр Романовых, и в музеях Костромы, Вологды, Суздаля, в Новодевичьем монастыре в Москве. Некоторые из них, к сожалению, поздние и передают скорее представление о последней Русской Царице потомков, чем память современников.

К современным портретам принадлежит, скорее всего, портрет Евдокии Федоровны в ее счастливые времена: красивая молодая женщина в европейском платье с широким воротником и легкой прозрачной накидкой на голове. Этот портрет работы неизвестного художника долго был в Покровском монастыре в Суздале. Позже он хранился в запасниках городского музея во Владимире. Мы не знаем, когда именно был написан этот портрет, но сравнение его с другими указывает на явное сходство, хотя и трудно утверждать, который послужил образцом для подражания. Известен портрет Царицы Евдокии в монашеском одеянии, но он, думается, более позднего происхождения.

Государыню Евдокию Федоровну писали и после возвращения из ссылки, когда она жила в Москве, при Дворе Императора Петра II. На одном из портретов того времени Царица изображена в темном платье с миниатюрным портретом внука на груди. Такие миниатюры были высоким знаком отличия, который жаловался лично Государем. Этот портрет Царицы находится в Костромском музее изобразительных искусств.

Портрет Царицы Евдокии из Романовской галереи Зимнего дворца — на нем Государыня изображена тоже в последние годы жизни — несколько отяжелевшее лицо, печальные глаза... Этот портрет был уже в девятнадцатом столетии гравирован и размножен в большом количестве хромофотографией В. Грацианского в Петербурге.

Минувшие три столетия оставили нам много изображений Царевича Алексея Петровича. Правда, большинство их — поздние, где трудно говорить о портретном сходстве. Самое знаменитое — образ Царевича, созданный художником Николаем Николаевичем Ге в его картине «Царь Петр допрашивает Царевича Алексея Петровича в Петергофе».

Картина эта была написана в 1871 году, когда в России шла подготовка к 200-летию со дня рождения Царя-преобразователя. Это было время наивысших восхвалений Петра Алексеевича: русские историки так называемого либерально-демократического направления, вышедшие из среды недавно народившейся разночинной интеллигенции и приверженные западноевропейской ориентации России, безудержно восхваляли дело и личность Петра, пытались представить его безупречным Государем и подлинным Отцом Отечества. Объективные же оценки царствования Петра I, данные более ранними историками, жившими ближе к его времени, глава тогдашней исторической школы С.М. Соловьев объяснял «незрелостью у нас исторической науки» — и все! К оценке деятельности Царя Петра мы еще вернемся на этих страницах, когда речь пойдет о Лопухиных в русской исторической литературе, а сейчас скажем лишь, что в 70-е годы девятнадцатого столетия либералы и демократы, выбившиеся в первые ряды «оппозиционного общества», вопреки исторической правде объявили Царя Петра едва ли не непогрешимым, а тех, кто ему по тем или иным причинам не нравился, ретроgrадами, противниками реформ, мешавшими Петру преобразовать Россию. Нужды сиюминутной групповой политики были поставлены выше исторической правды. Первая супруга Царя Петра Евдокия и его сын Алексей были объявлены недругами России.

В таких условиях Н.Н. Ге и задумал свою картину на весьма актуальный тогда сюжет. Позже Ге так писал о своей работе над ней: «Десять лет, прожитых в Италии, оказали на меня свое влияние, и я вернулся оттуда совершенным италианцем, видящим все в России в новом свете. Я чувствовал во всем и везде влияние и след петровской реформы. Чувство это было так сильно, что я невольно увлекся Петром и, под влиянием этого увлечения, задумал свою картину «Петр I и Царевич Алексей»... Во время писания картины я питал симпатии к Петру, говорил, что у него общественные интересы были выше чувств отца, и это оправдывало его...»

Н.Н. Ге очень серьезно подошел к созданию своей исторической картины. Известно, что он изучал подлинные материалы петровского времени, читал современную ему историческую литературу о Петре. И он понял, что Царь Петр — отнюдь не идеал. Такое отношение к Петру возникло, возможно, и под влиянием бесед с хорошим знакомым художника историком Н.И. Костомаровым, который стремился объективно оценить роль Царя Петра в истории России. И все же совсем освободиться от точки зрения, которую тогда навязывали всем, художник не смог — он утвердился в мнении, что «ни Царь, ни сын его не были правы, хотя общественные интересы оправдывали жестокость Петра».

Николай Николаевич Ге поместил Царя Петра и Царевича Алексея в темную и нарядную комнату Петергофского дворца. Художник писал позднее, как, возвращаясь из Петергофа, он стремился удержать в памяти детали убранства дворцовых комнат. У стен — резные стулья, угол стола, покрытого тяжелой узорчатой скатертью, темные и светлые квадраты пола в голландском вкусе... И две фигуры, два лица... Царь смотрит на сына, а Царевич опустил глаза долу. Огорченный сыном отец и не знающий за собою вины сын...

Все было совсем не так — допросы Царевича, как мы знаем из документов, никогда не велись в Петергофе, а во время таких допросов Царь не бывал грустен и эпически спокоен. Если верить описаниям современников, лицо Царя в такие минуты более походило на образ Петра, созданный Репиным в «Утре стрелецкой казни» — Петр Алексеевич был взвинчен и взбешен...

А в картине Ге — библейская сцена о блудном сыне. Только отец не спешит раскрыть сыну свои объятия.

Картина «Царь Петр допрашивает Царевича Алексея Петровича в Петергофе» была в центре внимания Первой выставки передвижников осенью 1871 года. Ее дружно хвалили за художественные достоинства, но трактовка персонажей вызвала споры. Критик В.В. Ста-

сов считал, что картина стоит наравне «с лучшими историческими картинами западного искусства», но указывал на историческую необъективность художника: «Нам кажется, что г. Ге посмотрел на отношения Петра I к его сыну — только глазами первого, а этого еще мало». А, скажем, М.Е. Салтыков-Щедрин приветствовал картину, как яркую иллюстрацию «борьбы Петра I против варварства».

Так или иначе, но картина Н.Н. Ге произвела тогда сильное впечатление и, показав праведно гневавшегося Царя и виноватого Царевича, объективно сыграла на руку апологетам Петра. Любопытно, что художественный образ Царевича Алексея Петровича, созданный Николаем Николаевичем Ге, стал образцом для почти всех последующих изображений несчастного Царевича — его повторяли авторы иллюстраций к книгам о петровском времени, его скопировал и кинематограф: артист Н. Черкасов, сыгравший Царевича в известном фильме «Петр Первый», точно повторил на экране облик Алексея с картины Ге.

А сама картина была сразу же, прямо на выставке, куплена П.М. Третьяковым и с тех пор находится в Третьяковской галерее...

Мы уделили так много внимания картине Н.Н. Ге потому, что она — наиболее известное изображение Царевича Алексея Петровича в русском изобразительном искусстве. Но Царевича рисовали и при жизни, хотя эти портреты его и меньше известны.

Едва ли не лучшее и наиболее поэтичное прижизненное изображение сына Петра и Евдокии — это круглая гравюра П. Шенка с оригинального рисунка С. Гуэна, датированная 1703 годом. Тринадцатилетний Царевич изображен в профиль с устремленным вдаль взором и еще по-детски пухлыми щеками. Есть, впрочем, и еще более раннее изображение Царевича, но в том случае ни о каком сходстве говорить нельзя. Трехлетний малыш в маленькой шапке Мономаха стоит возле своего отца Петра и его брата Иоанна в Царских венцах. Братья беседуют с последним Всероссийским Патриархом старых времен Адрианом и Киевским митрополитом Варлаамом. Рисунок этой своего рода жанровой сценки Кариона Завульского был сделан в 1693 году, а гравюра с него — в 1721 году. Экземпляр этой гравюры, как и первой, хранится в частном собрании.

К более позднему времени, когда Алексей Петрович был уже взрослым, относится еще несколько современных ему изображений. На одном Наследник престола запечатлен в рыцарских латах со шлемом и оружием на фоне батальных сцен. Пожалуй, наиболее совершенна и известна гравюра Х. Ватермана с оригинального рисунка И. Люддена, созданная в 1730 году, когда на престоле был

сын Алексея Петровича Император Петр II и когда тема Царевича, как и его матери, вернувшейся из ссылки, снова стала актуальной при молодом Российском Императорском Дворе.

Знаем мы и несколько прижизненных изображений юного Государя Петра II. Все они созданы в 1728—1729 годах иностранными мастерами, служившими в России. Наиболее известна гравюра того же Ватермана по рисунку Люддена, датированная 1729 годом. Это парадный портрет пятнадцатилетнего Императора во весь рост в рыцарских доспехах поверх роскошного камзола, на которые наброшена Императорская мантия, подбитая горностаем. Видна рукоять шпаги, рядом на столике — Императорские регалии. За спиной Государя колонны классического портика, а за ними — море и форштень гордого фрегата с развевающимся Андреевским флагом. Новую для Российских Государей роль властителей морской державы подчеркивает подзорная труба в руке Монарха... Существует несколько и других портретов Государя Петра II.

Мы говорим об изображениях Петра II в галерее лопухинских портретов потому, что юный государь был внуком Царицы Евдокии и близким родственником многих современных ему Лопухиных.

После портретов Царицы Евдокии, гравюр Царевича Алексея Петровича и Императора Петра II Алексеича заметен некоторый перерыв в изображении представителей рода Лопухиных — дочь Петра не жаловала этот род. Исключение составляет, пожалуй, лишь гравированный портрет известной светской красавицы 30-х годов восемнадцатого столетия Натальи Федоровны Лопухиной, урожденной Балк, супруги вице-адмирала Степана Васильевича Лопухина. Наталья Федоровна на балах Императрицы Анны Иоанновны не без успеха соперничала еще с Великой Княжной Елизаветой Петровной, а в начале ее царствования в результате сложной дворцовой интриги вместе с мужем и сыном была подвергнута мучительным пыткам и сослана на Север. На портрете неизвестного художника Наталья Федоровна изображена во всем блеске своей красоты, как ее понимали в те времена, — пышная грудь, пухлые щеки, большие глаза и густые брови. На шее — нитка крупного жемчуга.

...Вторая половина XVIII века — время стремительного взлета искусства русского портрета. Великими портретистами того периода в России были Федор Степанович Рокотов, Дмитрий Григорьевич Левицкий и Владимир Лукич Боровиковский. Нельзя не отметить, впрочем, и того, что их время было отмечено быстрым и ярким развитием в России личности с индивидуальным и глубоким духовным миром. Во второй половине восемнадцатого столетия в нашем Оте-

честве счастливо встретились выдающиеся художники и выдающиеся люди, которых они портретировали.

Интересно, что все три классика русского портрета того времени писали портреты Лопухиных.

Федор Рокотов в 1799 году написал прекрасный портрет светлейшей княжны Анны Петровны Лопухиной. На обороте холста с изображением лучезарной красавицы в белом платье с фисташковыми лентами пером сделана современная надпись: «Ее светлость Анна Петровна Лопухина. 1779. Дочь князя Петра Васильевича Лопухина. Левицкий». Авторство Левицкого специалисты давно опровергли и убедительно доказали принадлежность портрета кисти Рокотова. Но не сразу обратили внимание на то, что в надписи явная фактическая ошибка, — говорится, что портрет написан в 1779 году, в то время как Анна Петровна родилась в 1777-м. Автор подписи ошибся, как я уверен, лишь в одной, третьей цифре даты: вместо 9 поставил 7. Конечно, портрет был написан в 1797 году, когда Лопухины по приглашению Императора Павла I переехали из Москвы в Петербург, когда Петр Васильевич Лопухин был пожалован светлейшим князем, а Анна Петровна стала светлейшей княжной и Государь один за другим заказывал лучшим художникам портреты своей дамы сердца. Как портрет А.П. Лопухиной, он был подготовлен для рокотовской выставки 1923 года в Третьяковской галерее, но здесь привлек внимание тогдашнего непререкаемого авторитета в искусствоведении Игоря Эммануиловича Грабаря. Безусловно подтвердив авторство Рокотова, он обратил внимание на фактическую ошибку в подписи и распорядился считать его впредь «портретом неизвестной в белом платье с фисташковыми лентами». Грабарь отлично знал положение дел в стране и понимал: чем меньше будет в подписях княжеских и графских титулов, тем будет лучше для искусства... Так портрет светлейшей княжны Анны Петровны Лопухиной стал «портретом неизвестной». Однако нас это не должно вводить в заблуждение — столь подробная и современная созданию портрета надпись на обороте холста не может быть ошибкой, тогда слишком хорошо знали Анну Петровну. Ошибиться же цифрой может каждый...

Дмитрий Левицкий, второй из великих портретистов того времени, в 1783 году написал портрет графини Евдокии Николаевны Орловой-Чесменской, урожденной Лопухиной. Дочь отставного гвардейского офицера и крупного помещика Николая Александровича Лопухина, Евдокия Николаевна родилась в 1761 году, в 1782-м вышла замуж за графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, более чем известного деятеля Екатерининской эпохи, через год родила дочь Анну Алексе-

евну, которой суждено было стать единственной наследницей несметного орловского состояния, а в 1786 году вторыми родами скончалась в возрасте двадцати пяти лет. Портрет графини Евдокии Николаевны до самой революции находился в имении Отрада под Москвой, которое принадлежало сначала графам Орловым, а потом графам Орловым-Давыдовым. Любопытно, что некоторые искусствоведы, отмечая, что начало 80-х годов — время расцвета мастерства Левицкого, говорят в то же время о не очень высоком художественном уровне портрета — возможно, это связано с условиями, в каких он писался, а может быть, за этим стоит еще какая-то история... Возможно, именно поэтому портрет графини Орловой-Чесменской был передан из разграбленной усадьбы не в Третьяковскую галерею, а в Государственный Исторический музей, где находится и по сей день.

«Боровиковский был третьим крупным портретистом, обозначившим расцвет портретной живописи в России второй половины XVIII века», — пишет специалист по русскому портрету Т.В. Алексеева. Именно Владимир Боровиковский создал прекрасный портрет, который прославил не только этого художника, но и его модель — Марию Ивановну Лопухину, урожденную графиню Толстую. Дочь графа Ивана Андреевича Толстого, Мария Ивановна, родилась в 1779 году, а в 1797-м вышла замуж за егермейстера Двора Императора Павла I Степана Авраамовича Лопухина. Влюбленный муж сразу же заказал портрет красавицы жены самому модному художнику — Боровиковскому. К концу 1797 года портрет был готов. Его нет нужды описывать, каждый наверняка видел его и знает. Искусствовед Н.Г. Григорович, автор статей в альбомах, посвященных шедеврам русских музеев, так написал о нем:

«Портрет М.И. Лопухиной нередко называют самым поэтическим созданием В.А. Боровиковского. Можно, пожалуй, оценить его даже как высшее достижение сентиментализма в русской живописи. Присущие этому направлению культ естественности, нежных чувств, стремление слиться с природой выражены здесь с особой полнотой. В портрете все в согласии, в гармонии друг с другом: тенистый уголок парка, васильки среди колосьев спелой ржи, увядающие розы, непринужденная поза молодой женщины, простое платье, свободно облегающее ее стан, и, конечно, исполненное удивительного очарования прелестное лицо. В утренней свежести кожи, в томности взгляда, в мечтательной улыбке, даже в некоторой неправильности черт Лопухиной есть подлинная красота, красота душевная и лирическая, присущая русским женщинам. Столь же эмоциональна и прозрачна и живописная техника Боровиковского. Кисть легко касается холста,

окутывая все воздушной дымкой, тонкие текучие слои краски тем не менее с большой пластичностью формируют объемы, распределение переходящих один в другой цветов подчиняется элегическому музыкальному ритму».

Знаменитый портрет находится в Третьяковской галерее с конца девятнадцатого столетия, П.М. Третьяков купил его между 1885-м и 1890-м годом.

Писали о портрете М.И. Лопухиной работы Боровиковского многие и много. Не стану утомлять читателя дальнейшим цитированием восторженных отзывов. Добавлю лишь, что русский поэт Яков Лонский написал специальные стихи «К портрету Лопухиной».

Она давно прошла, и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет, что молча выражали
Страданье, тень любви и мысли, след печали,
Но красоту ее Боровиковский спас...

Вероятно, это не единственная и даже не главная, но все-таки очень важная задача искусства — спасти зримый мир, спасти красоту, уберечь ее от безжалостного действия времени. И только благодаря искусству, изобразительному искусству мы можем видеть сегодня благородные образы своих прадедов и прекрасные лица прабабушек.

После трех мастеров русского портрета — Рокотова, Левицкого и Боровиковского, — каждый из которых оставил нам свое изображение персон лопухинского рода, а Боровиковский даже нескольких, новый всплеск интереса художников приходится на время светлейшего князя Петра Васильевича Лопухина и его потомков, что хронологически совпадает с концом XVIII — первой половиной XIX века. Князь Петр Васильевич был знаковой фигурой своего времени, он верой и правдой служил четырем Российским Императорам на самых высоких, а затем даже высших должностях, был «особой первого класса» по Табели о рангах, что было редкостью, и кавалером едва ли не всех российских орденов. Расхожее мнение, будто он сделал карьеру благодаря тому, что Государь Павел I платонически влюбился в его дочь, совершенно опровергается тем фактом, что наивысших должностей и постов в государстве он достиг уже после кончины Государя Павла Петровича при его сыновьях Императорах Александре I и Николае I.

Само собой, что светлейшего князя Лопухина и его детей много портретировали. Масса их портретов погибла, но до сей поры и в центральных, и в местных музеях их можно встретить среди картин, привезенных после революции из разграбленных помещичьих

усадеб. Не будем перечислять всех художников, писавших князя Лопухина и его детей, это заняло бы слишком много места. Заметим лишь, что среди них были и корифеи своего времени, тот же Боровиковский или Брюллов. Известно немало парадных портретов светлейшего Петра Васильевича в роскошном придворном мундире (он был обер-камергером) с орденскими лентами и звездами и с неизменным миниатюрным портретом Государя Павла Петровича на груди, который князь носил в торжественных случаях всегда. Есть портреты Лопухина менее официальные, есть и вовсе домашние, «для своих», но с каждого на нас смотрит благородный и умный человек, достаточно уверенный в себе, в правильности своих суждений. По многочисленным запискам и воспоминаниям мы знаем, что светлейший князь таким и был.

Существуют и парные портреты светлейшей четы: князь Петр Васильевич и княгиня Екатерина Николаевна, урожденная Шетнева, вторая жена его. Парные портреты сохранились не только в России. Изображения княжеской четы есть и в зарубежных музеях. Например, в галерее русской живописи города Наход (сейчас она, кажется, переименована) в Чешской Республике есть прекрасные портреты Петра Васильевича и Екатерины Николаевны Лопухиных кисти Боровиковского. Они попали за границу еще до революции в собрании семейных портретов, которые привезла с собой, выйдя замуж за иностранного аристократа, одна из девиц этого рода. В музеях Чехии хранится в наше время немало и других портретов русских аристократов. Как портреты родственников богемских аристократов, они висели в парадных залах многих замков Чехии — всего в республике их насчитывается около четырехсот. Из этих замков они и перекочевали в художественные музеи.

Не только русские, но и признанные европейские мастера писали светлейших Лопухиных. В Эрмитаже, например, хранится очень красивый портрет княжны Анны Петровны, написанный французским художником Луи Вуалем. А в семье потомков богатейших Демидовых, живущих в Ницце, до сих пор хранится интересный двойной акварельный портрет светлейших княжон Анны Петровны и Екатерины Петровны Лопухиных работы француза Харло: две очаровательные головки, две прелестные молодые женщины... И обе вошли в историю. Первая как возлюбленная Императора-Рыцаря, который начертал ее имя на знаменах полков своей гвардии; вторая — выйдя замуж за гофмейстера Высочайшего Двора Г.А. Демидова, богатейшего промышленника и мецената. После кончины светлейшего Павла Петровича и пресечения княжеской линии рода Государь Алек-

сандр II, дабы сохранить в России род светлейших князей Лопухиных, даровал ее внуку, генерал-майору Николаю Петровичу Демидову, право именоваться светлейшим князем Лопухиным-Демидовым и передавать этот титул старшему мужчине в семье.

Вернемся, однако, к портретам. Возможно, самый знаменитый портрет из всех изображений светлейших князей Лопухиных принадлежит кисти великого русского художника Карла Павловича Брюллова. Случилось это так.

В начале 1833 года в Рим приехал путешествующий по Европе для лечения старых боевых ран светлейший князь Павел Петрович Лопухин — участник всех войн России с Наполеоном, бывший в 56 сражениях, заслуженный, украшенный многими наградами генерал. Эта яркая личность — прославленный герой, богач и обаятельный собеседник — произвела большое впечатление на русскую колонию в Риме. Он только что женился на графине Жанне Алопеус, урожденной баронессе фон Венкстерн, и вел открытую светскую жизнь. В Италии блистал тогда властитель дум современных итальянских художников «Великий Карл», как вскоре стали называть его в России. Они познакомились, Лопухины побывали в мастерской Брюллова, и тот предложил светлейшему Павлу Петровичу написать его — известно, что Брюллов не работал просто «по заказу», если ему не нравилась модель. Можно сделать вывод, что на этот раз модель понравилась.

Портрет Лопухина Брюллов писал необычайно быстро. Свидетель, бывавший в те дни в мастерской художника, итальянский скульптор Фуммагали писал позднее, что Брюллов «трудился над ним менее пяти дней».

Портрет этот оценивали весьма высоко. Искусствовед А. Азаркина, специалист по Брюллову, считала, что «изображение светлейшего князя П.П. Лопухина указывает на новое понимание Брюлловым задач портретного искусства». В ее монографии «Брюллов», вышедшей в московском издательстве «Искусство» в 1963 году, читаем:

«Энергичный, жизнерадостный образ Лопухина раскрыт Брюлловым в приподнято-героическом плане. Весь облик подбоченившегося князя, опирающегося левой рукой на шпагу, с его открытым, улыбающимся широким лицом, густыми баками и небрежно наброшенной на плечо, поверх мундира, шинелью — невольно воскрешает в памяти образы героев 1812 года. Брюллов передал в портрете Лопухина не только его личные биографические черты... но и национально-типические черты. Портрет Лопухина перерос значение индивидуального изображения, воплотил в себе некий идеал времени. Написан-

ный с гениальной виртуозностью и в предельно сжатые сроки, он свидетельствовал о неисчерпаемых возможностях Брюллова-портретиста. Сильному волевому образу Лопухина прекрасно соответствует широкий, лепящий форму энергичный мазок мастера».

Портрет Павла Петровича Лопухина стал новым словом в истории русского портрета потому, считают специалисты, что в нем Брюллов отошел от традиций своего же парадного портрета, в котором был большим мастером. В этом портрете отсутствуют такие неизбежные его элементы, как интерьер и аксессуар, в данном случае военные. Вместе с тем это не камерный, лирический портрет, которые также прекрасно удавались Брюллову. Изображение светлейшего Павла Петровича искусствоведы относят к новому жанру портрета, который они условно назвали «большой брюлловский портрет». Портрет Лопухина стал первым в ряду таких портретов великого мастера.

Об этом портрете много писали и тогда, когда он только что был создан. Некто Чезаре Кастельбарко опубликовал в первом номере «Библиотеки для чтения» за 1834 год статью о брюлловской выставке в Милане 1833 года. Он писал: «Брюллов выставил еще два портрета, написанных им весьма скоро (портреты П.П. Лопухина и П.Г. Демидова. — Б.К.), в которых редкою кистью своею далеко уклонился от тщательной отделки, однако же сообщил удивительный эффект, не впадая в легкость, отзывающуюся нерадением. Эти два мастерские творения — совершенно плоды кисти Ван-Дейка...» Русский знаток живописи, путешествовавший по Италии в то время, написал, что брюлловские портреты начала 30-х годов, и в частности портрет Лопухина, «написаны художником с необыкновенною силою, в роде портретов Рубенса». А уже после смерти Брюллова, в журнале «Отечественные записки» № 12 за 1855 год, известный знаток портретной живописи А.Н. Мокрицкий писал, вспоминая свои визиты в мастерскую художника, что «его портреты Лопухина, Демидова, Волконской и другие того времени сравнимы с лучшими портретами Ван-Дейка, Тициана, Гвидо и Рубенса».

И еще об одном напомнил брюлловский портрет Лопухина. Он как бы продолжил и дополнил ту неофициальную галерею героев 1812 года, которую постепенно, часто даже не ставя перед собой такую задачу, создавали крупные русские художники. Как известно, для официальной галереи 1812 года в Зимнем дворце были отобраны самые знаменитые наши полководцы в генеральских чинах; больше поместить было просто невозможно. Их портреты и написали по заказу Императоров Александра I и Николая I художники Доу и Крюгер. Но были и другие герои — в меньших чинах —

светлейший князь Павел Петрович Лопухин, например, кончил заграничный поход русской армии 1813—1814 годов полковником. Таких более молодых героев Отечественной войны писали и Кипренский, и Тропинин, и Аргунов, и многие другие.

Несколько позже, но в том же 1833 году, Карл Павлович Брюллов написал портрет молодой жены князя — светлейшей княгини Жанны Ивановны Лопухиной. Правда, на этот раз не маслом, а акварелью. И тот и другой портреты Великий Карл показал в том же году на своих выставках в Милане и Риме, вместе со своей главной картиной «Последний день Помпеи». Портрет княгини Лопухиной до революции был в частном собрании усадьбы Корсунь Киевской губернии, которая принадлежала сначала Лопухиным, а затем Лопухиным-Демидовым. Ныне, по некоторым данным, он находится в частном собрании князей Орловых в Париже.

Портрет светлейшего князя Павла Петровича также хранился в Корсуне, экспонировался на крупных выставках — например на знаменитой выставке русского портрета в Таврическом дворце Петербурга в 1905 году, на выставке русских художников в Париже в 1906 году. Где этот портрет сегодня — точно неизвестно...

Художники не раз писали весьма известного в конце XVIII — начале XIX века сенатора Ивана Владимировича Лопухина — автора многих масонских трудов и интереснейших мемуаров и в то же время высокопоставленного чиновника. К сожалению, мы не знаем имен авторов его портретов. Один из них, кстати, находится в Третьяковской галерее. В доступной нам литературе изображения И.В. Лопухина воспроизводятся с неизменным: «Работа неизвестного художника», однако портретное сходство очевидно, уж очень походят друг на друга его портреты. Изображали его с Анненской лентой и со звездой, в неизменном парике екатерининского времени и с холодным, чуть презрительным прищуром глаз. Известно, что Иван Владимирович был одним из образованнейших людей своего времени и любил общество равных себе, каковых встречал не так уж часто. А дураков Иван Владимирович не любил, не скрывал этого и на многих смотрел свысока. Художники прекрасно подмечали эту особенность вельмож. К И.В. Лопухину мы еще вернемся на этих страницах.

Еще о портретах... Строгая красивая дама с большим декольте предстает перед нами на портрете Екатерины Николаевны Хитрово, урожденной Лопухиной, дочери действительного статского советника Николая Ардалионовича Лопухина. Это она была хозяйкой того самого дома на московском Арбате, где Пушкин снял квартиру перед свадьбой и куда привез из-под венца молодую жену свою Ната-

лью Николаевну. Портрет хозяйки пушкинского дома, где ныне открыт музей, написан как раз в то время, когда у нее жил Пушкин, — в 1831—1832 годах. К сожалению, и в этом случае мы не можем назвать имени художника.

А вот где автор рисунков известен доподлинно, так это портреты Варвары Александровны Лопухиной, «милой Вареньки», неизменной, до смертного часа, возлюбленной Михаила Юрьевича Лермонтова. Они любили друг друга, но Провидение не судило им быть вместе. Прекрасным памятником этой любви остались лермонтовские стихотворения, обращенные к ней и ей посвященные, о которых мы еще скажем в свое время, и портреты Варвары Александровны его работы. Поэт много рисовал дорогое ему лицо, и в облике черкешенки, и даже в образе испанской монахини в черной накидке и с католическим крестом. Несколько изображений Вареньки, с семьей которой поэт был дружен, кажется, на протяжении всей своей сознательной жизни, дошли до наших дней. Один портрет хранится в Институте русской литературы РАН (Пушкинском доме), второй — в Государственном литературном музее в Москве и третий — в Отделе редких книг и рукописей Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Музу Лермонтова писали, конечно, и крупные профессиональные художники. Не так давно, например, искусствовед И. Чицова доказала, что прекрасная миниатюра, изображающая прелестную молодую женщину, которая была на выставке в московском Манеже, — это вовсе не «портрет неизвестной», как значилось в каталоге, а портрет Варвары Александровны Лопухиной, написанный Э. Мартеном в 1833 году.

Как ни грустно это признавать, большинство лопухинских портретов погибло в годы революции. О некоторых несохранившихся мы можем судить сегодня только по фотографиям интерьеров лопухинских домов и усадеб — сфотографировать семейные портреты специально никто, конечно, не догадался. Но случайно попавших в объектив аппарата портретов довольно много. Вот лишь один пример: за несколько месяцев до начала Великой войны собралось, чтобы отметить трехлетие со дня кончины своего главы, семейство Сергея Алексеевича Лопухина. Сфотографировались на память, и оказалось, что это — последний снимок большой семьи в полном составе. Молодые, полные сил люди стоят в гостиной у стены, на которой висит прекрасный портрет дамы, явно фамильная реликвия. Память потомков, к счастью, сохранила ее имя — графиня Анна Алексеевна Баранова, урожденная княжна Васильчикова, общая прабабушка всех Лопухиных, живущих ныне за пределами России. Но сам портрет исчез, где он теперь и сохранился ли вообще — неизвестно.

Некоторым изображениям повезло больше. В семье князя Георгия Голицына хранится портрет его бабушки княгини Анны Сергеевны, урожденной Лопухиной, работы известного художника начала двадцатого столетия А.В. Моравова. Княгиня изображена молодой. А другой ее внук, художник князь Илларион Голицын, написал портрет бабушки уже в преклонных годах. А графический портрет ее, созданный князем Илларионом Владимировичем в конце 1950-х годов, приобрел московский Музей изящных искусств, который носил имя Государя Александра III, а теперь носит имя Пушкина.

Сколько же таких семейных портретов было в лопухинских домах и усадьбах! А сколько их было вообще по всей России! Не будет преувеличением сказать, что в 1917—1920 годах Россия потеряла крупнейшую галерею исторических портретов, которую никогда не восстановить.

...Эти строки ни в коем случае не претендуют на полноту охвата обширнейшей темы — Лопухины и изобразительное искусство. Вне поля нашего зрения наверняка осталось много произведений. Практически не касаемся мы и такого важного аспекта темы, как Лопухины-коллекционеры. Видимо, это и невозможно сделать. Известный знаток коллекций и коллекционеров, ученый-историк, заведующий кафедрой музееведения Российского государственного гуманитарного университета А.И. Фролов писал в сборнике «Русская усадьба» № 2 за 1996 год:

«Можно сказать, что любая дворянская усадьба была хранительницей того или иного собрания историко-культурных реликвий, собрания, за которым стояло имя владельца, порою весьма маститого коллекционера. К сожалению, сегодня не только трудно назвать все даже крупные и ценные с научной точки зрения коллекции, некогда хранившиеся в дворянских усадьбах, но затруднительно представить себе и сколько-нибудь полный перечень этих усадеб».

Нетрудно предположить, что среди дворянских усадеб и городских домов семейные гнезда Лопухиных были не самыми бедными произведениями искусства. Мы знаем, что многие Лопухины собирали и картины, и скульптуру, миниатюры и старинное оружие, гравюры и редкие монеты, книги. Вот пример: на протяжении более ста лет светлейшие князья Лопухины, а позже Лопухины-Демидовы собирали в своем имении Корсунь под Киевом картинную галерею, фарфор и библиотеку. Где все эти сокровища?

Лет двадцать назад писатель Е. Кончин писал в своей книжке под издательским названием «Спасенные революцией» о том, как в 1918—1919 годах из разграбленных и брошенных дворянских уса-

деб красные искусствоведы вывозили в ближайшие города исторические, культурные и художественные ценности. И вывозили, и вели учет вывезенному — возами. Из такого-то поместья — 25 возов, из другого — 40 возов, а из третьего — и все 60. Известно, что в Киев в те годы свезли и бросили в какие-то подвалы более 350 возов художественных ценностей близлежащих усадеб...

В усадьбах и городских домах Лопухиных хранилось, а в страшные годы было расхищено или уничтожено великое множество самых разных коллекций и художественных собраний, громадные культурные ценности, которые утрачены навсегда и не восстановлены. Лишь единицы из этого множества находятся в сегодняшних музеях и галереях. Это даже не верхушка айсберга, это — капля в море.

...Интересно остановиться и на такой грани нашей темы, как личное художественное творчество Лопухиных. Профессиональных живописцев, рисовальщиков и скульпторов среди них до революции не было. Изобразительные искусства не считали прежде делом, достойным дворянина, это просто надо было уметь делать на приличном уровне в свободное время. Поэтому многие прекрасно рисовали и писали акварелью, а то и маслом — умение работать карандашом и красками было обязательным элементом дворянского воспитания.

Прекрасно рисовал сенатор и действительный тайный советник Иван Владимирович Лопухин. Известно, что он собственноручно составил план и нарисовал отдельные уголки своей усадьбы Савинское, где по его замыслу были разбиты рощи и лужайки, устроены живописные ручьи и водопады.

Хорошо рисовала и оставила несколько альбомов — где они теперь! — Прасковья Николаевна Лопухина, вышедшая замуж за полковника В.Д. Давыдова, родственника знаменитого поэта-гусара Дениса Давыдова. В их доме часто бывал Орест Кипренский, и хозяйка иногда работала рядом с ним.

Талантливым художником была Софья Алексеевна Лопухина, дочь известного друга Лермонтова, вышедшая замуж за князя Николая Петровича Трубецкого. Они и познакомились, и сблизились, как люди искусства. Князь Николай Петрович был музыкантом и композитором, одним из основателей Императорского Русского музыкального общества, а княгиня Софья Алексеевна — тонким акварелистом, которой отдавал должное такой мастер, как председатель Союза русских акварелистов Альбер Бенуа. Сыновья талантливой четы Трубецких — крупнейшие русские философы рубежа XIX и XX веков князь Сергей Николаевич и Евгений Николаевич — были властителями дум молодежи своего времени.

Если вспомнить о Лопухиных в рассеянии, то следует рассказать о княгине Марии Сергеевне Трубецкой, урожденной Лопухиной, супруге князя Владимира Петровича, последнего владельца известного подмосковного имения Узкое. Уехав из России после 1917 года, семья обосновалась сначала во Франции, затем в США. В эмиграции княгиня Мария Сергеевна прославилась удивительными художественными вышивками и, будучи глубоко верующим человеком, посвятила свое мастерство Церкви. Скончалась она девяносто лет от роду и оставила более семидесяти вышитых икон, которые пребывают ныне в православных храмах Европы и Америки.

С Лопухиными-художниками в русском рассеянии мы иной раз встречаемся там, где меньше всего ожидали их встретить. Оказалось, что многие зарубежные исследователи часто изучают быт русской дореволюционной провинции по непрофессиональным, но весьма точным и чем-то трогательным рисункам, которые специалисты называют «альбомными». Известно, что многие дворяне хорошо рисовали, некоторые увезли с собой эти рисунки на память, иные уже в эмиграции по памяти рисовали родные места. Все это стало ценным историческим материалом, источником сведений о дворянской России, как городской, так и сельской, усадебной. Вот лишь один пример: в Соединенных Штатах в 1980-х годах вышла в свет обширная монография Присциллы Рузвельт «Жизнь русской провинции. Социальная и культурная история». Книга богато иллюстрирована репродукциями акварельных рисунков. Среди них немало рисунков Марианны Адриановны Лопухиной, на которых изображены дома, интерьеры и живописные уголки одной из усадеб, где она жила в России. Рисунки эти сделаны уже за границей, в 20-е годы, по памяти, но все же сохранили точность документа и аромат ушедшей эпохи. Наряду с работами Лопухиной в монографии есть множество рисунков профессиональных художников... Это еще одно подтверждение уже высказанного нами убеждения, что художественное образование детей, наряду с общим, было прекрасно поставлено в русских дворянских семьях... Мы знаем, что во Франции в первой половине XX века жила и работала художница Евгения Георгиевна Лопухина, которая также писала стихи. Из некролога, опубликованного в газете «Русская мысль», мы знаем, что она училась в Петербурге в Академии художеств у большого мастера Кардовского. По приглашению А. Головина она участвовала в росписи занавеса для знаменитой постановки лермонтовского «Маскарада» в 1917 году. А в Париже выставяла свои бесконечные «Цветы» в Салоне независимых. «Ее жизнь в эмиграции была тяжела,

но она жила в непрестанном искании «света, которого на свете нет», как написали любившие ее друзья. Похоронили художницу, конечно, на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

...Не исключено, что были в великом русском рассеянии и другие художники Лопухины, но мы о них просто не знаем...

Хороший художник есть и среди Лопухиных, здравствующих ныне в России. Наталия Владимировна родилась в Москве, окончила Художественно-промышленное училище имени графа Строганова и вскоре стала признанным в России мастером гобелена. Ее камерные работы находятся в общественных и частных собраниях, а крупные заказные гобелены украшают залы музеев и официальных зданий. В 1990-х годах Наталия Владимировна Лопухина обратила внимание на живопись и графику. Она — первой в России! — выполнила карандашные портреты Главы Российского Императорского Дома Великой Княгини Марии Владимировны и наследника Цесаревича Георгия Михайловича. Весьма удачен и ее портрет родственника — князя В.О. Лопухина.

Наталия Владимировна — действительный член Российского Дворянского Собрания, вице-директор его Департамента культуры. Доцент кафедры живописи, она преподает в одном из художественных высших учебных заведений Москвы.

Возможно, что со временем Лопухины обретут в России еще одного художника. На прошедшей в связи с 850-летием Москвы передвижной выставке детского творчества, организованной Российской Академией образования, добилась успеха пятилетняя дочь князя Вадима Олеговича Лопухина — маленькая княжна Евдокия. Ее рисунок «Я и моя кукла гуляем по Красной площади» был опубликован в каталоге выставки и привлек немало симпатий. Будем надеяться, что успех Евдокии Лопухиной окажется удачным дебютом...

Такой вот надеждой мы и закончим тему Лопухиных в русском изобразительном искусстве.

Труднее говорить о Лопухиных в музыке. Дело в том, что в старинных дворянских семьях играли на музыкальных инструментах практически все — без умения музицировать нельзя было считаться светским человеком. Поэтому можно не сомневаться в том, что любой лопухинский дом был полон музыки. Но сочиняли ее немногие. Гвардейский поручик Иван Николаевич Лопухин, например, писал романсы. Некоторые из них навсегда отзвучали в петербургских салонах девятнадцатого столетия, но иные исполняются и сейчас, такие, например, как «В дымке-невидимке...» или «Я пришел к тебе с приветом...» на слова А.А. Фета.

А вот о Лопухиных в литературе говорить легко. И не просто потому, что так или иначе, лучше или хуже, но писали практически все — считалось, что дворянин не может не уметь написать любовное письмо, сочинить стихотворение или сделать изящную запись в альбом светской дамы. Эпистолярному искусству, мастерству афоризма и стихосложению детей учили так же, как рисованию, музыке и танцам.

Не нужно удивляться тому, что многие Лопухины писали, но не печатались — не считали это нужным. Но некоторые позволяли себе и это. Например, капитан лейб-гвардии Преображенского полка, а затем высокий статский чиновник Авраам Васильевич Лопухин был на рубеже XVIII—XIX веков весьма популярным и много печатавшимся поэтом и переводчиком. Он оставил после себя несколько книг, а также много публикаций в повременных изданиях — в «Ипокрене», «Друге просвещения», «Чтении для вкуса», «Новостях», «Приятном и полезном провозждении времени».

В Русском биографическом словаре, изданном в начале двадцатого столетия, А.В. Лопухин характеризуется как «поэт несомненного дарования, который обратил на себя внимание таких писателей, как В. Жуковский и Н. Карамзин». Как переводчик, Лопухин прославился переложением на русский язык целого ряда поэм и пьес с английского, французского, немецкого и даже древнегреческого языков — высокая образованность Авраама Васильевича очевидна. А о качестве переводов говорит хотя бы такая благодарность переводчику от издателей, помещенная в конце перевода пьесы «Десерт Сократов» в сборнике «Чтение для вкуса, разума и чувствований» за 1792 год: «Мы уже благодарили господина переводчика прежде, но теперь повторим еще свою благодарность за доброе его к нам расположение и присылку такой прекрасной пьесы, свидетельствующей о его вкусе».

Писал Авраам Васильевич и стихи. Н.М. Карамзин, задумав в 1796 году издание сборника «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений», включил в него два стихотворения Лопухина — «Весеннее утро» и «К природе». Известно, что некоторые его стихи были положены на музыку и исполнялись в гостиных. В последнем разделе этой книги мы помещаем несколько стихотворений А.В. Лопухина, а здесь приводим лишь одно, посвященное его родной Москве:

В кибитке, тройкой запряженной
И словно вихрем вдаль несенной,
Скачу... И мерзлый снег хрустит,
И ветер сердце веселит.

Высоки Воробьевы горы,
Одеги инеем их боры.
Златые главы из-за них
Мелькают мимо глаз моих.

Москва! Ты для меня — вселенна!
Ты мне дала моих друзей
И прах мой без души нетленной
В святине сохранишь своей...

Велик вклад Лопухиных в литературу — историческую, духовную, научную, художественную... Это вклад двойкий. Мы знаем Лопухиных — авторов книг, но еще более представителей этого рода известны как герои литературных произведений, как люди, которым посвящали стихи и поэмы, как персонажи исторических сочинений.

Если говорить о последнем аспекте темы, то Лопухины по понятным причинам — герои прежде всего русской исторической литературы. Ни один историк, писавший о времени Царя Петра I, не мог обойти и не обходил такие фигуры, как первая супруга Петра Царица Евдокия Федоровна, урожденная Лопухина, и ее сын Царевич Алексей Петрович и их близкие. Именно они — главные персонажи обширной лопухинской галереи исторических деятелей России. Историки уделяли им первостепенное внимание не только потому, что это царственные фигуры первого плана, они еще и фигуры трагические — Царица провела в заточении тридцать лет жизни, а Царевич был запытан собственным отцом в возрасте двадцати восьми лет. Но случилось так, что большинство историков принадлежали к прозападнической интеллигенции и стремились сделать Царя Петра великим — ведь это он прорубил окно в Европу. К сожалению, они отмахнулись от нравственной оценки дел и личности Петра. Для них все, что бы ни делал Царь, — благо, все, кто не был с Царем, — ретрограды, мешавшие Петру обновлять Россию. Такая примитивная черно-белая позиция не отражает действительной расстановки сил в петровской России. К сожалению, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, А.А. Кизеветтер и другие попросту принесли в жертву своей концепции петровского времени и Царицу Евдокию, и Царевича Алексея. Только Н.И. Костомаров и В.И. Семевский сохранили исторически объективный взгляд на этих знаменитых представителей рода Лопухиных. Тем, кто хочет получить достаточно полную аргументацию нашей позиции относительно роли Царицы Евдокии и Царевича Алексея в событиях своего времени, отсылаем к очеркам «Последняя Русская Царица» и «Царевич Алексей Петрович», публикуемым во втором разделе этой книги. Здесь же сформулируем

лишь вывод: известные русские историки неверно, ошибочно оценивали место и значение этих двух людей в истории петровского времени. Этот рок тяготел над ними и после смерти.

А оценка историков неизбежно сказалась и на образах Царицы и Царевича в произведениях художественной литературы. Если в трилогии Дм. Мережковского «Христос и Антихрист. Петр и Алексей» отец и сын написаны более или менее правдиво, то в печально известном сталинистском романе А. Толстого «Петр Первый» (кстати, и в фильме, сделанном по этому роману) образы их придуманы и весьма далеки от исторической правды. Получилось, что эти два наиболее известных произведения фактически сформировали в общественном сознании современного русского общества совершенно искаженные образы Царя Петра и Царевича Алексея.

Но в целом художественная литература, уделяя весьма большое внимание Царю Петру — вспомним хотя бы блистательные пушкинские «Полтаву» и «Медного всадника», — нечасто обращалась к образам Царицы Евдокии и Царевича Алексея. Я объясняю это тем, что каждый литератор, начиная думать о них как о своих возможных героях, интуитивно понимал несправедливость исторической оценки этих людей, но, пребывая в плену господствующей концепции, отступал...

Кажется, один только Всеволод Сергеевич Соловьев, автор ряда исторических романов, правдиво изобразил Царицу Евдокию Федоровну в романе «Юный Император», посвященном Государю Петру II.

В исторической литературе немало упоминаний крупных деятелей лопухинского рода. Ни одно исследование по военной истории, в котором речь идет о Семилетней войне, не обходится без рассказа о генерал-аншефе Василии Авраамовиче Лопухине. Он прославился тем, что в знаменитой Гросс-Егерсдорфской битве склонил дело к победе русских над пруссаками. Благодаря стойкости и мужеству генерала Лопухина битва была выиграна, а это открыло русским войскам дорогу на прусскую столицу. Русские армии и вошли в Берлин в 1760 году, но уже без генерала Лопухина, который пал при Гросс-Егерсдорфе. В свое время тактику Лопухина изучали в военных академиях, но и сейчас имя этого генерала можно найти в современной военной энциклопедии. Остался он и в народной памяти. Отправляясь на Отечественную войну 1812 года, русские солдаты еще пели народные солдатские песни о храбром генерале Лопухине, грозе неприятеля и отце солдат...

Роль светлейшего князя Петра Васильевича Лопухина в государственных делах не может обойти ни один историк, который пишет о царствованиях Императоров Павла I, Александра I и Николая I.

При этих Государях светлейший князь занимал не просто видные, но наивысшие должности в России, без него не решалось ни одно важное дело, за исключением военных. Завершил свою карьеру светлейший князь Петр Васильевич в должностях председателя Государственного Совета и председателя Комитета Министров.

Всякий, писавший о духовной жизни России времен Государыни Екатерины Великой и ее сына, конечно, не мог обойти вниманием личность сенатора и масона Ивана Владимировича Лопухина. Ему посвящен специальный очерк в этой книге, поэтому мы не задерживаем здесь внимания читателя на этом человеке. С разными чувствами, но тоже немало, писали в свое время о юридическом генерале прокуроре Александре Алексеевиче Лопухине, который способствовал скандальному оправданию в суде печально известной Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника, и о его сыне, директоре Департамента полиции МВД России Алексее Александровиче, который прославился разоблачением крупного полицейского провокатора и двойного агента Евно Азефа... Словом, Лопухины в исторической литературе не были обойдены вниманием ни современников, ни потомков.

...Лопухины навсегда приобщены к славе Лермонтова.

Прими мой дар, моя Мадонна! —

так начал поэт первое посвящение поэмы «Демон» Варваре Александровне Лопухиной, своей «милой Вареньке». Затем, после переработки, последовало новое посвящение «Демона» и снова ей. В свое время именно у Варвары Александровны хранился самый полный, с последними исправлениями и пометками автора, экземпляр этой поэмы.

«Демон» — произведение зрелого Лермонтова, но еще в юности он написал и посвятил все той же Вареньке свою поэму «Измаил-бей»:

...И ты, звезда любви моей,
Товарищ дней моих суровых,
Послушай песни прежних дней,
Давно уж нет у сердца новых.
Ни мрачных дум, ни дум святых
Не изменила власть разлуки:
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты в других!..

Варваре Александровне посвящены и многие стихи Лермонтова, она стала прототипом многих его героинь. О «милой Вареньке», о дружбе поэта с семьей Лопухиных вы прочитаете в очерке, помещенном в этой книге. Он так и называется «Друзья поэта».

Несколько лермонтовских стихов записаны в альбом Варвары Лопухиной. А сколько таких альбомов было у других дам и девиц этого рода, сколько стихов, среди которых могли быть и замечательные, осталось на их страницах... В свое время мы посетовали на гибель портретной галереи Лопухиных в их городских домах и сельских усадьбах. Пожалеем же и о том, что погибло сотни альбомов. Как много мы могли бы в них прочитать, имена скольких поэтов узнать...

Лопухины бывали, однако, не только героями литературных произведений. Хронологически первым крупным писателем этой фамилии стал все тот же Иван Владимирович Лопухин. Этот широко одаренный и прекрасно образованный человек написал несколько книг, которые переиздаются и спустя двести лет, в наше время. Его мемуар под несколько громоздким и старомодным названием «Записки из нескольких обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим» впервые вышел в свет в издании пресловутой Вольной русской типографии Герцена в Лондоне в 1860 году, через сорок с лишним лет после смерти автора. С тех пор эта интереснейшая книга издавалась много раз, последний — уже в 90-х годах двадцатого столетия. «Записки сенатора И.В. Лопухина», так называют этот труд сегодня, — яркое свидетельство о своем времени, поэтому в последнем разделе книги, которую читатель держит в руках, мы поместили отрывок из «Записок...», который наверняка будет прочитан с интересом.

И.В. Лопухин прославился не только мемуаром своим. Известны и принадлежащие его перу масонские труды, которые дают возможность сегодня лучше понять смысл и движущие силы русского масонства второй половины восемнадцатого — начала девятнадцатого столетия. Его «потаенные книги», предназначенные только «для своих», для масонов, с интересом читаются и сегодня. Это — «Духовный рыцарь», «Некоторые черты о внутренней церкви», «Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов» и другие. Эти труды Лопухина не раз переиздавали, последний раз — совсем недавно, уже в конце 90-х годов XX века.

Вернемся ненадолго к мемуарам. Лопухины, к сожалению, нечасто писали о себе, а если и писали, то, видимо, не считали это важным. Поэтому до наших дней не дошло почти никаких их воспоминаний. Лишь после революционного переворота и позднее, в эмиграции, появились некоторые их мемуарные сочинения.

В Петрограде в 1923 году были опубликованы отдельной книжкой «Отрывки из воспоминаний» бывшего директора Департамента

полиции А.А. Лопухина, которого мы уже упоминали. В них автор полемизирует с графом С.Ю. Витте, мемуары которого были к тому времени опубликованы, упрекая его в «забывчивости», а то и прямо в недобросовестности. Отрывок из воспоминаний А.А. Лопухина мы помещаем в последнем разделе книги. Уже за границей написали мемуарные очерки некоторые уехавшие из России Лопухины — Сергей Николаевич, описавший проделанный им еще в детстве путь от Москвы до Парижа через Тюмень, Омск и Харбин, растянувшийся на двенадцать лет; Татьяна Алексеевна, уехавшая с семьей сначала в Эстонию, потом в Германию и, наконец, в США, и некоторые другие. Их воспоминания мы с благодарностью цитировали в очерках, посвященных Лопухиным в изгнании.

Оставшимся в России представителям рода было не до воспоминаний. И все же действительный статский советник и камергер Владимир Борисович Лопухин, ставший волею судеб последним директором первого Департамента МИД Российской Империи, который при Временном правительстве был переименован в Департамент Общих дел, написал весьма интересный мемуар. Он служит одним из основных источников сведений о МИД России на переломе эпох. Воспоминания В.Б. Лопухина занимают более 400 страниц машинописного текста, но, насколько нам известно, полностью никогда не публиковались, хотя ряд отрывков и были напечатаны в эмигрантских изданиях, а теперь и в российских. Один из отрывков печатается в последнем разделе этой книги.

Вторым и, кажется, последним из Лопухиных, оставшихся в России, обратился к жанру мемуаров участник Второй мировой войны капитан дальнего плавания Олег Михайлович Лопухин. В одном из морских сборников он напечатал очерк о военных рейсах в северных водах России парохода «Диксон», на котором в годы войны он служил штурманом. У Олега Михайловича было легкое перо, он много сотрудничал с радио и телевидением, готовя для них рассказы о море и морях, однако больших воспоминаний не оставил.

Говоря о пишущих Лопухиных, невозможно обойти, пожалуй, самого крупного духовного писателя и издателя России последней четверти девятнадцатого — начала двадцатого столетия Александра Павловича Лопухина. Сразу отметим, что благодаря его трудам появилось привычное и известное всем словосочетание «Лопухинская Библия», столь же неразрывное в сознании книжников, как и «Остромирово Евангелие».

Александр Павлович, доктор богословия и профессор Петербургской Духовной академии, был православным мыслителем, духовным

писателем и переводчиком. Трудно перечислить все, написанное и переведенное им на русский язык. Подробнее об А.П. Лопухине можно прочесть в очерке о нем во втором разделе этой книги. Здесь же мы ограничимся тем, что назовем три важнейших его труда — «Библейскую историю при свете новейших исследований и открытий» в трех томах, «Православную богословскую энциклопедию» в 12 томах, которую он предложил и редактировал первые тома, и, наконец, двенадцатитомную «Толковую Библию», которую и по сей день называют «Лопухинской». Второй такой в России нет и не скоро будет. Эти главные труды Лопухина имеют непреходящее значение. В наши дни, на рубеже XX и XXI веков они были переизданы и в зарубежных странах, и в России по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Переизданы и некоторые переводы Александра Павловича. А перевел он такие фундаментальные труды, как Полное собрание сочинений одного из Отцов и Учителей Церкви Иоанна Златоуста в 12 томах и труд «Жизнь и труды святых Отцов и Учителей Церкви. Очерки церковной истории» британского богослова архидиакона Вестминстерского и капеллана Английской Королевы Ф.В. Феррара.

Без книг Александра Павловича Лопухина невозможно представить себе русскую богословскую мысль последнего предреволюционного периода в России, так же как трудно понять духовные искания русской эмиграции 20—60-х годов XX века без трудов другого Лопухина — Петра Сергеевича. Тридцатилетним юристом покинул он Родину после поражения Белого движения, и, обосновавшись в Сербии, стал церковным деятелем. Он оставил такие книги, как «Мысли митрополита Антония» и «Беседы с епископом Гавриилом», в которых сохранил для потомков живое слово этих почитаемых иерархов Православной Русской зарубежной церкви. Петр Сергеевич был составителем и редактором обширного тома «Деяний Всезарубежного Собора Русской зарубежной церкви 1938 года», а также «Деяний Епархиального Собора Западно-Европейской епархии 1948 года». В послевоенные годы П.С. Лопухин стал инициатором создания и главою общественного движения «Православное дело» и до самой кончины редактировал журнал «Православное обозрение». Он много писал. Его трактаты, статьи и очерки публиковались отдельными изданиями, в частности в Мюнхене. Несколько изданий в разных странах выдержала его книга «Православный человек», посвященная преподобному Серафиму Саровскому. А его труд «Святая Русь и Русское государство», увидевший свет в 50-х годах, недавно стал доступным и российскому читателю — он был напечатан в седьмом выпуске

альманаха «Дворянское Собрание» в Москве за 1997 год... И снова адресуем читателя ко второму разделу книги, где есть очерк о П.С. Лопухине, и к последнему, где помещена его работа «Святая Русь и Русское государство», не утратившая актуальности и сегодня.

Коль скоро мы заговорили о Лопухиных, оказавшихся в рассеянии, скажем коротко об интересном и глубоком исследовании Татьяны Алексеевны Лопухиной-Родзянко «Духовные основы творчества Солженицына». Эта книга вышла на русском языке в издательстве «Посев» в 1974 году и представляет собой диссертацию Татьяны Алексеевны, защищенную ею в Нью-Йоркском университете. За этот труд она получила степень доктора по русской литературе, пополнив ряд исследований творчества великого русского писателя, которые создавались за рубежами России и только недавно стали пополняться работами отечественных ученых. Издатель труда Т.А. Лопухиной-Родзянко считает, что она направила свое внимание на изучение А.И. Солженицына как писателя, раскрывающего духовный мир человека, отвечающего на вопрос — как и почему человек теряет или приобретает свое духовное содержание. Автор исследования приходит в конце концов к заключению: Солженицын как художник предостерегает человечество от трагических последствий предательства людьми Вечной Справедливости.

Конечно, исследованием о Солженицыне не исчерпывается вклад Лопухиных в науку, в ее разных отраслях и ответвлениях. Можно назвать интересные научные труды по лесоведению и лесопользованию, опубликованные специалистом в этой области Никитой Рафаиловичем Лопухиным, который работает сейчас в Канаде. Можно упомянуть о более чем ста научных трудах по медицине известного московского врача-гинеколога кандидата медицинских наук князя Вадима Олеговича Лопухина, опубликованных в специальных изданиях, и о его докторской диссертации, до защиты которой никак не доходят руки. Можно назвать еще многое... Но и без того очевидно, что род Лопухиных представлен на страницах русских книг достойно!

И, наконец, последнее, к чему мы хотим обратиться в этом очерке, — садово-парковое искусство. У нас, к сожалению, не так много сведений о специально разбитых садах и парках лопухинских усадеб. Но мы знаем, что все сколько-нибудь значительные дворянские усадьбы второй половины восемнадцатого — начала девятнадцатого столетия обязательно располагали парками, разбитыми в английском, реже — во французском стиле.

В России были сотни парков, из которых сегодня мы можем видеть лишь жалкие остатки — не более нескольких десятков, хотя

многие ансамбли представляли собою подлинные произведения искусства и вызывали восхищение просвещенных современников.

Лопухинские парки сохранились лишь частично и, конечно, далеко не везде, а только в самых известных усадьбах. С трудом, но можно представить себе парки подмосковных Ясенева, которое ныне уже вошло в черту города; Введенского; в Лопухине и Щелканове Калужской губернии, на Аптекарском острове Петербурга, бывшей загородной даче светлейших князей Лопухиных.

Удивительный парк, как, впрочем, и почти весь дворцово-парковый ансамбль, сохранился в городе Корсунь-Шевченковский южнее Киева. Когда-то это было богатейшее староство Корсунь, отошедшее при последнем разделе Польши в 1795 году к России и купленное в казну Императрицей Екатериной Великой у бывшего владельца известного князя Станислава Понятовского. В 1799 году Государь Павел Петрович подарил староство своему генерал-прокурору светлейшему князю Петру Васильевичу Лопухину. И он, и его сын, светлейший князь Павел Петрович, создали здесь уникальный парк, используя в полной мере природные особенности места. Один из современников писал о нем так: «Дикие скалы и изумрудные поляны, воды быстрой Роси и громадные обкатанные водою валуны, задумчивые деревья по берегам и легкие протоки, разделяющиеся на еще меньшие, над которыми перекинута легкая ажурная мостика, романтические аллеи, где не умолкает шум бегущей воды, мраморные статуи в этих аллеях... Сто двадцать пород деревьев — дубы, клены, липы, грабы, вязы, березы; густые, как шкуры зеленого зверя, травы, и в них — невиданные цветы. И тут же в траве — ручные павлины и фазаны, в водах быстрой Роси — лебеди, которые охотно берут лакомства из рук не верящим глазам своим гостей...»

Кое-что из этого удивительного описания можно увидеть и сегодня. Уже много десятилетий Корсунь объявлен государственным историко-культурным заповедником. В бывшем дворце Лопухиных сейчас — музей, а парк доступен каждому... О Корсуне — самом крупном и богатом лопухинском имении, насчитывавшем более 50 тысяч десятин земли и более восьми тысяч крепостных только мужского пола, — говорится и в главе о Лопухиных в архитектуре и строительстве, и, конечно, в той, что посвящена персонально его первому из русских хозяев светлейшему князю Петру Васильевичу Лопухину.

...А вот и еще один усадебный парк Лопухиных, описание которого сохранилось в литературе и в воспоминаниях современников. Хозяин его — уже не раз упоминавшийся на этих страницах сенатор Иван Владимирович Лопухин.

Савинское под Москвой удивляло многих. Нарочито простой усадебный дом — ни колонн, ни фронтонов; подчеркнуто простые интерьеры — скромные анфилады комнат, где стояла мебель работы местных ремесленников. Никакой роскоши, никаких излишеств. И рядом — не просто глубоко продуманный, но «философский парк», как сказал о нем бывший там Василий Андреевич Жуковский. Здесь, по свидетельству гулявших в нем, «все наводило на умные просвещенные мысли, на высокие чувствования и задумчивую созерцательность».

Известно, что Иван Владимирович сам до мельчайших деталей продумывал и даже заранее рисовал убранство своего парка в Савинском. Вот как описывает парк этой лопухинской усадьбы Василий Андреевич Жуковский:

«Я видел в саду Лопухина, находящемся в верстах 30 от Москвы в подмосковном его селе Савинском, скромную урну, посвященную памяти Фенелона. На ровном месте, где прежде было топкое болото, явились тенистые рощи, пересекаемые прекрасными дорожками и орошенные чистой, прозрачною, как кристалл, водою. Расположение сего сада прекрасно; лучшее в нем место есть Юнгов остров... Вы видите большое пространство воды. Берег осеен рощею, в которой мелькает Руссова хижина! На самой середине озера Юнгов остров с пустынической хижинкою и несколькими памятниками, между которыми заметите мраморную урну, посвященную Фенелону. На одной стороне урны изображена госпожа Гюйон, друг Фенелона, а на другой — Ж.-Ж. Руссо, стоящий в размышлении перед бюстом Камбрейского архиепископа... Остров осеен разными деревьями: елями, липами, березами и другими; его положение чрезвычайно живописно; всего приятнее быть на нем во время ночи, когда сияет полная луна, воды спокойны и рощи, окружающие берег, отражаются в них, как в чистом зеркале! Это место невольно склоняет вас к какому-то унылому, приятному размышлению».

Далеко не все в описании Жуковского понятно современному читателю — слишком далеко ушли мы от того внутреннего мира, который был характерен для наших предков два столетия назад. Остров посреди пруда с памятником французскому писателю Франсуа Фенелону, автору «Диалога мертвых» и «Приключений Телемака», был назван Юнговым в честь английского поэта Эдуарда Юнга, основателя целого направления в английской и европейской поэзии, получившего название «кладбищенского», все зачитывались его поэмой «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии». На том же острове высился и так называемый «Храм

дружбы», посвященный генерал-фельдмаршалу князю И.В. Репнину, одному из виднейших масонов своего времени.

В парке Савинского волею его хозяина были установлены и другие памятники — древнегреческому философу Диогену, который жил в своей бочке; китайскому философу Конфуцию, основавшему целое учение; проповеднику Кульману, сожженному в Москве в конце семнадцатого столетия, немецкому философу-идеалисту Лейбницу...

Среди памятников Савинского был и один в честь родственника, дяди хозяина Авраама Васильевича Лопухина, также бывшего масоном.

Современники писали о Савинском стихи. В поэме Жоржа Делиля «Садь», переведенной на русский язык А.Ф. Воейковым, читаем:

О Муза! Зрелищем роскошным утомлены,
В деревню поспешим под кров уединенный,
Туда, где Лопухин с Природой жизнь ведет,
Древ тенью Савинских укрывшись от забот;
Не знаешь, в сад его вошед, чему дивиться,
Куда скорей спешить, над чем остановиться,
Сюда манит лесок, туда — приятный луг;
Тут воды обошли роскошные вокруг;
Там Юнг и Фенелон, в дали кресты, кладбище
Напоминают нам и вечное жилище
И узы жизни сей; умеют научать,
Не разрывая их, помалу ослаблять.
Здесь памятник Гюен, сея жены почтенной,
Христовой ратницы святой и иступленной,
Которая, сложа греховной плоти прах,
До смерти, кажется, жила на небесах,
Которая славна и у врагов закона
Примерной жизнью и дружбой Фенелона...

Прекрасные стихи, но принадлежащие, правда, не Делилю, а самому Воейкову — он, оказывается, сам написал стихи, посвященные нескольким русским паркам, которые его поразили, и просто включил их в поэму француза, которую переводил на русский. Этому столько же сомнительному, сколько и счастливому для нас поступку Воейкова мы обязаны тем, что строки о Савинском дошли до наших дней и мы можем сегодня прочесть их.

Но не только Воейков писал о Савинском. Князь И.М. Долгорукий, весьма популярный в свое время поэт, также посвятил усадьбе Лопухина и ее парку большое стихотворение, которое мы приводим в сильном сокращении:

Я замучен злой тоскою
И неправдою людей,
Шел безвестною тропой
Ныть украдкой от друзей,
И внезапно очутился
Я в волшебной стороне;
Протирал глаза, крестился,
Уж не грезится ли мне...

Там нашел я сад обширный
В островах между дорог,
В чувствах сельской жизни мирной
Чистым сердцем зрится Бог.
Там всё — Веры возношенье,
Истой мудрости отлив,
Каждый взгляд — есть поученье,
Каждый шаг — иероглиф.

Там, во храмине широкой,
При потоке чистых вод
Открывается высокий
На столбах стоящий свод;
Он героя вспоминает,
Богатырский век златой,
Решнина изображает
Имя яркою чертой.

Здесь угрюмый озирался
С удивлением Сократ,
Истукан его шатался —
Он хотел бежать назад.
Сколько Север ни гордится
Поднебесною своей;
Счастлив тот, кому родиться
Там случилось, где теплей!..

Между тем пора мне было,
Кончив странствие свое,
Пробираться в мое жили.
Рассказать домашним все.
Но за кем же, думал ныне,
Столько миленьких затей? —
Кто успел на десятине
Снять экстракт Вселенной всей?

На мои недоуменья
Недалеко был ответ:
Стул, который для сиденья
В дубе, жившем двести лет,
Очень выдолблен прекрасно,
Стоя на поле один,
На письме казал всем ясно:
Здесь помещик Лопухин.

Замечательный парк Ивана Владимировича до нас не дошел. Известный историк русских дворянских гнезд А.Н. Греч писал о Савинском в своем «Венке усадьбам»: «Парк погиб. Участь этих любопытных камней оказалась неожиданной и печальной. Часть из них употреблена была в качестве грузил на неподалеку находящихса ткацких фабриках, иные были использованы хозяйственным образом — на деревне в качестве угловых камней, держащих срубы крестьянских изб. На это дело пошел, например, памятник Эккертгаузену — подробная надпись, ему посвященная, до сих пор может быть прочитана. Другой камень, возможно посвященный Солнцу, с латинской полустертой надписью, был положен у деревенского колодца и служит теперь для точки лопат — едва различимы на нем несколько награвированных когда-то слов. Лишь одна памятная плита, глубоко вросшая в землю, осталась в парке Савинского — в бывшем парке. Это камень, посвященный Квирину Кульману, на одном из наиболее живописных островов. «Остановись, прохожий, и вздохни о страдальце» — гласит надпись в духе чувствительных веяний, столь типичных для рубежа XVIII и XIX веков».

Другой исследователь русской усадьбы, В.И. Новиков так писал по поводу приведенных выше замечаний А.Н. Греча:

«Горько читать эти строки. Невольно вспоминаются слова Н.А. Бердяева, что, «в пламени костров, зажженных революцией», сторели не только дворянские усадьбы, но «сторело все русское творчество и все русские предания».

...И все-таки не все сторело... Осталась память об усадьбах, о людях, их населявших и украшавших, и останется до тех пор, пока существуют те, кому эта память греет сердца. Подтверждение — эта книга...

ЛОПУХИНЫ В АРХИТЕКТУРЕ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ*

Не просто подобрать канву, на которой удалось бы вывести узор или хотя бы очертить контуры нашей темы: Лопухины в архитектуре и строительстве. На одном полюсе ее — многовековая история рода, а в ней жизнь и дела отдельных его представителей, на другом — такое специфическое явление культуры, как архитектура и строительство, особая область созидательной деятельности человека.

Судьбы индивидов, семей, целых родов, как известно, испытывают на себе превратности времени. Род Лопухиных — не исключение: длительное возвышение, высший взлет, быстрое падение, включавшее пытки, казни, опалы, затем снова набор чиновных и служебных высот и стабильное пребывание в верхушке высшего слоя общества Российской Империи... И архитектурные творения, как все материальное в этом мире, подвержены изменениям. Стареют, нуждаясь в поправках, здания, изменяют свой облик в перестройках или вовсе исчезают, уступая место новым сооружениям. Подвижны в исторической перспективе эстетические представления и вкусы, стимулируя смену художественных стилей. Стремительную изменчивость их можно наблюдать нередко на примере одного и того же здания, принадлежащего иногда одной и той же фамилии.

Понятно, что дать объективную оценку вклада, внесенного в отечественную архитектуру и строительство Лопухиными, как заказчиками, будет очень трудно. В большой и сложной истории рода известно немало случаев, когда построенное ими переходило в другие руки, утрачивая связь с заказчиками зданий. Бывало и наоборот —

* Автор раздела — Л.А. Перфильева, искусствовед, историк архитектуры, научный сотрудник института «Спецпроектреставрация».

в силу каких-либо обстоятельств имя Лопухиных навсегда закреплялось за архитектурными сооружениями, возведенными без их волевого или материального участия. Пример — Лопухинские палаты и Лопухинская башня Новодевичьего монастыря в Москве, которые строились не Лопухиными и не для Лопухиных, но оказались связанными в народной памяти с опальной супругою Царя Петра I Царицей Евдокией Федоровной, урожденной Лопухиной, которая жила в этих палатах возле этой башни после возвращения из ссылки.

У нас нет материала, чтобы доказательно говорить о новгородских постройках XIV века, связанных с именем Лопухиных. Они наверняка были, может быть, сохранились или найдены недавно, потому что Лопухины бывали и боярами новгородскими, а один, кажется, даже посадником, и, конечно, что-то строили в городе. Мы начнем рассказ с более позднего времени, когда братья Лопухины выехали из Новгорода в Москву, на службу к Великому Государю Московскому и всея Руси Ивану III. Начиная с конца пятнадцатого столетия они верой и правдой служили Москве и, сохраняя за собою старинные вотчины в новгородских и тверских землях, выслуживали новые поместья на исконных землях московских. В первой половине и к середине семнадцатого столетия — их имена среди воевод и стрелецких полковников, среди дворян московских и жильцов на Государевом Дворе, а их вотчины появляются на «опасных», тщательно охраняемых западных землях Москвы. Во второй половине века Лопухины — «ближние люди»: стольники, окольнічи, бояре; они — видные руководители Посольского приказа, члены дипломатических миссий, участники Земских соборов. Успехи Лопухиных по службе вознаграждались жалованием поместий, вотчин, городских дворов. К последней четверти XVII века Лопухины были уже среди наиболее знатных, сильных и состоятельных дворянских родов в России.

Сохранилось, к сожалению, очень немного документов, по которым можно судить о лопухинских городских дворах, домах и сельских вотчинах. Одна из наиболее старинных известных вотчин — 450 четей земли с двумя деревнями и селом, полученных за службу в 1584 году Никитой Васильевичем Лопухиным в «украинном» тогда Мещовском уезде, ныне это Калужская область. Это «лопухинское гнездо» служило многим поколениям семьи. От Никиты Васильевича вотчина перешла к его сыну Аврааму Никитичу, видному деятелю времен Алексея Михайловича, служившему дворецким у супруги Царя Царицы Натальи Кирилловны, урожденной Нарышкиной. Аврааму Никитичу наследовал сын Илларион Авраамович,

ставший в боярстве Федором и отцом Царской невесты, а затем и тестем Царя Петра I Алексеевича.

Замужество Евдокии Федоровны Лопухиной, ставшей волею Божией последней Русской Царицей, — высшая точка возвышения Лопухиных. Ее отец боярин Федор Авраамович вместе с братьями боярами Петром Большим Лапкою, Петром Меньшим, Кузьмою, Василием и Сергеем Авраамовичами составили в те времена мощный родовой клан.

Случилось так, что окраинный Мещовский уезд стал родиной двух Русских Цариц — Царицы Евдокии Лукьяновны урожденной Стрешневой, супруги Царя Михаила Федоровича и бабушки Царя Петра I, и Евдокии Федоровны, урожденной Лопухиной, родившейся в 30 верстах от Мещовска в селе Серебряном, центре лопухинской вотчины, о которой мы уже говорили. А в самом Мещовске был древний Георгиевский монастырь. Разоренный в Смутное время, он был восстановлен Стрешневыми в 20—30-х годах XVII века на новом месте в двух верстах от города. Впоследствии там погребли Царицу Евдокию Лукьяновну. Почитая ее своею благодетельницею, отец Царской невесты взял на себя попечительство над Георгиевским монастырем. В конце XVII — начале XVIII века Лопухины соперничали щедростью своих вкладов в Георгиевский монастырь со Стрешневыми и даже с Царской фамилией — Царевичами Петром и Иоанном, почитавшими свою бабушку и жаловавшими большие деньги на строительство в монастыре.

Документы гласят, что «первыми отозвались на построение церкви каменной особы Царского Дома в память своей благочестивой сродницы Евдокии Лукьяновны: Царь Федор Алексеевич, Царь Иоанн Алексеевич и Царь Петр Алексеевич, получивший новое побуждение благотворить сей обители, потому что супруга его Евдокия Федоровна родилась и выросла вблизи Мещовской обители в селе Серебряном. Примеру Царского Дома последовали окрестные бояре и всякого чину люди...» — говорится в «Историческом описании Мещовского Георгиевского мужского общежительного монастыря», изданном в 1864 году.

А в «Окладной книге» монастыря за 1681—1699 годы среди вкладчиков из рода Лопухиных упомянуты: Петр Авраамович Лопухин Большой, Федор Авраамович, отец Царицы, Петр Авраамович Меньшой, Илларион Иванович, Михаил Васильевич, Кузьма Аверьянович и его сын Федор Кузьмич — ближайшие родственники Царицы Евдокии. Они жертвовали на строительство храма и иных зданий, монастыря, на приобретение церковных книг, шитье обла-

чений, церковную утварь, золоченые кресты на купола, на покупку лошадей для монастыря, на пропитание братии...

В тайниках Георгиевского монастыря хранилась лопухинская казна, но в 1719 году, после казни родного брата Царицы, монастырь был разорен. Тогда же, видимо, была разорена и разграблена усадьба боярина Федора Авраамовича Лопухина в селе Серебряном, где родилась и выросла опальная к тому времени Царица. Из документов мы знаем, что в этом селе был большой каменный дом — палаты, которые соединялись каменной галереей с каменной же церковью. К сожалению, нет никаких указаний на архитектурный облик этой усадьбы.

Ничего этого до наших дней не дошло. Но на калужской земле и в дальнейшем оставались крупные земельные владения Лопухиных, положившие начало вотчинным экономическим хозяйствам, а позднее и дворянским усадьбам. Старинные вотчины Лопухиных, конечно, были устроены в соответствии с традициями времени — обязательные пруды с плотинами и рыбными ловлями, вотчинный двор, конный двор, огороды, сады... Возле дома всегда ставили церковь. До конца семнадцатого столетия большинство их были деревянными. Многие из них исчезли, но некоторые были заменены на каменные, как самими Лопухиными, так иногда и сменившими их новыми хозяевами поместий.

...Вернемся, однако, к началу последнего десятилетия XVII века. Родство с Царским Домом во многом изменило положение Лопухиных в России. Дав им новые, небывалые прежде материальные возможности, оно же, впервые для этого рода, настоятельно потребовало и соответствующих внешних представительских признаков родства с Царями. Первым из них был, конечно, дом, московская резиденция.

В самом центре Москвы, в нынешнем Малом Знаменском переулке, до сих пор сохранились, хоть и в перестроенном виде, старинные и роскошные, построенные с большим размахом боярские палаты, принадлежавшие отцу Царицы и тестю Царя Петра. Ближний боярин Федор Авраамович Лопухин повелел возвести для себя обширное трехэтажное строение на сводчатом белокаменном подклете, со сквозной проездной аркой, высоким кирпичным этажом и деревянными хорами наверху. Недостатка в строительном материале и умелой рабочей силе не было — брат строителя палат, боярин Петр Авраамович Меньшой, управлял тогда Приказами Каменных дел и Большого дворца. Не было недостатка и в средствах. И дворец получился на славу — настоящий отчий дом Русской Ца-

рицы. В лучшие времена Лопухиных в этом дворце наверняка бывал и сам Царь Петр...

К лопухинскому дворцу примыкал огромный участок, простиравшийся вплоть до Пречистенки и включавший в себя часть нынешнего Большого Знаменского переулка и дома до стены Белого города — теперешнего Пречистенского бульвара. На этой обширной территории были и сад, и огород, и теплицы, а также постройки конного двора, каретные сараи, погреб, поварни и многочисленные людские.

Тот, кто побывает сегодня в бывших палатах Царского тестя, должен иметь в виду, что фасад здания с колоннами, выходящий на Малый Знаменский переулок под номером 3 — там располагается сейчас Фонд и Музей Н.К. и С.Н. Рерихов, — стал таким, каким мы его видим сейчас, лишь в конце восемнадцатого столетия. Но если обогнуть здание, то можно увидеть дворовый фасад, отреставрированный в духе конца XVII века. Со двора хорошо видны и белокаменный подклет, и высокий кирпичный этаж, и декор, некогда украшавший весь дом, и заложённые ныне двери верхних этажей, куда вели исчезнувшие ныне наружные лестницы. Можно различить абрис свода заложённого позже сквозного проезда, ведущего под верхними этажами во внутренний двор... Так и видишь, как в парадные ворота со стороны Колымажного двора въезжает колымага или возок, как мигает передний парадный двор и сквозь арочный проезд попадает во двор внутренний. Ближний боярин выходит и направляется к правой лестнице, ведущей вверх, в парадные комнаты второго этажа... О внутреннем убранстве дома сегодня судить трудно, но, очевидно, убранство было великолепным, были и картины, и ковры, а среди традиционной русской дворцовой мебели случались и «европейские штучки» — вкусы Царя Петра были известны, и Царский тесть не мог ими пренебречь...

Расположение лопухинского двора именно в этом месте Белого города, в древнейшей части Занеглименья, уже само говорит о высоком положении рода в конце XVII века. К этому времени здесь образовался плотный массив обширных загородных — по отношению к Кремлю, конечно, — усадеб тогдашней высшей аристократии: Апраксиных, князей Голицыных, Волконских, Трубецких. Сами размеры дворца Лопухина, характер его архитектуры и богатство внутренней отделки вполне соответствовало весу и значению боярина Федора Авраамовича, как Царского родственника. При недавней реставрации дворца, который не раз перестраивался в XVIII и XIX веках, был выявлен общий характер первоначальной планиров-

ки лопухинского дома, детали внутреннего убранства, богатый декор фасадов в традициях московской школы гражданского зодчества последней четверти семнадцатого столетия.

Четверть века спустя после кончины боярина Федора Авраамовича, а он скончался в 1713 году, дворец этот и весь боярский двор еще продолжали числиться в его владении. Но в 1774—1775 годах усадьба Лопухина была приобретена казною, объединена с соседними владениями князей Голицыных и Долгоруковых и вошла как составная часть в обширный ансамбль, получивший название Пречистенского дворца.

Работами по его созданию руководил известный русский архитектор Матвей Федорович Казаков. Перестраивая все эти здания в традициях архитектуры строгого классицизма, зодчий стремился придать всему ансамблю единообразие и торжественность, соответствующие назначению Пречистенского дворца. Ему предстояло сыграть роль Императорского на время пребывания в Москве Императрицы Екатерины Великой, которая ожидалась в Первопрестольной на торжества по случаю подписания в 1774 году с Турцией известного Кючук-Кайнарджийского мира. Чтобы придать Пречистенскому дворцу классические формы, Казаков приказал стесать на фасадах и в интерьерах старинных лопухинских палат весь пластический декор, разобрать и стесать междуэтажные и венчающие карнизы, вместо разнокалиберных старых прорубить новые одинаковые прямоугольные окна. Подверглась изменениям и планировка здания, получившая по воле Казакова черты дворцовой архитектуры его времени: появилась новая парадная лестница, анфилада богато украшенных залов и т. д.

В дальнейшем, на рубеже XVIII и XIX веков, дворец по желанию уже нового владельца был снова перестроен. Именно тогда главный фасад здания украсил существующий и поныне портик с треугольным фронтоном и шестью широко расставленными колоннами. И только совсем недавняя реставрация вернула нам, и то лишь со стороны дворового фасада, примерное представление о первоначальном виде роскошных боярских палат — свидетелей лучших дней рода Лопухиных.

Чтобы закончить разговор о владениях отца Царицы Евдокии, обретенных в конце XVII века, следует назвать еще и Ясенево. Это была старинная Царская вотчина, упомянутая еще в духовной грамоте Великого Князя Ивана Даниловича Калиты. Позднее это подмосковное дворцовое село переходило от одного члена Царского рода к другому, пока в 1690 году Царь Петр Алексеевич не пожа-

ловал его по случаю своей свадьбы тестю, боярину Федору Авраамовичу, в наследственное владение, но с одной оговоркой: «а в монастыри тое вотчины не отдавать». Уж очень хороша была эта подмосковная...

В деле Вотчинной коллегии есть такая запись конца XVII века: «Село Ясенево на пруде, а в нем церковь Знамения Пресвятой Богородицы деревянная, верх шатровый с папертью, да у той церкви другая во имя святых великомученицы Софы...» А в Переписной книге дворцовой за то же время говорится: «Что было в дворцовом ведомстве село Ясенево на суходоле, а в том селе двор боярский, да двор конюшенный, да двор скотный, да 8 дворов деловых людей и 26 дворов крестьянских и бобыльских...» Особенно же славилось Ясенево садами, их было два, «и превеликие», и росли там такие фруктовые деревья, «каких лучше на Москве не бывало»...

Оговоримся, что Царский тесть ничего нового в Ясеневе не строил, пользовался уже готовыми постройками. Поэтому об этом селе и его архитектурных памятниках, заслуживающих внимания, мы поговорим позже, когда речь пойдет о других Лопухиных, много строивших в Ясеневе.

Вернемся к оговорке в Царском указе о жаловании Ясенева Федору Авраамовичу. Царь Петр запрещал отдавать село в качестве вклада в монастырь, потому что знал за своим тестем такую слабость: был боярин Федор Лопухин богомолен и благочестив и обязанностью своею почитал посильные вклады в монастыри, строительство церквей и жертвования на храмы Божии — на помин души, и своей, и жены, детей, и многочисленных своих сродников. Даже сохранившиеся документы — а дошли до нас, конечно, не все — показывают, что в благотворении боярин Федор Авраамович не ограничивался только попечением над Георгиевским монастырем в Мещовске. Лопухин, кроме того, был главным вкладчиком и в Мещовский Афанасьевский девичий монастырь, где в 1700 году, уже будучи в немилости у Царя, он построил на свои средства храм Петра и Павла с двумя приделами. Не оставил своим вниманием боярин Федор и другие обители калужской земли — Тихвинскую пустынь и Лаврентьевский монастырь в Калуге, а также Вознесенский девичий монастырь в Козельске...

На этих страницах будет названо немало и других монастырей и храмов, коим щедро покровительствовал отец последней Русской Царицы, в которых он был и строителем, и жертвователем. Эта черта — щедрые вклады в храмы Божии — стала в роде Лопухиных наследственной. Много церквей в своих сельских усадьбах и город-

ских приходах построили члены этой фамилии. Некоторые из них сохранились до наших дней, но большинство подверглись общей участи Божиих храмов на многострадальной русской земле.

Однако всем последующим Лопухиным строить было труднее, чем Царскому тестю и его братьям. Уже упоминалось, что боярин Петр Лопухин Меньшой ведал Приказом каменных дел и Приказом Большого дворца, то есть непосредственно распоряжался всеми строительными ресурсами государства. Кроме того, тот же Петр Меньшой владел имениями в Ярославском крае, где крестьяне по традиции были лучшими на Руси каменщиками. Сыграло свою роль и то, что Царь Петр Алексеевич, первое время щедрый на подарки новым родственникам, подарил тестю в день свадьбы село Дунилово Владимирской губернии. Названное именем Царской невесты — от имени Дуни, Евдокия, — оно было знаменито своими мастерами: каменщиками, резчиками, кирпичниками, «иных дел искусными людьми». И свое село они изукрашили необыкновенно — в Дунилове было четыре монастыря и 12 церквей, красоте которых дивились все, их видевшие. Многие из них сохранились до наших дней и радуют глаз совершенными пропорциями и узорочьем. Кстати сказать, некоторые из них возведены тщанием Лопухиных. Конечно, дуниловские мастера работали и на других лопухинских стройках.

Мы говорили до сих пор о разных монастырях и храмах, которые строил или помогал строить боярин Федор Авраамович. Но самым известным творением в храмиздании, предпринятом в то время Лопухиными, стал храм Михаила Архангела в Спасо-Андрониковом монастыре в Москве, монументальная и прекрасная каменная церковь конца семнадцатого столетия.

Принято считать, что храм этот возводился иждивением Царицы Евдокии Федоровны Романовой, урожденной Лопухиной, и считался ее вкладом в монастырь. Но справедливо будет предположить и инициативу, а также средства и возможности ее ближайших родственников — отца и его братьев, решивших заняться устройством родовой усыпальницы Лопухиных в старинном и почитаемом московском монастыре.

К тому времени Спасо-Андроников монастырь, бывший когда-то загородным, вошел в черту Москвы, располагаясь на границе Алексеевской, Рогожской-Ямской и Лефортовской слобод. К стенам монастыря подступали тогда собственные земельные владения Лопухиных — ближнего боярина Федора Авраамовича на берегах Яузы и его брата боярина Петра Авраамовича Большого в Лефортовской

слободе. Соседями последнего были ближайшие любимцы Царя Петра, усадьбы которых располагались неподалеку.

В конце семнадцатого столетия участие в благоустройстве монастырей было не только богоугодным делом во имя спасения души, но и приметой значительности рода, его близости к Государю. Устраивая свою усыпальницу в Спасо-Андрониковом монастыре, Лопухины всего лишь продолжали традицию, положенную ранее наиболее знатными и близкими к престолу боярскими родами — Романовыми, погребавшими своих близких в Ново-Спасском монастыре; Нарышкиными, избравшими для этого Высоко-Петровский монастырь; Апраксиными, хоронившими родных в старинном Златоустовском монастыре в Москве.

Храм Михаила Архангела начали возводить в ограде монастыря в 1691 году, через год после смерти матери Царицы Евдокии и вскоре после рождения наследника престола Царевича Алексея Петровича. В нижней церкви храма с престолом во имя иконы Знамения Божией Матери была устроена лопухинская усыпальница. Над ней расположилась церковь с престолом во имя Архангела Михаила. Здесь же с северной стороны был устроен придельный храм во имя Святых апостолов Петра и Павла — небесных покровителей Царя Петра Алексеевича. Верхний ярус занимала церковь во имя Святителя Алексия, митрополита Московского, небесного патрона маленького Царевича.

Здание храма было в основном закончено в 1694 году, но довершено и освящено только в 1739-м. Такой большой перерыв объясняется и опалой Царицы Евдокии, и тем, что вскоре в Москве было запрещено любое каменное строительство — и камень, и каменщики отправлялись в Петербург. В любом случае очевидно, что даже разговоры об окончании и освящении этого храма стали возможны через несколько лет после смерти и Царя Петра Алексеевича, и его второй жены Екатерины Скавронской.

Размеры храма и его место в общем ансамбле монастыря были определены тем, что его поставили рядом с двухэтажной трапезной, построенной в 1504—1506 годах. Высокий трехэтажный четверик Михаило-Архангельского храма был присоединен к восточной стене трапезной. Вертикальную композицию церкви увенчал световой восьмерик, над которым на постаменте была вознесена луковичная главка. До начала XIX века, когда архитектор Родион Казаков построил новую надвратную колокольню Спасо-Андроникова монастыря, изящный и стройный силуэт Архангельского собора доминировал в ансамбле обители и во всей прилегающей местности.

Эту церковь принято относить к высоким образцам «нарышкинского барокко». Думается, было бы правильнее говорить о «московском барокко», поскольку храм-усыпальница ощутимо отличается от классических «нарышкинских» храмов с их яркой цветовой гаммой и кружевным декором фасада. В лопухинском храме все строже, спокойнее, рациональнее. Главным в создании художественного образа Архангельского храма стал не интересный декор, но укрупненный абрис постройки, четкость ее композиционной структуры и изысканный силуэт, порожденный строгими пропорциями здания. То же представляется главным и в характере внутренних помещений. Даже сегодня, когда утрачены все элементы внутренней отделки храма — иконостасы, настенная живопись и т. д. — сама организация внутреннего пространства, перекрытого легкими сводами и хорошо освещенного, производит большое впечатление. Храм Михаила Архангела порождает ощущение силы, спокойствия, ясности и чистоты. Может быть, в этом следует видеть и наиболее общее проявление духа, свойственного лучшим представителям рода Лопухиных...

Многие из них покоятся в этом храме: боярин Петр Авраамович Лопухин Большой по прозвищу Лапка; ближний боярин Федор Авраамович Лопухин, Царский тесть и отец последней Русской Царицы; боярин Кузьма Авраамович Лопухин; боярин Василий Авраамович Лопухин; Наталья Федоровна Толстая, урожденная Лопухина, генерал-аншеф Василий Авраамович Лопухин, герой Семилетней войны, во многом способствовавший занятию русскими войсками Берлина в 1760 году, и многие другие. И даже останки казненного в 1718 году брата Царицы, после почти годового пребывания на месте казни, были доставлены сюда.

Страшный XX век не пощадил Спасо-Андроников монастырь и усыпальницу Лопухиных. Некрополь монастырский был официально уничтожен в 20-х годах. Узнав о фактах вандализма, монастырь посетили в 1925 году крупные музейные работники И.Э. Грабарь, В.А. Мамуровский, Н.Г. Машковцев и другие. Они увидели валявшиеся на земле железные ворота XVIII века, разбитые надгробья в усыпальнице Лопухиных, множество опрокинутых и разбитых памятников на монастырском кладбище. В 1947 году известный П.Д. Барановский составил план монастыря с реконструкцией некрополя — среди нанесенных на него могил были четыре лопухинские. Научные работники Центрального музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева, который сейчас располагается в монастыре, считают, что на монастырском кладбище находился один из самых крупных в России фамильных некрополей — это могилы представите-

лей рода Лопухиных. Лопухиных здесь хоронили и в Спасском соборе, и в Знаменской церкви, и на монастырском кладбище за алтарем храма Михаила Архангела, и за алтарем Спасского собора. Группа сотрудников музея работает сейчас над изучением и восстановлением некрополя Спасо-Андроникова монастыря.

Кстати, Спасо-Андроников монастырь — не единственный некрополь Лопухиных. Среди других известны в Подмосковье — Тихвинская церковь в селе Авдотьино Бронницкого уезда, Екатерининская пустынь Подольского уезда, Борисоглебский монастырь города Дмитрова, а также погост Карачуницы Порховского уезда Псковской губернии, Церковь Преображения Господня в Туле и ряд калужских усыпальниц, строителями большинства которых были покоящиеся там Лопухины.

...До сих пор мы говорили главным образом о постройках времен Царицы Евдокии, которые создавались волею ее отца и дядей. Но в Москве да и в других местах России Лопухины строили и ранее. Хочется вернуться на несколько десятилетий назад и рассказать о владениях и постройках, возведенных представителями рода в первой половине и в середине семнадцатого столетия.

Именно в то время в аристократическом районе Белого города Московского, на Ивановской горке — между нынешними Маросейкой и Покровкой с одной стороны и берегами рек Москвы и Яузы — с другой, — на месте скрытых к тому времени великокняжеских фруктовых садов стал формироваться новый массив жилой застройки. В те времена дворовые участки здесь жаловал сам Царь Алексей Михайлович. Одно из крупнейших событий его царствования — сближение с Украиной, а затем и воссоединение ее с Россией. Здесь, на Ивановской горке, получили дворовые места многие деятели, способствовавшие этому событию, а также видные выходцы из Малороссии, с охотой пришедшие под высокую руку Московского Государя. Об этом до сего времени напоминает топонимика района: вспомним хотя бы улицу Маросейку (Малороссийку) или Хохлов переулоч (хохлами называли украинцев).

В присоединении Украины к России не последнюю роль сыграли Лопухины. Видным дипломатом в то время был Илларион Дмитриевич Лопухин, игравший одну из первых ролей в Посольском приказе. Он лично участвовал в переговорах с гетманом Богданом Хмельницким, а также в разработке и подписании договора о воссоединении России и Украины. И другие Лопухины участвовали в малороссийских делах. Поэтому немало лопухинских владений появилось в этой части Белого города, и многие Лопухины оказались

соседями знатных выходцев из Малороссии, да и других иностранцев, которых Царь жаловал землею в своей столице.

Случилось так, что здесь же оказались владения и других Лопухиных, которые получили их за другие службы. Одно из самых крупных принадлежало Петру Авраамовичу Лопухину Большому по прозвищу Лапка. Его земля тянулась с севера от нынешней Покровки на юг по гребню возвышенности, занимая все пространство между сегодняшними Старосадским и Колпачным переулками. Скорее всего, это имение досталось ему от отца Авраама Никитича. Он был московским дворянином и головою стрельцов, состоял в дружбе с Нарышкиными, занимал высокое место при Дворе Царицы Натальи Кирилловны. Позже он участвовал в Русском посольстве в Константинополь. Его положение и влияние в государстве не осталось незамеченным иностранцами: на одном рисунке с натуры, сделанном во время пребывания в Москве Цесарского дипломата барона А. Мейерберга, «канцлер Авраам Лопухин», как свидетельствует подпись, был изображен в непосредственной близости от Государя, по правую руку от него. Позднее Авраам Никитич стал боярином, при Царе Федоре Алексеевиче участвовал в Земском соборе, уничтожившем местничество, и окончил дни свои схимником Троице-Сергиева монастыря.

Старший сын его не только унаследовал отцовские вотчины, но существенно увеличил богатство фамилии собственными заслугами, участвуя во многих военных походах. Будучи стрелецким полковником, он первый пришел со своим полком к еще маленьким Царям Петру и Иоанну Алексеевичам. Вернейшим слугою Царя Петра он был и позже, когда его племянница стала Русской Царицей. Превратности судьбы коснулись их обоих. О судьбе Петра Авраамовича Большого мы подробно рассказываем в другом очерке. Здесь же упомянем лишь о том, что он уделял немалое внимание устройству своей усадьбы, частично сохранившейся в нынешнем Старосадском переулке.

Усадьба боярина П.А. Лопухина Большого, по преданию, соседствовала с обширным владением, принадлежавшим гетману Ивану Степановичу Мазепе. Жилые строения лопухинской усадьбы включали каменные палаты, не уступавшие по размаху и художественному решению наиболее значительным памятникам гражданского зодчества Москвы семнадцатого столетия. От всех старинных сооружений до нашего времени случайно дошла лишь небольшая «каменная палатка» со сводами и следами фасадного декора — это нынешний дом номер 3 по Старосадскому переулку.

Петр Авраамович прямого потомства не оставил, поэтому с середины XVIII века его владения начинают дробиться. Часть переходит к его родственникам. Одним из них был выдающийся военачальник генерал Владимир Иванович Лопухин, верой и правдой служивший шести Российским Императорам. После кончины генерала усадьбой владел его сын Иван Владимирович — крупный государственный деятель трех царствований, выдающийся просветитель, публицист, мемуарист и масон, устроивший здесь и знаменитую тайную типографию, печатавшую масонские сочинения.

Генерал В.И. Лопухин в 60-х годах XVIII века обновил доставшиеся от дяди старинные палаты, сделал к ним пристройку в стиле «московского барокко». В том же стиле, видимо любимом генералом, была построена и каменная церковь Воскресения Господня в орловской вотчине его — селе Большие Ретяжи, сохранившаяся до наших дней.

В 1812 году дом Лопухиных в Старосадском переулке горел, а через пять лет, после смерти его последнего владельца из этого рода Ивана Владимировича Лопухина, был куплен прихожанами для строительства лютеранской церкви во имя Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла. К этой церкви, заложенной в 1818 году в присутствии бывшего тогда в Москве Прусского Короля Фридриха Вильгельма III, отошла лишь южная часть владений Лопухиных. На строительство церкви пошел кирпич от разобранных старинных палат. Другая часть владения была продана в 1763 году московскому купцу Е.Ф. Киппену. Позднее случались все новые и новые перестройки, которые совершенно преобразили старинный ансамбль в новую классическую усадьбу.

В этом же районе, как мы уже говорили, располагались и другие владения Лопухиных в нескольких поколениях. Одно из них — городская усадьба на углу Хитровского переулка. В середине XVIII века она на полстолетия перешла к князьям Волконским, а позже была продана купцу А.А. Кирьякову. Единственное сохранившееся здесь историческое здание — двухэтажный флигель, выдержанный в канонах строгого классицизма. Исследователи считают, что здание это сохраняет в своей планировке черты старинной постройки, восходящей к лопухинскому периоду владения.

Другая усадьба Лопухиных на Ивановской горке сохранилась в бывшем Большом Трехсвятительском, а ныне — Большом Вузовском переулке. На чертеже 1822 года она имеет все характерные черты классической усадьбы восемнадцатого столетия: каменный дом в глубине двора, деревянные служебные постройки, огород, в южном углу

усадьбы изба «для солдатского постоя». Дом, удлинённый пристройками в первой четверти века, поставлен как бы поперек участка. К западу от него на высоком пригорке — сад. На садовом фасаде дома — полукруглая терраса. Парадный фасад выходит на широкий парадный двор. В начале девятнадцатого столетия это владение принадлежало бригадирше Дарье Ивановне Лопухиной, урожденной Павловой. Бригадир Федор Адрианович Лопухин скончался в 1811 году, а его вдова хозяйствовала здесь еще долго. А имение это перешло к ним от отца мужа Адриана Адриановича, который был статским советником, крупным помещиком и предводителем дворянства Никитского уезда Московской губернии. Усадьба эта была в лопухинском владении до 1860 года, когда была продана неким Морозовым.

Весьма интересна и одна из лопухинских церквей Ивановской горки. Храм во имя Святой Троицы в Хохловке — ее нынешний адрес Хохловский переулок, 3, — своего рода уменьшенная копия храма-усыпальницы Лопухиных во имя Михаила Архангела в Спасо-Андрониковом монастыре. Примечательно, что и эта церковь имеет мемориальное значение. Этот храм возведен в 1696 году на месте обветшавшей деревянной церкви с тем же престолом на средства Евдокии Авраамовны Лопухиной — жены окольного Н.Н. Чирикова в память о безвременной кончине их дочери Неонилы. По сведениям историка А.Ф. Малиновского, красавица и общая любимица Неонила скончалась в невестах, и храм был построен на средства, предназначенные ей на приданое. Вот такая грустная история...

Храм этот можно увидеть и сегодня. Он выстроен из большемерного кирпича, украшен на фасаде белокаменными деталями. Это — характерный памятник «московского барокко»: восьмерик на четверике, но черты «нарышкинского» стиля видны в нем четче, чем в монастырском храме. В декоре фасадов этой церкви использованы полихромные поливные изразцы, выполненные, как полагают, известным мастером Степаном Полубесом, оформлявшим знаменитый собор Покрова Пресвятой Богородицы в подмосковном Царском селе Измайлове и другие выдающиеся памятники того времени.

Лопухины, жившие неподалеку, вкладывали средства и в строительство, и в украшение этой церкви. Были у нее и другие жертвователи. Одним из них называют известного дьяка Е.И. Украинцева, который жил в приходе этой церкви в роскошных палатах. Он был одним из знаменитых соседей Лопухиных на Ивановской горке, но первенство по числу усадеб и по их площади в этом месте Первопрестольной прочно удерживалось за лопухинским родом.

...Перечисленные здесь дома и усадьбы на Ивановской горке, как сохранившиеся частично до наших дней, так и известные только по документам, — лишь малая часть старинных владений Лопухиных в Москве. Полный перечень и топография их далеко не выявлены. Разные источники называют дом камергера А.А. Лопухина на Смоленском бульваре, загородный дом и сад генерал-аншефа В.А. Лопухина в Хамовниках, дворы генерал-поручика С.А. Лопухина в Спасо-Песковском переулке и на Петровском бульваре, дом Лопухиных на Большой Молчановке, где часто бывал Лермонтов, и некоторые другие. К московским достопамятностям, связанным с Лопухиными, следует отнести и так называемый «дом Хитрово» — Арбат, 53, — более известный как квартира Пушкина в Москве. Поэт поселился там с молодой женой сразу после свадьбы. Дом этот был собственностью, скорее всего частью приданого, Екатерины Николаевны Лопухиной, известной московской красавицы, состоявшей в браке с сенатором Никанором Никаноровичем Хитрово.

Одновременно со строительством городских и сельских усадебных ансамблей Лопухины неизменно возводили и храмы Божии. За столетие с небольшим — с конца XVII до первого десятилетия XIX века в городах и селах представители рода построили десятки каменных церквей. Только в Подмосковье это церковь во имя преподобного Сергия Радонежского в селе Могутово, принадлежавшем Петру Авраамовичу Лопухину Большому; церковь Иоанна Предтечи в селе Ивановское-Садки Звенигородского уезда, очень, кстати, похожая на храм Преображения Господня Новодевичьего монастыря; это церковь во имя Первоверховных апостолов Петра и Павла в селе Ясеневе, воздвигнутая Федором Авраамовичем Лопухиным; это Спасская церковь в селе Телешеве, принадлежавшем Петру Ивановичу Лопухину; это храм Воскресения Господня в селе Большие Ретяжи Владимира Ивановича и его сына Ивана Владимировича Лопухиных... Замечательной по своему архитектурному решению и убранству была церковь в селе Аксиньине, построенная Прасковьей Николаевной Лопухиной в имении ее мужа В.Д. Давыдова. Особенно много лопухинских храмов в Калужской губернии. Но все не перечислить, да это, наверное, и не нужно...

Немного известно о городских и загородных владениях Лопухиных в Петербурге. Надо полагать, опала рода, которой он подвергся со стороны неверного мужа Царицы Евдокии, стала причиной, по которой Лопухиных не оказалось в числе первых и главных застройщиков северной столицы, хоть им и принадлежали значительные земельные владения на Васильевском острове и в других частях города.

После смерти Царевича Алексея Петровича и казни его родственников Лопухиных они были переданы Царем графу Петру Андреевичу Толстому, видимо, за сомнительные «подвиги» в розыске Царевича и привлечении его из-за границы в Россию.

Правда, Лопухины и позже как бы сторонились града святого Петра, предпочитая оставаться москвичами. Москва всегда составляла своего рода консервативную оппозицию официальному и «передовому» Петербургу, и старинная знать лучше чувствовала себя в Первопрестольной столице. И все же о петербургских владениях Лопухиных мы расскажем, но несколько позже, когда речь пойдет о пребывании в столице светлейшего князя Петра Васильевича Лопухина.

Пока же останемся в восемнадцатом столетии и рассмотрим некоторые из лопухинских усадеб Средней России. На этих страницах уже упоминалось Ясенево. Это дворцовое село Царь Петр Алексеевич пожаловал своему тестю боярину Федору Лопухину, который спустя семь лет был сослан воеводою в Тотьму. До 1718 года Ясенево владел его сын, брат Царицы, Авраам Федорович, но и тот погиб на эшафоте, оклеветанный по «делу» Царевича Алексея. После возвращения из ссылки Царицы Евдокии Федоровны ко Двору в 1727 году, Ясенево было возвращено сыну казненного страдальца, ее племяннику, Федору Авраамовичу, который и стал создателем в этой бывшей Царской вотчине великолепного усадебного ансамбля. Благо возможности для этого у него были: Федор Авраамович был женат на одной из самых богатых невест своего времени Вере Борисовне, урожденной Шереметевой, дочери любимца Петра I прославленного фельдмаршала и первого российского графа Бориса Петровича Шереметева. Так в середине XVIII века в Ясеневе был разбит регулярный французский парк, построен нарядный дворец, даже целый дворцовый ансамбль из трех зданий в стиле «елизаветинского барокко» и изящная церковь во имя Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла.

Несмотря на многие утраты, переделки и реставрации, усадьба Ясенево по сей день сохраняет свою ценность, как единственный, цельный и законченный усадебный ансамбль восемнадцатого столетия. Главный элемент пространственной композиции — подлинный нижний, цокольный этаж дворца с остатками лестницы. Верхний деревянный этаж сгорел, но теперь воссоздан реставраторами в новом материале. Двум симметричным флигелям, перестроенным в эпоху ампира, также решено вернуть первоначальный облик. С таким решением можно соглашаться, можно не соглашаться, но стремле-

ние реставраторов объяснимо: они хотят вернуть Подмоскovie хотя бы один цельный памятник усадебного зодчества эпохи барокко. И пусть этим памятником станет старинная усадьба, построенная племянником последней Русской Царицы Федором Авраамовичем Лопухиным. Кстати, тайный советник и обер-церемониймейстер Высочайшего Двора Федор Авраамович владел в Москве еще одной усадьбой на берегу Яузы, которая более чем известна историкам Москвы и московедам. Это та самая усадьба, отстроенная князьями Голицыными в стиле ампир, которая известна сегодня как усадьба Усачевых—Найденовых...

Может быть, не менее интересной была и возникшая в тот же период усадьба Щелканово в Калужской губернии, собственность родного брата Федора генерал-аншефа Василия Авраамовича Лопухина, геройски погибшего в знаменитом сражении Семилетней войны при Гросс-Егерсдорфе, где он обеспечил победу русским. От прежнего ансамбля этой усадьбы мало что сохранилось.

И только великолепная каменная церковь во имя Рождества Христова, законченная в год гибели генерала, в 1757 году, и построенная в развитых формах зрелого барокко, не уступает многим городским и даже столичным храмам и свидетельствует о щедрости и высоком вкусе владельцев имения.

Короткое царствование несчастного Императора Петра III принесло дворянам освобождение от обязательной службы. А оно, в свою очередь, открыло золотой век русской дворянской культуры, главным образом культуры усадебной. Последняя четверть XVIII — первая четверть XIX века — полувековой период наивысшего расцвета дворянской усадьбы. Почти все помещики, и само собой разумеется, Лопухины, благоустраивают в это время свои «дворянские гнезда». Были они у представителей рода во всех губерниях России. Но до сих пор никто не ставил перед собою задачи изучить вопрос о землевладении и землепользовании рода, составить хотя бы примерный перечень всех принадлежавших Лопухиным дворянских усадеб. Надо надеяться, что это — дело будущего. Пока же мы можем назвать лишь некоторые крупные владения.

Например, в Калужской губернии довольно значительные владения в Мещовском и Жиздринском уездах принадлежали Ардалиону Гавриловичу Лопухину, женатому на княжне Волконской, а в Мединском, Мещовском и Козельском — Федору Алексеевичу Лопухину, который слыл в свое время передовым хозяином.

Крупным помещиком Калужской и Тульской губерний был Дмитрий Ардалионович Лопухин, владелец огромного имения Жиздра, же-

натый на М.А. Шереметевой. В 1796—1802 годах он был Калужским губернатором и получил печальную известность своими «злоупотреблениями по службе», раскрытыми в 1802 году Особой комиссией, которую возглавлял сенатор Гавриил Романович Державин. Однако злоупотребления его вовсе не исключали успешной служебной деятельности, тем более что были всего лишь превышением должностных полномочий, что при многообразных губернаторских трудах неудивительно. На долю Дмитрия Ардалионовича выпало осуществление важных градостроительных мер, начатых его предшественником М.Н. Кречетниковым, по перепланировке и реконструкции старой Калуги согласно утвержденному в 1784—1786 годах Государыней Екатериной II регулярному плану города. При губернаторе Д.А. Лопухине продолжалось строительство Присутственных мест и Гостиного двора по проекту архитектора П.Р. Никитина, было начато сооружение Почтового дома, Соляных магазинов и городского собора во имя Святой Троицы, который проектировал архитектор И.Д. Ясныгин. При нем реконструировали и строили заново городские приходские храмы, обновляли постройки древнего Лаврентьевского монастыря. В это же время в Калуге велось строительство частных домов, за соответствие которых «образцовым проектам» отвечало также городское и губернское начальство... Словом, Дмитрий Ардалионович Лопухин, как бы ни оценивали его деятельность официальные власти, оставил в Калуге добрую память о себе. Горожане были благодарны ему за «ощутимые перемены в образе жизни и в образе мысли калужан», произошедшие в годы его губернаторства. Приведенная цитата взята из публикации в калужском журнале «Урания» за 1804 год.

В это же время и столь же успешно преобразовывал свой город и губернию Тульский губернатор тайный советник Андрей Иванович Лопухин, память о котором хранят многие исторические здания Тулы и особенно Успенский женский монастырь, попечителем которого он долгое время был. На его средства, как говорят, там были построены церкви Успения Богородицы и Преображения Господня. В крипте последней А.И. Лопухин и был погребен. Постройки монастыря и эти храмы по сей день украшают центр Тулы...

Древние и разветвленные дворянские роды часто значились в родословных книгах многих губерний, где они владели землями. Один и тот же человек, случалось, имел поместья в разных губерниях. Так, крупным помещиком Тульской, Калужской, Орловской и Тверской губерний был сын упомянутого выше Тульского губернатора, гвардеец Иван Андреевич Лопухин, тогда как его брат, тоже офицер,

Алексей Андреевич, был записан в Родословную книгу Костромской губернии. Этот последний в 1834 году купил половину дома в центре Костромы и жил в нем. Здание занимало квартал на пересечении бывших Еленинской и Павловской улиц в центре города. На главную площадь Костромы выходил некогда полукруглый угловой балкон, на котором любил сживать хозяин. Позже, проданное Лопухиным, это здание было превращено в гостиницу «Россия», которая стоит по сей день. В разное время в ней останавливались историк М.П. Погодин, писатели А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Некрасов и другие.

Усадьбы и дома Лопухиных в провинции строились в большинстве случаев скромно, располагая, впрочем, всеми возможными в те времена удобствами. Говорить о «художественных предпочтениях» заказчиков из этого рода довольно трудно. Прежде всего потому, что необходимый для такой оценки материал еще не собран и не изучен. В целом же можно отметить, что жилые дома и службы, церкви и мавзолеи сооружались в традициях своего времени и в рамках господствующего вкуса. Следует отметить добротность построек — Лопухины не жалели средств. Нельзя не сказать, что они уделяли большое внимание внутренней отделке и украшению храмов. Но яркой, броской, показной роскоши в большинстве известных лопухинских усадеб нет. Кажется, роскоши здесь сознательно избегали, предпочитая строгость и простоту. Что же касается исключений, то их нужно искать не в провинции, а в столицах.

Вот одно из них. Кратковременным, но ярким был опыт создания генералом Дмитрием Николаевичем Лопухиным классической усадьбы у Калужской заставы в Москве — между Москвой-рекой и началом нынешней Большой Калужской улицы — теперь это территория парка культуры. Это владение Лопухин купил в 1799 году у мужа своей младшей сестры Евдокии Николаевны — знаменитого в екатерининские времена графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. Архитектором, создавшим ансамбль усадебных построек, был ученик М.Ф. Казакова Алексей Никитич Бакарев. Это была сложная композиция, включавшая большой двухэтажный дом с антресолями — «низ каменный, верх деревянный», соединенный переходами с квадратными в плане симметричными флигелями. К флигелям примыкали уходящие в глубь двора хозяйственные постройки. Выбор архитектора и композиция усадебного ансамбля говорили, безусловно, об изысканном вкусе заказчика. Но в 1803 году, не дожив до пятидесяти лет, Дмитрий Николаевич скончался, так и не доведя до конца задуманного строительства. Владение было продано, и в так назы-

ваемые «казаковские альбомы», и в историю русской архитектуры этот выдающийся памятник зодчества вошел под именем нового владельца — Д.М. Полторацкого. Сейчас это надстроенное и видоизмененное здание Горного института.

Нетрудно понять, что наиболее яркие явления архитектуры всегда связаны и соизмеримы с масштабом личности, причастной к их созданию. Такой крупной личностью был, конечно, светлейший князь Петр Васильевич Лопухин. Этот представитель рода более других оставил след в архитектуре рубежа XVIII—XIX веков. След этот неоднозначен. Светлейший Петр Васильевич не только заказывал и строил для себя, для своей семьи, но и возглавлял крупные строительные работы государственного масштаба как в Москве, Петербурге, так и в других городах России.

Причастность П.В. Лопухина к архитектуре и строительству вытекала из его служебных обязанностей по должностям, которые он исправлял. При Государях Екатерине II и Павле I шло административное регулирование застройки и столиц, и губернских, и уездных центров. Участия в строительных делах требовали все должности Лопухина — сначала обер-полицмейстера Петербурга, затем правителя Тверского наместничества, далее Московского гражданского губернатора, генерал-губернатора Ярославской и Вологодской губерний. Во всех этих городах что-то строилось, перестраивалось, и все это не обходилось без участия высшего местного гражданского начальника.

Губернаторство Петра Васильевича в Москве совпало с наиболее интенсивным периодом реконструкции Первопрестольной столицы — претворялся в жизнь Высочайше подтвержденный Государыней Екатериной Великой в 1774 году регулярный план Москвы. Он стал законом и для современных ему и для последующих архитекторов. Москва меняла облик, превращалась из большой деревни в европейский город. Она постепенно приобретала новый вид классической казакской Москвы, которая вскоре погибла в пожаре 1812 года. Вклад П.В. Лопухина в казакское строительство Москвы велик. Для малоизвестных людей труды Лопухина затмевает слава тогдашних главнокомандующих Москвы графа З.Г. Чернышова и князя А.А. Прозоровского, тем более что последний был известен как неплохой архитектор. Остается фактом, однако, что все строительные дела в то время так или иначе касались Петра Васильевича Лопухина, занимали его ум и время.

Годы губернаторства Петра Васильевича были отмечены триумфальным шествием классицизма в нашей архитектуре, что и отразилось на характере застройки подведомственных ему городов —

Москвы, Твери, Ярославля. С той же художественной традицией связаны и постройки лично принадлежавших Лопухину и его семье зданий.

С 1760-х годов по 1812-й П.В. Лопухину принадлежало городское владение у Пречистенских ворот, на стрелке Пречистенки и Остоженки. Оно включало в себя и старинные, принадлежавшие некогда Головиным и князьям Голицыным, так называемые «красные палаты». В последней четверти XVIII века Лопухин построил здесь представительный двухэтажный особняк — шестиколонный портик дома, приподнятый над улицей на высоком цоколе и увенчанный треугольным фронтоном, выходил на красную линию Пречистенки. Этот памятник архитектуры, к сожалению, не сохранился, он сильно горел в 1812 году и более не восстанавливался. А вскоре Лопухин продал и всю эту усадьбу. В дальнейшем здесь возник торговый и гостиничный квартал, уничтоженный в советское время, чтобы поставить на этом месте памятник Энгельсу.

Быть может, наиболее заметным художественным явлением эпохи классицизма стал построенный Петром Васильевичем Лопухиным ансамбль его подмосковной усадьбы Введенское (Першино).

Введенское и сегодня известно, как одна из красивейших подмосковных усадеб времен расцвета русской усадебной культуры. Его изучают, о нем пишут научные труды. Интересна история села: как дворцовое, оно упоминается в документах с начала XVI века, но слава усадьбы, как архитектурного памятника, связана с Лопухиными. Существовала версия, будто Введенское тоже было подарено Императором Павлом I дочери светлейшего князя Петра Васильевича. Но это противоречит документальным сведениям. Например, Экономические примечания 1801 года называют владелицей Введенского мачеху ее светлейшую княгиню Екатерину Николаевну Лопухину, урожденную Шетневу. Кроме того, как известно, П.В. Лопухин начал здесь строительство в 1797 году, когда он не был еще в фаворе и не получал от Государя ни чинов, ни титулов, ни подарков.

Будущая слава этой усадьбы была как бы предопределена тем, что Лопухин привлек к ее созданию знаменитого русского зодчего, непревзойденного «усадебного» архитектора Николая Александровича Львова. Но важно и то, что ансамбль Введенского стал результатом творческого сотрудничества заказчика и мастера. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма Н.А. Львова к Петру Васильевичу. Из этих писем мы узнаем, что хозяин усадьбы сам выбрал место для дома на высоком берегу Москвы-реки, сам определил «виды» и расположение главных построек — господского дома, церкви, конюшенного

двора и т. д., а архитектор взял на себя согласование замысла с натурой, решение деталей общей планировки и архитектурных форм зданий, которые строились в новых для своего времени традициях архитектуры палладианства.

Вот строки одного из писем архитектора, которые свидетельствуют о его творческом сотрудничестве с хозяином усадьбы:

«Введенское Ваше таково, что я замерз было на возвышении, где Вы дом строить назначаете, от удовольствия, смотря на окрестность, и 24 градуса мороза насилу победили мое любопытство. Каково же должно быть летом! Приложу, как говорят, руки к делу, место сие выйдет, мало есть ли сказать лучшее из подмосковных. Натура в нем свое сделала, но оставила еще и для художества урок изрядный... Прекрасное положение места будет, право, несравненное, все оживет и все будет в движении... Правда, однако, что кряж сей песчаный и жадный: воды ни капли, и все то, что на возвышении посажено ни будет, будет рост медленно и хило, ежели не взять к отвращению того нужных мер. В новом фруктовом саду, на песчаной горке расположенном, так же ни капли воды, как и на скотном дворе... Для отвращения всех сих неудобств исходил я все окрестности усадьбы... освидетельствовал побочные речки и берега их, и кажется мне, что есть возможность оживить живыми водами прекрасную, но по сию пору мертвую и безводную ситуацию Вашей усадьбы. И в саду, и в скотном дворе Вашем, везде будут фонтаны, а возле дома каскад великолепный, и конюшенный двор при воде будет построен там, где Вы его назначили».

Введенское располагается на пригорке, с которого через Москву-реку открывались тогда живописные дали, панорама старинного города Звенигорода и силуэт Саввино-Сторожевского монастыря. Господская постройка представляла собою двухэтажный дом с полукруглой колоннадой в центре. Два симметричных флигеля соединялись с ним некогда открытыми колоннадами. Перед домом был прямоугольный парадный двор, открытый в сторону главной подъездной аллеи со стороны Москвы. Другой фасад дома обращен к реке, где к берегу ее спускался распланированный Львовым роскошный пейзажный парк.

К востоку от дома расположилась усадебная Введенская церковь с приделом Спаса-Преображения. Как и в других творениях Н.А. Львова, композиция храма слагалась из практически самостоятельных, хоть и стоящих рядом, объемов церкви и круглой колокольни. Своеобразная гармония пропорций и лаконичный декор выдают художественный почерк славного зодчего.

Лопухины сравнительно недолго жили во Введенском. Усадьба была продана. В качестве владельцев ее сменяли друг друга представители известных семей: Зарецкие, Головины, Штакельберги, Гудовичи, Якунчиковы. В 1912 году дом был перестроен в камне с воспроизведением всех первоначальных архитектурных форм. И все же страничка истории Введенского, связанная с первостроителем усадьбы Петром Васильевичем Лопухиным, для нас, потомков, останется самой яркой. Усадьбу писали многие крупные русские художники: Коровин, Поленов, Борисов-Мусатов, Якунчикова, для которой Введенское было родным домом.

В 1798 году Император Павел Петрович вызвал Петра Васильевича Лопухина в Петербург и назначил на весьма ответственную должность генерал-прокурора Российской Империи. Не станем говорить о титулах и иных почетных пожалованиях, которыми Государь отметил отца своей дамы сердца. Ограничимся лишь темой недвижимых владений и строительства. Как генерал-прокурору, П.В. Лопухину был пожалован из казны роскошный представительский особняк, который и поныне стоит на Дворцовой набережной Петербурга. Этот дом Император велел срочно построить на месте дворового участка и дома, принадлежавшего ранее строителю Одессы адмиралу О.М. де Рибасу. Дом этот и земля были куплены в казну, а после постройки там большого трехэтажного дома-дворца он был пожалован «в вечное и потомственное владение» генерал-прокурору Лопухину.

Это был поистине царский подарок, но Император не ограничился им. Он распорядился купить в казну собственный дом Петра Васильевича, который тот построил будучи еще обер-полицмейстером города, и тут же подарил его Анне Петровне Лопухиной, которая стала камер-фрейлиной Высочайшего Двора. Но и этим не кончились милости Государя, выразившиеся в пожаловании домов и земель. Когда Анна Петровна призналась «своему рыцарю», что влюблена в молодого князя Павла Гагарина, Император вызвал его из армии Суворова, у которого он служил в майорском чине, произвел в генерал-майоры и женил на красавице. А в качестве свадебного подарка приказал еще раз выкупить дом-дворец на Дворцовой набережной, расширил и увеличил его за счет соседнего дома капитана П.П. Рогозинского, заново украсил и снова подарил молодым. Светлейший князь Петр Васильевич к тому времени уже вышел в отставку и переехал в Москву, а чета Гагариных жила в огромном доме до середины 1801 года, когда князь Павел Григорьевич Гагарин, уже после смерти Императора Павла, был назначен российским послом при Дворе Короля Сардинии.

Таковы были городские дома Лопухиных в Петербурге, но не они при всей своей роскоши заставляли удивляться выдавших виды петербуржцев. Одним из чудес горожане почитали загородную дачу светлейшего князя на Аптекарском острове. Территория дачи была огромной, простираясь по современной топографии от Большой Невки до улицы Графтио по восточной стороне Каменноостровского проспекта — ныне территория лопухинского сада, который прежде носил имя Дзержинского...

Особенность расположения лопухинской дачи заключалась в том, что вид на ее ансамбль открывался из окон Императорского Каменноостровского дворца. Государь Павел Петрович, еще будучи наследником престола, значительную часть лета проводил во дворце на Каменном острове. Он любил тишину и покой и завел тогда правило для живших там и гостей острова: «не нарушать ни в чем тишины и порядка, и покоя соседей своих...», а потому и «оглашать сию пустыню звуками заунывного русского удалства отнюдь не дозволяется», — гласила павловская инструкция. Взойдя на трон, Павел I начиная с 1798 года начал раздавать пустующие земли Аптекарского острова под дачи. Лучшую и большую часть острова он предоставил в распоряжение светлейшего князя, чтобы видеть из окон дворца жилище своей любимой... И очень скоро на недавно диком берегу острова возник грандиозный и вместе с тем изящный ансамбль лопухинской дачи.

Прежде всего это был прекрасный английский парк без единой планировочной оси и плавным чередованием открытых и закрытых пространств. Живописные группы деревьев всевозможных пород с различными по объему, форме и цвету листвы кронами составляли куртины, прозрачные рощи и плотные зеленые массивы. Между ними извивались серпантины дорожек, причудливо переплетающихся с системой искусственных каналов, над которыми висели романтические мостики. Цветочные лужайки с античной скульптурой, зеленые лабиринты и беседки, павильоны и гроты — все это создавало атмосферу затейливой игры и, по впечатлениям очевидцев, казалось воспроизведением живописных полотен старых мастеров. С берегов Каменного острова, от Царского дворца открывались живые картины Аптекарского острова: лодки, причаливающие к многочисленным пристаням лопухинской дачи, гуляющие пары и, наконец, стада коров, овец и оленей, невинно пасущихся на малахитовых лугах... Сама дача, деревянная двухэтажная оштукатуренная с четырехколонным портиком главного фасада, находилась на пригорке в глубине парка...

Известно, что сюда, на Аптекарский остров, иногда инкогнито приплывал на маленькой незаметной лодке с одним гребцом, графом Кутайсовым, романтичный Император, чтобы «втайне от посторонних глаз» провести час-другой со своей возлюбленной возле пасущихся оленей. Известно и то, что в такие часы за Государем неусыпно наблюдали десятки глаз охранявших его людей. Вряд ли он не знал об этом, скорее всего, старался не замечать, чтобы не спугнуть очарование минуты...

Светлейший князь, как вспоминали современники, жил на даче открыто и весело, и городская публика нередко толпилась у его заборов, наблюдая за этим вечным праздником и слушая хоры крепостных музыкантов. Особенно восхищали приезжих роговая музыка и так называемый «кавказский мостик», едва ли не лучшая из «затей» островного усадебного ансамбля.

С воцарением Государя Александра I Аптекарский остров стал особенно популярным как дачная местность, и здесь стали появляться все больше крупных и средних дач. Стали формироваться упорядоченные массивы застройки, возникать улицы и переулки, получавшие названия по именам хозяев дач. Одной из самых протяженных улиц острова стала Лопухинская дорога, или Лопухинская улица, сохранявшая свое название до 1934 года, когда ее переименовали в честь академика И.П. Павлова. Эта улица как бы замкнула Аптекарский проспект и связала его со ставшим правительственной трассой Каменноостровским проспектом. В 1811—1813 годах земляную дорогу здесь вымостили булыжником, проложили плиты тротуаров и сделали стоки для воды.

Долгое время дача Лопухина оставалась одной из самых крупных по площади. Сам дом к концу 40-х годов XIX века стал ветшать. Дачу продали некоему В.Ф. Громову, который на время привел ее снова в хорошее состояние. Но в конце столетия дача несколько раз горела и, наконец, была разобрана. А остатки убранства лопухинского сада — павильоны, мостики и гроты — уничтожили при реконструкции парка уже в 1950-х годах. До наших дней дошли лишь следы большого водоема — котловина, все, что осталось от лопухинского пруда.

Говоря о владениях светлейшего князя Петра Васильевича, мы оставили в качестве завершающего рассказ о, пожалуй, самом грандиозном и удивительном — о старосте Корсунь, которое было пожаловано П.В. Лопухину в 1799 году одновременно с княжеским титулом. К тому времени Корсунь, перестав быть польским владением, лишь четыре года принадлежал России.

Это было даже не имение в общепринятом понимании, это была целая волость, небольшая часть Малороссии, которой до 1795 года владел князь Станислав Понятовский. Территория староства — традиционного для Польши крупного феодального владения — включала весь Каневский уезд Киевской губернии — 52 133 десятины хозяйственных и иных земель, около 30 различных селений и 8 тысяч душ крепостных людей одного только мужского пола, детей и женщин в таких случаях даже не считали...

Богатейшая усадьба светлейшего князя возникла на месте старинного городка, основанного еще в XII веке Великим Князем Ярославом Мудрым — ныне это город Корсунь-Шевченковский Черкасской области Украины. Здесь происходило множество самых разных исторических событий, отраженных на страницах труда Н.М. Карамзина. Веками эти места служили предметом то русско-польско-украинского, то русско-турецкого соперничества. Поэтому население было смешанным. С давних времен там стоял старинный замок, построенный, как полагают, еще в 1580 году Королем Стефаном Баторием. Он был квадратным в плане, с четырьмя угловыми башнями и бастиянами, окружен валами и рвами, с тяжелыми воротами и подъемным мостом.

Удивителен был окружающий ландшафт. Гранитные утесы в низовьях реки Роси рассекали ее русло на множество рукавов. Поэтому усадьба, устроенная здесь усилиями светлейшего Петра Васильевича Лопухина, представляла собою целый архипелаг островов, омываемых стремительными потоками и соединенных между собою мостами на массивных и выразительных каменных устоях. На одном из островов на месте деревянного дворца польского магната Станислава Понятовского, который еще недавно был здесь хозяином, в самом начале девятнадцатого столетия был построен новый каменный дворец в «итальянском вкусе». Недалеко от него в 1821 году П.В. Лопухин построил каменную церковь во имя Преображения Господня — великолепный образец архитектуры эпохи ампира. Нам, к сожалению, неизвестно имя архитектора, несомненно большого мастера. Но мы знаем, что мраморный иконостас на 32 образа разных размеров был выполнен знаменитым Василием Кузьмичом Шебуевым. К глубокому огорчению всех, этот прекрасный памятник в 1934 году был разрушен до основания. А дворец сохранился до сего времени. В нем разместился местный музей.

С 1813 года в Корсуне завели суконную фабрику. Несколько перестроенный старинный замок служил какое-то время резиденцией губернатора или коменданта Корсуни, а позже его приспособи-

ли для хозяйственных нужд. Одновременно замок служил весьма выразительным украшением ансамбля усадьбы. Пожалуй, можно сказать даже, что средневековый облик замка задал тон многим другим постройкам, выдержанным в стиле псевдоготическом или мавританском.

Особенно показателен пейзажный сад Корсуня с его суровой и величавой экзотикой, который светлейший Петр Васильевич «украшил всеми прихотями искусства». Судя по современным описаниям, там были «легенькие, как будто воздушные, в китайском вкусе мостики», а также «изящной архитектуры беседки и швейцарские хижинь», за ними «купальни и гроты, невольно призывающие после прогулки в саду», были здесь «места, где царствует вечная тень и куда не проникает луч денного светила». Извилистые дорожки сада, обсаженные диким виноградом, цветами и экзотическими растениями, причудливо огибали гранитные скалы, открывая неожиданные виды и новые «экспонаты» этого музея под открытым небом: античные мраморы, павильоны и т. д. Как и на Аптекарском острове в Петербурге, естественные и рукотворные красоты дополнялись звучанием музыки. Только в Корсуне это был не русский оркестр роговой музыки, а симфонический оркестр под управлением венца Адольфа Пфейфера, исполнявший классические произведения. В его составе были как талантливые местные музыканты из крепостных, так и специально, как и дирижер, выписанные из-за границы — австрийцы, пруссаки, мадьяры. Они получали хорошие деньги и приезжали в Корсунь с семьями.

Известно, что Петр Васильевич Лопухин очень любил Корсунь, хотя и не имел возможности по службе бывать там так часто, как ему хотелось. После кончины его старство перешло к сыну — светлейшему князю Павлу Петровичу, известному боевому генералу, участнику всех войн России против Наполеона. Он был единственным продолжателем княжеской ветви рода и весьма богатым наследником. Помимо Корсуня, владений в Москве и Петербурге, светлейший князь Павел Петрович был крупным помещиком Псковской, Новгородской, Тульской, Рязанской, Пензенской, Херсонской и других губерний.

Среди заслуг молодого хозяина в развитии Корсуня — создание там хорошего историко-археологического музея. В основу его были положены местные находки. В богатой историческим прошлым местности они буквально «валялись под ногами». Часто интересные вещи находили на своих огородах и крестьяне. Лопухин сделал так, что все находки обязательно приносили к нему. Для этого он объявил, что

гарантирует нашедшему «цену больше стоимости того металла, из которого вещь сделана».

Много внимания новый хозяин уделял пополнению уникальной библиотеки Корсуня. В ней были собраны книги по всем интересовавшим хозяев вопросам: искусству, философии, географии, юриспруденции, сельскому хозяйству, а также энциклопедические и справочные издания. Мы не знаем точно, сколько всего книг было в этой библиотеке, но документы говорят о том, что, когда в 1920 году создавали так называемую Всенародную библиотеку Украины в Киеве, туда вывезли «наиболее ценные и редкие книги из Корсуня» числом в 20 тысяч томов.

Светлейший князь Павел Петрович дополнил архитектурный ансамбль Корсуня зданием лютеранской церкви, сооруженной специально для супруги его светлейшей княгини Жанетты Ивановны, урожденной баронессы Венкастерн.

Поскольку со смертью Павла Петровича пресеклась княжеская ветвь рода Лопухиных, с 1873 года Корсунь перешел к наследникам имени и титула светлейших князей — Лопухиным-Демидовым. Они и были владельцами усадьбы до 1918 года.

Ныне Корсунь — государственный историко-культурный заповедник. В Корсунском дворце разместились экспозиция Музея истории Корсунь-Шевченковской битвы в годы Отечественной войны 1941—1945 годов. В других постройках усадьбы — службы заповедника: во флигеле — Художественная галерея, в прибаленных помещениях — Исторический музей Корсуня, в каретном сарае — санитарная станция, в манеже — спортивная школа. Сотрудники заповедника во главе с директором П.Я. Степенькиной стремятся сохранить память о прошлом, собирают материалы о бывших владельцах Корсуня. По просьбе князя В.О. Лопухина они любезно прислали ему целый ряд материалов, рассказывающих о заповеднике, и несколько номеров бюллетеня «Корсунский часопис», который там издается.

Рассказ о лопухинских усадьбах будет неполным, если не упомянуть о таких специфических, как «масонские» усадьбы некоторых представителей этого рода. Прежде всего к ним относится подмосковное Савинское, принадлежавшее действительному тайному советнику и сенатору Ивану Владимировичу Лопухину — выдающемуся государственному деятелю, философу, издателю и мемуаристу.

Иван Владимирович родился в орловском имении своего отца генерала В.И. Лопухина, которое называлось Большие Ретяжи; в Мос-

кве, как мы уже говорили, жил в старинном отцовском доме в нынешнем Старосадском переулке. Но собственным его творением, продуманным и воплотившим в зримые образы его мировоззрение, была подмосковная усадьба Савинское Богородского уезда Московской губернии, воспетая в стихах русского поэта князя И.М. Долгорукого и в знаменитых «Садах» француза Делиля. Место на берегу Вори для этой усадьбы было выбрано не случайно — оно соседствовало с имениями близких по философским воззрениям «братьев» И.В. Лопухина: с Авдотьином-Тихвинским, принадлежавшем знаменитому масону и просветителю Н.И. Новикову, и Гребневом, именем поэта и масона М.М. Хераскова. Случайно или нет, но рядом были и старинные Глинки знаменитого чернокнижника Петровской эпохи алхимика Я.В. Брюса.

Савинское Ивана Владимировича Лопухина — это уникальное соединение теории и практики масонства. Масонским было уже само стремление преобразовать дикую болотистую местность в культурный ландшафт, насыщенный разнообразной дидактической символикой. Устройством множества каналов и протоков владелец превратил бывшее болото в архипелаг островов. Самым крупным и популярным среди гостей был Юнгов остров, названный, как уже писалось, в честь английского религиозного поэта. Сады и острова Савинского украшали памятники Лейбницу, Конфуцию, Экартсгаузену, Кульману, Фенелону, госпоже Гюйон — известной религиозной писательнице. Пирамида со скрещенными костями представляла собою памятник родственнику хозяина — поэту Аврааму Лопухину, а миниатюрный «Храм дружбы» с тосканским портиком был посвящен памяти виднейшего русского масона князя Н.В. Репнина.

Многочисленные колонны, пирамиды, урны и обелиски как бы повторяли те изображения, которыми изобиловали издания масонских трудов Лопухина, Новикова и других. Все это позволяло посвященному как бы «читать» парк и всю территорию Савинского подобно книге. Это был натурфилософский сад, не знавший себе равных среди русских усадебных парков. Исследователь Савинского справедливо заметил, что это был «не столько Эдем, сколько Элизиум, полный благородных теней», что вся усадьба — это «парк-воспоминание». Что же до усадебного дома, обставленного самой простой мебелью, то главным богатством его была библиотека. Все это, к сожалению, ныне безвозвратно утеряно...

Немного сохранилось и от другой «масонской» усадьбы Ивана Владимировича Лопухина — Большие Ретяжи бывшей Орловской

губернии, — всего лишь старинная церковь и остатки парка. Каменная церковь Воскресения Господня была построена в 1765 году в стиле барокко еще его отцом, генералом Лопухиным, вышедшим к тому времени в отставку. Некоторую особенность памятника, а именно характер силуэта устремленного ввысь пятиглавия, можно объяснить впечатлениями генерала от его службы обер-комендантом Киева — на его глазах знаменитый Растрелли строил в этом городе свой великолепный Андреевский собор.

Деревянный дом в Больших Ретяхах был столь же скромным, как и в Савинском. Он не сохранился. Парк Иван Владимирович устраивал здесь уже в начале XIX века. Он был посвящен историческим воспоминаниям. Может быть, это был первый в России мемориал, посвященный победе русского оружия в войне с Наполеоном. Роль монументов играли простые гранитные валуны с надписями: «Благочестию Александра I и Славе доблестей русских», «19 марта 1814 года взят Париж», «И память вражия погибла с шумом...». Монумент на взятие Парижа имел вид некоего кресла, выдолбленного в огромном валуне. Все эти затеи не выходили за рамки традиций эпохи романтизма. Однако масонская обрядность присутствовала и здесь. Сохранилась запись о том, как в один из майских дней, кажется 1815 года, «по полуночи в 12-м часу» хозяин усадьбы устраивал для званых гостей оригинальную и необычную церемонию — «Погребение во прах славы Бонапартовой». Об этом писал в своем «Венке усадьбам» А.Н. Греч.

Дух масонства витал и над усадьбой Аксиньино бывшего Веневского уезда Тульской губернии, которая принадлежала Владимиру Денисовичу Давыдову, женатому на Прасковье Николаевне Лопухиной. Здесь стояла изысканная каменная церковь, построенная хозяйкой, и мавзолей-усыпальница с оригинальным по символике надгробием — тесаный крест в виде ствола дуба с ветвями, сломанными бурей. А въездные ворота в Аксиньино были в виде пирамид с усеченными вершинами.

Закончить обзор «масонских» построек Лопухиных хочется рассказом о подлинной жемчужине архитектуры — московском городском особняке на Пречистенке, 11, где ныне размещается Музей Л.Н. Толстого. Этот дом — подлинное чудо творческого гения выдающегося московского зодчего Афанасия Григорьевича Григорьева. Простота и ясность композиции, изящество и какая-то особенная грация архитектурного декора и к тому же явное присутствие масонской символики и в этом случае дает право предположить творческое сотрудничество архитектора и заказчика — Авраама Василье-

вича Лопухина, поэта и масона, жившего здесь в 20-х и 30-х годах девятнадцатого столетия.

Документы утверждают, что эта городская усадьба в конце XVIII века принадлежала отцу поэта отставному гвардии поручику Василию Авраамовичу. Владение располагалось на углу квартала, переулок, проходивший по его границе и соединявший Пречистенку и Остоженку, получил название Лопухинского. Это имя он носит по сей день. До пожара 1812 года дом стоял примерно на том же месте, что и нынешний, но почти совсем сгорел. Для перестройки усадьбы В.А. Лопухин пригласил около 1817 года архитектора А.Г. Григорьева. Но уже через год Василий Авраамович скончался. Дом перешел к старшему из его сыновей, поэту, который и достроил его в 1823 году, утверждая планы и делая необходимые распоряжения.

Главный дом усадьбы — одноэтажное с антресолями деревянное здание на каменном полуподвале. Центр его по фасаду выделен шестиколонным ионическим портиком с треугольным фронтоном и гербом Лопухиных. Над центральными окнами — многофигурный рельефный фриз. Вход в дом со двора, через вестибюль, пристроенный к основному объему дома. Этот вестибюль — прямоугольное помещение с четырьмя экседрами и плоским ложным куполом — особое изобретение зодчего и своеобразный ключ к загадкам планировки особняка. Отсюда начинается движение по Г-образной парадной анфиладе, отсюда же можно попасть в заднюю половину дома с надстроенными над нею антресолями.

Парадная анфилада включает прихожую, угловую залу, кабинет, гостиную и парадную спальню. Тщательная отделка этих помещений видна во всем и повсюду. Элементы масонской символики, тут и там вплетенные в рисунок декоративной отделки, демонстрируют игру ума, настраивая на ассоциации и философские размышления. В этом доме все и традиционно, и уникально. Среди памятников послепожарной Москвы трудно найти более утонченное и изысканное произведение архитектурной и философской мысли. Не случайно зодчий Григорьев и его лопухинский дом вошли даже в учебник русской литературы для студентов, который вышел в свет несколько лет назад.

После смерти Авраама Васильевича Лопухина в этом доме более полувека жила его бездетная вдова Василиса Федоровна, скончавшаяся ста лет в 1892 году. В дальнейшем ансамбль усадьбы распался. Часть дома, выходящая на Лопухинский переулок, известна по документам начала XX века как дом Е.И. Станицкой. В 1920 го-

ду в главном доме открылся Музей графа Льва Николаевича Толстого.

...Наше исследование подошло к концу. Завершая краткий обзор памятников архитектуры и основных строений, связанных с родом Лопухиных, мы попытаемся сделать некоторые обобщения.

Прежде всего надобно помнить, что создание любого здания требует от заказчика немалой энергии, значительных материальных затрат и наличия вкуса. Кроме того, необходимы понимание задач и архитектурного языка эпохи, умение оценить и предпочесть тот или иной стиль, тот или иной тип сооружения. При наличии этих условий и при хорошем архитекторе можно рассчитывать на возникновение интересного здания, которое кроме всего прочего немало расскажет и о своем заказчике, хозяине. Рассматривая доступные нам материалы о лопухинских постройках, мы можем утверждать, что обрели таким путем некоторые дополнительные представления об этом древнем роде. Кажется, не будет ошибкой утверждать, что даже в пору наивысшего подъема и расцвета своего Лопухины не стремились поставить архитектуру на службу собственному тщеславию и не использовали ее возможностей для демонстрации своего общественного положения. Хотя, конечно, были и исключения...

И все же материал академической истории отечественной архитектуры позволяет поставить Лопухиных в ряд тех древних дворянских фамилий, чьи имена оказались связанными с лучшими страницами русского зодчества. Они стоят рядом, например, с Нарышкиными, давшими в эпоху барокко имя целому направлению и даже стилю нашей архитектуры, с князьями Голицыными, графами Шереметевыми, Воронцовыми и Строгановыми — создателями выдающихся дворцовых ансамблей, генеральными застройщиками обих русских столиц. Наряду с перечисленными родами Лопухины участвовали, как взыскательные заказчики, в формировании ведущих архитектурных стилей Императорской России — барокко и классицизма. И это не случайно. Лопухины, как и представители других перечисленных родов — этот перечень, конечно, не полный, — строили спокойно, солидно и на века. В отличие от нуворишей, стремившихся утвердить себя и повысить свой престиж масштабами и великолепием своих построек, Лопухины не имели нужды в подобных внешних атрибутах величия.

Принципом лопухинского рода — и это тоже можно понять, проанализировав построенное ими на Руси в разное время, — было служение. Служение Государю, государству, России. Фантастические

сооружения иных толстосумов — некоторые сохранились до сего дня — говорят о стремлении их заказчиков служить прежде всего себе, собственному Я. Ничего похожего, к счастью, мы не видим в лопухинских строениях.

Наверное, не будет ошибкой утверждать, что многие поколения рода выработали у его представителей своеобразный иммунитет против внешнего лоска и пустого тщеславия.

...Этот очерк — лишь первая попытка осмыслить вклад, который внесли Лопухины в отечественное архитектурное наследие. Многое неизбежно оказалось упущенным, что-то, быть может, получило на этих страницах недостаточную оценку. Остается надеяться, что будущие исследователи истории рода Лопухиных помогут внести ясность и полнее очертить общую ее картину, в том числе и применительно к архитектуре и строительству.

ПОСЛЕДНЯЯ РУССКАЯ ЦАРИЦА

Рассказ о выдающихся людях рода Лопухиных нужно начать с Евдокии Федоровны Романовой, урожденной Лопухиной. Волею Божией она стала последней Русской Царицей — все последующие Государыни были чужеземками и Императрицами.

Царице Евдокии Федоровне первое место в этой книге должно принадлежать и потому, что древний и заслуженный род, веками занимавший видное место в российском дворянстве благодаря жеманности Царя Петра Алексеевича на девице Лопухиной, выдвинулся в первый ряд вельможных фамилий России и, несмотря на последующие опалы, навсегда в нем остался.

...30 июня 1670 года в семье стрелецкого полковника Иллариона Авраамовича Лопухина, который был третьим сыном боярина Авраама Никитича, родилась дочь Авдотья. Ей суждено было стать Русской Царицей Евдокией Федоровной. Не нужно удивляться, что Авдотья Илларионовна превратилась в Евдокию Федоровну — случилось, что Царской невесте давали и вообще другое имя, чтобы отвести «порчу», которая могла отягощать старое. А Авдотья — это всего лишь несколько упрощенное имя Евдокия. По тем же причинам меняли иногда имя и отцу Царской невесты. А выбор для Иллариона Лопухина имени Федор и вовсе объясняется просто: с этим именем на новую Царскую родню призывалось покровительство и защита Федоровского образа Божией Матери, святыни Дома Романовых, которым Старица Марфа благословила на Царство в марте 1613 года в Ипатьевском монастыре своего сына Михаила Федоровича, первого Царя династии Романовых. Вспомните, кстати, что Федоровнами становились многие невесты Русских Императоров:

последними нашими Государынями были Мария Федоровна и Александра Федоровна...

Счастливым событием это случилось в разгар лета, в погожие дни, когда семья Иллариона Авраамовича, покинув пыльную Москву, жила в деревне — в лопухинской вотчине, пожалованной прадеду маленькой Авдотьи Никите Васильевичу Лопухину сыном Грозного Царем Федором Иоанновичем «за многие и великие службы». Затем вотчиной владел дед Авдотьи боярин Авраам Никитич и, наконец, отец — Илларион Авраамович, ставший позже Федором. Земли эти были в калужском краю — 450 четей пашни и лесов с несколькими деревнями. Центром имения было село Серебряное в 30 верстах от Мещовска. На окраине села стоял господский дом — каменные в первом этаже палаты, соединенные каменной же галереей с церковью, где и крестили будущую Царицу.

Когда в семье случилось прибавление, это стало известно, конечно, всем Лопухиным. В то время на Государевой службе было около тридцати одних мужчин этой фамилии, клан же насчитывал около ста человек. И не только Илларион Авраамович служил по стрелецкой части — Лопухиных в стрелецких полках знали, уважали и почитали «своими». Известны были они и при Государевом Дворе. Словом, Лопухины были «сильными». В детские годы Авдотьи мало кто из родных думал о малышке, которая с няньками и мамками росла в отчем доме в Серебряном или московском девичьем тереме.

Как прошли детство и отроческие годы будущей Царицы, мы точно не знаем, но предполагать можем с достаточными основаниями. Как и всех барышень ее круга, а отец Евдокии делал успешную дворцовую карьеру: из стрелецких полковников стал Государевым стольником, а затем и окольным (второй по значению чин после боярина), Авдотью воспитывали в строгих правилах православной веры и добрых традициях «Домостроя». Конечно, ее учили читать, писать и считать. Книжки, попадавшие ей в руки, были духовного содержания, а обучение грамоте шло по псалмам, житиям святых и праведников. Авдотью научили шить и вышивать — позже она посылала мужу вместе с письмами и свои рукоделия. Когда барышня «вошла в возраст», ей наверняка рассказали о ее будущем — жены доброго дворянина и хозяйки его дома...

Рос тем временем и будущий державный супруг Авдотьи Лопухиной. Родился он 30 мая 1672 года и был, следовательно, на два года моложе своей суженой. Жизнь Царя Петра достаточно известна, и мы не станем утомлять читателя ее пересказом. Напомним лишь, что

в апреле 1682 года, когда скончался Царь Федор Алексеевич, на царство «выкрикнули» десятилетнего Петра, поскольку его старший брат Иван был «слаб головою». Но уже в мае стрелецкий бунт возвел на престол сразу обоих братьев — Ивана и Петра — и сделал Правительницей государства Царевну Софью Алексеевну. После этого вдовая Царица Наталья Кирилловна вынуждена была уехать из Кремля и вместе со своим сыном — «вторым Царем» — поселиться в подмосковном Преображенском дворце.

Уже в следующем году одиннадцатилетний Петр начал «играть в потешных», которые со временем стали основой русской регулярной армии. Вскоре к потешной пехоте с настоящими ружьями прибавилась потешная артиллерия, стрелявшая настоящими ядрами, и потешный флот на Плещеевом озере. Все больше и больше времени проводил юный Царь вне дома, в грубой солдатской среде. «Военные забавы» потребовали специальных знаний, которые на Руси того времени были только у чужестранцев, живущих в Немецкой слободе на Яузе. Отсюда и первоначальный интерес молодого Петра к иностранцам и их слободе. Время шло, «воинские забавы» продолжались, Царь мужал.

Царица-мать сокрушалась, видя такую «не царскую» жизнь единственного своего сына, и решила «остепенить» его. Петр согласился жениться — не хотел перечить матушке. 27 января 1689 года в Преображенском дворце в небольшой дворцовой церкви во имя Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла протоиерей Меркурий совершил обряд венчания — Царь Петр Алексеевич Романов женился на девице Евдокии Федоровне Лопухиной...

Свадьба была хоть и царской, но не особенно пышной. Тому были причины: Петр Алексеевич был «вторым Царем», а «первый» — Иван Алексеевич — уже пять лет как был женат на Прасковье, урожденной Салтыковой, к тому же Правительница Софья Алексеевна, которая стремилась укрепить свою власть, не радовалась женитьбе брата, которая сулила появление законного наследника престола. И все же эта высокая свадьба привлекла внимание первого поэта тогдашней Москвы. Стихотворцев на Руси тогда было немного, и лучшим из них считался один из видных московских просветителей чудовский монах Карион Истомин. Он написал торжественное сочинение в стихах по случаю брака Царя Петра и Царицы Евдокии. Заметим, кстати, что Карион Истомин был лучшим мастером силлабического стиха и предшественником Тредиаковского и Ломоносова, которые утвердили традицию уже силлабо-тонического стиха и прославились торжественными одами. Добавим, что через год тот же Карион Ис-

томин тремя стихами приветствовал появление на свет сына Петра и Евдокии Царевича Алексея Петровича.

Женитьба Петра Алексеевича стала первым случаем в Царском Доме, когда был нарушен старинный обычай выбора Царской невесты. Прежде девиц привозили на Царский смотр чуть ли не со всей Руси, и Царь выбирал будущую Царицу из множества самых красивых по своему вкусу. Вдовая Царица Наталья Кирилловна нарушила традицию и сама назвала свою будущую невестку.

Как это случилось и почему? Возможно, мать, уже тогда зная своеволие сына, не очень-то доверяла его собственному выбору — мало ли кто приглянется на смотринах юному Царю. В большинстве исторических сочинений говорится, что Царица выбрала жену сыну «за личную к ней привязанность Лопухиных». Думается, это правда, но не вся. Лопухины были нужны Царице Наталье Кирилловне не только как верные сторонники, но и как сильный влиятельный клан, на который она могла бы опереться. Лопухиных же было много, они были влиятельны и хорошо известны в Москве. Еще при Грозном они были в избранной «тысяче», а при Царе Федоре Иоанновиче один из Лопухиных — Никита Васильевич — был в столице стрелецким головою. Его сын, Авраам Никитич, тоже командовал стрельцами, потом «вошел в милость» к Царю Алексею Михайловичу, был гостем на свадьбе его с Натальей Кирилловной, стал боярином, и в день крещения Царевича Петра Алексеевича «сидел у Царицы Натальи Кирилловны за поставцом». Сын этого «большого Лопухина» и стал отцом Царской невесты.

Еще одно обстоятельство следует иметь в виду: все дела тогда вершила Царевна Софья Алексеевна, опиравшаяся на стрелецкую силу. И Лопухины тоже были тесно связаны со стрельцами. Не последнюю роль в выборе сыграла и сама Царская невеста. Она наверняка нравилась Царице Наталье и внешностью своей, и нравом. Правда, не всегда, что мило матери, оказывается по душе сыну, но Наталья Кирилловна, уж конечно, не выбрала бы для своего Петра ни дурнушку, ни дурочку. Словом, Царская невеста была умна, хороша собою и вполне достойна оказанной ей чести. В.О. Ключевский был не прав, называя ее с самого начала «неумной, суетливой и вздорной», а ее свадьбу с Петром — всего лишь «делом интриги Нарышкиных и Тихона Стрешнева». Некий устойчивый стереотип, сформировавшийся в нашей исторической науке, помещал видному ученому быть объективным. Да и вообще историки и исторические писатели, имена и книги которых вот уже полтора столетия у всех на виду и на слуху, не были беспристрастными, об-

ращаясь к личности Царя-преобразователя и некоторых членов его семьи.

Не скажу ничего нового, но напомним, что тем Петром Великим, каким его знает сегодня каждый, первый Всероссийский Император стал только в девятнадцатом столетии. Веком ранее ему, конечно, отдавали должное, но со многим не соглашались и ужасались способам, какими достигались его свершения. Видели тогда и вредность стремительной, безоглядной европеизации России. Поэтому дело Петра и оценивали сдержанно. Конечно, официальное отношение к нему правительства было иным. Императрица Анна Иоанновна, вкусившая «прелести Европы» на ее курляндских задворках, не хотела менять прозападный курс. Этого нельзя было ожидать от дочери Петра Императрицы Елизаветы и, уж конечно, от Ангальт-Цербстской принцессы Императрицы Екатерины II, которой было лестно поставить свое имя на постаменте известного памятника рядом с именем первого Императора России. Но общественное мнение и народная память еще хранили свое нелицеприятное суждение о петровских временах — об этом свидетельствуют и архивы, и мемуары, и фольклор.

А в девятнадцатом столетии, когда не осталось живых свидетелей петровского времени, когда после европейского похода Императора Александра Благословенного в Россию пришло поголовное увлечение Европой, с ростом так называемой либеральной интеллигенции с ее «всечеловеческими» симпатиями, русское мыслящее общество вообще повернулось лицом к Европе и стало видеть в ней идеал будущего России. В таких условиях оценка деятельности яркого прозападника Царя Петра должна была стать безоговорочно положительной. Такой она и стала. И как следствие стало восприниматься однозначно отрицательным, ретроградным, мешавшим прогрессу все, что Царю Петру противостояло.

Апофеозом восторженного и некритичного восхваления дела и личности Царя-преобразователя стало 200-летие со дня его рождения, которое широко отмечалось в России в 1872 году. Тогда-то в Москве и состоялись ставшие знаменитыми «Публичные чтения о Петре Великом» профессора русской истории С.М. Соловьева. Они проходили в Большом зале Московского Благородного собрания более трех месяцев, собирали тысячные аудитории и стали, как сказали бы сегодня многие, «популярнейшим шоу» своего времени. Текст «чтений» не раз издавался и переиздавался. После этих «чтений» любого, кто усомнился бы в абсолютном величии первого Русского Императора, образно говоря, «побили бы камнями»...

Отсюда — и дружные отрицательные суждения русских либеральных историков о Царице Евдокии Федоровне: она не была с Петром, Петр удалил ее от себя — следовательно, она плоха. Ни С.М. Соловьев, ни В.О. Ключевский, ни С.Ф. Платонов, как и многие другие, не удержались от того, чтобы не сказать или не написать о последней Русской Царице что-либо нелестное, а то и просто худое.

...Но вернемся к юной Царственной чете, жившей с 1689 года в Преображенском дворце под бдительным оком вдовой Царицы. Конечно, Петр и Евдокия были очень разными людьми. Начнем с того, что женщина в восемнадцать лет — вполне зрелый человек, а мужчина в шестнадцать — в значительной степени еще мальчик. Возможно, в поведении Царицы Евдокии проскальзывали нотки материнской заботы о муже, что могло ему не нравиться. Возможно, она скучала, когда Петр рассказывал о своих «потешных», о постройке кораблей, и он с досадой замечал это. Почти наверняка молодую Царицу раздражала грубость манер и речи, приобретенная Петром Алексеевичем в солдатской среде. Возможно, Царица Евдокия по просьбе свекрови пыталась увещевать юного Царя, отвращать его от любезных его сердцу занятий, и он воспринимал это как покушение на свою свободу.

Наверное, все это было, как бывает во многих молодых семьях. Но нет никаких оснований считать, что Царь с самого начала тяготился своим домом и своей семьей. И если первые годы супружества не были безоблачными, то вполне обычными для своего времени. Царь Петр часто уезжал, но так поступали все молодые дворяне. И из домов их гнала вовсе не неприязнь к семьям, а обязательная служба Государю. Нет сомнений, что и Петр ощущал себя на службе России. Бытующее мнение, будто Царь Петр Алексеевич с самого начала избегал дома, чтобы не быть рядом с нелюбимой женой, явно позднейшего происхождения. Эту выдумку историков опровергает, кстати, и переписка супругов, где встречаются и заботливые слова, и ласковые прозвища, и сетования на разлуку... Какие основания считать эти письма лицемерными или лживыми?

18 февраля 1690 года Царица Евдокия Федоровна родила сына Алексея, названного по просьбе вдовой Царицы в честь деда, Царя Алексея Михайловича. Шумных празднеств по этому случаю не было, Государь был занят — расправлялся с бунтовщиками. А потом поехал в Переславль, где строились тогда корабли.

«Государю моему радости, Царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, свет мой, на множество лет! Просим милости, пожалуй, государь буди

к нам из Переславля не замешкав. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челом бьет...»

«Лапушка мой, здравствуй на множество лет! Да милости у тебя прошу, как ты позволишь ли мне к тебе быть?... И ты пожалуй о том, лапушка мой, отпиши. За сим женка твоя челом бьет».

Не позвал к себе Царь Петр жену, как она просила, в свой переславский лагерь, но сам был в Преображенском уже в начале апреля. А в конце месяца впервые побывал в Немецкой слободе. Связи с ней у Царя и прежде бывали регулярными, но сам Петр Алексеевич пожаловал туда лично лишь 30 апреля, навестив дом генерала Гордона, где ему представили Лефорту.

Известно, что в Немецкой слободе Царю понравилось все, потому что было не похоже на привычное, на то, что видел в Москве, в других русских городах. Любовь к иностранному осталась отличительной чертой личности, политики и дела Царя Петра на всю его жизнь.

С этого времени Царь особенно сблизился с Францем Лефортом. В семейной жизни Петра Алексеевича этот человек сыграл зловещую роль. Поэтому придется рассказать о нем подробнее. Франц Яковлевич Лефорт родился в 1656 году в Женеве в семье торговца, желавшего, чтобы сын продолжил его дело. Но того влекли военная служба и «охота к перемене мест». Наемный солдат сначала в Голландии, а потом в России — таков его послужной список. 1678-м годом датирован Царский указ: «Принять в службу иноземца Франца Лефорта с чином капитана...» Так двадцатидвухлетний Лефорт стал офицером одного из многих русских полков иноземного строя, которые завел в России Царь Алексей Михайлович. Лефорт участвовал в кампании против турок 1679—1680 годов, в несчастных крымских походах 1687—1689 годов. Вообще же слыл человеком легким, жуиром и мастером устраивать разные забавы. К началу их дружбы наемному вояке было тридцать пять, юному Монарху — восемнадцать. Многоопытный швейцарец сумел привязать к себе Царя и скоро стал его любимцем. Ушлый Франц устраивал для Петра Алексеевича то необычную потеху, то веселый пир, то встречу с полезным чужестранцем, то новое знакомство с девицей, «приятной во всех отношениях». По мнению современников, чуть ли не все беспутства юного Царя совершались тогда под влиянием и с участием Лефорта. Вот отзыв о нем хорошо знавшего его человека, князя Б.И. Куракина: «Лефорт был человек забавный и роскошный или назвать дебошан французский. Он непрестанно давал у себя обеды, супе и балы. И тут, в его доме первое начало учинилось, что Его Царское Величество начал с дама-

ми иноземными обходиться, и амур первый начал быть к одной дочери купеческой... Тут же в доме началось дебошанство, пьянство так великое, что невозможно описать».

Все это происходило сначала в просторном и богатом доме Лефорта в Немецкой слободе, а позже в роскошном по тем временам Лефортовском дворце, построенном, как утверждают историки, на царские деньги и подаренном Петром его любимцу. Здание это и теперь стоит в московском районе, называемом Лефортовым (вошел-таки в историю Москвы швейцарский наемник), на улице с экзотическим для столицы названием Коровий брод.

Вот этот Лефорт и свел Царя Петра с молодой и хорошенькой немкой из слободы Анной Монс. Судя по всему, Царь серьезно влюбился в нее и, естественно, охладел к жене. То разгораясь, то затухая на время длительных отлучек Петра, этот роман с Монс продолжался долго, до 1703 года. Уже не было на этом свете Царицы Натальи Кирилловны, уже не было в Москве сосланной в монастырь Царицы Евдокии Федоровны, уже не было умершего в 1699 году Лефорта, когда в кармане случайно утонувшего Саксонского посланника Кенигсена были найдены любовные письма, написанные ему Анной Монс... Такого Царь, конечно, не простил.

Как свидетельствуют биографы Петра I, знакомство с Анной произошло в 1692 году. Но при жизни матери молодой Петр еще сдерживал свои порывы. После ее кончины в 1694 году преград не осталось. Но и тогда, и еще несколько лет после этого Царица Евдокия Федоровна была вместе с сыном Алексеем, жила в Кремле, оставалась Русской Государыней, хоть и оставленной вниманием державного мужа.

Известно, что Царь Петр не любил ни Кремля, ни Москвы. Царица Евдокия, напротив, чувствовала себя в Царских теремах как дома. Жила она с сыном «наверху», так называли в то время жилые государевы комнаты дворца, куда лестница вела «наверх» от Боярской площадки и знаменитого Красного крыльца. Теремной дворец ее времени можно и сегодня увидеть, поднявшись в него по лестнице из Владимирского зала Большого Николаевского дворца. Конечно, те терема, что мы видим сегодня, это — парадный Царский дворец XVII века, в нем жили не всегда, были «наверху» и другие, более уютные и лучше приспособленные для жилья комнаты, но часть теремов использовалась Царской семьей постоянно. Например, верхняя Палатка или теремок со смотрильной башней служила местом для игр Царских детей. Известно, что в маленьком верхнем теремке, который и сегодня возвышается над дворцом и

виден издали, резвился и бегал маленький сын Петра и Евдокии Царевич Алексей Петрович...

Нынешнему гостю Кремля трудно представить себе в полной мере жилые покои Царского дворца семнадцатого столетия. Отдельные и просторные жилые покои были у Царя, Царицы, Царских детей и родных. Сложная система крытых переходов соединяла их, лежащие часто на разных уровнях, в некий изолированный от остального дворца городок. У каждого из жилых покоев были свои «висячие сады» для гулянья, где были не только газоны, дорожки, усыпанные песком, и клумбы с цветами, но иногда и кусты, фруктовые деревья и даже березки, любимые деревца Царя Алексея Михайловича. Устраивали сады так: на белокаменных или кирпичных террасах, специально возведенных в нужных местах, укладывали свинцовые пластины для удержания воды, делали несложную дренажную систему, подводили воду, которую «поднимала» из реки машина в Водовзводной башне, и насыпали специально привезенную садовую и огородную землю. «Висячие» верхние сады служили не только местом отдыха Царской Семьи, но и снабжали их ранней редиской, луком, салатом, а позднее — вишнями, сливами, яблоками. Известно, что в личном верхнем саду Царя Алексея Михайловича созревали так любимые им груши, которые он иной раз посылал в виде особого расположения Патриарху Никону, также большому их любителю.

Царица Евдокия Федоровна привычно пользовалась всеми преимуществами жизни «наверху» и растила Царевича, который был общительным и ласковым ребенком.

Мы не можем, конечно, точно рассказать о жизни в Царских теремах Царицы Евдокии Федоровны, но нам известно вообще, как жили в Кремле Русские Государыни и Государыни.

День в Царицыных покоях начинался очень рано. В 4 часа утра Царица шла на молитву в Крестовую комнату теремов, где ее ожидал священник. Службу она слушала на особом устроенном месте, отделенном от причта и других молящихся «камчатым завесом». После утренней молитвы к Царице приходил «близкий человек» Государя, спрашивать ее от его имени о здравии. И вопрошение, и ответ на него совершались через комнатных боярынь.

Все утро в Царицыных покоях посвящалось разного рода рукоделиям. Для этого была особая светлица, где работали царицыны мастерицы. Царица приходила сюда любоваться их работой, красивыми тканями, а иногда и сама принималась за вышивки — шелками, золотом, серебром, или унизывала мелким жемчугом и ка-

меньями какую-либо домашнюю утварь или ценный вклад в монастырь.

До обеда Царица выслушивала разные деловые доклады от своей боярыни крайчей. Она могла увольнять или нанимать служителей ее половины дворца, могла награждать кого-либо за заслуги перед нею, кроме того, она выносила решения, которые после объявлялись в особой палате, где «судился Царицын чин», как правило, это были разбирательства споров среди женской части двора или проступков. Много приходило к Царице прошений о милостивом вспомоществовании. Царица жаловала от себя не очень крупные суммы и монастырям, и церквям, и отдельным людям. Такие челобитья докладывал дьяк, который и записывал царицыно решение. Милостыня Царицы была скромна: частным людям — рубль, полтина.

«Обеденное кушанье» Царицы было одиноким, она обедала одна, в столовой палате, блюда подавали комнатные боярыни. Лишь изредка в особых случаях она обедала с Царем или сама «давала большой стол» в Золотой Царицыной палате для «приезжих боярынь», которые собирались по большим праздникам в Москве и привозили Царице и Царевнам традиционные подарки — так называемые «перепечи», особые сдобные и сладкие хлеба. Обряд «большого столования» в Золотой Царицыной палате по составу и количеству блюд почти не отличался от большого Царского стола, только не было крепких напитков и рейнских вин, их заменяли сладкие мальвазии и различные квасы.

«Выходы» Царицы бывали разными. Она могла относительно «просто» отправиться в ближайшую церковь в Китай-городе или к родным в их московский дом, тогда ее сопровождало около десятка ближних боярынь. По праздникам Царица надевала праздничные наряды и выходила к публике в большом царском наряде под балдахин, который держали над ней с помощью специальных рукояток четыре молодые боярыни. В «прощеные» дни, когда полагалось просить прощение друг у друга, Царица «запросто» принимала Царя, ближайших родных и Патриарха, которые приходили «прощатся» к ней в палаты.

За большими официальными торжествами, которые проходили в Грановитой палате Кремля, Царица всегда наблюдала через окошко, прорубленное специально для этого над входом в палату.

Однообразную жизнь Русской Царицы несколько разнообразили летние выезды в загородные резиденции или на богомолье в монастыри. Вместе с Царем Царица выезжала на несколько дней в Коломенское, Преображенское, Измайлово. Царский поезд охраня-

ли всадники Государева полка и пешие стремянные стрельцы. Но и в загородных дворцах жизнь Царицы была также регламентирована.

Сложны и строго определены были и одеяния Русской Царицы. Домашний наряд ее мало чем отличался от одежды богатых и знатных женщин того времени. Разница была в том, что боярыни могли дома позволить себе некоторые отступления от общепринятых норм, Царица же и Царевны — не могли. Несмотря на то, что они, как правило, никуда не выходили и их никто не мог видеть.

Нижняя белая рубаха Царицы была из тонкой и белоснежной материи. Верхняя рубаха шилась из цветных тканей, большей частью шелковых. И та и другая были полной длины. Верхняя бывала несколько шире нижней и имела очень длинные рукава с прорезями. Нарядные верхние рубахи или сорочки унизывали по швам мелким жемчугом, а рукава и оплечья вышивали золотом и серебром.

Целое исследование о домашнем быте, об одеждах, «столах», выездах и выездах Русских Цариц написал наш замечательный историк конца XIX века Иван Егорович Забелин. Он и его многочисленные ученики и последователи оставили нам полное представление о том, как одевались, что ели-пили, как жили Русские Цари и Царицы. В настоящем описании мы пользуемся сведениями из трудов И.Е. Забелина и его учеников.

Сверх рубахи или сорочки надевался так называемый летник. Он был короче рубахи, но рукава его бывали еще длиннее, их вышивали золотом, а подол обшивали другой материей с золотой тесьмой и бахромой. К воротнику летника пристегивали ожерелье, которое обычно носят на шее. С наступлением холодов летник опушали «бобровым пухом».

Еще одной верхней одеждой была телогрея — большое распашное платье, которое застегивалось по всему разрезу пуговицами или красивыми завязками. У телогреи бывали самые длинные рукава с разрезами, которые от локтя должны были спадать до самого пола. Шили царицыны телогреи из плотных и тяжелых тканей и украшали золотом, серебром, жемчугом. Телогреи обычно «строили», это был длительный и весьма ответственный процесс, в котором было занято много людей во главе с постельной боярыней. Для торжественных случаев поверх летника (летом) или телогреи надевала Царица мантию, которую называли «подволокой». Ее шили из шелка, разукрашивали золотым шитьем, а по швам мелким жемчугом, иногда и крупными драгоценными камнями.

На ногах у Царицы бывали красные сафьяновые сапожки, тоже прошитые по швам золотым узором, или чеботы — то, что сегодня называют дамскими туфлями. Их шили из атласа или бархата, украшали тем же золотым шитьем и унизывали мелким жемчугом.

Украшениями Царицы были мониста, перстни, серьги и обручи — род браслета из толстой золотой проволоки, гладкой, а иногда свитой вдвое или даже втрое.

И, наконец, последнее: с любой верхней одеждой Царица обязательно носила фату — батистовую, белую или цветную, которая целиком закрывала лицо, дабы «никто не осмелился дерзко взирать на Государыню Царицу всея Великия, Малыя и Белыя Руси».

Наряды Русской Царицы были наверняка красивыми, но, как мы сказали бы сейчас, несколько сложными и стеснительными. Они фактически не позволяли видеть в Царице женщину. Поэтому можно понять, как ахнул молодой Царь Петр Алексеевич, когда, приехав по делам в Немецкую слободу, увидел там обольстительных немок с декольте и оголенными плечами.

Что же до Царицы Евдокии Федоровны, то она, видимо, долго не представляла, какую опасность для ее семейного очага представляет собою Немецкая слобода, и, уж конечно, не ожидала страшного и незаслуженного несчастья, которое ждало ее впереди. Скорее всего, она знала о существовании Анны Монс, конечно, ревновала и страдала, пыталась вернуть мужа и отца... Но Петр Алексеевич, его внимание, его помыслы, его редкое свободное время уже целиком принадлежали обольстительнице из Немецкой слободы.

«Кто же и что была эта Анна Монс? Любила ли она Петра? Нашел ли он в ней верное, искреннее, понимающее сердце? — вопрошал в своем сочинении, посвященном тому времени, историк Н.И. Костомаров, и сам же отвечал: — Ничуть не бывало. Это был тип женщины легкого поведения, обладавшей наружным лоском, тем кокетством, которое кажется отсутствием всякого кокетства и способно обворожить пылкого человека, но само по себе заключает неспособность любить никого и ничего, кроме суеты и блеска житейской обстановки. Анна Монс не любила Петра и, приобретши уже до знакомства с ним опытность в амурных делах, завела после связь с саксонским министром Кенигсенном... Петру открылась измена; тогда Анна являлась перед Царем и запиралась самым пошлым образом, пока не была уличена вещественными признаками обмана. На такую-то женщину променял Петр свою законную жену, Царицу Евдокию, мать Наследника престола Алексея».

Возвращаясь, однако, ко времени до знакомства с Анной Монс, семейную жизнь Царя Петра нельзя считать неудавшейся. Есть свидетельства, что его порадовала весть о рождении наследника. Не все знают, что в Царской семье спустя полтора года родился еще один мальчик — Александр, который умер менее чем через год. И это, кстати, зафиксировала «опись прихожих» к Святейшему Патриарху: «1691 года, октября 3 в третьем часу ночи в исходе от Великого Государя Царя Петра Алексеевича по рождению сына его Государя Царевича Александра Петровича приезжал со здоровьем из походу из села Преображенского боярин Федор Авраамович Лопухин». Как видно из этой записи, Царь прислал к Патриарху с радостным известием своего тестя, дедушку новорожденного...

Но надо признать, что «воинские потехи» у Царя и тогда были на первом месте. В том же октябре 1691 года был, как утверждают документы, «великий и страшный бой у генералиссимуса Ф. Ромодановского, у которого был стольный град Пресбург. Рейтары ротмистра Петра Алексеева отличились...». Конечно, интересы молодого Царя лежали вне дома, и все время, годное для «Марсовых и Нептуновых потех», он проводит далеко от Москвы и от жены. Но так же поступали тогда и вельможи, и рядовые дворяне.

У нас нет оснований считать, что Царица Евдокия Федоровна считала отлучки супруга признаками недоброго лично к себе отношения. Но, узнав об Анне Монс, страдала глубоко и сильно. Молодая Царица еще надеялась на лучшее и наверняка жаловалась свекрови. Перед обольстительницей, однако, оказалась бессильной и вдовая Государыня. Возможно, она и умерла от горя, узнав о прелюбодеянии своего единственного сына.

А молодая Царица все надеялась и ждала, ждала и надеялась. Не горькими и заслуженными упреками, но истинной любовью проникнуты ее письма к мужу того времени, адресованные теперь уже в Архангельск.

«Предражайшему моему государю-радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой свет, на многие лета! Пожалуй, батюшка мой, не презри, свет, моего прошения: отпиши, батюшка мой, ко мне о здравии своем, чтобы мне, слыша о твоём здоровье, радоваться. А сестра твоя Наталья Алексеевна в добром здоровье. А про нас изволь лишь милостию своею непамятовать, и я с Алешенькой жива. Женка твоя Дунька».

В другом письме она пишет, что очень хочет видеть «пресветлые очи света моего и радости до скончания дней». Но ответа все нет и нет. И в письмах появляются упреки, но какие ласковые...

«Предражайшему моему государю, свету радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой батюшка, на множество лет! Прошу у тебя, свет мой, милости, обрадуй меня, батюшка, отпиши, свет мой, о здоровье своем, чтобы мне бедной в печалях моих порадоваться. Как ты, свет мой, изволил пойти и ко мне не пожаловал, не отписал о здоровье ни единой весточки. Только я бедная, на свете несчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровье своем. Не презри, свет мой, моего прошения. А сестра твоя царевна Наталья Алексеевна в добром здравии. Отпиши, радость моя, ко мне, когда изволишь быть...»

Ощущение надвигающейся беды появилось у Царицы Евдокии Федоровны, видимо, в 1695—1696 годах, когда стала заметной неприязнь между Царем Петром Алексеевичем и родичами Царицы, занимавшими тогда ключевые государственные посты. Конечно, Лопухины не скрывали недовольства пренебрежением, которое Царь являл Царице, их родственнице. Петрово окружение, надо думать, не без удовольствия наушничало Петру и настраивало его против Лопухиных. Пошли в ход и ложные доносы. По одному из них в 1695 году Царь лично пытал привезенного в застенки дядю Царицы, боярина Петра Авраамовича Большого Лапку. Не помогло, что этот боярин был всеми любим и уважаем, что во время бунта стрельцов в 1682 году он, первым среди стрельцких полковников, привел свой полк на защиту Царицы Натальи Кирилловны и маленького Царя Петра и, может быть, спас его от смерти. Истерзанного боярина, не найдя никакой вины его, Царь продолжал пытаться, и тот скончался в застенке.

Грозные признаки грядущей опалы встали перед несчастной Царицей в 1697 году. Открылся заговор против Петра, в котором участвовали Соковнин, Пушкин, Цыклер и другие. Подозрение в участии пало и на Лопухиных. И хоть вина родичей Царицы не была ни подтверждена, ни доказана, на них обрушились опалы. Отец Царицы Евдокии ближний боярин Федор Авраамович Лопухин был выслан из Москвы с приказом «жить в деревне до указа». Однако сделано это было негласно. Еще поздней осенью 1697 года власти кремлевского Вознесенского монастыря по давней традиции послали в день Святой великомученицы Екатерины — ее престол был в главной монастырской церкви — памятные подарки Государям и их ближайшим людям. Царице Евдокии Федоровне, как и Царю, в покои был отнесен образ Святой Екатерины в серебряном окладе ценою в один рубль, а ее отцу боярину Федору в числе пяти крупнейших вельмож государства — образ Святой Екатерины «писанный

на дубу без оклада». В конце года, правда, Царским указом ближний боярин Федор Авраамович был отправлен воеводою в далекую северную Тотьму.

Вскоре подвергся опале родной брат Царицы Авраам Федорович, который позволил себе по какому-то поводу повздорить с Лефортом. Дядю ее боярина Василия Авраамовича Лопухина послали воеводою в Шаронду, второго дядю боярина Сергея Авраамовича — в Вязьму.

В том же году Царь, даже не простившись с женой, отправился в заграничное путешествие. В его отсутствие явились ей и живые вестники несчастья — бояре Нарышкин и Стрешнев. По поручению и от имени Царя они уговаривали Царицу добровольно уйти в монастырь. Она наотрез отказалась.

В 1698 году Царь Петр Алексеевич возвратился в Москву ранее ожидаемого — его привели в столицу известия о стрельцком бунте, полученные им еще в Вене. 25 августа он въехал в Москву, повидаясь с Монс в Немецкой слободе, но к жене так и не зашел. Встретились Царь и Царица только через неделю, и то не во дворце, а в доме дядя Виниуса. Современники утверждали, что разговор длился четыре часа, но Петр лишь подтвердил свое решение удалить жену в монастырь. Она снова отказалась сделать это добровольно, не чувствуя за собой ровно никакой вины...

Но Царь был непреклонен — во второй половине сентября у Царицы Евдокии Федоровны насильно отобрали сына Алексея. Мальчику было уже восемь лет, и он, без сомнения, на всю недолгую жизнь запомнил эту сцену и вопли несчастной матери своей, когда ребенка буквально вырывали из ее рук. А 25 сентября к дворцовому крыльцу подали крытую повозку, запряженную парой лошадей, и отвергнутую супругу увезли в Суздаль, в Покровский девичий монастырь...

«Чем заслужила она заточение? В чем провинилась? — писал в прошлом веке Казимир Валишевский в своем историческом портрете «Петр Великий. Воспитание и личность». — Никто не мог даже подозревать, что она могла участвовать в политических интригах, в которых были замешаны Царевна Софья Алексеевна и ее сестры. К восстанию стрельцов, которое Петр намеревался тогда потопить в море крови, она была непричастна. Но Петр был непоколебим в своем решении. Правда, у него не хватало улик для обвинения Евдокии в чем бы то ни было, но он обошелся и без них. С гневом отталкивает он вмешательство Патриарха в пользу законного брака, и... разрушает узел...»

Лишь через двадцать лет в Манифесте от 5 марта 1718 года, когда в связи с «делом» Царевича Алексея Петровича несчастную Царицу привезли в Москву, чтобы вырвать у нее нужные Царю показания, будет впервые сказано, за что два десятилетия назад она была сведена с престола и заточена в монастырь. Сохранился оригинал Манифеста, в который Царь Петр собственноручно вписал это обвинение — «за некоторые ее противности и подозрения»... И все!

О том, что в 1698 году Царь руководствовался, решая участь жены, чувствами, а не разумом, говорит и такой факт: Русской Царице и матери наследника престола ее супруг не пожелал назначить от казны вовсе никакого содержания. Откровенные враги Царя, злоумышления которых против него были доказаны, получали из дворца немалое довольствие. Царевна Софья, став в Новодевичьем монастыре инокиней Сусанной, получила в 1700 году, согласно записям в Разметной книге, хлеба, рыбы, овощей, квасу, разных вин и пряностей на 5144 рубля — огромную по тем временам сумму. Ее сестра Царевна Марфа (инокиня Маргарита) — на 2650 рублей. А Царице Евдокии (инокине Елене), чтобы не умереть от голода, пришлось просить родных прислать съестных припасов и вина.

«Хоть сама и не пью, так было бы чем людей жаловать, — писала она в том же 1700 году брату Аврааму Федоровичу. — Рыбы с духами пришли и всячины присылай, здесь ведь ничего нет: все гнилое. Хоть я вам и прескушна, да что же делать? Покаместь жива, пожалуйте, поите да кормите, да одевайте нищую».

Трудно писать о годах, проведенных Царицей в Суздальском Покровском монастыре. Конечно, монастырь — место святое, в нем не может быть плохо, но Евдокия Федоровна была там не по своей воле, была фактически заточена, и у нее не могло быть должного отношения к монастырским тишине и покою. Для нее это были бесконечные недели, месяцы, годы, проведенные в воспоминаниях о счастливых днях, в раздумьях, в сетованиях на судьбу... Благодаря родным и друзьям, которых у нее оказалось немало, опальная Царица узнавала кое-что о жизни сына, о событиях, волновавших страну. Она даже получала письма от Алексея — он не забывал своей матери и несколько раз пытался завести разговор о ней с грозным отцом. Но Царь отвечал коротко: «Она для тебя умерла...»

Однажды Царевич даже навестил несчастную изгнанницу. Поездка готовилась и совершилась в глубокой тайне. Евдокия Федоровна увидела сына после восьмилетней разлуки. У нее отняли вось-

милетнего мальчика, а теперь перед ней стоял шестнадцатилетний юноша. О чем говорили они, не знает никто, но известно, что Царица благословила сына небольшим образом Божией Матери, который он увез с собой и перед которым часто со слезами молился. По возвращении в Москву Царевич узнал, что тайну сохранить не удалось. О встрече его с матерью узнала тетка Царевна Наталья Алексеевна, а от нее и сам Царь. Разразилась гроза! Петр, находившийся тогда с войском в Польше, срочно вызвал Царевича к себе, в Жолкву. Можно представить себе, что пришлось выслушать сыну от отца...

Вскоре, в 1709 году, в Суздале случилось событие, которое позже сыграло немалую роль в судьбе опальной Царицы. В город «для рекрутского набора» приехал майор, а по данным Б.А. Костина генерал-майор Степан Богданович Глебов. Глебовы — старый московский род. Как и Лопухины, они начальствовали в стрелецких полках, как и Лопухины, делали дворцовую карьеру, хотя, конечно, не могли равняться с Царской родней ни знатностью, ни чинами, ни богатством. Были, однако, соседями, хоть дома их и относились к разным церковным приходам. Один из Глебовых, стольник Леонтий, в 1691 году по благословению Патриарха женился на дочери думного дворянина Ивана Савелова. А другой, Степан, делал успешную карьеру в новых солдатских полках Царя Петра. Его-то и забросила военная служба в Суздаль. Прибытие в тихий городок государева человека, да еще в немалом чине, не могло остаться незамеченным. Наверняка узнали о его приезде и в Покровском монастыре...

Во всех исторических сочинениях дальнейшее описывается сходно: встретила-де опальная Царица хорошего человека, и полюбила его, и отдалась ему со всей силой нерастроченных чувств... О том же говорят и документы — письма Евдокии Федоровны к Глебову, якобы найденные у него при розыске, «пытошные листы» Степана Богдановича, в которых истерзаный генерал якобы признается, что «сошелся с ней в любовь и жил с ней блудно», и якобы собственноручное признание: «Я, бывшая Царица старица Елена привожена на Генеральный двор и с Степаном Глебовым на этой ставке показала, что я с ним блудно жила, как он был у рекрутского набору...».

Документы несомненно подлинные... И все-таки... Не верится во все это, хоть и нет доказательств обратного. А может быть, и есть они, только совсем в другой сфере надо их искать!

Попробуем представить себе систему взглядов и ценностей тогдашнего русского человека, принадлежавшего к традиционному об-

шеству, и поставим себя на место сначала Степана Богдановича Глебова. Сорокалетний генерал влюбился до беспамьяства в жену своего Царя, да так, что забыл и ее положение, и ангельский чин? Не верится... Польстился на соблазнительную женщину? Такое вполне возможно, если бы речь шла о другой женщине. Но в нашем случае Глебов знал и о десятках глаз, которые за ними наблюдают, и о хорошо налаженной системе доносов и сыска, и о крутом нраве Царя Петра — генерал не мог не знать, что тем самым подписывает себе смертный приговор. Сомневаюсь, чтобы он решился на это... Еще один вариант: он решил рискнуть в расчете на скорую смерть Царя, на воцарение наследника и возвращение его матери в Кремль. В таком случае генерал мог бы вознестись! Но как эфемерна надежда, как безумен риск и как страшен проигрыш! Нет, на такое мог бы пойти отчаявшийся капрал или романтический поручик вроде Мировича, но никак не генерал, имеющий за плечами двадцать пять лет Государевой службы. И, наконец, православного, да еще в начале XVIII века, не могло не остановить то, что перед ним была... старица Елена. Вот и получается, что Глебов, будучи в здравом уме, просто не мог пойти на «блудную связь» с суздальской монахиней.

Теперь обратимся к бывшей Царице. И для нее не мог быть легко преодолимым монашеский обет, пусть и не добровольно данный. Не забудем и о положении Царицы в допетровском обществе, а она принадлежала именно к нему. Само звание Русской Царицы было тогда на такой высоте, что иные буквально не смели поднять на нее глаза. Евдокия Федоровна безусловно понимала ни с чем на Руси не сравнимое величие своего Царского звания. Наверняка она не оставляла надежды, что ее Алешенька когда-нибудь вступит на престол и она вернется в Царский дворец — могла ли она пошлой связью пятнать свое имя! К тому же постоянный надзор... И монашеская мантия, и Царственное самосознание, и элементарная осторожность не могли позволить ей до такой степени увлечься пусть и любезным ее сердцу красавцем Глебовым...

Нет, не было такого в жизни опальной Царицы! Она даже в заточении не могла пошло «сойтись с генералом», потому что в собственных глазах продолжала оставаться Русской Царицей, Матерью Наследника и Великой старицей, подобно известной инокине Марфе, родительнице первого Царя из дома Романовых.

Откуда же письма, показания свидетелей и «чистосердечные признания»? Мы, русские двадцатого столетия, прекрасно знаем, как добываются и фабрикуются подобные «документы». И не надо счи-

тать ВЧК, ОГПУ и НКВД первыми среди подобного рода учреждений на Руси!..

Но почему тогда обвинение в «блуде», а не в «государственной измене», что было бы логичнее — Царица стремится к власти и интригует против Царя в пользу сына. Да потому, что для этого не нашлось не только оснований — их и не могло быть! — но и простого повода. А вот встречи бывшей Царицы с Глебовым в Суздале были! Нетрудно понять и откуда взялась «блудная версия». Ближайшее окружение Петра в то время погрязло в блуде, он стал для тогдашних вельмож, преимущественно выскочек, настолько обычным делом, что они просто не могли себе представить, что мужчина и женщина могут уединяться с иными целями... Разумеется, не сам Царь был автором «блудной версии». Он был обманут услужливыми подручными, которые преследовали собственные цели. В окружении Царя Петра Алексеевича было, к сожалению, достаточно лично заинтересованных негодяев, способных возвести на опальную Царицу любую напраслину.

Итак, что же случилось в Суздале в 1709 году? Узнав о приезде в город Степана Богдановича Глебова, которого она, скорее всего, знала по прежней московской жизни, несчастная Евдокия Федоровна сама послала за ним, чтобы узнать о новостях. Беседовали они, конечно, без свидетелей — зачем они им! В следующий приезд по делам службы Глебов, возможно, и сам пришел к Царице — и с новостями, и с гостинцами, а может быть, и с письмами от родных. Ничего большего не было и быть не могло!

Показательно, что обвинение в блуде против бывшей Царицы возникло лишь в 1718 году, когда печально известный П.А. Толстой уже привез из-за границы сбежавшего туда от отца Царевича Алексея. Было ясно, что Царевич будет обвинен. Это радовало и новую жену Петра, и Меншикова, и многих других, которые как огня боялись воцарения Алексея Петровича и возвращения его матери. И когда возникла реальная возможность уничтожить Царевича, было так соблазнительно навсегда устранить и бывшую Царицу.

«Дело» старицы Елены рассматривалось в Москве, в жутком Преображенском приказе. Царевича и его сторонников терзали в Петербургской Петропавловской крепости. Судьба несчастных была решена с интервалом в несколько месяцев. 15 марта 1718 года Царь Петр Алексеевич чинил на Красной площади кровавую расправу над друзьями бывшей Царицы и теми, кто был обвинен вместе с ней. На Лобном месте были колесованы и приняты лютую смерть многие. Самую страшную казнь Царь назначил мнимому соблазнителю

своей жены. Командира Преображенского полка генерала Степана Богдановича Глебова посадили на железный кол, а поскольку дни стояли морозные, укутали теплыми шубами, чтобы не замерз и подалее мучился. Только к концу следующего дня отдал он Богу свою душу. Но и этого показалось мало... Сохранился Царский указ Синоду: «Августа 15-го 1721 года — Степана Глебова, в бесприкладном преступлении и в письменном народном возмущении явившегося, анафемствовать повсегодно»... Через три с лишним года после казни Глебова уже не Царь Петр, а Император Петр Великий продолжал преследовать его в царстве теней...

Вернемся, однако, к тому времени, когда опальная Царица жила в Суздальском Покровском монастыре. Сведений о ее пребывании там чрезвычайно мало. Тем приятнее было обнаружить целый очерк известного нашего исторического писателя и издателя журнала «Русская старина» Михаила Ивановича Семевского, который так и называется: «Покровский девичий монастырь в Суздале — место заточения Царицы Е.Ф. Лопухиной». Он был написан полтора года назад, как результат поездки М.И. Семевского в эту обитель. И там, в этом очерке, я нашел подтверждение своему давно сложившемуся мнению о невинности Царицы в «блудной связи» с генералом Глебовым.

М.И. Семевский приводит в очерке свою беседу с тогдашним духовником Покровского монастыря отцом Иоасафом. Когда зашла речь о Глебове, он, оказываясь, вот что сказал своему гостю:

«А знаете ли, вопреки сочинению Устрялова, вопреки тем статьям, которые удалось прочесть о Лопухиной, я остаюсь в убеждении, что она невинна в связи с Глебовым! Вот на чем основывается мое мнение: Евдокия Федоровна была в высшей степени религиозна, это уж одно могло спасти ее от падения; с другой стороны, она была Царицей, помнила это, и едва ли решилась бы унижить свой сан связью с простым человеком, в те времена разврат не мог еще дойти до такой степени. Чтение книг религиозных, как-то Житий Святых — а она это чтение любила, как гласит предание, — равно как сказания о святой жизни подобной ей мученицы-затворицы в том же монастыре, и там же погребенной, великой княгини Соломонии должны были ее поддерживать... И еще одно обстоятельство, на которое не обратил внимания ни один из писавших о Евдокии Федоровне: по словам Манифеста, она имела связь с Глебовым с 1707 по 1718 год. Иными словами, связь продолжалась всю пору зрелости, полных сил и здоровья царицы. Но где же плоды этой любви? Неужели в продолжение 11-летнего сожительства их не было вов-

се, тогда как и царица, и генерал не заявляли себя бесплодием в законных браках. Почему же ни в одном застеночном документе нет ни слова, ни вопроса, ни заметки о детях? Или строгие судьи Лопухиной и Глебова в этом «блудном» деле сконфузились упоминать о детях? Итак, насколько достоверны любовные письма Евдокии Федоровны к Глебову, напечатанные Устряловым и другими, не принадлежат ли они перу какого-нибудь застеночного секретаря — вот вопрос, разрешение которого рано или поздно последует с обнаружением новых материалов... Ответ на этот вопрос вряд ли скажет нам что-либо против Глебова, против епископа Досифея, священников, монахов и монахинь, принявших от руки Петра лютую смерть на Красной площади. Все эти люди все-таки останутся невинными страдальцами...»

...Как отрадно, сформулировав свое, отличное от других, мнение о таком неоднозначном и далеком от нас событии, встретить вдруг подтверждение своей правоты... Хочется, вслед за отцом Иоасафом, еще раз повторить: да, пострадавшие в 1718 году от руки несправедливого и жестокого Царя были невинными жертвами, и первой среди них была, конечно, напрасно ошельмованная Русская Царица Евдокия Федоровна. Пусть Господь судит их гонителя!..

В очерке М.И. Семевского есть немало интересных страниц, посвященных Покровскому монастырю. Вот что рассказал в нем историк об исторических церквях монастыря, связанных с пребыванием там опальной Царицы:

«Внутри башни мы поднялись по узкой темной лестнице. Отворена была железная дверь, и я вошел в церковь Благовещения с бедным алтариком и двумя-тремя старенькими образами, с кирпичным полом... Церковь имеет аршинов восемь в длину, семь в ширину. В этой церкви, на жертвеннике царский сыщик Скорняков-Писарев 10 февраля 1718 года нашел вещь для него драгоценную — то была таблица, в которой для помину была вписана не государыня Екатерина Алексеевна, как было приказано, а царица Евдокия Федоровна. Это обстоятельство, громко возмущенное Манифестом от 5-го марта 1718 года, послужило одним из важнейших обвинений, как самой царицы, так и поминавших ее на эктиниях священников монастырских и самого епископа Досифея.

К церкви Благовещения с левой стороны примыкает маленькая церковь Михаила Архангела в два с половиной аршина ширины и шесть аршин длины. Из церкви — окно с решетками, в нем видны остатки слюды, заменявшей в древности стекла.

— Эта церковь была царицына, — замечает сопровождающая меня монахиня. — Она постоянно ходила сюда молиться, по тому самому, что ей был запрет ходить в общую церковь, для нее по коридорчику сюда был даже особый вход. Вел он через галерею в кельи царицы, они были деревянные о двух этажах. Стояли в ограде у ворот... А вот, глядите — это печка, что отапливала царицыну церковь, так и стоит засоримшись... А место царицыно было с правой стороны, обычное место, сказывали, только обито было красным сукном с позументом...

— Давно ли в монастыре живете? — спросил я маленькую сухонькую и бодрую мать Павлу.

— Сызмалства, — отвечает она. — Нас всех сюда маленькими берут, я была по третьему годку взята тетенькой моей в монастырь, с тех пор и живу, восьмой десяток, кажись, повалил, благодаря Богу...

— А знавала ли ваша тетушка что-нибудь о царице?

— Как не знать, знавала... Тетку мою Анатолией звали. Девочка еще была несмышленная, баловалась как-то у царицына палисадничка — у нее перед кельей палисадник был небольшой. И видит, что петух в царицын палисадник залетел, да как закричит: «Тетенька, тетенька, к царице петух залетел!» Да так громко, что всем слышно. А в ту пору царица у окошка сидела да и заплакала: «Вот меня царицей величать не хотят, а Господь Бог устами несмысленного младенца мя царицей нарицает». Подозвала девочку, пряник ей большой дала, а после и к себе в келью взяла, в прислужницы. Так и жила она при царице...»

...Мы упоминали уже, что Царица время от времени получала в монастыре вести о своем сыне, иногда — письма от него, а однажды шестнадцатилетний Царевич Алексей Петрович даже тайно приезжал к ней в Суздаль. Разлука Царицы Евдокии с единственным и любимым сыном была для нее, несомненно, так же тяжела, как и заточение. Однако и для Алексея — сначала маленького, потом юноши и, наконец, взрослого мужчины — оторванность от матери была не просто тяжела, она не лучшим образом сказалась на формировании его характера, его личности...

Царевичу Алексею Петровичу в этой книге посвящена специальная глава, но судьбы матери и сына так тесно переплелись, что и здесь, говоря об опальной Царице, нельзя совершенно обойти стороной несчастного Царевича. О нем много написано, его судьба стала предметом внимания и историков, и писателей, и художников. Но глубинные корни непримиримого разлада между отцом и

сыном, которые привели к гибели Наследника, лежат в тех самых событиях, о которых мы вели речь на этих страницах.

...Он рос чувствительным и сообразительным мальчиком, поэтому уже в ранние годы не мог не видеть слез брошенной матери, не мог не слышать сетований на ее судьбу если не от самой Царицы — она вряд ли говорила об этом, — то от многочисленных окружавших его женщин. Очевидно, что Алексей любил свою мать. Но восьми лет мальчика силою оторвали от нее, лишили привычного окружения, привычной заботы и распорядка с неизменными церковными службами и обязательными прогулками в кремлевских верхних садах. Из теремов Царевича перевезли в новый Потешный дворец села Преображенское. Рядом был экзерциц-плац с постоянной барабанной дробью и выкриками команд, за ним — Сокольничье поле с пушками, пирамидками ядер и треском ружейной пальбы, а совсем близко, у самого дворца, — избы Преображенского приказа — Тайной канцелярии петровского времени... Мир, так любезный сердцу Царя Петра и так чуждый его сыну! Так никогда и не привыкнет к бивуачному солдатскому житию Царевич Алексей Петрович.

У Царя Петра Алексеевича, надо полагать, были самые добрые намерения воспитать наследника должным образом. Известному ученому немцу барону Гюйссену была заказана программа обучения Алексея, он представил Царю «Methodus instructionis», в котором было подробно расписано, как, чему и когда следует учить мальчика. Но самому Царю было недосуг заниматься сыном, и практическое руководство подростком поручили случайному немцу Нейбауэру, для которого вершиною наук было «Юности честное зерцало».

Воспитание наследника явно не удавалось, в нем все более и более укоренились ощущения брошенности, ненужности. Они, видимо, усилились, когда в тринадцать лет отец записал его солдатом бомбардирской роты Преображенского полка и взял с собою в поход. Нотебург, Ладога, Ямбург, Копорье, Нарва — в этих местах кочует Царевич Алексей Петрович в войсковом обозе и, очевидно, чувствует себя лишним — среди грязи и крови, мерзостей и ужасов военного похода того времени. И отца он почти не видит — не до него Царю в этом походе!

И в десять, и в двенадцать, и тем более в пятнадцать лет Алексей прекрасно понимал и свое положение Наследника, и несправедливость, жестокость обращения Царя Петра Алексеевича. Именно в это время, несколько возмужав, Царевич чаще, чем прежде, стал получать через верных людей письма от опальной Царицы.

«Царевич Алексей Петрович, здравствуй! А я бедная, в печалях своих еле жива, что ты, мой батюшка, меня покинул, что в печалях меня оставил... А я тебя ради по сие число жива... Не ведаю, за что мучаюсь. А я же тебя не забыла, всегда молюся за здоровье твое Пресвятой Богородице, чтобы Она сохранила тебя и во всякой бы чистоте соблюла...»

И сама собою, с закономерной неизбежностью росла в сердце сына сначала неприязнь к отцу, а затем, возможно, и злоба, и ненависть. Царь Петр Алексеевич сам посеял в душе своего Наследника недобрые семена и позже пожинал лишь плоды рук своих.

Собственно, произошло то же самое, что случается в неблагополучных семьях, где родители пренебрегают своими обязанностями по отношению к детям или просто не думают о них. Наш случай отличался от других в личном плане лишь тем, что отец, бросивший жену и отобравший у нее ребенка, был Русским Царем, брошенная жена — Русской Царицей, а ребенок, сначала морально изуродованный, а затем и погубленный — Царевичем, который по воле отца так и не стал Царем...

В нашем случае, однако, все усугублялось дополнительными обстоятельствами, суть которых была в том, что сын не соглашался со многими действиями и поступками отца уже не личного характера. Это был протест не сына уже, но гражданина и подданного. Проявилось это, когда Царевич стал постарше, и мы более подробно поговорим обо всем этом в другом очерке, специально посвященном Царевичу и взаимным отношениям, взаимным обидам Петра и Алексея.

Пока же ограничимся напоминанием, что такого рода трагедия, к сожалению, случилась тогда на Российском престоле не впервые. Царь Иван IV Васильевич Грозный убил своего сына Ивана, и через одно поколение пресекался род Московских Рюриковичей. Царь Петр I Алексеевич убил своего сына Алексея, и через одно поколение пресекался Царский род Романовых по прямой мужской линии — сын Царевича Император Петр II стал в нем последним. И если после смерти Царя Федора Ивановича на Руси началась калейдоскопическая смена Царей, которая закончилась великой Смутой, то после гибели Императора Петра II началась череда дворцовых переворотов, целое столетие сотрясавших Россию.

Поистине велика и страшна ответственность Самодержцев, велик и страшен гнев Божий, который обрушивается на тех Помазанников, кто преступает Законы Его!

...Вернемся, однако, в 1718 год, когда преставился Царевич Алексей Петрович, а его страдалицу-мать препроводили для более строгого заключения в Старую Ладогу и поместили там в Успенский монастырь под неусыпный надзор. Сторожили Царицу надежно. Старая Ладога, как и Петербург, входила в Ингерманландскую губернию, а губернатором ее был Меншиков, который лично инструктировал офицера — капитана Маслова, отправленного с командой для надзора за Царицей.

Опальная Евдокия Федоровна провела в этой новой, еще более жесткой неволе долгие семь лет. Лишь после смерти Царя Петра, который стал за эти годы и Отцом Отечества, и Великим, и Императором Всероссийским, за бывшей Царицей приехали. Но не для того, чтобы облегчить ее участь. Напротив, старицу Елену «в секретном темном возке» отвезли в Шлиссельбургскую крепость — самую страшную государственную тюрьму России — и бросили там в подземную темницу...

Ясно, по чьему приказу это было сделано — судьбами России распорядились тогда два человека: Императрица Екатерина I и все тот же Меншиков. Оба они еще больше, чем прежде, боялись возвращения из ссылки Царицы Евдокии Федоровны, поскольку единственным Наследником престола стал ее внук Петр Алексеевич, сын несчастного Царевича Алексея.

Но прошло еще два года, и все в жизни старицы Елены неожиданно переменялось: на пороге камеры ее, полной крыс, появились люди в богатых одеждах, низко кланяясь и называя «Величеством», они провели ее в специально подготовленные теплые и красивые комнаты, а потом, дав отдохнуть, повезли в Москву. Бывшая Царица узнала, что на Всероссийский престол вступил ее внук Император Петр II Алексеевич.

Все, однако, было не так просто: бабушку юного Государя приказал перевезти из Шлиссельбурга в Московский Новодевичий монастырь все тот же Меншиков, который считал опасным для себя оставлять ее в далекой крепости. Уже после падения временщика старица Елена писала своему Царственному внуку:

«Хотя давно желание мое было не только поздравить Ваше Величество с восшествием на Престол, но по несчастью моему по се число не сподобилась, понеже князь Меншиков, не допуская до Вашего Величества, послал меня за караулом к Москве».

Караул этот был снят только после опалы Меншикова, и старица Елена переехала из Новодевичьего в Вознесенский девичий монастырь в Кремле, где жила в богатстве и почете, окруженная множеством прислужниц.

После ссылки Меншикова юный Император повелед составить специальный Манифест о многочисленных винах его, и первой из восьми главных провинностей бывшего любимца Петра значился произвол и насилие, учиненное им над особами Царского Дома — им самим, Императором Петром, и бабушкой его Царицей Евдокией Федоровной. Манифест этот по каким-то причинам не был опубликован и до сих пор хранится в архиве.

Кроме того, молодой Царь поспешил восстановить доброе имя отца своего Алексея Петровича. Он объявил ложными все выдвинутые против него обвинения и недействительными все относящиеся к нему распоряжения.

Манифесты и другие бумаги, касающиеся преследований отца и бабки, повелед вернуть в Петербург и там уничтожить, чтобы не сохранилась сама память об учиненных несправедливостях.

...Вернемся же к Царице Евдокии. Для нее богатые одежды, серебряная посуда, ларчик от внука с тысячей серебряных рублей, слуги, экипаж шестериком — все это было словно из иной, давно забытой прежней жизни. Она жила открыто, и сановные посетители наперебой спешили навестить старицу и заверить ее в своей преданности... Но теперь она лучше знала цену таким заверениям... В Вознесенском монастыре старица Елена прожила несколько месяцев, ожидая приезда из Петербурга внука своего, который намеревался ехать в Первопрестольную для Священного Коронования.

Тем временем при Дворе сложилась целая партия, которая делала ставку на Царицу Евдокию Федоровну. Об этом интересно писал сто пятьдесят лет назад историк Сергей Николаевич Шубинский:

«Когда на светлейшего князя Меншикова была наложена опала, общество взволновалось, как быть и что делать, было не ясно, как себя вести. Княгиня Аграфена Петровна Волконская, обер-гофмейстерина Екатерины I, жившая в Москве, собралась было ехать в Петербург, чтобы похлопотать у новых, близких к Петру II людей о себе и своих родных. Но послала письмо своему другу члену Военной коллегии Пашкову, жившему в Петербурге. Вот его ответ: «Поездку свою к нам изволь отложить, и дожидаться в Москве, а в Петербург ехать вам ныне не для чего... Я рад, что в здешнем помешательстве никто не упоминает о вас, и хорошо. Вам ныне более надлежит ездить к Государыне Евдокии Федоровне, на которую все уповаем, что она, Матушка наша, милостиво всех нас

укроет от повредителей наших, которые ныне ходят чуть живы от страха...»

Наконец, Император Петр II прибыл в Первопрестольную столицу. Вот как пишет об этом посол Испании при тогдашнем Российском Дворе герцог де Лири или просто герцог Лирийский, как его называли в России.

«Царь приехал в Москву 30 января, но не въезжал еще торжественно по причине простуды, которая причинила ему боль в груди. Его Величество остановился в загородном доме в 7 верстах от Москвы. Царь немедленно по приезде своем отправился инкогнито к своей бабке, которая жила в одном монастыре и никогда еще не видела его... Таким образом, Петр приехал к ней, но она чем-то ему не понравилась, и потому он к ней не имел доверенности, хоть она и ласкалась этой надеждою по причине большого ее желания властвовать. Несмотря, однако же, на это, он назначил ей на содержание по 60 тысяч рублей в год и отвел ей комнаты во дворце с услугою. Когда я видел ее, она была уже старухою, но меня уверяли, что она была отличной красоты».

Довольно подробно рассказывает об этом историк Н.И. Костома-ров, хотя сразу же признает:

«У нас нет достаточно подробных сведений о первом свидании Царственных внучат со своею бабушкою, старою Царицею-инокинею, но по некоторым данным видно, что оно происходило не очень сердечно. Великая Княжна Наталья (сестра Императора Петра II. — Примеч. ред.), любившая все иноземное, не хотела беседовать со старухою наедине, но при свидании с нею взяла с собою тетку Цесаревну Елизавету. Это сделано было для того, чтобы не заводила бабушка речей, о которых слушать и толковать внучке было неловко. Как встретился с бабкою Царь, не знаем, но известно то, что в заседании Верховного Тайного Совета, переехавшего с Царем в Москву, Царь предложил назначить своей бабке Царице содержание, приличное ее высокому сану, и Верховный Тайный Совет ассигновал ей в год шестьдесят тысяч рублей и, кроме того, постановил приписать ей волость в две тысячи дворов и на ее домашний обиход определить придворный штат».

Уже известный нам историк С.Н. Шубинский подтвердил эти сведения и добавил еще один весьма любопытный штрих в эту картину. Он писал:

«Император свиделся со своею бабушкою. При ней был учрежден особый придворный штат и назначено значительное содержа-

ние. Царице Евдокии были возвращены все Царские почести, но Императора не допустили подчиниться ее влиянию. Цесаревна Елизавета и Долгоруковы окончательно овладели Петром».

Император Петр II, может быть, и хотел следовать советам своей бабушки, но дочь Царя Петра от его второй жены воспрепятствовала этому.

Итак, через тридцать лет заточения Царица Евдокия Федоровна снова оказалась в центре внимания и интриг. Ее, скорее всего, огорчало, что она не получила при Дворе внука своего того веса и влияния, на которое, видимо, рассчитывала. Что такое могло случиться, знали все, это подтверждает и переписка влиятельных людей того времени. Известно, например, что к Царице много писал «хитрый лис» барон Остерман, рассчитывая обрести в ней союзницу. Известно и письмо герцога Лирийского своему шефу маркизу де ла Паз в Мадрид: «Нет сомнения, чтобы она (Царица Евдокия. — *Примеч. ред.*) не получила большого веса в правлении, когда Двор придет в Москву...» Такого рода опасения были в те дни у многих, кто не без трепета ждал появления в Первопрестольной юного Императора и его встречи с бабкой.

Как эти опасения, так и надежды не оправдались. Уже первая встреча с внуком насторожила Царицу Евдокию. Она решила предпринять еще одну попытку и сама приехала ко Двору 18 февраля. Старица пробыла в Кремлевском дворце довольно долго и сочла нужным преподать внуку родительское поучение. Но это явно не понравилось молодому Государю, что было сразу же замечено придворными. Толпа вокруг Царицы Евдокии стала редеть...

24 февраля совершилось Коронование молодого Государя. Бабушка его, конечно, участвовала во всех церемониях и торжествах, была на почетных местах, но после, сказавшись усталою, затворилась в своих покоях и участия в жизни молодого Двора почти не принимала. Более того, ей наскучил постоянный шум и гул на кремлевских улицах, и она пожелала перебраться в более тихий и отдаленный от кипучей правительственной жизни Кремля Новодевичий монастырь.

Казалось, ее время ушло безвозвратно. Но развитие событий сулило еще один всплеск внимания и интереса к последней Русской Царице. 19 января 1730 года скончался от простудной болезни Император Петр II. И об этом написал в записках своих герцог Лирийский:

«Лишь только министры Верховного Тайного Совета увидели, что Государь скончается непременно, то собрались во дворце со знат-

нейшими вельможами и стали рассуждать о наследовании Престола. Мнения разделились на четыре стороны:

Первая сторона была Долгоруковых, которые хотели возвести на Престол обрученную невесту Царскую... однако, увидев, что противники сильнее их, отказались от своего намерения.

Вторая сторона была Царицы, бабки покойного Царя, которой действительно предлагали корону, но она отказалась под предлогом глубокой своей старости и болезней.

Третья сторона желала видеть на Престоле принцессу Елизавету, дочь Петра I.

Наконец, четвертая сторона старалась о герцоге Голицинском, мать которого была старшей сестрой принцессы Елизаветы.

Но обе последние стороны были так слабы, что о предложении их даже не рассуждали».

О том, что кандидатура Царицы Евдокии Федоровны обсуждалась на заседании Верховного Тайного Совета, известно и из других источников. Из мемуаров мы знаем, что в те дни у ворот Новодевичьего монастыря не раз останавливались роскошные экипажи. Но о чем говорили со старицей Еленой приезжавшие к ней вельможи, мы не узнаем никогда. А чем все кончилось, известно — на Всероссийский престол была призвана дочь старшего брата Петра I Анна Иоанновна.

Воцарение родственницы Царица Евдокия Федоровна встретила доброжелательно. На торжествах по случаю Коронации она сидела в большом кресле с государственными орлами на почетном месте неподалеку от Императорского трона. После окончания церемонии новая Императрица подошла к ней, обняла и сказала: «Прощу, Ваше Величество, дружества ко мне. В моей же благодати к Вам беспокорства не питайте». Очевидцы утверждали, что обе Государыни прослезились.

В те дни Царица Евдокия Федоровна, кажется, в последний раз была при Дворе. О встрече с нею говорится в записках одной дамы, леди Ронда, которая приехала в Петербург с новой Императрицей из Курляндии:

«Она много говорила со мною, много сказала любезного и звала к себе ко Двору. Вообще, как видно, Царица не забыла ни аристократической вежливости, ни приемов придворной жизни. Она несколько толста; но, несмотря на лета, на ее лице остались следы прежней красоты. Евдокия держит себя важно, величественно, но всегда вежлива и ласкова. Ее живые глаза проникают в сердце того, с кем она говорит...»

Последние месяцы своей жизни Царица Евдокия Федоровна провела в Новодевичьем монастыре, о чем до сих пор напоминают известные «Лопухинские палаты», что стоят в его стенах возле Северных ворот, — самая богатая в архитектурном отношении постройка монастыря. Возводили ее, правда, не для Царицы Евдокии, а сорока годами ранее для дочери Царя Алексея Михайловича Царевны Екатерины. Но история сохранила за палатами прозвание лопухинских — уж очень необычной для России была судьба несчастной Государыни. Жила она в комнатах парадного второго этажа, куда вела ныне несохранившаяся наружная лестница. И венчала палаты тогда не скромная кровля, как сегодня, а устроенный на сводчатых потолках «верхний сад с гульбищем», окруженный парапетом, — ох и любили в тогдашней России «висячие сады», конечно, те, кто мог их себе позволить! По дорожкам этого «верхнего сада» и гуляла шестидесятилетняя Царица, поглядывая на монастырский двор и вспоминая свою нелегкую жизнь. В этих палатах, соединенных с храмом Преображения Господня и Лопухинской башней монастыря, 27 августа 1731 года и окончила свои земные дни последняя Русская Царица.

Евдокия Федоровна была не первой Русской Государыней, сведенной мужем с престола и заточенной в монастырь. Так же поступил со своей бесплодной женой Соломонией, урожденной Сабуровой, Государь Василий III. Его нельзя не понять — Русскому государству нужен был наследник. Сын Василия III от второй жены Царь Иван IV Васильевич насильно отправил в монастырь четвертую жену свою, и тоже бесплодную, Анну, урожденную Колтовскую.

Лишь один Царь Петр Алексеевич, преступив все Божеские и человеческие законы, насильно удалил от себя и постриг в иночество не просто супругу свою, но и мать Наследника Всероссийского престола.

Почему же поступил так Царь Петр? Думается, самый простой и самый верный ответ на этот вопрос дает Н.И. Костомаров:

«Историки пытались объяснить, что Евдокия не могла удовлетворить духовным потребностям Петра по своей узкости, закоренелости в предрассудках, приверженности к старине, богомольству, праздности и т. п., что гениальная натура великого преобразователя требовала чего-то иного, высшего, более развитого, нуждалась в такой женщине, которая могла бы его понимать, на что неспособна была дочь Лопухина... Нам кажется, ларчик проще открывается. Петр поступил так же, как поступал обыкновенно русский удал добрый молодец, когда, по выражению песни, зазнобит ему сердце

красна девица или «злодеюшка чужа жена» и станет ему «своя жена польнь горькая трава».

...Память о последней Русской Царице хранят и народные песни, записанные фольклористами, и название палат, где она прожила последние годы, и портреты, правда немногочисленные, на которых запечатлена несчастная Государыня, и ее личные вещи в Государственном Историческом музее, в музеях Новодевичьего монастыря в Москве и Покровского монастыря в Суздале. Многие православные монастыри и храмы помнят ценные вклады Царицы Евдокии Федоровны. А над Яузой высится соборная церковь во имя Михаила Архангела Спасо-Андроникова монастыря, построенная в конце XVII века Царицей на ее средства и на деньги других Лопухиных. Этот храм долгое время служил им родовой усыпальницей.

Однако последняя Русская Царица обрела свой вечный покой не там. Ее тело погребли в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря, где и ныне, рядом с Царевной Софьей Алексеевной, покоится прах Царицы Евдокии Федоровны Романовой, урожденной Лопухиной.

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

Не стоит удивляться тому, что Царевича Алексея Петровича, сына Государя Петра I и наследника Российского престола, мы поставили вслед за его Августейшей матерью в ряд выдающихся представителей рода Лопухиных. В нем действительно текла горячая лопухинская кровь, да и родство Лопухиных с Царским родом давало им естественное право считать сына дочери боярина Федора Лопухина своим. Они и считали его своим, близким, родным. Поэтому и помогали ему, как могли, как стремились помочь по мере сил его несчастной матери. За связи с опальной Царицей и Царевичем, за родственное отношение к ним Лопухины потерпели грозные опалы, пытки в застенках и казни.

Родство с Царствующим Домом в любой дворянской семье всегда почиталось великой честью, которой гордились не только ближайшие родственники Царской избранницы, но и их потомки. Поэтому не будет ошибкой сказать, что все Лопухины — и в восемнадцатом, и в девятнадцатом, и в двадцатом столетиях прекрасно помнили, что одна из представительниц их рода взошла на Престол Российского государства, а ее сын и их кровный родственник, пусть ему и не суждено было стать Царем, был отцом последнего Русского Императора по прямой мужской линии Дома Романовых.

Рассказ о Царевиче Алексее Петровиче, как одном из известнейших в истории людей лопухинского рода, закономерен. Но мы включили его в эту книгу вовсе не для того, чтобы просто напомнить об одержимости Царя Петра, который предпочел убить собственного сына, нежели оставить престол человеку, который должен был — по мнению Царя! — отказаться от его преобразовательских дел...

Да и так ли это было? Не заблуждался ли Царь, считая Царевича противником реформ в России? На этих вопросах и хотелось бы задержать внимание читателя, тем более что от правильного ответа на них в большой степени зависит оценка деяний и самого Царя Петра. Чтобы ответ не был голословным, обратимся к историческим фактам, историческим документам, суждениям крупных историков и попытаемся разобраться в положении России конца XVII — начала XVIII века, в политике ее Государей и побудительных причинах этой политики.

Об интересующем нас времени Василий Осипович Ключевский писал: в Европе «на развалинах феодального порядка... в XVI и XVII веках создавались большие централизованные государства, наряду с этим и народный труд вышел из тесной сферы феодального поземельного хозяйства... Благодаря географическим открытиям и техническим изобретениям открылся широкий простор для деятельности, и он начал работать на новых поприщах и новым капиталом... Оба эти факта — политическая централизация и городской, буржуазный индустриализм — вели за собой значительные успехи... Поэтому в XVII веке Россия оказалась более отсталой от Запада, чем была в начале XVI века. Итак, западное влияние из чувства национального бессилия, а источником этого чувства была все очевиднее вскрывавшаяся в войнах, в дипломатических сношениях, в торговом обмене скудость собственных материальных и духовных средств перед западноевропейскими, что вело к сознанию своей отсталости».

Исчерпывающая формулировка происхождения неизбежной оглядки на Европу, данная В.О. Ключевским, полностью объясняет усилия Российских Государей преодолеть этот разрыв, догнать Запад. Именно таким путем вели наше Отечество Цари новой династии Романовых.

Царь Петр вовсе не был первым Русским Государем, который обратил свои взгляды на Европу. Столь же последовательными европейцами были и его отец Царь Алексей Михайлович, и дед — первый Романов на Русском престоле. Это Царь Михаил Федорович около 1630 года создал первые в русском войске «полки иноземного строя», которые призваны были помочь России в надвигавшейся тогда войне с Польшей. Царь Алексей Михайлович широко развил идею регулярной армии европейского типа, при нем «иноземный строй» стал обычным, и солдатские полки составили основную силу Царского войска. В начале царствования Государя Алексея Михайловича был составлен устав или наставление для обучения

солдатскому строю — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Позднее появился «Новый строй — наказ разборщикам», на основе которого задолго до рождения Царя Петра тысячи русских мужиков проходили обучение военному делу по европейскому образцу.

Еще один довод, подтверждающий нашу мысль, — история русского флота. Построить его задумал Царь Алексей Михайлович. Он же пригласил в Россию корабельных мастеров из Голландии (из той самой Голландии, где позже будет черпать корабельную премудрость его сын). Эти мастера построили в Коломенском уезде на Оке первый русский морской корабль «Орел», который был переправлен в Астрахань, там оснащен и торжественно освящен. Одновременно для сопровождения «Орла» было построено несколько мелких судов, а также принята идея создания русского гребного флота (вспомним петровскую галерную флотилию и ее победу при Гангуте — вот где истоки этого успеха). Царь Алексей Михайлович искал и выходы к морю для России, но не путем кровопролитной войны, тянувшейся почти четверть века и истощившей силы государства, — мы имеем в виду Северную войну. Еще в 1662 году, за десять лет до рождения Петра Алексеевича, Царский посол обсуждал вопрос об аренде для русского флота гаваней в Курляндии. Что же до первого русского корабля, то его безвременно загубили печальные обстоятельства: освящение «Орла» в Астрахани состоялось в 1669 году, а через год, в 1670-м, захватившие город ватаги разбойника Стеньки Разина сожгли его вместе с мелкими судами.

Вспомним историю российского железнорудного промысла. Горно-металлургический промысел у нас зародился еще в 1491 году, когда государь Иван III послал первую геологоразведочную экспедицию на Цимлу, где были найдены рудные залежи. Именно тогда началась их первая добыча и переработка, правда в небольших масштабах. Основательное начало крупному производству (или, как сказали бы сейчас, индустриализации России) заложил Царь Михаил Федорович. Во второй половине 20-х годов семнадцатого столетия в Россию были приглашены из Западной Европы мастера-рудознаты, которых отправили с экспедициями на Северную Двину, в Соликамск, Мезень, на Печору, в Енисейск, Югорский Шар, на Канин Нос... Для «нахождения золотых и серебряных руд» был тогда же нанят английский мастер Бульмерр. Уже в 1634 году Царь Михаил Федорович послал людей «делать много меди на Москве» из уже найденных руд и освоенных рудников. В 1644 году некто Марселис из Гамбурга получил от Царя двадцатилетнюю концессию на устройство желе-

зодельных заводов на реках Костроме, Шексне и Ваге. А голландец Виниус уже делал к тому времени чугуны и железо близ Тулы. И хоть много чугуна, железа, изделий из него, оружия приходилось покупать на Западе (мы и потом делали то же самое), свое, отечественное производство развивалось. И это было за десятилетия до рождения будущего Царя Петра.

На этих страницах мы не открываем ничего нового. Эти факты известны давно, но кроме серьезных ученых ими мало кто интересовался, поскольку они не соответствовали официальной и господствовавшей концепции. Согласно этой концепции Царь Петр I Алексеевич был Великим преобразователем отсталой России; Государем, который ввел ее в семью европейскую; Отцом Отечества, которому потомки обязаны вечной благодарностью за его исторического значения труды...

Правда же состоит в том, что все, что сегодня приписывают одному Царю Петру, делалось на Руси и до него, и достаточно быстрыми темпами, но без «больших скачков», без сокрушительной ломки всего, что только есть вокруг, без насилия над людьми, над их волей и чувствами. Уже Царь Алексей Михайлович стремился взять от Европы все, что она могла дать России. Его старший сын Царь Федор Алексеевич также был убежденным сторонником сближения с Западом. При его дворе, что далеко не всем известно, носили европейское платье, многие придворные брили бороды, звучал клауесин.

В такой обстановке и явился на свет Царь Петр Алексеевич... Прочитав строки из большого исторического обзора, напечатанного в журнале «Родина» в 1913 году, когда праздновали 300-летие Императорского Дома Романовых: *«Вот он — великан ростом, в косую сажень в плечах, с силою гиганта, с трясущейся головой, с глазами, сверкающими безумием, с искривленными губами, с вечной жаждой разрушения, неуравновешенный в своих порывах, действовавший без всякого плана, постоянно стремящийся в неизвестные дали. Вот он, которого близкие ему люди называли «великим», а народ — «антихристом». Да простит ему всеведущий Господь его дела, его ошибки! Думается, что он желал блага. Что поделает, если этого не вышло! Видно, судьба России такова!»*

Согласитесь, не самая лучшая оценка деяний Царя, Государя всея Руси... Конечно, есть и противоположные оценки, приводятся «демократические» доводы в пользу Царя, который «на Троне вечный был работник». Да, Царь Петр сам умел делать почти все — его руки были мозолисты от топора, он мог составить чертеж корабля, лично

редактировал «Юности честное зерцало», рвал зубы, сам однажды сшил себе сапоги, мог зарядить пушку и нацелить ее... Да, человек дела, вникающий по-хозяйски во все детали и подробности... Но разве мало было на Руси отличных плотников, хороших чертежников, артиллеристов и сапожников?! Своим ли делом занимался Царь Петр, не увлекся ли тешащим самолюбие стремлением к ремеслу вместо того, чтобы должным образом подготовиться к государственным делам и заниматься именно ими. Ведь к этому он был призван самим рождением своим! Не надорвался ли Царь Петр на мелких делах, которые могли делать другие? Не говорит ли о неразумном устройстве Царем собственной жизни сама смерть его — он кинулся в холодные воды Лахты спасать тонущих матросов, простудился и вскоре после этого умер, оставив массу незавершенных дел и не оставив никого, кто мог бы достойно ему наследовать... Предвижу возражения: погибнуть, спасая других, отдать жизнь «за други своя» — это не блажь, а христианский подвиг. Да, это верно, может быть, для всех, но не для Царя, на которого Бог возложил особую ответственность за миллионы других людей, не для Помазанника Божия, которому Господь вручил целое государство, целый народ!

В девятнадцатом, а затем и в двадцатом столетиях личность и дело Царя Петра безудержно превозносили. О причинах этого мы уже говорили в предыдущей главе, посвященной последней Русской Царице Евдокии Федоровне. Не станем повторяться, но все же скажем, что гражданам следует знать подлинную историю своего Отечества, а не миф о нем. Нельзя полагаться на ходячие стереотипы, пусть они и устойчивы, пусть опираются на авторитет таких известных людей, как историк С.М. Соловьев или художник Н.Н. Ге, который в известной картине «Царь Петр I допрашивает Царевича Алексея Петровича в Петергофе» изобразил виноватого Цесаревича и праведно гневающегося Царя Петра. На этой картине следует остановиться, ибо она сыграла заметную роль в создании в глазах общества образа Царевича.

Художник задумал ее сразу же по возвращении из Италии. «Десять лет, прожитых в Италии, оказали на меня свое влияние, и я вернулся оттуда совершенным итальянцем, видящим все в России в новом свете. Я почувствовал во всем и везде влияние и след петровской реформы. Чувство это было так сильно, что я невольно увлекся Петром и, под влиянием этого увлечения, задумал свою картину «Петр I и Царевич Алексей», — писал позже Ге. — Во время писания картины я питал симпатии к Петру, говорил, что у него общественные интересы были выше чувства отца, и это оправдывало его...»

Николай Николаевич Ге очень серьезно подошел к работе над картиной: изучал исторические материалы, читал подлинные документы петровского времени и понял, что Царь Петр — отнюдь не идеал. И все же полностью освободиться от господствующей тогда точки зрения художник не смог. Он принял компромиссную точку зрения: «ни Царь, ни сын его не были правы, хотя общественные интересы оправдывали жестокость Петра». Это и привело к искажению исторической правды в талантливом произведении. И дело даже не в том, что допросы Царевича никогда не велись в Петергофе и что Царь во время таких допросов, как свидетельствуют современники, вовсе не был так эпически спокоен и грустен, как у Н.Н. Ге. Главное в том, что Царь видел перед собой не «блудного сына», но ненавистного сына Евдокии, который мешал его планам провозглашения Наследником престола маленького Петра Петровича, а Царевич вовсе не ощущал себя виноватым и не каеся. Так мастерски выполненный холст способствовал распространению ложного взгляда на историческое событие.

В искажении подлинного образа Царевича Алексея Петровича во многом виноваты литература и искусство. Особенно не повезло Царевичу в советское время. «Красный граф» А.Н. Толстой, о котором современники дружно говорили, что он столь же талантлив, сколь и беспринципен, написал увлекательный сталинистский роман «Петр Первый», в котором вдохновенно воспел правившего тогда кровавого тирана, находя его прообраз в «великом патриоте» Царе Петре. По этому роману сняли прекрасный фильм — сценаристом был, конечно, все тот же «граф», — где Н. Симонов сыграл на редкость героического и самоотверженного Царя, а Н. Черкасов — столь же ничтожного и отвратительного Царевича. Кстати, внешний облик кинематографического Царевича был целиком «списан» Черкасовым с картины Н.Н. Ге, о которой мы только что говорили. Рассказывали, что «вождь всех времен и народов» десятки раз смотрел эту картину. Конечно, после таких романов и кинофильма никакие иные интерпретации образов Царя и Царевича при Сталине были просто невозможны, а позже — действовала инерция. Так два художественных произведения, сделанные по специальному заказу, подменили беззащитную бедняжку Клио... Применительно к Царю Петру она не оправилась и по сей день — совсем недавно некоему грузину удалось поднять фигуру своего Петра над Москвою-рекою на несуразную и неприличную высоту...

Справедливости ради надо сказать, что в литературе нашего времени случались иной раз и другие оценки деятельности и личности

Царя Петра. Гораздо более близкой к исторической правде была, например, оценка Д.С. Мережковского, который попытался в своем известном романе правдиво показать и отца, и сына, проникнуть в их внутренний мир, в самую суть их расхождений. А Максимилиан Волошин в своей поэме «Русь», написанной в 1924 году, дал неожиданно современную и весьма точную характеристику деяниям Петра:

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям...

Однако любые попытки нетрадиционно взглянуть на Царя Петра Алексеевича тонули в дружном хоре славословия и ровно ничего не меняли в заданном общественном мнении.

...Это длинное отступление понадобилось для того, чтобы донести до читателя наше понимание принципиальных разногласий между Царем Петром и Царевичем Алексеем. О Царе до сих пор говорят как о поборнике всего нового и лучшего, как о Государе, устремленном вперед, а о Царевиче, даже осуждая жестокость отца и жалев сына, — как о ретрограде и стороннике московской старины. Это — вульгарное, примитивное и фактически неверное противопоставление. Да, они были противниками, но суть их расхождений в государственном плане была иной. К ней мы еще вернемся...

Сначала же о личных, семейных отношениях Царя и Царевича, наложивших серьезный отпечаток на всю трагедию «Петр — Алексей». На отношение Царя к сыну постоянно влияла стойкая нелюбовь Петра Алексеевича к матери Царевича и своей первой жене Царице Евдокии. Сын все время ощущал это. Исключение составляли, пожалуй, только детские годы. До восьми лет он рос в замкнутом и ласковом для него мире кремлевских теремов. Терема эти сохранились до сих пор. Гостю Большого Николаевского дворца достаточно подняться по лестнице, ведущей из Владимирского зала «наверх», чтобы увидеть палаты, где прошло детство маленького Царевича. Несомненно, любимыми местами его гуляний и игр были «висячие» верхние сады (они не сохранились) и доныне возвышающийся над Кремлем маленький теремок, надстроенный над теремами. Это большая, просторная и очень светлая комната, что для теремов было редкостью. Из окон теремка, а особенно из башенки, открывался чудесный вид на всю Москву и даже ее пригороды. Маленький Алексей Петрович был последним Царским отпрыском,

который резвился в этом удивительном теремке. Позднее дети Российских Государей росли в Петербурге.

Розовое детство кончилось для Царевича в 1698 году, когда его, восьмилетнего, отобрали у матери и увезли к отцу в Преображенское. Сделано было это грубо и жестоко, мальчика буквально вырвали из объятий кричавшей матери. Такое не забывается. Царевич никогда так и не простил отцу опалы и заточения матери, да и страшных лет, проведенных им в Преображенском, где под окнами дворца располагались избы знаменитого Преображенского приказа. Там каждый день пытали людей, постоянно раздавались крики боли и ужаса. Да и менее близкое соседство не было таким уж радужным. Из окон Царевича было видно Сокольничье поле, все изрытое окопами, флешами и другими фортификационными сооружениями. Там стояли пушки, лежали горки пушечных ядер и часто слышались выстрелы. На этом же поле, превращенном в эзерциц-плац, постоянно шли учения будущих гвардейских полков: выкрики команд, ружейная стрельба, перестроения шеренг... Словом, это был мир, близкий и милый сердцу Царя, но восьмилетний Царевич взирал на все это, как свидетельствуют источники, по меньшей мере с непониманием и неприязнью, а иной раз и с ужасом.

У нас нет сведений, которые говорили бы о том, что кто-либо специально занимался воспитанием маленького Царевича. Но то, что его обучали, несомненно. Известно, что Царь хотел дать сыну должное образование, и это ему удалось. Царевич Алексей Петрович знал латынь, голландский, французский и немецкий языки, неплохо разбирался в математике, фортификации (об этом мы еще скажем), интересовался географией, историей, естественными науками. Образование Алексея Петровича — очевидная заслуга Царя Петра. Но сколько-нибудь приятных воспоминаний детства и отрочества, связанных с отцом, у Царевича не осталось и остаться не могло.

До тринадцати лет Царевич Алексей жил в Преображенском дворце, время от времени сопровождая отца в его церемониальных и деловых поездках. Видимо, Царь хотел приучить сына к представительству, к условиям жизни при Дворе. Сохранилось немало описаний различных церемоний, в которых участвовал подросток Царевич. Принадлежат они, как правило, перу иностранцев, которые старались, описывая московскую жизнь, не упускать из виду наследника престола.

В известных записках «Путешествие в Московию» француза Корнелия де Бруина, который ездил по России в 1702—1703 годах, со-

держится, например, описание пышной свадьбы одного из любимцев Царя Петра, которая состоялась в Москве весной 1702 года:

«Свадьба самая праздновалась в Немецкой слободе, в доме генерала Лефорта, недавно умершего... Ехали туда все из города. Царь был впереди на величавом черном коне. Платье на нем было из золотой парчи, самой великолепной. По левую руку от него находился господин Александр Данилович Меншиков, одетый также в платье из золотой парчи, на отличном же коне, богато убранном и имевшем на передних ногах, как у царского коня, серебряные кольца... Вскоре затем увидел я царевича верхом на лошади, в сопровождении множества боярских детей, а стремянной прислужник вел под уздцы лошадь его. У ворот молодой царевич сошел с лошади и стоял, пока карета новобрачных не вошла в ворота, после чего царевич прошел через двор в дом».

В тринадцать лет Алексея Петровича записали в солдаты бомбардирской роты Преображенского полка. Его, еще малолетнего, Царь сначала отправил в Архангельск, где строились корабли, на попечение «сердечного друга» Меншикова, затем возил с армией по Ингерманландии, где русские войска брали шведские крепости Нотебург, Ямбург, Ниеншанц... «При армии» Царевич был до семнадцати лет. У нас нет сведений о том, чтобы Алексей Петрович как-нибудь проявил себя в сражениях, но очевидно и то, что Царь Петр в те годы отнюдь не считал сына бездарным и бесполезным. Правда, близости между отцом и сыном так и не возникло. Царь был занят и не пытался вникнуть в душу сына, не стремился понять его. Отчуждение углублялось, превращалось со временем в откровенную нелюбовь, если не сказать более.

И все же Царь считал сына единственным наследником престола и готовил его к государственной деятельности. В 1707 году Царь поручил ему организовать в Смоленске магазин для снабжения армии, и Царевич точно и в срок выполнил это поручение. Поскольку в то время была вполне реальной угроза шведского похода на Москву, Царь послал его в Первопрестольную для организации фортификационных работ — вот когда пригодились уроки крепостного дела, полученные в детские годы.

Алексей Петрович писал отцу из Москвы поздней осенью 1707 года: «Дело дешнее городовое зело было до сего времени худо (для того, что были надсмотрители над работниками худые), и я того ради предложил всем министрам, дабы они всяк себе взял по болварку (фольварк, земляное укрепление. — *Примеч. ред.*) и делали б скорее. А ныне разделено им всякому по болварку и кому

где определено, тому в сем письме ведомость. А дерновая работа уже гораздо худа, для того, что здесь уже снег пал. Артиллерию, что надлежит к наличному, велел готовить. Гарнизон по данным Мусина пунктам, чтоб было в 13 000, и о сем говорил я, и господин Стрешнев людей боярских доставил к смотру, и ныне их смотрю, также господин Иванов рекрут, и господин Курбатов посадских. Хотели поставить вскоре, а как пересмотрю, буду смотреть лансармию».

Известно, что Царевич Алексей Петрович приехал в Москву 20 октября и несколько дней осматривал сделанное «под колокольный звон и салютационную палубу». Бастионы были не готовы. Царевич собрал начальников и сделал весьма дельные распоряжения. Работа пошла лучше. Это отметил и сам Царь, прибывший в Москву 5 декабря, чтобы удостовериться в готовности укреплений. И опять при осмотре падали пушки, и опять трепетали от страха ответственные за стройку вельможи. На этот раз обошлось, и Царь остался доволен и работой Царевича, и болварками. К счастью, они не понадобились. В этот свой приезд Царевич осмотрел и строительство храма Вознесения за Серпуховскими воротами, который строился «его иждивением».

Остатки земляных укреплений, построенных в то время Царевичем Алексеем у ворот Московского Белого города, археологи и строители находили в Москве даже в двадцатом столетии. Пусть они оказались напрасными, потому что Король Карл повернул с войском на юг, где и был вскоре разбит при Полтаве, но Царевич настолько хорошо выполнил поручение отца, что был даже назначен им на какое-то время исправлять должность Московского губернатора. Затем Алексей Петрович укреплял Вязьму, а в начале 1709 года получил на короткое время главное командование над армией. Мы знаем об этом из донесения своему правительству английского посла при Российском Дворе: «...Его Величество, представив во избжание всякой распри между князем Меншиковым и фельдмаршалом Шереметевым, начальство над армией царевичу-наследнику, сам отправился в Воронеж». В год решающего столкновения России и Швеции на суше, еще перед славной Полтавской баталией, Царевич Алексей Петрович ездил в Москву для набора и обучения войска и привел к отцу пять подготовительных им московских полков.

И позднее Царь Петр поручал Царевичу ответственные дела: в 1711 году Алексей Петрович командует войсками, действовавшими в Померании. В ответ на очередной доклад он получил такой, например, ответ от отца, датированный мартом 1712 года: «Письма ваши

трои я на нарочных почтах и с куриерами получил, на которые не имею что ответить, ибо вам там будучи лучше возможно управить, по конъюнктурам нынешним смотря». Из этого письма ясно, что Царь полностью доверял способностям Царевича разобраться в обстановке и самостоятельно принимать правильные решения. Так было еще в начале 1712 года. Но позже произошла резкая перемена, которая привела к непримиримому и трагическому столкновению этих двух способных, самолюбивых, гордых и самостоятельно мыслящих людей.

Что же случилось? Что произошло?

Ответ, кажется, прост: в 1712 году Царь Петр Алексеевич официально женился на Екатерине Скавронской и понял, что у него может появиться новый законный наследник от второй и любимой жены...

Вернемся, однако, к нашему герою и попытаемся представить себе, каким все-таки человеком стал к своим взрослым годам Царевич Алексей Петрович? О сыне Царя Петра Алексеевича писали разное: одни, считавшие первого Русского Императора безоговорочно великим, называли Царевича злобным, упрямым, ханжой и ретроградом. Другие, противники Петра, считали чуть ли не святым. Истина, как всегда, лежит между крайностями.

«Царевич Алексей Петрович был не только неглуп, но даже очень умен, с примечательным рассудком, — пишет о нем знаменитый историк М.П. Погодин. — Самое убедительное тому доказательство представляют собственноручные его донесения отцу во время управления Москвою и при исполнении разных поручений, объяснения с цесарем, речи, обращенные к Шенборну, письма, писанные в Россию в Сенат и к архиереям, даже показания, сделанные в суде под пыткой, ответы на допросные пункты, писанные без приготовления. То же доказывают многие разговоры его о политических делах, суждения о России и других государствах, известные по несомненным документам. Ум виден и в его глазах, судя по портрету.

Он был достаточно образован: объяснялся и писал по-русски и по-немецки хорошо, и если не любил заниматься, то и не прочь был от занятий: читал книги, заботился о книгах, делал выписки даже во время болезни в Карлсбаде, просил о доставлении книг и выписывал, любопытствовал осматривать разные достопримечательности.

Был набожен, по крайней мере твердо знал устав церковный, беспрестанно просил священника для себя и в Неаполь и потом для своей возлюбленной, ездил из Неаполя перед отъездом в Россию молиться мощам святителя Николая Чудотворца в Бари.

Из обращения с людьми видно его доброе и снисходительное сердце. Готов был признаваться в своих ошибках и проступках...»

Известно не так много русских источников, которые помогали бы проникнуть во внутренний мир Царевича Алексея Петровича. Едва ли не больше можно узнать из записок, донесений, мемуаров и писем иностранцев, живших тогда в России, которых, естественно, интересовала и личность Царевича, и его отношения с отцом. На основании части этих материалов, собранных и опубликованных недавно научным сотрудником Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН С.В. Ефимовым, можно судить о жизни Царевича Алексея в северной столице уже в зрелом возрасте, о его поведении и даже мотивах этого поведения.

Впервые Царевич Алексей Петрович побывал в «Санкт Питер Бурхе» в 1704 году, пишет на основе изученных им материалов С.В. Ефимов. Это случилось во время похода русских войск на Нарву. Однако, в отличие от своих родственников — Царицы Прасковьи Федоровны, Царевен Натальи и Марфы и дочерей Царя Ивана Алексеевича, Алексей Петрович переехал в Петербург на постоянное жительство только в 1713 году, будучи уже женатым. Вместе с молодой супругой, урожденной принцессой Брауншвейг-Вольфенбюттельской Шарлоттой он поселился в специально для него построенном доме на левом берегу Невы недалеко от церкви Божией Матери Всех Скорбящих Радости. Этот мазанковый дом, крытый черепицей, называли «регулярным дворцом». Справа от него стоял «дворец» любимицы Государя Царевны Натальи Алексеевны, а слева — «дворец» Царевны Марфы. Место для домов Царской семьи было выбрано не случайно, а «из-за прекрасного местоположения и здорового воздуха...», так как этот участок не подвержен наводнениям, подобно другим частям города», — писал шотландец П.Г. Брюс, родственник знаменитого сподвижника Царя Петра.

Этим домом, однако, не ограничивались владения Царевича Алексея Петровича в Ингерманландии. Он владел запасным двором на Второй линии Васильевского острова в Петербурге, усадьбами в Петергофе и деревне Купчино, Куровицкой мызой, землями в Нарвском, Алаторском и Ладожском уездах. Интересно, что своими владениями Царевич управлял сам и строго следил за отчетами управляющих. Объясняли это современники прозаически — у Царевича постоянно не хватало денег на содержание своего Двора и придворного штата супруги. Известный исследователь петровского времени Н.Г. Устрялов писал, что одно только жалованье придворным Царевны Шарлотты составляло 11 351 рубль в год — колоссальную по тем временам сумму.

В Петербурге Царевич Алексей Петрович старался жить тихо и уединенно и по возможности уклонялся от участия в шумных празднествах отца. Ганноверский резидент в Петербурге Ф.Х. Вебер отмечал в своих донесениях, что «Царевич обедает и ужинает со своими русскими кавалерами и любимое занятие его — чтение книг». Кстати о книгах. Царевич собрал довольно значительную библиотеку на русском и иностранных языках, в которой преобладали книги по всемирной истории, богословию, философии, генеалогии, церковному и гражданскому праву. Эти книги он купил главным образом во время зарубежных путешествий. Среди книг, купленных во второй половине 1714 года, значатся в расходной тетради 73 тома. Среди них — «Книга Есопа», «Филология», «О познании самого себя», «Церковные истории», «Гибнерова генеалогия», «Толкование на Евангелия» и другие весьма серьезные издания.

Царевич довольно много читал: многие заставляли его за чтением житий святых и евангельских текстов, штудированием европейских трудов по истории. Уже упоминавшийся нами Н.Г. Устрялов на основании документов писал: «Царевич во время пользования водами (это было осенью 1714 года, когда он ездил лечиться в Карлсбад. — *Примеч. ред.*) внимательно читал сочинения Барония и выписывал из него то, что относилось к современному порядку дел, присовокупляя нередко и свое мнение». Нас интересует даже не сам факт чтения Царевичем книги историка и кардинала Цезаря Барония «Деяния государственные и церковные от Рождества Христова до 1198 г.», а то, что Устрялов назвал «своим мнением». Вот — несколько из этих любопытнейших свидетельств образа мыслей Царевича Алексея Петровича: «Своеволие обуздай разумом», «Не считай себя мудрее других», «Заслужи любовь, а не страх подданных», «Будь правосуден, не взирая на лица», «Укrotи жестокосердие даже в отношении врагов», «Не унимай вольного языка», «Правда да спит с тобою»... Целая программа поведения мудрого и справедливого правителя!

Отметим, что среди добрых истин, записанных Царевичем в свою записную книгу, нет и намека на его несогласие с сутью преобразований, проводимых его отцом.

Есть немало и других свидетельств, которые говорят о том, что Царевич Алексей был за продолжение нововведений, начатых, как мы знаем, даже не отцом его, но дедом и прадедом. Просто в те времена — вспомним умозаключение В.О. Ключевского — идеи реформирования России носились в воздухе, мыслящие люди постоянно говорили об этом и соответственно действовали на протяжении почти столетия, едва ли не с начала XVII века. Только глупцы

могли тогда желать сохранения в неприкосновенности старой Московской Руси. Царевич конечно же не был таким...

Царевич Алексей поддерживал программу отцовских реформ, тем более что Царь всего лишь продолжал в этом отношении политическую линию, которую вели все без исключения Романовы на Российском престоле. Расхождения были не в программе, не в сути реформ, но в методах, темпах и способах их проведения. Вот в этом Царевич был не просто несогласным, но антагонистом отца, и их отношения — учитывая натуру и характер Царя Петра — не могли кончиться ничем хорошим. Два характера и две концепции проведения одних и тех же реформ неизбежно должны были столкнуться.

Но есть и еще одна, очевидно, более всего скрытая причина трагической гибели Алексея Петровича. К моменту начала так называемого «суда» над Царевичем, у него появился брат, еще один Царевич — Петр Петрович, сын любимой Петром Екатерины. Влияние на Царя его второй жены очень велико. По свидетельству современников, только она одна знала, как успокоить Царя в моменты эмоциональных взрывов, только она могла «уговорить его». Трудно понять корни и причины исключительной силы воздействия этой женщины на Царя Петра Алексеевича. Как утверждают практически все, она не блистала ни красотой, ни воспитанием, ни умом, зато была удивительно неприхотливой, выносливой и сильной физически. Даже бывалые воины дивились, что Царица, будучи в походе, могла неделями спать без всяких удобств, есть из солдатского котла. Удивляя окружающих, она могла поднять за самый конец тяжеленный фельдмаршальский жезл... Видимо, именно такая «походная жена» и была нужна неподалеку Царю.

Эта влиятельная Царица и невзлюбила Алексея Петровича. А историк Н.И. Костомаров прямо утверждает: «Екатерина вооружала его против сына». Вторую жену понять можно: она заботилась о том, чтобы Русский престол достался ее сыну, а не законному наследнику... Царевич Петр Петрович прожил недолго, но самым фактом своего существования сыграл роковую роль в судьбе старшего брата.

Новая Царица была, впрочем, не одинока в своей ненависти к Царевичу Алексею. С нею заодно был еще один влиятельнейший человек того времени — светлейший князь Меншиков. Если Царица боялась возможного воцарения Алексея Петровича из-за своего сына, то Меншиков приходил в ужас от одной мысли, что ему придется отвечать перед новым Царем за все, что он натворил, пользуясь покровительством старого. Алексей Петрович на троне грозил шустро-

му Алексашке неминуемой гибелью. И он делал все, что мог, чтобы отделаться от ненавистного Царевича.

Обо всем этом, конечно, шептались в то время в Петербурге, но официальное отношение к Царевичу Алексею Петровичу, видимо, накладывало свой отпечаток на общественное мнение о нем. Иностранцы, в частности, считали, что он убежденный приверженец московской старины. Уже упоминавшийся выше С.В. Ефимов цитирует сочинение пленного шведского офицера «Состояние России при Петре I»: «Кронпринц испытывает большую неприязнь к иностранцам, и хотя он женат на иностранной принцессе, сам бывал в чужих краях и учился их языкам, однако во всем, помимо наружных одежд, придерживается прежних русских обычаев... и кажется, что принц лишь внешне следует иностранным манерам, а приветлив с иностранцами более из страха перед отцом, чем в силу собственных склонностей и желаний».

Французский дипломат А. де Леви доносил в Париж: «...если Бог отзовет его (Царя. — *Примеч. ред.*) из здешнего мира, то можно опасаться, что его преемник вместе с дворянством покинет этот город, чтобы возвратиться в Москву и восстановить там свою резиденцию, и что Петербург опустеет... дела примут совершенно иной оборот и придут в прежнее состояние».

Как видим, иностранцы подчеркивали, а может быть, и раздували расхождения между отцом и сыном, скорее всего, в собственных интересах. Неблагодарное дело гадать, что случилось бы, если бы... Но можно предположить, что Россия, оказавшись она под властью Алексея Петровича, развивалась бы по-петровски, но избежала бы «ломки по живому», ненужных тягот и жертв, оскорбления национального достоинства русских, а следовательно, и народных проклятий...

Но оставим всяческие «если». Припомним коротко, что случилось на самом деле. Поняв, наконец, реальность угрозы и почувствовав, что его ждет, Царевич предпринял попытку скрыться от своего страшного отца.

Он бежал в Австрию, что было логичным, коль скоро он решился на такое: в Вене правил тогда его свояк Император Священной Римской Империи Карл VI — и Алексей, и Карл были женаты на родных сестрах, принцессах Брауншвейгских. Император, конечно, потребовал объяснений, и Царевич написал строки, которые говорят о многом:

«Свидетельствуюсь Богом, что я никогда не предпринимал против отца ничего несообразного с долгом сына и подданного, и не

помышлял о возбуждении народа к восстанию, хотя это легко было сделать, так как русские меня любят, а отца моего ненавидят за его дурную низкого происхождения царичу, за злых любимцев, за то, что он нарушил старые хорошие обычаи и ввел дурные, за то, что не щадит ни денег, ни крови своих подданных, за то, что он — тиран и враг своего народа».

Вчитайтесь — и здесь осуждение поведения Царя, но не его реформ...

Император Карл поместил своего свояка сначала в замок Эленберг в горном Тироле, а затем — под Неаполем в замок Сент-Эльмо, где беглец жил, как частное лицо, со своей спутницей Евфросинией.

Царь Петр сделал все, чтобы вернуть убежавшего сына. Он прислал к Царевичу послов — Толстого и Румянцева, которые передали ему прощение отца, если Царевич вернется в Россию. Царь обещал выполнить и просьбу сына — позволить ему жениться на девице Евфросинии. Что угодно — только вернись!

И он вернулся, поверив Царскому слову!

Толстой и Румянцев привезли Царевича в Москву 31 января 1718 года, где Царь Петр вел тогда «следствие» по «делу» Царицы Евдокии Федоровны, которую допрашивали в Преображенском приказе. А 3 февраля состоялась первая встреча блудного сына с родителем. Для этой встречи Царь собрал в Ответной палате Кремля представителей всякого чина людей «кроме подлого звания» и в их присутствии укорял Царевича. Он торжественно объявил, что лишает его наследования Русского престола, но прощает и не будет карать, если он назовет всех своих сообщников. После этих слов Царь вывел сына в соседний покой, и там Алексей Петрович назвал отцу имена помогавших ему людей, прося Царя не наказывать их. Несчастный Царевич выдал тогда многих: своего друга Кикина, князя Вяземского, князя Долгорукова, Царевну Марию Алексеевну и других. Всех названных тут же схватили, страшно пытали, в ходе пыток прозвучали новые имена, которые так же попали в эту гигантскую мясорубку. Царь Петр, читая все «допросные листы» и лично участвуя в пытках, решил, что сын назвал имена не всех своих друзей. И посчитал, что руки у него развязаны. Петр Алексеевич тут впервые применил формулировку «за сие пардон не в пардон», что, по его мнению, давало право признать недействительным прощение, данное им Царевичу ранее.

Алексей Петрович обо всем этом, видимо, еще не догадывался, потому что в конце февраля писал отставшей от него в дороге из-за беременности Евфросинии: «Батюшка ко мне милостив; слава Богу,

что от наследства отлучил. Дай Бог благополучно пожить с тобою в деревне...»

Еще в начале 1718 года Царь Петр потребовал от своих подданных отречения от наследника Алексея Петровича и новой присяги новому наследнику, своему малолетнему сыну от Екатерины Царевичу Петру Петровичу. Это вызвало недовольство в народе. Были и открытые проявления этого недовольства. Например, 2 марта 1718 года, когда Царь был в церкви, к нему подошел некий старик и подал лист бумаги. Это был печатный экземпляр новой присяги Царевичу Петру Петровичу и отречения от Царевича Алексея Петровича. И внизу, под печатным текстом, было написано крупным и четким почерком:

«Святым пречестным Евангелию и животворящему Христову Кресту поклоняюся и лобызаю ныне и всегда во избавление грехов моих... а за неповинное отлучение и изгнание Всероссийского Престола Царского Богом хранимого Государя Царевича Алексея Петровича христианской совестью и судом Божиим и пресвятым Евангелием не клянусь, и на том животворящего Креста Христова не целую, и собственною моею рукою не подписуюсь... Хотя за то и царский гнев на меня произойдет, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой за истину аз раб Христов Иларион Докукин страдати готов. Аминь, аминь, аминь».

18 марта после московских казней Царь, захватив Царевича, уехал в Петербург.

В Петербурге, куда приехали на четвертый день, Царевича Алексея Петровича поселили не во дворце, а в доме «корабельного мастера Пальчикова». Этот дом и сейчас стоит на Дворцовой набережной под номером 22. Ныне это — двухэтажный особняк, который объединил под одной крышей сразу два старинных дома — угловой «дом Мурзина» в девять окон по фасаду и «дом Пальчикова» в пять окон. Вот в этой пятиоконной части нынешнего дома, подальше от угла, и поместили Царевича. Сюда приезжал для разговора с Царевичем Царь Петр, здесь состоялась и та «беседа», которую хотел отобразить Н.Н. Ге в своей картине, отсюда Цесаревича увезли в Петропавловскую крепость, откуда он так и не вышел.

Узнав о возвращении Царевича, князь Василий Долгорукий не удержался от публичного возгласа: «Вот дурак! Поверил, что отец посулил ему жениться на Афросинье! Жолв ему, а не женитьба! Черт его несет: все его обманывают нарочно». За эти слова неосторожного князя посадили в Петропавловскую крепость, благодаря чему мы, собственно, и узнали о его высказывании... Князь оказал-

ся прав. Царь и не собирался держать слово: последовали допросы, застенки, пытки.

Известно свидетельство одного из крестьян Мусина-Пушкина: работник был на мызе, где держали Царевича. После приезда туда Царя Царевича повели «под сарай», и оттуда долго слышались стоны и крики... Впрочем, факта пыток Царевича не скрывают и официальные документы. Становится понятно, каким путем были получены «собственноручные признания» Алексея Петровича. А «показал» Царевич страшное — будто просил у Цесаря войска, чтобы идти на Россию отвоевывать для себя трон... Сразу оговоримся, что и в прошлом, и в нашем столетиях ученые искали в архивах и России, и Австрии хоть какие-то подтверждения подобной просьбы. Ни в одном документе, а они сохранились, нет и намека на подобное!

Последние дни жизни Царевича Алексея были ужасны. Но не о нем и не о них хочется говорить в связи с этим. Эти трагические и страшные дни привнесли новые черты в характеристику Царя Петра Алексеевича. Можно сколько угодно говорить и о жестокости нравов того времени, и о дурном характере Петра, о его вспыльчивости и импульсивности, но история России ни до него, ни после не знала случаев, когда Царь-отец лично пытал бы сына-Царевича.

Еще один штрих — обман с высоты Престола. Кажется, это был тоже единственный случай — Цари могли быть несправедливыми, жесткими, жестокими, наконец, но они никогда не лгали своим подданным. Царь Петр и в этом оказался единственным в своем роде. «Верность данному слову всегда первою общественною добродетелью... Петр дал сыну свое родительское обещание не наказывать его, а потом предал мукам и смерти», — с горечью констатировал Н.И. Костомаров.

И еще одно, последнее, — стремясь уничтожить ненавистного сына, Царь Петр предпочел сделать это чужими руками: не он, видите ли, решил судьбу Алексея Петровича, а беспристрастный суд государственных людей... Напомним, что каждый член этого суда был в полной власти Царя и каждый боялся его пуше огня. Из 127 членов суда свои подписи под смертным приговором поставили 124 человека. И первым был, конечно, «мин херц» — Александр Меншиков, который не счел нужным указывать при этом чины и звания свои, как это сделали все другие, а написал только имя и фамилию, подобно августейшей особе...

И об этом хорошо написал В.О. Ключевский: «Служить Петру еще не значило служить России. Идея Отечества была для его слуг слишком высока, не по их гражданскому росту. Ближайшие к Петру люди

были не деятели реформ, а его личные дворцовые слуги... Эти не были в душе ее приверженцами, не столько поддерживали ее, сколько сами за нее держались, потому что она давала им выгодное положение».

Русские люди еще тогда, при Царе Петре, прекрасно понимали, что их Государь делает применительно к сыну недоброе и недолжное дело. Не случайно же свои подписи под неправым приговором поставили не все члены суда, недаром многие жалели Царевича и осуждали Царя. И позже, несмотря на безудержную официальную апологетику, было много россиян, отнюдь не считавших Царя Петра Алексеевича Великим Государем. Сделать это им не позволяло нравственное чувство — обман, коварство, убийство наши соотечественники никогда не оправдывали ничем.

А здесь — сам Царь проливает Царскую кровь!.. Многие считали, что Царь своим поступком указал дорогу последующим царубийцам. В заключительных страницах романа Дм. Мережковского «Петр и Алексей», описывая «суд» над Царевичем, писатель вкладывает в уста своего героя Алексея Петровича поистине пророческие слова, обращенные к отцу:

«Кровь сына, кровь русских царей на плаху ты первый прольешь... И падет сия кровь от главы на главу, до последних царей, и погибнет весь род наш в крови. За тебя накажет Бог Россию!»

И разве не видим мы с вами, как тяжко это наказание. За убийством Царевича Алексея последовали убийства Императоров Петра III, Павла I, Александра II, Великого Князя Сергея Александровича, а затем всей Императорской Семьи Государя Николая II и других Августейших мучеников. Царская кровь перестала быть для России священной. И первый шаг к этому сделал Царь Петр.

И еще одну, последнюю, цитату позволю себе привести — из сочинения Н.И. Костомарова: «Трагическая судьба Алексея Петровича оставляет в истории поучительный образчик того нравственного закона, по которому содеянная несправедливость влечет за собою необходимость совершить другую, иногда целый ряд несправедливостей... Петр в молодости совершил несправедливое дело с женой... И вот делает еще одно несправедливое дело...»

Цепочка несправедливостей на этом не обрывается. Внук Царя Петра и сын Царевича Алексея несчастный Император Петр III Алексеевич из-за несправедливых суровостей деда оказался одинокой и беспомощной игрушкой в руках честолюбцев, которые меньше всего думали о нем и о России. Сначала Меншиков пытался женить его на своей дочери, потом, после изгнания светлейшего, то же самое хотел сделать князь Догоруков. Никому из этих вельмож не было дела до

подростка-Императора. За ним просто недосмотрели, и он увял, так и не успев распуститься...

Но и это еще не все. Закоренелая ненависть Царя Петра сначала к постылой супруге, а потом к строптивому сыну через десятилетия обернулась подозрительной нелюбовью императрицы Елизаветы Петровны к Лопухиным — членам фамилии, которую не жаловал и преследовал ее отец. И снова были пытки, кровь, смерть...

Если же вернуться к Царевичу Алексею Петровичу, то чем все закончилось — известно. Царевич кончил свои дни задушенный убийцами, посланными его отцом. Судьба Царевича трагична, как, впрочем, и судьба его сына Императора Петра II, который просто не успел ничего сделать. После кончины этого малолетнего Царя прекратилось наследование Романовыми Российского престола по прямой мужской линии. Вместе с Императором Петром II ушла и лопухинская кровь из жил Российских Государей.

АДМИРАЛ СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ, ИЛИ «ЛОПУХИНСКОЕ ДЕЛО»

В актовом зале Санкт-Петербургского Высшего военно-морского училища, которое по праву считается преемником и продолжателем дела исторического Морского кадетского корпуса России, можно увидеть картину, занимающую едва не целую стену. Это групповой портрет выдающихся выпускников этого старейшего военного учебного заведения, во все времена воспитывавшего и готовившего офицеров Российского флота. Среди славных моряков, изображенных на холсте, рядом с первыми русскими адмиралами Ф.А. Головиным, Ф.М. Апраксиным, А.Н. Ногаевым, Д.Я. Лаптевым запечатлен и вице-адмирал Степан Васильевич Лопухин. Вот он, на этой картине, — красив: усы, короткий парик, кружевной галстук по форме того времени, гордый независимый взгляд... Конечно, было бы наивно думать, что это действительно портрет славного моряка, который жил едва не три столетия назад. Это — современное представление о русском адмирале анненского и елизаветинского времени.

Заслуги Степана Васильевича перед Российским флотом, перед Россией велики, о них мы еще расскажем, хоть и коротко. Но особую известность в отечественной истории сей доблестный офицер приобрел, по иронии судьбы, в связи с обстоятельствами, далекими от морской службы. В начале царствования Императрицы Елизаветы Петровны он стал невинной жертвой придворной интриги, направленной против совсем другого человека, о чем мы тоже расскажем. Главными пострадавшими в ней оказались вице-адмирал, его жена, их дети — Лопухины и дали имя этому громкому «делу», вошедшему в русскую историю восемнадцатого столетия. На их месте, впрочем, могли оказаться и другие представители верхушки русского об-

щества той поры, но именно Лопухины были наиболее подходящими для роли якобы «тайных заговорщиков». Причина проста: царствовавшая тогда дочь Царя Петра с детских лет впитала недоверие и подозрительность, нелюбовь к этому роду, многих людей которого жестоко преследовал ее Августейший отец. Поэтому и погибли — ошельмованные и очерненные — заслуженный моряк, его сын-подполковник, а супруга адмирала претерпела страшные мучения. Пострадало в связи с «Лопухинским делом» много и других людей.

Наш рассказ — об этой семье. Несчастной она стала лишь в 40-х годах восемнадцатого столетия, а до этого все было иначе. Расскажем коротко о главных действующих лицах этой драмы.

Степан Васильевич Лопухин родился около 1685 года в семье Василия Авраамовича Лопухина, брата отца Царской невесты, начавшего службу еще при Царе Алексее Михайловиче и бывшего у него стольником. Позже отец нашего героя служил стрелецким полковником, во время мятежа 1683 года оказал Царю Петру Алексеевичу «верную службу», за что получил Царскую благодарность и поместья. Впоследствии, уже после женитьбы Царя на его племяннице, он стал боярином и возглавлял Приказ Казанского дворца. Затем, как и все Лопухины, впал в немилость и был сослан в 1697 году воеводою в глухую провинцию. А дед Степана Васильевича, боярин Авраам Никитич Лопухин, также был близок к Царскому Двору, был боярином и «сидел» среди почетных гостей на свадьбе Царя Алексея Михайловича и Царицы Наталья Кирилловны, урожденной Нарышкиной, что было, естественно, до рождения Царя Петра.

Будущий адмирал получил хорошее образование: окончил Московскую школу математических и навигационных наук, что помещалась тогда в известной Сухаревой башне, а позже переехала в Петербург и стала именоваться Морским кадетским корпусом. Это была общая колыбель всех первых русских флотоводцев и морских командиров. После окончания навигационной школы Степан Васильевич Лопухин стажировался в Англии. А позже грамотный и инициативный морской офицер успешно служил на только что созданном Балтийском флоте и стал одним из первых русских моряков, кому Царь Петр доверил самостоятельное командование военным кораблем. В первые годы русского флота Царь назначил командирами иноземных судоводителей на русской службе, более доверяя их умению, а своих определял к ним помощниками «для научения и опыту».

Такую командную стажировку Степан Васильевич успешно прошел на нескольких кораблях и стал хорошим командиром. Об этом свидетельствует то, что в 1719 году, командуя шнявой «Наталия», он

не просто участвовал, но и отличился в памятном морском сражении при острове Эзель (ныне Сааремаа), в котором русская эскадра под флагом капитана Н.А. Сенявина — одного из нескольких славных флотоводцев, вышедших из этого рода, — пленила шведскую эскадру. Это сражение русского флота вошло в историю как первая победа его, одержанная в открытом море под парусами и под Андреевским флагом. Как известно, при Гангуте в 1714 году русские галеры действовали в шхерах и брали шведские корабли на абордаж. Капитан, а позже адмирал Сенявин особо поблагодарил шняву «Наталия» и ее командира за умелые действия в Эзельском сражении. Заметим, что шнява петровских времен была небольшим двухмачтовым кораблем, вооруженным лишь полутора десятком легких пушек, и заслужить отличие, командуя шнявой, было нелегко.

О службе морского офицера лучше всего может рассказать его послужной список. Приведем его здесь полностью так, как он опубликован в «Полном списке морских чинов Российского Императорского флота»:

«Лопухин, Степан

1708 г. Послан для науки в Англию. Находился в крейсерстве с голландским флотом, плавал к Архенгельску и был на английском корабле в походе по Вест-Индии.

1717 г. ноября 3. По возвращении в Россию произведен в лейтенанты.

1718 г. Командуя шнявою «Наталия», крейсировал в отряде капитан-лейтенанта Вильбоа у курляндских берегов.

1719 г. Командуя тою же шнявою, участвовал в сражении со шведами в Балтийском море в отряде капитана Н. Сенявина.

1721 г. января 19. За бытность в сражении произведен в капитан-лейтенанты. Командовал фрегатом «Стор-Феникс».

1723 г. Находился при работах в с.-петербургском адмиралтействе.

1724 г. Командовал фрегатом «Стор-Феникс».

1726 г. января 21. Произведен в капитаны III ранга. Командуя кораблем «Перл», находился с флотом на кронштадтском рейде.

1727 г. апреля 5. Назначен в генерал-адъютанты от флота, ранга полковника. В июле назначен Чрезвычайным посланником в Швецию. Сентября 27 из флотского списка выключен.

1740 г. сентября 11. В звании камергера назначен в морские генерал-кригс-комиссары. Октября 3 получил ранг вице-адмирала и велено присутствовать в Адмиралтейств-коллегии.

1742 г. января 17. Произведен в генерал-лейтенанты с назначением в должность Архангельского губернатора. Из морских списков исключен».

Как видим из послужного списка, Степан Васильевич Лопухин в царствование Петра I и Екатерины I по понятным причинам ограничивался чисто морской службой. Но в 1727 году, после воцарения своего внучатого племянника Императора Петра II и возвращения ко Двору двоюродной сестры Царицы Евдокии Федоровны, пусть и в качестве старицы Елены, Степан Васильевич был пожалован придворным чином камергера. Это было высокое отличие — в ту пору по штату при Дворе было всего восемь камергеров и они были приравнены к чинам IV класса по Табели о рангах, что соответствовало в армии генерал-майору, а на флоте — штуртбанхту или контр-адмиралу.

Послужной список свидетельствует и о том, что Лопухин был назначен на должность при шведском дворе. Более десяти лет был он во главе русской дипломатической миссии в Стокгольме. Это было нелегкое время для русско-шведских отношений — они только налаживались после долгой войны и несчастливой для Швеции мира. Очевидно, Лопухин оказался неплохим дипломатом, если так долго представлял Россию при шведском дворе.

В 1740 году последовало служебное повышение — С.В. Лопухин был назначен генерал-кригс-комиссаром по морскому ведомству и присутствующим в Адмиралтейств-коллегии в чине вице-адмирала. Первая должность была особенно важной, в обязанность морского генерал-кригс-комиссара входила повседневная подготовка флота к будущим военным действиям и снабжение его всем необходимым. В то же время он был награжден орденом Святого Александра Невского, а в 1741 году по велению Правительницы Анны Леопольдовны был в составе суда, назначенного для рассмотрения всяческих вин известного временщика аннинских времен герцога Бирона.

После переворота в ноябре 1741 года, когда Правительница была заточена, а на престол вступила Императрица Елизавета Петровна, вице-адмирал лишился своих видных постов, но остался камергером, что означало отставку от дел, но вовсе не опалу. Лопухин бывал при Дворе, хоть и нечасто, его супруга продолжала быть возле Императрицы. Более того, в 1742 году новая Государыня даже поручила ему новую и ответственную должность Архангельского губернатора, на которую по традиции назначали моряков. К началу 1743 года, готовясь к отъезду в Архангельск, он жил еще в Москве.

Вот, кажется, и все сведения, которыми мы располагаем о Степане Васильевиче Лопухине до того момента, как над ним разразилась неожиданная и незаслуженная гроза.

Для полноты картины упомянем членов его семьи, которые вместе с ним дали имя «Лопухинскому делу». Первой супругой Степана Васильевича была Ирина Петровна, урожденная княжна Козловская, рано скончавшаяся. Ко времени нашего рассказа моряк уже более двадцати лет был женат на известной в те времена светской красавице Наталье Федоровне, урожденной Балк. Она была лет на пятнадцать младше адмирала и даже в зрелые годы сохраняла свою красоту, о чем, кстати, свидетельствует и дошедший до нас ее портрет. Любопытно, что Наталья Федоровна была родной племянницей (дочь сестры) Анны Монс, известной своей близостью к Царю Петру Алексеевичу в его молодые годы. При Государыне Анне Иоанновне, будучи фрейлиной ее Двора, Наталья Федоровна соперничала в свете с самой Царевной Елизаветой Петровной, которую тогдашние ценители женской красоты считали одной из первых красавиц Петербурга. И став Императрицей, Елизавета Петровна продолжала ревниво относиться к своей бывшей сопернице, но к чести Государыни следует сказать, что она пожаловала Лопухину, которая жила тогда отдельно от мужа в собственном доме в Петербурге, статс-дамой своего Двора и завидным отличием — собственным миниатюрным портретом в бриллиантах, который носили на ленте.

У Степана Васильевича и Натальи Федоровны среди нескольких других детей был и сын Иван, в короткое правление Анны Леопольдовны, матери несчастного младенца Императора Иоанна VI Антоновича, пожалованный придворным чином камер-юнкера. Мы уже упоминали о придворных чинах Лопухиных, и если камергер (чин адмирала) был приравнен к IV классу и соответствовал генералу, то камер-юнкер имел VI класс и был приравнен к полковнику. Однако Иван Степанович носил свой чин недолго: Государыня Елизавета Петровна, придя к власти, не утвердила его в камер-юнкерстве и понизила в чине до подполковника.

Обида Ивана Степановича и стала формальной первопричиной страшного и кровавого «Лопухинского дела», которое потрясло современников да и потомков настолько, что о нем составила целая литература, в том числе и художественная.

Прежде чем излагать несчастное «дело», нужно рассказать об обстановке при тогдашнем Дворе и о двух политических силах, которые яростно боролись друг с другом за влияние на Императрицу Елизавету Петровну и ее политику. Одну из этих сил, профранцуз-

скую и прогерманскую, возглавлял приближенный к Государыне ее лейб-медик граф Жан-Герман Лесток, другая, проавстрийская, действовала во главе с всесильным министром, вице-канцлером графом Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым. Вице-канцлер выступал за союз России с Австрией, направленный на сдерживание Пруссии, что было весьма полезно для России, ибо тогда могущество Пруссии опасно возрастало благодаря умной и ловкой политике Короля Фридриха Великого. Этот монарх писал в то время своему министру: «Я не пощажу денег для привлечения России на свою сторону и чтобы иметь ее в своем распоряжении... Поэтому-то нам нужно очистить себе дорогу сокрушением Бестужева и всех тех, которые могли бы нам помешать... Если я должен буду воевать с одной австрийской императрицей то, конечно, всегда выйду победителем, но для этого непременно условие — сокрушение Бестужева».

Граф Лесток, действуя именно в этом направлении, желал союза России с Францией и против Австрии, России отнюдь не выгодного, ибо он лишил бы Австрию русской поддержки в случае войны и тем самым усилил бы Пруссию, которая хотела стать таким же гегемоном в Центральной и Восточной Европе, какой Франция была в Западной. Французы же боялись усиления бурно развивающейся России, но усиления Пруссии не боялись, рассчитывая поделить с нею Европу на зоны влияния. Ставки в «игре» были крупными, французы во всем поддерживали Лестока, в том числе и материально, а он искал повод обвинить вице-канцлера, фактического главу Российского правительства, если не в измене, то по крайней мере в попустительстве таковой. И вот возможность представилась...

Вечером 17 июля 1743 года в Петербургском «вольном доме» Бергера (так называли тогда своеобразные клубы с ресторанами) встретились двое хорошо знакомых людей — находившийся не у дел подполковник Иван Степанович Лопухин и гвардейский кирасирский поручик Бергер, которому в ближайшие дни предстояло отправиться в Соликамск. Там он должен был сменить офицера, командовавшего охраной сосланного туда графа Рейнгольда Левенвольда, бывшего при Императрице Анне Иоанновне видным вельможей, а в 1741 году преданного суду и осужденного. Этот Левенвольд, как было известно тогда в свете, был в весьма дружеских отношениях с красавицей Натальей Федоровной Лопухиной, она даже хранила у себя часть вещей из имущества графа. Наталья Федоровна намеревалась попросить знакомого своего сына передать ссыльному графу от нее привет, а ей позже привезти весточку о бывшем возлюбленном...

Итак, Лопухин-младший и Бергер встретились за столом, основательно выпили, разоткровенничались (это, впрочем, относится только к Лопухину), потом по приглашению Ивана Степановича продолжили веселье у него в доме. Говорили о всяком, но для нашего рассказа важна только часть этого разговора. Мы можем воспроизвести ее дословно, поскольку она полностью дошла до нас в следственных документах «Лопухинского дела».

Л о п у х и н. Ныне супротив прежнего времени жизнь не в пример скучнее...

Б е р г е р. Должна же быть тому какая-нибудь причина?

Л о п у х и н. Та и есть причина, что ныне веселье никому на ум нейдет. Вот, хоть о себе укажу. При дворе принцессы Анны Леопольдовны был и камер-юнкером в ранге полковника, а ныне определен в подполковники, да и то неведомо куда — в гвардию или армию. Это не обида? Обида мне, что каналья какая-нибудь — Лялин или Сиверс в чины произведены: один из матросов, другой из кофишников. А сказать тебе, за что? За скверное дело. Ныне, друг любезный, веселится только наша государыня. В Царское Село со всякими непотребными людьми ездит, аглицким пивом напивается, а те...

Б е р г е р. Действительно, императрица очень весело проводит время.

Л о п у х и н. Императрица! Да знаешь ли ты, что ей и императрицей быть не следовало? Незаконная — раз; другое: фельдмаршал князь Долгоруков сказывал, что в те поры, когда Император Петр II скончался, хотя б и надлежало Елизавету Петровну к наследству допустить, да она беременна была. Теперь она Ивана Антоновича и принцессу Анну Леопольдовну со всем семейством в Риге под караулом держит, а того не знает, что рижский караул очень к принцу и к принцессе склонен и с лейб-компанией потягается. Думаешь, не сладит с тремьястами канальями? Прежний караул крепче был, да сделали дело...

Б е р г е р. Так ты думаешь, что принцу Иоанну Антоновичу...

Л о п у х и н. Сам увидишь, что через несколько месяцев будет перемена. Недавно мой отец к матери писал, чтобы я не искал никакой милости у государыни. Мать перестала ко двору ездить, а я был на последнем маскараде и больше не буду...

Б е р г е р. А принцу Иоанну недолго быть сверженну?

Л о п у х и н. Недолго!»

Правдой из всего сказанного было лишь то, что все Лопухины действительно были недовольны переворотом и воцарением Императрицы Елизаветы Петровны, что жалели об удалении Правитель-

ницы Анны Леопольдовны, которая была к ним милостива. Кстати, они этого и не скрывали. Все же остальное было просто пьяной болтовней обиженного Ивана Степановича, который позволил себе в недобрый час вслух помечтать о желательном для него повороте российской истории. Он ничего не знал, да и не мог знать, ни о рижском гарнизоне, ни о возможности скорого возвращения малолетнего Императора.

Однако пройдоха Бергер, сын немецкого лавочника на русской службе, почувствовал за этим разговором реальную возможность избавиться от поездки в Соликамск — уж очень не хотелось ему ехать в такую даль и глушь и сторожить государственного преступника — на такой службе ни славы, ни милостей не дождешься. Задумав донос, он посоветовался со своим другом майором Фалькенбергом, и тот одобрил намерение поручика.

Бергер и Фалькенберг поспешили к графу Лестоку как офицеры гвардии, явившиеся по важному делу, были, конечно, приняты и весьма внимательно выслушаны. Опытный интриган, Лесток сразу почувствовал возможность извлечь для себя выгоду из болтовни Лопухина, тем более что он прекрасно знал: Наталья Федоровна, которая хочет передать привет своему ссыльному другу, весьма близка с Анной Гавриловной Бестужевой-Рюминой, супругой Михаила Петровича, родного брата его смертельного врага, вице-канцлера. Желанное «дело», с точки зрения Лестока, могло сложиться, нужно было только добавить несколько имен и высказываний.

В тот же день Лесток, имевший свободный вход к Императрице, привел к ней Бергера и Фалькенберга и заставил их повторить все, что говорил Лопухин, в присутствии Государыни. К тому времени с момента прихода к власти Императрицы Елизаветы Петровны прошло всего полтора года, она прекрасно помнила, как делаются государственные перевороты, и очень боялась, что против нее будет применен тот же способ. Испуганная Императрица поверила в серьезность заговора, тем более что речь шла о Лопухиных, которых дочь Петра не любила, но вынуждена была считаться с ними из-за их положения и заслуг.

Императрица лично поручила офицерам еще раз встретиться с Иваном Лопухиным и попытаться выведать у него какие-либо подробности и имена участников заговора. Они несколько раз встречались с молодым Лопухиным, подпаивали его и записали еще несколько неосторожных слов и имен, сорвавшихся с пьяного языка. Этого было уже достаточно, и Государыня подписала заготовленный Лестоком Именной указ:

«Указ нашим — генералу Ушакову, действительным тайным советникам князю Трубецкому и Лестоку.

...Донесли нам словесно поручик Бергер да майор Фалькенберг на подполковника Ивана Степанова сына Лопухина в некоторых важных делах, касающихся против нас и государства; того ради повелеваем вам помянутого Лопухина тотчас арестовать, а у Бергера и Фалькенберга о тех делах спросить и взять у них о том, в чем доносят, на письме, и по тому изследовать, и что по допросам Лопухина касаться будет до других, то их, несмотря на персону, в Комиссию забирать, изследовать и что по следствию явится, доносить нам...»

Этот указ вошел в силу 25 июля, и в тот же день младшего Лопухина арестовали. Допрашивали его «по 17 пунктам» и «с пристрастием». Не очень-то сильный духом Иван Степанович подтвердил все показания на него, данные недавними собутыльниками, и добавил кое-что другое: вспомнил, например, что к его матери часто приезжала жена родного брата вице-канцлера, что в своих разговорах они упоминали имя бывшего австрийского посла маркиза де Ботта...

Лесток торжествовал — ему удастся замарать, пусть и косвенно, вице-канцлера и бывшего посла Австрии при Российском Дворе... А что до Лопухиных — это просто статисты, которых он использует в своих целях. Уже были допрошены с разрешения Императрицы и Наталья Федоровна Лопухина, и графиня Анна Гавриловна Бестужева — пока, правда, дома. Но вскоре последовал новый Высочайший указ: «Ивана Лопухина и мать его Наталью и графиню Анну Бестужеву отослать под караул в крепость», а в Москву было послано распоряжение арестовать и доставить в Петербург жившего тогда в Первопрестольной вице-адмирала Степана Васильевича Лопухина. Допросы продолжались, но если дамы оказались в заточении весьма стойкими и всячески отрицали свое участие в каких бы то ни было действиях, направленных против правительства, признавая лишь недовольство им, то несильный Иван Степанович под пытками болтал еще больше, чем в застолье, и называл многих людей, которых схватили, допрашивали, пытали, добиваясь «правды о заговоре против императорского величества».

Любым способом и любой ценою раскрыть заговор против Императрицы, в котором были бы замешаны родственники вице-канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина и австрийский посол маркиз де Ботта — вот главная задача следствия, которым руководил Лесток. Интриге коварного лейб-медика Императрицы способствовал ее страх перед возможным переворотом. Государыня подписывала все бумаги, которые готовил Лесток. Обстановку, сопровождавшую

«Лопухинское дело», красочно описал автор очерка о Наталье Федоровне Лопухиной, напечатанного в 1874 году в историческом журнале «Русская старина».

«К числу замечательных явлений в этом злополучном деле особенного внимания заслуживают неумолимая деятельность следователей (достойная лучшей цели) и быстрота их распоряжений об арестовании лиц, оговариваемых на допросах, — говорится в «Русской старине». — Допрашиваемым было достаточно назвать кого-либо, чтобы немедленно в тот же час последовало повеление привести названного перед следователем, дом его опечатать, бумаги отобрать... Захватывали лиц по первому же оговору. Аресты производились во время самих допросов; за несчастными посылали нарочных, не затрудняясь расстояниями; протоколы прямо из следственной комиссии препровождались к императрице и, сообразуясь с ними, Лесток и его партия именем императрицы давали указы в руководство следователям».

Во второй декаде августа в Петербург из Москвы привезли вице-адмирала. Допросили Степана Васильевича «по 36 пунктам». Какое бы то ни было участие в каких бы то ни было заговорах Степан Васильевич категорически отрицал, но подтвердил, что воцарения Императрицы Елизаветы Петровны не одобрил: «Не признавал ее величество наследницею к российскому престолу потому, что от императрицы Анны Иоанновны удостоен был наследником принц Иоанн; потому думал, ей быть нельзя».

Общим допросом адмирала следователи не удовлетворились. Через три дня, 17 августа, старого моряка с вывороченными назад руками вздернули на дыбу. Висел он на ней десять минут, после чего был спущен и доставлен на очную ставку с женой своей и другими арестованными. Ничего нового он так и не сказал. А Наталья Федоровна всячески пыталась выгородить мужа, говоря, что она обо всех делах болтала с гостями по-немецки, а ее муж Степан немецкого не знает и потому ничего и понять не мог.

В тот же день подняли на дыбу и женщин. Тогда это делали редко, но в этом случае и применительно именно к этим статс-дамам своим Государыня сочла возможным применить такой способ дознания. Кроме страшных криков боли, следователи от дам ничего не услышали.

На следующий день следственная комиссия составила доклад Императрице, который сохранился в полном тексте своем, но вряд ли заслуживает того, чтобы его здесь приводить. Если отбросить высокопарную риторику того времени, фактическую суть «экстракта» можно свести к следующему: «болтливые женщины, более или менее несправедливо обиженные правительством Елизаветы Петровны,

в дружеских беседах с иностранным послом сетовали об утрате недавнего счастья и видного места при дворе; о домашней жизни Елизаветы отзывались непочтительно, указывая в то же время на темные стороны ее характера, известные каждому из придворных... Недовольным оказался и Степан Васильевич Лопухин и сын его Иван, лишившиеся должностей и милостей...» — так писала об «экстракте» уже упомянутая «Русская старина».

Иначе смотрели на дело тогдашние «государственные мужи» во главе с Лестоком — они торжествовали победу, убедив Императрицу в существовании заговора. Вице-канцлер был унижен, а их ожидали щедрые пожалования, которые делались в подобных случаях бдительным верноподанным из имущества, конфискованного у государственных преступников.

18 августа указом Государыни Елизаветы Петровны был создан «генеральный суд». Так же, как в случае с обвинением Царевича Алексея Петровича, приговор должен был исходить не с высоты престола, а из уст «собрания достойных лиц». Заседание этого суда прошло уже на следующий день — начали в девять утра и к часу дня закончили. К обвиняемым применили соответствующие пункты Уложения Царя Алексея Михайловича и Военного артикула Императора Петра Первого, а также указы Императриц Екатерины I и Анны Иоанновны. Каждый из упомянутых пунктов предусматривал смертную казнь. Под приговором подписались все члены «генерального суда». Первыми были, конечно, подписи графа Лестока, князя Трубецкого и генерала Ушакова. Среди подписавшихся был и вице-канцлер граф Бестужев-Рюмин.

Десять дней приговор суда, поднесенный для Высочайшей конфирмации Императрице Елизавете Петровне, оставался без резолюции. Правда, никто и не ждал, что она утвердит смертную казнь приговоренным. Было известно, что Государыня в день переворота, вознесшего ее на престол, дала обет в случае удачного для нее исхода дела никого и никогда не казнить смертью. Императрица не нарушала его. Так было и на этот раз. 29 августа Государыня наложила резолюцию на приговор «генерального суда». В ней говорилось, что государственные преступники, приговоренные к смерти, вполне заслуживают столь сурового наказания, «однако же мы, по природному нашему великодушию, из высочайшей нашей императорской милости от того их всемилостивейше освобождаем». Четырех главных участников процесса было велено высечь кнутом и, урезав языки, сослать в Сибирь. Менее суровые наказания определила Государыня остальным обвиняемым числом около двадцати человек. Экзекуцию было велено про-

вести «сего 31-го августа, в будущую среду, на Васильевском острове, перед коллежскими апартаментами в 10-м часу утра». Полиция получила указание опубликовать это объявление и листовки с текстом расклеить по городу, «чтобы всякого чина люди о том ведали и для смотрения того числа и того часу приходили на оное место».

Сто двадцать лет спустя известный историк и критик В.В. Стасов оценит этот манифест как документ, который «...на вечные времена останется пятном и так уже черной тогдашней эпохи — примером официальной правительственной лжи, клеветы и натяжек и свидетельством совершенной безнравственности Сената, судившего это дело... в одно утро по краткому экстракту». Так писал Стасов в своем труде «Браунгшвейское семейство». Вернемся, однако, к подробностям того злосчастного дня.

«На назначенном месте у здания двенадцати коллегий выстроили эшафот или, как было сказано в документах, театр... Настало утро 31-го августа 1743 года, — живописал Стасов. — Благодаря предварительным объявлениям, стечение народа было многочисленное... Публика недолго томилась ожиданием: преступников вывели под конвоем из крепости. Впереди всех шла Наталья Федоровна, несмотря на сорокатрехлетний возраст и недавно перенесенные мучения, все еще величавая, красивая. Довольно твердой походкой взошла она «на театр»; за нею последовали все ее сострадалцы, и при глубокой тишине, воцарившейся над площадью, секретарь Сената Замятнин громко прочитал указ Государыни, в котором подробно перечислялись все многочисленные вины несчастных и назначенные им наказания.

Затем принялись за работу заплечные мастера. Лопухина поддавалась обаянию ужаса: твердая до произнесения приговора, она не в силах была владеть собою, отваживаясь в то же время на напрасное сопротивление палачам. Один из них, сорвав с ее плеч платье, обнажил ее спину; другой схватил Лопухину за руки, вскинул ее себе на плечи, и кнут засвистал в воздухе, исполосовывая тело несчастной кровавыми бороздами. Отчаянно билась истязуемая; вопли ее оглашали площадь, залитую народом. Полумертвую, обеспамятешую от боли Лопухину палач спустил с плеч на помост, и над нею исполнили вторую часть приговора, бывшую, может быть, мучительнее первой. Сдавлив ей горло, палач принудил несчастную высунуть язык: захватив его конец пальцами, он урезал его почти наполовину. Тогда захлебывающуюся кровью Лопухину свели с эшафота. Палач, показывая народу отрезок языка, крикнул шутки ради: «Не нужен ли кому язык? Дешево продам!»

Очередь была за Анной Гавриловной Бестужевой. Супруга замечательного дипломата, невестка министра, управлявшего как внутренней, так и внешней политикой всей России, уклончивая в своих показаниях на допросах, терпеливая в застенке, нашла способ и на самом эшафоте смягчить, по мере возможности, грозившую ей участь. В то время как палач снимал с нее верхнее платье, Бестужева, как рассказывали иноземцы, успела передать ему свой крест, золотой, осыпанный мелкими бриллиантами. Заплечный мастер понял, чего от него хотят. Со свойственным ему умением он легко опускал кнут при самом сильном размахе руки; он, сравнительно с Лопухиной, гораздо легче наказал Бестужеву. Точно так же и урезание языка ограничилось небольшим его кончиком. После того наказывали Степана и Ивана Лопухиных — кнут и урезание языка; Мошкова и князя Путьятина — биты кнутом; Александра Зыбина — бит плетью...

По окончании экзекуции все наказанные с места казни в простых телегах, частью крытых, частью нет, вывезены были в деревню за десять верст от столицы для прощания с детьми и родными».

Затем осужденных отправили в ссылку, разделив по чинам и рангам: старшим Лопухиным — Степану Васильевичу и Наталье Федоровне было назначено для сопровождающих их людей и поклажи по 12 подвод каждому при конвое из обер-офицера, капрала и шести солдат. Ивану Лопухину — 6 подвод и конвойный унтер-офицер с четырьмя солдатами. Повезли несчастных в разные места. Неблизкий путь их длился для кого несколько месяцев, а для кого и почти год.

Упомянем коротко о судьбах главных действующих лиц «Лопухинского дела». Основной виновник несчастья своей семьи Иван Степанович жил в далеком Охотском остроге недолго, всего года три, и умер там. Недолго прожил в изгнании и вице-адмирал Степан Васильевич. Сохранился рапорт от 7 июля 1748 года, присланный из Селенгинска: «...из оных арестантов Степан Лопухин сего 6-го июля пополудни во втором часу волею Божией помре...» А Наталья Федоровна пережила свою царственную соперницу. Император Петр III указом от 20 января 1762 года повелел «сосланную за вины Наталью Лопухину воротить и жить ей в деревнях, где пожелает». После девятнадцати лет ссылки прожила она недолго и скончалась в марте 1763 года, похоронили ее по православному обряду, так как в ссылке она порвала с протестантизмом и перешла в православие. Ее дети, не привлеченные к этому делу и оставшиеся на попечении других Лопухиных, к моменту возвращения матери были уже в летах и имели свои семьи. Все они, несмотря на опалу родителей, вступили в достойные браки. Анастасия вышла замуж за графа Н.А. Головина,

Прасковья — за князя И.А. Голицына, Екатерина — за полковника И.Н. Зотова. Это указывает на то, что жестокая опала не уронила достоинства семьи и что все понимали незаслуженность наказания.

А младший сын несчастных ссыльных, Авраам Степанович, был в военной службе, участвовал во многих войнах, заслужил награды, в том числе орден Святого Георгия Победоносца IV степени, дослужился до чина генерал-поручика и закончил свою карьеру генерал-губернатором в Орле. Был женат на Анне Алексеевне, урожденной княжне Юсуповой. Осталось упомянуть об участии Анны Гавриловны Бестужевой: она тихо угасла в далеком и холодном Якутске в конце царствования Елизаветы Петровны, забытая всеми, в том числе и своим мужем...

Заметим, что Государь Петр III вернул из ссылки не только Наталью Лопухину. Он вообще велел пересмотреть «Лопухинское дело», и обвинения были сняты со всех 25 осужденных.

И два слова о главном злодее. Графу Лестоку не пошла на пользу задуманная интрига. Позиции вице-канцлера при Дворе поколебались, но ненадолго. Императрица сумела-таки разобраться в кознях своего любимца, и он подвергся опале — в 1750 году «за государственную измену» бывший лейб-медик был заключен в крепость. Интересы России, о которых пекся граф Бестужев-Рюмин, были соблюдены, надежды Пруссии не оправдались, а на исходе Семилетней войны русские войска вошли в поверженный Берлин. Кстати, героем этой войны стал племянник вице-адмирала генерал-аншеф Василий Авраамович Лопухин, о котором мы еще расскажем позднее.

Не стал счастливым и доносчик Бергер. Тогда, в 1743-м, ему, правда, удалось избежать похожей на ссылку службы в Соликамске, он остался в Петербурге и дослужился до подполковника, но «умер в стесненных и жалких обстоятельствах», как писал в своей книге историк немцев на русской службе.

Остается добавить, что печально знаменитое «Лопухинское дело» было последним актом несправедливых гонений на этот род, начатых Царем Петром Алексеевичем в последние годы семнадцатого столетия. Вице-адмирал Степан Васильевич, его жена Наталья Федоровна и их старший сын Иван Степанович стали последними Лопухиными, пострадавшими от монаршей несправедливости. Позднее Российские Государя только отличали и награждали представителей рода.

Наиболее яркий пример — герои следующих глав.

РЫЦАРЬ ОРДЕНА «ЗЛАТОРОЗОВОГО КРЕСТА»

Сложна и противоречива была личность Ивана Владимировича Лопухина — одной из интереснейших фигур лопухинского рода. О нем не напишешь однозначно — был он нищелюбив, добр и в то же время мелко сутяжничал; глубоко православный человек, он был теоретиком и духовным вождем русского масонства; он заставлял плакать от умиления Императрицу Екатерину Великую, смел возражать Государю Павлу Петровичу, на что не решался никто; он получил от Императора Александра Благословенного целую кипу письменных благодарностей за честную службу...

Об Иване Владимировиче мы, к счастью, знаем довольно много. Он оставил прекрасно написанные и не раз издававшиеся «Записки сенатора И.В. Лопухина», он упоминается во многих воспоминаниях своих современников и в позднейших исследованиях русского масонства, мы располагаем многими подписанными им государственными бумагами, сохранившимися в архивах, и его масонскими трудами, среди которых главные — «Некоторые черты о внутренней церкви», «Духовный рыцарь», «Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов» — почитались едва ли не библией русского масонства.

О Лопухине писали многие, но снова — противоречиво. Герцен, например, считал, что Иван Владимирович постоянно противоречил сам себе, выступая откровенным сторонником крепостного права, но стесняясь публично произносить слово «холоп» и не разрешая телесных наказаний. Мельгунов же утверждал, что у Лопухина «на редкость цельное и законченное мировоззрение». Мы не хотим принимать чью-либо сторону в этом споре.

Трудно судить о человеке, действовавшем в другие времена, в другую эпоху и в других условиях. Поэтому, рассказывая об И.В. Лопу-

хине, мы будем, где это возможно, цитировать самого Лопухина, а собственными словами лишь посылно дополнять рассказ сенатора о себе и изредка комментировать его.

«Я родился 24-го февраля 1756 года, — пишет Лопухин. — Младенчество мое было самое болезненное. Воспитан я в рассуждении тела в крайней неге, а со стороны знаний в большом небрежении. Родители мои были самые чадолюбивые: и бывши весьма добродушны и от природы отлично разумны, всеми силами старались наставлять меня в честности и благонравии...»

Добавим, что отцом Ивана Владимировича был генерал-поручик и Киевский губернатор Владимир Иванович Лопухин, который приходился племянником последней Русской Царице Евдокии Федоровне и был близок ко Двору во времена Петра I и Елизаветы Петровны. Чины отца и принадлежность к знатному роду определили и судьбу Ивана Владимировича.

Хоть в детстве русской грамоте его учили слуги, а французскому и немецкому — мало знавшие их учителя, зато он с малых лет был записан унтер-офицером в гвардию. «В 1775 году иманным указом пожалован я в прапорщики Преображенскому полку, — читаем в его «Записках». — Но, прослужив несколько месяцев, я сделался так болен, что целые три года не мог выходить из комнаты, кроме как в летние и самые хорошие дни. Потом еще три года сряду в каждый день мучила меня лихорадка... Любовь к службе, при невозможности удовлетвориться военною, устремила склонность мою к гражданской. Особенно занимала меня часть уголовная... В начале 1782 года по просьбе моей, за болезнями, отставлен был я из капитан-поручиков гвардии к статским делам полковником; а в конце того же года, при открытии по новым учреждениям Московской губернии, определен был я в ней советником Уголовной палаты».

К тому времени способный Лопухин уже изрядно успел в науках, хорошо знал законы и очень много читал. Поэтому понятно, что двадцатисемилетний Лопухин проявил себя с самого начала с лучшей стороны: он был деятельным и добросердечным судейским чиновником, что не было по тем временам частым явлением. Порученные ему дела он разбирал справедливо и милостиво и неслестно отзывался о тех, кто поступал иначе. В своих «Записках» пишет он: «Как странно видеть, когда люди напрягают все свои силы найти виновного для того только, чтобы его наказать; и без совершенного уверения в его вине, спешат осудить его и сие часто из мнимого правосудия и усердия к сохранению порядка...» Свою же позицию Иван Владимирович формулировал так: «Я думаю, что предмет наказания должен быть ис-

правление наказуемых и удержание от преступлений. Жестокость в наказаниях есть только плод злобного презрения человечества и одно, всегда бесполезное, тиранство».

Примерно через год Лопухин после отъезда своего начальника в Петербург стал председателем Судебной палаты и сразу же отменил битье кнутом за кражи на суммы менее 20 рублей, каковых было подавляющее большинство. Виновных стали всего лишь сажать в рабочий дом. «Говорили, что я развожу злодеев и воров, — писал Лопухин, — однако, по счастью моему, их стало меньше в Москве с открытием Судебной палаты при умеренных ее наказаниях, заступивших место лютостей торговой казни».

Своею властью — поскольку тогда не существовало еще единых для всей России правил о наказаниях — Лопухин смягчил в Москве и кару за более крупные кражи, за мошенничество. Ходатайствовал он и о смягчении участи виновных в более тяжких преступлениях и иной раз даже вступал по этому поводу в спор с всеильным Главнокомандующим Москвы того времени графом Захаром Григорьевичем Чернышевым. Имел Лопухин свое суждение и о наказании убийц, которое сделало бы ему честь и сегодня: «Что касается до смертной казни, то она, по моему мнению, и бесполезна, кроме того, что одному только Творцу жизни известна та минута, в которую можно ее пресечь, не возмущая порядка Его Божественного строения», — читаем в «Записках».

Служба по судебному ведомству, которая, судя по всему, серьезно увлекала Ивана Владимировича, оказалась, однако, недолгой — вскоре он подал в отставку и получил ее «с награждением чином статского советника» в мае 1785 года.

«Время отставки было для меня самое спокойное, самое приятное и самое интересное», — замечает Лопухин в своих «Записках». В жалованье он не нуждался, так как доходы с его имений в то время составляли, как утверждают его биографы, не менее 60 тысяч рублей в год, у него была прекрасная подмосковная усадьба, о которой мы еще расскажем в свое время. Был он холост и жил со стариком отцом и братом, и мог, казалось бы, предаться веселой и спокойной жизни праздного помещика.

Но на деле все было совсем не так просто, и вышел он в отставку не по собственному желанию. Еще в 1782 году, в самый год приезда своего в Москву, он вступил в масонскую ложу, быстро выдвинулся среди сотоварищей своих и в том же году достиг в ложе «Латона» достаточно высокой степени «мастера стула». Но это было только началом. Увлеченный масонством, деятельный, умный и спо-

собный, Лопухин уже через год стал во главе другой ложи — «Блестающей звезды». Поскольку русские масонские ложи были дочерними лож западноевропейских, руководили ими из-за границы. Еще будучи председателем Судебной палаты, Иван Владимирович по назначению масонских начальников из Берлина стал «надзирателем» среди «русских братьев», а вскоре уже самостоятельно управлял сразу несколькими масонскими ложами в разных городах России.

Деятельность русских масонов, несмотря на строгую «масонскую тайну», была достаточно хорошо известна властям, но какое-то время не вызвала раздражения Императрицы Екатерины. Однако, когда ей стало известно, что некоторые из видных масонов проникли в ближайшее окружение Наследника Цесаревича Павла Петровича, ей это не понравилось, и масонов стали теснить. Пока еще не было речи ни о закрытии лож, ни об арестах, но масоны стали своего рода «персонами нон грата» в правительственных учреждениях. Новый Главнокомандующий Москвы граф Брюс, сменивший графа Чернышева, решил избавиться от видного масона, председательствовавшего в Московской Уголовной палате, и Иван Владимирович Лопухин, хоть и с «награждением чином», все же был вынужден оставить должность.

Поскольку в дальнейшем мы будем много говорить о масонской деятельности Лопухина, не лишним будет напомнить читателю о том, что такое масонство вообще и русское масонство в частности.

Масонство родилось в Англии в начале восемнадцатого столетия. Символика масонов, обрядность и степени иерархии восходят к средневековым цехам и гильдиям каменщиков, и даже само название «лож» — к лоджии, где средневековые мастера и подмастерья собирались и хранили свои инструменты. Масонство довольно быстро распространилось в Западной Европе, а в Россию пришло через Англию, Францию и Германию. Первые сведения о русских масонах относятся ко времени Императрицы Анны Иоанновны, в 1741 году зарегистрировано первое масонское «дело» — в принадлежности к тайной ложе обвинялся граф Николай Головин. Государыня Елизавета Петровна повелела составить список «всякого чина и звания людям», коих уличили или подозревали в принадлежности к масонам. Таких оказалось 35 человек, и среди них были весьма известные люди: граф Роман Воронцов (отец княгини Е.Р. Дашковой), бригадир Александр Сумароков (писатель), гвардейские офицеры князя Михаил Дашков, Сергей Трубецкой, Семен Мещерский и другие. При Екатерине Великой ложи действовали одновременно и негласно, и неподпольно: о них знали, смотрели на

них сквозь пальцы, хотя и ощущали неясную угрозу, от них исходящую.

В чем же видели эту угрозу? Современная энциклопедия утверждает, что масонство — это религиозно-этическое движение, ставящее перед собою цель создания повсюду в мире своих тайных представительств (лож) для мирного объединения человечества в религиозно-мистическом союзе любви и мира. Несмотря на благую цель, существование всемирной организации, скрепленной общей тайной и дисциплиной, конечно, не могло нравиться власти, особенно самодержавной. В первую половину своего царствования Государыня Екатерина II, видимо, не считала масонство сколько-нибудь опасным движением и, будучи довольно либеральной по характеру, не считала нужным преследовать его. Однако ее насторожило то, что масоны окружили наследника престола. А это действительно было так: масонами были и главный воспитатель Великого Князя Павла Петровича граф Никита Панин, и его брат граф Петр Панин, и придворные князь Николай Репнин, князь Григорий Гагарин и даже молодой товарищ учения и игр Наследника князь Александр Куракин. Во время путешествия по Пруссии в 1776 году Павел Петрович познакомился с наследным принцем Пруссим Фридрихом-Вильгельмом, который давно уже состоял в масонской ложе. Был знаком будущий Русский Император и с коронованным масоном Шведским Королем Густавом III. Есть даже косвенные свидетельства того, что и самого Павла Петровича приняли в масоны — то ли в Вене, где он останавливался во время путешествия по Европе, то ли в Петербурге в доме известного масона сенатора Елагина. Существуют и портреты Государя Павла I, где он изображен с масонскими знаками. Однако, так ли все было или иначе — нам доподлинно неизвестно. Но не подлежит сомнению, что масоны действительно считали Павла Петровича «своим». В частности, наш герой Иван Владимирович был, кажется, автором стихотворения, которое ходило тогда в рукописи и где были такие строки:

Залог любви небесной
В Тебе мы, Павед, зрим;
В чете Твоей прелестной
Зрак ангела мы чтим.
Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом.

Понятно, что такого рода надежды «вольных каменщиков» не могли понравиться Государыне Екатерине. Вот тогда-то и началось притеснение масонов, однако не слишком суровое. Главным прояв-

лением его, как уже говорилось, были отставки, среди которых и отставка Ивана Владимировича Лопухина с должности председателя Московской Уголовной палаты.

Сам же Лопухин, оставив службу, «свободные часы проводил в чтении духовных книг, которые стали тогда моими любимыми, в беседах с друзьями, имевшими ту же склонность, и много занимался, как уже за несколько пред тем лет, известным обществом, которое и поныне называют Мартинистским, и о коем много было и есть странных и ложных заключений, происходящих или от пристрастия, или от злобы, или от невежества...».

В некоторых кругах того времени масоны, мартинисты или розенкрейцеры, как их называли, действительно почитались неким страшным злом, хотя на деле таковыми не были. С одной стороны, они как бы устраивали свою «внутреннюю церковь», а с другой — были последовательными просветителями и щедрыми благотворителями. Одно из положений «высокого масонства», к которому принадлежал Лопухин, звучало просто и достойно — делай добро ближнему своему в этой жизни. И Иван Владимирович широко участвовал в этом «делании добра», используя на то и свою энергию, и свое время, и свои средства. Масоны строили тогда больницы для неимущих, аптеки с раздачей дешевых, а то и даровых лекарств, школы, куда принимали детей всех сословий.

Однако важнейшим делом масоны считали просвещение народа. На их средства выпускались книги, которые шли в библиотеки или недорого продавались. Известный масон Николай Иванович Новиков, например, создал сеть типографий, книжных магазинов и библиотек едва ли не в полутора десятков городов России, кроме того, издавал популярные журналы.

И Лопухин в своих «Записках» признает: «Цель сего общества была издавать книги духовные и наставляющие в нравственности истинно Евангельской... Члены общества сего упражнялись в познании самого себя, творения и Творца по правилам той науки, о которой говорит Соломон в Книге Премудрости... Вот какое было наше упражнение. Мы учились. Многим это казалось и покажется смешно: но простолюдинская пословица — век живи, век учи — гораздо умнее такого смеха».

Повторю еще раз слова Лопухина: «Цель сего общества была издавать книги...» Много пишет и сам Иван Владимирович. Не станем перечислять его масонских сочинений — они были исполнены религиозности и мистицизма, касались главным образом духовных исканий масонов и требуют глубокого и продуманного осмысления,

для которого на этих страницах просто не найдется места. Упомянем лишь о тех местах, где формулируются политические и идеологические взгляды масона Лопухина. В одном из главных своих сочинений, «Духовном рыцаре», он призывает масонов «сколь-ко возможно противодействовать буйственной и пагубной системе мнимых вольности и равенства, и стараться искоренить ее всеми искусными средствами».

В другом труде, «Отрывки сочинения одного старинного судьи», читаем: «Излияние сердца, чтущего благость единоначалия и ужасающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы, ищут в них многих причин своих бедствий...»

Характерны слова И.В. Лопухина о Франции, где на его глазах в годы революции осуществлялись «мечты равенства и буйной свободы»: «О, страна несчастная! Коль ужасное позорище превратов и бедствий ты являешь! Добродетель вменяется в порок, и святые законы чистоты почитаются вымыслом суеверия... Дерзость, бесстыдство, лютость паче звериной и жало сатанинского остроумия составляют качества сонмища мучителей, весь народ мерзостью своей печатлеющего... Терзают свою утробу, реками льют кровь свою и ею упиваются...»

Исчерпывающая характеристика революции! Никак невозможно заподозрить масонов и самого Лопухина в симпатиях к безобразиям, творившимся на французской земле. И все-таки власть решает, что в смутное время тайные общества не могут быть терпимы. Дело даже не в самом масонстве, которое Государыня Екатерина Великая никак не одобряла, но согласна была терпеть. Дело в тайности обществ, в их жесткой дисциплине, в связях с иностранными ложами и даже подчинении им, и особенно в весьма широком к тому времени книгоиздании, чем только и занимался Н.И. Новиков. Это и решило дело. Известный масон того времени И.П. Елагин веле-речиво писал: «Воздвиглась мрачного негодования туча, и на всю братию, особливо на собор Московский, гром запрещения тайных собраний испустила».

Почему же именно на «собор Московский»? А потому, что московские масоны были, как правило, не простыми «вольными каменщиками», но принадлежали к высшему их слою, они были розенкрейцерами или «рыцарями ордена Златорозового креста». В России в массе своей существовала так называемая английская система масонства трех степеней: ученик, товарищ и мастер. Затем появилась более высокая и более тайная шотландская степень, за нею — шведская, а после и еще более высокая теоретическая степень Со-

ломоновых наук. Вот из этой таинственной и высокой степени и набирались члены розенкрейцеровских лож. Это был как бы «внутренний орден» масонства, его мыслящая элита, и именно к ней принадлежали такие деятели, как Новиков, Елагин, Лопухин, князь Трубецкой, Тургенев и другие. Их судьба в первую очередь и решилась в смутное время Французской революции.

«Наконец, в апреле 1792 года, решилось много раз и несколько лет предпринимаемое поражение нашего общества, — пишет Лопухин в своих «Записках». — Все вдруг книжные лавки в Москве запечатали, также типографию и книжные склады Новикова, и дома его наполнили солдатами, а он из подмосковной взят был под тайную стражу, с крайними предосторожностями и с такими воинскими снарядами, как будто на волоске висела тут целость всей Москвы... Новиков содержался недели три в Москве и потом отвезен окольными путями в Шлиссельбург... В С.-Петербург ни на час привезен не был; а известный Шешковский ездил допрашивать его в Шлиссельбург. Месяца три ничего не открывалось о том, что там происходило; и вдруг князь Прозоровский (Московский Главнокомандующий. — *Примеч. ред.*) получил секретный именной Указ, чтобы князя Николая Никитича Трубецкого, Ивана Петровича Тургенева и меня, как главных сообщников, допросить по приложенным от Государыни пунктам, и потом объявить нам ссылку на житье в дальних от Москвы деревнях, под присмотром и без выезда из тех губерний, в которые мы отправимся...»

Ивана Владимировича допрашивал по «Государыниным пунктам» сам Главнокомандующий. «Я имел честь быть главной целью Его Сиятельства, — сообщает не без ехидства Лопухин. — Он ожидал раскрыть во мне превеликого злодея Государственного». Как это и требовалось, Лопухин отвечал на вопросы письменно и очень подробно.

Разумеется, ничего вредного для государства в его ответах не усматривалось, да и в делах его такого не бывало. Когда же все ответы были написаны, он завершил это вынужденное послание к Императрице следующими словами:

«Государыня! Я не злодей. Мать Отечества! Я один из вернейших твоих подданных и сынов его. Мать моя! Я исполнен нежнейшей к тебе любовью. Никогда мысль одна не обращалась в душе против тебя. Никогда не упражнялся я в том, где бы ни находился, и даже не подозревал хотя одну тень криминального. Свидетель сему Царь Царей, Господь Бог мой, Спаситель, Надежда и Утешение...»

Сие чистосердечное исповедание мое печатлею я слезами, но не слезами страха и ропота, Государыня, ибо я не дерзаю и усумниться в правосудии и милосердии Твоем: и ежели дело сие не во всех еще отношениях своих исследовано, или буде существовать какая на меня клевета, то я твердо уверен, что все исчезнет от единого воззрения Твоей справедливости на сие чисто сердечное мое исповедание. И так, со слезами, не слезами страха и ропота печатлею его; но слезами чувствительности сердца, во всей полноте ощущающего невинность свою, и любящего — смею сказать — добродетель.

Твой верный по гроб подданный

И. Лопухин».

Нельзя не заметить, что Иван Владимирович владел словом и умел быть убедительным. В этом случае, однако, он несколько не кривил душою — ни против России, ни против Государыни он никогда не замышлял ничего дурного. И Великая Екатерина поняла это...

Тем временем Лопухин, подгоняемый властями, готовился к отъезду в ссылку. Надеялся, конечно, на милость Императрицы, но надежда надеждой, а выполнять приказ надо. И снова передаю слово Ивану Владимировичу: «Все к отъезду у меня уже готово, подорожная взята. К вечеру привели почтовых с тем, чтобы на завтра до свету мне выехать. Но часу в двенадцатом пополудни прислал за мной князь Прозоровский и объявил полученный им имянной Указ, в коем было написано, что Государыня изволила читать мои ответы и вследствие того повелевает: О князе Трубецком исполнить точно поданный прежде о нас Указ, должность же его поручить старшему над ним; а меня оставить в Москве.

Государыню тронули ответы мои до слез, как я слышал от Василия Степановича Попова, который читал их перед Нею тоже в слезах. Все удивлялись случившейся со мною перемене...».

Есть свидетельства того, что Государыню Екатерину и правда расстрогали искренние слова Лопухина, она велела отменить ему ссылку, но сразу же спохватилась: как же так, все они равно виноваты, а я одного только прошу... Поручив статс-секретарю придумать приличествующий повод, она тотчас услышала: да его отцу, с которым он живет, восемь десятков стукнуло... Отлично, обрадовалась Императрица, вот и напиши: «для старости отца его».

...И все же, что это такое — масонство и масоны? Их преследовали некоторые Императоры, масоны творили добро, были просветителями и в то же время членами тайного общества? Масонов

иногда боялись, чаще не любили, как что-то непонятное. И сегодня за именем «масон» тянется мрачноватый шлейф недоброжелательства. Отчего? Не от незнания ли сути дела и правды о масонах?

Русский писатель Б.М. Носик, постоянно живущий и пишущий во Франции, выпустил недавно в свет интересную книгу «Русские тайны Парижа», посвященную русским, жившим некогда во французской столице. Среди очерков, рассказывающих об аристократах и политиках, поэтах и художниках, просто об интересных людях, есть несколько страниц об эмигрантке первой волны Татьяне Алексеевне Осоргиной-Бакуниной. В книжке сказано, что она в еще молодые годы создала капитальный труд «Словарь вольных русских каменщиков», где упоминается о почти трех тысячах русских масонах давних лет, до 1812 года. Позже она выпустила в Париже еще две книжки о русских масонах.

Б.М. Носик, хорошо знавший Татьяну Алексеевну, с большим почтением относится к ее работам о масонах и уверен, что знакомство с ее книгами позволяет иначе, не с подозрением, как было еще недавно, но с должным пониманием, уважением и признательностью отнестись к русским «вольным каменщикам» XVIII—XIX веков.

Он пишет в своих «Русских тайнах Парижа»: «*Простой перечень нескольких русских масонов того времени, приведенный Татьяной Бакуниной в ее книжечках, мог повергнуть в ступор не одного преследуемого призраками врагов патриота: Суворов, Кутузов, Павел I, Лопухин, Карамзин, Александр I, Грибоедов, Пушкин... И еще, и еще, и еще — и притом — что за люди! Слава России, слава ее культуры, слава русского оружия! Из поколения в поколение принадлежали к масонским ложам выходцы из таких славных русских фамилий, как Голицыны, Лопухины, Тургеневы, Татищевы, Бутурлины, Гагарины, Нарышкины, Орловы, Трубецкие, Муравьевы... А были еще люди, не входившие в ложи, но близкие к масонам — вроде Жуковского и Державина. Что же тянуло их к масонству?..*

Татьяна Алексеевна объясняла мне, что масонство было в ту пору школой морального воспитания, едва ли не единственным в России, если не считать религии, кроме того, масонство целиком основано на христианстве. Она приводила слова из предисловия к ее книжке, написанного М.М. Осоргиным: «Резким, голословным суждениям о масонстве не следует ли противопоставить невольного вопроса: как же могли принадлежать к такому «дурному обществу» люди, деятельность которых создала то великое, что мы называем русской культурой? Уча детей преклоняться перед Пуш-

киным и чтить достоинства Суворова, не лишне знать, что их имена значатся в списках русских Вольных Каменщиков. И не странно ли, что русские люди, исполняя хором прекрасный гимн «Коль славен», не знают, что это — старый масонский гимн, написанный одним из пламеннейших и убежденнейших масонов для братских праздничных обрядов и сделавшийся впоследствии подлинным национальным гимном!»

Об огромной цивилизующей, нравственной роли русского масонства, конечно, не раз писали и до Татьяны Бакуниной, продолжает Б.М. Носик, но кто же ныне полезет на пыльные полки искать предисловие Герцена к лондонскому (1860 года) изданию «Записок» масона («мартиниста») сенатора И.В. Лопухина, где Герцен (Искандер) пишет:

«Между Мартинистами была человеческая связь, опора, круговая порука, обмен сил, и как бы они мистически ни понимали и какими бы иероглифами ни заменяли ее, они стояли гораздо выше шаткой и бесцельной толпы образованных Русских. Они жили задней мыслию, у них было сознание совокупного труда. Член союза, член тайного общества, чувствовал себя не одиноким сиротою, а живой частью живого организма.

И вот откуда нравственная сила Лопухина».

В последующие годы после отставки Иван Владимирович спокойно жил в своем московском доме, отдавая досуги литературным, философским делам и «деланию добра». Это был человек широкой души, который испытывал истинную радость, когда получал возможность принести пользу или сделать приятное достойному.

Хорошей иллюстрацией этого качества И.В. Лопухина может служить отрывок из воспоминаний Федора Петровича Лубянского, бывшего в свое время студентом Московского университета, а потом служившего Пензенским и Подольским гражданским губернатором.

«В обветшалый домишко, где я жил тогда, — писал Ф.П. Лубянский, — зашел как-то неизвестный мне с вида барин и, когда на спрос его о студенте Лубянском я вышел к нему из-за угла своего: «Познакомимся», — сказал он мне, благосклонно взяв меня за руку. Это был Иван Владимирович Лопухин. «Пишет мне о тебе старый друг мой Захарий Яковлевич Карнеев (родной брат моей матери, мне дядя, тогда Орловский вице-губернатор, впоследствии Минский гражданский губернатор и член Государственного Совета). Я хотел видеть, где и как ты живешь: не просторно, оттого и воздух не благорастворенный. День ныне воскресный, ученья нет, погуляем».

Пришли мы в дом к профессору Чеботареву. Представив меня ему и супруге его: «Это, — сказал он им, — тот молодой человек, о котором я вам говорил, примите его в свою семью». Мне же сказал, что у Харитона Андреевича и Софии Ивановны я буду как дома, ни в чем не буду нуждаться, чтобы докладывал им о своих надобностях. Заключил, обратясь ко мне этими словами: «Помни Бога, молись не только языком, но и сердцем, старайся успевать в науках, веди себя скромно. Мы будем видеться».

Удивленный такою простотою благотворного великодушия, и в неожиданном изменении тогдашнего моего быта видя явный знак небесного милосердного промысла и о мне, ничтожном юноше, следами только мог я выразить волнение сердца.

На другой же день переселился я к Харитону Андреевичу, и с того же дня Иван Владимирович не только во все время учения моего в Московском университете, но и в начале службы моей был мне — мало скажу другим отцом: будь я сын его, не был бы и тогда он мне лучшим отцом. Он оставил по себе «Записки», и кто не читал их, кто не видел в них, как в зеркале, мужа глубокого разума и возвышенной в истинном духе евангельской добродетели».

Вернемся, однако, к рассказу о нашем герое. Живя в Москве, Иван Владимирович часто наведывался в свое прекрасное подмосковное имение Савинское, которое превратил в прекрасный уголок, воспетый поэтами. Савинское, находившееся во владении Лопухиных с 1678 года, принадлежало некогда дяде Русской Царицы Евдокии Федоровны, говорили, что в детстве она не раз приезжала сюда к своему дяде, Петру Авраамовичу, купившему это имение за тысячу рублей серебром. Наш герой владел им вместе со своим отцом, престарелым генералом, но полностью переоборудовал усадьбу в своем духе, в соответствии со своими представлениями о прекрасном.

Мы уже упоминали о чудесах Савинского в других очерках этой книги и не станем повторять его описание. Скажем лишь, что слава этой усадьбы распространилась по России широко, о ней знали и в Петербурге, и в Москве, и в Варшаве. На рубеже XVIII и XIX веков сюда приезжали многие знаменитые деятели русской культуры. О нем писали большие русские литераторы: В.А. Жуковский, А.Ф. Воейков, князь П.А. Вяземский, князь И.М. Долгоруков. А Жуковский даже приезжал сюда рисовать виды Савинского. Совсем недавно в отделе изобразительного искусства Русского музея в Петербурге исследователь истории Савинского А.Ф. Ерофеева обнаружила гравюру «Юнгов остров в саду И.В. Лопухина» работы Василия Андреевича Жуковского.

...Вернемся, однако, к Ивану Владимировичу Лопухину и снова обратимся к его «Запискам».

«6-го Ноября 1796 года скончалась Екатерина Великая. Кончина Ее поразила меня; как и всех остальных усердных сынов Отечества, коего Она была истинная благодетельница... Дня через три после первого в Москве известия о кончине Государыни, получил я от своего друга Сергея Ивановича Плещеева письмо, которым описывал он мне все обстоятельства оной и занятия вступившего на престол Императора. Письмо это было длинное. Плещеев при недосугах диктовал его, а в конце своею рукой приписал только: «если вы намерены принять службу, то сообщите о сем преданнейшему Вашему другу Плещееву».

Не успел Иван Владимирович отправить ответ Плещееву, как в Москве было получено именное Высочайшее повеление ехать ему в Петербург и явиться к Государю... «Через пять дней после получения сего Указа отправился я в С.-Петербург», — писал он. Император Павел I спешил обласкать обиженных его матерью.

Яркая, хоть и недолгая история пребывания Ивана Владимировича Лопухина при Дворе Государя Павла Петровича в 1796 году заслуживает отдельного рассказа. Никто не напишет сего полотна лучше, чем сам герой, вызванный Императором в столицу. Поэтому мы не будем пересказывать посвященную этому периоду целую главу из «Записок сенатора И.В. Лопухина». Мы решили напечатать ее целиком в последнем разделе этой книги, где помещены писания самих Лопухиных. Отсылаем любознательного читателя к этому отрывку из «Записок», от себя же добавим, что на следующий день по приезде в Петербург Иван Владимирович был вызван во дворец, пожалован чином действительного статского советника и должностью статс-секретаря, что означало службу при особе Императора. Нет необходимости говорить, сколь почетными были такие назначения и как высоко ценились они в тогдашнем чиновном мире.

«Милость и доверенность Государевы ко мне были неописанные» — так утверждает сам Лопухин. Он приводит много случаев, когда ему приходилось высказывать мнение, отличное от Императорского, и почти всегда Государь признавал его правоту и поступал по его совету.

Высшие чиновники при Императоре Павле Петровиче редко жили долго — сказывалась и личность Государя, и уж очень резкий контраст по сравнению с ведением дел при матушке Екатерине.

Так случилось и с И.В. Лопухиным. «Довольно скоро обнаружилась неспособность моего характера держаться при Дворе», — пишет он в «Записках». Это означало отставку, но самую почетную —

Лопухин был пожалован чином тайного советника, что соответствовало генерал-лейтенанту в армии, и назначен сенатором в московские департаменты с тем, чтобы департамент он выбрал сам по собственному разумению.

Возвратившись в Москву, где его с нетерпением ожидал престарелый отец его, Иван Владимирович выбрал Департамент уголовных дел и стал исправлять свою сенаторскую службу. Служил он, как и прежде, милостиво и гордился тем, что при нем ни один дворянин не был приговорен к телесному наказанию, что тогда еще было возможно; что приговоры предусматривали минимальные наказания; и что ни один приговор, посылавшийся на утверждение в Петербург, не был отменен Государем.

В марте 1797 года Император Павел Петрович прибыл в Москву для Священного Коронования и пробыл в Первопрестольной почти два месяца. Награждения, всегда связанные с Коронованием, не обошли и сенатора Лопухина — он был пожалован орденом Святой Анны I степени. Государь отличал Ивана Владимировича. «Всякую неделю имел я честь обедать и ужинать за столом Его, ни разу не вычернил Он меня из реестра, каковой выключке иные знатнейшие меня подвергались...» — читаем в «Записках».

Итак, Лопухин был обласкан, награжден чинами и орденом, чего нельзя сказать об остальных масонах, пострадавших в конце царствования Великой Екатерины. Правда, все они были освобождены из заключения, вернулись из ссылки, но в России вовсе не наступил тот масонский рай, который виделся им, когда они сочиняли хвалебные гимны молодому Павлу Петровичу: «Украшенный венцом, Ты станешь нам отцом». Отцом масонов новый Император не стал и даже запретил их тайные собрания. Правда, сделал он это достаточно мягко. По версии, которая историкам представляется наиболее верной, Император собрал масонских руководителей и просто сказал им: «Не собирайтесь более до моего повеления». Такого повеления не последовало, а перечень Императору никто не решился.

Что же до Лопухина, то он преспокойно и с интересом служил в своем Уголовном департаменте, разбирая дела и формулируя некоторые положения Московского уголовного права. Кроме того, как и все сенаторы, он исполнял инспекторские обязанности. В самом начале 1800 года, например, проводилась инспекция всех губерний Российской Империи. Все сенаторы разъехались по назначенным им местам. И.В. Лопухин вместе с М.Г. Спиридоновым были посланы в Казанскую, Вятскую и Оренбургскую губернии. Инспекция была, кажется, удачной, во всяком случае, Император утвердил заключе-

ния сенаторов по губерниям, согласился с их предложениями об увольнении некоторых мздоимцев и назначении новых чиновников. Когда были подведены итоги всех губернских проверок, наиболее отличившиеся сенаторы были награждены Государем. И.В. Лопухин и его товарищ М.Г. Спиридонов получили командорские кресты ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

И после окончания краткого царствования Императора Павла I продолжались частые инспекции, как плановые, так и по экстренной надобности. Во многих участвовал Иван Владимирович. Уже при Государе Александре Павловиче сенаторы Лопухин и Нелединский-Мелецкий были посланы проверять жалобы жителей украинского города Богучара и нашли там немало нарушений законов. Последовало их подробнейшее донесение в Петербург о злоупотреблениях местных чиновников. Вскоре последовал Высочайший рескрипт: *«Господа Тайные Советники и Сенаторы Лопухин и Нелединский-Мелецкий. С совершенным удовольствием получил я последнее донесение ваше об оконченном вами следствии по жалобам жителей Богучарского уезда. Производство сего дела, исполнение и других поручений... делают честь вашему просвещению, правоте и видам справедливого человеколюбия...»*

Надо сказать, что по результатам каждой инспекции, в которой участвовал, Иван Владимирович всегда выступал защитником неправомерно обвиненных или обиженных. Так было и при рассмотрении жалобы духоборов на необоснованные притеснения, которая пришла из Изюмского уезда Харьковской губернии. Те же два сенатора сочли грубые действия властей в отношении духоборов несправедливыми и высказали мнение о необходимости поступить с ними сообразно «мудрой терпимости» Государя к «незлым раскольникам, кои в чем-то уже на пути полного присоединения к господствующей в России Православной Церкви». И снова последовал Высочайший рескрипт: *«Господа Тайные Советники и Сенаторы Лопухин и Нелединский-Мелецкий. Примите искреннюю мою благодарность за поступок ваш в деле Духоборцев; я нахожу его столь же сообразным просвещению и благоразумным вашим правилам, сколь и основанным на справедливости и настоящем положении сих людей... Вместе с сим вразумляю я Губернатора... и предписываю ему, войдя в их состояние и описав их нужды, представить мне, имеют ли дома, есть ли не имеют, то сколько потребно будет для их построения, дабы можно было дать им немедленно нужное пособие. Впрочем, пребываю к вам благосклонный*

Александр».

Заметим попутно, что даже и нынешние духоборы, как в России, так и в Канаде, где они обосновались позднее, чтут память своего благодетеля И.В. Лопухина.

В «Записках» своих Иван Владимирович пишет, что вскоре по возвращении из этой инспекторской поездки он заболел «и в летний месяц отдохновения воспользовался опять деревенским воздухом, прогуливаясь в прекрасном Английском саду моем в подмосковной, и в ней, на Юнгмановом острове, у памятника Фенелону, герою моему из первых между мужами, истинно великими...». Речь идет о том самом Савинском, о котором мы уже писали на этих страницах. Лопухин, видимо, не просто жил в усадьбе, но и продолжал улучшать, украшать свою любимую подмосковную: «С большим утешением занимался я планами этой моей деревенской жизни, но нечаянное призвание к новой должности опечалило меня препятствием оному».

Этой новой должностью было избрание Ивана Владимировича в Москве Совестным судьей.

Два слова об этом любопытном явлении русской правовой системы, которое, будучи создано Екатериной Великой в 1775 году, действовало до 1862 года, когда было отменено ввиду грядущей судебной реформы Государя Александра II. Совестный суд был, по сути дела, неким соединением суда по гражданским делам и уголовного суда по мелким преступлениям, который действовал в одном лице — выборного от дворянства Совестного судьи, избрание которого утверждал Государь. В екатерининском положении о Совестном суде говорилось, что он призван примирять тяжущихся и строго, но милостиво наказывать мелких преступников, кои более по неразумению проступки сии совершили. Особо оговаривалось, что Совестным судьей должен быть человек, сведущий в делах, знающий законы, признанной всеми справедливости, доброго нрава и сострадательный. Именно таким человеком и представлялся московскому дворянству Иван Владимирович Лопухин, ставший Московским Совестным судьей.

Несколько дел, рассмотренных им в этой должности, снискали ему славу справедливого и доброго судьи, а одно тяжёлое дело (оно касалось купца Девятого и мещанина Григорьева) стало даже прецедентным для разрешения в будущем такого рода дел в Совестных судах. Однако и эта деятельность Ивана Владимировича продолжалась недолго — вскоре Император Александр I назначил сенатора Лопухина председателем комиссии, учрежденной для разбора споров и определения повинностей на земле Крымского полуострова.

И это дело требовало холодной головы, справедливости и доброго сердца — кажется, Лопухина стали считать специалистом по

делам, требовавшим справедливых и милостивых решений. Споры, касающиеся крымской земли, были весьма сложными, запутанными, связанными с различием в правах на землевладение, которым руководствовались местные татары издавна, и теми правами, которые признавались законами Российской Империи. Требовалось примирить практически непримиримое. «Его Величество изволил поручить мне сию Комиссию, зная мое беспристрастие, опытность, милосердие и особливо твердость», — писал сенатор в «Записках».

Не станем описывать в подробностях и многочисленные инспекторские поездки в Крым, и долгое там пребывание Ивана Владимировича, и ожесточенные споры с коллегами по комиссии и даже в Государственном Совете, куда Государь Александр Павлович вынес вопрос о земельных спорах в Крыму. Дело это длилось несколько лет, стоило много сил, но закончилось так, как рекомендовал сенатор Лопухин: русские помещики, купившие себе земли в Крыму, получили законное право пользоваться ими, а прежним владельцам-татарам, не имевшим никаких документов на сие владение, были выплачены некоторые компенсации. Иван Владимирович не без торжества писал в своих мемуарах: «Наконец совсем решилось дело по моим представлениям о Крымских землях. Издано дополнение к начертанию правил Комиссии, во многом основанное на моем мнении, а порядок производства дел и весь мой принят. Главная цель представлений моих исполнена утверждением для тамошних помещиков права собственности, которое по прежним правилам совершенно бы поколебалось».

Получив давно просимое им «увольнение от дел Таврических», Лопухин вернулся в Москву, снова стал «присутствовать» в своем Уголовном департаменте, старался как можно больше времени проводить в подмосковном Савинском. Но судьба отвела почтенному сенатору не так уж много времени на это приятное занятие. Начались наполеоновские войны, последовал печально памятный Аустерлиц, а в следующем, 1806 году война как будто бы стала уже угрожать и самой Русской земле. Правительство поспешило принять должные меры, было объявлено о создании «временного земского войска», как именовали вспомогательные территориальные войска, которые, правда, так и не понадобились в то время. Принимались и дополнительные меры по поддержанию должных порядка и спокойствия в губерниях, которые могли бы стать предметом иноземного посягательства. Всем губернаторам и иным властям были разосланы соответствующие приказы, а для надзора за их исполнением

разослали сенаторов — за каждым было закреплено по несколько губерний.

Попечению Ивана Владимировича Лопухина были поручены Тульская, Калужская, Владимирская и Рязанская губернии. Конечно, они не были приграничными, но все же имели серьезное «буферное» значение в возможной оборонительной системе России. Сенатор ездил по всем своим губерниям, инспектировал создание «земского войска», наблюдал за общественным мнением, подгонял местных начальников. Сохранились все его донесения Государю Александру Павловичу из порученных ему заботам городов с подробным описанием положения дел.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что в губернии Тульской все благополучно...»

«Дух пламенной любви к Вам, Государь, и к Отечеству в Рязани тот же, что и везде. Равно и образ общего мнения о учреждении Земского войска такой же...»

«В Калужской губернии Земское войско готово, и все к составлению его сделано наилучшим образом...»

«Все, касающееся до составления Земского войска со стороны гражданского начальства при ревностном подвиге всех сословий Владимирской губернии, весьма хорошо устроено...»

Но не только об успехах организации самообороны писал Императору сенатор Лопухин. Он и тут оставался верным своему правилу говорить Государю правду и давать ему дельные советы. Вот несколько примеров:

«Расположение к пожертвованиям денежным и прочим возбуждено до чрезмерности. Конечно, во времена самой нужды только сие может быть приемлемо. Не считаю однако ж, Государь, за нужное в видах истинной и прочной для Государства пользы усиливать возбуждение оное. Истощение частных сил и способов есть подрыв общего обилия и могущества...»

Лопухин резко возражает против усердия иных местных начальников, которые сулят временным ратникам известные свободы (переход к другим помещикам, смягчение тягла и т. д.). Он пишет в одном из донесений Государю: «В России ослабление связей подчиненности крестьян и помещиков опаснее самого нашествия неприятельского... Могу судить об этом беспристрастно, никогда не дорожив правами господства, а сейчас... и не имея вовсе деревень... И в сих чувствах я уверен, что ничего не может быть пагубнее для внутренней твердости и общего спокойствия России, как расслабление оных связей...»

Позволю себе необходимую оговорку: в начале очерка я говорил, что поместья Ивана Владимировича Лопухина приносили ему до 60 тысяч годового дохода, а из последней цитаты из его «Записок» мы узнаем, что населенных деревень у него нет. Здесь нет противоречия. Просто Лопухин в первый период своей масонской деятельности вложил много средств в создание масонских типографий, которые были конфискованы одновременно с новиковскими. Так он лишился своего состояния, расстраиваемого еще и тем, что он постоянно и в весьма большом количестве раздавал щедрую милостыню.

Деятельность Ивана Владимировича по устройству «земского войска» завершилась с подписанием Тильзитского мирного договора. А через полгода Государь Александр I в числе других высших сановников пожаловал И.В. Лопухина в действительные тайные советники, чин II класса по Табели о рангах — высший в России чин, который можно было выслужить. Чины I класса давались либо Августейшим Особам, либо чрезвычайно отличившимся лицам, каких в истории нашей было единицы. А еще через год Иван Владимирович получил на мундир вторую звезду — Император наградила его орденом Святого Александра Невского.

За рассказом о служебных делах и карьере Ивана Владимировича несколько забыли мы о его масонских делах. Как помним, при Государе Павле Петровиче масонская деятельность как бы остановилась, но с воцарением Императора Александра масоны сразу же попытались восстановить свое положение и влияние в обществе. Сохранилось очень мало документов, уничтоженных после окончательного запрещения масонства в России в 1822 году. И все же мы знаем, что уже в 1803-м в Москве действовала под председательством сенатора П.И. Голенищева-Кутузова тайная ложа розенкрейцеров «Нептун», затем к ней присоединилась ложа «Соединенных друзей», далее — «К Мертвой Голове» и другие. Имя Ивана Владимировича Лопухина, кажется, официально в составе этих лож не значилось, но он продолжал оставаться одним из видных деятелей масонского движения в Москве, как теоретик и пропагандист дела «вольных каменщиков» и старейший из посвященных самого высокого градуса.

Религиозно-нравственное учение Лопухина — если можно говорить о таковом — есть поиск Христова пути не только в небесные чертоги вечной жизни, но поиск пути к «божественной» жизни на земле, к жизни, исполненной правды, справедливости, добра и любви. Иван Владимирович не скрывал, что стремился к бесконечному совершенствованию нравственному и подражанию Христу. Но не скрывал он и страха своего перед огромностью и невыполнимостью

этой работы. Он много писал об этих проблемах, видимо, еще больше думал о них и приходил к весьма высоким выводам: «Когда человек сколько-нибудь с благоразумием помыслит о бытии своем, то поразится удивлением, как мало люди, и самыми разумными слышущие, занимаются тем, что необходимо нужно для вечного их благополучия и для истинного блага в самой здешней жизни, которое состоит в том едином, чего никто и ничто лишить человека не может. Единое сие заключается в духе Христовом, долженствующим быть истинною жизнью человека в чистой любви к Богу и ближнему, которая есть единственный источник совершенной добродетели. В школах и на кафедрах твердят: люби Бога, люби ближнего; но не воспитывают той натуры, коей любовь сия свойственна; как бы расслабленного больного, не вылечив и не укрепив, заставляли ходить и работать».

На основании этого, надеюсь, никто не сможет утверждать, что Лопухин был ересиархом, хоть и достиг в масонстве высоких градусов. Пока еще, насколько нам известно, нет специальных трудов, посвященных взглядам и убеждениям Ивана Владимировича Лопухина. Видимо, они появятся, и специалисты скажут свое слово.

Мы же близимся к завершению рассказа об этом ярком и интересном представителе лопухинского рода. Иван Владимирович тихо и мирно старился в трудах, живя в Первопрестольной, которую так любил, и в своей подмосковной. Об этом времени он писал так: «Теперь, посреди службы и Москвы обширной, живу я в пустыне. Лучшие друзья мои почти все разлучены со мною смертию или отсутствием. Беседами мертвых друзей человечества в просвещенных их писаниях питаю я душу; а тело подкрепляю прогулкою и воздухом. Не езжу я на вечерние обеды и утренние ужины. Не езжу такое и в театры, для того, что не нашел я никогда ни одного, в котором хотя на минуту можно забыть, что видишь актеров...»

В 1812 году, при нашествии французов, последовало распоряжение всем сенаторам выехать из Москвы. Иван Владимирович уехал в свое орловское имение Ретяжи. И больше оттуда не выезжал. Он уже не мог бывать в присутствии и вышел в чистую отставку, доживал дни свои не в Савинском, а в Ретяжах, доставшихся ему от отца. На старости лет он женился на женщине простого звания. Там же и скончался шестидесяти лет от роду летом 1816 года...

Думается, что достойной эпитафией Лопухину-человеку могли бы стать слова о нем известного историка Василия Осиповича Ключевского: «С умом прямым, немного жестким и даже строптивым, но мягкосердечный и человеколюбивый, с тонким нравственным чув-

ством, отвечающим мягкому и тонкому складу его продолговатого лица, вечно сосредоточенный в работе над самим собою, он упорным упражнением умел лучшие и редкие движения души человеческой переработать в простые привычки или ежедневные потребности своего сердца».

Что же до Лопухина-масона, то о нем, кажется, весьма точно сказал историк общественной мысли в России профессор Н.К. Пиксанов: «Теоретик и устроитель русского масонства весьма близок был к православному вероучению, обрядности и морали. В сторону от господствующей церкви его уклоняли отчасти западническая мистическая литература и еще больше розенкрейцеровское увлечение герметическими науками, которое не было, однако, слишком сильным. Но, признавая догму и дисциплину православия, Лопухин и его друзья стремились обеспечить уют и независимость назревшей интимной религиозности... Так возникла своеобразная высокая церковь русских масонов, и Лопухин стал видным ее организатором и обрядонаачальником. В братском общении и в личном душевном деле члены этой малой церкви стремились разрешить проблемы нравственного возрождения человека и его мистического общения с Богом».

Официальная история масонства в России закончилась в 1822 году, когда Государь Александр I запретил масонские ложи. Но, к сожалению, русское масонство возродилось позднее, в конце девятнадцатого и в первые годы двадцатого столетия, когда оно сыграло зловещую роль в истории нашего Отечества. Но это уже не имеет отношения к предмету нашего разговора.

СВТАЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ

О Петре Васильевиче Лопухине (1753—1827) стоит рассказать подробнее, потому что он был одним из виднейших представителей этого древнего рода. Всю свою долгую жизнь он был на виду, Русские Государы постоянно пользовались его знаниями, опытом и воздавали ему за заслуги перед Отечеством наивысшие почести. Но общественное мнение России, как при его жизни, так и особенно после смерти, пусть и отдавая должное светлейшему князю, в значительной мере считало его «случайным барином», человеком, которому повезло быть отцом царской фаворитки. Известно, что чужой успех редко вызывает добрые чувства у современников, и редкий из них согласится признать другого умнее и способнее себя. А завистников у Петра Васильевича было много, потому что и должностями, и чинами, и наградами он превосходил многих, если не всех вельмож своего времени, и верно служил последовательно четырём Российским Императорам.

В этой связи — несколько слов о фаворитизме. Каждый, кто обладает верховной властью, продолжает оставаться человеком, и ему свойственно испытывать симпатии и антипатии к другим людям. На этом естественном человеческом свойстве и основан фаворитизм. И ничего дурного в нем, как таковом, нет. Худо другое — когда фаворит злоупотребляет своим положением при властителе и пытается играть в государстве роль, которая не соответствует его способностям. Тогда он становится вредным и даже опасным. Словом, фаворит плох тогда, когда он глуп, бесталанен и жаден. Когда он умен, способен и деятелен, он полезен.

Тому есть немало исторических примеров во всех странах, в том числе и в России. Явным фаворитом Царей Иоанна IV и Феодора

Иоанновича был боярин Борис Федорович Годунов — один из самых талантливейших правителей России шестнадцатого столетия. Повезло нашему Отечеству и с фаворитом Императрицы Екатерины Великой — светлейшим князем Г.А. Потемкиным, это ему Россия обязана и южными губерниями своими, и войсковой реформой, и громкими победами...

Именно такой, весьма полезной для России фигурой был и светлейший князь Петр Васильевич Лопухин. И пусть останутся на совести мемуаристов недобрые слова, сказанные о нем только потому, что он оказался «случаем». Князь Иван Михайлович Долгоруков, будучи острословом и не без способностей, написал весьма любопытную книгу «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни». В собственном предисловии он писал: «...не публике посвящаю настоящий труд мой, но, предприняв его для себя, дарю моим детям в надежде на их скромность». В этой написанной в глубокой старости книге князь дал весьма субъективную характеристику сотням людей. О Петре Васильевиче Лопухине он написал так: «...эгоист по характеру и чувству, и равнодушен к родине, престолу и ближнему, живучи для одной только плоти, он и добро и зло делал только по встрече без умысла и намерения». Долгоруков назвал Лопухина «случайным баринком Павлова времени. При нем и по причине страсти царской к его дочери он сделался из рядовых дворян первостатейным и богатейшим вельможей».

Несправедливы, как признали историки, и многие другие личностные характеристики князя И.М. Долгорукова, но из-за занимательности своей «Капище моего сердца» — дети скромными не оказались — стало едва не настольной книгой в обществе на протяжении девятнадцатого столетия, выдержало несколько изданий, да и в наши дни появилось в престижной серии «Литературные памятники». В то же время современный нам исследователь творчества князя И.М. Долгорукова В.И. Коровин пишет о нем и его «Капище»: «Критерий двойственного отношения к людям типичен для словесных портретов в «Капище»... Объективного описания в «Капище» нет... Он упростили содержание мемуарного жанра, превратив его в памятник личных, приватных впечатлений о людях».

Вот на таких свидетельствах основывалось мнение и современников, и позднее живших людей обо многих более или менее видных исторических фигурах, в том числе и о Петре Васильевиче Лопухине, который на самом деле может почитаться гордостью своего рода.

Петр Васильевич был единственным Лопухиным, награжденным высшим в России орденом Святого Андрея Первозванного с брилли-

антовыми знаками, первым в роде, получившим чин действительного тайного советника I класса, что соответствовало чинам канцлера и генерал-фельдмаршала, и первым из Лопухиных, кто удостоился титула светлейшего князя Российской Империи. И все же за Петром Васильевичем до сей поры тянется репутация человека, обязанного своим высоким положением лишь дочери, пленившей Императора Павла Петровича. Да, Государь Павел I явно отличал Анну Петровну Лопухину, к этому мы еще вернемся, но ее ли красота сделала Петра Васильевича одним из крупнейших государственных деятелей России на протяжении четырех царствований?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, который стал для публики почему-то ключевым в оценке жизни и деятельности светлейшего князя П.В. Лопухина, обратимся к историческим фактам, документам. Начало карьеры его было стремительным и довольно типичным для отпрыска знатной дворянской семьи восемнадцатого столетия. Он родился в 1753 году, семи лет от роду был записан капралом в лейб-гвардии Преображенский полк и в 1769-м, шестнадцатилетним юношей, в чине прапорщика вступил в действительную службу. Уже через шесть лет стал капитан-поручиком, а когда ему исполнилось двадцать пять — получил чин полковника. Это была быстрая карьера, но не исключительная для того времени. Вспомним, что граф Н.М. Каменский стал генерал-майором в двадцать три года.

Однако дальше положение Лопухина меняется. Надо полагать, что молодой полковник показал себя не просто хорошим строевым командиром, но проявил способности и к каким-то более сложным делам, потому что был назначен на весьма ответственную и близкую к престолу должность Санкт-Петербургского обер-полицмейстера. Заметим попутно, что это никак не могло случиться без прямого указания Императрицы Екатерины II, которая одновременно с назначением пожаловала Лопухину чин бригадира — тогда это был первый генеральский чин.

Мы можем лишь предполагать, каким образом Петр Васильевич стал лично известен Государыне, но несомненно, что до этого назначения Императрица не раз говорила с ним, знала его взгляды и должным образом оценила их...

Здесь необходимо некоторое отступление. Регулярная городская полиция существовала тогда в России всего несколько десятилетий, и Государыня Екатерина, зная, какое большое значение придают полицейскому делу в Европе, хотела привнести в российскую полицию некие гуманные начала. По мысли Императрицы, полиция должна была не только назидать и карать, но и исполнять некоторые нрав-

ственные функции. Как раз в те годы, когда Петр Васильевич стал обер-полицмейстером, Императрица Екатерина со своими советниками работала над «Уставом благочиния, или полицейским», которым предстояло руководствоваться впредь всем чинам полиции Российской Империи. Любопытно отметить и то, что обер-полицмейстер в столице подчинялся одному только Санкт-Петербургскому генерал-губернатору и имел ежедневный личный доклад у Государыни. В то время это было огромным преимуществом по службе. По свидетельству историка С.Н. Шубинского, это происходило так:

«Деловое утро Екатерины II начиналось после завтрака в 9 часов утра, и летом, и зимою. После того, как ее спальня бывала убрана, она подходила к двум столикам с выгибами посередине, стоявшими друг против друга, у каждого стоял белый стул.

Императрица садилась за один из них, у стены близ двери в парадную уборную, звонила в колокольчик и, когда входил дежурный камердинер, безотлучно стоявший у входа в спальню, приветливо здоровалась с ним и приказывала звать докладчиков. К этому часу ежедневно собирались в парадную уборную обер-полицмейстер и статс-секретари. Другим высшим чинам Империи назначены были для доклада в течение недели особые дни...

Первым являлся к Императрице обер-полицмейстер со словесным донесением о благосостоянии столицы, о ценах на съесные припасы, о разных происшествиях в городе и с запиской о приехавших и выехавших чиновных особах. После обер-полицмейстера призывались по очереди статс-секретари...»

Без большой натяжки можно предположить, что Петр Васильевич, каждый день докладывая Государыне о положении дел в столице, не только знал о готовящемся «Уставе благочиния», но и деятельно участвовал в его разработке. Завершенный «Устав благочиния» Императрица подписала 8 апреля 1782 года, и обер-полицмейстеру Лопухину довелось в том же году подтвердить на практике, что устав действительно гуманен и действует. Ровно через четыре месяца, 7 августа, в Петербурге был торжественно открыт памятник первому Русскому Императору — знаменитый Медный всадник работы Фальконе. Императрица, которой было лестно начертать на подножии монумента: «Петру Первому — Екатерина Вторая», как-то заметила Лопухину, что открытие памятника для него, как главного полицейского, серьезное испытание — Государыня хотела, чтобы этот день стал радостным для всех, и это должна была обеспечить полиция. Петр Васильевич выдержал испытание. В тот день Императрица в короне и порфире появилась на балконе

здания Сената и сама дала сигнал к снятию полотнища, скрывавшего Медного всадника. Тут же был и Лопухин, который сверху видел, что все назначенные им полиции меры действуют. Площадь была полна людей, ничто не нарушало строгий порядок...

Еще целый год после этого обер-полицмейстер Лопухин продолжал исполнять свои обязанности в Петербурге и внедрять в практику столичной полиции екатерининский устав. Это был обширный документ, в нем было 274 параграфа. Открывался он наказом Императрицы Управам благочиния. Им надлежало «иметь бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, добронравие и порядок, чтобы предписания законов повсюду исполняемы и сохраняемы были». Характерным для духа этого документа были четыре параграфа, выделенные в особую главу, которая называлась «Качества определенного к благочинию начальства». Вот их текст:

12

1. Здравый рассудок.
2. Добрая воля в отправлении порученного.
3. Человеколюбие.
4. Верность к службе Императорского Величества.
5. Усердие к общему добру.
6. Радение о должности.
7. Честность и бескорыстие.

13

Правый и равный суд всякому состоянию.

14

Дать покровительство невинному и скорбящему.

15

Воздержание от взяток; ибо ослепляют глаза и развращают ум и сердце, устам же налагают узду.

Не надо думать, что все эти принципы неукоснительно проводились в жизнь. И все же мы не можем не снять шляпы перед нравственным уровнем положений русского полицейского устава двухсотлетней давности, не можем не отдать должное Государыне Екатерине II, предписавшей полиции именно такие ориентиры. Видимо, требованиям, сформулированным в параграфах, отвечал и тогдашний обер-полицмейстер столицы. Но Императрица, имев возможность оценить его труды, видимо, понимала: он способен на большее. В 1793 году Петр Васильевич Лопухин получил новое, более высокое назначение. В Петербурге в его распоряжении было около 650 полицейских, разделенных на 10 частей и 42 квартала, пожарные, или «огнегасительные работники», как их называли, и городские извозчики. Теперь ему предстояло управлять канцелярией, ведавшей большой губернией, — он был назначен управителем Тверского наместничества. А вскоре последовал чин генерал-майо-

ра и совсем недавно учрежденный орден Святого Владимира III степени.

Но П.В. Лопухину не суждено было долго работать в Твери. Неожиданные обстоятельства заставили власти предержавшие менее чем через год перевести его в Первопрестольную столицу. Генерал-майор Лопухин стал Московским гражданским губернатором.

Это была трудная должность. Первым лицом в Москве был тогда главнокомандующий (позднее его стали именовать генерал-губернатором). Он командовал войсками, расположенными в городе и в нескольких центральных губерниях, и осуществлял высший надзор за всеми городскими делами. Но непосредственно управлял городом гражданский губернатор, который отвечал за все сложное его хозяйство. Положение же Петра Васильевича в Москве усугублялось дополнительными обстоятельствами. Летом 1784 года скончался Главнокомандующий Санкт-Петербурга, и на эту должность был назначен новый человек — генерал Я.А. Брюс, опытный военный, но имевший мало опыта в административных делах. А в августе того же года умер и высший московский начальник граф З.Г. Чернышев, тот самый, который построил дом, что до сих пор старожилы Москвы называют генерал-губернаторским дворцом. Достойной замены Чернышеву Государыня Екатерина не нашла и попросила Я.А. Брюса «присмотреть» заодно и за Первопрестольной столицей, пообещав назначить в Москву гражданским губернатором, то есть первым помощником главнокомандующего, лично ей известного, способного и честного администратора. Так будущий светлейший князь оказался в Москве при не очень опытном начальнике, отвечавшем к тому же сразу за обе российские столицы.

Для характеристики Петра Васильевича, как гражданского губернатора, может быть, и достаточно было бы сказать, что он оставался в этой должности целых девять лет, работал последовательно с тремя главнокомандующими, которые не хотели его отпускать, а по окончании этой службы стал генерал-лейтенантом и был назначен уже на вполне самостоятельную и крупную должность генерал-губернатора Ярославской и Вологодской губерний, где и оставался до конца царствования Великой Екатерины.

Вернемся, однако, к московскому периоду службы Лопухина. При нем было завершено строительство известного Мытищинского водопровода, и город получил, наконец, чистую питьевую воду. При нем был капитально отремонтирован Большой Каменный мост и для удобства горожан построено несколько новых, деревянных. В 1786-м и 1788 году в Москве были сильные наводнения, и по распоряжению

гражданского губернатора начали серьезно укреплять берега и набережные Москвы-реки — сначала «деревянным обрубом», а позднее и «диким камнем». Участвовал Лопухин в организации строительства знаменитой Голицынской больницы, которая возводилась тогда городом на деньги, завещанные на это покойным князем Д.М. Голицыным; активно помогал возведению здания Московского университета на Моховой, которое было закончено в последний год его губернаторства.

Но занимался он не только строительством. Губернатор внимательно всматривался в жизнь Первопрестольной. Например, с началом Французской революции думающее общество Москвы было встревожено, все хотелось постичь, понять происходящее. Книги и парижские периодические издания наводнили город. В одном из своих докладов Государыне губернатор П.В. Лопухин заметил: «Никогда столько ввозимо иностранных к книгопродавцам книг не было, как ныне». Он присоединил к докладу свежий номер журнала, выпущенного парижской типографией А.-М. Прюдома, которому был предпослан такой эпиграф: «Вельможи нам кажутся великими только потому, что мы на коленях. Так встанем же!»

Вскоре Государыня Екатерина II реагирует на отчет губернатора Лопухина, впрочем, конечно, не только его одного. В начале 1792 года она издает указ, который призван оградить ее подданных от разрушительного и губительного влияния взбунтовавшихся французов...

П.В. Лопухин думал и о будущем Первопрестольной. По его предложению в начале 1790-х годов была организована Комиссия по снятию плана Москвы. Используя этот план, губернатор предполагал в будущем усовершенствовать планировку древнего города. План пригодился через два десятилетия, когда архитекторы создавали новую Москву на месте споровшей в пламени войны 1812 года.

Не станем утомлять читателя перечислением дел Петра Васильевича Лопухина во время его пребывания генерал-губернатором Ярославской и Вологодской губерний. Укажем лишь, что, получив известие о кончине Государыни, он сильно горевал, почитая ее своей благодетельницей.

Однако вскоре он получил весточку и от нового Императора Павла Петровича: «Всемилоостивейше повелеваем генерал-лейтенанту Петру Лопухину присутствовать Сената Нашего в Московских департаментах».

Так он стал сенатором с высоким содержанием, одновременно ему был пожалован чин тайного советника и орден Святого Александра Невского — второй по значению в иерархии российских орденов.

13 января 1797 года ярославское дворянство в знак благодарности П.В. Лопухину за его деятельность на посту генерал-губернатора давало ему «вечерний стол». Присутствовало более ста человек, и среди них Ярославский и Ростовский архиепископ Арсений и тогдашний Ярославский гражданский губернатор князь Н.С. Урусов. Петр Васильевич Лопухин возвратился в Москву...

Первопрестольная жила тогда ожиданием коронационных торжеств нового Государя, и дождалась их довольно скоро: Император Павел Петрович прибыл с Двором и гвардией уже в марте 1797 года, в начале апреля состоялась пышная церемония в Успенском соборе Кремля и началась долгая череда балов и представлений сановников новому властителю.

Петр Васильевич Лопухин был представлен Павлу I вместе с другими московскими сенаторами. Государь милостиво беседовал с каждым, задавал деловые вопросы, касающиеся их ведомств, а узнав, что Лопухин недавно приехал из Ярославля, где был генерал-губернатором, вспомнил, что в его канцелярии лежит какое-то прошение из Ярославской губернии, касающееся сложного вопроса. Он попросил Лопухина задержаться после представления и передал ему бумагу с просьбой дать заключение. Петр Васильевич в тот же день собрал все нужные для решения дела документы, просидел с ними всю ночь, и к утру заключение было готово. К утреннему выходу Императора он уже был в его приемной с подробным докладом и обоснованным предложением. Павел Петрович был очень доволен — быстро, а главное, толково и обоснованно...

Так в Москве в дни Коронации состоялось личное знакомство нового Императора и московского сенатора, были заложены основы будущего сановного взлета Петра Васильевича. Известно, что Государь, будучи в Москве, несколько раз обращался к Лопухину с различными поручениями и укрепился в самом лучшем мнении о нем, как о государственном человеке.

Это не было случайным успехом. Много позже сын светлейшего князя Павел Петрович Лопухин рассказывал мемуаристу князю А.Б. Лобанову-Ростовскому об отце, что был он «даровитый и в особенности отличался легкостью и быстротою в работе». Похожую характеристику дал Лопухину известный историк Б.Д. Бантыш-Каменский. По его словам, был он «высокого роста, с красивою и до глубокой старости наружностью, был вспыльчивого характера, но с добрым сердцем, имел быстрое соображение и навык в делах...». А современные исследователи высшего сановного мира России в девятнадцатом столетии А. Звягинцев и Ю. Орлов считают, что «лич-

ные качества Лопухина, его оперативность, основательность в делах, без сомнения, способствовали его возвышению». В середине лета 1798 года Лопухин был вызван в Петербург, обласкан Императором, получил приглашение на обед в Петергоф — такой чести удостоивались немногие — и вскоре был назначен Генерал-прокурором Российской Империи, сменив на этой должности князя А.Б. Куракина.

И став Генерал-прокурором — правда, пробыл он в этой должности недолго, — Лопухин также заслужил добрые слова от людей, с которыми работал. Крупный поэт того времени И.И. Дмитриев, занимавший в ту пору пост обер-прокурора Правительствующего Сената, писал, что Лопухин «скоро понимал всякое дело» и был более сведущ в государственных делах и законах, чем его предшественник князь Куракин.

И это, и все другое, что мы знаем о Петре Васильевиче Лопухине до его вступления в генерал-прокурорскую должность, да и после назначения на нее, говорит о том, что он был готов к выполнению столь сложных обязанностей и заслужил повышение своими знаниями, умением работать и опытом.

А обязанности были действительно многообразны, требовали широты взглядов и умения мыслить государственно. Не случайно один из историков писал в своем труде о том времени: «По вступлении на Престол Императора Павла I все внутренние дела государства, кроме военных, были переданы генерал-прокурору...»

Однако справедливость требует признать, что Государь Павел Петрович, вызывая Лопухина в Петербург и назначая на одну из высших должностей в государстве, руководствовался не только его деловыми качествами. Еще в дни своей Коронации на одном из балов он заметил среди танцующих черноглазую красавицу и узнал, что она — дочь того самого сенатора Лопухина, который так быстро и толково выполняет его поручения. Однако прошел целый год, прежде чем Государь утвердился в своих чувствах к ней. Летом следующего, 1798 года Император вместе с Великими князьями снова побывал в Москве, на этот раз в связи с войсковыми маневрами. Графиня В.Н. Головина писала позднее в своих мемуарах: «Государь провел в Москве пять-шесть дней. Стечение публики на маневрах было громадное, тем более что погода стояла хорошая. Все спешили отпраздновать пребывание Его Величества балами и другими увеселениями. Привлекшая внимание Императора еще в прошлом году на коронации Лопухина вновь обратила на себя его взоры своею вполне расцветшей красотой... и тот покинул Москву без ума от любви и с твердым намерением привлечь свой предмет в Петербург».

Чтобы облегчить новому генерал-прокурору переезд в Петербург со своей семьей, Государь решил подарить ему дом в центре города. Дом этот и ныне хорошо известен в Петербурге, он и сегодня стоит на Дворцовой набережной под номером 10. Его срочно построили для этого по велению Императора Павла I. А в царствование Екатерины Великой на этом месте стоял дом, принадлежавший сначала известному И.И. Бецкому, а затем перешедший к его воспитаннице и наследнице, вышедшей замуж за не менее известного строителя Одессы вице-адмирала О.М. де Рибаса. Этот дом Император распорядился купить в казну и построить на этом месте новый особняк для генерал-прокурора Лопухина. Некоторое представление о старом доме де Рибаса, который стоял здесь прежде, мы можем получить из его письма крупному чиновнику, которого Император уполномочил вести переговоры о покупке дома: «На письмо Вашего Превосходительства имею честь ответить: за великое счастье поставляю, когда угодно будет Его Императорскому Величеству взять в казну дом мой... Сей дом в хорошем состоянии, в нем 130 покоев, картин и мебели немало, церковь, две ранжереи, сад и хорошие службы. Что касается до цены, то хоть он по оставшимся после покойного И.И. Бецкого запискам стоит больше ста тридцати тысяч рублей, то есть ли бы мне пожаловано было сто десять тысяч, то я бы весьма доволен был, особливо в рассуждении долгов».

События этого года развивались для Петра Васильевича Лопухина стремительно. 1 августа новый дом на Дворцовой набережной был готов. Через неделю после этого, 8 августа, Именным указом Государя П.В. Лопухин был назначен генерал-прокурором, а уже 20 августа Император подписал еще один Именной указ — Петербургскому генерал-губернатору барону П.А. фон дер Палену, тому самому, кстати, который через год получит от Павла I титул графа, а еще через полтора станет организатором и душой заговора, в результате которого Русский Император будет задушен в собственной спальне. Но до этого было еще далеко, а в указе на имя фон дер Палена от августа 1799 года читаем: «Всемиловитейше пожалован в вечное и потомственное владение нашему тайному советнику и Генерал-прокурору Лопухину дом, купленный в казну нашу от вице-адмирала Рибаса, состоящий в С.-Петербурге в Первой Адмиралтейской части, одним фасадом на Миллионную, а другим на набережную, повелеваем предписать куда следует об отдаче ему оного».

Лопухины переехали, с Петром Васильевичем в этом доме поселились его вторая жена Екатерина Николаевна, урожденная Шетнева (первая — Прасковья Ивановна Левшина — несколько лет назад

скончалась) и дочь от первого брака Анна Петровна. И после этого высокие назначения, чины и награды посыпались на Петра Васильевича как из рога изобилия. Он получил повеление «присутствовать в Императорском Совете», стал действительным тайным советником (II класс по Табели о рангах), его жена была пожалована в статс-дамы, а дочь — в камер-фрейлины Высочайшего Двора. Петр Васильевич был награжден орденом Святого Андрея Первозванного, что по уставу этого ордена означало одновременное вручение ему высших степеней и других российских орденов — Святого Александра Невского (у Лопухина он уже был), Белого Орла, Святой Анны и Святого Станислава первых степеней. А в начале 1799 года — вершина благоденствий Государя: генерал-прокурор получает титул. Указ гласит: «В несомненный знак Нашего монаршего благоволения и в воздаяние верности и усердия к службе Нашей действительного тайного советника и генерал-прокурора Петра Лопухина, жалуюм ему титул князя Российской Империи в наследственное достоинство со всем нисходящим от него потомством». Вскоре, как последний аккорд, последовал указ о присвоении Лопухину титула «светлости» и о пожаловании ему бриллиантовых знаков к ордену Святого Андрея Первозванного.

Выше подниматься было некуда. Петр Васильевич получил от своего Государя все, о чем мог мечтать самый честолюбивый подданный Империи. Но, к счастью, как свидетельствуют некоторые современники, не ослепленные завистью и злобой, светлейший князь остался таким же простым в обращении, таким же сердечным и добрым человеком, как прежде.

О светлейшем князе Петре Васильевиче, как и обо всех выдающихся людях, ходили и ходят всевозможные анекдоты. Позволю себе пересказать один, относящийся к короткому периоду службы его в должности генерал-прокурора при Императоре Павле Петровиче.

Однажды, во время развода караулов, Император заметил офицера, особенно четко выполнявшего сложные экзерциции. Кто ты? — спросил Государь. Поручик Лопухин, — ответил офицер.

— Не родня ли ты князю Петру Васильевичу?

— Племянник, Ваше Императорское Величество.

— Жалую тебя капитаном, — ответил Император.

Никаким племянником этот офицер, происходивший из другой ветви рода, не был. Об этом знали его товарищи, которые после развода пророчили ему страшные кары, если Император спросит о нем у князя и тот скажет, что племянника в Преображенском полку у него нет. Перепуганный поручик помчался к светлейшему князю. Тот

принял его и, выслушав сбивчивый покаянный рассказ молодого человека, сказал ему:

— Ну хорошо, будь племянником. А сейчас езжай скорее во дворец и снеси записку Анетте, чтобы и она знала, что ты у нас родня.

Император в тот же день спросил светлейшего князя, почему тот не говорил ему о племяннике-преображенце?

— Я желал, чтобы он сам заслужил милость Вашего Величества, — ответил Петр Васильевич Лопухин.

Вот такой анекдот о П.В. Лопухине привел в своей книге «Хранилище моей памяти», изданной в 1891 году, граф М.В. Толстой. А капитан Петр Андреевич Лопухин, ставший скоро полковником, оправдал доверие своего нареченного дяди: он храбро сражался, участвовал во всех войнах против Наполеона, отличился при Бородине и в Заграничном походе, заслужил много орденов и золотую шпагу «За храбрость», а в послевоенные годы служил Звенигородским уездным предводителем дворянства...

Впрочем, мы снова отвлеклись, не закончив еще рассказ о благодеяниях, которыми Император Павел осыпал светлейшего князя Лопухина. Остается сказать о, может быть, самом роскошном подарке Государя. В том же 1799 году он пожаловал Петру Васильевичу из казны староство Корсунь. Мы уже упоминали о нем в этой книге. Оно занимало весь Каневский уезд Киевской губернии, насчитывало более 50 тысяч десятин земли, 30 сел и деревень и около 30 тысяч крепостных обоюбого пола. Позднее Петр Васильевич и его сын Павел Петрович создали здесь удивительную усадьбу, которая была одновременно «чудным произведением природы и человеческого искусства», как оценивали ее в те времена знатоки.

Более чем через полвека в Киеве было предпринято издание иллюстрированных выпусков «Памятники и виды Киевской, Подольской и Волынской губерний». Первый выпуск был посвящен собору Святой Софии в Киеве и гробнице в нем Великого Князя Ярослава, а второй, вышедший в свет в 1858 году, лопухинскому Корсуню. Третий рассказывал о древней церкви во имя Святителя Василия Великого в Овруче... Уже сам подбор объектов для первых выпусков «Памятников...» говорит о том, какое место занимало имение Корсунь среди достопримечательностей Малороссии.

Трудно удержаться, чтобы не привести несколько строк из текста выпуска, рассказывающего о Корсуне:

«Местоположение Корсуни чрезвычайно живописно. Он расположен на горе, по которой, как гнезда, разбросаны мелкие опрятные домики, характеризующие жителей этого местечка. Въезжая в Кор-

сунь вечером, представляешь его фантастическим призраком, какой-то громадной возвышенностью, на которой как будто блуждающие огоньки сверкают, это освещение домиков и колоссального дворца, воздвигнутого среди роскошного сада, на крутом берегу Роси, текущей по каменному руслу с шумом, который слышится версты за две. Образующие Росью острова, игриво разбросанные по значительному пространству, представляют вид поэтического миниатюрного архипелага...

Отец нынешнего владельца Корсуни Светлейшего Князя Павла Петровича Лопухина выстроил на месте старого дворца новый, великолепный, в итальянском вкусе. Богатую живописную видами природу, окружавшую его сад, он украсил всеми прихотями искусства: во многих местах перебрасываемы над водами легкие, как будто воздушные мостики в китайском вкусе, под ними движутся серебристые ленты ручьев. Они шумом своим меж гранитных берегов напоминают прибой на южном берегу Крыма. В местах, куда проникает солнечный зной, построены изящной архитектуры беседки, павильоны и швейцарские хижины; куда не проникает луч светила, устроены гроты и купальни, невольно призывающие после прогулки в саду. Вьющийся дикий виноград, другие цветы и растения, посаженные по извилистым дорожкам, между живописных скал, принимают вид фантастических гирлянд, которые то теряются, то снова появляются перед глазами наблюдателя. Мифологические статуи, произведенные искусной рукою скульптора, переселяют в мир Греков и Римлян, при гармонии известного в этом крае оркестра Князя Лопухина, под дирекциею Адольфа Пфейфера. При исполнении лучших произведений известных композиторов, которые иной раз сливаются с громом водопадов, падающих со скал, при песнях рыбаков и пении соловья, как бы переселяешься в Венецию с гондолами и гандольерами, в особенности когда идешь через плавающий мостик с Большого Острова на другой, не менее живописный остров Денис, на котором находятся теплицы с винными ягодами и оранжереи с редкими тропическими растениями... Да, кто видел во время гуляния на Петра и Павла Корсунский сад и слышал в нем Лопухинский оркестр, тот никогда не забудет Корсуни!»

Отвлечемся, однако, от восторженного описания корсунских садов и расскажем об этом имении в целом. До второго раздела Польши в 1795 году городок Корсунь и вся округа принадлежали польскому магнату князю Станиславу Понятовскому. После раздела Государыня Екатерина Великая купила у него это староство в казну, а ее сын Павел Петрович пожаловал его Петру Васильевичу Лопухину. Заме-

тим, что светлейший князь не сразу вступил в полные права собственности. Корсунь писался местечком, то есть городком, и его жители несколько лет не соглашались признать себя крепостными светлейшего, поскольку считали себя горожанами, то есть мещанами, а не крестьянами. Последовали разбирательства, но нигде не было найдено ни одного документа, который подтверждал бы мещанский статус корсунских жителей. Тогда особым указом Государя их было велено считать крестьянами, принадлежащими светлейшему князю. Деревни, окружавшие Корсунь, и раньше признали князя своим хозяином, и отношения между ними наладились быстро.

В «Камеральной описи местечка Корсунь и его округи», составленной в начале девятнадцатого столетия о «подданных П.В. Лопухина», было написано так: «Крестьяне к хлебопашеству рачительны и к трудам прилежны. Рогатого скота имеют изобильно. От садов своих и огородов получают знаменитый доход, овец и пчел разводят старательно; промышляют, посылая в Крым за солью и соленою рыбою; развозят купеческие товары по ярмаркам, доставляют в разные места хлебные и винные подряды, упражняются в мастерствах: ткацком, плотницком, кузнечном, портном и сапожном, почему и имуществом достаточны, телом здоровы и в домах опрятны. Женщины трудолюбиво занимаются домоводством, прядут лен, конопля, плоскунь и шерсть».

Когда после смерти светлейшего князя Петра Васильевича Корсунь перешел к Павлу Петровичу Лопухину, тот сразу же затеял некоторые перемены. В 1828 году возле Корсуни предполагался Высочайший смотр войск, центр которых находился в Тульчине, и молодой хозяин надеялся принять у себя в Корсуне Государя Николая Павловича. Светлейший Павел Петрович приказал заменить во дворце всю мебель и привести его в полный порядок. Но по каким-то причинам, возможно связанным с турецкой кампанией, смотр не состоялся, и Император в Корсунь не приехал.

Новый хозяин построил новый дворец, заметно обновил другие постройки и к моменту переселения в Корсунь на постоянное жительство в 1835 году украсил его множеством художественных произведений. Стены залов дворца украшали портреты хозяев имения работы Карла Брюллова, портреты многих Лопухиных работы Боровиковского и других крупных мастеров, там были прекрасные портреты Царя Петра I и Царицы Евдокии Федоровны, а также работы европейских мастеров — Торвальдсена, Кановы, Джорини...

Любопытная деталь: заместителем управляющего громадным имением служил у светлейшего князя Варфоломей Шевченко, двоюрод-

ный брат знаменитого малороссийского кобзаря Тараса Шевченко. В середине века поэт часто гостил у родственника в Корсуне. Он знал, что его кузен получил от барина вольную, служил у него по найму и имел, надо думать, неплохое жалованье, поскольку известно, что все младшие корсунские Шевченки получили хорошее образование: три дочери Варфоломея учились в Киеве, в пансионе мадам Соар; один из троих сыновей окончил юнкерское училище, стал офицером Императорской армии и отличился в турецкую кампанию 1878 года; второй окончил училище и служил землемером, а третий стал литератором. Несмотря на прекрасное отношение семьи хозяев имения к этому своему служащему — тому известны многие примеры, сам Тарас Шевченко — что возьмешь с идеологизированного максималиста! — назвал князя Лопухина «наимерзейшим и никчемным светлейшим», что даже записано в соответствующих бумагах. Пусть Господь судит упорного в своем неприимом антидворянстве кобзаря!

Сохранившиеся документы и воспоминания современников говорят о добрых отношениях хозяина имения, княжеской семьи и местных жителей. Светлейший князь учредил в Корсуне на свои средства народное училище, куда принимали всех местных ребятшек. При училище был живописный класс, оркестр и хор. Из стен Корсунского училища выходили не просто грамотные люди, но часто неплохие художники, музыканты, певцы. Желаящие становились служащими в княжеском хозяйстве, многие разъезжались в разные стороны.

Павел Петрович был доступным и щедрым хозяином. Он лично принимал всех, кто в нем нуждался, помогал просителям. Князь никогда не отказывался стать крестным отцом кого-либо из корсунцев и щедро одаривал своих крестников. В имении действовало правило, согласно которому погорельцы бесплатно получали от князя лес на новое строительство, таким образом он брал на себя основные расходы по восстановлению хозяйства после частых пожаров. На свои средства он строил и содержал все окрестные церкви.

Справедливости ради нужно заметить, что отношения между хозяевами Корсуни и местными жителями оставались такими и после смерти Павла Петровича, при наследниках его имени и титула — светлейших князьях Лопухиных-Демидовых. Первый и единственный владелец имения из наследников, который жил в нем, Николай Петрович, оставил по себе в округе прекрасную память как добрый и щедрый человек, а его вдова, которая хозяйствовала в имении до 1918 года, неизменно помогала местным жителям всем, чем могла. Об

этом, кстати, упоминается в открытом письме ее к жителям Корсуня, которое она написала и размножила в октябре 1918 года перед тем, как покинуть имение. Горько читать эти пронзительные строки, которые еще раз характеризуют ту страшную нравственную деградацию, которую влечет за собой любой «народный переворот». Этот документ мы приводим здесь полностью:

«Перед отъездом моим из Корсуня я желаю выразить настроение, с которым я, прожив более полувека в этом имении, покидаю его, объяснить причины моего решения навсегда оставить дорогой мне Корсунь.

Покойный муж мой Светлейший Князь Николай Петрович и дети наши любили вас, постоянно заботились о нуждах ваших, непрерывно защищали вас, когда могла вас постигнуть беда. Нуждающимся и больным никогда не отказывали в помощи, ограждали вас от неприятностей; а вы разделяли наши радости или горести, что для нас всегда было очень утешительно и трогательно. Кроме того, вы знаете, как я всегда хлопотала о школах для образования ваших детей, я и до сих пор не перестаю работать для удержания полезных училищ и гимназии в Корсуне.

Невзирая на долгое и дорогое моему сердцу прошлое, я чувствую всю неправду и непонятное для меня озлобление, слышу клевету; можно подумать, что мы сразу переменились, стали ненавидеть всех и вредить людям. Этого нет и быть не может.

Но мне сделалось очень тяжело жить среди людей, которые забыли прошлое и верят только злонамеренным клеветникам, обманывающим вас.

Никто из нас никогда не обманывал кого-либо из вас — это вам всем хорошо известно.

Покидая Корсунь, желаю вам скорее образумиться и разобраться в тех, с которыми вы живете, узнать, кто ваш друг, которому можно верить, и кто недруг, который, действуя на вас, ищет только свою личную выгоду.

Да поможет вам в этом Бог!

Светлейшая княгиня

Ольга Валериановна Лопухина-Демидова»*.

...Однако мы слишком далеко забежали вперед — трудно было, рассказывая о Корсуне, прерваться. Вернемся сейчас снова в конец

* Автор выражает свою признательность директору Корсунь-Шевченковского государственного историко-культурного заповедника П.Я. Степенькиной и заведующей музеем Т.Ю. Поляковой за предоставленные материалы.

восемнадцатого столетия, в 1799 год, когда Петр Васильевич Лопухин, первый светлейший князь, осыпанный милостями Императора Павла I, обосновался в Петербурге. Он жил в своем роскошном доме на Дворцовой набережной, а летом переезжал на Аптекарский остров. Здесь Государь пожаловал ему огромный участок, хорошо видный из окон Императорского Каменноостровского дворца, и на нем вскоре возникла красивая дача с прелестным ландшафтным парком.

В те времена Аптекарский остров был, как сказали бы теперь, типичным дачным местом, куда любила выезжать на лето отдыхать петербургская знать. Нынешние исследователи В. Грибанов и Л. Лурье утверждают, что на рубеже XVIII и XIX веков на Аптекарском острове было 79 пригородных усадеб. Об этом говорится в маленькой книжке «Аптекарский остров» этих авторов, выпущенной недавно в Петербурге в краеведческой серии. Из этого числа, говорится в книжке, только две усадьбы были по-настоящему большие и великолепные — князя Лопухина и графини Лаваль. Только они, собственно, и оставили топонимический след на лице города — к этим усадьбам вели Лопухинская дорога и Лавалева улица, сохранившиеся до сего дня, но переименованные в середине 30-х годов. Первая называется сейчас улицей Академика Павлова, вторая — Академика Грота. Усадьба князя Петра Васильевича, как описывают ее на основе сохранившихся документов специалисты, стояла в центре роскошного английского парка. Дом был небольшим, а возле него на лужайках паслись декоративные стада коров и оленей. Усадьба как бы воспроизводила в петербургской действительности полотно европейского пейзажиста средних веков.

Итак, светлейший князь Лопухин достиг вершины... И здесь снова необходимо отступление. До сих пор в псевдоисторической литературе существует расхожая версия о том, будто бы Император Павел I вызвал Лопухина в Петербург и поставил его перед дилеммой: либо отдать ему дочь и получить все, либо быть сосланным в Сибирь. Об этом, в частности, прямо написано в книге А.А. Иванова «Дома и люди. Из истории петербургских особняков» (С.-Петербург, 1997): «...ему был предоставлен следующий выбор: при согласии — дарование титула светлейшего князя и миллионное богатство; при отказе — опала и путешествие в пределы Восточной Сибири ловить соболей. Благоразумный родитель предпочел первый вариант».

...До чего же сильна большевистская привычка любимыми способами марать и чернить Русских Императоров! Не было того, о чем пишет г. Иванов, не было и быть не могло. Ничто не подтверждает его вымыслов (он, впрочем, лишь повторяет чужие). Напротив,

все мемуары современников Государя Павла Петровича, исключая, разумеется, его убийц и их сторонников, которые с удовольствием распространялись о безумии и распущенности Государя, рисуют его примерным семьянином и любящим мужем. Вот несколько строк из записок Н.А. Саблукова, который был в Михайловском дворце в ночь убийства Императора Павла Петровича, был глубоко удручен случившимся и сразу же осудил преступление. «Государь Павел Петрович, — писал Н.А. Саблуков, — отнюдь не был человеком безнравственным; напротив того, он был добродетелен, как по убеждениям, так и по намерениям. Он ненавидел распутство, был искренне привязан к своей прелестной супруге и не мог себе представить, чтобы какая-нибудь интриганка могла когда-либо увлечь его и влюбить в себя без памяти».

В основанной на документах книге «Цареубийство 11 марта 1801 года», изданной в Петербурге век спустя, в 1907 году, издательством А.В. Суворина, говорится: «О нравственности Императора Павла I мы имеем довольно точные сведения. Брак Его с Марией Федоровной был плодоносный и счастливый. С Нелидовой его связывала лишь платоническая дружба. В этом едва ли может быть теперь сомнение. Но показания самой Императрицы Марии Федоровны, графини Головиной и графа Федора Головкина свидетельствуют, что во время беременности и по разрешении 28 января 1798 года Великим Князем Михаилом, доктора и в частности берлинский профессор Мекель заявили, что дальнейшее продолжение супружеских отношений грозит жизни Императрицы. С этого времени Павел Петрович уже спал в особливом покое».

Не забудем еще об одном обстоятельстве: в 1797 году Император Павел заключил Конвенцию с Мальтийским орденом (орден Святого Иоанна Иерусалимского), а вскоре принял и сан Великого Магистра этого ордена. Рыцари ордена принимали обет безбрачия, а из многих источников нам известно, что к своему положению рыцаря и магистра он относился очень серьезно.

Человек высоких нравственных правил, которого и прежде считали рыцарственной натурой, да еще только что принятый в рыцарский орден Святого Иоанна Иерусалимского, не мог «выторговывать» себе у отца приглянувшуюся ему девицу. Нет сомнений в том, что Император был влюблен в Анну Петровну, что он хотел постоянно иметь перед глазами предмет своего обожания. Он часто встречался с нею, танцевал на балах. Известно даже, что именно потому, что Анна Петровна любила вальс, этот танец, прежде считавшийся фривольным и запрещенный при Дворе, снова стал поощряемым и мод-

ным. Есть и другие факты, которые заставляют посмотреть на вещи в ином смысле. Известно, например, что в 1799 году Анна Петровна призналась своему Августейшему поклоннику, что сердце ее не свободно, что она влюблена. Узнав, что счастливец был майор князь П.Г. Гагарин, воевавший тогда в Северной Италии в армии Суворова, Император немедленно направил полководцу приказ: прислать князя Гагарина в Петербург «с известием о первом счастливом событии». Победы Суворова не были редким явлением, и довольно скоро, как сообщает «Русский архив» в своей первой книге за 1877 год, счастливый избранник «упал к ногам Государя, повергая к стопам Его французские знамена и ключи Турина, только что взятого Суворовым. Павел принял Гагарина как сына и объявил ему близкую свадьбу с княжною Анной, которую он передаст ему такую же, какой ее получил».

И об этом писал уже известный нам Н.А. Саблуков: «Я находился во дворце, когда князь Гагарин прибыл ко Двору, и вынес о нем впечатление как об очень красивом, хотя и невысокого роста человеке. Император тотчас же наградил его орденом, сам привел к его возлюбленной и в течение всего этого дня был искренне доволен и преисполнен гордости от сознания своего действительно героического самопожертвования. А вечером на маленьком дворцовом балу он имел положительно счастливый и довольный вид, с восторгом говорил о своем красивом и счастливом сопернике и представил его многим из нас с видом искреннего добродушия».

Князь Павел Гаврилович Гагарин был произведен сразу в генерал-майоры, и 8 февраля 1800 года во дворце с необычайной пышностью была отпразднована свадьба блестящей пары. Император сделал молодоженам царский подарок — велел купить соседний с лопухинским дом на Дворцовой набережной, принадлежавший некоему капитану Рогозинскому, объединить оба владения и поручил самому Кваренги перестроить дома в единый дворец, который и по сей день сохранил вид, приданный ему великим архитектором. Со стороны двора к нему был пристроен изящный висячий сад.

Однако сам Петр Васильевич Лопухин присутствовал на свадьбе дочери уже в качестве частного лица и московского гостя. В июле 1799 года, как утверждают, из-за интриг императорского фаворита графа П.И. Кутайсова, убоившегося чрезмерного возвышения Лопухина, светлейший князь подал в отставку со всех своих постов, быстро получил ее и уехал в Москву, оставив дочери петербургский дом свой. О неожиданной отставке говорили всякое, некоторые связывали ее и с положением при Дворе Анны Петровны. Но когда его спра-

шивали о ней, Лопухин отвечал неизменно: «Пока она была в девицах, я по отцовской обязанности ее защищал; теперь она замужем, у нее есть защитник...»

А Анна Петровна княгиня Гагарина продолжает царить при Дворе. Она становится статс-дамой, ее награждают орденами Святой Екатерины и Святого Иоанна Иерусалимского. Вот как писала о ней уже упоминавшаяся здесь графиня В.Н. Головина: «Она имела красивую голову, но была невысокого роста, дурно сложена и без грации в манерах; красивые глаза, черные брови и волосы... прекрасные зубы и приятный рот были ее единственными прелестями. Выражение лица было мягкое и доброе, и действительно Лопухина была добра и неспособна ни желать, ни делать чего-либо злого... Ее влияние проявлялось только в раздаче милостей; у нее не было данных, чтобы распространять его на дела, хотя любовь Государя и низость людей давали ей возможность вмешиваться во все. Часто она испрашивала прощение невинных, с которыми Император поступал очень строго в минуты гнева; тогда она плакала и дулась, и таким образом достигала желаемого». Кроме того, по свидетельству современников, она научилась — единственная из всех — успокаивать нередкие вспышки гнева вспыльчивого Императора.

Та же графиня Головина, признавая, что Император «придавал выражению своей склонности рыцарственный характер», свидетельствует почти о культе княгини Гагариной, введенном Государем при своем Дворе: «Имя Анны, которому приписывали мистический смысл божественной благодати, стало девизом Государя. Он поставил его на знаменах Своего первого гвардейского полка. Красный цвет, любимый Лопухиной, стал любимым цветом Императора Павла, а значит и Двор стал отдавать ему предпочтение. И офицеры, и все придворные, за исключением прислуги, носили этот цвет».

Показательно, что не только современники тех событий, но и нынешние серьезные исследователи истории России и русских нравов прошлого подчеркивают рыцарственный характер платонической любви Государя Павла Петровича к княгине Гагариной. «Это была любовь времен рыцарства», — писал позже, вспоминая о временах Павла Петровича, граф Ф.В. Ростопчин, хорошо известный в истории по пожару Москвы 1812 года. А вот что пишет об этом известный ученый, историк русской культуры Ю.М. Лотман: «Когда Павел Первый избрал своей дамой сердца Анну Лопухину и сделал ее объектом платонического рыцарского культа, он афишировал публично свое преклонение: дознавшись, что имя Анна (Ханна) — по-древнееврейски означает «Благодать», он назвал этим именем военный фрегат,

приказал написать «Благодать» на гренадерских шапках и корабельных флагах. Это было публичное признание в любви, пусть даже рыцарской *fin amour* — чистой благородной любви».

Рыцарственное преклонение перед «прекрасной дамой» дополнялось такой же рыцарственной таинственностью, какой должны были быть окружены свидания влюбленных. В Петербурге до сих пор живы легенды о героях этого платонического романа. Старожилы Аптекарского острова, мы уже писали о нем, и ныне объяснят желающим, что улица Академика Павлова до 1934 года называлась Лопухинской дорогой, тянувшейся вдоль ограды сада светлейшего князя, покажут и место загородного дома Лопухиных, возле которого, по преданию, проходили встречи, расскажут, как Император Павел Петрович тайно на шлюпке пересекал канал и какие хитрости были придуманы, чтобы укрыть от посторонних глаз свидания, о которых знали все...

Чтобы закончить разговор о взаимоотношениях княгини Анны Петровны Гагариной, урожденной Лопухиной, и Императора Павла Петровича, приведем еще одно свидетельство, опубликованное в конце XIX века в «Русской старине»: «Каковы же были все-таки Его отношения к девице Лопухиной, а вскоре княгине Гагариной? Они начинались, конечно, платоническими ухаживаниями, а более близкие отношения, если они и наступили, появились только в июле 1800 года. Значит, два с половиной года Павел Первый пребывал в положении верного своим обетам монаха. Во всяком случае, как гроссмейстер Мальтийского ордена, он должен был соблюдать обет безбрачия... Если такое состояние было и временным, то лишь в июле 1800 года отношения Павла и Лопухиной-Гагариной принимают, возможно, характер близости. Поместившись во дворце, она ежедневно вечером видит у себя Императора после ужина с 9-ти часов до 11-ти».

Как бы то ни было, но продолжалось все это недолго. В ночь на 12 марта 1801 года убийцы ворвались в спальню несчастного Императора, и совершили то, чему положил начало своим неистовством Царь Петр I, убивший собственного сына и проливший Царскую кровь. Это по его следу пошли убийцы Императора Петра III, Императора Иоанна VI, Императора Павла I, а позднее — Императора Александра II и Императора Николая II... Царь Петр указал дорогу цареубийства, Царская кровь перестала быть священной...

Завершилась недолгая эпоха Императора Павла I. Новый Государь назначил князя П.Г. Гагарина Императорским послом при Дворе Короля Сардинского, и супруги уехали в Италию. Через несколько лет княгиня Анна Петровна скончалась там от чахотки. Тело ее перевезли в Петербург и похоронили на Лазаревском кладбище Александро-

Невской лавры. А Петр Васильевич продолжал жить в Москве не у дел. Многие считали, что блестящая карьера светлейшего князя Лопухина закончилась навсегда. Правда, молодой Государь в день своей Коронации подарил ему богатую табакерку, украшенную своим эмалевым портретом, что, впрочем, еще ничего не значило.

Но уже в 1802 году Государь назначил Лопухина членом Непременного совета при Императоре, который немного позже будет преобразован в Государственный Совет. Видимо, первые месяцы работы Лопухина в Непременном совете, где Император сам председательствовал, убедили его в высоких способностях светлейшего князя. Уже в октябре 1803 года Петр Васильевич был назначен одновременно министром юстиции и генерал-прокурором Империи. Теперь уже не было ни Павла I, ни его любимицы Анны Петровны княгини Гагариной, а Петр Васильевич занял при молодом Государе еще более видное положение, чем занимал при его отце.

Мы намеренно не писали о делах Лопухина в генерал-прокурорской должности при Императоре Павле Петровиче, он слишком недолго исполнял ее. Но все же успел ввести новую тогда практику личного приема прошений и жалоб по делам о злоупотреблениях и нарушениях законов, в его приемную в определенные дни и часы приходили десятки людей. Он способствовал скорейшему введению в российскую практику Высочайшего указа об освобождении от телесных наказаний лиц выше определенного возраста. Он приказал губернским прокурорам доносить лично ему о злоупотреблениях высших должностных лиц губерний. Он принял строгие меры по искоренению разбоев, которые были в те времена бичом странствующих и путешествующих. Случались в практике генерал-прокурора Лопухина и курьезные дела. Однажды русский посол в Англии граф С.Р. Воронцов сообщил Императору, что молодые русские купцы во время деловых поездок в Англию ведут себя «неблагопристойно». Павел I поручил генерал-прокурору решить дело кардинально, запретив молодым купцам ездить в эту страну. За его подписью осенью 1798 года во все губернии было послано предписание: «Его Императорское Величество по причине производимых некоторыми из находящихся в Англии из российских торгующих и другого рода людьми неприличных деяний, Высочайше мне повелеть соизволил сообщить господам правителям губерний, чтобы молодые купцы и их приказчики, а равномерно и прочих состояний россияне туда не ездили...»

Менее чем за год своего генерал-прокурорства Лопухин успел сделать и еще несколько добрых дел. Известный поэт М.М. Херасков, например, именно ему обязан своим награждением орденом Святой

Анны I степени. По этому случаю поэт прислал светлейшему князю панегирическое четверостишие — жанр этот был широко распространен в восемнадцатом столетии:

Сияет кто душой, тому не есть излишни
Сиятельств имена, чины и титулы пышны,
Исчезнет в вечности и княжество и чин,
Но будет там сиять делами Лопухин!

Гораздо больше можно рассказать о трудах Петра Васильевича в должностях министра юстиции и генерал-прокурора при Императоре Александре I. В это время на Лопухина Высочайшим указом было возложено управление Комиссией составления законов. Император Александр I стремился к широким преобразованиям в государстве, и эта комиссия имела результатом своей работы то, что поэт впоследствии назвал «дней Александровых прекрасным началом». Заместителем светлейшего князя и по Министерству юстиции, и по комиссии был в 1808 году назначен известный российский реформатор М.М. Сперанский. И сегодня, когда говорят о реформах первой половины царствования этого Государя, вспоминают именно его, сына скромного сельского священника. В значительной мере это справедливо — именно Сперанский более других сделал для благотворных изменений в государственной жизни России первой четверти девятнадцатого столетия. Но справедливости ради напомним, что немалая доля труда во всем этом принадлежала и его непосредственному начальнику светлейшему князю Лопухину.

Много времени отнимал у генерал-прокурора надзор за быстрым и точным исполнением законов в деятельности Правительствующего Сената. Лопухин добился учреждения в Сенате еще двух департаментов, а также создания временных сенатских комитетов, что ускорило рассмотрение дел. Генерал-прокурор требовал от сенаторов гораздо более интенсивной работы, чем та, к которой они привыкли. Случались у Петра Васильевича и конфликты с сенаторами, даже с его родственником, еще одним представителем рода, весьма известным в истории, — Иваном Владимировичем Лопухиным. Дело дошло даже до того, что старший по чину единородец перевел младшего из более важного сенатского департамента в менее значительный. В связи с этим «младший», И.В. Лопухин, писал позднее в своих известных «Записках»: «Хотя министр юстиции на очень резкое письмо мое о том к нему отвечал мне, что сам государь изволил меня назначить, а он тому только радовался, желая, чтобы все лучшие господа сенаторы были в апелляционных департаментах, где больше соблазнов. Но

я не могу поверить, чтоб сей родственник и, впрочем, конечно, доброжелатель мой не участвовал в оном переходе моем и со своей стороны. Отдавая всю справедливость сему отлично пронизательному, опытному в службе и деятельному министру, знаю, однакож, что неуступчивые очень ему неприятны». Так узнаём мы и об еще одной отличительной черте светлейшего князя — видимо, не очень любил он несогласных и противоречивших ему.

Впрочем, в тех же «Записках» сенатор И.В. Лопухин признает, что Петр Васильевич был в те времена настолько авторитетным и общепризнанным администратором, что всегда мог настоять на выполнении любого принятого им решения.

Естественно, что не все решения министра юстиции и генерал-прокурора удовлетворяли просителей. Появились у него и недоброжелатели, и даже откровенные враги. Но относился к ним светлейший князь, судя по всему, терпимо и никогда не мстил за резкости в собственный адрес. Исследователи его деятельности Звягинцев и Орлов приводят такой пример: «Некий Новосельский с упреком писал Лопухину, что тот наговорил ему много оскорбительных слов, когда он обратился к нему, как к министру юстиции. В письме Новосельский отмечает, что он сам происходит от «древнейшей светлости», угрожает «мщением судьбы» и просит представить доказательства, что министр юстиции не по званию, а по истине присутствует в Лопухине. На столь дерзкое письмо, написанное в резких выражениях, Лопухин отвечает сдержанно и с достоинством: «Сообразив весь разговор наш, хотя я себя не нахожу ни в чем виновным, но ежели вам показалось обидным искреннее признание, что требования ваши, рассмотренные уже и Государем, неосновательны, то я в сем покорнейше прошу простить меня». Отвечая на упреки, он замечает автору письма, что носимый им титул «светлости» не просвещает ума его, не греет на морозе, не делает светлой темную комнату, а только дает повод не знающим его думать о нем хуже, чем есть на самом деле».

Лопухин изящно сформулировал извечное представление «низов» о «верхах», как о чем-то случайно вознесенном над другими, которые «не хуже». По сути, речь идет о трех ступенях общественного положения — о народе, об обществе и об элите, которой и тот же народ, и то же общество обязаны почти всем, что они имеют. Человеческая общность такова, что элиту не любят. Общество считает, что может обойтись без нее, а точнее — хочет занять ее место. Народ же считает, что он и сам не хуже общества, а если немного подучиться и поднатужиться, то вполне может заменить его. И все вместе забывают о том, что каждый нужен и хорош на своем месте, что

каждый должен делать то, что он умеет, и наилучшим образом. Только тогда будут процветать все...

Элиту — государственную, научную, культурную — никогда не любили. А что случается, когда ее уничтожают: расстреливают, отправляют за колючую проволоку или высылают из страны целыми пароходами, — мы знаем на собственном горьком опыте.

Петр Васильевич Лопухин трезво оценивал себя, понимал, что принадлежит к элите, и в процитированном письме своем к обиженному сказал об этом просто, коротко и изящно...

В 1807 году в связи с первыми неудачами в войнах против Наполеона указом Государя Александра I был создан Комитет сохранения государственной безопасности, который был призван «предупредить пагубные замыслы внешних врагов государства». Во главе комитета Император поставил светлейшего князя Лопухина. В комитете работали такие видные деятели Империи, как князь В.П. Кочубей, фельдмаршал Н.И. Салтыков, министр полиции А.Д. Балашов, военный министр А.А. Аракчеев. В 1807—1810 годах комитет этот, судя по «журналу», заседал 179 раз, рассматривая дела «о государственной измене, тайных обществах, переписке с неприятелем, зловредными разглашениями, возмутительными воззваниями и распространением в народе ложных и вредных слухов по поводу военных событий».

Должности генерал-прокурора и министра юстиции Петр Васильевич исполнял шесть лет. В 1810 году был создан законосовещательный Государственный Совет, любимое детище Императора Александра I, в котором он сам был председателем и который состоял из четырех департаментов. С сохранением должности генерал-прокурора директором одного из департаментов — гражданских и духовных дел — был назначен Лопухин. А через два года, всего за несколько месяцев до начала Отечественной войны против Наполеона, светлейшему князю было повелено председательствовать «во всех департаментах Государственного Совета». Так Петр Васильевич стал фактическим главою этого первого в России законосовещательного собрания.

Светлейшему князю П.В. Лопухину Россия в значительной степени обязана назначением главнокомандующим русскими армиями в 1812 году Михаила Илларионовича Кутузова. Известный военный историк П.А. Жилин в своем фундаментальном труде «Отечественная война 1812 года» подробно описал заседание Чрезвычайного Комитета при Императоре, которое состоялось в Петербурге 5 августа 1812 года, в день падения Смоленска. Участвовали в нем генерал-фельдмаршал Н.И. Салтыков, Петербургский главнокомандующий С.К. Вязмитинов,

тайные советники светлейший князь П.В. Лопухин и князь В.П. Кочубей. Предмет обсуждения был один — выбор кандидата на пост главнокомандующего. А теперь — слово П.А. Жилину:

«Для собравшихся пятерых деятелей было очевидно, что этими качествами обладал М.И. Кутузов. Но все так же прекрасно знали, что Царь ненавидел его, что после Аустерлицкой катастрофы о Кутузове при дворе и слышать не хотели. Долго искали, перебирали и обсуждали кандидатуры, назывались имена Д.С. Дохтурова, А.П. Торماسова, А.Л. Беннигсена, П.И. Багратиона. Ни на одном из них члены комитета не могли остановиться...»

И тут, как утверждают, почин сделал светлейший князь Лопухин. Он предложил рекомендовать Государю Кутузова. «...Когда было названо имя Кутузова, — продолжает П.А. Жилин, — все облегченно вздохнули и пришли к единодушному убеждению: предложить Александру I назначить на пост главнокомандующего генерала от инфантерии Кутузова». Три дня Государь обдумывал рекомендацию комитета, и 8 августа последовал указ Правительствующему Сенату о назначении будущего «спасителя Отечества», как стали вскоре называть любимого в народе полководца.

Уже после окончания Отечественной войны, в 1816 году, выяснилось, что Государь был очень занят делами, связанными с внешней политикой России и послевоенным устройством Европы. И тогда Петр Васильевич Лопухин был официально назначен председателем Государственного Совета и одновременно председателем Комитета министров, который был прообразом возникшего почти через столетие Совета Министров Российской Империи. Таким образом, светлейший князь Лопухин стал во главе законосовещательного учреждения, которое рекомендовало Императору принять новые законы или изменить старые, и высшего исполнительного органа власти Империи, призванного контролировать и направлять работу всех министров. Петр Васильевич получил чин действительного тайного советника I класса, стал первым чиновником Империи и вторым человеком в стране после самого Императора.

Нет смысла пытаться перечислить дела, которыми занимался по своему положению сановник такого ранга, да это и не так важно. Важно то, что до самой своей кончины Государь Александр Павлович полностью доверял Петру Васильевичу, и у него ни разу не возникла мысль заменить его на высших государственных постах кем-либо другим.

На вершине сановной пирамиды встретил светлейший князь и кончину в Таганроге Императора Александра I и омраченное мятежом заговорщиков восшествие на Престол Императора Николая Павлови-

ча. В 7 часов утра 14 декабря 1825 года для присяги новому Государю в Зимний дворец были приглашены члены Государственного Совета, Правительствующего Сената, Святейшего Синода, видные вельможи и военачальники. После присяги выяснилось, что на Сенатскую площадь пришли команды некоторых полков. Мятеж начался... По свидетельству очевидца, с этого момента дворец опустел, в нем остались женщины и несколько пожилых людей: «...все были на улице. Во дворце остались светлейший князь Лопухин, князь Лобанов-Ростовский, князь Куракин, неподалеку находился по трусости и граф Аракчеев». Позже наш историограф Н.М. Карамзин написал об этих минутах: «Среди общего движения, в стороне неподвижно сидели три магната, как три монумента...»

День 14 декабря был для светлейшего князя тяжелым. И не только потому, что какая-то новая, неведомая ему сила восстала против священных для него имперских устоев России. В этой трагедии оказался замешанным, правда косвенно, его сын, светлейший князь Павел Петрович Лопухин. Когда-то он вступил в «Союз благоденствия» и некоторое время числился членом тайного общества, хотя участия в его делах и не принимал. Он давно отошел от этих дел и, конечно, ничего не знал о готовящемся мятеже. И все же это было пятно... Государь Николай Павлович лично беседовал об этих делах с молодым светлейшим князем, убедился в его непричастности к делам тайных обществ и распорядился исключить Павла Петровича из списков привлеченных к следствию.

Высочайшим указом от 1 июня 1826 года был назначен специально для рассмотрения дел мятежников Верховный уголовный суд. В состав его вошли высшие чины Империи: члены Государственного Совета, Сената, Синода, министры, видные военные. Неудивительно, что председателем Верховного уголовного суда Император повелел быть председателю Государственного Совета и Комитета министров светлейшему князю Лопухину. Перед судом, как известно, предстал 121 заговорщик. 36 из них были приговорены к смертной казни. Петр Васильевич лично вручил Императору для конфирмации текст приговора, подписанный судьями. Как известно, Государь Николай Павлович утвердил смертный приговор лишь для пяти зачинщиков, все остальные получили смягчение приговора, наказания им были снижены на одну ступень.

О том, как происходила конфирмация приговора Государем, говорили много. Одна из версий принадлежит известной мемуаристке А.О. Смирновой-Россет, бывшей тогда камер-фрейлиной Императрицы Александры Федоровны (мы писали о ней ранее).

Вряд ли описание А.О. Смирновой-Россет верно. Доподлинно известно, что светлейший князь Лопухин докладывал Государю приговор, будучи наедине с ним. У этого разговора свидетелей не было, и никто не знает, как именно было дело. Мы рассказали об этом для того, чтобы отметить: Петр Васильевич Лопухин пользовался в обществе репутацией хорошего, доброго человека, иначе светская молва не стала бы сочинять о нем такую светлую сказку...

Тем временем светлейшему князю Лопухину исполнилось 73 года, и 2 ноября 1826 года он обратился к Государю с прошением об отставке от своих постов: *«В службу вступил я в царствование блаженныя памяти Государыни Елисаветы Петровны в 1760 г., марта 5-го дня, и прослужил оную как в военном, так и в гражданском звании со всем усердием верноподданного... Усилившаяся глухота, слабость зрения, преклонность лет моих и расстроенное здоровье делают меня ныне совершенно неспособным к службе и лишают возможности продолжать оную с желаемым усердием. Почему, припадая к священным стопам Вашего Императорского Величества, осмеливаюсь всеподданнейше просить о всемилостивейшем увольнении меня от всех дел, дабы я мог остаток дней своих провести в тиши и спокойствии, моля Всевышнего о ниспослании Вам и всей Императорской Фамилии долголетнего здравия и благоденствия».*

Однако знания, умения и опыт старого сановника были, видимо, очень нужны молодому, только что вступившему на Российский престол Императору. Государь не принял отставки светлейшего князя, повелев ему хотя бы присматривать за делами государства.

Видимо, прав был известный в истории Московский главнокомандующий граф Федор Васильевич Ростопчин, который так писал о светлейшем: «Трудно быть более способным, нежели этот человек. С обширным умом в нем соединяются глубокая прозорливость и умение легко работать...»

Петр Васильевич Лопухин скончался на семьдесят пятом году жизни 6 апреля 1827 года, оставаясь до последнего дня своего на высших государственных должностях Российской Империи. Похоронили его в родовом имении под Порховом Псковской губернии на погосте Никольской церкви при приюте для престарелых, который основали и содержали Лопухины...

Сегодня об этом человеке напоминает парадный портрет Петра Васильевича в Русском музее Петербурга, кстати, копия его находится в актовом зале Генеральной прокуратуры России в Москве среди портретов других выдающихся прокурорских деятелей России. О делах Лопухина хранят память архивы, среди которых и архив извест-

ной подмосковной усадьбы его Введенского. В свое время там был создан уникальный архитектурно-парковый ансамбль, полюбоваться на который приезжали издалека. Сохранились в Петербурге и память о даче на Аптекарском острове, о которой уже говорилось, и хорошо известный горожанам дом на Дворцовой набережной.

У Петра Васильевича было пять дочерей и только один сын. О самой старшей из дочерей — светлейшей княжне, а затем княгине Анне Петровне Гагариной — мы уже достаточно говорили на этих страницах. Светлейшая княжна Екатерина Петровна была замужем за гофмейстером Высочайшего Двора и крупным промышленником Г.А. Демидовым. К их потомству мы еще вернемся в свое время.

Светлейшая княжна Прасковья Петровна была замужем за генералом графом П.А. Кутайсовым. Светлейшая княжна Александра Петровна была замужем дважды: за генерал-лейтенантом А.А. Жеребцовым, а затем за графом А.А. Ржевусским. И, наконец, светлейшая княжна Софья Петровна стала в замужестве княгиней Лобановой-Ростовской. Современники считали ее самой красивой из сестер. Вокруг нее кружился целый хорват знатных женихов. Но она была разборчивой барышней и выбирала долго. Только в 1819 году она ответила согласием жениху, который ждал этого несколько лет. Известный А.И. Тургенев писал об этом своему приятелю князю П.А. Вяземскому, как о большой новости: «Княжна Лопухина наконец-то сдалась и выходит замуж за князя Алексея Лобанова-Ростовского. Многие по этому поводу повесили голову, то есть головы». Князь Лобанов-Ростовский органично вошел в большую лопухинскую семью, часто бывал у своих родственников и оставил интересные, хоть и короткие воспоминания о жизни брата его жены, светлейшего князя Павла Петровича, в Корсуне. Воспоминания эти носили колоритное, хоть и тяжеловатое название: «Из рассказов о старине князя Павла Петровича Лопухина, записанных князем А.Б. Лобановым-Ростовским в 1869 году после посещения Корсуни».

Небольшое отступление-курьез: младшая дочь известного Оленина, Анна, в которую был влюблен и к которой безуспешно сватался Пушкин, была влюблена тогда в князя Алексея Лобанова-Ростовского и именно из-за него отказала Пушкину. Однако князь Алексей предпочел другую. Об этом говорится во многих светских письмах того времени...

Единственный сын Петра Васильевича светлейший князь Павел Петрович был флигель-адъютантом Императора Павла I и обер-камергером Императора Александра I. На первых порах он произво-

дил впечатление типичного представителя «золотой молодежи» своего времени. Он давал знаменитые тогда в Петербурге «четверги», на которые съезжалось множество людей. По свидетельству того же А.И. Тургенева, «весь лучший город пляшет здесь до пяти часов утра... Лопухин, вот кто живет действительно открытым домом...». Однако молодой светлейший князь оказался храбрым офицером. Он участвовал во всех кампаниях России против наполеоновской Франции, бился в 56 сражениях. В Отечественную войну 1812 года Павел Петрович состоял при генерале Ермолове, который находил в нем «смелость, добрую волю и хорошие способности, дающие надежду...». Молодой светлейший князь бился под Смоленском, при Бородине, Тарутине, Малоярославце, Вязьме. Он отличился в битве народов под Лейпцигом и при взятии Парижа, был награжден многими знаками отличия, среди которых и почетнейшие для военного ордена Святого Георгия Победоносца IV и III степеней. Добавим, что один из ныне живущих представителей рода Лопухиных, будучи недавно в Париже, с удовольствием услышал в одном из парижских исторических музеев рассказ о благородстве русского князя Павла Лопухина в период оккупации Парижа и увидел на стендах некоторые его личные вещи, кои сохраняются, как реликвии.

После войны уже в генеральском чине Павел Петрович командовал дивизией, позже — кавалерийским корпусом и в 1835 году был уволен в отставку по болезни в чине генерал-лейтенанта. Поселился он в своем наследственном имении Корсунь, о котором мы уже рассказывали на этих страницах.

Необычно сложилась личная жизнь Павла Петровича. Еще будучи молодым человеком, в 1808 году он встретил на балу красавицу Жанетту Алопеус, юную супругу российского посла при Прусском Короле графа Давида Максимовича Алопеуса. Светлейший князь влюбился и, как оказалось, на всю жизнь. Десятки лет ждал он возможности соединиться с любимой. Летом 1831 года графиня Алопеус, урожденная баронесса фон Венкастерн, овдовела и через два года стала светлейшей княгиней Лопухиной. Свадьбу сыграли недалеко от того места, где жила невеста, в итальянском местечке Сан-Донато. Один из присутствовавших на свадьбе позже записал: «Они были очень красивой, хоть и пожилой парой...»

После свадьбы молодые поехали в Рим, где их портреты написал «Великий Карл», как называли тогда Брюллова. После этого они долго путешествовали по Европе. И в 1835 году, получив отставку, светлейший князь П.П. Лопухин поселился в своем богатейшем малороссийском имении.

В Корсуне светлейшие супруги не скучали: у них часто бывали гости, каждую субботу во дворце давали концерты. Хозяин часто сам дирижировал, а иной раз и писал музыку для своего оркестра. Ежегодно 28 июня на именины Павла Петровича — помните упоминания о Корсуне на Петра и Павла! — во дворце и в парке устраивались большие приемы. Сотни гостей... Очевидцы впоследствии вспоминали о таких именинах, как о поистине феерических праздниках. На этих страницах уже упоминался муж сестры хозяина Корсуня князь Лобанов-Ростовский. Вспоминая хозяина имения в более поздние годы, он писал о нем:

«Бодрый и свежий старик, в обхождении чрезвычайно любезен, в нашем поколении мы уже отвыкли от подобного обращения. Без преувеличения можно сказать, что князь Лопухин представляет собою тип старого барина в самом полном и достойном смысле этого слова. Несмотря на свои преклонные лета, сохранил он всю свежесть памяти, в разговорах его постоянно отражались правдивость и добросовестность».

Однако время шло. Светлейшая княгиня Жанетта Ивановна скончалась в 1869 году, ее неутешный супруг пережил ее на четыре года. Умер он в 1873 году, так и не оставив потомства. Но линия светлейших князей Лопухиных не исчезла из родословия русской знати. Государь Александр II Освободитель, памятуя о заслугах этого рода перед государством и престолом, повелел указом от 1880 года передать титул и имя светлейшего князя Лопухина внуку его сестры Екатерины Петровны — генерал-майору Николаю Петровичу Демидову с тем, чтобы только старший из его рода мог именоваться светлейшим князем Лопухиным-Демидовым. Однако через много лет, после революции, уже в эмиграции, пресекалась и эта линия...

И все же княжеское достоинство Лопухиных не кануло в пучину истории. Уже в наши дни правнучка Императора Александра II Глава Российского Императорского Дома Государыня Великая Княгиня Мария Владимировна восстановила княжеское достоинство этого рода в лице известного московского врача и ученого Вадима Олеговича Лопухина, который стал одним из зачинателей и активных деятелей современного дворянского движения в России конца XX века. В 1995 году был опубликован рескрипт, в котором говорилось:

«Без малого тысячу лет служат нашему Отечеству потомки сына легендарного Касожского князя Редеди и внуки Святого равноапостольного Великого Князя Владимира, в силу исторических обстоятельств утратившие княжеский титул, и среди них — знаменитый род дворян Лопухиных, многие представители которого

внесли достойный вклад в историю России, на разных поприщах способствуя укреплению государственности и формированию ее величия. Всевышнему также было угодно, чтобы Лопухины через Императора Петра I Великого и Императора Петра II породнились с Нашей Династией. За выдающиеся заслуги перед Отечеством многие члены этого рода были награждены высшими государственными наградами и отмечены Монаршими милостями. Так, в 1799 году Императором Павлом I был пожалован титул князя, а вскоре и светлейшего князя — известному нашему государственному деятелю генерал-прокурору П.В. Лопухину, а Император Александр II передал этот титул его внучатому племяннику генералу Н.П. Лопухину-Демидову. К сожалению, к настоящему времени оба этих рода светлейших князей Лопухиных и Лопухиных-Демидовых угасли.

Крушение Российской Империи разбросало Лопухиных по всему свету, и лишь представители одной ветви остались и выжили на территории исторической России. На сегодняшний день старший из этой ветви — Вадим Олегович Лопухин.

В этом году исполнилось 500 лет служения рода Лопухиных Московскому Государству, Царству и Российской Империи, которое последовало после окончательного присоединения к нему Новгородского Княжества.

В связи с этой датой и отмечая особые заслуги В.О. Лопухина перед Российским Императорским Домом, сочли Мы за благо восстановить историческую справедливость и в воздаяние заслуг рода Лопухиных перед Россией, как в период Империи, так и в настоящее время, подтвердить княжеское достоинство князей Российской Империи Лопухиных в лице Вадима Олеговича Лопухина и всего его нисходящего потомства, именуя их впредь Князьями Лопухиными».

Княжеский род Лопухиных продолжается.

ПОД ЗНАМЕНАМИ РОССИЙСКИХ ПОЛКОВ

Военные подвиги и боевые отличия предков превыше всего ценятся и ценятся в дворянских семьях. Не у всех сохранились документальные свидетельства этих подвигов и отличий. Если же они существуют, то служат предметом сугубой гордости. Лопухинские семейные архивы частично пропали, частично рассеяны по градам и весям земли, поэтому особенно ценны те документы, которые сохранились. Пусть и не в подлинниках, а всего лишь в публикациях.

Два столетия назад, в 1796 году, в год смерти Великой Екатерины, игумен Ювеналий (Воейков), пребывавший тогда на покое в Московском Ставропигальном Новоспасском монастыре, написал «Краткое историческое родословие благородных и знаменитых дворян Лопухиных в удовольствие оной знаменитой фамилии». Под таким длинным названием появилось на свет в московской типографии Селивановского, кажется, первое историческое исследование, посвященное этому роду. В нем игумен Ювеналий привел полностью или в выдержках несколько известных ему тогда старинных документов, в которых Российские Государыни отличали военные подвиги и ратный труд Лопухиных. Несколькокими из них и хочется начать очерк, рассказывающий о воинах этой фамилии.

Из документов видно, что если в допетровские времена наградой доблестному воину была земля, передаваемая ему не «в кормление», но в вечное пользование — «в вотчину» (отсюда, кстати, и большие земельные владения рода Лопухиных), то позднее ее сменили чины, титулы, знаки доблести — Царские и Императорские ордена.

Перед вами, читатель, документы, взятые из «Краткого исторического родословия...» игумена Ювеналия, которые повествуют о

том, как в разные времена награждались Государями воины из рода Лопухиных. Таких награждений были сотни. Игумен Ювеналий привел в своем труде десятка полтора. Мы публикуем лишь четыре из них.

Выписка из Государевой Жалованной грамоты за 1609 год:

«Иларион Дмитриевич Лопухин служил при Великом Государе Царе и Великом Князе Василии Иоанновиче, и ему, Илариону Дмитриевичу, за его службы и московское при оном Государе сидение, в котором стоял он крепко и мужественно, и многое дородство и храбрость и кровопролития службы показал; голод, наготу, во всем оскудение и нужду всякую осадную терпел многое время; стоял в твердости разума своего, крепко и неколебимо безо всякия шатости, и от той великой службы и терпения польския и литовския люди и русские мятежники от Москвы отошли, а за те великия и нужныя осадныя службы и утерпения пожаловал Великий Государь Царь и Великий Князь Василий Иоаннович ему, Илариону Дмитриевичу из его поместья, с поместного его окладу в 500 четей со 100 четей по 20 четей и того 100 четей — в Ростовском уезде сельцо Курьишино, да деревню Третьяковскую с пустошами и всеми угодьями в вотчину, а на ту вотчину дана ему, Илариону Дмитриевичу Лопухину Царская вотчинная Жалованная грамота».

А вот несколько строк из другой Жалованной грамоты:

«Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Руси стольнику нашему Леонтию Иларионовичу за многие его службы, что он в 7162 году (1654 г. — Примеч. ред.) при Его Величестве был в походе на Польское и Литовское Королевство, — что тогда Смоленск, Вильну, Брест и иные многие города военною рукою взяли и в разных походах преславные над неприятелем виктории одержали, пожаловал ему, стольнику Леонтию Иларионовичу, похваляя за службу, промыслы и храбрость, с поместного окладу 1000 четей со ста четей по 20 четей и того 200 четей из его поместья в вотчину, а на оную вотчину дана ему, стольнику Леонтию Иларионовичу Лопухину Царская Жалованная грамота».

Поясним, что 200 четей или четвертей, полученных стольником А.И. Лопухиным в вотчину, означали, что из его поместья, данного «в кормление» за службу и только на время службы, одна пятая (со 100 четей 20 четей) передается ему и его потомкам в вечную собственность. Эта пятая часть в нашем случае составляла примерно 50 гектаров земли. Неплохая награда!

Сменялись эпохи, и хоть суть воинских подвигов оставалась та же, характер наград изменился, стал другим.

«ВЫСОЧАЙШИЙ РЕСКРИПТ

Нашему генерал-поручику Владимиру Лопухину

В справедливом уважении долговременной и ревностной вашей к НАМ и отечеству службы, восхотели МЫ оказать к вам отличный опыт МОНАРШЕГО НАШЕГО благоволения и для того, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожаловав вам в день Коронации НАШЕЙ то есть 22 числа Кавалерию Святого АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО, посылаем при сем знаки оной, кои вы на себя надеть и носить имеете. МЫ уверены, что вы и впредь не оставите продолжать в таком же усердии к службе и интересам НАШИМ, каковым по сию пору приобрели к себе НАШУ ИМПЕРАТОРСКУЮ милость, в коей к вам благосклонны пребываем.

Дано в Москве 24 сентября 1762 года.

На подлинном подписано тако: ЕКАТЕРИНА»

И еще один Высочайший рескрипт:

«Нашему полковнику Лопухину

Храбрость и мужественные подвиги, оказанные вами прошлого 1770 года во время сражения против возмутительских маршалков, делавших на вас с отчаянности нападение, коих вы ж однако расторопностью вашей везде поражая обращали в бегство, и 1771 года июня 3 дня, когда вы, атаковав в деревне Челов возмутившуюся партию, всю разбили и разогнали, учиняют вас достойным к получению отличной чести и НАШЕЙ МОНАРШЕЙ милости по узаконенному от НАС статуту военного Ордена Святого великомученика и победоносца ГЕОРГИЯ. А потому МЫ вас в четвертый класс сего Ордена Всемилолюбивейше жалуем и знак оного здесь препровождая, повелеваем вам на себя возложить и носить в петлице по установлению НАШЕМУ. Сия ваша заслуга уверяет НАС, что вы сим монаршим поощрением наипаче почитаетесь и впредь равным образом усугубите ваши воинские достоинства.

Дано в Петергофе июля 14 дня 1772 года.

На подлинном подписано тако: ЕКАТЕРИНА».

Заметим к слову, что полковник Авраам Степанович Лопухин был среди первых русских офицеров, которым был пожалован орден Святого Георгия, учрежденный Великой Екатериной в 1769 году. Это был редкий и почетный орден, получить его можно было только за личный подвиг на поле боя. О личной храбрости Лопухина свидетельствует и донесение русского посланника в Польше Императрице, в котором говорится, что «все, что делается здесь хорошего, делается благодаря доблести и неустрашимости солдат, предводительствуемых генерал-майором Суворовым и полковником Лопухиным». Известно,

что за первые сто лет (1769—1869) были пожалованы за боевые заслуги IV степенью этого ордена всего 2239 человек.

...В коротком историческом обзоре, предваряющем поколенную роспись рода Лопухиных, над которой работали и специалисты-генеалоги, и представители самой фамилии, обращает на себя внимание фраза: «Большинство представителей рода Лопухиных начинали свою карьеру с военной службы». Можно добавить: и заканчивали ею тоже, причем часто в высоких чинах.

Военных среди Лопухиных было действительно много. И не только в те времена, когда каждый дворянин был обязан служить и был «прикреплен» к государственной службе так же, как крестьянин был прикреплен к земле. Дворяне должны были служить всю жизнь, с пятнадцати лет и до тех пор, пока «рука может держать саблю». За эту службу Государь и жаловал дворянам поместье, то есть землю «в кормление», — кончалась служба, заканчивалось и «кормление», а ветерану оставалось кое-что «в дожиток». Но позже, когда дворянство было освобождено от обязательной службы, — Указом о вольности дворянства 1762 года, изданном Государем Петром III, — дворяне все равно продолжали службу. Они считали себя обязанными служить своему Государю и делали это по велению долга верноподданных, усматривая в этой службе свою привилегию, а саму службу считая делом чести.

Перелистывая поколенную роспись рода Лопухиных, видишь множество записей о военной службе. Вне всякого сомнения, и самые далекие от нас предки Лопухиных в силу самого положения своего участвовали в ратных делах своих Государей, служили в вооруженных силах, хоть они так еще и не назывались. Московский период службы этой фамилии уже больше и лучше документирован, и тут мы можем быть более конкретными. Сразу же по приезде братьев Лопухиных из Великого Новгорода на службу к Московскому Государю в конце пятнадцатого столетия Иоанн III Васильевич подтвердил за ними их новгородские вотчины и пожаловал новые поместья в московских землях, что было бы невозможно, не будь они на службе. Так уже в первой половине XVI века за Лопухиными числятся поместья за службу и под Москвой, и в Коломне, и в Твери, и в Калуге.

Испомещение Лопухиных на московских землях — верный признак того, что братья служили в Государевом войске так же, как и их дети и внуки. С середины шестнадцатого столетия появляются документальные подтверждения того, что Государь высоко ценил воинов Лопухиных и отличал их. Имена некоторых из них среди других «лучших людей» были записаны в «Тысячную книгу». Вскоре Лопухины все чаще стали упоминаться среди начальников московского войска.

Лопухины храбро сражались, случалось — гибли на полях сражений. Сам Царь Иоанн Грозный велел записать в «Синодик по убиенным в брани» вечную память «Володе Посадникову сыну Лопухину». Он пал в битве с ордой хана Девлет-Гирея под стенами Москвы. Другой потомок новгородского посадника Никита Васильевич Лопухин был на Москве уже стрелецким головою. И его сын Димитрий Никитович тоже стал стрелецким головою, но за поддержку бояр Романовых, которую оказал им по дружбе, был уморен Царем Борисом Годуновым в темнице.

Эта должность — стрелецкий голова — часто встречается в росписи Лопухиных за XVII век. Заметим, что голова был высшей должностью в стрелецком войске. Известный историк Д.Ф. Масловский в своем труде «Заметки по истории военного искусства в России» (Петербург, 1891) писал: «Стрелецкий голова из дворян или боярских детей был начальником пяти сотен стрелецкой пехоты, назначался центральным правительством, но вообще подчинялся местному воеводе, который, однако, не мог вмешиваться во внутренний порядок службы стрельцов».

В поколенной росписи за вторую половину XVII века чаще встречаем записи о Лопухиных — не стрелецких головах, а стрелецких полковниках. Полковник — тот же голова, только ставший иначе называться, потому что пятисотенную стрелецкую команду, которую прежде называли «приказом», стали к тому времени именовать «полком». Таких полковников среди Лопухиных было немало. Добавим, что прочное начальствующее положение и популярность в стрелецком войске сделали Лопухиных в тогдашней России влиятельным родом. Многие историки считают, что, выбирая невесту для своего сына Царя Петра, Царица Наталья Кирилловна остановилась на девице Авдотье Лопухиной еще и потому, что рассчитывала на поддержку этой многочисленной и влиятельной военной фамилии.

В допетровской России почти всех Лопухиных за исключением нескольких стряпчих (стряпчий — придворная должность, стряпчие заведовали отдельными хозяйственными службами при Государевом Дворе) можно считать военными. Молодые представители рода проходили, как правило, годичное обучение в рядовых стрельцах и потом становились десятниками или младшими командирами. Затем поднимались до пятидесятников и сотников — это уже была заметная должность, сотниками всю жизнь служили многие Лопухины, а наиболее способные военные организаторы становились стрелецкими головами и полковниками.

Полковники были лично известны Царю, и Царь доверял им не только военные поручения. Среди мужчин интересующего нас рода мы найдем немало примеров того, как стрелецкий полковник, успешно выполнив Царское поручение, становился воеводою (губернатором), дипломатом в Посольском приказе или придворным — столовником, окольным. Такой путь — через полковников — прошли, кстати, и бояре из рода Лопухиных — все они начинали в стрелецких полках.

Если обратиться к петровскому или послепетровскому времени, то благодаря Табели о рангах с ее четким разделением на военные и статские чины можно более уверенно делить мужчин Лопухиных на военных и невоенных. Заранее прося прощения за возможные незначительные неточности, можно сказать, что за два столетия от введения Табели о рангах до 1917 года зарегистрировано в росписи около 400 Лопухиных. Из них около 200 — мужчины. Примерно о 30 из них нам неизвестно ничего, кроме имени, отчества и иногда дат рождения и смерти. Остается примерно 170 человек. Судя по записям в росписи, 84 из них были профессиональными военными.

Несложным оказалось подсчитать, что 15 из них стали генералами и адмиралами, 18 — полковниками и капитанами I ранга. Остальные завершили карьеру свою в войсках в разных офицерских чинах, некоторые продолжали служить по статским делам или по дворянским выборам.

Очень многие Лопухины служили, во всяком случае начинали служить, в Императорской гвардии. Судя по названиям полков в послужных списках, этот род традиционно предпочитал гвардейскую пехоту и прежде всего — лейб-гвардии Преображенский полк — первый и старейший полк русской гвардии. Но служили Лопухины и в Семёновском, и в Измайловском полках. Многие молодые люди этой фамилии начинали службу в Кавалергардском и лейб-гвардии Конном полках. Это было престижно, а послужив в них какое-то время, переходили с повышением в два чина в армию.

Подобные общие характеристики службы Лопухиных можно было бы продолжить, но лучше, думается, говорить не обо всех сразу, а о конкретных Лопухиных, которые заслуживают отдельного разговора.

В начале Императорского периода российской истории, при Петре Великом, Императоре Петре II, Императрицах Екатерине I и Анне Иоанновне, в вооруженных силах России служили многие Лопухины, несмотря на то, что Царь Петр на рубеже XVII и XVIII веков устроил настоящий погром в этом роде, предав смерти и наложив опалу на виднейших его представителей. И все-таки они служили — свое-

му Государю, своему Отечеству. К сожалению, обо многих за тот период сохранились лишь самые отрывочные и неполные сведения. Вот несколько примеров.

«Иван Петрович Лопухин. Родился в 1679 году, умер в 1734-м. Личный столовик Царя Петра; позднее был полковником».

«Мартемьян Иванович Лопухин. Родился в 1691 году, умер в 1749-м. Подпоручик, затем секунд-майор. Новгородский и тверской помещик».

«Адриан Иванович Лопухин. Родился в 1693 году, умер в 1755-м. Секунд-майор Преображенского полка, впоследствии — генерал-майор. Возглавлял поход на Персию в 1722 году».

«Иван Иванович Лопухин. Родился в 1683 году, умер в 1750-м. Вышел в отставку в чине прапорщика, затем вновь служил в чине подпоручика».

«Николай Александрович Лопухин. Родился в 1708 году, умер в 1768-м. Капитан гвардии».

По этим, не слишком подробным сведениям трудно составить мнение о человеке, об офицере. И таких немало. Есть, к счастью, и исключения.

Гораздо больше знаем мы, например, о Степане Васильевиче Лопухине, двоюродном брате Царицы Евдокии Федоровны. В «Общем морском списке» офицеров русского флота, изданном в Петербурге в 1885 году, в первой его книге приведен послужной список моряка. Из него видно, что в 1708 году «Степан Васильевич Лопухин послан для науки в Англию. Находился в крейсерстве с голландским флотом, плавал к Архангельску и был на английском корабле в походе на Вест-Индию».

Он прошел, видимо, неплохую школу и хорошо освоил свое дело, коль по возвращении в Россию 3 ноября 1717 года произведен сразу в лейтенанты флота. Возможно, его экзаменовал и сам Царь Петр — такое, как мы знаем, бывало нередко. Знания лейтенанта и умение были оценены высоко, одним из первых на русском флоте он получил в командование корабль — шняву «Наталья». Для этого нужно было снискать особое расположение Царя. В те времена командиры боевых кораблей назначались, как правило, иностранные моряки, приглашенные на русскую службу, а русские офицеры служили под их началом и набирались опыта. А тут — такая редкая честь!

Шнява «Наталья», хоть и не относилась к тяжелым кораблям, была по тем временам достаточно грозной боевой единицей. Шнявы

были двухмачтовыми, несли прямое и косое вооружение (паруса), имели водоизмещение в 150—200 тонн, располагали 16—18 морскими пушками и командой из 60—80 человек. Действовали шнявы, как правило, в составе эскадры. И «Наталя» под командой лейтенанта Лопухина действовала в составе отряда капитан-лейтенанта Вильбоа, который крейсировал в Балтийском море у прусских и курляндских берегов, как говорят моряки, «показывая русский флаг» и нападая на одиночные суда неприятеля. Через год в составе уже другого отряда — под командой капитана Сенявина — «Наталя» участвовала в морском сражении у острова Эзель со шведскими кораблями. Отряд вышел победителем — это, кстати, была первая морская победа капитана Сенявина, основателя целой морской династии. Его сын Алексей Наумович Сенявин был крупным русским флотоводцем, одним из создателей Черноморского флота и членом Адмиралтейств-коллегии, а внучатый племянник Дмитрий Николаевич Сенявин командовал флагманским кораблем в знаменитом походе адмирала Ф.Ф. Ушакова в Средиземное море, был при взятии Корфу, позже, командуя эскадрой, самостоятельно громил турецкий флот, а в конце жизни командовал Балтийским флотом.

Но вернемся к сражению со шведами отряда капитана Наума Сенявина. Оно не только помогло капитану заявить о своих способностях командующего, но и представило случай проявить себя лейтенанту Лопухину. Его шнява действовала в бою прекрасно, и вскоре, в 1721 году, Лопухин стал уже капитан-лейтенантом и получил фрегат «Стор-Феникс».

Фрегат — это уже не шнява, это большой трехмачтовый военный корабль с мощной артиллерией — на борту фрегата бывало обычно до 60 морских пушек. Такие корабли действовали и в составе эскадры, и в одиночном плавании. Но куда ходил на нем Степан Васильевич Лопухин, нам неизвестно, поскольку Северная война со шведами к тому времени кончилась Ништадтским миром.

После смерти Императора Петра I С.В. Лопухин некоторое время командовал большим линейным кораблем «Перл». Это уже — несколько тысяч тонн водоизмещения, до 130 пушек и 800 человек команды. А в 1727 году, когда в связи с возвращением ко Двору Царицы Евдокии Федоровны все Лопухины «пошли в гору», талантливый моряк был назначен Чрезвычайным посланником России в Швеции. Видимо, и дипломатическая служба удавалась ему неплохо, ибо в Швеции он провел более десяти лет. Вернувшись в Петербург в 1740 году, Лопухин получил чин вице-адмирала, придворное звание камергера и был назначен морским генерал-кригс-комиссаром. Од-

новременно ему было объявлено Высочайшее повеление «присутствовать в Адмиралтейств-коллегии».

Наконец в 1742 году, он был назначен Архангелогородским губернатором, то есть правителем всего Русского Севера, поскольку губерния эта простиралась от Мурмана до зауральских северных территорий Сибири.

Но поехать на Север Лопухину не пришлось. Помимо своей воли Степан Васильевич был втянут в придворную интригу, которая закончилась весьма печально для него и членов его семьи. Об этой грустной истории можно прочитать в очерке «Лопухинское дело», который напечатан в этой книге.

Память же об адмирале Степане Васильевиче Лопухине хранит и сегодняшний русский флот. В Высшем военно-морском училище в Петербурге, которое является преемником Морского корпуса прежней России, висит большой групповой портрет русских флотоводцев — выпускников этого единственного в Императорской России учебного заведения, выпускавшего морских офицеров. Среди них рядом с виднейшими моряками, составившими славу России, написан портрет и адмирала Лопухина.

Адмирал С.В. Лопухин невинно пострадал в самом начале царствования Императрицы Елизаветы Петровны, а его двоюродный брат, генерал-аншеф Василий Авраамович Лопухин, сын казненного в 1718 году родного брата опальной Царицы Евдокии, в конце царствования этой Императрицы прославился на всю Россию.

Василий Лопухин появился на свет в 1711 году. Когда ему было всего семь лет, его отец был жестоко пытан, а затем и казнен Царем Петром за связь с опальными родственниками, за помощь заточенной Царице Евдокии и беглому Царевичу Алексею. Однако мать Василия Федосья Федоровна, дочь знаменитого в истории князя-кесаря и «оберегателя государства» Федора Юрьевича Ромодановского позаботилась о том, чтобы ее сын не оказался в опале. Еще при Императора Петре I он начал служить в гвардии, довольно быстро получил чины и награды, чему способствовали его очевидный воинский талант и личная храбрость. В чине полковника при Императрице Анне Иоанновне он участвовал в войнах, которые вела Россия, быстро стал генералом, кавалером и человеком, весьма популярным в армии.

Знаменитым же генерал Василий Лопухин стал в годы Семилетней войны, успеху в которой немало России способствовал. Для нашего Отечества это была трудная и славная война. Русские войска

столкнулись в ней с лучшей, как считали, во всей Европе прусской армией Короля Фридриха II, прозванного за полководческий талант Великим. И все же русские сумели одержать ряд славных побед. События Семилетней войны, включая взятие русскими войсками Берлина, известны, поэтому не станем повторяться. Тем более, что мы имеем возможность из первых рук узнать о том, как провел начало этой кампании генерал Лопухин. Он командовал в этом походе дивизией, куда входило несколько бригад. Одна из них под командой генерал-майора Вильбоа состояла из трех полков: Третьего гренадерского, Ростовского и Архангелогородского пехотных полков. В этом Архангелогородском полку и служил тогда неприметный поручик Андрей Тимофеевич Болотов — впоследствии замечательный русский энциклопедист и мемуарист. О его многотомных «Записках» известный писатель и издатель «Русской старины» М.И. Семевский писал, что они «составляют одно из драгоценнейших достояний нашей исторической литературы». Благодаря этим «Запискам» нам известны некоторые подробности об участии в Семилетней войне генерала Василия Авраамовича Лопухина. В части четвертой «Записок» читаем:

«В новом лагере версты три за Ригою стоял наш полк более недели, в которое время переправились через Двину прочие полки и сделаны были к походу все нужные распоряжения. Вся армия была разделена на три дивизии или части, из которых первой командовал сам фельдмаршал (Степан Федорович Апраксин. — *Примеч. ред.*), второю, в которой мы находились, генерал-аншеф Василий Абрамович Лопухин, а третьею генерал-аншеф Вилим Вилимович Фермор. План намерения состоял в том, чтобы обеими первыми дивизиями итти разными дорогами через Курляндию в Польшу или паче сказать в Самогитию или Жмудию, и потом, соединившись вместе, и дождавшись идущих прямо из Смоленска кавалерийских полков и легких войск, вступить в Пруссию».

Войска шли через Курляндию, останавливаясь для отдыха: «В сем месте стояли мы двои сутки, в которое время были мы не без дела. Нам велено было учиться экзерциции и пальбе, и командующие генералы смотрели наше искусство, из которых щедрый наш главный командир Лопухин одарил наших солдат несколькими червонцами. Напротив того, бригадным нашим командиром господином Вильбоа были мы не так довольны. Строгость и надменность его была нам не очень приятна».

Вступив в Пруссию, обе первые дивизии успешно соединились и вскоре перешли реку Прегель. Первой оказалась на неприятельском

берегу дивизия Лопухина. «Последовавшего за сим 16 числа (августа. — *Примеч. ред.*) перебралась наконец на наш берег и достальная армия, и главная квартира из-за реки, и стала в назначенный им лагерь, и полководец наш, господин Апраксин обедал в сей день у стоящего перед нами генерала Лопухина. Стан же для себя избрал он посреди армии... Так мы час от часу ближе к неприятелю подвигались...»

«Ночь под 18 число августа 1757 года, — читаем далее в «Записках» А.Т. Болотова, — препровождали мы благополучно и в вожденнейшем спокойствии... Но на утро все спешили скорее одеваться и хвататься за оружие и надевать на себя наши знаки и шарфы. Шум и смятение по всему лагерю были уже слышны. Повсюду началось беганье, крик и понуждение... Не успели мы с полками выйти перед фронт и построиться, как увидели уже главных наших полководцев Апраксина и Лопухина, едущих с великой свитой мимо полков наших. Нельзя было великолепнее быть свиты наших главных предводителей. Окружены будучи великим множеством других высоких и низших начальников, генералов и офицеров, с великою пышностью ехали они предводительствовать армиею и распоряжаться судьбами столь многих тысяч народа».

Далее А.Т. Болотов, описывая ход знаменитого Гросс-Егерсдорфского сражения, говорит о том, что противник воспользовался неудобной позицией русских, которая препятствовала маневру войск. «Многие принуждены были стоять, поджав руки, и дожидаться, когда прочистят для них дорогу. Но сего учинить за тогдашним замешательством и за теснотою места не было возможности. Одна только вторая дивизия, бывшая под командою добродетельного генерал-аншефа Лопухина, по случаю, что она стояла в самой прогалине и ближе всех к полю, могла иметь движение... Одним словом, сколько неприятель ни усиливался и сколько ни старался прорваться сквозь сие место и сбить нас, но сие успеха не имело. Наши (дивизия генерала Лопухина. — *Примеч. ред.*) устояли до конца баталии, и хоть немалый урон претерпели, однако не потеряли сего столь важного для неприятеля места... Но в самом левом крае ряды наши стали уж слишком редки, а дополнить их было нечем. Один ряд, в самой крайности находящийся, немного подвинулся к лесу. Неприятель, увидев сие и почтя ретирадою, бросился на нас опять с наивеличайшим жаром. Весь край леса наполнился стоном и воплем раненых и умирающих и был обгажен кровию побитых... Не было уже возможности помочь чем-то... И тут добродетельный и прямо усердствующий генерал-аншеф Василий Абрамович Лопухин, бывший командиром сей дивизии, напряг силы и возбуждал силы солдат

к храброй обороне. Самого его многими ранами израненного и обогрелого кровию, волокли уже в полон прусские гренадеры, и сорвали с него кавалерию, и конечно бы увели, если б не увидели сего храбрые гренадеры наши. Сии, несмотря, что сами погибали, восхотели спасти любимого ими генерала. Никто не мог сдержать стремительства их. Как лвы вырвали они его из челюстей змеиных, но — ах! — едва уже почти дыхание имеющего...»

Тут вступили в действие два резервных полка генерал-майора П.А. Румянцева, находившиеся за лесом, и это решило успех битвы в пользу русских. «Свежие силы сии не стали медлить и давши залп, поднявши военный вопль, бросились прямо в штыки на неприятеля, и сие решило нашу судьбу и произвело желанную перемену. Неприятеля дрогнули, прежняя прусская храбрость обратилась в трусость, и от сего места обратились они назад и стали искать спасение в ретираде... Мы увидели весь их фронт, в совершенное бегство обратившийся, и закричали все: «Слава Богу! Слава Богу! Наша взяла!»

Далее Андрей Тимофеевич рассказывает о вражеских потерях, о трофеях, о потерях, понесенных русской армией. «...мы потеряли на сем сражении несколько генералов и начальников; но ни о котором вся армия так не тужила, как о генерал-аншефе Лопухине. Сей, будучи в прах изранен, попал было в полон пруссакам, но отнят силою у прусских гренадеров и принесен на руках в обоз. Тут имел еще он, по крайней мере, то утешение, что дожил до конца баталии, и последние его слова остались у всей армии в незабвенной памяти. Он, будучи уже при крае жизни, спрашивал предстоящих: «Гонят ли наши?», «Жив ли фельдмаршал?». И как его и в том, и в другом уверили, тогда, перекрестясь, сказал он: «Ну слава Богу! Теперь я спокоен, отдавши долг моей Государыне и любезному Отечеству!» И того момента в самом деле умер. Смерть его, по справедливости сказать, была славная, ибо редко о котором другом генерале так много было плачущих, как об нем».

О кончине генерала В.А. Лопухина тепло упомянул в своем донесении Императрице о сражении при Гросс-Егерсдорфе фельдмаршал Апраксин: «...упомянув о нем, — писал фельдмаршал, — не могу от слез воздержаться. Он до последнего дыхания сохранил мужество и к службе прямое усердие. Тремя пулями весьма тяжело ранен, однако сохраняя остатки жизни, спрашивал только: «Гонят ли неприятеля?» И как ему то уверено было, то последние слова были: «Теперь умираю спокойно, отдав мой долг Всемилостивейшей Государыне».

Через семь лет после гибели славного генерала его прах был перевезен из Пруссии на родину и погребен в родовой усыпальнице Ло-

пухиных в Московском Спасо-Андрониковом монастыре. А память о генерале хранится до сих пор: его имя упоминается в современной военной энциклопедии. В его родовом имении Щелканово в Калужской губернии до сих пор стоит построенный им прекрасный храм Рождества Христова, а народные песни о генерале Лопухине и его походе на Пруссию в Семилетнюю войну многие десятилетия пели русские солдаты в походах и на бивуаках. Тексты песен сохранились. Они приведены в недавно изданной книге «Русские народные песни». Есть среди них такие строки:

Не пыль во поле пылит,
Не дубравушка шумит —
Король с армией валит.
При долине на лужку
Лопухин гулял в полку,
Курил трубку табаку...

Так из теплых солдатских строк, проникнутых любовью к своему погибшему командиру, мы узнали еще об одной трогательной детали — генерал-аншеф Василий Авраамович Лопухин, оказывается, курил трубку...

Упомянем и о ровеснике генерал-аншефа, о вице-адмирале Никите Гавриловиче Лопухине. Его отца Гавриила Царь Петр отправил в Англию учиться морскому делу. Вернувшись, он командовал кораблями на Каспийском море и вышел в отставку в 1730 году в чине капитан-лейтенанта. Его сын, поступив на службу на флот гардемарином, уже в 1733 году, через три года после отставки отца, командовал военными кораблями на Балтике. Он водил по холодным водам пакетбот «Почтальон», галеот «Карс-Макер», потом после гибели первого и постройки второго — пакетбот «Новый почтальон». Командовал Николай Гаврилович и вооруженной яхтой «Принцесса Анна».

Видимо, этот Лопухин был способным организатором, потому что целых пять лет он прослужил «капитаном над галерным портом», что было нелегкой должностью. Потом его произвели в капитан-командоры, вернули на парусный флот, а там подросел и чин контр-адмирала. Он участвовал в русско-шведской войне, которую вела Императрица Елизавета Петровна, плавал с флотом к Копенгагену, командуя арьергардом из пяти кораблей и держа флаг на «Святом Павле».

В последний год царствования Елизаветы Петровны Николай Гаврилович участвовал в Семилетней войне и тоже отличился в ней, как и генерал-аншеф Василий Авраамович. Адмирал Лопухин, будучи командиром Кронштадтской эскадры и держа флаг на самом мощном корабле флота «Святом Николае», доставил в Данциг десант из трех тысяч человек, который сыграл немалую роль в разгроме русскими войсками Пруссии.

После войны он был уже на береговых должностях — присутствовал в Адмиралтейств-коллегии, был директором Московской адмиралтейской конторы. В 1763 году в чине вице-адмирала вышел в отставку и жил последние годы в своей вотчине — в древнем, еще новгородском владении Лопухиных. Надпись на его могиле гласит, что прожил вице-адмирал 77 лет и 6 месяцев и был в службе с 1716-го по 1763 год.

И еще об одном крупном военном деятеле, генерале из этого рода хочется коротко рассказать. О том самом генерал-поручике Владимире Лопухине, которому был адресован Высочайший рескрипт Государыни Екатерины II, приведенный в начале этого очерка.

Владимир Иванович родился в семье стольника Царя Петра, а позднее армейского полковника Ивана Петровича Лопухина в 1703 году. Уже в 1717-м он вступил в военную службу. Еще в царствование Петра Великого он получил офицерские эполеты и стал штурманом эскадры на Балтийском флоте. Но в 1729 году по неизвестным нам причинам переведен из флота в армию и назначен командиром отряда, на который возложили задачу вооруженною рукою помочь утвердиться на польском троне другу России Королю Августу II из Саксонской династии. Известно, что в 1733 году Август торжественно вступил в свою столицу во главе войск и первым за Королем дефилировал русский отряд под командой полковника Лопухина.

Так началась военная служба Владимира Ивановича при европейских государях. Она длилась несколько лет. По поручению русских властей он участвовал со своим отрядом в штурме Данцига польскими королевскими войсками и заслужил благодарность Короля. Однако Август II вскоре скончался, и на польский трон появилось сразу несколько претендентов. Россия и Австрия поддерживали сына покойного монарха — Августа III, а Франция и Пруссия — Станислава Лещинского. Снова началась вооруженная борьба, в которой главным действующим лицом был знаменитый полководец своего времени принц Евгений Савойский, который предводительствовал австрийским

войском. Полковник Лопухин получил приказ прийти на помощь принцу Евгению и поступить со своим отрядом в его распоряжение. Принц Евгений принял Лопухина как союзника и включил его отряд во вспомогательный корпус. Мы не знаем, имел ли Владимир Иванович случай отличиться в глазах принца, но из документов нам известно, что во время торжественных церемоний и парадных обедов полковник Лопухин, как представитель России, сидел на почетном месте по левую руку от принца Евгения Савойского.

Усилия России и Австрии увенчались успехом: на польский трон вступил Король Август III, курфюрст Саксонский. Миссия Лопухина в Европе закончилась, и он возвратился со своим отрядом в Россию.

Владимир Иванович прожил девяносто четыре года — кажется, рекордное долголетие в роду Лопухиных — и служил последовательно шести Русским Государям: Петру I, Екатерине I, Петру II, Анне Иоанновне, Елизавете Петровне и Екатерине II. Общий стаж его пребывания в офицерских чинах составил 80 лет. К своим 60 годам он уже много послужил и повоевал и в России, и в европейских странах. Но именно на него пал выбор Императора Петра III, когда он, вступив на престол в 1762 году, решил направить в Пруссию войска в помощь Королю Фридриху II Прусскому, которого считал образцом монарха, полководца и примером для подражания вообще. Главное начальство над всем экспедиционным корпусом принял генерал граф Захар Григорьевич Чернышев, командование первой дивизией было поручено генерал-поручику В.И. Лопухину. Любопытно, что корпусом, посланным в помощь Королю Фридриху, командовал тот же самый генерал граф Чернышев, который всего два года назад в ходе Семилетней войны взял Берлин. Известно, что, познакомившись с Владимиром Ивановичем Лопухиным, прусский Король тепло о нем отзывался, видимо, у генерала были и дипломатические способности.

Во многих кампаниях и баталиях побывал Владимир Иванович. Его военный талант полностью созрел, когда на престол вступила дочь Великого Петра Императрица Елизавета. Переменной власти в России решила воспользоваться Швеция, чтобы вернуть себе хотя бы часть Финляндии, отошедшей к России в результате Северной войны. Но Россия была к тому времени уже значительно сильнее Швеции. В течение двух лет все попытки шведов атаковать русских были отражаемы с большими для шведов потерями. Полк Лопухина считался в этой шведской кампании одним из лучших.

В середине 50-х годов генерал Лопухин успел побывать обер-комендантом Киева и Киевским генерал-губернатором. Последним для престарелого полководца стало его назначение в «Особую для нового уст-

роения войск комиссию», которая разрабатывала для армии и флота новые уставы и инструкции. О том, что работа Владимира Ивановича в этой комиссии была успешной, свидетельствует официальный отзыв, подписанный всеми членами комиссии. Первым подписал этот документ председатель комиссии, теперь уже фельдмаршал и граф Захар Григорьевич Чернышев. А когда заслуженный генерал попросил Государыню об отставке по возрасту, Императрица сделала на его прошении такую надпись: «Генерал-лейтенанта Володимира Лопухина отставить по его желанию, хотя Я о том сожалею... Екатерина».

...Достойный вклад внесли Лопухины в изгнание из России армии Наполеона в 1812 году. Двенадцать мужчин этого рода воевали в Отечественную войну в составе армии. Сколько их было в ополчении, в партизанах и во вспомогательном войске, неизвестно. Как минимум, четверо Лопухиных (возможно, и больше, но об этом у нас нет достаточно верных сведений) участвовали в знаменитом Бородинском сражении.

Особенное усердие и мужество явил в этой битве 45-летний генерал-майор и генерал-адъютант Государя Петр Андреевич Лопухин, шеф 6-го пехотного полка Московского ополчения. После Бородина он со своим полком участвовал в боях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме и Красном, а позже — в заграничном походе Русской армии. В 1813 году при осаде Модлина его полк отбил отчаянную вылазку неприятеля, а сам командир был ранен штыком в грудь. За участие в Отечественной войне 1812 года генерал П.А. Лопухин был награжден орденом Святого Владимира III степени.

За отвагу и мужество в битве при Бородине был награжден орденом Святого Георгия IV степени полковник светлейший князь Павел Петрович Лопухин. Находясь для поручений при генерале Ермолове, он постоянно был в гуще боя, выполняя поручения начальника штаба 2-й армии. Генерал Алексей Петрович Ермолов находил в молодом князе Лопухине «смелость, добросердечие и хорошие способности, дающие надежду». К Бородинскому сражению князь Павел Петрович был уже обстрелянным воином — он участвовал во всех кампаниях России против Наполеона начиная с 1806 года, а всего за свою жизнь побывал в 56 сражениях. За участие в Отечественной войне 1812 года он получил от Государя еще и орден Святого Георгия III степени. А после ее окончания служил много лет в чине генерал-лейтенанта, будучи крупным кавалерийским командиром.

Был при Бородине Павел Александрович Лопухин. Сын полковника-преображенца, он в 1806 году поступил в недавно перед тем открытый Пажеский корпус и летом 1812 года закончил курс. Его выпустили корнетом в Изюмский гусарский полк — один из старейших полков Русской армии, который ведет свое начало с 1651 года, когда был сформирован Изюмский слободской черкасский казачий полк. Этот славный полк, известный своими традициями, участвовал в Отечественной войне с первых ее дней, но наш герой, только что выпущенный из Пажеского корпуса, прибыл в него как раз накануне Бородинского сражения. Мы не знаем, как проявил себя молодой офицер в первом для него бою, но надо думать — неплохо, потому что есть сведения о его успешной службе в дальнейшем.

До сих пор мы больше говорили о генералах, полковниках, о героях славных сражений... Но таких в любом роду бывает немного. Остальные военные — в том числе и фамилии Лопухиных — просто служили и честно делали свое дело, особенно не выделяясь из офицерской массы и не рассчитывая на кресты, звезды и «густые эполеты». Именно на них — безвестных штабс-капитанах бесчисленных занумерованных полков — и лежали главные тяготы Государевой военной службы, именно они составляли ту Русскую Силу, которая столетиями определяла европейскую политику.

...Многие Лопухины участвовали и в заграничных походах 1812—1814 годов, хоть и не вошли в перечень крупнейших полководцев Отечественной войны. Одним из таких рядовых русских офицеров был Николай Андреевич Лопухин. Как и его брат, упомянутый выше генерал-майор Петр Андреевич, он родился в семье Тульского губернатора, где было пятнадцать детей. Из девяти мальчиков восемь начали свою службу Государю в гвардейских и армейских полках. Николая Андреевича определили в Пажеский корпус, и в 1812 году он стал прапорщиком лейб-гвардии Измайловского полка. Любопытно, что приказ о производстве был подписан 28 августа, в день, когда гремело Бородинское сражение. Догнав полк на походе, он бился под Красном, перешел с полком Неман, участвовал в заграничном походе, был в битве при Люцене. Затем участвовал в осаде крепости Модлин. За всю кампанию заслужил он серебряную медаль в память 1812 года. В 1814-м был произведен в подпоручики, затем — в поручики и в 1819-м — в штабс-капитаны. В этом чине и попросил об отставке по болезни. Медики дали заключение: «При слабом телосложении имеет слабую грудь и кашель с мокротой». В декабре 1819 года получил Николай Андреевич отставку и уехал в Тулу, к

отцу, в измайловской форме — Всемилоостивейше ему было дозволено носить гвардейский мундир.

Измайловцем был еще один брат — Павел Андреевич. В детстве записанный в лейб-гвардии Преображенский полк, он окончил Пажеский корпус и был выпущен в Измайловский полк, успев в начале французской кампании. Павел Андреевич участвовал в сражениях с Наполеоном в 1805—1807 годах и по болезни вышел в отставку в 1811 году. Но когда началась Отечественная война, не мог остаться в стороне, снова вступил в службу, участвовал в основных сражениях 1812—1813 годов и в 1814-м погиб на подступах к Парижу, будучи полковником Псковского пехотного полка.

Среди Лопухиных, участников Бородинской битвы, мы упомянули Павла Александровича Лопухина. Стал военным и его сын Иван Павлович, родившийся в 1836 году. Говорят, что у каждого поколения бывает своя война. Для отца это была Отечественная, для сына — Крымская. На патриотической волне он вступил в службу унтер-офицером в 1854 году в Егерский Великого Князя Михаила Николаевича полк. Вскоре стал юнкером полка — тогда так называли служащих в полку кандидатов в офицеры, — участвовал в сражении при Альме, где русские сорвали замысел противника взять Севастополь лихой атакой. После этого сражения его сочли пропавшим без вести и даже сделали соответствующую пометку в личном деле, а он всего-то лежал под грудой тел погибших егерей с простреленной ногой. Только через двое суток добрался он до своего полка. Медики бесстрастно констатировали: «Ранен штуцерною пулею в наружную часть правой голени навывлет спереди назад». Последние слова были важными, ибо свидетельствовали, что Иван Павлович Лопухин получил пулю, стоя к противнику лицом, «как храброму воину и быть надлежит». Оправившись после ранения, он снова служил, был произведен в прапорщики, участвовал в походе в Придунайские княжества, стал батальонным адъютантом и получил в Крымскую войну серебряную медаль за оборону Севастополя и бронзовую медаль — за всю кампанию. Через несколько лет, в 1862 году, по болезни подал прошение об отставке. Врачи нашли у него «слабое телосложение, тупую боль в месте ранения, одышку и блуждающие боли в груди и ногах». В сентябре этого года он был отставлен с награждением чином поручика и пенсионом в одну треть последнего жалования. Позднее Иван Павлович жил в своем имении во Владимире.

А Петр Викторович Лопухин начинал службу и вовсе рядовым. Окончив пять классов Орловского реального училища, он в 1898 году

был зачислен солдатом 143-го Дорогобужского пехотного полка. Прошел полковую учебную команду, затем учился в юнкерском училище, стал офицером, вернулся в свой полк и был назначен полковым адъютантом. Его первые кампании были необычными для военного. В послужном списке читаем: «Командирован с полком в Кутаисскую губернию для прекращения беспорядков». Через год: «Командирован с командой в Кутаис для содействия гражданским властям». Читатель догадался, что речь идет о 1905 годе, о времени, когда зловредная революция впервые подняла в России голову. В последующие годы команда Петра Викторовича Лопухина охраняла линию Закавказской железной дороги... В 1910 году он стал штабс-капитаном и в этом чине оказался на фронте Первой мировой войны. В ходе ее довольно быстро дослужился до полковника и был тяжело ранен...

Во второй половине XIX века военная служба многих Лопухиных приобретает несколько иной характер, заведомо становится лишь необходимым началом совсем иной жизни. Мужская молодежь по-прежнему идет в гвардию и армию, но служит недолго. Чаше, чем прежде, встречаются в поколенной росписи записи о младших офицерах, которые уходят в отставку «по домашним обстоятельствам». Объясняется это просто: Лопухины накопили немалые земельные богатства, а дворянские поместья к тому времени лишились даровой рабочей силы и требовали от своих хозяев гораздо большего внимания, чем прежде. Процветающих поместий становилось все меньше, и молодежь призывалась к домашним, семейным делам, чтобы поднимать сельское хозяйство. Видимо, такими соображениями руководствовался, например, Адриан Адрианович Лопухин. В молодости он служил в армии, в 1866 году — через пять лет после знаменитой крестьянской реформы, сильно ударившей по помещикам, — получил чин поручика, вышел в отставку и занялся хозяйством. Скончался он в 1905 году.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в последние десятилетия XIX века все больше мужчин Лопухиных выбирает статские профессии, прежде всего связанные с юриспруденцией, адвокатурой, правом. Военных среди представителей рода становилось меньше. И это объяснимо: военная служба к тому времени перестала быть единственной престижной службой для дворянина. Прежде офицер всегда бывал самым образованным, самым сильным и ловким — программы кадетских корпусов были на уровне гимназий, к тому же предусматривали серьезную физическую подготовку. Кроме того, офицер — это было просто красиво! Не надо не-

дооценивать роли разноцветных мундиров, сверкающих знаков различий и наград. И наконец, обаяние храбрости — офицер просто не мог не быть храбрым, к тому же — постоянная готовность к риску собственной жизнью. Привлекательнее офицерской службы не было ничего. Этого — в сочетании с осознанным долгом служить своему Государю — было достаточно, чтобы каждый мальчик, подросток и юноша мечтал стать офицером... Они и шли — в кадетские корпуса или вольноопределяющимися в гвардию и армию, учились, получали эполеты, служили, воевали... Другого не было!

В середине девятнадцатого столетия положение изменилось. С реформами 60-х годов, которые открыли такие новые поприща, как юриспруденция и право, корпус мировых судей и земских начальников, вообще участие в земских делах, дворянская молодежь увидела возможность выбора. Стало возможно служить Государю не только в армии, но и на новых поприщах, которые также стали престижными и сулили такие же чины, правда не военные, но статские.

К тому же во второй половине века в России открылись несколько новых университетов, которые сразу заявили о себе как центры знаний и культуры. Неудивительно, что наиболее думающая дворянская молодежь пошла в университеты, которые прекрасно готовили людей к статской государственной службе и даже сразу давали право на классный чин. Естественно, что многие Лопухины, воспитывавшиеся в высокообразованных семьях, стали предпочитать участие в статских делах...

Это не значит, конечно, что Лопухины вообще перестали служить в армии и гвардии. Когда началась Великая война, на фронты ушли несколько кадровых офицеров этой фамилии, да и многие статские сочли своим долгом встать на защиту Отечества. В 1915 году погиб на фронте кадровый военный, капитан лейб-гвардии Преображенского полка Рафаил Сергеевич Лопухин. Его младший брат Михаил Сергеевич, окончив перед самой войной юридический факультет Московского университета, поступил вольноопределяющимся в Сумской гусарский полк и отлично воевал, дослужившись до ротмистра, и стал кавалером многих боевых орденов. Не повезло Михаилу Сергеевичу уже после войны. В 1917 году после развала большевиками армии он вернулся в Москву, вступил в тайную офицерскую организацию, которая называлась «Союз защиты Родины и свободы», в составе группы офицеров был направлен в Сибирь, чтобы освободить из плена Государя и его семью. Попытка — не по вине исполнителей — оказалась неудачной. М.С. Лопухин, возвратясь в Москву, был схвачен ВЧК. Говорили, что ему обещали свободу в обмен на слово

не участвовать в борьбе против большевиков. Он не дал такого обещания и, его расстреляли. О тщетной попытке монархически настроенных офицеров освободить Царскую Семью подробно рассказано в очерке «Жизнь за Царя» в этой книге.

В связи с Великой войной хочется рассказать еще о двух Лопухиных — отце и сыне, уже упоминавшихся на этих страницах. Оба были кадровыми офицерами. Дмитрий Александрович в чине генерал-майора командовал в 1914 году лейб-гвардии Конно-гренадерским полком, в котором служил его сын корнет Георгий Дмитриевич. Гвардейские полки, как известно, после начала войны сразу выступили на фронт и поэтому участвовали в самых тяжелых первых боях. Первое крупное сражение Великой войны разгорелось уже 6—8 августа 1914-го в Восточной Пруссии при городке Гумбиннен, где во встречном бою столкнулись 1-я Русская и 8-я Германская армии. В этом жестоком столкновении особо отличилась тяжелая гвардейская кавалерия. Военные историки отмечают два эпизода решающего боя за прусский Гумбиннен. Оба связаны с решительным наступлением германцев, которые решили ошеломить русских и в первом же сражении одержать громкую победу. Но русское командование понимало, что необходимо остановить это первое наступление неприятеля и самим ударить по нему.

Команду — сбить атаку врага и расстроить его наступающие ряды — поручили в числе других Конно-гренадерскому полку. Полк спешили, так будет лучше действовать на местности. Командир генерал Д.А. Лопухин разъяснил задачу эскадронам и выразил уверенность, что конно-гренадеры и в пешем строю не посрамят чести Русской гвардии.

На острие удара шел лучший эскадрон полка, в котором служил корнет Г.Д. Лопухин. Эскадрон выполнил задачу и смял первые ряды противника, остальные довершили дело. Полк покрыл себя славой, но и потерял многих бойцов. Остался на поле битвы и корнет Лопухин... Посмертно ему был пожалован чин поручика... Забегая немного вперед, скажу, что командир полка не надолго пережил своего сына — в конце 1914 года генерал Дмитрий Александрович Лопухин был тяжело ранен и скончался от ран тоже на поле боя. Отец и сын до конца выполнили свой долг перед Государем и Отечеством.

...Вернусь, однако, к описанию первого сражения Великой войны. На соседнем участке с лопухинским действовал лейб-гвардии Конный полк. И он получил приказ остановить наступление противника и контратаковать его. В отличие от конно-гренадеров, Конный полк действовал в конном строю — местность позволяла это. Когда полк

пошел в атаку, выяснилось, что ему очень мешает вражеская артиллерийская батарея, которая стреляла по кавалеристам прямой наводкой шрапнелью. И тогда прямо на эту батарею бросил свой эскадрон его командир ротмистр барон Петр Николаевич Врангель. Специалисты утверждают, что это был единственный в двадцатом столетии случай, когда современная и действующая артиллерийская батарея была взята в конном строю. В отличие от корнета Лопухина, ротмистр Врангель остался в живых. Он стал первым офицером, который удостоился во время Великой войны особо почетной для военного награды — ордена Святого Георгия IV степени.

Благодаря мужеству русских войск сражение при Гумбиннене закончилось полной победой русских, наши войска перешли в решительное наступление на Восточную Пруссию. Битва при этом прусском городе была в те времена, да и позже, в центре внимания и русского, и европейского общества.

По свидетельству германского генерала Людендорфа, «поражение при Гумбиннене вызвало панику в Главной квартире Германского Императора, которая тотчас ослабила свои войска на французском фронте, послав с поля битвы на Марне два корпуса и одну кавалерийскую дивизию в Восточную Пруссию, дабы предотвратить там дальнейшую катастрофу».

Русский генерал барон А.П. Будберг, который после войны написал целый труд о Гумбинненском сражении, заявил, что снятие войск из-под Марны и переброска их в Пруссию стало «фактическим признанием провала победных надежд германцев, признанием того, что отборные прусские полки были обращены в бегство презираемым до того врагом». А известный Уинстон Черчилль утверждал после Гумбиннена: «В самом начале военных действий Германия была вынуждена признать факт, что была на какое-то время подавлена военной мощью России».

Государь Николай II записал в своем дневнике за 10 августа: «...Получил радостную весть об удачном окончании двухдневных боев нашей 1-й армии против двух с половиною германских корпусов, отступивших на Запад». А Великий Князь Константин Константинович, который, будучи начальником военно-учебных заведений Империи, знал почти всех офицеров, записал в своем дневнике за 7 августа: «...Получил телеграмму из действующей армии: после вчерашнего боя... потери такие: ...убит Лопухин... Какой Лопухин — отец или сын? Дорого же куплен успех!» Великий Князь лично знал обоих...

Таким было первое и блестяще выигранное русскими сражение Великой войны. На протяжении нескольких месяцев Русская Им-

ператорская армия практически одна боролась с отлично подготовленной объединенной военной машиной Германии и Австро-Венгрии. В этой борьбе Россия потеряла цвет своей армии — лучших офицеров. Среди них капитан-преображенец Рафаил Лопухин, конно-гренадеры отец и сын генерал Дмитрий Лопухин, поручик Георгий Лопухин и многие другие, которых так не хватило России в несчастном 1917 году.

В начале Великой войны одним из видов патриотической информации и пропаганды были лубочные картинки. Их рисовали, иллюстрируя военные сводки, и широко распространяли большими тиражами. В августе, по свежим следам сражения при Гумбиннене, были напечатаны две такие картинки. Один лист так и озаглавлен — «Подвиг корнета Г.Д. Лопухина». На нем изображен молодой богатырь с офицерской шашкой и винтовкой в руке, зовущий за собою своих солдат... И подпись: «При преследовании немцев в пешем строю Лопухин был ранен в бок и упал, но сейчас же выхватил у раненого солдата винтовку и, поднявшись во весь свой богатырский рост, начал стрельбу. Он был убит, буквально пронизанный несколькими пулями...» На второй картинке — ротмистр барон Врангель атакует германскую батарею...

Так, в одном, но славном и первом крупном бою Великой войны, прославили себя два храбрых русских офицера — один из них погиб и стал образцом воина для многих, а второму было суждено возглавить Русскую армию в ее последних боях против большевиков...

...На этих страницах мы рассказали, конечно, не обо всех Лопухиных, служивших России с оружием в руках. Возможно, когда-нибудь это будет сделано. Пока же мы, насколько позволяли сведения, находящиеся в нашем распоряжении, попытались очертить основные закономерности и тенденции, которые характерны для воинской службы представителей этого рода, и нарисовать, хотя бы в самых общих чертах, несколько портретов Лопухиных, ставших на полях сражений или героями, или, по крайней мере, честными солдатами России, не жалевшими крови и самой жизни в боях за Веру, Царя и Отечество!

Сражениями на полях Первой мировой, или Великой, войны не закончилось участие Лопухиных в битвах за Родину. Олег Михайлович Лопухин уже во Второй мировой войне, будучи штурманом полярного флота, воевал сначала на Кавказе, а затем водил под огнем противника корабли с десантом морской пехоты, который шел на штурм вражеской военной базы. Бывший офицер Императорской армии Александр Иванович Лопухин, за которым в СССР не призна-

ли право на командную должность, надел сержантские погоны, прошел в них всю Отечественную войну 1941—1945 годов. Александр Иванович стал кавалером двух орденов Славы, которые называли в свое время «солдатскими Георгиями» и давались только за личное мужество и храбрость в бою. Не остались в стороне от битв Второй мировой войны и многие из тех Лопухиных, которые уехали из России в страшные годы и оказались в великом русском рассеянии. Молодые Лопухины сражались против общего врага в рядах союзнических армий. Впрочем, русская трагедия двадцатого столетия сказалась и в том, что несколько Лопухиных, отстаивая свои убеждения, оказались в ходе войны по другую сторону фронта. Нельзя считать их ни виноватыми, ни заблуждавшимися. Они — такие же жертвы трагедии 1917 года, как и все остальные Лопухины, как тысячи и миллионы других граждан несчастной России.

Сейчас, на рубеже XX и XXI веков, в Российской армии нет ни одного Лопухина. Но это вовсе не значит, что угас боевой дух рода. Просто изменились времена — войны, к счастью, стали играть в жизни народов и государств меньшую роль, иной стала и роль армии в обществе, на первый план вышли другие проблемы и другие государственные институты. Изменились соответственно и человеческие устремления. Не случайно среди Лопухиных в России сегодня — три четверти врачи, учителя, художники.

Что же до военного прошлого — это предмет гордости рода. Потомки должны знать и помнить, что, когда было нужно, Лопухины всегда мужественно вставали на защиту Отечества и доблестно сражались с его врагами под знаменами российских полков.

ДРУЗЬЯ ПОЭТА

Князь Петр Андреевич Вяземский на склоне дней своих как-то заметил: «У Пушкина было много друзей, у Лермонтова их почти не было вовсе...» Князь был другом первого и хорошо знал второго поэта, поэтому говорил со знанием предмета... И все же его «почти» оставляет место для немногих, которых называют друзьями Лермонтова. Это — два-три родственника, знакомые с детства, и семья Лопухиных. Судьба распорядилась так, что именно дети Александра Николаевича Лопухина — сын и три его дочери — стали самыми близкими, судя по всему, друзьями поэта и остались верны его памяти за гробом. Именно в их доме Лермонтов нашел и дружбу, и любовь, и понимание, и душевное тепло.

Вот, коротко, история этой веточки большого лопухинского рода. Далекий предок Александра Николаевича Лопухина еще в XVI веке первым из всей фамилии был записан в известную Тысячную книгу Царя Ивана Грозного, дед и прадед были заслуженными военными моряками, а отец — петербургским гвардейцем. Александр Николаевич и сам служил много лет в Кавалергардском полку, воевал в годы Отечественной войны, да и в более ранних сражениях против Наполеона участвовал, заслужил боевые награды и всеобщее уважение. В 1820 году вышел в отставку и сразу же был избран Вяземским уездным предводителем дворянства. Он был хозяином прекрасного наследственного имения Успенское Вяземского уезда Смоленской губернии. Кроме того, владел имениями под Клином, Тверью и Нижним Новгородом, а также в Старице и Вышнем Волочке. По ревизии 1818 года за ним числились 2494 крепостные души да еще 232 души в епифанском имении Волково, которое было получено в приданое за супругой Екатериной Петровной, урожденной Верещагиной. Кро-

ме того, по наследству от дальнего родственника Александр Николаевич получил большое имение Ухлово Рязанской губернии — это было большое торговое село с населением в три тысячи человек. Так что в общей сложности глава семьи владел более чем пятью тысячами душ.

Жили Лопухины в Успенском, а когда старшие дети стали подрастать, Александр Николаевич решил купить в Москве дом — путь до Первопрестольной от Вязьмы, особенно санный, недолог и легок. На выбор дома повлияло то, что в районе Поварской улицы жили Верещагины — родственники матери семейства. В начале 20-х годов Лопухин и купил неподалеку от них, на Малой Молчановке, дом.

«Это был уютный серый особняк с мезонином, со сфинксами на подъезде, с большим двором. Подъезд был со двора, и рядом стоял вместительный флигель... На дворе, кроме конюшен и кладовых, были целые дома, забитые дворней, где, кроме многочисленной прислуги, ютились и какие-то бедные родственники, и приезжавшие из деревень крестьяне с продовольственными обозами...» — вспоминала позже одна из внучек хозяина. Дом стоял в глубине сада, стороны которого выходили заборами на Молчановку и Серебряный переулок. Старожилы до сих пор помнят этот особняк, его снесли только в 1964 году. Он, как и многие другие исторические дома в этом районе, стал жертвой прокладки новомодного проспекта, который называется теперь Новым Арбатом.

Вот в этом доме в интересующее нас время и жила зимою сам Александр Николаевич, его дочери Мария, Елизавета и Варвара Александровны и сын Алексей Александрович. Мать семейства к тому времени уже скончалась, а старшие сыновья давно стали взрослыми и служили в Петербурге в гвардейских полках. Двое детей в этой семье умерли во младенчестве, а оставшиеся четверо наполняли шумом и гамом комнаты молчановского особняка.

В конце лета 1827 года на тихой зеленой Поварской в доме прапорщицы Е.А. Костомаровой поселилась приехавшая в Москву из своего пензенского имения Тарханы помещица Елизавета Алексеевна Арсеньева с тринадцатилетним внуком Мишелем — ему пора было продолжить домашнее образование учебой в Московском благородном университетском пансионе. Елизавета Алексеевна тоже не случайно поселилась здесь — рядом жили ее родственники Стольпины. К тому же и с Лопухиными Арсеньевы состояли в дальнем родстве. Заметим, кстати, что в те далекие времена родственные связи прослеживали довольно далеко, а само родство высоко ценилось...

Так вот и получилось, что в конце 20-х — начале 30-х годов девятнадцатого столетия люди, населявшие эти четыре близкие друг другу

родственные дома Арсеньевой, Лопухиных, Верещагиных и Стольпиных и составили в основном то общество, в котором жил, рос, мужал, радовался, страдал, любил и творил Михаил Юрьевич Лермонтов. Разумеется, знакомства Лермонтова выходили далеко за рамки этого круга, но ведь мы и не собираемся рассказывать о юности поэта вообще, нас интересует его ближайший круг, друзья, и среди них первое место судьба отвела детям Александра Николаевича Лопухина, молодому поколению этой лопухинской семьи.

О любви, дружбе, душевной близости людей писать трудно. Особенно когда речь идет о временах, отдаленных от нас почти двумя столетиями. И уж совсем — если заходит разговор о выдающихся личностях, таких, как один из лучших поэтов России. Все наши знания о нем, о его внутреннем мире, о жизни его души мы получили из его стихов, воспоминаний людей, знавших его, из трудов ученых мужей, которые изучали его произведения и архивные материалы о нем.

Но был ли Лермонтов таким, каким рисуют его все эти материалы? На этот вопрос у нас нет ответа... Сегодня, пополняя многотысячный корпус страниц, посвященных Лермонтову, мы поневоле будем повторять чьи-то неточности, а может быть, и не совсем верные или даже ошибочные характеристики.

Но в том-то и дело, что мы рассказываем здесь вовсе не о Лермонтове, а о Лопухиных, о тех из них, кого Господь Бог сподобил оказаться рядом с Лермонтовым, и о которых в этой книге рассказать необходимо. Поэтому мы и решились на это предприятие, заранее понимая несовершенство и тщетность попытки правдиво рассказать о жизни души — а любовь и дружба относятся к ней — удивительных людей, живших в первой половине девятнадцатого столетия.

Итак — друзья Лермонтова или те, кого все называют его друзьями...

Всего на год старше поэта был Алексей Александрович Лопухин, который вместе с ним поступил в Московский пансион и учился с ним там. Отсюда, видимо, и особенно крепкая дружба, которая выдержала множество испытаний, но, судя по всему, так и не дала серьезной трещины.

В чем проявлялась эта дружба? Из воспоминаний современников мы знаем, что сверстники виделись каждый день, и не только на занятиях. В пансионе оба были «приходящими», хотя многие воспитанники-москвичи жили там и приходили домой только по воскресеньям. Но и после учебных занятий Алексис и Мишель чаще всего

бывали вместе — то в одном, то в другом доме, то в саду. Они вместе занимались рисованием, иногда читали друг другу, в разговорах часто переходили на французский, который оба знали в совершенстве. Оба увлеклись Байроном, а Лермонтов даже использовал его для обучения английскому. Его кузен А.П. Шан-Гирей писал: «Мишель начал учить английский язык по Байрону и через несколько месяцев стал свободно понимать его; читал Мура и поэтические произведения Вальтера Скотта (кроме этих трех, других поэтов Англии я у него никогда не видел)...»

Известны письма поэта к его «Алексису», посвященные ему стихи, воспоминания знавших его людей, в которых Мишель Лермонтов и Алексис Лопухин неизменно выступают друзьями,веряющими друг другу юношеские тайны. Современники утверждали, что «не было лучших друзей». Подводя итоги этой дружбы, мемуарист, хорошо знавший обоих, написал уже после смерти поэта: «Только очень немногие, и среди них первый А.А. Лопухин, глубоко ценили его дружбу и верили его высокой душе, и сохранили это отношение и после смерти».

Известно, что у Лермонтова был прескверный характер. Вот что писал об этом хорошо знавший поэта родственник бабушки его Лев Александрович Арсеньев: *«Этот внучек-баловень, пользуясь безграничной любовью своей бабушки, с малых лет уже превращался в домашнего тирана, не хотел никого слушаться, трунил над всеми, даже над бабушкой, и пренебрегал наставлениями и советами лиц, заботившихся о его воспитании.»*

Одаренный от природы блестящими способностями и редким умом, Лермонтов любил преимущественно проявлять свой ум, свою находчивость в насмешках над окружающими и колкими, часто очень меткими остротами оскорбляя людей, достойных внимания и уважения. С таким характером и с такими наклонностями, с такой разнузданностью он вступил в жизнь и, понятно, тотчас нашел себе множество врагов...

В характере Лермонтова была еще черта далеко не привлекательная — он был завистлив. Будучи очень некрасив собою, крайне неловок и злоязычен, он, войдя в возраст юношеский, когда страсти начинают разыгрываться, не мог нравиться женщинам, а между тем был страшно влюбчив. Невнимание к нему прелестного пола раздражало и оскорбляло его беспредельное самолюбие, что служило поводом к беспощадному бичеванию женщин с его стороны.

Как поэт, — подводит итог Л.А. Арсеньев, — поэт возвышался до гениальности, но как человек, он был мелочен и несносен».

Таким бывал Лермонтов в обществе по весьма авторитетному свидетельству родственника. И лишь с немногими он становился другим — сердечным, открытым, ранимым. Первыми среди таких немногих были его друзья Лопухины. Но даже дружбу с ними поэт подвергал серьезным испытаниям.

Искренне любя своего Алексиса, Лермонтов сделал все, что мог, для того чтобы разлучить его с невестой, красавицей Екатериной Сушковой, которую Лопухин любил и на которой хотел жениться. Есть, правда, указания на то, будто в семьях Лопухиных и Верещагиных не желали этого брака и просили Лермонтова расстроить его. Однако, верно это или нет, остается фактом, что Михаил Юрьевич действовал в этом малосимпатичном деле с удовольствием и не думал щадить чувства своего друга. Поэт жаждал мести... Дело в том, что в юности, когда он был еще студентом, он сам был безнадежно влюблен в Сушкову. Будучи несколько старше ее, она не обращала внимания на мальчика, разве что посмеивалась над ним и его чувством. Лермонтов был глубоко уязвлен и не смог простить подобного афронта. Когда через несколько лет представилась возможность, он взял реванш... В конце 1834 года поэт любил другую, но, узнав, что его Алексис влюблен в Сушкову, ищет ее руки и как будто пользуется взаимностью, вдруг стал самым настойчивым образом ухаживать за Екатериной Александровной.

Поэт жил тогда в Петербурге, к тому времени это был уже не студент, но только что произведенный корнет блестящего лейб-гвардии Гусарского полка. Лермонтов повел «правильную осаду» своего неожиданного «предмета», применил самые изощренные способы, чтобы завладеть сердцем красавицы. Он «страшно ревновал» ее к Лопухину, он всячески чернил своего друга в ее глазах... И победил — Екатерина Сушкова отказала Лопухину и дала слово Лермонтову. И на следующий же день поэт перестал к ней ездить и холодно кланялся в обществе...

Е.А. Сушкова оставила воспоминания, в которых обвиняет Лермонтова Бог знает в чем! Не будем цитировать здесь записки оскорбленной женщины, но факт остается фактом — поступок его не может не вызвать возмущения. Один из биографов поэта оценил это так: «Обиженный когда-то Сушковой, Лермонтов отомстил ей зло и жестоко». Он, впрочем, и сам не отрицал этого. «Итак, вы видите, как хорошо я отомстил», — писал он весной 1835 года в Москву А. Верещагиной.

Алексей Александрович Лопухин, негодуя на коварство друга, уехал из Петербурга в Москву, даже не попрощавшись с ним. В первое

время многим казалось даже, что их дружбе пришел конец. Но позже великодушный Лопухин, зная «бешеный нрав» и мятушуюся натуру Лермонтова, простил его... Расстроить женитьбу на любимой девушке — какой удар может быть сильнее для романтического молодого человека! И каким же поистине золотым сердцем должен он обладать, чтобы простить виновника!..

В последующие годы они виделись нечасто: Лопухин, кончив юридический факультет Московского университета, работал в Москве по судебному ведомству, а Лермонтов бывал то в Петербурге с полком, то на Кавказе. Но теплая переписка между ними не прекращалась. Они по-прежнему делились планами, жизненными удачами и неудачами, поверяли друг другу сокровенные мысли.

Время вылечило сердечную рану Алексея Александровича Лопухина, он познакомился с очаровательной и милой княжной Варварой Александровной Оболенской и в 1836 году женился на ней. Лермонтов тепло поздравил молодых. А когда в феврале 1839 года у молодых Лопухиных родился первенец — Александр, поэт приветствовал его появление на свет стихами. Стихотворные строки он вписал в очередное письмо к Алексису Лопухину:

«Милый Алексис.

Я был болен и оттого долго не отвечал и не поздравил тебя, но верь мне, что я искренне радуюсь твоему счастью и поздравляю тебя и твою милую жену. Ты нашел, кажется, именно ту узкую дорожку, через которую я перепрыгнул... Ты дошел до цели, а я никогда не дойду: засяду где-нибудь в яме, и поминай как звали, да еще будут ли поминать? Я похож на человека, который хотел отведать от всех блюд разом, сытым не наелся, а получил индигестию, которая, вдобавок, к несчастью, разрешается стихами. Кстати, о стихах; я исполнил обещание и написал их твоему наследнику...

*Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов, небесных и земных!
Да будет он отца достоин;
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как Божий херувим.
Пусть не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;*

*Пусть грядет он без упрёка
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пусть не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светлой тины
Душою бел и сердцем невредим!*

...можешь быть уверен, дорогой Алексис, что я так рад за тебя, что завтра же начну сочинять новую арию для твоего маленького крикуна...»

Лермонтов и в разлуке ощущает родственную душу друга, посвящает его в свои дела.

В июне 1840 года поэт пишет Алексею Александровичу из Ставрополя: «Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке... Я здесь в жару так слаб, что едва держу перо...»

В сентябре того же года в его письме Алексису из Пятигорска — описание битвы, известной нам по маленькой поэме «Валерик»: «...У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось шесть часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до шести тысяч; и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте... Я здесь пробыл до конца ноября, а потом не знаю, куда отправлюсь. Я вошел во вкус войны...»

В ноябре — новое письмо:

«Милый Алеши.

Пишу тебе из крепости Грозной, в которую мы, т. е. отряд, возвратился после 20-дневной экспедиции в Чечне. Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков... Если мне случится с ними удачно действовать, то, авось, что-нибудь дадут... Вот тебе обо мне самое интересное.

Писем я ни от кого не получаю уже месяца три. Бог знает, что с вами сделалось; забыли, что-ли? или (письма) пропадают? Я махнул рукой... Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камня и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем. Варвара Александровна будет зевать за пяльцами и, наконец, уснет от моего рассказа, а тебя вызовет в другую комнату управитель, и я останусь один и буду доканчивать свою историю твоему

сыну, который сделает мне кака на колена... Сделай одолжение пиши ко мне как можно больше...»

В последний раз друзья виделись весной 1841 года, когда Лермонтов был в Первопрестольной проездом из Петербурга на Кавказ. Следующим известием о Лермонтове стало для Алексея Лопухина сообщение о его гибели.

Коротко — о судьбе ближайшего друга поэта после его гибели. Алексей Александрович и Варвара Александровна Лопухины прожили долгую жизнь. Он успешно служил по судебному ведомству и дослужился до чина действительного статского советника — юридического генерала. По разделу имущества после смерти отца ему достались дом на Молчановке, родовое имение Успенское под Вязьмой и еще несколько других, дававших неплохой доход. Положение резко изменилось после 1861 года, когда последовала знаменитая крестьянская реформа. Вспоминая те времена, одна из внучек А.А. Лопухина позднее писала:

«Раньше не так много требовалось денег на жизнь. Все продовольствие семьи и дворни получалось и доставлялось обозами из деревни. Дом был свой, прислуга крепостная. Можно себе представить, как людям не очень богатым и непрактичным трудно было перевести такое натуральное домашнее хозяйство на денежное, и даровой труд сменить наемным. Дедушка и бабушка не скоро решились распустить свою дворню, состоявшую из старых преданных слуг. Их связывала взаимная привязанность... Отношение к прислуге было простое и дружелюбное...»

Однако Лопухины неплохо справились с этими трудностями. Правда, Алексею Александровичу пришлось подыскать более выгодную должность. В последние годы юридический генерал служил заведующим Синодальной канторой в Москве.

Сын Лопухиных Александр, которому Лермонтов посвятил известные стихи, окончил Пажеский Его Величества корпус, причем попал туда случайно. Случилось это так: в середине 40-х годов в Москву приезжал по делам Император Николай Павлович. Генерал-губернатор князь А.Г. Щербатов задумал устроить в его честь большой праздник с аллегорическими живыми картинами, где фигурировало много детей. Первенец Лопухиных семилетний Саша был очень красив, и его привлекли к участию в живых картинах. Государь остался до такой степени доволен представлением, что решил наградить всех его участников. Он собрал мальчиков и «поздравил их пажамии», повелел за свой счет зачислить в Пажеский корпус. Отец и мать не были в восторге от этого, им не хотелось отпускать малыша в Петербург и

расставаться с ним, но уклониться от такой Царской милости было невозможно. Так сын лермонтовского Алексиса стал пажом, но после окончания корпуса повел себя необычно. Все его соученики, как и полагалось, стали военными и вышли в гвардейские полки, один только Александр Лопухин, решившись идти по стопам отца, избрал юридическую карьеру. Она была успешной, однако вольнолюбивый и либеральный дух, который был свойственен этой лопухинской семье, возможно под влиянием «мятежного» Лермонтова, все же подпортил ее. В 1878 году А.А. Лопухин, будучи уже юридическим генералом и прокурором Петербургской судебной палаты, участвовал в знаменитом суде над Верой Засулич, которая стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Председательствовал в суде известный А.Ф. Кони. Кони и Лопухин повели дело так, что подпольщица и террористка Засулич была оправдана судом присяжных. Естественно, власти не простили такого афронта главным виновникам — и Лопухин, и Кони были отстранены от своих должностей, а Лопухин даже «сослан» на какую-то незначительную должность в русскую миссию в Константинополе. Впрочем, он оставался крупным помещиком. После смерти своего отца Александр Алексеевич Лопухин получил молчановский дом, где некогда так часто бывал Лермонтов, имение Успенское, два небольших имения в Орловской губернии и дом в Орле. Известно, что дом на Молчановке он продал семье известных славянофилов Хомяковых, а уже его сыновья вывезли из усадебного дома в Успенском много лопухинских семейных портретов, среди которых были портреты Царя Петра Алексеевича и Царицы Евдокии Федоровны, урожденной Лопухиной. Где они находятся сейчас, неизвестно.

А сам Александр Алексеевич Лопухин в 1881 году передал в дар Лермонтовскому музею при Николаевском кавалерийском училище в Петербурге портрет герцога Лермы, написанный Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Сохранилось сопроводительное письмо, которое Лопухин направил начальнику училища генералу А.А. Бильдерлингу:

«Позвольте мне, бывшему воспитаннику Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (А.А. Лопухин учился в ней несколько месяцев после окончания Пажеского корпуса. — Примеч. ред.), коего рождение воспето Лермонтовым («Ребенка милого рождение...»), принести свой вклад в устроенный Вашим превосходительством Лермонтовский музей. Прилагаемое изображение рисовано рукою поэта при следующих обстоятельствах: покойный отец мой был очень дружен с Лермонтовым, и сей последний, приезжая в Москву, часто останавливался в доме отца на Молчановке, где гостил подо-

лгу... Тогда и приснился ему этот человек... Лермонтов проснулся... и под свежим впечатлением мелом и углем нарисовал портрет приснившегося ему человека на штукатурной стене его комнаты. На другой день отец пришел будить Лермонтова, увидел нарисованное, и Лермонтов рассказал ему, в чем дело... отец призвал мастера, но... при первом же приступе штукатурка с рисунком развалилась. Отец был в отчаянии, но Лермонтов успокоил его, сказав: «Ничего, мне эта рожа так в голову врезалась, что я тебе намалюю ее на полотне», — что и исполнил. Отец говорил, что сходство вышло поразительное. Этот портрет... с тех пор висел в кабинете моего отца, от которого и перешел мне по наследству...»

Добавим, Лермонтов был уверен, что изобразил приснившегося ему предка испанского герцога Лерму. Поэт считал, что происходит от этого испанского аристократа. Однако предком Лермонтова был, как это установлено, Георг Лермонт, младший сын шотландского лорда, приехавший из Шотландии в Россию и бывший на русской службе с 1613 года.

И наконец, чтобы закончить с этой линией семьи друзей поэта, расскажем коротко о сыновьях Александра Алексеевича и внуках лермонтовского Алексиса. Их было четверо и ни один не продолжил рода.

Полный тезка друга поэта Алексей Александрович Лопухин был крупным юристом, служил одно время директором Департамента полиции МВД Российской Империи (ему в этой книге посвящен отдельный очерк) и закончил свою жизнь в эмиграции, оставив двух дочерей.

Дмитрий Александрович был профессиональным военным, в 1914 году командовал на фронте лейб-гвардии Конно-гренадерским полком. В одном из первых сражений Великой войны он потерял сына, который служил в том же полку, а через несколько месяцев и сам умер от ран, полученных на поле боя.

Виктор Александрович был Тульским, а затем Вологодским губернатором и скончался в 1915 году, не оставив потомства. И наконец, Юрий Александрович был убит большевиками в годы Гражданской войны. Так закончилась в потомстве линия Лопухиных, друзей поэта. В этой семье, правда, было много женщин. О некоторых из них мы расскажем на этих страницах.

Коротко — о сестрах лермонтовского друга, которые также дружили с ним.

«Милый друг», «Дорогая кузина», «Милая miss Магу» — так называл Лермонтов старшую сестру своего Алексиса Марию Александровну Лопухину. Она была на пять лет старше поэта, и это наложило свой отпечаток на их отношения. Мария Александровна считала

себя до какой-то степени наставницей юного Лермонтова, а он как будто бы не возражал против этого. Она была интересной барышней, но не любила света. Как пишет ее племянница, в тридцать лет «она надела чепец» и заявила, что никогда не выйдет замуж. Та же мемуаристка утверждала, что «тетя Маша была умная, культурная, много на своем веку путешествовала и читала, а в более поздние годы старалась поддержать в своем салоне угасавший тогда в Москве светоч умственных интересов».

Видимо, эти качества и привлекли Лермонтова. Своему «милому и дорогому другу» Марии Александровне он раскрывал свою душу как никому другому. Именно Марии Лопухиной адресована едва ли не половина известных нам лермонтовских писем. Уехав в 1832 году в Петербург, чтобы поступить там в университет, Лермонтов писал ей каждую неделю. Это были весьма откровенные письма, так пишут только действительно близким людям, которым полностью доверяют.

Приведем здесь выдержки из нескольких писем Михаила Юрьевича к Марии Александровне Лопухиной, написанных в разные годы.

Вот письмо 1832 года, написанное вскоре после приезда в Петербург:

«Назвать вам всех, у кого я бываю? Я сам та особа, у которой бываю с наибольшим удовольствием. Правда, по приезде, я навещал довольно часто родных, с которыми мне следовало познакомиться; но в конце концов я нашел, что лучший мой родственник — это я сам... Что же касается вашего брака, милый друг, то вы угадали мой восторг при вести, что он расстроился... Слава Богу, что это кончилось так, а не иначе...»

Вскоре после этого — новое письмо:

«Сейчас я начал кое-что рисовать для вас и, может быть, пошлю с этим же письмом. Знаете ли, милый друг, как я стану писать к вам? Исподволь. Иной раз письмо продлится несколько дней: придет ли мне в голову какая мысль, я внесу ее в письмо; если что примечательное займет мой ум, тотчас поделюсь с вами... Я намерен замучить вас своими письмами и стихами. Это, конечно, не по-дружески и даже не гуманно, но каждый должен следовать своему предназначению. Вот еще стихи, которые сочинил я на берегу моря: «Белеет парус одинокий...» Прощайте же, прощайте!»

В Петербургском университете Лермонтову отказались зачесть экзамены, сданные им в Московском. И поэт поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров — впоследствии она стала называться Николаевским кавалерийским училищем. Конечно, первая весточка об этом — к милому другу Марии Лопухиной:

«...Не могу представить себе, какое впечатление произведет на вас моя важная новость; до сих пор я жил для литературной карьеры, принес столько жертв своему неблагодарному кумиру, и вот теперь я — воин. Быть может, это особенная воля Провидения; быть может, это путь кратчайший, и если он не ведет меня к моей первой цели, может быть, не приведет ли он меня к последней цели всего существующего: умереть с пулей в груди нисколько не хуже, чем умереть от медленной агонии старости. Итак, если начнется война, клянусь вам Богом, что всегда буду впереди...»

Уже из Школы пишет он Марии Александровне:

«Я получил два письма ваших, милый друг, и — проглотил их: так давно не было от вас известий. Вчера последнее воскресенье провел я в городе, потому что завтра (во вторник) мы отправляемся на два месяца в лагерь... Надеюсь, вам будет приятно узнать, что я, пробыв в Школе всего два месяца, выдержал экзамен за первый класс и теперь один из первых. Это все-таки подает надежду на близкую свободу (имеется в виду производство в офицерский чин. — Примеч. ред.)».

Следующее письмо — из лагеря:

«Я не писал к вам с тех пор, как мы перешли в лагерь, да и не мог решительно, при всем желании. Представьте себе палатку, по 3 аришина в длину и ширину и в 2¹/₂ аришина вышины; в ней живут трое, и тут же вся поклажа и доспехи, как-то: сабли, карабины, кибера и проч. и проч. Погода была ужасная; дождь без конца, так что часто дня по два подряд нам не удавалось просушить платье... Одно меня ободряет — мысль, что через год я офицер!»

И вот — Лермонтов получил эполеты. В декабре 1834 года он пишет Марии Александровне из Петербурга, видимо отвечая на ее письмо: «Милый друг! Что бы ни случилось, я никогда не назову вас иначе; это значило бы порвать последние нити, связывающие меня с прошлым, а этого я не хотел бы ни за что на свете, так как моя будущность, блистательная на вид, в сущности, пуста и пошла. Должен вам признаться, с каждым днем я все более убеждаюсь, что из меня никогда ничего не выйдет: со всеми моими прекрасными мечтаниями и ложными шагами на жизненном пути мне или не представится случая, или не достанет решимости...»

Однако и случай представился, и решимость нашлась. В 1837 году был убит Пушкин, и Лермонтов написал свои знаменитые стихи на смерть поэта. И сразу стал не просто известен, но знаменит. Последовала опала, но вскоре и «всемилодивейшее совершенное прощание корнету Лермонтову», и перевод его опять в лейб-гвардии

Гусарский полк. Вернувшись в Петербург, Лермонтов почувствовал, что отношение к нему изменилось. Вот что он пишет Марии Александровне Лопухиной:

«В течение месяца на меня была мода, меня наперерыв отбивали друг у друга. Это, по крайней мере, откровенно. Весь этот народ, которому досталось от меня в моих стихах, старается осыпать меня лестью. Самые хорошенькие женщины выпрашивают у меня стихов и хвастаются ими, как триумфом... Было время, когда я, в качестве новичка, искал доступ в это общество; это мне не удалось: двери аристократических салонов закрылись передо мною; а теперь в это же самое общество я вхожу уже не как искатель, а как человек, добившийся своих прав. Я возбуждаю любопытство, передо мною заискивают, меня всюду приглашают, а я и вида не подаю, что хочу этого. Дамы, желающие, чтобы в их салонах собирались замечательные люди, хотят, чтобы я бывал у них, потому что я ведь тоже лев, да! я, ваш Мишель, добрый мальчик, у которого вы и не подозревали гривы...»

Писал Лермонтов Марии Лопухиной и с Кавказа:

«В точности держу свое слово и посылаю вам, милый и дорогой друг, а также сестре вашей черкесские башмаки, которые обещал вам... Я теперь на водах, пью и купаюсь... У меня здесь очень хорошее помещение; каждое утро из своего окна смотрю на всю снежную цепь гор и на Эльбрус; вот и теперь, сидя за письмом к вам, я по временам кладу перо, чтобы взглянуть на этих великанов: так они прекрасны и величественны...»

Еще одно письмо, более позднее:

«...Я знаю, вы убеждены, что ваши письма доставляют мне большое удовольствие, раз вы пользуетесь молчанием, как средством наказать меня; но наказание этого я не заслуживаю: я постоянно думаю о вас. Вот доказательство: просил отпуск на полгода — отказали, на 28 дней — отказали, на 14 дней — Великий Князь и тут отказал. Все это время я надеялся видеть вас. Сделаю еще попытку — дай Бог, чтобы она удалась...»

Мы не знаем причин, но Мария Александровна не одобряла страстной любви Лермонтова к ее младшей сестре Варваре, равно как и ответного чувства Вареньки к поэту. Но неизменность добрых чувств старшей из сестер Лопухиных к поэту не вызывает сомнений. Она тяжело переживала гибель Лермонтова. В письме от 18 сентября 1841 года она писала своей кузине баронессе А.М. фон Хюгель:

«Какое несчастье эта смерть; бедная бабушка самая несчастная женщина, кого я знаю... Говорят, у нее отнялись ноги и она не мо-

жет двигаться. Никогда не произносит она имени Мишеля, и никто не решается произнести в ее присутствии имя какого бы то ни было поэта... В течение нескольких недель я не могу освободиться от мысли об этой смерти, я искренне ее оплакиваю. Я его действительно очень, очень любила...»

Мария Александровна, несмотря на ранний обет девичества, все-таки вышла замуж за гвардейского офицера Григорьевского, который дослужился до генеральского чина. Мужа она пережила и в конце жизни была, как вспоминает современник, «ласковой, приветливой и милой старушкой в чепце с белыми тюлевыми рюшами или кружевами, завязанном под подбородком большим белым, лиловым или черным бантом, смотря по цвету юбки, поверх которой она неизменно носила длинный черный бархатный или суконный кафтан, густо расшитый черным гарусным шнуром, а летом уютный, легкий канусовый». Скончалась она в 1864 году и похоронена вместе с супругом своим на кладбище Алексеевского монастыря в Москве, вскоре после переноса его от Пречистенских ворот к Красному Пруду...

Еще одна из сестер Лопухиных — Елизавета Александровна, которая была всего на год моложе Марии, тоже тепло и по-дружески относилась к Лермонтову, писала ему, хотя и не была с ним так близка, как ее сестры и брат. Она довольно рано вышла замуж за князя Н.Н. Трубецкого и жила отдельно от родных. Елизавета Александровна пережила всех своих близких и скончалась в 1882 году, уже после злодейского убийства Государя Александра II Освободителя, когда имя Лермонтова уже блистало на Олимпе российской поэзии рядом с именем Пушкина.

Ее муж князь Николай Николаевич Трубецкой принадлежал к старшей линии Трубецких, а ее племянница Софья Алексеевна Лопухина, дочь Алексиса, немного позднее вышла замуж за князя Николая Петровича Трубецкого, принадлежавшего к младшей линии этого рода, и стала матерью знаменитых философов.

...Осталось рассказать о младшей из сестер Лопухиных... Мы знаем Мадонну Пушкина — «чистейшей прелести чистейший образ». Первый поэт России был счастлив, он женился на своей избраннице Наталье Николаевне Гончаровой. Была своя Мадонна и у Лермонтова — Варвара Александровна Лопухина, но им не суждено было соединиться, хотя по свидетельству современника «они были созданы друг для друга». Разделенная, но несчастливая любовь Лермонтова осталась в его стихах. Вот что писал восемнадцатилетний поэт о своей семнадцатилетней возлюбленной:

Она не гордой красотой
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее — не стан богини,
И грудь волною не встает
И в ней никто своей святости,
Припав к земле, не признает.
Однако, все ее движенья,
Улыбка, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты;
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней...
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

Это стихотворение Лермонтов написал в начале 1832 года. Лишь прошлой осенью Вареньку Лопухину привезли из деревни в Москву насовсем. Она и прежде бывала в московском доме отца, но ее, как «еще маленькую», отправляли обратно в вяземское имение. Лермонтов, который очень часто бывал у Лопухиных, видел Варвару Александровну и раньше, но только в первых числах ноября 1831 года, когда ее привезли на первый в ее жизни великосветский сезон, поэт влюбился, вернее — полюбил, и, как выяснилось позже, на всю жизнь. «Будучи студентом, — писал в своих записках кузен поэта Шан-Гирей, — он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В.А. Лопухину, это была натура пылающая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная... Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...»

Исследователи творчества поэта считают, что «своей милой Вареньке» Лермонтов посвятил много стихов — одно перечисление заняло бы полстраницы, — что она послужила прототипом для многих героинь его. Варваре Александровне адресовано посвящение, предпоследнее поэме «Измаил-Бей»: «Тобою полны счастья звуки...» Ее образ угадывается в героине драмы «Два брата». Ее нетрудно узнать в героинях «Героя нашего времени» и «Княгини Лиговской».

Лермонтов не раз писал и рисовал ее портреты. Три акварельных портрета Вареньки Лопухиной работы Лермонтова дошли до наших дней. Один из них хранится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в Петербурге, другой — в Государственном литературном музее в Москве и третий — в отделе редких книг библиотеки Колумбийского университета в США.

Наконец, ей, Варваре Александровне Лопухиной, Лермонтов дважды посвятил своего «Демона». Еще в 1831 году, студентом, он предпосылает первому варианту только что законченной поэмы такие адресованные ей строки:

Прими мой дар, моя Мадона!
С тех пор, как мне явилась ты,
Моя любовь мне оборона
От порицаний клеветы.

Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего:
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того!

Скажу ли? — предан самовластью
Страстей печальных и судьбе,
Я счастьем не обязан счастью,
Но всем обязан я тебе.

Как демон хладный и суровый,
Я в мире веселился злом;
Обманы были мне не новы,
И яд был на сердце моем.

Теперь, как мрачный этот гений,
Я близ тебя опять воскрес
Для непорочных наслаждений,
И для надежд, и для небес.

Всё и все свидетельствуют о том, что Варенька Лопухина отвечала любовью на чувство Лермонтова, но, по причинам, которые вряд ли станут когда-либо известны, ее семья была против их брака. В воспоминаниях родных есть указания на то, что главным противником любви Лермонтова и Варвары Александровны был ее отец Александр Николаевич Лопухин. То ли под влиянием отца, то ли по другим причинам против этого брака была и Мария Александровна, которая всячески препятствовала сближению своей младшей сестры с поэтом. Поступок Марии Лопухиной лишил нас и ценнейшего эпистолярного наследия — писем Лермонтова к любимой. Двоюродная внучка Вареньки княгиня О.Н. Трубецкая много лет спустя писала в своих воспоминаниях, что «перед своей кончиной М.А. Лопухина сожгла всю, хранившуюся у нее, переписку сестры, которую свято прятала, оберегая от нескромного любопытства биографов Лермонтова. По семейному преданию, Варенька не была красива: на щеке у нее была родинка, которой ее дразнили в детстве: «Варенька родинка, Варенька уродинка», но уродливого в ней, конечно, ничего не было. С пор-

трета, оставшегося у меня в Москве, глядят большие, кроткие, темные глаза, и весь облик ее обвеян тихой грустью».

О судьбе этого портрета нам ничего неизвестно, а вот о пресловутой родинке упоминает в записке и известный нам Шан-Гирей: «Как теперь помню ее ласковый взгляд и светлую улыбку. Ей было лет 15—16: мы же были дети и сильно дразнили ее. У нее на лбу чернелось маленькое родимое пятнышко, и мы всегда приставали к ней, повторяя: «У Вареньки родинка, Варенька уродинка», но она, добрейшее создание, никогда не сердилась...»

После отъезда Лермонтова в Петербург поэт и Варенька виделись редко, но постоянно переписывались — мы уже говорили, почему не сохранилось ни одного их письма. В то же время родные Варвары Александровны настаивали на ее замужестве, вокруг было много женихов, но она все не соглашалась... Может быть, надеялась, ждала?.. Наконец в 1835 году, когда ей исполнилось двадцать — по представлениям того времени возраст для барышни критический, — она уступила настояниям семьи, точнее, сестер и брата, отца уже не было на свете, и вышла замуж за случайно посватавшегося к ней крупного чиновника Николая Федоровича Бахметева, который был старше ее на целых семнадцать лет.

Семейные предания Лопухиных сохранили некоторые подробности этого сватовства. «Судьба бедной Вареньки решилась случайно, — писала та же О.Н. Трубецкая. — В 1835 году на московских балах стал появляться Н.Ф. Бахметев. Ему было 37 лет, когда он задумал жениться и стал ездить в свет, чтобы высмотреть себе невесту. Выбор его колебался между несколькими приглянувшимися ему барышнями, и он молился, чтобы Господь указал ему, на ком остановить выбор. В этих мыслях он приехал на бал в Дворянское собрание и подымался по лестнице, когда, желая обогнать его, Варенька Лопухина зацепила свой бальный шарф за пуговицу его фрака. Пришлось остановиться и долго распутывать бахрому, опутавшую пуговицы со всех сторон... Николай Федорович усмотрел в этом несомненное указание свыше — «перст», и посватался. Человек он был с большим состоянием и безупречной репутацией. Не знаю, кто повлиял на бедную Вареньку, но предложение Бахметева было принято...»

А.П. Шан-Гирей был свидетелем того, как встретил Лермонтов весть о замужестве «его милой Вареньки». В Петербурге, писал он, «мы играли в шахматы, когда человек подал письмо; Мишель начал его читать, но вдруг изменился в лице и побледнел; я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: «Вот новость — прочти», и вышел из комнаты. Это было известие о пред-

стоящем замужестве В.А. Лопухиной... Я имел случай убедиться, что первая страсть Мишеля не исчезла...»

Впрочем, поэт и позже видел свою любовь. Тот же кузен поэта писал и об их последней встрече. Весною 1838 года Варвара Александровна Бахметева, урожденная Лопухина, с мужем проездом за границу остановились в Петербурге. «Лермонтов, — вспоминал Шан-Гирей, — был в Царском; я послал к нему нарочного, а сам поскакал к ней. Боже мой, как болезненно сжалось мое сердце при ее виде! Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как прежде... Через два часа прискакал в Петербург Лермонтов. Это была наша последняя встреча с ней — ни ему, ни мне не суждено было больше ее увидеть», — заканчивает этот рассказ Шан-Гирей.

Во время этой, последней встречи Варвара Александровна попросила Лермонтова проверить ее список «Демона» — все ли в нем верно. Вскоре поэт прислал к ней этот список с исправлениями и вторым посвящением, которое сначала было адресовано литере «Б», но эту букву поэт энергично перечеркнул и уверенной рукою поставил милое его сердцу «Л».

Я кончил, — и в груди невольное сомненье:
Займет — ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?

Пробудится — ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты — только мертвого, пустого одобренья
Наложил на нее тяжелую печать,

И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет,
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред!

Впоследствии список «Демона», принадлежащий Варваре Александровне, оказался самым полным, самым точным из всех, он лег в основу всех последующих изданий великой поэмы.

Утверждают, что Варвара Александровна не была счастлива в замужестве, тем более что Н.Ф. Бахметев оказался большим ревнивцем и запретил жене даже говорить о Лермонтове. Видимо, она не была уверена и в сохранности писем и рукописей поэта. В 1839 году она передала автографы стихов и рисунки Лермонтова кузине и подруге юности баронессе А.М. фон Хюгель, а письма — старшей сестре Марии. Кстати, акварельный портрет Вареньки Лопухиной работы

Лермонтова, находящийся ныне в собрании Колумбийского университета, происходит из собрания фон Хюгелей.

Лермонтов хранил в сердце образ своей Вареньки до последних дней. Екатерина Быховец, которая двадцатилетней виделась с поэтом в последний месяц его жизни, летом 1841 года, впоследствии так писала о Лермонтове: «Он был страстно влюблен в В.А. Бахметеву; она ему была кузина; я думаю, он и на меня обратил внимание оттого, что находил во мне сходство, и об ней его любимый разговор был». Интересно, что именно Е.Г. Быховец, как считают специалисты, адресовал Лермонтов свое знаменитое «Нет, не тебя так пылко я люблю». Это, одно из последних стихотворений поэта, оказалось и последним свидетельством его любви к Вареньке...

...Остается сказать немногое. О гибели Лермонтова все Лопухины скорбели искренне и глубоко, для них это была большая семейная потеря. Но, конечно, тяжелее всего пережила его смерть Варвара Александровна. Ее сестра Мария писала об этом кузине А.М. фон Хюгель осенью 1841 года: «Последние известия о моей сестре Бахметевой поистине печальны. Она вновь больна, ее нервы так расстроены, что она вынуждена была провести около двух недель в постели, настолько была слаба. Муж предлагал ей ехать в Москву — она отказалась, за границу — отказалась и заявила, что решительно не желает больше лечиться. Может быть, я ошибаюсь, но я отношу это расстройство к смерти Мишеля...»

Варвара Александровна скончалась в 1851 году, через десять лет после гибели поэта. Ее муж получил чин статского генерала, успешно служил и пережил ее на тридцать лет.

...Так закончилась история дружбы и любви поэта, который вписал имена близких ему людей из семейства Лопухиных в историю русской литературы.

СОЗДАТЕЛЬ «ЛОПУХИНСКОЙ БИБЛИИ»

Среди Лопухиных, за многие столетия существования этого рода, бывали бояре и окольные, стрелецкие головы и воеводы, генералы и адмиралы, члены Государственного Совета, сенаторы, чиновники, занимавшие, кажется, все ступени иерархической лестницы Российской Империи начиная с самого верха — Царица, светлейшие князья, особа I класса по Табели о рангах — до самых незначительных чинов. Все они верно служили своим Государям, созидая государственность и мощь Царства и Империи. Многие навсегда остались в истории России, еще больше — в истории рода. Но за все века мы, пожалуй, не найдем представителя фамилии, духовное наследие которого служило бы всем нам, его соотечественникам, и сегодня, в наши дни, которое и сейчас было бы нужно и полезно людям и, надо думать, останется таким в будущем.

Первым Лопухиным, вклад которого в духовную культуру России смело можно назвать неоценимым и сделанным на века, стал Александр Павлович Лопухин.

Рассказывать о нем трудно, потому что биографическая канва жизни этого человека не представляет собой ничего выдающегося — родился, учился, путешествовал, читал, думал, писал, издавал, учил других, раздавал близким по духу людям плодотворнейшие идеи, которые, будучи воплощенными в жизнь, прославляли их... Александр Павлович скончался почти сто лет назад, прожив всего 52 года, но плоды этой жизни по сегодняшний день — в душах и сердцах людей, их хранят для потомков шкафы серьезных библиотек, полки книжных магазинов, труды богословов, страницы самых разных энциклопедий и справочников.

Александр Павлович родился в 1852 году в семье Павла Ивановича Лопухина, о котором мы знаем очень мало.

Александр Павлович рано определил свой жизненный путь, поступив после окончания Саратовской Духовной семинарии в Санкт-Петербургскую Духовную академию на церковно-историческое отделение. А после завершения образования — он окончил академию со степенью кандидата богословия — оказался перед нелегким выбором: он мог принять сан и священствовать, ему очень хотелось нести людям слово Божие. Но влекла его и миссионерская деятельность — в то время, в конце 70-х годов, у всех на памяти были недавние славные дела выдающихся миссионеров: епископа Оренбургского и Уральского Николая, долгие годы возглавлявшего православную миссию в Китае; основателя православной миссии в Японии архиепископа Николая, позднее канонизированного Русской церковью и признанного Равноапостольным. Как раз в 1879 году скончался митрополит Московский Иннокентий, который, будучи епископом Камчатским, принес свет Христов на далекие Алеутские острова, за что был также позднее прославлен во святых. Но был еще один путь, который влек молодого богослова, — библеистика, которая к тому времени получила множество новых материалов от светской науки.

Окончив академию, Александр Павлович решил соединить, хотя бы на время, второй и третий пути. Он принял приглашение поехать в Северную Америку и был назначен псаломщиком-миссионером при русском православном храме Святого Николая Чудотворца в Нью-Йорке.

Прихожан в церкви Святого Николая было в 1879 году не так много, это лет через 10—15, когда волна экономической эмиграции из России вынесет на американский берег десятки тысяч людей, православный храм в Нью-Йорке будет переполнен и возникнет необходимость в строительстве еще одного. А тогда А.П. Лопухин занимался своим делом в храме и изучал духовную жизнь Северной Америки. Позже, уже возвратясь в Россию, он расскажет о ней в книгах «Жизнь за океаном» и «Религия в Америке». Тогда же, в Нью-Йорке, он ограничивался сбором впечатлений и материалов и выступлениями в журнале «The Oriental Church Magazine», который издавался при церкви Святого Николая. Церковный журнал на русском языке в Нью-Йорке появится лишь через двадцать лет, когда в Америку приедет, чтобы возглавить русскую православную епархию, новый епископ Алеутско-Аляскинский святитель Тихон, будущий первый Всероссийский Патриарх нового времени. При владыке Тихоне был основан не только «Американский православный вестник» в Нью-Йорке, но и три двухклассные мис-

сионерские школы, созданы два викариата — Аляскинский и Бруклинский, открыты духовные семинарии в Миннеаполисе и Кливленде, Свято-Тихоновский монастырь в Пенсильвании, выстроено новое здание Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке, возросло до 75 число приходов Русской Православной Церкви в Америке...

Но все это еще будет, а в начале 80-х годов Александр Павлович пишет в журнал на английском — он, кстати, блестяще знал несколько языков, в том числе древние, — собирает материал для магистерской диссертации, ведет ученые беседы с епископом Алеутским владыкой Николаем, с которым будет поддерживать тесные отношения до самой своей кончины, когда владыка станет уже архиепископом Варшавским.

В 1882 году, через год после зловещего 1 марта — гибель от руки террористов Государа Александра Освободителя он сильно переживал, — Лопухин вернулся в Россию и вскоре защитил магистерскую диссертацию на тему «Римский католицизм в Северной Америке». Отныне и до конца дней богословская наука и библеистика, изучение и преподавание Слова Божия, переводы трудов Отцов и Учителей Церкви на русский язык, возглавление различных духовных печатных изданий станет делом его жизни. В служебном же формуляре записано, что А.П. Лопухин с 1883/84 учебного года был доцентом кафедры сравнительного богословия Санкт-Петербургской Духовной академии, читал курс древней гражданской истории, затем, с 1885 года, стал доцентом, а с 1889 года и профессором кафедры древней общей гражданской истории и редактором духовных изданий... Добавим — и крупнейшим в России специалистом по библеистике и Библейской истории.

Бывают люди, о которых говорят: он сделал не все, что мог. Александр Павлович Лопухин, напротив, так полно реализовал свои возможности, что порой даже не верится, что все обилие книг и многочисленных трудов, которые он нам оставил, создал один человек. Некоторые фундаментальнейшие свои замыслы он осуществил вместе со своими помощниками, учениками, последователями. Однако это не умаляет заслуг А.П. Лопухина. Дело его можно назвать поистине грандиозным. Назовем лишь три лопухинских труда, три издания, которые остались непревзойденными в своей области по сей день. Это — «Библейская история в свете новейших исследований и открытий» в трех томах, содержащих в общей сложности более трех тысяч страниц; это — так, к сожалению, и не доведенная до конца «Православная богословская энциклопедия» в двена-

дцати томах и, наконец, знаменитая двенадцатитомная «Толковая Библия», которую по сей день называют «лопухинской».

Говоря о такого рода трудах рубежа девятнадцатого и двадцатого столетий, в том числе и о книгах А.П. Лопухина, член-корреспондент Российской Академии наук профессор С.С. Аверинцев недавно заметил: «Издания эти вобрали в себя итоги русской гуманитарной науки и русского богословия конца прошлого — начала нашего столетия. Они дают, как правило, добротную информацию, в значительной степени сохраняющую ценность и для нашего времени; не говоря уже о том, что сами они являют собой памятник русской богословской и церковно-исторической мысли тех лет. Не раз они порадуют читателя живым и ясным русским языком, чуть старомодной непринужденностью изложения, секрет которой, кажется, почти утрачен».

Не забудем этого определения: ПАМЯТНИКИ оставил нам А.П. Лопухин.

...Вернемся, однако, к нашему рассказу. Вскоре после защиты в 1881 году магистерской диссертации он наконец в 1882 году опубликовал и свою переработанную кандидатскую работу, явившуюся первым в русской богословской литературе трудом, посвященным законодательству Моисея. До него за эту сложнейшую тему не брался у нас никто. Книга эта стала результатом длительного и глубокого изучения Пятикнижия — первых законодательных книг Ветхого Завета: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. В этой книге были впервые сформулированы на русском языке многие положения Отцов и Учителей Церкви, труды которых были прежде недоступны в нашей стране. Русский читатель и прежде знал, что Пятикнижие — основная и важнейшая часть Ветхого Завета, где сформулированы Законы, данные Моисею самим Господом для исполнения их людьми. Знал он и то, что эти первые пять книг в течение долгого времени были для богоизбранного народа тем самым Священным Писанием, которое определяло всю его жизнь, и лишь позднее появились другие книги Библии... И все же книга А.П. Лопухина стала для просвещенного читателя откровением.

Уже этот, первый труд молодого богослова привлек к нему внимание научной общественности, и руководители Духовной академии сочли его достойным занять самостоятельную академическую кафедру, кафедру древней гражданской истории. Выбор кафедры не был случайным — Александр Павлович проявил в то время самый живой интерес к Библейской истории. И на это были свои, вполне определенные причины.

Просвещенная публика того времени была взбудоражена новейшими археологическими находками и открытиями археографов, прочитавших древние тексты, которые казались вечной загадкой. Многие из них непосредственно касались Библейской истории. И это произошло в то время, когда Библию объявили чуть ли не собранием мифов. Понятно, что научные открытия такого рода не могли оставить своим вниманием ни богословы, ни просвещенная общественность.

Неверие и скептицизм по отношению к Священному Писанию особенно сильно проявились в образованном обществе, и не только в русском, в девятнадцатом столетии. Хотя нападки на Библию существовали с первых веков христианства, только «век просвещения» — XVIII и последовавший за ним XIX ознаменовались подлинным «походом на Библию». Один за другим «передовые мыслители» стали отрицать все сверхъестественное, описанное в Великой Книге, и объяснять чудеса, в том числе и те, что творил Иисус Христос, естественными причинами, которые в древности лишь представлялись необъяснимыми и чудесными. Эти, однако, хоть не отрицали существования Мессии. Но на смену таким рационалистам пришли мифисты, которые вообще отрицали существование Иисуса Христа, объявив Библию собранием древних мифов и легенд, не имеющих ничего общего с действительностью.

В таких условиях примерно с середины девятнадцатого столетия не умствовавшие в тиши кабинетов скептики и отрицатели Библейской истины, а ученые — археологи и археографы — стали делать одно удивительное открытие за другим, и все они подтверждали сведения, содержащиеся в Ветхом Завете. И многие убедились в том, что еще недавно представлялось невозможным — в точности исторических книг Библии.

Было наивно пытаться укрепить веру в святость Библии археологическими находками. Вера — не плод разума, и если ее нет, то нужно просить не помощи у науки, а милости и вразумления у Господа. Но тогда, во второй половине девятнадцатого столетия, археологические открытия произвели на людей столь сильное впечатление, что многие богословы решили: было бы грехом упустить такой шанс подтвердить научными исследованиями слова Священного Писания.

Одним из тех, кто верил в возможность светской науки помочь богословию, был Александр Павлович Лопухин. Он внимательно изучил новейшие научные достижения в этой области и составил сначала как бы подробный конспект будущей книги, основанной на открытиях, подтверждающих историческую точность Библии. Оказа-

лось, однако, что этот конспект — вполне самостоятельная работа, пусть и небольшая по объему, но достаточно емкая. 31 декабря 1887 года автор подписал этот свой труд в печать и предпослал ему предисловие:

«В исторической науке в настоящее время совершается необычайное движение, именно благодаря тем изумительным открытиям, которые делаются на пепелище исторической жизни древних народов Востока. С того счастливого часа, когда историки, не ограничиваясь пером, взялись за заступы и лопаты и начали раскапывать мусор развалин в долинах Нила, Тигра и Евфрата, равно как и в других странах исторического Востока, перед глазами исследователей открылся целый мир нового исторического знания: бледные и тощие страницы истории древних народов чрезвычайно оживились и расширились, открыто было даже существование новых, совершенно неизвестных дотоле народов и монархий, знания о которых пролили новый свет на всю судьбу древнего человечества. Но эти необычайные открытия получили еще большее значение вследствие того, что они оказались в ближайшем соотношении с Библейской историей, и не только пролили на нее много нового света, уясняя часто самые темные ее страницы, но и представили почти чудесное подтверждение многих библейских событий и фактов, которые дотоле могли безнаказанно подвергаться критике скептицизма...»

Следует признать, что этот конспект, названный автором «Руководство к Библейской истории Ветхого и Нового Завета» и написанный 110 лет назад, нисколько не потерял своей актуальности и сегодня. Особенно для нас, кого безбожная власть на долгие десятилетия обрекла на бесплодные блуждания в исторических потемках. В России были запрещены, не переводились и не издавались многие ученые труды и популярные издания, из которых следовало, что Слово Божие вовсе не расходится с данными науки, что, напротив, многие важнейшие открытия ученых в самых разных областях только подтверждают истины, содержащиеся в Богодухновенных книгах Библии. Поэтому и «Руководство к Библейской истории Ветхого и Нового Завета» Александра Павловича Лопухина воспринимается нами одновременно как книга историка и труд богослова. И поэтому сегодня, на рубеже двух тысячелетий, по-новому и с радостью читаются слова верующего христианина, какими А.П. Лопухин начал свою книгу: «Мир, рассматриваемый в его внешней красоте и внутренней гармонии, представляет собою дивное создание, изумляющее стройностью своих частей и чудесным разнообразием своих форм. Во всей своей необъятности он правильно дви-

жется подобно величественным часам, заведенным великим и искусным мастером. И как при первом взгляде на часы невольно является мысль о сделавшем и заведшем их мастере, так и при рассмотрении мира в его правильном и строгом движении разум невольно приходит к мысли о том Виновнике, которому он обязан своим существованием и дивным устройением».

Горячей верой в этого Великого Виновника пронизана вся книга Лопухина, задуманная им, как он пишет, для того, чтобы подтвердить факты Библейской истории научными открытиями. И пусть сегодня у нас эта идея уже не встречает того энтузиазма, который звучит в его работе, пусть сегодня мы знаем гораздо больше и о древних, и о самом начале мира, но уже не обольщаемся надеждами на всеубеждающую силу науки, все же мы должны признать завидную глубину веры самого Лопухина и постоянное стремление его внушить ее сомневающимся и колеблющимся. Читая книги Лопухина сегодня, в наши дни, мы отмечаем и еще одно — познавательную и даже художественную ценность его трудов. В них ясность и точность изложения фактов сочетается с вековой культурой русской словесности, что делает чтение эстетическим наслаждением.

И снова вернемся к содержанию. Когда мы сегодня читаем в книге Александра Павловича, что «все, существующее на небе и на земле, а следовательно, и первобытное вещество, имеют свое начало, и все сотворено Богом, который один только вечен...», мы не можем не пожалеть, что А.П. Лопухин не дождал до тех открытий уже двадцатого столетия, которые подтвердили и самый акт творения. Вспомним открытие так называемого «красного смещения» на спектрограммах звезд, на его основе возникла теория «расширяющейся вселенной», некогда возникшей в одной точке и с тех пор постоянно разбегающейся в стороны. Разве это не есть научное признание акта творения!

На основе конспекта, названного «Руководством...», А.П. Лопухин в течение нескольких лет создал многотомную «Библейскую историю при свете новейших исследований и открытий». Она вышла в свет в 1889—1895 годах и переиздается поныне — последнее, предпринятое издательством Свято-Троицкой Сергиевой лавры по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, вышло в свет в 1998 году и посвящено двухтысячелетию Рождества Христова.

Этому замечательному труду, который и сегодня читается как увлекательная книга, Лопухин предпослал обширное введение, занимающее более пяти печатных листов. Александр Павлович посвятил

его обозрению современных научных открытий и исследований, которые подтверждают истину Книги книг. Он подробно рассказал, как знаменитый египтолог Шамполион Младший первым прочитал иероглифические надписи на древних камнях, как немецкий ученый Гротенд и его последователи раскрыли тайну клинописных надписей. В результате буквально «заговорили камни»... И торжествующий А.П. Лопухин констатирует: «...ветхозаветные повествования, будучи сопоставлены с несомненно современными событиями документами, оказываются точными до наименьших подробностей».

Во введении к «Библейской истории...» А.П. Лопухин высказывает и более широкую мысль о значении открытий второй половины девятнадцатого столетия для библеистики: «Ветхий Завет есть приготовление для Нового. Божественный авторитет одного тесно связан с Божественным авторитетом другого. История иудейской церкви находит свое объяснение только в явлении в мир Христа; пророчества понятны только в свете Евангелия. Если бы история иудейского народа была смесью мифов и легенд, то где было бы тогда основание, на котором могло бы покоиться христианство? Если пророчества были записаны позднее того времени, к которому по их собственному свидетельству они принадлежат, то что стало бы тогда со свидетельством их, на которое указывает Сам Господь? К счастью, нам не нужно разрешать эти вопросы; давно похороненные, но теперь вырытые камни вопиют против людей, нападающих на нашу святую веру; давно забытые империи Древнего Востока восстали из своих вековых могил во свидетельство достоверности словес Божиих».

Профессор Лопухин был убежден, что, подтвердив истинность Библии материальными доказательствами археологических раскопок, можно укрепить пошатнувшуюся веру. В этом смысле он был подлинным сыном своего времени, когда наука считалась чуть ли не панацеей от всех общественных бед, когда идеалисты еще надеялись примирить науку и Тайну. Тот факт, что научные открытия середины XIX века и последующие отнюдь не способствовали желаемому результату, нисколько не умаляет заслуги Александра Павловича. Он создал на основе своего конспекта самую полную в России, самую достоверную и основанную на новейших для его времени сведениях книгу об истории богоизбранного народа. Она не устаревает никогда, так же как не могут устареть книги Геродота и Ксенофонта, Тацита и Саллюстия, Карамзина и Соловьева...

Александр Павлович писал свою «Библейскую историю при свете новейших исследований и открытий» быстро — он вообще работал быстро, — и все же этот огромный по объему труд занял

более шести лет. Первый том трехтомной «Библейской истории...», которая содержит более 3100 страниц текста большого формата, вышел в свет в 1889 году, второй — в 1890-м, а третий — лишь в 1895 году. Кроме того, Лопухин составил и выпустил в качестве приложения 100-страничный Алфавитный толковый указатель к своей книге, где можно найти пояснения ко всем собственным именам, наименованиям древних народов, названиям древних городов и царств, важнейшим событиям истории и основным понятиям, содержащимся в Библии. Первые два тома этого сочинения были отмечены специальной премией академии.

Добавим, что труд Лопухина издал самый известный в Петербурге издатель серьезной духовной литературы книгопродавец И.А. Тузов, а напечатан он был в лучшей типографии М. Стасюлевича на Васильевском острове. (Для любителей хороших изданий — недавно вышло в свет репринтное переиздание «Библейской истории...» Лопухина, которое сохранило все выдающиеся качества первого издания. Желающих отсылаю в крупнейшие магазины духовной книги.)

...Только еще заканчивая свой огромный труд, Александр Павлович уже приступил ко второму: он перевел на русский язык с английского объемистую книгу британского духовного писателя, доктора богословия, архидиакона Вестминстерского, ординарного капеллана Королевы Английской Ф.В. Фаррара «Жизнь и труды святых Отцов и Учителей Церкви. Очерки церковной истории в биографиях».

Надо полагать, что А.П. Лопухин был большим почитателем трудов Фаррара, хорошо известного тогда в Европе духовного писателя, потому что он стал переводить эту его книгу сразу же по ее выходе из печати на родине писателя. Впервые она вышла в свет в Эдинбурге в 1889 году, весной, и уже летом Александр Павлович получил этот толстый 800-страничный том. Лопухин, как всегда, работал легко и быстро, и уже в следующем, 1890 году перевод был одобрен духовной цензурой, а в 1891 году появился в издании того же И.А. Тузова.

Ф.В. Фаррар написал, а А.П. Лопухин перевел на русский язык действительно замечательную книгу — в этом может убедиться каждый, кто даст себе труд отыскать ее в библиотеке. Историю первых четырех с половиной веков христианства Фаррар сумел рассказать читателю живо и увлекательно, говоря о сложнейших вещах простым и понятным языком. Мало того, Фаррар как бы персонифицировал церковную историю, представляя ее читателю в целой серии очерков о замечательных людях, которые в первые века создали Христову Церковь. Целая портретная галерея величайших

деятелей христианства предстает перед читателем. И это не просто биографии, а вполне художественные портреты исторических лиц, написанные на основе изучения и исторических данных, и самих описываемых деятелей, и всей окружавшей их тогда исторической атмосферы. Один из первых читателей книги заметил, что «в этих жизнеописаниях великие Отцы и Учители Церкви как бы воскресают перед нами из своих тысячелетних гробниц и как живые действуют, поучая нас из богатейшего опыта своей жизни...».

Чтобы дать читателю представление о стиле изложения материала английским писателем, приведу небольшой отрывок из предисловия архидиакона Фаррара к своей книге:

«Сколько замечательных характеров пройдет тут перед нами! Мы познакомимся несколько и с императорами того времени, как на Востоке, так и на Западе, с блистательным Константином Великим, с пышным, но своенравным Констанцием, с утонченным и вместе с тем суеверным, великодушным и вместе с тем низким Юлианом, с крайне бездарным Валентом, очаровательным Грацианом, солдатски верным и мужественным Феодосием и с его безнадежно неспособными сыновьями.

О самих Отцах и Учителях Церкви мы также приобретем более полное знание, так что отसे в величественной картинной галерее великих исторических фигур мы легко будем узнавать между многими другими пламенного Игнатия, благородного и высокодаровитого Оригена, прозорливого, энергичного и неустрашимого Афанасия, чувствительного, застенчивого, созерцательного Григория Назианзина, блистательного и пылкого Иеронима, пламенного и красноречивого Златоуста, Августина с его подвижным и многосторонним гением, замечательную личность Мартина, Киприана, Амвросия и Василия Великого — эти типы великих церковных деятелей с их твердой государственностью и административными способностями. Если история есть нечто более, чем картинное повествование, если она есть, как говорит лорд Болингброк, «философия, учащая примерами», если, как выразился Карлейль, «великие люди суть вдохновенные тексты той божественной книги откровения, главы которой заканчиваются из эпохи в эпоху и некоторыми называются историей», то в настоящей книге для многих читателей может оказаться много интересного и поучительного».

Создав «Библейскую историю...» и переведя на русский язык грандиозный труд Ф.В. Фаррара, иной счел бы себя вправе почтить на лаврах. Но вскоре после выхода в свет перевода книги англий-

кого духовного писателя Александр Павлович принял на себя дополнительные к преподаванию еще и новые обязанности. В 1892 году А.П. Лопухин стал главным редактором «Церковного вестника» — официального печатного органа Святейшего Всероссийского Синода — так именовалось тогда высшее коллегиальное духовное управление нашей православной церкви. Это был серьезный, многостраничный еженедельный журнал, имевший ежемесячное приложение «Христианское чтение». Оба журнала к тому времени существовали уже много лет — вместе, как основное издание и приложение к нему, они начали выходить в 1875 году и к 1892-му давно уже имели своего постоянного читателя. До Лопухина «Церковный вестник» и, следовательно, «Христианское чтение» редактировали наиболее известные и уважаемые профессора Санкт-Петербургской Духовной академии А.И. Предтеченский, Н.П. Рождественский, А.И. Садов — по традиции редакторами этих изданий всегда были академические светила. Александр Павлович Лопухин понимал, что возглавление двух таких изданий — отнюдь не синекура. И он не только увлеченно редактировал их, но и сам много писал для своих журналов. В официальном «Церковном вестнике» появлялись его статьи на богословские темы, он участвовал в полемическом разделе еженедельника и сделал его более острым. При нем в «Церковном вестнике» появились материалы, посвященные полезности взаимобмена материалами между богословием и светской наукой. Лопухин открыл в журнале специальную рубрику, которая рассказывала о достижениях археологии и археографии, от чего журнал, по мнению современников, выиграл.

Большое внимание уделял редактор и «Христианскому чтению». Кстати, в 1821—1875 годах он издавался самостоятельно, и А.П. Лопухин, когда в середине 90-х годов исполнилось 75 лет со дня его основания, открыл очередной номер большой статьей «Семидесятилетие духовно-академического журнала «Православное чтение» 1821—1896», в которой подробно рассказал о многопольной деятельности журнала и назвал виднейших его авторов. Добавим, забегая вперед, что в 1991 году, когда закончилось большевистское лихолетье на Руси, издание «Христианского чтения» было возобновлено, и сейчас он снова выходит в издании Петербургской Духовной академии.

А.П. Лопухин привнес немало нового и в облик этого «толстого» приложения к церковному еженедельнику. В нем стало больше популярных материалов по Библейской истории, появился новый раздел о жизни Божиих людей, регулярно стали печататься проповеди

прославленного ныне во святых — отца Иоанна Кронштадтского, а также его «Мысли», «Беседы», «Наставления» и «Слова», с которыми он обращался к своей пастве. Печатались там и новые сочинения, переводы самого редактора.

Вскоре Александр Павлович Лопухин выступил на Совете Духовной академии с предложением, которое и порадовало и озадачило его коллег. Обретя опыт в работе над переводом труда архидиакона Фаррара, он предложил академии предпринять первый в истории перевод с греческого на русский язык всех творений одного из великих Отцов и Учителей Церкви Святителя Иоанна Златоустого, жившего в IV—V веках по Рождестве Христовом. Предложение Лопухина было принято. Александр Павлович руководил большой группой переводчиков, переводил сам и лично отредактировал первые шесть томов полного собрания трудов Иоанна Златоустого. Это собрание вышло в свет в Санкт-Петербурге в двенадцати томах в 1898—1906 годах. Последние два тома появились на свет уже после кончины А.П. Лопухина. Перевод, предпринятый по его инициативе, и сегодня остается единственным переводом произведений этого Вероучителя на русский язык, без которого не обходится ни один богослов или историк христианства.

И этот труд профессора Лопухина оказался среди тех сочинений духовной литературы, которые после краха большевистского режима были переизданы Московской Патриархией в первую очередь. Новое издание Полного собрания трудов Вселенского Учителя Церкви Иоанна Златоустого, переведенное и отредактированное Александром Павловичем, можно найти сейчас в библиотеке и на полке магазина духовной книги.

Едва начал выходить в свет двенадцатитомник переводов Иоанна Златоустого, у Лопухина прибавилась новая забота: летом 1899 года он взял на себя редактирование еще одного журнала — «Странник», который перед этим двадцать лет возглавлял его коллега по Духовной академии профессор А.И. Пономарев.

...Не следует удивляться тому, что Александр Павлович часто занимался сразу несколькими делами. Обычным людям это бывает трудно, но талантливая, деятельная и энергичная натура его, видимо, требовала и такой нагрузки, и такого разнообразия. Во всяком случае, проследивая основные вехи весьма напряженного творческого пути профессора Лопухина, я заметил, что всегда, с самого начала, он делал одновременно несколько дел, писал несколько трудов, вел несколько изданий, ни на год не прерывая преподавательской работы в академии. Так и в том году — оставил редакторство

коллега и знакомый, и Лопухин с готовностью принял на свои плечи еще одну ношу.

Коль скоро мы заговорили об этом журнале, с которым у А.П. Лопухина будет связано одно из главных дел жизни, следует рассказать о «Страннике» несколько подробнее. Этот духовный учено-литературный журнал — так значится на титульном листе — был основан в 1860 году крупным богословом того времени профессором В.В. Грегудевичем и стал одним из тех периодических духовных изданий, которые появились в середине девятнадцатого столетия на волне единогодушного стремления лучших умов того времени не только «удовлетворить потребности любителей духовного чтения, — как писал его основатель, — но и возбудить охоту к такому чтению в тех, кто считает его скучным или даже не соответствующим современному направлению общества». Просвещенное духовенство и ответственные светские деятели, которые прекрасно понимали, к чему может привести растущий в то время в обществе скептицизм и безверие, стремились дать людям здоровую духовную пищу на страницах всех новых изданий, которые издавались ярко, интересно и часто сопровождались весьма полезными приложениями.

С приложением, причем бесплатным, выходил и «Странник», чем очень скоро воспользовался Александр Павлович Лопухин. Мы не знаем точно, когда он задумал составить и выпустить «Православную богословскую энциклопедию», но уже через год после принятия им редакторства в «Страннике» в качестве приложения к журналу вышел в свет первый том этой его энциклопедии. Конечно, это не был индивидуальный труд, но именно Лопухин был его вдохновителем, начинателем, редактором, руководителем авторского коллектива и самым деятельным автором.

Заметим, что прежде в России никто даже не пытался создать нечто подобное «Православной богословской энциклопедии». Только через два года после того, как на свет появились 12 томов грандиозной лопухинской энциклопедии — она выходила с 1900-го по 1911 год, и продолжали ее, как и в случае с переводом всего Иоанна Златоустого, ученики и последователи Александра Павловича, — появился на свет двухтомный «Полный православный богословский энциклопедический словарь». Он был, конечно, значительно компактнее лопухинской энциклопедии, дешевле в продаже и вполне устраивал обычных священнослужителей и мирян. Но для богословов, ученых, для духовных учебных заведений и крупных библиотек до сих пор более предпочтительной остается даже не доведенная до конца двенадцатитомная энциклопедия А.П. Лопухина.

Поистине неистощимым запасом знаний, творческих сил и энергии должен был обладать профессор Лопухин, чтобы незадолго до своего пятидесятилетия начать это новое, огромное по объему и весьма трудоемкое издание. Конечно, ему помогало то обстоятельство, что по масштабу мышления и уровню знаний он был подлинным энциклопедистом. Мы до сих пор с глубоким уважением относимся к великим французским просветителям XVIII века, которые объединились вокруг Дени Дидро, чтобы создать первую «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Весь мир до сих пор почтительно именуется их энциклопедистами. Но такие же энциклопедисты были и в России, и не забудем, что среди них не последнее место занимал Александр Павлович Лопухин.

Он успел составить и отредактировать шесть томов первой в России «Православной богословской энциклопедии». Еще шесть книг вышли в свет под редакцией его коллеги и преемника профессора, доктора богословия Н.Н. Глубоковского. Но и он не закончил этот труд, доведя его лишь до слова «Константинополь», которое так много значит для православного уха. Материалы, подготовленные для последующих томов энциклопедии, которые не вышли из-за начала Великой войны 1914 года, до сих пор хранятся в историческом архиве Санкт-Петербурга.

И снова забегая вперед, скажу, что двухтомный энциклопедический словарь, о котором говорилось выше, уже переиздан по рекомендации Московской Патриархии в 1992 году.

...Мне осталось рассказать еще об одном, последнем и, пожалуй, самом впечатляющем духовном и научном подвиге профессора Лопухина. Он много раз бывал первым, предпринимал смелые и грандиозные проекты, которые реализовывал сам, один, или вместе с учениками и помощниками. Вспомним первую «Библейскую историю...», первый перевод на русский трудов Иоанна Златоустого, первую «Православную богословскую энциклопедию»... На этот раз Александр Павлович был тоже первым — он задумал и начал осуществлять на много ни мало, как первую «Толковую Библию».

Замысел этот, конечно, родился давно. Позволю себе высказать предположение, что мысль о создании комментария на все книги Библии появилась у профессора Лопухина еще во время работы над «Библейской историей...». На это указывает определенное сходство положений и формулировок этого труда и комментария к книгам Ветхого Завета. Очевидно, что и к этой, новой работе Александр Павлович готовился давно, что начал ее исподволь и задолго до того, как решил публично объявить о намерении выпустить в свет «Толковую Библию».

Объявление такое было впервые сделано в октябрьском номере уже известного нам журнала «Странник» за 1903 год. В нем говорилось о предстоящей публикации в качестве приложения к журналу многотомного труда, который назывался «Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета». Тут же были сформулированы причины и цели его создания:

«Приступая к этому изданию, — говорилось в журнале, — редакция полагает, что она идет навстречу самой настойчивой и насущной потребности нашего духовенства и всего общества. С каждым годом Библия все более распространяется и в обществе и в духовенстве, и недалеко время, когда она сделается настольной книгой во всяком благочестивом доме. Сделан уже почин введения доброго обычая раздавать Библию оканчивающим образование молодых людям, как ценный и незаменимый путеводитель по житейскому морю. Но, к великому несчастью, дух злобы и отечуждения даже из этого чистейшего источника истины делал и теперь делает источник всякого рода заблуждений... Дать пастырям церкви, как и всем вообще любителям чтения Слова Божия, пособие к правильному разумению Библии, оправданию и защите истины от искажений ее лжеучителями, а также и руководство к разумению многих неясных в ней мест — вот цель настоящего издания...»

Первый том двенадцатитомной «Толковой Библии» вышел из печати весной 1904 года. К великому сожалению, это был единственный том грандиозного труда, который успел подержать в руках автор идеи и руководитель издания. В конце лета А.П. Лопухина не стало, но дело его продолжили соратники, ученики, среди которых были выдающиеся богословы, крупнейшие ученые нескольких духовных академий России — профессор Киевской Духовной академии, магистр богословия священник А.А. Глаголев; профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, доктор богословия И.Г. Троицкий; профессор и доктор богословия Ф.Г. Елеонский; профессор Киевской Духовной академии, магистр богословия В.П. Рыбинский; профессор, магистр богословия архимандрит Иосиф; магистр богословия священник А.В. Петровский; директор семинарии, кандидат богословия В.М. Гаврилинский и многие другие.

Первые четыре тома и отдельные разделы последующих подготовил к печати сам Александр Павлович. Он же написал и большую вступительную статью «Понятие о Библии». В ней Лопухин сформулировал, пожалуй, главное, что должен понять человек, раскрывая Книгу Книг:

«Основной, центральной идеей всех богодухновенных библейских Писаний, идеей, вокруг которой сосредоточиваются все остальные, которая сообщает им значение и силу и вне которой было бы немислимо единство и красота Библии, является учение о Мессии, Иисусе Христе, Сыне Божиим. Как предмет чаяний Ветхого Завета, как альфа и омега всего Нового Завета, Иисус Христос, по слову апостола, явился тем краеугольным камнем, на основе которого, при посредстве апостолов и пророков, было заложено и совершено здание нашего спасения (Ефес. II, 20). Иисус Христос — предмет обоих Заветов: Ветхого — как Его ожидание, Нового — как исполнение этого ожидания, обоих же вместе, как единая внутренняя связь... «Новый Завет в Ветхом скрывается, Ветхий — в Новом открывается», говорили средневековые богословы, основываясь на словах блаженного Августина».

На последующих страницах своего «Понятия о Библии» автор не раз возвращается к этой мысли, подтверждая ее снова и снова. «Можно положительно сказать, — пишет А.П. Лопухин, — что нет ни одной важной черты из эпохи и жизни Мессии, которая не была бы тем или иным путем предуказана в Ветхом Завете, или в форме ясного пророчества, или под покровом символов и прообразов; а пророк Исайя получил даже наименование «ветхозаветного евангелиста» за поразительную точность и полноту своих пророческих предъизображений жизни Господа Иисуса Христа».

Мудрый многоопытный ментор, Александр Павлович Лопухин словно ведет читателя от одной библейской строки к другой, не торопясь, поясняя священный текст и рассказывая попутно много такого, что делает его понятнее, прозрачнее, яснее.

Часто, особенно в первых книгах Библии, комментарий Лопухина занимает по половине, а то и по три четверти каждой страницы. В книге Бытия мы находим на странице всего по три-четыре, а иногда и две только библейские строки, потому что остальное пространство листа занято подробнейшим и интереснейшим комментарием.

Комментируя библейские строки, Александр Павлович часто цитирует апостолов и святых отцов. Поясняя самые первые стихи книги Бытия «...и Дух Божий носился над водой», он говорит, что разные богословы толковали эту строку по-разному, но призывает читателя согласиться с мнением Василия Великого и других Отцов Церкви, которые считают эти слова первым упоминанием в Библии Духа Святого, третьей ипостаси Господа, части Святой Троицы. Впрочем, Лопухин приводит и иные толкования этого стиха. Говоря о сотворении Господом на земле животного мира, комментатор указывает на те

выражения книги, которые указывают на определенное самим Богом господство человека над природой, ибо только человеку Бог дал душу. И тут же Лопухин цитирует своего любимого Иоанна Златоустого:

«Как велико достоинство души! — восклицает Вселенский Учитель. — Чрез ее силы строятся города, переплываются моря, обрабатываются поля, открываются бесчисленные искусства, укрощаются дикие звери! Но что важнее всего — душа знает Бога, Который сотворил ее, и различает добро от зла. Один только человек из всего видимого мира возсылает молитвы к Богу, получает откровения, изучает природу небесных вещей и проникает даже в божественные тайны! Для него существует вся земля, солнце и звезды, для него сотворены небеса: для него посылались апостолы и пророки, и даже сами ангелы; для его спасения, наконец, Отец ниспослал и своего Единородного Сына!»

В своем комментарии Лопухин постоянно предостерегает против вульгарного понимания Библии, против поверхностного скольжения по словам Священного Писания, против придилок к выражениям, которые на первый взгляд кажутся непонятными: «Скептики говорят: как это Господь всего за один день создал твердь и отделил ее от воды, хотя мы знаем, что это заняло целые геологические эпохи. Все так, но у Бога нет времени, ему незачем подсчитывать человеческие века и годы. То, что в Библии зовется «днем творения», может длиться многие тысячелетия. Но почему же сказано — день? Чтобы человек, для которого писалась Библия, смог понять ее, для этого и применено слово, которое человек мог постигнуть».

«Толковую Библию» Лопухина можно цитировать бесконечно, но мы не станем делать этого, а отошлем читателя к самой этой Книге, тем более что она сейчас вполне доступна. В 1988 году Русская Православная Церковь получила в дар к тысячелетию Крещения Руси от протестантских конфессий 300-тысячный тираж этой Библии, подготовленный и выпущенный в свет Институтом перевода Библии в Швеции. Интересно, что и в церковных кругах, и среди мирян на разговорном уровне за «Толковой Библией» прочно закрепилось название «лопухинской». Впрочем, имя Александра Павловича было сохранено и на титульных листах книг, вышедших в свет после его смерти, — во всех одиннадцати томах присутствует надпись: «Издание преемников А.П. Лопухина».

Александр Павлович Лопухин скончался 27 августа 1904 года. Это было тревожное время, и почтенный богослов успел узнать и оценить значительную часть событий, потрясших Россию в первые годы два-

дцатого столетия. Уже вовсю гремели взрывы бомб и револьверные выстрелы революционных террористов, уже были убиты министры Сипягин и Плеве; уже японцы напали на Порт-Артур и нанесли поражение русским под Ляояном; уже появился на свет Наследник-Цесаревич Алексей Николаевич, неизлечимая болезнь которого стала несчастьем всей России... Еще только близился февраль 1905-го — злодейское убийство Великого Князя Сергея Александровича, впереди был май — разгром русской эскадры при Цусиме, октябрь — Манифест Государя о даровании гражданских свобод, декабрь — вооруженное восстание в Москве...

Нельзя сказать, что клубок страшных событий того времени сделал кончину А.П. Лопухина незаметной, о ней сообщили многие газеты, в том числе «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Виленские ведомости», «Тифлисский листок». Большая статья «Памяти профессора Александра Павловича Лопухина» появилась в центральном синодальном издании «Церковные ведомости», некрологи были напечатаны в журналах, которые возглавлял покойный, в октябрьском номере очень популярного тогда «Историческо-го вестника». В Санкт-Петербургской Духовной академии прошло траурное заседание, на котором о Лопухине было сказано много хороших слов, а его ученики и последователи — А.П. Лопухин, как выяснилось только после его кончины, создал целую научную школу, исповедовавшую его взгляды на Библейскую историю и библеистику вообще, — заявили о твердом намерении довести до конца начатые им крупные научные издания. И они сдержали слово. В 1906 году было завершено издание перевода на русский всего Иоанна Златоустого, в 1911-м — вышел из печати уже двенадцатый том «Православной богословской энциклопедии», а в 1913 году было окончено издание двенадцатитомной «Толковой Библии».

А вот последовавшие за этим годы и десятилетия действительно как бы вычеркнули этого крупного ученого, мыслителя и борца за Слово Божие из нашей науки, из наших библиотек, из жизни вообще. Сейчас Александр Павлович, к счастью, возвращается к нам, и возвращается триумфально, — в своих крупнейших, непреходящего значения трудах.

...В этом очерке мы смогли назвать лишь некоторые работы Александра Павловича Лопухина. Наряду с упомянутыми изданиями профессор Лопухин выпустил много и меньших по объему и общественному звучанию, но не менее важных работ. Мы даже не обмолвились здесь о его книгах «Современный Запад в религиозно-нравственном отношении» или «Промысел Божий в истории человечества», по ко-

торым в тогдашнем обществе велись оживленные споры; не сказали о его переводе на русский объемного труда крупного французского историка и писателя Ренана «История происхождения христианства» и о полемике с ним Лопухина в связи с книгой Ренана «Жизнь Иисуса», которую он не принял. Не упомянуто многое, потому что профессор Лопухин написал в общей сложности более ста работ, не считая мелких, разбросанных по разным периодическим изданиям и «Энциклопедическому словарю» Брокгауза и Ефрона, для которого он много писал.

Основные работы А.П. Лопухина и сегодня не потеряли своего значения, а главные — такие, как его «Библейская история...», «Православная богословская энциклопедия», «Толковая Библия», — стали подлинными памятниками русской богословской и исторической мысли рубежа девятнадцатого и двадцатого столетий.

Кроме того, они еще источник эстетического наслаждения, ибо написаны прекрасным благоуханным русским языком, который мы сегодня тоже, к великому сожалению, утратили. Книги же Александра Павловича читают, изучают, переиздают... Нет сомнения, что так будет и завтра, в двадцать первом столетии. Поистине — память на века!

ДИРЕКТОР ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

О полицейских, особенно высокого ранга, редко говорят хорошо — одним они перешли дорогу, других обидели, кому-то позволили слишком много... Кроме того, у каждого о работе полиции существует собственное и, как правило, негативное мнение. Это можно понять: полицейская работа не из приятных, она неизбежно сталкивается с обманом, запирательством, насилием — с тем, что претит каждому нормальному человеку, и также неизбежно полиция пользуется методами, о которых не всегда говорят вслух.

И все-таки ни одному государству не обойтись без подобного учреждения, как бы оно ни называлось: человек слишком несовершенен, чтобы можно было распустить государственный аппарат надзора, сдерживания и поимки нарушивших законы. Поэтому общество, как правило, видит в полиции нечто необходимое, но такое, в чем лучше не участвовать. Подобные настроения царили и в светских гостиных России — на жандармов, на служащих полиции, даже на начальника Департамента полиции поглядывали косо. Я знаю семью, где одна из дочерей вышла за гвардейского ротмистра, а другая немного позднее — за жандармского полковника. В доме гвардейца нового родственника, конечно, приняли — обязывал семейный долг, но сделано это было в неприемный день, чтобы никто из друзей гвардейского офицера — не дай Бог! — не столкнулся в его гостиной с «голубым мундиром».

...Так в чем же дело? Что побудило светского человека Алексея Александровича Лопухина стать директором Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской Империи?

На эту должность нашего героя пригласил в 1902 году министр Вячеслав Константинович фон Плеве, который только что заменил на

этом посту Дмитрия Сергеевича Сипягина, убитого революционером-террористом. Случилось так, что Лопухин был прокурором Харьковской судебной палаты, когда в начале 1902 года на востоке Малороссии прошли довольно серьезные крестьянские волнения. По своей должности он вел следствие по этому делу, а когда весной в Харьков специально для знакомства с этим следствием приехал новый министр Плеве, Алексей Александрович сделал весьма толковый доклад, указав не только на внешние причины беспорядков, лежавшие на поверхности, но и на внутренние, глубинные. Лопухин высказал мысль, что полиция могла бы предотвратить беспорядки, и даже рассказал своему высокому собеседнику, как, с его точки зрения, это можно было сделать...

Вячеслав Константинович Плеве был прекрасным юристом и способным, трезво мыслящим государственным деятелем. Умелым ведением в 70-х годах политических процессов в Варшаве он снискал среди русских прокуроров славу сторонника реформ, но противника каких бы то ни было потрясений. «Господа революционеры, вы мешаете так желаемым вами реформам, вы замедляете процесс проведения их на практике», — сказал он однажды, выступая по делу группы студентов-поляков. Плеве заметили в Министерстве юстиции, и, когда потребовалось срочно заменить проштрафившегося прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты, на это место назначили Плеве. Судьба распорядилась так, что Плеве заменил в этой должности Александра Алексеевича Лопухина, отца нашего героя, который вместе с известным адвокатом А.Ф. Кони был отстранен от должности после скандального оправдания судом присяжных террористки Веры Засулич. Будучи прокурором в Петербурге, Плеве блестяще провел дело о взрыве, устроенном народолюбцами в Зимнем дворце, когда лишь случай спас Государя Александра II. А после трагического дня 1 марта 1881 года В.К. Плеве стал директором Департамента полиции МВД России. Именно ему в этом качестве принадлежит заслуга разгрома «Народной воли». Затем он стал государственным секретарем, позже — министром-государственным секретарем по делам Великого Княжества Финляндского, а через два дня после убийства Сипягина стал министром внутренних дел.

Став министром, В.К. Плеве начал перестраивать Департамент полиции своего министерства в том направлении, которое представлялось ему правильным. И тут судьба столкнула его с Алексеем Александровичем Лопухиным, который в Харькове как бы повторил и даже развил собственные идеи министра. А заключались они в довольно простой формуле: реформы необходимы, но они прерогатива са-

модержавной власти, вводить их под каким бы то ни было давлением, да еще в период политической борьбы, вредно и недостойно Императорской власти, реформы нужно готовить не только политически, свою роль в этом может сыграть и хорошо организованная полиция.

Вот об этой новой роли полиции в жизни Российской Империи и говорил в своем докладе министру в Харькове А.А. Лопухин. В.К. Плеве долго беседовал с харьковским прокурором, который представил чуть ли не программу реформы полиции. Плеве тут же предложил Лопухину осуществить эту реформу самому в должности директора Департамента полиции. Но Алексей Александрович отказался, сославшись на то, что он не знает полицейского сыска и не считает себя пригодным для руководства им. Министр же заявил, что сыском могут заняться и другие, а он, Лопухин, нужен для возглавления дела реформирования полиции. На том и порешили. Алексей Александрович занял должность директора департамента 9 мая 1902 года. Конечно, он понимал, что такого рода служебное повышение повлечет за собою не только плюсы — пожалование генеральского чина действительного статского советника, но и минусы — мягко говоря, «удивление» высшего общества, к которому Алексей Александрович принадлежал. Для светского человека такой шаг не мог быть легким. Почему же он его сделал?

Чтобы разобраться в этом, пришлось обратиться к истории семьи нашего героя. Его дальний предок был московским дворянином и стрелецким полковником. Сын стрельца стал стольником Царя Петра и участвовал во всех его войнах. В следующем колене мы находим вице-адмирала Никиту Гавриловича, который прослужил на флоте сорок семь лет. Следующий в семейной росписи — гвардейский офицер Николай Никитич, а о его сыне Александре известно, что он служил в Кавалергардском полку... Военные, защитники Отечества...

А вот сын кавалергарда, дед нашего героя и его полный тезка Алексей Александрович Лопухин отошел от военной прямолинейности предков. Он стал юристом, дослужился до чина действительного статского советника, а в молодости, кстати, был ближайшим другом Лермонтова и, возможно, перенял у него некий дух свободомыслия и бунтарства. Сын его Александр Алексеевич тоже был юристом и юридическим генералом, служил прокурором Санкт-Петербургской судебной палаты, был отстранен и конец жизни провел за границей.

По стопам своих деда и отца пошел и наш герой. Высокообразованный юрист в третьем поколении — он кончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата — Алексей Александрович с малых лет был пропитан семейным духом права,

законности и справедливости. Но от отца он перенял еще и некий налет либерализма. Мы уже говорили, что тот, будучи петербургским прокурором, способствовал оправданию Веры Засулич. Нет сомнения, что в доме отца Алексей Александрович не только слышал об этом скандальном процессе, но и усвоил некоторые доводы в пользу оправдания террористки. Близость семьи к известному либералу Анатолию Федоровичу Кони также сыграла свою роль. Во всяком случае, став юристом, Алексей Александрович предпочитал там, где это было возможно, истолковывать закон в пользу обвиняемого, а не обвинителя. Подумалось, что Лопухин вполне мог принять высшую полицейскую должность в Империи для того, чтобы попытаться сделать полицию лучше, чище, привнести в ее работу тот либеральный дух, который в те времена многие отождествляли с понятиями современности и прогресса.

По мнению всех, кто писал о нем, Алексей Александрович был блестящим знатоком права, безусловно честным человеком и, видимо, не умел поступаться принципами, даже если этого требовали обстоятельства. Прочитав о Лопухине довольно много, я пришел к выводу, что он ни в коем случае не был типичным полицейским чиновником. Тем более, что началась его карьера весьма далеко от полицейских дел.

После университета — он окончил его в 1886 году со степенью кандидата прав, что соответствует нынешнему диплому с отличием — Лопухин состоял некоторое время кандидатом на судебные должности при Тульском окружном суде, а затем началась его весьма успешная карьера на юридическом поприще. Алексей Александрович за пятнадцать лет прошел должности помощника судебного следователя, судебного следователя, секретаря прокурора, товарища прокурора и, наконец, прокурора окружного суда в Тульской, Ярославской и Московской губерниях, получил последовательно все гражданские чины, включая чин статского советника, и в этом качестве был переведен в «трудный» тогда Харьков. Там он сразу же получил в руки «Дело о крестьянских беспорядках в Полтавской и Харьковской губерниях», о следствии по которому столь успешно доложил министру В.К. Плеве.

На всех этих должностях Алексей Александрович заслужил прочную репутацию справедливого человека и большого законника. Об этом периоде службы Лопухина упоминает в своих мемуарах известный Павел Николаевич Милюков — будущий председатель кадетской партии, в которую через десяток лет вступит и наш герой.

В тот период Милюков читал студентам разных учебных заведений курс лекций по новейшей истории, и власти обвинили его в

пропаганде крамолы, в том, что в своих лекциях он допускает возмутительные и подстрекательские высказывания. Его выслали из Москвы в Рязань. «Туда, — писал Милюков, — для расследования приехал товарищ прокурора Лопухин, дослужившийся впоследствии до директора Департамента полиции... Либерализм Лопухина не помешал ему, однако, произвести расследование по всем правилам искусства. Он привез с собою стенографическую копию моих лекций с подчеркнутыми красным карандашом криминальными местами и заставил меня раскрыть их смысл — настолько прозрачный, что никакие перетолкования не были возможны... Впрочем, расследование Лопухина должно было прийти к концу и закончиться обычным решением, когда состава преступления не находили: административной высылкой».

...Вернусь, однако, к Лопухину — уже директору Департамента полиции. Что сделал он в этой должности? Если говорить о сугубо внутренних преобразованиях, то он, согласно со своими убеждениями и волей министра, попытался изменить сами методы полицейской работы, сделать полицию не только сыскным ведомством, но и защищающим законопослушных граждан. Новый директор потребовал от всех чинов полиции строгого соблюдения законов, что прежде бывало не всегда. В частности, он в ряде случаев подчинил полицию прокурорам: полицейские должны были теперь запрашивать разрешение на арест или обыск у прокуроров — прежде они действовали в таких случаях самостоятельно. Не очень-то доверяя полицейским кадрам, Лопухин создал целую сеть охранных отделений в городах и губерниях и лично назначал в них молодых жандармских офицеров, ранее в полиции не служивших. По свидетельству многих, охранные отделения — или, как их называли перепуганные новшествами революционеры, «охранка» — сыграли большую роль в повышении готовности полиции противостоять беспорядкам. Основную же ставку в борьбе с беспорядками он сделал на тайную агентуру — как и министр Плеве, Лопухин считал ее едва ли не гарантией от любых неожиданностей. В то же время директор департамента всячески побуждал хозяев предприятий больше заботиться об условиях труда и жизни работников.

Директором Департамента полиции Алексей Александрович Лопухин проработал недолго — с мая 1902-го по март 1905 года. Это были весьма беспокойные годы нарастания антиправительственных настроений и выступлений, развертывания небывалого прежде в России террора революционеров-подпольщиков, годы наших неудач на Востоке и преддверия большой смуты.

Вряд ли нужно говорить здесь о результатах работы директора Департамента полиции в такое время. Это значило бы говорить о борьбе полицейского аппарата России против нарастающей волны революционных выступлений, очевидного усиления терроризма, против стачечного движения, которое охватывало все новые и новые губернии. Сегодня мы знаем, что борьба эта была не слишком успешной, хотя кое-что полиции сделать и удалось. Думается, ни успехи полиции в то время, ни ее неудачи не стоит приписывать директору департамента. В какой-то степени он влиял на полицейскую активность в Империи, но влияние это, конечно, не было решающим. Единственно, о чем мы можем говорить с уверенностью, так это о том, что Алексей Александрович Лопухин остался верен себе и делал все, чтобы действия полиции не выходили за рамки законности. Нет сомнений, что это удавалось ему далеко не всегда — полицейский аппарат огромен, и уследить за ним в целом было, конечно, невозможно, но то, что было в его силах, он делал.

Есть указания на то, что А.А. Лопухин был достаточно близок к министру Плеве. Об этом говорит хотя бы то, что, когда министр был убит бомбой террориста, разбирать бумаги в его столе и содержимое его портфеля, с которым Плеве ехал на доклад к Государю, было поручено, среди прочих, и Алексею Александровичу. Бывший в то время министром финансов Владимир Николаевич Коковцев в записках «Из моего прошлого» писал: «Портфель Плеве найден был в полной сохранности в карете, доставлен в министерство, где и был вскоре по повелению Государя вскрыт вместе со всем, что осталось в столе, генерал-адъютантом Гессе при участии директора Департамента полиции Лопухина и сына покойного — Н.В. Плеве...»

Пикантная подробность: в одном из ящиков письменного стола убитого министра была обнаружена пачка копий и подлинных писем А.А. Лопухина к его двоюродному брату и другу, профессору Московского университета, известному философу князю С.Н. Трубецкому. Можно представить себе, как «приятно» было директору Департамента полиции убедиться в том, что и его письма перлюстрировались. Впрочем, он никогда не винил в этом лично Плеве, так как была общая практика.

Несмотря на некоторую близость к министру, есть основания предполагать, что уже не Лопухин к тому времени играл первую скрипку в чисто полицейских делах... Вот несколько строк из воспоминаний графа С.Ю. Витте: «...Я как-то спросил Плеве, что он думает делать летом, он мне ответил, что поедет на некоторое время в деревню. Я ему сказал: как же вы это сделаете, когда мне

говорили, будто Лопухин едет по делам за границу? На это он мне ответил, что в сущности вся полицейская часть, то есть полицейское спокойствие государства в руках Зубатова, на которого можно положиться».

Видимо, В.К. Плеве сдержал обещание, данное еще в начале службы Лопухину, — использовать его более как реформатора полиции, чем как начальника полицейского сыска... Чтобы приведенная выше цитата из Витте была полностью ясна, добавлю, что посылали тогда Лопухина в Италию для подготовки предполагавшегося визита в эту страну Государя Николая II. Что же до Зубатова, его фигура достаточно известна, чтобы ее нужно было комментировать.

Что же касается общественного мнения в кругах, близких к правительству, то А.А. Лопухина считали либералом и даже во многом виновником происходивших тогда беспорядков. В дневнике хозяйки известного в те времена салона Александры Викторовны Богданович, жены генерала Богдановича, под датой 6 февраля 1903 года среди прочего записано: «Мануйлов приехал к нам от Лопухина (директор Департамента полиции). Шли у них разговоры, между прочим, и о рабочих. По словам Мануйлова, Лопухин допускает, чтобы рабочие сходились, толковали, рассуждали и проч. У него есть во взгляде на рабочих либеральное направление». А в октябре следующего, уже 1904 года та же дама записала: «Лопухин сделался (и всегда им был раньше) открыто теперь красным».

Здесь уместно отвлечься и заметить, что никаким «революционером» или «красным» А.А. Лопухин, конечно, не был. Князь Сергей Дмитриевич Урусов, брат жены Лопухина, считал, что «его влияние не раз смягчало и вводило в законные рамки железную волю и диктаторские замашки министра (Плеве. — *Примеч. ред.*), который считал директора Департамента полиции либералом, но все же уважал его и нередко ему уступал». А князь Святополк-Мирский, смеявшийся Плеве, утверждал, что «политические взгляды Лопухина были хотя и прогрессивными, но весьма умеренными».

Возвращаясь к дневнику жены генерала Богдановича, назвавшей Лопухина «красным», заметим, что примерно через год, 15 января 1905 года, менее чем через неделю после печально памятного 9 января, она записала: «По телефону сегодня Мосолов говорил, что нетерпеливо ждет метлу, которая смела бы трех лиц из министерства внутренних дел — Мирского, Лопухина и Дурново».

Генерал А.А. Мосолов не бросал слов на ветер, он был заведующим Канцелярией Императорского Двора и человеком информированным. Вскоре после этой записи в дневнике светской дамы князь

П.Д. Святополк-Мирский покинул пост министра внутренних дел, который он принял в 1904 году после убийства Плеве, через два месяца настал черед Алексея Александровича Лопухина, но Петр Николаевич Дурново, которому генерал тоже пророчил «метлу» и который был товарищем министра, сел по воле Государя в министерское кресло.

Либеральные взгляды А.А. Лопухина известны, еще более либеральным был князь Святополк-Мирский. Именно он пытался примирить правительство и оппозицию. После 9 января 1905 года стало ясно, что эта попытка провалилась. А после февральского убийства в Москве генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича не осталось сомнений в том, что полиция Империи не в состоянии уберечь даже высших представителей администрации. В марте 1905 года А.А. Лопухин был освобожден от директорского поста в Департаменте.

Как выяснилось, Д.Ф. Трепов, бывший до назначения Петербургским генерал-губернатором обер-полицмейстером в Москве, незадолго до покушения на Московского генерал-губернатора просил у Лопухина по команде дополнительных ассигнований в 30 тысяч рублей для охраны Великого Князя Сергея Александровича. Лопухин отказал — нет необходимости. После убийства Великого Князя террористами Трепов открыто обвинил Лопухина в том, что того не смогли уберечь. И в формулировке отставки директора Департамента полиции было прямо записано: «за непринятие должных мер охраны Великого Князя».

Лопухин ушел из полиции, но самые громкие дела его, наделавшие немало шума и в обществе, и в правительственных кругах, были еще впереди.

...Забегая вперед, скажу, что уже после революции, в 1923 году, Алексей Александрович написал и напечатал в Москве в государственном издательстве небольшую мемуарную книжку «Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С.Ю. Витте)», в которой в пух и прах разносил записки Витте, только что появившиеся в Москве. Они были выпущены в свет берлинским эмигрантским издательством «Слово» и охватывали почти два десятилетия деятельности этого министра в царствование Государей Александра III и Николая II. А.А. Лопухин обвинил графа Витте в искажении и утаивании фактов, в передергивании их, в постоянном выгораживании самого себя и преувеличении своей роли в делах. Думается, в большой степени все это было правдой, но любопытно, что некоторые эпизоды книги графа Витте, в частности связанные и с ним самим, А.А. Ло-

пухин сомнению не подвергает, в частности и важного для нас эпизода с разоблачением подпольной полицейской типографии.

Мне хотелось бы дословно процитировать полстраницы «Воспоминаний» графа Сергея Юльевича Витте, относящихся к 1906 году: *«В январе или феврале 1906 года Лопухин, бывший при Плеве директором Департамента полиции, ... просил меня его принять... Я назначил прием действительному статскому советнику Лопухину (напомним, что граф Витте был тогда председателем Совета Министров России. — Примеч. ред.). Он явился ко мне и передал, что ему достоверно известно, что при Департаменте полиции имеется особый отдел, который фабрикует всякие провокаторские прокламации, особенно же погромного содержания, направленные против евреев, что этим отделом заведует ротмистр Комиссаров и что прокламации эти массами посылаются в провинцию, еще на днях тук послан в Курск, другой в Вильну, а самый большой в Москву... Я ему сказал, чтобы он мне представил доказательства того, что говорит.*

Через несколько дней я вторично принял Лопухина, который мне принес образцы отпечатанных прокламаций, уже разосланных, а равно и приготовленных для рассылки. Затем он меня предупредил, что если я не устрою так, чтобы накрыть работу сказанного отдела Комиссарова совершенно для всех неожиданно, то, конечно, все от меня будет скрыто... На другой же день неожиданно позвал я в свой кабинет одного из находившихся в канцелярии чиновников и сказал ему, чтобы он поехал сию минуту в моем экипаже в Департамент полиции и узнал, там ли находится ротмистр Комиссаров, если же его там нет, то чтобы он поехал к нему на квартиру и сейчас же в моем экипаже привез Комиссарова ко мне. Если он не будет в форме, то пусть едет в том костюме, в котором он его застанет. Через полчаса сказанный чиновник мне доложил, что он привез ротмистра Комиссарова.

Я его видел в первый раз. Он был одет в рабочий штатский костюм. Я его усадил и сразу начал разговор о том, как идет то важное дело, которое ему поручено, которым я очень интересуюсь, и передал ему такие детали, что он сразу немного растерялся. Я ему сказал, что посвящен во все — тогда он начал мне докладывать различные подробности...

На мой вопрос, кто же это организовал и кто этим руководил, он меня начал уверять, что это он делал по собственной, якобы, инициативе, без ведома начальства, из убеждения полезности этой меры. После такого признания я сказал ротмистру Комиссарову

следующее: «Дайте мне слово, что вы немедленно, возвратившись, уничтожите весь запас прокламаций, что немедленно уничтожите или забросите в Фонтанку ваши типографские станки и что более никогда такими вещами заниматься не будете, так как я считаю подобные действия и приемы совершенно недопустимыми. Все это вы должны сделать до завтрашнего утра, так как завтра я буду объясняться по этому предмету, и если окажется, что вы не исполните того, что я вам говорю, я буду вынужден поступить с вами по закону». Комиссаров дал мне честное слово... На другой день я заехал к министру внутренних дел Дурново и из разговора с ним убедился, что вся работа Комиссарова была для него нова... Дурново был, видимо, озадачен, назначил следствие».

Очевидно, что, даже оставив пост директора Департамента полиции, Алексей Александрович продолжал интересоваться его делами и позволяя себе вмешиваться в них в тех случаях, когда узнавал о нарушении законов самими полицейскими. Естественно, он понимал, что такие вмешательства не понравятся новым руководителям министерства. Но я уже имел случай упомянуть, что Лопухин не считал возможным поступиться принципами, даже если это грозило ему неприятностями.

Алексей Александрович был не просто законником, но даже сугубым формалистом в соблюдении буквы закона. Об этом, в частности, рассказал в своих записках «При Дворе последнего Российского Императора» уже упоминавшийся на этих страницах генерал А.А. Мосолов. Он подробно вспоминал день 9 января 1905 года и упомянул, что вечером ему по телефону стало известно о назначении Государем генерала Д.Ф. Трепова Санкт-Петербургским генерал-губернатором с подчинением ему всего петербургского гарнизона. Это значило, что новому генерал-губернатору должна была подчиниться и полиция. А.А. Мосолов пишет, что около полуночи «Трепов пошел от меня к министру внутренних дел Святополк-Мирскому, жившему в двух шагах от моего помещения на Фонтанке. Вернувшись оттуда, он мне рассказал, что сообщил Мирскому о своем назначении, и затем попросил его вызвать заведующего полицией Лопухина, которому он при Мирском сказал, что просит его к следующему утру прислать доклад о всех распоряжениях, сделанных за январь, и впредь держать его в курсе своих распоряжений. Лопухин ответил, что не считает себя вправе исполнить это требование Трепова без письменного распоряжения. На что Трепов вынужден был заявить, что утром представит ему письменное распоряжение на основании имеющегося у него Высочайшего повеления».

Разумеется, Алексей Александрович не сомневался в назначении Трепова генерал-губернатором, тем более что разговор шел в доме его начальника. Но... закон должен быть соблюден, а он предписывает исполнять то, что от него требовалось, только на основании письменного распоряжения... Нет сомнения, что столь жесткая позиция нашего законника не улучшила отношения к нему нового генерал-губернатора и сыграла роль в его скорой отставке.

Итак, Алексей Александрович был освобожден от должности директора Департамента, но не остался без дела. Его назначили Эстляндским губернатором. Но пробыл он на этом посту всего несколько месяцев — министр внутренних дел Дурново уволил его за то, что он якобы испугался революционеров и фактически передал им власть в Ревеле. Однако на самом деле все обстояло иначе. И снова придется обратиться к «Воспоминаниям» графа С.Ю. Витте, бывшего в то время главой Российского правительства. Вот что он пишет об этом:

«В Ревеле кроме губернатора живет другое важное лицо — начальник дивизии. После 17 октября (1905 года. — Примеч. ред.) в прибалтийских губерниях и в том числе в Ревеле было очень неспокойно. Мне не было известно ничего, что показывало бы, что губернатор Лопухин как бы сдал власть — испугался. Но губернаторы часто находятся в натянутых отношениях с начальниками войск, один гражданский начальник, другой военный, и оба независимые. Понятно, что после 17 октября (день опубликования Манифеста Государя Николая II о даровании гражданских прав. — Примеч. ред.) явился жгучий материал для недоразумений между двумя начальствующими петухами. Начальник дивизии донес главнокомандующему войсками Петербургского военного округа Великому Князю Николаю Николаевичу, что губернатор из трусости очень либеральничал и сдал власть революционерам. Великий Князь сейчас же донес Государю, и Государь потребовал от Дурново увольнения Лопухина. Другой министр, может быть, отстоял бы своего подчиненного, но Дурново оказался не из таких, хотя он сам мне после говорил, что поторопился с увольнением Лопухина...»

После увольнения Лопухина до меня из военных сфер дошли сведения, что ревельский начальник дивизии после 17 октября сидит у себя на квартире и охраняется часовыми. Я как-то сказал об этом Великому Князю, но тот ответил, что этого не может быть, что он хорошо знает этого начальника дивизии. Но почему-то в скором времени все-таки послал одного генерала... произвести ревизию в Ревеле, и оказалось, что то, что я слышал о сказанном начальнике

дивизии, в известной мере правильно. И тем же Великим Князем тот был устранен от ревельского поста».

Любопытно, что в середине октября 1905 года в Ревель был назначен еще один начальник — генерал-губернатор генерал-лейтенант П.Н. Воронин. Он приехал в город лишь 16-го и 20-го написал жене письмо, которое известно. В нем, в частности, говорится: «...14-го и 15-го, еще до меня в городе были беспорядки, грабили лавки, разбили все винные магазины и сожгли деревянный театр, потушив газовое освещение. 16-го я занял войсками пункты по моему усмотрению. Ночью после этого было нападение небольшое на пороховой погреб, отбитое огнем. К 6 часам вечера собралась многотысячная толпа на русский рынок. Губернатор (это был Лопухин. — *Примеч. ред.*) приказал разогнать ее оружием. После долгого предупреждения полицмейстера разойтись, толпа его не послушалась и открыла огонь из револьверов. Войска ответили огнем, нанеся потери в 171 человек раненых и убитых. На площади дума (Ревельская городская дума. — *Примеч. ред.*) поставила крест и сегодня демонстративно хоронила убитых. Дума напечатала постановление против губернатора и войск».

Из этого письма видно, что губернатор А.А. Лопухин вовсе не «сдал власть революционерам», как его обвиняли, а действовал достаточно решительно. К слову: генерал-губернатор Воронин был снят с должности вскоре после Лопухина и начальника дивизии и стал, выйдя в отставку, издателем прекрасного исторического журнала «Русская старина»...

Но существует еще одна версия ревельских событий, рассказанная самим Алексеем Александровичем. Не вступая в противоречие с данными Воронина, Лопухин тем не менее отвергает «упрощенчество» графа Витте. Вот что пишет он в своей мемуарной книжке 1923 года:

«В попытке восстановить истину я начну, чтобы скорее с этим покончить, с эпизода в рассказе Витте о моем увольнении от должности эстляндского губернатора. Основания к этому увольнению были гораздо глубже, чем «недоразумения между двумя начальствующими петухами», как говорит Витте.

15 октября 1905 года в Ревеле вспыхнули крупные беспорядки. Они носили далеко не революционный характер, это был просто погром, произведенный подонками населения, которые воспользовались темнотой на улицах из-за остановки газового завода — тогда шла всеобщая забастовка. Небольшое количество войск, все из старых резервистов, только что оторванных от сельских работ, первые начали разгром винных лавок. Полиция, бессильная что-либо сделать, попряталась. Положение создалось очень грозное. Между

тем чувствовалось по характеру уличной толпы, что для прекращения беспорядков не было надобности в каких-либо исключительных мерах. Достаточно было появления какого-либо внешнего фактора, который воздействовал бы не грубой силой, но спокойной уверенностью в своей авторитетности. Я вызвал городского голову Гиацинтова и поручил ему созвать экстренное заседание городской думы и предложить ей от моего имени организовать охрану города милицией из населения с тем, чтобы в нее вошла и городская полиция. Дума поняла серьезность положения и одобрила предложенную мною меру, резонно добавив, что в общественной охране порядка в городе должны участвовать все слои населения. Представители думы отправились на проходивший тогда митинг рабочих, в нем принимало участие едва не все рабочее население Ревеля. Рабочие согласились с моим планом... После этого не прошло и часа, как патрули от населения появились на улицах. Одного их появления было довольно, чтобы порядок водворился полный, при этом не было произведено ни одного выстрела. Порядок продолжался еще два дня, пока в Ревель не приехал начальник с присланными из Петербурга войсками. Он без согласования со мной выслал на улицы военные патрули. У одного из них произошла стычка с патрулем из граждан города. В итоге — толпа на площади в центре Ревеля. Против нее выслали воинскую команду. Встреча с ней горожан кончилась массой, более ста человек, убитых и раненых...

Я понимал, что народные патрули мне даром не пройдут. Я не ошибся. Не прошло и недели, как я был вызван в Петербург. Министр П.Н. Дурново мне объявил, что по Высочайшему повелению я уволен от должности губернатора за то, что «сдал город революционерам»...»

Получив отставку, А.А. Лопухин вернулся в свою Москву в самый разгар формирования политических партий, разрешенных Государем Манифестом от 17 октября 1905 года, и сразу же вступил в партию «Народной свободы» или конституционно-демократическую партию, членом которой коротко называли «кадетами». Вместе с ним вступил в эту партию и брат его жены князь Урусов, оба они стали видными кадетами и пользовались немалым авторитетом в своей партии.

По тем временам конституционно-демократическая партия, главным вождем которой был университетский профессор историк Павел Николаевич Милюков, была самой уважаемой среди первых политических партий России. Кроме того, она была самой первой. Случилось так, что Милюков и его соратники созвали учредительный съезд еще до Манифеста 17 октября, решив организовать ее как бы

подпольно, и объявление Манифеста о даровании гражданских свобод пришлось на последний день этого съезда. Таким образом, партия смогла начать работать уже на следующий день после провозглашения Государем гражданских свобод.

Стремления конституционно-демократической партии отвечали убеждениям самого Лопухина. И он деятельно включился в партийную работу. Один из современников А.А. Лопухина в своих записках отмечает, что «так как он был специалистом по всяким розыскам и вообще по делам секретной полиции, то он занимался в этой партии специально вопросами сыска, то есть контролем над тем, что делает секретная полиция, ибо уже тогда вполне обнаружилось, что секретная полиция не брезгает никакими средствами для расправы с теми, кого она считает своими врагами...».

Именно к этому времени относится уже рассказанная история с ротмистром Комиссаровым и распространением провокационных программных прокламаций. Именно в это время А.А. Лопухин написал весьма популярную в свое время книгу «Настоящее и будущее русской полиции» (1907), в которой пытался определить пути своевременного реформирования этого инструмента власти.

В этом же новом качестве своем — как бы общественного контролера за деятельностью полиции — Алексей Александрович стал героем одного из самых громких политических скандалов первого десятилетия XX века. Случилось так, что он оказался едва ли не ключевой фигурой в разоблачении известного двойного агента, провокатора и террориста Евно Азефа.

Но прежде чем начать рассказ об этом, придется напомнить читателю о самом Азефе и его роли в событиях, потрясавших Россию в первые годы нашего столетия.

Способный юноша из бедной еврейской семьи Евно Мейер Фишелевич Азеф родился в Ростове-на-Дону в 1869 году, учился там в реальном училище, затем, раздобыв каким-то образом нужную сумму денег, поехал учиться в Германию, в Политехническую школу в Карлсруэ. Там училось несколько десятков молодых людей из России. Среди них и начал «работать» Азеф, ставший платным тайным сотрудником секретной полиции еще в 1892 году. Для этого он вступил в студенческую социал-демократическую группу, но уже через три года стал членом Союза русских социалистов-революционеров. Вернувшись в Россию, Азеф сразу же примкнул в Москве к Северному союзу социалистов-революционеров, которые выпускали газету «Революционная Россия». Азеф выдал ее подпольную типографию полиции, но никаких подозрений не вызвал. Более того, ему поручили

войти в сношение с Южным союзом социалистов-революционеров. Он энергично взялся за дело, вместе с известным революционером и террористом Г.А. Гершуни объединил обе организации и в 1901 году стал едва ли не во главе новой партии социалистов-революционеров (эсеров), которая провозгласила себя продолжателем дела «Народной воли». Вместе с Гершуни Азеф создал и возглавил так называемую «боевую организацию» партии, которая готовила и осуществляла покушения на видных деятелей Империи, а после ареста Гершуни полицией (видимо, это случилось не без помощи Азефа) он стал единственным главой «боевой организации», и тут его террористическая деятельность достигла вершин. Список жертв Азефа открывает министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин. Но привести этот список целиком невозможно, поскольку это заняло бы слишком много места.

Любопытно, что все это двурушник Азеф творит, оставаясь платным агентом полиции, приобретая в ее глазах все больший вес и получая все более высокое содержание. Он строго и расчетливо «дозирует» информацию, которую передает полиции, с тем, чтобы так называемые «провалы» эсеровских боевиков выглядели естественными «издержками производства», а не результатом его предательства, но чтобы и ЦК его партии, членом которого он стал, был удовлетворен ходом террористических акций. Полиция считала его в высшей степени полезным агентом, не подозревая, что многие громкие убийства государственных деятелей являются делом рук их тайного сотрудника. Азефу довольно долго удавалось обманывать и полицию, и свою партию. В последней же он приобретал все больший вес и авторитет.

Алексей Александрович Лопухин конечно же знал об Азефе и даже лично встречался с ним. Понимая всю полезность такого осведомителя, он все же считал недопустимым сговор правительственного учреждения, каковым являлась полиция Империи, с членом ЦК партии, которая ведет террористическую борьбу против этого же правительства. Лопухин, не забудем, был юристом, весьма уважавшим законы, и нарушать их, сидя в высоком чиновничьем кресле, считал для себя неприемлемым. Любопытно свидетельство министра внутренних дел князя Святополк-Мирского, который позже, когда Лопухина обвинили в провале Азефа и судили, свидетельствовал, что в 1904 году «подчиненный ему директор Департамента полиции Лопухин докладывал ему, что сотрудник Азеф вступил в Центральный комитет партии с.-р. и что поэтому он предложил бы отказаться в будущем от его услуг. Лопухин находил, что подобное

сочетание функций члена центрального комитета революционной партии и правительственного агента не может быть терпимо в современном государстве и является вопиющим противозаконием».

Эта цитата взята из небольшой книжки Жана Лонге и Георгия Зильбера «Террористы и провокаторы», которая вышла в Париже в 1909 году по свежим следам событий, когда были живы и действовали все персонажи этой исторической драмы. Нет оснований сомневаться в справедливости их утверждений, поэтому мы еще раз можем убедиться в том, каким последовательным сторонником законности был наш герой. Пусть тогда Лопухину не разрешили прервать связь с Азефом, пусть грязная деятельность этого двойного агента продолжалась, но позиция Алексея Александровича в этом деле для нас ясна.

Думается, что она стала убедительной и для высшего руководства Министерства внутренних дел после печальных событий начала 1905 года, когда в Москве взрывом бомбы, брошенной террористом Каляевым, был буквально разорван на куски Московский генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович. И это убийство было задумано, спланировано и организовано Азефом. Конечно, полицию он об этом не предупредил, желая этим громким терактом окончательно утвердить себя в качестве незаменимого руководителя «боевой организации» эсеров.

Однако и над Азефом стали понемногу сгущаться тучи. Тогда он не знал, что известный журналист Владимир Львович Бурцев, также состоявший в то время в партии социалистов-революционеров, ведет большую работу по выявлению в революционной среде полицейских провокаторов. Он разоблачил на страницах журнала «Былое» уже не одного мелкого агента полиции в рядах своей партии. На мысль заняться изучением деятельности Азефа его навел случай: однажды в редакцию «Былого» в Петербурге пришел молодой человек, который представился сотрудником полиции, готовым помочь Бурцеву в разоблачении провокаторов. Это был некто Михаил Бокай, служивший в полиции, действительно много знавший и ставший впоследствии ценнейшим помощником издателя «Былого» в его борьбе с полицейскими провокациями. Этот Бокай и представил Бурцеву первые сведения о двойной игре Азефа. Журналисту было трудно поверить в то, что предателем является чуть ли не самый популярный и уважаемый член руководства партии эсеров, но он решил продолжить поиски. И постепенно перед ним стала раскрываться чудовищная картина организации террора против высших чиновников Империи, который велся едва не с ведома ее полиции. Бурцев стал проверять некоторые

факты, которые прежде казались ему подозрительными, и выяснил, что почти в каждом случае всплывало имя Азефа.

Полиция тем временем установила факт связи Бокай с Бурцевым, Бокай был арестован, а Бурцев уехал за границу и с 1907 года неизменно жил в Париже. Там он суммировал имеющиеся у него сведения, обобщил доказательства виновности Азефа и открыто выступил против него перед ЦК партии эсеров. Весной 1908 года Бурцев официально обвинил Азефа, который также находился в Париже. Но вера в Азефа у его товарищей по партии была так велика, что Бурцеву не поверили. Однако была создана «комиссия по расследованию провокаций». Бурцев продолжал настаивать на своем и пригрозил опубликовать улики против Азефа в печати. Тогда руководство партии назначило специальный суд, которому поручалось рассмотреть это невероятное дело и назвать виновного — Бурцева или Азефа.

Суд этот состоялся в октябре 1908 года в Париже, фактически обвиняемым был Бурцев, которого считали клеветником, а может быть, и полицейским наемником, призванным опорочить одного из крупнейших эсеров. Судей было трое — невозможно было представить себе тогда более авторитетную тройку из состава партии. Это был известный анархист князь-рюрикович Петр Алексеевич Кропоткин, друг и переводчик Маркса народоволец Герман Александрович Лопатин и, пожалуй, самая популярная в революционной среде женщина Вера Николаевна Фигнер. Вот этим корифеям русского революционного движения и предстояло определить, кто прав: Азеф или Бурцев.

И тут мы снова возвращаемся к Алексею Александровичу Лопухину. Состоялась случайная и, как уверяют, совершенно неожиданная для обеих сторон встреча Лопухина и Бурцева в поезде, идущем по германской земле. Оба оказались в одном купе экспресса Берлин—Кельн. Поскольку они были знакомы и ранее по редакции «Былого», Бурцев решил воспользоваться случаем и рассказал Лопухину все, что он узнал о двойной игре Азефа. Вот как позже сам Бурцев рассказывал об этом разговоре: «Когда я кончил описывать Лопухину ту страшную роль, которую провокатор одновременно играл среди революционеров и среди охранников, я мог заметить, что мои слова произвели на него ошеломляющее впечатление. Я, как теперь, вижу его искаженное от ужаса лицо, чувствую его волнение, граничащее с ужасом, страхом перед совершившимся грандиозным непоправимым преступлением...» В конце разговора Лопухин признался Бурцеву, что «несколько раз встречался с инженером Евно Азефом».

...Во всех материалах, которые я читал по этому делу, не подвергается сомнению случайность встречи Лопухина и Бурцева в поезде. Но я бы позволил себе усомниться в этом. Бурцев был неплохим конспиратором, умел следовать к цели любыми доступными ему путями и вполне мог «организовать» встречу в поезде с Лопухиным. Достаточно вероятно, что он узнал о поездке Лопухина в Европу, выяснил, когда и в каком поезде он поедет, и специально взял билет в тот же поезд. Если же согласиться с версией о «случайности» этой встречи, нельзя не сказать, что сам Бог послал Бурцеву бывшего директора Департамента полиции в соседни по вагонному купе. Потому что именно этот разговор с Лопухиным привел к окончательному и полному разоблачению Азефа.

Суд очень внимательно выслушал все, что рассказал ему Бурцев, включая и разговор с Лопухиным в вагоне, и постановил прервать свои заседания. Как выяснилось позже, ЦК партии эсеров, учитывая особую важность расследования и необходимость проверки всех показаний Бурцева, решил направить в Петербург специальную группу членов ЦК, которые должны были встретиться с Алексеем Александровичем Лопухиным и в разговоре с ним выяснить правду. Однако и Азеф узнал об этом решении суда и, сказавшись утомленным переживаниями, заявил, что едет отдохнуть в Германию. Однако на самом деле он срочно отправился в Петербург.

Вот что сообщает об этой поездке Азефа в русскую столицу изданная в Париже в 1909 году книжка «Террористы и провокаторы», о которой мы уже упоминали: «Сейчас же по приезде он помчался к Лопухину, чуть ли не насильно ворвался в его квартиру и, очутившись перед бывшим директором Департамента полиции, стал умолять не губить его и не называть его, Азефа, имени эмиссарам социалистов-революционеров, которые к нему явятся за справками. Лопухин с безгласностью и высокомерием потребовал, чтобы тот удалился... Но Азеф настаивал...Тогда жена Лопухина, слышавшая весь разговор из смежной комнаты, вошла в кабинет и, приблизившись к провокатору, бросила ему в лицо презрительную фразу: «Если мой муж откажется открыть, кто вы такой, то я сама все скажу...» Азеф удалился, но не отказался от своего плана. Еще более встревоженный и напуганный, окончательно потеряв голову, Азеф отправился к начальнику Петербургского охранного отделения полиции генералу Герасимову и уговорил его поехать к Лопухину, чтобы дать ему понять, какие важные последствия могут иметь для него компрометирующие ответы, которые он даст эмиссарам революционеров. У Лопухина разыгралась бурная сцена. Не обращая внимания на удивленный и высоко-

мерный вид, с каким его приняли, Герасимов стал требовать от Лопухина, чтобы он формально обязался ничего не говорить об Азефе, выдача которого является государственной тайной. Не добившись результата, генерал, наконец, не выдержал и, придя в неистовое бешенство, с угрозой крикнул: «Вы, видимо, забыли, что охрана еще существует...»

Угроза была достаточно определенной.

В тот же день Алексей Александрович Лопухин направил письмо тогдашнему председателю Совета Министров Петру Аркадьевичу Столыпину:

«Милостивый государь Петр Аркадьевич!

Около 9 часов вечера 11 сего ноября ко мне на квартиру в доме № 7 по Таврической улице явился известный мне в бытность мою директором Департамента полиции...»

Алексей Александрович подробно рассказал в письме премьер-министру о визите Азефа и о посещении генерала Герасимова, о просьбах и мольбах первого и об угрозах последнего и закончил письмо следующими словами: *«Считая своим долгом довести обо всем этом до сведения Вашего Превосходительства, покорнейше прошу оградить меня от назойливости нарушающих мой покой, а может быть, и угрожающих моей безопасности действий агентов политического сыска.*

В случае, если Ваше Превосходительство найдет нужным повидать меня по поводу содержания настоящего письма, считаю своим долгом известить Вас, что 23 сего месяца я намереваюсь выехать из Петербурга за границу на две недели по своим личным делам.

Прошу Ваше Превосходительство принять выражения моего уважения.

А. Лопухин

21 ноября 1908 г.».

Осведомителей у эсеров было достаточно. В парижском ЦК узнали, что Азеф вовсе не отдыхал в Германии, а ездил в Петербург, узнали о его визите Лопухину и даже о том, что в конце ноября Лопухин уезжает по своим делам в Лондон. Необходимость предпринимать опасную для революционеров поездку в Петербург отпала.

В середине декабря, когда Алексей Александрович, завершив свои дела в Англии, уже собирался возвращаться в Россию, в Лондоне к нему в гостиницу пришли три крупнейших представителя эсеровского руководства: один из основателей партии и будущий министр Временного правительства Виктор Михайлович Чернов, Борис Викторович Савинков, также член будущего Временного правительства и

крупный революционер Павел Александрович Аргунов. Визитеры задали Лопухину только один вопрос и спросили, понимает ли он всю важность правдивого ответа на него. Лопухин ответил, что считает вопрос об Азефе слишком крупным и важным, чтобы оставить его открытым. Алексей Александрович ясно и недвусмысленно заявил, что в бытность свою директором Департамента полиции он лично находился в служебных отношениях с Евно Азефом.

...Многие задавались вопросом: почему Лопухин выдал партии эсеров полицейского провокатора Азефа, зная, что Министерство внутренних дел против такого разоблачения? Иные считали этот поступок Лопухина чуть ли не мезьоту отставного чиновника властям за прерванную карьеру... Убежден, что дело было в другом. Ключ к разгадке этой тайны лежит в характеристике Азефа, прозвучавшей из уст Лопухина во время его беседы с генералом Герасимовым, об этом напряженном разговоре между ними мы уже упоминали. Лопухин сказал тогда: «Вся жизнь этого человека — сплошные ложь и предательство. Революционеров Азеф предавал нам, а нас — революционерам. Пора уже положить конец этой преступной двойной игре».

Молчать о двурушничестве Азефа было безнравственно, и Алексей Александрович, как честный и порядочный человек, считал делом совести вывести на чистую воду негодяя, тем более что тем самым он предотвращал новые террористические акты.

Так закончилась «карьер», пожалуй, самого знаменитого провокатора и двойного агента. Узнав о результатах беседы членов ЦК с Лопухиным, он скрылся, позже, как говорят, жил в Германии и скончался в 1918 году. История Азефа закончилась, но для Алексея Александровича «дело Азефа» только начиналось.

18 января следующего, 1909 года А.А. Лопухин был арестован в Петербурге, и ему было предъявлено обвинение «в преступных сношениях с революционерами и в принадлежности к их сообществу». И арест, и предъявление обвинения были обставлены с большой помпой: на Таврическую улицу, где он жил, прибыли крупные наряды жандармерии и полиции, был обыск, обыски провели и у ближайших друзей Лопухина. В Государственную Думу тут же было внесено два депутатских запроса об этом деле, появились статьи в газетах... А через два месяца «дело бывшего директора Департамента полиции Лопухина» было передано в Особое судебное присутствие Сената. Прокурор пытался представить дело таким образом, будто «бывший полицейский чиновник высокого ранга был агентом революционеров в своем департаменте». Председателем суда был назначен сенатор Варварин, которого начальство продвигало тогда

в члены Государственного Совета и искало случая дать ему громко «отличиться». Дело же Лопухина обещало быть именно таким. Его всеми способами пытались сделать «громким» и разоблачительным. Позволю себе еще раз обратиться к «Воспоминаниям» графа Витте: «Лопухин был судим особым присутствием Сената, а Варварин для того, чтобы отличиться, был назначен председателем этого присутствия. Он и отличился, присудив Лопухина к каторжным работам, и только общее присутствие Сената уменьшило это наказание, заменив его ссылкой. Все же, по моему мнению, да и по мнению компетентных юристов, Лопухин мог быть присужден — хотя его проступок прямо законом не предусмотрен, — при соответствующем применении законов, самое большое на несколько месяцев тюремного заключения. Со своей стороны защищать Лопухина я никоим образом не хочу, так как о Лопухине я довольно отрицательного мнения... тем не менее я не могу не сказать, что над Лопухиным был устроен суд крайне несправедливый, и недаром суд этот называли «судом Варваринным». Недавно я слышал от члена Совета Министерства внутренних дел, бывшего очень близким к Столыпину, что после осуждения Лопухина Столыпин передал Варварину из секретных сумм 5 тысяч рублей».

Мнение такого опытного и знающего государственного мужа, каким был граф Сергей Юльевич Витте, о суде над Лопухиным не оставляет сомнений в том, что это была всего лишь мезьоту Министерства внутренних дел, которое усмотрело в действиях Алексея Александровича выдачу своих профессиональных секретов, разглашение служебной тайны. И снова, в который уже раз, мы убеждаемся в том, что А.А. Лопухин не мог поступиться своими принципами, даже если в результате ему грозили крупные неприятности. Иные назовут это упрямством, другие могут счесть нашего героя просто твердолобым и не умеющим маневрировать, третьи считали его поведение профессионально неэтичным и даже неумным. И лишь немногие в те дни жгучего накала борьбы между правительственными силами и революцией усмотрели в позиции Алексея Александровича Лопухина прежде всего честность, порядочность и принципиальность. Таким его воспитала семья, таким он оставался всегда, даже на самых крутых поворотах своей карьеры и биографии. А революционеры, некоторые из которых поспешили объявить Лопухина «своим», очень быстро разочаровались: Алексей Александрович сразу же дал понять, что не имел, не имеет и не желает иметь ничего общего с революционным движением, а тем более с террористами из эсеровской партии.

Почти четыре года провел Лопухин в ссылке — сначала в Минусинске, потом в Красноярске. Он был Высочайше помилован и восстановлен в правах в феврале 1913 года. Последние годы перед революцией Алексей Александрович занимался адвокатурой, банковской деятельностью, а переехав в годы войны из Москвы в Петербург, стал даже членом правления Международного банка и специалистом в области финансирования предпринимательской деятельности. Он немало зарабатывал, был хорошо принимаем в обществе и вхож в светские гостиные. Арест и ссылка не поколебали мнения о нем как порядочном, честном, достойном человеке. Он продолжал работать в кадетской партии. Отречение Государя и падение Империи встретил как должное, он полагал, что в России начинается новая светлая жизнь в условиях свободы, равенства и братства всех...

Конец иллюзиям положил октябрьский переворот. Лично Лопухина большевики не тронули на первых порах, и начальные репрессии миновали его — то ли случай, то ли считали его тоже «жертвой царизма», как-никак, а в ссылке был... Алексей Александрович жил в Москве, хотел работать, известно, что даже пытался обсуждать с новыми властями какие-то банковские проблемы, но, скорее всего, безуспешно, во всяком случае, никакого продолжения это не возымело.

Летом 1918 года, когда в Москве был убит германский посол граф Мирбах, А.А. Лопухин среди других «бывших» был взят в заложники и больше месяца сидел в тюрьме. Потом его выпустили.

Алексей Александрович пытается в это время восстановить свой архив и свои мемуары, которыми он очень дорожил, но которые не пережили революционных дней. Он писал: «...воспоминания мои и материалы к ним погибли вместе с моими домашними вещами в острый период текущей революции». Это случилось в Петербурге, когда сторел дотла дом, в котором жила семья. Он пытался восстановить утраченные документы и листы рукописи. В 1922 году эта работа получила новый стимул: появились в Москве томики «Воспоминаний» графа С.Ю. Витте, о чем мы уже писали. Алексей Александрович не снес некоторых несправедливостей, которые содержались, с его точки зрения, у Витте, и решил ответить. Так появилась его небольшая мемуарная книжка «Отрывки из воспоминаний». Пока в рукописи.

По иронии судьбы как раз в то время государственное издательство вознамерилось издать записки С.Ю. Витте в Москве, считая, видимо, их полезными для своей пропаганды — как-никак бывший министр поносит и чернит Императора Николая II. Инициатором издания Витте в Москве был крупнейший тогда идеолог и больше-

вистский пропагандист, «красный историк и профессор», как его называли, М.Н. Покровский, известный также как член ВЦИК, член ЦК партии большевиков с 1907 года и, как оказалось недавно, автор знаменитой «Записки Юровского»... Вот до этого Покровского и дошли слухи, что бывший директор Департамента полиции Лопухин написал нечто, что опровергает и разоблачает записки Витте. Он счел полезным напечатать сразу обе книжки, где царские чиновники поносят друг друга. Он же написал и предисловия к обеим. Так, в 1923 году одновременно с выходом «Воспоминаний» С.Ю. Витте появилась и книжечка А.А. Лопухина, причем весьма большим для того времени тиражом в 15 тысяч экземпляров.

Надо думать, прочитав предисловие к своим «Отрывкам из воспоминаний», Алексей Александрович ужаснулся. Во всяком случае, эта книжка оказалась последним, что он сделал на Родине. Вскоре после ее выхода он обратился к властям за разрешением выехать за границу. Времена были еще либеральные, и разрешение было дано. Лопухины — он сам, его жена и две дочери — уехали во Францию. Через пять лет, в начале 1928 года, Алексей Александрович Лопухин скончался в Париже. Его супруга Екатерина Дмитриевна, урожденная княжна Урусова, последовала за ним два года спустя. А девочки Лопухины благополучно вышли замуж, и их потомки — конечно, под другими фамилиями — по сей день живут в нескольких странах Старого и Нового Света. Так закончилась история этой семьи.

...Нельзя не признать, что А.А. Лопухин оставил по себе в истории России странную память. И его современники, и те, кто писал о нем позднее, вспоминали его либо в связи со службой в Департаменте полиции, либо в связи с разоблачением Азефа. Но главным полицейским Империи он был менее трех лет, а его роль в деле Азефа была лишь поступком человека, не желающего поощрять предательство и предателя. Если же мы отвлечемся от этих двух страничек его биографии, то должны будем признать, что Алексей Александрович Лопухин, как и каждый на этой земле, делал ошибки, но оставался хорошим юристом и полезным для России деятелем, а прежде всего — честным и порядочным человеком. А это — немало!

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ

Среди выдающихся Лопухиных двадцатого столетия нельзя не упомянуть человека, сделавшего попытку повторить в наше время подвиг сусанинского звучания — спасти своего Царя. Это был ротмистр Сумского гусарского полка Михаил Сергеевич Лопухин.

Мы не станем рассказывать о неудавшейся, но трогательной по чистоте порыва и патриотическому долгу попытке выволочить из сибирского плена Государя Николая II и Его Семью. О ней подробно рассказал участник группы, готовившейся освободить Царя, офицер лейб-гвардии Конно-гренадерского полка князь Александр Евгеньевич Трубецкой. Он был младшим сыном знаменитого русского философа Евгения Николаевича Трубецкого и братом известного мемуариста Сергея Евгеньевича. После провала попытки освободить плененного Императора князь Александр Евгеньевич воевал в Добровольческой армии, затем эмигрировал во Францию, где работал шофером такси, и скончался в 1968 году. Воспоминания были написаны в 1932 году, когда были живы многие участники событий и их родственники, жившие в России. Оглашение имен участников попытки освободить Царя тогда могло повредить многим. Поэтому автор обозначил действующих лиц драмы лишь первыми буквами их фамилий. Мы воспроизводим здесь полный текст мемуара князя Александра Евгеньевича по его публикации в альманахе «Дворянское Собрание» (№ 2 за 1995 год) без малейших изменений, но заменили буквы полными именами людей, которые нам известны.

Перед тем как передать слово князю А.Е. Трубецкому, несколько слов о герое этого повествования М.С. Лопухине.

Михаил Сергеевич родился в 1889 году в Тульской губернии в многодетной семье крупного юриста Сергея Алексеевича Лопухина,

который после окончания Московского университета занимал ряд видных должностей в судебном ведомстве. О братьях и сестрах Михаила Сергеевича будет рассказано в очерке, посвященном его брату Петру Сергеевичу, который помещен сразу же вслед за этим.

Так же, как отец и дед, Михаил Сергеевич окончил юридический факультет Московского университета и начал было служить по судебному ведомству. Дальнейшую жизнь изменила война. В 1914 году он поступил вольноопределяющимся в Сумской гусарский полк, участвовал в сражениях, за подвиги на поле боя заслужил два Георгиевских креста — IV и III степени, был произведен в офицерские чины, в 1915 году стал поручиком, в конце 1916-го — он уже ротмистр. После развала армии вернулся в Москву, участвовал в подпольном анти-советском движении, был членом офицерской организации известного «Союза защиты Родины и свободы», основанного Б.В. Савинковым. В составе группы верных присяге офицеров участвовал в попытке освободить из большевистского плена Государя Николая II и Его Семью. После неудачи возвратился в Москву, где в июне был схвачен агентами ВЧК. Как говорили, у чекистов не было доказательств его антисоветской деятельности, и они готовы были выпустить Лопухина на свободу, если он даст слово не участвовать в борьбе против большевиков, но тот отказался дать такое обещание. Михаила Сергеевича расстреляли...

В Москве, на предполагаемом месте расстрела и погребения его, на Ваганьковском кладбище в 90-е годы установили памятник М.С. Лопухину и его павшим соратникам по Белой борьбе. На цоколе высечены имена погибших от руки большевиков.

Следственное дело М.С. Лопухина — две-три странички — до сих пор хранится в Центральном архиве ФСБ России.

А теперь — обещанное.

«Князь А.Е. Трубецкой

КАК МЫ ПЫТАЛИСЬ СПАСТИ ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ

(история одной попытки)

Было, как известно, несколько планов и несколько попыток спасения Государя Николая II и Его Семьи из рук большевиков. В одной из таких попыток мне пришлось участвовать, но не в качестве инициатора или организатора, а в скромной роли рядового исполнителя. Обстоятельства, равно как и несовершенство плана, не позволили привести его в исполнение, что весьма и весьма прискорбно. Но важен, однако, и самый факт такой попытки, и то, что

нашлось много людей, как из военных, так и из штатских, готовых на все, чтобы спасти своего Государя, и согласно присяге верно послужить Царю и Родине. Не их вина, что надеждам не суждено было исполниться.

Всё, связанное с попыткой спасти Государя, было, конечно, окутано тайной, ибо малейшая неосторожность могла погубить не только нас самих, но — что самое главное! — стоить жизни Царской Семье или, во всяком случае, ухудшить условия Ее заключения и затруднить другие попытки спасения. И после гибели Царской Семьи мы должны были хранить тайну — ради собственной безопасности. И теперь, через 14 лет (воспоминания написаны в 1932 году. — Примеч. ред.), обо многом еще нельзя писать, многих нельзя называть, так как иные находятся в пределах СССР, а другие имеют там родственников. Вместе с тем многое начинает изглаживаться из памяти: забываются в основном даты, места, в которых приходилось бывать, роль и работа каждого, последовательность событий. Поэтому меня не раз просили написать, пока не поздно, воспоминание о нашей неудавшейся попытке — о поездке в Сибирь, о самой организации дела. Вот я и решил записать то, чему был свидетелем, о чем достоверно знаю.

Я не первый пишу об этом. В XVII томе «Архива Русской Революции» имеется статья К. Соколова, озаглавленная «Попытка освобождения Царской Семьи. Декабрь 1917 г. — февраль 1918 г.». Штаб-ротмистр Соколов с двумя другими офицерами был командирован в Тобольск для разведки и подготовки освобождения и вывоза Царской Семьи и описывает главным образом свою работу. Я же хоть и участвовал в той же самой попытке, но принадлежал к другой группе с другими задачами, и действовать мне приходилось в других местах. Итак — по порядку.

...В конце сентября 1917 года на фронте подчиненные мне «товарищи» выразили мне «доверие». Пришлось покинуть свой родной лейб-гвардии Конно-гренадерский полк. Я поехал в Москву. Там меня застало выступление большевиков. Явившись, как доброволец, в Александровское военное училище, я участвовал в городских боях с ними.

В Москве вскоре стали формироваться конспиративные офицерские организации для борьбы с большевиками. Одна из них была чисто монархическая. Впоследствии она вошла в связи с Добровольческой армией на Юге России, но в этот период была еще в зачатке. Меня туда привлек мой большой друг, ротмистр Сумского гусарского полка Лопухин. Хотя по личному доверию ко мне он на-

звал имена некоторых генералов, возглавлявших организацию (с некоторыми мне иногда приходилось встречаться), но по условию конспирации я был подчинен непосредственно лишь Лопухину. От него я получил задачу завербовать в группу офицеров-монархистов, заслуживающих полного доверия, и стать начальником этой группы. Впоследствии, уже после описываемой поездки в Сибирь, организация стала делиться на десятки, пять десятков сводились в отряд, и каждый рядовой член организации знал лишь свой десяток и начальника отряда. Я командовал десятком. Но в описываемый период организация, помнится, еще не оформилась в правильные единицы. В моей группе было около 10 человек. Работы пока не было, но мы держали связь и должны были быть готовы выступить при первой возможности по приказанию начальника.

В начале января 1918 года ко мне пришел Лопухин и объявил, что существует план вывоза из Тобольска Государя, Наследника и всей Семьи. Государь дал свое согласие на вывоз, но во всяком случае Он отрекается от Престола, не хочет покидать пределов России и расставаться с Наследником. Оба Они должны быть скрыты в самой России. Государыня и Великие Княжны будут вывезены за границу, в Японию.

Инициатива этого плана исходила не от военной организации, в которую мы входили. Инициатором был присяжный поверенный Полянский, который будто бы заручился поддержкой видных государственных деятелей и французского посла Нуланса, обещавшего поддержку как моральную, так и материальную — денежные средства.

План действия был таков: отряд гардемарин, состоящий в организации, должен был прибыть в Тобольск с подложными бумагами, якобы на смену караула при Царской Семье. Если караул окажется смениться, гардемарины применяют силу. Государыня и Великие Княжны едут на Восток и далее в Японию. Подробности были разработаны, но нас не касались и нам не сообщались. Государь и Наследник на лошадях должны были быть доставлены в Троицк, в область Оренбургского Казачьего Войска. Государь и Наследник поедут инкогнито: Государь — бритый, под видом французского гувернера при мальчишке из богатой семьи. Город Троицк, согласно этому плану, считался надежным местом: Оренбургское Казачье Войско, как ожидалось, большевиков якобы никогда не признает и не пустит. Настроено оно монархически, и даже если инкогнито будет раскрыто, что весьма вероятно, то опасности нет. Кроме того, при Государе и Наследнике должна была состоять негласная охрана из верных офицеров в числе 10—12 человек.

Руководить этой охраной поручалось Лопухину. Мне он предложил выбрать для охраны из моей группы пять человек — другие пять будут из другой группы. Для членов организации участие в этой попытке не считалось обязательным. Каждый должен был узнать о плане лишь в самых общих чертах и сам по совести решить, верит он в дело или нет и считает ли себя на него способным. Сообщалось о плане, конечно, под честным словом строгой тайны.

Решение для каждого было нелегким. С одной стороны, естественны были сомнения — не провокация ли все это или легкомысленная авантюра, которая без пользы может стоить жизни каждому из нас и, главное, тем, кого мы хотим спасти и уберечь. С другой — все мы понимали важность конспирации и не могли требовать ознакомления со всеми деталями и с возглавителями организации. Предстояло решиться и на деле доказать, что мы способны на настоящее дело, во имя которого и организовались.

Выезжать из Москвы надо было через три дня, 10 января. Я тотчас же приступил к вербовке офицеров своей группы, говорил с ними совершенно откровенно, предупреждая как об ответственности решения, так и о личной опасности, которая нам может грозить. Конечно, были большие волнения, но найти желающих и готовых ехать не представило труда.

В мою группу со мной входили шесть человек. Из предосторожности решено было не ехать всем вместе, и даже не всем в один день и разными маршрутами. Нам был назначен выезд 10 и 11 января через Вятку, Пермь, Екатеринбург, Челябинск. Четверо, и я в том числе, весьма сплоченная компания, выезжали 10-го, двое — 11-го. Другая группа выезжала тоже разделившись. Сам Лопухин ехал через Уфу — Оренбург. Он снабдил всех нас пустыми бланками отпускных удостоверений с печатями от двух воинских частей. Оставалось вписать имена, фамилии и вымышленные подписи командира и адъютанта части.

Кто поставил свое настоящее имя, кто — фальшивое и чин с пометкой «бывший». Чины были уже отменены, но в удостоверениях в ходу были «бывший поручик», «бывший капитан» и т. д. Офицерские чины тогда скрывать еще не приходилось, да и трудно было их скрыть, так как внешний вид и полушубки отделяли нас от «товарищей». В то время поезда были забиты воинскими чинами, возвращавшимися по домам, хотя мир еще и не был заключен. При этом все ехали бесплатно.

Выехали мы 10 января с Ярославского вокзала. Классных вагонов не было, и мы забрались в теплушку. Прибыв заблаговремен-

но, заняли места на верхних нарах; там и теплей, и можно было лежать. К отходу поезда солдат и мужиков набрался полный вагон и внизу была страшная давка, а в дороге народу еще прибавилось...

Много любопытных разговоров и бытовых сцен нам пришлось видеть и слышать, как во время этого путешествия, так и в дальнейших наших странствиях по Сибири.

Рано утром, кажется, 17 января, прибыли в Челябинск. От Челябинска было совсем недалеко до места нашего назначения, и мы рассчитывали, что там уже не будет большевиков. Разочарование наше было велико: на вокзале Челябинска — те же красногвардейские караулы, те же толпы солдат, бегущих с фронта, и мужиков, едущих в Сибирь за хлебом. Не похоже было, что где-то близко уже не было советской власти. На вокзале в ожидании поезда из случайного разговора мы узнали, что и Троицк — место нашего назначения! — еще в день Рождества был взят большевиками. Казаки перепились, а местные большевики этим воспользовались, обезоружили их и захватили власть.

И это — то верное место, где наши организаторы хотели укрывать Государя и Наследника?! Хороша же была осведомленность нашего штаба, организовавшего все дело! Нас отправили из Москвы, не зная, что с 25 декабря Троицк был в большевистских руках!

Основываться, однако, на одном лишь случайном разговоре, хотя и весьма правдоподобном, судя по окружающей нас обстановке, мы не могли. Решили все-таки ехать до станции Полетаево, от которой отходила железнодорожная ветка на Троицк. По прибытии туда у нас уже не осталось никакого сомнения в том, что кругом царит советская власть, а о казаках Дутова и не слышно.

Было ясно, что весь план провалился, а попытка в таких условиях спасти Царскую Семью, которой еще не грозила непосредственная смертельная опасность, была бы крайне легкомысленной и могла бы привести Ее к верной гибели. Надо было остановиться выполнение плана, если еще не поздно. К счастью, как стало известно позднее, гардемарины тогда еще не выехали в Тобольск. У Полянского все жехватило благоразумия подождать донесения с места о том, что для сокрытия Царской Семьи все готово. К тому же и деньги, ожидавшиеся от французского посла Нуланса для отправки гардемаринов, не были, как оказалось, получены.

В Москве я держал связь со штабом через Б. (он был расстрелян большевиками осенью 1918 года). Ему я и послал телеграмму — «Цены изменились, сделка состояться не может».

Продолжать путь в Троицк для нас не было никакого смысла. Надо было дожидаться Лопухина и всех наших и организовать связь, чтобы встречать и размещать приезжающих. Подходящим местом для сбора был Челябинск, большой проезжий город, в котором мы могли незаметно раствориться. Двоих моих коллег — гвардейских офицеров М. и В. — я и послал туда для приискания номеров в гостиницах. Один из них должен был постоянно дежурить на вокзале, чтобы встречать людей и направлять их в гостиницу. Еще одного офицера я откомандировал в Троицк с весьма деликатной и трудной задачей: в этот город задолго до нас приехало два квартирьера, чтобы все наладить как к нашему приезду, так и к приезду Государя и Наследника. Надо было войти с ними в связь, сообщить о нашем прибытии и о сборе в Челябинске. Но беда была в том, что никто не знал этих квартирьеров в лицо. Неизвестно было также, под своими или чужими именами живут они в Троицке. И все же следовало попытаться найти их до приезда Лопухина.

Сам же я остался на станции Полетаево, чтобы встретить офицеров из сумских гусар, тоже лично мне не знакомых. Опознать их, однако, было легче, так как они ехали группами по три человека и должны были пересаживаться в Полетаево. И вообще из толпы нетрудно было опознать трех офицеров-кавалеристов, хотя бы и без погон.

Сидел я на вокзале с раннего утра, выходя на платформу к каждому приходящему поезду. Среди тысяч пассажиров наших я все не находил. И только поздним вечером, выйдя к очередному поезду, увидел троих в одинаковых защитных полушубках кавалерийского образца. Сразу решил — они. Подхожу и спрашиваю: «Простите, вы не с Лопухиным?» — «А вы не князь Трубецкой?» — следовал ответ. Нашел! Один из вновь прибывших сменил меня на станции для встречи членов своей группы и Лопухина, а мы поехали в Челябинск, где были встречены на вокзале и размещены по гостиницам.

Хорошо, что ЧК в то время была только в зачатке и не обладала еще всеведением и всевидением. На нас никто не обращал внимания. Наши дежурства на вокзалах проходили совершенно незамеченными, да и некому было за этим смотреть. Но если ни власти, ни посторонние не находили в нашем поведении ничего подозрительного, то сами мы безошибочно находили друг друга, не будучи раньше знакомыми. Мне еще не трудно было опознать на станции Полетаево трех кавалеристов, но и посланный в Троицк на поиски квартирьеров — это были штатские, тоже с успехом выполнил свою задачу и вернулся в Челябинск на следующий же день.

Не помню, через день или два все собрались в Челябинске. Приехал и Лопухин. Стали выработать дальнейший план действий. Если старый план провалился, это еще не означало, что следовало совсем отказаться от спасения Царской Семьи и возвращаться в Москву. На первых порах решено было снять квартиры в разных городах Сибири и Северной России, где временно, инкогнито могли быть скрыты Государь и Наследник. Надеялись, что впоследствии все же удастся уговорить Государя выехать за границу или укрыть Его в сибирских старообрядческих скитах. Нужно было также войти в связь с членами нашей организации, находящимися в Тюмени и в Тобольске. В Тобольске были в то время три офицера Сумского гусарского полка. Один из них, штаб-ротмистр Соколов, автор известной статьи в «Архиве Русской Революции». В Тюмень незадолго до нашего отъезда из Москвы выехал под вымышленной фамилией Чистов (это был князь В.С. Трубецкой. — Примеч. ред.), еще один офицер, взявший с собою для поручений и доставки донесения 16-летнего Н.Г. Лермонтова (во время Гражданской войны на Юге России Лермонтов служил сначала вольноопределяющимся, а затем и офицером лейб-гвардии Конно-гренадерского полка). В задачу Чистова входило встретить Государя и Царскую Семью после Ее освобождения, снабдить паспортами и сопроводить Государя и Наследника до Троицка.

Несколько человек были отправлены на разведку дорог, а сбор всем был назначен в Тюмени. Там собралось немало наших. Д. и я расположились в двух гостиницах: «Номера Париж» и гостиница Ложкомоева. Ч., прибыв в Тюмень, получил командировку в Тобольск. В. был послан в Ялуторовск для снятия квартиры. М. поехал с деньгами к офицерам Сумского полка в Омск, а на обратном пути у него была особая задача: исследовать конный тракт от Кургана до Ялуторовска. Дело в том, что зимой из Кургана до железной дороги можно было добраться лишь на лошадах. Из Тобольска шли два конных тракта: один, более наезженный, на Тюмень, другой — на Ялуторовск. Безопаснее было бы везти Царскую Семью в направлении Ялуторовска, пустив несколько троек для отвода глаз в направлении к Тюмени. От Ялуторовска предполагалось ехать на лошадах же в Курган, что на южной ветке Сибирского пути. Вот эти конные тракты и нужно было исследовать. М. выпал участок Ялуторовск — Курган, но в обратном направлении, дабы ни в коем случае не возбудить никаких подозрений. Путь в 350 верст он проехал с ночевками за два дня на 23 сменах лошадей и записал, на каких станциях сколько имеется лошадей. Из разговоров с 23 ямщиками

он убедился, что 22 были настроены скорее монархически и, во всяком случае, против большевиков, лишь один вел разговор в большевистском духе.

По исполнении задачи М. вернулся в Тюмень. Возвратился из Челябинска и Ч. с весьма интересными рассказами. Он вошел в связь с Соколовым и его товарищами. Те уже долго жили в Тобольске и многое знали как об условиях жизни Царской Семьи, так и об Их карауле. Они считали, что внезапное нападение на караул могло иметь все шансы на успех и что, одновременно уничтожив телеграф, можно было задержать тревогу, погоню и поиски. Ходил Ч. и к дому, где жила Царская Семья, и через забор видел Наследника и Великих Княжон, катавшихся с ледяной горки. Задержаться у забора ему помешал часовой, потребовавший его удаления.

В то время в Тобольске еще не было большевистской советской власти, а охрана при Царской Семье была прежняя, назначенная Временным правительством.

Но вскоре все изменилось — большевики оказались повсюду, они усиливались и закреплялись. Оставаться нам в Тюмени не имело смысла. Она была слишком близко к Тобольску и слишком мала как город. Наше пребывание там в конце концов могло обратить на себя внимание. В ожидании указаний из Москвы сам Лопухин и еще несколько человек переехали в Екатеринбург. И по дороге туда, и в самом городе мы не раз подвергались обыскам. Красногвардейские патрули искали и отбирали оружие у проезжих военных для собственного вооружения. Обыски эти велись крайне примитивно. В Челябинске, например, мы сидели в буфете, по обе стороны длинного стола, а чемоданы лежали под столом у наших ног. Пока осмотр производили с одной стороны, нам удалось ногами передвинуть чемоданы в другую сторону, а когда патруль обошел стол, то сидевшие напротив оттолкнули чемоданы обратно к нам. Таким образом, наши вещи совсем не были осмотрены. Но этот обыск послужил нам предостережением. Мы изобрели новый способ хранения оружия: по всей Сибири тогда было изобилие хлеба и продавали его огромными караваемыми. Мы решили хранить револьверы в хлебе. В корке снизу делался вырез, мякоть вынималась, и туда прятался револьвер, вырезанная корка снова прилаживалась на место. Способ этот давал блестящие результаты. Нас не раз обыскивали по ночам, и никому не пришло в голову трогать хлеб.

Не помню точно числа, но в середине февраля из Москвы пришла телеграмма, отзывающая нас обратно. При сложившейся обстановке и тех средствах, которыми располагала организация, задача ос-

вободения Царской Семьи оказалась неосуществимой. Мы тронулись в обратный путь и благополучно возвратились в Москву. Так безрезультатно кончилось наше предприятие.

Теперь несколько слов о «штабе» и возглавителях организации. Многих подробностей я и сейчас не знаю: каждому исполнителю проникать в тайну было нельзя. Могу дать лишь общую характеристику.

Чья была инициатива? И чей план?

В начале статьи я указал, что план освобождения Царской Семьи исходил не из военных кругов. Инициатором был присяжный поверенный Полянский. На всех, кто с ним встречался, он производил впечатление человека искреннего, горящего желанием спасти Государя. Некоторым, впрочем, бросалась в глаза его несерьезность, чрезмерная впечатлительность, нервность. Лопухин, привлеченный в организацию, увлекся речами Полянского, и, главным образом, самим делом, еще до разговора со мной, он обратился к моему брату князю С.Е. Трубецкому. Последний встречался с Полянским, но из своих свиданий с ним вынес впечатление несерьезности — как его самого, так и задуманного им предприятия. Брат посоветовал Полянскому привлечь в организацию государственных людей крупного масштаба, как, например, А.В. Кривошеина и другого видного государственного деятеля, жившего тогда в Москве (имеется в виду А.Д. Самарин. — Примеч. ред.). Свое участие он обусловил их вхождением в организацию. Полянский, видимо, сам хотел играть главную роль, но согласился и попросил брата переговорить с названными лицами. Оба они не только отказались от участия, но, считая все дело напрасной авантюрой, отсоветовали его предпринимать. Полянский все же без их участия продолжил начатое дело. При переговорах брат спрашивал Полянского, какие и откуда у него денежные средства. Полянский отвечал, что деньги пока его собственные и его друзей, но что обещаны средства французским послом Нулансом. Действительно, Полянскому удалось собрать некоторую сумму среди московского общества и купечества, на которую и была снаряжена наша экспедиция. Но это были крохи, далеко не достаточные для расходов по вызволению, сокрытию и содержанию Царской Семьи. На Нуланса же Полянский надеялся напрасно...

Когда мы были в Сибири, выяснился полный провал предприятия. С одной стороны, наши донесения говорили о совершенно не соответствовавшей планам обстановке, с другой — потерпели крушение надежды на французские деньги. Тогда-то нас и отозвали обратно в Москву. Очень горько, что безрезультатно, бесплодно была

наша попытка. Но я и сейчас уверен, что при основательной и правильной постановке дела спасение Царской Семьи было делом осуществимым. Освобождение Их и вывоз из Тобольска представлял бы не самую трудную часть задачи. Главная трудность заключалась, конечно, в том, как скрыть и сохранить спасенных. Для этого, во всяком случае, нужна была более солидная организация и иной руководитель, а не легкомысленный Полянский, предпринявший покушение с негодными средствами и при преступной неосведомленности в обстановке. Нужна была большая подготовительная работа, хорошая осведомленность, а главное, как правильно указывает в своей статье К. Соколов, деньги, деньги и деньги. В рядовых исполнителях недостатка не было. Могу свидетельствовать: мы все отнеслись к участию в попытке спасти Государя и Его Семью с полной серьезностью, с сознанием важности конспирации, с доверием к основательной постановке дела и данных нам директив, с верой в успех и готовностью сделать все, что в наших силах. С большим разочарованием и тяжелым чувством вернулись мы из этой неудавшейся экспедиции. Утешением нам оставалось сознание, что мы на деле проявили готовность послужить своему Государю и остались верными данной Ему присяге».

...На последних страницах воспоминаний князя А.Е. Трубецкого есть упоминание о том, что «Лопухин, привлеченный в организацию, ...обратился к моему брату С.Е. Трубецкому». В своей мемуарной книге «Минувшее» князь Сергей Евгеньевич также вспоминает свою беседу с М.С. Лопухиным в зимней Москве 1918 года о подпольной организации Полянского. Поскольку эти строки до какой-то степени дополняют рассказ о попытке спасти Царя, мы решили дать здесь и небольшой отрывок из «Минувшего».

Эта книга была написана князем С.Е. Трубецким в эмиграции, судя по всему, около 1945 года. Князь Сергей Евгеньевич жил в парижском пригороде Кламар и скончался там в 1949 году.

Итак — из «Минувшего».

«...Зимой 1918 года Миша Лопухин, игравший роль в тайной московской военной организации, связанной с нами, сообщил мне о готовящемся заговоре для освобождения Государя и Его Семьи, находившихся тогда под арестом в Тобольске. Дело это было задумано и велось отдельно от существовавших тогда политических и военных организаций. Лопухин познакомил меня с присяжным поверенным В.С. Полянским, душой заговора. Последний произвел на меня крайне легкомысленное впечатление. Я не подозревал его в провока-

ции, но очень боялся, чтобы он не погубил Государя, а также и участников заговора легкомысленной подготовкой. Кроме того, я как-то мало верил тому, что рассказывал Полянский о своих сношениях по этому поводу с французским послом Нулансом и другими иностранными дипломатами.

Полянский был в Москве вообще неизвестен, но в революционные эпохи часто выдвигаются новые люди, и, кроме того, в такие времена необходима некоторая доля политического авантюризма, вредного в нормальное время. Какие и у кого можно было наводнить о нем подробные справки в такое время и по такому делу? Во всяком случае, Полянский, видимо, обладал некоторым шармом: например, он обворожил Мишу Лопухина, человека безусловно умного. Меня Полянский звал участвовать в заговоре «на первых ролях», не определяя, в чем состояла бы моя деятельность... Условием моего вхождения в организацию я поставил привлечение к делу, хотя бы только в виде советников, двух-трех крупных государственных или общественных деятелей, известных и Государю, и союзникам. К тому же, говорил я Полянскому и Лопухину, без известных имен мы не сможем получить достаточно денег, а если деньги — «нерв войны», то они тем более «нерв заговоров». В данном случае для безопасности Государя мы должны особенно стараться свести действия силой до возможного минимума и больше основываться на подкупе (нам говорили, что подкупность большевицкой стражи Царской Семьи была уже проверена).

Я назвал несколько имен, из которых мы сошлись с Полянским на А.В. Кривошеине и А.Д. Самарине. Я взялся переговорить с обоими, я их лично знал. Как тот, так и другой — я говорил с ними отдельно — отнеслись к заговору Полянского еще более скептически, чем я. Кроме тех же сомнений, что у меня, в серьезности постановки дела и в самом Полянском, Кривошеин в самом принципе был против попытки освободить Государя путем заговора. Он почему-то считал положение Государя не столь безнадежным и поэтому не хотел идти на риск какого бы то ни было заговора. А.Д. Самарин еще осторожнее меня отнесся к данному заговору, участвовать в котором он решительно отказался, но в принципе был согласен со мною, что положение Государя чрезвычайно опасно и риск для Царской Семьи будет только расти.

Так мой проект дать заговору Полянского более серьезную базу провалился, и Полянский с Лопухиным продолжали дело тем же совершенно кустарным способом, что и раньше. Мой брат, которому я под секретом рассказал о своих сношениях по этому делу, и че-

четыре двоюродных брата мои: Владимир Трубецкой, Николай Лермонтов и двое Соловых, в качестве рядовых исполнителей, под начальством Миши Лопухина с группой других участников дела (почти исключительно офицеров) в январе 1918 года поехали в Сибирь. Вся эта симпатичная, но абсолютно несерьезная и рискованная затея провалилась, к счастью, без вреда для кого бы то ни было. Последнее — почти чудо. Мой брат Саша написал воспоминания об этом заговоре. Здесь на деле проявилась жертвенная готовность многих идти с закрытыми глазами на рискованное дело ради освобождения Государя, но раскрылась также преступно-легкомысленная организация такого ответственного дела. Полянский, зная, как все подготовлено — вернее, не подготовлено, — не имел права рисковать жизнью участников заговора, веривших ему и обманутых им, и главное, не имел права рисковать жизнью Государя.

В.С. Полянский пропал с моего горизонта. Только приехав за границу, я услышал о нем весьма неблагоприятные отзывы: он будто бы сделался секретным агентом ГПУ. Никаких данных в этом отношении у меня лично нет, однако самый факт, что никто из участников заговора тогда не пострадал, говорит за то, что в то время Полянский агентом ВЧК не был. Мне приходилось слышать, что позднейший арест Миши Лопухина и его расстрел будто бы стоял в какой-то связи с его бывшей работой с Полянским. Насколько я знаю, это не верно: Лопухин и группа офицеров, с ним связанная, пали жертвой предательства по линии военной организации, в которой они все тогда состояли. Произошло это, по всей вероятности, не без немецкого участия. По некоторым данным, немцы в Москве, напавшие на след военной организации «союзнической» ориентации, выдали ее на расправу большевикам».

ПРАВОСЛАВНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Имя Петра Сергеевича Лопухина не встретишь в изданных в России книгах, энциклопедиях или справочниках, пока не встретишь, но если назвать это имя старшим представителям русской эмиграции, многие отзовутся о нем теплым, благодарным словом. Петр Сергеевич был крупным общественным деятелем эмиграции, одним из виднейших, а может быть, и самым видным православным мыслителем и просветителем зарубежной России, которая, по словам известной писательницы княжны З.А. Шаховской, была в 20-е годы «велика, почти великодержавна по численности своей вообще и по количеству в ней выдающихся писателей, философов, богословов, ученых, артистов, людей всех видов творчества».

Великий исход мыслящих, творческих людей из России первой четверти XX века, оказавшейся под властью большевиков, создал в крупнейших центрах эмиграции — в Париже, Сербии, Германии, в Чехословакии — такое средоточие русской национальной мысли и таланта, что выделиться в этой среде было непросто. Петру Сергеевичу Лопухину это удалось. И не просто удалось — он ушел из жизни почти сорок лет назад, а в очередные крупные годовщины его кончины в зарубежной периодике печатаются статьи и воспоминания о нем, а в издательствах до сих пор переиздаются его труды.

Родился Петр Сергеевич Лопухин в Москве, в 1885 году в семье потомственных интеллектуалов. Его дед Алексей Александрович был юристом, дослужился до генеральского чина действительного статского советника и был ближайшим другом Михаила Юрьевича Лермонтова. Один из современников писал: «Только очень немногие, и среди них А.А. Лопухин, глубоко ценили его дружбу и верили его

высокой душе и сохранили это отношение после смерти поэта». В его сестру Варвару — Вареньку Лопухину — Лермонтов был влюблен до конца жизни.

Отец его Сергей Алексеевич окончил юридический факультет Московского университета, был тоже видным служителем Фемиды — товарищем прокурора, а позже и прокурором Киевской судебной палаты, а закончил карьеру в чине тайного советника и в должности обер-прокурора Сената. Женат он был на фрейлине Высочайшего Двора графине А.П. Барановой.

Петр Сергеевич рос в большой и дружной семье, где было пятеро братьев и пятеро сестер. Сохранились любопытные воспоминания об этом семействе. Вот несколько строк из воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского) (1868—1948) — выдающегося богослова, церковного деятеля и виднейшего иерарха Русской Православной Церкви за рубежом. Он пишет о том, как на склоне девятнадцатого столетия, окончив духовную семинарию, решил на время поступить на какую-нибудь службу, в ожидании вакансии священника:

«Мне помог знакомый учитель — указал, что в семье товарища прокурора Сергея Алексеевича Лопухина есть место живущего учителя. Я должность эту принял.»

«Семья Лопухиных была дворянская, родовитая, богатая, культурная семья либерального уклона типа «Вестника Европы» или «Русской мысли». Круг знакомств и родственных связей был сановный, но в доме бывала и интеллигенция. Жили Лопухины широко, по-барски, жизнью привольной и беспечальной. Семья была большая (10 человек детей), крепкая, с устоями — прекрасная семья. Дети учились дома. Губернеры, губернантики, учителя, учительницы... — целое учебное заведение. С утра во всех комнатах шли уроки.»

«Я преподавал старшим детям Закон Божий, географию и историю, с младшими готовил вечером уроки, гулял, читал им вслух (помню, мы вместе читали «Каштанку»), укладывал их спать. Мои обязанности я исполнял добросовестно, дети ко мне привязались. Мы стали приятелями... Я не без интереса присматривался к жизни семьи... За столом обычно велись оживленные беседы. Обсуждались текущие вопросы русской общественной и политической жизни, но уделяли внимание и европейским событиям... В семье Лопухиных мне довелось встретить А.Н. Толстого, его друга Николая Васильевича Давыдова, князя Георгия Евгеньевича Львова и Михаила Александровича Стаховича... Как-то раз Толстой со Стаховичем пришли из Москвы в Тулу пешком в лаптях и наследили лаптями на коврах; лакеи потом ворчали: «Дурят господа...»

Очевидно, что семья, дом, благочестивые воспитатели сыграли немалую роль в становлении молодежи этой семьи. Не случайно почти все они оказались героями этой книги, а многим в ней посвящены и отдельные очерки. Старший из братьев Лопухиных Николай Сергеевич, видный юрист и общественный деятель, уехал с семьей в 1918 году. О сложном пути в эмиграцию его семьи рассказывает очерк «XX век» в первом разделе книги. Второй брат Алексей Сергеевич после долгих мытарств в первые годы советской власти тоже уехал из России — сначала в Эстонию, Германию и, наконец, в Америку, где стал крупным православным деятелем и где по сей день живут его потомки. И об Алексее Сергеевиче в нашей книге — отдельный рассказ. Рафаил Сергеевич, капитан лейб-гвардии Преображенского полка, погиб в годы Первой мировой войны на германском фронте. А самый младший, Михаил Сергеевич, нам уже знаком — это он, герой предыдущего очерка, участвовал в отчаянной попытке группы офицеров вызволить из большевистского плена в Сибири Государя Николая II и Его Семью, а после неудачи был схвачен и расстрелян в 1918 году в застенках ВЧК.

Петр Сергеевич был пятым ребенком в этой семье и четвертым из братьев. О его детстве и молодости нам известно немного. Как все дети, он учился дома, затем поступил в старшие классы московской гимназии, а после ее окончания решил пойти по стопам деда и отца — поступил на юридический факультет Московского университета. Начал работать в суде, затем попробовал себя в роли помощника присяжного поверенного. Однако не право, не юриспруденция влекли его душу, он все больше и больше склонялся в сторону христианской философии, богословия и православной церковной жизни.

Любопытно, что те же колебания испытывал и его брат Алексей Сергеевич. Оба они, юристы по образованию, стали в конце концов видными религиозными и церковными деятелями — видимо, не прошли напрасно ни беседы с будущим митрополитом Евлогием, ни антицерковные речи Толстого, слышанные в детстве и критически осмысленные, ни истинное благочестие матери Александры Павловны, урожденной графини Барановой...

В его интересе к православию Петра Сергеевича поддерживала его супруга Татьяна Владимировна, урожденная княжна Голицына, — поженились они в 1911 году. Это была прекрасная пара, но счастье, к сожалению, было недолгим. Петр Сергеевич был буквально сражен горем, когда в самом начале их эмигрантского пути, в 1920 году, Татьяна Владимировна заболела в Софии и скончалась 28 лет от роду, оставив вдовцу двух дочерей, Татьяну и Елизавету.

О П.С. Лопухине тех времен мы можем добавить лишь то, что в Великой войне он не участвовал. Как убежденный монархист, он тяжело переживал события весны 1917 года, категорически не принял октябрьский переворот и добровольно участвовал в Белом движении. После поражения Белой армии он покинул Россию, оказался сначала в Болгарии, а затем, как тысячи и тысячи русских эмигрантов, — в Югославии.

Эта дружественная России и русским страна называлась тогда официально Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев. Совсем недавно, после развала Австро-Венгерской Империи в результате Великой войны, она стала независимой. В первые годы независимости во главе ее был Король Петр Карагеоргиевич, а в 1921 году на престол вступил молодой Король Александр I Карагеоргиевич, который прекрасно знал Россию и даже воспитывался в Петербурге в Пажеском Его Величества корпусе.

И Король Петр, и Король Александр любили Россию, сочувствовали русским и после поражения Белой армии в Крыму и ее эвакуации оказали гостеприимство белым борцам в своей стране. В Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев стояли организованные, не утратившие своей структуры, хоть и разоруженные части Русской армии (пребывание вооруженных иностранных армий на территории государств не допускалось международными нормами). Здесь располагался штаб Русского Главнокомандующего генерала барона П.Н. Врангеля. Сюда переехали после долгих странствий русские кадетские корпуса, вывезенные из охваченной Гражданской войной России. Если в Париже обосновались тогда представители разных политических течений и партий, а в Праге — либеральная интеллигенция, бежавшая от большевиков, то в Югославии среди эмигрантов преобладали те, кто считал своим патриотическим долгом продолжение деятельной борьбы против большевизма.

Кроме того, в Сербии в те годы формировалось и духовное сопротивление большевикам — создавалась Русская Зарубежная Церковь, которая взяла на себя труд духовного окормления эмиграции.

В этом огромной важности деле и принял самое живое участие Петр Сергеевич Лопухин. Человек глубоко религиозный и православный, он и в России был близок к церковным кругам, был знаком, в частности, с митрополитом Киевским Антонием (Храповицким), который уже тогда оказывал на Лопухина большое влияние.

Поскольку деятельность Петра Сергеевича в эмиграции будет весьма тесно связана с владыкой Антонием, которого эмиграция называла не иначе как «великий Авва Антоний», следует рассказать о нем

подробнее. Этот в будущем большой церковный мыслитель, богослов и иерарх окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию как раз в год рождения П.С. Лопухина — в 1885 году. Вскоре он стал монахом, преподавал в столичной Духовной академии, был ректором Московской Духовной академии, занимал епископские и архиепископские кафедры в Чебоксарах, Уфе, на Волыни и в Харькове. В 1906—1907 годах был членом Государственного Совета от духовенства, а на Всероссийском Поместном Соборе 1917 года был избран одним из трех кандидатов на Патриарший престол. Жребий тогда, как известно, пал на митрополита Московского Тихона, который и стал первым Всероссийским Патриархом нового времени.

Вскоре после этого владыка Антоний уехал на Украину, где был митрополитом Киевским, а в 1919 году эмигрировал. В 1921 году на Карловацком церковном соборе в Сербии он был избран главою Русского Заграничного Синода или фактически Предстоятелем Русской Зарубежной Церкви.

Потрясения эмиграции всколыхнули патриотические и религиозные чувства изгнанников, и в 20-е годы, как вспоминали современники тех событий, русские православные храмы за границей бывали переполнены, в них приходили почти все эмигранты, чтобы услышать «слова незапятнанной православной Божественной Правды», как писал много лет спустя о том времени епископ Нафанаил.

Вот тогда-то и начал свое православное общественное служение Петр Сергеевич Лопухин. Оно было разнообразным — организация духовных обществ и церковных школ для детей, устройство кружков, лекций для молодежи. Но этого ему было мало. Он решил сохранить для будущих поколений заповеди своего духовного наставника. В течение долгого времени Лопухин приходил на все богослужения, которые совершал митрополит Антоний в небольшой церкви Сремских Карловцев, и записывал все проповеди, с которыми владыка обращался к верующим. Так со временем появилась на свет книга П.С. Лопухина «Мысли митрополита Антония».

«Эти слова владыки Антония, конечно, были бы потеряны для нас, если бы не труд Петра Сергеевича, — писал много лет спустя об этой книге уже упоминавшийся епископ Нафанаил. — Этот труд его был подвигом не потому, что он был особенно тяжел, но потому, что Петр Сергеевич, сам человек пишущий, сам имевший много любимых мыслей, много вдохновенных слов, которые он жаждал высказать, жертвовал этой возможностью возможности сохранить слова митрополита Антония... А это, как знает каждый пишущий человек, — жертва большая».

К этому времени Петр Сергеевич женился вторично. Его супругой стала Мария Константиновна, урожденная Львова, которая помогла ему вырастить двух дочерей, пережила супруга на 25 лет и скончалась во Франции в возрасте 88 лет.

Рассказывая о делах П.С. Лопухина, мы не всегда станем придерживаться строгой хронологии. Поэтому и упомянули вначале «Мысли митрополита Антония», увидевшие свет уже после другого, сходного по жанру труда, который Петр Сергеевич назвал «Беседы с епископом Гавриилом». И в этой работе он отказался от соблазна сказать свое собственное слово и предпочел донести до читателя мысли этого глубоко почитаемого им православного иерарха. Об истории создания этой книги Лопухин пишет на первых же страницах ее, поэтому не будем пересказывать авторский текст, а просто приведем выдержку из него:

«В 1922—25 годах в Белграде был небольшой кружок русской молодежи, интересующейся богословием. Это было через несколько лет после эвакуации, и это была молодежь, пережившая ужасы Гражданской войны. Было время горячих исканий ответов на вопрос, почему произошла невероятная русская трагедия, как мог русский народ, такой одаренный, с такими добрыми возможностями, как мог он так ужасно пасть, как ему выбраться из этой пропасти, на чем утвердиться для возрождения, где его путь и смысл жизни...»

На праздник Сретения, придя в церковь, мы узнали, что служит новый незнакомый нам епископ Гавриил. С самого начала почувствовалось в храме что-то необычное. Священники, хор, иподиаконы, мальчишки — все были несколько озабочены и подтянуты. И служба пошла необычным порядком: облачение архиерея происходило в алтаре, он вышел и занял место на возвышении уже в саккосе. Это было странно и необычно. Потом мы узнали причину — владыка был так бедно одет, что стеснялся облачаться перед всеми...

...Но не только это удивило нас. Сама служба была совершенно необыкновенной. Я не могу воспроизвести ее на память, но могу сказать, что он проповедовал и горел духом, радовался и ликовал восходу Солнца правды, плакал о сидящих во тьме и о том, что это Солнце правды пришло ради них, ради темных и грешных. Радостные и взволнованные расходились мы тогда по домам...

Так началось наше знакомство с епископом Гавриилом. Господь дал нам счастье потом лучше узнать этого удивительного человека и впоследствии сблизиться с ним настолько, что он называл нас «моя паства» или «мои кадровые слушатели»...

Беседы с епископом Гавриилом проходили в Белграде в самых различных условиях и местах: в трамвае, на вокзале, иногда в квар-

тире, где он останавливался. Епископ Гавриил был уже болен, когда мы его узнали. Он передвигался с трудом и неуверенно. Его надо было встречать, провожать, помогать ему. Мы идем по улице и останавливаемся... Ему можно было задать любой вопрос, самый сложный, и он отвечал на него сразу и самой точной формулой, ответы были быстры, точны и кратки... Владыка двигается дальше, но сделает два шага и опять остановится, еще двумя-тремя фразами углубит свою мысль... И потом опять идем, а через несколько шагов опять остановка, и вот мы стоим, и на нас удивленно оглядываются люди и обходят по обе стороны... Огромная фигура в широкополой шляпе с твердыми полями, немного согбенная на правый бок, с трудом передвигающаяся, была так необычна, так колоритна, что вызывала удивление и вместе какое-то почтение и симпатию... Вот об этих беседах я и хочу попробовать рассказать, надеясь, что в них читатели найдут мысли и образы, которые помогут им ближе понять этого оригинальнейшего и одареннейшего человека».

Так открывается эта книга П.С. Лопухина. И далее следует запись интереснейших бесед автора с мудрым архиереем. Не станем более цитировать книгу. отошлем желающих к самой этой работе Петра Сергеевича, которая не раз переиздавалась и вполне находима, особенно в библиотеках, где собраны издания Русской Зарубежной Церкви.

Все писавшие о П.С. Лопухине отмечают его «удивительное смирение, скромность, даже конфузливость, порожденные, по существу, барственностью, которая более всего не мирится с нахальством, с приемами выскочек». В свете этих слов становится более понятной деятельность Лопухина в годы между двумя мировыми войнами, когда он всегда отдавал предпочтение обработке и фиксации высоких мыслей других людей, а не изложению своих собственных. Самостоятельные и интересные работы Петр Сергеевич начал писать лишь во второй половине своей жизни, о них разговор еще впереди.

Пока же скажем, что он много работал и в духовных журналах эмиграции, и в церковном управлении, часто литературно обрабатывал и редактировал весьма объемные материалы, связанные с деятельностью церкви. Среди таких анонимных трудов П.С. Лопухина, не оставивших его имени на титульных листах, назовем, например, гигантский том «Деяний Всезарубежного Собора 1938 года» или том «Деяний Епархиального Собрания Западно-Европейской епархии 1948 года». Чтобы издать эти подробнейшие отчеты, эти свидетельства церковной жизни за рубежом на протяжении целых десятилетий, Петр Сергеевич обработал тысячи и тысячи документов, стено-

грамм, рукописей и множество собственных записей — труд, занявший не один год его жизни.

В те бурные, кипящие страстями времена, когда Русская Зарубежная Церковь взяла на себя тяжкий подвиг врачевания душ своей паствы и наставления ее в духе православия, митрополит Антоний благословил епископа Гавриила, нам уже известного, и Петра Сергеевича Лопухина составить очищающую душу молитву. Ее до сих пор читают в зарубежных храмах:

«Господи, прости нам все согрешения наши, и всех врагов наших и ненавидящих и обидевших нас. Не воздай им по делам их, но по великой милости Твоей обрати неверных к православию и благочестию, верных же утверди еже уклониться от зла и творити благо. Церковь Твою Святую всесильною Твоею крепостию от всякого злого обстояния избави, от всяких ересей и расколов огради, мир и единомыслие утверди. Но и отступившим от Тебя и Тебе не щущим явлен буди, бо же ни единому от них погибнуть, но всем спастися и в разум истинный прийти».

Замечательные слова, смягчающие души, так озлобившиеся за годы братоубийственной войны, помогающие после долгих лет жестокостей обрести христианскую способность прощать врагов и молить Бога об их прощении.

Сербский период эмигрантской деятельности Петра Сергеевича Лопухина продолжался довольно долго, ровно столько, сколько хорошо чувствовала себя в Югославии (так стала называться страна с 1929 года) русская эмиграция в целом. В 1934 году в Марселе был убит фашистами Югославский король Александр I, а с началом Второй мировой войны германские войска оккупировали Югославию. Сразу же всякая славянская деятельность в этой стране стала подозрительной, русские для новых властей перестали быть уважаемыми гостями. Иерархи Русской Зарубежной Церкви договорились о переезде церковного центра в Мюнхен, а за ними потянулись и некоторые из русских. Семья Петра Сергеевича поселилась в пригороде Мюнхена — Зольне. Уже после окончания войны при Русском Православном приюте в Мюнхене, который был известен как Дом Милосердного Самарянина, возникло небольшое издательство православной литературы. П.С. Лопухин сотрудничал с ним, а позже выпустил там многие из своих трудов. Любопытно, что в том же мюнхенском Доме Милосердного Самарянина прожила несколько послевоенных лет семья брата П.С. Лопухина — Алексея Сергеевича. Об этом можно прочитать в главе «XX век» первого раздела этой книги.

Через какое-то время семейству Петра Сергеевича снова пришлось переезжать. Оставаться в Германии стало трудно, под влиянием американской администрации власти новой Германии дали понять, что белые русские не являются более желательными иностранцами. Лопухины решили ехать во Францию, в Париж.

Петр Сергеевич отличался тем, что никогда и нигде не сидел без дела. И тогда, только что переехав на берега Сены, он стал одним из инициаторов создания в эмигрантской среде общественного движения «Православное дело». Забегая вперед, скажем, что он оставался его возглавителем до самой своей кончины. Вот так он писал о целях и задачах этого движения:

«Верность Христу, сохранение и защита веры православной — таково ответственнойшее из всех дел, православное дело, стоящее перед русскими людьми по обе стороны рубежа».

Благородные задачи движения привлекли к нему внимание в разных странах и объединили усилия многих русских людей во Франции, Германии, Швейцарии, Америке, Аргентине, Австралии. Движение издавало свой журнал «Православное обозрение», редактором которого был Лопухин. Он достаточно широко распространялся в русских эмигрантских кругах всего мира.

Через пять лет после кончины Петра Сергеевича один из его соратников по движению писал: «Наше «Православное дело» с его многогранной деятельностью и ныне более всего вдохновляется мыслями и заветами Петра Сергеевича. И, конечно, его бессмертный дух в Небесных Селениях радуется этой деятельности, радуется тому, что именно «Православному делу» принадлежит высокая честь наиболее действенного проникновения за родные рубежи, внимательное прислушивание к тому, что совершается там в духовных глубинах нашего народа».

«Православное дело», созданное П.С. Лопухиным, существует и по сей день.

Говоря о собственных опубликованных трудах П.С. Лопухина, мы упомянем только два, в которых наиболее ярко и полно очерчены представления Петра Сергеевича о православном человеке и православном государстве. Первое так и называется — «Православный человек». Сначала эта работа была издана в Париже, но позже переиздана в ряде других городов Европы. Перед нами — мюнхенское ее издание 1951 года, предпринятое Обителью преподобного Иова Почаевского. Небольшая книжечка посвящена преподобному Серафиму Саровскому как образцу подлинного православного человека. Петр Сергеевич подробно рассказывает внешнюю историю его

жизни, из записанных разными людьми слов преподобного пытается извлечь ответ на вопрос: что побудило святого идти именно этим путем, чем руководствовался, принимая то или иное решение, преподобный Серафим, как он стал старцем?..

П.С. Лопухин приходит к вполне определенному выводу: «Подвиг старчества неисполним для человеческих сил. Это не есть деятельность опытного духовника, а нечто иное и гораздо большее. Самый любящий человек не может своими естественными силами принимать это множество народа, с каждым хоть на минуту духовно соединиться, пожалеть, полюбить, понять, что ему нужно, принять его исповедь, духовно порадовать и направить. Человеческими силами без благодатной помощи этого просто нельзя сделать. Слова, что «старец берет на себя, на свою душу человека и его грехи» — это не образное выражение любви! Нет, это правда, это — реальность. Только так, духовно соединившись, и можно быть старцем, но без помощи Святого Духа этого сделать нельзя. Старец это делает силой Божественной, причастной ему. Он продолжает подвиг Христа Спасителя, ибо Господь «вселился в него», и в старце творит Христос, и потому эта сострадательная любовь и человеколюбие крайнее».

Петр Сергеевич обращает внимание на то, что преподобного нашли и пришли к нему простые, почти необразованные люди. «Как же могло случиться, что русское образованное общество, ведущий слой его не заметили святого?» — восклицает автор и сам отвечает: «Не думали о православном человеке и потому не заметили его... Во всей русской литературе, в истории того времени нет даже упоминания о преподобном Серафиме и о Сарове... Преподобный Серафим — современник Пушкина, Лермонтова, славянофилов, но, изучая русскую культуру того времени, нельзя даже догадаться, что в то же время в России жил святой, чудотворец, человек, причастный Царству Божию, что в нем и вокруг него было на земле это Царство. Какое поразительное явление такая слепота!»

П.С. Лопухин призывает всех извлечь урок из этого: «Для русского человека понять преподобного Серафима, его веру, взгляды, понять, что он любит, чего хочет от нас — это значит понять православного человека, найти самого себя и свой путь».

Вскоре после «Православного человека» Петр Сергеевич выпускает в свет еще одну свою работу, в которой удивительно ясно и просто аргументирует необходимость для России монархии и монарха. Он рассматривает разные типы государств и власти, разные условия, в которых возникают те и другие, конкретные условия, в которых живут разные государства и среди них — Россия. Он фор-

мулирует определение Святой Руси: «Святая Русь» не есть жизнь святого народа, — утверждает П.С. Лопухин, — история русского народа есть сказание о его грехах; но не только о них, а и о восстании, и основной чертой его, определившей и давшей право на имя «Святая Русь», была и есть верность правде: человек Святой Руси грешит, но не лжет, и потому знает, куда и к чему надо возвращаться, если согрешил и упал. Верность правде — самая существенная и дорогая черта человека Святой Руси, воспетая Достоевским, и она — критерий русскости».

Петр Сергеевич приходит к выводу и логически подводит к нему читателя, что для Святой Руси органичной может быть лишь та власть, которая обладает живым ощущением добра и зла. Именно поэтому России несвойственна власть какой-либо партии, аппарата или «нравственно безответственного анонима», каким является пресловутое «большинство» демократического парламентского государства. Святая Русь, по Лопухину, доверяет власть человеку, но человеку высоконравственному и сознающему свою постоянную ответственность перед Богом за вверенное ему управление. Такое сознание, такую личность невозможно создать ни приказом, ни голосованием, ни каким-либо юридическим актом. Ее можно только воспитать, если делать это с младенчества. И тогда не понадобится ограничивать власть различными нормами контроля, сдерживания или разделения. Православная власть должна быть неограниченной и свободной, ибо именно эта свобода и налагает на нее высочайшую ответственность, без свободы немислимую. Очевидно, что П.С. Лопухин говорит о православной монархии, которая видится ему безусловно самодержавной.

«Когда Царь принесет соответствующий обет в торжественной обстановке Коронации, тогда, в ответ на Его готовность посвятить себя на подвиг Царского служения, Церковь совершает Таинство Миропомазания и освящает власть Царя, — пишет он в своей книге. — С этого момента носитель власти, собственно, и становится Царем — помазанником Божиим: он не только глава государства, но и слуга Божий...»

И еще автор книги подчеркивает, что Россия хочет Царя не потому, что этого требует Церковь, не потому, что любит единоличную власть в ее несравненной красоте и величии, но потому, что мыслящая и чувствующая Россия просто не знает, как иначе можно установить подлинно христианскую власть.

Труд Петра Сергеевича произвел большое впечатление на монархически настроенную часть русской эмиграции, вооружил ее четкой аргументацией. Написанный в 1953 году, он не потерял своего зна-

чения и сегодня. В издании современного монархического дворянского движения в России — альманахе «Дворянское Собрание», № 7 за 1997 год — работа П.С. Лопухина «Святая Русь и Русское государство» была напечатана полностью.

...Расскажем коротко и о последней крупной акции православной эмигрантской общественности, в которой деятельно участвовал Петр Сергеевич. Это было в 1961 году, когда на острове Родос было создано Всеправославное Совецание, на которое собрались представители всех поместных православных церквей. Приехала и делегация из Москвы, которая попыталась было убедить участников в либеральном отношении к церкви советской власти, во главе которой стоял тогда известный разрушитель храмов Божиих Хрущев.

«Обличить это коварство перед лицом Свободного мира представлялось естественным П.С. Лопухину и всем его сотрудникам по «Православному делу». Мы считали это насущной задачей нашей организации, — писал через несколько лет после смерти Петра Сергеевича его заместитель по руководству движением М. Расловцев. — Этим объясняется посылка нами на Родос непрошенных делегатов и распространение нашей первой листовки, составленной Петром Сергеевичем и переведенной мною на французский язык, — «Русская Церковь — мученики и преследователи».

За ней, в конце того же 1961 года, последовало издание также всецело им отредактированного «Бюллетеня № 1 «Православного дела», а полгода спустя и второго номера того же бюллетеня, редакторство которого наш ослабевший Петр Сергеевич поручил уже мне. Так что, написанное им, подписанное всем нашим правлением и напечатанное в этом втором, июльском номере «Открытое письмо к духовенству и мирянам всех христианских вероисповеданий» оказалось как бы лебединой песней этого маститого борца за свободу Церкви. К началу августа его уже не стало».

Петр Сергеевич Лопухин скончался 2 августа 1962 года, на 78-м году жизни в Клараре, в имении Лопухиных под Парижем. Вечную память рабу Божию боярину Петру пели во всех православных храмах русского зарубежья. А затем наступила жизнь после смерти: мысли, труды П.С. Лопухина широко используются в учебных заведениях эмиграции, в круглые годовщины его кончины «Православное дело» устраивает вечера памяти Лопухина, памятные чтения его имени, выходят в свет специальные публикации. Переиздаются и его труды. Книги П.С. Лопухина «Мысли митрополита Антония» и «Беседы с епископом Гавриилом», например, были в 1985 году переизданы во Франции, а его труд о принципах устройства Русского государства,

как мы уже говорили, пришел к широкому русскому читателю и был напечатан в Москве.

И в заключение — несколько слов о детях, внуках и некоторых других родственниках Петра Сергеевича. Его дочь Татьяна Петровна, которая родилась в Москве перед самой революцией, вышла замуж за князя Дмитрия Владимировича Голицына и с 1963 года вместе с семьей жила в США. Их сын, внук Петра Сергеевича, князь Петр Дмитриевич — крупный специалист, много лет живет и работает в Москве, являясь генеральным представителем в России всемирно известной фирмы «Манесманн». Заметим, кстати, что в правнуках Петра Сергеевича, в детях князя Петра Дмитриевича Голицына — а их у него шестеро — кровь Лопухиных вновь смешалась с кровью Австро-Венгерского Императорского Дома Габсбургов, так как князь Петр Дмитриевич женат на эрцгерцогине Марии-Анне Габсбургской.

Продолжая разговор о потомках П.С. Лопухина, добавим, что сестра Татьяны Петровны — Елизавета Петровна тоже вышла замуж за русского эмигранта Никитина, жила с мужем в далеком Перу и скончалась там. Но похоронена была, по ее желанию, близ отца на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа недалеко от Парижа.

Племянница Петра Сергеевича (дочь его старшего брата) Елена Алексеевна вышла замуж за протоиерея отца Серафима Слободского, сына священника отца Алексея, погибшего в сталинском концлагере. Супруги, которые жили в городке Наяк близ Нью-Йорка (США), очень много сделали для церковного окормления и духовного воспитания русских в Америке. Как мы уже писали, они основали первый в Наяке православный храм, открыли при нем воскресную школу, где и сегодня, на рубеже XX и XXI веков, обучается более ста русских детей. Специально для занятий в этой школе отец Серафим и матушка Елена составили в 1966 году «Закон Божий», который ныне хорошо известен и в России. Эта прекрасно написанная книга, изданная первоначально Свято-Троицким монастырем в Джорданвилле (США), была несколько лет назад переиздана в Москве громадным тиражом в 300 тысяч экземпляров. Отец Серафим и матушка Елена долгие годы трудились и над другими учебниками и учебными пособиями для приходских и воскресных школ Восточного побережья США.

...Как видим, и потомки Петра Сергеевича в разных странах и на разных поприщах достойно продолжают и представляют род Лопухиных.

МОНАРХИСТ

В начале 1930-х годов детей в наших школах принимали в пионеры двенадцати лет — всех, поголовно. Сережа Лопухин пришел в 4-й класс осенью 1932 года. Семья Алексея Сергеевича Лопухина, не имея возможности жить в Москве, поскольку глава семьи получил по приговору суда пресловутые «минус шесть», пребывала тогда в Твери. Когда школьникам сказали, чтобы они выгучили пионерскую клятву, Сергей сказал, что не будет вступать в пионеры. На удивленный вопрос учителя почему, показал крестик на шее и сказал:

— Я в церковь хожу, мне нельзя...

Дошло до директора. Он сначала поговорил с мальчиком. Не детский это был разговор, как вспоминал его позже сам Сергей Алексеевич.

— Ты еще мал, не понимаешь, что испортишь себе всю жизнь, — увещевал директор. — Тебе не удастся поступить в вуз, тебя, как религиозника, не примут ни на какую работу...

Двенадцатилетний Лопухин, немного подумав, ответил:

— Ну так что же! Пойду тогда в священники... — Такого рода варианты уже обсуждались в семье. Потом он неожиданно спросил у директора: — А вы, если попадете за границу, начнете верить в Бога, чтобы получить работу?..

Директор вызвал Алексея Сергеевича. К тому времени советские власти уже трижды арестовывали Лопухина за принадлежность к церкви и упорство в вере — последний в 1928 году, когда он сидел на скамье подсудимых вместе с отцом Павлом Флоренским. Суд определил ему «минус шесть», что означало запрещение жить в шести крупнейших городах страны.

— Перестаньте влиять на своего сына, — потребовал директор. — Такой, как сейчас, он совершенно не подходит нашему советскому обществу.

— У вас есть дети? — спросил в свою очередь Лопухин.

— Конечно...

— А вы согласны перестать влиять на них?..

Сережа остался в четвертом классе единственным без красного галстука. Он был старшим из детей, а всего их было в семье семеро. Именно это обстоятельство стало главным, что подвигло мать семейства Феклу Богдановну Лопухину, урожденную баронессу Мейендорф, начать действовать...

Алексей Сергеевич Лопухин женился на молоденькой баронессе Фекле Мейендорф в 1919 году на Кавказе, где он служил в отделе снабжения санитарных поездов Кавказского фронта, а она была сестрою милосердия. Время было суровое, шла гражданская война, и Фекла Богдановна позже, смеясь, рассказывала детям, как ехала в церковь на венчание, вися в толпе на подножке трамвая и едва держась за поручень. Когда война закончилась и на Кавказ приехали красные, семья еще какое-то время оставалась там. Правда, из Владикавказа, где их слишком хорошо знали, Лопухины переехали в Нальчик, где в 1920 году и родился первенец — Сергей.

Вскоре семья переехала в Москву. Алексей Сергеевич, который до войны окончил юридический факультет Московского университета и был близок к духовным кругам, стал помогать гонимой теперь церкви и в то же время попытался работать по специальности — в суде. Но власти очень быстро разобрались, что молодой юрист судит по совести, а не по «революционной целесообразности», и выгнали его. Год или полтора они прожили в бывшем лопухинском имении Хилково, где арендовали свой собственный сад и жили тем, что продавали яблоки и сливы. Потом последовала череда арестов, судов, высылки, и, наконец, когда у старшего Сергея начались в школе неприятности из-за крестика на шее, терпение Феклы Богдановны иссякло. Истинным «мотором» в семье была она, Алексей Сергеевич, хоть и пользовался должным уважением домашних, был довольно пассивным человеком. И еще одно — будучи до глубины души русским, он не хотел уезжать из России, в то время как его супруга, происходившая из прибалтийских немцев, стремилась в Эстонию, где жили ее старшие родные.

Хлопотала Фекла Богдановна долго и настойчиво. Часть препятствий ей удалось преодолеть с помощью Политического Красного

Креста, который возглавляла тогда Екатерина Павловна Пешкова. Добрым словом ее вспоминали сотни эмигрантов, которые смогли покинуть красную Россию с ее помощью. Затем встала финансовая проблема — заграничные паспорта новая власть требовала громадные деньги, и не в «совдензнаках», которые ничего не стоили, а в твердой конвертируемой валюте. Тут выручили эстонские Мейендорфы, которые прислали нужную сумму и фактически выкупили своих родственников из большевистской неволи.

В 1935 году наконец все было закончено, и Лопухины уехали в Эстонию. Поселились они в Кумне — родовом поместье Мейендорфов. Дети стали учиться. Старший Сергей поступил в русскую гимназию в Ревеле, однако пришлось пойти в младший класс — тверская школа достаточных знаний не дала. И вообще здесь все было иначе.

Сергей кончил гимназию весной 1941 года. Ему было уже двадцать лет. Еще год назад стали осуществляться секретные пункты пакта Молотов—Риббентроп, подписанного в 1939 году. Эстонию оккупировали советские войска. Мейендорфы и Лопухины вынуждены были снова бежать. Они использовали немецкое звучание фамилии хозяев поместья и официально выразили желание «вернуться на родину предков».хлопоты и здесь тянулись долго, лишь в начале 1941 года разрешение на выезд в Германию было получено. Выехали весной. Сергею, который учился отлично, выдали документ об окончании гимназии, не дожидаясь формальных экзаменов. Путь целого поезда возвращавшихся в Германию лежал через восточные земли — на запад. Через неделю прибыли в Баварию, в замок Вернек, где располагался лагерь переселенцев. А вскоре Германия напала на СССР.

Вот что писала о жизни Сергея Алексеевича в то время его младшая сестра Татьяна Алексеевна Родзянко, урожденная Лопухина: *«Когда Гитлер объявил войну Советскому Союзу, многие из новоприбывших из Прибалтики пошли добровольцами в немецкую армию. Многие тогда верили, что Германия борется против коммунизма. Старший брат Сергей тоже пошел добровольцем воевать против ненавистного ему режима, угнетающего Россию. Упрекнуть его в измене русскому народу никак нельзя. Он был всегда русским патриотом и русским поэтом. Оставшиеся после него стихи свидетельствуют о его горячей любви к нашей вере, к России, к русскому Царю и народу. Сергей был ранен на Восточном фронте и остался хромым на всю жизнь. Он попал однажды в окружение и даже на короткое время в плен, из которого спасся чудом: взяв-*

шие его в плен русские бросили его, когда возникла опасность самим им попасть в плен к немцам».

Сергея Алексеевича, который к тому времени имел солдатские награды, ранили осенью 1944 года и отправили в тыловой госпиталь. Он вышел оттуда ранней весной 1945-го и получил отпуск к родным, которые жили тогда в Берлине. И тут началось советское наступление на Берлин. Энергичная Фекла Богдановна справедливо решила, что старшему сыну ни в коем случае нельзя оставаться в городе, где его ждала верная смерть. Тогда из Берлина собирались выходить на Запад два православных священника — архимандриты Нафанаил и Виталий, в будущем митрополит и Предстоятель Русской Православной Церкви за рубежом. Мать попросила их взять Сергея с собой, они согласились. Маленькая группа ушла из столицы Германии буквально накануне того дня, когда вокруг города замкнулось кольцо советских войск. Так Сергей Алексеевич оказался в Гамбурге. Все силы и время он отдавал там помощи таким же, как он, русским, которые не хотели быть вывезенными в красную Россию. Знавшие его люди утверждали, что С.А. Лопухин в те недели и месяцы помог спастись от большевистских концлагерей и комиссарской пули многим своим соотечественникам.

Господь хранил семью Лопухиных — в годы страшной войны, в послевоенном хаосе и неразберихе, когда жизнь стоила недорого, они уцелели, не потерялись в растревоженной Европе и во второй половине 1945 года вновь соединились в Мюнхене, в Доме Милосердного Самарянина, который открыли здесь православные священники как приют для детей русских беженцев от торжествующих большевиков.

Интересно рассказывала об истории этого дома та же Татьяна Алексеевна Родзянко:

«В Мюнхене православное общество, организованное отцом Александром Киселевым в 1945 году, получило полуразрушенный дом на Мауеркирхер, 5, который ему предоставила местная квартирная комиссия. В одной из комнат этого брошенного дома был найден образок преподобного Серафима Саровского и 200 марок... Это было воспринято отцом Александром как Божие благословение, и домовая церковь, созданная при Доме, была посвящена святому Серафиму Саровскому. Энергичный отец Александр создал в Доме русскую гимназию, издательский отдел, курсы сестер милосердия и амбулаторию для медицинской помощи беженцам в условиях послевоенной разрухи. Все сотрудники этого благословенного Дома работали в нем безвозмездно, многие нашли в этом Доме приют и помощь в

устройстве своей судьбы. Такими благодарными счастливицами оказалась и наша семья в июне 1946 года».

Жили, конечно, тесно и голодно. Лопухины ютились в палатке, которая летом стояла во дворе Дома Милосердного Самарянина, а зимою — на его чердаке. Всем помогали выжить продовольственные посылки, которые благотворительные организации США щедро посылали пострадавшим от войны европейцам.

В Мюнхене находился тогда Синод Русской Православной Церкви за рубежом, и Сергей Алексеевич, человек глубоко православный, деятельно участвовал в церковных делах. Через год владыка Серафим, епископ Берлинский и Германский, посвятил его в чтецы, и молодой церковнослужитель постоянно исполнял обязанности иподиакона при архиерейских богослужениях. Здесь, в мюнхенском православном храме, Сергей Алексеевич познакомился со своей будущей женой Людмилой Андреевной Подшиваловой — она пела в церковном хоре.

В Доме Милосердного Самарянина, продолжала Т.А. Лопухина-Родзянко, «папе определили место сторожа Дома, маму устроили на работу в Социальном отделе при Доме, куда приходили посылки из Америки с одеждой и другой гуманитарной помощью. Сергей записался в новооткрытый университет при американской организации УНРРА».

Главное было в том, что в этом университете не надо было платить — американцы учили европейскую молодежь бесплатно. Сергей Алексеевич поступил на химический факультет.

Он не только учился, но и участвовал в общественной жизни русской колонии в Мюнхене. Вместе с такими же, как он, молодыми людьми Сергей Алексеевич создавал в те дни Союз русских студентов в Германии, отстаивал его православные и монархические принципы. Через много десятков лет его мюнхенский друг Николай Николаевич Протопопов (в 90-е годы он редактировал известный журнал русских эмигрантов «Наши вести»), узнав о кончине С.А. Лопухина, напишет его вдове:

«Ваше письмо напомнило мне сразу о моем покойном друге Серееже, с которым мы вместе создавали Союз русских студентов, а затем отстаивали его от посягательств «нацимальчиков», будучи всегда и во всем единомышленны. Сереежина кончина для меня — потеря друга и соратника, а для русского дела — жертвенного патриота и бескомпромиссного антикоммуниста. Таких, как он, теперь становится все меньше и меньше...»

...Вернемся, однако, в послевоенный Мюнхен. Окончить университет он не успел. К концу 40-х годов германские власти дали по-

нять русским эмигрантам, что их пребывание в Германии не так уж желательно. Стало ясно — надо уезжать. Но куда? В те времена, правда, был некоторый выбор — существовали три страны, которые охотно принимали переселенцев, особенно молодых и с детьми, — США, Канада и Австралия. В то время, когда Лопухины обсуждали, в которую из них лучше направиться, к ним пришло письмо из Толстовского фонда — организации, созданной дочерью великого романиста Александрой Львовной Толстой специально для оказания помощи русским, пострадавшим от большевиков. Толстовский фонд располагался в США и имел в штате Нью-Йорк ферму, куда приезжали люди, которых потом сотрудники фонда устраивали в новой для них стране.

О том, что Лопухиным придется уехать из Германии, в Толстовский фонд сообщил кто-то из их родных, и Александра Львовна послала им приглашение. Все сомнения отпали.

Лопухины уезжали в Америку тремя группами. В первой — Алексей Сергеевич, Фекла Богдановна, старшие и трое младших детей. Следом за ними — Татьяна Алексеевна с мужем Олегом Михайловичем Родзянко и Александра Алексеевна с мужем, священником Георгием Горским, и, наконец, в последней группе оказались Елена Алексеевна с мужем, священником Серафимом Слободским и Сергей Алексеевич с молодой женой. Случилось так, что все Лопухины обосновались в США на Восточном побережье, в штате Нью-Йорк, в небольшом городке Наяк близ известной Толстовской фермы, которая первоначально всех их приютила. Интересно, что через годы американские русские стали даже называть Наяк «лопухинским городом», так много оказалось там Лопухиных и родственных им семей.

Слова благодарности Соединенным Штатам Америки от переселенцев звучали много раз и продолжают звучать. Написала об этом в своих «Воспоминаниях» и уже упомянутая Татьяна Алексеевна:

«США принимали беженцев любых национальностей, как будущих своих граждан. Нельзя сказать, что коренные американцы не чувствовали национальных и культурных различий с новыми эмигрантами. Но перед законами страны мы были равноправны. Перед нами были открыты возможности работы, образования и социального обеспечения в равной мере с коренными американцами. Это была первая страна, после прежней России, где для беженцев открывались все возможности полного и свободного развития, чем наша волна эмиграции не замедлила воспользоваться».

Сергей Алексеевич — единственный из всей семьи — почти сразу по приезде в США отправился с женою на запад страны, в Калифорнию, где уже жили родные Людмилы Андреевны. И на целые десятилетия они стали единственной семьей Лопухиных, обосновавшейся на Западном, Тихоокеанском побережье Америки.

Хоть университет УНРРА и не был закончен, С.А. Лопухин сразу же поступил на работу. Последние пятнадцать лет он служил на одном из авиационных заводов фирмы «Локхид», которая вскоре стала известной не только в США, но и во всем мире крупнейшей аэрокосмической компанией. Промышленность Америки была тогда на подъеме, заработки — неплохими. Так началась долгая жизнь молодой лопухинской семьи в Лос-Анджелесе.

Сразу отметим, что Сергей Алексеевич работал на заводе творчески, с полной отдачей и всегда был на хорошем счету. Забегая далеко вперед, скажем, что его очень ценили и искренне горевали, когда Сергей Алексеевич покинул этот мир. Среди провожавших его в последний путь была и целая группа сослуживцев из компании «Локхид»...

...Мы отвлеклись от линии нашего рассказа, чтобы сразу сказать: Сергей Алексеевич Лопухин много, долго и хорошо работал по своей специальности — иначе он просто не умел жить. Но все же главным в жизни было для него не это... Интересы его лежали в совершенно другой сфере. Сергей Алексеевич был по натуре своей прирожденным общественным деятелем, трибуном, горячим русским патриотом, глубоко верующим православным человеком и убежденным монархистом. Как всякая цельная личность, цельная и страстная натура, он не признавал компромиссов и стремился в пределах своих возможностей наиболее полно воплотить в жизнь свои идеалы.

В Лос-Анджелесе была в то время довольно большая русская колония, объединенная вокруг православного прихода, который был под особым покровительством владыки Антония, архиепископа Лос-Анджелесского и Южно-Калифорнийского. Лопухины сразу же включились в церковную жизнь, Сергей Алексеевич стал деятельным членом монархического Российского Имперского Союза-Ордена, созданного в Америке русскими эмигрантами еще в 1929 году. Позже он был возведен в ранг Соратника-Руководителя этой организации. На больших архиерейских богослужениях С.А. Лопухин с удовольствием и знанием дела исполнял обязанности иподиакона, а Людмила Андреевна пела в церковном хоре. Сергей Алексеевич бывал в поселении, которое когда-то принадлежало России. Оно так и называется — Форт Росс. Это — поселение русских первооткрывателей калифор-

нийского побережья, постройки его сохраняются властями Соединенных Штатов как памятник истории. Лопухин приезжал сюда, чтобы помолиться в часовне Форта на панихиде по русским людям, принесшим сюда трехцветный Российский флаг, вознести молебен ко Господу о скорейшем освобождении России от большевистского плена. Сохранилась фотография: Сергей Алексеевич в Форте Росс на фоне двух флагов — Русского Императорского и Американского.

Важной частью деятельности русских патриотов-монархистов в Лос-Анджелесе была организация демонстраций перед советскими выставками, которые нередко проходили в крупнейших городах Калифорнии. Интересно, что это не были просто демонстрации протеста против всего советского — таких тоже было немало, но С.А. Лопухин, его родственники и друзья, графы Алексей Петрович и Петр Алексеевич Коновницыны, потомки знаменитого генерала и героя 1812 года, члены их семей, их друзья и знакомые организовывали чисто монархические демонстрации. О сути их, впрочем, лучше всего рассказал сам Лопухин в небольшой статье, опубликованной в регулярно выходившем бюллетене Союза-Ордена «Имперец»:

«Все русские демонстрации имели целью предупредить американскую публику, что ожидает ее, если коммунисты доберутся до власти в этой стране, — миллионы убитых и замученных, миллионы в тюрьмах и концлагерях, миллионы бесправных рабов, живущих в вечном непреходящем страхе...»

Мы бывали обычно несколько в стороне от остальных — группа русских монархистов. Мы устраивали демонстрацию другого рода. Мы не хотели предупреждать американцев, это уже делали другие. Нашей целью было, если возможно, установить некий «мост понимания» с нашими братьями на Родине и указать им единственный, по нашему мнению, путь к спасению Отечества. Место для демонстрации мы выбирали обычно на пути, которым шли на советские выставки обслуживавший их персонал, а иногда и посетители. Плакаты и все материалы были, конечно, на русском языке. Какова же была реакция русских людей «оттуда» на монархические лозунги и листовки? Как правило, мы раздавали более трех четвертей всего, предназначенного для раздачи. Отмечу, что мы ни разу не видели, чтобы листовку или нечто похожее бросили на землю, все брали и прятали, пробежав текст, некоторые просили еще один или два экземпляра. Можно с уверенностью сказать, что наши материалы были прочитаны. О реакции на выставленные плакаты и лозунги судить трудно: иные проходили мимо с каменными лицами, другие смотрели на них с явным интересом, третьи даже по-

давали реплики. При виде плаката, на котором было написано «За Веру, Царя и Отечество!», один сказал: «Вот это лозунг!» Наши плакаты и нас самих много раз снимали, частью, видимо, для отчета соответствующим спецслужбам, но что-то, наверное, и оставалось людям...

Дойдет ли то, что мы пытаемся «сеять», до русских душ, и даст ли посеянное хоть какие-то плоды? Можно только гадать. Не имея прямого контакта с нашими братьями в России, мы не можем ответить на этот вопрос. Остается надеяться...»

Сергей Алексеевич справедливо писал, что не может дать ответ на вопрос, достигали ли цели такие демонстрации. Но автор этих строк, отвлекшись на минуту от повествования, может засвидетельствовать как человек, побывавший в те годы и в США, и в других странах Запада: такие демонстрации — а я их видел несколько — производили на русских, оказавшихся за границей, очень большое впечатление. Они зримо указывали на то, что мы, наглухо отгороженные тогда от большого мира известным занавесом, не знаем мнения о нас других русских людей. Что эти люди и есть та, другая Россия, которая иначе мыслит, иначе чувствует, которая молится, чего уже давно не делали мы... И те листовки, о которых упоминает Сергей Алексеевич, не без труда и, конечно, тайком провезенные через границу, были редчайшими свидетельствами об этом ином мире, которые показывали только близким людям. Демонстрации, подобные калифорнийским, не были напрасными...

С.А. Лопухин с друзьями-единомышленниками участвовал и во всеамериканских акциях протеста против политики СССР. В 1977 году русские монархисты в Америке устроили в день 7 ноября большой пикет в Лос-Анджелесе. Были приготовлены специальные плакаты, щиты с фотографиями последнего Государя и всей Царской Семьи, лозунги «За Веру, Царя и Отечество!», имперские двуглавые орлы на высоких шестах... И тоже сохранилась фотография: в цепи пикетчиков — Людмила Андреевна и Сергей Алексеевич Лопухины, граф Алексей Петрович Коновницын. Над головами — портреты Государя, монархические лозунги, имперские знаки...

Не только деятельным участием в разного рода акциях проявлял С.А. Лопухин свои монархические чувства. Он был поэтом, писал неплохие стихи, в которых изливал душу патриота и монархиста.

Мы еще вернемся к стихам Сергея Алексеевича, и не раз, но сразу хочется сказать: в последнем разделе книги, где собраны некоторые сочинения Лопухиных, мы публикуем подборку его поэтических произведений.

Сергей Алексеевич Лопухин жил и умер как подлинный патриот и монархист-легитимист, ни на минуту не усомнившись в том, что подлинная Россия может быть только монархией, что лучшего строя для нее не сыскать, что Российский Императорский Дом, самим Господом призванный править Россией, жив, пока здравствуют легитимные потомки Романовых, имеющие законное право — право, основанное на Основных Законах Российской Империи — на Всероссийский Престол. Сергей Алексеевич не уставал повторять, что он был и остается верноподданным Главы Российского Императорского Дома в изгнании Великого Князя Владимира Кирилловича. Он был хорошо известен Государю, много раз встречался с Ним и Его Супругой Великой Княгиней Леонидой Георгиевной, когда они приезжали в США. Когда в 1976 году в Мадриде совершалось бракосочетание Их Августейшей Дочери Великой Княжны Марии Владимировны и Великого Князя Михаила Павловича, Сергей Алексеевич Лопухин и его супруга были приглашены на эти торжества. Он не только представлял на них монархистов и Российский Имперский Союз-Орден Калифорнии, не только поздравил Высоконовобрачных, но и в должном облачении участвовал в качестве иподиакона в таинстве Венчания Царственной Пары. Там же, в Мадриде, Сергей Алексеевич был награжден Вензелевым знаком Его Императорского Высочества, который сам Великий Князь приколот на грудь С.А. Лопухина.

Сергей Алексеевич не уставал повторять, что сам Господь хранил Государя Кирилла Владимировича и хранит Его Потомков для великой миссии возглавления Российского Императорского Дома в изгнании. Он часто возвращался к трагическому эпизоду в Его жизни, когда Кирилл Владимирович, будучи еще молодым, был чудом спасен при гибели броненосца «Петропавловск» в Порт-Артуре. Он даже написал стихи:

*Вспомним бой корабля средь кипучих пучин...
Роковую японскую мину...
Как Божественным чудом Господь сохранил
Жизнь Великому Князю Кириллу.*

Свое отношение и к монархической государственности России, и к монархии как таковой вообще С.А. Лопухин выражал не только в демонстрациях, писаниях своих, но повсюду, где это было возможно: на собраниях в русской колонии, на всевозможных торжествах и встречах. В 1970 году, например, в одном из госпиталей Лос-Анджелеса лежал выздоравливающий Король Югославии Петр II Карагеор-

гиевич, покинувший свою страну сын и внук югославских королей, которые в 20-е и 30-е годы деятельно помогали русским эмигрантам. Большая группа русских монархистов Калифорнии во главе с архиепископом владыкой Антонием навестила больного Монарха. Специально для этого случая Сергей Алексеевич написал стихотворное обращение к Королю:

*...Я верю: минуют страдания,
Востанет Святая Заря,
И сербский народ из изгнания
Вернет своего Короля!*

*Как светлый итог покаянья,
Торжественный будет парад...
Припомни мое предсказанье,
С триумфом вступая в Белград!*

Не упускал С.А. Лопухин возможности познакомиться со своими убеждениями, с историей России и американцев. В 1971 году, проходя курс усовершенствования английского языка в Сити-колледже Лос-Анджелеса, Сергей Алексеевич упомянул в разговоре с профессором о том, что у него есть документальный фильм о Государе Николае II. Профессор заинтересовался фильмом, а Лопухин предложил устроить в колледже его просмотр для студентов. Вот несколько строк из отчета об этом редкостном киносеансе в газете колледжа.

«...В назначенный день в аудитории Сити-колледжа собралось много студентов и даже несколько преподавателей. Все смотрели и слушали с большим вниманием и видимой доброжелательностью. Показывая фильм, С.А. Лопухин давал разъяснения на английском языке, но не вел никакой политической пропаганды, он говорил историческую правду, которая сама по себе убедительна. По окончании фильма он назвал несколько книг на английском языке, которые знакомят читателя с личностью Русского Государя и прошлым России. Успех был очевидный, все аплодировали Лопухину и благодарили его. Некоторые студенты выражали желание, чтобы фильм был показан еще раз, дабы большее число студентов могли посмотреть его».

Такова была оценка кинопросмотра со стороны. А единомышленники Сергея Алексеевича, поздравляя его с успехом, говорили, что он сделал этим больше для ознакомления американцев с подлинной Россией, чем многие лекции или учебные курсы.

Вскоре после этого, в начале 70-х годов, С.А. Лопухин взял на себя нелегкий труд редактирования ежемесячного русского журнала «Со-

гласие», который выходил в Лос-Анджелесе с 1952 года. Сергей Алексеевич стал третьим его редактором, и при нем журнал стал ярко монархическим изданием. Являясь, как сказано на титульном листе, «органом независимой русской мысли», он стал фактическим органом калифорнийских монархистов.

Журнал выходил раз в месяц на 50 страницах. Тираж его был, правда, невелик, зато каждый номер попадал к тому, для кого был предназначен. Редакции фактически не было. Сергей Алексеевич исполнял обязанности и составителя, и редактора всех материалов, и оформителя, а часто и печатника — листы журнала размножались на ротапринтере, а затем складывались в аккуратную тетрадь и скреплялись особым образом под красивой обложкой, на которой были изображены Красная площадь, храм Василия Блаженного, бояре, Лобное место и Имперские ораы.

Издавался журнал, как считалось, на средства его читателей. На последней странице печатались недлинные списки фамилий и рядом суммы пожертвований — 5 долларов, редко 10 и совсем редко 20 долларов.

Русская колония в Лос-Анджелесе не бедствовала, но лишних денег у подавляющего большинства не было. Да и откуда им было взяться, если Лопухины, например, жили на жалованье техника высокой квалификации, работающего на военном заводе, а семья Коновницыных, которая на свой счет оформляла практически все монархические пикеты и демонстрации, существовала на заработки графа Алексея Петровича, который много лет был шофером и водил тяжелые машины с грузами.

Вернемся, однако, к журналу «Согласие». В каждом номере Сергей Алексеевич публиковал свои политические передовые статьи, которые назывались «Мысли вслух». Это были раздумья автора о положении России и в России, о целях и смысле деятельности русской эмиграции, а часто и живые отклики на события, происходящие в далеком Отечестве. Редактор стремился ободрить читателя, вселить в него веру в полезность и нужность патриотической деятельности. Патриот-монархист Лопухин стремился воспитать в своих читателях патриотов-монархистов. Позволил себе процитировать одну из передовых статей Сергея Алексеевича, напечатанную в 1967 году, когда русская эмиграция вспоминала 50-летие величайшей трагедии России:

«Наш долг и обязанность, всех нас, русских, рассеянных по странам и весям, — прекратить, наконец, самооправдания и взаимные обвинения. Вина в том, что случилось, все, и всем надобно казаться, хоть степень вины и не у всех одинакова».

Но каяться — далеко не значит бездействовать!

Сейчас идет страшная борьба, уклониться от которой мы не можем! Как русский народ своим молчанием в свое время сыграл на руку врагам Государя, так и мы уклонением от борьбы теперь помогаем нашим врагам независимо от того, хотим мы этого или нет.

Нам надо твердо знать, что наше дело — правое и что самым верным помощником и союзником нашим в этой борьбе является Господь Бог. Ибо он дал в наши руки оружие, которого все враги наши боятся более всех водородных бомб, — свободное правдивое слово!

И пока оно у нас не отнято, наш священный долг и суровая обязанность — использовать это наше оружие, а также молитву ко Господу о помощи.

И только в этом случае, видя наши усердие и труд, по нашим молитвам и молитвам Царственных Мучеников, Господь Бог, возможно, вопреки всякой мирской логике и на посрамление всех врагов, возвратит нам по нашей вере наше Отечество и помажет на царство нашего законного Царя!»

И еще один образец публицистики С.А. Лопухина:

«Много говорилось и писалось об ужасных действиях безбожной власти, но, как кажется, упускалось или почти опускалось главное. Говорили о разрушении храмов и ниспровержении алтарей. Говорили, и теперь говорят, о множестве замученных и убитых людей. Это ужасно! Но случаи надругательства над Святынями бывали на Руси и прежде, и даже Чудотворная икона Курской Божией Матери носит на Себе след от удара татарской сабли...

Но разрушенные храмы можно снова выстроить, ниспровергнутые алтари можно воздвигнуть вновь, а на крови Мучеников — мы верим в это! — восстанут обновленная церковь и новая Россия.

Но можно ли без особой и чудесной помощи Господней выправить изуродованную и искалеченную человеческую душу? Я сам принадлежу к тому поколению, над детскими душами которого производили первый кровавый эксперимент, и только гораздо позднее я понял, какую жестокую и героическую борьбу за наши детские души вынесли наши родители...

Наша идея — наше спасение и спасение России. С непоколебимой верой в Бога и с твердой уверенностью в грядущей победе, в торжество Божией Правды мы должны продолжать проповедь нашей святой идеи. Крепко сплотимся же вокруг священной для нас

памяти Царя-Мученика и, имея перед собою пример Его страшной жертвы, будем твердо и непоколебимо стоять за нашу Святую Православную Церковь и за Идею Святой самодержавной Руси, которую олицетворяет сегодня Великий Князь Владимир Кириллович.

Сейчас, как никогда, к нам подходит один из девизов Имперского Союза-Ордена, представителем которого я являюсь: «Право на отдых имеют только мертвые!»

Разговор о Лопухине — редакторе, публицисте и поэте — закончим еще несколькими его стихотворными строчками:

*Средь моря лжи, порока и измены
Останься сердцем и душою чист,
Стои, как скала, не требуя замены,
Закона страж — Российский Монархист...*

*Будь верен Богу, церкви и народу,
Будь смел в защите имени Царя!
Смотри вперед — ты видишь там свободу.
Народ России смотрит на тебя!*

...Шли годы. Сергей Алексеевич Лопухин жил полной и напряженной внутренней жизнью, о которой мог и не догадываться равнодушный сторонний наблюдатель. Он работал на заводе, но не это было главным — он молился за Россию, часто прислуживал в церкви, писал стихи, редактировал журнал, участвовал в демонстрациях, вел большую переписку, выступал на собраниях, руководил отделением Имперского Союза-Ордена. Он жил полной жизнью и вдруг обнаружил незаметно подкравшуюся неизлечимую болезнь. Свой последний номер журнала редактор делал, уже тяжело страдая. Госпиталь, где за ним неотлучно ухаживали Людмила Андреевна и дочери, не принес облегчения.

Сергей Алексеевич Лопухин скончался 7 августа 1978 года в одном из госпиталей Голливуда на 58-м году жизни. А 12 августа высокопреосвященный Антоний, архиепископ Лос-Анджелесский и Южно-Калифорнийский совершил обряд отпевания покойного — так священноначалие выразило особое уважение верному сыну Церкви и патриоту России. Похоронили Сергея Алексеевича на православном Сербском кладбище.

С.А. Лопухин оставил на этой земле неутешную вдову Людмилу Андреевну, сына Алексея Сергеевича, который сейчас работает правительственным переводчиком в Вашингтоне, дочерей Елену, Александру и Софию. Но осталось еще много друзей, единомышленников,

последователей, почитателей. Специальный номер журнала «Согласие», посвященный памяти почившего редактора, был почти целиком отдан материалам о Сергее Алексеевиче. На первой странице его был напечатан рескрипт вдове покойного, присланный Великим Князем Владимиром Кирилловичем:

«Дорогая Людмила Андреевна!

Моя семья и я были глубоко опечалены вестью о кончине Вашего мужа, и шлем Вам наше глубокое и сердечное сочувствие.

Да поможет Вам Господь перенести это тяжелейшее в жизни человека испытание.

Владимир».

Свои чувства в связи с кончиной Лопухина высказали многие: и читатели журнала, и товарищи по демонстрациям, и соратники по Российскому Имперскому Союзу-Ордену. Забегая вперед, скажем, что и сейчас, спустя два с лишним десятилетия после кончины С.А. Лопухина, его помнят в Калифорнии, а его вдове не забывают оказывать знаки внимания. И она отвечает тем же соратникам покойного мужа. Недавно, например, в 1999 году она сердечно поздравила Имперский Союз-Орден с 70-летием со дня основания: *«Многие деятели его уже ушли в лучший мир, но слава Богу, что и сейчас есть люди, которые жертвенно продолжают эту необходимую и полезную работу. Пошли им Господь сил и бодрости духа для дальнейшей их деятельности на благо Отечества.*

Людмила Лопухина, вдова покойного Соратника-Руководителя Сергея Алексеевича».

Вернемся, однако, к траурному выпуску журнала «Согласие». Пожалуй, самые трогательные и самые поэтичные слова прощания с покойным другом нашел старший из Коновницыных, граф Алексей Петрович. Он написал: *«Я верю, что в лице Царя-Мученика, священную память которого так свято чтит новопреставленный раб Божий Сергей, покойный приобрел великого заступника и дерзновенного молитвенника.*

И верится мне, что сейчас там, на небе, стоит Сережа, вытянувшись во фронт перед Царем-Мучеником, и рапортует Государю о пройденной службе, а Государь, обнимая и целуя новопреставленного раба Божия Сергея, благодарит его за доблестную и верную службу.

И берет его Государь за руку и ведет его селениями праведных. И раскрывается величественная панорама перед духовными очами

Сережи. Он зрит сонм Новомучеников, убиенных и умученных сатанинской властью за Веру Православную, за Помазанника Божия, за Святую Русь. Одеты они в одежды белоснежные, на главах у них терновые венцы победы, и в руках они держат русские вербочки; из многочисленных ран их струится алая кровь, обильно орошающая и очищающая многогрешную Русь.

Стоит Сережа, и на его просветленном лице сияет улыбка радостью небесной, ибо он попал туда, куда стремился всю жизнь. И нам надлежало бы радоваться с ним, ибо он — соотрапезник великого пира духовного, а мы горько рыдаем, ибо с нами дорогого Сережи уже нет!»

КАПИТАН ДАЛЬНОГО ПЛАВАНИЯ

Капитан дальнего плавания Олег Михайлович Лопухин в анкетах писал, что родился в 1924 году в Калуге. На самом деле появился он на свет в Калужской губернии, на старой мельнице, что стояла между двумя селами Лопухино и Нестеровка, бывших когда-то одним из родовых имений Лопухиных. Последний хозяин его Иван Дмитриевич Лопухин скончался в 1917 году, избежав множества бед и несчастий, которые выпали на долю его вдовы Сусанны Казимировны, урожденной Чарковской, и детей, старшим из которых дома оставался тогда шестнадцатилетний Михаил Иванович.

Окрестные крестьяне любили своих добрых помещиков и после 1917 года защищали их от пришлых людей, приносили хлеб, молоко, яйца. И все же с приходом большевиков семья покинула большой господский дом и поселилась во флигеле, что стоял на отшибе. Позже новые «хозяева жизни» выселили их и из флигеля. Лопухины переехали на мельницу. К 1923 году сыновья Сусанны Казимировны уже работали в Калуге: Александр, офицер Белой армии, вернувшийся после суда и долгих скитаний, возил воду в бочке по городским улицам, а Михаил, выпускник реального училища, стоял на часах под дощатым грибокком, охраняя какую-то «общенародную собственность». В имении оставалась только вдова с младшими девочками. Но все они — и мужская половина семьи, и дамская — продолжали считать домом свою деревню, не зря же владел ею едва ли не десяток поколений Лопухиных. Поэтому, когда младший из братьев, Михаил, женился, он после венчания привез молодую жену Феоктисту Васильевну, урожденную Бахтеярову, «к себе домой», к маме. Здесь 1 августа 1924 года и родился маленький Олег.

Но идиллия продолжалась недолго. Уже через несколько месяцев, поздней осенью, семье пришлось навсегда уехать из родных мест: оставаться там бывшим помещикам стало опасно. Через много лет Олег Михайлович заметил как-то, что он — последний Лопухин, родившийся в лопухинском имении...

Отец мальчика работал сначала в Калуге, затем на землях первого в тех местах совхоза, куда его пригласили на работу как специалиста по сельскому хозяйству, затем — в Москве, позже он руководил государственными хозяйствами в Подмосковье. Заметим, что Михаил Иванович никаких специальных учебных заведений не кончал, но так полно перенял от своего отца, прекрасного помещика — сельского хозяина, его знания, навыки и опыт, что всего этого багажа сыну хватило на долгие десятилетия. Он заведовал совхозами, принадлежавшими тогда Лечебно-санитарному управлению Кремля. Его держали как специалиста и организатора, несмотря на то, что в анкетах он неизменно указывал: социальное происхождение — дворянин. В конце 30-х годов, когда он почувствовал, что «снаряды рвутся рядом» — то и дело приходилось узнавать об аресте то одного, то другого сослуживца, — Михаил Иванович решил, посоветовавшись с женой, отослать сына Олега куда-нибудь подальше, береженого Бог бережет.

Весной 1940 года шестнадцатилетний Олег окончил семилетнюю школу и отправился учиться в Херсон, в мореходное училище, которое тогда еще называлось морским техникумом. В училище Олегу нравилось; он с удовольствием учился, готовился стать моряком, штурманом — он поступил на судоводительское отделение. После 1-го курса — морская практика. Учебное судно «Товарищ» ходило по Черному морю, это было первое плавание будущего капитана. Продолжалось оно недолго. О начале войны на «Товарище» узнали в море, взяли курс на родной порт, но дойти до него не удалось. В открытом море самолет с черными крестами на крыльях сбросил на судно несколько бомб, и оно затонуло. Многие, и члены экипажа, и курсанты, погибли, но Олег Михайлович оказался в числе уцелевших. Относительно быстро их подобрала. К счастью, было лето, море теплое, и несколько часов, проведенных в воде, не принесли вреда оставшимся в живых. Сколько раз, плавая позже под бомбами и среди подводных лодок врага на Севере, он вспоминал это теплое и ласковое Черное море, воды которого будто поддерживают потерпевшего крушение моряка, в то время как северные губят его в своих ледяных объятиях...

В Херсоне его ждали не лучшие вести — морской техникум с началом войны был закрыт. Ему выдали справку об окончании

1-го курса, о прохождении практики, которую так некстати превала война, и воинский литер для проезда в Москву, домой.

Наркомат морского флота, так назывались тогда министерства, направил юношу для продолжения учебы в Бакинский мореходный техникум. Позднее он также назывался мореходным училищем. Уехал Олег Михайлович из Москвы в сентябре 1941 года. А в октябре наступил критический момент — немецкие войска в тридцати километрах от города, по улицам ползут на близкий фронт танки, туда же шагают сибирские полки, учреждения вывезены, по карточкам ничего не продают... И вот в эту холодную, голодную прифронтовую Москву стали приходить Лопухиным-старшим письма из Баку.

«24/XI — 41.

Устроился я здесь хорошо, учеба идет как надо и вообще — все в порядке... Погода в Баку прекрасная, на улице — как летом... Вот и все мои новости».

«23/XII — 41.

Вчера получил письмо и деньги. Спасибо. Поздравляю с наступающим Новым годом... А мы уже оттрубили полгода, еще через полгода — экзамены, а в январе 1943-го мы уже — штурмана...»

«10/II — 42.

Учеба у меня идет хорошо, из 28 предметов — 18 «хорошо» и 10 «отлично»... Через 9—10 месяцев мы уже выпускаемся, мы — штурмана дальнего плавания».

24 февраля Олег Лопухин написал в Москву, что получил повестку в военкомат, а через три дня отправил домой еще одну открытку:

«28/II — 42.

Спешу сообщить новость — я призван в армию, завтра отправляюсь в пехотное училище, говорят, что в Тбилиси... Там надо заниматься 6 месяцев, и ваш сын станет лейтенантом пехоты... Конечно, жалко бросать техникум, но что поделаешь! Кончится война, тогда и кончу. Адрес свой сообщу сразу же по прибытии в часть...»

Олег Михайлович Лопухин весь 1942 год учился и воевал в Закавказье. Пехотным лейтенантом он так и не стал, потому что в трудную минуту пехотное училище сняли с занятий и в полном составе отправили на передовые позиции. Летом 1942 года германские войска наступали на Нальчик и Владикавказ — столицу Северного Кавказа. Чтобы остановить противника, из Закавказья по Военно-Грузинской дороге отправили на фронт все части, которые только смогли сформировать. В одну из них влился отряд курсантов пехотного училища. Бои шли уже в горах, нашим было очень трудно, потому что им противостояли лучшие германские части,

специально обученные для военных действий в горах, среди них и знаменитая дивизия «Эдельвейс».

Всю вторую половину 1942 года и начало 1943-го шли бои за Кавказ. Главный Кавказский хребет немцы все-таки не перешли. А весной 1943 года Олега Михайловича неожиданно отозвали обратно в Баку. В то время вышло постановление Комитета Оборона, которое требовало срочно доучивать всех специалистов транспорта — железнодорожного, морского, водного и автомобильного — и направлять их на работу. И снова собрались в своих классах курсанты Бакинского морского техникума — старейшего на Кавказе морского учебного заведения, которое было основано как Морские классы еще в 1881 году. Третий и четвертый курсы Олег Лопухин и его товарищи одолели за год, сдали экзамены, и в апреле 1944 года им были вручены дипломы техников-судоводителей и присвоены звания штурманов дальнего плавания.

Штурман Лопухин, еще не отметивший свое двадцатилетие (до него оставалось целых три месяца), получил направление на Северное морское пароходство, которое находилось в Архангельске. В мае 1944-го Олег Михайлович приехал в Архангельск и сразу же был назначен 4-м помощником капитана и штурманом на большой пароход «Диксон», только что полученный от союзников по ленд-лизу. На него как раз тогда собирали команду...

...Прежде чем продолжить рассказ о службе штурмана О.М. Лопухина на «Диксоне», придется сделать отступление, которое пояснит ситуацию, сложившуюся тогда на русском Севере. Все военные годы наши северные порты Архангельск и Мурманск играли особую роль в жизни страны — в основном через них шло к нам огромное количество грузов, которые присылали союзники, страны антигитлеровской коалиции США и Великобритания. За годы войны через северные порты Россия получила почти 4,5 миллиона тонн грузов — тяжелое вооружение: танки, артиллерийские установки, самолеты, автомобили; военные материалы, боеприпасы, заводские оборудование, редкие металлы, продовольствие... Без этих поставок по ленд-лизу, то есть с отложенной оплатой, которая так, впрочем, и не была потом произведена, наша страна, конечно, не смогла бы одолеть гитлеровскую Германию. Чтобы перевезти огромное количество грузов, нужны были суда, которых не было ни в России, ни в Англии. Проблему решили со свойственным им размахом американцы.

«США разработали огромную по своим масштабам судостроительную программу, построили за четыре военных года свыше трех тысяч судов, которые, став «судами на один рейс», выполнили сложней-

шую задачу по доставке грузов морем в порядке взаимной помощи странам-союзницам», — писал в своей книге «Конвои», выпущенной в 1995 году в Архангельске, инженер-кораблестроитель и историк флота капитан дальнего плавания Константин Дмитриевич Смирнов. Это были серийные крупнотоннажные, современные, относительно дешевые в постройке суда с унифицированным, легко заменяемым оборудованием и большой грузоподъемностью. «Наиболее популярным и дешевым, — продолжал К.Д. Смирнов, — был сухогруз типа «Либерти», строившийся как «судно на один рейс». Считалось, что если такое судно успешно пересекло океан и доставило груз в Европу, то оно уже оправдало расходы на постройку». Таких одноразовых «Либерти» в США за годы войны было построено 2710. Конечно, большинство их ходило по морям и океанам не один раз. Более сорока транспортов типа «Либерти» осталось после войны и в нашей стране, где еще годы и годы они ходили российскими морскими дорогами, доставляя самые разные грузы. Меньшей по масштабу, но примерно такой же по назначению была и серия судов английской постройки типа «Эмпайр».

В апреле 1944 года командование союзников передало в Архангельске по ленд-лизу Северному морскому пароходству четыре таких судна. Два парохода были американской постройки типа «Либерти» и два английских — типа «Эмпайр». В те самые дни, когда в Архангельск с направлением из Баку приехал штурман О.М. Лопухин, как раз формировались команды для этих четырех сухогрузов. На одно из них — «Эмпайр Карпентер» британской постройки и был направлен наш герой. На «Эмпайре» подняли советский флаг, в честь недавно погибшего парохода назвали «Диксоном», и команда стала готовить его к выходу в море.

В сборнике «Северные конвои», выпущенном в 1991 году, среди многих ветеранов северных рейсов в военные годы, опубликовал свой очерк о «Диксоне» и бывший 4-й помощник капитана, штурман Олег Михайлович Лопухин.

«Это был отличный крупнотоннажный корабль водоизмещением четырнадцать тысяч тонн, длиной в 136 метров и шириной в 17 метров. Он имел клепаный корпус (в отличие от сварных корпусов «Либерти», клепаные были гораздо прочнее. — *Примеч. ред.*) и был отлично вооружен: на палубе было 76-миллиметровое орудие, на кормовой надстройке — 130-миллиметровое, автомат «Бофорс» противовоздушной обороны и 6 противовоздушных «Эрликонов». Кроме того, на главном мостике стояли два спаренных крупнокалиберных пулемета, а на корме — комплект противолодочных глубинных бомб

и лоток для их сбрасывания» — так спустя почти сорок лет вспоминал свой первый пароход Олег Михайлович. Но гораздо больше внимания уделил он в очерке капитану «Диксона» Герману Васильевичу Беркулю — опытному и знающему судоводителю, служба с которым немало дала Лопухину...

Олег Михайлович хоть и обладал литературными способностями, но все же он оставался моряком. А моряки, как правило, скупы на описания и плаваний, и походов, и сражений. На шести неполных книжных страничках он уложил все важнейшие дела «Диксона» в последний год Второй мировой войны.

Это один из очерков последнего раздела книги, в котором собраны произведения, написанные многими Лопухинскими в самое разное время. Мы же расскажем только о двух операциях «Диксона». Об одной из них, кстати, в очерке не упоминается вовсе, поскольку лишь недавно гражданских моряков, участвовавших в военных операциях Северного флота и конвоях, признали участниками боевых действий в годы войны. Об этом мы скажем в свое время, а пока вот как проходила эта боевая операция.

В начале октября 1944 года началось крупное наступление наших войск в Заполярье. Чтобы отрезать пути снабжения германской армии и выйти в ее тылы, было решено силами Северного флота внезапно захватить порт и военную базу немцев в Лиинахамари. База эта размещалась в глубине крупнейшего в тех местах Варангер-фиорда (Варяжского фиорда), вход в который стерегли многочисленные батареи береговой артиллерии. Подойти к базе без больших потерь можно было только применив военную хитрость. Командование Северного флота решило высадить в Лиинахамари десант прямо на причалы базы, но не с военных транспортов, которые враг легко мог опознать, а с новых судов гражданского флота, которые могли бы в случае удачи сойти за «свои». В те времена сухогрузные суда Северного морского пароходства, да и американские «Либерти» ходили со скоростью не более 10—11 узлов, что было известно немцам. Поэтому десант морской пехоты надо было везти на более скоростных судах. Пароходы английской постройки были несколько быстрее «Либерти», и выбор командования пал на «Диксон». Его и «одолжили» военные моряки у гражданских властей на эту операцию вместе с экипажем.

Успех «Диксона» в большой степени зависел от штурманской части — точная прокладка курса при плавании по незнакомому извилистому фиорду да еще полным ходом была обязательной. На этом коротком переходе штурману Лопухину «досталось», наверное, как

ни на каком другом, он постоянно ощущал напряженное внимание капитана к его расчетам и ни разу не ошибся. «Диксон» с десантом морской пехоты прошел по Варангер-фиорду без единого прямого попадания вражеских снарядов, хотя по нему стреляли.

Первыми на военную базу Лиинахамари ворвались быстроходные корабли Северного флота — малые охотники и торпедные катера. Враг не ждал нападения. Немецкий командир базы передал по радио всего несколько слов: «Русские прорвались на базу. Срочно эвакуируйтесь...» И вскоре после этого к стенке только что захваченного порта подошел пароход «Диксон» с десантом. Успех был надежно закреплен...

Интересно, что с этой же наступательной операцией армии и флота в октябре 1944 года, только с последней ее стадией, был связан еще один запомнившийся поход «Диксона», на котором служил Олег Михайлович. Это был один из самых важных и самых опасных рейсов «Диксона», но в то же время и самый короткий — всего 90 миль. Но каких миль!..

В конце октября 1944 года войска Карельского фронта закончили стратегическую операцию по освобождению нашего Заполярья с городом Печенга и части территории соседней Норвегии с городом Киркенесс. К концу операции возле Печенги оказались закончившие бои танковые части, которые были очень нужны на других участках. Командующий фронтом генерал К.А. Мерецков попросил моряков как можно быстрее перевезти танки с экипажами из Печенги в Мурманск для отправки их по железной дороге на фронт. И это важное дело было поручено экипажу «Диксона».

Как только пароход под охраной военных кораблей пришел в Печенгу, на борт его поднялся командир танкового полка полковник Н.И. Соколов, и они вместе с капитаном Г.В. Беркулем стали разрабатывать план погрузки боевых машин на судно. В штабе фронта планировали два рейса парохода для перевозки танкового полка. Однако, осмотрев танки и рассчитав их вес, капитан предложил грузить танки в трюмы транспорта не в один ряд, на дно, а в два ряда с деревянной прокладкой между ними. Так не делали еще нигде, американские «Либерти», перевозившие в нашу страну танки из США, всегда устанавливали их только в один ряд. Иначе — просто нельзя!

...Ох уж эта лихость русская! Суворова с полками прижали к Альпам — уж тут-то деваться некуда. А он — через Альпы! Невиданное дело, но прошел со всей армией да еще громил по пути французов... 1914 год, первое сражение Великой войны. Возле деревни Каушаны немецкая батарея бьет прямой наводкой по гвардейской кавалерии

русских. Командиры вспоминают курсы училищ и академий — спасения нет, надо отходить. А ротмистр Врангель развертывает свой эскадрон и — марш-марш! — прямо на пушки. Единственный случай в двадцатом столетии: артиллерийская батарея с полной обслугой и запасом снарядов взята в конном строю, во встречном бою... Танки на причале, все расчеты известны: машины опускают на дно трюмов на деревянные подставки-щиты и везут. Иначе — нельзя! На «Диксоне» предлагают грузить танки в два слоя, как пирог... Начальство в восторге, но самостоятельно решиться на ТАКОЕ не могут, запрашивают командующего фронтом, уж очень ответственный груз — целый полк! — предлагалось погрузить на один пароход. Генерал Мерецков дал добро...

Трудной была погрузка тяжелых машин. В порту Печенги кранов тогда не было, и поднимать танки, а потом опускать их в трюмы приходилось с помощью грузовых стрел парохода. Не было в порту и рабочих, все работы были проведены командой «Диксона», все офицеры судна — в том числе и штурман О.М. Лопухин — дежурили в трюмах и у большегрузных стрел, руководя погрузкой. Скоро трюмы и палубы парохода оказались тесно заставленными танками и тяжелыми самоходными артиллерийскими орудиями полка. Не удалось погрузить лишь один танк — для него не хватило места... К счастью, в порту оказался небольшой пароход «Енисей», на который грузовой стрелой с «Диксона» было погружено это последнее бронированное чудовище.

Перед отплытием начальник конвоя — а «Диксон» на пути в Мурманск охраняли 12 боевых кораблей, небывалый эскорт для одного судна, — собрал всех командиров. Инструкция контр-адмирала П.П. Михайловского оказалась предельно простой: «Пароход «Диксон» с ценным грузом должен прийти в порт назначения любой ценой».

О самом переходе О.М. Лопухин вспоминал скупо: «После полуночи «Диксон» снялся со швартовых и, развернувшись на рейде порта Печенги, лег курсом на выход из фиорда. Баренцево море встретило нас благоприятной погодой, но мы шли в кромешной тьме полярной ночи. Двенадцать кораблей эскорта окружали пароход плотным кольцом и следовали форсированным ходом... В районе губы Вайда на конвой начали атаки подводные лодки противника, но корабли охранения немедленно стали атаковать лодки глубинными бомбами, а мы пошли переменными курсами, противолодочным зигзагом. Крепкий клепаный корпус парохода содрогался от беспрерывных взрывов глубинных бомб...

Во время перехода радиостанция «Диксона» работала только на прием, рации эскорта тоже не произносили в эфир ни звука... При прохождении в районе маяка Цып-Наволок, расположенного на восточном побережье острова Рыбачий, бомбежка лодок глубинными бомбами возобновилась с удвоенной силой. Противник предпринял очередную атаку на наш конвой. Бесперывные и сильные взрывы все время слышались и прямо по курсу, так как флагман — лидер «Баку» — без перерыва сбрасывал бомбы для отражения атак, а подводные лодки также непрерывно пытались прорваться сквозь строй охранения и торпедировать «Диксон». Однако благодаря умелым и энергичным действиям командира конвоя и кораблей охранения все атаки немецких лодок были сорваны...

Ценнейший груз был доставлен в порт Мурманск. На Лесном причале Мурманского порта, где нас поставили под разгрузку, уже стояли в готовности для приема боевых машин железнодорожные платформы. Экипаж своими силами выгрузил технику, а с подошедшего парохода «Енисей» был перегружен нашей грузовой стрелой и последний танк. Так был выполнен этот сложный рейс.

Забегая вперед, скажем, что весной 1945 года из того танкового полка на «Диксон» пришло письмо: «Сейчас, штурмуя змеиное гнездо гитлеризма, мы с благодарностью и теплотой вспоминаем о вашем самоотверженном труде в Печенге и в Мурманске... В скорой общей победе над врагом есть частица и вашего труда...»

...О своих походах военных лет штурман Лопухин рассказывал нечасто и неохотно — не то чтобы было обидно, но должна же существовать справедливость! В свое время в документах, отчетах и сводках почему-то не указали участие гражданских пароходов в высадке десанта в Лиинахамари, и оказалось, что «Диксон» в ней как бы и не участвовал. И вообще, гражданских моряков, ходивших в северных водах в конвоях, долгое время даже не считали участниками войны. Хотя по условиям работы, по опасности для жизни и потерям они зачастую могли бы поспорить со многими подразделениями военно-морского флота и армии. Практически невооруженные или слабо вооруженные транспорты нередко без сопровождения противостояли военным кораблям, подводным лодкам и авиации противника. А сколько гражданских моряков нашли вечный покой в холодных водах Арктики и Северной Атлантики!

К сожалению, и теперь мало кто знает, что помимо зарубежных конвоев, доставлявших нам грузы по ленд-лизу из США, наши транспорты с теми же самыми грузами, в тех же условиях и часто с не меньшими потерями ходили по внутренним трассам, в частности по

Северному морскому пути. Вспомним хотя бы легендарный бой парохода «Сибиряков» с тяжелым германским крейсером «Адмирал Шеер» близ острова Диксон...

Лишь в 70-е годы стали у нас говорить о северных конвоях военных лет, тогда как в Англии и США такие же транспортные операции давно стали неотъемлемой частью военных усилий народов и, следовательно, воинской славы... Только к тридцатипятилетию Победы над фашизмом справедливость была восстановлена. Ветераны северных конвоев, в том числе и Олег Михайлович Лопухин, были официально признаны участниками Отечественной войны 1941—1945 годов и награждены медалями «За оборону Заполярья», а потом и орденами Отечественной войны II степени.

Судьба и впредь не всегда будет благосклонна к Олегу Михайловичу Лопухину, но об этом речь впереди. Тогда же, в середине победного 1945 года, обо всем этом не думалось. Тогда молодой моряк, как и все, радовался победе, стремился больше плавать, учился судовождению, готовился перейти из штурманов в капитаны. И это удалось ему довольно скоро. Уже в 1948 году О.М. Лопухин выдержал экзамены, набрал необходимый ценз по различным условиям плавания и получил столь почитаемый в среде моряков диплом капитана дальнего плавания. Было тогда Олегу Михайловичу всего двадцать четыре года. Он стал едва ли не самым молодым в отечественном флоте капитаном, допущенным к самостоятельному вождению судов в дальние рейсы, в том числе и зарубежные...

Если этот год стал памятным для моряка капитанским дипломом, то следующий ознаменовался другим, еще более важным для него событием — Олег Михайлович женился. Тамара Яковлева была дочерью представителя известной купеческой фамилии Якова Васильевича Чеснокова и его жены Алиды Гансовны, урожденной Пярсон. Мать Тамары Яковлевны была немкой, происходила из семьи, жившей в Эстонии. Это и сыграло трагическую роль в ее судьбе: когда Тамаре было всего четырнадцать лет, ее мать Алида Гансовна была арестована по стандартному в то время обвинению в шпионаже. Вскоре семье объявили приговор: десять лет лагерей без права переписки... Теперь мы знаем, что это означало одно — смерть!

Когда Олег Михайлович познакомил друзей со своей невестой, те, что постарше, зная о ее несчастье, качали головами и советовали молодому моряку хорошенько подумать — стоит ли усложнять таким браком свою, и без того обремененную «нежелательным происхождением» биографию.

...Было страшное время. Страной правил кровавый диктатор, царил санкционированный произвол органов. Все знали, что такое аббревиатура ВН (враг народа), знали и другую — ЧСВН, что на чекистском языке означало член семьи врага народа. Всем было известно, что пресловутые ЧСВН были почти вне закона, что их, как зачумленных, следует сторониться... Капитан Лопухин был молод, немного наивен. Когда тебе двадцать пять, ты уверен, что знаешь жизнь и что неприятности, даже беды могут случиться... но не с тобой... Ты же ни в чем не виноват, тебе нечего бояться... Тогда мы еще не читали «Один день Ивана Денисовича», эта книга появится лишь через пятнадцать лет. Кроме того, Олег Михайлович не был бы Лопухиным, если бы, как советовали иные, «прислушался к голосу разума».

Он послушался голоса сердца... и поплатился за это. Когда вскоре после свадьбы он подошел к трапу судна, капитана просто не пустили на борт, люди в штатском показали красные удостоверения и попросили пройти в управление Северного пароходства. Там ему сообщили, что на судах заграничного плавания он служить больше не может, что ЧСВН «нечего делать на судах, плавающих под гордым советским флагом».

Но это было еще не все — иезуитские правила тех жутких времен не разрешали называть вещи своими именами, уж очень расходилась действительность с общепринятыми нормами порядочности и человечности. О.М. Лопухина заставили написать заявление, что он сам уходит из пароходства по состоянию здоровья. И через двадцать, и через тридцать лет капитан Лопухин будет писать в своих автобиографиях и анкетах отделов кадров, что в 1949 году он был «забракован медицинской комиссией и поэтому ушел из плавсостава».

Что же касается судьбы матери его жены, то вся правда о ней стала известна еще позднее. В 1952 году семье было выдано официальное свидетельство о смерти Алиды Гансовны, где было написано, что она умерла в заключении 11 декабря 1945 года от воспаления легких. Когда почти через сорок лет ее внук Вадим Олегович Лопухин добился допуска к следственному делу своей бабушки, оказалось, что она была расстреляна через пять дней после ареста по распоряжению «тройки» НКВД за «шпионаж в пользу трех держав — Германии, Швеции и Эстонии». Из документов было ясно, что «следователь» сформулировал обвинение, спросив, какими языками владеет арестованная. Она ответила: немецким, шведским и эстонским. Этого оказалось достаточно для сталинского «правосудия»... Узнав правду, внук погибшей настоял на выдаче нового свидетельства о смерти,

в котором была другая дата и другая причина смерти — расстрел. Так и хранятся в семейном архиве два свидетельства о смерти одного и того же человека.

Когда в 1956 году «дело» Алиды Гансовны было пересмотрено Президиумом Архангельского областного суда, решение гласило: «Постановление «тройки» УНКВД по Архангельской области от 5 декабря 1937 года в отношении Пярсон Алиды Гансовны отменить и дело о ней за недоказанностью обвинения производством прекратить».

Поздняя, тем более посмертная реабилитация неизменно вызывает горечь и негодование. Не хочется благодарить за восстановленную справедливость — уж очень страшна цена, заплаченная за все это. Ни в чем не повинная женщина, мать четверых детей, была убита, ее семья подвергалась всякого рода гонениям, зять, который даже не был знаком с нею, на целых семь лет лишился возможности работать по специальности. И это лишь одна семья, одна из миллионов!..

Но и в те годы Лопухин не мог обходиться без моря. Он работал сначала капитаном на судоремонтном и судостроительном заводе «Красная кузница», проводил ходовые испытания судов после их ремонта, а позже в качестве морского инспектора Архангельского управления морских путей осваивал Северный морской путь, прокладывал маршруты, по которым позже ходили в ледовых морях сотни и тысячи судов. И только в 1957 году, после реабилитации тещи, он получил свое судно и вновь поднялся на мостик постоянным капитаном.

В позднейших анкетах Лопухин писал по-морскому коротко и четко: «С 1957-го по 1972 год в составе экипажей судов заграничного плавания побывал в странах Европы, Азии, Африки, Америки». Можно представить себе, сколько интересного повидал Олег Михайлович за эти годы, как много было любопытных и поучительных встреч, какая масса впечатлений накапливалась после каждого рейса. Вернувшись из плавания, капитан садился за письменный стол. В его архиве сохранились почетные грамоты, врученные ему руководителями популярных широковещательных радиоканалов. Всесоюзная радиостанция «Юность» и радиостанция «Атлантика», работавшая практически на все Западное полушарие, благодарила капитана за деятельное участие в передачах о море, моряках, о флоте. Дело в том, что Олег Михайлович, как и его отец, были прекрасными рассказчиками, их живые рассказы собирали большие аудитории. Радиоредакторы пользовались этим. Кроме того, работал он и для Архангельского телевидения, вел рубрику «Зарубежный мир глазами моряка». Вот если

бы собрать все морские рассказы Лопухина, прозвучавшие в эфире... Но записи не сохранились.

Интересно, что, когда на Север приезжали творческие коллективы или известные деятели искусств, их обычно направляли на судно Олега Михайловича Лопухина, с которым они иной раз довольно далеко путешествовали. Во время одного из таких походов по Северному морскому пути на борту лопухинского судна родились такие некогда популярные песни, как «Опять стою на краешке земли» А. Колкера и «Нарьян-Мар мой, Нарьян-Мар» Г. Пономаренко на стихи поэтессы И. Кашежевой. И авторы этих песен, и первые их исполнители М. Пахоменко и Е. Шаврина дошли на теплоходе «Тулумалес» до Енисея — немалый путь. И первым слушателем этих популярных песен стал экипаж лопухинского судна. И с другими мастерами песни, такими, как певец Эдуард Хиль или квартет «Аккорд», Олега Михайловича также связывали тесные дружеские отношения.

Говоря об этом большом и насыщенном периоде в жизни и работе капитана Лопухина, мы ограничимся всего лишь констатацией известных, но очень емких фактов: в течение пятнадцати лет плавания без единой аварии — это было даже отмечено почетным знаком Министерства морского флота — Олег Михайлович стоял на мостиках шести крупных транспортных судов, оставил за кормой сотни тысяч морских миль, побывал в десятках стран, перевез на своих судах около миллиона тонн грузов...

Вместе с тем необходимо было идти в ногу со временем. В 1964 году сорокалетний капитан поступил на заочное отделение судоводительского факультета Высшего инженерного морского училища имени адмирала С.О. Макарова. Этот морской вуз много лет работает в Петербурге, готовит и повышает квалификацию моряков. В 1968 году он закончил училище и получил еще один диплом — инженера-судоводителя.

Однако в начале 70-х годов стало понемногу сдавать сердце — оставаться на мостике стало опасно. Сказались, видимо, перегрузки и испытания военного, да и невоенного времени, бессонные ночи, контрасты климата — то Арктика, то тропики, участие в Карибском, Ближневосточном, Вьетнамском кризисах, когда приходилось, как в годы Второй мировой войны, возить в эти страны военные грузы, но уже без сопровождения военными кораблями. К тому времени капитан Лопухин был уж награжден орденом, медалями, другими знаками отличия. Стал почетным работником морского флота. Но никакой опыт не заменит на капитанском мостике здорового сердца. Он понял, что дорога в море для него скоро станет закрытой...

В ноябре 1972 года министр морского флота подписал приказ о назначении инженер-капитана дальнего плавания О.М. Лопухина начальником Архангельского мореходного училища с разрешением ему продолжать работу капитана на судах заграничного плавания. Это позволило Олегу Михайловичу еще несколько лет хотя бы два раза в год ходить в дальние рейсы.

И снова, как и пятнадцать лет назад, началась в основном береговая жизнь. Но качество ее стало иным. Мореходное училище сразу же, как вспоминает его сын, вовлекло капитана в свою орбиту, стало делом жизни. А постоянное пребывание дома показало свои преимущества. Он был теперь в кругу семьи, чаще мог видеть родителей, живших в Москве, которых он покинул четырнадцатилетним подростком. По свидетельству близких, он был прекрасным отцом и заботливым мужем. А его роль в воспитании и развитии детей невозможно переоценить. Его, отца, глазами дочь и сын видели как бы весь большой мир, благодаря его рассказам узнавали незнакомые страны и континенты, знакомились с разными людьми. Отец был для них второй, а может быть, и первой школой. Общение с ним помогало свободному становлению их личности в практически закрытом тогда обществе. Дочь Олега Михайловича Лидия стала известным на Севере педагогом, а сын Вадим выбрал редкую для Лопухиных профессию — стал первым в роду врачом...

Если прежде капитан Лопухин ощущал ответственность за судно, груз, за десятки людей экипажа, то теперь ее сменила ответственность за крупное училище с сотнями курсантов и десятками преподавателей. Архангельская мореходка, как называли училище в обиходе, была старейшим в России гражданским морским учебным заведением. Оно было основано Государыней Екатериной Великой в 1781 году в Холмогорах, на родине Ломоносова, и через пять лет переведено в Архангельск. Выпускники Архангельской мореходной школы осваивали Русский Север, плавали во льдах, торили будущий Северный морской путь, бывали и в других морях, показывая флаг России. Выпускники училища участвовали в знаменитых полярных экспедициях — на шхуне «Утренняя заря» в 1863 году, на «Святом мученике Фоке» в 1911 году под командованием Георгия Седова, в спасении У. Нобиле...

В училище Олег Михайлович не только директорствовал, но и читал курсы лекций, такой, например, как «Управление судами». Его лекции, изданные училищем, по сей день пользуются популярностью среди курсантов и преподавателей. В те годы Архангельское мореходное отметило свое двухсотлетие. Весной 1981 года было торжествен-

ное заседание, награждения. Училище было награждено высоким орденом, ему присвоили имя знаменитого выпускника капитана В.И. Воронина. О.М. Лопухину было присвоено звание «Заслуженный работник транспорта России». В город съехались многие выпускники училища, вышел специальный номер газеты «Моряк Севера». Открывался он статьей начальника училища Лопухина «Связь времен». В ней автор подчеркивал: по его мнению, главное — связь времен, преемственность поколений, наследование и продолжение молодежью идеалов, традиций и дел отцов, дедов и прадедов, это и есть гарантия должного и уверенного развития... Капитан писал об училище, которое возглавлял, но сегодня мы понимаем эту мысль шире: связь времен, следование традициям, верность им — это путь всей России.

В том же 1981 году, после двухсотлетия Архангельской мореходки, отметила свое столетие и Бакинская, которую в 1944 году окончил капитан Лопухин. Оказалось, что его помнят в Баку и гордятся таким выпускником. Капитан получил приглашение на торжества, ездил в Баку, заседал в президиуме и выступал от имени выпускников на юбилейном собрании. И там вышел специальный номер газеты к столетию и брошюра об училище, и во всех изданиях назывались наиболее заслуженные его выпускники, среди них — «известный полярный капитан О.М. Лопухин».

...Шло время. В 1984-м отпраздновали его шестидесятилетие. Вскоре он начал подумывать о переходе на педагогическую работу и стал готовить себе смену. И в 1986-м капитан подал в отставку с поста начальника училища, оставив за собою лишь лекционный курс. В последующие годы он читал лекции и все реже и реже, но все-таки еще выходил в море в качестве капитана-наставника.

Однако впереди его еще ждала нечаянная радость. В мае 1990 года в Москве был создан Союз потомков Российского дворянства, который вскоре стал называться просто Российским Дворянским Собранием. Его сын Вадим Олегович Лопухин, который к тому времени был уже известным врачом, ученым-медиком и давно работал в Москве, возглавляя крупное медицинское учреждение, стал одним из лидеров возрождавшегося тогда Российского дворянского движения и первым вице-предводителем Российского Дворянского Собрания.

В 1992 году Олег Михайлович вступил в Дворянское Собрание и получил диплом действительного члена его за № 95. А в начале следующего года он с внучкой Машей приехал в Москву, чтобы, как обычно, повидаться с родными. Было прекрасное Рождество, на празднование которого у его сестры Людмилы в последний раз собрались практически все родные и близкие. В тот приезд он, хоть сил было

и немного, встретился с друзьями детства и юности, с товарищами военных лет и морских походов — немало их жило тогда в Москве. Увидел он и недавно родившуюся внучку — Евдокию, благословил ее, чувствуя, видно, что жить осталось немного...

14 января 1993 года в Москве сердце его остановилось. Отпевали Олега Михайловича в Москве, но похоронили в Архангельске, откуда он столько раз уходил в дальние моря и куда на этот раз вернулся навсегда.

Капитан дальнего плавания Олег Михайлович Лопухин оставил по себе добрую память и множество учеников, которые с капитанскими и штурманскими дипломами плавают сейчас на десятках судов Российского флота. Помнят о нем и в стенах мореходного училища, где он работал последние двадцать лет. Свидетельствует директор исторического музея училища и известный в Архангельске краевед Г.П. Попов: *«Ныне на одном из стендов училищного музея находятся личные вещи, документы, фотографии капитана О.М. Лопухина, а также материалы о его необычной и редкой для Севера родословной, среди которых Диплом действительного члена Российского Дворянского Собрания и фамильный герб».*

Когда же спрашивают иной раз у его сына Вадима Олеговича, что бы он хотел изменить в жизни, врач отвечает: «Я хотел бы, чтобы мой дед дожил до 1991 года и чтобы Господь продлил земные дни моему отцу — столько осталось недоговоренного, неспрошенного, недослушанного, что боль утраты с каждым годом становится острее».

ПОСЛЕСЛОВИЕ КНЯЗЯ В.О. ЛОПУХИНА

Когда-то в молодости мне запали в душу стихотворные строчки В.А. Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: «их нет»,
Но с благодарностью: «были»...

Уже потом, когда я стал собирать материалы и документы о представителях своего рода, эти строки не раз всплывали в памяти. Потому что я всегда с глубокой благодарностью думал о предках своих, соприкасаясь с их былой жизнью, с их судьбами, трудами, заботами. Сейчас мне сложно представить, чтобы это познание предшественников могло миновать меня. Ведь понимание своей сопричастности к роду, независимо от сословия, всегда дает чувство уверенности, защищенности и придает силы в различных испытаниях. Ты ощущаешь себя частью чего-то большого, значительного, как бы чувствуешь, как молятся за тебя твои сородичи. Когда я принимаю какое-либо важное решение, я всегда думаю о том, как отнеслись бы к его последствиям мои предки и потомки, не было бы им стыдно за такого родственника... Недаром говорится: «Нет участи твоей печальней, Иван, не помнящий родства».

К великому сожалению, в двадцатом столетии власти России преуспели в формировании таких людей. Человек, лишенный страха Божия и кровной связи с предками, утрачивает в значительной степени свое человеческое начало, ему безразличны последствия его

поступков, он не страшится оценки своих действий потомками в этой жизни и предшественниками — в жизни вечной. Поэтому большая ответственность за будущее лежит на нашем поколении, именно мы обязаны восстановить прерванную цепь и сформировать у молодых утраченное стремление к познанию своих корней и уважение прошлого. Это обусловлено тем, что мы еще в сознательном возрасте застали живыми тех, кто жил, получил воспитание и образование еще до пришествия разрушительной власти. Это — наши бабушки и дедушки, другие старшие родные, которые самим присутствием в нашей жизни формировали молодых, органически прививали нам культуру, дали тот багаж, которым мы пользуемся и поныне. Наши же дети воспринимают этих людей уже как легенду. И мы должны вложить в молодые души осознанное желание — знать, как жили предшествующие поколения, уважать их память, ибо нет ничего интереснее и проще, как изучать историю страны через конкретные образы и действия своих предков. В этом — залог оздоровления нашего народа, поднятия его национального духа и ощущения им своих творческих способностей.

Помочь нам всем в этом благородном деле призваны сословные и корпоративные организации, такие, как Дворянское Собрание, Общество потомков купцов и промышленников, Историко-родословное общество и многие другие. Отраднo ощущать, как растет интерес к их работе, как усиливается их влияние на общественное сознание. Только на примере Российского Дворянского Собрания, которое за десять лет существования объединило около десяти тысяч человек и имеет более семидесяти филиалов по всему миру, можно сделать вывод о значимости подобных организаций. Как знать, может быть, именно через них в народном сознании зародится стремление к восстановлению исторической государственности в нашем Отечестве. Для меня же очевидно, что только через возведение на Российский Престол законного Государя из Династии Романовых можно воссоздать Великую Россию...

Именно эти мысли, а не стремление к прославлению собственного рода руководили мною, когда я подбирал материалы для прочитанной вами книги. Господу было угодно, чтобы за сей труд взялся человек, являющийся носителем тех качеств, об утрате которых я сожалел выше. Поэтому Борису Прохоровичу Краевскому и удалось, описывая жизнь одного рода, осветить многие проблемы, которые и сейчас не утратили своего значения. Это — верность долгу, присяге, служение Отечеству, понятие личной и родовой чести, значимости каждого поступка, упование на Промысел Божий, про-

тивление несправедливости, нетерпимость к предательству... Низкий поклон ему за создание этой книги. Хочется выразить признательность всем людям, организациям и учреждениям, музеям и архивам, помогавшим по крупицам воссоздавать жизни десятков поколений Лопухиных.

Прав был А.С. Пушкин:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Князь В.О. Лопухин

Москва

28 августа 2000 г.

СВЕТЛЕЙШИЕ КНЯЗЬЯ, КНЯЗЬЯ И ДВОРЯНЕ ЛОПУХИНЫ

Родословная поколенная роспись*

І колено**

1. Редедя, князь Касожский

Владелец Касожского княжества, позднее царства, в русском обиходе называвшегося Тьмутараканью — в районе нынешнего Таманского полуострова.

Упом. в 980 г. (?). Погиб в 1022 г. в единоборстве с князем Мстиславом, сыном Святого Равноапостольного Великого Князя Владимира и полоцкой княжны Рогнеды. Часть его владений, жена и двое сыновей попали в руки к русскому князю. Один из сыновей, в крещении Роман, женился на дочери князя-победителя.

Здесь уместно вспомнить еще один вариант родословной легенды: «Приехали к Москве два царевича, Редедины внучата царицы, Касай-царевич да Сеундюк-царе-

---

* Роспись составлена Д.Д. Лотаревой на основании труда Н.Ф. Иконникова «Les Loroouckine» (Paris, 1932), значительно дополнена и исправлена на основании материалов, предоставленных кн. В.О. Лопухиным, и архивных изысканий, проведенных О.В. Щербачевым и С.В. Думиным. Не являясь окончательным вариантом истории рода, настоящая работа предполагает дальнейшие архивные изыскания, которые должны дать дополнительные детали жизни и деятельности Лопухиных. (Здесь и далее *примеч. составителя.*)

** Первые десять колен родословия приведены согласно данным официальной родословной, изложенной в Бархатной книге. В описании последующих колен сделаны дополнения с указанием соответствующих источников.

вич... во крещении царевич Касай нареченный Ондрей, а прозвище Тронцея. А царевич Сеундюк во крещении Иван, а прозвище Черменка... А от Ивана от Черменки род: у Черменки род Яков, в Черменскине роду первой боярин. У Якова сын Михайло Сорокоум, 18 лет боярин» (321)*.

II

	номер отца
2. Князь Роман, сын Редеди Жил в серед. XI в. Жена — Татиана (?), дочь князя Мстислава (Тьмутараканского, Храброго, Удалого), сына Святого Равноапостольного Великого Князя Киевского Владимира и Полоцкой княжны Рогнеды**.	1

3. Князь Юрий, сын Редеди Жил в серед. XI в.	1

III

4. Василий Романович	2

IV

5. Юрий Васильевич Редедин	4

V

6. Иван Юрьевич Дал начало нескольким родам, сыгравшим важную роль в истории России: Белеутовым, Бирдюкиным-Зайцевым, Векентьевым, Добрыниным, Елизаровым-Гусевым, Клушиным, Образцовым, Олехановым, Поджогиным, Хабаровым и др.	5
7. Михаил Юрьевич Сорокоум Жил в начале XIV в. Боярин при Великом Князе Московском Иоанне I Калите.	5

* В круглых скобках приведены номера источников в соответствии с нумерацией в списке библиографии. В настоящей росписи приведены только самые основные источники, поскольку составление полной библиографии не входит в задачу настоящей работы

** Указатель имен супругов приведен в конце поколенной росписи.

VI

8. Глеб Михайлович Боярин.	7

VII

9. Илья Глебович Четвертый сын Глеба Михайловича. От четырех его братьев ведут происхождение роды: Глебовы, Бобровы, Ощерины, Буруновы, Пусторослевы, Кошкареры, Лупандины и др.	8

VIII

10. Григорий Ильич Слепой (93)	9
11. Василий Ильич Обед	9

IX

12. Глеб Григорьевич Ушак От него ведут происхождение Ушаковы.	10
13. Варфоломей Григорьевич Лапоть	10
14. Кропотка Григорьевич	10
15. Илья Григорьевич	10
16. Алексей Григорьевич	10
17. Иван Григорьевич Большой	10
18. Лев Григорьевич	10
19. Иван Григорьевич Меньшой	10

X

20. Есип Варфоломеевич Лапоть От него ведут происхождение Лаптевы.	13

21. **Василий Варфоломеевич** Лопуха Лаптев (39; 320) 13
Жил в кон. XIV — нач. XV в.
От него пошли Лопухины.

XI

22. **Алферий Васильевич** Лопухин 21
Жил в середине XV в. и был погребен в деревне Горчель в Деревской Пятине Новгородского края. В 1816 г. деревня еще продолжала принадлежать Лопухиным (320; 339).
23. **Денис Васильевич** (320) 21
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).
Эти сведения подтверждены «обыском» 1589 г. (341 — II, 454*).
24. **Матвей Васильевич** 21
Владел поместьем в Деревской Пятине (224).

XII

25. **Яков Алферьевич** (320) 22
Посадник (339).
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).
26. **Иван Алферьевич** Трубица (320; 339) 22
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).
27. **Григорий Алферьевич** Большой 22
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).
28. **Тимофей Алферьевич** (320; 339) 22
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).

* Здесь и далее цифры обозначают соотв. номер источника, номер тома и номер страницы.

29. **Игнатий Алферьевич** 22
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).
30. **Григорий Алферьевич** Меньшой (320; 407) 22
Упом. в 1494 г.
Это его потомки владели еще в XIX веке землями, являвшимися поместьем Алферия Васильевича (№ 22) (224).
31. **Ефим Матвеевич** 24
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).
32. **Илья Матвеевич** 24
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).
33. **Иван Матвеевич** 24
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).
34. **Василий Матвеевич** 24
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).
35. **Копть Матвеевич** 24
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).
36. **Федор Матвеевич** 24
В 1495 г. владел поместьем в Деревской Пятине (224).

XIII

37. **Василий Яковлевич** (320; 407) 25
Возможно, это за ним в 1588/89 гг. в Новгороде числилось «нетяглое помещиково место» (32).
38. **Григорий Яковлевич** (320) 25

39. **Иван Яковлевич (320)** 25
40. **Владимир Яковлевич** 25
В 1571 г. убит во время нашествия Девлет-Гирея на Москву. Торопецкий помещик (407). Упом. в личном синодике Царя Ивана Грозного по убиенным во брани.
41. **Иван Иванович (320)** 26
Упом. только в родословиях. См. № 56 в этой росписи.
42. **Григорий Тимофеевич (320; 381)** 28
В 1550 г. был вписан в «Тысячную книгу» как сын боярина Деревской Пятины Коломенского погоста. В 1564 г. его поместье в Деревской Пятине — деревня Толтино, которой он владел вместе с Михаилом Тимофеевичем (№ 44), — запустело от опричнины, и в 1573 г. лежало пустое (279). В 1582 г. это владение значителен ничейным (299).
43. **Иван Тимофеевич (320)** 28
В 1568 г. его поместье в Деревской Пятине опустело от худобы и царских податей (сообщение 1573 г. — 279).
44. **Михаил Тимофеевич** 28
В 1564 г. его новгородское поместье в Деревской Пятине (см. № 42) запустело от опричнины и в 1573 г. лежало пустое (279). Возможно, что у него была дочь *Марфа, выданная замуж за Лазаря (Елистрата) Антоновича Григорова (337)*.
45. **Терентий Тимофеевич** 28
В 1567 г. его поместье в Деревской Пятине запустело от опричнины и в 1573 г. лежало пустое (279).
46. **Влас Григорьевич (320; 406; 407)** 30
В 1582 г. за ним числилось селище Горчель с пустошами в 235 четей.
47. **Никифор Григорьевич (320)** 30

48. **Ефим Григорьевич Пятой (320)** 30
49. **Иван Ефимович** 31
В 1552 г. его поместье в Деревской Пятине запустело от мора (279).
50. **Афанасий Ефимович** 31
В 1552 г. его поместье в Деревской Пятине запустело от мора (279).
51. **Палка Ильич** 32
В 1552 г. его поместье в Деревской Пятине запустело от мора (279).

XIV

52. **Никита Васильевич** 37
Ум. в 1615 г. Стрелецкий голова в Москве при Царях Иоанне Грозном и Федоре Иоанновиче (358). В 1584 г. за службу получил оклад в 400 четей в Мещовске (324). Воевода Владимирский в 1610-м и 1614 гг. (37; 82), Боровский в 1615 г.
В армии во время нашествия татар (407).
53. **Иван Григорьевич (320)** 38
54. **Потап Григорьевич (320)** 38
55. **Григорий Григорьевич** 38
Бездетный (320).
56. **Ависс Иванович (320)** 41
В официальном родословии числится сыном Ивана Ивановича (№ 41). Однако в актах упоминается как «Трубицын сын» (т. е. сын № 26). В 1571 г. он передал в Троице-Сергиеву лавру на помин души вотчину своей жены, расположенную в Дмитровском у. (325; 416 — III, 19). Приблизительно в 1550-х гг. он служил в Поместном столе Новгородской съезжей избы по Новгородским Пятинам, исполняя функцию писца, что может

свидетельствовать о достаточно высоком социальном положении (341 — II, 61, 63, 64, 72 и др.).

Жена — Авдотья Степановна Катунина.

57. **Федор Григорьевич (320)** 42

В 1602 и 1604 гг. брал кабалы на холопов в Деревской Пятине (223). В качестве городского дворянина в 1606 г. там же владел поместьем; имел оклад 400 четей, 10 руб. (281).

58. **Михаил Иванович (320)** 43

В 1582—1615 гг. владел поместьем в Деревской Пятине (284). В 1600 г. брал кабалы на холопов в Новгороде (223).

59. **Матвей Иванович** 43

В 1582 г. его поместье в Деревской Пятине числится как «пустое» (284).

60. **Федор Власьевич (320; 407)** 46

В 1589/90 гг. получил поместья отца и дядей Никифора и Пятого. В 1606 г. в качестве городского дворянина владел поместьями в Деревской Пятине; имел оклад 350 четей, 9 руб. (281; 284).

61. **Григорий Ефимович** 48

Ум. не позднее 1593 г. Владел поместьем в Деревской Пятине (284; 298).

62. **Дружина Ефимович** 48

Ум. не позднее 1597 г. Владел поместьем в Деревской Пятине (284; 297).

Жена — Анастасия NN.

XV

63. **Дмитрий Никитич (320)** 52

Стрелецкий сотник и голова в Москве при Царях Иване Грозном и Федоре Ивановиче (Список стрелецких голов и сотников). Безвинно уморен Царем Борисом Годуновым (412).

64. **Иларион Никитич.** 52
Жилец в 1626 г. (82).

65. **Авраам Никитич**, в монашестве Александр 52

Боярин.

Умер 02.08.1685.

В 1640-м и 1668 гг. — московский дворянин. В 1645 — 1647 гг. — воевода в Лихвине, в 1648 г. — голова московских стрельцов.

В 1655 г. вместе с другим стрелецким головой Логинном Оничковым прославился упорной защитой Могилева от польских войск. С этого же года служил в Посольском приказе.

В 1659 г. в качестве полковника и стрелецкого головы послан в Путивль. В 1662 г. «по указу великого Государя после действия ходил за образы к Предтече вместе с окольниковым Даниилом Степановичем Велико-Гагиным».

В день бракосочетания Царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной А.Н. Лопухин занимал почетное гостевое место, и в 1670 г. стал служить дворецким при Царице. В 1672 г. был пожалован в думные дворяне (82; 110). В 1632 г. владел имением отца — 450 четями в Мещовском у. (106). В 1676 г. ему была дана грамота в Курмыш на владение поместьем (275).

Впоследствии возглавлял Приказ Большого дворца и был пожалован в бояре. Участвовал в посольстве в Константинополь. По случаю крещения Царевича Петра Алексеевича сидел у Царицы Натальи Кирилловны за поставцом. При Царе Федоре Алексеевиче участвовал в Соборе и подписывал Акт об уничтожении местничества в 1682 г.

За несколько лет до кончины принял монашеский постриг и схиму под именем Александр в Троице-Сергиевом монастыре, где скончался и был погребен (2, II, 575, 637; III, 502; 83; 337; 353).

66. **Фаддей Иванович (320)** 53

67. **Андрей Потапович (320)** 54

68. Харитон Потапович (320) 54
69. Яков Потапович (320) 54
70. Павел Ависсович (320) 56
В 1586 г. получил поместье отца и деда в Деревской Пятине. В 1612 г. имел оклад 300 четей (288).
71. Лазарь Федорович (320) 57
Жена — Мария NN (292).
72. Никита Федорович 57
Умер около 1604 г.
В 1595 г. брал кабалы на холопов в Новгороде (223).
Жена — Домна NN.
73. Федор Федорович (30 —VI; 320) 57
В 1603 г. брал кабалы на холопов в Деревской Пятине (223).
В 1604 г. там же получил поместье брата Никиты — 100 четей. В 1612 г. имел оклад 350 четей (56).
74. Прокофий Михайлович 58
Как городской дворянин в 1606 г. владел поместьем в Деревской Пятине; имел оклад 300 четей, 8 руб. (51).
Бездетный (320).
75. Давид Федорович (30 —VI; 320) 60
76. Василий Федорович (30 —VI; 320) 60
Упом. в 1637 г. Убит на службе (407).
От его отца к нему перешло поместье в 350 четей в Деревской Пятине, к которым ему добавили еще 260 четей в Туле (30 — VI).
77. Марк Федорович 60
Не упом. в Бархатной книге. В 1645 г. получил грамоту на поместье от патриарха Иосифа. Эта грамота была представлена в 1788 г. во Владимирское Дворянское собрание его потомками в качестве доказательства их дворянского происхождения (370).

78. Родион Григорьевич 61
Род. ок. 1600 г., ум. в 1607 г.
79. Прасковья Дружинина (299) 62
80. Мария Дружинина (299) 62

XVI

81. Иларион Дмитриевич (320) 63
Ум. в 1671 г.
Служил царям на протяжении шестидесяти семи лет. Начал службу при Царе Василии Ивановиче Шуйском, проявил храбрость и мужество во время знаменитой осады Москвы польско-литовскими войсками, за что был пожалован вотчиной. В 1610 г. — житец, имел оклад 400 четей и 10 руб. При Царе Михаиле Федоровиче — московский дворянин, глава московских стрельцов. Был также «атташе» и послом в Венгрии (1630) и в Турции (1633). Государем Алексеем Михайловичем в 1649 г. был определен в Посольский приказ и в 1651 г. послан на переговоры к гетману Б. Хмельницкому с государевыми дарами. В 1653 г. назначен ведать Посольским приказом, разрабатывал и участвовал в подписании договора о воссоединении Украины с Россией (353).
В 1654—1656 гг. в свите Государя «славно и храбро участвовал в походах на Литву и Польшу» и успешно вел переговоры с ними о мире, был послом в Полоцке на переговорах с послом Священной Римской Империи. В 1658 г. по поручению Царя Алексея Михайловича вел переговоры с Патриархом Никоном в Воскресенском монастыре (87; 353).
В 1658-м и 1660 гг. он был думным дьяком «без того, чтобы ставить ему это в укоризну», — так сказано в указе о назначении. Царь Алексей Михайлович, как и отец его, ценил способности Лопухина, и было время, когда он работал одновременно в трех приказах — Посольском, Казанского дворца, Новгородской четверти (337).
В 1667 г. Иларион Дмитриевич становится думным дворянином и вторым судьей Приказа Казанского дворца и несет придворную службу (337; 353).

В 1662 г. за заслуги была дана ему Государева грамота о жаловании ему множества вотчин и поместий; известен текст с его надгробного камня: «Скончался сей препочтенный, трудолюбивый и справедливый муж, верный Монарху слуга и патриот, думный дворянин Иларион Дмитриевич Лопухин в 7179 (1671)» (83; 418).

Похоронен в Спасо-Андрониковом монастыре в Москве*. Отпевание служил Патриарх (320).

Жена — Елена Никифоровна Выповская (285).

82. **Иван Дмитриевич (82; 110; 320)** 63

Московский дворянин в 1628-м, 1640-м и 1652 гг.

В Списке жильцов с 1632 г. Помещик в Ростове Великом (106).

В 1652 г. был пожалован «к прежнему окладу» поместье 100 четвертей, денег 20 руб. за то, что вместе с другими дворянами переносил из Соловецкого монастыря в Москву мощи чудотворца Филиппа (2 — I, 292).

83. **Петр Авраамович Большой (320) (Лапка (105)** 65

Род. в 1636 г., ум. 25.01.1695 или 12.05.1701(?) (105; 337; 414).

Начал придворную службу стряпчим в 1654 г. В 1654—1656 гг. в составе свиты Государя Алексея Михайловича участвовал в воинских походах на Польшу и Литву, за проявленную храбрость и доблесть пожалован персональным Государевым указом многими вотчинами. В 1670 г. направляется стрелецким головой в Астрахань. Участвовал в подавлении бунта под предводительством С. Разина. Стольник в 1672 г. В 1675 г. возглавляет поход на Курск.

В 1682 г. по обвинению в участии в стрелецком бунте был сослан в Кольский острог, но по требованию стрельцов возвращен с пути и отправлен в свои ярославские вотчины, однако уже в сентябре того же года в прежнем звании и со своим полком одним из первых встает на за-

* Все сведения о погребениях в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре приводятся по: Историческое описание московского Спасо-Андроникова монастыря. М., 1865; Ледовская И.Ю., Малинов А.А. Некрополь Спасо-Андроникова монастыря (чертежи П.Д. Барановского). / ГНИМА им. А.В.Щусева. / Сб. науч. трудов. — Вып. 4. — М., 1996.

щиту Государей Ивана и Петра Алексеевичей во время мятежа князя Хованского и сопровождает их в известных переездах из Саввинского монастыря в Коломенское, Воздвиженское и Троице-Сергиеву лавру, и «за мужество, верную службу и усердное радение» Государевым указом пожалован новыми вотчинами. В 1689 г. он становится окольным и вновь, во время заговора Царевны Софьи и бегства Государя Петра I с семьей в Троице-Сергиеву лавру, первым со своим войском приходит на защиту Государя и Царицы Евдокии — своей племянницы.

В этом же году становится боярином, возглавляет Ямской приказ. В 1694 г. является одним из главных участников Кожуховского похода. Однако в 1695 г. по доносу Л.К. Нарышкина навлек на себя гнев Царя Петра и был лично им подвергнут пытке (337; 353). Упоминание об этом есть в подневных записках окольного И.А. Желябужского: «Генваря в 24 день (1695 года. — Примеч. ред.) на Потешном дворце пытан боярин Петр Авраамович Лопухин, прозвище Лапка, по обвинению в государственном и великом деле и генваря в 25 день в ноче умер» (105).

Погребен в церкви Архангела Михаила Спасо-Андроникова монастыря, являвшегося на протяжении нескольких столетий родовой усыпальницей Лопухиных. Этот храм был возведен в конце XVII в. на средства Царицы Евдокии Федоровны и других Лопухиных. В одном из переулков у Покровских ворот сохранилась часть некогда огромной усадьбы боярина Петра Авраамовича Большого, ныне там располагается Московская организация художников (83).

Жена — княжна Татьяна Петровна Болховская

Род. в 1641 г., ум. 21.11.1708 (93; 414).

Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре рядом с мужем.

84. **Петр Авраамович Меньшой (320)** 65

Ум. не ранее 1698 г. (82; 110).

Владел имениями в Ярославском у. (100 — IX). Начал службу в 1658 г. стольником, затем стал стрелецким головой и полковником. В 1678—1680 гг. — начальник Рейтарского приказа, близок в ту пору к партии Нарышкиных.

Однако в 1683 г. после стрелецкого бунта сослан в Сибирь вместе с женой, но по требованию стрельцов возвращен с дороги и восстановлен в правах и в должности.

В 1688 г. становится окольным и получает в свое ведение сначала Ямской приказ, а затем и Приказ Каменных дел. В 1690 г. возведен в боярское достоинство и назначен начальником Приказа Большого дворца и дворцового Судного приказа (281).

В 1698 г. Царю Петру I была подана челобитная от священников Архангельского собора Кремля, просивших защитить Соборную Церковь от боярина Петра Лопухина, управляющий которого «убивает до смерти ее крестьян, а суда на него нет». В связи с этим, несмотря на заступничество Патриарха, боярин Петр Авраамович Меньшой был подвергнут пыточному дознанию (1698), во время которого и скончался (83; 337; 353). Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.

Жена — Ульяна NN, в первом браке за NN Переносовым (?).

85. NN Авраамовна. 65
Муж — Иван Есипов (133).

86. Евдокия Авраамовна. 65

Это на ее средства была в 1696 г. заложена и построена и поныне существующая церковь Живоначальной Троицы на Хохловке в Москве. В своем описании Москвы А.Ф. Малиновский говорит так: «...сетуя безутешно о кончине дочери своей Неонилы в цвете лет своих скончавшейся, заложил 1696 года 1 апреля храм Живоначальной Троицы на Хохловке и на отстроение оно-го употребил изготовленное для замужества дочери приданое».

Муж — в 1677 г. Илья Иванович Чириков, окольный (93).

87. Иларион Авраамович (320) 65

Род. в 1638 г., ум. 21.03.1713 (414).

Отец Царицы. При наречении его дочери царской невестой его имя было изменено на «Федор» (337).

Начал придворную службу во времена Государя Алексея Михайловича стряпчим в 1658 г. В 1676 г., в связи с кончиной Алексея Михайловича, был послан с этим известием в Ферапонтов монастырь к опальному Патриарху Никону с просьбой дать письменное прощение умершему Государю его вины за гонения на Никона, от чего Никон отказался (353).

Затем Иларион (Федор) Авраамович стал стрелецким головой и полковником. В 1679 г. — стольник. В 1681 г. был направлен воеводой в Верхотурье в звании Государева стольника, по возвращении бы пожалован в окольные.

Затем в его жизни произошло важное событие, способствовавшее особому возвышению Лопухиных. Царица Наталья Кирилловна, в период регентства Царевны Софьи, ценя их давние связи с Нарышкиными, личную к ней привязанность и желая укрепить свои позиции среди стрельцов и дворянства, где Лопухины к тому времени занимали первенствующее положение, остановила свой выбор невесты для Царя Петра Алексеевича на дочери окольного Илариона Авраамовича — Евдокии Лопухиной. В связи с этим в 1689 г. он был возведен в сан боярина, а после заключения брачного союза стал ближним боярином.

Однако в 1697 г. после открытия заговора Соковнина, Циклера и Пушкина тень подозрения пала и на родственников Царицы Евдокии Федоровны, и, хотя их вина не была доказана, многие из них были удалены из Москвы, а ближний боярин Федор Авраамович был сослан воеводой в Тотму. Сколько он там пробыл — неизвестно. В списке 1705 г. он показан в числе бояр, живущих в своих деревнях.

В 1707 г. в Мещовске основал Афанасьевский девичий монастырь (198). Погребен в усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре (337).

В память о боярине Федоре Авраамовиче в Москве осталась уникальная усадьба на Малой Знаменке (близ Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), представляющая собой боярские палаты XVII в. с более поздней частичной реконструкцией. Во время коронации Государыни Екатерины II эта усадьба вместе с двумя соседними была соединена в единый дворцовый комплекс, в котором останавливалась Императрица и ее свита. В Ясеневе сохранилась прекрасная загородная усадьба Лопухиных с

- известным храмом Петра и Павла. В Калужской губ. память о боярине Федоре хранят Георгиевский монастырь, храмы и монастыри в селе Дунилово Владимирской губ., попечителем которых он был, храмы в Мещовске и Козельске, несколько усадеб (83; 198).
- Жена — Устинья Богдановна Ртищева (296)
Ум. 11.05.1691. Погребена Патриархом в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре (414).
88. **Кузьма Авраамович (320)** 65
Начал службу при Государе Алексее Михайловиче в 1658 г., в это время неоднократно был посылаем им в Ферапонтов монастырь к опальному Патриарху Никону для переговоров (353).
Стряпчий в 1671-м и 1676 гг. (82; 110; 353). Государем Федором Алексеевичем пожалован в стольники, затем служил в стрельцах. Во время мятежа 1682 г. упом. в качестве стрелецкого полковника и «за верную службу в Москве безотлучно в это смутное время» получает Государеву благодарность и пожалование поместьями.
В 1689 г. возведен в окольниковичие. В 1691 г. Государь Иван и Петр Алексеевичи пожаловали его в бояре. В 1697 г. по той же причине, что и его брат — отец Царицы Евдокии, — послан воеводой.
Погребен в Москве, в Спасо-Андрониковом монастыре (83).
Жена — с 1674 г. Акулина, дочь Захара Захаровича Толмачева (283).
89. **Василий Авраамович (320)** 65
Род. 01.02.1646, ум. 09.06.1698.
Начал службу при Государе Алексее Михайловиче в 1668 г. стряпчим. Пожалован в стольники в 1676 г. Затем служит в стрельцах. Во время мятежа 1683 г. упом. в качестве стрелецкого полковника и «за верную службу в Москве безотлучно в это смутное время» получает Государеву благодарность и пожалование поместьями.
С 1689 г. — окольниковичий, глава Приказа Казанского дворца, боярин с 1691 г. В 1697 г. по той же причине, что и его брат — отец Царицы Евдокии, — послан во-

еводой. Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре (82; 83; 110; 353).

Жена — Дарья Петровна NN

Род. 08.02.1655 г., ум. 18.01.1696 (286). Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.

90. **Сергей Авраамович (320)** 65
Ум. не позднее 1711 г.
Был стольником в 1671-м и 1686 гг.; личный стольник Царя Ивана Алексеевича в 1689-м и 1692 гг. (83). Был также спальником при Государе Петре Алексеевиче.
Боярин с 1692 г. Как его брат Василий, попал в немилость в 1697 г. и был назначен воеводой в Вязьму (82; 110; 353).
Жена — Мария Федоровна NN
Род. в апреле 1680 г., ум. 01.05.1711 (по 430 — Мария Петровна Поздеева). Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
91. **Ксения Авраамовна** 65
Мужья:
1) Давыд Фаустович (Исаакович) Племянников, стольник (убит Разиным в 1671 г.) У них две дочери: Евдокия, род. в 1665 г., ум. в 1717 г., замужем за Михаилом Васильевичем Собакиным, окольниковичим, и Мария, ум. не позднее 1698 г., замужем за князем Иваном Ивановичем Щербатовым;
2) с 1672 г. — Никита Иванович Акинфов, думный дьяк и окольниковичий, который в 1721 г. был сослан в Кириллов монастырь в Белоозеро. У них сын Петр (Канбар), который после следствия был сослан в Сибирь (282; 396; 414).
92. **Харлампий Андреевич (320)** 67
Стряпчий в 1662-м и 1676 гг. (110).
93. **Иван Харитонович Большой (320)** 68
В 1656 г. — посланник по особым поручениям. Стольник в 1692 г. (82; 110). Возможно, все эти данные относятся к его брату, носившему такое же имя (№ 96).
Жена — Прасковья Исаевна NN (289).

94. **Никифор Харитонович (320)** 68
Ум. в 1698 г.
В 1683 г. — стрелецкий полковник.
95. **Дмитрий Харитонович (320)** 68
96. **Иван Харитонович** Меньшой (320). 68
В 1682 г. — стольник.
97. **Киприан Яковлевич (320)** 69
98. **Михаил Яковлевич (320)** 69
99. **Филипп Яковлевич (320)** 69
100. **Сила Павлович (320)**. 70
До 1610—1611 гг. владел поместьем в Деревской Пятине, которое потом было отдано Андрею Васильевичу Кречетникову (296).
101. **Андрей Павлович (320)** 70
В качестве городского дворянина владел в 1606 г. поместьем в Деревской Пятине; имел оклад 350 четей, 8 руб. (281).
102. **Федор Павлович (320)** 70
103. **Юрий Лазаревич (320)** 71
104. **Гаврила Лазаревич (320)** 71
Ум. не позднее 1666 г.
В 1639 г. получил имения в Туле (5—VI).
105. **Моисей Никитич** 72
Род. в 1601 г.
106. **Василиса Никитична** 72
107. **Богдан Федорович (320)** 73
108. **Наум Васильевич** 76
Бездетный (320).

109. **Василий Васильевич** 76
Бездетный (320).
110. **Лукиан (Лука) Васильевич (320)** 76
Московский дворянин в 1671-м и 1677 гг. (110); воевода в Ядрине в 1677 г. (28). В 1670-м и в 1688 г. упоминается как помещик в Нижнем Новгороде (28; 64). Владел имением в Муроме в 1690 г.
Жена — Анна Жедринская (64).
111. **Михаил Васильевич (320)** 76
Московский дворянин в 1681 г. (110).
112. **Иван Васильевич (320)** 76
Жилец в 1675 г., стряпчий в 1692 г. (110). Царский воевода в Козьмодемьянске близ Казани. Указом 1682/83 г. за ним подтверждено владение деревней Горчель (принадлежавшей его предкам в XV в.) и лежащими рядом другими селами в Деревской Пятине, в том числе и поместьем Великий Двор, принадлежавшим Лопухиным еще в 1495 г. (286)*.
113. **Степан Васильевич** 76

XVII

114. **Леонтий Иларионович** 81
Ум. 30.09.1677 (414).
Был жильцом в 1640 г., затем нес придворную службу в 1648 г. стряпчим. В 1657 г. становится стольником при Государе Алексее Михайловиче. В 1661 г. после воссоединения Украины с Россией был послан для приема под Государеву «высокую руку Белгородского полку полковников и ясаулов». В 1678 г. служил вторым судьей в Земском приказе.

* В 1788 г. Лопухины из Владимирской губ. пытались доказать, что они являются потомками Ивана Васильевича, наместника в Козьмодемьянске. Но по проверке дворянских книг, проведенной Сенатом, это осталось без подтверждения. Возможно, дело в том, что они были потомками другого Лопухина, потому что еще один акт указывает в тот же самый период владения во Владимирской губ. его дяди, Марка Федоровича — см. № 77 (78).

- В составе свиты Государя Алексея Михайловича участвовал в походах против Польши и Литвы, проявил усердие и мужество в сражениях за Смоленск, Вильну, Брест и многих других, за что был отмечен персональным Государевым указом, и ему были пожалованы новые вотчины (2 — III, 156; 83). Погребен Патриархом.
Жена — Наталья, дочь Осипа Федоровича Ладыженского, стольника патриарха (331).
115. **Григорий Иларионович (320)** 81
В 1658-м и 1677 гг. дворянин московский (110).
116. Анна Иларионовна 81
Муж — князь Яков Васильевич Хилков, окольный Ум. 13.05.1691 (93 — I, 251 № 34).
117. **Иван Петрович (320)** 83
Род. в 1679 г., ум. в ноябре 1734 г. (414).
Личный стольник Царя Петра I в 1692 г.; позже был полковником (110; 414). Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Жена — Наталья (93), дочь Афанасия Тихоновича Зыкова, в 1682 г. — думного дворянина (110; 407, № 435).
118. **Александр Петрович (320)** 83
Род. 07.03.1683, ум. 29.12.1728. Стольник Царицы в 1692 г. (110), позже он был одним из первых действительных тайных советников (83; 123). Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Жена — с 1701 г. Евдокия младшая, дочь стольника Матвея Алексеевича Головина (123, № 79).
119. Татьяна Петровна 83
Погребена 01.11.1714 рядом с отцом (96 — XIX).
Муж — (?) граф Борис Петрович Шереметев, генерал-фельдмаршал, род. в 1652 г., ум. в 1719 г. (была его второй женой ?) (430).
120. **Авраам Иларионович (Федорович) (320)** 87
Ум. 08.12.1718 (93).
Стольник Царицы Натальи Кирилловны с 1676-го по 1686 г. (110). Посол в Константинополе в 1689 г.

С 1692 г. стольник Государя Петра I. В 1697 г. послан в Италию для обучения корабельному делу.

По возвращении служил при Дворе. Имел тесные взаимоотношения со своей сестрой — опальной Царицей Евдокией, Царевичем Алексеем Петровичем и Царевной Марией Алексеевной, поэтому не мог оставаться в стороне от их трагической судьбы.

Пользовался большим влиянием в Москве, особенно среди родовитого боярства, даже жестокий кн. Ромодановский считался с ним (337). Еще в 1708 г. на него поступил донос, однако Царь Петр I хода ему не дал, хотя всем было известно о влиянии Авраама Федоровича на Царевича.

Когда осенью 1716 г. Царевич бежал за границу, «то Лопухин, зная о месте его пребывания, ни словом не обмолвился об этом». По возвращении Царевича и в ходе следствия была выявлена роль Авраама Федоровича в этом деле и в создании оппозиции реформам Петра I. Его несколько раз пытали, и 19 ноября Сенат объявил приговор — смертная казнь колесованием. 8 декабря 1718 г. его казнили. Отрубленную голову, насадив на железный шест, поставили на каменном столбе у Съестного рынка, а тело, положенное на колесо, оставалось на месте казни до 21 марта 1719 г. (83; 353). Позднее был похоронен в усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре в Москве.

Жены:

1) княжна Федосья, дочь князя Федора Юрьевича Ромодановского, который во время заграничных путешествий Петра I «замещал» его, а сама она могла носить титул Великой Цесаревны; у них было двое сыновей;

2) княжна Татьяна, род. в 1702 г., ум. 01.11.1724 (414 — род. в 1691 г., ум. 01.11.1714), дочь князя Алексея Борисовича Голицына и его супруги Анны Ивановны Сукиной (64). Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.

121. Анастасия Иларионовна (Федоровна) 87
Была привлечена к ответственности по делу Царевича Алексея. Подвергнута пыточному дознанию в 1718 г.
Муж — князь Иван Борисович Троекуров.
Боярин в 1678-м и 1689 гг. (158 — II, 295 № 13).

122. Ц а р и ц а **ЕВДОКИЯ ФЕДОРОВНА** (Иларионовна) 87

Род. 30.06.1670, ум. 27.08.1731.

Была первой женой Царя Петра I. Венчание состоялось 27 января 1689 г. Это был последний в Российской истории брак Государя со своей соотечественницей.

Евдокия была выбрана в невесты Петру его матерью, Царицей Натальей Кирилловной, без согласования с женихом. Это было сделано ввиду давних связей Нарышкиных с Лопухиными и в надежде на помощь с их стороны в укреплении положения Царя Петра в качестве единовластного Государя (к тому времени Лопухины занимали видное положение среди дворянства и в армии). Правильность выбора подтвердилась в период противостояния Царевны Софьи и Царя Петра.

Первые годы супружества были относительно спокойными. В феврале 1690 г. родился Царевич Алексей, а через год — Александр, который скончался в возрасте 1 года. В отличие от некоторых историков и литераторов, нам не хотелось бы видеть причину неудачной семейной жизни традиционно в том, что Царица не могла понять и принять устремления Царя Петра к реорганизации России, которые сформировались, кстати, гораздо позднее.

Более обоснованной нам кажется точка зрения историка Н.М. Костомарова, который считает, что охлаждение в семейных отношениях произошло по куда более прозаичной причине, кроющейся в устроенной Лефортом связи между Царем и своей предыдущей фавориткой Анной Монс с целью укрепить свое влияние на молодого Государя и способствовать реализации интересов иноземцев в России. Царь Петр всей душой привязался к Анне Монс, которая в конечном счете предала его с легкостью, традиционной для куртизанки.

Из переписки Царицы видно, что она с болью переживала эту перемену, о чем жаловалась своим родным, а те изъясляли неудовольствие поступками Царя. До Государя доходили эти жалобы, но около 4 лет Лопухиных не трогали. В 1697 г. перед поездкой Царя за границу, в связи с открытием заговора Соковнина, Цыклера и Пушкина, был найден повод к ссылке отца Царицы и его двух братьев, бояр Сергея и Василия, воеводами подальше

от Москвы, без каких-либо оснований (353). Царь Петр боялся формирования оппозиции в свое отсутствие и участия в ней Лопухиных.

В это же время появляется первая мысль добиться добровольного согласия Царицы на пострижение в монахини. Она отказывается, ссылаясь на малолетство сына и его нужду в ней. Однако, по возвращении Петра и беседы с ним, ее насильно увозят в Суздальский Покровский монастырь, где в 1698 г., опять же насильно, постригают под именем Елены и создают весьма тяжелые условия для жизни (103; 346).

Ее не только разлучили с сыном, но и не позволяли с ним видеться, что впоследствии привело к необходимости тайных сношений и сыграло трагическую роль в судьбе не только их, но и родных Царицы, приведя кого на пытку, кого в ссылку, а кого и на плаху.

Это также лишило Россию законного престолонаследника, принявшего мучительную смерть, прологом к которой явилось «одно из таких дел, каких не видала Россия за своими Царями уже более столетия» (145). «Нравственные понятия русских в те времена не могли не возбуждать в народе порицаний поступка Петра». Существует несколько народных песен, созданных по этому поводу и популярных в то время (333). «Через 20 лет, когда насилие над Царицей Евдокией обернулось новым страшным розыском, несчастный епископ Досифей, преданный истязаниям, говорил: «Только я один в сем попался, посмотрите, что у всех на сердцах». «Петр своим поступком с женою оскорбил Православную Церковь, потому что она, Церковь, одна имела данное от Бога право произносить суд между мужем и женой» (145).

Когда же в 1718 г. Петру понадобилось избавиться теперь уже от сына, он вновь начинает следствие и по поводу опальной Царицы, желая скомпрометировать ее. Поэтому ей вспоминают все и даже любовь, возникшую через много лет заточения, к Степану Глебову и связь с ним, за что последнего подвергли мучительной казни на колу. Добившись покаянного письма от Евдокии и не решаясь физически устранить ее, Царь Петр переводит Царицу под строгий надзор в Ладужский Успенский монастырь, где она пребывает до кончины Государя.

С воцарением Екатерины I ее заключают в Шлиссельбургскую крепость в одиночную камеру со строгим и скудным содержанием без права встреч и переписки с кем бы то ни было, не исключая и священников. Даже охрана не знала имени своей заключенной. В таких условиях Евдокия провела более двух лет, пока не была освобождена своим внуком Императором Петром II — сыном Царевича Алексея.

Верховный тайный совет издал указ о восстановлении чести и достоинства Царицы, с изъятием всех порочащих ее документов и отменил свое решение 1722 г. о назначении Императором наследника по собственному умыслу без учета прав на престол. «Это потревожило Меншикова и всех тех, кто некогда враждебно относился к сыну освобожденной Царицы, к ее родным — Лопухиным» (145). Была предпринята попытка втянуть в интригу вокруг всего этого и Евдокию, но она нашла в себе силы остаться в стороне (353). Ей был дан положенный Царице Двор и назначено соответствующее содержание.

Она поселилась в Москве, сначала в Новодевичьем монастыре в знакомых ей с детства палатах (Лопухинские палаты и Лопухинская башня сохранились и до сих пор носят это название), а затем переехала в Воскресенский монастырь в Кремле. Царице Евдокии пришлось пережить и своих горячо любимых внуков Императора Петра II и Великую Княжну Наталью Алексеевну.

Воцарившаяся Государыня Анна Иоанновна также относилась к ней с должным уважением и присутствовала на погребении Царицы Евдокии в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря. Так прошла и закончилась жизнь последней Российской Царицы, явившей собой пример, может быть, одной из самых трагических судеб царственных особ того времени (103; 346).

Память о Государыне Евдокии Федоровне сохранилась в нескольких портретах, личных вещах, хранящихся в Суздале в Покровском монастыре, многочисленных дорогих вкладышах во многие другие монастыри и храмы. Также хранит ее возвышающийся над Спасо-Андрониковым монастырем в Москве храм Архангела Михаила, построенный на средства Царицы и других Лопухиных и служивший долгое время их родовой усыпальницей.

В Суздальском районе Владимирской губ. на берегу р. Тезы есть деревня Дунилово, в которой сохранилось 12 храмов и три монастыря. Этой деревней в XVII — XVIII вв. владели Лопухины. Один из монастырей — Благовещенский — был построен отцом Царицы Евдокии. Там она встречалась с сыном. Покровский собор, также возведенный Лопухиными, является самым большим храмом с самым большим приходом. В нем находится Чудотворная икона — подарок Царицы Евдокии и Царя Петра.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, посетив Дунилово, назвал его «жемчужиной древней Руси».

123. Ксения Иларионовна (Федоровна) 87
Род. в 1678 г., ум. в 1699 г. (93).
Муж — князь Борис Иванович Куракин
Род. 20.07.1677, ум. 17.10.1727.
Известный дипломат, действительный тайный советник, кавалер ордена Св. Андрея Первозванного.
124. Федор Кузьмич (320) 88
Стольник Царицы в 1676 г.; личный стольник Петра Великого с 1689-го по 1692 г. (110).
125. Никита Васильевич (320) 89
126. Степан Васильевич (93) 89
Род. ок. 1685 г., ум. 06.07.1748.
Вице-адмирал. Камергер. Двоюродный брат Царицы Евдокии Федоровны.
В 1708 г. окончил Школу математических и навигацких наук — первое военно-морское учебное заведение в России. В 1708—1717 гг. находился в Англии для продолжения образования, проходил морскую службу на многих кораблях. По возвращении в Россию 03.11.1717 произведен в лейтенанты. Одним из первых русских офицеров был удостоен права командовать военным кораблем. Участвуя в Шведской войне, командовал шнявой «Наталия» и особо отличился в Эзельском сражении (1719), награжден орденом Св. Александра Невского. В 1721 г. произведен в капитан-лейтенанты.

По окончании войны до 1727 г. командовал различными судами и находился при работах в Адмиралтействе.

В апреле 1727 г. был произведен в генерал-адъютанты от флота, а в июле того же года был назначен чрезвычайным посланником в Швецию и в сентябре выключен из флотского списка. 11.09.1740 в звании камергера назначен в морские генерал-кригс-комиссары. 03.10.1740 получил ранг вице-адмирала «и велено присутствовать в Адмиралтейств-коллегии». В 1741 г. участвовал в суде над Э.И. Бироном.

После свержения Анны Леопольдовны в ноябре 1741 г. был арестован. В 1742 освобожден и произведен в генерал-лейтенанты 17.01.1742 с назначением на должность Архангельского губернатора (228; 270). Однако к месту своего губернаторства не прибыл.

Не принимал активного участия в политике, но и не скрывал своего недовольствия воцарением Императрицы Елизаветы Петровны, памятуя о несчастьях, постигших его близких во время царствования Петра I. В 1743 г. был вовлечен в интригу, разработанную лейб-медиком Лестоком и получившую в российской истории наименование «Лопухинское дело» (см. подробнее о ней в этой книге).

Интрига основывалась на якобы высказывавшихся Лопухинскими сомнениях о правах на Престол Елизаветы Петровны как незаконнорожденной дочери Петра I и надеждах на воцарение Иоанна Антоновича, к родителям которого Лопухины были близки. Конечная цель Лестока заключалась в устранении от должности вице-канцлера Бестужева-Рюмина, жена брата которого также являлась участницей этого сфальсифицированного заговора.

В августе 1743 г. С.В. Лопухин был арестован вместе с женой и старшим сыном, подвергнут пыткам и приговорен к смертной казни колесованием, которая в день исполнения приговора была заменена наказанием кнутом, урезанием языка и вечной ссылкой в Сибирь. Вместе с ними был без наказания отправлен и другой сын — Степан. Местом ссылки им был назначен Селенгинск, где С.В. Лопухин и умер через пять лет после осуждения (83; 337; 353).

Жены:

1) княжна Ирина, род. 06.05.1696 (?), ум. 27.05.1714, дочь князя Петра Тимофеевича Козловского;

2) с 1718 г. — Наталья, род. 11.11.1699, ум. 11.03.1763, дочь Федора Николаевича Балка и его жены Матрены Ивановны Монс.

Еще в детстве Наталья Федоровна состояла при Царевне Екатерине Иоанновне и была отправлена с ней в Мекленбург после бракосочетания. С 1731 г. была статс-дамой Императрицы Анны Иоанновны. Будучи выдающейся красавицей того времени, — в нарядах, украшениях и светских придворных утехах, — часто соперничала с Великой Княжной Елизаветой Петровной, которая тем не менее оставила ее статс-дамой Двора после своего восшествия на Престол.

Приходясь племянницей (дочерью старшей сестры) небезызвестной возлюбленной Царя Петра I, Анне Монс, погубившей, в определенной степени, Царицу Евдокию, Царевича Алексея и через них многих Лопухиных, Наталья Федоровна, выйдя замуж за двоюродного брата Царицы, в конечном итоге была косвенной виновницей новых бед лопухинского семейства.

По воцарении Петра III был назначен пересмотр дела, и указом от 20.01. 1762 Лопухины были реабилитированы, но из ссылки вернулась лишь Наталья Федоровна с младшим сыном Степаном (337; 353). В Сибири она приняла православие, в связи с чем по смерти, последовавшей через год после освобождения, она была отпета по православному обряду и погребена в усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре в Москве.

127. Мавра Сергеевна 90
Муж — Федор Владимирович Шереметев.
128. **Мартемьян Харлампиевич (320)** 92
Стряпчий в 1680 г., стольник в 1682-м и 1692 гг. (110). В 1691 г. он был послан воеводой в Алатырь (100 — IX).
129. **Федор Харлампиевич (320)** 92
Стряпчий в 1682 г., стольник в 1686-м и 1692 гг. (110). С 1689 г. — воевода в Козлове.

130. **Иван Никифорович (320)** 94
Стольник в 1688-м и 1692 г. (110).
131. **Петр Никифорович (320)** 94
Стряпчий в 1682 г., стольник в 1692 г. (110). В 1679 г. делил поместье отца Никифора Харитоновича с Аграфеной Даниловной и Екатериной Камаевной Лопухиными (300).
Жена — Екатерина Исаевна Креницына (430).
132. **Иван Киприанович Большой (320)** 97
Стольник в 1682 г. (110).
133. **Алексей Киприанович (320)** 97
Стольник в 1692 г. (110).
134. **Иван Киприанович Меньшой (320)** 97
135. **Андрей Киприанович (320)** 97
136. **Тимофей Киприанович (320)** 97
Стольник в 1692 г. (110).
137. **Андрей Андреевич Первой (320)** 103
Упом. ок. 1609 г.
138. **Семен Андреевич (320)** 104
Упом. ок. 1609 г.
139. **Семен Гаврилович (320)** 106
Жилец в 1660 г. Московский дворянин в 1679 г. Стольник в 1690 г. (82; 110).
Жена — Агафья, дочь Ивана Салтановича Меньшого Щербачева.
140. **Федор Гаврилович (320)** 106
Принял в 1666 г. владение своего отца (406).
141. **Иван Гаврилович (320)** 106
Помещик в Курмышском уезде (292).

142. **Авдотья Лукиановна** 110
Муж — Федор Васильевич Кошкаров.
143. **Иван Иванович (30 — VI)** 112
Род. в 1683 г., ум. в 1750 г. в Горчели.
Вышел в отставку в чине прапорщика (290), затем вновь служил в чине подпоручика. Был погребен рядом с предками на погосте с. Коломна в церкви Рождества Богородицы — имении, находившемся во владении Лопухиных с XV в.
Жена— Анна Фоминична NN
Ум. не позднее 1764 г. (286).
144. **Мартемьян Иванович (407 — VI)** 112
Род. в 1691 г., ум. в 1749 г.
Подпоручик, затем секунд-майор. Новгородский и тверской помещик. Погребен в с. Лычине (ныне. Калужской губ.) у церкви Рождества Богородицы (406).
145. **Адриан Иванович (30 — VI)** 112
Род. в 1693 г., ум. 18.12.1755 в Санкт-Петербурге (414).
Секунд-майор лейб-гвардии Преображенского полка. В 1722 г. он участвовал в походе в Персию, и там ему несколько раз поручали ответственные дела, в том числе 24 июля 1722 г. он был послан Петром I с Терека к Шамхану Тарковскому с манифестом (407, дополнения). Впоследствии генерал-майор (83).
Новгородский и тверской помещик.
Погребен в Москве в церкви Ямской слободы (406).
Жены:
1) Анна NN (254);
2) Евдокия, род. 16.02.1719, ум. 04.01.1787, дочь Егора Ивановича Фаминцына и Софии Казимировны Котцелль (331 — II, 574, № 5). Она была второй раз замужем за князем Яковом Петровичем Шаховским, генерал-прокурором, род. в 1703 г., ум. в 1777 г. (была его второй женой) (93 — I, 174, № 233).
146. **Николай Степанович** 113
Ум. в 1744 г. (106).
Жена — с 1730 г. княжна Анна Осиповна Щербатова (430).

XVIII

147. **Федор Леонтьевич (320)** 114
Звался также Авраам (133). Стольник при Государе Федоре Алексеевиче, участвовал в войне с Турцией и Крымом в должности стрелецкого головы, проявляя храбрость и воинское умение, за что был награжден новыми вотчинами. Столь же доблестно сражался он с поляками и литовцами во времена регентства Царевны Софьи и опять был отмечен новыми вотчинами.
Стольник Царицы в 1675 г. В 1693 г. сопровождал Государя Петра I в Архангельск в качестве его личного стольника и спальника (83).
Жена — в 1700 г. Фекла Федоровна Ртищева. (133 — I, 401).
148. **София Леонтьевна (430)** 114
Муж — князь Петр Иванович Дашков.
149. **Алексей Иванович (93)** 117
Жены:
1) Ирина Ивановна NN;
2) Анна Николаевна NN.
150. **Александр Иванович (93)** 117
Жена — Анна Ивановна Владыкина.
151. **Петр Иванович (93)** 117
Ум. в 1790 г.
Жена — Елена Михайловна Аргамакова.
152. **Василий Иванович (430)** 117
153. **Андрей Иванович (430)** 117
154. **Владимир Иванович** 117
Род. 08.07.1703, ум. 29.08.1797 в Москве (93).
Генерал-поручик. В воинской службе с 1717 г., когда поступил в Морскую академию. С 1723-го по 1729 г. был штурманом военно-морской эскадры. С 1729 г. служил в сухопутной армии и участвовал в качестве командира

- отряда в утверждении на польском престоле Короля Августа II. В 1734 г. он, в числе других командиров, осуществлял осаду Гданьска (Данцига). В 1735 г. командовал одним из отрядов вспомогательного корпуса в походе на Рейн, находясь под непосредственным началом Принца Евгения. В 1737 г. в качестве премьер-майора отличился при штурме Очакова, а в 1739 г. — при взятии Хотина. В 1742—1743 гг. героически сражался против шведов. В 1748 г. полковником со своим полком участвовал в войне против Франции.
- С 1755 г. — генерал-майор и обер-комендант Киева, затем Киевский генерал-губернатор. В 1762 г. генерал-поручиком направляется с армией на помощь Прусскому Императору Фридриху II, который очень тепло о нем отзывался.
- Кавалер ордена Св. Александра Невского и других орденов (83; 337).
Жена — Евдокия Ильинична Исаева (430).
155. **Анастасия Ивановна** 117
Муж — Александр Иванович Жемчужников.
Поручик, служил при Дворе Екатерины II.
156. **Николай Александрович (93)** 118
Род. 09.05.1698 (?), ум. 31.05.1768 (414).
Гвардии капитан. Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Жена — Анна, дочь генерал-аншефа и сенатора Алексея Григорьевича Жеребцова.
Род. 19.05.1733, ум. в 1793 г.
Она была второй раз замужем за Яковом Лукичом Хитрово, действительным тайным советником (158 — II, 323 № 195), но после развода с ним должна была снова носить фамилию первого мужа, поэтому похоронена под именем Лопухиной в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре (414).
157. **Петр Александрович (93)** 118
Жена — Елена, дочь Василия Федоровича Арсеньева (93 — IV, 247 № 169).

Она была второй раз замужем за Афанасием Ивановичем Костюриным (93 — IV, 247 № 169), ум. не позднее 1781 г. (430).

158. Федосья Александровна (158; 93 — Мария) 118
 Муж — Федор Александрович Нащокин.
 Поручик флота (158 — II; 290 № 132).

159. Федор-Авраам Авраамович (93) 120
 Род. 30.04.1697, ум. 30.04.1757 (414).

Тайный советник. Сын казненного брата Царицы Евдокии Федоровны — Авраама Федоровича. С молодых лет служил при Дворе. В 1740-е гг. во время коронации Императрицы Елизаветы Петровны был обер-церемониймейстером.

Владел имением Ясенево и завершил строительство имения и храма Петра и Павла в 1737 г. (83).

Возможно, это он 10.05.1738 в чине бригадира был назначен к адмиралтейству обер-штер-кригс-комиссаром флота и пробыл там до 18.10.1739 (228).

Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.

Жена — графиня Вера, род. 04.09.1716, ум. 25.04.1789, дочь генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева и его жены Анны Петровны Салтыковой, в первом браке Нарышкиной. Погребена рядом с мужем.

160. Василий Авраамович (93) 120
 Род. 05.08.1711, ум. 19.08.1757 (407; 414).

Генерал-аншеф, сын казненного брата Царицы Евдокии Федоровны — Авраама Федоровича.

Образование получил в I Кадетском корпусе.

Активный участник войн с Турцией, Швецией и Пруссией. 19 августа 1757 г. во время решающей битвы с прусскими войсками близ деревни Гросс-Егерсдорф командовал левым крылом русской армии, которое выдержало основную тяжесть сражения.

В самый критический момент битвы, когда левое крыло было смято наступлением превосходящих сил противника, израненный генерал Лопухин, пытавшийся остановить отступающих русских солдат, был схвачен

пруссакми, что заставило русских гренадеров вернуться на прежние позиции, и они тут же отбили своего командира. Это в конечном итоге и решило исход битвы.

Однако Лопухин в этот же день скончался от множества полученных в сражении ран. Генерал-фельдмаршал Апраксин в своем отчете о сражении писал Государыне Елизавете Петровне: «...упомяная о нем (В.А. Лопухине), не могу от слез воздержаться. Он до последнего дыхания сохранил мужество и к службе прямое усердие. Тремя пулями весьма тяжело ранен, однако сохраняя остатки жизни спрашивал только: «Гонят ли неприятеля?» И как ему то уверено было, то последние слова его были: «Теперь умираю спокойно, отдав мой долг Всемилостивейшей Государыне». За воинские заслуги был награжден орденами Св. Александра Невского и Св. Анны. Народные песни о генерале В.А. Лопухине являются наиболее многочисленными среди песен о Семилетней войне и в дальнейшем были очень популярны в армии во время Отечественной войны 1812 г.

В память о нем в деревне Щелканово Калужской губ. сохранилась, к сожалению, в весьма плачевном состоянии, его родовая усадьба и прекрасный храм Рождества Христова, заверченный строителями в год гибели воина (23; 83; 353). Через 7 лет после смерти его прах был перевезен в Москву и погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре (327).

Жена — графиня Екатерина, ум. 18.10.1738, дочь генерал-аншефа графа Павла Ивановича Ягужинского (158 — II, 442 №3) и его супруги Анны Федоровны Хитрово (249: Ягужинский).

161. Анастасия Федоровна 124
 Ум. в раннем возрасте 23.02.1700 (414).

162. Алексей Федорович 124
 Ум. в раннем возрасте 23.02.1700 (414).

163. Иван Степанович (93) 126
 Род. ок. 1720, ум. ок. 1747.

Начал придворную службу пажом в 1740 г. при Государыне Анне Иоанновне, затем был камер-юнкером при

- правительнице Анне Леопольдовне и Императрице Елизавете Петровне. Подполковник. Служил в лейб-гвардии Семеновском полку.
- Вместе с родителями был по так называемому «Лопухинскому делу» о заговоре против Императрицы Елизаветы Петровны, связанного с сомнительностью ее прав на престол, пытан и приговорен к колесованию, в последний момент перед казнью замененному наказанием кнутом, урезанием языка и вечной ссылкой в Сибирь. Местом ссылки ему был назначен г. Охотск, где он и умер примерно через три года после прибытия
- В 1763 г. Государем Петром III был посмертно оправдан (83; 353).
164. **Степан Степанович** 126
Род. в 1722 г., ум. 16.05.1784 (414).
Действительный камергер.
Был с родителями в ссылке и возвращен вместе с матерью в 1763 г. Служил при Дворе Императрицы Екатерины II (83; 353).
Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Жена — Анна, дочь Василия Александровича Панина и его супруги Надежды Андреевны Ладыженской (93 — II, 168; 331 — I, 501 № 29). Вероятно, это она завоевала приз на соревнованиях 1766 г. на конной карусели (колеснице).
165. Анастасия Степановна 126
Род. 16.10.1725, ум. 24.02.1799. Погребена в Александро-Невской лавре на Лазаревском кладбище.
Муж — граф Николай Александрович Головин.
166. **Сергей Степанович** 126
Род. 11.07.1727.
Гардемарин (36).
167. Анна Степановна 126
Род. 03.09.1730, ум. 23.03.1766 (96 — XIX, 376).
Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
168. **Авраам Степанович.** 126
Род. 08.08.1732, ум. 06.06.1799 (414).
Генерал-поручик (1781). По молодости лет избежал суда и ссылки вместе с родителями. Находясь в военной службе, проходил все чины по порядку. Участвовал в войнах с Турцией, разделе Польши. Во время Польской кампании вместе с генерал-майором А.В. Суворовым заслужил высокую оценку союзников за доблесть и профессионализм (353).
В 1767 г. произведен в полковники. В 1772 г. за героизм и мужество в действиях против неприятеля был награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1773 г. становится генерал-майором, в 1781 г. направляется правителем в Орловское наместничество (83).
Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Жена — княжна Анна, род. 06.01.1737, ум. 12.02.1794, дочь князя Алексея Борисовича Юсупова и его жены Клеопатры Михайловны Мирославской (93 — II, 34 № 39; 158 — I, 385).
Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
169. Прасковья Степановна 126
Род. 26.09.1734, ум. в 1810 г. (64).
Муж — с 16.05.1763 г. (430) князь Иван Алексеевич Голицын.
Род. 09.02.1729, ум. 01.08.1767 (93 — I, 292 № 83).
170. Екатерина Степановна 126
Род. 29.10.1737, ум. 09.12.1780.
Похоронена в Александро-Невской лавре на Лазаревском кладбище.
Муж — граф Иван Никитич Зотов (353; 430).
Полковник. У них сын Александр, род. 18.11.1759.
171. **Василий Степанович** 126
Упом. в 1779 г. Секунд-майор, земский исправник Можайского уезда (217).
Жена — Агафья Игнатьевна Григорова, первым браком за Макаром Кирилловичем NN.

172. **Иван Мартемьянович** 128
Жена — *Степанида Иовна Булгакова*.
173. **Гаврила Федорович** 129
Стольник Царицы в 1692 г. (110).
174. **Степан Иванович (110)** 130
В 1692 г. личный стольник Царя Петра I, затем, вероятно, находился в воинской службе. В 1716 г. был ландратом во Пскове. Руководил обеспечением армии и флота на заключительном этапе Северной войны.
В 1719 г. по делу Царевича Алексея Петровича сослан на вечное житие в Кольский острог, где вновь проходил по делу об оскорблении Императора Петра I.
Согласно более поздним данным, был оклеветан управляющим Кольской канцелярией. Дальнейшая судьба его неизвестна (83).
175. **Яков Иванович** 130
Член Московской Дворцовой палаты в 1760 г.
Возможно, это он в царствование Царя Петра I был комиссаром в Ревеле (353).
176. **Дмитрий Иванович** 130
Дворцовый комиссар.
Жена — *Федосья Саввишна NN (430)*.
Род. 31.05.1733, ум. 17.06.1808.
Последние 37 лет жизни провела в Московском Зачатьевском монастыре, похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве.
177. **Федор Иванович** 130
178. **Иван Иванович** 130
Поручик в запасе. Есть сведения, что он был бездетным.
179. **Алексей Андреевич** 135
Личный стольник Петра Великого в 1692 г. (110); воевода в Шаронде в 1696 г. (82), затем вновь комнатный стольник Государя до 1714 г. (83).
Жена — *Прасковья Ивановна Дубровская (277)*.

180. **Иларион Семенович (30 — VI; 320)** 139
Тульский помещик. В 1693 г. монах Кирилло-Белозерского монастыря Иоанникий. В связи с делом о подметных письмах относительно Царя Петра I сослан в Соловецкий монастырь (353).
181. **Федот Семенович (5 — VI; 320)** 139
Тульский помещик.
182. **Гордей Семенович** 139
Тульский помещик.
183. **Иван Федорович (320)** 140
Жилец (292). Стряпчий в 1692 г. (30 — VI; 320).
Помещик в Новгороде в 1650—1668 гг. (331 — II, 371, № 3).
Жена — *Анна, дочь Ивана Сергеевича старшего Сипягина*.
184. **Гаврила Федорович (320)** 140
Стольник в 1692 г. В это время он поделил земли со своим братом Иваном (30 — VI). Тульский помещик. «В 1710 г. послан для науки за море», в 1716 г. стал мичманом. В 1720 г. руководил коммерческим портом в Астрахани, в 1722 г. — командир яхты на Каспийском море, в 1726 г. — лейтенант флота. 10.08.1730 уволен от службы с награждением чина (228). Упом. в 1756 г.
Жена — *Федосья Ильинична Афросимова (290, № 9)*.
185. **Мария Федоровна (430)** 140
Мужья:
1) *князь Петр Алексеевич Барятинский, ум. в 1697 г.;*
2) *с 1697 г. — князь Георгий Михайлович Засекин (430)*.
186. **Степан Иванович (320)** 141
Последний Лопухин, записанный в Бархатной книге.

187. **Михаил Иванович** 141
188. **Гаврила Иванович (30 — VI)** 143
Род. 06.07.1729.
Коллежский ассессор в 1764 г. Жил в деревне Агреново под Суздалем Владимирской губ. (290).
Жена — Евстолия Ивановна NN; первым браком была за Андреем Афанасьевичем Дохтуровым.
Ум. не позднее 1775 г. (331, I, 243, № 32).
189. **Андрей Иванович (30 — VI)** 143
Род. 02.10.1738, ум. 19.10.1817.
В 1754 г. поступил в Московский Кадетский корпус. В 1764 г. — капитан-поручик (290). Затем служил по статской службе.
С 1787-го по 1802 г. — правитель Тульского наместничества, первый Тульский губернатор. С 1790 г. тайный советник. Всемерно и весьма успешно способствовал преобразованиям в Тульской губ. (83). При нем в Туле в 1779 г. была учреждена епархия (371). Похоронен в Туле в храме Преображения Господня Успенского женского монастыря, в строительстве которого принимал деятельное участие (371).
Жены:
1) Елизавета, дочь коллежского советника Петра Петровича Чекалевского (407). У них четыре сына и дочь;
2) Анна, род. в 1759 г., ум. 11.06.1813, дочь капитана Алексея Федоровича Смирнова (407).
190. **Илья Иванович (30 — VI)** 143
Род. в 1739 г., ум. в 1813 г. (414).
Надворный советник, премьер-майор Астраханского батальона в 1764 г. (290). В 1791—1794 гг. — депутат Московского губернского дворянского депутатского собрания от Никитского уезда, с 1794 г. — Никитский уездный предводитель дворянства (217).
Вместе с женой похоронен на паперти соборной церкви Борисоглебского монастыря в г. Дмитрове.
Жена — Мария Ивановна NN.
Род. в 1747 г., ум. в 1817 г. (414).

191. **Иван Иванович (30 — VI; 407)** 143
Род. в 1743 г., ум. не позднее 1796 г.
В 1764 г. поручик Борисоглебского драгунского полка. Есть сведения, что был секунд-майором. По разделу с братьями получил новгородское имение Горчель с пустошами, а также в 1764 г. — вышневолоцкое поместье (290; 405).
Жена — Дарья Евдокимовна Доможирова, дочь полковника.
192. **Адриан Адрианович (30 — VI)** 145
Род. 30.06.1734, ум. 28.08.1816 (414).
Тульский помещик. Статский советник; с декабря 1788 г. по декабрь 1791 г. — Никитский уездный предводитель дворянства Московской губ. (217). Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Жена — Анна Федоровна Лопухина (см. № 209 этой росписи).
193. **Александр Адрианович (30 — VI)** 145
Тульский помещик. Холост (сведения за 1760 г.).
194. **Николай Адрианович** 145
Род. 26.02.1755(?), ум. 29.06.1821 (414).
Действительный статский советник.
Жена — София Адриановна Лопухина (см. № 251 (?)).
195. Анна Николаевна 146
Муж — Николай Юрьевич Ржевский (430).

XIX

196. **Авраам Федорович** 147
Род. 17.07.1706, ум. 23.05.1748 (414).
В 1718 г. поступил на учебу в Морскую академию, по окончании которой, дослужившись до капитана, перешел на статскую службу.
В 1742 г. участвовал в коронации Императрицы Елизаветы Петровны. В 1743 г. — прокурор Московской губ.

- и вместе с тем прокурор Юстиц-коллегии, статский советник (83).
- Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Жена — Анна, род. 17.07.1710, ум. 12.05.1730 (414),
дочь Ивана Алексеевича Ржевского (93 — IV, 31, № 89).
197. Елена Александровна 150
Муж — Алексей Николаевич Сухотин.
Род. в 1732 г., ум. в 1805 г. (430).
Генерал-майор. Звенигородский уездный предводитель дворянства Московской губ.
198. Мария Александровна 150
199. Андрей Петрович 151
Ум. 27.01.1786.
Прапорщик в 1780 г.; костромской помещик (146).
200. Иван Петрович 151
Лейб-медик, гвардии подпоручик. Упом. в 1780 г. (146).
201. Мария Петровна 151
Род. в 1746 г., ум. 24.04.1807 (430).
Муж — Павел Иванович Фонвизин.
Род. в 1746 г., ум. в 1803 г., действительный тайный советник и сенатор, директор Московского университета (158 — II, 312, №17; 331, II, 504).
202. Екатерина Петровна 151
Род. 16.11.1747, ум. 28.06.1789 (414).
203. Петр Владимирович 154
Род. 27.02.1752, ум. 28.04.1805.
Бригадир. С 1761 г. служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Участвовал в войнах с Турцией и «поступал как честному, послушному и искусному офицеру надлежит» (из Именного указа Императрицы Екатерины II о производстве Петра Владимировича в бригадиры армии в 1785 г.) (83).

204. Иван Владимирович (93) 154
Род. 24.02.1756, ум. 22.06.1816 (337).
Выдающийся общественный и государственный деятель, действительный тайный советник, сенатор, философ, публицист, издатель (115; 189; 363).
Записан в гвардию в младенчестве, в 1782 г. произведен в полковники и перешел на статскую службу — советником, а затем председателем Московской губернской уголовной палаты. В 1785 г. в чине статского советника уходит в отставку. В судебскую практику внес взгляд на исправительное значение наказаний и боролся за их умеренное применение.
С 1782 г. он становится одним из организаторов, теоретиков и активных деятелей масонских организаций сначала в Москве, а затем и в других городах. Ближайшее десятилетие стало эпохой московского розенкрейцерства и вместе с тем — временем расцвета деятельности и дарований И.В. Лопухина.
Он переводит на русский язык целый ряд масонских произведений, создает типографию и издает множество философских, теологических и правовых произведений, включая и свои собственные. Помогает бедным, участвует в организации школ, аптек, больниц.
В это время он становится великим мастером нескольких лож. В 1792 г. начались преследования масонов со стороны правительства. Лопухину, памятуя о заслугах его большого девятидесятилетнего отца, в качестве наказания определили ссылку, конфисковав значительную часть имущества, и все-таки затем оставили в Москве под строгим гласным и негласным наблюдением.
С воцарением Императора Павла I, покровительствовавшего масонам, положение радикально изменилось. И.В. Лопухина вызывают в Петербург, назначают статс-секретарем при Императоре, производят в действительные тайные советники. Но придворная служба тяготила его, и вскоре он был назначен сенатором в Москву. В своей деятельности в Сенате И.В. Лопухин продолжал придерживаться прежних гуманных взглядов. Неоднократно ему приходилось ревизовать многие губернии, оставляя своей справедливостью добрую память (337). Особо следует отметить его деятельность по защите духоборов на Украине.

Во время Отечественной войны 1812 г. он по поручению Александра I занимается организацией земского войска. После завершения войны окончательно уходит в отставку.

Оставил прекрасные мемуары, являющиеся одним из выдающихся памятников русской словесности и филологии конца XVIII в., а также целый ряд уникальных архитектурных ансамблей в своих имениях. Наиболее знаменито из них село Савинское Богородского уезда близ Москвы, где по его проекту был создан всемирно известный медитационный философский парк.

Известный историк В.О. Ключевский так охарактеризовал И.В. Лопухина: «С умом прямым, немного жестким и даже строптивым, но мягкосердечный и человеколюбивый, с тонким нравственным чувством, отвечающим мягкому и тонкому складу его продолговатого лица, вечно сосредоточенный в работе над самим собой, он упорным упражнением умел лучшие и редкие движения души человеческой переработать в простые привычки или ежедневные потребности своего сердца» (83).

Его портрет находится в Третьяковской галерее в Москве.

Жена — Матрена Ефимовна Никитина (возможно, утом. в 30 — VI, 420).

205. **Дмитрий Николаевич (93)** 156

Род. 09.01.17..., ум. 01.07.1803.

Генерал-майор, действительный статский советник (93).

Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.

По его заказу под руководством Матвея Казакова его учеником Алексеем Бакаревым на Большой Калужской ул. был возведен прекрасный особняк в классическом стиле (в настоящее время перестроен, и в нем находится Московский горный институт) (83).

206. **Евдокия Николаевна (93)** 156

Род. 17.12.1761, ум. 20.08.1786 (414).

По свидетельству современников (336; 337), отличалась красотой, скромностью, добротой и набожностью.

Никогда не носила драгоценностей. Решающую роль в ее браке сыграла Екатерина II. Умерла во вторых родах. Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.

Муж — с 06.05.1782 граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский

Род. 24.09.1735, ум. 24.12.1807 (93 — IV, 438).

Генерал-аншеф. Свадьба происходила в имении Остров Московской губ.

207. **Анна Николаевна** 156
Ум. 09.03.1812 (93).

208. **Прасковья Николаевна** 156

Благодаря ее попечительству была освящена церковь, возведенная в родовом имении Давыдовых — селе Аксиныно Веневского уезда Тульской губ. (1790).

Муж — Владимир Денисович Давыдов.

Полковник (93 — IV, 433, № 151). В его имении Аксиныно хранилась богатая коллекция фарфора и работы известного художника Ореста Кипренского.

209. **Анна Федоровна (93)** 159

Род. 09.10.1737, ум. 05.05.1800. Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.

Муж — с 1760 г. Адриан Адрианович Лопухин (№ 192).

210. **Елизавета Федоровна (93)** 159

Род. 04.04.1743, ум. 23.03.1820.

Упом. в завещании ее кузена Петра Андреевича Лопухина (№ 233). Наравне с его сыновьями она получила в собственность некоторое имение для того, чтобы основать приют для стариков. Ею было куплено имение Авдотьино в Орловской губ. (100 — IX, 33).

Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.

Муж — с 1776 г. Иван Александрович Заборовский

Род. 16.05.1735, ум. 17.09.1817.

Действительный тайный советник (414).

211. Наталия Федоровна (93) 159
Муж — Федор Матвеевич Толстой.
Генерал-майор (331 — II, 510, № 240).
212. Федосья Федоровна 159
Ум. в 1799 г. (93) (286 — 28.09.1832).
Муж — Лука Федорович Ушаков.
Род. в 1735 г., ум. в 1814 г.
Генерал-лейтенант, тайный советник и сенатор (93).
213. Варвара Федоровна (93). 159
Род. 21.02.1753, ум. 19.07.1814.
Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Муж — Иван Иванович Голохвастов.
Ум. в 1798 г.
Тайный советник и сенатор (331 — I, 195 № 28).
214. Прасковья Федоровна (93) 159
Род. 19.07.1754, ум. 12.08.1810 (93).
Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Муж — с 1782 г. Владимир Иванович Астафьев.
Род. в 1740 г., ум. 27.11.1794 (430 — 1799).
Гвардии капитан (1780), бригадир, позже — действительный статский советник; Ярославский губернский предводитель дворянства с 1781-го по 1784 г. (100 — IX, 112; 195).
215. Аграфена Федоровна (93) 159
Ум. 03.02.1839 (414).
Муж — Сергей Александрович Фаминцын.
Род. 02.07.1745, ум. 08.01.1819.
Генерал-майор (331 — II, 575 № 8).
216. Степан Авраамович (93) 168
Род. 17.11.1769, ум. 20.04.1814.
Егермейстер и действительный камергер при Дворе Павла I. Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.

- Жена — графиня Мария, род. 14.03.1779, ум. в 1803 г., дочь графа Ивана Андреевича Толстого (331 — II, 501, № 156). Всемирно известный портрет М.И. Лопухиной, написанный В.А. Боровиковским, хранится в Третьяковской галерее (83).
217. Александр Иванович (93 — не упом.) 172
Коллежский советник.
218. Алексей Иванович (93) 172
219. Ардалион Гаврилович (93; 100) 172
Помещик Мещовского и Жиздринского у. Калужской губ.
Жена — с 1755 г. княжна Надежда Федоровна Волконская (430).
220. Федор Яковлевич (93) 175
221. Прасковья Дмитриевна (30 — VI, 166 № 26) 176
Род. 17.10.1756, ум. 03.03.1812 (430).
Похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве.
Муж — Федор Абрамович Дьяков (30 — VI).
Губернский секретарь. Похоронен вместе с женой.
222. Алексей Федорович (93) 177
223. Василий Алексеевич (93) 179
Секунд-майор, упом. в 1782 г. (391).
Жена — Мария, ум. до 1762 г., дочь Ивана Фаддеевича (Степановича?) Хоненева (упом. в 1719 г.).
В 1744 г. она владела землями, данными ее отцу, в Евлашеве (ныне Кузнецкий район Саратовской губ.), а также селыцом Щукино Владимирского уезда Владимирской губ.
224. Иван Алексеевич (93) 179
Жена — Анна Александровна Каменская (93).
225. Федор Алексеевич (93) 179
Помещик Медынского, Мещовского и Козельского уездов Калужской губернии (100).
Жена — Анна Петровна Пожогина-Отрошкевич.

226. **Степан Иванович (93)** 183
 Стольник в 1692 г. (406).
227. Анна Ивановна (292) 183
 Муж — с 1708 г. Петр Иванович Стромиллов.
228. **Никита Гаврилович** 184
 Новгородский помещик. Вице-адмирал (93; 292).
 Судя по надписи на его склепе в деревне Новая (одно из наследственных владений Лопухиных), прожил 77 лет и 6 месяцев и был в службе с 1716-го по 1763 г. В 1717 г. поступил в службу гардемаринном. В 1725 г. участвовал в «испанской экспедиции».
 В 1733 г. в чине лейтенанта майорского ранга являлся командиром корабля. В 1751 г. — капитан галерного порта, в 1757 г. — контр-адмирал. С 1759 г. командовал Кронштадтской эскадрой и руководил высадкой десанта в Данциге. В 1760 г. назначен директором Московской адмиралтейской конторы. С 1763 г. — в отставке (228).
229. **Петр Гаврилович** 184
 Новгородский помещик. Артиллерии поручик в 1743 г. (290). Первый владелец впоследствии известного села Лопухинки Санкт-Петербургской губ.
 Жена — Афросинья, дочь Василия Михайловича Пестрикова (291).
230. **Семен Степанович** 186
 Новгородский помещик.
 Жена — Арина NN, ум. в 1749 г. (290; 292).
231. **Прокофий Михайлович (30 — VI)** 187
 Тульский помещик. Бездетный.
232. Ольга Андреевна 189
 Ум. 02.01.1816.
 Погребена в древней вотчине Лопухиных — деревне Коломна Вышневолоцкого уезда Тверской губ. (414).
233. **Петр Андреевич** 189
 Род. в 1767 г., ум. 17.08.1834 (430).
 Генерал-майор (1798), с 1799 г. и до 1820 г. генерал-адъютант Императоров Павла I и Александра I (30 — VI).

- Отличился в русско-шведской войне 1788—1790 гг. Участник польской кампании 1792 г. и Отечественной войны 1812 г. Шеф 6-го пехотного полка Московского ополчения, с которым сражался при Бородине, Тарутине, Малоярославце, Вязьме и Красном, а также в заграничном походе 1813—1814 гг. При осаде Модлина был ранен штыком в грудь при отражении вылазки. Награжден многими орденами, золотой шпагой «за храбрость» с алмазами (83; 270). С 1814 г. — в отставке.
 С января 1820-го по декабрь 1828 г. — Звенигородский уездный предводитель дворянства (217).
 Жена — Мария, род. 25.04.1786, ум. 25.01.1855 (414), дочь Ивана Григорьевича Текутьева, надворного советника, род. в 1745 г., и его жены Елизаветы Степановны Шетневой.
234. **Михаил Андреевич** 189
 Род. в 1770 г. Офицер лейб-гвардии Преображенского полка в 1817 г. (30 — VI).
235. **Александр Андреевич** 189
 Род. в 1771 г.
 Полковник (в 1836 г.). Тульский и московский помещик (30 — VI).
236. **Дмитрий Андреевич (407)** 189
237. Анна Андреевна 189
 Род. в 1780 г. (30 — VI).
 Муж — Павел Сергеевич Казаринов (30 — II, 86, № 1).
 Тульский помещик.
238. **Андрей Андреевич** 189
 Род. 14.05.1781, ум. 20.10.1856.
 В детстве был записан в лейб-гвардии Измайловский полк, числился сержантом в 1796 г. (30 — VI), позднее подполковник (217).
 Похоронен в Екатерининской пустыни Подольского у. Московской губ.

239. **Павел Андреевич** 189
 Род. в 1786 г., ум. в 1814 г.
 В детстве был записан в лейб-гвардии Преображенский полк, числился подпрапорщиком в 1796 г. (30 — VI; 405). Паж в 1805 г. Имеются сведения, что он был офицером лейб-гвардии Измайловского полка в 1802 — 1811 гг. Участвовал в войне с Францией, в 1805 г. в чине поручика был взят в плен. Отставлен от службы за болезнью капитаном 15.05.1811 (406).
 Участник войны 1812 г. сначала капитаном Костромского пехотного полка, с 30.08.1812 — майором.
 С 05.12.1813 — подполковник. Убит неприятелем на подступах к Парижу, будучи полковником Псковского пехотного полка (301).
240. **Варвара Андреевна** 189
 Род. в 1788 г.
 Поступила в Серпуховский монастырь в 1818 г., но в 1827 г. покинула его (30 — VI; 406).
241. **Евдокия Андреевна** 189
 Род. в 1789 г.
 Муж — с 1817 г. штабс-капитан NN Корженевский (30 — VI).
242. **Николай Андреевич** 189
 Род. в 1790 г. (30 — VI).
 Воспитывался в Пажеском корпусе, выпущен 27.08.1812 прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк.
 Участник кампаний 1812—1813 гг. (сражения при Красном, Лютцене, Бауцене, крепости Модлин).
 Уволен от службы в 1819 г. гвардии капитаном (389) по болезни с правом пользования мундиром (303).
243. **Мария Андреевна** 189
 Род. в 1792 г. (30 — VI).
244. **Александра Андреевна** 189
 Род. в 1795 г. (30 — VI).

245. **Алексей Андреевич** 189
 Род. 17.02.1796, ум. 01.02.1875 (430).
 Поручик артиллерии. Помещик Костромского и Кинешемского уездов Костромской губ. Почетный попечитель Костромской мужской гимназии.
 Владел 570 душами, 3700 десятинами земли и с 1834 г. — трехэтажным домом в Костроме на центральной — Екатеринославской — площади (между ул. Еленинской и Павловской), в котором располагался постоянный двор. Там останавливались историк М.П. Погодин, писатели А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.
 В 1837 г. был внесен в Дворянскую родословную книгу Костромской губернии (30 — VI; 50; 146).
 Жена — *Серафима Николаевна Муратова*.
246. **Иван Андреевич** 189
 Род. 27.07.1798. (30 — VI).
 Гвардии поручик в 1816 г. Ротмистр в Псковском кирасирском полку в 1818 г., в отставке с 1833 г.
 Владел имениями и был записан в дворянские родословные книги 3 губерний: Тульской (1802 г.), Калужской (Мещовский уезд, 1816 г.), Орловской (Трубчевский уезд, 1830 г.). Имел также владения в Тверской губ., в связи с чем все его дети при рождении были вписаны в VI часть Дворянской родословной книги Тверской губ.
 Жена — *Мария Дмитриевна Похвиснева*.
247. **Александра Ильинична (414)** 190
 Род. в 1769 г., ум. в 1834 г.
 Похоронена на паперти соборной церкви Борисоглебского монастыря г. Дмитрова.
 Муж — NN Губарев.
248. **Николай Иванович** 191
 Род. в 1780 г. (30 — VI).
 Поручик (407). Помещик в Вышневолоцком уезде Тверской губ.
249. **Екатерина Ивановна** 191
 Род. в 1781 г. (30 — VI).

250. **Михаил Иванович** 191
Род. в 1785 г.
Гвардии поручик.
Помещик в Вышневолоцком уезде Тверской губ. (30 — VI; 407).
251. **София Адриановна (30 — VI)** 192
Род. 12.05.1762, ум. 29.09.1813 в Туле (414).
Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Муж — *Николай Ардалионович Лопухин* (№ 264) (92). См. также № 194.
252. **Федор Адрианович (30 — VI)** 192
Род. 28.06.1768, ум. 08.09.1811.
Бригадир. Позднее действительный статский советник (83). Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Жена — *Дарья Ивановна Павлова*.
Род. 05.02.1777, ум. 13.03.1830 (430).
253. **Адриан Адрианович (30 — VI)** 192
Ум. 05.04.1787 в молодом возрасте.
254. **Екатерина Адриановна (30 — VI)** 192
Ум. незамужней.
255. **Петр Адрианович** 192
Ум. 17.08.1831.
Генерал-майор (414). Похоронен у алтаря Тихвинской церкви села Авдотьино Бронницкого уезда.

XX

256. **Василий Авраамович Большой (93)** 196
Род. 17.07.1729, ум. 19.09.1745.
257. **Василий Авраамович Меньшой (93)** 196
Род. 09.09.1746, ум. 15.06.1821.
Гвардии поручик (286).

- Жена—княжна Александра, род. 18.04.1747, ум. 22.01.1777, дочь князя Петра Ивановича Гагарина и его жены Анны Михайловны Леонтьевой (158 — I, 325).*
258. **Мария Авраамовна (93)** 196
Муж — князь *Петр Петрович Черкасский (93 — II, 40 № 93), сын князя Петра Борисовича, Московского губернатора.*
259. **Петр Иванович** 200
В 1780 г. — коллежский советник. Костромской помещик (146).
260. **Гаврила Иванович** 200
Коллежский ассессор. Костромской помещик (146).
261. **Илья Иванович** 200
Секунд-майор. Костромской помещик (146).
262. **Мария Александровна (407)** 217
Муж — *Гаврила Алексеевич Жеребцов (407).*
263. **Григорий Алексеевич (93)** 218
264. **Николай Ардалионович (93)** 219
Род. 26.02.1755, ум. 21.06.1829 в Москве.
Действительный статский советник. Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
Жена — *София Адриановна Лопухина (№ 251) (92).*
265. **Федор Ардалионович (93)** 219
Ум. в 1821 г.
Премьер-майор.
Жена — *Анна, род. 20.04.1794, дочь Алексея Герасимовича Воронца, надворного советника, и его жены Ефросиньи Михайловны Энгельгардт (83).*
266. **Дмитрий Ардалионович (93)** 219
Действительный статский советник. Калужский губернатор с 1796-го по 1802 г. За свои злоупотребления по

службе, обнаруженные комиссией во главе с Г.Р. Державиным, был отстранен от должности (83). Вместе с тем, по мнению калужан и их потомков, его имя тесно связано со значительными архитектурными преобразованиями города. «Ощутимые перемены в образе жизни и в образе мыслей калужан произошли за годы его губернаторства» (383). Помещик, владелец деревни Жиздра Калужской губ. (133), возможно, получил это имение в качестве приданого жены.

Жена — Мария, род. 14.02.1763, ум. 27.03.1829 (414), дочь Александра Владимировича Шереметева (93 — III, 502, №52) и его жены Марфы Гавриловны Воейковой (100 — II, 487, № 457).

267. Анна Ардалионовна 219
Муж — Матвей Евстигнеевич Рокотов.
268. **Иван Федорович** 220
269. **Петр Федорович** 220
270. **Светлейший князь Петр Васильевич** 223
 Род. в 1753 г., ум. 06.04.1827 (430).
 Выдающийся государственный деятель, действительный тайный советник I класса.
 5 марта 1760 г. был записан капралом в лейб-гвардии Преображенский полк. Прапорщик — с 1769 г., полковник — с 1777 г.
 В 1779 г. — бригадир и обер-полицмейстер г. Санкт-Петербурга. В 1783 г. награждается орденом Св. Владимира III ст. и назначается правителем Тверского наместничества в звании генерал-майора. С 1784-го по 1793 г. — Московский гражданский губернатор. В 1785 г. награждается орденом Св. Владимира II ст., а в 1791 г. производится в генерал-поручики и в 1793 г. направляется генерал-губернатором в Ярославль. В 1796 г. переименован в тайные советники и назначен присутствующим в Московском департаменте Сената. 17.12.1796 награждается орденом Св. Александра Невского, а в августе 1798 г. переводится в Санкт-Петербург генерал-прокурором с производством в действительные тайные

советники и награждением орденом Св. Андрея Первозванного.

Участвовал в подготовке указов об избавлении от телесных наказаний лиц старше 70 лет и о передаче в Межевой департамент Сената дел об «отсуженных помещиками казенных землях» (оба 1798 г.). Добился расширения прав губернских прокуроров по части надзора за местными органами власти.

В 1799 г. становится попечителем Московского университета.

Пользовался доверием Императора Павла I, жалован за службу Корсунским староством в Богуславском у. Киевской губ. и домом на Дворцовой набережной в Санкт-Петербурге. В 1799 г. 19 января «...в воздаяние верности и усердие к службе» указом Императора Павла I возводится в княжеское достоинство, а 22 февраля 1799 г. ему и всему его потомству пожалован титул и преимущества светлейшего князя Российской Империи.

Однако 07.07.1799 он уходит в отставку и уезжает в Москву.

При Императоре Александре I с 1801 г. член Непременного совета, с октября 1803 г. он назначается министром юстиции и главой Комиссии составления законов и снова генерал-прокурором. Провел реорганизацию Сената, учредил 2 новых департамента, а также временные департаменты и комитеты для «обозрения поступающих в Сенат жалоб». В январе 1807 г. одновременно возглавлял Комитет сохранения общественной безопасности, рассматривавший дела об оскорблении величества, государственной измене, о распространении «ложных и вредных слухов», о тайных обществах и др.

С 1810 г. — председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета, председатель Департамента законов и других департаментов (1810 — 1816). С 1814 г. — действительный тайный советник I класса. Наконец, с 1816 г. по свою кончину в 1827 г. являлся председателем Государственного Совета и Комитета Министров.

В 1819 г. избран почетным членом Российской Академии наук.

01.06.1826 г. он был назначен председателем Верховного уголовного суда, который рассматривал дела участников мятежа в декабре 1825 г. В процессе разбирательства привлек к ответственности собственного сына. 02.11.1826 он обращался к Императору Николаю I с просьбой об отставке, однако Император ее не принял.

При участии Петра Васильевича были созданы известные архитектурные ансамбли в с. Введенское близ Москвы (архитектор Н.А. Львов), на Аптекарском о-ве в Санкт-Петербурге, а также в Корсуне Киевской губ. (83).

Жены:

1) *Прасковья, дочь Ивана Фомича Левшина, полковника (158 — I, 314, №126), и его жены Анны Ивановны, урожд. княжны Львовой; у них три дочери;*

2) *с конца 1780-х гг. Екатерина, род. в 1763 г., ум. 16.09.1839, статс-дама, награждена орденом Св. Екатерины I ст., дочь Николая Лаврентьевича Шетнева, тайного советника, и его жены NN Матюшкиной; у них один сын и три дочери (15; 337).*

Светлейшие князья Лопухины и их ближайшие родственники были похоронены на погосте Карачуницы Порховского у. Псковской губ., в усыпальнице при Никольской церкви приюта для престарелых, созданного Лопухиными (414).

271. **Степан Васильевич** 223

272. **Александр Васильевич** 223

Род. ок. 1756 г., ум. не позднее 1838 г.

В 1811 г.* полковник лейб-гвардии Преображенского полка (370). В 1791—1793 гг. — предводитель дворянства Судогодского уезда Владимирской губ.

Жена — Анна, дочь Андрея Васильевича Языкова, капитана в отставке, владимирского помещика (49; 92).

* Эта ветвь рода Лопухиных наименее изучена; возможно, что какая-то часть потомков Александра Васильевича, записанных здесь, относится к его кузену, Александру Ивановичу, № 274.

273. **Вера Васильевна (249)** 223
*Муж — Артамон Осипович Кожин.
 Род. в 1753 г.
 Полковник, псковский помещик (331 — I, 386, № 66).*
274. **Александр Иванович** 224
Жена — Анна Алексеевна Яблочкова (см. примечание к № 272).
275. **Елена Ивановна** 224
 Ум. в 1800 г.
276. **Николай Никитич (30 — VI)** 228
 Ум. не позднее 1799 г.
 Гвардии подпоручик (292). В 1799 г. — гвардии поручик (316).
277. **Наталия Никитична** 228
 Похоронена вместе с мужем в Даниловском монастыре.
*Муж — Петр Яковлевич Евреинов.
 Род. 19.06.1721, ум. 12.01.1792 (414).*
278. **Александр Никитич** 228
 Ум. в 1784 г. (430).
 Полковник. Детей не имел (292).
Жена — княжна Анна, ум. 02.05.1842, дочь кн. Александра Алексеевича Долгорукого и его жены Прасковьи Кирилловны Матюшкиной (92).
279. **Федор Никитич** 228
280. **Борис Никитич** 228
 Ум. не позднее 1798 г. Подпоручик (292).
281. **Сергей Петрович (290, № 9)** 229
 Ум. не позднее 1798 г.
 В 1758 г. поступил в Морской кадетский корпус. В 1761 г. — мичман, в 1766 г. — капитан, в 1772 г. — капитан-лейтенант. В этом чине он на корабле «Чесма»

- под командованием контр-адмирала Чичагова принимал участие в Патрасском сражении с турками, в котором лишился ноги, в связи с чем был отставлен от службы в чине капитана 2-го ранга (228; 337).
Новгородский помещик. Холост (292).
282. **Моисей Семенович (290, № 61)** 230
Упом. в 1749 г. Новгородский помещик.
283. **Виктор Алексеевич** 245
Род. 08.02.1837.
Служил в Петербурге, записан в VI часть Дворянской родословной книги Костромской губ. (51).
Жены:
1) *Мария, дочь Владимира Ксаверьевича Корженевского и его жены Ларисы Васильевны NN (51);*
2) *Евдокия Владимировна Пшеславская (?).*
284. **Андрей Иванович (30 — VI; 407)*** 246
Род. 26.08.1820, ум. 02.11.1879.
На 29.02.1868 — штабс-ротмистр.
Похоронен с супругой на Ваганьковском кладбище в Москве.
Жена — *Татьяна Алексеевна NN.*
Род. 05.06.1834, ум. 02.06.1901.
285. **Елизавета Ивановна (407)** 246
Род. в 1821 г.
286. **Анна Ивановна (407)** 246
Род. в 1823 г.
Муж — *штаб-ротмистр NN Анциферов.*
287. **Евгения Ивановна (407)** 246
Род. в 1824 г.

* Все №№ с 284-го по 293-й при рождении были записаны в VI часть Дворянской родословной книги Тверской губ., поскольку там находились владения Лопухиных с древнейших времен. В дальнейшем каждый из них, наследуя имения в различных губерниях, вписывался в соответствующие дворянские родословные книги, и в первую очередь Орловской губ. (306).

288. **Екатерина Ивановна (407)** 246
Род. в 1826 г.
289. **Николай Иванович (407)** 246
Род. в апреле 1828 г.
На 29.02.1868 — поручик.
290. **Дмитрий Иванович (30 — VI; 407)** 246
Род. в 1831 г., ум. в 1904 г.
Закончил Первую Московскую гимназию. Штабс-капитан в отставке в 1859 г. При рождении вписан в VI часть Дворянской родословной книги Тверской губ., затем, получая в наследство имения от своих родителей, а также приобретая их, был записан в Дворянские родословные книги сначала Тульской, затем Орловской, а 17.05.1857 указом Правительствующего Сената и Калужской губерний. Похоронен в семейном склепе близ имения Нестеровка Мещовского уезда Калужской губ.
Жена — *Аглаида Дмитриевна NN, ум. в 1871 г.*
291. **Павел Иванович (30 — VI; 407)** 246
На 21.09.1862 — коллежский регистратор. По другим сведениям, был священником.
292. **Василий Иванович** 246
Род. 06.04.1832, ум. 26.10.1893.
Штабс-капитан.
Похоронен на Лазаревском кладбище в Москве (341).
293. **Виктор Иванович** 246
Род. 22.10.1836. в с. Рёвны Трубчевского уезда Орловской губ.
Надворный советник в 1885 г., коллежский советник в 1894 г. С 03.12.1871 председатель Трубчевского уездного земского собрания и Трубчевский уездный предводитель дворянства Орловской губ. Записан в VI часть Дворянской родословной книги Орловской губ.
Жена—*Екатерина, род. 24.11.1848, дочь Петра Александровича Полторацкого, двоюродного племянника А.П. Керн.*

294. **Николай Николаевич (407)** 248
Упом. в 1824 г.
295. **Дмитрий Николаевич** 248
Род. 26.02.1811 (407), ум. 08.03.1880.
Подполковник в отставке.
Похоронен на Иоанно-Предтеченском кладбище в Твери (87).
296. **Иван Николаевич (407)** 248
Род. ок. 1820 г.
В 1839 г. был гвардейским поручиком.
Композитор, автор многих романсов, самые известные из которых — на слова А. Фета «Я пришел к тебе с приветом» и «В дымке-невидимке» (83).
297. **Петр Федорович** 252
Ум. в 1869 г.
Указом Правительствующего Сената от 13.08.1851 № 568 внесен с детьми в Дворянскую родословную книгу Киевской губ.
Жена — баронесса Мария* Евстафиевна Удом, дочь генерала.
298. **Екатерина Федоровна** 252
Род. 05.03.1796, ум. 28.01.1879 (430).
Похоронена в Новодевичьем монастыре в Москве.
*Муж — NN Скордули, ум. 02.05.1855 (430).
Генерал-майор.*
299. **Анна Федоровна** 252
Род. 09.05.1797, ум. 09.03.1810 (414).
Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
300. **Авраам Федорович** 252
Род. 08.06.1798, ум. 15.08.1799 (414).
Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.

* В (30 — VI) неверно названа Анной.

301. **Николай Федорович** 252
Род. 12.03.1800, ум. 17.09.1801 (414).
Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
302. **Анастасия Федоровна** 252
Род. 02.01.1804, ум. 01.06.1809 (414).
Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
303. **Адриан Федорович** 252
Род. 22.01.1805, ум. 04.09.1872 (414).
Майор в 1846 г., записан в VI часть Дворянской родословной книги Московской губ. Также владел имением Ступичное Звенигородского уезда Киевской губ., которое в 1856 г. продал Киевскому губернатору генерал-лейтенанту П.И. Гессе (308).
Жена — баронесса Юлия Евстафиевна Удом, дочь генерала, сестра Марии Евстафиевны (№ 297) (30 — VI).
304. **Дарья Федоровна** 252
Род. 18.06.1809, ум. 27.12.1810 (414).
Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.
305. **Прасковья Федоровна** 252
Ум. 18.05.1830 (414). (338 — род. 21.04.1809 (?))
Похоронена в Новодевичьем монастыре в Москве.

XXI

306. **Екатерина Васильевна** 257
307. **Анна Васильевна** 257
Род. 27.02.1772, ум. 03.03.1821 (414).
308. **Авраам Васильевич** 257
Род. 18.01.1774, ум. 19.02.1835.
Капитан лейб-гвардии Преображенского полка (в 1794 г.), затем статский советник.

- Известен как популярный поэт и переводчик своего времени. О нем как о поэте с несомненным дарованием отзывался В.А. Жуковский (337). Деятельно сотрудничал в современных ему изданиях «Ипокрена, или Утехи любословия», «Новости», «Русская литература», «Друг просвещения», «Чтение для вкуса, разума и чувствований», «Приятное и полезное проведение времени». Автор нескольких книг, на его стихи есть романсы.
- По его заказу и при его участии знаменитый архитектор А.А. Григорьев в 1817—1822 гг. построил в Лопухинском переулке в Москве усадьбу, которая в настоящее время является уникальным памятником московского ампира (83; 336; 337) и где ныне размещается музей Л.Н. Толстого.
- Жена — *Василиса Федоровна NN*.
Ум. 10.03.1792 (414).
309. **Дмитрий Васильевич** 257
Род. 22.02.1775, ум. 06.12.1831.
Капитан в отставке. Служил в 21-м Муромском пехотном полку (414).
310. **Екатерина Николаевна** 264
Ум. в 1858 г. (430).
Известная красавица. Ей принадлежал дом на Арбате, известный как «Дом Хитрово», в котором после свадьбы жил А.С. Пушкин (130).
Муж — с 1816 г. *Никанор Никанорович Хитрово*.
Род. 27.04.1791, ум. 27.01.1855.
Карачевский уездный предводитель дворянства (392; 414).
311. **Надежда Николаевна Старшая** 264
Род. в 1792 г., ум. 12.08.1834 (414).
Муж — *NN Сафонов*.
312. **Надежда Николаевна Младшая.** 264
Ум. 27.08.1887.
Муж — *Николай Николаевич Николаев (430)*
313. **Анна Николаевна (93)** 264

314. **Екатерина Федоровна (93)** 265
315. **Елизавета Федоровна (93)** 265
316. **Светлейшая княжна Анна Петровна** 270
Род. 08.11.1777 от первого брака отца, ум. 25.04.1805.
С 1798 г. камер-фрейлина, впоследствии, с 1799 г. — статс-дама, кавалерственная дама орденов Св. Екатерины и Св. Иоанна Иерусалимского.
Император Павел I испытывал к ней сердечное расположение и большую симпатию, которые сохранял по самую свою кончину. По свидетельствам современников, она умела успокаивать и охлаждать гнев вспыльчивого Государя (337).
Погребена в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.
Муж — с 08.02.1800 князь *Павел Гаврилович Гагарин*.
Род. 18.01.1777, ум. 02.04.1850.
Генерал-майор, генерал-адъютант. Вторым браком был женат на актрисе Марии Ивановне Спиридоновой.
317. **Светлейшая княжна Екатерина Петровна** 270
Род. 11.04.1783 от первого брака отца (414), ум. 21.06.1830.
Статс-дама.
Погребена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.
Муж — *Григорий Александрович Демидов*.
Род. 10.02.1765, ум. 19.01.1827.
Гофмейстер Двора Его Величества (158 — I, 182 № 44), заводовладелец, известный меценат.
Через их сына, генерал-лейтенанта Петра Григорьевича Демидова, их внуку, генерал-майору Николаю Петровичу, после смерти последнего светлейшего князя Павла Петровича Лопухина, родного брата Екатерины Петровны, указом Императора Александра II дозволено было именоваться светлейшим князем Лопухиным-Демидовым, с тем чтобы далее только старший сын наследовал эту фамилию (Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 20.12.1865).

318. **Светлейшая княжна Прасковья Петровна** 270

Род. в 1784 г. от первого брака отца, ум. 25.04.1873 (414).

Фрейлина Императрицы, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины II ст.

Похоронена на Тихвинском кладбище Александровской лавры в Санкт-Петербурге (337).

Муж — с 28.05.1800 граф Павел Иванович Кутайсов (337).

Род. 25.11.(09.03?)1780, ум. 25.11.1840.

Обер-гофмейстер Двора Его Величества (336; 337; 414).

319. **Светлейший князь Павел Петрович** 270

Род. 03.05.1788 в Москве от второго брака отца (430), ум. 23.02.1873 (158).

Начал служить в кавалергардах. Как говорилось в его некрологе (342): «...чуть не от самой колыбели был взыскан царскими милостями, которые впоследствии времени оправдал ревностной усердной службой» (342; 348).

Флигель-адъютант и камергер (с девяти лет) Императора Павла I. Обер-камергер Императора Александра I. Активный участник всех войн с Наполеоном начиная с 1806 г. (всего за свою жизнь участвовал в 56 сражениях). Полковник в 1812 г., генерал-майор в 1817 г., генерал-лейтенант в 1829 г.

За личный героизм и мужество в Отечественной войне 1812 г. (сражения при Витебске, Смоленске, Бородине, Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Красном) награжден орденами Св. Георгия III и IV ст. Состоял при генерале А.П.Ермолове, который находил в нем «смелость, добрую волю и хорошие способности, дающие надежду». Имел также ордена Св. Владимира и Анны всех степеней, а также многие иностранные ордена. Участник Заграничного похода, особо отличился под Лейпцигом и при взятии Парижа. С 1817 г. командовал бригадой, с 1827-го — дивизией. Участник подавления Польского восстания (1830—1831). В 1835 г. по болезни уволен в отставку (53).

Великий мастер масонской ложи «Трех Добродетелей».

Был среди организаторов «Союза благоденствия» и одним из составителей его устава — «Зеленой книги». Член организации «Союз спасения» в 1817 г. По предложению П.И. Пестеля вступил в тайное Северное общество, им возглавляемое. Затем, по несогласию с делами общества, выбыл из него в 1822 г., но за участие в нем после мятежа в декабре 1825 г. был все же привлечен к ответственности. Однако после допроса Императором по Высочайшему повелению был освобожден без последствий.

Известен его парадный портрет кисти К. Брюллова, который, по мнению академика И.Э. Грабаря, является одной из вершин творчества художника (118). Его имя — Корсунь Киевской губ. — является известным памятником архитектуры XIX в.

В 1863 г. другое его имение — в Порхове Псковской губ. было обращено в заповедное с созданием Лопухинского инвалидного дома.

В Санкт-Петербурге на Аптекарском о-ве, где в конце XVIII — XIX вв. располагалась усадьба светлейших князей Лопухиных, до 1934 г. одна из основных улиц называлась Лопухинской дорогой, ныне ул. Академика И.П. Павлова (83).

Со смертью П.П. Лопухина эта ветвь рода пресеклась. Памятуя о заслугах светлейших князей Лопухиных, Император Александр II своим указом 1873 г. на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 20.12.1865 титул светлейшего князя передал внуку светлейшей княжны Екатерины Петровны Н.П. Демидову, с тем чтобы только старшему в его роду впредь именоваться светлейшим князем Лопухиным-Демидовым.

Жена — с 30.10.1833 графиня Жанетта (Анна) Ивановна Алопеус, урожд. баронесса фон Венкастерн.

Ум. в 1869 г.

Дочь барона Эрнеста Иоакима фон Венкастерна из Ганновера и его супруги Марианны Каролины Бремер (336, 337, 430).

Свадьба состоялась в имении князя Демидова Сан Донато близ Флоренции. По свидетельству современников, Жанетта Ивановна отличалась красотой, изяще-

- ством и редким умом. Сохранился ее портрет кисти К. Брюллова (1833), который находится в Русском музее в Санкт-Петербурге (118).
320. **Светлейшая княжна Александра Петровна** 270
Род. 30.05.1790 от второго брака отца (93), ум. 15.02.1859 (414).
Мужья:
1) *Александр Александрович Жеребцов*. Род. 15.10.1780, ум. 21.02.1817. *Генерал-лейтенант, камергер;*
2) *граф Адам Адамович Ржевусский* (93).
321. **Светлейшая княжна Елизавета Петровна** 270
322. **Светлейшая княжна София Петровна** 270
Род. в 1798 г. от второго брака отца, ум. 03.04.1825 (414).
Муж — *князь Алексей Яковлевич Лобанов-Ростовский*.
Род. в 1790 г. (430 — в августе 1795 г.), ум. в июне 1848 г.
Генерал-адъютант Императора Николая I (93 — I, 216, № 75).
323. **Павел Александрович** 272
Служил в пажках в 1806 — 1812 гг., выпущен корнетом в Изюмский гусарский полк (389), затем в чине майора служил в Ново-Архангельском уланском полку. В 1829 г. отправлен в отставку с лишением права продолжать военную службу. Однако окончательно вышел в отставку лишь в 1838 г.
Владимирский помещик.
Жена — *Дабьяна (Татьяна) Федоровна Нижанская* (430).
324. **Екатерина Александровна** (414) 272
325. **Елизавета Александровна** 272
Ум. 15.04.1887 (370; 414). Похоронена на погосте Карачуницы Порховского уезда Псковской губ.

- Муж — *барон Густав Яковлевич Бут, надворный советник, прокурор Владимирской губ. в 1809—1811 г.* (92).
326. **Екатерина Александровна** 274
327. **Александр Николаевич** 276
Род. 14.10.1779, ум. в 1833 г. (248).
Кавалергард с 1796 г., затем служил при Конюшенной конторе Кабинета Его Императорского Величества, коллежский асессор в 1818 г. (406). Вяземский уездный предводитель дворянства в 1820 г. Владел землями в Клину, Нижнем Новгороде, Твери, Старице, Вышнем Волочке и Вязьме.
Он, единственный среди всех Лопухиных, был записан определением Тульского Дворянского депутатского собрания 21.05.1818 (93) сначала в IV часть Дворянской родословной книги, а потом перенесен в VI часть.
Похоронен на погосте Карачуницы Порховского уезда Псковской губ.
Жена — *Екатерина, дочь Петра Алексеевича Верещина* (30 — VI, 103 № 14), ум. не позднее 1818 г. (93).
328. **Алексей Викторович** 283
Делопроизводитель Московского Главного архива Министерства иностранных дел (406, дополнения).
329. **Иван Дмитриевич** 290
Род. 30.12.1869, ум. 30.12.1917.
Губернский смотритель народных училищ, в 1902—1917 гг. — гласный Мещовского уездного земского собрания (240). При рождении был внесен в VI часть Дворянской родословной книги Тульской губ., а в 1895 г. — в VI часть Дворянской родословной книги Калужской губ., в которой владел поместьями в Мещовском, Малоярославецком и Медынском уездах.
Похоронен в семейном склепе близ имения Нестеровка Мещовского у. Калужской губ.
Жена — *Сусанна Казимировна Чарковская*.
Род. в 1869 г., ум. в 1944 г. в Сухуми.

330. **Александр Павлович** 291
 Род. в 1852 г., ум. в 1904 г. в Санкт-Петербурге.
 Профессор богословия Санкт-Петербургской Духовной академии, выпускником которой был. Выдающийся ученый, автор трудов по богословию и библейской истории. В 1879—1882 гг. служил в представительстве Русской Православной Церкви в Нью-Йорке и сотрудничал в ряде американских журналов.
 С 1883 г. вел курс сравнительного богословия в Санкт-Петербургской Духовной академии.
 С 1892 г. заведовал кафедрой Общей древней гражданской истории, являлся редактором журналов «Христианское чтение» и «Церковный вестник».
 В 1888 г. пишет и издает в Санкт-Петербурге «Руководство к библейской истории Нового Завета», а в 1892—1895 гг. «Библейскую историю при свете новейших исследований и открытий» в трех томах (165).
 В 1890 г. перевел книгу английского историка Фаррара о первых временах христианства, с 1895 г. переводит, редактирует и издает полное собрание сочинений Святого Иоанна Златоустого. В 1904 г. предпринял издание самой полной «Толковой Библии» с обширными комментариями и сам подготовил к изданию несколько томов. К сожалению, ему не суждено было увидеть полное ее издание, так как последний, 14 том вышел лишь в 1913 г., то есть через 9 лет после его смерти.
 Но его преемники успешно завершили начатый им труд. Сегодня эта «Толковая Библия» и среди специалистов, и среди читателей носит название «Лопухинской». В год тысячелетия Крещения Руси (1988) в дар Русской Православной Церкви от протестантских конфессий был преподнесен многочисленный тираж второго издания этой Библии, напечатанный в Стокгольме (83).
331. **Николай Викторович*** 293
 Род. в 1876 г., ум. в 1922 г. в Екатеринославе.
 Выпускник юридического и химического факультетов Императорского Харьковского университета. Зем-

ский судья. Сопричислен к роду Лопухиных и в 1871 г. внесен в VI часть Дворянской родословной книги Орловской губ. вместе с братьями Михаилом и Иваном (см. №№ 332, 333).
 Жена — *Зинаида, дочь Феофана Михайловича Шелеспанова.*
 Ум. в 1922 г. в Екатеринославе.

332. **Михаил Викторович** 293
333. **Иван Викторович** 293
334. **Мария Викторовна** 293
 Сопричислена к роду Лопухиных и в 1876 г. внесена в VI часть Дворянской родословной книги Орловской губ. вместе с сестрой Елизаветой (№ 335).
 Преподавательница в одной из московских гимназий.
 Муж — *Анатолий Васильевич Салов.*
335. **Елизавета Викторовна** 293
 Сопричислена к роду Лопухиных и в 1876 г. внесена в VI часть Дворянской родословной книги Орловской губ.
 Муж — *Петр Александрович Мордовин, сын Александра Яковлевича Мордовина. Морской офицер.*
336. **Петр Викторович** 293
 Род. 01.11.1871.
 Сопричислен к роду Лопухиных и в 1885 г. внесен в VI часть Дворянской родословной книги Орловской губ. вместе с сестрой Ольгой (№ 337).
 Офицер Русской Императорской армии. Штабс-капитан на 31.07.1910. Ранен 15.12.1914.
 Жена — *Лидия Зиммель, дочь дворянина.*
337. **Ольга Викторовна** 293
 Сопричислена к роду Лопухиных и в 1885 г. внесена в VI часть Дворянской родословной книги Орловской губ.
 Муж — *Евлампий Николаевич Ульященко.*
 Главный врач больницы в Трубчевске.

* Все №№ с 331-го по 341-й, кроме 339-го, упоминаются в деле о сопричислении указанных персон к роду Лопухиных по Орловской губ. (311)

338. София Викторовна 293
Сопричислена к роду Лопухиных и в 1894 г. внесена в VI часть Дворянской родословной книги Орловской губ. вместе с братом Андреем (№ 340) и сестрой Анной (№ 341).
Муж — NN Житкевич.
339. Евгения Викторовна 293
340. **Андрей Викторович** 293
Сопричислен к роду Лопухиных и в 1894 г. внесен в VI часть Дворянской родословной книги Орловской губ.
341. Анна Викторовна 293
Сопричислена к роду Лопухиных и в 1894 г. внесена в VI часть Дворянской родословной книги Орловской губ.
Муж — Михаил Евграфович Смирнов, адвокат.
342. **Николай Иванович** 296
Род. в 1846 г. (30 — VI).
343. **Николай Петрович (30 — VI)** 297
Ум. не позднее 1913 г.
Указом Правительствующего Сената от 13.08.1851 № 568 внесен с детьми в Дворянскую родословную книгу Киевской губ.
Жена — Наталия Ивановна Орлова, вдова в 1913 г. (422).
344. Анна Петровна 297
Ум. 07.10.1910 (230).
Указом Правительствующего Сената от 13.08.1851 № 568 внесена в Дворянскую родословную книгу Киевской губ.
Муж — Николай Васильевич Исаков.
Род. 10.02.1821, ум. 25.02.1891, генерал от инфантерии, генерал-адъютант Императора Александра II (338).
345. **Федор Адрианович** 303
Род. 30.04.1835, ум. 04.06.1865 (30 — VI; 414).
Штабс-капитан.
Похоронен на Лазаревском кладбище в Москве.
Жена — Мария Николаевна Шиманская (406, дополнения).

346. **Владимир Адрианович** 303
Род. 21.04.1840, ум. 1876 г. (430).
Жена — Анастасия Григорьевна Марковская (430).
347. **Адриан Адрианович (30 — VI)** 303
Ум. 09.04.1905 (430).
Поручик в 1866 г. (217).
Жена — Ольга Ивановна Орлова.
348. **Николай Адрианович (30 — VI)** 303
Род. в 1854 г.
Служил в 5-м гусарском Александрийском полку.
Жена — Ольга Михайловна Слезкина (406).
349. Юлия Адриановна 303
- XXII**
350. **Михаил Павлович** 323
Ум. в 1894 г. (430).
Кавалергард (249). Похоронен на погосте Карачуницы Порховского у. Псковской губ.
Жена — Эмилия Эдуардовна Рух, ум. 23.04.1908 (226).
Во втором браке — за NN Поржетским.
351. София Павловна 323
Род. в 1819 г. (100).
352. Александра Павловна 323
Род. в 1821 г. (100).
353. **Евгений Павлович (430)** 323
354. **Николай Павлович (430)** 323
355. Елена Павловна (430) 323
356. **Иван Павлович (430)** 323
Род. в 1836 г. во Владимирской губ.
В службу вступил в начале Крымской войны унтер-офицером. За отличие в сражении при Альме в 1854 г.,

- где был ранен, произведен в прапорщики, затем участвовал в походах в Придунайские княжества. После войны был назначен батальонным адъютантом. В 1862 г. уволен в отставку в чине поручика с пенсионом (в связи с болезнью вследствие ранения — 302).
357. Анна Павловна (430) 323
358. **Николай Александрович** 327
Род. в 1801 г. (30 — VI).
Поручик в 1823 г. Псковский помещик.
359. **Петр Александрович** 327
Род. в 1802 г. (30 — VI), ум. в 1877 г.
360. Мария Александровна (30 — VI; 155) 327
Род. 01.01.1803, ум. 17.03.1864 г. Похоронена вместе с супругом в Алексеевском женском монастыре.
Друг детства и юности М.Ю. Лермонтова, сохранилась их переписка (155).
Муж — NN Грегоржевский, генерал-майор.
361. Елизавета Александровна (30 — VI) 327
Род. 22.07.1809, ум. 07.01.1882 (93).
Муж — князь Николай Николаевич Трубецкой.
Род. в 1804 г., ум. в 1879 г.
362. **Дмитрий Александрович** (30 — VI) 327
Род. 13.12.1811.
363. **Алексей Александрович** (30 — VI) 327
Род. 29.09.1813, ум. 09.12.1872 (414).
Камер-юнкер, действительный статский советник в 1864 г. Владелец имения в Епифанском у. Курской губ.
Близкий друг М.Ю. Лермонтова. «Только очень немногие, и среди них А.А. Лопухин, глубоко ценили его дружбу и верили его высокой душе, и сохранили это отношение после смерти» (41; 83; 153; 155; 408). Похоронен в Донском монастыре.
- Жена — с 1838 г. княжна Варвара, род. в 1820 г., ум. 20.07.1873, дочь князя Александра Петровича Оболенского (93 — I, 81, № 86) и его жены Аграфены Юрьевны Нелединской-Мелецкой (331 — II, 134).
364. Варвара Александровна 327
Род. в 1815 г., ум. 09.08.1851 (30 — VI; 414).
Близкий друг М.Ю. Лермонтова. Сердечную привязанность к ней поэт хранил всю жизнь. Образ Вареньки Лопухиной нашел воплощение в романах «Герой нашего времени», «Вадим»; ей было посвящено множество стихотворений, в том числе «Измаил-бей», «Демон». Сохранилось несколько ее портретов, сделанных рукой М.Ю. Лермонтова (41; 83; 153; 155; 250; 408).
Муж — Николай Федорович Бахметев.
Род. в 1798 г., ум. 03.03.1884 (414).
Действительный статский советник.
365. Анна Александровна 327
Род. в 1816 г.
366. Глафира Ивановна (11) 329
Род. в 1893 г. в имении Нестеровка Мещовского уезда Калужской губ. Вместе с супругом эмигрировала в Харбин, где у них родились две дочери. Последние известия о них поступили в 1934 г.
Муж — Александр Маркелович Смирнов.
Офицер, участник Белого движения.
367. Татьяна Ивановна (11) 329
Род. 28.05.1895 в имении Нестеровка Мещовского уезда Калужской губ., ум. 26.10.1977 в Москве. Похоронена на Николо-Архангельском кладбище.
Муж — с 20.01.1918 Иван Васильевич Белякин (в советское время Костин), род. в 1884 г., ум. 02.05.1966, калужский помещик.
368. **Александр Иванович** (125 — VI; 311) 329
Род. в 1897 г. в имении Нестеровка Мещовского уезда Калужской губ., ум. в 1985 г. в Казани.
Прапорщик Русской Императорской армии (1916), поручик (осень 1917 г.), капитан в Белой армии.

- Отказался от эмиграции и в 1920 г. остался в Крыму. Был арестован, подвергнут показательному суду и в пропагандистских целях условно амнистирован. Вновь арестован в 1928 г. и сослан. Затем жил в Татарии, участвовал в войне 1941—1945 гг., реабилитирован не был.
369. **Михаил Иванович** 329
Род. 28.08.1901 в имении Нестеровка Мещовского у. Калужской губ., ум. 22.10.1984 в Москве.
Зоотехник. Руководитель ряда крупных сельскохозяйственных предприятий. Похоронен под Москвой на Люберецком кладбище.
Жена — *Феоктиста, дочь Василия Александровича Бахтеярова, калужского помещика (125 — VI), дорожного инженера, и его жены Веры Александровны Соловьевой, род. 08.11.1905 в имении Кудиново Малоярославецкого уезда Калужской губ., ум. 03.11.1991 в Москве, похоронена на Донском кладбище.*
370. **Елизавета Ивановна** 329
Род. 01.15.1902 в имении Нестеровка Мещовского уезда Калужской губ., ум. 31.01.1975 в Москве. Похоронена на Николо-Архангельском кладбище.
Муж — *с 1924 г. Всеволод Иосифович Пилецкий, род. 15.02.1987, ум. 09.02.1986 в Москве.*
Полковник (с 1948 г.) Советской Армии.
У них сын Константин Всеволодович Пилецкий, род. 26.04.1925 в Калуге, капитан 1-го ранга в отставке, кандидат военных наук.
371. **Екатерина Ивановна** 329
Род. 06.10.1907 в имении Нестеровка Мещовского уезда Калужской губ., ум. 19.11.1997 в Ставрополе.
Муж — *Семен Павлович Косоурихин.*
Полковник медицинской службы Советской Армии.
372. **Нина Ивановна** 329
Род. 27.01.1916 в имении Нестеровка Мещовского уезда Калужской губ. Проживает в Краснодаре.
Муж — *Виктор Константинович Цехомский.*
373. **Виктор Николаевич** 331
Род. в 1906 г.
Пропал без вести ок. 1923 г. Сопричислен к роду Лопухиных и в 1912 г. внесен в VI часть Дворянской родословной книги Орловской губ. вместе с братьями Владимиром и Александром и сестрой Софией (№№ 374, 375, 376).
374. **София Николаевна** 331
Род. 11.03.1904. Проживает в Москве.
Муж — *с 30.09.1926 Михаил Павлович Гузеев.*
Род. 21.05.1900, ум. 25.10.1993 в Москве.
375. **Владимир Николаевич** 331
Род. 30.08.1908, ум. 18.08.1982 в Москве. Похоронен на Митинском кладбище.
Жена — *с 1946 г. Галина, дочь Александра Ивановича Лаврова и его жены Марии Николаевны Остапенко, род. 01.02.1917 в Москве. Проживает в Москве.*
376. **Александр Николаевич** 331
Род. в 1907 г.
Пропал без вести ок. 1923 г.
377. **Борис Николаевич** 331
Род. 29.01.1920 в г. Трубчевске Орловской губ.
Педагог. Директор средней школы. Проживает в г. Орле.
Жена — *с 1945 г. Идея, дочь Евгения Ивановича Рязанова и его жены Марии Ивановны Клемантовой, род. 22.08.1926.*
Разведены в 1991 г.
378. **Николай Николаевич (30 — VI)** 342
Упом. в 1898 г. Проживал в Туле.
379. **Николай Николаевич** 343
Род. 25.06.1857, ум. в 1947 г.
Сопричислен к роду Лопухиных Киевским Дворянским депутатским собранием 08.07.1870.

- Воспитывался в Пажеском корпусе (389). Служил в Кавалергардском, затем в лейб-гвардии Конном полку с 1878-го по 1890 г. В 1884 г. вышел в запас, а в 1890 г. — в отставку с военной службы (263), одновременно возобновив придворную службу. С 1884 г. — церемониймейстер, затем обер-церемониймейстер Императорского Двора. Впоследствии был российским атташе в Дармштадте и Мюнхене.
- После революции был вынужден покинуть Россию, умер во Франции (83). О жизни его семьи в эмиграции вспоминает в своей книге княгиня Т. Миттерних, урожд. княжна Васильчикова (211).
- Жена — графиня Мария, род. в 1879 г., ум. в 1916 г. в имении Златополь под Киевом, дочь графа Николая Петровича Клейнмихеля и его жены графини Марии Эдуардовны Келлер.
380. Ольга Николаевна 343
Сопричислена к роду Лопухиных Киевским Дворянским депутатским собранием 08.07.1870 вместе с братом (№ 379).
Муж — барон Митрофан Евгеньевич Энгельгардт, церемониймейстер Двора Его Величества (422).
381. Еликонида (Леонида) Николаевна 343
Сопричислена к роду Лопухиных Киевским Дворянским депутатским собранием 09.07.1888.
Мужья:
1) NN Мачуговский;
2) Александр Карлович Петерсен.
Лейтенант флота (422). Ум. в 1908 г.
382. Иван Николаевич (30 — VI) 343
Род. в 1862 г., ум. в 1942 г.
Владел майоратом в Царстве Польском. После революции эмигрировал во Францию, затем в Италию (431).
Жена — с 1890 г. Татьяна, род. в 1872 г., ум. в 1937 г., дочь генерал-адъютанта Николая Александровича Краснокутского и его жены Анны Григорьевны, урожд. княжны Голицыной (64; 422).
383. Светлана Николаевна 343
Сопричислена к роду Лопухиных Киевским Дворянским депутатским собранием 18.05.1891.
Муж — барон Павел Александрович Вревский.
Род. 10.06.1858.
Церемониймейстер Двора Его Величества (422).
384. Маргарита Николаевна 343
Муж — Юрий Львович Давыдов.
Род. в 1876 г., ум. 16.04.1965 (422).
385. Адриан Федорович 345
Корнет Кавалергардского полка в 1881 г. (248), затем коллежский советник, чиновник особых поручений при министре внутренних дел. В 1903 г. назначен помощником заведующего Императорской библиотекой (306).
Жена — Елизавета Болеславовна Булгарина (422).
Овдовев, вторично вышла замуж за Григория Львовича Милорадовича, род. 30.04.1855 (404).
386. Вера Федоровна (430) 345
387. Николай Владимирович 346
Ум. в детстве (430).
388. Ольга Владимировна 346
389. Александр Владимирович 346
Ум. 30.07.1950 (430).
390. Владимир Владимирович 346
Род. 01.01.1877 (430).
391. Юлия Адриановна 347
Муж — Georges Courtin.
Мэр г. Канкарно, Бретань, Франция (430).
392. Мариамна Адриановна 347
Род. в 1871 г., ум. 03.03.1961.
Ее акварельные рисунки 1920-х гг. послужили иллюстрациями для изданной в США в 1980-х гг. книги «Жизнь русской провинции» (429).

- Муж — Лев Александрович Давыдов.
Род. в 1870 г., ум. в 1935 г.
393. Ольга Адриановна 347
Муж — Николай Владимирович Мятлев.
Род. 09.08.1872, ум. 26.02.1929 (430).
394. Евдокия Адриановна 347
Мужья: 1) NN Прилепский; 2) NN Остен (430).
- XXIII
395. Святослав Михайлович 350
Похоронен вместе с родителями на погосте Карачуницы Порховского у. Псковской губ.
396. Владислав Михайлович (226) 350
397. Александр Алексеевич (30 — VI) 363
Род. 10.02.1839, ум. 27.01.1895 (226).
Действительный статский советник, камергер. Это на его рождение М.Ю. Лермонтов написал стихотворение «Ребенка милого рожденье...» (153; 155).
По образованию юрист. В 1866 г. — мировой судья в Москве, в 1867 г. товарищ прокурора при Московском окружном суде. В 1870-х гг. — прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты. С 1879 г. — председатель особой комиссии при императорском посольстве в Константинополе, с 1882 г. — председатель Варшавского окружного суда.
Он, его сыновья и жена определением Тульского Дворянского депутатского собрания 27.09.1874 внесены в VI часть Дворянской родословной книги Тульской губ. (226; 310).
Жена — Елизавета Дмитриевна Голохвастова.
Род. 29.01.1841, ум. 18.03.1909 (226).
Владелица земель в Вяземском уезде Смоленской губ.
398. Мария Алексеевна 363
Род. 22.03.1840, ум. 20.2.1886 (414).

399. София Алексеевна (30 — VI) 363
Род. 31.03.1841, ум. 23.03.1901 (414).
Похоронена в Донском монастыре (373).
Муж — с 1861 г. князь Николай Петрович Трубецкой.
Род. 03.10.1828, ум. 19.07.1900 (первым браком был женат на графине Любове Васильевне Орловой-Денисовой).
Калужский вице-губернатор, почетный опекун в Москве. Один из основателей Русского Музыкального общества.
Владелец известной подмосковной усадьбы Ахтырка (373).
400. Лидия Алексеевна 363
Род. 01.05.1842, ум. 11.01.1895 (30 — VI; 226).
401. Борис Алексеевич (30 — VI) 363
Род. 03.09.1844, ум. 07.01.1897 (414).
Действительный статский советник. Выпускник юридического факультета Московского университета. Прокурор Варшавского, а затем председатель Ярославского окружного суда (83).
Жена — Вера Ивановна Протасова (430).
402. Ольга Алексеевна (30 — VI) 363
Род. 18.07.1845, ум. 09.08.1883 (414).
Муж — Андрей (430 — Александр) Сергеевич Озеров
Род. 25.07.1845, ум. 14.10.1897 в Санкт-Петербурге (414).
Генерал-майор, управляющий Двором Великого Князя Михаила Николаевича. Похоронен в Москве на Донском кладбище (347).
403. Эмилия Алексеевна 363
Род. 29.02.1848, ум. 19.10.1904 (226).
Муж — с 1869 г. граф Павел Алексеевич Капнист.
Род. 28.07.1842, ум. в 1904 г. (158 — I, 241 № 66; 226).
Тайный советник, попечитель Московского учебного округа в 1880—1905 гг.

404. **Сергей Алексеевич** (30 — VI) 363
 Род. 14.10.1853 (405 — 14.12.1853), ум. 08.02.1911 (226).
 Тайный советник, сенатор.
 По образованию юрист.
 Участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и за личный героизм в 1878 г. был награжден орденом Св. Георгия IV ст. и румынским железным крестом.
 После войны служил товарищем прокурора в Туле, затем был назначен сенатором Уголовно-кассационного департамента. Был также прокурором Киевской судебной палаты (1902) (83). В 1906 г. назначен обер-прокурором Сената в Санкт-Петербурге, был награжден многими российскими орденами (115).
 Поддерживал дружеские отношения с Л.Н. Толстым, часто бывал в Ясной Поляне и играл там в любительских спектаклях по пьесам писателя. Похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве (99).
 Жена — с 1878 г. графиня Александра, род. 27.10.1854, ум. 01.02.1934 (430), дочь графа Павла Трофимовича Баранова (30 — V, 1 № 6) и его жены Анны Алексеевны Васильчиковой.
 Фрейлина Императрицы.
405. **Олег Михайлович** 369
 Род. 01.08.1924 в Калуге, ум. 14.01.1993 в Москве, похоронен в Архангельске.
 Капитан дальнего плавания, окончил Бакинское мореходное училище и Высшее инженерное морское училище им. адмирала Макарова в Ленинграде.
 Участник войны 1941—1945 гг. (оборона Кавказа, плавания в конвоях из США и Великобритании) (83; 175; 187). С 1944 г. — штурман. С 1948 г. — капитан на судах Северного морского пароходства. Начальник Архангельского мореходного училища — старейшего морского учебного заведения России (1971—1985). Заслуженный работник транспорта России. Журналист. Действительный член Российского Дворянского Собрании с 1992 г. (диплом № 95).
 Жена — с 31.08.1949 Тамара, род. 30.08.1923 в Архангельске, дочь купца 2-й гильдии Якова Васильевича

- Чеснокова и его жены Алиды Гансовны Päärsen, расстрелянной 25.12.1937 в Архангельске.
 Проживает в Архангельске.
406. **Наталья Владимировна** 375
 Род. 20.09.1947 в Москве.
 Искусствовед и художник (83; 187). Окончила Московское высшее художественно-промышленное училище (б. Строгановское).
 Член Союза художников России. Дипломант художественных конкурсов.
 Действительный член Российского Дворянского Собрании с 1990 г. (диплом № 303); вице-директор Департамента культуры собрания с 1996 г.
 Мужья:
 1) с 24.04.1970 Петр Павлович Чусовитин.
 Род. 08.02.1944 в Свердловске.
 Разведены в Москве 12.03.1979. У них сын Тимофей (род. 25.01.1973), носит фамилию Лопухин;
 2) с 24.04.1998 Сергей Борисович Киреев, род. 03.09.1955 в Москве.
407. **Елена Владимировна** 375
 Род. 09.06.1956 в Москве.
 Педагог. Окончила Московский государственный педагогический институт. Действительный член Российского Дворянского Собрании с 1993 г. (диплом № 717).
 Муж — с 1975 г. Андрей Павлович Андрейчук.
 Род. 24.06.1957 в Москве.
408. **Борис Борисович** 377
 Род. 29.10.1947 в Московской обл.
 Проживает в Саратовской обл. Действительный член Российского Дворянского Собрании с 1993 г. (диплом № 869).
 Жены:
 1) с 20.12.1971 Светлана Петровна Соколова.
 Род. 01.03.1947. Разведены в 1978 г. У них одна дочь (см. № 438);
 2) с 15.02.1984 Валентина Максимовна Еремко.
 Род. 30.05.1950.
 У них две дочери и сын (см. №№ 439, 440, 441).

409. Евгения Борисовна 377
Род. 05.04.1957 в Московской обл.
Экономист. Окончила Институт народного хозяйства им. Плеханова. Проживает в Московской обл. Действительный член Российского Дворянского Собрания с 1993 г. (диплом № 305).
Муж — с 03.04.1978 Александр Николаевич Крылов.
Род. 13.07.1952.
410. **Адриан Николаевич** 379
Род. в 1902 г., ум. в конце 1980-х гг. в Париже.
411. **Георгий Николаевич** 379
412. **Николай Николаевич** 379
413. Татьяна Ивановна (431) 382
Род. 27.12.1890.
Автор воспоминаний на итальянском языке о жизни семьи во время Первой мировой войны и революции (431).
Замужем не была.
414. Маргарита Ивановна (431) 382
Муж — Владимир фон Дервиз.
415. **Георгий Иванович (431)** 382
Участник Первой мировой войны, представитель Русской военной комиссии в Италии (1917—1918).
Жена — с 1916 г. Мария, род. в 1895 г., ум. в 1942 г., дочь Григория Алексеевича Давыдова и его жены Марии Катениной.
416. Никита Иванович (431) 382
Род. в 1902 г.
417. Мария Адриановна (422) 385
- XXIV
418. **Алексей Александрович (30 — VI)** 397
Род. в 1864 г., ум. в Париже 01.03.1928.
Действительный статский советник (1903). Друг детства П.А. Столыпина. В 1886 г. окончил Московский

университет, юридический факультет со степенью кандидата права.

Начал карьеру кандидатом на судебные должности при Тульском окружном суде (1886), служил на разных должностях в Тульской, Ярославской, Рязанской и Московской губ. Затем прокурор Тверского (1896—1899), Московского (1899—1900) и Санкт-Петербургского (1900—1902) окружных судов. В 1902 г. недолго служил прокурором Харьковской судебной палаты, а с мая 1902 г. назначен директором Департамента полиции Министерства внутренних дел России.

Был блистательным юристом, либеральным законником (14). Требовал от полиции строгого соблюдения законности. Им были проведены крупные изменения в системе политического сыска — введены новые методы, создана сеть охранных отделений и розыскных пунктов. Развил деятельность секретной агентуры внутри революционных организаций.

В марте 1905 г. смещен с должности за непредотвращение убийства Великого Князя Сергея Александровича и назначен Эстляндским губернатором. В 1906 г. вместе с братом жены князем С.Д. Урусовым выступил в прессе с разоблачениями деятельности полиции. В 1907 г. выпустил книгу «Настоящее и будущее русской полиции: из итогов служебного опыта» (162), в которой предлагал меры по реорганизации данной службы в новых условиях.

В 1908 г. разоблачил службу в охранном отделении знаменитого провокатора Азефа, мотивируя это безнравственностью провокаторской деятельности и желанием предотвратить новые террористические акты последнего.

18 января 1909 г. был арестован, предан суду особого присутствия Правительствующего Сената и приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 5 лет. Впоследствии каторга была заменена ссылкой, в которой он провел 4 года: сначала в Минусинске, а с 1911 г. — в Красноярске. Высочайшим повелением помилован и восстановлен в правах 21 февраля 1913 г. по прошению брата.

Жил в Москве, имел адвокатуру, занимался банковской деятельностью, затем переехал в Санкт-Петербург и стал членом правления Международного банка.

1917—1922 гг. провел в Москве. В 1923 г. выпустил книгу «Отрывки из воспоминаний» (14; 83). Затем, получив разрешение советского правительства, выехал во Францию, где и скончался.

Жена — княжна Екатерина, род. 08.01.1868, ум. в 1930 г., дочь князя Дмитрия Семеновича Урусова и его жены Варвары Силовны, урожд. Баташовой, ум. в 1905 г. (100).

419. **Дмитрий Александрович** 397

Род. в 1865 г. в Орловской губ., ум. 24.11.1914.

Имея университетское образование, закончил также Академию Генерального штаба. Генерал-майор. Командовал лейб-гвардии Конно-гренадерским полком (30; 226).

Участник Русско-японской войны, ранен под Ляояном. В 1910 г. полковник, начальник штаба 36-й пехотной дивизии. В 1914 г. был тяжело ранен в бою под Петроковым и скончался от ран. Посмертно награжден орденом Св. Георгия III ст. В этом же полку поручиком служил его сын Георгий, который геройски погиб на глазах отца 6 августа 1914 г. в Каушенском сражении (83; 169; 373).

Жена — княжна Елизавета Михайловна Султан-Гирей (430).

420. **Борис Александрович** 397

Вписан в VI часть Дворянской родословной книги Смоленской губ. в 1895 г. (30 — VI). Слуцкий уездный предводитель дворянства в 1907—1910 гг. (406, дополнения).

Убит большевиками во время Гражданской войны.

421. **Юрий Александрович** 397

Товарищ прокурора Витебского, а затем Московского окружного суда (406, дополнения).

Убит большевиками во время Гражданской войны (83).

422. **Виктор Александрович** 397

Род. 02.11.1868 в Тульской губ.
Действительный статский советник.

Закончил Владикавказскую классическую гимназию, затем учился в Николаевском кавалерийском училище (1890) (305).

С 1907 г. по 1910 г. — Тульский вице-губернатор, с 1910 г. — Пермский и Нижегородский губернатор, в 1913—1914 гг. — Тульский губернатор, председатель местного управления Российского Общества Красного Креста, президент Тульского общества поощрения коннозаводства, активный деятель общины сестер милосердия во имя Казанской Божьей Матери и общества хоругвеносцев (406, дополнения).

С 03.02.1914 по декабрь 1915 г. — Вологодский губернатор (45; 83; 373). В это время он был активным участником Комитета по реставрации Ферапонтова монастыря (45).

Жены: 1) NN Ландау 2) Нина Исидоровна Hessen; (430 — жены: 1) Нина Исидоровна Hessen; 2) NN Бахрушина).

423. **Владимир Борисович** (30 — VI) 401

Род. 27.05.1871, ум. после 1940 г.

Действительный статский советник, камергер, кавалер многих орденов, последний директор Департамента общих дел Министерства иностранных дел России. Организатор и активный участник знаменитого противостояния русских дипломатов и советской власти. Автор широко известных воспоминаний «После 25 октября». Вероятно, репрессирован в конце 1930-х гг. (83; 167).

Жена — Наталия, род. 08.12.1887 (318; 239), дочь генерал-лейтенанта Матвея Михайловича Поливанова (318, 42, № 211) и его жены княжны Пелагеи Алексеевны Кропоткиной.

424. **Евгений Борисович** (30 — VI) 401

Род. 04.11.1878, ум. после 1940 г.

Профессор-физик. Окончил Санкт-Петербургский университет. В 1917 г. приват-доцент. В середине 1920-х гг. профессор Азербайджанского университета и Политехнического института в Баку. В конце 1930-х гг. возвратился в Ленинград. Дальнейшая судьба неизвестна, вероятно, репрессирован.

- Жена — Ольга, род. в 1881 г., ум. 15.11.1949 в Ленинграде, дочь сенатора и члена Государственного Совета Николая Мильевича Аничкова и его жены Любови Иосифовны Васильевой (422), которая была первый раз замужем за Константином Яковлевичем Ушаковым (422).*
425. Вера Борисовна 401
Род. в 1883 г.
426. **Николай Сергеевич (30 — VI)** 404
Род. 14.09.1879 в Туле, ум. 27.01.1952 во Франции (Clamart) (430).
В 1901 г. окончил юридический факультет Московского университета. Участник Русско-японской войны. В 1908 г. мировой судья в Москве. К 1917 г. — надворный советник. В 1918 г. вместе с семьей отправился в Тюмень, где был арестован вместе с князем А.В. Голицыным и бывшим премьер-министром Временного правительства князем Г.Е. Львовым по обвинению в контрреволюционной деятельности и подготовке вооруженных выступлений. Для следствия они были направлены в Екатеринбург, где в то время находился в заключении Император Николай II с семьей.
Согласно материалам дела, не исключено, что это событие было связано с желанием властей создать видимость заговора с целью освобождения Государя, и для этого были выбраны люди с известными фамилиями и определенным положением до революции. Незадолго до прихода Белой армии, в результате активных действий, предпринятых их родственниками в Москве, они были отпущены.
В 1920 г. Н.С. Лопухин с семьей прибыл в Харбин, откуда в конце 1920-х гг. отбыл через США во Францию, где в настоящее время живут его дети и внуки. В годы изгнания он сыграл заметную роль в создании русских церковных общин за границей. В его усадьбе близ Парижа (Clamart) была сооружена одна из первых русских эмигрантских церквей (69; 83).
Жена — с 07.09.1913 София, род. 30.05.1890 в Калуге, ум. 13.04.1977 во Франции, дочь Калужского губернского предводителя дворянства Михаила Михайловича Осоргина и его жены княжны Елизаветы Николаевны Трубецкой (55).

427. Анна Сергеевна (30 — VI) 404
Род. 19.10.1880, ум. 14.07.1972 в Москве.
Муж — с 1899 г. князь Михаил Владимирович Голицын.
Род. 21.08.1873, ум. 23.11.1942 (30 — V, 14 № 25).
Известный земский деятель, предводитель дворянства Епифанского уезда Курской губ. в течение 9 лет (до 1912 г.). О жизни этой семьи подробно написано в книге кн. С.М. Голицына «Записки уцелевшего» (62; 66).
428. **Алексей Сергеевич (30 — VI)** 404
Род. 16.01.1882, ум. 05.10.1966 в США.
Окончил юридический факультет Свято-Владимирского университета в Киеве.
В 1928 г. осужден за антисоветскую и контрреволюционную деятельность вместе с протоиереем Павлом Флоренским. Благодаря вмешательству организации по защите политзаключенных во главе с Е.П. Пешковой удалось добиться пересмотра дела и смягчения наказания. С той же помощью ему удалось в 1935 г. вместе с семьей эмигрировать в Эстонию, затем в 1941 г. в Германию и, наконец, в 1949 г. в США, где и ныне проживают его дети и внуки (66; 83).
Жена — с 1920 г. баронесса Фекла, род. 17.07.1894, ум. 10.06.1982 в США, дочь генерал-адъютанта барона Теофила Егоровича Мейендорфа и его жены графини Елены Павловны Шуваловой (54).
429. **Рафаил Сергеевич (30 — VI)** 404
Род. 20.06.1883, ум. в июле 1915 г.
Окончил Свято-Владимирский университет в Киеве. Капитан лейб-гвардии Преображенского полка.
Убит неприятелем во время Первой мировой войны. Похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве (66).
430. **Петр Сергеевич (30 — VI)** 404
Род. 14.02.1885, ум. 02.08.1962 во Франции (Clamart) (3).

- После революции и участия в Белом движении эмигрировал в Сербию, где сыграл заметную роль в создании Русской Православной Церкви за границей, организации учебных заведений и общественных русских организаций. Весьма широко известен своими просветительскими и духовными трудами, некоторые из них до сих пор переиздаются (55; 66).
- Во Франции издавал журнал «Православное дело».
- Жены:
- 1) княжна Татьяна, род. в 1892 г., ум. 01.03.1920 в Софии (Болгария), дочь князя Владимира Михайловича Голицына и его жены Софии Николаевны Деяновой;
- 2) Мария, род. в 1899 г., ум. 23.08.1987 во Франции, дочь Константина Николаевича Львова (младшего) и его жены, Софии Владимировны, урожд. княжны Голицыной (64).
431. Мария Сергеевна (30 — VI) 404
Род. 25.08.1886 в Туле, ум. 27.06.1976 во Франции.
После революции эмигрировала с семьей сначала во Францию, затем в США. Была известна своим умением вышивать иконы, которые до сих пор украшают многие православные храмы в Европе и США (всего ею вышито более 70 икон) (66).
Муж — с 31.03.1907 князь Владимир Петрович Трубецкой.
Род. 18.07.1885, ум. 08.04.1954 в США (New-York) (55)
Был последним владельцем известного подмосковного имения князей Трубецких «Узкое» (ныне в черте Москвы).
432. Екатерина Сергеевна (30 — VI) 404
Род. 08.01.1888, ум. 21.02.1965 в г. Люберцы Московской обл.
Муж — Александр Васильевич Давыдов.
Род. 17.08.1880, ум. 04.04.1965.
Из потомственных дворян Тамбовской губ.
До 1917 г. — присяжный поверенный, в последние годы жизни работал в Государственном Литературном музее в Москве.

433. Михаил Сергеевич 404
Род. 18.09.1889, ум. в 1918 г.
Выпускник юридического факультета Московского университета, участник Первой мировой войны — поручик Сумского гусарского полка. Ранен в апреле 1915 г. За личную храбрость и героизм награжден многими боевыми орденами.
Принимал деятельное участие в «Союзе защиты Родины и свободы». Зимой 1918 г. в составе группы офицеров предпринял попытку вызволить из большевистского пленения Императорскую семью. Попытка не удалась, и Михаил Сергеевич вернулся в Москву. Там он был арестован и как «командир десятки» расстрелян по решению ВЧК (66; 187; 375).
434. Татьяна Сергеевна. 404
Род. в 1891 г., ум. в к. 1960-х гг. во Франции. Во время Гражданской войны работала сестрой милосердия в госпиталях и лазаретах армии Колчака в Тюмени и Красноярске (1918—1920).
Муж — Владимир Николаевич Матвеев.
435. Евгения Сергеевна 404
Род. в 1893 г., ум. 17.04.1967 во Франции (3).
Во время Гражданской войны работала сестрой милосердия в госпиталях и лазаретах армии Колчака в Тюмени и Красноярске (1918—1920).
Муж — Иван Акимович Кириллов.
436. Лидия Олеговна 405
Род. 08.05.1950 г. в Архангельске.
Окончила Ленинградский Государственный Педагогический институт им. А.И. Герцена. Педагог. В настоящее время преподаватель Института усовершенствования учителей в Архангельске.
Мужья:
1) с 1970 г. Юрий Федорович Гвоздев.
Род. 04.06.1946; разведены;
у них сын Михаил, род. в 1970 г.;
2) с 1991 г. Степан Николаевич Белоусов.
Род. 10.12.1934.

437. **Князь Вадим Олегович** 405

Род. 10.03.1955 г. в Архангельске.

В 1978 г. окончил Архангельский государственный медицинский институт, затем клиническую ординатуру и аспирантуру в Москве, успешно защитив в 1984 г. кандидатскую диссертацию.

С 1984 г. — преподаватель, научный сотрудник нескольких кафедр акушерства и гинекологии в Москве, а с 1989 г., в дополнение к перечисленному, — руководитель родильного дома Спасо-Перовского госпиталя мира и милосердия.

Автор более 100 научных публикаций, лауреат молодежной научной премии им. М.В. Ломоносова.

Один из лидеров возрождения дворянского движения в России, принимал деятельное участие в создании в Москве в 1990 г. Российского Дворянского Собрания (диплом № 19), с 1991 г. по настоящее время — его первый вице-предводитель, а с 1993 г. — главный координатор Высочайших визитов в Россию членов Российского Императорского Дома. С 1996 г. — одновременно первый вице-предводитель Московского губернского Дворянского Собрания.

В связи с угасанием рода светлейших князей Лопухиных-Демидовых* и 500-летием служения рода Лопухиных Московскому государству, Царству и Российской Империи, в воздаяние заслуг рода Лопухиных перед Россией как в период Империи, так и в настоящее время, рескриптом Главы Российского Императорского Дома Великой Княгини Марии Владимировны от 29 декабря 1995 г. за Вадимом Олеговичем, как за старшим в роду, было подтверждено княжеское достоинство князей Российской Империи с правом ему и всему его нисходящему потомству именоваться впредь князьями Лопухиными.

5 января 1996 г. Департамент Герольдии Российского Дворянского Собрания, руководствуясь соответствующим законодательством, постановил «перенести из VI части Дворянской родословной книги в V часть («титу-

лами отмеченные роды»): князя Вадима Олеговича Лопухина, его жену — княгиню Анну Михайловну Лопухину и дочерей — княжну Марию и княжну Евдокию».

9 февраля 1996 г. Главой Российского Императорского Дома было утверждено описание герба князя Вадима Олеговича Лопухина и его потомства (**11; 83**).

Жены:

1) с 1977 г. Надежда, род. 23.06.1954, погибла 04.04.1980, врач, дочь Даниила Александровича Кузнецова и его жены Галины Федоровны Носницыной;

2) с 1987 г. Наталия, род. 16.02.1960, экономист, дочь Владимира Емельяновича Ерофеева и его жены Зои Максимовны Кузнецовой; разведены в 1993 г.;

3) с 1994 г. Анна, род. 14.09.1962, врач, дочь Михаила Михайловича Сухова и его жены Лидии Петровны Филатовой, первым браком с 1983 г. была за Александром Альбертовичем Семиным, с которым разведена в 1988 г.

438. Татьяна Борисовна (**11**) 408
Род. 15.01.1973 от первого брака отца.
Проживает в Москве.
439. Валерия Борисовна (**11**) 408
Род. 14.08.1984 от второго брака отца.
Проживает в Саратовской обл.
440. **Николай Борисович** (**11**) 408
Род. 12.05. 1987 от второго брака отца.
Проживает в Саратовской обл.
441. Ольга Борисовна (**11**) 408
Род. 26.06.1989 от второго брака отца.
Проживает в Саратовской обл.
442. **Андрей Георгиевич** 415
Род. в январе 1918 г. в Риме (**431**).
443. **Георгий Георгиевич** (**77**) 415
444. Татьяна Георгиевна (**77**) 415

* Последний светлейший князь Николай Александрович Лопухин-Демидов скончался 28.09.1995 в США.

XXV

445. Варвара Алексеевна (30 — VI) 418
Упом. в 1907 г.
Муж — NN Чичерин.
446. Мария Алексеевна 418
Мужья:
1) Мечислав Соколовский (разведены);
2) NN Желаковский (разведены);
3) NN Амбосетти (430).
447. **Георгий Дмитриевич** 419
Род. в 1892 г., ум. 06.08.1914.
Окончил Орловскую гимназию. Поручик лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Геройски погиб в Каушинском сражении в начале Первой мировой войны (226) на глазах у своего отца, командира указанного полка.
448. **Борис Владимирович** 423
Род. в 1910 г. (422).
449. Марина Владимировна 423
Род. в 1911 г. (422).
Муж — князь А.П. Вяземский.
450. **Сергей Николаевич** 426
Род. 05.09.1914 в Калуге, ум. 12.04.1995 во Франции (Clamart).
Жена — с 16.07.1938 Александра, род. 01.07.1919 в г. Батуми, дочь Сергея Александровича Тимашева и его жены Александры Петровны, урожд. княжны Трубецкой.
451. Елизавета Николаевна 426
Род. 31.12.1915 в г. Москве.
Близнец № 452. Проживает в Великобритании.
Муж — с 1947 г. князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский.
Род. 01.04.1918 в Санкт-Петербурге (430), разведены в 1988 г.

452. **Рафаил Николаевич** 426
Род. 31.12.1915 в Москве, ум. 02.04.1960 в Канаде (Maniwaki, Quebec).
Близнец № 451. Инженер лесной промышленности.
Жена — с 01.03.1941 графиня Софья, род. 26.01.1915 в Москве, ум. 15.10.1975 в США (Nyack), дочь графа Михаила Львовича Толстого и его жены Александры Владимировны Глебовой.
453. **Михаил Николаевич** 426
Род. 18.04.1918 в Тюмени. Проживает в Париже.
Жена — с 1946 г. княжна Мария, род. 06.09.1921 в Хорватии (Voltau), дочь князя Василия Васильевича Оболенского и его жены Марины Павловны Thillot.
454. Татьяна Николаевна 426
Род. 28.01.1922 в Китае (Manchouli, Manchouria).
Проживает во Франции.
Муж — с 1945 г. Павел Александрович Тучков (430).
Род. 08.09.1916 в Москве, ум. 16.05.1995 во Франции (Agen).
455. Марина Николаевна 426
Род. 08.06.1925 в Китае (Харбин).
Проживает в Великобритании (Oxford).
Муж — с 1948 г. John Lister Illingworth Fennell (430).
Род. 30.05.1918, ум. 09.08.1992 в Великобритании (Oxford).
Профессор Оксфордского университета.
456. **Сергей Алексеевич** 428
Род. 10.09.1920 в г. Нальчике, ум. 07.08.1978 в США (Los-Angeles).
В 1935 г. эмигрировал с родителями сначала в Эстонию, затем в 1941 г. в Германию, а после окончания Второй мировой войны, в 1949 г., в США.
Известный публицист, популяризатор идей восстановления монархии в России. Один из создателей и главный редактор журнала «Согласие». Активный деятель и член руководства Российского Имперского Союза-Ордена. В значительной мере способствовал развитию воскресных

- школ для русских детей в США, являлся преподавателем в одной из них. В русской диаспоре Сергея Алексеевича весьма высоко ценили также и за его поэтическое творчество.
- Жена — с 1948 г. Людмила Андреевна Подшивалова. Род. 24.02.1921 в Константинополе.*
457. **Александра Алексеевна** 428
Род. 25.02.1923 в г. Нальчике, ум. в 21.11.1979 в США. В 1935 г. эмигрировала с родителями сначала в Эстонию, затем в 1941 г. в Германию, а после окончания Второй мировой войны, в 1949 г., в США.
Муж — с 1946 г. протоиерей Георгий Горский. Ум. в 1964 г.
458. **Николай Алексеевич** 428
Род. 17.08.1924 в с. Хилково Калужской губ. В 1935 г. эмигрировал с родителями сначала в Эстонию, затем в 1941 г. в Германию, а после окончания Второй мировой войны, в 1949 г., в США. Долгие годы работал в Гарвардском университете в США (New-York). С 1973 г. — староста храма Покрова Пресвятой Богородицы в США (Nyack, New-York).
Жена — с 1957 г. Галина С. Чекерская. Род. 28.06.1932 в Польше.
459. **Елена Алексеевна.** 428
Род. 03.12.1925 в Сергиевом Посаде. Эмигрировала в 1935 г. с родителями сначала в Эстонию, затем в 1941 г. в Германию, а после окончания Второй мировой войны, в 1949 г., в США, где и проживает в настоящее время.
Вместе со своим мужем сыграла заметную роль в становлении и развитии воскресных школ для детей русских эмигрантов в США и до сих пор трудится в одной из них в США (Nyack, New-York). Является автором «Букваря» и многих учебных пособий по различным предметам. Немало способствует христианскому православному просвещению русских детей в США (83). Была создателем и много лет главным редактором и издателем детского журнала «Трезвон».

- Муж — с 1949 г. протоиерей Серафим Слободской. Ум. в 1971 г., автор известного учебника «Закон Божий».*
460. **Анна Алексеевна** 428
Род. 02.06.1926 в Сергиевом Посаде. В 1935 г. с родителями эмигрировала сначала в Эстонию, затем в 1941 г. в Германию, а после окончания Второй мировой войны, в 1949 г., в США, где и проживает в настоящее время (Nyack, New-York).
Муж — с 1956 г. Михаил Осоргин. Род. 02.02.1919 в Ялте.
461. **Татьяна Алексеевна** 428
Род. 18.12.1928 в Твери. Вместе с родителями эмигрировала в 1935 г. сначала в Эстонию, затем в 1941 г. в Германию, а после окончания Второй мировой войны, в 1949 г., в США, где и проживает в настоящее время (Nyack, New-York). Доктор филологии, много лет преподавала в университетах русский язык и литературу.
Ее перу принадлежит известный труд «Духовные основы творчества Солженицына» (182). Она и ее супруг на протяжении почти 15 лет занимались изданием русских духовных, исторических, мемуарных трудов, обеспечивая литературой значительную часть русских православных приходов в США. И до сих пор они являются просветителями и популяризаторами русской истории и культуры в США.
В период тоталитаризма в России они издавали и переправляли в СССР множество книг, запрещенных к изданию, посвященных вопросам политического и экономического устройства общества, преследованиям православных священников и верующих, правде о репрессиях существовавшего режима (182; 431).
Муж — с 1949 г. Олег Михайлович Родзянко. Род. 21.03.1923 в Сербии (Панчево).
462. **Михаил Алексеевич** 428
Род. 07.06.1931 в г. Твери. Вместе с родителями эмигрировал в 1935 г. сначала в Эстонию, затем в 1941 г. в Германию, а после окон-

- чания Второй мировой войны, в 1949 г., в США, где и проживает в настоящее время. Психолог.
Жена — с 1954 г. Елизавета, род. 14.02.1933, дочь Никиты Яковлевича Куломзина и его жены Софии Сергеевны Шидловской.
463. Татьяна Петровна 430
Род. 22.10.1916 в Москве от первого брака отца, ум. 02.12.1983 в США (New-York).
Вместе с родителями и младшей сестрой покинула Россию во время Гражданской войны и проживала в Югославии, Германии, Франции, Аргентине, Перу, а с 1963 г. — в США.
Муж — князь Дмитрий Владимирович Голицын.
Род. 26.01.1914, ум. 04.10.1976 в США (New-York) (430).
464. Елизавета Петровна 430
Род. 14.08.1915 в Москве от первого брака отца, ум. 18.06.1997 в Перу (Лима). Похоронена в Париже на кладбище Сент-Женевьев де Буа.
Муж — Вадим Павлович Никитин (430).
465. **Княжна Мария Вадимовна** 437
Род. 09.06.1977 в Архангельске от первого брака отца.
Врач. Проживает в Москве.
Муж — с 31.07.1998 Михаил Михайлович Горбатов.
Род. 26.03.1975 в Москве.
466. **Княжна Евдокия Вадимовна** 437
Род. 28.08.1991 в Москве от второго брака отца.
Проживает в Москве. Учащаяся средней школы.
- XXVI
467. **Даниэль Георгиевич (77)** 443
468. Марина Сергеевна 450
Род. 10.02.1940 во Франции (Clamart), где и проживает.

- Мужья:
1) с 1966 г. Никита Игоревич Кривошеин.
Род. в 1934 г. (разведены в 1973 г.);
2) с 1974 г. Николай Львович Турцевич.
Род. в 1947 г. (разведены в 1994 г.) (428).
469. Татьяна Сергеевна 450
Род. 08.05.1942 во Франции (Clamart), где и проживает.
Муж — с 1962 г. Алексей Георгиевич Сериков.
Род. 11.04.39 (428).
470. **Михаил Сергеевич** 450
Род. 12.12.1943 во Франции (Clamart), где и проживает.
Инженер-геолог.
Жена — с 1972 г. Marcelle, род. 27.02.1948 (Orléans), дочь Robert Jules Correard и его жены Eugénie Josephine Cartin-Moulin.
471. **Сергей Сергеевич** 450
Род. 26.07.1946 во Франции (Clamart), где и проживает.
Жена — с 1972 г. Екатерина, род. 08.12.1947, дочь Claude Fchille Roger Marie Minier и его жены Ирины Степановны Ревенко (428).
472. Анна Сергеевна 450
Род. 20.10.1951 во Франции (Clamart), где и проживает.
Муж — с 1975 г. Михаил Борисович Виноградов.
Род. 25.09.1952 (разведены в 1982 г.).
473. **Сергей Рафаилович** 452
Род. 03.01.1942 во Франции, в 1952 г. вместе с родителями переехал в Канаду, затем в 1960 г. в США, где и проживает.
Химик-технолог.
Жена — с 02.08.1964 г. Анастасия, род. 28.03.1943 в Сербии (Панчево), дочь Бориса Дмитриевича Хаустова и его жены Ии Владимировны Илитской (428).

474. **Никита Рафаилович** 452
 Род. 13.05.1944 во Франции, в 1952 г. вместе с родителями переехал в Канаду, затем в 1960 г. в США. После окончания университета вернулся в Канаду, где и проживает в настоящее время.
 Инженер лесной промышленности.
 Жена — с 21.06.1970 Марианна, род. 16.07.1948 в США (Detroit, Michigan), дочь протопресвитера Георгия Николова и его жены Веры Буневой (428).
475. **Андрей Рафаилович** 452
 Род. 03.06.1947 в Испании, в 1952 г. вместе с родителями переехал в Канаду, затем в 1960 г. в США, где и проживает в настоящее время.
 Психолог.
 Жена — с 07.06.1970 Лидия, род. 28.03.1950 в Австрии, дочь Бориса Дмитриевича Хаустова и его жены Ии Владимировны Илитской (428).
476. **Михаил Михайлович** 453
 Род. 11.07.1943 в Париже, проживает во Франции.
 Жены:
 1) с 1967 г. Helein Petit de Leudeville, род. 12.08.1942 (разведены в 1973 г.);
 2) с 1974 г. Wieslawa Sofia Stepczyk, род. 16.03.1952 (разведены в 1984 г.);
 3) с 1993 г. Christine Dauliac, род. 03.09.1957 (428).
477. **Екатерина Михайловна** 453
 Род. 31.05.1947 в Париже, ум. 21.03.1993 во Франции, где и проживала. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев де Буа.
 Муж — с 1969 г. Михаил Андреевич Соллогуб.
 Род. 25.07.1945 в Париже (428).
478. **Елизавета Михайловна** 453
 Род. 06.12.1948 во Франции (Clamart), проживает в США.
 Муж — с 1974 г. протоиерей Сергей Сергеевич Бутенев.
 Род. в 1947 г. в США (New-York) (428).

479. **София Михайловна** 453
 Род. 02.05.1950 во Франции (Chatillon-sous-Bagneux), где и проживает.
 Муж — с 1975 г. протоиерей Николай Александрович Ребиндер.
 Род. 23.01.1947 во Франции (Biarritz) (428).
480. **Николай Михайлович** 453
 Род. 22.03.1956 во Франции (Malakoff), где и проживает.
 Жена — с 1979 г. Бландина, род. 25.07.1959 в Париже, дочь Никиты Алексеевича Струве и его жены Марии Александровны Ельчаниновой (428).
481. **Алексей Сергеевич** 456
 Род. 26.07.1951 в США, где и проживает.
482. **Елена Сергеевна** 456
 Род. 10.07.1954 в США, где и проживает.
483. **Александра Сергеевна** 456
 Род. 20.07.1956 в США, где и проживает.
484. **София Сергеевна** 456
 Род. 16.08.1959 в США, где и проживает.
485. **Дмитрий Николаевич** 458
 Род. 26.02.1958 в США, где и проживает.
 Жена — с 1986 г. Teresa Tepedino.
 Род. 31.10.1955 в США (New-York).
486. **Сергей Николаевич** 458
 Род. 11.10.1959 в США, где и проживает.
 Жена — с 1994 г. Елена Кравченко.
 Род. 12.07.1976 в Аргентине (Буэнос-Айрес).
487. **Зинаида Николаевна** 458
 Род. 15.05.1963 в США, где и проживает.
 Муж — с 1995 г. Robert Bostido.

488. Ольга Михайловна 462
Род. 23.07.1958 в США (Nyak), где и проживает.
Муж — с 1987 г. *Donald Kroni*.
Род. 04.03.1952 в США (New-York).
489. Татьяна Михайловна 462
Род. 30.01.1960 в США (Nyak). В настоящее время
проживает в Москве.
Преподаватель русского языка и литературы в англо-
американской средней школе.
490. Александра Михайловна 462
Род. 13.10.1963 в США (Nyak), где и проживает.
Муж — с 21.05.1989 *David Cuffari*.
Род. 24.03.1962 в США (New-York).
491. **Андрей Михайлович** 462
Род. 30.12.1970 в США (Nyak), где и проживает.
Жена — с февраля 1997 г. *Kristina Van Vu*.
Род. 23.09.1968 в США (New-York).
- XXVII**
492. София Михайловна 470
Род. 30.09.1977 во Франции (Orléans), где и прожи-
вает (428).
493. Мария Михайловна 470
Род. 22.01.1979 во Франции (Orléans), где и прожи-
вает (428).
494. **Рафаил Михайлович** 470
Род. 22.09.1989 во Франции (Grenoble), где и прожи-
вает (428).
495. **Сергей Сергеевич** 471
Род. 05.12.1973 во Франции (St. Germain en Laue),
где и проживает (428).
496. **Севастьян (Claude) Сергеевич** 471
Род. 06.12.1974 во Франции, где и проживает (428).

497. **Игорь Сергеевич** 471
Род. 04.05.1979 во Франции (Châtenay-Malabry), где
и проживает (428).
498. **Алексей Сергеевич** 471
Род. 16.09.1984 во Франции (Châtenay-Malabry), где
и проживает (428).
499. Мария Сергеевна 473
Род. 08.06.1965 в США (Suffen, New-York), где и
проживает (428).
Муж — с 08.10.1991 *Андрей Taracido*.
Род. 25.11.1965 в Пуэрто-Рико (Ponce).
500. Наталия Сергеевна 473
Род. 14.02.1967 в США (Suffen, New-York), где и
проживает (428).
Муж — с 18.08.1991 *John Robert Fillyaw*.
Род. 26.07.1966 в США (New-York).
501. Лидия Сергеевна 473
Род. 25.09.1968 в США (Suffen, New-York), где и
проживает (428).
502. **Петр Сергеевич** 473
Род. 17.05.1972 в США (Suffen, New-York), где и
проживает (428).
Жена — с сентября 1995 г. *Наталия Кекватова*
(428).
503. Екатерина Сергеевна 473
Род. 15.06.1980 в США (Suffen, New-York), где и
проживает (428).
504. София Никитична 474
Род. 06.05.1974 в Канаде (Kemptonville, Ontario), где и
проживает (428).
505. Александра Никитична 474
Род. 22.07.1977 в Канаде (Halifax, Nova Scotia), где
и проживает.

506. **Рафаил Никитич** 474
Род. 12.07.1979 в Канаде (Halifax, Nova Scotia), где и проживает (428).
507. **Матфей Андреевич** 475
Род. 25.03.1972 в США (Boston, Massachusetts), где и проживает (428).
508. **Дмитрий Андреевич** 475
Род. 05.08.1974 в США (Boston, Massachusetts), где и проживает (428).
509. **Алексей Андреевич** 475
Род. 15.07.1983 в США (Boston, Massachusetts), где и проживает (428).
510. **Михаил Андреевич** 475
Род. 22.01.1988 в США (Boston, Massachusetts), где и проживает (428).
511. Надежда (Diane) Михайловна 476
Род. 11.04.1979 от второго брака отца в Париже, где и проживает (428).
512. Наталья Михайловна 476
Род. 25.09.1983 от второго брака отца в Париже, где и проживает (428).
513. Юлиания Николаевна 480
Род. 17.08.1980 во Франции (Châtenay-Malabry), где и проживает (428).
514. Евдокия Николаевна 480
Род. 23.10.1982 во Франции (Châtenay-Malabry), где и проживает (428).
515. **Рафаил Николаевич** 480
Род. 23.10.1982 во Франции (Montargis), где и проживает (428).
516. **Григорий Николаевич** 480
Род. 20.03.1989 во Франции (Orsay), где и проживает (428).

517. **Александр Дмитриевич** 485
Род. 11.10.1989 в США, где и проживает.
518. **Иван Сергеевич** 486
Род. 17.04.1995 в США (Nyak), где и проживает.
519. Мария Сергеевна 486
Род. 09.01.1997 в США (Nyak), где и проживает.
520. Лукия Сергеевна 486
Род. 16.07.1998 в США (Nyak), где и проживает.
- 521*. **Давид Андреевич** 491
Род. 04.09.1999 в США (Mont Kisko, New-York), где и проживает.

* Порядковые номера Лопухиных, представленных в поколенной росписи, приведены в Именном указателе в круглых скобках.

ЛОПУХИНЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В РОСПИСЬ

И. Гатчинская ветвь

(данные из личного архива покойного
Георгия Борисовича Ольдерогге, г. Москва)

- А. **Дмитрий Михайлович**
Начальник парфорсной Императорской охоты в Гатчине.
Жена — Агафья Тимофеевна NN.
- Б. **Георгий Дмитриевич** А
- В. **Николай Дмитриевич** А
- Г. **Дмитрий Дмитриевич** А
- Д. **Валентин Дмитриевич** А
Род. в 1892 г. в Гатчине.
Офицер. С 1918 г. служил в Красной Армии. Позднее работал преподавателем тактики и математики в авиаучилищах. В 1937 г. демобилизован в звании командира бригады. С началом Великой Отечественной войны вернулся на военную службу и преподавал в Бирском артиллерийском училище.
Жена — Вера Ивановна NN.
- Е. Мария Дмитриевна А
- Ж. **Михаил Дмитриевич** А

ЛОПУХИНЫ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

- З. Валерия Валентиновна Д
Род. 22.09.1919.
Муж — Константин Константинович Виров.
От этого брака было двое детей — Владимир и Елена.

II. Торопецкая ветвь

(данные из личного архива Владимира Павловича Хохлова,
пос. Кавалерово Приморского края)

- А. **Гаврило Филиппович**
Майор. Его иждивением была построена Дмитриевская церковь на погосте Нишавицы Торопецкого у., где и похоронены он сам, его жена и дети.
Жена — Дарья Денисовна NN, род. 01.01.1746, ум. 05.01.1778.
- Б. **Василий Гаврилович** А
Род. 01.01.1778, ум. 03.01.1826.
Жена — Любовь Георгиевна NN.
- В. **Таврион Васильевич.** Б
Жена — Надежда Никитична NN.
Род. в 1811 г., ум. 20.05.1881.
- Г. Вера Васильевна. Б
- Д. **Петр Васильевич** Б
- Е. **Александр Васильевич** Б

III. Лопухины по данным из личного архива А.А. и С.А. Сапожниковых (Москва)

1. Агрипина Александровна.
Род. в 1785 г., ум. 10.10.1856 незамужней. Похоронена в г. Богородицке Тульской губ. Возможно, сестра № 15.
2. **Александр**, ум. 05.04.1787. Похоронен в Донском монастыре в Москве. Гвардии прапорщик.
3. **Александр Николаевич**, род. в 1848 г., ум. 18.06.1890. Похоронен на Дорогомилловском кладбище в Москве.

4. Анна Александровна, ум. 05.05.1830. Похоронена в Донском монастыре в Москве.

Муж — *NN Рахманов, коллежский ассессор.*

5. Анна Иосифовна, ум. 07.06.1880. Похоронена в Княгининском Успенском женском монастыре, г. Владимир.

6. Варвара Петровна, род. 23.06.1800, ум. 19.12.1881. Похоронена в с. Вельяминово Серпуховского уезда Московской губ. (в конце 1999 г. Н.В Дмитриевой была обнаружена икона Несения Креста, которая была дана Варварой Петровной монаху Леонтию в путешествие на Святую гору Афон — так гласит надпись на ней. — *Примеч. ред.*).

Муж — *NN, полковник, ум. не позднее 1881 г.*

7. Варвара Федоровна, род. 10.01.1819, ум. 20.07.1873. Похоронена в Донском монастыре в Москве.

8. Василиса Дмитриевна, род. в 1764 г., ум. 17.05.1825. Похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве.

9. Василиса Федоровна, ум. 10.03.1892. Похоронена в Покровском монастыре в Москве.

Муж — *NN, коллежский советник.*

10. Екатерина Петровна, ум. 28.06.1789, похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

11. Елизавета Михайловна.

Муж — *князь Василий Александрович Путятин, род. в 1847 г., ум. в 1870 г., корнет, помещик Старицкого у. Тверской губ.*

12. Зинаида Николаевна, род. в 1845 г., ум. 05.05.1887. Похоронена на Пятницком кладбище в Москве.

Муж — *NN Богородицкий.*

13. Мария Александровна, род. 01.01.1803, ум. 17.03.1864. Похоронена в Алексеевском женском монастыре в Москве. Друг М.Ю. Лермонтова (см. № 360 основной росписи).

Муж — *NN Грегоржевский, генерал-майор.*

14. Мария Николаевна, род. в 1856 г., ум. 13.04.1898. Похоронена на Пятницком кладбище в Москве.

15. **Михаил Александрович**, род. в 1770 г., ум. 07.01.1845. Ротмистр. Похоронен в г. Богородицке Тульской губ. Возможно, брат № 1.

16. **Петр Иванович**. Статский советник. Похоронен под притвором им построенной Спасской церкви в с. Спасское-Телешово Клинского уезда (возможно, № 259 в росписи).

17. Прасковья Федоровна, ум. 03.04.1799. Похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Муж — *NN Шатилов, генерал-майор.*

18. **Степан Моисеевич**, ум. 17.09.1824. Надворный советник. Похоронен в с. Глиненец Валдайского уезда (возможно, сын № 282).

19. Степанида Федоровна, ум. 19.02.1799, похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Муж — *князь NN Мещерский.*

ЛОПУХИНЫ, УПОМЯНУТЫЕ В ЛИТЕРАТУРЕ, НО ТАКЖЕ НЕ НАШЕДШИЕ ПОКА МЕСТА В РОСПИСИ

1. **Афанасий Дмитриевич и Дмитрий Ависсович** Лопухины — владельцы вотчины в Дмитровском уезде в 1570—1590-х гг. // Шумаков С.А. Обзор грамот коллегии экономии. Ч. I. Дмитров. — ЧОИДР. Кн. 3. 1912. С. 24, 58.

2. **Данила Лопухин** — дворцовый подьячий, в 1638 г. имел двор в Москве // Беляев И.С. Росписной список Москвы, 1638 г. / Труды Московского отдела Русского Военно-исторического общества. Т. I. — М., 1911. С. 188.

3. **Демид Кудашев сын** Лопухин — новик // Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. — Археографический ежегодник за 1972 г. — М., 1974. С. 297.

4. **Нехороший Васильевич** Лопухин — думный дьяк Ажедмитрия в 1608 г. // Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. — М., 1975. С. 300.

5. **Семен и Гаврила Никитины дети** Белого Лопухина — в 1539 г. владели волостью на Лембогале в Вотской Пятине (всего 18 деревень и 1 починок) // Писцовая книга Вотской Пятины 1539 г. / Под. ред. А.М. Гневушева. Вып. 1. — Новгород, 1917.

6. Евгения Георгиевна, ум. 21.12.1965 в Париже, похоронена на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Художница, училась живописи в Санкт-Петербургской академии художеств у Кардовского. После 1917 г. эмигрировала во Францию, участница многих выставок // Русская мысль, 15.02.66, № 2426.

УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ И ИМЕН СУПРУГОВ И СУПРУГ ЛОПУХИНЫХ В ОСНОВНОЙ РОСПИСИ

Царь Петр Алексеевич	122
Акинфов Никита Иванович	91
Амбосетти NN	446
Андрейчук Андрей Павлович	407
Аничкова Ольга Николаевна, в первом браке Ушакова	424
Анцыферов NN	286
Аргамачова Елена Михайловна	151
Арсеньева Елена Васильевна	157
Астафьев Владимир Иванович	214
Афросимова Федосья Ильинична	184
Балк Наталья Федоровна	126
Баранова Александра Павловна, графиня	404
Барятинский Петр Алексеевич, князь	185
Бахметев Николай Федорович	364
Бахрушина NN	422
Бахтеярова Феоктиста Васильевна	369
Белоусов Степан Николаевич	436
Болховская Татьяна Петровна, княжна	83
Булгакова Степанида Иовна	172
Булгарина Елизавета Болеславовна	385
Бут Густав Яковлевич, барон	325
Бутенев Сергей Сергеевич	478
Венкастерн Анна Ивановна (Жанетта), баронесса фон, в первом браке графиня Алопеус	319
Верещагина Екатерина Петровна	327
Виноградов Михаил Борисович	472

Владыкина Анна Ивановна	150
Волконская Надежда Федоровна, княжна	219
Воронеж Анна Алексеевна	265
Вревский Павел Александрович, барон	383
Выповская Елена Никифоровна	81
Вяземский А.П., князь	449
Гагарин Павел Гаврилович, князь	316
Гагарина Александра Петровна, княжна	257
Гвоздев Юрий Федорович	436
Голицын Дмитрий Владимирович, князь	463
Голицын Иван Алексеевич, князь	169
Голицын Михаил Владимирович, князь	427
Голицына Татьяна Алексеевна, княжна	120
Голицына Татьяна Владимировна, княжна	430
Головин Николай Александрович, граф	165
Головина Евдокия Матвеевна	118
Голохвастов Иван Иванович	213
Голохвастова Елизавета Дмитриевна	397
Горбатов Михаил Михайлович	465
Горский Георгий	457
Грегоржевский NN	360
Григорова Агафья Игнатьевна, в первом браке NN	171
Губарев NN	247
Гузев Михаил Павлович	374
Давыдов Александр Васильевич	432
Давыдов Владимир Денисович	208
Давыдов Лев Александрович	392
Давыдов Юрий Львович	384
Давыдова Мария Григорьевна	415
Дашков Петр Иванович, князь	148
Демидов Григорий Александрович	317
Дервиз Владимир, фон	414
Долгорукая Анна Александровна, княжна	278
Доможирова Дарья Евдокимовна	191
Дубровская Прасковья Ивановна	179
Евреинов Петр Яковлевич	277
Еремко Валентина Максимовна	408
Ерофеева Наталия Владимировна	437
Есипов Иван	85
Жедринская Анна	110
Желаковский NN	446

Жемчужников Александр Иванович.....	155
Жеребцов Александр Александрович	320
Жеребцов Гаврила Алексеевич	262
Жеребцова Анна Алексеевна	156
Житкевич NN	338
Заборовский Иван Александрович	210
Засекин Георгий Михайлович, князь	185
Зиммель Лидия	336
Зотов Иван Никитич, граф	170
Зыкова Наталья Афанасьевна	117
Исаева Евдокия Ильинична	154
Исаков Николай Васильевич	344
Казаринов Павел Сергеевич	237
Каменская Анна Александровна.....	224
Капнист Павел Александрович, граф.....	403
Катунина Авдотья Степановна.....	56
Кекватова Наталия	502
Киреев Сергей Борисович	406
Кириллов Иван Акимович	435
Клейнмихель Мария Николаевна, графиня.....	379
Кожин Артамон Осипович	273
Козловская Ирина Петровна, княжна.....	126
Корженевская Мария Владимировна.....	283
Корженевский NN	241
Косоурихин Семен Павлович	371
Костин (Белянкин) Иван Васильевич	367
Кошкарлов Федор Васильевич	142
Кравченко Елена	486
Краснокутская Татьяна Николаевна	382
Креницына Екатерина Исаевна	131
Кривошеин Никита Игоревич.....	468
Крылов Александр Николаевич.....	409
Кузнецова Надежда Даниловна	437
Куломзина Елизавета Никитична	462
Куракин Борис Иванович, князь	123
Кутайсов Павел Иванович, граф	318
Лаврова Галина Александровна	375
Ладыженская Наталья Осиповна.....	114
Ландау NN (Hessen Нина Исидоровна?).....	422
Левшина Прасковья Ивановна	270
Лобанов-Ростовский Алексей Яковлевич, князь	322

Лопухин Николай Ардалионович	251
Лопухин Адриан Адрианович	209
Лопухина Анна Федоровна	192
Лопухина София Адриановна.....	264
Львова Мария Константиновна.....	430
Марковская Анастасия Григорьевна	346
Матвеев Владимир Николаевич	434
Мачуговский NN	383
Мейендорф Фекла Теофиловна, баронесса	428
Мордовин Петр Александрович	335
Муратова Серафима Николаевна.....	245
Мятлев Николай Владимирович	393
Нащокин Федор Александрович	158
Нижанская Дабiana (Татьяна Федоровна).....	323
Никитин Вадим Павлович.....	464
Никитина Матрена Ефимовна.....	204
Николаев Николай Николаевич.....	312
Николова Марианна	474
Оболенская Варвара Александровна, княжна	363
Оболенская Мария Васильевна, княжна	453
Оболенский Дмитрий Дмитриевич, князь	451
Озеров Андрей (Александр?) Сергеевич	402
Орлова Наталия Ивановна	343
Орлова Ольга Ивановна	347
Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич, граф.....	206
Осоргин Михаил	460
Осоргина София Михайловна	426
Остен NN	394
Павлова Дарья Ивановна	252
Панина Анна Васильевна	164
Пестрикова Афросинья Васильевна.....	229
Петерсен Александр Карлович	381
Пилецкий Всеволод Иосифович	370
Племянников Давыд Фаустович.....	91
Подшивалова Людмила Андреевна	456
Пожогина-Отрошкевич Анна Петровна.....	225
Поливанова Наталия Матвеевна	423
Полторацкая Екатерина Петровна.....	293
Похвиснева Мария Дмитриевна	246
Прилепский NN	394
Протасова Вера Ивановна.....	401

Пшеславская Евдокия Владимировна	283
Ребиндер Николай Александрович	479
Ржевская Анна Ивановна	196
Ржевский Николай Юрьевич	195
Ржевусский Адам Адамович, граф	320
Родзянко Олег Михайлович	461
Рокотов Матвей Евстигнеевич	267
Ромодановская Федосья Федоровна, княжна	120
Ртищева Устинья Богдановна	87
Ртищева Фекла Федоровна	147
Рух Эмилия Эдуардовна	350
Рязанова Идея Евгеньевна	377
Салов Анатолий Васильевич	334
Сафонов NN	311
Сериков Алексей Георгиевич	469
Сипягина Анна Ивановна	183
Скордули NN	298
Слезкина Ольга Михайловна	348
Слободский Серафим	459
Смирнов Александр Маркелович	366
Смирнов Михаил Евграфович	341
Смирнова Анна Алексеевна	189
Соколова Светлана Петровна	408
Соколовский Мечислав	446
Соллогуб Михаил Андреевич	477
Стромилов Петр Иванович	227
Струве Бландина Никитична	480
Султан-Гирей Елизавета Михайловна, княжна	419
Сухова Анна Михайловна, в первом браке Семина	437
Сухотин Алексей Николаевич	197
Текутьева Мария Ивановна	233
Тимашева Александра Сергеевна	450
Толмачева Акулина Захаровна	88
Толстая Мария Ивановна, графиня	216
Толстая Софья Михайловна, графиня	452
Толстой Федор Матвеевич	211
Трубецкой Владимир Петрович, князь	431
Трубецкой Николай Николаевич, князь	361
Трубецкой Николай Петрович, князь	399
Турцевич Николай Львович	468
Тучков Павел Александрович	454

Удом Мария Евстафиевна, баронесса	297
Удом Юлия Евстафиевна, баронесса	303
Ульященко Евлампий Николаевич	337
Урусова Екатерина Дмитриевна, княжна	418
Ушаков Лука Федорович	212
Фаминцын Сергей Александрович	215
Фаминцына Евдокия Егоровна	145
Фонвизин Павел Иванович	201
Хаустова Анастасия Борисовна	473
Хаустова Лидия Борисовна	475
Хилков Яков Васильевич, князь	116
Хитрово Никанор Никанорович	310
Хоненева Мария Ивановна	223
Цехомский Виктор Константинович	372
Чарковская Сусанна Казимировна	330
Чекалевская Елизавета Петровна	189
Чекерская Галина С.	458
Черкасский Петр Петрович, князь	258
Чеснокова Тамара Яковлевна	405
Чириков Илья Иванович	86
Чичерин NN	445
Чусовитин Петр Павлович	406
Шелеспанова Зинаида Феофановна	331
Шереметев Борис Петрович, граф	119
Шереметев Федор Владимирович	127
Шереметева Вера Борисовна, графиня	159
Шереметева Мария Александровна	266
Шетнева Екатерина Николаевна	270
Шиманская Мария Николаевна	345
Щербатова Анна Осиповна, княжна	146
Щербачева Агафья Ивановна	139
Энгельгардт Митрофан Евгеньевич, барон	380
Юсупова Анна Алексеевна, княжна	168
Яблочкова Анна Алексеевна	274
Ягужинская Екатерина Павловна, графиня	160
Языкова Анна Андреевна	272
NN Аглаида Дмитриевна	290
NN Анастасия	62
NN Анна	145
NN Анна Николаевна	149
NN Анна Фоминична	143

NN Арина	230
NN Василиса Федоровна	308
NN Дарья Петровна	89
NN Домна	72
NN Евстолия Ивановна, в первом браке Дохтурова	188
NN Ирина Ивановна	149
NN Мария	71
NN Мария Ивановна	190
NN Мария Федоровна (Мария Петровна Поздеева?)	90
NN Прасковья Исаевна	93
NN Ульяна, в первом браке Переносова (?)	84
Bostido Robert	487
Correard Marcelle	470
Courtin Georges	391
Croni Donald	488
Cuffari David.....	490
Dauliac Christine	476
Fennell John.....	455
Fillyaw John Robert	500
Leudeville Helein Petit, de	476
Munier Екатерина.....	471
Stepczyk Wiesława Sofia.....	476
Taracido Андрей.....	499
Tepedino Teresa	485
Van Vu Kristina	491

В этом разделе публикуются некоторые архивные материалы и письма Лопухиных, которые относятся к тем или иным периодам истории рода.

Подборка ни в коем случае не претендует на полноту и призвана служить только отрывочной документальной иллюстрацией рассказа о почти тысячелетнем лопухинском роде.

Каждый документ сопровождается минимальным справочным комментарием, который поможет читателю лучше понять смысл и значение архивного свидетельства, его место в рассказанной нами истории.

ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Запись за год 6530 от сотворения мира (1022 от Рождества Христова)

«В год 6530. Пришел Ярослав к Берестюю. В то же время Мстислав, который владел Тмутараканью, пошел на касогов. Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И, если одолеешь ты, возьмешь имущество мое, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, но борьбою». И схватились бороться крепко, и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, построю церковь во имя Твое». И, сказав это, ударил Редедю о землю. И, выхватив нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взяв имущество его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмутаракань, заложил церковь Святой Богородицы и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмутаракани».

* * *

Ученые установили, что автор этой записи в древнейшем русском летописном своде ученый монах Никон, прозванный Великим, побывал в Тмутаракани примерно через сорок лет после поединка князей. Поэтому он мог рассказать о нем и по воспоминаниям очевидцев. Отсюда и заключительная фраза, о том, что церковь стоит «по сей день».

ИЗ «РОДОСЛОВНОЙ КНИГИ
ЛЕТОПИСНОЙ РЕДАКЦИИ»

«Приехали к Москве два царевича, Редедины внучаты царевы, Касай-царевич да Сеундюк-царевич... во крещении царевич Касай, нареченный Ондрей, а прозвище Тронцея. А царевич Сеундюк во крещении Иван, а прозвище Черменка... А от Ивана от Черменки род: у Черменки род Яков, в Черменскине роду первый боярин. У Якова сын Михайло Сорокоум, 18 лет боярин».

* * *

Это летописное свидетельство подтверждает переселение на Русь потомков касожского князя Редеди и поименно называет некоторых его потомков. И эта версия, и та, что приведена в родословии Лопухиных, равно утверждают один и тот же факт: московский боярин Великого Князя Иоанна I Калиты Михаил Сорокоум был потомком касожского князя. Это еще раз подтверждает происхождение Лопухиных от князя Редеди, побежденного Мстиславом Владимировичем — сыном Святого Равноапостольного Князя Владимира, крестителя Руси.

ИЗ «СИНОДИКА ПО УБИЕННЫМ ВО БРАНИ»

*«...Муромцы побиты...
Шелонские пятинны побиты...
Смоляне побиты...
Из Боровска убит.
Князю Юрию княж Ондрееву сыну Бабичеву вечная память.
Туленя убиты.
Григорию Хомякову, Ивану Шерапову сыну Стефанову...
Торопчане убиты.*

Федке Елизарову сыну Чихачеву, Володе Посадникову сыну Лопухину, Богдану Елизарову сыну Чихачеву, Ивану Афонасьеву сыну Вельяминову, Федке Васильеву сыну Вельяминову, Ивану Ондрееву сыну Кулешову вечная память...

* * *

«Синодик по убиенным во брани» был составлен по велению Царя Иоанна IV Грозного, очевидно, после 1548 года, когда вышел Царский указ об установлении общего поминовения погибшим воинам. Этим указом было повелено «митрополиту и со всеми соборы пети панихиды и обедни служити в соборной церкви Успения Богородицы и по всем церквам в городе и посаде». Этот рукописный памятник содержит имена около 1200 воинов, большей частью рядовых, но много и командного состава. В «Синодик...» помещены для вечного поминовения имена павших, главным образом в Казанском походе 1552 года, в ливонских войнах, во время набега хана Девлет-Гирея на Москву, при осаде Великих Лук в 1580 году...

Запись о «торопчанах», убитых при защите Москвы от хана Девлет-Гирея, включает в себя и имя потомка Новгородского посадника Владимира Лопухина, который ласково назван «Володей». Она свидетельствует, что этот Владимир Лопухин владел еще старинными лопухинскими вотчинами в новгородских землях, поскольку городок Торопец расположен там, в двухстах верстах южнее Великого Новгорода.

ИЗ ЖАЛОВАННОЙ ВОТЧИННОЙ ГРАМОТЫ ЗА 1606 ГОД

«...Иларион Димитриевич служил при Великом Государе Царе и Великом Князе Василии Иоанновиче и ему Илариону Димитриевичу за его службы и Московское при оном Государе осадное сидение, в котором стоял он крепко и мужественно, и многое дородство и храбрость и кровопролития службы показал, голод, наготу, во всем оскудении и нужду всякую осадную терпел многое время, стоял в твердости разума своего, крепко и непоколебимо безо всякой шатости, и от той великой службы и терпении польские и литовские люди и русские мятежники от Москвы отошли, и за те великие и нужные осадные службы пожаловал Великий Государь Царь и Великий Князь Василий Иоаннович ему, Илариону Димитриевичу из его поместья, с поместного его окладу с 500 четей, со 100 четей по 20 четей и того 100 четей в Ростовском уезде, сельцо Курьитино, да деревню Третьяковскую с пустошми и со всеми угодья в вотчину, а на ту вотчину дана ему Царская вотчинная Жалованная грамота...»

* * *

Иларион Дмитриевич Лопухин — один из заметных представителей рода в его доимперский период. Служил Русским Царям на протяжении шестидесяти семи лет. Среди его главных заслуг перед Россией — непосредственное участие в присоединении Украины к России, фактическое руководство Посольским приказом, работа со многими посольствами, благодаря чему он стал первым Лопухиным, который был зарисован иностранцем, — рисунок этот сохранился. Был судьей Приказа Казанского дворца, занимал ряд других видных должностей. Был удостоен от Государей многих вотчин. Приведенное выше пожалование — первое из них.

ПИСЬМО ЦАРИЦЫ ЕВДОКИИ ФЕДОРОВНЫ СВОЕМУ МУЖУ ГОСУДАРЮ ПЕТРУ I АЛЕКСЕЕВИЧУ

«Государю моему радости, Царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, свет мой, на множество лет. Просили ли лости: пожалуй, государь, буди к нам не замешкав. А я при лилости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челом бьет».

* * *

Это письмо, как и другие материалы, свидетельствует о том, что в первые годы после свадьбы отношения между Царем Петром и Царицей Евдокией были хорошими, обычными для отношений внутри дворянских семей того времени.

О причинах разлада и отчуждения Царя Петра, охлаждения Его к Царице Евдокии читайте в главе «Последняя Русская Царица»

УКАЗ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА

7205 года (1697. — Примеч. ред.) января 11 дня по указу Великого Государя велено комнатным стольникам: князь Юрью княж Юрьеву сыну Трубецкому; князьям Петру, Федору княж Алексеевым, Дмитрию княж Михайлову детям Голицыным; князь Борису княж Иванову сыну Куракину; Василию, Володимиру Петровым детям Шереметевым; Михаилу Афонасеву сыну Матушкину; князь Ивану княж Данилову сыну Гагину; князь Якову княж Иванову сыну Лобанову-Ростовскому; Михаилу Федорову сыну Ртищеву; Авраму Федорову сыну Лопухину; князьям Юрью, Михаилу, Андрею княж Яковлевым детям

Хилковым; Ивану, Матвею, Юрию Алексеевым детям Ржевским; князь Григорью князь Федорову, князь Володимиру князь Михайлову детям Долгоруковым; Александру, Сергию Ивановым детям, Алексею Матвееву сыну Милославским; князь Ивану князь Никитину сыну Урусову; Петру Андрееву сыну Толстому; Никите Иванову, Федору Емельяновым детям Бутурлиным; Василью Семенову сыну Толочанову; Василью Михайлову сыну Глебову; Юрию Федорову сыну Лодыженскому; Михаилу Ильину сыну Чирикову; Андрею, Ивану, Михаилу Петровым детям Измайловым — ехать в европейские христианские государства для науки воинских дел; а которым наукам велено им учиться, о том даны каждому статьи...

* * *

Авраам Федорович Лопухин учился в Европе корабельному делу, после возвращения держал экзамен лично Царю, выдержал его и был пожалован офицерским чином. Но к службе на флоте Царь Петр I его не допустил и вообще, как говорят, ходу ему не давал. Авраам Федорович поддерживал тесные связи и с сестрой своей опальной Царицей, и с племянником Царевичем Алексеем Петровичем. После бегства Царевича к Цесарю роль дяди в этом деле обнаружилась. Было следствие, Царь жестоко пытал Авраама Федоровича. В 1718 году его страшно казнили, тело несчастного несколько месяцев оставалось на месте публичной казни «для устрашения».

ИЗ ПИСЕМ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА

Письмо от ноября 1707 года Отцу, когда Царевич по приказу Царя руководил укреплением Москвы против возможной атаки Карла XII:

«Милостивый государь-батюшка...

Дело здешнее городовое zelo было до сего времени худо (для того, что были надсмотрители над работниками худые), и я того ради предложил всели министрала, дабы они всяк себе взял по болварку (фольварк — земляное укрепление. — Примеч. ред.) и делали бы скорее. Я ныне разделено им всякому по болварку и колу иде определено, толу в сели письме ведомость. Я дерновая работа уже гораздо худа, для того, что здесь уже снег пал. Артиллерию, что надлежит к наличнолу, велел готовить. Гарнизон по данным Мусина пунктала, чтоб было в 13 000, и о сели говорил я, и господин Стрешнев людей

боярских доставил к слотру, и ныне их слотрю, также господин Иванов рекрут, и господин Журбатов посадских. Хотели поставить вкоре, а как переслотрю, буду слотреть ланс-арлию».

* * *

Царь благодарил Царевича за успешную работу по укреплению Москвы. Остатки земляных укреплений, построенных Царевичем Алексеем Петровичем у стен московского Белого города, но так и не понадобившихся, так как армия Карла XII повернула на юг, к Полтаве, археологи и строители Москвы находили еще в двадцатом столетии.

ОБЪЯСНЕНИЕ, ДАННОЕ ЦАРЕВИЧЕМ АЛЕКСЕЕМ ПЕТРОВИЧЕМ ИМПЕРАТОРУ КАРЛУ VI ПО ПРИБЫТИИ В АВСТРИЮ

«Свидетельствуюсь Богом, что я никогда не предпринимал против отца ничего несообразного с долгом сына и подданного, и не помышлял о возбуждении народа к восстанию, хотя это легко было сделать, так как русские меня любят, а отца моего ненавидят за его дурную низкого происхождения царичу, за злых любимцев, за то, что он нарушил старые хорошие обычаи и ввел дурные, за то, что не щадит ни денег, ни крови своих подданных, за то, что он — тиран и враг своего народа».

* * *

Как известно, Царь Петр послал за Царевичем в Австрию двух своих подручных — Толстого и Румянцева, велел передать Ему Свое прощение и просьбу вернуться домой с обещанием выполнить все Его просьбы. Сын поверил слову своего Отца и Царя и вернулся. Как известно, его судили, приговорили к смерти и удавили в каземате Петропавловской крепости Санкт-Петербурга.

После вступления на Престол Сына Царевича Алексея Петровича — Императора Петра II, молодой Государь сразу же издал Указ, отменявший и признававший ложными все обвинения, возведенные на его Отца и бабушку. Он приказал собрать в Петербурге и уничтожить все указы Царя Петра I, относящиеся к Царевичу Алексею Петровичу и Царице Евдокии Федоровне, которые были разосланы прежде по России. Таким образом Император Петр II полностью реабили-

тировал своего отца и его мать в глазах современников и потомков. К этому, к сожалению, не прислушались многие русские историки XIX века. Критика их апологетики Царю Петру I содержится в главах «Последняя Русская Царица» и «Царевич Алексей Петрович» во втором разделе книги.

УКАЗ ГОСУДАРЫНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Нашим генералу Ушакову, действительным тайным советникам князю Трубецкому и Лестоку.

...Донесли Нам словесно гвардейские поручик Бергер да майор Фалькенберг на подполковника Ивана Степанова сына Лопухина о некоторых важных делах, касающихся против Нас и Государства; того ради повелеваем вам помянутого Лопухина арестовать, а у Бергера и Фалькенберга о тех делах спросить и взять у них о том, в чем доносят, на письме, и по тому изследовать, и что по допросам Лопухина касаться будет до других, то их, несмотря на персону, в Комиссию забирать, изследовать и что по следствию явится, доносить Нам...»

*Дано в Санкт-Петербурге
Юля 25 дня 1743 г.*

С этого Высочайшего документа началось печально знаменитое «Лопухинское дело», в результате которого невинно пострадало множество людей. Подробно об этой трагической истории рассказывает глава «Адмирал Степан Васильевич, или «Лопухинское дело», помещенная во втором разделе этой книги.

ИЗ ПОСЛУЖНЫХ СПИСКОВ И ДОКУМЕНТОВ НЕКОТОРЫХ ОФИЦЕРОВ ЛОПУХИНЫХ ИЗ «ОБЩЕГО МОРСКОГО СБОРНИКА»

«Лопухин Гавриил

1710 г. Послан для науки за море.

1716 г. сентября 28. Произведен в мичмана.

1720 г. Находился в Астрахани у отправления коммерческих судов.

1722 г. Командовал в Каспийском море яхтою. Ноябрь 6 дня произведен в унтер-лейтенанты.

1724 г. августа 20. Зачислен в штат Астраханского адмиралтейства.

1726 г. Произведен в лейтенанты.

1730 г. августа 10. Уволен от службы с награждением капитанским чином».

«Лопухин Никита Гаврилович

1717 г. Поступил на службу гардемарином.

1720 г. Отчислен к Адмиралтейству.

1721 г. марта 2. Произведен в унтер-лейтенанты.

1725 г. февраль. Назначен в «испанскую экспедицию».

1727 г. декабря 15. Произведен в лейтенанты.

1733 г. января 18. По новому штату написан в лейтенанты майорского ранга. Командуя сначала пакетботом «Почтальон», а потом галиотом «Карс-Макер», плавал между Кронштадтом и Даницигом.

1739 г. Командовал яхтою «Принцесса Анна».

1740 г. ноября 3. Назначен в советники интендантской экспедиции.

1741 г. Послан в Кронштадт для службы на кораблях.

1751 г. сентября 5. Назначен в капитаны над галерным портом.

1755 г. декабря 25. Произведен в капитан-командоры в корабельный флот.

1757 г. мая 5. Произведен в контр-адмиралы. Во время плавания флота находился при адмирале Мишукове на корабле «Святой Павел».

1758 г. В плавании до Копенгагена командовал аррьергардом из пяти кораблей, имея флаг на корабле «Святой Павел».

1759 г. Имея флаг на корабле «Святой Николай», командовал кронштадтской эскадрой, которая доставила в Данциг десант в 3000 человек. Декабря 20 назначен присутствовать в Адмиралтейств-Коллегии.

1761 г. февраля 20. За болезнь отпущен в дом до указа.

1763 г. июня 10. Уволен со службы с награждением чина вице-адмирала».

Таковыми были морские карьеры отца и сына, двух моряков, которые более полувека служили в Российском флоте. Оба начинали при Царе Петре I, при этом отец был еще стольником Царя и уже взрослым учился, а сын закончил службу при Императрице Екатерине II. В последующих поколениях этой семьи моряков уже не было, зато трое сыновей Никиты Гавриловича служили в гвардейских полках.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ГЕНЕРАЛ-АНШЕФА В.А. ЛОПУХИНА

«Василий Аврамович генерал-аншеф, храбрый и неустрашимый воин, в 1757 году Августа 19 числа во время баталии, одержанной над Прусскою армиею при деревне Грос-Эгерсдорф командовал левым крылом Российской армии, убит, но своею наустрашимую храбростью и Иройским духом много способствовал одержанию победы, толь славно жизнь свою окончил, что почтение к своим Иройским добродетелям тем самым вяще умножил».

«Позвольте, Всемилостивейшая Государыня (писал генерал-фельдмаршал Апраксин в Реляции), что я упоминая о нем, не могу от слез воздержаться. Он до последнего дыхания сохранил мужество и к службе Вашего Императорского Величества прямое усердие. Быв вдруг тремя пулями тяжко ранен, однакож, сохраняя остатки жизни, спрашивал только: гонят ли неприятеля и здоров ли фельдмаршал? И как ему то и другое уверено было, то последние слова его были: «Теперь умираю спокойно, отдав мой долг Всемилостивейшей Государыне».

Чрез семь лет славно-блаженной памяти Российского Ироя генерал-аншефа Василия Аврамовича Лопухина по убиении, тело его привезено в Москву и погребено в реченном Спасо-Андрониевом монастыре, в коем над гробом его надпись следующая: «1764 году Августа 19 дня погребен генерал-аншеф, орденов Святого Александра Невского и Святыя Анны кавалер Василий Аврамович Лопухин».

О славной жизни и геройской гибели генерала В.А. Лопухина читайте в главе «Под знаменами Российских полков», опубликованной во втором разделе этой книги.

ИЗ СЛУЖЕБНОГО ФОРМУЛЯРА ГЕНЕРАЛА В.И. ЛОПУХИНА

«...Царствующая Всепресветлейшая Великая Государыня Августейшая Императрица Екатерина Алексеевна Вторая, Самодержица Всероссийская, мудростью и милосердием превосходно Великая, уважая долговременные и ревностные к Ея Величеству и Отечеству службы означенного генерал-поручика ЛОПУХИНА, соизволила оказать отличный опыт Монаршего своего к нему благоволения, Всемилостивейше пожаловав его в день Коронования Ея Величества Сентября 22 числа 1762 года Кавалером Ордена Св. Благоверного Князя АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО, коего знаки благоугодно было Ея Величеству за отсутствием его в Армии послать при подписанном рукою Ея Императорского Величества Рескрипте.

В конце оного 1762 года определен Ея Величеством в число членов бывшей тогда для нового устройства войск Комиссии. Присутствуя в сей воинской Комиссии по самый день увольнения его от службы, получил он с Имянного Ея Императорского Величества Указа об оному копию, засвидетельствованную нижеписанным образом от графа Захара Григорьевича Чернышева. Сия копия есть следующая:

«Генерал-поручика Володимира Лопухина отставить по его желанию, хотя Я о том сожалею».

Подлинный писан и подписан собственною Ея Императорского Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА

3 марта 1763 года

С уведомлением от друзей ваших сообщается с крайним соболезнованием, что разлучаемся

Гр. Чернышев».

ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ ОБ ОТСТАВКЕ ГЕНЕРАЛА В.И. ЛОПУХИНА

«Божией милостию мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая...»

Известно и ведомо да будет каждому, что оказатель сего Володимир Лопухин в Нашей воинской службе находился с 1717 году в Морской Академии, с 1723 года во Флоте штурманским учеником, с 1729 году Подпорутчиком, с 1730 Порутчиком, с 1735 Капитаном, с того же году Секунд-Майором, с 1737 Премьер-Майором, с 1742 Подполковником, с 1748 Полковником, с 1755 Генерал-майором, с 1760 года Генерал-Порутчиком. И будучи он, Лопухин, в службе Нашей, во всем так себя показал и содержал, как честному, верному, послушному, храброму солдату и искусному офицеру надлежит, и ныне с сим Абишидом из службы Нашей указываем во свидетельство, что Мы сей Абишид собственною рукою подписали и Государственною Нашею печатью укрепить повелели.

Дан в Москве Мая 12 дня 1763 года.

На подлинном подписано тако:

ЕКАТЕРИНА

Генерал-фельдмаршал князь Н. Трубецкой».

Генерал Владимир Иванович Лопухин верой и правдой служил шести Всероссийским Императорам — Петру I, Екатерине I, Петру II, Анне Иоанновне, Елизавете Петровне и Екатерине II. Его сын действительный тайный советник и сенатор Иван Владимирович — один из самых чиновных и знаменитых представителей рода, оставивших след в истории России. Об Иване Владимировиче Лопухине читайте в главе «Рыцарь ордена «Златорозового креста», о его отце генерале Владимире Ивановиче — в главе «Под знаменами Российских полков».

ИМЕННОЙ УКАЗ ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ О ПРОИЗВОДСТВЕ В КОРНЕТЫ ВАСИЛИЯ ЛОПУХИНА

«Божиею милостию мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая...»

Известно и ведомо будет каждому, что Мы Василия Лопухина, который Нам в Нашей Лейб-Гвардии Конном Полку Нашем служил и делал службе Нашей ревности и прилежности, в тот же Наш Лейб-Гвардии Конный полк тысяща седьм сот шестьдесят девятого года Генваря 1 числа в корнеты Всемилостивейше пожаловали и учредили,

яко же Мы сим повелеваем всем нашим верноподанным помянутого Лопухина за Нашего Лейб-Гвардии Корнета надлежащим образом признавать и почитать. Напротив чего и Мы надеемся, что и он в сем от Нас Всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму Офицеру надлежит. Во свидетельство того, Мы сие собственною Нашею рукою подписали и Государственною Нашею печатью укрепить повелели.

Дан в Санктпетербурге, тысяща седьм сот семидесятого году Юляя третьего надесять дня.

На подлинном подписано тако:

ЕКАТЕРИНА

Подполковник Г. Орлов».

Василий Авраамович Лопухин Меньшой, в отличие от рано скончавшегося брата Василия Авраамовича, которого именовали Большим, был сыном члена Юстиц-Коллегии и внуком личного стольника и спальника молодого Царя Петра I. В лейб-гвардии Конном полку служил недолго, был отставлен от службы по собственному прошению с награждением чином поручика. Жил в своих поместьях, скончался в 1821 году. Старший сын его Авраам Васильевич стал офицером, крупным поэтом конца восемнадцатого столетия.

ИМЕННОЙ УКАЗ ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ ПОЛКОВНИКУ АВРААМУ ЛОПУХИНУ

«Храбрость и мужественные подвиги, оказанные вами прошлого 1772 года во время сражения против возмутительских Маршалков, делающих на вас с отчаянностью нападения, коих вы, однако ж, расторопностью вашею везде поражали и обращали в бегство, и 1771 года Июня в 3 день, когда вы атаковав в деревне Челове неприятельскую партию, всю разбили и разогнали, учиняют вас достойным к получению отличной чести и Нашей монаршей милости по узаконенному от Нас статусу военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. А потому Мы вас в четвертый класс сего Ордена Всемилостивейше жалуем и, знак оного здесь включая, повелеваем на себя его возложить и носить в петлице по установлению Нашему. Сии ваши заслуги уверяют Нас, что вы сим Монаршим поощрением нашаче почитаетесь и впредь равным образом усугубите ваши военные достоинства.

На подлинном подписано тако:

ЕКАТЕРИНА».

Авраам Степанович Лопухин, младший сын несчастного адмирала Степана Васильевича (смотри очерк «Лопухинское дело»), прошел в армии все чины, в 1773 году стал генерал-майором, а в 1781-м в чине генерал-поручика был направлен генерал-губернатором в Орел.

**ИМЕННОЙ УКАЗ
ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ II
ОБ ОТСТАВКЕ КАПИТАНА ГВАРДИИ ПЕТРА ЛОПУХИНА**

Божией Милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая...

Известно и ведомо да будет каждому, что мы Лейб гвардии Нашей Семеновскому полку Капитана Петра Лопухина, который служил сначала в Гвардии с седьм сот шестьдесят первого года, а с седьм сот семьдесят первого года Капитаном, и по все время службы своей поступал, как честному, послушному и искусному Офицеру надлежит, и сего седьм сот восемьдесят пятого года Генваря в первый день от военной службы отставили и во все на свое содержание и Всемилоостивейше пожаловали его Армии Бригадиром, то по сему жить ему везде свободно. Во свидетельство того Мы сей Абшид собственною Нашею рукою подписали и Государственною печатью укрепить повелели.

Дан в Санктпетербурге лета 1785 Октября 25 дня.

На подлинном подписано тако:

ЕКАТЕРИНА

Подполковник Николай Салтыков

Петр Владимирович, сын знаменитого генерала Владимира Ивановича, служившего шести Императорам, был записан в лейб-гвардии Семеновский полк в десятилетнем возрасте. В 1785 году, когда он вышел в отставку с чином бригадира, ему было 33 года. После этого Петр Владимирович прожил много лет, был свидетелем небывалого чиновного взлета его брата Ивана Владимировича, который в 1796 году был назначен статс-секретарем только что воцарившегося Государя Павла Петровича.

Скончался отставной бригадир П.В. Лопухин в своем имении в 1805 году.

**ПРОШЕНИЕ
О ПРИЕМЕ ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА ЛОПУХИНА
В ШЛЯХЕТСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС**

*В Императорский Шляхетский
Сухопутный Кадетский корпус
Тайного советника Андрея Ивановича
Лопухина*

Объявление

На основании изданного в Кадетском корпусе Устава, честь имею представить для определения в число кадет сына моего родного Павла, крещенного в веру греческого исповедания с тем, что до истечения положенных в том Уставе лет просить и требовать его обратно, и ниже на временные отпуска не буду. А что он действительно законный мой сын, когда родился и кем крещен, а равно и о дворянстве, прилагаю при сем свидетельство. Оспа на нем была прививная.

Генваря 21 дня 1798 года.

Тула

Тайный советник Андрей Лопухин

1798 года генваря 21 дня Мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем в том, что означенный малолетний Павел, тайному советнику Андрею Иванову сыну Лопухину законный сын. Родился 1787 июня 28 дня. Крещен в веру греческого исповедания в Костроме при церкви Царя Константина священником, а восприемником был генерал-майор и кавалер Федор Михайлов сын Кузюзов.

/подписи/

Павел Андреевич Лопухин, о котором идет речь в документах, успешно окончил корпус, был выпущен в лейб-гвардии Измайловский полк, участвовал в войнах России с Наполеоном, сражался в Отечественную войну 1812 года, был в заграничном походе Русской армии во главе с Императором Александром I. В 1814 году, будучи полковником лейб-гвардии Гренадерского полка, пал на поле битвы во Франции. Его отец, многолетний правитель Тульского наместничества, а позднее Тульский губернатор пережил сына на четыре года и скончался в 1818 г.

**ДОКУМЕНТЫ СВЕТАЙШИХ КНЯЗЕЙ
П.В. И П.П. ЛОПУХИНЫХ**

Благодарственное письмо П.В. Лопухину

*Его Высокопреподобию
Отцу Игумену Ювеналию Воейкову,
пребывающему в Московском первоклассном Ставропигальном
Ново-Спасском монастыре на пенсии*

*Высокопреподобный отец игумен!
Милостивый Государь мой!*

При письме Вашем от 12 сего Юля сочиненное Вами Историческое Родословие Нашей Фамилии имел я честь получить, за доставление коего приношу Вам наичувствительнейшую мою благодарность. Сочинение сие сколько по содержанию своему для меня интересно и приятно, столько и потому, что оно есть плод трудов Почтенного Мужа, посвятившего жизнь свою благочестию и при последних днях занимающегося столь похвальным упражнением.

На типографские расходы препровождаю у сего пятьдесят рублей; по отпечатании же прибавления не премину и еще к Вашему Высокопреподобию прислать.

*Пребывая с искренним почтением и преданностью,
Высокопреподобный Отец Игумен,
Милостивый Государь мой,
Ваш покорный слуга*

Петр Лопухин

*Юля 17 дня 1796 года.
Ярославль*

Игумен Ювеналий Воейков составил и прислал П.В. Лопухину, который был тогда Ярославским и Вологодским генерал-губернатором, «Краткое историческое родословие благородных и знаменитых дворян Лопухиных во удовольствие оной знаменитой фамилии». Отдельной книжкой этот труд был издан в Москве в 1796 году и отпечатан в типографии Селивановского. Ныне — библиографическая редкость.

**УКАЗ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I
О ПОЖАЛОВАНИИ
П.В. ЛОПУХИНУ ТИТУЛА
КНЯЗЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

*«Мы, Павел Первый,
Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая...*

В несомненный знак Нашего Монаршего благоволения и в воздаяние верности и усердия к службе Нашей действительного тайного советника и Генерал-Прокурора Петра Лопухина, жалуем ему титул князя Российской Империи в наследственное достоинство со всем нисходящим от него потомством.

На подлинном подписано тако:

ПАВЕЛ

*Дано в Санктпетербурге
Генваря в 19 день 1799 г.»*

Не прошло и месяца после пожалования Петру Васильевичу Лопухину княжеского титула, как в феврале того же, 1799 года Государь Павел Первый дополнил свое благодеяние, повелев князю Лопухину именоваться «светлейшим князем Российской Империи». Уже имея должность генерал-прокурора Российской Империи, высший чин II класса (чин I класса П.В. Лопухин получит позднее), будучи награжденным орденом Святого Андрея Первозванного, высшим орденом России, светлейший князь Лопухин достиг вершин Монарших милостей.

Большого сам Император не мог дать своему подданному. О жизни и службе светлейшего князя Петра Васильевича читайте в главе «Светлейший князь», помещенной во втором разделе этой книги.

**ПРОШЕНИЕ СВЕТАЙШЕГО КНЯЗЯ
П.В. ЛОПУХИНА ОБ ОТСТАВКЕ**

*«Его Императорскому Величеству
Самодержавнейшему Государю Императору
Николаю Павловичу*

*Ваше Императорское Величество
Всемилоостивейший мой Государь!*

В службу вступил я в царствование блаженныя памяти Государыни Елисаветы Петровны 1760 года марта 5-го дня, и прослужил оную как в военном, так и в гражданском звании со всем усердием верноподданного...

Усиливающаяся глухота, слабость зрения, преклонность лет моих и расстроенное здоровье делают меня ныне совершенно неспособным к службе и лишают возможности продолжать оную с желаемым усердием. Почему, припадая к священным стопам Вашего Императорского Величества, осмеливаюсь всеподданнейше просить о всемилоостивейшем увольнении меня от всех дел, дабы я мог остаток дней своих провести в тиши и спокойствии, моля Всевышнего о ниспослании Вам и Всеи Императорской Фамилии долголетнего здравия и благоденствия.

*Вашего Императорского Величества
почтительнейший из верноподданных
светлейший князь Петр Лопухин*

*Ноября 2 дня 1826 года
Санкт-Петербург».*

* * *

Государь Николай Павлович не принял отставку светлейшего князя, попросил его хотя бы присматривать за делами государства — видимо, старый и мудрый сановник был еще нужен молодому Императору. Последние месяцы он работал уже не регулярно, но просил, чтобы ему докладывали важнейшие дела, и диктовал по ним решения. Так, будучи на действительной службе и занимая самые высокие в Империи должности, председателя

Государственного Совета и Комитета Министров Петр Васильевич Лопухин и скончался весною 1827 года, прослужив России почти 67 лет.

**ИЗ «АЛФАВИТА ЧЛЕНАМ БЫВШИХ ЗЛОУМЫШЛЕННЫХ
ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ И ЛИЦАМ,
ПРИКОСНОВЕННЫМ К ДЕЛУ»
14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА**

«Лопухин, князь Павел Петров. Генерал-майор.

В 1817 году он вступил в «Союз спасения» и был на нескольких совещаниях у Трубецкого и Александра Муравьева. После уничтожения «Союза благоденствия» в 1821 году согласился на предложение Никиты Муравьева о возобновлении тайного общества на прежнем основании, то есть действовать на общественное мнение для приготовления оною к представительному правлению. Вскоре после того уклонился от общества и даже считал оною не состоявшимся. Сверх сего собственного признания Лопухина, Трубецкой показал, что содержание письма его к Александру Муравьеву в 1817 году об отделении от России польских провинций, имевшее следствием известный вызов Якушкина, основано было на словах князя Лопухина. Никита Муравьев отозвался, что в 1822 году Лопухин прервал сношения с обществом.

После предварительного допроса, снятого генерал-адъютантом Левашевым, он по Высочайшему повелению освобожден».

* * *

В 1827 году правитель дел Следственной комиссии по делу о мятеже 14 декабря 1825 года Александр Дмитриевич Боровков составил для Государя Николая Павловича «Алфавит членам бывших Тайных Обществ и лицам, прикосновенным к делу». В этот перечень были включены все, кто упоминался в делах Следственной комиссии, более 570 фамилий. При сличении этого перечня со списком признанных виновными и осужденных становится видно, что 290 из них вышли из процесса совершенно чистыми и свободными от каких бы то ни было подозрений. Среди них был и светлейший князь Павел Петрович Лопухин.

Памяти светлейшего князя Павла Петровича Лопухина

Журнал «Русская старина» № 7 за 1873 г.

СВЕТАЕЙШИЙ КНЯЗЬ П.П. ЛОПУХИН
1788—1873

23-го февраля 1783 года скончался, в своем поместье Корсунь, Киевской губернии, светлейший князь Павел Петрович Л о п у х и н, принадлежавший к числу немногих, пощаженных временем, участников исполинской борьбы России с Францией, с 1812 по 1815 г.

Князь П.П. родился в 1788 году и чуть не от самой колыбели был взъискан царскими милостями, которые, впоследствии времени, оправдал ревностною, усердною службою. На пятом году от рождения князь, по существовавшему в то время обычаю, был зачислен портупей-прапорщиком лейб-гвардии в Преображенский полк (10-го сентября 1793 года). В царствование императора Павла был произведен в прапорщики (1798), пожалован во флигель-адъютанты и сохранил это звание и при исключении из полка с чином поручика (11-го марта 1800 года). По вступлении императора Александра I на престол, т р и н а д ц а т и л е т н ы й князь Лопухин был переименован в действительные камергеры и получил повеление возвратиться к родителям для окончания своего воспитания.

Настоящую свою служебную карьеру он начал ш е с т ь н а д ц а т и л е т (30-го октября 1806 года), поступив поручиком в Кавалергардский полк. Он принимал участие в сражениях под Гейльсбергом и под Фридрихсдорфом, и, с 15-го марта 1809 года, вступил в отправление должности по званию флигель-адъютанта. Во все продолжение кампании 1812 года князь состоял при начальнике главного штаба армии, А.П. Ермолове и без его участия не обошлось почти ни одного сражения. Витебск, Смоленск, Заболотье, Бородино, Тарутино, Малый Ярославец, Вязьма и Красный были свидетелями отваги, храбрости и разумной распорядительности князя Лопухина. В 1813 году он состоял при особе императора Александра I, затем в корпусе барона Винцингероде — в армии крон-принца шведского; участвовал в битвах под Грос-Береном, при Денневице и под Лейпцигом. С двумя казачьими полками занял большую часть Вестфальского королевства и очистил герцогство Ольденбургское, Ости и Вест-Фриз от занимавших их неприятельских отрядов. В кампанию 1814 года князь постоянно находился в авангарде генерал-адъ-

ютанта Чернышева; отличился в сражении под Люттихом; обратил на себя внимание бесстрашием и распорядительностью при Суассоне, при Лаоне, при Реймсе и при взятии Парижа. В 1815 году, начальствуя сперва казачьим отрядом, потом двумя казачьими полками, князь Лопухин прикрывал главную квартиру под Линдау, Страсбургом и Пфальсбергом.

Исчисляя заслуги князя, нельзя умолчать о наградах. Не говоря о кавалерском знаке ордена св. Иоанна Иерусалимского, пожалованном императором Павлом I князю-отроку еще в 1798 году, скажем, что в 1817 году двадцатидевятилетний князь Лопухин, в чине генерал-майора, был командиром 2-й бригады 1-й уланской дивизии и имел ордена: св. Георгия 4-й степени, св. Владимира 3-й степени, св. Анны второго класса с алмазными украшениями и золотую шагу с надписью: «за храбрость». В 1829 году князь Лопухин был произведен в генерал-лейтенанты. Тринадцать лет (с 1817 по 1830 год) начальствуя попеременно дивизиями второй конно-егерской и первой гусарской, князь Лопухин многократно был удостоен монаршего благоволения и, кроме того, получил бриллиантовый перстень с вензелем императора Николая I и орден св. Анны 1-й степени с императорскою короною.

Польская кампания 1831 года пополнила послужной список князя Лопухина многими блестящими страницами. 7-го февраля он командовал авангардом 1-го пехотного корпуса в генеральном сражении при Корчме Вавер; 13-го февраля в сражении на полях Гроховских командовал он всею кавалерией первого пехотного корпуса, 14-го мая участвовал в сражении под Остроленкою, затем, находясь постоянно в авангарде, после переправы на левый берег Вислы, принимал участие в генеральном сражении, взятии приступом передовых укреплений и при покорении Варшавы (25, 26, 27-го августа 1831 г.). Ордена св. Владимира 2-й степени и св. Георгия 3-й степени были наградами князю за эти подвиги, в его боевой жизни бывшие последними. Кроме медалей за кампании, в которых участвовал князь, он был кавалером иностранных орденов: австрийского — Леопольда, прусского — «за достоинство», французского — св. Людовика и шведского — Меча. По счастью, которое бывает редким уделом участников многих битв и стычек, князь Лопухин, во все продолжение 29-летней службы, ни разу не был ранен, хотя, участвуя в п я т и д е с я т и ш е с т и сражениях, он всегда служил образцом храбрости своих подчиненных.

Высочайшим приказом 11-го января 1835 года, согласно прошению по домашним обстоятельствам, князь Павел Петрович был уволен

от службы в чине генерал-лейтенанта, с мундиром и пенсионом одной трети жалованья. Он поселился в своем роскошном имении Корсунь.

Здесь имел случай познакомиться с кн. Лопухиным один из ревностных любителей отечественной старины, явившийся в Корсунь по приглашению самого князя и, именно для того, чтобы послушать и записать полные интересы рассказы князя про времена, давно минувшие. Вот как очерчивает посетитель Корсуня личность доблестного воина, знаменитого его хозяина:

«...Приехавши в Корсунь, в октябре 1869 года, я увидел князя Лопухина в первый раз моей жизни. Это был тогда бодрый и свежий еще старик. Несмотря на свои преклонные лета, имел он память необыкновенную. Говорил весьма охотно и изъяснялся одинаково свободно на русском, французском и на немецком языках. В обращении был чрезвычайно любезен; не могу не признаться, что чрезмерная вежливость моего радушиного хозяина иногда даже смущала меня: в нашем поколении мы уже отвыкли от подобного обращения. Без преувеличения можно сказать, что князь Лопухин представлял собою тип старого русского боярина, в самом полном и достойном смысле этого слова. Впечатление, которое я вынес после моего девятидневного пребывания в Корсуне, было самое приятное, самое симпатичное...»

Со смертью бездетного кн. Павла Петровича, титул светлейшего князя Лопухина не исчез: на основании высочайшего повеления, состоявшегося в 1866 году, этот титул, вместе с фамилией Лопухина, перешел к полковнику Николаю Петровичу Демидову и будет принадлежать старшему в его роде.

* * *

О светлейшем князе Павле Петровиче Лопухине, как и о его отце, рассказывает глава «Светлейший князь» во втором разделе книги. Кроме того, о нем говорится в главах «Под знаменами Российских полков» и «Лопухины в архитектуре и строительстве».

ДОКУМЕНТЫ И.В. ЛОПУХИНА

«ПАШПОРТ», ВЫДАННЫЙ
ИВАНУ ВЛАДИМИРОВИЧУ ЛОПУХИНУ

«Объявитель сего, Статский Советник Иван Лопухин, который в службе состоял с 1765 года в Гвардии и происходя чинами по порядку, в 1777 пожалован Гвардии Капитан-Поручиком, 1782 года января 1 дня отставлен по прошению его к статским делам и пожалован Армии полковником и в том же году Мая 27 Правительствующим Сенатом определен Московской Губернии в Палату Уголовного суда Советником, а в 1784 году июля 24 дня по Именному Высочайшему Указу в ту ж Палату Председателем, а сего 785 года Мая в 8 день по Высочайшему Указу по прошению его за болезнию от всех дел с награждением чина Статский Советник уволен.

Дан в Санкт-Петербурге Правительствующего Сената в Герольдмейстерскую контору Юля 6 дня 1785 года.

У подлинного: Коллежский советник и Кавалер

Лев Тредьяковский

У сего Папшорта Ея Императорского

Величества Канцелярии Сената печать

Секретарь Иван Крыжов».

* * *

Отставка, полученная Иваном Владимировичем, была вызвана недовольством его работой со стороны нового Московского Главнокомандующего графа Брюса. Поспорив с ним, И.В. Лопухин написал прошение об отставке, а граф, выждав наиболее удобный момент, дал этому прошению ход. После отставки в 1785 году Иван Владимиро-

вич был не у дел и жил в своих поместьях до 1796 года, когда Император Павел I, вступив на Престол, вызвал его в Петербург и сделал статс-секретарем. Это была весьма важная должность, предусматривавшая ежедневную работу с самим Государем. Подробно об этом периоде рассказывает сам Лопухин в главе своих «Воспоминаний», которая приведена в последнем разделе этой книги.

РЕСКРИПТ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
сенаторам И.В. Лопухину и Ю.А. Нелединскому-Мелецкому

«Господа Тайные Советники и Сенаторы Лопухин и Нелединский-Мелецкий.

Примите истинную мою благодарность за поступок ваш в деле Духоборцев; я нахожу его столь же сообразным просвещению и благоразумным вашим правилам, сколько и основанным на справедливости и настоящем положении сих людей, и вследствие того поручаю вам в продолжении пребывания вашего в Слободско-Украинской губернии наблюдать, дабы распоряжения вами сделанные восприняли точное их действие и послужили местному начальству и на будущее время образцом поведения их с сим родом людей. Вместе с сим вразумляю я Губернатора, каким образом должно располагать ему назначенное при возвращении сих Духоборцев увещание и находя между тем, что... пристойнее и нужнее было бы помыслить о их пропитании и водворении и прежде дать им почувствовать, что правительство в разоренном их состоянии готово простереть им руку помощи и покровительства. Я предписываю Губернатору, войдя в их состояние и описав их нужды, представить мне, имеют ли они дома, и если не имеют, то сколько потребно будет на их построение, дабы можно было дать им немедленно нужное пособие. Впрочем, пребываю к вам благосклонный

Александр

В С.-Петербурге
Ноября 27 д. 1801 г.».

* * *

В самом начале царствования Государя Александра I И.В. Лопухин обратил на себя внимание молодого Императора гуманным подходом к проблеме духоборов, которые тогда переселились в Малороссию. Лопухин несколько лет подряд защищал их интересы в Правительстве, благодаря чему духоборы стали оседлыми жителями

Слободской Украины и жили там до конца девятнадцатого столетия, когда переселились в Канаду. Но и там, за океаном, они сохранили память об Иване Владимировиче Лопухине, почитая его своим покровителем.

РЕСКРИПТ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
тайным советникам и сенаторам И.В. Лопухину
и Ю.А. Нелединскому-Мелецкому

«Господа Тайные Советники и Сенаторы Лопухин и Нелединский-Мелецкий.

С совершенным удовольствием получил я последнее донесение ваше об окончании вами следствия по жалобам жителей Богучарского уезда. Производство сего дела, исполнение и других поручений, особенно вам от меня данных, собственные ваши примечания на все части Слободско-Украинской губернии, делают честь вашему просвещению, правоте и видам справедливого человеколюбия. Изъявляя вам за сие благодарность и приемля за благо все представления ваши, я дал надлежащие по тому предписания; а в уважение свидетельства вашего пожаловал Харьковского Вице-Губернатора Статского Советника Картвелина в Действительные Статские Советники, Директора училища Коллежского Ассессора Кудрицкого в Надворные Советники, и сверх того определил ему в пенсион, кроме жалования двухсот пятидесяти рублей, в подкрепление самому училищу приказал отпустить пять тысяч рублей, предполагая и впредь делать ему вспоможение, Титулярного Советника Шишкина определил в Харькове Городничим, и находившихся при вас Чиновников Щепина, Добачевского и Яковенкова произвел следующими чинами.

Пребываю к вам благосклонный

Александр

В С.-Петербурге
Генваря 14 дня
1802 года».

* * *

Делая Сенатскую ревизию, сенаторы Лопухин и Нелединский-Мелецкий обнаружили в одной из тюрем человека, сидевшего там по несправедному доносу, который местное начальство не удосужилось проверить. Человек был освобожден, а Государь извещен об этом.

РЕСКРИПТ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
сенатору И.В. Лопухину

«Иван Владимирович.

Получив в свое время прошение Ваше о увольнении вас от председательства в Комиссии о разборе Крымских земель, Указом, вместе с сим Правительствующему Сенату данным, повелею Я Вас от сей должности уволить, предоставляя Вам присутствовать по прежнему в Правительствующем Сенате.

Удовлетворяя сим желанию Вашему, я считаю справедливым поблагодарить Вас за Ваши труды и изъявить мое Вам сожаление, что далее не могли их продолжить. Пребываю Вам благосклонный

Александр

В Санкт-Петербурге
Июля 11 дня
1805 г.».

* * *

Сенатор И.В. Лопухин, не имея возможности по домашним делам своим оставаться в Крыму, к чему обязывала его работа в Комиссии по межеванию Крымских земель, просил Государя Александра I освободить его от занятий в этой комиссии. У него только что скончался брат, а имения требовали хозяйского глаза. Император с сожалением выполнил просьбу Лопухина, и тот смог возвратиться в Москву. Его служба в Сенате продолжалась еще долго.

ЛОПУХИНЫ И ЛЕРМОНТОВ

ИЗ ПИСЕМ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА К А.А. ЛОПУХИНУ

С-Петербург, февраль 1839

Милый Алексис.

Я был болен и оттого долго тебе не отвечал и не поздравлял тебя, но верь мне, что я искренно радуюсь твоему счастью и поздравляю тебя и милую твою жену. Ты нашел, кажется, именно ту узкую дорожку, через которую я перепрыгнул и отправился целиком. Ты дошел до цели, а я никогда не дойду: засяду где-нибудь в яме, и поминай как звали, да еще будут ли помянуть? Я похож на человека, который хотел отведать от всех блюд разом, сытым не наелся, а получил индигестию, которая, вдобавок, к несчастью, разрешается стихами. Кстати о стихах; я исполнил обещание и написал их твоему наследнику, они самые нравоучительные (à l'usage des enfants).

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин;
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен,
И в правде тверд, как Божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светлой тины
Душою бел и сердцем невредим!

Je désire, que le sujet de ces vers ne soit pas un mauvais sujet... — Увы! каламбур лучше стихов! Ну, да все равно! Если он вышел из пустой головы, то, по крайней мере, стихи из полного сердца. Тот, кто играет словами, не всегда играет чувствами, и ты можешь быть уверен, дорогой Алексис, что я так рад за тебя, что завтра же начну сочинять новую ар(ию) для твоего маленького крикуна.

Напиши, пожалуйста, милый друг, еще тотчас, что у вас делается; я три раза зимой просился в отпуск в Москву к вам, хоть на 14 дней — не пустили! Что, брат, делать! Вышел бы в отставку, да бабушка не хочет — надо же ей чем-нибудь пожертвовать. Признаюсь тебе, я с некоторого времени ужасно упал духом...

* * *

Ставрополь. 17 июня 1840

О, милый Алексис!

Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк! Пожалуйста, спусти его с Аспелинда; они там в Чечне не знают индийских петухов, так, авось, это его испугает. Я здесь, в Ставрополе, уже с неделю и живу вместе с графом Ламбертом, который также едет в экспедицию и который вздыхает по графине Зубовой, о чем прошу ей всеподданейше донести. И мы оба так вздыхаем, что кишочки наши черзчур наполнились воздухом, отчего происходят разные приятные звуки... Я здесь от жару так слаб, что едва держу перо. Дорбгой я заезжал в Черкасск к генералу Холмутову и прожил у него три дня, и каждый день был в театре. Что за театр! Об этом стоит рассказать: смотришь на сцену — и ничего не видишь, ибо перед носом стоят сальные свечи, от которых глаза лопаются; смотришь назад — ничего не видишь, потому что темно; смотришь направо — ничего не видишь, потому что ничего нет; смотришь налево — и видишь в ложе полицмейстера; оркестр составлен из четырех кларнетов, двух контрабасов и одной скрипки, на которой пилит сам капельмейстер, и этот капельмейстер примечателен тем, что глух, и когда надо начать или кончать, то первый кларнет дергает его за фалды, а контрабас бьет такт смычком по его плечу. Раз, по личной ненависти, он его так хватил смычком, что тот обернулся и хотел пустить в него скрипкой, но в эту минуту кларнет дернул его за фалды, и капельмейстер упал

навзничь головой прямо в барабан и проломил кожу; но в азарте вскочил и хотел продолжать бой, и что же! о, ужас! на голове его вместо кивера торчит барабан. Публика была в восторге, занавес опустили, а оркестр отправили на съезжую. В продолжение этой потехи я все ждал, что будет? — Так-то, мой милый Алеша! — Но здесь, в Ставрополе, таких удовольствий нет; зато ужасно жарко. Вероятно, письмо мое тебя найдет в Сокольниках. Между прочим, прощай: ужасно я устал и слаб. Поцелуй за меня ручку у Варвары Александровны и будь благонадежен. Ужасно устал... Жарко... Уф! — Лермонтов.

* * *

Пятигорск, 12 сентября 1840 года

Мой милый Алеша.

Я уверен, что ты получил письма мои, которые я тебе писал из действующего отряда в Чечню, но уверен также, что ты мне не отвечал, ибо я ничего о тебе не слышу письменно. Пожалуйста, не ленись: ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают. С тех пор, как я на Кавказе, я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был нигде на месте, а шатался все время по горам с отрядом. У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до шести тысяч; и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте, — кажется, хорошо! Вообрази себе, что в обраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные, — только Бог знает, когда мы увидимся. Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню. Если ты будешь мне писать, то вот адрес: на Кавказскую линию, в действующий отряд генерал-лейтенанта Голофева, на левый фланг. Я здесь пробуду до конца ноября, а потом не знаю куда отправлюсь — в Ставрополь, на Черное море или в Тифлис. Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными... Поцелуй за меня ручку у Варвары Александровны и прощай. Будь здоров и счастлив.

Твой Лермонтов.

* * *

Крепость Грозная, ноябрь 1840

Милый Алеша.

Пишу тебе из крепости Грозной, в которую мы, т. е. отряд, возвратился после 20-дневной экспедиции в Чечне. Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков — разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто в роде партизанского отряда, и если мне случится с ними удачно действовать, то, авось, что-нибудь дадут; я ими только четыре дня в деле командовал и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но так как, вероятно, мы будем еще воевать целую зиму, то я успею их раскусить. Вот тебе обо мне самое интересное.

Писем я ни от тебя, ни от кого другого уж месяца три не получал. Бог знает, что с вами сделалось; забыли, что ли? или (письма) пропадают? Я махнул рукой. Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна; а описывать экспедиции не велят. Ты видишь, как я покорен законам. Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем. Варвара Александровна будет зевать за пальцами и, наконец, уснет от моего рассказа, а тебя вызовет в другую комнату управитель, и я останусь один и буду доканчивать свою историю твоему сыну, который сделает мне кака на колена... Сделай одолжение, пиши ко мне как можно больше. Прощай, будь здоров с чадами и **домочадцами** и поцелуй за меня ручку у своей **сожительницы**. Твой Лермонтов.

ИЗ ПИСЕМ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА К М.А. ЛОПУХИНОЙ

С.-Петербург, 23 декабря 1834

Милый друг! Что бы ни случилось, я никогда не назову вас иначе; это значило бы порвать последние нити, связывающие меня с прошлым, а этого я не хотел бы ни за что на свете, так как моя будущность, блистательная на вид, в сущности, пошла и пуста. Должен вам признаться, с каждым днем я все более убеждаюсь, что

из меня никогда ничего не выйдет: со всеми моими прекрасными мечтаниями и ложными шагами на жизненном пути мне или не представится случая, или не достанет решимости. Мне говорят, что случай когда-нибудь выйдет, а решимость приобретется временем и опытом!.. А кто порукою, что, когда все это будет, я сберегу в себе хоть частичку пламенной, молодой души, которою Бог одарил меня весьма не к стати, что моя воля не истощится от выжидания, что, наконец, я не разочаруюсь окончательно во всем том, что в жизни служит двигающим стимулом? Таким образом, я начинаю письмо и с п о в е д ь ю, право, без умысла! Пусть же она мне послужит извинением: вы увидите, по крайней мере, что если характер мой несколько изменился, сердце осталось то же. Последнее письмо ваше, лишь только я взглянул на него, явилось мне упрехом, конечно, вполне заслуженным. Но о чем я мог вам писать? Говорить о себе? Право, я до такой степени надоел сам себе, что когда я ловлю себя на том, что люблюсь собственными мыслями, я стараюсь припомнить, где я читал их, и от этого нарочно ничего не читаю, чтобы не мыслить. Я теперь бываю в свете, для того чтобы меня знали, для того чтобы доказать, что я способен находить удовольствие в х о р о ш е м о б щ е с т в е... Ах!.. я ухаживаю и, вслед за объяснением в любви, говорю дерзости. Это еще забавляет меня немного и хотя это не совсем ново, однако же, бывает не часто!.. Вы думаете, что меня за то гонят прочь? О, нет! совсем напротив: женщины уж так сотворены. У меня появляется смелость в отношениях с ними. Ничто меня не смущает — ни гнев, ни нежность; я всегда настойчив и горяч, но сердце мое холодно и способно забиться только в исключительных случаях. Неправда-ли, я далеко пошел!.. И не думайте, что это хвастовство: я теперь человек самый скромный и притом знаю, что этим ничего не выиграю в ваших глазах. Я говорю так, потому что только с вами решаюсь быть искренним; потому что только вы одна сумеете меня пожалеть, не унижая, так как и без того я сам себя унижаю. Если бы я не знал вашего великодушия и вашего здравого смысла, то не сказал бы того, что сказал. Когда-то вы облегали мне очень сильную горесть; может быть, и теперь вы пожелаете ласковыми словами разогнать холодную иронию, которая неудержимо прокрадывается мне в душу, как вода просачивается в разбитое судно! О, как желал бы я опять вас увидеть, говорить с вами: мне благотворны были самые звуки ваших слов. Право, следовало бы в письмах ставить ноты над словами, а то теперь читать письмо то же, что глядеть на портрет: нет ни жизни, ни движения; выражение непод-

вижной мысли, что-то, отзывающееся смертью!.. Я был в Царском Селе, когда приехал Алексей. Узнав о том, я едва не сошел с ума от радости: разговаривал сам с собою, смеялся, потирал руки. Вмиг возвратился я к моим прошедшим радостям: двух страшных годов как не бывало, наконец... На мой взгляд, брат ваш очень переменялся, он так толст, как я тогда был, краснощек, но всегда серьезен и солиден; однако, в вечер нашего свидания мы хохотали как сумасшедшие — Бог знает отчего! — Скажите, мне показалось, будто он чувствует нежность к *т-лле Catherine Souichkoff*... известно ли это вам?... Дядьям сей девицы, кажется, очень хотелось бы их повенчать. Сохрани Боже!.. Эта женщина — летучая мышь, крылья которой зацепляются за все встречное. Было время, когда она мне нравилась. Теперь она почти принуждает меня ухаживать за нею... но, не знаю, есть что-то такое в ее манерах, в ее голосе грубое, отрывистое, надломанное, что отталкивает; стараясь ей нравиться, находишь удовольствие компрометировать ее, видеть ее запутавшейся в собственных сетях. — Пишите мне, пожалуйста, милый друг; теперь, когда все наши недоразумения уладились, вам нечего больше пенять на меня: ведь я, кажется, был достаточно искренен и покорен в этом письме, чтобы заставить вас забыть мое преступление против дружбы!.. Мне бы очень хотелось с вами повидаться; в сущности, это желание эгоистическое, потому что возле вас я нашел бы себя самого, стал бы опять, каким некогда был, доверчивым, полным любви и преданности, одаренным, наконец, всеми благами, которых люди не могут у нас отнять, и которые сам Бог у меня отнял! — Прощайте, прощайте, хотел бы еще писать, но не могу. М. Лерма. P.S. Поклонитесь всем, кому сочтете нужным... Прощайте еще.

* * *

31 мая 1837

В точности держу свое слово и посылаю вам, мой милый и дорогой друг, а также сестре вашей черкесские башмаки, которые обещал вам; их шесть пар, так что поделить их вы легко можете без ссоры; купил их, как только отыскал. Я теперь на водах, пью и купаюсь, словом, веду жизнь настоящей утки. Дай Бог, чтобы мое письмо еще застало вас в Москве, а то, если ему придется путешествовать по Европе по вашим следам, может быть, вы получите его в Лондоне, в Париже, в Неаполе, — во всяком случае в таком месте, где оно вовсе не будет для вас интересно, а от этого сохра-

ни, Боже, и его, и меня! — У меня здесь очень хорошее помещение; каждое утро из своего окна смотрю на всю цепь снежных гор и на Эльбрус; вот и теперь, сидя за письмом к вам, я по временам кладу перо, чтобы взглянуть на этих великанов: так они прекрасны и величественны. Надеюсь порядком скучать все время, покуда останусь на водах, и хотя очень легко завести знакомства, однако я стараюсь избегать их. Ежедневно брожу по горам и уж от этого одного укрепил себе ноги; хожу постоянно: ни жара, ни дождь меня не останавливают... Вот вам мой образ жизни, милый друг; особенно хорошего тут нет, но... когда я выздоровею, и когда здесь будет государь, отправлюсь в осеннюю экспедицию против черкесов.

Прощайте, дорогая; желаю вам веселиться в Париже и Берлине. Получил ли Алексей отпуск? поцелуйте его за меня. Прощайте. Весь ваш М. Лермонтов. P.S. Пожалуйста, пишите мне и скажите, понравились ли вам башмаки.

* * *

Письма М.Ю. Лермонтова к Марии Александровне Лопухиной даются в переводе с французского по текстам, опубликованным в Полном собрании сочинений поэта, том 4, Академической библиотеки русских писателей. С.-Петербург, 1910 г.

ПИСЬМО А.А. ЛОПУХИНА ГЕНЕРАЛУ А.А. БИЛЬДЕРЛИНГУ

Ваше превосходительство!

Позвольте мне, бывшему воспитаннику Школы гвардейских подпоручиков и <кавалерийских юнкеров>, коего рождение воспето Лермонтовым («Ребенка милого рождение...»), принести свой вклад в устроенный Вашим превосходительством Лермонтовский музей. Прилагаемое изображение рисовано рукою поэта при следующих обстоятельствах: покойный отец мой был очень дружен с Лермонтовым, и сей последний, приезжая в Москву, часто останавливался в доме отца на Молчановке, где гостил подолгу. Отец рассказывал мне, что Лермонтов вообще, а в молодости в особенности, постоянно искал новой деятельности и, как говорил, не мог остановиться на той, которая должна бы его поглотить всецело, и потому, часто меняя занятия, он, попадая на новое, всегда с полным увлечением предавался ему. И вот в один из таких периодов, когда он

занимался исключительно математикой, он однажды до поздней ночи работал над разрешением какой-то задачи, которое ему не удавалось, и, утомленный заснул над ней. Тогда ему приснился человек, изображенный на прилагаемом полотне, который помог ему разрешить задачу. Лермонтов проснулся, изложил разрешение на доске и под свежим впечатлением мелом и углем нарисовал портрет приснившегося ему человека на штукатурной стене его комнаты. На другой день отец мой пришел будить Лермонтова, увидел нарисованное, и Лермонтов рассказал ему, в чем дело. Лицо изображенное было настолько характерно, что отец хотел сохранить его и призвал мастера, который должен был сделать рамку кругом нарисованного, а самое изображение покрыть стеклом, но мастер оказался настолько неумелым, что при первом приступе штукатурка с рисунком развалилась. Отец был в отчаянии, но Лермонтов успокоил его, говоря: «Ничего, мне эта рожа так в голову врезалась, что я тебе намалюю ее на полотне», — что и исполнил. Отец говорил, что сходство вышло поразительное. Этот портрет приснившегося человека с тех пор постоянно висел в кабинете моего отца, от которого и перешел мне по наследству. К сожалению, я не могу определить, в котором году было написано это изображение, и в настоящее время за смертью всех лиц, домашних моего отца, которые могли бы дать мне эти сведения, это остается неразъясненным.

В 1883 году в Николаевском кавалерийском училище, которое было правопреемником бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, которую кончил Лермонтов, по инициативе его начальника генерала А.А. Бильдерлинга был создан Лермонтовский музей. В начале работ по созданию музея А.А. Лопухин, сын лермонтовского друга, пожелал сделать свой вклад в его экспозицию и осенью 1881 года передал будущему музею картину Лермонтова «Предок Лерма» и это письмо.

Памяти Дмитрия Александровича Лопухина

«Русский инвалид» № 291 за 1914 г.

ВЕНОК НА ГРОБ ГЕНЕРАЛА ЛОПУХИНА

Сегодня, в далеком уголке Польши, где мой полк каждую минуту готов встретить врага и вступить с ним в бой, узнал я грустную весть о смерти командира лейб-гвардии Конно-гренадерского полка генерал-майора Д.А. Лопухина, скончавшегося от ран, полученных на поле боя...

Мир праху храброго генерала, рыцаря без страха и упрека!

Недолго командовал полком покойный, но добрую благородную память оставил он по себе...

Человек широкого образования, общего и военного, с добрым сердцем и открытой душой, простой и доступный, он производил обаятельное впечатление и пользовался искренней любовью и уважением всех, его знавших.

Солдата он знал и любил, и тот платил ему тем же. Свою блестящую личную храбрость он доказал еще в русско-японской войне, за которую получил Георгиевское оружие.

В настоящей войне я не раз видел его в боях, действовавшего с удивительным спокойствием и бесстрашием; он верхом объезжал цепи своих эскадронов в Каушанском бою 6 августа в то время, когда неприятельский огонь был так силен, что эскадроны теряли чуть не половину своего состава, а в некоторых выбыли из строя все офицеры. В этом бою был убит его единственный сын, корнет того же полка, красивый жизнерадостный юноша...

Перекрестив труп сына, генерал продолжал вести бой и докладывать начальнику дивизии о ходе боя. Но чего это стоило, какого страшного усилия воли стоило это хладнокровие! Ничем не выдал

старый солдат муку сердца, только голова и борода его в три дня стали белыми.

В одном бою, после упорной обороны позиции, когда дивизия сделала свое дело и, во избежание бесполезных потерь, под бешеным градом немецкой шрапнели отходила на другое место, я неожиданно услышал на поле громкое «Рады стараться, Ваше Превосходительство!». Поскакав туда, где был слышен этот ответ на чью-то похвалу, я увидел генерала Лопухина, отходившего одним из последних, который собрал свой полк в резервную колонну и, под свист шрапнельных пуль, благодарил своих молодцов за порядок и спокойствие при отходе с позиции. Да, за таким начальником, заботившимся о нуждах солдата и беззаветно храбрым в бою, смело пойдут его подчиненные.

Вечная память тебе, доблестный солдат-генерал!

Вместе с любимым сыном ты честно сложил в бою свою голову за Царя и Родину.

Да будет легка тебе земля!

3 декабря 1914 г.

А. Богаевский

Подробнее с генералом Дмитрием Александровичем Лопухиным и его сыном корнетом Георгием Дмитриевичем читатель может познакомиться в очерке «Под знаменами Российских полков» во втором разделе книги.

Нельзя не сказать также об авторе помещенного выше некролога. Генерал-лейтенант Генерального штаба Африкан Петрович Богаевский был сослуживцем генерала Д.А. Лопухина, будучи начальником штаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, куда входил лейб-гвардии Конно-гренадерский полк Лопухина.

Позже генерал Богаевский стал начальником штаба походного атамана всех Казачьих войск, а затем и начальником 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. В декабре 1917 года он прибыл на Дон, где стал одним из зачинателей Белого движения. Участник знаменитого Ледяного похода Добровольческой армии. В начале 1919 года был избран войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского, заменив на этом посту генерала П.Н. Краснова. До последнего дня был в Крыму с армией генерала барона П.Н. Врангеля. Затем в эмиграции генерал А.П. Богаевский активно сотрудничал с Российским общевоинским союзом (РОВС). Оставил мемуары. Скончался в Париже в 1934 году, похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа.

«ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ДЕЛО» 1918 ГОДА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛКОМА УРАЛА

Переданных комиссаром Западной Сибири тов. Запкусом в распоряжение Совета Урала арестованных им князя Львова, Голицына, Лопухина и др. Совет постановляет передать их в распоряжение Следственной Комиссии при Екатеринбургском революционном Трибунале.

*Председатель Белобородов
Секретарь (неразборчиво)*

19 марта 1918 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Следственная Комиссия постановляет: граждан Г.Е. Львова, А.В. Голицына, Н.С. Лопухина и Н.В. Заболоцкого подвергнуть в качестве меры пресечения уклонения от суда и следствия содержанию под стражей и заключить в Екатеринбургскую тюрьму.

Член Следственной Комиссии (неразборчиво)

20 марта 1918 г.

* * *

Об екатеринбургской эпопее князей Львова, Голицына и Николая Сергеевича Лопухина подробно говорится в главе «XX век» первого раздела этой книги.

* * *

«ОБЛАСТНОМУ КОМИССАРУ ЮСТИЦИИ
ОТ СОДЕРЖАЩЕГОСЯ ПОД СТРАЖЕЙ Н.С. ЛОПУХИНА

Вот уже две недели, что я увезен из Тюмени, где остались мои мать, сестры, жена и дети. Две недели я не имею о них вестей, между тем мать моя слабого здоровья, а жена на последнем месяце беременности. Я измучился в беспокойстве за них и убедительно прошу разрешить получать от них письма, а также разрешить мне послать им телеграмму с запросом о здоровье. Я очень прошу удовлетворить это мое прошение.

Н. Лопухин.

29/III 18 г.

Мне не разрешено читать газеты, что весьма тягостит мое положение. Я очень просил бы разрешить чтение газет.

Лопухин».

* * *

ИЗ ПИСЬМА КНЯГИНИ АННЫ СЕРГЕЕВНЫ ГОЛИЦЫНОЙ,
УРОЖДЕННОЙ ЛОПУХИНОЙ, СВОЕЙ ТЕТКЕ Е.П. ПИСАРЕВОЙ,
УРОЖДЕННОЙ БАРАНОВОЙ, КОТОРАЯ НАХОДИЛАСЬ ТОГДА
В ТЮМЕНИ

«...Я вижу, что настроение у вас не подавленное, бодрое, и Бог даст скоро все это кончится, и все будете опять вместе. Завтра выезжает отсюда (из Москвы. — Примеч. ред.) Хугадзе с полномочиями на ведение дел, но я надеюсь, что он, приехав, найдет их уже свободными. Я все боюсь, что радость и волнение от свидания с Колей (Н.С. Лопухин. — Примеч. ред.) вызовет у Сони (жена Н. С. Лопухина. — Примеч. ред.) преждевременные роды, хотя Бог даст все будет благополучно...»

22 марта понедельник.

* * *

Это — первое письмо княгини А.С. Голицыной, полученное в Тюмени в ответ на просьбы мобилизовать московских друзей и знакомых с тем, чтобы освободить из тюрьмы арестованных в Тюмени глав семейств. Упомянутый в письме Хугадзе — это один из

крупнейших тогда в Москве адвокатов, присяжный поверенный Габриэль Иванович Хундадзе, которого московские родственники арестованных просили поехать в Екатеринбург, снабдив всем необходимым.хлопоты Анны Сергеевны, родной сестры Николая Сергеевича Лопухина, стали, судя по всему, решающими в деле освобождения заключенных.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Г.Екатеринбург 4 июня 1918 г.

Ознакомившись с материалами, добытыми расследованием по делу Н.С. Лопухина, Г.Е. Львова, А.В. Голицына, Н.В. Заболоцкого, и считая вполне доказанными попытки некоторых лиц начать активную борьбу с большевиками путем создания по городам Сибири добровольческих дружин, Следственная Комиссия, образованная при Уральском Областном Совете Р.К. и С.Д. определяет:

— гр-ну Николаю Сергеевичу Лопухину предъявить обвинение в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооруженных выступлений против Советской власти, в пособничестве, выразившемся в ознакомлении и обсуждении сообщений непосредственных участников подготовки добровольческих дружин, в оказании этим лицам содействия для выполнения их планов, в командировании людей по городам Сибири для информации и разведки.

Члены Следственной Комиссии

Войков

Поляков

(...) неразборчиво

* * *

Каким образом обвиненным удалось избежать и суда, и неизбежной расправы, подробно рассказано в главе «XX век» первого раздела этой книги.

В ОМСКЕ У АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА

Торгово-промышленное товарищество на паях «Урало-Сибирская компания «СИБУР» сим извещает что она с (дата стерта) 1919 года открывает свои действия на основании Устава, утвержденного Управляющим Министер-

*ством торговли и промышленности Сибири Сибирского Временного
Правительства 31 окт. 1918 года при Правлении в следующем
составе:*

*Председатель Правления ЛОПУХИН Николай Сергеевич
Зам. Председателя ВЫСОЦКИЙ Петр Матвеевич
Правление находится в г. Омске, Любинский пр., д. 6 Шухмана.*

* * *

Это объявление опубликовано в газете «Сибирская Речь» от
15 (2) февраля 1919 года.

* * *

В ОМСКИЙ КОМИТЕТ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ
И РАНЕНЫМ ВОИНАМ

*Уведомляю Комитет, что прикомандированные к вверенному
мне госпиталю от Комитета сестры милосердия ЛОПУХИНА Е.С.
и ЗНАМЕНСКАЯ О.С. согласно их желания будут зачислены в штат
госпиталя с 1 апреля с. г.*

*Прошу не отказать уведомить меня, не имеется ли каких-либо
препятствий со стороны Комитета к зачислению означенных сес-
тер милосердия в штат госпиталя.*

Гл. врач статский советник Е.В. Казанский

И м е н н о й с п и с о к м е д п е р с о н а л а

*Омского военного госпиталя
от 2 апреля 1919 г.*

*Казанский Е.В., статский советник — Гл. врач госпиталя
Ренард С.В., статский советник — Пом. Гл. врача
Петров И.Н., статский советник — Старший ординатор
Ланицман О.М., статский советник — Старший ординатор
Голицын А.В. — младший ординатор
Гасимов В.П. — младший ординатор
Голубев П.П. — младший ординатор
Пепеляев А.Н. — младший ординатор
Лопухина Т.С. — млад. сестра милосердия
Лопухина Е.С. — млад. сестра милосердия
(всего в списке 78 человек)*

* * *

В столице Верховного Правителя — Омске все Лопухины были заняты делом: Николай Сергеевич, наряду со службой в правительстве, открыл свое дело — товарищество «Сибур», его младшие сестры, Татьяна Сергеевна и Евгения Сергеевна, служили в военном госпитале, старшие дамы занимались хозяйством, а дети получали по возможности домашние уроки. Уехали Лопухины из Омска вместе с правительством адмирала А.В. Колчака.

**ДОКУМЕНТ ОБ ОПЕКЕ
НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛОПУХИНЫМИ**

ПРИКАЗ

Украинской Социалистической Советской Республики

Опекунише над имуществом умерших гр. Николая и Зинаиды Лопухиных и их малолетними детьми и попечительнице над несовершеннолетним Виктором — гр. Софье Николаевне Лопухиной.

Екатеринославский Губернский Отдел Юстиции по подотделу гражданской опеки и попечительства, выслушав 24 Августа 1922 года ходатайство Софьи Лопухиной об учреждении опеки и попечительства над имуществом ум. Николая и Зинаиды Лопухиных и их малолетними детьми и несовершеннолетним Виктором, и руководствуясь опекунским правом, опубликованным в Собрании Узак. и Распор. Рабоче-Крестьянского правительства в №№ 76—77 от 22 октября 1918 года ОПРЕДЕЛИЛ над имуществом умерших Николая Викторовича и Зинаиды Феофановны Лопухиных и их малолетними детьми: Александром 14 лет, Владимиром 13 лет и Борисом 2 ¹/₂ года Лопухиными учредить опеку и над несовершеннолетним Виктором 16 лет Лопухиным учредить попечительство, и опекунишей и попечительницей назначить родную сестру сих сирот гр. Софью Николаевну Лопухину, обязав ее исполнить эти обязательства по правилам, в законе указанным и представлять о положении дел опеки отчеты ежегодно в Январе месяце, о чем выдать ей приказ — гербовый и канцелярские сборы взыскать. Августа 25 дня 1922 г.

Заведующий гр. оп.

Печать подпись

* * *

О Софье Николаевне Лопухиной говорится в главе «XX век» первого раздела этой книги.

ОБВИНЕННЫЕ В «ПОСОБНИЧЕСТВЕ ЦЕРКВИ»

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**помощника начальника 6-го отделения
Следственного отдела ОГПУ.**

22 января 1928 года я, пом. нач. 6 отд. СО ОГПУ Полянский, рассмотрев дело № 60110 по обвинению граждан в количестве 80 человек по ст. 58/10 УК, нашел:

Согласно имеющихся агентурных данных СО ОГПУ было известно, что эти граждане проживая в г. Сергиеве и частью в Сергиевском уезде и будучи по своему социальному происхождению «бывшими» людьми (княгини, князья, графы и т. п.) в условиях оживления антисоветских сил начали представлять для соввласти некоторую угрозу...

Почти все обвиняемые благодаря своему происхождению, а также положению, занимавшемуся ими в дореволюционное время, так и сейчас идеологически были родственны между собой и составляли целую группировку черносотенного элемента, настроенного резко враждебно по отношению к соввласти.

Принимая во внимание вышеизложенное, я полагаю бы передать данное дело на рассмотрение тройки при СО ОГПУ. Все обвиняемые перечислены в прилагаемых при сем списках.

Пом. нач. 6 СО ОГПУ Полянский

С п и с о к

*ВЕРХОВЦЕВА Ольга Александровна, 34 года, б/дворянка
ОРЛОВА Наталья Александровна, 31 год, б/дворянка, внучка
ПБ градоначальника*

РОДЗЯНКО Ксения Андреевна, 47 лет, б/дворянка
ВАСИЛЬЧИКОВА Екатерина Павловна, 21 год, б/дворянка
МАМОНТОВА Александра Саввишна, 50 лет, д. миллионера
ИСТОМИН Сергей Петрович, 18 лет, б/дворянин
ИСТОМИНА Софья Ивановна, 43 года, б/дворянка
ЛОПУХИН Алексей Сергеевич, 46 лет, б/аристократ-помещик
ОЛИВ Елизавета Сергеевна, 47 лет, б/фрейлина
ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович, 39 лет, б/профессор Духов-
ной академии
ШАТРОВА Сарра Николаевна, 52 года, б/фабрикантша...»
(всего 80 фамилий)

* * *

Суд над обвиняемыми по этому «делу» состоялся весной 1928 года. Прокурор потребовал для всех «заклучения в лагерь на 10 лет». Однако возмущение общественности было столь велико, а кампания, поднятая в зарубежной печати, так сильна, что суд смягчил «наказание» и все 80 человек были приговорены к высылке из Москвы и губернии сроком на три года с запрещением жить в шести крупнейших городах страны (так называемый приговор «минус 6»).

Многие из оставшихся в живых в 1937—1938 годах были арестованы вторично и погибли. Среди них и отец Павел Флоренский. Семья Лопухиных во главе с Алексеем Сергеевичем в 1935 году смогла уехать в Эстонию. Об этом — в главе «XX век» в первом разделе книги.

Памяти Петра Сергеевича Лопухина

Епископ Нафанаил

ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ ЛОПУХИН

(к пятилетию со дня его кончины о 1962 году)

Когда почти полстолетия тому назад мы ушли из России, русская эмиграция оказалась безмерно богатой духовными и интеллектуальными силами: профессорами, мыслителями, писателями. А главное, с нами были наши духовные вожди, и среди них великий Авва — Митрополит Антоний.

Увы, безжалостный бег времени в значительной степени лишил нас этого богатства. И если писатели светские имели часто широкие возможности сказать, написать и опубликовать свои творения, если религиозные мыслители, уклоняющиеся от чистоты Православия, тоже обычно имели эти возможности, — то чисто православная мысль возможность высказаться громко и широко имела обычно очень ограниченную и часто была осуждена на молчание. Ведь у подлинного Православия друзей в этом мире нет, ибо вечно слово Христово: «Я избрал вас от мира, сего ради ненавижу вас мир».

Даже в первый, наиболее духовно цветущий, более всего духовно плодотворный период жизни русской эмиграции, когда Церкви Белграда и Харбина — этих двух главных центров чисто православной духовной жизни — наполнились многочисленными толпами богомольцев, и верующая молодежь в значительном числе шла на службу Церкви, когда у ног митрополита Антония в Белграде и около архиепископа Гавриила там же, а также около епископа Димитрия

в Харбине собирались толпы людей, жаждающих услышать от них слова незапятнанной православной Божественной Правды — даже тогда эти святые слова часто оставались незаписанными, неопубликованными.

И вот потому, прежде всего, обязаны мы бесконечным долгом благодарности нашему незабвенному Петру Сергеевичу, ибо, как мало кто другой, подхватил, записал, сберег и часто сделал возможным опубликование драгоценных слов митрополита Антония и архиепископа Гавриила, а потом и слов архиепископа Иоанна.

Мы все с вами помним живую и яркую картину, нарисованную Петром Сергеевичем, из которой видно, как ловил он слова любимых архипастырей.

«В 1928—1930 гг. было много разговоров по поводу попытки создать религиозное единение между людьми разных исповеданий. Я чувствовал, что практически такое единение возможно лишь при условии неполного исповедания людьми своей веры, при условии отказа от исповедания ее. В настойчивых попытках создать такую организацию мне чувствовалось стремление создать «церковь» без Христа, чувствовался гуманистический масонский дух.

Эти мысли я и начал высказывать владыке Гавриилу: «Разве это неверно? Разве не потому в этих организациях так тяжело на душе, так нервно-искусственно, так фальшиво? Разве это не попытка оторвать людей от Христа? Скажите, владыко, разве это не есть попытка подмены Церкви?»

Я взглянул на владыку. «Прекрасно, отлично... Я даже не знал, что вы понимаете такие вещи... Совершенно верно. Благодарите Бога, что Он вас охранял от таких «единений», что Он дал вам чувство Церкви и церковности... Благодарите владыку Антония за то, что он воспитал вас в этом».

Это из книги Петра Сергеевича «Беседы с епископом Гавриилом».

Но мы помним еще более важное, еще более всем нам нужное издание Петра Сергеевича «Мысли митрополита Антония»: проповеди великого Аввы, бережно записанные Петром Сергеевичем на богослужениях, совершавшихся митрополитом Антонием в скромной малой Церкви Сремских Карловцев при малом числе молящихся. Эти слова владыки Антония, конечно, были бы потеряны для нас, если бы не труд Петра Сергеевича.

Этот труд его был подвигом не потому, что он был особенно тяжел, но потому, что Петр Сергеевич, сам человек пишущий, сам имевший много любимых мыслей, много вдохновенных слов, которые он жаждал высказать, жертвовал этой возможностью воз-

можности сохранить слова митрополита Антония или архиепископа Гавриила. А это, как знает каждый пишущий человек, — жертва большая.

Но не только записывал Петр Сергеевич слова любимых архипастырей, он и впитывал их в свою душу, чтобы потом развивать, дополнять и применять их к новым и новым положениям.

Кроме того, приходилось ему часто обрабатывать и огромные подчас материалы церковной деятельности. Упомянем, например, гигантский том Деяний Всезарубежного Собора 1938 г., записанных, собранных и отредактированных Петром Сергеевичем. Также записан, собран и отредактирован им был много меньший, но все же большой том деяний Епархиального Собрания Зап. Евр. епархии 1948 г. А ведь это все труды безымянные.

В обыденной жизни Петр Сергеевич казался иногда человеком горделивым. Но это впечатление ошибочное. Да, в нем была барственность, выкованная длинным рядом предков от князя Редеди, «его же зареза Мстислав (брат Ярослава Мудрого) пред полки касожскими». Но было в Петре Сергеевиче и глубокое удивительное смирение, скромность, даже конфузливост, порождаемые, по существу, той же барственностью, которая ведь более всего не мирится с нахальством, с приемами выскочек.

Петр Сергеевич не только сохранил для нас слова митрополита Антония и архиепископа Гавриила, а за последние годы пред кончиной слова архиепископа Иоанна; он и сам был писателем и мыслителем крупного масштаба. Но посмотрите, как почти всегда скромно и смиренно оформляется его мысль. Он редко претендует на самостоятельность, хотя, по существу, его мысли были на редкость самостоятельны и оригинальны. И все же лучшие его вещи в 30-х и в начале 40-х годов — это отклики на те или другие произведения церковных авторов. И самый значительный его труд в эту эпоху — это «Материалы к учению о Святой Руси, по поводу книги о. Г. Флоровского «Пути Русского Богословия». И как благоговейно относится Петр Сергеевич к автору, с которым его столь многое разделяло:

«С некоторым волнением я решаюсь говорить об этом большом, исключительно содержательном и иногда захватывающе интересном труде о. Георгия Флоровского. Он выполнил огромную работу, которую будут изучать многие поколения. Эта книга — яркое оправдание нашего невольного оставления Родины: мы ушли, чтобы сохранить нашу русскую душу, русскую мысль, чтобы сохранить Россию. Эта книга посвящена России, мучимой теперь

безбожной властью. Этот труд одно из тех дел, совершить который — святой долг, возложенный на нас, русских людей, оставшихся свободными. Глубокий низкий поклон отцу Георгию за то, что он его выполнил».

Но такое благоговение к тому или другому имени автору никогда не доводило Петра Сергеевича до компромисса. Все, в чем он видел уклонение от подлинной православной точки зрения, даже в этой, столь глубоко полюбившейся ему книге о Г. Флоровского, вызвало у Петра Сергеевича ясное и глубокое возражение. Его возражения были всегда глубоки, возвышенны и никогда не были придиричливыми.

После окончания Второй мировой войны, когда поредели ряды носителей творческой мысли в эмиграции, когда так считанно мало осталось глашатая подлинно православной мысли и для нее, почти полностью, закрылись возможности громко и широко вещать, когда фактически не осталось ни одного подлинно православного издательства, когда Петр Сергеевич увидел себя трагически одиноким выразителем православной мысли, — тогда, преодолевая свою скромность, свою духовную конфузливость, стал он писать и свои самостоятельные творения в наших скромных крохотных изданиях: «Слове Церкви», в «Голосе Церкви», в «Вестнике Православного дела», а также в прекрасном, но увы, всегда редко выходявшем в свет, а потом и совсем прекратившем свое существование «Православном Обзрении». Нам хочется при этом отметить еще одну черту деятельности Петра Сергеевича: ни одно творение его, талантливейшего писателя и мыслителя, не появилось ни в одном неправославном издании.

В своих творениях поздних лет Петр Сергеевич излагал свои собственные любимые мысли. Но связь их со светочем православной мысли митрополитом Антонием не иссякла и тут. Эти свои собственные мысли, когда-то задолго до их изложения, Петр Сергеевич неоднократно обсуждал с митрополитом Антонием и архиепископом Гавриилом. Но тут уж были собственные Петра Сергеевича, им рожденные, им выношенные и вытесствованные мысли о Православной Церкви, о Святой Руси, о Православном Человеке.

Эти мысли Петра Сергеевича не остались не услышанными. Откликаются на них и взрослые и молодежь. Недаром еще двадцать лет тому назад мюнхенский журнал монархической молодежи «Юная мысль» был пропитан идеями Петра Сергеевича. Слышим мы отклики на его мысли и отсюда, из Европы: из Франции, из Германии, из Швейцарии и из-за океана: из Америки, из Аргентины, из Австра-

лии. Но главное, это то, что наше «Православное дело» с его многогранной деятельностью более всего вдохновляется мыслями и заветами Петра Сергеевича. И, конечно, его бессмертный дух в Небесных Селениях радуется этой деятельности, радуется тому, что именно «Православному делу» принадлежит высокая честь наиболее действенного проникновения за родные рубежи, любящее внимательное прислушивание к тому, что совершается там в духовных глубинах нашего народа. Вспомним слово, помещенное в одном из наших изданий, и закончим этим его словом наше молитвенное воспоминание о Петре Сергеевиче, связанное с исполнившимся пятилетием со дня его кончины: «Верность Христу, сохранение и защита веры православной — таково ответственнейшее из всех дел, православное дело, стоящее перед русскими людьми по обе стороны рубежа. Православной верой, Православной Церковью была построена Русь и создана русская культура. И вера Православная наполняет жизнь человека подлинным смыслом, настоящей, непреходящей ценностью и достойным содержанием. На эту ценность русской души вот уже в течение полувека ополчились грозные богоборческие силы, и потому для русских людей стало необходимым бороться за свою веру и защищать ее. Подвигом многомиллионного множества верующих русских людей вера Православная сохранена в России. И в этом стоянии за веру исповедники Православия в России не одиноки: с ними множество мучеников за Церковь всех времен и народов; с ними молитвы всех русских святых древних и новых веков; с ними заветы великих создателей русской культуры, верных сынов Православной Церкви.

Россия исторически развивалась на религиозно-национальном пути, и это наложило неизгладимую печать на русский народ, который только на таком религиозно-национальном пути может найти выход из своего бедственного положения. Задача эта решается не столько теоретическим обсуждением, сколько нравственным сознанием и волевым актом.

Существующие условия жизни очень тяжки. И тем не менее некоторые русские поэты и писатели находят возможность высказывать живые мысли, и это имеет огромное значение. Это подготавливает возможность в таком же порядке — в порядке творчества, вынашивать духовное и нравственное сознание, глубинное понимание смысла личной, общественной и государственной жизни. Это дело важнейшее и значение его поистине огромно. Оно более значительно и еще более необходимо, чем задача культурно-литературного творчества писателей и поэтов. Основы такого понимания

разбросаны всюду в текущей жизни. Но для своего осознания они требуют внимания и вдумчивости.

Надо вспомнить и напомнить о призвании русского народа к творчеству общественной и государственной жизни и о его ответственности за нее.

Спасение России — внутри нас, в нашем духовном и нравственном сознании. В Смутное время Россия была спасена проявлением православного сознания и воли Козьмы Минина.

И теперь Россия ждет такого же акта сознания и воли!»

Этим «Словом о Петре Сергеевиче Лопухине» епископа Нафанаила открывалась книга, изданная «Православным делом» в Париже в 1967 году к пятилетию кончины Петра Сергеевича. Она содержала много материалов, посвященных памяти одного из крупнейших в Русском зарубежье церковных мыслителей, писателей, общественных деятелей. Наследие Петра Сергеевича Лопухина не забыто и сегодня — в кругах русской эмиграции и в России. В последнем разделе книги читайте его труд «Святая Русь и Русское государство», а во втором разделе — главу «Деятели Русского Зарубежья».

ДОКУМЕНТЫ КАПИТАНА ДАЛЬНОГО ПЛАВАНИЯ
О.М. ЛОПУХИНА

СССР
Министерство Морского Флота

ДИПЛОМ № 6479/с

На основании Кодекса Торгового Мореплавания Союза ССР настоящей диплом на звание

КАПИТАНА ДАЛЬНОГО ПЛАВАНИЯ

выдан Олегу Михайловичу Лопухину, родившемуся 1 числа августа месяца 1924 года.

Подпись владельца диплома /подпись/

Где получил образование — окончил в 1968 году Ленинградское Высшее инженерное морское училище им. адм. Макарова с присвоением квалификации ИНЖЕНЕРА-СУДОВОДИТЕЛЯ.

На основании каких документов выдан диплом — диплома № 1056 капитана дальнего плавания

Свидетельства № 130/84 инженера-судоводителя

Личного заявления о замене.

Срок зачета 1948 год.

Порт Архангельск. Выдан 11 марта 1968 года.

Капитан Архангельского М. Т. порта

П. Ильин

Ст. дипломный инспектор /подпись/

* * *

ГРАМОТА

Заслуженного работника транспорта РСФСР

Тов. ЛОПУХИН ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ,
За Ваши заслуги в области транспорта
Президиум Верховного Совета РСФСР
Указом от 20 марта 1981 года
присвоил Вам почетное звание
«ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК ТРАНСПОРТА РСФСР»

Председатель Президиума
Верховного Совета РСФСР М. Яснов

Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР Х. Нешков

* * *

Олегу Михайловичу Лопухину посвящен очерк «Капитан дальнего плавания» во втором разделе этой книги. Капитан О.М. Лопухин прожил большую жизнь — воевал в годы Отечественной войны 1941—1945 годов, служил штурманом на судах Северного морского пароходства, десятки лет был капитаном дальнего плавания, водил суда в порты всех континентов земли, а на склоне лет был начальником Архангельского мореходного училища — старейшего в России, воспитывал молодых моряков, многие из которых до сих пор бороздят моря и океаны под Российским флагом.

ДОКУМЕНТЫ С.А. ЛОПУХИНА

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Председатель Архиерейского Синода
Русской Православной Церкви за границей
№ 5135/1006 от 12/25 декабря 1951 г.
(штат Нью-Йорк, США)

Сим удостоверяется, что мне лично хорошо известны супруги Сергей и Людмила Лопухины.

Сергей Лопухин в Мюнхене исполнял при моих служениях обязанности иподиакона, супруга же его хорошо мне известна по Белграду, где она окончила русскую гимназию, постоянно пела и читала в Свято-Троицкой церкви и вообще принимала деятельное участие в церковной жизни.

Я полагаю, что супруги Лопухины будут ценными членами всякого русского православного прихода.

(Митрополит Анастасий)

РЕСКРИПТ

Главы Российского Императорского Дома
Государя Великого Князя
ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА
по случаю кончины С.А. Лопухина

Мадрид, 12/8/78 г.

Л.А. Лопухиной.

Дорогая Людмила Андреевна,

Моя семья и я были глубоко опечалены вестью о кончине Вашего мужа, и шлем Вам наше глубокое и сердечное сочувствие.

Да поможет Вам Господь перенести это тяжелейшее в жизни человека испытание.

ВЛАДИМИР

Следующие документы рассказывают о том, как друзья, близкие и соратники прощались с Сергеем Алексеевичем Лопухиным. Очерк о нем — «Монархист» — помещен во втором разделе книги.

ПРОЩАНИЕ С СЕРГЕЕМ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ ЛОПУХИНЫМ

В субботу 12-го августа в 10 часов утра в Спасо-Преображенском храме состоялось отпевание редактора журнала «Согласие» Сергея Алексеевича ЛОПУХИНА, скончавшегося 7-го августа, 57 лет от роду, после непродолжительной, но тяжелой болезни.

Чин отпевания совершил Преосвященнейший Антоний, Архиепископ Лос-Анджелесский и Южнокалифорнийский, в сослужении: архимандрита Алексия, настоятеля Воскресенской церкви в Санта-Барбаре, протоиереев о. Феодора, о. Леонида и свящ. Покровской церкви о. Сергия при хоре под управлением А.М. Соколова.

Много венков и цветов окружали гроб, покрытый национальным флагом. Среди венков были венки от церкви и организаций: от начальника округа, Е.В. Великой Княгини Леониды Георгиевны, журнала «Согласие», церковного хора, фирмы «Локхид», где покойный работал долгие годы, и от многих частных лиц.

Проститься с усопшим собралось свыше 100 человек. Прочувствованное слово сказал Архиепископ Антоний, говоря о нем как о преданном сыне России, и, касаясь жизни Сергея Алексеевича, дал некоторые биографические данные, указав на его жертвенность служения Е.В. Великому Князю Владимиру Кирилловичу.

Из особенно ярких моментов его деятельности Архиепископ Антоний сказал о том, как покойный, будучи 12-летним мальчиком в СССР, наотрез отказался быть пионером и носить красный галстук, за что подвергался преследованиям и угрозам школьного начальства.

Когда однажды ему сказали, что он не будет иметь продвижения за свои религиозные убеждения, он смело спросил директора: «Если бы вы попали на запад и вам предложили продвижение за отказ от безбожия, вы отказались бы ради выгоды?»

Директор растерялся и не ответил.

С.А. Лопухин всегда говорил о том, что необходимо в церкви молиться о восстании престола православного Царя, и радовался, когда слышал эти молитвы.

Он боролся с коммунистами оружием во Вторую мировую войну, а в Америке всей душой трудился в Церковном совете, преподавал в Церковной школе и редактировал журнал «Согласие», оставаясь на своем посту, будучи уже совсем обессиленным недугом.

Архимандрит Алексий также простился с покойным от своего имени и прихожан Воскресенской церкви.

Печальная церемония закончилась на Сербском кладбище, где состоялись похороны. После погребения в столовой церковного дома трудами сестричества, семьи Орловых и регента хора А.М. Соколова была устроена трапеза. Помещение столовой едваместило присутствующих.

В конце трапезы с прощальным словом выступили родственники и друзья покойного. Более подробно о деятельности светлой памяти усопшего рассказал граф А.П. Коновницын. Прочувствованное прощальное слово прислал состоящий в издательстве журнала «Согласие» В.И. Георгиевский, которое было прочитано присутствующим, так как он сам лично не был в состоянии прибыть.

Заключение было сделано Архиепископом Антонием, который указал, что похороны хотя и печальная церемония, но не лишена была и торжественности, о чем указывалось выше, но это полностью заслужил верный сын России Сергей Алексеевич Лопухин. Вечная ему память!

Трапеза как началась, так и была закончена молитвой с пением церковного хора.

Рассказ о прощании с безвременно скончавшимся Сергеем Алексеевичем Лопухиным был напечатан в сентябрьском выпуске журнала «Согласие», № 324, который выходил в Калифорнии (США). Сергей Алексеевич много лет редактировал этот журнал, был в то же время Соратником-Руководителем Российского Императорского Союза-Ордена в Южной Калифорнии, активным церковным деятелем, воинствующим русским патриотом и монархистом.

Далее печатается прощальное слово на похоронах Сергея Алексеевича, произнесенное его соратником и племянником, графом Алексеем Петровичем Коновницыным, на траурных торжествах 12 августа 1978 года.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО НА ПОХОРОНАХ С.А. ЛОПУХИНА ГРАФА А.П. КОНОВНИЦЫНА

Для нас кончина Сергея Алексеевича Лопухина — для меня дорогого дяди Сережи — колоссальная потеря. У меня нет достаточно слов, чтобы выразить все скорбные чувства, которые переполняют мою душу.

Для меня эта потеря особенно печальна, потому что дядя Сережа был не только мне дядей, но и крестным отцом.

У меня с дядей Сережей были особенно близкие отношения: у нас духовное родство. Идеологически мы были единомышленниками. Дядя Сережа был верным сыном России. Дядя Сережа воодушевлял меня своим глубоким патриотизмом и любовью к России. У нас очень часто были беседы, и мы всегда идеологически сходились, не говоря уже о нашей любви к церкви.

В семье у дяди Сережи вошло в обычай поднимать первый тост за здоровье Е. И. В. Великого Князя Владимира Кирилловича. Мне до горечи грустно, что я больше не услышу голоса моего дяди Сережи. Он незаменим как для меня, так и для общественной деятельности. Дядя Сережа был прекрасным семьянином. Все свои годы, до тех пор пока дети стали взрослыми, он посвящал семье.

И вот, казалось бы, он мог служить любимому делу. Он вел монархический журнал «Согласие» в течение последних шести лет. За несколько дней до своей кончины дядя Сережа отдавал последние силы на работу для журнала. Дядя Сережа исполнил свои обязанности до конца.

Все вышесказанное мною указывает на то, как я ценил моего ДЯДЮ СЕРЕЖУ. Я также ценил его и как поэта. Он прекрасно умел высказать в стихах свои мысли и чувства. Кто не прослезится, слушая его стихотворение «Легенда»? Его труды оставляют о нем память.

Хотя мы и знали о его тяжелой болезни, его кончина была для нас неожиданной. Он не жаловался на свою болезнь, принимая все с христианской кротостью и терпением. Дядя Сережа останется в моей памяти незабвенным.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ, ДОРОГОЙ ДЯДЯ СЕРЕЖА!

* * *

О Сергее Алексеевиче Лопухине читайте в главе «Монархист» во втором разделе книги, а его стихи — в последнем разделе.

ХУДОЖНИК НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ЛОПУХИНА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ХУДОЖНИКОВ
7.09.1999 г. № 1-7/398

С п р а в к а

Настоящая справка дана художнику, члену МСХ Лопухиной Н.В. (членский билет № 1191) и удостоверяет, что ее творческий стаж составляет с 1975 года (участие в первой выставке) по 1999 год — 24 года.

За время пребывания в МСХ Наталья Владимировна проявила себя как талантливый и высокопрофессиональный художник и педагог.

В 1975 году за представленный ею на 10-й выставке молодых художников Москвы гобелен «Мир планеты Земля» она становится Лауреатом премии Московского комсомола. За участие в выставках «Молодые художники» в поездках по стране дважды награждалась почетными грамотами Московского комсомола. В 1979 году решением Молодежной комиссии ее, как талантливого перспективного художника, выдвигают на стипендию СХ СССР и с 1980 по 1982 год Лопухина стипендиат Союза художников СССР.

В 1984 году за представленный на 15-й выставке молодых художников Москвы гобелен «Мир. Созидание. Сотрудничество» Наталья Владимировна удостоивается первой премии МОСХа по декоративно-прикладному искусству и рекомендована к внеочередному приему в СХ СССР. С 1984 года Наталья Владимировна член Союза художников СССР, а затем РСФСР.

В 1985 году она принимает участие в выставке «50 лет Победы» и удостоивается Почетной грамоты СХ РСФСР. Работа напечатана в каталоге «Мир отстояли. Мир сохраним». 1986 год.

С 1975 по 1999 год Наталья Владимировна ведет в помещении своей творческой мастерской художественную студию в рамках творческого производственного объединения «Художник — педагог» при ТПО ХФ МОСХ. Высокий профессиональный уровень и педагогические способности Н.В. Лопухиной, а также разработанная ею методика преподавания художественных дисциплин в традициях русской реалистической школы сделали эту студию значительным явлением художественно-педагогической практики. Бывшие выпускники студии стали членами МСХ, все они отмечают общее широкое образовательное и морально-нравственное влияние этого талантливого педагога.

В настоящее время Н.В. Лопухина также принимает активное участие в московских, республиканских и зарубежных выставках.

Председатель правления МСХ В.А. Бубнов
Член правления секции ДПИ Б.Н. Чеботарев

* * *

О Наталье Владимировне Лопухиной и ее ближайших родственниках говорится в главе «XX век» первого раздела книги.

АВГУСТЕЙШИЕ РЕСКРИПТЫ И ГРАМОТЫ КНЯЗЮ В.О. ЛОПУХИНУ

**На гербовом бланке Главы Российского Императорского
Дома Государя Великого Князя Владимира Кирилловича**

*Вице-предводителю
Российского Дворянского Собрания
господину Вадиму ЛОПУХИНУ*

24 марта 1992 Париж

*Вадим Олегович,
мы были очень рады встрече с Вами в Париже.
Меня очень интересует вопрос восстановления Ставропигального
Ново-Спасского монастыря в Москве и я, в принципе, выражаю Вам
свое согласие взять его под свое покровительство.*

*Однако прошу Вас сообщить, в чем именно будет состоять мое
участие в деятельности по его восстановлению.*

Шлю привет

ВЛАДИМИР

УДОСТОВЕРЕНИЕ ДОВЕРЕННОСТИ

*Предъявитель сего документа Вице-предводитель Российского
дворянства, доктор медицины Вадим Олегович ЛОПУХИН является
ДОВЕРЕННЫМ ЛИЦОМ Российской Императорской Фамилии в Меж-
дународной Комиссии и на Конференции по идентификации остан-
ков Императора Николая II, членов Его Семьи и свиты.*

МАРИЯ

*27 июля 1992 года
Париж*

* * *

Это образцы деловой переписки Глав Российского Императорского Дома Государей Владимира Кирилловича и Марии Владимировны с князем В.О. Лопухиным. Она продолжается по сей день.

РЕСКРИПТ

Главы Российского Императорского Дома
Государыни Великой Княгини
МАРИИ ВЛАДИМИРОВНЫ
о подтверждении княжеского достоинства
князей Российской Империи Лопухиных

Без малого тысячу лет служат нашему Отечеству потомки сына легендарного Касожского Князя Редеди и внучки Святого равноапостольного Великого Князя Владимира, в силу исторических обстоятельств утратившие княжеский титул, и среди них — знаменитый род дворян Лопухиных, многие представители которого внесли достойный вклад в историю России, на разных поприщах способствуя укреплению государственности и формированию ее величия. Всевышнему также было угодно, чтобы Лопухины через Императора Петра I Великого и Императора Петра II породнились с Нашей Династией. За выдающиеся заслуги перед Отечеством многие члены этого рода были награждены высшими государственными наградами и отмечены Монаршими милостями. Так, в 1799 году Императором Павлом I был пожалован титул князя, а вскоре и светлейшего князя — известному нашему государственному деятелю генерал-прокурору П.В. Лопухину, а Император Александр II передал этот титул его внучатому племяннику генералу Н.П. Лопухину-Демидову. К сожалению, к настоящему времени оба этих рода светлейших князей Лопухиных и Лопухиных-Демидовых угасли.

Крушение Российской Империи разбросало Лопухиных по всему свету, и лишь представители одной ветви остались и выжили на территории исторической России. На сегодняшний день старший из этой ветви — Вадим Олегович Лопухин.

В этом году исполнилось 500 лет служения рода Лопухиных Московскому Государству, Царству и Российской Империи, которое последовало после окончательного присоединения к нему Новгородского Княжества.

В связи с этой датой и отмечая особые заслуги В.О. Лопухина перед Российским Императорским Домом, сочли Мы за благо восста-

новить историческую справедливость и в воздаяние заслуг рода Лопухиных перед Россией, как в период Империи, так и в настоящее время, подтвердить княжеское достоинство князей Российской Империи Лопухиных в лице Вадима Олеговича Лопухина и всего его нисходящего потомства, именуя их впредь Князьями Лопухиными.

МАРИЯ

Дано в Париже 29 декабря 1995 года

Временно исполняющий обязанности Министра Двора князь
Н.Н. Урусов

Так было второй раз подтверждено княжеское достоинство рода Лопухиных. Первый раз это сделал Государь Александр II.

ГРАМОТА

По повелению ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА
ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ ВЛАДИМИРОВНЫ
князь ЛОПУХИН Вадим Олегович
награждается Знаком с вензелевым изображением Имени
ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
I-й степени
за особые заслуги перед Российским Императорским Домом

Настоящая грамота выдана в Санкт-Петербурге
10 февраля 1996 г.

Канцлер Капитула орденов и наград
Российского Императорского Дома
князь Николай Урусов

ГРАМОТА

По повелению Ее Императорского Высочества
ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЛЕОНИДЫ ГЕОРГИЕВНЫ
княгиня ЛОПУХИНА Анна Михайловна
награждается Знаком с вензелевым изображением Имени
ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
за особые заслуги перед Российским Императорским Домом

Настоящая грамота выдана в Москве 10 апреля 1997

Канцлер Капитула орденов и наград
Российского Императорского Дома
князь Николай Урусов

* * *

**На бланке Государыни Великой Княгини
Леониды Георгиевны**

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Князю В.О. Лопухину

Иерусалим, 9 апреля 1998 г.

Дорогой Вадим Олегович!

От всей души поздравляю Вас с грядущим Светлым Праздником Воскресения Христова и хочу поделиться с Вами известием о счастливом событии в жизни Нашей Династии.

Во время Нашего паломничества в Святую Землю Мой Внук Благоверный Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь Георгий Михайлович принес присягу на верность Отечеству и Главе Российского Императорского Дома Е.И.В. Государыне ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ МАРИИ ВЛАДИМИРОВНЕ. Клятву принял Блаженнейший Патриарх Иерусалимский Диодор, благословивший Великого Князя на исполнение священного долга по охранению Православной Веры, служению Российскому народу и соблюдению незыблемых основ Династии Романовых.

Верю, что вы примете участие в Нашей великой радости, и шлю пасхальное приветствие Вашей семье.

ЛЕОНИДА

* * *

На этих страницах представлена лишь небольшая часть лопухинских документов, сохранившихся в архивах и семейных собраниях. Но составитель и не стремился к полному охвату корпуса документов фамилии. Мы хотели показать лишь отдельные образцы семейных бумаг рода.

На протяжении веков представители рода Лопухиных хорошо владели не только шпагой, рычагами государственного управления и параграфами Свода Законов Российской Империи, но и пером. Они писали много: научные труды и богословские трактаты, мемуары и даже стихи. В этом разделе собрано несколько образцов литературного творчества Лопухиных. Заинтересованный читатель познакомится с отрывками из лопухинских трудов не только как с примерами владения словом; надеемся, что они заинтересуют его и своим содержанием.

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ЛОПУХИН

(1756—1816)

Действительный тайный советник, сенатор и кавалер российских орденов. Выдающийся государственный и общественный деятель, философ, мемуарист, публицист, издатель. Один из крупнейших русских масонов, автор основополагающих трудов по русскому масонству. И.В. Лопухину посвящена глава «Рыцарь ордена «Златорозового креста» во втором разделе книги.

ИЗ «ЗАПИСОК СЕНАТОРА И.В. ЛОПУХИНА»

(отрывок)

4-го Декабря 1796 года предстал я пред Павла Первого. Он так милостиво меня принял, и такой имел дар приласкать, когда хотел, что ни с кем во всю мою жизнь не был я так свободен при первом свидании, как с сим грозным Императором. Сергей Иванович Плещеев, который ввел меня в Его кабинет, и один был в нем при сем первом моем представлении, удивляясь моей смелости, после дружески мне советовал обращаться с Государем осторожнее. Однако я всегда смел был пред Ним и никогда ни сколько Его не робел даже во время самой Его холодности ко мне, о которой опишу в своем месте.

В Государе сем, можно сказать, безпримерно соединялись все противные одно другому свойства до возможной крайности: только острота ума, чудная деятельность и щедрость беспредельная, являлись в Нем при всех случаях неизменно. Пылкость гнева Его ни-

когда однако ж не имела последствий невозвратных. К строгости побуждался Он точно стремлением любви, правды и порядка, коего расстройство увеличивалось иногда в глазах Его предубеждением. Сильное впечатление в нраве Его сделало конечно то, что от самого детства напоен Он был, так сказать, причинами к страхам и подозрениям; и что безмерная деятельность Его стеснялась небольшим бездействием до тех, немолодых уже, лет, в которых вступил Он на престол. Я уверен, что при редком Государе больше как при Павле I, можно было бы сделать добра для Государства, если бы окружавшие Его руководствовались усердием к отечеству; а не выгодами собственной корысти.

Первый разговор его со мною был о Московском Митрополите Платоне, на которого Он тогда зневался за то, что Платон по Его призыву, не только отменно милостивому, но можно сказать, дружескому, не поспешил к Нему приехать; и представлять против начатого Императором жалованья духовным особам знаков орденов кавалерских. При чем Государь спрашивал меня: как я думаю об этом жалованье? Я Ему отвечал, что истинной Церкви Христианской такие почести, самолюбие питающие, конечно неприличны. Но, приемля правления Церкви ныне больше учреждением политическим, не бесполезно по мнению моему употреблять могут такие отличия для награды и поощрения оною человека, коих весьма не можно в прямом смысле почитать истинно духовными; *l'habit ne fait pas le moine* (платье монахом не делает) прибавил я. «Правда твоя», сказал Государь.

Я старался оправдывать Платона, сколько мог; а Государь сильно обвинял его, и с некоторым огнем неудовольствия даже против меня, при всем несказанно милостивом со мною обращении. Однако я смело продолжал, и имел счастье много помочь к умиловлению Государя. Кончилось тем что он изволил мне сказать: «Ну, видно ты прямо любишь Платона; и если так как ты говоришь, то Мы с ним помиримся. Пусть он сюда придет».

Тот же день писал я все это к Митрополиту, советуя поспешить приездом. Но он прежде еще воротился с дороги, получая весьма гневное от Императора письмо, отправленное к нему еще до моего приезда, и по Государеву еще повелению с жестоким выговором из Синода Указ, о коем определение, члены подписывали в день праздничный в Олтаре Придворной Церкви, в самое время совершения литургии. От сего он занемог и не смел уже ехать. Уведомляя меня о том, благодарил он меня точно такими словами, что и батюшка его родной не мог бы больше для него сделать.

С моей стороны и по сей час не было иных чувств, кроме искренней дружбы и почтения к сему знаменитому дарованиями своими мужу и Пастырю редким благоразумием украшенному.

После разговора со мною, Император, при первом свидании с Новгородским Митрополитом Гавриилом, сказал ему: «Пожалуйте, оставьте Платона в покое, и без меня не касайтесь до него, мы и так пересолили».

5-го Декабря выносили в Петропавловский Собор тела Императора Петра III и представившейся Императрицы. В сей церемонии шел я за Государем, который тот день пожаловал меня в Действительные Статские Советники, с повелением находиться при Нем. Таким образом тогда, как и при покойной Императрице, и прежде, определялись Статс-Секретари.

В вечеру того же дня Государь призвал меня к себе, приказал мне объявить в Сенате Генерал-Прокурору волю Его об освобождении всех без изъятия заточенных по Тайной Экспедиции, кроме повредившихся в уме. О сих последних приказал Государь усугубить попечение к возможному излечению, для освобождения также их по выздоровлению; а между тем, сколько можно их покоить. И вообще приказал Он по сей Экспедиции принять меры к лучшему и сколько можно спокойнейшему содержанию арестантов.

Я обнимал колена Государя, дававшего сие повеление — точно кажется по одному чувствуванию любви к человечеству.

Конечно всякое возможное облегчение судьбы подвергнувшихся заключению под стражу тайную, требуется сколько человеколюбием, столько ж и самую справедливостью; ибо тесны и строги могут быть некоторые тюрьмы публичные для исправления кратковременным в них содержанием некоторого рода преступников, и для удержания примером сим других, от преступлений подобного рода; но тесным и тягостным в темницах содержанием угнетать таких людей, которые иногда и по основательным причинам осуждаются на заключение под стражу тайную, было бы единственно презрение человечества, или месть, не терпимая не только правдами Христианства, но и самого великодушия.

Милость и доверенность Государевы ко мне были неописанные. Его снисхождение, даже до того простиралось, что Он позволил мне быть при нем по моей должности только в послеобедние часы; для

того, что по тогдашней моей привычке, очень мне тяжело было рано по утрам вставать, и я просил от утренних приездов меня уволить. Часто были такие минуты, в которые тысячи душ для себя выпросить стоило бы мне одного слова.

Милость такая родила против меня зависть, как обыкновенно при дворах бывает. Всего больше неприятным для некоторых меня сделало определение Государем должности моей в том, что известны мне были все дела по Тайной Экспедиции, чтоб всегда открыт был мне вход ко всем заключенным по ней во всей Империи, и чтоб я мог, когда заблагорассужу, присутствовать при следствиях в ней производившихся.

Тогдашний Генерал-Прокурор, пользуясь родством своим и моею дружбою — с князем Николаем Васильевичем Репниным, два раза самым убедительным образом просил его уговорить меня отказаться от оной должности. Князь вместе со мною удивлялся такой просьбе. Мы думали, что в подобных делах надобно бы еще радоваться товарищам. Неужели, говорили мы, свидетели при них в тягость.

Скоро открывшаяся неспособность моего характера держаться при Дворе, успокоила моих завистников. Особливо заметили они это из следующего случая:

Государь приказывает мне съездить к Троицкому рассмотреть подтвержденный уже Им доклад Сената, о некоторых осужденных по делу об утрате в Государственном Банке, начавшемся еще при жизни Императрицы — остановить исполнение и найти способ оправдать, или гораздо облегчить участь одного из осужденных иностранца, которого имя я забыл.

Меня об нем просил сын Александр Павлович, сказал мне Государь; а Его разжалобила жена этого арестанта, которую он видел у мужа ее, посещая арестантов по должности Военного Губернатора Петербургского.

Я поехал к Троицкому, у которого из короткой записки о сем деле увидел, что осужденный оный признан равно виноватым с несколькими другими, и к одинаковому приговорен публичному наказанию. Подтвержденный Государем доклад возвращен уже был в Сенат; а из Сената, как я и там справился, послан уже был Указ к второму Военному Губернатору о исполнении.

Сообразив обстоятельства дела, — я думал, что простить или облегчить казнь всегда прилично милосердию самовластного Государя; но из осужденных к равному наказанию, равных преступников, одного исключить, или очень меньше наказать перед другими, было бы нарушить правосудие с наглым презрением к человечеству.

Всего лучше, казалось мне, если нельзя всех простить, то переменить наказание всех равно с оным иностранцем приговоренных, на содержание в смиренном доме, или в каких других тюрьмах; и его освободить прежде, — и сие сделать, если угодно Государю, скрытнее, чтоб по крайней мере сколько-нибудь при том в наружности сохранить порядок правосудия.

С такими мыслями я возвратился к Государю. Он был тогда в кабинете с наследником Александром Павловичем и князем Безбородьком. Скоро вошел в Секретарскую нашу комнату, которая была перед самым кабинетом, и, подошел ко мне, спрашивает тихонько, что я сделал. Я доложил Ему о моей справке и мысли свои представил. «Как же, сказал Государь, всех! Они виноваты!» — «Да и он виноват», отвечал я. Государь подошел к Безбородьку и также говорил с ним тихо. Я остался у своего Секретарского стола. Поговорив несколько с Безбородькою, Государь оборотясь ко мне, изволил сказать: «Что ж не подойдешь ты к нам, Иван Володимирович? мы говорим о твоём деле». Я подошел, — Государь продолжал: «Вот и Александр Андреевич говорит, что можно его освободить, и послать только как хорошего художника (непомню какого мастерства) на житье в бывший город Воскресенск Московской губернии, где он и полезен будет для отделки монастыря». — «А прочих-то, докладывал я, с коими он равно виноват, куда же?» «В ссылку по приговору», отвечал Государь. — «Воля ваша, сказал я, только это будет не сходно с правдою и порядком». «Да он же почти и не виноват», выговорил при том князь Безбородько. — «Как же, говорил я, невиноватого Сенат осудил и Государю казнь его подписать дали?» На сие Государь мне со гневом: «полно, братец, перестань».

Замолчав отошел я к своему столу; Государь, поговоря опять тихонько же с Безбородькою, подошел ко мне, и уже милостиво спрашивал: «Ну что же ты думаешь сделать?» — «Я сделаю то, что Ваше Величество прикажет изволите; а думаю, что не сравнять наказание будет не справедливо и не сходно с Вашим Великодушием». «Нет, сказал Государь: эдак нельзя — я прикажу Архарову».

После сей-то сцены товарищи мои, как мне один из них после самому сказывал, надежно заключили, что не удержусь я при Дворе. Однако после ее Государь несколько еще не отменил Своего милостивого со мною обращения.

Но вот что не мало замечательного при сем надобно сказать. В комнате где оное происходило, были только Император, Наследник, князь Безбородько, человека два из самых ближних при Государе — и я, да первый Государев камердинер стоял у дверей. Не

больше конечно, как через полчаса после той сцены, я поехал домой; а на завтра, как я проснулся, камердинер мой говорит мне: «Что это Вы так спорите с Государем, как вчера сказывают. Ведь беда будет!» «От кого он это слышал?» спрашивал я. — «От бывшего за мной лакея». «А он от кого?» — «От придворного».

Окружавшим Государя не нравилась также связь моя с князем Репниным и Плещеевым; и тем больше, что основании ее предполагали они правила столько же твердые, сколько с образом их мыслей не сходные. Ожидали, что связь сия может очень усилиться и распространиться.

Когда Государь по моему представлению приказал послать за старинным же другом моим Захаром Яковлевицем Карнеевым, человеком исполненным честности и редких к службе способностей, бывшим тогда в Орле Вице-Губернатором — то заключение оное подкрепилось; и на языке, часто при дворах употребительном, говорили, что я подбираю себе партию. Во всю бытность мою при дворе, один предмет мой был служить Государю верно, везде, где только мне представится случай, соблюдать пользу Государства и человечества вообще; и милость Государеву сохранять доколе то будет угодно Единому Источнику милости непреложной.

Вот что при посылке за Карнеевым случилось примечательного со стороны мечтательности интрижных забот придворных. В то время, как я еще и не думал представлять о нем, уже говорили, что я стараюсь определить его в Секретари по военной части при Государе; и один из любимцев Его всякий день спрашивал меня; послали ль за Карнеевым? не хотят мне верить что не послали. Через несколько дней после таких вопросов, самый этот любимец, сидя со мною на канаве перед Государевым кабинетом, фамильярным и очень будто дружеским тоном, какой он уже тогда употреблял со мною, просит меня еще в откровенности ему сказать, послали ль за Карнеевым? Я уверяю его, что нет, разве без меня; что нельзя и глупо было бы мне таить это, и что ежели чрез меня призываться будет Карнеев, то я тот час ему скажу. Только что кончили мы этот разговор, Государь не помню за чем изволил позвать меня к себе — в кабинет, и я тут имел случай доложить о Карнееве, как о человеке, коего служба при Нем весьма полезна быть может. «Пошли же за ним», сказал мне Государь. Вышед из кабинета, написал я к Генералу-Прокурору письмо, с объявлением воли Государевой о приезде Карнеева в С. Петербург, и показал оное любопытному приятелю моему придворному.

Никогда, однако, не считал я за полезное быть Карнееву по военной части, от которой он тогда уже лет двадцать отстал. Но я

думал всегда, что по всем частям правления, нужно быть при Государе особливим Секретарям или докладчикам, кроме управляющих частями или министров, коих доклады о своих же производствах по большей части должны быть естественно не иное, как ходатайство за то, что только им приятно и надобно. Такой перевес весьма бы конечно был полезен, особливо по делам Сената, коего большинство голос, давно уже сделалось одним только отголоском Генерал-Прокурора. «Согласен с предложением Его Превосходительства, или Сиятельства, или Светлости», только почти слышится и пишется в общих собраниях оного.

Карнеев приехал в Петербург, все уже против него настроено было. Один самый ближний при Государе комнатный человек мне решительно сказал, что никак его не допустят остаться при дворе. Государь откладывал его представление день за день; и Карнеев в первый раз представлен был Государю вместе с прочими уже благодарить за определение его Губернатором в Минск, с чином Действительного Статского Советника; которое определение последовало по многому старанию, чтоб по крайней мере не напрасно он мною вызван был. Продолжение службы сего достойного человека, доказывает сколько он полезен для нее.

С того времени Государь сделался холоден ко мне; только прямой к тому причины я и теперь не знаю. Признаюсь, что и не любопытствовал много знать ее, зная, что я со своей стороны не подал никакой. Вообще кажется можно верно заключить, что главною причиною было затруднение, в которое поставили Государя против меня те, коим я был не надобен, и которые ему были больше надобны, нежели я. Особое свойство великодушия потребно Государям, чтоб одолевать сие затруднение.

Не только уже Император не делал мне никаких препоручений и не призывал меня в Свой кабинет, но перестал и говорить со мною. Чувствуя, что ничем не заслужил я гнева Его — был я очень спокоен. Знатоки придворного дела осуждали мое равнодушие, и советовали мне хотя притворяться огорченным. Почитая всегда притворство искусством самым презрительным, продолжал я свою откровенность, и даже чаще тогда весел был, как бы от предчувствия того, что скоро освобожусь я от бремени придворной жизни.

Несколько раз намерен я был объяснитьсь с Государем в кабинете. Но тот, кто обыкновенно докладывал о входе в него, не смел доложить обо мне; а приятели, искренно мне добра желавшие и которые больше знали нрав Государев, не советовали мне того де-

лать. Наконец уже очень явно стало, что никак не можно мне остаться при Государе; и я открыто говорил: что сколько бы желал я сохранить милость к себе Государеву, столько же порадовался бы увольнению моему от двора.

Тот же самый ближний комнатный человек, о котором сказал я выше, предлагал мне подать от меня Государю письмо о моем от него увольнении, в котором я могу просить себе многого; что он уверен, что Государь при отпуске моем все сделает в мое удовольствие — и за это отвечает. Я не соглашался. «Вы философ, говорил он мне, а двора позвольте сказать, не знаете. Теперь вам случай — я верно знаю, так много получить, как уже никогда не удастся, ежели упустили его. Ленга ли вам надобна — Государь тот час ее наденет на вас; чин также получите. Если ж вам надобна тысяча душ, или больше, где вам угодно, то я берусь по подаче вашего письма, вынести вам на то Указ; и позволяю вам сделать со мною, что хотите, ежели того не исполню».

«Нет, отвечал я ему, я не соглашусь на ваше предложение, хотя и уверен я в успехе (и подлинно я был уверен). Я не философ, по правде, что люблю держаться правил философических. Двора подлинно я не знаю и никогда, думаю, очень знаком с ним быть не могу: только в этом случае, мне кажется, и придворные обстоятельства вижу и тоньше вашего. Я не искал быть при Государе. Он сам изволил призвать меня и принял с отличною милостию. Гнева Его я не заслужил. Возвратится милость Его ко мне, я буду очень рад — продолжится гнев Его — все я не виноват буду. Уволит он от себя меня с милостию — я буду счастлив: — с немилостию, — несправедливостью не на моей стороне будет. Но когда я сам буду просить увольнения и награду от Него, не заслужа их, то я оправдаю гнев его и тогда-то, есть-ли не удастся мне, потерю я то, чего уже конечно никогда возвратить не можно во всяком смысле».

В таком расположении продолжал я всякий день спокойно быть свои часы перед кабинетом Государевым и несколько в них раз видеть Его во гневе или очень холодного ко мне. Между тем я старался сыскивать хороший способ удалиться от Двора. Верный друг мой Сергей Иванович Плещеев помогал мне в том, хотя и он тогда был уже не в прежней милости и доверенности у Государя. Однажды, воспользуюсь очень благосклонным разговором Государя в Эрмитаже, — Плещеев говорит ему обо мне, и просит уволить меня, если я ему неужожен, с милостию. Государь отказал, сказав: «полно — дайте время, мы с ним уживемся». Но вот что надобно при сем рассказать, как весьма характеризующее покойного Государя.

По званию моему Статс-Секретаря, был при мне Коллежский Советник Александр Алексеевич Ленивцев, человек с редкими дарованиями ума и сердца. Он был давно друг Плещееву и мне; и Государю известен был. Плещеев, настаивая о увольнении меня, говорил Государю: «а когда Лопухина изволите от себя уволить, то Ленивцева прошу пожаловать определить ко мне». «Так-то, отвечал Государь с жаром; хорош же ты друг Ивану-то Володимировичу! Его прочь для того, чтоб Ленивцева к себе. Так знай же, что мы не расстанемся с ним никогда»; и с тем отошел от Плещеева.

После этого можно было подумать, что Государя переменить обращение свое со мною на прежнее; однако оно нисколько не переменялось. Странный и любопытства достойный случай решил наконец увольнение мое от Государя.

За несколько месяцев пред кончиною Императрицы Екатерины II, заключен был в Шлиссельбургскую крепость некто из монахов, или послушников монастырских, который предсказывал о ее кончине, и точно в то время как она случилась. При освобождении всех по Тайной Экспедиции, привезен был и он в Петербург.

Бумаги его хранились у Новгородского Митрополита Гавриила. В один вечер, Государь, переговора в своем кабинете с Митрополитом, принесшим к нему оные бумаги, призвал к себе Сергея Ивановича Плещеева, и отдав ему их, приказал показать мне, и истребуя мнение мое, как о сих предсказательных бумагах, так и о том, что делать с их сочинителем, донести оное ему, только с тем, чтобы Сергей Иванович все это производил со мною от себя, отнюдь не открывая мне волю о том, в рассуждении меня, Государеву.

Рассмотрев оные бумаги, нашел я в них смесь мрака с некоторыми отсвечиваниями просвещения. Соединение такое весьма возможно, от слияния беспрестанных действий бесчисленных средств на неизмеримой лестнице света, и глубоких впечатлений тьмы. А потому не всякий — предсказатель и правды, самым лучем света открываемой, есть всегда святой — просвещенный: и сколько ни справедливо отвергать возможность истинных предсказаний, столько же не благоразумно и вредно уважать всякое предсказание и на нем основываться. О сочинитель бумаг оных, полагал я, что как он уже посвятил себя трудничеству и уединению монашескому, то всего лучше определить его в какой-нибудь выгодный монастырь и к такому настоятелю, который бы мог его руковод-

ствовать и к очищению его понятий, в коих подлинно много было смутного.

Мнение мое очень понравилось Государю. При донесении Плещеева, он много с ним обо мне разговаривал: сказывал хорошее свое обо мне заключение; хвалил мои способности, только не имею я, говорил он, довольно тех, какие ему надобны в находящихся при особе его. Плещеев убедительно просил моего увольнения, как того, чего единственно я желаю. Государь согласился меня уволить от себя, но не иначе как с награждением; и для того приказывал Плещееву сказать мне, чтоб я подал записку о том, чего хочу. Плещеев, зная меня, уверял, что я никак того не сделаю, а совершенно предаюсь милостию его воле. Долго Государь настаивал о записке: но наконец, поверя Плещееву, что я доволен буду Сенаторством в Москве, пожаловал меня Тайным советником и Сенатором в Московские Департаменты.

Сие происходило по утру 20 января 1797 года. Только что я проснулся, явились ко мне фельдъегери с поздравлением, и с кописью подписанного уже обо мне Указа, присланного от моих товарищей, которые очень не жалели о разлуке со мною; однако также неприятно им было и такое скорое мое повышение. Это точно так было, хотя некоторые из них сделались после уже хорошими мне приятелями.

Я поехал в дворец благодарить Государя. Он тогда был в кабинете. Докладчик и отберзатель дверей кабинетных, тот же ближний комнатный, о котором я уже два раза говорил, хотя по пословице: хоть с ангелами ликуй... однако, желая мне добра, говорил мне, что лучше поблагодарить после обеда, что Государь теперь возвратился с вахт-парада очень не весел: а ему хотелось бы, чтобы Государь принял меня в кабинете; и уверен, что непременно изволитъ то сделать, и с милостью; — только в лучший час. Я опять спорил с ним, уверяя напротив, что этого не будет; и, смеючись, говорил ему, что никак я о себе во всем лучше знаю придворную карту, нежели он; хотя впрочем он ее гораздо тверже моего знает. «Нет, отвечал он, — поверьте, что будет так, как я говорю; я с вами о каком угодно закладе ударюсь: только приезжайте после обеда». — «Пробьешь», сказал я ему.

Приехал я после обеда. Он пошел в кабинет докладывать Государю. Был там необыкновенно долго; ибо обыкновенно он, только отворяя двери, называл Государю того, кому есть надобности вой-

ти в кабинет, или вошедши в него, туже минуту отворял двери для входу кому надобно, или отказывал по воле Государевой. Тогда-же, побыв у Государя около четверти часа, вышел ко мне ожидавший у дверей кабинета, и с улыбкою, сперва тихонько мне сказал: «Вы правы»; а потом в слух при нескольких тут бывших: «Государь извиняется, что не может вас принять в кабинете. Он теперь занят письмом: а тотчас сюда выйдет».

Через несколько минут Государь вышел. В дверях он громко кашлянул — и когда я став на колени поцеловал у него руку; то он поцеловал меня два раза в щеку, сказал: «vous t'avez fait tousser». (Я от тебя закашлялся). Что значили эти слова, не знаю и по сие время; и никто из очень знавших покойного Государя не мог никогда мне их растолковать.

Таким образом кончилось придворное бытие мое.

Печатается по тексту: «Записки сенатора И.В. Лопухина». Москва, «Наука», 1990 г.

ИСКАТЕЛЬ ПРЕМУДРОСТИ, ИЛИ ДУХОВНЫЙ РЫЦАРЬ

Общие правила Духовных Рыцарей или ищущих премудрости, которые каждый вступающий перед введением в комнату приготовления должен подписать, клятвенно обещая исполнять их наистрожайше

1. Прилежное упражнение в Страхе Божиим и тщательное исполнение Заповедей Евангельских.

2. Непокоримая верность и покорность к своему Государю, с особливою обязанностью охранять Престол Его, не только по долгу общей верноподданных присяги, но и всеми силами стремясь изобретать и употреблять всякие к тому блажие и разумные средства; и таким же образом стараясь отбращать и предупреждать все, оному противное тайно и явно, наипаче в настоящее время Адского буйства и волнения противу Властей Державных.

3. Рачительное и верное исполнение Уставов и Обрядов своей религии. Примечание: из Христианских токмо религий могут быть приняты в Общество Рыцарей Ищущих Премудрости.

4. Совершенное повиновение учрежденным в Правительстве Начальствам и примерное наблюдение Законов Государственных.

5. С совокупными силами и каждому особо, сколько возможно, противоборствовать буйственной и пагубной системе мнимых и равенства, и стараться искоренять ее всеми искусными средствами действий разума и всякими возможными путями добрыми.

6. Стараться вообще распространять благонравие и делами и словами и произведениями разума, по силам и способностям своим.

7. Если бы при всей благонамеренности Учреждения Рыцарей Ищущих Премудрости, Верховной Монаршей Воле по каким-либо причинам заблагорассудится запретить их собрания, то повиноваться оному повелению безропотно и без малейшего нарушения его.

Печатается по тексту: «Искатель Премудрости, или Духовный Рыцарь». Москва, 1913 г.

ИЗ ТРУДА «НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ О ВНУТРЕННЕЙ ЦЕРКВИ,
О ЕДИНОМ ПУТИ ИСТИНЫ И О РАЗЛИЧНЫХ ПУТЯХ
ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ГИБЕЛИ»

М о л и т в а

Молитва растворяет душу к восприятию Духа благодати, и влечет к Нему. Она есть пища, укрепляющая на подвиге духовном.

Молитва должна быть основана на преданности. Смирненное предание себя в волю Божию есть лучший образ молитвы.

Когда же молящийся не может всю силою желания своего предаваться безусловно в оную волю, внутренне и внешне взывая ко Господу: Да будет воля Твоя! то по крайней мере да простит он в молитвах своих о том только, что угодно воле Божией. При сем, однако, должно принуждать себя всегда прошения свои запечатлевать преданием в волю Отчую; и при случающихся искушениях и отбращениях во время молитвы упорно пребывать в ней, дондеже одолеет сила, подвизаясь до поту кровавого. (Лука XXII. 42—44.)

Не надлежит молиться ни о чем, кроме того, что споспешествует ко священию имени Божия, к распространению царствия Его и к совершению воли Его. Молитва, заповедованная Иисусом у Матфея (VI.9—13), должна быть основанием и правилом молитвы. (В этих строках Евангелия от Матфея содержится Иисусова молитва: «Отче наш...». — Примеч. ред.)

Молиться должно во имя Иисуса, устремляясь всю мыслью и всем сердцем к Троидиному Вездесущему.

Должно творить молитву, как возможно внутренне, в сердце, подвизая к тому самые сокровенные чувствования. Чаще надобно стараться упражнять себя в молитве, производя ее в тайне в глубине души своей и затворив отверстие чувств грехолюбивых.

Посреди рассеяния, при самых утопаниях в тварях, мгновенные, даже в глубине души, обращения к Иисусу, приуготовляют дух ко благодатному помазанию и премного пользуют душу.

Сверх вышеереченного образа внутренней молитвы, которую на всяком месте и при всяком деле творить можно сверх моления с Христовою братиею своею во храмах, которое много может споспешествовать к созиданию благочестия, нужно и должно один раз или более в день (чем чаще, тем лучше) молиться в уединенном невидимом месте, сообразно велению Христову: молиться в клети затворенной (Матфей VI. 6.).

В таком уединении да молишься втайне наипаче от себя самого, то есть от самолюбия и самоугождения, могущих исказить наилучшую молитву исканием в ней собственного услаждения.

Самое телоположение в чувственном человеке должно и может способствовать к творению молитвы. Богочеловек Иисус, Спаситель Мира для спасения рода человеческого принявший на Себя совершенно человеческую натуру, сам падал ниц и преклонив колена молился, и был пот Его яко капли крови, каплющие на землю (Матфей XXVI. 39, Лука XXII. 41—44).

Печатается по тексту: «Некоторые черты о внутренней Церкви, о едином пути истины и о различных путях заблуждения и гибели». Санкт-Петербург, 1816 г.

АВРААМ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОПУХИН

(1774—1835)

Статский советник, капитан лейб-гвардии Преображенского полка в отставке, видный русский литератор рубежа XVIII и XIX веков.

СТИХИ А.В. ЛОПУХИНА

* * *

*Царей великий Петр всю славу омрачил,
Герой он истинный, отец подвластным был,
Победами гремел, предписывал уставы,
Народы просвещал, давал им новы нравы.*

*Дела его столь славы и столь громки,
Что поздние по времени потомки
Когда Петрову жизнь когда-нибудь прочтут,
Возможно, что ее за вымысел почтут...*

Нельзя не заметить известной иронии автора по отношению к Царю Петру. Прадед поэта был личным стольником Петра, а дед участвовал в короновании Государыни Елизаветы Петровны. Образ Царя Петра сложился у автора, по-видимому, под влиянием семейных преданий.

Опубликовано в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствования». Москва, 1793, часть X.

ЛОПУХИНЫ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

НЕТ МНЕ НУЖДЫ, ЧТО ПРИРОДА...

(песня)

*Нет мне нужды, что Природа
Приняла печальный вид,
Что испортилась погода:
Мне все Хлоя заменит.*

*Алы розы и зимою
На щеках цветут у ней,
Груди нежны белизною,
Превосходнее лилей.*

*Нет мне нужды, что престали
Птицы в роцах распевать.
Хоть бы век они молчали —
Хлоя я хочу внимать.*

*Лишь бы слышать голос милой,
Той, которую люблю.
Оживит он дух унылый
И расцветит жизнь мою.*

*Нет мне нужды, что скрывает
Солнца луч свой в облаках:
Для меня оно сияет
В милых Хлоиных глазах.*

*Я в восторге сладком таю,
Наверху блаженства я,
Когда Хлоя взор встречаю,
Устремленный на меня.*

Опубликовано в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Москва, 1795, часть VIII.

* * *

*В кибитке, тройкой запряженной
И словно вихрем вдаль несенной,
Скачу... И мерзлый снег хрустит,
И ветер сердце веселит.*

*Высоки Воробьевы горы,
Одеты инеем их боры,
Златые главы из-за них
Мелькают мимо глаз моих.*

*Москва! Ты для меня — вселенна!
Ты мне дала моих друзей
И прах мой, без души нетленной,
В святыне сохранишь своей...*

Опубликовано в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Москва, 1796, часть XII.

* * *

*Друзья вернулись издалеча.
Все живы, хоть духовна сеча
Была жестока и долга...
Но одолели вы врага.*

*Прошли, минули годы слезны.
С каким волненьем вас, любезны,
Я приглублю, обойму
И к сердцу своему прижму...*

Опубликовано в поэтическом сборнике «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений». Москва, 1796, книга I.
Издатель Н. Карамзин.

К ПРИРОДЕ

*Весна! Твоя волшебна сила
Дала Природе новый вид,
Зеленость роцам возвратила,
И луг цветами весь покрыт...*

*Все живо, счастливо весною,
И ты умеешь принуждать
Сердца, окутаны тоскою,
Восторгов сладость предвкушать.*

*Прелестным утром наслаждаясь,
Ту сладость ныне я вкушал.
Тебе всем сердцем предаваясь,
Тебя, весна, благословлял.*

*Как утро было тихо, ясно.
Как чист был свод земных небес!
Как солнца луч мелькал прекрасно
Сквозь зелень юную древес!*

*Цветы, росой окроплены,
Качались тихо на стеблях,
И ароматы в них скоплены
В воздушных плавали струях.*

*Меж тем, по роце раздавался
Влюбленных птичек стройный хор,
Амуру гимн их повторялся
Через отголоски ближних гор.*

*Но вдруг затихло все в Природе,
Чтоб слушать трели соловья.
Орфей певцов, всегда он в моде.
Ему внимая, таял я.*

*Всё сладострастие внимало;
Я с воздухом глотал его,
Через слух, чрез взоры притекало
Оно внутрь сердца моего.*

*Я был счастлив... И вдруг картина
Переменилась... Я вздохнул,
Тебя, жестокая судьбина,
Тебя сим вздохом упрекнул!*

*Я б тоже вечно наслаждался,
Не стал бы тоже я грустить,
Когда бы с теми обретался,
Которых я хочу любить!..*

Опубликовано в поэтическом сборнике «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений». Москва, 1796, книга I.
Издатель Н. Карамзин.

БОГИ

*Блеснул луч поздний просвещения!
Блеснул, и человек познал
Свои постыдны заблужденья,
Кумиров почитать престал.*

*Но всеж, и ныне всяк имеет
Собой созданных богов.
Иной всем жертвовать умеет
Для знати, титулов и чинов.*

*Другой во славе бога видит —
Министр, ученый иль герой.
Ее он ради ненавидит
Утехи скромны и покой.*

*Иной, к богатству наклоненный,
Свое в нем видит божество,
И блеском злата ослепленный,
Забудет дружбу и родство.*

*Другой — роскошных чувств служитель.
Жить для забав — его закон.
Страстей и нежностей ревнитель,
Для прочего бесчувствен он.*

*Нетрудно сделать исчисленье
Всего, что свет боготворит.
Что страсть — то новое служенье.
Все — бог, что сердце веселит!*

*Я сам, который вам вещаю,
Я божеством Фелису чту.
Но меньше всех я погрешаю:
Я чту невинность, красоту.*

Опубликовано в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Москва, 1796, часть XII.

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ЛОПУХИН

(1892—1904)

Крупнейший русский богослов и библейский историк рубежа XIX и XX веков, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии. Автор классических трудов «Библейская история при свете новейших исследований и открытий», «Толковая Библия», которые переиздаются и по сей день, переводчик на русский Полного собрания трудов одного из Отцов и Учителей Церкви святого Иоанна Златоустого и других богословских трудов. Об А.П. Лопухине — глава «Создатель «Лопухинской Библии» во втором разделе книги.

ОТРЫВОК ИЗ «РУКОВОДСТВА К БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ»

(глава «Общее ожидание Спасителя»)

Вавилонский плен, кроме своего значения как наказания иудейскому народу за его неверность завету с Иеговой, имел еще другое, более важное и глубокое значение для всего человечества. До него избранный народ жил более или менее отчужденно от остального мира, и свет истинной религии лишь изредка или в отдельных случаях проникал за пределы собственно земли обетованной. Теперь, с приближением «исполнения времен», свет этот должен был ярко засиять для всех, живущих во тьме и тени смертной, т. е. для всех языческих народов, дотоле погрязавших во тьме идолопоклонства. И этому великому делу оказали чудесное содействие те грозные ассиро-вавилонские завоеватели, которые, сами не сознавая того,

послужили могущественным орудием высшего промышления Божия. Переселяя цвет избранного народа в свою страну, бывшую центром языческой религии и языческого просвещения, они вместе с тем переселяли к себе миссионеров и проповедников истинной религии, которая должна была разъяснять тьму заблуждения. Влияние это сказалось отчасти уже на самих царях завоевателях, как это видно из примера Навуходоносора и Кира; но затем оно распространялось все шире и действовало все глубже. С этого времени иудейский народ сделался народом как бы всемирным: из плана вавилонского возврата в землю обетованную лишь незначительная часть его, громадное же большинство или осталось в Месопотамии, или по-немногу рассеивалось по всем направлениям, повсюду разнося с собою свет истинной религии и знание закона Божия. Эти иудеи, жившие вне Палестины, известны под названием иудеев разъяснения, и они оказали глубокое влияние на последующую судьбу языческого мира.

Иудеи рассеяния сначала собственно разделялись на три больших отдела — иудеев вавилонских, сирийских и египетских; но затем завоевания Александра Великого и римлян значительно расширили область иудейского рассеяния. Последовавшие перевороты в судьбе мира привели народы в необычайное движение, и поток завоеваний или промышленности быстро захватывал разрозненные части иудейского народа и разносил их по самым отдаленным странам. Преемник Александра Великого в Азии, Селевк Никатор, основатель нового Царства Сирийского, множество из них переселил из Вавилонии в главные города своего царства, надеясь, что их промышленный и предприимчивый дух послужит к процветанию его государства. И чрез несколько времени в Дамаске они считались уже тысячами и имели несколько синагог; и еще более их было в Антиохии, сделавшейся впоследствии центром греческой культуры на востоке. Гонения Антиоха Епифана не уничтожили их, а послужили только причиною проникновения их влияния в самые отдаленные части государства, куда убегали иудеи, укрываясь от преследования. В это время они проникли и далее на восток, в Мидию и особенно в царство Адиабенское (теперешний Курдистан, к северо-востоку от р. Тигра), где влияние их было так сильно, что даже царица Елена и наследный принц Изат сделались прозелитами иудейства. По сторону Евфрата иудейское население было рассеяно во многих местах, особенно в Пальмире и даже городах Счастливой Аравии. Затем множество иудеев жило в Армении и по различным странам и городам Малой Азии. Антиох Великий (223—187) переселил несколько тысяч иудейских семейств из Месопотамии во Фригию и Лидию и

наделил их особыми льготами. Из Малой Азии иудеи уже по влечению своего собственного промышленного духа расселились по всем островам Эгейского и Средиземного моря, проникли в главнейшие города Греции и Македонии, и мы встречаем их в Филиппах, Фессалонике, Верии, Афинах и Коринфе, где у них были или синагоги, или просто молитвенные дома. Тот же дух торговой предприимчивости двигал их еще дальше на запад, в самый Рим, как столицу новой всемирной монархии, и даже в Испанию, где они могли рассчитывать на обогащение как в стране, славившейся своими рудниками золота и серебра. Много иудеев переселено было в Рим Помпеем в качестве пленных, и по освобождении их они сделались римскими гражданами и жили в особом, отведенном им за Тибром квартале. При императоре Августе их числилось в Риме уже до восьми тысяч человек, а затем они размножились до того, что следующие императоры вынуждены были прибегать к таким крутым мерам, как изгнание их из Рима (известные указы Тиберия и Клавдия, предписывавшие иудеям удалиться из Рима). Затем иудейские поселения были рассеяны и по всему берегу северной Африки, и особенно в большом городе Кирене, откуда иудейские пилигримы часто встречались в Иерусалиме (Симон киринейнин — Матф. XXVII, 32). Наконец поселения их встречались, по свидетельству Филона, от гор Ливийских до самой Эфиопии, куда они, вероятно, переселялись из Аравии, находившейся в постоянных торговых сношениях с этими странами и особенно с Египтом. Казнохранитель царицы Кандакии был из Эфиопии, и то обстоятельство, что он был прозелит, указывает на сильное влияние там иудеев. Но, несомненно, самым важным пунктом иудейского рассеяния была Александрия в Египте. Основанная великим македонским завоевателем в 332 году до Р. Христова, она в течение нескольких столетий была одним из знаменитейших и славейших городов мира. В то время как собственно в Нильской долине продолжало жить древнее египетское население с его религией и обычаями, города Дельты и особенно Александрия наполнялись греками и иудеями. Помимо своего богатства, своих роскошных улиц и зданий, Александрия славилась необычайным оживлением умственной жизни. Птоломей I основал там знаменитый музей, в котором содержалась александрийская библиотека со множеством драгоценных книг, и при нем же были помещения для ученых, художников и поэтов, которые прибывали из всех стран мира, чтобы побывать в главном храме всемирной литературы и искусства. И рядом с этой умственной жизнью кипела деятельность промышленная, так что торговые сношения Александрии простирались до

Аравии и Индии, по всем странам Малой Азии и берегам Средиземного моря. Положение иудеев в этом центре мировой жизни (куда первая партия их была переселена самим основателем Александрии) было в высшей степени благоприятное. Пользуясь покровительством правительства, они беспрепятственно предавались всевозможным родам промышленности, жили самостоятельной общиной и управлялись даже своим собственным главою или алавархом, разделявшим впоследствии свою власть с особым советом старейшин. Даже в религиозном отношении они находились в весьма выгодном положении, так как у них в Леонтополе, в Илипольском округе, был собственный храм, построенный первосвященником Онией (в 150 г.) по плану скинии Моисеевой, и в нем совершалось богослужение в таком же порядке, как и в храме иерусалимском. Одним словом, иудеи после плена вавилонского рассеялись по всему известному тогда миру, так что римский географ Страбон не без основания говорит, что «едва ли можно найти такое место на земле, где бы не было этого племени и которым оно не овладело бы». И к этому александрийский иудей — писатель Филон прибавляет: «Иудеи, не как другие народы, запертые в границах своей страны: они обитают почти по всему миру и расселились по всем материкам и островам».

При этом особенно замечательно было то, что, несмотря на рассеянность по всему миру, все эти иудеи рассеяния отнюдь не затеривались между иноплеменными и чужеземными народами, а как бы составляли один народ, связанный между собою неразрывными узами. Правда, они забыли свой язык, говорили и писали по преимуществу на греческом языке (вследствие чего и назывались эллинистами); но общая вера в живого Бога, который не переставал иметь попечение о своем избранном народе, не только внушала иудеям чувство своего превосходства над окружающими язычниками с их мертвыми и ничтожными богами, но и охраняла их от смешения с ними. Их привязанность к Моисееву закону также содействовала поддержанию в них сознания своей народности, как отличной от всех других окружающих народов. Закон этот определял каждый шаг их жизни, устанавливал своеобразные нравы и обычаи, давая религиозное значение всякому проявлению жизни и деятельности, и этим воздвигал то средостение, которое не позволяло иудеям смешиваться с язычниками. Кроме того, у них было общее св. Писание, на котором воспитывался весь народ, проникаясь духом, который не имел ничего общего с языческим миром. Учение, преподаваемое св. книгами, дополнялось в синагоге. Где только ни жили иудеи, они непременно собирались по субботам в синагогах, бывших для них школа-

ми закона Божия, для общей молитвы и взаимного назидания и изъяснения св. Писания, и эти собрания поддерживали в них общинный дух единения и взаимности.

Кроме св. Писания, в то время уже законченного, у них существовала особая назидательная литература — неканоническая, которая продолжала развиваться в это время. Среди них были такие важные сочинения, как книга премудрости Соломоновой, составленная неизвестным автором на основании передававшихся устно изречений мудрейшего царя; сродная с нею книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, содержащая в себе мудрые правила на разные случаи жизни; книга Юдифь, содержащая повествование о геройстве этой иудейки, которой город Ветилуя обязан был спасением от жестокого врага, и книги Маккавейския, содержащая повествование о геройской борьбе Маккавеев за веру. Вся эта литература проникнута глубоким религиозным патриотизмом, который поддерживал в иудеях сознание своего единства по вере и крови.

Но одним из самых сильных средств поддержания единства между иудейским миром было его постоянное сношение с Иерусалимом, как общим центром всего иудейства. Каждый год отовсюду через особых уполномоченных различные общины посылали в Иерусалим законенную подать в полсикля священного и щедрые приношения; туда же прибывали все, кому нужно было добиться решения каких-либо важных дел от первосвященника или синедриона, а также и все, кто хотел получить высшее образование в школах; наконец годовые праздники привлекали в Иерусалим тысячи богомольцев, которые стекались положительно со всех концов мира. И, наоборот, из Иерусалима во все страны мира расходились книжники, которые, получив образование в школах «мудрых», искали себе поприща деятельности среди единоплеменников в различных странах. Из Иерусалима же ежегодно рассылались по всем иудейским общинам календари, в которых определялись священные времена, и особые вестники с сообщением о наиболее выдающихся событиях, касающихся иудейского мира. И результатом такого оживленного взаимообщения было то, что разбросанные по всей земле иудеи живо сознавали себя одним народом, и достаточно было донестись до Иерусалима известию, что какая-нибудь иудейская община где-нибудь на Дунае или в Ливийской пустыне терпит голод или нужду, как весь иудейский мир приходил в движение и спешил оказать помощь своим страждущим братьям.

Эта национальная исключительность и взаимная сплоченность иудеев рано стала возбуждать подозрение и вражду в языческих на-

родах, и это неприязненное чувство не замедлило еще более усилиться, когда иудеи явились сильными соперниками в торговых делах и захватывали в свои руки всю промышленность той или другой страны. Главным их занятием была торговля. Мелочная торговля и мелкие денежные обороты были почти исключительно в их руках. В некоторых местах они захватывали в свои руки даже оптовую торговлю. В Александрии почти вся хлебная торговля проходила через их руки, и они были почти исключительными посредниками, через которых Рим производил сношения с отдаленным востоком. Да и вообще, где только можно было заработать деньги, там непременно являлся иудей, и мы встречаем их в Риме в качестве ученых, поэтов, актеров и певцов. Многие из них успели скопить громадные богатства, и влияние их чувствовалось в самых дворцах. Все это, естественно, возбуждало против них туземное население, часто попадавшее в денежную кабалу к ним, и ко времени Рождества Христова языческий мир, даже в лучших его писателях, относился к ним уже с крайнею враждебностью и презрением. Касательно их распространялись чудовищные сказания. Предками их считались прокаженные, изгнанные из Египта. В пустыне, при недостатке воды, один осел будто бы указал им источник, и поэтому они поклонялись ослу, как богу. Даже такой серьезный писатель, как историк Тацит, думал, что Моисей дал им законы, противные всяким человеческим нравам. Запрещение свиного мяса было неистощимой темой остроумия римских юмористов. Где только ни появлялся иудей, его непременно преследовали языческие насмешки; на театральной сцене он был постоянным предметом плоских острот, которые, однако же, всегда вызывали смех, а на улице он часто должен был выносить довольно грубые неприятности от толпы, переходившие иногда в опасные побоища, требовавшие вмешательства правительства, как это не раз бывало особенно в Александрии и Антиохии.

Несмотря однако же на такое отношение языческого мира к иудеям, влияние их на этот мир не отрицали сами язычники, и оно усиливалось с каждым годом. Этому содействовало самое состояние языческого мира. Он клонился уже к упадку и разложению. Великая монархия востока — Египетская, Ассирийская, Вавилонская и Персидская — все поочередно господствовали и исчезли. Александр Македонский пытался воссоздать их на почве греческой культуры, но созданная им монархия не пережила своего основателя и после его смерти распалась на несколько отдельных частей, которые легко сделались добычею Рима. И вот Рим сделался властелином всего мира. Римские орлы победоносно пронеслись от берегов Евфрата на востоке до стол-

пов Геркулеса на запад и от берегов северной Африки на юге до Британских островов на север. Достоянием их сделалась вся площадь земного шара, на которой проходила древняя история и которая включала новые страны с новыми полудикими народами, ожидавшими культурного возрождения. Великолепные военные дороги римлян соединили между собою народы всего цивилизованного мира, и началось изумительное круговращение в области религии, литературы, искусства и промышленности, какого еще не видано было в истории человечества. Рим, как столица мира, стягивал к себе все, что было лучшего в тогдашнем мире, и из него обратно расходилась во все стороны своеобразная римская цивилизация, разносимая легионами, правителями, писателями, купцами и промышленниками всякого рода. Это необычайное взаимообщение народов имело глубокое влияние на религиозно-нравственное состояние языческого мира. В Риме пришли в столкновение между собою всевозможные языческие культы, и их бесконечное разнообразие по необходимости должно было привести к убеждению, что языческие боги составляют лишь произведение самих народов и отнюдь не в состоянии удовлетворять присущей человеку потребности в безусловной истине религии.

Сильнее всего это сказалось на самих римлянах, вера которых в своих богов уже раньше была подорвана распространением греческих философских сочинений, прямо издевавшихся над олимпийцами как над измышлением детского разума. Но так как человек не может быть без религии, то началось томительное искание истинного Бога, и в поисках за ним перебраны были все известные тогда религии и культы, и чем таинственнее был культ, вроде египетского, тем больше имел он приверженцев. В это же время многие стали невольно обращать внимание и на таинственного Иегову, религия которого поражала изверившихся в своих богов язычников тем сильнее, что она отвергала всякие символы для изображения этого Бога. Иудеи пользовались этим и приобретали себе прозелитов и приверженцев, среди которых были и члены знатных римских фамилий и даже члены императорского дома (императрица Поттия Сабина). Прозелиты разделились на два класса: пришельцев врат и пришельцев правды, отличавшихся между собою степенью принятия иудейства. Для первых достаточно было общей веры в Иегову с принятием «Ноевых законов», а от вторых требовалось полное подчинение всем постановлениям закона Моисеева. Большинство язычников ограничивалось первой ступенью, но было много и таких, которые вполне принимали иудейство. Этому движению еще более способствовало нравственное падение языческого мира, как

неизбежное следствие падения религиозного. Вместе с языческими культурами востока в Рим вторгнулся и тот безнравственный тлен, который был неразлучен с ними. Отсюда началось ужасное общественное разложение, приводившее лучших людей к отчаянию (Рим. I, 26 и сл.). Не видя никакой отрады в настоящем и потеряв всякую веру в будущее, люди задыхались от духовной пустоты и искали себе исхода или в безумных оргиях наслаждений, или же в самоубийстве, которое сделалось самым обычным явлением. Даже знаменитый философ Сенека, удрученный печальной действительностью, указывал на самоубийство как лучший способ избавиться от невыносимого положения. Но самый инстинкт самосохранения противодействовал принятию такого ужасного способа, и потому, естественно, большинство искало другого исхода и находило его в присущей человеческому сердцу надежде на лучшее будущее.

Лучшие язычники стали надеяться, что откуда-нибудь должно было прийти спасение, если не от людей, то свыше. И надежда эта как раз совпала с тем ожиданием Избавителя мира, которое все сильнее разгоралось в иудейском мире и все шире распространялось через иудеев среди языческих народов. По свидетельству римских историков Светония и Тацита, в то время между римлянами и другими языческими народами ходила широко распространенная молва, что на востоке скоро появится могущественный царь, который покорит себе мир. Римские поэты воспевали ожидаемое появление чудесного избавителя. Виргилий в своей знаменитой четвертой эклоге воспевал младенца, который должен был восстановить золотой век. Младенец этот снизойдет с неба, и на земле водворится мир; щедро будет он изливать свои дары; стада не будут бояться львов, ярмо снимется с шеи пашущего вола, и земледелец уже не будет работать в поте лица своего. Это славное мечтание римского поэта несомненно было отголоском знаменитого пророчества Исаяи, что «родится Младенец, которому нарекут имя: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира», и тогда «волк будет жить вместе с ягнком, и барс будет лежать вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя поведет их» (IX, 6; XI, 6).

Все таким образом показывало, что приближилось «исполнение времен». Собственно среди иудеев ожидание пришествия Спасителя или Мессии достигло наивысшего напряжения. Древняя предсказания пророков сделали предметом самого тщательного изучения и истолкования, и самой любимой книгой была книга пророка Даниила с ее точнейшими определениями касательно времени явления Мессии. Неканонические книги подтверждали и разъясняли эти предсказания,

дополняя их своими собственными соображениями и заявляя, что скоро сыны Израиля опять будут собраны в Иерусалим из отдаленных стран для поклонения своему Господу Богу (2 Макк. II, 18) и что потомство Давидово будет владеть престолом во веки (1 Макк. II, 57). Эти предсказания получили еще большее развитие в так называемых «Сивиллинских книгах», представляющих собою собрание пророческих изречений в стихах, наподобие языческих оракулов, и написанных, по всей вероятности, каким-нибудь иудеем из Александрии около 140 г. до Р.Х. В них говорится, что скоро должен явиться царь, который положит конец всяким войнам на земле. Язычники, которые соберутся против Иерусалима, погибнут. Под покровительством посланного с неба царя, Израиллю будут дарованы мир и благоденствие, и затем сами языческие народы будут также приведены к поклонению истинному Богу и Его храму. Наконец Бог учредит на земле вечное царство мира, «в которое будут собраны все народы». Ожидание это было до такой степени живо, что самые правители израильского народа во времена Маккавеев принимали власть лишь условно, «доколе восстанет Пророк верный» (1 Макк. XIV, 41). В народе все неволью чувствовали, что пришло исполнение времен и спасение Израилево. При появлении всякого выдающегося проповедника или пророка все неволью спрашивали, не он ли Христос (Иоанн. I, 19, 20; Матф. XI, 3). Даже полуязыческие самаряне ожидали, что скоро придет Мессия, который разрушит все спорные вопросы между ними и иудеями касательно религии (Иоанн. IV, 25). Многие при этом не ясно представляли себе, в каком виде явится Мессия, и ожидали увидеть в Нем просто всемирного завоевателя, который покорит иудеям весь мир и оснует вечную монархию иудейскую. Но все более просвещенные духовно люди ожидали в Нем истинного Мессию, который искупит человека от рабства греху, водворит мир в возмущенной душе, призовет к себе всех труждающихся и обремененных, откроет вековечную истину спасения и оснует вечное царство Божие на земле.

И истинный Мессия пришел, наконец, и в ночь пришествия Его небеса над Вифлеемом иудейским огласились торжественною песнью ангелов, возвещавших наступление новой эры в истории человечества: «Слава по вышним Богу, и на земле мир, в человеках благоволение».

Печатается по тексту: А.П. Лопухин. «Руководство к Библейской истории Ветхого Завета». Монреаль, 1986 г.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛОПУХИН

(1864—1928)

Либеральный правовед, в 1902—1905 годах был директором Департамента полиции МВД России, затем Эстляндским губернатором. Вступив в партию кадетов, разоблачил знаменитого провокатора и двойного агента полиции Евно Азефа. За это был осужден и сослан в Сибирь. По возвращении оттуда работал в банках. В 1923 году уехал с семьей во Францию, в 1928-м скончался в Париже. О нем — глава «Директор Департамента полиции» во втором разделе книги.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ

Мое знакомство с С.Ю. Витте.

Личное мое знакомство с С.Ю. Витте произошло в 1901 г. Но, прибегая к его же выражению по поводу одного из его сослуживцев, я могу сказать, что «открылся» он мне раньше. Летом 1899 г., когда я был прокурором московского окружного суда, в Москве возникло громкое уголовное «Мамонтовское» дело. История его возникновения весьма для С.Ю. Витте характерна.

Савва Иванович Мамонтов, видный делец и известный меценат, был крупным акционером и председателем правления общества Московско-Ярославо-Архангельской железной дороги. Дела его с построенной бездоходной в то время ветви от Вологды до Архангельска пошатнулись до пределов катастрофических. В столь же печальном положении оказались и дела патронировавшегося обществом Московско-Ярославо-Архангельской дороги акционерного общества Невских судостроительного и вагоноделательного заводов. Для поддержания того и другого предприятия заправили их с Мамонтовым во главе

прибегли к способам, законом запрещенным. Путем разных комбинаций, в которых главную роль играли фиктивные сделки, фиктивные счета и такие же записи в книгах, они умудрялись перебрасывать деньги из кассы дороги в кассу заводов и обратно и создавать на бумаге декорум их кредитоспособности. Эти приемы запутали дело еще больше, крах казался неминуемым, когда для спасения от него средство было найдено. С.И. Мамонтову удалось добиться для общества Московско-Ярославо-Архангельской дороги концессии на сооружение так называемой Северной железнодорожной линии Петербург—Вологда—Вятка, высокая доходность коей представлялась вне сомнений и должна была компенсировать недоборы общества, от Архангельской ветви до времени более интенсивной работы последней. Вышеупомянутая концессия была дана в законодательном порядке, высочайше утвержденным мнением Государственного Совета. Этот законодательный акт состоялся при полной осведомленности министерств финансов и путей сообщения о переживавшихся концессионером, железнодорожным обществом, финансовых затруднениях и тех способах, которыми правление его пыталось из них выйти. Мало того: к акту этому министерства относились именно как к средству спасти общество от финансового краха, объем которого, как ни трудно было предугадать, представлялся весьма грозным.

С концессией все предвещало обществу Московско-Ярославо-Архангельской дороги блестящее будущее. Как вдруг над предприятием этим разразилась гроза, разметавшая в прах все надежды и нагрянувшая неожиданно оттуда, откуда обществу были только что оказаны поддержка и спасение. То самое министерство финансов, которое в лице его главы, С. Ю. Витте, только что выступало в качестве инициатора в вопросе о предоставлении названному обществу выгодной концессии, выступило в лице того же С.Ю. Витте с требованием об отобрании у него этой самой концессии и о принятии мер, которые были сознательно направлены к финансовой гибели и железнодорожного общества, и крупных его акционеров. По инициативе С.Ю. Витте в Комитет министров было внесено дело о том, чтобы законодательный акт о предоставлении обществу Московско-Ярославо-Архангельской дороги концессии на Петербурго-Вятскую ветвь был отменен и ветвь эта строилась бы на средства казны. Никаких новых данных, которые были бы в состоянии обусловить такой неожиданный поворот дела, в распоряжении министерств не было и быть не могло. Никто, конечно, в Государственном Совете не согласился бы понять, почему одна и та же мера на расстоянии нескольких месяцев представлялась и возможной, и невозможной, и потому правительство и не посмело внести

свое представление в Государственный Совет, а направило его в Комитет министров, куда, по авторитетному свидетельству его бывшего председателя, все того же С.Ю. Витте, министры имели обыкновение направлять все те свои предположения, которые противоречили закону и справедливости. В Комитете министров представление министерства было, конечно, принято, и на положение о том Комитета министров последовало утверждение Николая II. С точки зрения правовой создано нечто совершенно уродливое и даже не вполне обычно: законодательный акт оказался отмененным постановлением, изданным в порядке управления. По существу же суровые меры этим не ограничились и, все по инициативе С.Ю. Витте, против Мамонтова и его коллег было возбуждено уголовное преследование за те самые противозаконные финансовые комбинации, о которых министерство финансов не только прекрасно знало, но которые оно покрывало ходатайством перед Государственным Советом о передаче выгодной концессии в руки тех самых людей, которых оно затем решило посадить на скамью подсудимых.

Все это на первый взгляд представлялось совершенно непонятным. Наличие злоупотреблений со стороны Мамонтова и его сотрудников была вне сомнений. Но вместе с тем, сравнительно с распространенным типом дельцов, которые безо всяких церемоний перекладывали в свои карманы деньги из касс руководимых ими предприятий и оставались безнаказанными, они представлялись людьми гораздо более зарвавшимися в предпринимательстве, чем нечестными. Защищать нравственность их поступков, конечно, было невозможно, но и выбор министерством финансов именно их в качестве дани правосудию казался непонятным. Ясны были незаконность одних мер, избыток жестокости в других, что вместе с отсутствием справедливых мотивов заставляло подозревать за всем этим наличие какой-то крупной интриги. Она вскоре и вскрылась.

Предоставление о-ву Московско-Ярославской железной дороги концессии на Петербурго-Вятскую линию значительно подняло на бирже акции этого общества. Большинство их, принадлежавшее С.И. Мамонтову и его родне, было заложено в Петербургском Международном Коммерческом банке в обеспечение ссуды, взятой Мамонтовым для покрытия подписной цены дополнительного выпуска этих акций, вызванного полученной концессией. Последовавшее за тем отобрание у общества концессии и уголовное преследование состава его правления создали на бирже (в отношении этих бумаг) панику и катастрофическое падение их цены. Банк потребовал от Мамонтова внесения разницы цены бумаг или дополнительного обеспечения долга. А

так как и то и другое было Мамонтовым не по силам, находившиеся в руках банка акции их подверглись принудительной продаже и по низкой цене достались банку. Но и банк от этого не выиграл. По новому проведенному С.Ю. Витте акту права Московско-Ярославско-Архангельского общества на принадлежавшую ему железную дорогу от Москвы до Архангельска со всем ее имуществом, в явное нарушение всегда отстаивавшемся русским правительством принципа неприкосновенности частной собственности, были аннулированы, и все акции его были принудительно отчуждены в казну по убыточной для акционеров цене. Мамонтовы были разорены. Присяжными заседателями они по возбужденному против них уголовному делу были оправданы. К репутации же С.Ю. Витте история так называемого Мамонтовского дела, в глазах всех, кто знал его закулисную сторону, прибавило лишь темное пятно обвинения в беззастенчивом выборе средств и в произволе.

При производстве следствия по Мамонтовскому делу, при осмотре следователем документов, отобранных у одного из обвиняемых, заведывавшего коммерческим агентством Московско-Ярославской железной дороги, в записной его книжке была обнаружена запись, свидетельствующая о взятке, данной директору железнодорожного департамента министерства финансов, по всем данным, за содействие в предоставлении Московско-Ярославской железной дороги той концессии, которая у него была впоследствии отобрана, что и было подтверждено показанием хозяина книжки. Весь обвинительный материал был сообщен министру финансов, С.Ю. Витте, так как по действовавшему закону уголовное преследование против должностного лица могло быть возбуждено только его начальством. Начальство же, в лице С.Ю. Витте, дело против своего подчиненного в данном случае замяло, дало ему возможность по своей воле уйти в отставку и устроиться на теплое место в частном предприятии.

Вот каким С.Ю. Витте «открылся» мне еще раньше моего личного знакомства с ним. Оно состоялось в 1901 г., когда я уже был в Петербурге прокурором окружного суда. Затем, в 1902 г., когда я был назначен директором Департамента полиции, он пожелал возобновить знакомство со мной, через одного моего родственника пригласил к себе, и я несколько раз бывал у него, но очень скоро на приглашения стал отвечать отказом, и наши встречи прекратились.

Печатается по тексту: А.А. Лопухин «Отрывки из воспоминаний». Москва-Петроград, Государственное издательство, 1923 г.

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ ЛОПУХИН

(1871—после 1940)

Действительный статский советник, камергер и кавалер многих российских орденов, последний директор Департамента общих дел МИД Императорской России. После октябрьского переворота оставил службу, отправил за границу семью, жил одиноко и крайне бедно. Вероятно, репрессирован в конце 30-х годов. О нем — в главе «XX век» в первом разделе книги.

ОТРЫВОК ИЗ ЗАПИСОК «ПОСЛЕ 25 ОКТЯБРЯ»

26 октября с утра стрельба в городе возобновилась и продолжалась весь день. Большевики доламывали пытавшихся еще сопротивляться юнкеров. Часть юнкеров засела в доме нашего министерства на Морской (№ 20), куда юнкера были двинуты отступить расположенную в доме рядом (№ 22) центральную телефонную станцию. Теснил оттуда юнкеров отряд матросов. Бой был ожесточенный. В середине дня сопротивление юнкеров было сломлено.

Я не ходил в министерство, заболев гриппом еще накануне 25 октября. Точно нарочно расхворался к этому дню. Ведь уже с начала месяца было известно, что именно 25 октября состоится выступление большевиков для захвата власти. Вечером ко мне зашли сослуживцы. Рассказывали, что министры временного правительства, захваченные в Зимнем Дворце, были арестованы и отвезены в Петропавловскую крепость. Керенский бежал. Большевики

сформировали правительство, собравшееся в Смольном. Я продолжал прихварывать и не выходил.

27-го прибыл в министерство назначенный народным комиссаром по иностранным делам большевик Урицкий. Описывали мне его коренастым, небольшого роста, прихрамывающим, с бритым лицом, в пенсне, угрюмым, молчаливым. Урицкий обошел помещения министерства. Особо служащих не собирал и с речью к ним не обращался.

Юнкера повсюду, где еще держались, были сломлены. Стрельба затихала. Улицы понемногу заполнялись народом. Солдаты и матросы останавливали офицеров и срывали с них погоны.

Урицкий недолго оставался во главе нашего министерства, ограничившись единственным его посещением. Дня через два на смену ему в министерство прибыл Троцкий. Он собрал служащих, держал им речь. Но она успеха не имела. По-видимому, служащие плохо слушали обращенное к ним слово. События были ярче и резче речей. По крайней мере, те из сослуживцев, которые меня посетили в этот день, никак не могли передать мне содержание речи Троцкого, хотя последовавшая затем встреча и показала, что Троцкий хорошо владел словом и говорил ясно и ярко. За ним вообще установилась репутация оратора. Зато обстоятельно рассказывали мои посетители, как служащий министерства Чемерзин (в свое время офицер лейб-гвардии егерского полка, бывший короткое время, после перехода в дипломатическое ведомство, поверенным в делах нашего очень маленького и очень скромного по рангу представительства в Абиссинии), рассчитывая произвести сенсацию, пытался изобличить Троцкого в самозванстве: «Вы Бронштейн, а не Троцкий. Присваивая себе не принадлежащее вам имя, вы являетесь самозванцем». Троцкий отвечал, что столько-то лет не прекращавшейся борьбы и подполья, чередовавшихся с заключениями в царских тюрьмах, когда по необходимости приходилось измышлять себе «боевую кличку» политического борца, в достаточной степени оправдывают присвоенное конспиративное имя, под которым он, Троцкий, и наиболее известен в политических кругах. Выходка Чемерзина прозвучала фальшью конфузной фанфаронады.

Троцкий потребовал явки на следующий день начальников отдельных частей министерства для передачи дел ведомства народному правительству. Мне посоветовали прийти. Имелось основание ожидать, что кто не придет — того приведут.

Поэтому, хотя мне все еще немного нездоровилось, я наутро отправился в министерство. Собрались в колонном зале пустовав-

шей со времен Н.Н. Покровского квартиры министра начальствовавшие лица, за исключением А.А. Нератова, выехавшего зачем-то в Москву. Пришли и вице-директоры, и помощники начальников отделов, и другие, преимущественно старшие, служащие. Из разговоров выяснилось, что без всякого предварительного сговора, совершенно стихийно назрело решение большинства служащих не оставаться на службе при большевистском правительстве. И не по одному нашему ведомству, но и по другим.

Как и почему пришла к такому решению служившая интеллигенция? Большевики неправильно приписывали это решение сговору служащих под влиянием противных большевикам политических партий. Громадное большинство служащих составляли беспартийные люди, на которых никакие вообще политические партии влияния не имели. Даже наиболее популярная среди служилой интеллигенции того времени партия кадетов не охватывала сколько-нибудь значительной массы служащих. Дело представлялось проще. Чуждое вообще политических партий, мало знакомое с их учениями и программами, огромное большинство служащих было плохо осведомлено о большевиках. Можно положительно утверждать, что до прихода большевиков к власти служившая интеллигенция в ее большинстве не ведала идеологии большевизма, не разбиралась в марксизме, не читала Маркса, слышала, что им написан «Капитал», но «Капитала» не читала. И это речь идет об интеллигенции в ее массе, имевшей штамп высшего образования. В служилую же интеллигенцию входили грамотные люди и значительно более низкого образовательного уровня. В то же время фабрики, заводы, казармы были охвачены большевистской пропагандой. Вот и получился такой результат, что низовой общественный слой той эпохи познал, хоть и в обиходных чертах, большевизм и проникся симпатиями к нему, а интеллигенция оказалась в стороне, в недоумении перед чем-то неведомым, а по темпераментности выступлений и пропаганды — и перед чем-то грозным. И большевики подбавили еще страху тем, что, возглашая в речах, в печати, в лозунгах «смерть капиталистам и помещикам», они, большевики, этим своим призывом смерти на головы классовых врагов грозили и «царским чиновникам».

Ну, могли ли эти «царские чиновники», не ведая идеологии большевиков, а слыша и видя, что она призывает на царских чиновников смерть, не почувствовать ни страха, ни обиды? А именно они: эти, едва ли кому нужные, внушенный чиновникам **страх** и нанесенная **обида** — являлись главнейшими стимулами воздержания служащих от сотрудничества с новой властью.

Менее общую причину была наивная уверенность многих в том, что большевики пришли ненадолго. А потом? Вернутся те, что ушли, и всыпят за службу большевикам так, что если и жизнь оставят, то не обрадуешься! В этом отношении большой вред принесла посланная с дороги бежавшим Керенским телеграмма, предписывающая служащим учреждений «не подчиняться и не сдавать дел лицам, именуяющим себя народными комиссарами». И в такой же степени вредным было постановление собравшейся при одном из белых правительств на юге группы сенаторов о предании суду с возвращением «законного правительства всех служащих, оставшихся в должностях после прихода большевистской власти».

В ожидании Троцкого среди собравшихся шла речь не об оставлении службы — этот вопрос считался окончательно решенным, — а о том, что делать после, какие могли бы быть изысканы другие заработки, оставаться ли в Петербурге или ехать куда — на юг, за границу?..

Я беседовал с Петряевым и моим помощником вице-директором Афонасьевым. Вошли, в сопровождении курьера министерства, какие-то посторонние люди. Трое. Впереди полный седой старик с эспаньолкой, разросшаяся в большую бороду. «Это они?» — спросил я собеседников. «Нет, — ответил Петряев, — но кто бы это мог быть? Что за люди? Что им здесь нужно? В такой момент!» Петряев подошел к прибывшим. Обменялся с ними несколькими словами. отошел. Они, как стали, войдя в зал, так и продолжали стоять на месте. Оказалось, иностранцы не то шведы, не то голландцы. Прибыли для каких-то переговоров с министром и ближайшими его помощниками. Петряев объяснил им ситуацию. Посоветовал дождаться Троцкого. «Вот выбрали время для своих делишек!» — дивился Петряев. «Жизнь не ждет», — подумал я. Страна взвилась на дыбы. Все полетело вверх-тормашки! А иностранцы знают себе ничего не знают. Пожалоуали проводить свои дела.

И вслед за иностранцами, почти тотчас, вошли двое. «Помощники Троцкого», — пояснил Афонасьев. Они приближались. Я смотрел на шедшего впереди и глазам своим не верил: двоюродный брат моей жены Евгений Дмитриевич Поливанов — двоюродный племянник бывшего военного министра, генерала Алексея Андреевича Поливанова, недавно перед тем окончивший университет молодой человек, о котором в бытность его студентом говорили, что он член черносотенного «Союза русского народа»!

Студент Евгений Поливанов посещал мою семью, бывая хотя не часто, но не прерывая связи в течение нескольких лет подряд. Я

ценил в нем выдающиеся его способности. Поступив в университет по тем временам в очень молодом возрасте, 17 лет, он одновременно проходил два факультета: историко-филологический и восточных языков. И оба факультета, ни на одном курсе не задержавшись, окончил по первому разряду в положенный четырехлетний срок. Он был умен, талантлив, но что-то в нем предубеждало против него, исключало возможность сближения, не давало установиться симпатии. Не то, что, к немалому нашему удивлению, он оказался, несмотря на молодость, запойным пьяницей, морфиноманом, кокаиноманом! Эти тщательно скрывавшиеся его пороки вскрыл происшедший с ним несчастный случай. В пьяном виде он соскользнул с площадки вагона перед остановкой поезда у перрона Ораниенбаумского вокзала и лишился руки. Но не несчастные его слабости отталкивали от него. Мало ли мы встречаем среди отпетых алкоголиков и наркоманов людей отменно симпатичных. Отвращала искренний порыв какая-то всего его пронизывающая неискренность слов, взгляда, выражения лица, всякого движения.

«Товарищ Троцкий, — гудел, здороваясь, Поливанов не ожидавшимися при взгляде на его субтильную фигуру низким басом, — поручил мне и товарищу Залкинду, — здороваемся со спутником Поливанова, молодым человеком несколько постарше, небольшого роста, с маленькими черненькими усиками, густыми зачесанными назад темными волосами и раннюю проседь на висках, — товарищ Троцкий поручил извиниться перед вами. Сегодня он не может быть у вас. Занят неотложными делами в Смольном. Будет завтра с утра. Просит вновь собраться к десяти часам».

Наши стали расходиться. Ушли иностранцы.

Расспросив Поливанова, с какого времени он примкнул к большевикам — оказалось, с начала лета, — и поговорив с прибывшим из-за границы Залкиндом на затронутую тему о наших консулах — он с теплым чувством отозвался о приятеле моем, бывшем сослуживце по второму департаменту, консуле в Алжире, Александре Константиновиче Васильеве, — ушел и я.

На следующее утро я поднимался по лестнице министерства в непривычной обстановке пустоты и безмолвия. На первой площадке направо, перед входом в канцелярию, стоял на часах, с ружьем в руках, видимо, рабочий — в черной косоворотке под пиджаком и в становившейся уже в ту пору универсальным пролетарским головным убором блинообразной кепке, скошенной набок. Выше — еще рабочий-часовой и небольшая группа министерских сторожей и курьеров, не успевших еще снять с себя своих темно-вишневых

полукафтанов с красным воротником и серебряными пуговицами с орлами.

Вхожу в приемную перед кабинетом министра. Она пустая. Я один. Где другие начальники отдельных частей министерства? Может быть, они меня опередили? Пришли раньше? И, уже освободившись, ушли? Задумчиво шагаю по приемной из угла в угол. Давно ли, в ожидании доклада у министра, мы здесь пили пятичасовой чай с традиционным куличом и кондитерским печеньем?

Отворяется дверь. Входит человек небольшого роста, сухощавый, чернявый, некрасивый в бросающейся в глаза, чрезвычайной степени. Желтоватая кожа лица. Кловообразный нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительные черные глаза. Давно не стриженные, неопрятные, всклокоченные черные волосы. Широкие скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тонкими губами. И — непостижимая странность! Чрезвычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогоподобные вытуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближавшемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, обличия, созданного народною фантазией.

Одет он был в потертый сюртучишко. Крахмальными воротничок, рубашка были сильно заношены. Плечи и рукава сюртука засыпаны перхотью с головы. Штанишки мятые, сильно раздавленные у колен, рассыпавшиеся в концах мелкой бахромой.

Такова была внешность остановившегося передо мной человека. И не отвечающий этой внешности раздался приятный мелодичный голос. Поразила неожиданностью и форма обращения:

— С кем имею честь?.. Троцкий. Вы не товарищ министра Нератов?

— Нет. Я директор департамента Лопухин.

— Отлично! Нам надо поговорить обстоятельно. Мне только нужно обменяться двумя-тремя словами с Нератовым. Не откажите обождать. Я тотчас вернусь. Как пройти к Нератову?

Я показал. Свидание Троцкого с Нератовым, вернувшимся из Москвы, продолжалось недолго. Троцкий почти тотчас вернулся. Тем временем подошли помощники Троцкого Залкинд и Поливанов. Пришли и служащие министерства, заведовавшие кассой и казенным имуществом. Сдачи дел и архивов по opisям не предполагалось. Сданы были ключи от присутственных комнат и от шкафов с архивами и делами. И этим дело ограничилось. Речь теперь шла о деньгах и других ценностях (следует заметить, что, кро-

ме казенных сумм, через министерство иностранных дел проходили деньги и ценности, составлявшие наследства русских подданных, открывавшиеся за границей). Сдачей и приемом всяких ценностей и денежных сумм и занялись сотрудники и той, и другой сторон. Пока совершалась эта операция, Троцкий беседовал со мной. Предметом беседы явилась попытка Троцкого склонить меня остаться на моем посту. Настояния Троцкого в этом направлении приписываю даже благоприятных отзывов обо мне либо Поливановым, либо курьерами и сторожами, с которыми у меня всегда были наилучшие отношения, либо социалистами, с которыми я встретился, выполняя поручение временного правительства по содействию политическим эмигрантам к возвращению на родину. У меня создалось впечатление, что социалисты эти остались довольны мною. Могла также сыграть роль незадолго до того появившаяся в одной из вновь народившихся газет (названия не помню) лестная для меня статья, говорившая о моем соответствии занимаемой должности.

Как бы там ни было, но Троцкий склонял меня остаться. А я, под влиянием приведенных выше причин воздержания служащих от сотрудничества с большевиками, продолжать службу отказывался, насколько возможно, вежливо, приводя мотивы, ни для кого ни в малейшей степени не обидные.

— Но что же, наконец, вы имеете против нас? — в упор спросил меня Троцкий. — Ответьте конкретно! Что мы кончаем войну, передаем землю крестьянам, национализируем фабрики и заводы?..

— Всего менее, — отвечал я, — я возражал бы против окончания войны. Окончание ее я могу только приветствовать, так как для меня совершенно очевидно, что армии как боеспособной силы уже с начала февральской революции, а пожалуй, и с еще более раннего момента у нас нет. А без армии воевать нельзя. И народ устал от войны. Ясно, продолжать ее не хочет. Едва ли не главной причиной еще февральской революции явилось продолжение затянувшейся войны во что бы то ни стало. Именно на продолжении войны, главным образом, сломало себе шею временное правительство. Причиной вашего успеха, главной, является провозглашение впервые именно вами лозунга окончания войны. Да, ее надо кончать! Спорить против этого могут лишь предубежденная недобросовестность, упрямая тупость или психическое неблагополучие. По поводу передачи земли крестьянам скажу, что считаю в принципе целесообразною передачу крестьянам излишков земли против определенного лимита. Мера эта в особенности оправдывается встречающимися

у нас непозволительными по размерам латифундиями. Что же касается национализации фабрик и заводов, то о ней я высказаться затрудняюсь. В этом вопросе я некомпетентен. В него я не вникал. И не пришлось практически с ним встретиться. Но не в этом дело! Все-таки, сознательно или бессознательно, по традиции ли, по инерции длинного ряда поколений, я служил иным принципам. Если сегодня я им изменю и с завтрашнего дня буду служить другим идеям, вы ни уважения, ни доверия ко мне иметь не сможете. А какое же мыслимо сотрудничество без взаимного доверия и уважения? И еще! Простите меня, но после пережитого с начала февральской революции ряда реконструкций власти трудно признать установленный вами режим окончательным. В конце концов, не верится в прочность вашей власти.

— Вот в этом, — воскликнул Троцкий, — вы ошибаетесь. Мы — единственная политическая партия с темпераментом! Единственно способная умиротворить разбушевавшуюся стихию и удовлетворить массы. Нет, власть наша прочная. Поверьте, мы не уйдем. Я вижу в вас отнюдь не убежденного нашего противника, а лишь колеблющегося интеллигента. Давайте решим так. Отложим нашу беседу. Подождем. Когда вы увидите, что мы не ушли, убедитесь, что, напротив, мы упрочились, крепнем и будем крепнуть с каждым днем, тогда возвращайтесь, и мы продолжим наш разговор.

— А пока, — вновь заговорил я, — отпустите меня с миром. Вы не поверите, как я устал, работая в крайнем напряжении чуть ли не с начала войны. Последние же месяцы работы с беспорядочным временным правительством окончательно сломали силы. Надо отдохнуть. Вот еще причина невозможности, не прерывая работы, сейчас продолжать ее с вами. Вы должны меня понять. Я убежден, что в вашей политической борьбе, достигшей особого напряжения в последние месяцы, и вы основательно утомились.

— Я лично, — отвечал Троцкий, — успел отдохнуть... в тюрьме, откуда только что вышел, посаженный временным правительством. Вы — другое дело. Не успели отдохнуть. Отдыхайте теперь. Вы свободны. Можете использовать вашу свободу, как хотите. Хотите здесь остаться — оставайтесь. Хотите куда уехать — уезжайте. Даже за границу можете выехать. Мы вам препятствовать в этом не будем.

Дальше Троцкий повел разговор уже не на деловые темы. Говорил, что не по доброй воле взялся за портфель иностранных дел, а подчиняясь партийной дисциплине, что по призванию и профессии он журналист и если бы это от него зависело, стал бы рабо-

тать, и в качестве члена правительства, в газетном деле. Потом, почему-то, упомянув, что в холодных и сырых окопах на фронте бойцы сидят босые, сообщил, что для того, чтобы их обушь, правительство предлагает объявить обязательный сбор обуви с нетрудового населения, «хотя бы ее пришлось стаскивать с ног буржуев». Последние босыми, во всяком случае, не останутся. Что-нибудь да изобретут. А бойцы будут обуты.

Я вернул беседу в деловое русло. Заметив, что в состав казенного имущества, сверх собственно канцелярского инвентаря, входили вся мебельровка квартиры министра, с богатой бронзой, картинами мастеров, писанными масляными красками, преимущественно из Эрмитажа, дорогими портъерами плотного тяжелого шелка, занавесями, коврами, скатертями, богатая столовая сервировка для официальных приемов, серебро, столовое белье и проч., я убеждал Троцкого удержаться на службе для хранения этого имущества хорошо знавшего, где, что и в каком количестве находится, смотрителя зданий министерства, которого я заранее предупредил, что буду просить об его оставлении на службе, против чего, особенно ценя имеющуюся у него по службе казенную квартиру, он не возражал. Видам Троцкого мое предложение соответствовало, и он тотчас на него согласился. Я вызвал смотрителя и сообщил ему, что он остается.

Кстати, вспомнив, что возложеною при прежних порядках на учреждения выдачу паспортов заведовал в нашем министерстве смотритель зданий, я ему отдал мой паспорт с нежелательным в тревожное революционное время обозначением моей должности, чина и звания на царской службе и просил срочно выдать мне взамен новый вид на жительство уже без упоминания этих упрямых революцией титулов.

Через четверть часа новый паспорт, лишенный компрометирующих упоминаний, был у меня в руках. Последующие события показали, какую неоценимую услугу оказала мне проявленная мною в этом случае предусмотрительность. Переехав с умалчивавшим о моем прежнем положении паспортом из казенной квартиры на Мойке в маленькую частную квартирку в неведомом мне до того времени Заячьем переулке на Песках, где никто меня не знал, а по паспорту люди видели во мне рядового обывателя, я счастливо избежал производившихся, преимущественно по домовым книгам, арестов и преследований, которым подвергались лица моей категории в эпоху гражданской войны и после, во время подавления советской властью чинившегося сопротивления начавшемуся строительству социализма.

Троцкий и его помощники уходили. Простившись с ними, я поднялся в последний раз наверх, в, увы, покидаемый мною (я не без волнения почувствовал — навсегда) служебный кабинет. Со стены на меня смотрели двенадцать портретов моих предшественников. Вот не верьте после этого приметам, мысленно пробрюзжал я, — ведь я, лихо сказать, тринадцатый!

Курьер, приотворив дверь, сообщил, что пришел и желает меня видеть вице-директор Правового департамента — Доливо-Добровольский.

В прошлом лейтенант флота, он поступил в бывший Второй департамент министерства в то время, когда в этом департаменте служил в младших должностях и я. Мы, стало быть, были давние товарищи по службе. Впоследствии Доливо-Добровольский перешел в консульский корпус и был консулом в Черногвях, откуда с началом войны эвакуировался в Петербург в министерство. Здесь он был использован на усиление Второго департамента, некоторое время спустя вновь вошел в штат и, получив повышение, был назначен после разделения Второго департамента на департаменты Правовой и Экономический вице-директором Правового департамента. Человек он был талантливый, ловкий, умный, не без хитрецы, весьма себе на уме, болезненно самолюбивый.

— Я пришел, — заговорил Доливо-Добровольский, — попытаться убедить вас остаться в должности.

— Александр Иосифович, да ведь это невозможно! Ну а вы? Вы-то сами остаетесь?

— Я... остаюсь. Но ведь я — особь статья. Я, вероятно, вас удивлю. Однако пришло время признаться: ведь я у них свой человек, и давно. В молодости отсидел в Петропавловской крепости. Мне-то уже никак не выходит уйти. И мы столковались. А вы? Что же? Отказались?

— Да, я отказался. И мы с миром разошлись.

— Вы в этом уверены, что с миром? Я от души желаю, чтобы это было так, но не следует отдаваться чрезмерному оптимизму. Если окажется, что массовый отказ служащих от работы парализует страну и ставит под сомнение окончательную победу партии, власть, того гляди, разгневется, и, возможно, будут с ее стороны репрессии. В каких формах они могут выразиться, сказать трудно, но подумать страшно. Переобсудите ваше решение. Еще не поздно.

— Думал я, думал, и предложено мне еще думать, присмотреться и, когда я уверю в прочность нового режима, то вернуться возобновить разговор. Так мы порешили. И пусть оно так и будет.

Хуже всего колебания и метания из стороны в сторону. А тем, что вы мне открыли о себе, я, признаться, удивлен. Никогда вы не давали повода подумать, чтобы это могло быть так.

— Да, это так! А все-таки подумайте о том, что я сказал вам. Только бы не пришлось вам пострадать. Впрочем, и излишнему пессимизму отдаваться не следует.

Он ушел. И я стал уходить.

При выходе меня окружила группа курьеров. Они прослышали, что я оставляю министерство. И, по старой ли памяти, считая ли, что я могу им еще понадобится (они привыкли, что именно мною проводились и оформлялись мероприятия по улучшению их материального положения), — курьеры пытались уговорить меня остаться. Не вдаваясь в подробности, я объяснил, что уйду отнюдь не в виду каких-либо лучших перспектив, а на неизвестное и потому страшное, что уходить мне тяжело, но что так нужно. Остаться не могу.

Вечером ко мне приезжал курьер Петров, из молодых, взятый на войну из запаса в Павловский полк, демобилизованный по болезни и недавно вернувшийся на службу в министерство. Петров приехал продолжать меня уговаривать. Он проводил мысль, что хочу я не хочу, а должен остаться. Страна доведена до развала. Если окончательное военное поражение и будет предотвращено с заключением большевистского мира, то нельзя на этом останавливаться. Надо все перестраивать и вести большую восстановительную работу. «И что же будет, если в такой момент будут отказывать в помощи новой власти люди с образованием, выдвинувшиеся своею службою и своими качествами и которым доверяют подначальные им товарищи?» Для вящего убеждения Петров пробовал меня и припугнуть теми самыми доводами, которыми наводил на меня страх Доливо-Добровольский. Каюсь, повторение простым бесхитростным солдатом устрашений, высказанных интеллигентом отменно тонкого мышления, представилось мне, в качестве общего мнения, доказательством основательности сделанного предостережения, и содержащаяся в нем жуть больно ударила меня по издерганным переживавшимися волнениями нервам. Все-таки я стоял на своем, ссылаясь на мои доводы, высказанные Троцкому, и на его предложение мне повременить, присмотреться и потом вернуться к вопросу о службе.

И все-таки я продолжал нервничать, ища в разговорах более оптимистических воззрений на возможные последствия нашего саботажа и, как было названо выше, «воздержания от сотрудничества».

Поэтому, встретив утром на Дворцовой площади вице-директора департамента государственного казначейства министерства финансов Павла Михайловича Гришкевича-Трохимовского и поведав ему о моем «воздержании» и т. д., я хотел было завести с ним разговор на тему о том, что из этого выйдет и чем кончится. Но Гришкевич перебил меня: «О вашем отказе от службы не только слышал, но и читал. Нечего вам беспокоиться. Ваше дело рассмотрено, решено. Есть постановление. Вот читайте», — протягивает газету. Читаю в ней отчеркнутое Гришкевичем постановление примерно такого содержания: за непризнание власти Совета Народных Комиссаров исключаются со службы служащие бывшего министерства иностранных дел: Татищев, Лопухин, еще 6—7 человек преимущественно младших служащих, проживающих в одном доме со мною (казенном) на Мойке у Певческого моста. Только Татищев (директор канцелярии) жил в главном здании министерства под квартирой министра. Список поражал малочисленностью лиц, в нем поименованных. Фактически отказались служить, прекратив посещать службу, все или почти все служащие. За исключением только 8—9 человек. Создавалось впечатление, что список был составлен не по данным личного состава министерства, а по домовою книге дома № 26 по Мойке. На это указывал как будто и пропуск, среди ответственных старших служащих, товарища министра Петрава, только перед тем въехавшего в дом № 26 и которого не успели еще вписать в домовую книгу. Трудно было объяснить, с другой стороны, непопадание таких, бесспорно ставших известными Троцкому и его помощникам старших служащих, как товарищ министра Нератов и начальники политических отделов министерства. Почему из старших пропечатаны были только мы двое: Татищев и я, так и осталось мне неизвестным. Как будто нужно было опубликовать для острастки хоть какой-нибудь список, а полный или неполный — это, вероятно, было сочтено несущественным.

Троцкий после моего разговора с ним, как видно, передумал. Обусловливающие мою свободу его оговорки отпали. Я был свободен безоговорочно. Двум смертям не бывать — говорит пословица. По аналогии, претерпев кару исключения со службы, другим репрессиям я мнил себя как будто не угрожаемым.

Гуляя как-то в эти дни с моими детьми в Александровском саду, у Адмиралтейства, я встретил заведовавшего счетною частью нашего департамента Николая Николаевича Маслова. Он мне весьма конфиденциально сообщил, что приехавшие в Петербург делегаты Афонского монастыря, получавшего ежегодную дотацию из секрет-

ных сумм нашего министерства, прослышав, что служащие ведомства, оставив службу, остались без средств к существованию, передали ему, Маслоу, только что ими полученное в главном казначействе по нашей ассигновке очередное денежное пособие, прося обратить его на выдачи нуждающимся служащим. «Когда-нибудь рассчитаемся, — сказали монахи, — а не придется рассчитаться — не беда. Афонский монастырь долгие годы пользовался царской дотацией и в благодарность за оказывавшуюся помощь может теперь кое-чем и поступиться в пользу служащих министерства, всегда относившихся с предупредительностью и любезностью к афонским монахам во всех случаях их обращения в министерство».

Наши бывшие чиновники зашевелились. Висконти и барон Таубе забежали под каким-то предлогом в департамент, чтобы раздобыть данные для разверстки полученного пособия, копались в старых требовательных ведомостях на выдачу содержания и кое-какие ведомости и списки стащили из департамента к себе домой. Чье-то око подсмотрело, как они стащили старые ведомости. Чье-то ухо подслушало их болтовню о раздаче денег. Что-то было, кому надлежало, донесено. У Висконти и Таубе на квартирах поздно вечером, к ночи, появился, сначала у одного, потом у другого, прикомандированный к Наркоминделу, по-видимому, для доверенных поручений и «исполнительных действий» вообще, молодой и, по рассказам, из ряда вон энергичный матрос-балтиец Маркин; произвел у обоих обыск, нашел стащеные, в сущности, никому не нужные бумажонки, захватил эти бумажонки, а кстати и помертвевших от страха похитителей их. Висконти Маркин отвез в министерство, а Таубе — подальше, в Смольный. Лукавый италянец Висконти, осмелев, как только удалился Маркин, сдал его в министерстве с рук на руки рабочей охране, сумел как-то выпутаться из неприятного положения, в которое его ввергла его неосторожность, и под утро был отпущен домой, а Таубе провел ночь в разговорах в оказавшейся многочисленной компании арестованных в Смольном, где засел более или менее основательно.

Утром, в слезах, ко мне явилась его мамаша — баронесса Таубе, прося исходатайствовать освобождение сына из узилища. Я отправился хлопотать в министерство. Застал Поливанова. Рассказал ему, в чем было дело, что отсутствуют в нем элементы присвоения казенных денег для поддержания «саботажа», а имеет место лишь раздача нуждающимся бывшим чиновникам подаренной, относительно небольшой суммы, что взяты на дом были старые требовательные ведомости для составления раздаточного списка, ко-

торый, в сущности, можно было составить и не обращаясь к ведомостям, по печатному «Ежегоднику» министерства, содержащему списки служащих по департаментам и отделам, требовательные ведомости имелось, конечно, в виду возратить, что ни на какие преступные деяния Таубе не способен и если в чем виноват, то только в неуместном проявлении лишней раз свойственного ему в непозволительной степени легкомыслия. В заключение я просил Поливанова о содействии к скорейшему, по возможности, освобождению провинившегося барона из-под ареста.

Времена были идиллические. Как-никак, если встать на точку зрения властей, говоривших о «саботаже», Таубе совершил немало важный проступок. Способствуя раздаче служащим хотя и подаренных денег, он, конечно, способствовал тому, что разумелось под понятием саботажа. Лишенные средств к существованию, служащие скорее бы пошли на капитуляцию. Итак, по легкомыслию или нет, Таубе все-таки провинился перед властями основательно и серьезно. И, тем не менее, Поливанов обещал мне просить об его освобождении из-под ареста. И вечером того же дня веселый и радостный Таубе пал в объятия своей мамаше.

Пообещав мне хлопотать об освобождении Таубе, Поливанов заговорил о приказе, исключившем меня с некоторыми другими лицами со службы. «Это не направлено против вас. Напротив, Лев Давидович (Троцкий) хотел, пока остается открытым вопрос о вашей службе, подтвердить вашу солидарность с вашими товарищами».

Памятуя, что слово серебро, а молчание золото, я промолчал. А хотелось спросить: «Ну, а скажите, пожалуйста, не исключив Нератова, Петряева и других, кроме меня и Татищева, начальников отдельных частей, вы, что же, не хотели их показать солидарными с прочими их товарищами? В этом смысле того обстоятельства, что они пропущены в приказе?»

Расставшись со службою, я стал хлопотать о приискании частной квартиры для выезда с казенной. Не следовало с этим делом медлить. Няне моих детей сообщил дворник, что какие-то темные личности, появившиеся перед домом, в котором мы жили, пустили слух о том, будто «в квартире директора поставлены пулеметы, чтобы расстреливать народ». Подъем революционной волны был настолько еще высок, страсти в такой еще степени бушевали, что этот вздорный слух, несмотря на всю его вздорность, мог привести к весьма трагическим последствиям для меня и для моей семьи. Надо было подобру-поздорову убираться. Курьер особой комиссии

верховного совета, которой я был так еще недавно управляющим делами, подыскал мне небольшую квартиру в Заячьем переулке, в доме, где он был в свое время швейцаром. Туда мы и переехали, проведя время ремонта в квартире моего брата и потом в квартире моей матери. Хотя Поливанов и телефонировал моей жене, что нам не надо торопиться с выездом с казенной квартиры, тем не менее матрос Маркин вежливо навещался, когда мы полагаем освободить помещение.

О Маркине, сделавшем впоследствии видную карьеру, я только и слышал в эти дни. Он, между прочим, специально занялся эвакуацией бывших чиновников министерства иностранных дел из казенных квартир, показав рекордную «производительность труда» в этой работе. Знал я о Маркине, однако, только по рассказам. Самому с ним встретиться мне не пришлось.

Печатается по тексту: Исторический альманах «Минувшее». Париж. Издательство «Антенеум». Выпуск I. 1986 г.

ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ ЛОПУХИН

(1885—1962)

Юрист, участник Белого движения, православный философ, писатель и редактор, один из крупнейших представителей первой русской эмиграции.

О нем — глава «Православный деятель Русского Зарубежья» во втором разделе книги.

СВЯТАЯ РУСЬ И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Каждый народ имеет свои дарования, определяющие характер его стремлений, интересов и жизни, согласно которым народы знают и называют себя. Так, по стремлению к силе и богатству, назвала себя «Великая» Британия, «Ученая» Германия, и «La Belle France» назвала себя по любви к изяществу и красоте.

Русский народ, особо одаренный религиозно, назвал себя — по особой любви к святости — «Святая Русь».

«Святая Русь» — это национальная жизнь народа, признающего смысл и радость жизни в приобщении Богу. Это — народ, выше всего почитающий святость, которая и есть приобщение Богу, природно-нравственное к Ему. Как часто в исторической жизни люди ненавидели праведников, убивали их; пророка Исаяю перепилили деревянной пилой за то, что мешал жить грешно, а Русь полюбила святость и поняла, что в стремлении к святости смысл и правда и радость жизни. И только в этом. И как прекрасен образ старика, пришедшего за несколько тысяч километров из Сибири, чтобы немного побыть с Преподобным Серафимом.

«Святая Русь» не есть жизнь святого народа: история Русского народа есть сказание о его грехах; но не только о них. Основной чертой его, определившей и давшей право на имя «Святой Руси», была и есть — верность правде: человек Святой Руси грешит, но не лжет, и потому знает, куда и к чему надо возвращаться, когда согрешил и упал.

Святая Русь именно есть русская национальная жизнь, ее характер и настроение, внутренняя жизнь, а не внешняя, не формы жизни, и потому отнюдь не надо представлять себе Святую Русь только и непременно в одеждах того или иного исторического периода. Нет, она может быть во всех одеждах.

Не надо смешивать святую Русь с Русским Государством: они созвучны, но это явление разного порядка: одна есть стихийная жизнь, определяемая верой, взглядами, вкусами, настроением, а другое — есть плод сознательной и целеустремленной деятельности человека. И та и другое есть общественная жизнь людей, но одна руководится стихийной силой, другое сознательной силой власти.

Мы никогда не говорили «Святая Россия» — как государство, но «Святая Русь» — как народная, национальная жизнь. Мы не знаем «священного государства» и не говорим, как католики, «Священная Империя» — ибо у нас нет священных форм государственной жизни: у нас нет догмата о государстве.

Во всех Евангелиях нет ни слова об этом. После Ветхого Завета, когда вся социальная жизнь, все нормы уголовного и гражданского права были религиозно санкционированы, поразительно Евангельское умолчание об этих, так остро интересующих людей предметах и вопросах общественной жизни. В Евангелии на эту тему есть только одна фраза: «воздавайте Кесарю-кесарево», т. е. живите государственно, но как, в каких формах, на каких принципах строить государство и государственную власть, — об этом нет ни слова.

Христианством дан смысл жизни — приобщение Богу. Это единственная спасительная цель и все, вся жизнь должна подчиняться этому. Но если «вся», то значит и государственная жизнь.

Христианство не ставит человеку цели построения совершенного государства или социального строя, или еще каких-либо целей в плоскости культуры. Все это имеет значение второстепенное, служебное и относительное — поскольку это служит главной и единственной цели.

Христианство обращает внимание человека во внутрь, ибо там совершается приобщение Богу и Царству Божию. «Царство Божие»

на земле не должно мыслиться во внешних, ему присущих, «священных» формах: Царство Божие не приходит «приметным образом». «И не скажут: вот, оно здесь, или: вот там. Ибо вот, — Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. XVII, 20—21).

Евангелие освобождает человека от «священных», обязательных для него, форм жизни. Оно призывает его к свободе, зовет всю жизнь свободно подчинить исканию Царства Божьего. Оно как бы говорит человеку: «Нет указанных форм жизни, все позволено, но не все полезно».

И мы ставим себе вопрос, как будет строить свою государственную жизнь призванный к свободе сын Святой Руси?

Смысл жизни, путь спасения ему ясен. От государства он может и должен требовать условий для возможности беспрепятственно жить христианством осмысленной жизнью.

Царство Божие, Божественная жизнь на земле, может существовать на земле при всех условиях и нельзя внешними мирами и государственными порядками не допустить до человека Благодать Божию. Но условиями жизни можно до крайности затруднить человеку возможность ее усвоения.

На человека влияет среда, нравственная обстановка: мы все зависим друг от друга и влияем на окружающих. Можно создать такие отношения, такую обстановку или воздух общественной жизни, что в них жить до крайности тяжело. В каждом государстве, как в каждом доме или семье, есть свой дух. Вот почему для христианина не только не безразлично, но имеет огромное значение устройство государственной жизни, ее цели, основы, «философия права» государства, определяющая направление, характер и дух жизни, наших отношений друг с другом, нашей общественной жизни.

Государственную жизнь направляет власть, и у власти всегда есть своя философия, и руководясь ею, власть управляет и устраивает общественную жизнь. Нет и не может быть власти без философии — без того или иного понимания своего смысла и цели. Если кто скажет, что власти не нужна никакая философия, что государство есть только техническая организация для удовлетворения нужд и воли большинства, то и такое утверждение уже есть своего рода философия государственного права.

Поэтому, если данное государство не примет христианского положения, что вся жизнь, а следовательно и государственная, должна быть подчинена христианскому смыслу жизни, то на место этой философии оно должно поставить другую; но человек Святой Руси все способы устройства государства будет расцени-

вать по тому, насколько они отдаляются или приближаются к принципу подчинения Христианству всей жизни, насколько они создают обстановку благоприятную для жизни и развития христианина.

Самое тяжелое для духовного роста человека, но самое соблазнительное — жить в обстановке торжествующего зла. Когда зло не только не преследуется, но поощряется властью. Зло празднует свою победу и кажется непобедимым. Такова жизнь под богоборческой властью. Это такая несносная тяжесть, такое зло и мерзость, что люди бываю морально раздавлены такой жизнью и становятся жертвами зла и уныния.

Внешне не так мучительно, но может быть не менее соблазнительно, жить в обстановке безразличия к добру и злу. Таков воздух государственной и общественной жизни там, где проводится принцип отделения государства от церкви. В этом воздухе холодеет душа и гаснет огонь исповедания. Таков воздух в демократических государствах: в них высший закон — веления большинства, и они лишь техническая организация, «аппарат» для исполнения приказов этой изменчивой воли: нет вечной истины, нет смысла, нет служения Истине и гаснет дерзание веры. Нет вечных ценностей, пустота, и Церковь приравнена в правах к анониму Акционерной Компании.

Морально тяжело и соблазнительно жить во всех тоталитарных государствах, даже в том случае, когда это не открытый, богоборческий тоталитарный коммунистический режим.

Если отвергнуть принцип подчинения государственной власти христианской идее и если ей неприемлем принцип демократического духовного «бессмыслия», власть должна дать иную идею, иную главную руководящую цель. Но какую бы она цель ни указала — будь то величие государства, нации, совершенный социальный строй и т. д. — всегда будет наличие 3-х характерных для всякого тоталитаризма положений: «вместо» всем доступного христианского принципа, власть выставляет другой, выработанный партией и ей принадлежащий. Это основа партийного режима: его оправдание в том, что только партия знает, как жить и устраивать жизнь осмысленную, и потому только она и призвана управлять. В таком сознании своего исключительного значения причина, почему все тоталитарные партийные режимы подозрительно или враждебно относятся к Церкви: она им мешает, потому что имеет свое понимание осмысленной жизни и своим бытием оспаривает правильность партийного самосознания и претензий. Наконец, при всех партий-

ных режимах не может быть гибкой внутренней политики соответствующей требованиям жизни: последние в глазах партии не оправданы, т. к. опираются не на «осмысленную» партийную программу, по которой и надо устраивать жизнь.

Вот эта подмена подлинных и реальных ценностей искусственными и придуманными и претенциозность характеризует партийные режимы. На них на всех, резче или слабее, всегда все та же печать изнурительной тоталитарной тоски, а имя ей — «тоска советская».

Святая Русь хочет государства, в котором беспрепятственно живет и развивается христианин. Она хочет, чтобы не было «в воздухе» безразличия ко злу и добру, чтобы была борьба со злом, чтобы не было разделения и властвования одних над другими, чтобы не было соблазнов и тяжких искушений, чтобы была борьба против них. Святая Русь хочет, чтобы у власти было православное мировоззрение или философия, чтобы власть, а за нею и вся руководимая ею общественная жизнь, ясно сознавала цель борьбы со злом.

Но как нет типикона спасения, и оно требует инициативы, энергии и чуткости «бодренного сердца» и «трезвенной мысли», так и в государственной жизни, в деле управления нет расписания действий власти на все случаи жизни: у власти должно быть живое ощущение добра и зла.

Святая Русь хочет власти, создающей добро и чуткой к нему: ей дорого, чтобы носитель власти понимал и чувствовал, какое настроение, какой воздух жизни нужен или полезен или вреден для христианина, где и в чем для него препятствия и соблазны.

Поэтому Святая Русь хочет власти не партии, не аппарата, не нравственно безответственного анонима-большинства, не духовно мертвой юридической личности, а хочет власть человека, нравственно ответственной живой личности. Ей дорого верное сознание, живое сердце и воля носителя власти.

Святая Русь знает, что никакими внешними, юридическими нормами, приказом и голосованием нельзя создать такое сознание, сердце и волю. Это ясное и твердое знание и убежденное стремление найти желанную власть и приводят Святую Русь к решению государственной проблемы оригинальному и непохожему на решение Западного мира.

Последний настороженно относится к власти, обеспокоен ее возможностями, хочет следить за ней, вводит для этого систему ограничений и контроля и, боясь власти, хочет ее обезличить.

Святая Русь наоборот — отбрасывает все эти приемы воздействия на власть: вместо юридических норм контроля и ограничения она устанавливает духовные и нравственные условия, гарантирующие желанную ей власть: она дает носителю власти полную свободу и налагает на него нравственную ответственность без этой свободы немислимую.

Она хочет власть свободную и самодержавную и ставит одно условие этого самодержавия: свободный самодержавный носитель власти должен царственно свободно исповедать свою веру и дать обещание осуществлять свою власть, руководясь этой его верой. Эта связь власти Государя с его верой настолько глубока, что дала основание митрополиту Антонию сказать: «моя верность Царю определяется его верностью Христу».

Когда Царь принесет этот обет в торжественной обстановке коронации, тогда в ответ на его готовность посвятить себя на подвиг Царского служения Церковь совершает Таинство Миропомазания и освящает власть Царя.

С того момента или события носитель власти собственно и становится Царем — Помазанником Божиим: он не только глава государства, но и слуга Божий. «Царь» и «царствование» — есть не только чин государственный и служение его, но и чин Церковный, и служение Церковное. На Царе благословение Божие и через Царя или, лучше сказать, в Царе благословляется и государство: Царь получил благословение потому, что принес свою готовность посвятить свою власть на служение правде Божией, но он мог это сделать потому, что Святая Русь в свободной любви к святости захотела царского служения Царя и благословения Божия на свою государственную жизнь: «Царь Божией милостию и монархия волею народа, который участвует в создании государства, христианской власти и возможности царского служения».

Такова принципиальная основа построения Святой Русью — Русской Государственной и Царской власти.

Это построение кардинально отличается от всех систем и принципов решения проблемы устройства власти в других государствах.

Для человека не знающего и не верующего в силу нравственных отношений — ответственности, просьбы, обещания — эта система непонятна или выглядит наивной, а Святая Русь знает, какая огромная сила воздействия и воспитания в тех духовных и нравственных требованиях, какими она обставляет власть. Она доподлинно знает, насколько они реальнее и действеннее юридических мер

воздействия. Знает, как они охраняют Царя на его великом подвиге, как облагораживают власть и всю государственную жизнь, вводя в нее нравственные силы, как законно признанные.

Свобода Царя, его свободное исповедание веры и целей своего служения, нравственные отношения Царя и народа — их общая цель создания христианской государственности, нравственная ответственность Царя, Его посвящение себя на Царское служение, освящение Его власти и помазание Царя на Царство и подвиг — таковы основные законы государства, создаваемого Святой Русью, таковы основы конституции этого действительно «*sui generis*» государства.

Эта конституция создавала соответственный ореол Русских Царей. Есть прекрасное свидетельство о характерном оттенке этого ореола. О нем говорят русские поэты, духовно тонкие и благородные, умевшие «истину Царям с улыбкой говорить». Скромно-почтительно они говорят, что Русских Царей характеризует честность: «Он честно правит нами», — говорит Пушкин. «Наш честный Русский Царь», — пишет Тютчев.

Святая Русь пришла к своему государству сознательно, трезвенно и твердо в поисках христианской государственности! Не потому она хочет Царя, что это Богоустановленная государственная форма и догмат, не потому, что ей полюбилась власть единоличная и красота власти, а потому, что она не знает, как иначе построить христианскую власть.

«Все позволено», и свободная мысль свободной Святой Руси пересмотрела все решения.

Отбрасывая все безбожные тоталитарные теории, она не принимает и демократизм как принцип, потому что не может принять его лозунга и знамени — «высший закон — воля народа!» Нет, высший закон — служение Правде, и воля народа должна ему подчиняться!

Не принимает она и такой попытки разрешения задачи христианской государственности, такого хода мыслей — христианским государством будет, якобы, если фактически христианские взгляды и настроения будут главенствовать и характеризовать жизнь. Но нужна фактическая победа, а не декларация. Пользуясь демократическими свободами, надо распространять христианское влияние на государственную жизнь. Отсюда лозунг — «Вера и Отечество». Так приходят к тому, что не надо решать проблемы христианской государственности! Но это только как будто: на самом деле защитники этого лозунга и тактики решают ее и приходят к утверждению нехристианского принципа демократизма и его безразличия к

добру и злу. Так, «во имя христианства» они приходят к утверждению антихристианского принципа! И нет исповедания сознания добра и зла, нет присяги, нет сознания, чего надо держаться и к чему возвращаться при падении. Указанный лозунг у одних — способ уклониться от решения проблемы; у других — плод недодуманной мысли и может быть страха, демократического страха, выпустить из своих рук инициативу, контроль и влияние...

Рядом с этим холодом мыслей разбивается и чисто демократическая концепция, как бы с некоторым моральным обоснованием: «Государство создается людьми, и они должны нести за него ответственность». Но для того, чтобы нести ответственность, нужна свобода творчества, — нельзя нести моральную ответственность за то, в создании чего я не участвовал. Поэтому нельзя отвечать за теократическое монархическое государство, созданное, как одни толкуют, Богом или — Божественным «делегатом», «представителем высших сверхъестественных сил» (см. у Л. Тихомирова), но не людьми или народом. Но если верно положение, что «люди должны нести ответственность за государство», то тогда не должна существовать теократическая монархия, ибо при ней нельзя эту ответственность нести. Можно думать, что такое рассуждение в разных оттенках и вариантах сопутствовало борьбе с монархией на Западе, где монархия обосновывалась теократически (или иногда аристократически). Тогда борьба значит велась за право народа на творчество и связанную с ним ответственность.

Потребность иметь свободу творчества и связанную с ней ответственность — чувство законное и оправданное, и оно требует удовлетворения, а поставленный вопрос — ответа.

Теократическое понимание монархии подразумевает такое положение: с одной стороны — власть повелевающая; с другой, противоположной, — народ, покорный власти, народ, у которого добродетель не творчество и ответственность, а покорность.

В государстве Святой Руси положение иное: там у власти и у народа в глубине нет противопоставления и разделения, а наоборот: единство главной творческой цели — создания христианской государственности и общая ответственность. Монархия для человека Святой Руси не есть извне установленный строй. Нет! Для него это есть единственный способ осуществления поставленной им себе дорогой цели создания христианской государственности. Поэтому само бытие монархии, понимание ее смысла, защита ее, верность ей — все это есть проявление творческой воли человека Святой Руси.

Наконец, есть еще одна попытка решения проблемы: передать власть не человеку, а части народа определенного христианского вероисповедания. Она из своей среды должна выбирать носителя власти. Так устанавливается вероисповедный аристократизм, связанный со внутринародным разделением и всеми последствиями его. Русь тоже передает власть человеку определенного мировоззрения, но не разделяет людей; наоборот, перед ним все люди всех вероисповеданий совершенно равны: «Царь не есть Царь только православных, или образованных, или рабочих, или крестьян, но Царь всея Руси».

Святая Русь любит Царя и Царское служение и радуется, когда Он, в чине коронации, облеченный силой и славой, падает ниц перед Богом и Божией Церковью, принося эту силу на служение Богу и правде Его. Митрополит Антоний говорил, что это момент, когда Россия сливается со Святою Русью, момент подлинного духовного ликования, как на Пасху. Это радость победы Добра, или вот на глазах всего народа создается «Удерживающий» зло, для спасения многих.

Святая Русь не хочет выбирать Царя, чтобы человеческими земными расчетами и делами не повлиять на Царя, не связать его свободы, ибо где нет свободы — нет Царского служения и нет «Удерживающего». Поэтому она просит Бога указать Царя.

Любовь к Царю и Царской власти так понимаемым не есть плод мечтательности или настроения. Нет, ее основа гораздо глубже: того требует душа человека. Мы видим, что даже среди народов, уже давно поставивших власть под контроль и наблюдение парламента, все-таки живет любовь к христианской богоответственной власти.

На недавней коронации в Англии представитель церкви такими словами изложил идею коронации и королевского служения: «В коронации Королева принимает на себя на всю последующую жизнь трудности и радости христианского долга своего высокого призвания. Она позвана Богом на свое служение и принимает его. Она повинуется призыву к послушанию. Она обещается всю свою жизнь отдать своему народу, чтобы вести его и ободрять его. Для этого нужны большие чем человеческие силы, и эти силы подает ей Христос в короновании, чтобы духовно возвышать жизнь христианского народа».

В этих словах есть нечто от нашего понимания, хотя нет призыва к борьбе со злом, и это не есть речь об «Удерживающем».

Народ, люди любят идею христианской власти. В туманной Англии это только туманная мечта, традиция и красота: подлин-

но во всем этом только народное желание христианской власти, а фактически — бедная Королева «свободной Англии» — в плену у главенствующей партии, и сегодня призванная «духовно возвышать жизнь христианского народа», «получив на то силы от Христа», — завтра, по воле главенствующей партии, она покорно протянет руку гонителю веры и христианства.

Христианская Царская власть в России была не мечта или идея, а подлинная сила. Огромная мировая сила! И вот — нет Царя, и нет мира в мире. Это была сила «Удерживающего» зло, и потому-то для того, чтобы убить Царя, нужно было поднять богоборческую революцию. Когда народ в своем огромном большинстве, хоть на время, потерял Веру и Бога, Царь остался одинок и беззащитен.

Доколе жив человек — жива душа его, и она упорно любит идею Христианской власти.

Душа наша знает, что Правда государства — в Христианской власти. Святая Русь всегда верна Правде. Сыны Святой Руси или те, кто надеется быть сыном ее, стоят за Царя, Царское служение, потому что, как Святая Русь, они не знают иного способа установления Христианской власти.

Июнь 1953 года
Лесненская обитель

Печатается по тексту: «Святая Русь и Русское государство».
Мюнхен, 1953 г.

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЛОПУХИН

(1920—1978)

Видный деятель русской эмиграции в США. Устроитель и попечитель ряда православных церквей в Америке. Соратник-Руководитель Российского Имперского Союза-Ордена Калифорнии, редактор русского журнала «Согласие», издававшегося в Лос-Анджелесе, публицист и поэт. Много сделал для развития русских школ в Америке, в том числе воскресных. Ему посвящена глава «Монархист» во втором разделе книги.

ТЕКСТ ЛИСТОВКИ,
написанной и размноженной С.А. Лопухиным в 1977 году.
Распространялась им и его соратниками
на выставке к 60-летию октябрьского переворота
в Калифорнии в 1977 г.

Мы русские! С нами Бог!

Дорогие наши русские Братья!
Вот уже 60 лет, как мы с вами разделены государственными границами. Многие из нас родились вне нашей общей Родины, но мы помним и горячо любим Россию!

Мы никогда не забывали, что наши деды и прадеды проливали свою кровь на полях сражений под знаменами Русских Полков, создавая, укрепляя и защищая то обширное и могучее государство, с которым теперь считается весь мир. Наши и ваши славные предки

бок о бок дружно строили Русское Царство, верно служа Православной Вере, Белому Царю и Святой Руси!

Вы только что отметили 60-летие того, о чем еще в 1917 году писал наш талантливый поэт Максимилиан Волошин:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на ношице, как падаль...
О, Господи, разбергни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи.
Германцев с Запада, монгол с Востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искутить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

Германцев Господь уже посылал. Вспомните, дорогие Братья, что победа над ними начала определяться только после того, как правительством открыто церкви и вернулось к памяти наших славных национальных героев прошлого...

Наша Русская Православная Церковь за рубежом готовится к прославлению всех, пострадавших за Веру, во главе с Царем-Мучеником Государем Императором Николаем II Александровичем, как святых мучеников.

Если Россия не одумается и не возвратится к тысячелетним Идеалам Православной веры и к Помазаннику Божию — Православному Царю, то, по многим данным, нашей Родине предстоит еще очень много испытаний...

Здесь — за рубежом — находится законный Наследник Царского Трона — Великий Князь ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ, двоюродный племянник последнего царствовавшего Императора Царя-Мученика Николая II Александровича.

Присяжем Ему все вместе, откроем наши Церкви Божиим, возвратимся на наш исторический путь к Идеалам нашей былой Святой Руси и объединимся, как наши прадеды и деды, в общем великом служении

«ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО»!

Тогда, и только тогда, никакие «Монголы с Востока» нам страшны не будут, т. к. Господь пошлет нам не только духовные, но и физические силы, чтобы преодолеть все испытания и победить «всякого врага и супостата»!

Опомнитесь, дорогие русские люди, пока еще не поздно!

«Не в силе Бог, а в правде», — сказал св. Александр Невский перед полчищами шведов на Неве, и Господь послал ему победу не только над шведами, но и над немцами в Ледовом побоище.

Мы верим в предстательство наших святых Мучеников за нас перед Господом Богом и уверены в том, что если мы, русские люди, как на Родине, так и за рубежом, «единными усты и единым сердцем» покаемся в нашем общем тяжком грехе царубийства, то Господь Бог, их молитвами, избавит нашу, горячо любимую, Родину от всех испытаний — как внутренних, так и внешних!

«Помилуй Бог! Мы русские!»

(А.В. Суворов)

Русское Монархическое Движение
Российский Имперский Союз-Орден
Русская Монархическая Молодежь

СТИХИ С.А. ЛОПУХИНА

Российский монархист

Средь мира лжи, порока и измены
Останься ты душой и сердцем чист,
Стой, как скала, не зная перемен,
Закона страж — Российский монархист!

Когда коварный враг бесстыдной клеветой
Порочит имя Русского Царя —
Встаешь в защиту ты, и правдою святою
Разишь ты козни подлого врага.

Будь верен Богу, церкви и народу,
Будь смел в защите имени Царя!
Смотри вперед — там ждет тебя свобода —
Народ России смотрит на тебя.

Пусть ты один, как тот трубач с трубою!
Твои усилья не исчезнут зря,
И семена, что сеяны тобою,
Руси помогут возвратить Царя!

Его Величеству Петру II, Королю Сербии

Здесь, вместе с Тобой разделяя
Изгнание, страданье и боль,
Я скромный мой стих посвящаю
Тебе, Православный Король!

*Прости, глава Сербии славной,
В Твоей я стране не бывал,
Но Ты, о Король православный,
Так близок и дорог мне стал!*

*Верь твердо — исчезнут препоны,
Господь вразумляет народ.
Воздвигнутся снова Короны,
И вновь Твое Царство придет.*

*Я верю: проходят страдания.
Настанет Святая Заря,
И сербский народ из изгнания
Вернет своего Короля.*

*Как светлый итог покаянья,
Торжественный будет парад...
Припомни мое предсказанье,
С триумфом вступаю в Белград!*

Осенью 1970 года находившегося тогда в госпитале Лос-Анджелеса Короля Сербии в изгнании Петра II навестила группа православных и монархистских деятелей русской колонии в Калифорнии. Среди них был и С.А. Лопухин, прочитавший Королю свое посвященное Ему стихотворение.

ЛЕГЕНДА

*Есть легенда у нас,
Что наш Царь и сейчас
В виде нищего Русью проходит...
Он котомку несет,
К покаянью зовет,
К сердцу каждого ключик находит.*

*Кто на царственный зов
Отодвинет засов
И прольет кто слезу покаянья,
Царь слезу ту берет
И в котомку кладет —
Лучше нет для него подаянья.*

*Знай, народ наш честной,
Что с последней слезой,
Как исполнится эта котомка,
На Руси будет Царь
И мы будем, как встарь,
Бога славить свободно и громко!*

*Плачь, народ на Руси,
И прощенья проси
За Иудино страшное дело:
Там, где дремлет Урал,
Царской кровью подвал
Обагрило кровавое тело.*

*И за это народ
Вместо ложных «свобод»
В тяжком рабстве безмерно страдает...
А вверху, над тобой,
Венценосец святой
О прощенье Творца умоляет!..*

Последнее стихотворение С.А. Лопухина, написанное 16 июля 1978 года, за три недели до его кончины. Прочитал его на патриотическом собрании в Калифорнии Ф. Орлов.

Печатается по материалам семейного архива С.А. и Л.А. Лопухиных, находящегося в Калифорнии (США).

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ЛОПУХИН

(1924—1993)

Капитан дальнего плавания, участник Отечественной войны 1941—1945 годов, водил суда в порты всех континентов, воспитывал молодых моряков.

Действительный член Российского Дворянского Собрания.

В РЕЙСАХ НА «ДИКСОНЕ»

К началу весны 1944 года обстановка на фронтах Великой Отечественной войны складывалась в пользу Советского Союза. Была освобождена большая часть территории страны, оккупированной немецко-фашистскими войсками. На Севере Красная Армия готовилась к разгрому противника. Одновременно с ведением боевых действий на фронтах страна восстанавливала разрушенное хозяйство.

Боевые действия Северного флота и Карельского фронта по освобождению Советского Заполярья уже давали свои результаты. Готовилась последняя операция по разгрому немецко-фашистских захватчиков в Северной Норвегии. К этой операции имел непосредственное отношение и пароход «Диксон», входивший в состав Северного морского пароходства, и мне, как участнику плавания в Северных конвоях, хотелось бы поделиться своими воспоминаниями о тех днях.

В начале марта 1944 года Северное морское пароходство приняло от англичан по ленд-лизу пароход «Эмпайр Карпендер», прибывший в Архангельск в феврале 1944 года с очередным караваном судов

из Англии. Это был отличный крупнотоннажный корабль водоизмещением четырнадцать тысяч тонн, длиной 136 метров и шириной 17 метров; он имел клепаный корпус, построенный в 1942 году в Глазго. Вновь принятому судну было дано название «Диксон» в честь одноименного судна, погибшего в августе 1943 года в Красном море. Капитаном п/х «Диксон» был назначен опытный судоводитель капитан дальнего плавания Беркуль Герман Васильевич, старшим помощником — Степанов Федор Дмитриевич, старшим механиком — Фомин Тимофей Иванович. Пароход «Диксон» был отлично вооружен. На палубе было 76-мм орудие. На кормовой надстройке находились 130-мм орудие и 45-мм автомат «Бофорс» противовоздушной обороны. По правому и левому бортам стояла на башнях зенитная малокалиберная артиллерия из шести 20-мм «Эрликонов». На главном мостике стояли спаренные крупнокалиберные пулеметы ДШК — две установки из 4-х стволов. Противовоздушное заграждение состояло из воздушного змея и двух ракетно-парашютных установок системы ГАМ по бортам. На корме был расположен комплект противолодочных глубинных бомб и лоток для их сбрасывания. Для размагничивания корпуса на п/х была установлена система «Дегаусинг».

В связи с большим вооружением к основному судовому экипажу, состоявшему из 48 человек, было придано 15 человек артиллеристов во главе с военным помощником капитана лейтенантом А.П. Алексеевым — бывшим старпомом из торгового флота.

Экипаж п/х «Диксон» формировался из моряков с различных судов. Несмотря на это, в кратчайший срок был создан исключительно дисциплинированный, спаянный и технически грамотный экипаж, готовый для выполнения любого задания военного времени, беззаветно преданный Родине.

Автор этих строк был назначен на пароход «Диксон» 4-м помощником капитана в мае 1944 года после окончания Бакинского мореходного училища.

Май и июнь были посвящены освоению судна, отработке борьбы за живучесть и подготовке судна к работе в условиях боевых действий на Севере. Нагрузившись 8125-ю тоннами генерального груза назначением в порт Дудинка, 5 июля 1944 года пароход «Диксон» совместно с п/х «Архангельск» и ледоколом «И. Сталин» в составе конвоя вышли в море с рейда порта Молотовск (ныне Северодвинск).

По мере того как, пройдя относительно спокойное Белое море, мы входили в неприветливое и холодное Баренцево море, обстанов-

ка резко изменилась в смысле военной угрозы. В районе Городецкого маяка при прохождении горла Белого моря уже началась бомбежка глубинными бомбами для отражения нападения подводных лодок с кораблей эскорта, которые оберегали суда каравана от торпедирования. Во главе каравана шел лидер «Баку», на котором находился командир эскорта контр-адмирал С.Г. Кучеров. После первой атаки подводная лодка противника преследовала нас еще некоторое время, но ее попытки вновь атаковать были отражены кораблями охранения. Возможно, что она была потоплена, хотя проверить это было трудно, так как караван, не останавливаясь, продолжал движение полным ходом.

Восьмого июля караван прошел проливом Карские Ворота и вышел в Карское море. 11 июля мы благополучно прибыли в район острова Диксон, где стали ожидать улучшения ледовой обстановки в Енисейском заливе. 22 июля прибыли в Дудинку, где разгружались до 31 июля, а затем перешли на угольный причал под погрузку углем для Архангельска. Приняв на борт 8300 тонн угля, 7 августа вышли из Дудинки на Архангельск. На обратном пути следования нас сопровождал один военный корабль типа «АМ». На переходе Карским морем шли форсированным ходом — 13 узлов. При такой скорости вражеские подводные лодки имели меньше шансов выйти на выгодную позицию для торпедирования, и мы благополучно прибыли в пролив Югорский Шар. Для того чтобы ввести в заблуждение подводные лодки противника, находящиеся в Баренцевом море и, возможно, ожидавшие нашего выхода, мы простояли в проливе Югорский Шар несколько часов на якоре, и после полудня, получив «добро», вышли из Югорского Шара и с тем же кораблем охранения последовали в Архангельск, куда прибыли на шестые сутки после выхода из Дудинки.

В Архангельске нас не ожидали, так как по условиям военного времени на такой переход отводилось три недели. На переходе мы не работали на передачу своей судовой радиостанцией во избежание обнаружения судна противником, а наш начальник судовой радиостанции Л. Мурт только принимал информацию пароходства. На переходе морем была запрещена не только радиосвязь, но и работать эхолотом можно было не везде и не всегда, во избежание обнаружения нас подводными лодками противника посредством их акустических систем.

Закончив первый арктический рейс на много дней раньше планируемого срока, 21 августа «Диксон», загрузившись 8528 тоннами разного груза, предназначенного для Дудинки, был готов ко второму арктическому рейсу.

Во втором рейсе «Диксон» следовал в караване, состоящем из 5 транспортных и 6 кораблей охранения. Состав транспортных судов был различный, и конвойная скорость при следовании караваном не превышала 8 узлов, что было малоприятно во время атак подводных лодок немцев при следовании Баренцевым морем. В Карском море шли в густом тумане, при котором с трудом просматривался полубак, где впередсмотрящий с особым вниманием наблюдал за туманным буйком, спущенным впереди идущим военным кораблем. Уменьшать ход было небезопасно, держали дистанцию только по туманным буйкам, следуя в кильватер за передним мателотом. В таких условиях мы прошли несколько часов, но потом туман рассеялся, и весь караван, заняв свои места, продолжал следовать по назначению. 6 сентября конвой прибыл к острову Диксон, где караван был расформирован, а наш пароход с экспортом проследовал в Енисейский залив, направляясь в порт Дудинка. Поздно вечером 8 сентября «Диксон» второй раз за одну арктическую навигацию в дни жестокой войны прибыл в Дудинку, и ему была оказана торжественная встреча.

После окончания выгрузки, 18 сентября, мы вновь встали к угольному причалу для погрузки угля и 23 сентября, приняв на борт 8320 тонн угля, 30 тонн рыбы, понтон весом 25 тонн и 114 пассажиров, вышли в море совместно с п/х «Архангельск», который шел в балласте, так как не успел загрузиться углем из-за закрытия короткой арктической навигации в порту Дудинка. 26 сентября, прибыв в устье Енисея, в район Ошмарино, встали на якорь в ожидании прибытия конвоя, который пришел 29 сентября, и п/х «Диксон» в составе конвоя последовал в гавань острова Диксон, куда прибыли утром 1 октября. 3 октября вышли в составе конвоя назначением на Архангельск. В пути к нашему каравану присоединился ледокольный пароход «Таймыр». 6 октября наш конвой прибыл благополучно в пролив Югорский Шар. 11 октября в том же составе вышли в Баренцево море и 13 октября прибыли на рейд Иоканьги. Число вражеских подводных лодок в Баренцевом море увеличилось в связи с окончанием арктической навигации, и опасность плавания в этом районе резко возросла, что и послужило причиной захода каравана в Иоканьгу, где было проведено инструктивное совещание капитанов судов и командиров кораблей экспорта. И 14 октября весь караван, эскортируемый военными кораблями, вышел с рейда Иоканьги и пошел в Архангельск, куда прибыл 15 октября.

За короткую арктическую навигацию пароход «Диксон» перевез за два рейса из Архангельска в Дудинку 16 753 тонны генерального

груза, а из Дудинки вывез в Архангельск 16 675 тонн угля, крайне необходимого стране в годы войны.

По окончании двух успешных арктических рейсов экипаж п/х «Диксон» с готовностью встретил ответственное поручение по перевозке военных грузов для фронта, по выполнению заданий командования Карельского фронта и Северного флота.

В конце октября 1944 года пароход «Диксон» вышел с грузом для Мурманска из Архангельского порта. Погода в Белом и Баренцевом морях была штормовая, с мокрым снегом, с туманами — все это затрудняло плавание как нам, так и кораблям эскорта. Следовали с полным затемнением, без сигнальных огней, и даже курение на палубе было строжайше запрещено — таков порядок при плавании в военное время. На переходе до Мурманска корабли охранения неоднократно бомбили подлодки противника, отражая нападения на транспорты. Приходилось следовать противолодочным зигзагом, для того чтобы избежать возможного нападения подлодок противника. Все то, что происходило на переходе, входило в привычку, но все равно вызывало большое нервное напряжение. Трагедия могла произойти в любое время.

Нельзя не отметить того, что весь экипаж держал себя спокойно и дисциплинированно, это способствовало выполнению всех заданий и благополучному плаванию п/х «Диксон».

Через полутора суток мы благополучно прибыли в Мурманск. Закончив выгрузку, стали готовиться к новой серьезной операции по транспортировке военных грузов во фронтовой обстановке сурового Заполярья. В результате боевых действий Северного флота и Карельского фронта была освобождена исконно русская земля — Печенга, которая была важной базой фашистов на севере Европы. Пароход «Диксон» получил задание: совершить три последовательных рейса по маршруту Мурманск—Печенга и обратно с военными грузами.

В сравнительно короткий срок это задание было выполнено, но все же потребовало от экипажа большого физического и морального напряжения. Все рейсы совершались в сопровождении кораблей эскорта, и не раз подводные лодки противника пытались торпедировать транспорт «Диксон», но корабли охранения смело вступали в единоборство с ними, срывали атаки или не давали приблизиться к конвою. В моменты атак подлодок немцев «Диксон» переходил на следование переменными курсами с форсированной скоростью, что срывало атаки врага. Надо полагать, что не одна торпеда прошла мимо нашего судна во время рейсов в зоне боевых действий.

Во время второго рейса подводная лодка фашистов, подкравшись сзади к судам конвоя, пыталась торпедировать «Диксон», но была вовремя обнаружена кораблями охранения и уничтожена ими, как нам потом рассказывали моряки с кораблей эскорта.

Особенно серьезные испытания выпали экипажу «Диксона» при выполнении третьего рейса, когда нам пришлось срочно перевезти танки и самоходные орудия, принимавшие участие в боях в районе Печенги, из Печенги в Мурманск, так как они срочно требовались для боевых действий на других фронтах. Небольшие по времени переходы от Кольского залива до Печенги (Петсамо) и обратно были очень опасны. Противник в этом районе сосредоточил большой подводный флот, освободившийся с Атлантики и переброшенный частично с Балтики, который активизировал свою деятельность.

От экипажа п/х «Диксон» для выполнения поставленной задачи требовалось напряжение всех сил, выдержка, исключительная бдительность и высокая боевая готовность. Успешное завершение арктических рейсов в Заполярье давало основание нам считать, что экипаж в состоянии выполнить любое задание военного командования.

Итак, пароход «Диксон» с кораблями охранения завершил переход из Мурманска в Печенгу, ошвартовался у причала и готовился к приему танков и самоходных орудий. Сразу же по прибытии судна в Печенгу на борт транспорта поднялся командир танкового подразделения полковник Н.И. Соколов для согласования с капитаном судна Г.В. Беркулем вопроса о возможности перевозки техники. Для решения всех вопросов, связанных с погрузкой и транспортировкой техники, необходимо было осмотреть ее. После осмотра танков и самоходок стали обсуждать вопросы, связанные с погрузкой. Капитан Г.В. Беркул после проработки и обсуждения погрузки техники с командным составом судна задал вопрос командиру танкового подразделения: «Допустимо ли грузить танки в трюма в два ряда, с прокладками из досок между ними?» «Да, это вполне возможно», — последовал ответ военного командования. При таком расположении техники в трюмах «Диксон» вместо двух запланированных рейсов для перевозки техники сможет перевезти всю ее за один рейс. Такое решение вопроса вызвало даже восторг со стороны военных, которым необходимо было в кратчайший срок перебазироваться и вступить в боевые действия. Для этой техники в Мурманск должны были подать специальные платформы, чтобы перевезти это подразделение к месту боевых действий.

Для того чтобы не надломить корпус «Диксона», из расчета его длины было необходимо в третий трюм погрузить дополнительно 600 тонн груза, и этот необходимый груз был найден — им стал металлолом, доставленный с полей сражений. Но для того чтобы окончательно утвердить план перевозки танков и самоходок за один рейс, командование Северного флота должно было согласовать этот вариант с командующим Карельским фронтом генералом К.А. Мерецковым, который окончательно утвердил предложение о перевозке техники за один рейс.

В течение трех дней были погружены танки в трюмы в два ряда с помощью деревянных толстых прокладок, а на твиндеках танки расположили только в проветах люков, так как высота твиндеков не позволяла расположить технику иначе. После окончания погрузки танков в трюмы и на твиндеки приступили с большой осторожностью к погрузке на главную палубу тяжелых самоходных орудий. Подвезли металлолом к борту судна и стали загружать его в третий трюм, но погрузка была сопряжена с большими трудностями из-за разнородности такого неудобного груза. Вся погрузка техники и металлолома велась силами судового экипажа, так как в порту Печенга грузчиков не было.

Перед началом погрузки танков и самоходок был произведен тщательный осмотр и испытания тяжеловесных стрел, которым предстояло работать на сверхпределных нагрузках. Подготовкой тяжеловесных стрел и испытаниями их занимались боцман Н.П. Заплатин, старший помощник капитана Н.И. Распутин и 2-й помощник капитана И.Д. Вондрухов под общим руководством капитана Г.В. Беркуля. А.А. Груздев, 3-й помощник капитана и 4-й помощник капитана О.М. Лопухин, автор этих воспоминаний, занимались работами, связанными с погрузкой техники.

По истечении нескольких дней сложная, трудоемкая и очень ответственная погрузка силами судовой команды была закончена, но на берегу оставался один-единственный танк, который принять на борт, при всем желании, было невозможно из-за отсутствия свободного места. В это время в Печенге стоял п/х «Енисей», судно среднего тоннажа, который готовился к переходу в Мурманск, и по предложению комсостава п/х «Диксон» было решено погрузить оставшийся танк тяжеловесной стрелой п/х «Диксон» на третий трюм п/х «Енисей» для доставки его в Мурманск, что и было сделано.

На этом закончились все грузовые операции, тяжеловесные стрелы закрепили по-походному, и п/х «Диксон» был готов к выходу в

море. Вид у судна был устрашающий, с обоих бортов виднелось множество стволов самоходных орудий. Для сопровождения техники на борту п/х «Диксон» было оставлено 46 танкистов.

Перед выходом в море на лидере эскадренных миноносцев «Баку» контр-адмирал П.П. Михайловский, назначенный командиром конвоя, провел инструктивное совещание, на котором присутствовали двенадцать командиров кораблей эскорта и капитан п/х «Диксон» Г.В. Беркуль. Командир конвоя обратил особое внимание командиров кораблей на исключительно важное задание по конвоированию п/х «Диксон» с особым грузом. Он также напомнил о необходимости действовать на переходе морем бдительно и энергично, а капитану Беркулю рекомендовал при переходе на перемычные курсы — зигзаг, если в этом будет необходимость, не бояться маневрировать, сказав, что корабли охраны примут все меры для предотвращения столкновения кораблей охраны и п/х «Диксон». Совещание закончилось.

После полуночи п/х «Диксон» снялся со швартовых и, развернувшись на рейде порта Печенги, лег курсом на выход из фиорда. Баренцево море встретило нас благоприятной погодой, но мы шли в кромешной тьме полярной ночи. Двенадцать кораблей эскорта окружали п/х «Диксон» плотным кольцом и следовали вперед форсированным ходом. Впередсмотрящие и наблюдатели на мостике вели наблюдение за окружающей обстановкой, но было так темно, что идущие вблизи корабли охраны не были видны, а только слышался шум работающих двигателей. На руле п/х «Диксон» стояли лучшие рулевые П.И. Давыдкин, Ф.И. Шувалов, 3-й помощник капитана А.А. Груздев находился в рулевой рубке, а я был при капитане связным. В районе губы Вайда на конвой начали атаки вражеские подводные лодки, но корабли охраны немедленно стали атаковать лодки глубинными бомбами, а мы пошли переменными курсами, противолодочным зигзагом, но надо учитывать то, что все эти маневры велись в сплошной темноте, без каких-либо приборов, дававших возможность вести наблюдение в темноте.

Крепкий клепаный корпус парохода содрогался от многочисленных и непрерывных мощных взрывов глубинных бомб. В машинном отделении удары от взрывов глубинных бомб ощущались особенно чувствительно, что, несомненно, создавало большую нервную нагрузку на машинную команду во главе со старшим механиком Тимофеем Ивановичем Фоминым. На переходе были усилены вахты в машинном и котельных отделениях, последним руководил 3-й механик А.А. Суханов. В котельном отделении на вахту были поставлены

лучшие кочегары: старшие кочегары Н.С. Карасенко, П.М. Меновицков, Н.А. Кирюта, Н.Г. Кириков, Е. Зеленин и другие. За работой всех механизмов в машинном отделении, и особенно главной машины, наблюдал 2-й механик Н.В. Чичагов с помощью машинистов: Героя Советского Союза Н. Шарыпова, В.С. Вялова, А.Г. Шарнина и других. Машинисты стояли на вахте по два человека и следили за тем, чтобы избежать возможных загревов механизмов.

Около полубака продолжались сильные взрывы глубинных бомб, а затем наступило небольшое затишье, конвой продолжал следовать прежним курсом и с той же скоростью.

Во время перехода радиостанция п/х «Диксон», где несли вахту начальник судовой радиостанции Л. Мурт и 2-й радист Е. Скачевский, работала только на прием.

При прохождении в районе маяка Цып-Наволок, расположенного на восточном побережье полуострова Рыбачий, бомбежка глубинными бомбами возобновилась с еще большей ожесточенностью, чем раньше. Противник предпринял очередную атаку на наш конвой. Беспрерывные и сильные взрывы бомб были впереди по курсу, так как флагман «Баку» начал сбрасывать глубинные бомбы для отражения постоянных атак подводных лодок, которые пытались любой ценой прорваться через строй охранения и торпедировать «Диксон». Однако благодаря умелым действиям командира конвоя и кораблей охранения все атаки подлодок немцев были сорваны. Наступила короткая полнейшая тишина, пароход «Диксон» лег на курс, ведущий в Кольский залив.

Утром при слабой туманной дымке мы входили в Кольский залив. В районе острова Торос мы расстались с нашими боевыми друзьями-кораблями эскорта, пожелав друг другу «счастливого плавания». И на этот раз девятостомильный короткий, но опасный переход закончился благополучно. Ценнейший груз был доставлен в порт Мурманск. На Лесном причале Мурманского порта, где нас поставили под разгрузку, на железнодорожных путях уже стояли в готовности для приемки боевых машин платформы.

При следовании Кольским заливом были подготовлены тяжелые стрельы, которыми мы должны были перегрузить с борта судна на платформы танки и самоходные орудия, доставленные из Печенги. Радостные лица членов экипажа нашего судна и сопровождавших боевую технику танкистов говорили о том, что беспокойная и бессонная ночь прошла для всех одинаково тревожно, но чувство выполненного долга вселяло гордость в души людей.

Наш экипаж своими силами выгрузил на подошедшие платформы всю привезенную технику без каких-либо повреждений. С подошедшего к нашему борту парохода «Енисей» был перегружен через борт п/х «Диксон» на железнодорожную платформу и танк-«отшельник». Так был безупречно выполнен этот сложный рейс по перевозке техники экипажем парохода «Диксон».

В один из весенних дней 1945 года пришло письмо от гвардейцев-танкистов экипажу парохода «Диксон». «Дорогие товарищи, — писали гвардейцы, — сейчас, когда штурмуем змеиное гнездо гитлеровской Германии, мы с благодарностью и теплотой вспоминаем о вашем самоотверженном труде в Печенге и Мурманске.

Залпы наших пушек приближают желанные дни мира, мы видим уже зарево Победы...» Эти строки письма позволили нам считать, что в нашей общей победе над врагом есть частичка и нашего скромного труда.

Опубликован в сборнике «Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы». Архангельск, 1991 г.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛОПУХИН

(1914—1995)

Ребенком уехал с семьей из Москвы в Сибирь, затем в Харбин, оттуда — в США и Францию, где семья обосновалась окончательно. О судьбе С.Н. Лопухина — в главе «XX век» первого раздела книги.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ» (отрывок)

...18 января 1920 года мы приехали в Харбин, где позже родились две мои младшие сестры Таня (Тучкова) и Марина (Феннел). Вначале Папа около двух лет жил и работал не в самом Харбине, а в городе Хайлар, где ему удалось найти работу. Харбин же был ему хорошо знаком, еще по 1905-му году. А в 20-е годы это был (конечно, в местном масштабе) крупный международный центр. Но прежде всего, это был тогда «почти» русский город, где русские жили в условиях и обстановке дореволюционной России. Русское население города группировалось вокруг — и почти всецело работало — на КВЖД, то есть на Китайской Восточной Железной Дороге. Рядом с европейским городом, но совершенно отдельно от него, находился большой китайский город Фудзядянь. Харбин делился на 4 части: Пристань, Новый Город, Модягоу и Старый Харбин (где находилась роскошная усадьба с громадным парком бывшего русского наместника на Дальнем Востоке, ген. лейтенанта Хорват). Я сказал выше, что Харбин был «почти» русским городом. Вернее — «совсем» рус-

ским с многочисленными церквями, величественным, деревянным Свято-Николаевским собором, Политехническим институтом, Коммерческим училищем КВЖД (существовавшим здесь еще до революции), Железнодорожным собранием, Центральной больницей, Центральной библиотекой КВЖД, библиотеками Коммерческого собрания, Грузинского общества и многих частных. В наше время преподавание велось на русском языке высококвалифицированными педагогами, как местными, так и приехавшими из России. Существовало в Харбине множество профессиональных объединений и землячеств, деятельностью которых руководило Российское Земляческое объединение.

Культурный уровень харбинской жизни был очень высок: прекрасная Опера, Театр, отличный симфонический оркестр, многочисленные книгоиздательства, 10 ежедневных газет, иллюстрированные журналы. Большую роль в области краеведения играло Общество изучения Маньчжурского края, имевшее богатейший Музей и издававшее собственный журнал «Вестник Маньчжурии». Много было элегантных больших магазинов, бесчисленных ресторанов (с музыкой и без нее), ночные кабаре... Кружок «Чураевка» при ХСМА — Христианском Союзе Молодых Людей — проводил большую культурную работу. На его открытых собраниях читались доклады, а после них писатели выступали со своими произведениями, музыканты давали концерты, выступали певцы и певицы. В залах ХСМА или Коммерческого собрания устраивались выставки картин или книг. Да всего и не перечислишь. Считается, что девять десятых того, что было сделано русской эмиграцией на Востоке, было сделано ею в Харбине.

В виде примера того, что в 20—30-е годы Харбин был «настоящим» русским городом, напомним, как там праздновались православные, церковные — чисто русские — праздники. Вот, например, в праздник Крещения. После литургии из Свято-Николаевского собора, возвышавшегося на центральной площади Нового города, под торжественный звон колоколов собора, которому отвечали колокола всех церквей города (а их было множество), выходил торжественный крестный ход с сонмом духовенства, возглавляемый архиепископом и епископами. В это шествие вливались подобные шествия из других церквей, и все вместе шло по главным улицам (движение на которых, конечно, останавливалось) на реку Сунгари, где была устроена прорубь с ледяным аналоем и над ним — ледяным же голубем. Архиепископ Мелентий служил торжественный молебен, после которого в проруби купались любители. На

Пасху в течение 3-х дней звонили все церковные колокола, причем трезвонить мог всякий желающий.

Если вся главная торговля города находилась в руках русских и в меньшем размере в руках представителей иностранной колонии: немцев, англичан, американцев и французов, мелкая и бакалейная торговля была китайская. Причем все китайцы Харбина объяснялись хотя и на ломаном, но все же русском языке. Русские же в своем громадном большинстве знали лишь немного самых необходимых китайских слов, вроде «маманди» — подожди или «кокойда» — скорее и т. д. Но не забудем, что все это относится к периоду нашей жизни в Харбине, т. е. с 1920 по 1929 год. Уже при нас весь этот старейший «русский» строй жизни начал ломаться и постепенно исчезать, что и заставило нашу семью перебраться в Европу. В тот же патриархальный период жизнь текла в Харбине на старо-русский дореволюционный манер. Ведь этот город был тогда, может быть, уникальным в мире по образу и укладу своей жизни. Цивилизация тогда еще мало коснулась Харбина. Например, многие улицы были даже не мощеные, так на Батальонной улице в Модягоу, где мы жили последние годы, посреди улицы росли цветы и трава, а тротуары были деревянные. Зимой мы, дети, катались по улицам на санках и на коньках, весной с азартом пускали кораблики в снеговые ручьи и, бегая за ними, часто теряли в грязи калоши. Транспорт был представлен редкими автобусами и еще более редкими легковыми машинами, которые брали определенную плату за определенный прогон и отходили со стоянки только наполненными до отказа. Главное же транспортное движение обслуживалось извозчиками, китайцами и в меньшей мере русскими. Среди этих последних были настоящие «лихачи», дежурившие у дверей шикарных ресторанов: красивые пролетки или сани, запряженные рысаками, покрытыми синей или красной сеткой с кистями. Уже в конце нашего пребывания в Харбине, в 1928—29 годах, население города впервые увидело пролетавший самолет (кстати, это были французские летчики Кост и Беллонт). Тогда же пошел первый в Харбине трамвай. А домашний лифт мы, дети, увидели в первый раз в жизни уже по дороге в Европу, в гостинице «Савой» в Гонконге.

Почему-то мои родители не хотели отдавать нас в учебные заведения, хотя в городе, как я уже сказал, имелись прекрасные классические и реальные (коммерческие) училища. К нам на дом ходили учителя этих же учебных заведений, а часть предметов проходил с нами Папа. Весной же мы сдавали экзамены в гимназии.

Климат в Маньчжурии был резко континентальный: суровая малоснежная зима с морозами до 30—40 градусов, бурная весна, очень скоро переходящая в жаркое лето с частными и обильными дождями и с высоким процентом влажности. Но зато осень в Маньчжурии — лучшее время года: прохладные ночи и чудесные солнечные дни, когда нет ни комаров, ни мошек и можно всецело наслаждаться красотой природы. А природа в Маньчжурии — великолепна. Благодаря обилию выпадающих дождей и жаркому лету растительность поражает своими размерами и разнообразием. Северные деревья, как береза, ель, липа, растут рядом с пробковым дубом, топодем, и все это перебито лианами дикого винограда. По берегам бесчисленных рек и ручьев пышно растут кусты черной смородины и заросли дикой малины, брусники, голубики, черники. Цветы поражают своим обилием и размерами. Пионы, ландыши, красные и желтые лилии растут здесь целыми коврами, но, как ни странно, почти совсем не пахнут... Всей этой красотой природы мы наслаждались во время летних каникул, когда уезжали из города в деревню. В первые годы родители возили нас в курортные места: Чжалантунь, Эрцэндьяндзы, Майоршань в 100—150 километрах от Харбина. Все это — красивые, гористые места с обязательным присутствием реки или речки. Но с настоящей, почти еще дикой природой мы познакомились несколько позже, когда проводили лето в маленьком железнодорожном поселке Хинган, расположенном у подножия горного хребта этого же имени. Если не ошибаюсь, это было в 1926—27 годах. Во время первой же прогулки, совсем недалеко от дома, мы спугнули двух тетеревов и дикую козу (косулю). Этим летом мы впервые познакомились с почти не тронутой человеком природой и поэтому полной особой прелести. Помню, как мы ездили на телегах на рыбалку, сидя на мягком, пахучем сене. Ехали на далекую рыбную реку. Приехав, подъезжали к реке без дороги, прямо через луг, где трава была выше колес телеги. Прибыв на место, стелили прямо на траву скатерть, вынимали всяческую провизию, ставили самовар, а мужчины шли с неводом ловить рыбу, которой кишела река. А потом тут же, на костре, варили уху. Между прочим, в подобные экспедиции снаряжались серьезно. Во-первых, ехало всегда человек 10, из коих трое-четверо мужчин с ружьями, так как всегда надо было учитывать опасность нападения «хунхузов» — разбойников-китайцев, с которыми правительство вело непрерывную борьбу.

По этому поводу я хорошо помню, как по улицам Модягоу, где мы жили, вели партию пойманных хунхузов в цепях и кандалах.

Для острастки одного из этих хунхузов казнили здесь же, на улице, то есть попросту отрубили голову. Этого мы, конечно, не видели. Но голову казненного в корзине оставили висеть на длинном шесте. И это я лично хорошо помню. Эти хунхузы были одной из причин того, что чудное лето на Хингане уже не повторилось: нападения хунхузов на мирное население настолько участились, что уезжать далеко от города стало не безопасно. Ведь в то время разные китайские генералы враждовали друг с другом и вели вооруженную борьбу. Их солдаты, не получая никакого жалования, питались за счет населения, немилосердно его грабили, а при случае присоединялись к шайкам хунхузов.

Но я отвлекся в сторону... Приехав в Харбин в начале 1920-го года, сначала мы жили очень скромно, пока Папа не удалось получить хорошее место на КВЖД. Его назначили заведующим финансовым отделом Дороги, где под его начальством было человек 15 служащих. Это был расцвет нашего материального благополучия. Папа имел в своем распоряжении казенную машину с шофером, который приезжал за ним каждое утро и отвозил на работу. Мы пользовались бесплатным купе 1-го класса по всей КВЖД, располагали ложей в кино и театре и т. д. Как я уже сказал, ездили всей семьей летом на курорты, где нанимали целый дом. Между прочим, два года подряд — 1924—25 годы — мы проводили лето в усадьбе генерала Хорвата, который тогда был «почетным пленником» Китая и жил в Пекине, а свой дом в роскошном имении Старого Харбина сдавал желающим в аренду. Дом был таких размеров, что в нем жили, не стесняя друг друга, две-три семьи плюс два взрослых сына генерала Хорвата и его замужняя дочь с детьми. При доме был громадный парк, скотный двор, масса домашних птиц, цветник, огород... Нижний этаж дома был занят парадными залами, настоящим музеем, наполненным старинной китайской мебелью, статуями буддийского культа. В эту часть дома мы, дети, допускались лишь с провожатыми.

В парке был еще другой дом, конечно, меньших размеров. В нем мы жили во второй год нашего пребывания в усадьбе Хорватов. В том 1925-ом году, у Мама родилась дочь Марина, и мы первое время жили в усадьбе без родителей под присмотром няни. Правда, Папа часто к нам приезжал. Мама же, как только оправилась, тоже приехала к нам с маленькой нашей сестрой.

К сожалению, наше финансовое благополучие продолжалось недолго. Мало-помалу на КВЖД начали проводить политику постепенной замены европейцев (и, конечно, в первую очередь русских) —

китайцами, получившими образование на Западе. Пришла и очередь Папа. Правда, его не уволили, а лишь понизили в должности. Но к тому времени китайское правительство признало СССР и надо было делать выбор: или становиться китайским подданным или советским гражданином. А кроме того, началось медленное, но упорное просачивание Японии в Маньчжурию и все большее японское влияние на местное правительство. Все это создало такую тревожную обстановку, что мои родители решили уехать в Европу, точнее — во Францию, куда уже уехали несколько лет назад из Харбина наша Бабушка Лопухина, ее сестра Е.П. Писарева, тетя Женя (вышедшая в Харбине замуж за И.А. Кириллова), тетя Танечка в будущем Матвеева и Лидия Дмитриевна Курдюмова — будущая учительница моих тетей, уже во Франции воспитавшая несколько поколений русской молодежи в духе лучших традиций.

Последним толчком к принятию решения о переезде в Европу послужило неожиданное происшествие: нас грандиозно обокрали, взломав осенью дверь в переднюю, где стояли сундуки со всеми зимними вещами семьи. Грабителей, конечно, не нашли, а мы очутились на пороге зимы совершенно раздетыми. Уже давно были предприняты шаги к отъезду, возобновлены отношения с родственниками и, в первую очередь, с дядей Костей Хрептович-Бутеневым — мужем родной тети моего отца, рожденной графини Барановой.

Цитирую здесь слова, сказанные несколько позже митрополитом Евлогием на похоронах дяди Кости: «...скольким людям его рука оказывала помощь». Среди этих людей была и наша семья, которой дядя Костя выслал на путешествие крупную тогда сумму — 500 американских долларов. Кроме того, родственник и друг молодости Папа, дядя Алеши Оболенский, проживавший в Нью-Йорке, устроил нам даровой проезд до Нью-Йорка на торговом пароходе «Сити оф Эльвуд», на который мы должны были погрузиться в Гонконге.

События завертились полным темпом. Тяжело было порывать с нашей патриархальной, чисто русской жизнью в Харбине, с нашими многочисленными друзьями и знакомыми и пускаться в полную неизвестности новую жизнь. Тем более, что тогда в 1929—30 годах в США и Европе разразился небывалый экономический кризис. Но иначе поступить было нельзя. Папа слишком хорошо помнил русско-японскую войну 1905-го года, ненавидел и боялся японцев. И как будущее показало — был совершенно прав. А тут еще — признание Китаем СССР. Другого выбора не было.

И вот в октябре 1929-го года мы двинулись из Харбина во Францию, провожаемые на вокзале целой толпой друзей. Из Харбина в

Циндао поездом, от Циндао в Шанхай — на японском пароходе «Хотен Мару», и из Шанхая в Гонконг на американском «Президент Пирс». В Гонконге мы прожили 2 недели, ожидая прибытия нашего «Сити оф Эльвуд». Жили мы в многоэтажной гостинице «Савой», где в первый раз в жизни увидели лифт, которым мои братья Рафаша и Миша (завязав дружбу с лифтером) пользовались когда нужно и когда совсем не нужно. Они же порвали сукно на бильярде, бросали вниз в толпу бумажные стрелы и вообще вели себя бурно... Ведь, честно говоря, мы были тогда совершенными дикарями. Нашими приятелями были уличные мальчишки, причем «уличные» в самом прямом значении этого слова, так как играли мы с ними на улице... поросшей травой. Родственников у нас в Харбине не было, с тех пор, когда в 1925-ом году семья Голицыных уехала в США, оставив нам карлицу Лизу, выехавшую с ними из России, так как американцы не принимали к себе калек.

Когда мы ввалились в шикарный холл гостиницы «Савой» в Гонконге, наше прибытие произвело фурор среди чопорных англичан. Представьте себе появление довольно плохо одетых 2-х взрослых, 6-ти детей, карлицы и 26-ти штук багажа, из коих два громадных сундука. На все это моя маленькая сестра Марина, которой было всего 4 года, упала на пороге холла и громко заревела. Прожили мы в Гонконге две недели, хорошо осмотрели этот замечательно красивый город на острове, побывали на его чудных пляжах, где еще было много купающихся (это в ноябре!) и получив известие, что наш пароход «Сити оф Эльвуд» прибыл в Гонконг, погрузились на него распрощавшись с Азией.

Рукопись в 100 машинописных страниц охватывает события 1918—1950 годов. Находится во Франции, собственность наследников Сергея Николаевича Лопухина.

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА ЛОПУХИНА-РОДЗЯНКО

(родилась в 1928 г.)

Вместе с семьей выехала из СССР в Эстонию в 1935 году, затем семья переехала в Германию, а оттуда — в США. Доктор филологии Нью-Йоркского университета, автор многих трудов по русской литературе, издатель русских книг в США. Замужем за О.М. Родзянко, мать пятерых детей. Живет в США.

СУДЬБА СЕМЬИ А.С. ЛОПУХИНА

(отрывок)

Россия

«Бог дал роток, даст и кусок», — любил повторять Алексей Сергеевич Лопухин, наставляя нас, своих детей, на его религиозный путь. Так в его жизни и получилось. В условиях полного лишения в послереволюционной России у наших родителей родилось семь человек детей. Старшие брат Сергей и сестра Александра родились на Кавказе в городе Нальчике. В Хилкове, Тульской губернии, родился брат Николай, сестры Елена и Анна родились в Загорске (Сергиевом Посаде), а мы, младшие брат Михаил и я, родились в Твери. По любимой пословице нашего отца и сложилась наша жизнь: всегда был подчас скудный, но кусок на столе.

Алексей Сергеевич Лопухин, мой отец, был третьим сыном Сергея Алексеевича Лопухина (1853—1911), сына Алексея Александровича Лопухина (1813—1872, друга М.Ю. Лермонтова) и княжны

Варвары Александровны Оболенской (1819—1873). Сергей Алексеевич, мой дедушка, был женат на графине Александре Павловне Барановой (1868—1934). Ни предприимчивостью, ни энергией своих братьев Алексей Сергеевич не обладал. Это во многом затрудняло жизнь нашей многочисленной семьи в скитаниях по разным странам в эмиграции. «Был он мечтатель, идеалист, хороший человек, но уж очень инертный, его сравнивали с Обломовым» — так пишет о нем князь С.М. Голицын, его родной племянник. В молодости Алексей Сергеевич увлекался театром, был вольнодумцем. Но в театре он скоро разочаровался, почувствовав в нем фальшь и чувств, и интриг по сравнению с настоящей жизнью. Своими размышлениями и читая Евангелие, он пришел к глубокой, искренней вере, ставшей его путеводительницей по жизни во времена великих потрясений в России, затем в Европе и в США.

Алексей Сергеевич женился на баронессе Фекле Богдановне Мейендорф во время Гражданской войны на Кавказе, где он в то время служил в отделе снабжения санитарных поездов. Фекла Богдановна была сестрой милосердия на одном из таких санитарных поездов. Она нам, детям, со смехом рассказывала, как она на свое венчание в церковь ехала на ступеньке переполненного трамвая, держась за ручку трамвая и стоя на одной ноге. После войны Алексей Сергеевич служил некоторое время в местном суде. По образованию он был юристом. Но это продолжалось недолго. Его уволили за то, что он судил по совести, а не по предписанию новой «революционной законности». Оставшись без места и уже с первым сыном, Алексей Сергеевич, с помощью своей сестры княгини Анны Сергеевны Голицыной, переехал в Хилково, бывшее имение своих родителей, где ему представилась возможность арендовать фруктовый сад своих родителей на четыре года и устроить жизнь своей растущей семьи.

Мои родители прожили в Хилкове около трех лет. Это было, кажется, самое счастливое время в жизни моего отца. Из Хилкова он писал своему брату в Париж, как счастлив и что ничего лучшего от жизни не хочет. Но новый порядок в России не щадил дворян. Алексей Сергеевич был арестован за то, что повез «послание нескольких священников Крапивенского уезда патриарху Тихону» о их отказе подчиняться живой церкви. Благодаря хлопотам Анны Сергеевны, Алексея Сергеевича отпустили из Хилковской тюрьмы, но оставаться жить в поместье своих родителей запретили. Он переехал в Сергиев Посад, где к тому времени обосновалось довольно много «бывших людей» (так называли в то время дворян), изгнанных из своих имений и городских особняков.

К тому времени в Сергиевом Посаде уже жили семьи княгини Анны Сергеевны Голицыной, князя В.С. Трубецкого и многих других. Анна Сергеевна помогла моему отцу заняться вязанием чулок, легко продававшихся на базарах, что приносило нашей семье необходимые средства для жизни. Но и тут власти не оставили в покое изгнанников. Через три года семье моих родителей снова пришлось переезжать и начинать жизнь сначала. Большое скопление бывших людей в Сергиевом Посаде казалось властям опасным. Начались аресты по обвинению в несуществовавшем покушении на секретаря местного райкома партии. А фактически только, чтобы разогнать колонию дворян из Сергиева Посада. Был снова арестован и мой отец. На этот раз его держали недолго и отпустили со статьей «минус шесть», что означало, что он не имеет право жить в шести главных городах России. «Тогда, — пишет С. Голицын, — в 1927 году, дядя Алеша получил минус шесть и выбрал для жительства Тверь...» Так оказалось, что младшие члены нашей семьи, Михаил Алексеевич и я, родились в этом старинном и славном городе России.

Первые мои воспоминания относятся к жизни нашей семьи в Твери. Помню, жили мы в довольно темной избе с небольшим двориком, огороженным высоким, как мне тогда казалось, забором. За домом был чей-то огород, тоже за забором, куда нам вход был запрещен. Эту темную избу мы называли «старой квартирой». Потом мы переехали в Затверечье на Болдыревский переулок, где поместились тоже в избе с двумя окнами, выходящими на улицу, с русской печью, с кухней и обширной передней с одним окном, выходящим на небольшой дворик за домом. Эту избу мы называли «новой квартирой». В большой комнате, выходящей окнами на улицу, стоял посередине большой стол со скамейками вокруг него. За этим столом мы обедали, старшие дети делали уроки, младшие играли — одним словом, вся жизнь семьи была сосредоточена вокруг этого стола. Вдоль всех стен стояли наши кровати. Только один угол был отгорожен чем-то вроде ширмы, где спала наша верная, добрая няня Устинья.

Всегда вспоминаю нашу милую няню с чувством нежной любви и благодарности. Она была моей верной защитницей от дразнений старших братьев и источником ласки в большой семье, где у занятых родителей не хватало времени на это для многочисленных детей. Помню, как няня Устинья метлой отгоняла от меня агрессивно нападающего на меня Сергея, который не считал нужным слушаться слов увещания доброй няни. А я в это время спа-

салась от него, прячась за няней и держась крепко за ее юбку. В таких крайних случаях только вмешательство мамы останавливало конфликт. Нянин угол был для меня источником утешения и таинственных интересных вещей в ее большом сундуке, который она после долгих просьб открывала. Там были ее яркие платки, одежда и какие-то красивые коробочки, ничего особенного собою не представляющие, но мне они казались крайне интересными. С няней мы расстались, когда много лет позже уезжали из России в Эстонию. Родители звали няню Устинью поехать с нами, но она уезжать из России не хотела и вернулась в свою деревню.

В Твери отец зарабатывал на жизнь все тем же вязанием чулок, в чем продолжала помогать ему наша мать и его сестра Анна Сергеевна Голицына. Тетя Анночка, так мы называли нашу тетю, добывала ему пряжу, нитки для чулок в Москве. Он взял на приобретенной для этой цели специальной машине чулки, племянницы, Маша и Катя Голицыны, продавали эти чулки в Москве. Вечерами отец долго сживал за вязаньем чулок, а я под однообразное журчанье чулочной машины засыпала. Когда стало невозможно добывать пряжу для чулок, отец «...поступил на работу в Тверской горкомхоз на должность «пробера» — ежедневно, без выходных, брал пробы воды в Волге и в ее притоках Тверце и Тьмаке...». Так пишет его племянник Сергей Михайлович Голицын в своих воспоминаниях. Заработок от этой работы был невелик. Помню, были дни, когда за обедом и ужином у нас была одна картошка: днем — вареная в мундире, вечером — жареная. Но никто из-за этого не унывал.

В Твери начала тридцатых годов, как и в Сергиевом Посаде, собралось немало «прежних людей», получивших после арестов «минус шесть». Поселилась там и наша родственница княгиня Ольга Ивановна Оболенская (1891—1984), тоже после нескольких арестов и ссылки. Она часто бывала у нас и тоже стала близким нашей семье человеком, для нас тетей Ольгой Оболенской. Помню один визит к ней, когда мама взяла меня с собой. Взрослые о многом толковали, не обращая на меня никакого внимания. Изредка, вспоминая обо мне, тетя Ольга угощала меня леденцами по названию Ландрин. А мне нисколько не мешало, что я не участвую во взрослом разговоре. Я только ждала, когда мне снова предложат вкусный леденец. Окончив свою длинную беседу, взрослые вдруг почувствовали свою вину передо мной. «Тебе, наверное, было скучно, пока мы разговаривали, бедная», — извинялась передо мной мама. «Совсем даже не скучно. Подумай: минута и Ландрин», — совершенно искренне ответила я.

Самым ярким воспоминанием жизни в Твери было для меня появление в нашей семье Александры Богдановны Мейендорф, тети Сандры, сестры матери. Это было рано утром. Я проснулась в своей кровати с высокими заборчиками, из-за которых я сама еще не вылезала. Никто из взрослых меня не вынимал и я, стоя, наблюдала пробуждение семьи. Моя кровать стояла недалеко от окна, выходящего на улицу. Вдруг я заметила, что какая-то чужая для меня женщина стучит в окно и, так как никто не слышал этого стука, разными жестами старалась мне объяснить, чтобы я обратила внимание матери на нее. Эта немая сцена продолжалась до тех пор, пока мама наконец заметила женщину и с радостными криками: «Сашика-а!» — бросилась открывать тете Сандре дверь. Радости не было конца. Тетя Сандра вернулась с Соловков, где она отбыла пятилетний срок заключения.

Появление тети Сандры внесло много оживления в жизнь нашей семьи. Тетя любила петь и недурно играла на гитаре. Мы скоро запели, имитируя ее, соловецкую лагерную песню «Золотые точки, точки огоньки нам напоминают лагерь Соловки. Посидите вы годочков три иль пять, будете с восторгом вспоминать!». С тех пор уже прошло более шестидесяти лет, а слова эти и образ поющей под гитару тети стоят живой картиной в моей памяти. Тетя поселилась с нами в той же избе, где для нее отгородили часть передней с окном во дворик. Там мы часто сживали, как бы в гостях у тети, которая не уставала нас забавлять своими выдумками, шила нам маленьких тряпочных негритосиков, которых мы называли чернушками. Для нас это были любимые и почти единственные игрушки.

В 1935 году нашей семье удалось получить разрешение на выезд в Эстонию, где находилась недалеко от городка Кейла усадьба Кумна, имение баронов Мейендорф, и где проживала наша бабушка Елена Павловна Мейендорф, урожденная графиня Шубалова. В те времена можно было за деньги (золотые) купить разрешение на выезд. Нашей бабушке с участием нашего дяди, Георгия Богдановича, удалось собрать почти полную сумму, нужную для покупки заграничных паспортов трех взрослых (отца, матери и тети). Детям, не достигшим зрелого возраста, паспортов еще не требовалось. Мы, все семеро, были вписаны в паспорта наших родителей. Но этот способ выезда из Советской России был доступен не всем и требовал особого покровительства. Для нашей семьи такой покровительницей была Екатерина Павловна Пешикова. Она помогла многим в нашей большой семье в те страшные годы преследова-

ний советской властью аристократии, интеллигенции, купцов и крестьян.

В июне 1935 года, погрузив вещи на нанятую подводу, наша семья пешком отправилась на Тверской вокзал. Нас провожала сестра матери Надежда Богдановна Раевская и ее дочери Алена, Катя и Сонечка. Подошел поезд, шедший из Москвы в Петербург и дальше в Ревель (теперь Таллин). Из окна одного из вагонов махал нам рукой папа. Он ездил накануне нашего отъезда из России в Москву прощаться со своими сестрами и занял для нас в этом поезде два купе. В мои шесть лет отъезд «в заграницию» казался мне таинственным и чрезвычайно интересным. Мать радовалась. Она ехала в свои родные места, к матери, в родовое имение своей семьи. Тяжело переживал наш отъезд отец. С. Голицын вспоминает об этом в своей книге «...дядя Алеша приезжал к нам прощаться, жалкий, удрученный, не знающий, что его ждет». А главная причина его удрученности была в том, что покидает он Россию. Он никогда не мыслил себя нигде, кроме России, и до конца своей жизни не мог приспособиться ни в какой другой стране.

В 1991 году, будучи в Москве на первом Конгрессе соотечественников, в дни знаменитого путча, племянник Владимир Перцов возил нас в Тверь. Память мне не отказала, и мне удалось найти нашу избу на бывшем Болдыревском переулке. Старушка-изба стояла на своем месте, покосившаяся и вросшая в землю до окон со стороны двора. Все вокруг сохранилось, как было шестьдесят три года тому назад, кроме березок, украшавших задний дворик, и яблонь в огороженном огороде хозяев, дразнивших наши детские голодные желудки недоступными плодами. Ни березок, ни яблонь как не бывало. Все же очень было приятно отыскать место, где прошло мое раннее детство.

Эстония

А в Эстонии ожидал нас действительно уголок, похожий на рай земной. Старинное имение семьи Мейендорф Кумна в 1935 году еще оставалось почти таким же, как и до революции, с той только разницей, что не было прислуги, и все по дому и имению делали сами с помощью двух-трех рабочих, нанимаемых на время усиленных полевых и огородных работ. Жили с доходов сельского хозяйства, огорода и фруктового сада. Летом сдавали дачникам комнаты в большом старом родовом доме и других небольших строениях старого имения.

В Таллин мы приехали поздно вечером и, переночевав у дяди Георгия Богдановича, на следующее же утро поехали на поезде в Кейла, где нас встретил другой дядя Василий Федорович Мейендорф с несколькими экипажами, на которых нас привезли в Кумну. Ярко запомнился мне вид сиреневой ограды, которой со стороны шоссе обнесено было имение, весь в цвету, затем тенистый въезд в имение и большое парадное крыльцо куменского дома. После короткого отдыха нас, детей, повели здороваться с бабушкой, Еленой Павловной. Коридор через весь дом казался бесконечно длинным. Но вот мы и у бабушки в гостиной. Она сидит в кресле у небольшого столика, ласково улыбается и слушает, как нас по очереди ей представляет мама. Потом я бегу по дорожкам сада, знакоюсь с новым местом, и все в этом имении мне кажется несбыточной сказкой или сном, от которого я сейчас проснусь и все исчезнет, и я снова окажусь в бревенчатой избе в Твери на Болдыревском переулке. Но все это чудо оставалось на месте, и для нас начиналась совсем новая жизнь с сохранившимся бытом ушедшего века, в окружении родни моей матери.

В Кумне проживали круглый год, кроме бабушки, ее вторая по старшинству незамужняя дочь, Мария Богдановна, которая вела огородное и фруктовое хозяйство Кумны; моя двоюродная сестра Ирина Ильинишна Муханова с мужем Павлушей Бреверн и двумя сыновьями нашего возраста Димой и Романом. В отдельном доме тоже на территории Кумны жили Софья Богдановна Мейендорф с мужем Василием Федоровичем Мейендорфом и дочерью Марией Васильевной.

Старый дом, в котором моя мать родилась, в начале июня еще не был заселен обычными летними дачниками. Нас поселили сначала в двух самых больших комнатах дома. Но к приезду дачников надо было освободить эти комнаты, и мы переехали в маленький домик на краю имения, который мы называли «маленькой Кумной» и который стал нашим ежегодным местом жительства в летние месяцы. Большой дом каждое лето заполняли дачниками, всегда теми же самыми, потому они делались нам близкими и родными. Приезжала графиня Марион фон Пиллар со своей старушкой матерью и занимала три больших комнаты с великолепной террасой. Приезжала семья Гизетти, состоявшая из Федора Антоновича, его жены Елены Антоновны, ее матери, Едвиги Васильевны Ридигер (бабушки нынешнего Патриарха Московского), их двух сыновей, Мити и Толи, и новорожденной в тот год дочери Аленушки. Приезжала еще семья Банг, состоявшая из Роберта Робертовича, его жены Екатерины Аполлоновны и их детей — сына Ромы и дочери Мариты. Каждый год навещала своих родителей в Кумне двоюродная сестра Алек-

сандра Васильевна Мейендорф (Алинка), дочь Софии Богдановны и Василия Федоровича Мейендорфа. Александра Васильевна жила уже в те годы в США, где она окончила университет и работала преподавательницей в начальной школе. Приезжали на лето и родственники. Из Ревеля приезжала теть Тася (Анастасия Богдановна) Муханова с сыном Сергеем. Одно лето приехала навещать свою мать старшая дочь Елены Павловны, Ольга Богдановна Орлова-Денисова из Рима.

Лето в Кумне проводили весело. Молодежь играла по вечерам в волейбол, по утрам ходили на речку купаться, играли в теннис и пинг-понг. В семье Мейендорф любили музыку. Моя мать и ее брат Георгий Богданович хорошо играли на рояле. С их участием устраивали музыкальные вечера. Взрослые собирались у бабушки на бридж. Любители домашнего театра, к коим относился и мой отец, устраивали домашний театр. Для этого приспособляли под сцену то террасу у комнат Пилларов, то каретный сарай. Ставили веселые комедии «Бабы лето», «Беда от нежного сердца» «Роковая скамейка» Билибина. В ролях выступали наши тетушки, папа, дачники и мои старшие братья и сестры.

Особым событием в жизни куменского лета был престольный праздник домово́й церкви в честь праздника Преображения. К этому особенно готовились. Церковь на втором этаже украшали цветами и гирляндами. Мама составляла хор из родственников и задолго до самого праздника устраивала спевки. Из Ревеля приезжал к нам священник. Все говели. Моя первая исповедь была в один из таких праздников.

К концу лета, перед отъездом дачников, устраивали олимпиаду, в которой участвовали и стар и млад. Состязались в пинг-понг, устраивали гонки на велосипедах, для нас детей — на роллерах, были и разные бега с препятствиями... Затем устраивался прощальный ужин в зале у графини фон Пиллар, и после этого все разъезжалось по своим зимним местам жительства в Таллине. В Кумне делалось тихо и скуновато.

Зимняя пора в Кумне с длинными вечерами, снегом и морозами имела свою прелесть. Мы, младшие дети, ходили в эстонскую школу в городке Кейла за три с половиной километра от Кумны. После школы перед ужином ходили на уроки к бабушке, которая нас учила русской грамоте, Закону Божьему и немецкому языку. Вечерами собирались у тети Соны или у бабушки, мастерили подарки родителям и взрослым к Рождеству или делали украшения на елку, учились у бабушки вязать, а тем временем нам читали громко интересные книги по-русски.

Вся эта идиллия кончилась для нас с наступлением Второй мировой войны и оккупацией Эстонии Советским Союзом. Помню, проснувшись одним июньским утром, мы все услышали тяжелый гул большого количества моторов. Это шли советские танки из Порты Балтийского в Ревель. Новостью этого дня было известие, что Эстония оккупирована и эстонский президент Пяцу отказался от своего правления. Опасность репрессий снова нависла над нашей семьей и заставила нас все бросить и уезжать. В 1941 году в феврале наша семья уехала в Германию. Началась новая жизнь, новая борьба за существование в новых условиях, среди чужого нам народа, языка и культуры.

...В Кумне привелось мне побывать много лет спустя, в 1992 году. Я как-то не надеялась найти старый дом на своем месте. И была поражена и обрадована, увидав его. Но какой он был постаревший и неухоженный! Больно было видеть запустение всего имения. Ни фруктового сада, ни огородов, ни обработанных полей, ни дивных цветников и чистых дорожек вокруг дома. Многих домов вообще не оказалось на месте. Нашей «маленькой Кумны» и домика тети Соны и дяди Васи нет. Нет и прудов, некогда полных воды. Они почему-то высохли. Так пропало это чудо прошлого века, столь живое во времена между двумя мировыми войнами.

Рукопись «Судьба семьи А.С. Лопухина» объемом около двух печатных листов была окончена в октябре 1999 года и содержит рассказ о судьбе многочисленных потомков Алексея Сергеевича Лопухина до наших дней. Собственность автора.

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА СОЛЖЕНИЦЫНА

Печатаем отрывок («Вступление») из докторской диссертации Т.А. Лопухиной-Родзянко «Духовные основы творчества Солженицына», защищенной ею в Нью-Йоркском университете в начале 1970-х годов. Это было одно из самых первых исследований, посвященных великому русскому писателю современности.

В России, к сожалению, такая работа только начинается.

В «Нобелевской лекции» Солженицын призывает всех писателей и художников мира понять ответственность своего призвания и это призвание исполнить. Он вспоминает слова Достоевского: «Мир спасет красота» — и открывает значение этих слов для современно-

сти. Он утверждает, что подлинное Искусство способно вразумить и спасти человечество, которое в наше время слепо идет к катастрофе. С этим убеждением он обращается с нобелевской кафедры ко всем одаренным свыше людям: «Друзья! А попробуем пособить мы, если мы чего-нибудь стоим!»

Глубокое понимание Искусства, которое Солженицын пишет с прописной буквы, у него традиционно-романтическое. Это то понимание Искусства, которое впервые выразили словами философы античной культуры и к которому позднее добавляли европейские мыслители свои новые откровения. Искусство для Солженицына не только эстетика, и роль его не только украшение жизни, и не средство для распространения идей, а — самостоятельная отрасль. Искусство существует само по себе как особый дар Творца людям, через который человек может познать высшие тайны творения мира. Солженицын пишет:

«Еще в предутренних сумерках человечества мы получили его из Рук, которых не успели разглядеть. И не успели спросить: за что нам этот дар? как обращаться с ним?»

И ошибались, и ошибутся все предсказатели, что Искусство разложится, изживет свои формы, умрет. Умрем — мы, а оно — останется. И еще пойдем ли мы до нашей гибели все стороны и все назначения его?

Не все — называется. Иное влечет дальше слов. Искусство растепляет даже задохленную, затемненную душу к высокому духовному опыту. Посредством Искусства иногда посылаются нам — смутно, коротко — такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению».

Искусство вошло в человека с живой душой, которую вдунул в него Творец, создавая его. Потому настоящий художник у Солженицына скромный работник, исполняющий волю могучего, разумного Созидателя мира. Он «...знает над собой силу высшую и радостно работает маленьким подмастерьем под небом Бога...».

Это простыми словами выраженное романтическое кредо А.С. Пушкина, который тоже слышит над собой голос Бога и принимает своим преображенным слухом и зрением приказания Его:

Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Так понимали свою роль художника многие русские писатели, следуя примеру Пушкина. Именно так толкует князь Е. Трубецкой роль древнерусских иконописцев в созданном ими Искусстве. Он пишет:

«Икона XV века всегда вызывает в памяти бессмертные слова Достоевского: «красота спасет мир». Ничего, кроме этой красоты Божьего замысла, спасающего мир, наши предки XV века в иконе не искали. Оттого она и в самом деле была выражением великого творческого замысла».

С таким пониманием Искусства Солженицын исполняет свой писательский долг. Творчество его не только художественные произведения, достойные тщательного исследования литературоведа. Оно несет в себе тяжелую ответственность за передачу человечеству того, что ему, как художнику, было открыто свыше. Художник не творит сам, пишет Солженицын.

«...не им этот мир создан, не им управляется... нет сомненья в его основах, художнику дано лишь острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него — и остро передать это людям».

Именно такое и только такое задание исполняет Солженицын своим творчеством. В письме IV съезду писателей СССР он говорит, что художественной литературой может называться только та литература, которая правдиво и честно передает правду о мироздании.

«Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь косметики. Такая литература теряет доверие у собственного народа, и тиражи ее идут не в чтение, а в утильсырье».

Редкий писатель в истории европейской культуры ощущал такую тесную, непосредственную связь с мировой литературой, как Солженицын. Чувство единой мировой литературы делает его веру в силу Искусства еще более значительной. И в прошедшие века существовало понятие общеевропейской культуры. Изучались влияния

литературных направлений и мысли одной нации на другую. Но никогда еще не было такого быстрого отклика на литературные явления мира, как в наше время. Современные возможности коммуникации дают возможность того, чтобы новая мысль или новое произведение литературы стало общедоступным во всем культурном мире. Произведения Солженицына, появившиеся за последнее десятилетие, уже известны почти на всем земном шаре. И это — несмотря на все усилия власти в его стране не допустить его произведений к печати. Это дает право Солженицыну свидетельствовать в «Нобелевской лекции» о новом явлении нашего века:

«Так я понял и ощутил на себе: мировая литература — уже не отвлеченная огибающая, уже не обобщение, созданное литературоведами, но некое общее тело и общий дух, живое сердечное единство, в котором отражается растущее духовное единство человечества».

В этом растущем духе единства человечества видит Солженицын залог спасения от современных заблуждений. Он вносит свой вклад в него: духовные ценности своего народа, добытые суровыми годами потрясшей страну революции и страшного сталинского произвола над людьми.

Взойдя на кафедру нобелевского лауреата, Солженицын обращается ко всему миру и указывает на болезнь века — на основное заблуждение его. Человечество, став на земном шаре единой огромной семьей, не имеет общей шкалы нравственных оценок. Что в одном конце земли считается морально недопустимым, подлежащим суду, то в другом конце ее творится на глазах у всех и равнодушно замалчивается. В таком двоении шкалы оценок Солженицын усматривает близкую катастрофу для человечества.

«...для целого человечества, стиснутого в единый ком, такое взаимное непонимание грозит близкой и бурной гибелью... Мы не уживем на одной Земле, как не жилец человек с двумя сердцами».

Общей шкалой оценок для всего человечества должна быть одна, вечная справедливость, которая не меняется из века в век, не исчезает, но существует извечно, как Искусство. Без такой общей и вечной справедливости нельзя человечеству выжить. Солженицын видит возможность преодолеть этот разрыв действием Искусства. Художник может передать опыт своего народа другим и таким образом шкала оценок сможет найти общий знаменатель. Эту воз-

можность обнаружил Солженицын в растущем единстве мировой литературы.

Во многих произведениях у Солженицына встречаются по-новому освещенные духовные ценности средневековья. Его привлекает целостность миропонимания людей тех времен, их устремленность к духовному и пренебрежение земным. Этой устремленности к духовному не хватает современному человечеству. Костоглотов, восстанавливая в своей памяти древнюю повесть о Китоврасе из «Толковой палеи», откуда идет в народе поговорка «Мягкое слово кость ломит, а жестокое гнев вздвигает», делает для себя вывод:

«И вот размышляя Олег: этот Китоврас и эти писцы пятнадцатого века — насколько ж они люди были, а мы перед ними — волки.

Кто это теперь даст ребро себе сломать в ответ на мягкое слово?..»

Потеря устремленности к духовному влечет за собой упадок нравов и Искусства. Такой упадок наблюдает Костоглотов. О таком же упадке нравов и Искусства свидетельствует Е. Трубецкой, сравнивая древнее русское искусство с более поздним и современным:

«В этих памятниках современности ярко выразилась сущность того настроения, которое имело своим последствием гибель великого религиозного искусства; тут мы имеем не простую утрату вкуса, а нечто неизмеримо большее — глубокое духовное падение. ...Причина этого упадка повсеместно одна: повсюду угасание жизни духовной коренится в той победе мещанства, которая обуславливается возрастанием житейского благополучия».

В «Нобелевской лекции» Солженицын снова объединяет расторгнутое триединство в Искусстве: Истину, Добро и Красоту. Со времен увлечения рационализмом их разделили на три отдельных дисциплины: истину стали искать в науке, добро выделили в область морали, а для красоты нашли пристанище в эстетике. Солженицын снова видит их неразделенными в подлинном Искусстве. «Так, может быть, это старое триединство Истины, Добра и Красоты — не просто парадная обветшалая формула... — пишет он. — И тогда не обмолвкою, но пророчеством написано у Достоевского: «Мир спасет красота»? Ведь ему дано было многое видеть, озаряло его удивительно».

Творцы средневековой готики не думали отдельно об эстетике, создавая архитектуру своих храмов. Они в них вкладывали свое целостное мировоззрение, свое стремление к духовной высоте. Древние русские иконописцы тоже передавали в иконах духовные ценности своего времени. О древней русской иконописи говорят как об «умозрении в красках». И мастера готики, русские иконописцы создали бессмертное искусство. Солженицын ценит это древнее искусство, его глубокое, целостное содержание и зовет на нем поучиться. В пьесе «Свеча на ветру» он говорит словами Алекса, отбывшего десять лет тюремного заключения: «Оказывается, мы нигде ничего не упустили. Разве только — осматривать средневековую готику».

Глубже и шире открывается устремленность Солженицына к средневековью в романе «Август четырнадцатого». В нем выразители этих идей: пожилой Варсонофьев и молодая профессор Андозерская. Первый беседует со студентами: толстовцем-народником и гегельянцем; вторая — с курсистками, увлеченными социализмом. Оба в разговорах выдвигают духовные ценности средневековья, идущие вразрез с модными идеями времени. Молодые в свою очередь стоят за свои идеи, но жадно ждут услышать от собеседников что-нибудь веское. В этом ожидании молодых слышится отношение автора к модным направлениям: даже увлеченные ими молодые не удовлетворены, они ищут чего-то более содержательного и полного. «Да в какую я компанию попал! — все направления!» — говорит Варсонофьев. И осторожно, но едва ли оспори-мо, разбивает в разговоре основы этих направлений. Гегельянцу Коте он говорит:

«...если вы гегельянец, вы ж должны утверждать государство.

— Я и... и утверждаю, — с некоторой заминкой согласился Котя.

— А государство — оно не любит резкого разрыва с прошлым. Оно именно постепенно любит. Перерыв, скачок — это для него разрушительно».

Солженицын постоянно подчеркивает важность непрерывного исторического развития страны и сохранения традиций народа. То, что случилось после революции 1917 года (особенно в 30-е годы), губительно, потому что тогда резко порвали с историческим прошлым русского народа. Гнали все, что имело общее с духовной культурой страны: религию и искусство. Е. Замятин еще в 1921 году написал в статье «Я боюсь»:

«...если писатель должен быть благоразумным, должен быть католически-правоверным, должен быть сегодня — полезным, не может хлестать всех, как Свифт, не может улыбаться над всем, как Анатолий Франс, — тогда нет литературы бронзовой, а есть только бумажная, газетная, которую читают сегодня и в которую завтра завертывают глиняное мыло... А если неизлечима эта болезнь — я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое».

Но и прошлое может пропасть, если нет настоящего, то есть нет живой культуры, умеющей ценить прекрасное. В. Вейдле в своей книге «Russia Absent and Present» называет это порабощение Искусства — антикультурой. В это понятие входит в основном замена одной культуры другой. Антикультура — это нигилистическое отрицание всего, что не имеет прямого утилитарного применения в советской действительности.

Толстовцу-народнику Сане Варсонофьев указывает на полное отсутствие разумной основы этого направления. Народники хотят осчастливить народ, не понимая до конца, что входит в значение слова «народ». «Да все мы научность любим, — говорит он, — а вот народа никто строго не определил».

На смену модным научным увлечениям Варсонофьев предлагает обратиться к тщательному изучению общего исторического развития человечества. Он предлагает в прошлом искать разгадку современных событий. Варсонофьев образно сравнивает историческое развитие с естественным ростом дерева и течением реки, у которых свои натуральные законы роста и течения. Эти законы, не людьми созданные, надо стараться понять и разгадать их направление. Любое вмешательство человеческого разума в эти естественные законы действует разрушительно на дальнейшее общее развитие. Оно как топор для дерева, пишет Солженицын. Но у отдельного человека есть возможность прислушаться к течению истории и разгадать неземные законы, направляющие его. Солженицын, говоря устами своего героя, указывает путь к разгадке этих тайн мироздания. Варсонофьев видит в обращенности к своей душе самый глубокий смысл короткой жизни человека на земле, так как через совершенствование души может открыться человеку некая частица тайны мироздания. В этом заключается глубокий смысл выделенных в речи Варсонофьева слов «Строй души». Он говорит так:

«— Слово СТРОЙ имеет применение еще лучшее и первое — СТРОЙ ДУШИ. И для человека нет нич-чего дороже строя его души, даже благо через-будущих поколений... Мы всего-то и позваны — усовершенствовать строй своей души.

— Как — позваны? — перебил Котя.

— Загадка! — остановил Варсонофьев пальцем. — Вот почему, молясь на народ и для блага народа всем жертвуя, ах, не затопчите собственную душу: а вдруг из нас кому-то и суждено что-то расслышать в сокровенном порядке мира?»

Забота о духовном совершенстве своей души есть одна из основных ценностей средневековья.

Профессор Андозерская еще раз повторяет мысль Варсонофьева несколько в другом освещении. Она занимается изучением западного средневековья. Этот факт удивляет молодых курсисток, которые не видят возможности применить знание папских булл к современным нуждам общества. С точки зрения курсисток-социалисток, историю надо начинать изучать со времен Просвещения или с Французской революции. Средние века, заклеенные ярлыками: темные, мракобесные, с кострами инквизиции — не имеют для них никакой ценности. О том, с какого времени надо начинать изучать историю, Андозерская говорит:

«— Ошибка поспешного мышления: обнаружить ветвь и выдавать ее за все древо. Западное просветительство — только ВЕТВЬ западной культуры и отнюдь не самая плодоносная, может быть. Она отходит от ствола, не идет от корня».

Как и Варсонофьев, она выдвигает взамен увлечения курсисток социализмом — обращенность к своей душе. На вопрос курсисток, что в истории важнее, она говорит:

«— Да, если хотите, главней — духовная жизнь. Средневековья. Такой интенсивной духовной жизни, с перевесом над материальным существованием, человечество не знало ни до, ни после... ЛИЧНАЯ ответственность каждого — за то, что делает он, и что делают при нем другие. ...Ведь вы могли помочь, могли помешать, могли руки умыть».

Эти два диалога с молодежью многое объясняют в мировоззрении Солженицына. С той точки зрения, которую представляют Варсонофьев и Андозерская, нужно подходить к объяснению духов-

ных идеалов в его художественном творчестве. Болезнь современного человечества — разные шкалы оценок — происходит из-за отрыва нынешней культуры от общих исторических корней. В прислушивании к общему течению истории, в возрождении положительных явлений общего прошлого можно найти правильный путь в будущее. Самое интересное в этой философии Солженицына — это роль и ответственность отдельного человека, личности в общем течении истории человечества. Роль отдельного человека — совершенствование строя собственной души, духовная жизнь его. Ответственность каждого человека — разгадка тайны мироздания. Совершенствование строя души требует от человека много усилий и много жертв. Основная суть работы человека над собой — это постоянно поддержание и восстановление общечеловеческой справедливости. Той справедливости, которую Варсонофьев определяет как

«...не своя, которую б мы измыслили для удобного земного рая. А та справедливость, дух которой существует до нас, без нас и сам по себе. А нам ее надо у г а д а т ь!»

В свете такого понимания справедливости и стремления к совершенствованию строя души следует рассматривать внутренний душевный мир героев Солженицына. С этой точки зрения надо разбирать и личную совесть, которая определяет поступки их. Личная совесть каждого героя Солженицына тесно связана с общечеловеческой, высшей справедливостью. Когда у человека получается отрыв от нее, когда он перестает ею руководиться, на смену ей приходит эгоистическое, личное, своевольное желание человека. Тогда жизненным девизом делается: «...нам жизнь дается только раз! Поэтому от жизни надо... взять все...»

Героев Солженицына можно довольно четко разделить на две группы: на праведников, живущих по вечной справедливости и заботящихся о строе своей души; и на тех, которые потеряли связь с этой вечной ценностью и заменили ее временной. У последних жадность к наживе и страх перед страданиями и смертью становятся руководящими факторами их поступков. С другой стороны, праведники, воспитывая свою душу, становятся сильными духом.

Люди и их духовный мир — главный интерес Солженицына. Он видит, как и почему человек теряет или приобретает свое духовное содержание. В этом заключается главное откровение его ху-

дожественного творчества. Соблюдая или обретая гармонический строй души, человек может быть счастлив в любых обстоятельствах, как счастливы бывают Нержин, Костоглотов, Иван Денисович, Матрена и, выше всех, старики Кадмины и доктор Орещенко. Для состояния счастья нет необходимости знать «Фауста» Гете — Нержин имеет самое отдаленное знакомство с этим бессмертным произведением немецкой литературы. Не обязательно знание Эпикура — Володин в нем разочаровался, когда на Лубянке в первый раз улыбнулся новому содержанию своей жизни. Чтобы сохранять строй своей души, надо никогда не терять чувства высшей справедливости, надо уметь, или научиться, разбираться (как герой «Августа четырнадцатого» Воротынцева определил) — «между порядочностью и непорядочностью...».

Не знали древние писцы XV века ни Гете, ни Толстого, ни социализма, а были ЛЮДЬМИ и о вечной справедливости имели более ясное, не двоящееся понятие.

Печатается по тексту: Т. Лопухина-Родзянко «Духовные основы творчества Солженицына». Франкфурт-на-Майне, ФРГ. Издательство «Посев», 1974 г.

КНЯЗЬ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

(1863—1920)

Крупнейший русский религиозный философ, правовед и общественный деятель рубежа XIX и XX веков. Видный кадет, участник Белого движения. Скончался при эвакуации Добровольческой армии из Новороссийска.

Мы печатаем здесь отрывок из его мемуаров потому, что в жилах князя было много лопухинской крови и глава, предложенная читателю, специально посвящена его матери Софье Алексеевне, урожденной Лопухиной, и ее родственникам.

ЛОПУХИНЫ

Чтобы понять то новое, что внесла в Ахтырку собственно наша семейная жизнь, — надо остановиться на семье Лопухиных, из которых происходила моя мать. Это была также стародворянская типическая семья, но совершенно в другом стиле. В стиле этом не было княжеского «великолепия», не было той ширины барского размаха, как у дедушки Петра Ивановича, но зато было несравненно больше свободы. А главное, была недостающая старому поколению Трубецких душевная теплота, простота, естественность, жизнерадостность и та очаровательная стародворянская уютность жизни, которая нашла себе гениальное изображение в семействах Ростовых толстовского романа.

Тут дедушка и бабушка были совсем другие. «Дистанции» между нами и ими не было никакой. Они в своих внучатах души не чаяли

и баловали, как могли. Дедушке Трубецкому мы говорили «вы», а с бабушкой и бабушкой Лопухиными были на «ты». И никаких «форм» в наших к ним отношениях не полагалось. Мы также обожали «дедушку и бабушку Лопухиных», но не допускали с их стороны отказа ни в чем. Когда однажды я до того расшалился, что и дедушка вынужден был вступить за дисциплину, я назвал его дураком, за что тут же был отшлепан. Это было одним из моих первых больших разочарований в жизни. Как этот дедушка, который с такой любовью глядит мне в глаза, тыкает мне пальцем в живот и говорит мне так ласково — «пузик милый» — этот самый дедушка вдруг дерется! И я заплакал — не от боли, конечно, потому что шлепка была «отеческая», а от оскорбления. А дедушка меня расцеловал и утешил зажигательным стеклом, которым он тут же к великой моей радости прожег бумагу.

Ярким был в своем роде типом и этот дедушка Алексей Александрович. Помнится, мы, дети, почти всегда заставляли его лежать в постели. Целыми неделями он не вставал, и мы считали его больным. Но, ничуть не бывало, дедушка был совершенно здоров. Вдруг, безо всякого повода, он на несколько недель вставал, а потом опять ложился. Впоследствии я узнал, что это периодическое лежание вызывалось глубокой и непонятной нам детям трагедией. «Болезнь», периодически заставлявшая дедушку ложиться, была чем-то вроде паралича воли, и была она вызвана, как это ни странно, — актом 19-го февраля. До этого времени дела его шли недурно; судя по рассказам моих тетей — его дочерей, смутно понимавших деловую сторону жизни, при крепостном праве «все делалось само собою, сами собою получались и доходы», а после этого дедушке выпала задача — самому приняться за устройство своего хозяйства. Он пришел в полную прострацию и, подавленный сознанием своей беспомощности, «превратился в какого-то Обломова». Управляющие воровали, доходы не получались, дела «сами собою приходили в расстройство», а дедушка уединялся с тяжелыми думами в своей кровати. В таком душевном состоянии мы, дети, были для него спасением. И в особой к нам нежности, кроме его любящего сердца, сказывалась и вся боль страдавшей души.

Впрочем, с такую же любовью относились к нам и все в доме Лопухиных — и бабушка, и тети, и старушка — няня моей матери — Секлетей Васильевна из бывших дворовых — представительница исчезнувшего теперь типа «пушкинской няни». Для моих незамужних тетей их племянники и племянницы были едва ли не единственным интересом в их жизни, что и не удивительно, так

как только в нас они могли найти удовлетворение присущему всякой женщине материнскому чувству.

Весь жизненный уклад лопухинской семьи был совершенно и во всем противоположен укладу трубецковскому. Прежде всего у них было совершенно иное отношение к дому. Дом, городской и деревенский, был для них не местом парада, а уютным и теплым семейным гнездом. И самая архитектура домов вполне соответствовала этому их назначению. В Москве это был серенький деревянный дом старосветско-помещичьего типа на Молчановке, с мезанином и уродливыми гипсовыми сфинксами на крыльце; мы, дети, разумеется, садились на них верхом. (Дом этот, ныне принадлежащий Н.А. Хомякову, к сожалению, принял более городской вид, и сфинксы, столь любимые мною в детстве, исчезли.) Стиль средней руки барского дома первой половины девятнадцатого столетия выражался в особенности в старых мраморных колоннах в кабинете и в спальне. В подмосковной Лопухиных — Меншиове имелось два светленьких деревянных помещичьих домика с мезанинами на холме над речкой. Контраст с ахтырским домом был, разумеется, полный: тот был великолепен, тогда как эти были милостивы и уютны. Да и местность меншиовская, с маленькой неглубокой речкой, со смеющимися, словно умытыми березовыми лесочками, была в полной гармонии с домом и являла собой яркий контраст с могучими елями и соснами ахтырского парка. Все в домах было просто, и ни о каких «высочайших выходах» в подобной обстановке, разумеется, не могло быть речи. Также и в парке с небольшими живописными овражками, со сколоченными на живую нитку мостиками, не было ни беседок, ни каких бы то ни было затей, но зато все вместе было бесконечно мило, уютно и жизнерадостно, тем более что и строгих ликов предков не висело по стенам. Тут не было ничего, что бы могло возбудить в ребенке хулиганско-анархического чувства протеста.

И, странное дело, я помню уже четыре поколения в Меншиове; за это время два раза все там перестраивалось, так что из остатков двух домов составилась одна, менялись и фамилии владельцев, потому что Меншиово переходило по женской линии. И тем не менее — меншиовские традиции и меншиовский уклад жизни — все тот же. Все так же Меншиово полно милой, веселой, жизнерадостной, преимущественно женской молодежью. Все та же там атмосфера открытого дома, куда приезжают запросто, без соблюдения строгих и тяжеловесных форм. Все так же все комнаты всегда неизменно полны гостей, переполняющих дом до последних

пределов вместимости. Все так же среди гостей преобладают молодые люди, привлекаемые женской молодежью. Скольким там влюблялись и женились! Говоря словами одной умершей московской старушки, бог Атог гостил там часто, если не непрерывно. Нужно ли говорить, что в Меньшове, среди невообразимого гама и всегдашней суматохи непрерывных приездов и отъездов, было трудно чем-либо серьезно заниматься. Там преобладала атмосфера какого-то непрерывного весеннего праздника цветения молодости; поколение очаровательных детей, которые затем вырастали, чтобы снова возобновлять все ту же традицию весело влюбленного шума. Я был в Меньшове в первый раз пяти лет от роду и сохранил на всю жизнь впечатление весенней грезы, которая потом возобновилась, когда я приехал туда юношей, возобновляется и теперь, когда я там бываю. А мне уже давно пошел шестой десяток.

Когда я познакомился с Меньшовом, цветение моих тетей Лопухиных уже приходило к концу. Это было уже во второй половине 60-х годов. Тогда, как и в последующих поколениях, это цветение не было пустоцветом. Сопоставляя меньшовскую вольницу с ахтырским стилем дедушки Петра Ивановича, я не могу не видеть, что именно эта меньшовская вольница и веселость, вторгшаяся потом и в Ахтырку, подготовила чрезвычайно важный перелом в жизнепонимании. Свободное отношение отцов и детей, внуков и дедов облегчало переход от старой России к новой. Семья Лопухиных в 60-х годах была куда современнее, чем семья Трубецких. Благодаря этому и спор отцов и детей здесь проявился в других формах, несравненно более мягких: несмотря на этот спор, расстояние между поколениями все-таки не превращалось в пропасть.

Нигилистов и вольнодумцев между моими дядями Лопухиными не было; но характерно, что в отличие от дядей Трубецких, которые все начинали свою службу в гвардии, мои дяди Лопухины все были судебными деятелями, притом либеральными, мягкая душа и гибкий ум Лопухины сразу восприняли облик «эпохи великих реформ». Благодаря этому вся атмосфера, в которой мы выросли, была пропитана тогдашним либерализмом особого, судебного типа. «Нигилист», сколько мне известно, был всего один — не между детьми, а между племянниками дедушки Лопухина. Это был мой дядя — Д.П. Евреинов, человек даровитый и пользовавшийся большим влиянием среди молодежи. Но и тут столкновение противоположных жизнепониманий облеклось в добродушно-мягкие формы. Бабушка В.А. Лопухина, встретив однажды на улице этого племянника, окруженного молодыми поклонниками, привстала в сво-

ей коляске и низко ему поклонилась; он был несколько сконфужен, но, разумеется, не сражен этой иронией. Столкновения и споры с детьми имели еще более невинный характер и происходили большей частью на почве воззрений национальных и классовых. В то время в Москве уже гремела слава Н.Г. Рубинштейна, который был не только великим виртуозом-пианистом, но и неотразимо обаятельной личностью. Вся московская молодежь, в особенности женская и в частности лопухинская, им очень увлекалась; а бабушка принимала равнодушно-достойный вид и при добродушно-веселом протесте дочерей делала свои размышления вслух: «что такое этот Рубинштейн, какой-то жид!»

Острота столкновений, быть может, ослаблялась тем, что беспечно веселое молодое поколение Лопухиных большей частью не проникало взором в глубь жизненных отношений. В патриархальном укладе семьи Лопухиных, как я ее помню, все было полно воспоминаний о только что минувшем прошлом крепостной России. Я помню, например, неестественное множество лакеев во фраках в московской передней лопухинского дома. Их было слишком много, они были сплошь да рядом ничем не заняты и вязали чулки в передней. Дедушка не умел и не мог сократить в чем-либо привычный образ жизни, а потому и не расставался с лишней прислугой из бывших дворовых, что и было одной из причин его прогрессирующего разорения. Все это было невинно, но была и другая только что минувшая эпоха, когда этих же бывших дворовых секли.

При всей своей доброте дедушка Лопухин был сыном своего времени, он был убежден в своей отеческой власти над дворовыми, которая обязывала его сочетать любящую доброту со строгостью. И, в случаях исключительно тяжелой вины, он приговаривал к сечению. «Дети» этому, разумеется, не могли сочувствовать. Но в семье Лопухиных было одно существо — головоу выше своих братьев и сестер, — превосходившее всех и даровитостью природой, и в особенности глубиной своего сердца. Это была моя мать.

Она росла свободно, весело, вместе с другими среди лопухинской вольницы. Один холм в Меньшове до сих пор называется в ее честь «Сониной горой», потому что она там однажды, девочкой, ускользнув от надзора старших, вскопала верхом на неоседланную крестьянскую лошадь и на ней носилась по горе. Но общая веселость и жизнерадостность лопухинского облика в ее душе совмещалась с тем горением духовным, которое у ее братьев и сестер давало только искры, а у нее разгорелось в пламя.

Тот первый случай, когда она узнала, что дворового повели сечь, был для нее днем глубокого душевного потрясения. Это была целая буря негодования, бунт против отца, сопровождавшийся бессонными ночами, проведенными в рыданиях. Надолго она почувствовала от него отчуждение; в лопухинской семье это был, сколько я знаю, единственный случай отчуждения столь глубокого.

Чтобы преодолеть это отчуждение, понадобилось то высшее духовное развитие и та душевная широта, которая дала впоследствии ей возможность понять, что это сечение было не столько личной виною дедушки, сколько общей виною его среды и притом виною унаследованною.

Это не был мозговой, холодный «либерализм», потому что мозговой рассудочности и холода в Мама вовсе и не ночевало. Это была душа — та самая душа, которая потом одухотворила и Ахтырку, наполнила неведомой раньше благодатью красивые архитектурные формы ее усадьбы и местности, сотворенной другой любящею материнскою рукою. Через нее совершилось то вторжение Меншиова в Ахтырку, которым была создана вся духовная атмосфера нашего детства и отрочества. Но в то же время это было и преображение самого Меншиова, потому что Мама была куда серьезнее, сильнее и глубже среднего меншиовского уровня.

Печатается по тексту: Кн. Евгений Трубецкой «Из прошлого». Вена, Книгоиздательство «Русь».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аграрная история Северо-запада России XVI в. Новгородские пятины. Л., 1974.
2. Акты Московского государства. Т. I. — СПб., 1890; Т. II. — СПб., 1894; Т. III. — СПб., 1901.
3. Алфавитный список захоронений на кладбище в Сент-Женевьев де Буа. Париж.
4. Альманах «Дворянское Собрание». — М., 1996, № 4.
5. Алявдин В.И. Об общности происхождения семи родов Ушаковых и их гербах. // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 2 (46). 1994. С. 86-94.
6. Андроников И.Л. М.Ю. Лермонтов. Исследования и находки. — М., 1967. С. 184, 216, 218.
7. Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996.
8. Антонова Н. Авдотьино. — М.: Московский рабочий, 1991.
9. Аргунов А.А. Азеф — социалист-революционер. // Провокатор: Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. — [Л.], 1929. С. 13—133.
10. Ариштейн Л.М. «Ребенка милого рожденье». // Лермонтовская энциклопедия. — М., 1999. С. 463—464.
11. Архив Департамента Герольдии Российского Дворянского Собрания.
12. Аурова Н.Н. «Из окна старого дома...». Введенское Московской обл. // Мир русской усадьбы. — М.: Наука, 1995. С. 214—225.
13. Ацаркина Э. Карл Павлович Брюллов. Жизнь и творчество. — М.: Искусство, 1963.
14. Балуев Б.П. Дело А.А. Лопухина. // ВИ, 1996, № 1, с. 134—143.
15. Бантыш-Каменский Д.К. Словарь достопамятных людей русской земли. — СПб., 1863.
16. Баранова-Писарева Е.П. Дневник путешествия. Рукопись. 1920. Собственность наследников.
17. Бердяев Н.А. Судьба России. — М., 1990.

18. *Бернадский В.Н.* Новгород и новгородская земля в XV в. — М. — Л., 1950.
19. *Бернштейн-Коган Я.М.* Кишиневский погром 1903 г. // СИОН, 1975, № 11, с. 131—149.
20. *Бобринский А.А., гр.* Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской Империи. Ч.1. — СПб., 1890.
21. *Богатых М.* Смирненное кладбище // Газета «Россия» 1991, № 50.
22. *Богданович А.В.* Три последних самодержца. — М.: Новости, 1990.
23. *Болотов А.Т.* Записки. — СПб., 1871.
24. Большой Кремлевский дворец. Указатель к обозрению Мин. Императорского Двора. — СПб, 1916.
25. *Бочков В.Н.* «Старая Кострома». — Кострома: Эврика, 1997.
26. Боярские списки посл. четв. XVI — н. XVII в. и роспись русского войска 1604 года. Указатель состава Государева Двора по фонду Разрядного приказа. — М., 1979.
27. *Бродский Б., Калугин В.* ...А теперь музей. — М.: Советский художник, 1969.
28. *Будылина М.В., Братцева О.И., Харламова А.М.* Архитектор Н.А. Львов. — М., 1961. С.104.
29. *Бульчев Н.И.* Калужская губерния. Списки дворян, внесенных в Дворянскую родословную книгу по 1 сентября 1908 г. — Калуга, 1908.
30. *Бульчев Н.И.* Тульская губерния. Списки дворян, внесенных в Дворянскую родословную книгу. — Тула, 1908.
31. *Бурсин К.М., Попов Г.П.* Старейшее мореходное. — Архангельск, 1976.
32. *Бурцев В.А.* В погоне за провокаторами. — М. — Л., 1928. 228 с.
33. *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России XVI в. — М.: Наука, 1986.
34. *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. — М.: Наука, 1975.
35. В окрестностях Москвы. // Из истории русской усадебной культуры 17—19 вв. — М.: Искусство, 1979.
36. *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. — СПб., 1852.
37. *Веселовский С.Б.* Акты писцового дела. Т. I. — М., 1913.
38. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969.
39. *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища, фамилии. — М., 1974.
40. *Вилинбахов В.* Государево сыноубийство. // Нева, 1982, № 7, 8, 9.
41. *Висковатов П.А. М.Ю. Лермонтов.* Жизнь и творчество. — М., 1987.
42. *Винте С.Ю., гр.* Воспоминания. Т. 3. — М., 1960.
43. Военно-энциклопедический словарь. — М.: Воениздат, 1982.
44. *Волков О.* Два стольных града. — М., 1994. С. 52—61.
45. Вологодские ведомости, 1914.

46. *Воронович Н.В.* Вечерний звон. // Очерки прошлого. 1891—1917. — Нью-Йорк, 1955. 224 с.
47. Восстание в Москве 1682 года // Сборник документов. — М.: Наука, 1976.
48. *Врангель Н.Н., бар.* Старые усадьбы. — СПб., 1999.
49. ГАВО, ф. 243, оп. 1, д. 80, лл. 124—125.
50. ГАКО, ф. 121, оп. 1, д. 1122 за 1832 г., д. 2970 за 1843 г. и д. 2012 за 1847 г.
51. ГАКО, ф. 121, оп. 3, д. 151 за 1866 г., д. 6991 за 1878 г.
52. *Галич Ю.И.* Каушен. К 25-летию первого боя. // Новое русское слово, 1939, № 9735, 1 окт., с. 2.
53. ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 235.
54. Генеалогия баронов Мейендорфов MS.
55. Генеалогия князей Трубецких MS.
56. Генеалогия Осоргиных MS.
57. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. — М., 1991 (Перепеч. с изд.: Paris, 1985).
58. *Герберштейн С.* Записки о Московии. — М.: МГУ, 1988.
59. *Гершензон-Чегодаева Н.М.* Дмитрий Григорьевич Левицкий. — М.: Искусство, 1964.
60. *Говоров А.А.* Книжники Петровской поры. — М.: Изд. МПИ, 1989.
61. *Голицын А.В., кн.* Воспоминания. Рукопись. 1927 г. Собственность наследников.
62. *Голицын И.В., кн.* Семь женских портретов семьи Голицыных. // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Мат-лы Голицынских чтений 24—25 янв. 1998 г. — Б. Вяземы, 1998. С. 104—111.
63. *Голицын К.Н., кн.* Записки. // Российское Дворянское Собрание. — М., 1997.
64. *Голицын Н.Н., кн.* Род князей Голицыных. — СПб., 1892.
65. *Голицын П.П., кн.* Список дворянских родов Новгородской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу с 1787 г. по 1 янв. 1910 г. — Новгород, 1910. XLIII, 360, LIV, 2 с.
66. *Голицын С.М., кн.* Записки уцелевшего. — М.: Орбита, 1990. 734 с.
67. *Голицына А.Н., кн., Родзянко Е.Ф., Толстая О.М., гр.* Переломы жизни. — США: Частное изд. Родзянко, 1991.
68. *Головина В.Н., гр.* Мемуары (История благородной женщины). — М.: НАО, 1996.
69. Государственный архив Свердловской области.
70. *Гребельский П.Х.* Светлейшие князья и дворяне Лопухины. // Дворянские роды Российской Империи. Т.2. Князья. — СПб., 1995.
71. *Греч А.Н.* Венок усадьбам. // Памятники Отечества. Альманах ВООПИиК. М., 1995.
72. *Греч А.Н.* Музей в Введенском // Среди коллекционеров. — М., 1922. № 7/8. С. 32—34.

73. Грибанов В.И., Лурье А.Я. Аптекарьский остров. — Л.: Лениздат, 1988. С. 18—19.
74. Григоров А.И. Григоровы. — М.: Московский издательский дом, 1999.
75. Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. — М., 1992. С. 66.
76. Д.А. Лопухин. [Некролог]. // Русский инвалид, 1914, 15 дек., № 291.
77. Давыдов А.В. Воспоминания, изданные его дочерью О.А. Дакс, ок. 1980 г. — Париж.
78. Давыдов А.В. Надписи к Кулеватовским фотографиям. / Публ. М.Д. Афанасьева. // Земство (Пенза), 1994, № 1.
79. Давыдов Н.В. В провинции 70-е и начало 80-х гг. // Давыдов Н.В. Из прошлого. [Ч. 1]. — М., 1913. С. 185—187.
80. Давыдов Н.В. Из прошлого. — М., 1914.
81. Давыдов С.А. Записки старого взрывника. — М., 1998. 415 с.
82. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II отд. Собственной Е.И.В. канцелярии. Тт. 1—4. — СПб, 1850—55.
83. Дворянские роды Российской Империи / Под ред. С.В. Думина. Т. III. Князья. — М. 1996; Т. II. Князья. — СПб., 1995. Глава «Лопухины». Подготовительные материалы к главе «Лопухины», хранящиеся в личном архиве В.О. Лопухина.
84. Декабристы (биографический справочник) / Под ред. М.В. Нечкиной. — М., 1988.
85. Делиль Ж. Сады. / Предисловие и перевод А.Ф. Воейкова. — Л.: Наука, 1987.
86. Дело А.А. Лопухина в Особом присутствии Правительствующего Сената: Стеногр. отчет. — СПб., 1910. 116 с.
87. Дело о Патриархе Никоне. — Издательство Археологической комиссии по документам Московской Синодальной библиотеки. Т. XXXII. СПб., 1897.
88. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. — М.: Наука, 1987.
89. Державин Г.Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я.К. Грота. Тт. I—IX. — СПб., 1864—1883. (Т. IV. С. 731—732.)
90. Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. — М.: Искусство, 1996.
91. Долгова С.Р. Короткие рассказы о Москве. — М.: Мосгорархив, 1997.
92. Долгоруков И.М., кн. Капище моего сердца. — Ковров, «Бэст-В», 1997.
93. Долгоруков П.В., кн. Российская родословная книга, издаваемая князем П. Долгоруковым. Ч. II, гл. 1 (окончание). — СПб., 1855.
94. Дом Романовых. — СПб., 1992.
95. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. I. — СПб., 1846.
96. Древняя Российская Вифлиофика. Изд. 2. Тт. I—XX. — Б.м., 1788—1789.
97. Дубицкий А. Иван Владимирович Лопухин. Историко-литературное исследование. — Казань: Типография Императорского университета, 1889.

98. Дюма А. Путевые впечатления. В России. Тт. 1—3. — М.: Ладомир, 1996.
99. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания. — М.: Московский рабочий, 1994.
100. Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Вып. 1—5, 7—9. — Ярославль, 1909 — [1916]. Загл.: вып. 3, 5, 8 — Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии.
101. Епанчин Н.А. На службе трех Императоров. — М.: Наше наследие, 1996.
102. Есинов А. Освобождение Царицы Евдокии Федоровны. // Русский вестник. Т. 28.
103. Есинов Г. Царица Евдокия Федоровна. — М., 1866.
104. Ж<уковский> В.А. Примечание к статье Ла Гарля «Фенелон, воспитатель герцога Бургонского» // Вестник Европы, 1809, № 4. С. 298—299.
105. Желябужский И.А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. — М.: Современник, 1990.
106. Жилецкое землевладение 1632 г. // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 3—4, 1912.
107. Житие Петра Великого Императора и Самодержца Всероссийского Отца Отечества (перевод с греческого). — М., 1782.
108. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI — XVII столетиях. — М.: Книга, 1990.
109. Иванов А. Дома и люди. Из истории петербургских особняков. — СПб.: Лениздат, 1997.
110. Иванов П.И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отд. Московского архива Министерства юстиции. — М., 1853. С. 238—240 (Лопухины).
111. Иванова Т.А. Юность Лермонтова. — М., 1957.
112. Иванчин-Писарев Н. Спасо-Андроников монастырь. — М., 1842.
113. Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского Княжения. — СПб., 1794.
114. Историческое описание Мещовского Георгиевского мужского общежительного монастыря. Сост. А. Л. в 1864 году. — М., 1870. С. 19—20.
115. История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 4. — СПб., 1911. 529 с.
116. История Российского законодательства. Т. 5. — М.: Юриздат, 1990.
117. История русского искусства. — М.: Наука, 1961. Т. VII; 1964, Т. VIII.
118. История русского искусства. / Под ред. И.Э. Грабаря. — М.: Искусство, 1961—1966.
119. История Украинской ССР. — Киев: Наукова думка, 1982.
120. Кабалкин Г. Благородство обязывает. // Газета «Литератор». — СПб., 1991, № 41.
121. Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. — М.: Традиция, 1998.

122. Казанина О. Русские в Англии. — М.: Наследие, 1997.
123. Казанский П.С. Родословная Головиных. — М., 1847.
124. Как жил в ссылке в г. Коле Степан Иванович Лопухин. // Архангельские губернские ведомости, 1872, № 67—76.
125. Калуга VI — шестая часть Родословной книги Калужского депутатского дворянского собрания.
126. Каменский А.Б. К вопросу о родословных росписях конца XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1990. № XXI.
127. Каменский А.Б. Новые данные о судьбе родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования. — М., 1994.
128. Карabanов П.Ф. Списки замечательных лиц русских. — СПб., 1860.
129. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. 2. — М., 1991. С. 16, 200.
130. Карнаухова А., Руднева А. На фоне Пушкина... // Сельская молодежь. 1991, № 6. С. 34—35.
131. Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. — СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886.
132. Касоги // Советская историческая энциклопедия. Т.7. — М., 1965. С. 86.
133. Кашкин Н.Н. Родословные разведки. Посмертное издание. Тт. 1 — 2. — СПб., 1912—1913.
134. Ключевский В.О. Исторические портреты. — М.: Правда, 1990.
135. Ключевский В.О. Курс русской истории. — М.: СЭГ. Тт. 1—4. 1956.
136. Ключевский В.О. Сочинения. — М., 1959.
137. Князьков С. Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. — М., 1911.
138. Кондратьев И.М. Седая старина Москвы. — М.: Изд. Морозова, 1893.
139. Коновницын А.П., гр. Памяти незабвенного друга. // Дворянское собрание. — М., 1995, № 2. С. 251—254.
140. Кормленая книга Галицкой четверти 7121—25 годов. // ЧОИДР. — М., 1912.
141. Коробко М.Ю. Усадьба Узкое. — М.: АН, 1996.
142. Коробко М.Ю. Ясенево. // Усадебное ожерелье юго-запада Москвы. М.: Мосгорархив, 1997. С. 151—153.
143. Корсакова Т. Потомки чести. // «Комсомольская правда», 1991, 9 января.
144. Корсунь Шевченковский. Альбом. — Киев, 1973.
145. Костомаров Н.Д. Исторические монографии и исследования. Царевна Софья. Царевич Алексей Петрович. Самодержавный отрок. — М.: Книга, 1990.
146. Кострома VI — шестая часть Родословной книги Костромского депутатского дворянского собрания.
147. Краснова Е.И. Демидовы. Родословная роспись. — Екатеринбург, 1992.

148. Краткое родословное показание ныне здравствующих дворянских фамилий Лопухиных, Волинских, Воейковых... сочиненное на лето 1798-е. — М., 1798. 14 с.
149. Крюковских А.П. Дворцы Санкт-Петербурга. — СПб.: Петиздат, 1997.
150. Кто есть кто в современном мире (Лопухин В.О.) / Международный объединенный биографический центр. Вып. 2. — М., 1999. С. 245—246.
151. Курдюмов М.Г. Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии. Коллекции. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 г. Вып. XXXI. — СПб., 1923.
152. Лапина Н. Федор Степанович Рокотов. — М.: Искусство, 1959.
153. Лермонтов М.Ю. Письма к А.А. Лопухину. // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 6. — М., 1950. С. 466—467.
154. Лермонтов М.Ю. ПСС. — СПб.: Изд. Имп. АН, 1910. Т. 2.
155. Лермонтовская энциклопедия. — М., Советская энциклопедия, 1981.
156. Лихачев Н.П. Государев Родословец и Бархатная Книга. — СПб., 1900.
157. Лихачев Н.П. Государев родословец и род Адашевых. — СПб., 1897.
158. Лобанов-Ростовский А.Б., кн. Русская родословная книга. Тт. 1 — 2. — СПб., 1873—1875.
159. Лопухин А. // Русская энциклопедия. Т. 11. — Пгр., [Б.г.]. С. 348.
160. Лопухин А.А. Докладная записка директора Департамента полиции Лопухина, рассмотренная в Комитете министров... / С предисл. В. Ленина. — М., Женева, 1905. 13 с.
161. Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта: Настоящее и будущее русской полиции. — М., 1907. 73 с.
162. Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. — М., 1907.
163. Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. — М.— Пг.: Госиздат, 1923.
164. Лопухин А.П. Библейская история Ветхого и Нового завета. — Б.м.: Изд. Свято-Троицкой лавры, 1998. (репринт).
165. Лопухин А.П. Библейская история в свете новейших исследований и открытий. Тт. 1—3. — СПб., 1892—1895.
166. Лопухин В.Б. Люди и политика. (Конец XIX — начало XX в.). // Вопр. истории, 1966, № 9, с. 120—126, № 10, с. 110—122, № 11, с. 116—128. (Биогр. справка в № 9).
167. Лопухин В.Б. После 25 октября. // Минувшее / Исторический альманах. — М.: Прогресс: Феникс, 1990. С.9—99.
168. Лопухин В.О., кн. // Лики возрождения. Современная российская элита. / Энциклопедия. — М.: Витязь, 1998. С. 137—138.
169. Лопухин Д.А. [Некролог] // Русский инвалид, 1914, 15 декабря.
170. Лопухин И.В. Записки сенатора. — М.: Наука, 1990.
171. Лопухин И.В. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь. — СПб.: Алетейя, 1998.

172. Лопухин И.В. Некоторые черты о внутренней церкви. — СПб., 1816.
173. Лопухин М.С. [Биогр. справка]. // Московское городское братское кладбище. Опыт биогр. словаря. — М., 1992. С. 41.
174. Лопухин О.М. В рейсах на «Диксоне». // Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Архангельск, 1991. С. 101—106.
175. Лопухин О.М. О рейсе на «Диксоне». — Архангельск, 1991.
176. Лопухин П.В., кн. // Ярославские губернаторы. — Ярославль: Изд. ЯрГУ, 1994.
177. Лопухин П.С. Беседы с Епископом Гавриилом. — Словацкая республика: Типография Владимировой, 1940.
178. Лопухин П.С. Святая Русь и Русское государство. — Мюнхен, 1950.
179. Лопухин С.А. Вернейшим из верных (избранные речи и стихотворения). — Нью-Йорк, 1979.
180. Лопухин С.В. // Берх В. Жизнеописание первых российских адмиралов. Т. 2. — М., 1832.
181. Лопухин С.Н. Воспоминания. Рукопись. 1960-е гг.
182. Лопухина-Родзянко Т.А. Духовные основы творчества Солженицына. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974. 180 с. (Портрет и биогр. справка на 4-й стр. обложки.).
183. Лопухина-Родзянко Т.А. Судьба семьи С.А. Лопухина. 1999 г. Рукопись.
184. Лопухины, дворянский род. //Справочный энциклопедический словарь. Т. 7. — СПб., 1853. С. 281—283.
185. Лопухины. // Русский энциклопедический словарь. Т. 9. [Б.м.,Б.г.]. С. 486.
186. Лопухины. // Энциклопедический словарь. Брокгауз, Ефрон. Т. XVIII. — СПб., 1898. С. 9—10.
187. Лопухины. 500 лет служения Московскому Великому Княжеству, Царству, Российской Империи. (Историко-генеалогические заметки) // Дворянское Собрание. № 2. — М., 1995. С. 177—193.
188. Лотман С.М. Беседы о русской культуре. М.: АСТ, 1997.
189. Лубяновский Ф.П. Воспоминания. // РА, 1872.
190. Лукомский В.К. Собрание гербовых печатей Н.Ф. Романченко. // Гербовед. СПб., 1913, июль. С. 118—121.
191. Лукомский В.К. Эмблематический гербовник. С рис. А.А. Толоконникова // Герадика. Материалы и исследования. — Л., 1987. С. 131—168.
192. Лурье Ф. Азеф и Лопухин. // Нева, 1990, № 9. С. 165—176.
193. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. — СПб., 1992. С. 347—351.
194. Львов Г.Е., кн. Воспоминания. — М.: Русский путь, 1998.
195. Любимов С.В. Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской Империи. 1777—1910. — СПб., 1911.
196. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989.

197. Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. — СПб., 1911.
198. Малинин Д. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. — Калуга, 1912.
199. Мануйлов В.А. Лермонтов в Петербурге. — Л., 1964.
200. Массонские труды И.В. Лопухина. — М.: Изд. В. Саводника, 1913.
201. Массон И.В. Массонство в его прошлом и настоящем. / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Тт. 1—2. — М.: Задруга, 1914—1915.
202. Массон Ш. Секретные записки о России. — М.: НЛО, 1996.
203. Мейендорф М.Ф., бар. Воспоминания. — США: Частное изд. Родзянко, 1990.
204. Мейерберг А. Путешествие в Московию. Альбом рисунков. — Б.м., 1662.
205. Мережковский Д.С. Антихрист // ПСС в 5-ти т. — СПб. — М.: Изд. Т-ва Вольф. 1910—1915.
206. Местнический справочник XVII века изд. Ю.В. Татищевым. — Вильнюс, 1910 (то же — М., 1910), VIII. 106 с.
207. Месяцеслов с росписью чиновных особ на лето 1796 года. — М., 1796.
208. Миллер Ц.Г. Загадочное письмо М.Ю. Лермонтова. // Наука в России, 1994, № 5, с. 56—58.
209. Миндлин А.Б. «Чужие среди своих». — М., 1997. 11 с.
210. Мир русской усадьбы. / Сб. статей. — М.: Наука, 1995.
211. Миттерних Т., кн. Женщина с пятью паспортами. — СПб.: Алетейя, 1999.
212. Молева Н.М. Земли московской давние преданья. — М.: Московский рабочий, 1985. С. 26—37.
213. Молева Н.М. Усадьбы Москвы. — М.: Информпечать, 1998.
214. Москва родословная. Сб. — М.: Москва, 1998.
215. Москва. Энциклопедия. — М.: БСЭ, 1980.
216. Московский университет в воспоминаниях современников. — М.: Современник, 1989.
217. Московское дворянство. Алфавитный список дворянских родов. Списки служивших по выборам. 1782—1910. — М., 1910.
218. Моя Москва / Каталог выставки к 850-летию Москвы. — М., 1997.
219. Музей истории Корсунь-Щевченковской битвы. Путеводитель. — Днепрпетровск, 1976.
220. Мулукаев Р.С. Организация полицейской службы в России. Текст доклада. Рукопись. 1999.
221. Неволодов А. Сказание о русской земле. Тт. 1—2. — СПб., 1913.
222. Николева М.Ф. М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. — М., 1956.
223. Новгородские записные кабальные книги 100—104 гг. М.—Л., 1938.

224. Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией. Т. I. Переписная оброчная книга Деревской пятины. — СПб., 1859; Т. II. — СПб., 1862.
225. *Новиков В.И.* Массонские парки Подмосковья // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 5 (21). — М.: «Жирав», 1999. С. 234.
226. Новое время — газета, издававшаяся в Петербурге в 1871—1917 гг.
227. Общий гербовник дворянских родов Российской Империи, начатый в 1797 г. Ч. 3, 4. — СПб., [1800].
228. Общий морской список. Т. I. — СПб., 1885.
229. Описание Москвы и ее достопримечательностей. — М., 1850.
230. Орел VI — шестая часть Родословной книги Орловского депутатского дворянского собрания.
231. Орловская область. Каталог памятников архитектуры. — М., 1985. С. 180—182.
232. *Островский А.З.* Родственные связи А.А. Лопухина (1864—1928). // Из глубины времен. Вып. 6. — СПб., 1996. С. 191—214.
233. От губернатора до мэра. / Сб. статей. — М.: Мосгорархив, 1997.
234. Отечественная история. Энциклопедия. — М.: Изд. БРЭ. Тт. 1—3. 1994—2000.
235. Департамент полиции в 1892—1908 гг. (Из воспоминаний чиновника). // Былое. 1917, № 5/6.
236. Павло Петрович Лопухин. // Полякова Т.Ю. Власники Корсунского Маетки. — Корсунский Часопис, 1996, № 4, с. 36—39.
237. *Павлова Л.К.* Из опыта охраны памятников истории и культуры Подмосковья. // Спасти и сохранить. — М.: Знание, 1990. С. 30—38.
238. Памяти П.С. Лопухина. Сб. материалов. — Париж: Православное дело, 1967.
239. Памятная книжка на 1914 г. — Тула, 1914.
240. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1915 г. — Калуга, 1915.
241. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. 1. Ч. 1. — Кострома, 1996.
242. Памятники архитектуры Ленинграда. — Л., 1975. С. 132.
243. Памятники архитектуры Москвы. Белый город. — М.: Искусство, 1989.
244. Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. — М.: Искусство, 1989.
245. Памятники архитектуры Московской области. Т. 1—2. — М., 1975.
246. Памятники и виды Киевской, Подольской и Вольнской губерний. Сад в местечке Корсунь. Вып. 2. — Киев, 1858.
247. Памятники искусства Тульской губ. — Тула, 1912—1914. Вып. 1—2.
248. *Панчулидзева С.А.* История кавалергардов. 1724—1799—1899. Тт. 1—4. — СПб., 1899—1912.

249. *Панчулидзева С.А.* Сборник биографий кавалергардов. Т. 1—3. — СПб., 1901—1903.
250. *Пахомов Н.П.* Подруга юных дней. (Варенька Лопухина). — М., 1975. 24 с.
251. *Песков А.М.* Павел I / ЖЗЛ. — М.: Молодая гвардия, 1999.
252. Петербург. / Энциклопедия. — Л.: Лениздат, 1984.
253. *Петро Васильевич Лопухин.* // Полякова Т.Ю. Власники Корсунского Маетки. — Корсунский Часопис, 1996, № 3, с. 36—39.
254. *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. Кн. 1—2. — СПб., 1886 (Репринт — М., 1991).
255. *Петров П.Н.* Лопухины, князья и дворяне. // Петров П.Н. Для немногих. Вып. 1. — СПб., 1871. 371 с.
256. *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания. // Архив русской революции. — М., 1993. Т. 21. С. 149, 151, 194, 287—288, 293.
257. По лермонтовским местам. Тт. 1—2. — М.: Искусство, 1989.
258. Повесть временных лет. — М.: Наука / Литературные памятники, 1950.
259. Под скипетром Романовых. // Родина, 1913, № 7.
260. Подмосковье. / Сост. Ильин М.А. — М.: Искусство, 1965.
261. Подмосковье. Сб. статей. — М.: Московский рабочий, 1955.
262. *Полежаев П.В.* Лопухинское дело. Историческая повесть времен Елизаветы Петровны. — М.: Сов. писатель: Олимп, 1992.
263. Полный список шефов, полковых командиров и офицеров лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1888 год. — СПб., 1886.
264. *Половинкин С.М., Флоренский П.В.* Гнездо черносотенцев под Москвой. // День. — М., 1992, № 5.
265. *Полунина К., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы. — М.: Нез. газ., 1997.
266. *Попов А.И.* К истории имени «Редедя». // Вопросы кавказской филологии и истории. Вып. 1. — Нальчик, 1982, с. 38—42.
267. Портретная миниатюра в России XVIII — XIX вв. — Б.м.: Художник РФ, 1988.
268. *Похилевич Л.С.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии, или Статистические, исторические и церковные заметки. — Киев, 1864. С. 371—378.
269. «Просим освободить из тюремного заключения». Письма в защиту репрессированных. — М., 1998, с. 172.
270. *Пшеничный И.П.* Отечества достойные сыны. — СПб., 1995.
271. *Пыляев М.И.* Драгоценные камни. — СПб.: Изд. Суворина, 1888.
272. *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. — СПб.: Лениздат, 1996. С. 46—48, 503.
273. *Пыляев М.И.* Старая Москва. — М.: Московский рабочий, 1990.
274. *Пыляев М.И.* Старый Петербург. — СПб.: Изд. Суворина, 1889.

275. Разрядный приказ. Опись столбцов дополнительного отдела. — М., 1950.
276. *Расловлев М.* Памяти П.С. Лопухина. // Русское слово. — Париж, 08. 09. 1962.
277. РГАДА. Новгород старых лет. — Кн.3., д. 8; Кн. 20, д. 1.
278. РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 117, л. 263.
279. РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 117, лл. 264 об., 315, 315 об.
280. РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 117, лл. 348, 688 об., 689.
281. РГАДА, ф. 210, оп. 4, д. 121, лл. 52 об., 67, 83 об., 102 об.
282. РГАДА, ф. 1209, д. 8, № 1; д. 9880, № 22.
283. РГАДА, ф. 1209, д. 370.
284. РГАДА, ф. 1209, д. 718, лл. 234 об., 235 об., 241 об., 242 об., 547 об.
285. РГАДА, ф. 1209, д. 5993, л. 840.
286. РГАДА, ф. 1209, д. 8604, № 7.
287. РГАДА, ф. 1209, д. 8617, л. 32, 188.
288. РГАДА, ф. 1209, д. 8617, л. 37.
289. РГАДА, ф. 1209, д. 8702, № 7.
290. РГАДА, ф. 1209, д. 8804, л. 529.
291. РГАДА, ф. 1209, д. 8813, л. 71.
292. РГАДА, ф. 1209, д. 8823, д. 22, лл. 168—174.
293. РГАДА, ф. 1209, д. 20732, 20733, 20736.
294. РГАДА, ф. 1209, д. 20733, лл. 111—115.
295. РГАДА, ф. 1209, д. 20736, лл. 294—309.
296. РГАДА, ф. 1209, д. 23617, № 15, л. 290.
297. РГАДА, ф. 1209, д. 42738, № 16.
298. РГАДА, ф. 1209, д. 42751, № 22.
299. РГАДА, ф. 1209, д. 43285, № 21.
300. РГАДА, ф. 1455, оп. 2, д. 5930-46.
301. РГВИА, ф. 395, оп. 6/312, д. 626 (1817 г.).
302. РГВИА, ф. 395, оп. 54, д. 1035 (1862 г.).
303. РГВИА, ф. 395, оп. 66/325, д. 638 (1819 г.).
304. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 37332, п/сп. 3021 (1911 г.).
305. РГВИА, ф. 409, п/сп. 303 197 (1870 г.).
306. РГИА, ф. 472, оп. 40, д. 22.
307. РГИА, ф. 472, оп. 40, д. 44.
308. РГИА, ф. 694, оп. 2, д. 229.
309. РГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 3., лл. 84—85. 1826 г. — Об отправке в Петропавловскую крепость прапорщика Лопухина, переведенного из Петербурга в Тифлисский полк за участие в дуэли.
310. РГИА, ф. 1343, оп. 24, д. 289.
311. РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 268А, л. 39 об.
312. РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 648.
313. РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 288, л. 9. 1796 г. — А. Лопухин, Тульский губернатор: об отставке от службы.

314. РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 288, лл. 9, 11—25. 1796 г. — П.В. Лопухин. О назначении в сенаторы.
315. РГИА, ф. 1374, оп. 2, д. 1579, л. 40. 1799 г. — О пожаловании Корсуня в Киевской губ. сенатору П.В. Лопухину.
316. РГИА, ф. 1374, оп. 2, д. 1809.
317. РГИА, ф. 1374, оп. 2, д. 1833. 1799 г. — Прошение Московского университета к сенатору светл. кн. П.В. Лопухину о принятии им звания попечителя, с приложением стихотворения Хераскова в его честь.
318. Род дворян Поливановых XIV—XX вв. — Владимир на Клязьме, 1902.
319. Родословие дворян и князей Лопухиных. // Всемирная иллюстрация. Т. VI, № 151, 1871.
320. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга). — М., 1787.
321. Родословная книга летописной редакции // Редкие источники по истории России. Вып. I. — М., 1977. С. 68—69.
322. *Романюк С.* Из истории московских переулков. — М.: Сварог, 1998.
323. *Романюк С.* По землям московских сел и слобод. — М., 1998.
324. Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. // Археологический ежегодник за 1972 г. / Публ. А.А. Станиславского. — М., 1974.
325. Российская Государственная библиотека. Отдел рукописей, ф. 303, д. 521.
326. Российские консерваторы. Сб. статей. — М.: Русский мир, 1997.
327. Российский Архив. — М.: Студия ТриТЭ, 1994.
328. Российский энциклопедический словарь. — М.: Изд. БРЭ, 2000.
329. Россия глазами иностранцев. Сб. 1—5. — СПб.: Лениздат, 1992—1997.
330. *Руделев В.* «Иже зареза Редедю пред пьлки касожскими...» // Ясная Поляна, 1992, № 1, с. 207—208.
331. *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. — СПб., 1887.
332. Русская генеалогия / Под ред. Николаева Б.А. — М.: Богородский печатник, 1999.
333. Русская историческая песня / Сборник. — Л.: Сов. писатель, 1990.
334. Русская старина. Сб. 1—3. — М.: Новости, 1992, 1994.
335. Русские мемуары. Вып. 1—4. — М.: Правда, 1989—1990.
336. Русские портреты 18 и 19 столетий. Тт. 1—5. — СПб.: Изд. Вел. Кн. Николая Михайловича, 1905—1909.
337. Русский биографический словарь. — СПб., 1896—1913 [Тт. 1—25].
338. *Савелов А.М.* Народные и родовые легенды. // Союз дворян. — Париж, 1991, 37—38.
339. *Саитов В.И.* Великий Князь Николай Михайлович. Московский некрополь. Тт. I—III. — СПб., 1907.

340. Салтыков-Щедрин М.Е. Первая русская передвижная художественная выставка. // М.Е. Салтыков-Щедрин об искусстве. — М.—Л. 1949.
341. *Самокасов Д.Я.* Архивный материал. Т. II. — М., 1909.
342. Светлейший князь П.П. Лопухин. 1788—1873. [Некролог] // РС, 1973. — Т. VII, май. С. 728—730.
343. *Семевский М.И.* Евдокия Федоровна Лопухина. // Русский вестник, 1859, № 3.
344. *Семевский М.И.* Наталия Федоровна Лопухина. — М.: Типография Каткова, 1860.
345. *Семевский М.И.* Павловск. — СПб.: Изд. Вел. Кн. Константина Николаевича, 1889.
346. *Семевский М.И.* Покровский Девичий монастырь в г. Суздале. Место заточения А.Ф. Лопухиной. — М., 1860.
347. Сиверс А.А. Родословие Озеровых. // Известия Русского генеалогического общества. — СПб., 1908. Вып. 3. Отд. II. С. 203—364.
348. Словарь русских генералов. — М., 1996.
349. Слово о полку Игореве. — М.: Наука / Литературные памятники, 1950.
350. *Слуцкий М.Б.* В скорбные дни: Кишиневский погром 1903 г. — Кишинев, 1930.
351. Согласие, 1978, сентябрь, № 324 (США, Лос-Анджелес).
352. *Соловьев В. С.* Юный Император. — М.: СП Эврика, 1990.
353. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. — М.: Мысль, 1991.
354. *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. — М.: Наука, 1980.
355. Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Собр. Петр Паламарчук. Кремль и монастыри. Т. 1. — М.: АО «Книга и бизнес», 1992. С. 180, 202, 228, 294.
356. *Спиридонов М.Г.* Сокращенное описание служб благородных российских дворян. Ч. 1. — М., 1810.
357. Списки титулованным родам Российской Империи. — СПб., 1892.
358. Список стрелецких голов и сотников. // Тысячная книга и Дворовая тетрадь пятидесятых годов XVI в. — М.—Л., 1950.
359. *Стасов В.В.* Брауншвейгское семейство. — Б.м.: Сев.-Зап. кн. издат., 1993.
360. *Стасов В.В.* Передвижная выставка 1871 года. // Избр. соч. в двух томах. Т. I. М.—Л., 1950.
361. *Стасов В.В., сост. Ге Н.И.* Его жизнь, произведения и переписка. — Б.м., 1904.
362. Статистическое описание Киевской губернии, изданное тайным советником, сенатором Фундуклеем. — СПб, 1852. Т. I. С. 512—517.
363. *Суровцев А.Г.* Иван Владимирович Лопухин / Биографический очерк. — СПб., 1901.

364. *Сухотина-Толстая Т.А.* Воспоминания. — М., 1976.
365. *Сухотина-Толстая Т.А.* Старушка Шмидт. // Сухотина-Толстая Т.А. Воспоминания. — М., 1980.
366. *Сушкова Е.А.* Записки. 1812—1841. — Л., 1928. 446 с.
367. *Сытин П.В.* История планировки и застройки г. Москвы. Материалы и исследования. Т. 1. — М., 1950; Т. 2. — М., 1954.
368. *Таубе М.А., бар.* К истории герба Дома Романовых (догадка о происхождении Романовского грифа). // Гербовед. 1913. С. 109—117.
369. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Святого Писания Ветхого и Нового Завета. Издание преемников А.П. Лопухина. Тт. 1—12. — Б.м., 1904—1913.
370. *Трегубов М.И.* Алфавитный список дворянских родов Владимирской губ. — Владимир, 1905.
371. *Троицкий Н.И.* Тульский Успенский женский монастырь. — Тула, 1913.
372. *Трубецкая Е.Э.,* кн. Сказание о роде князей Трубецких. — М., 1891. С. 263—264.
373. *Трубецкая О.Н.,* кн. Отрывки из семейной хроники. Публикация И.С.Чистовой. // Рус. литература. 1990, № 2.
374. *Трубецкой В.С.,* кн. Записки кирасира. — М., 1991, с.16, 198.
375. *Трубецкой А.Е.,* кн. История одной попытки. (Январь — февраль 1918 г.) // Россия воспрянет: Князья Трубецкие. — М., 1996. С. 519—526.
376. *Трубецкой Е.Н.,* кн. Из прошлого. — Вена: Книгоиздательство «Русь», 1923.
377. *Трубецкой Е.Н.,* кн. Из прошлого. // Россия воспрянет. Князья Трубецкие. — М., 1996. С. 16—20.
378. *Трубецкой Н.С.,* кн. Редедя на Кавказе. // Этногр. обозрение, 1911. Кн. 88—89, № 1—2, с. 220—238.
379. Тульские губернаторы / Редкол.: Коралева Л.И., Морозова Е.М. и др. — Тула, 1997.
380. *Турчанинов Г.* Летописный Редедя и черкесское «редаэдэ». (К истории одного варианта сказания о Ляшине). // Кабардинский науч.-исслед. ин-т. Ученые записки. Т. 2. — Нальчик, 1947. С. 237—282.
381. Тысячная Книга 1550 года и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века. — М.—Л., 1950.
382. Улица Фрунзе // Вопросы истории, 1978, № 9, с. 214—218.
383. Урания. — Калуга, 1804.
384. Усадебное ожерелье Москвы. — М.: Мосгорархив, 1996.
385. Усадьба Савинское // Журн. Щелково, 1999, № 2, с. 6—10.
386. *Федосюк А.* Москва в кольце Садовых. — М.: Московский рабочий, 1985.
387. *Фехнер М.В.* Калуга. — М., 1971.

388. Формулярный список о службе директора Департамента полиции действ. статс. советника А.А. Лопухина. // Из глубины времен. Вып. 6. — СПб., 1996, с. 176—179.
389. Фрейман О., фон. Пажи за 185 лет (1711—1896). — Фридриксгамн, 1894—1897.
390. Фролов А.И. Частные коллекции дворянских усадеб. // Русские усадьбы. Вып. 2. — М.: Аиро-ХХ, 1996.
391. Фролов Н.В. Род Хоненевых // Владимирский Родословец. Вып. I. — Ковров: Изд. ТОО «Бэст-В», 1996.
392. Хитрово В.С. Род дворян Хитрово. — Б.м., 1886.
393. Хмелевская Е.М. Лопухин А.А. // Лермонтовская энциклопедия. — М., 1999. С. 265.
394. Хмелевская Е.М. Лопухина М.А. // Лермонтовская энциклопедия. — М., 1999. С. 266.
395. Хмелевская Е.М. Лопухины. // Лермонтовская энциклопедия. — М., 1999. С. 266.
396. Холмогорова В.И. Исторические материалы о церквях и селах Московской епархии. Вып. 3. — М., 1886.
397. Христианство. Энциклопедический словарь. — М.: Изд. БРЭ. Тт. 1—3. 1993.
398. Хроника семьи Зерновых. В 3-х тт. Т. 3, ч. 1—4. — Paris, 1981. 177 с.
399. Цареубийство 11 марта 1801 года (записки участников и современников). — СПб.: Изд. Суворина, 1907.
400. ЦГИА. Боярская книга Поместного приказа 1648 года.
401. Чебывшев Н.Н. Близкая даль: Воспоминания. — Париж, 1933. 370 с.
402. Чекалина Л. Успешный поиск // газета «Московский художник», 1984, № 43.
403. Черепнин Н.П. Императорское общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764—1914. Тт. 1—3. — СПб.-Пгт., 1914—1915. Приложение к т. 3.
404. Чернигов VI — шестая часть Родословной книги Черниговского депутатского дворянского собрания.
405. Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV — XVII вв. — М., 1954.
406. Чернолятов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 3 (12). Ч. 6. М., [1909]. 48 с.; Т. 4 (13). 1910; Т. IX (XVIII). М., 1912.
407. Чернявский М.П. Генеалогия господ дворян Тверской губернии [с 1787-го по 1869 г.]. — Тверь, 1869.
408. Шан-Гирей А.П. М.Ю. Лермонтов. // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М., 1972. С. 31—55.
409. Шанов П. Опыт библиографии генерал-прокуроров и министров юстиции. — СПб., 1863. С. 116.
410. Шедевры живописи музеев СССР. Вып. 2. — М.: Гознак, 1976.

411. Шервуд В.С. Архитектурный ансамбль Марсова поля. — Л.: Искусство, 1989.
412. Шереметев В.П., гр. Шереметевы. — М., 1913.
413. Шереметев С.Д., гр. Введенское. — М., 1900.
414. Шереметевский В.Н. Великий Князь Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. Т. I. — М., 1914.
415. Шортанов А.Т. Редеда и Мстислав. // Филологические труды. — Нальчик, 1977. С. 3—42.
416. Шумаков С.А. Обзор грамот Коллегии Экономии. Ч. I. Дмитров. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1912. Кн. III.
417. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. — М.—Л., 1961, с. 69.
418. Ювеналий (Воейков), игум. Краткое историческое родословие знаменитых и благородных дворян Лопухиных. — М.: Типография Селивановского и товарища, 1796.
419. Югра — Тюмень, № 12, 1995.
420. Яковлев Е. Галерея скитальцев // газета «Известия», 1982.
421. Янин В.А. Новгородские посадники. — М., 1962.
422. Almanach de St. Petersburg Cour. Monde et Ville: [1910—1914]. — St.Petersbourg — Leipzig, 1910—1914.
423. Dolgorukow P. Memoires du prince Pierre Dolgorukow. Т. 1, 1-ere livre. Geneve, 1867, Ch.3.
424. Gorzynski B., Kochunowski J. Herby szlachty polskiej. Warszawa. 1990.
425. Ikonnikov N. La Noblesse de Russie. Recueile genealogique. Т. F1. Les Lopoukhine. Paris, 1932. 35 p.
426. Kleinschmidt A. Russland Geschichte und Politik... Cassel, 1877. XVI, 560 S.
427. Oswald. G. Lexikon Heraldik. Leipzig, 1984.
428. Our Family's Album (A geneological and photographic Chronicle of the descendants of Prince Nicolai Petrovich Troubetzkoy (1828 — 1900)). — Saclif, New-York, 1995.
429. Roosevelt Priscilla. Life on the Russian Country Estate. A social and Cultural History.
430. The Duke's Leuchtenberg Ancestry and Relationships. The Lopukhins. N.-Y., 1980. Chart L.
431. Tzocca, Madame La Coque (T.I. Lopukhine)/ Ricordi E Diari (1914 — 1921)/ Parte I. Dal Giugno 1914 al Gemnaio 1917. Parte II. Gli Albori della Rivoluzione Russa e del Bolscevismo (1917 — 1918). Рукопись на итальянском языке, датированная февр. 1944 г. Хранится у В.О. Лопухина.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Август II, Король Польши 65, 394
Август III, Король Польши 394, 395
Авдеев, чекист 108
Аверинцев С.С., философ 427
Адриан, Патриарх 201
Адриан Рымаренко,
священник 172
Азеф Е.Ф. двойной агент и
террорист 89, 103, 192, 218,
456—462
Акинфов Н.И. (91) 545, 634
Акинфов П.Н. 545
Акинфова К.А. —
см. Лопухина (91)
Акудинов 89
Александр I, Император 71, 181,
192, 205, 208, 217, 252, 257,
328, 337, 342—348, 370—372,
702, 710, 711
Александр II, Император 73, 86—
88, 97, 143, 167, 184, 207, 312,
343, 369, 379, 418, 426, 444,
702
Александр III, Император 211, 450
Александр I, Король Югославии
482, 486
Александр Македонский 726
Александр Невский 765
Александр Петрович, Цесаревич
550
Александр Киселев,
священник 157, 160
Александр Шмеман,
священник 160
Александра Федоровна,
Императрица 97, 126, 263,
466—478
Алексеева Т.В. 204
Алексей Михайлович,
Царь 39—50, 52, 183, 52, 183,
196, 197, 229, 238, 271—275,
292, 294—297, 315, 324, 382,
537—548
Алексей Николаевич, Наследник-
Цесаревич 441, 466—478
Алексей Петрович, Наследник—
Цесаревич 5, 60—63, 90,
188, 200—202, 216, 217,
236, 243, 268—288,
294—313, 324, 549, 550, 555,
648—650
Алексий II, Патриарх 133, 430
Алексий, митрополит 90
Алопеус Д.М., граф 378

* Указатель составили Б.П. Краевский и С.А. Сапожников.

ЛОПУХИНЫ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

- Алопеус Ж.И., графиня, урожд.
баронесса Венкастерн —
см. Лопухина, св. княгиня (319)*
Алферьев И.В., стольник 42, 43
Амбосетти М.А. —
см. Лопухина (446)
Анастасия Романовна,
Царица 15
Анастасий, митрополит 159
Андрейчук А.П. (407) 169, 607,
634
Андреян, новгородский
посадник 24
Аничковы Л.И. и Н.М. 612
Аничкова О.Н. —
см. Лопухина (424)
Анна, Царица 292
Анна Иоанновна, Императрица 65,
66, 202, 267, 291, 318, 319,
323, 324, 331, 386, 389, 395
Анна Леопольдовна,
Правительница 317—321, 554
Антиох Великий 726
Антоний (Синькевич),
архиепископ 498, 505, 606, 696,
697
Антоний (Храповицкий),
митрополит, «великий Авва»
133, 221, 482—484, 490, 687—
690, 695, 761
Антропов А.П., художник 198
Анфилов Л., дьякон 40
Анцыферов (286) 584, 634
Анцыферова А.И. —
см. Лопухина (286) 584
Апраксин С.Ф.,
генерал-фельдмаршал 66, 314,
390—392, 561
Аракчеев А.А., граф 373, 394
Армакова Е.М. —
см. Лопухина (151)
Аргунов И.П., художник 198, 209
Аргунов, революционер 462
Арсений, архиепископ 356
Арсеньев В.Ф. 559
Арсеньев Л.А. 408
Арсеньева Е.А. 79, 406
Арсеньева Е.В. —
см. Лопухина (157)
Астафьев В.И. (214) 572, 634
Астафьева П.Ф. —
см. Лопухина (214)
Афросимова Ф.И. 565
Ацаркина А., искусствовед 207
Бабичев Ю.А., князь 645
Багратион П. И., князь 67, 374
Байрон Дж. 408
Бакарев А.Н., архитектор 246, 570
Балашов А.Д., генерал 373
Балк Н.Ф. — см. Лопухина (126)
202, 318, 321—327
Балк Ф.Н. 555
Бантыш-Каменский В.Д. 356
Баранов П.Т., граф 606
Баранова А.А., графиня 210, 606
Баранова А.П., графиня —
см. Лопухина (404)
Барановский П.Д. 540
Бароний, кардинал 306
Барятинская М.Ф., княгиня —
см. Лопухина (185)
Барятинский П.А., князь (185)
188, 565, 634
Барятинский Ю.Н., князь 188
Баташова В.С. 610
Бахметев Н.Ф. (364) 421, 422,
599, 634
Бахметева В.А. —
см. Лопухина (364)
Бахрушина 611
Бахтеяровы 600

* В круглых скобках указаны номера урожденных Лопухиных в соответствии с родословной росписью. Эти же номера закреплены за их супругами.

- Бахтеярова Ф.В. —
см. Лопухина (369)
- Безбородко А.А., князь 711
- Беллонт, летчик 780
- Белобородов, революционер 107, 108, 679
- Белоусов С.Н. (436) 615, 634
- Беляев И.Д., историк 51
- Беляев И.С. 633
- Белянкин И.В. (367) 599
- Белянкина Т.И. —
см. Лопухина (367)
- Беннигсен Л.А., граф 374
- Бенуа Альб.Н., акварелист 212
- Бергер, офицер 319—322, 327, 650
- Бердяев Н.А., философ 227
- Беркуль Г.В., капитан дальнего плавания 514, 769, 774, 775
- Бестужев-Рюмин А.П., граф 319—322, 327, 554
- Бестужев-Рюмин М.П., граф 554
- Бестужева-Рюмина А.Г., графиня 319—322, 327, 554
- Бецкой И.И. 358
- Бильдерлинг А.А., генерал 413, 676
- Биргер, ярл 21
- Бирон Э.И., герцог 317, 554
- Бисмарк, граф 151
- Благово Д.Д. 187
- Бобровы 16
- Богаевский А.П., генерал, казачий атаман 678
- Богданович А.В. 449
- Богородицкий 632
- Богоявленский С.К. 37, 38
- Бокай М. 458, 459
- Болотов А.Т. 390—392
- Болховская Т.П., княжна —
см. Лопухина (83)
- Борис Федорович Годунов, Царь 35, 349, 350, 385, 536
- Борисов-Мусатов В.Э., художник 250
- Боровиковский В.А., художник 71, 193, 195, 198, 202—206, 362
- Боровков А.Д. 73, 661
- Бостидо Р. (487) 625, 640
- Ботта, маркиз, посол 322
- Брауншвейг-Вольфенбюттель София Шарлота, Кронпринцесса 188, 305
- Бруинн Ф.К. 301
- Брюллов К.П., художник 71, 206—209, 362, 378, 592
- Брюс П.Г. 305
- Брюс Я.А., граф 331, 354, 665
- Брюс Я.В., граф 256
- Бубнов В.А., художник 700
- Будберг А.П., барон 402
- Булгакова С.И. —
см. Лопухина (172)
- Булгарина Е.Б. —
см. Лопухина (385)
- Бурцев В.А., журналист 458—460
- Бут Г.Я., барон (325) 593, 634
- Бут Е.А., баронесса —
см. Лопухина (325)
- Бутенев С.С. (478) 624, 634
- Бутенева Е.М. —
см. Лопухина (478)
- Бутурлин В.В., боярин 42
- Бутурлин И.И., боярин 55
- Бутурлины Н.И., Ф.Е. 648
- Быховец Е. 423
- Валент, римский император 433
- Валишевский К., историк 277
- Ван-Дейк А., художник 207
- Варварин, сенатор 462, 463
- Варлаам, митрополит 201
- Василий III Иоаннович, Великий Князь 33, 292, 382
- Василий Иванович Шуйский, Царь 539, 646
- Васильев А.К., консул 742
- Васильева А.И. 612
- Васильчиков А.А. 606
- Васильчикова Е.П. 130, 686
- Ватерман Х., художник 201, 202

- Вебер Ф.Х., резидент 306
- Велико-Гагин Д.С., князь 48, 537
- Велико-Гагин И.Д., князь 647
- Вельяминов И.А. 35, 645
- Вельяминов Ф.В. 35, 645
- Венкастерн Ж.И., баронесса — см. Лопухина, св. княгиня (319)
- Венкастерн М.К., баронесса 571
- Венкастерн Э.И., барон 571
- Верещагин П.А. 593
- Верещагина Е.П. —
см. Лопухина (327)
- Верещагина А. 409
- Верховцева О.А. 685
- Веселовский С.Б. 633
- Вильбоа, морской офицер 388
- Вильбоа, генерал 390
- Виниус, двяк 277
- Виноградов М.Б. (472) 623, 634
- Виноградова А.С. —
см. Лопухина (472)
- Виргилий 732
- Вировы 631
- Висконти 750
- Виталий, митрополит 155, 495
- Витте С.Ю. 89, 220, 448—454, 463—465, 734—737
- Владимир I, Святой
Равноапостольный Великий Князь 10—13, 22, 187, 188, 379, 529, 530, 644
- Владимир Кириллович, Глава Российского Императорского Дома, Великий Князь 168, 175, 501, 506, 695—698, 701, 702, 764
- Владимир Мономах 189
- Владыкина А.И. —
см. Лопухина (150)
- Воейков — см. Ювеналий
- Воейков А.Ф., поэт 225, 339
- Воейкова М.Г. 580
- Войков, революционер 109, 681
- Волконская А.П., княгиня 288
- Волконская Н.Ф., княжна —
см. Лопухина (219)
- Волошин М.А., поэт 764
- Вольтер 70
- Воронец А.Г. и Е.М. 579
- Воронец А.А. —
см. Лопухина (265)
- Воронин В.И., капитан дальнего плавания 522
- Воронин П.Н., генерал 454
- Воронцов Р.И., граф 331
- Воронцов С.Р., граф 370
- Врангель П.Н., барон 94, 401—403, 482, 515, 678
- Вревская С.Н., баронесса —
см. Лопухина (383)
- Вревский П.А., барон (383) 603, 635
- Всеволод Юрьевич, Великий Князь 23
- Вуаль А., художник 206
- Выговский, генеральный писарь 42, 43
- Выповская Е.Н. —
см. Лопухина (81)
- Высоцкий П.М. 680
- Вяземская М.В., княгиня —
см. Лопухина (449)
- Вяземский А.П., князь (449) 189, 618, 635
- Вяземский П.А., князь, поэт 79, 309, 339, 377, 405
- Вязмитинов С.К. 373
- Габсбург М.-А. 491
- Гавриил, митрополит 709, 715
- Гавриил, епископ 134, 221, 484, 485, 490, 687—690
- Гаврилинский В.М., богослов 438
- Гагарин Г., князь 332
- Гагарин П.Г., князь (316) 250, 367, 369, 589, 635
- Гагарин П.И., князь 579
- Гагарина А.М., княгиня 579
- Гагарина А.П., княжна —
см. Лопухина (257)

- Гагарина А.П., княгиня —
см. Лопухина (316)
- Гагарина М.И., княгиня 589
- Гагины — см. Велико-Гагины
- Гвоздев Ю.Ф. (436) 635, 715
- Ге Н.Н., художник 200, 201, 298, 299
- Георгиевский В.И. 697
- Георгий Михайлович, Наследник
Цесаревич и Великий Князь 704
- Геродот 431
- Герасимов, генерал 460, 461
- Гермоген, епископ 110, 111
- Герцен А.И. 331, 338, 418
- Гершуни Г.А., террорист 457
- Гессен (Hessen) Н.И. —
см. Лопухина (422)
- Гиацингов, городской голова Ревеля
455
- Гизетти 132
- Гитлер 145, 153, 154, 499
- Глаголев А.А., профессор 438
- Глебовы 16
- Глебов В.М. 648
- Глебов С.Б. 279—282
- Глебова А.В. 619
- Глубоковский Н.Н., историк 437
- Голенищев-Кутузов П.И., сенатор 450
- Голицын А.Б., князь 191
- Голицын А.В., князь, врач 104—
115, 124, 612, 679—682
- Голицын А.И., князь 55
- Голицын А.К., князь, предводитель
Российского Дворянского
Собрания 167, 168
- Голицын В.М., князь 116, 614
- Голицын Д.В., князь (463) 192,
491, 622, 635
- Голицын Д.М., князь 647
- Голицын И.А., князь (169) 191,
327, 563, 635
- Голицын И.В., князь 115, 211
- Голицын К.Н., князь 191
- Голицын М.В., князь (427) 113,
191, 613, 635
- Голицын П.Д., князь 491
- Голицын С.М., князь, писатель
128, 132, 613, 786
- Голицына А.Г., княжна 602
- Голицына А.С., княгиня —
см. Лопухина (427)
- Голицына М.-А., княгиня 491
- Голицына П.С., княгиня —
см. Лопухина (168)
- Голицына С.В., княжна 614
- Голицына С.Н., княгиня 614
- Голицына Т.А., княжна (120)
- Голицына Т.В., княжна —
см. Лопухина (430)
- Голицына Т.П., княгиня —
см. Лопухина (463)
- Головин М.А. 548
- Головин Н.А., граф (165) 326,
331, 562, 165
- Головин Ф.А., граф 314
- Головина А.С. —
см. Лопухина (165)
- Головина В.Н., графиня 366, 368
- Головина Е.М. —
см. Лопухина (118)
- Голохвастов И.И. (213) 572, 635
- Голохвастова В.Ф. —
см. Лопухина (213)
- Голохвастова Е.Д. —
см. Лопухина (397)
- Гомер 9
- Горбатов М.М. (465) 622, 465
- де Голль Ш., генерал 151, 152
- Гордон П., генерал 53, 269
- Горский Г.П., священник (457)
158, 175, 620, 635
- Грабарь И.Э., искусствовед 203, 237
- Грациан, римский император 433
- Грацианский А., гравер 201
- Грегоржевская М.А. —
см. Лопухина (360)
- Грегоржевский, генерал (360) 418,
598, 632, 635
- Грегулевич В.В., профессор 436

- Греч А.Н., искусствовед 227, 257
- Грибанов В., краевед 365
- Грибоедов А.С. 337
- Григорьевские —
см. Грегоржевские
- Григоров Л.А. 534
- Григорова А.И. —
см. Лопухина (171)
- Григорович Н.Г., искусствовед 204
- Григорьев А.А., архитектор 257,
258, 588
- Гришкевич-Трохимовский П.М. 749
- Громов В.Ф. 252
- Грюненберг К., геральдист 182
- Губарев (247) 577, 635
- Губарева А.И. —
см. Лопухина (247)
- Гузев М.П. (374) 144, 601, 635
- Густав III, Король Швеции 332
- Гуэн, художник 201
- Гюйссен, барон 285
- Давыдов А.В. (432) 614, 635
- Давыдов В.Д., полковник (208)
212, 257, 571, 635
- Давыдов Г.А. 608
- Давыдов Л.А. (392) 604, 635
- Давыдов Н.В., юрист 83, 86, 480
- Давыдов Ю.Л. (384) 603, 635
- Давыдова Е.С. —
см. Лопухина (432)
- Давыдова М.А. —
см. Лопухина (392)
- Давыдова М.Г. —
см. Лопухина (415)
- Давыдова М.Н. —
см. Лопухина (384)
- Давыдова П.Н. —
см. Лопухина (208)
- Дашков М.И., князь 189, 331
- Дашков П.И., князь (148) 181,
558, 635
- Дашкова Е.Р., княгиня, президент
академии 189, 331
- Дашкова С.А., княгиня —
см. Лопухина (148)
- Девлет-Гирей, хан 35, 385, 534, 645
- Делиль Ж., поэт 225, 256
- Демидов А.Н. 378
- Демидов Г.А. (317) 206, 377, 589
- Демидов Н.П. 589, 591
- Демидов П.Г. 207, 589
- Демидова Е.П. —
см. Лопухина (317)
- Демидова Н.Ф., историк 36
- фон Дервиз В. (414) 608, 635
- Державин Г.Р., поэт 245
- Дидро Д. 437
- Диоген 78, 225
- Диодор, патриарх Иерусалимский
704
- Дерен А., историк 13
- Димитрий, архиепископ 687
- Дмитриев И.И., поэт 357
- Дмитриева Н.А., искусствовед 197,
198
- Дмитриева Н.В., искусствовед 632
- Дмитрий Донской, Великий Князь 33
- Докукин И. 310
- Долгорукая А.А., княжна —
см. Лопухина (278)
- Долгорукая П.К., княгиня 583
- Долгорукий А.А., князь 189, 583
- Долгоруков В.А., князь 111, 310
- Долгоруков В.Л., князь 189
- Долгоруков И.М., князь, поэт 225,
256, 339, 350
- Долгоруков М.В., князь 309, 320
- Долгоруковы Г.Ф., В.М., князя 648
- Доливо-Добровольский А.И.,
дипломат 101, 747
- Доможирова Д.Е. 567
- Дорохов, офицер 672
- Дорохов И.С., генерал 397
- Досифей, епископ 283, 351
- Достоевский Ф.М. 489
- Доу Дж., художник 208
- Дохтуров А.А. 566

- Дохтуров Д.С., *генерал* 374
 Дохтурова Е.И. 566
 Дубровская П.И. —
см. Лопухина (179)
 Думин С.В., *историк* 180, 185,
 186, 529
 Дурново П.Н., *министр* 449—455
 Дутов А.И., *генерал* 471
 Дьяков Н.Н., *профессор* 13
 Дьяков Ф.А. **(221)** 573
 Дьякова П.Д. —
см. Лопухина (221)
 Дюма-отец А., *писатель* 61, 62
- Евгений Савойский, *принц* 66, 394,
 395
 Евгения Лукьяновна, *Царица* 230
 Евдокия Дмитриевна, *Великая*
Княгиня 33
 Евлгий (Георгиевский),
митрополит 85, 86, 480, 481, 783
 Евреинов П.Я. **(277)** 583, 635
 Евреинова Н.Н. —
см. Лопухина (277)
 Евфимий, *владыка новгородский* 30
 Евфросинья, *спутница Царевича*
Алексея 309, 405
 Екатерина I Алексеевна,
Императрица 65—67, 236, 283,
 287, 288, 304, 306, 317, 324,
 386, 395
 Екатерина II Алексеевна,
Императрица 66—69, 71—77,
 173, 189, 193, 217, 223, 233,
 245, 247, 267, 328, 331—336,
 340, 350—355, 361, 381, 383,
 394, 395, 521, 543, 709
 Екатерина Алексеевна, *Царевна* 292
 Екатерина Иоанновна, *Царевна* 555
 Елагин И.П., *сенатор* 332—335
 Елена Глинская, *Великая Княгиня* 32
 Елеонский Ф.Г., *профессор* 438
 Елизавета Петровна, *Императрица*
 58, 65, 66, 190, 202, 267, 289,
 290, 313, 314, 317—326, 329,
 376, 393, 395, 554, 555, 565
 Елизавета II Английская 761, 762
 Елизаров П., *думный дворянин* 40
 Ельчанинова М.А. 625
 Еремко В.М. **(408)** 607
 Ермолинский, *офицер* 93
 Ермолов А.П., *генерал* 378, 396, 662
 Ерофеев В.Е. 617
 Ерофеева А.Ф., *историк* 339
 Есипов И. **(85)** 45, 542, 635
 Ефимов С.В., *историк* 305, 307
- Жанен, *генерал* 119, 121
 Жедринская А. —
см. Лопухина (110) 547
 Желаковская М.А. —
см. Лопухина (446) 618
 Желябужский И.А., *окольный* 55,
 56, 541
 Жемчужников А.И. **(155)** 559,
 636
 Жемчужникова А.И. —
см. Лопухина (155)
 Жеребцов А.А. **(320)** 592, 636
 Жеребцов А.Г., *генерал* 377, 559
 Жеребцов Г.А. **(262)** 579, 636
 Жеребцова А.А. —
см. Лопухина (156)
 Жеребцова А.П. —
см. Лопухина (320)
 Жеребцова М.А. —
см. Лопухина (262)
 Жилин П.А. 373, 374
 Житкевич С.В. —
см. Лопухина (338) 596
 Жуков Г.К. 67
 Жуковский В.А., *поэт* 78, 215,
 224, 339, 524
- Забелин И.Е., *историк* 27, 273, 274
 Заболоцкий Н.В. 109, 679, 681
 Заборовская Е.Ф. —
см. Лопухина (210)

- Заборовский И.А. **(210)** 571, 636
 Завульский К., *художник* 201
 Залкина, *советский дипломат* 101,
 742, 743
 Замятнин 325
 Зандер, *профессор* 160
 Засекин Г.М., *князь (185)* 189,
 565, 636
 Засекина М.Ф., *княгиня* —
см. Лопухина (185)
 Засулич В.И., *террористка* 88,
 218, 413, 446
 Землячка Р.С., *революционерка* 138
 Зеньковский В., *богослов* 160
 Звягинцев А.Г., *историк* 356, 372
 Зильбер, *литератор* 458
 Зиммель — *см. Лопухина (336)*
 Зотов А.И., *граф* 563
 Зотов И.Н., *граф (170)* 563, 636
 Зотов И.Н., *офицер* 327
 Зотова Е.С., *графиня* —
см. Лопухина (170)
 Зубатов С.В., *полковник* 449
 Зыков А.Т. 548
 Зыкова Н.А. —
см. Лопухина (117)
- Иван** (он же Сеундюк), *Царевич*
 17, 18, 529, 530, 644
 Иван — *см. Иоанн*
 Иванов А.А., *писатель* 665
 Иванов 649
 Измайловы А.П., И.П., М.П. 648
 Иконников Н.Ф., *историк* 700,
 529
 Илингворс — *см. Феннел*
 Илитская И.В. 623, 624
 Инал, *Султан Египта* 15
 Индрис 180
 Иннокентий, *митрополит* 425
 Интериано Дж., *историк* 15
 Иоанн I Данилович Калита,
Великий Князь 16, 19, 233, 281,
 530, 644
- Иоанн III Васильевич, *Великий*
Государь 22, 26—33, 229, 296,
 384
 Иоанн IV Васильевич Грозный,
Царь 14, 25—38, 61, 198, 286,
 292, 349, 385, 534, 536, 645
 Иоанн V Алексеевич, *Царь* 53, 54,
 201, 230, 541, 544, 545
 Иоанн Антонович, *Император* 554
 Иоанн Иоаннович, *Царевич* 286
 Иоанн Златоуст 28, 91, 221, 435,
 437, 440
 Иоанн Кронштадтский 435
 Иоанн, *архиепископ* 688, 689
 Иоасаф, *Патриарх* 44, 538
 Иоасаф, *монах* 282, 283
 Иосиф, *архимандрит* 438
 Исаева Е.И. — *см. Лопухина*
(154)
 Исаков Н.В., *генерал (344)* 596,
 636
 Исакова — *см. Лопухина (344)*
 Истомин К., *монах* 265
 Истомины С.И., С.П. 686
- Казаков М.Ф., *архитектор* 233,
 324, 570
 Казаков Р.Р., *архитектор* 236
 Казанский Е.В., *врач* 682
 Казаринов П.С. **(237)** 575, 636
 Казаринова А.А. —
см. Лопухина (237)
 Казимир, *Король и Великий Князь* 22
 Каменская А.А. —
см. Лопухина (224)
 Каменский Н.М., *граф* 351
 Кантакузин М., *князь* 98
 Капнист З.А., *графиня* —
см. Лопухина (403)
 Капнист П.А., *граф (403)* 605, 636
 Карамзин Н.М., *историк* 22—27,
 69, 72, 78, 215, 253, 375, 431,
 722, 723
 Кардовский Д.Н., *художник* 633

- Карл XII, *Король Швеции* 60, 303, 648, 649
 Карл VI, *Император* 188, 308, 309
 Карнеев З.Я. 338, 339, 712, 713
 Карнович Е.П., *генеалог* 12, 73
 Карпов Ф., *священник* 40
 Картвелин 667
 Касай, *царевич* — *см. Ондрей*
 Кастельбарко Ч., *искусствовед* 207
 Катенина М. 608
 Катунина А.С. —
см. Лопухина (56)
 Кафари (Caffari D.) **(490)** 626, 640
 Качалов В.И., *артист* 114
 Кашежева И., *поэтесса* 520
 Кваренги Д., *архитектор* 367
 Кеквагова Н. —
см. Лопухина (502)
 Келле М.Э., *графиня* 602
 Кенигсен, *посланник* 270
 Керенский А.Ф. 738
 Керн А.П. 142, 585
 Кизеветтер А.А., *историк* 216
 Кикин А.В. 309
 Кипшен Н.Ф., *купец* 240
 Кипренский О.А., *художник* 209, 212
 Киреев С.Б. **(406)** 607, 636
 Кирилл Владимирович, *Император в изгнании* 501
 Кириллов И.А. **(435)** 615, 783, 636
 Кирьяков А.А., *купец* 240
 Киселев А., *священник* 495
 Клейнмихель М.Н., *графиня* —
см. Лопухина (379)
 Клейнмихель М.Э., *графиня* 602
 Клейнмихель Н.П., *граф* 602
 Клейнмихель П.А., *граф* 126
 Клемантова М.И. 601
 Ключевский В.О., *историк* 19, 30, 41, 47, 216, 266, 268, 295, 306, 311, 347, 570
 Кобыла А.И. 180
 Кожин А.О. **(273)** 583, 636
 Кожина В.В. —
см. Лопухина (273)
 Козловская И.П., *княжна* —
см. Лопухина (126)
 Козловский П.Т., *князь* 189, 535
 Кокошкин, *политик* 114
 Коковцев В.Н., *граф* 448
 Колкер А., *композитор* 520
 Колчак А.В., *адмирал* 112—119, 681, 683
 Комиссаров, *офицер* 451, 456
 Кони А.Ф. 88, 413, 444, 446
 Коновницын А.П., *граф* 499, 500, 506, 507, 697, 698
 Коновницын П.А., *граф* 499
 Константин Великий 433
 Константин Константинович, *Великий Князь* 93, 402
 Контакузен — *см. Кантакузин*
 Кончин Е.В., *писатель* 211
 Корженевская Е.А. —
см. Лопухина (241)
 Корженевская Л.В. 584
 Корженевская М.В. —
см. Лопухина (283)
 Корженевский **(241)** 576, 636
 Корженевский В.К. 584
 Коровин К.А., *художник* 250
 Космолинский П.Ф., *художник* 185
 Косоурихин С.П. **(371)** 600, 636
 Кост, *летчик* 780
 Костин И.В. **(367)** 599, 636
 Костомаров Н.И., *историк* 200, 216, 274, 289, 292, 307, 311, 550
 Костомарова Е.А. 406
 Костюрин А.И. 560
 Костюрина Е.В. 560
 Котошихин 183
 Котцель С.К. 557
 Кочубей В.П., *князь* 373, 374
 Кошкаров Ф.В. **(142)** 557, 636
 Кошкарова А.А. —
см. Лопухина (142)
 Кравченко Е. **(486)** 625

- Краевский Б.П., *писатель* 6, 525, 526, 826
 Крамеров, *офицер* 93
 Красиков, *революционер* 108
 Краснов П.Н., *генерал* 678
 Краснокутский Н.А., *генерал* 602
 Краснокутская А.Г. 602
 Краснокутская Т.Н. —
см. Лопухина (382)
 Креницына Е.И. —
см. Лопухина (131)
 Кречетников А.В. 546
 Кречетников М.Н. 76, 245
 Кривошеин А.В. 475, 477
 Кривошеин Н.И. **(468)** 623, 636
 Кривошеина М.С. —
см. Лопухина (468)
 Крони Д. **(488)** 626, 640
 Кропоткин П.А., *князь* 459
 Кропоткина П.А., *княжна* 611
 Кръжков И. 665
 Крылов А.Н. **(409)** 608, 636
 Крюгер, *художник* 208
 Ксенофонт, *историк* 431
 Кузнецов Д.А. 617
 Кузнецов Н.Г., *адмирал* 164
 Кулешов И.О. 35, 645
 Куломзин Н.Я. 622
 Куломзина Е.Н. —
см. Лопухина (462)
 Куломзина С.С. 622
 Кульман Квирин, *еретик* 225, 227, 256, 269
 Кун Б., *революционер* 138
 Куракин А.Б., *князь* 192
 Куракин А.Б., *князь*
 («Бриллиантовый») 192, 332, 357
 Куракин Б.И., *князь (123)* 192, 553, 647, 636
 Куракина К.И.(Ф.), *княгиня* —
см. Лопухина (123)
 Куракина Т., *княжна* 98
 Курбатов 303, 649
 Курдюмова А.Д. 783
 Куртэн (Courtin G.) **(391)** 603, 640
 Кутайсов И.П., *граф* 264
 Кутайсов П.И., *граф (318)* 367, 377, 590, 636
 Кутайсова П.П., *графиня* —
см. Лопухина (318)
 Кутузов А.М. 69, 70
 Кутузов М.И. 67, 337, 373, 374
 Кучеров С.Г., *адмирал* 770
 Лаваль, *графиня* 365
 Лавров А.И. 601
 Лаврова Г.А. —
см. Лопухина (375)
 Ладыженская Н.А. 562
 Ладыженская Н.О. —
см. Лопухина (114)
 Ладыженский О.Ф. 548
 Ладыженский Ю.Ф. 648
 Ламберт, *граф* 670
 Ландау 611
 Лаптев Д.Я. 314
 Лаптевы 16, 531
 Левашов В.В., *граф* 74, 661
 Левенвольде Р., *граф* 319
 Леви, *дипломат* 308
 Левицкий Д.Г., *художник* 198
 Левшин И.Ф. 582
 Левшина А.И. 582
 Левшина П.И. —
см. Лопухина (270)
 Ледовская Ю.И. 540
 Лейбниц Г., *ученый и философ*
 225, 256
 Ленивец А.А. 715
 Леонида Георгиевна, *Великая Княгиня* 168, 501, 696, 703, 704
 Леонтьева А.М. 579
 Леопольд I, *Император* 48, 196
 Лерма, *герцог* 413, 414, 676
 Лермонт Г. 414
 Лермонтов М.Ю. 70, 80, 88, 95, 210, 218, 405—423, 669—676

Лермонтов Н.Г., *офицер* 473, 478
 Лесток И.И., *граф, лейб-медик*
 319—327, 554, 650
 Лефорт Ф.Я. 269, 270, 302
 Лжедмитрий I 61
 Лжедмитрий II 61
 де Лири, *герцог* 289, 290
 Литвинов М.М., *дипломат* 145
 Лобанов-Ростовский А.Б., *князь,*
историк 356, 375—379

Лопухины (персонально)

Авдотья Лукиановна (142) 557
 Авдотья Степановна (56) 535
 Ависс Иванович (56) 36, 535
 Авраам Васильевич, *поэт* (308)
 78, 215, 225, 257, 258, 587,
 588, 720—724
 Авраам Иларионович (Федорович),
стольник (120) 60—62, 66, 77,
 190, 191, 243, 277, 278, 548,
 549, 647, 648
 Авраам Никитич, *боярин* (65) 39,
 40, 46—52, 90, 183, 188, 196,
 197, 229, 239, 260, 537
 Авраам Степанович, *генерал,*
наместник (168) 193, 327,
 383, 563, 655, 656
 Авраам Федорович, *прокурор* (196)
 567, 568
 Авраам Федорович (300) 586
 Агафья Ивановна (139) 556
 Агафья Игнатъевна (171) 563
 Агафья Тихоновна 630
 Аглаида Дмитриевна (290) 585
 Аграфена Даниловна 556
 Аграфена Федоровна (215) 572
 Агриппина Александровна 631
 Адриан Адрианович (192) 241,
 567, 571, 637
 Адриан Адрианович (253) 578

Лобанов-Ростовский А.Я., *князь*
 (322) 190, 592, 636
 Лобанова-Ростовская С.П., *княгиня —*
см. Лопухина (322)
 Лобанов-Ростовский Я.И., *князь* 647
 Ломоносов М.В. 21, 265, 521
 Лонге Ж. 458
 Лопатин Г.А., *революционер* 459

Лопухины (род в целом) — по
 всей книге

Адриан Адрианович (347) 399, 597
 Адриан Иванович, *генерал* (145)
 65, 387, 557
 Адриан Николаевич (410) 127,
 128, 608
 Адриан Федорович (303) 587
 Адриан Федорович (385) 603
 Акулина Захаровна (88) 544
 Александр 631
 Александр Адрианович (193) 567
 Александр Алексеевич,
действительный статский
советник (397) 87—89, 99,
 103, 218, 410—414, 445, 604,
 669—672, 675, 676
 Александр Андреевич, *полковник*
 (235) 575
 Александр Васильевич, *полковник*
 (272) 582
 Александр Васильевич 631
 Александр Владимирович (389)
 603
 Александр Дмитриевич (517) 629
 Александр Иванович (150) 558
 Александр Иванович (217) 573
 Александр Иванович (274) 582, 583
 Александр Иванович (368) 137—
 140, 161, 162, 403, 404, 508,
 599, 600

Лопухины

Александр Никитич, *полковник*
 (278) 189, 583
 Александр Николаевич (327) 79,
 80, 405—407, 420, 593
 Александр Николаевич (376) 143,
 601, 684
 Александр Николаевич 631
 Александр Павлович, *богослов*
 (330) 89—92, 195, 220, 221,
 424—442, 594, 725—733
 Александр Петрович,
действительный тайный
советник (118) 60, 548
 Александра Алексеевна (457)
 154—156, 175, 620, 785
 Александра Андреевна (244) 576
 Александра Ильинична (247) 577
 Александра Михайловна (490) 626
 Александра Никитична (505) 627
 Александра Павловна (352) 597
 Александра Павловна (404) 84—
 86, 95, 96, 103, 104, 117—120,
 480, 481, 606, 786
 Александра Петровна (257) 579
 Александра Петровна, *светлейшая*
княжна (320) 377, 592
 Александра Сергеевна (450) 125,
 146—152, 618
 Александра Сергеевна (483) 505, 625
 Алексей Александрович, *друг*
Лермонтова (363) 79—81,
 190, 409—420, 445, 479, 598,
 669—676, 785, 804—808
 Алексей Александрович,
действительный статский
советник, директор
Департамента полиции,
губернатор (418) 87—89, 96,
 103, 190, 218, 220, 414, 443—
 465, 608—610, 734—737
 Алексей Андреевич, *стольник,*
воевода (179) 564

Алексей Андреевич (245) 246, 577
 Алексей Андреевич (509) 628
 Алексей Викторович, *чиновник*
 МИД (328) 593
 Алексей Григорьевич (16) 20, 531
 Алексей Иванович (149) 558
 Алексей Иванович (218) 573
 Алексей Киприанович, *стольник*
 (133) 556
 Алексей Сергеевич (428) 128—
 139, 153—161, 171—174,
 784—793, 785
 Алексей Сергеевич (481) 505, 625
 Алексей Сергеевич (498) 627
 Алексей Федорович (162) 561
 Алексей Федорович (222) 573
 Алферий Васильевич, *боярин*
новгородский (22) 21, 25, 28,
 29, 532, 533
 Анастасия (62) 536
 Анастасия Борисовна (473) 623
 Анастасия Григорьевна (346) 597
 Анастасия Ивановна (155) 559
 Анастасия Илларионовна
 (Федоровна) (121) 61, 549
 Анастасия Степановна (165) 562
 Анастасия Федоровна (161) 561
 Анастасия Федоровна (302) 193,
 587
 Андрей Андреевич Первой (137) 556
 Андрей Андреевич (238) 575
 Андрей Викторович (340) 596
 Андрей Георгиевич (442) 99, 617
 Андрей Иванович (153) 558
 Андрей Иванович, *тайный*
советник (189) 75, 135, 245,
 566, 657
 Андрей Иванович (284) 584
 Андрей Киприанович (135) 556
 Андрей Михайлович (491) 626
 Андрей Павлович (103) 546
 Андрей Петрович (199) 568

Лопухины

- Андрей Потапович (67) 537
 Андрей Рафаилович (475) 150, 173, 174, 624
 Анна (110) 547
 Анна (145) 557
 Анна Александровна (224) 573
 Анна Александровна (278) 189, 583
 Анна Александровна (365) 599
 Анна Александровна 632
 Анна Алексеевна (156) 559
 Анна Алексеевна (168) 563
 Анна Алексеевна (189) 566
 Анна Алексеевна (274) 583
 Анна Алексеевна (460) 159, 160, 176, 621, 785
 Анна Андреевна (237) 575
 Анна Андреевна (272) 582
 Анна Ардалионовна (267) 580
 Анна Васильевна (164) 562
 Анна Васильевна (307) 587
 Анна Викторовна (341) 596
 Анна Ивановна (150) 558
 Анна Ивановна (227) 574
 Анна Ивановна (286) 584
 Анна Ивановна — см. Жаннет Ивановна (319)
 Анна Иларионовна (116) 191, 548
 Анна Иосифовна 632
 Анна Михайловна (437) 184, 617, 703, 704
 Анна Николаевна (149) 558
 Анна Николаевна (195) 567
 Анна Николаевна (207) 571
 Анна Николаевна (313) 588
 Анна Осиповна (146) 557
 Анна Павловна (357) 598
 Анна Петровна (225) 573
 Анна Петровна, светлейшая княжна (316) 71—73, 184, 190, 203—206, 250, 350, 351, 356, 365, 369, 589
 Анна Петровна (344) 596
 Анна Сергеевна (427) 107, 113—116, 211, 613, 788
 Анна Сергеевна (472) 623
 Анна Степановна (167) 562
 Анна Федоровна (209) 567, 571
 Анна Федоровна (299) 586
 Анна Фоминишна (143) 557
 Ардалион Гаврилович (219) 190, 244, 573
 Арина (230) 574
 Афанасий Дмитриевич 633
 Афанасий Ефимович (50) 535
 Афросинья Васильевна (229) 574
 Бландида Никитична (480) 635
 Богдан Федорович (107) 546
 Борис Александрович (420) 99, 102, 127, 610
 Борис Алексеевич, действительный статский советник (401) 99, 605
 Борис Борисович (408) 169, 170, 607
 Борис Владимирович (448) 618
 Борис Николаевич (377) 143, 168, 601, 684
 Борис Никитич (280) 583
 Вадим Олегович, князь, первый вице-предводитель Российской Дворянского Соборания (437) 2, 6, 15, 97, 127, 163, 166—168, 171, 178, 184, 214, 22, 255, 379, 380, 518, 521—526, 529, 616, 617, 701—704
 Валентина Дмитриевна 630
 Валентина Максимовна (408) 607
 Валерия Борисовна (439) 617
 Валерия Валентиновна 631
 Варвара Александровна (363) 80, 190, 410—412, 599, 671, 672, 786
 Варвара Александровна, муза М.Ю. Лермонтова (364) 79, 80, 210, 218, 406, 417—423, 480, 599

Лопухины

- Варвара Алексеевна (445) 618
 Варвара Андреевна (240) 576
 Варвара Петровна 632
 Варвара Федоровна (213) 572
 Варвара Федоровна 632
 Варфоломей Григорьевич Лапоть (13) 20, 22, 531
 Василий Ильич (11)
 Василий Авраамович, боярин (89) 52—58, 230, 237, 277, 315, 544, 545, 550
 Василий Авраамович, генерал (160) 66—68, 190, 217, 237, 242, 244, 257, 327, 389—393, 560, 561, 652, 653
 Василий Авраамович Большой (256) 578
 Василий Авраамович Меньшой (257) 190, 578, 654, 655, 796
 Василий Алексеевич (223) 573
 Василий Варфоломеевич (21) 20, 21, 25, 532
 Василий Васильевич (109) 547
 Василий Гаврилович 631
 Василий Дмитриевич 632
 Василий Иванович (152) 558
 Василий Иванович (292) 585
 Василий Матвеевич (34) 553
 Василий Романович (4) 16, 530
 Василий Степанович (171) 563
 Василий Федорович (76) 51, 538
 Василий Федорович 632
 Василий Яковлевич (37) 533
 Василиса Никитична (106) 546
 Василиса Федоровна (308) 178, 588
 Вера Борисовна (159) 66, 77, 189, 243, 560
 Вера Борисовна (425) 612
 Вера Васильевна (273) 583
 Вера Васильевна 631
 Вера Ивановна (401) 605
 Вера Ивановна 630
 Вера Федоровна (386) 603
 Виктор Александрович, губернатор, действительный статский советник (422) 99, 414, 548, 610
 Виктор Алексеевич (283) 584
 Виктор Иванович (293) 142, 143, 178, 585
 Виктор Николаевич (373) 143, 144, 601, 684
 Вислава София (476) 624
 Владимир Адрианович (346) 597
 Владимир Борисович, дипломат, действительный статский советник (423) 100—103, 189, 220, 611, 738—752
 Владимир Владимирович (390) 603
 Владимир Иванович, генерал (154) 65, 68, 75, 240, 242, 255, 329, 382, 394—396, 558, 559, 652, 653, 656
 Владимир Николаевич (375) 143, 144, 168, 601, 684
 Владимир Яковлевич (40) 25, 35, 385, 534, 645, 646
 Владислав Михайлович (396) 604
 Влас Григорьевич (46) 534
 Гаврила Иванович (188) 565
 Гаврила Иванович (260) 579
 Гаврила Лазаревич (106) 546
 Гаврила Федорович, стольник (173) 564
 Гаврила Федорович (184) 393, 565, 651, 652
 Георгий Георгиевич (443) 99, 617
 Георгий Дмитриевич (447) 93, 94, 98, 193, 401, 618
 Георгий Дмитриевич 630
 Георгий Иванович, военный дипломат (415) 92, 97—99, 608

Лопухины

- Георгий Николаевич (411) 608
 Глафира Ивановна (366) 136—140, 599
 Глеб Григорьевич Ушак (12) 20, 531
 Глеб Михайлович, *боярин* (8) 19, 531
 Гордей Семенович (182) 565
 Григорий Алексеевич (263) 579
 Григорий Алферьевич Большой (27) 17, 30, 532
 Григорий Алферьевич Меньшой (30) 17, 30, 533
 Григорий Григорьевич (55) 535
 Григорий Ефимович (61) 536
 Григорий Иларионович (115) 548
 Григорий Ильич Слепой (10) 20—22, 531
 Григорий Николаевич (516) 628
 Григорий Тимофеевич (42) 34, 534
 Григорий Яковлевич (38) 533
- Дабиана (Татьяна) Федоровна (323) 592
 Давид Андреевич (521) 629
 Давид Федорович (75) 538
 Данила, *подъячий* 633
 Даниэль Георгиевич (467) 99, 622
 Дарья Денисовна 631
 Дарья Евдокимовна (191) 567
 Дарья Ивановна (252) 578
 Дарья Петровна (89) 545
 Дарья Федоровна (304) 587
 Демин Кудашев сын 633
 Денис Васильевич (23) 21—25, 532
 Диана — см. *Надежда* (511)
 Дмитрий Авиисович 633
 Дмитрий Александрович (362) 598
 Дмитрий Александрович, *генерал* (419) 92—94, 192, 401, 414, 610, 677, 678
 Дмитрий Андреевич (236) 575
 Дмитрий Андреевич (508) 628
- Дмитрий Ардалионович, *губернатор, действительный статский советник* (266) 244, 245, 579, 580
 Дмитрий Васильевич (309) 588
 Дмитрий Иванович, *дворцовый комиссар* (176) 564
 Дмитрий Иванович (290) 135, 178, 585
 Дмитрий Михайлович 630
 Дмитрий Никитич, *стрелецкий голова* (63) 35, 385, 536
 Дмитрий Николаевич, *генерал, действительный статский советник* (205) 246, 570
 Дмитрий Николаевич (295) 586
 Дмитрий Николаевич (485) 625
 Дмитрий Харитонович (95) 546
 Домна (72) 538
 Дружина Ефимович (62) 536
- Евгений Борисович, *профессор* (424) 99, 100, 611
 Евгений Павлович (353) 597
 Евгения Борисовна (409) 608
 Евгения Викторовна (339) 596
 Евгения Георгиевна 633
 Евгения Ивановна (287) 584
 Евгения Сергеевна (435) 104, 117, 615, 682, 683
 Евдокия Авраамовна (86) 40, 241, 542
 Евдокия Адриановна (394) 603
 Евдокия Андреевна (241) 576
 Евдокия Вадимовна, *княжна* (466) 168, 178, 185, 214, 466, 523, 622
 Евдокия Владимировна (283) 584
 Евдокия Егоровна (145) 557
 Евдокия Ивановна (154) 559
 Евдокия Матвеевна (118) 548
 Евдокия Николаевна (206) 193, 203, 204, 246, 570, 571

Лопухины

- Евдокия Николаевна (515) 628
 ЕВДОКИЯ ФЕДОРОВНА (Иларионовна), *Царица* (122) 5, 44, 45, 49—52, 59—64, 90, 128, 183, 189, 198—202, 216, 217, 228—236, 243, 263—297, 317, 329, 339, 362, 385, 387, 413, 541, 543, 549—553, 647—650
 Евстолия Ивановна (188) 566
 Екатерина (471) 623
 Екатерина Адриановна (254) 578
 Екатерина Александровна (324) 592
 Екатерина Александровна (326) 593
 Екатерина Васильевна (306) 587
 Екатерина Дмитриевна (418) 103, 192, 465, 610
 Екатерина Ивановна (249) 577
 Екатерина Ивановна (288) 285
 Екатерина Ивановна (371) 600
 Екатерина Исаевна (131) 556
 Екатерина Камаевна 556
 Екатерина Михайловна (477) 624
 Екатерина Николаевна (270) 206, 248, 358, 582
 Екатерина Николаевна (310) 209, 242, 588
 Екатерина Павловна (160) 560
 Екатерина Петровна (202) 568
 Екатерина Петровна (293) 142, 585
 Екатерина Петровна, *светлейшая княжна* (317) 184, 206, 377, 589, 591
 Екатерина Петровна (327) 79, 405, 593
 Екатерина Петровна 632
 Екатерина Сергеевна (432) 614
 Екатерина Сергеевна (503) 627
 Екатерина Степановна (170) 563
 Екатерина Федоровна (298) 586
 Екатерина Федоровна (314) 589
- Елена (486) 625
 Елена Александровна (197) 568
 Елена Алексеевна (459) 159, 160, 175, 491, 497, 620, 785
 Елена Васильевна (157) 559
 Елена Владимировна (407) 168, 169, 607
 Елена Ивановна (275) 583
 Елена Никифоровна (81) 540
 Елена Павловна (355) 597
 Елена Сергеевна (482) 505, 625
 Елизавета Александровна (325) 592
 Елизавета Александровна (361) 79, 192, 418, 598
 Елизавета Болеславовна (385) 603
 Елизавета Викторовна (335) 595
 Елизавета Дмитриевна (397) 604
 Елизавета Ивановна (285) 584
 Елизавета Ивановна (370) 139, 600
 Елизавета Михайловна (419) 193, 610
 Елизавета Михайловна (478) 624
 Елизавета Михайловна 632
 Елизавета Никитична (462) 177, 622
 Елизавета Николаевна (451) 147, 170, 190, 618
 Елизавета Петровна (189) 566
 Елизавета Петровна, *светлейшая княгиня* (321) 592
 Елизавета Петровна (464) 481, 491, 622
 Елизавета Федоровна (210) 571
 Елизавета Федоровна (315) 589
 Еликонида (Леонида) Николаевна (381) 602
 Еспл Варфоломеевич Лапоть (20) 20, 531
 Ефим Григорьевич Пятой (48) 535
 Ефим Матвеевич (31) 533
- Жаннет (Анна) Ивановна, *св. княгиня* (319) 207, 209, 255, 378, 591, 592

Лопухины

- Зинаида Николаевна 632
 Зинаида Николаевна (487) 625, 684
 Зинаида Феофановна (331) 595, 684
- Иван Алексеевич (224) 573
 Иван Алферьевич Трубица (26) 30, 36, 532
 Иван Андреевич (246) 135, 142, 178, 245, 322, 577
 Иван Васильевич, воевода (112) 51, 547
 Иван Викторович (333) 595
 Иван Владимирович, сенатор, действительный тайный советник, философ (204) 68—70, 78, 195, 209, 212, 223—227, 240, 255—257, 328—348, 372, 569, 570, 665—668, 707—719
 Иван Гаврилович (141) 556
 Иван Григорьевич Большой (17) 20, 531
 Иван Григорьевич Меньшой (19) 20, 531
 Иван Григорьевич (53) 535
 Иван Дмитриевич (82) 51, 540
 Иван Дмитриевич, смотритель народных училищ (329) 135—137, 161, 508, 593
 Иван Ефимович (49) 535
 Иван Иванович (41) 534
 Иван Иванович (143) 387, 557
 Иван Иванович (178) 564
 Иван Иванович (191) 567
 Иван Киприанович Большой, стольник (132) 556
 Иван Киприанович Меньшой (134) 556
 Иван Мартемьянович (172) 564
 Иван Матвеевич (33) 533
 Иван Никифорович, стольник (130) 556
- Иван Николаевич, композитор (296) 214, 586
 Иван Николаевич (382) 97—99, 602
 Иван Павлович (356) 398, 597, 598
 Иван Петрович (117) 59, 387, 394, 548
 Иван Петрович, лейб-медик (200) 568
 Иван Сергеевич (518) 629
 Иван Степанович (163) 318—327, 561, 562, 650
 Иван Тимофеевич (43) 534
 Иван Федорович, стряпчий (183) 565
 Иван Федорович (268) 580
 Иван Харитонович Большой (93) 51, 545
 Иван Харитонович Меньшой (96) 546
 Иван Юрьевич (6) 530
 Иван Яковлевич (39) 534
 Игнатий Алферьевич (29) 30, 533
 Игорь Сергеевич (497) 627
 Идея Евгеньевна (377) 601
 Иларион Авраамович (Федор), ближний боярин (87) 51—58, 188, 229—233, 237, 242, 243, 263—268, 275
 Иларион Дмитриевич, думный дворянин (81) 35—44, 238, 382, 539, 546
 Иларион Никитич, жалец (64) 537
 Иларион Семенович (180) 565
 Илья Глебович (9) 20, 531
 Илья Григорьевич (15) 20, 531
 Илья Иванович (190) 566
 Илья Иванович (261) 579
 Илья Матвеевич (32) 533
 Иоаникий, монах 565
 Ирина Ивановна (149) 558
 Ирина Петровна (126) 189, 317, 555

Лопухины

- Киприан Яковлевич (97) 546
 Клод — см. Севастьян (496)
 Копть Матвеевич (35) 533
 Кристина (476) 624
 Кристина (491) 626
 Кропотка Григорьевич (14) 20, 531
 Ксения Авраамовна (91) 545
 Ксения Иларионовна (Федоровна) (123) 192, 553
 Кузьма Авраамович, боярин (88) 40—43, 52—58, 230, 237, 544
- Лазарь Федорович (71) 538
 Лев Григорьевич (18) 20, 531
 Леонтий Иларионович, судья Земского приказа (114) 41, 44, 191, 382, 547
 Лидия (336) 595
 Лидия Алексеевна (400) 605
 Лидия Борисовна (475) 624
 Лидия Олеговна (436) 116, 178, 521, 615
 Лидия Сергеевна (501) 627
 Лукиан (Лука) Васильевич (110) 51, 547
 Лукия Сергеевна (520) 629
 Любовь Георгиевна 631
 Людмила Андреевна (456) 496—500, 506, 507, 620, 695
- Мавра Сергеевна (127) 555
 Маргарита Ивановна (414) 98, 608
 Маргарита Николаевна (384) 603
 Мариамна Адриановна, художник (392) 213, 603
 Марианна Георгиевна (474) 624
 Марина Владимировна (449) 189, 618
 Марина Николаевна (455) 122, 170, 619, 778, 782, 784
 Марина Сергеевна (468) 146, 147, 622
 Мария (71) 538
- Мария Авраамовна (258) 192, 193, 579
 Мария Адриановна (417) 608
 Мария Александровна (198) 568
 Мария Александровна (262) 579
 Мария Александровна (266) 245, 580
 Мария Александровна, друг М.Ю. Лермонтова (360) 79, 406, 414—422, 590, 632, 672—675
 Мария Алексеевна (398) 604
 Мария Алексеевна (446) 618
 Мария Андреевна (243) 546
 Мария Вадимовна, княжна (465) 168, 178, 185, 522, 622
 Мария Викторовна (334) 595
 Мария Владимировна (283) 584
 Мария Григорьевна (415) 99, 408
 Мария Дмитриевна (246) 577
 Мария Дмитриевна 630
 Мария Дружинина (80) 539
 Мария Евстафиевна (297) 586, 587
 Мария Ивановна (190) 566
 Мария Ивановна (216) 70, 71, 193, 195, 204, 205, 573
 Мария Ивановна (223) 573
 Мария Ивановна (233) 575
 Мария Константиновна (430) 614
 Мария Михайловна (493) 626
 Мария Николаевна (345) 596
 Мария Николаевна (379) 602
 Мария Николаевна 632
 Мария Петровна (201) 568
 Мария Сергеевна, художник (431) 170, 192, 212, 614
 Мария Сергеевна (499) 627
 Мария Сергеевна (519) 629
 Мария Федоровна (90) 545
 Мария Федоровна (185) 188, 189, 565
 Марк Федорович (77) 538, 547
 Марсель (470) 623

Лопухины

- Мартемьян Иванович (144) 557
 Мартемьян Харлампиевич, *воевода* (128) 555
 Марфа Михайловна 534
 Матвей Васильевич (24) 21, 25, 30, 532
 Матвей Иванович (59) 387, 536
 Матрена Ефимовна (204) 570
 Матфей Андреевич (507) 628
 Михаил Александрович 632
 Михаил Алексеевич (462) 159, 160, 177, 621, 622, 785
 Михаил Андреевич (234) 575
 Михаил Андреевич (510) 628
 Михаил Васильевич (111) 230, 547
 Михаил Викторович (332) 595
 Михаил Дмитриевич 630
 Михаил Иванович (58) 536
 Михаил Иванович (187) 566
 Михаил Иванович (250) 578
 Михаил Иванович (369) 136—141, 162, 508, 509, 600
 Михаил Михайлович (476) 624
 Михаил Николаевич (453) 112, 122, 127, 128, 147, 151, 152, 170, 190, 619
 Михаил Павлович (350) 597
 Михаил Сергеевич (433) 92, 96, 97, 400, 466—478, 481, 615
 Михаил Сергеевич (470) 151, 623
 Михаил Тимофеевич (44) 534
 Михаил Юрьевич Сорокоум, *боярин* (7) 16, 18—20, 30, 181, 530, 644
 Михаил Яковлевич (98) 546
 Моисей Никитич (105) 546
 Моисей Семенович (282) 584
- Надежда Даниловна (437) 617
 Надежда (Диана) Михайловна (511) 628
 Надежда Никитична 631
- Надежда Николаевна старшая (311) 588
 Надежда Николаевна младшая (312) 588
 Надежда Федоровна (219) 190, 573
 Наталия (502) 627
 Наталия Афанасьевна (117) 548
 Наталия Владимировна, *художник* (406) 168, 169, 214, 607, 699, 700
 Наталия Владимировна (437) 617
 Наталия Ивановна (343) 596
 Наталия Матвеевна (423) 611
 Наталия Михайловна (512) 628
 Наталия Никитична (277) 583
 Наталия Осиповна (114) 44, 548
 Наталия Сергеевна (500) 627
 Наталия Федоровна (126) 555
 Наталия Федоровна (211) 237, 572
 Наталья — см. Наталия
 Наум Васильевич (108) 546
 Нехороший Васильевич 633
 Никита Васильевич, *стрелецкий голова, воевода* (52) 34, 35, 46, 229, 264, 385, 535
 Никита Васильевич (125) 553
 Никита Гаврилович, *адмирал* (228) 393, 394, 445, 574, 651, 652
 Никита Иванович (416) 98, 608
 Никита Рафаилович (474) 150, 173, 174, 222, 624
 Никита Федорович (72) 538
 Никифор Григорьевич (47) 534
 Никифор Харитонович, *стрелецкий полковник* (94) 546, 556
 Николай Адрианович, *действительный статский советник* (194) 567
 Николай Адрианович (348) 597
 Николай Александрович (156) 203, 387, 559

Лопухины

- Николай Александрович (358) 598
 Николай Алексеевич (458) 156, 159, 160, 175, 620, 785
 Николай Андреевич (242) 397, 576
 Николай Ардалионович, *действительный статский советник* (264) 209, 578, 579, 637
 Николай Борисович (440) 170, 178, 617
 Николай Викторович, *земский судья* (331) 143, 144, 168, 594, 595, 684
 Николай Владимирович (387) 603
 Николай Дмитриевич 630
 Николай Иванович (248) 577
 Николай Иванович (289) 585
 Николай Иванович (342) 596
 Николай Михайлович (480) 625
 Николай Никитич (276) 445, 583
 Николай Николаевич (294) 586
 Николай Николаевич (378) 601
 Николай Николаевич, *дипломат* (379) 97, 125—128, 601, 602
 Николай Николаевич (412) 608
 Николай Павлович (354) 597
 Николай Петрович (343) 596
 Николай Сергеевич (426) 92, 102—125, 128, 147—149, 170, 481, 612, 679, 683
 Николай Степанович (146) 191, 557
 Николай Федорович (301) 587
 Нина Ивановна (372) 600
 Нина Исидоровна (422) 611
- Олег Михайлович, *капитан дальнего плавания* (405) 139, 162—166, 220, 403, 508—523, 606, 693, 694, 768—777
 Ольга Адриановна, *художник* (393) 604
- Ольга Алексеевна (402) 605
 Ольга Андреевна (232) 574
 Ольга Борисовна (441) 617
 Ольга Викторовна (337) 595
 Ольга Владимировна (388) 603
 Ольга Ивановна (347) 597
 Ольга Михайловна (348) 597
 Ольга Михайловна (488) 626
 Ольга Николаевна (380) 602
 Ольга Николаевна (424) 612
- Павел Ависсович (70) 36
 Павел Александрович (323) 397, 592
 Павел Андреевич, *полковник* (239) 576, 657
 Павел Иванович (291) 89, 90, 424, 585
 Павел Петрович, *светлейший князь, генерал* (319) 71—75, 78, 86, 184, 206—209, 223, 253—256, 356, 360—363, 375—378, 396, 589—591, 661—664
 Палка Ильич (51) 535
 Петр Авраамович Большой, *Лапка, боярин* (83) 44—45, 52—59, 189, 230, 235—238, 242, 276, 339, 540, 541
 Петр Авраамович Меньшой, *боярин* (84) 44, 45, 52—58, 230, 231, 235, 541, 542
 Петр Адрианович, *генерал* (255) 578
 Петр Александрович (157) 559
 Петр Александрович (359) 598
 Петр Андреевич, *генерал* (233) 360, 396, 574, 575
 Петр Васильевич, *светлейший князь, действительный тайный советник I класса, председатель Государственного*

Лопухины

- Совета и комитета министров (270) 5, 6, 71—75, 167, 184, 190, 203—206, 217, 223, 243, 247—255, 580—582, 658—661, 702
- Петр Васильевич 631
- Петр Викторович (336) 398, 399, 595
- Петр Владимирович, *бригадир* — (203) 68, 568, 656
- Петр Гаврилович (229) 574
- Петр Иванович (151) 558
- Петр Иванович, *коллежский советник* (259) 242, 579
- Петр Иванович 632
- Петр Никифорович, *стольник* (131) 556
- Петр Сергеевич, *общественный деятель* (430) 133, 134, 156—158, 192, 221, 467, 479—491, 613, 614, 687—692, 753—761
- Петр Сергеевич (502) 627
- Петр Федорович (269) 580
- Петр Федорович (297) 586
- Потап Григорьевич (54) 535
- Прасковья Дмитриевна (221) 573
- Прасковья Дружинина (79) 539
- Прасковья Ивановна (179) 564
- Прасковья Ивановна (270) 202—205, 358, 582, 632
- Прасковья Исаевна (93) 545
- Прасковья Николаевна (208) 212, 242, 257, 571
- Прасковья Петровна, *светлейшая княжна* (318) 377, 590
- Прасковья Степановна (169) 191, 563
- Прасковья Федоровна (214) 572
- Прасковья Федоровна (305) 587
- Прасковья Федоровна 632
- Прокофий Михайлович (74) 538
- Прокофий Михайлович (231) 574
- Рафаил Михайлович (494) 626
- Рафаил Никитич (506) 628
- Рафаил Николаевич (452) 150, 172—174, 619
- Рафаил Николаевич (515) 147, 193, 628
- Рафаил Сергеевич (429) 92, 96, 400, 481, 613
- Редедя, *князь Касожский* (1) 10—18, 73, 134, 181, 188, 379, 529, 643, 644, 689,
- Родион Григорьевич (78) 539
- Роман Редедич, *князь* (2) 12, 16, 529, 530
- Светлана Николаевна (383) 603
- Святослав Михайлович (395) 604
- Севастьян (Клод) Сергеевич (496) 626
- Семен Андреевич (138) 556
- Семен Гаврилович, *стольник* (139) 556
- Семен Никитич 633
- Семен Степанович (230) 574
- Серафима Николаевна (245) 577
- Сергей Авраамович, *боярин* (90) 53—58, 230, 277, 545, 550
- Сергей Алексеевич, *тайный советник, сенатор* (404) 83—86, 95, 96, 99, 210, 466, 480, 606
- Сергей Алексеевич, *общественный деятель, поэт* (456) 154—161, 174, 175, 492—507, 619, 695—698, 703—707, 785—793
- Сергей Николаевич, *мемуарист* (450) 116—118, 125, 146—153, 170, 171, 220, 618, 778—784
- Сергей Николаевич (486) 625
- Сергей Петрович, *морской офицер* (281) 583, 584
- Сергей Рафаилович (473) 150, 151, 173, 174, 623

Лопухины

- Сергей Сергеевич (471) 170, 623
- Сергей Сергеевич (495) 626
- Сергей Степанович, *гардемарин* (166) 562
- Сила Павлович (100) 546
- София Адриановна (251) 567, 578, 579
- София Алексеевна (399) 80—83, 88, 192, 212, 418, 605
- София Викторовна (338) 596
- София Леонтьевна (148) 189, 558
- София Михайловна (426) 103, 104, 111, 124, 147, 171, 612
- София Михайловна (452) 150, 172, 174, 192, 619
- София Михайловна (479) 625
- София Михайловна (492) 626
- София Никитична (504) 627
- София Николаевна (374) 143, 144, 168, 178, 601, 684
- София Павловна (351) 597
- София Петровна, *светлейшая княжна* (322) 190, 377, 592
- София Сергеевна (484) 505, 625
- Степан Авраамович (216) 70, 71, 193, 204, 572
- Степан Васильевич (113) 547
- Степан Васильевич, *адмирал* (126) 64, 65, 70, 189, 314—327, 387, 553, 554, 650
- Степан Васильевич (271) 582
- Степан Иванович, *стольник, ландрат* (174) 61, 64, 564
- Степан Иванович (186) 565
- Степан Иванович, *стольник* (226) 574
- Степан Моисеевич 633
- Степан Степанович (164) 555, 562
- Степанида Иовна (172) 564
- Степанида Федоровна 633
- Сусанна Казимировна (329) 136—140, 508, 593
- Тамара Яковлевна (405) 164—166, 517, 606
- Татьяна Алексеевна (120) 191, 549
- Татьяна Алексеевна (284) 584
- Татьяна Алексеевна (461) 129—133, 153—161, 176, 177, 220, 222, 494—497, 621, 785—793
- Татьяна Борисовна (438) 617
- Татьяна Владимировна (430) 133, 192, 481, 614,
- Татьяна Георгиевна (444) 99, 617
- Татьяна Ивановна (367) 139, 599
- Татьяна Ивановна, *мемуарист* (413) 97—99, 608
- Татьяна Михайловна (489) 626
- Татьяна Мстиславовна, *княжна* (2) 10
- Татьяна Николаевна (382) 602
- Татьяна Николаевна (454) 122, 147—149, 619, 778
- Татьяна Петровна (119) 60, 548
- Татьяна Петровна (463) 192, 481, 491, 622
- Татьяна Сергеевна (434) 104, 117, 615, 682, 683
- Татьяна Сергеевна (469) 151, 623
- Тереза (485) 625
- Терентий Тимофеевич (45) 534
- Тимофей Алферьевич (28) 30, 34, 532
- Тимофей Киприанович, *стольник* (136) 556
- Ульяна (84) 542
- Устинья Богдановна (87) 90, 544
- Фаддей Иванович (66) 537
- Федор-Авраам Авраамович, *тайный советник* (159) 66, 77, 190, 262, 291, 560
- Федор Адрианович, *бригадир, действительный статский советник* (252) 241, 578

Лопухины

- Федор Адрианович (345) 596
 Федор Алексеевич (225) 244, 573
 Федор Ардалионович (265) 570
 Федор Власьевич (60) 536
 Федор Гаврилович (140) 556
 Федор Григорьевич (57) 536
 Федор Иванович (177) 564
 Федор Кузьмич, *стольник* (124) 230, 553
 Федор Леонтьевич, *стольник* (147) 189, 558
 Федор Матвеевич (36) 533
 Федор Никитич (279) 583
 Федор Павлович (102) 546
 Федор Федорович (73) 538
 Федор Харлампиевич, *стольник, воевода* (129) 555
 Федор Яковлевич (220) 573
 Федосья Александровна (158) 560
 Федосья Ильинишна (184) 565
 Федосья Саввишна (176) 564
 Федосья Федоровна (120) 190, 389, 549
 Федосья Федоровна (212) 572
 Федот Семенович (181) 565
 Фекла Теофиловна (Богдановна) (428) 493—497, 613, 786—793
- Фекла Федоровна (147) 558
 Феоктиста Васильевна (369) 139, 508, 600
 Филипп Яковлевич (99) 546
- Харитон Потапович (68) 538
 Харлампий Андреевич, *стряпчий* (92) 545
- Эмилия Алексеевна (403) 605
 Эмилия Эдуардовна (350) 597
- Юлиания Николаевна (513) 628
 Юлия Адриановна (349) 597
 Юлия Адриановна (391) 603
 Юрий, *князь* (3) 530
 Юрий Александрович (421) 99, 102, 414, 610
 Юрий Васильевич (5) 16, 530
 Юрий Лазаревич (103) 546
- Яков Алферьевич (25) 25, 30, 35, 532
 Яков Иванович (175) 564
 Яков Потапович (69) 538
 NN Авраамовна (85) 542

- Лопухин-Демидов Н.А., *светлейший князь* 167, 184
 Лопухин-Демидов Н.П., *светлейший князь* 86, 87, 184, 207, 363, 364, 379, 589, 664, 702
 Лопухина-Демидова О.В., *светлейшая княгиня* 364
 Лотарева Д.Д., *историк* 529
 Лотман Ю.М., *ученый-культуролог* 69, 72, 368
 Лубянский Ф.П., *губернатор* 338, 339
 Лукомский В.К., *геральдист* 180
 Лукьянов П., *стрелец* 62
 Лупандины 16
 Лурье Л., *краевед* 365
 Людден И., *художник* 201, 202
 Людендорф Э., *генерал* 402
 Львов Г.Е., *князь* 5, 86, 104—113, 480, 612, 679, 681
 Львов К.Н. 614
 Львов Н.А., *архитектор* 248, 249, 582
 Львова М.К. —
см. Лопухина (430)
 Львова С.В. 614
 Людовик XIII, *Король Франции* 5
 Лялин 320
- Мазепа, *гетман* 239
 Макаров С.О., *адмирал* 67
 Малинов А.А. 540
 Малиновский А.Ф., *историк* 40, 317, 241, 542
 Мамонтов С.И. 734—737
 Мария Алексеевна, *Царевна* 309, 549
 Мария-Анна Габсбург, *эригерцогиня* 491
 Мария Владимировна, *Глава Российского Императорского Дома, Великая Княгиня* 87, 167, 168, 175, 184—186, 214, 379, 501, 616, 617, 702—704
- Мария Ильинична, *Царица* 40, 45, 46, 50
 Мария Стюарт 5
 Мария Темрюковна, *Царица* 15
 Мария-Терезия Габсбург, *Императрица* 188
 Мария Федоровна, *Императрица* 264, 366
 Маркин, *матрос* 100, 750—752
 Марковская А.Г. —
см. Лопухина (346)
 Мартенс Э., *художник* 210
 Марфа, *старуца* 263, 280
 Марфа Иоанновна, *Царевна* 305
 Маслов, *капитан* 287
 Маслов Н.Н. 749
 Масловский Д.Ф., *историк* 385
 Матвеев А.М., *живописец* 198
 Матвеев А.С., *боярин* 49, 51, 52
 Матвеев В.Н. (434) 615, 637
 Матюшкин М.А. 647
 Матюшкина 582
 Матюшкина П.К. 583
 Мачуговский (381) 602
 Медичи К. 38
 Мейендорф А.Б., *баронесса* 131, 132, 789
 Мейендорф Е.П., *баронесса* 153, 613, 789
 Мейендорф М.Ф., *баронесса* 158, 159
 Мейендорф Т(Б).Е., *барон* 613
 Мейендорф Ф.Т(Б)., *баронесса* —
см. Лопухина (428)
 Мейендорфы, *бароны* 786—793
 Мейерберг А., *барон, посол* 48, 196, 197, 239
 Медем Ф. 118, 151
 Мелентий, *архиепископ* 779
 Мельгунов С.П., *историк* 328
 Меншиков А.Д., *светлейший князь* 281, 287, 302, 303, 307, 311, 312
 Мережковский Д.С., *писатель* 217, 300, 312

- Мерецков К.А., *маршал СССР* 514, 515, 774
 Меттерних К., *князь, канцлер* 126, 127
 Меттерних П., *князь* 126, 127
 Меттерних Т.И., *княгиня* 126, 127
 Мецкерский, *князь* 633
 Мецкерский С., *князь* 331
 Милорадович Г.Л. 603
 Милорадович Е.Б. —
см. Лопухина (385)
 Милославская К.М. 563
 Милославские 41
 Милославские А.И., А.М., С.И. 648
 Милославский И.Д. 197
 Милославский И.М., *боярин* 57
 Миллюков П.Н., *профессор, лидер кадетов* 446, 447, 455
 Минин К.М. 692
 Мирбах В., *граф, посол* 89, 464
 Михаил Клопский, *юродивый* 30, 31
 Михаил Павлович, *Великий Князь* 501
 Михаил Черниговский, *князь* 190
 Михаил Федорович, *Царь* 39, 41, 46, 230, 263, 295—299, 539
 Михайловский П.П., *адмирал* 515, 775
 Мишуков, *адмирал* 652
 Моисеев И., *стрелец* 39
 Мокрицкий А.Н., *искусствовед* 207
 Молотов В.М., *дипломат* 101, 145, 494
 Монс Анна 270, 273—275, 318, 550, 555
 Монс М. 555
 Мордовин А.Я. 595
 Мордовин П.А. **(335)** 595, 637
 Мордовина Е.В. —
см. Лопухина (335)
 Морозов Г., *боярин* 33
 Мосолов А.А., *генерал* 449, 452
 Мстислав Владимирович, *князь* 10—16, 188, 529, 643, 644, 689
 Мстиславские, *князья* 41
 Муравьев А.Н., *декабрист* 74, 661
 Муравьев Н.М., *декабрист* 74, 661
 Муратова С.Н. —
см. Лопухина (245)
 Мусин (Пушкин) 303, 311, 648
 Мятлев Н.В. **(393)** 604
 Мятлева О.А. —
см. Лопухина (393)
 Наталия Алексеевна, *Царевна* 276, 279, 305
 Наталия Иоанновна, *Царевна* 305
 Наталия Кирилловна, *Царица* 45, 49, 50, 54, 229, 239, 265, 270, 315, 385, 537, 543, 549, 550
 Наполеон I, *Император* 192, 254, 405
 Нарышкин В.Ф., *боярин* 55,
 Нарышкин Д.П., *камергер* 61, 62
 Нарышкин Л.К., *боярин* 55, 56, 277, 541
 Нарышкина А.П. 560
 Нафанаил, *епископ* 133, 155, 483, 495
 Нащокин Ф.А. **(158)** 561
 Нащокина Ф.А. —
см. Лопухина (158)
 Нежданова А.В., *певица* 114
 Нейбауэр 285
 Некрасов А.Н., *поэт* 264
 Нелединская-Мелецкая А.Ю. 559
 Нелединский-Мелецкий Ю.А.,
сенатор 342, 666, 667
 Нератов А.А., *дипломат* 101, 102, 740, 734, 751
 Нестор Великий, *летописец* 9
 Нечволодов А.Н., *генерал, историк* 11
 Нижанская Д.Ф. —
см. Лопухина (323)
 Никитин В.П. **(464)** 491, 622, 637
 Никитин И.Н., *живописец* 198
 Никитин П.Р., *архитектор* 245

- Никитина Е.П. —
см. Лопухина (464)
 Никитина М.Е. —
см. Лопухина (204)
 Николаев Н.И. **(312)** 588, 637
 Николай I Павлович, *Император* 71, 74, 182, 190, 205, 208, 217, 362, 374, 376, 412
 Николай II Александрович,
Император 96, 105—107, 110, 111, 137, 312, 369, 402, 449, 453, 464—477, 502, 736, 764
 Николай, *епископ* 425
 Николай Алеутский, *епископ* 426
 Николай Николаевич, *Великий Князь* 453
 Николай Японский, *Святой Равноапостольный* 425
 Никон, *монах, летописец* 12, 643
 Никон, *Патриарх* 43, 54, 271, 539, 543, 544
 Николов Г. 624
 Нобиле У. 521
 Новиков Н.И. 70, 256, 332, 334, 335
 Ногаев А.Н., *адмирал* 314
 Носик Б.М., *писатель* 337, 338
 Нуланс, *посол* 477
 Оболенская А.Ю., *княгиня* 599
 Оболенская В.А., *княжна* —
см. Лопухина (363)
 Оболенская Е.Н., *княгиня* —
см. Лопухина (451)
 Оболенская М.В., *княжна (453)* 127, 128, 170, 190
 Оболенская М.П., *княгиня* 619
 Оболенский А., *князь* 783
 Оболенский А.П., *князь* 599
 Оболенский А.С., *князь* 123
 Оболенский В.В., *князь* 619
 Оболенский Д.Д., *князь (451)* 170, 190, 618, 637
 Озеров А.С. **(402)** 605, 637
 Озерова О.А. —
см. Лопухина (402)
 Олег, *русский князь* 21
 Оленина А. 377
 Олив Е.С. 686
 Ольдерогге Г.Б. 630
 Ондрей (*он же Касай*), *Царевич* 17, 18, 529, 530, 644
 Оничков Л., *стрелецкий полковник* 47
 Орлов Г.Г., *князь* 655
 Орлов Ю., *историк* 356, 372
 Орлова Н.А. 685
 Орлова Н.И. —
см. Лопухина (343)
 Орлова О.И. —
см. Лопухина (347)
 Орловы 697, 767
 Орлов-Чесменский А.Г., *граф (206)* 193, 203, 246, 571, 637
 Орлова-Денисова, *графиня* 605
 Орлова-Чесменская А.А., *графиня* 193, 203, 204
 Орлова-Чесменская Е.Н., *графиня* —
см. Лопухина (206)
 Осоргин М.С. **(460)** 176, 621, 637
 Осоргин Г.М. 124
 Осоргин М.М., *писатель* 124, 337, 612
 Осоргина А.А. —
см. Лопухина (460)
 Осоргина Е.Н. 612
 Осоргина С.М. —
см. Лопухина (426)
 Осоргина-Бакунина Т.М.,
писательница 337, 338
 Остапенко М.Н. 601
 Остен **(394)** 604, 637
 Остерман, *барон* 290
 Островский А.Н., *драматург* 246
 Павел I Петрович, *Император* 68, 70—72, 167, 184, 185, 190, 203—206, 217, 223, 247—251,

- 312, 328, 331, 332, 337, 340—342, 346, 360—370, 380, 702, 707—715
- Павлов И.П., *академик* 250
- Павлова Д.А. **(252)** 241
- Павлова Д.И. —
см. Лопухина (252)
- де ла Паз, *маркиз* 290
- Пален П.А., *граф* 358
- Панин В.А. 562
- Панин Н.И., *граф* 332
- Панин П.И., *граф* 333
- Панина А.В. —
см. Лопухина (164)
- Панина Н.А. 562
- Патрикеев И., *боярин* 33
- Пахоменко М., *певица* 520
- Пашков, *член Военной коллегии* 288
- Пашенко, *дипломат* 101
- Пепеляев В.Н. 118, 119
- Переносов 542
- Перфильева Л.А., *историк архитектуры* 228
- Пестель П.И. 591
- Пестриков В.М. 574
- Пестрикова —
см. Лопухина (229)
- Петен, *маршал Франции* 150
- Петерсен А.К. **(381)** 602, 637
- Петерсен Е.Н. —
см. Лопухина (381)
- ПЕТР I Алексеевич, *Царь и Император (122)* 5, 44, 45, 50, 51, 53—64, 77, 90, 183, 188, 189, 197—217, 228—236, 239, 243, 263, 288, 291, 294—318, 324, 327, 329, 352, 362, 369, 380, 386, 395, 413, 541—545, 549—551, 647—650
- Петр II Алексеевич, *Император* 65, 77, 188, 189, 202, 286—291, 312, 313, 317, 320, 380, 386, 395, 552, 553, 549
- Петр III Федорович, *Император* 61, 66, 312, 326, 327, 369, 555, 709
- Петр Петрович, *Царевич* 299, 306, 310
- Петр I Югославский 482
- Петр II Югославский 501, 502, 765, 766
- Петровский А.В., *магистр* 438
- Петряев, *дипломат* 101, 102, 741, 749, 751
- Пешкова Е.П. 132, 494, 613, 789
- Пиксанов Н.К., *профессор* 348
- Пилар М., *графиня* 132, 791
- Пилецкая Е.И. —
см. Лопухина (370)
- Пилецкий В.И. **(370)** 600, 637
- Пилецкий К.В., *капитан I ранга* 600
- Писарева Е.П. 104, 106, 115, 118—122, 783
- Платонов С.Ф., *историк* 216, 268
- Плеве В.К., *министр* 88, 441—448
- Племянников Д.Ф. **(91)** 545, 637
- Племянникова К.А. —
см. Лопухина (91)
- Племянниковы Е.Д., М.Д. 545
- Плещев С.И. 340, 707, 712—716
- Плещеева Н.И., *муза Карамзина* 72
- Погодин М.П., *историк* 49, 246
- Подшивалова Л.А. —
см. Лопухина (456)
- Пожогина-Отрошкевич А.П. —
см. Лопухина (225)
- Покровский М.Н., *советский историк* 89, 464
- Покровский Н.Н. 740
- Поленов В.Д., *художник* 250
- Поливанов А.А. 741
- Поливанов Е.Д. 741—743, 750—752
- Поливанов М.М., *генерал* 611
- Поливанова П.А. 611

- Поливанова Н.М. —
см. Лопухина (423)
- Полонский Я.П., *поэт* 71, 205
- Полторацкая Е.П. —
см. Лопухина (293)
- Полторацкий Д.М. 247
- Полторацкий П.А. 585
- Полубес С., *мастер* 241
- Поляков, *революционер* 681
- Полякова Т.Ю., *музейный работник* 364
- Полянский В.С., *присяжный поверенный* 445—448
- Пономарев А.И., *профессор* 435
- Пономаренко Г., *композитор* 520
- Понятовский Ст., *князь* 223, 253, 361
- Попов Г.П., *краевед* 523
- Поппел Сабина 731
- Поржетская Э.Э. —
см. Лопухина (350)
- Потемкин Г.А., *светлейший князь* 76, 350
- Похвистнева М.Д. —
см. Лопухина (246)
- Прасковья Федоровна, *Царица* 305
- Предтеченский А.И., *профессор* 434
- Прилепский **(394)** 604, 637
- Прозоровский А.А., *князь* 247, 335
- Протасова В.И. —
см. Лопухина (401)
- Протопопов Н.Н. 496
- Птоломей I 727
- Пугачев 61
- Путятин В.А., *князь* 632
- Пушкин А.С. 3, 69, 70, 79, 209—211, 337, 416, 526, 759
- Пушкин Ф., *стрелецкий голова* 56, 57, 276, 543, 550
- Пушкина Н.Н. 79, 209, 210, 418
- Пфейфер А., *музыкант* 254, 361
- Пюман, *художник* 48, 197
- Пярсон А.Г. 165, 211, 212, 517—519, 607
- Радищев А.Н., *писатель* 69
- Раевский Н.Н., *генерал* 67
- Разин 540
- Раскутин Н.И., *старший помощник капитана* 774
- Расловцев М. 490
- Распутин Г.Е. 110
- Рахманова А.П. 632
- Ребиндер Н.А. **(479)** 625, 637
- Ребиндер С.М. —
см. Лопухина (479)
- Редедя, *князь* — *см. Лопухин (1)*
- Редигер Я.В. — *см. Ридигер*
- Рейтенфельс Я. 49
- Ренан Ж., *историк* 442
- Репнин Н.В., *князь* 225, 256, 332, 710, 712
- Рерих Н.К., *художник* 232
- Рерих С.Н., *художник* 232
- Ржевская А.И. —
см. Лопухина (196)
- Ржевская А.Н. —
см. Лопухина (195)
- Ржевские И.А., М.А., Ю.А. 648
- Ржевский И.А. 568
- Ржевский Н.Ю. **(195)** 567, 638
- Ржевусская А.П. —
см. Лопухина (320)
- Ржевусский А.А., *граф (320)* 377, 592, 638
- де Рибас О.М., *адмирал* 250, 358
- Риббентроп И. 101, 145, 494
- Ридигер Я.В. 132, 791
- Ришелье А., *кардинал* 5
- Рогнеда, *полоцкая княжна* 188, 529, 530
- Рогозинский П.П. 250, 367
- Родзянко А.О., М.О., Н.О. 177
- Родзянко Е.Ф., М.М. 160
- Родзянко К.А. 130
- Родзянко О.М. **(461)** 160, 176, 177, 495—497, 621, 638, 657
- Родзянко Т.А. —
см. Лопухина (461)

- Рожин Ф., *стрелец* 54
 Рождественский Н.П., *профессор* 434
 Рокотов М.Е. **(267)** 580
 Рокотов Ф.С., *художник* 198, 202, 203, 205
 Рокотова А.А. —
см. Лопухина (267)
 Роман, *князь* — *см. Лопухин (2)*
 Ромодановская Ф.Ф., *княжна* — *см. Лопухина (120)*
 Ромодановский Ф.Ю., *князь* 57, 190, 275, 389, 549
 Ромодановский Ю.М., *князь* 197
 Ронда 291
 Ростопчин Ф.В., *граф* 368, 376
 Ртищев М.Ф. 647
 Ртищев Ф.М. 197
 Ртищева У.Б. —
см. Лопухина (87)
 Ртищева Ф.Ф. —
см. Лопухина (141)
 Рубенс П., *художник* 207
 Рубинштейн Н.Г. 807
 Рузвельт П., *культуролог* 213
 Румянцев А.Н. 309, 649
 Румянцев П.А., *граф* 67, 392
 Руссо Ж.-Ж. 224
 Рух Э.Э. — *см. Лопухина (350)*
 Рыбинский В.П., *профессор* 438
 Рюрик 12, 17
 Рязанов Е.И. 601
 Рязанова И.Е. —
см. Лопухина (377)
 Ряполовский С., *князь* 33
- Саблуков Н.А. 366, 369
 Савелов Л.М., *историк* 17, 18
 Савинков Б.В., *террорист* 461, 467
 Садов А.М., *профессор* 434
 Саллаустий, *историк* 431
 Салов А.В. **(334)** 595, 638
 Салова М.В. —
см. Лопухина (334)
- Салтыков Н.И., *св. князь* 373, 656
 Салтыкова А.П., *графиня* 560
 Салтыков-Щедрин М.Е., *писатель* 201, 246
 Самарин А.Д., *общественный деятель* 455, 477
 Сапожников А.А., *генеалог* 631
 Сапожников С.А., *вице-предводитель и герольдмейстер Российского Дворянского Собрания* 186, 631, 826
 Сафаров, *революционер* 107
 Сафонов **(311)** 588, 638
 Свердлов Я.М. 108
 Светоний 732
 Святополк-Мирский П.Б., *князь, министр* 449, 450, 452, 457, 586
 Седов Г. 521
 Семевский М.И., *историк* 216, 282, 283, 390
 Семин А.А. 617
 Сенека 732
 Сент-Ипполит И.В. 157
 Сенявин Н.А., *адмирал* 64, 316, 388
 Серафим Саровский 158, 221, 487, 488, 753
 Серафим Слободской, *священник* **(459)** 160, 172, 175, 491, 497, 621, 638
 Сергей Александрович, *Великий Князь* 88, 312, 441, 450, 458
 Сергей Радонежский 130
 Сериков А.Г. **(469)** 623, 638
 Сеундюк, *царевич* — *см. Иван*
 Сиверс В.В. 320
 Сипягин Д.С., *министр* 441, 444, 457
 Сипягин И.С. 565
 Сипягина А.И. —
см. Лопухина (183)
 Сицкий, *князь* 33
 Скордули, *генерал* **(298)** 586, 638

- Скордули Е.Ф. —
см. Лопухина (298)
 Слезкина О.М. —
см. Лопухина (348)
 Слерн, *художник* 197
 Слободский — *см. Слободской*
 Слободской С.А. — *см. Серафим Слободской*
 Смирнов А.М. **(366)** 136, 599, 638
 Смирнов А.Ф. 566
 Смирнов К.Д., *капитан дальнего плавания* 512
 Смирнов М.Е. **(341)** 596, 638
 Смирнова А.А. —
см. Лопухина (189)
 Смирнова А.В. —
см. Лопухина (341)
 Смирнова Г.И. —
см. Лопухина (366)
 Смирнова-Россет А.О. 74, 375, 376
 Собакины Е.Д., М.В. 545
 Собинов Л.В., *певец* 114
 Соковнины 56, 57, 276, 543, 550
 Соколов К. 468, 476
 Соколов Н.И., *полковник* 514, 773
 Соколова С.П. —
см. Лопухина (408)
 Соколовский М. **(446)** 618, 638
 Солженицын А.И., *писатель* 176, 222, 621, 793—802
 Соллогуб М.А. **(477)** 624, 638
 Соллогуб Е.М. —
см. Лопухина (477)
 Соловьев Вс.С., *писатель* 217
 Соловьев С.М., *историк* 10, 22, 42, 193, 216, 267, 268, 298, 431
 Соловьева В.А. 600
 Солово 478
 Соломония (*урожд. Сабурова*), *Великая Княгиня* 292
 София Алексеевна, *Царевна* 45, 265, 277, 278, 293, 541, 543, 550
 Сперанский М.М., *граф* 371
- Спиридонов М.Г., *сенатор* 341, 342
 Спиридонова М.И., *актриса* 589
 Стасов В.В. 200, 201, 325
 Стасюлевич М., *издатель* 432
 Стахович М.А., *толстовец* 86, 480
 Степенькина П.Я., *музейный работник* 255, 364
 Степун Ф.А., *профессор* 160
 Стефан Баторий, *Король Польши* 253
 Стрешневы 41, 266, 277, 303, 648
 Сторн, *художник* 48
 Столыпин П.А. 192, 461
 Страбон 728
 Стромиллов П.И. **(227)** 574, 638
 Стромилова —
см. Лопухина (227)
 Струве Б.Н. —
см. Лопухина (480)
 Струве Н.А., М.А. 625
 Суворин А.В., *издатель* 366
 Суворов А.В. 67, 193, 250, 337, 367, 383, 514, 765
 Сукина А.И. 549
 Султан-Гирей Е.М., *княжна* — *см. Лопухина (419)*
 Сумароков А.П., *писатель* 331
 Сухов М.М. 99, 617
 Сухова А.М., *врач* —
см. Лопухина (437)
 Сухотин А.Н. **(197)** 568, 638
 Сухотина Е.А. —
см. Лопухина (197)
 Сушкова Е.А. 409, 674
- Таврион В. 631
 Тарасидо А. **(499)** 627, 640
 Татиана Мстиславовна, *княжна* **(2)** 10, 530
 Татищев Б.А., *дипломат* 102, 749, 751
 Таубе, *барон* 750, 751
 Тацит, *историк* 431, 732

- Текутьева М.И. —
см. Лопухина (233)
Текутьевы Е.С., И.Г. 575
Телегины 16
Темрюк, князь черкесов 14
Тимашевы А.П., С.А. 618
Тимашева А.С. —
см. Лопухина (450)
Тихомиров А.А. 760
Тихон, Патриарх 91, 425, 426, 483
Тициан, художник 208
Толмачев З.З. 544
Толмачева А.З. —
см. Лопухина (88)
Толочанов В.С. 648
Толстая А.В., графиня 619
Толстая А.Л., графиня 174, 497
Толстая М.И., графиня —
см. Лопухина (216)
Толстая Н.Ф. —
см. Лопухина (211)
Толстая С.М., графиня —
см. Лопухина (452)
Толстой А.К., граф, поэт 70
Толстой А.Н., граф, писатель 217, 299
Толстой И.А., граф 573
Толстой Л.Н., граф, писатель 3, 87, 95, 172, 193, 198, 257, 259, 480, 588
Толстой М.В., граф 360
Толстой М.Л., граф 79, 619
Толстой П.А., граф 60, 243, 281, 309, 648, 649
Толстой Ф.И., граф («Американец») 70
Толстой Ф.М., генерал (211) 193, 572, 638
Тормасов А.П., граф 374
Третьяков Л. 665
Трепов Д.Ф., генерал-губернатор 450, 452
Трепов Ф.Ф. 88, 413
Третьяков П.М., меценат 71, 201, 205
Троекуров И.Б., князь (121) 549
Троекурова А.И., княгиня —
см. Лопухина (121)
Троицкий И.Г., профессор 438
Тропинин В.А., художник 209
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 100—102, 739—751
Трошинский 710
Трубецкая А.П., княжна 618
Трубецкая Е.А., княгиня —
см. Лопухина (361)
Трубецкая Е.Н., княжна 612
Трубецкая Л.В., княгиня 605
Трубецкая М.С., княгиня —
см. Лопухина (431)
Трубецкая О.Н., княгиня 420, 421
Трубецкая С.А., княгиня —
см. Лопухина (399)
Трубецкой А.Е., князь 148, 466—476
Трубецкой А.Н., князь 43
Трубецкой В.П., князь (431) 192, 614, 638
Трубецкой В.С., князь 473, 478
Трубецкой Г.Н., князь, дипломат 80, 82, 124,
Трубецкой Е.Н., князь, философ 80—82, 192, 212, 803—808
Трубецкой К.Г., князь 125
Трубецкой Н.Н., князь (361) 192, 335, 418, 598, 638
Трубецкой Н.П., князь (399) 192, 212, 418, 605, 638
Трубецкой Н.Ю., князь, генерал-фельдмаршал 322, 324, 650, 654
Трубецкой П.И., князь 81, 82, 170, 803, 804
Трубецкой С.Е., князь 466, 475—478
Трубецкой С.Н., князь, философ 80—82, 192, 212, 448
Трубецкой С.П., князь, декабрист 74, 661
Трубецкой Ю.Ю., князь 647

- Тузов И.Л., книгопродавец 432
Тургенев А.И. 335, 377, 378
Тургенев И.П. 335
Турцевич Н.Л. (468) 623, 638
Тучков П.А. (454) 619, 638
Тучкова Т.Н. —
см. Лопухина (454)
Тютчев Ф.И. 759
Удом Е., барон, генерал 586, 587
Удом М.Е., баронесса —
см. Лопухина (297)
Удом Ю.Е., баронесса —
см. Лопухина (303)
Украинцев Е.И., дипломат 241
Ульященко Е.Н. (337) 595, 639
Ульященко О.В. —
см. Лопухина (337)
Урицкий, большевик 100, 739
Урусов Д.С., князь 610
Урусов И.Н., князь 648
Урусов Н.Н., князь 703, 704
Урусов Н.С., князь 356
Урусов С.Д., князь 449, 455
Урусова В.С., княгиня 610
Урусова Е.Д., княжна —
см. Лопухина (418)
Устрялов Н.Г., историк 282, 283, 305
Ухтомский Г.П., князь, дипломат 102
Ушаков А.И., граф 322, 324, 650
Ушаков Л.Ф., генерал (212) 572, 639
Ушакова Ф.Ф. — см. Лопухина (212)
Ушаковы 531, 612
Файлаф (Fillyaw J.R.) (500) 627, 640
Фалькенберг, офицер 321, 650
Фальконе Э., скульптор 352
Фамицын С.А. (215) 572, 639
Фамицына А.Ф. —
см. Лопухина (215)
Фамицына Е.Е. —
см. Лопухина (145)
Фамицыны Е.И., С.К. 557
Фаррар Ф.В., духовный писатель 221, 432, 433
Федор Алексеевич, Царь 45, 50, 52, 65, 239, 265, 297, 537, 544
Федор Иоаннович, Царь 34, 198, 264, 266, 286, 349, 350, 536
Федор Карпов, священник 40
Фенелон Фр., поэт 78, 224—227, 256
Феннел (Fennell) Дж., профессор и писатель (455) 170, 619, 640
Феодосий, римский император 433
Феофил, архиепископ Новгородский 26, 33
Фермор В.В., генерал 390
Фет А.А., поэт 214
Фетисов, офицер 98
Фигнер В.Н. 459
Филипп, митрополит 51
Флоренский П., священник 130, 131, 492, 613, 686
Флоровский Г. 689, 690
Фонвизин П.И. (201) 568, 639
Фонвизина М.П. —
см. Лопухина (201)
Фридрих II Великий, Король Пруссии 66, 319, 390, 395
Фридрих-Вильгельм III, Король Пруссии 240, 322
Фролов А.И., историк 211
Фрязин П., строитель 33
Фьораванти В., зодчий 27
Харло, художник 206
Хаустова А.Б. —
см. Лопухина (473)
Хаустова Л.Б. —
см. Лопухина (475)
Хаустовы Б.Л., И.В. 623, 624
Херасков М.М., поэт 256, 370
Хилков Я.В., князь (116) 191, 548, 639
Хилкова А.И., княгиня —
см. Лопухина (116)
Хилковы А.Я., М.Я., Ю.Я., князья 647
Хиль Э., певец 520

- Хитрово А.А., Я.Л. 559
 Хитрово А.Ф. 561
 Хитрово Б.М. 197
 Хитрово Е.Н. —
     см. Лопухина (310)
 Хитрово Н.Н. **(310)** 588, 639
 Хмельницкий Б., *гетман* 41—43,
     191, 238, 539
 Ховра С. 12
 Хомутов, *генерал* 670
 Хомяков Г. 645
 Хоненев И.Ф. 573
 Хоненева М.И. —
     см. Лопухина (223)
 Хорват, *генерал* 782
 Хотко С.Х., *историк* 14, 15
 Хохлов В.П., *генеалог* 631
 Хрептович-Бутенев К.П., *граф* 123, 783
 Хундадзе Г.И., *адвокат* 681
 Хюгель А.М., *баронесса* 417, 422, 423
- Цехомский В.К. (372)** 600, 639
 Циклер И. 56, 57, 276, 543, 550
- Чарковская С.К.** —
     см. Лопухина (329)
 Чеботарев Б.Н., *художник* 700
 Чеботарев Х.А., *профессор* 339
 Чекалевская Е.П. —
     см. Лопухина (189)
 Чекалевский П.П. 566
 Чекерская Г.С. —
     см. Лопухина (458)
 Челяднины 33, 41
 Чемберлен Н. 145
 Чемерзин, *офицер* 739
 Чемоданов И.И., *посол* 38
 Черкасов Н.К., *художник* 201, 299
 Черкасская М.А., *княгиня* —
     см. Лопухина (258)
 Черкасский П.Б., *князь* 579
 Черкасский П.П., *князь (258)* 193,
     579, 639
 Чернов В.М., *политик* 461
- Чернышев З.Г., *граф* 247, 330, 331,
     395, 396, 653
 Черчилль У. 402
 Чесноков Я.В., *купец* 165, 212, 517,
     606, 607
 Чеснокова А.Г. 165, 211, 212,
     517—519, 607
 Чеснокова Т.Я. —
     см. Лопухина (405)
 Четвериков, *профессор* 160
 Чижова И., *искусствовед* 210
 Чириков И.И., *окольный* **(86)**
     542, 639
 Чириков М.И. 698
 Чирикова Е.А. —
     см. Лопухина (86)
 Чирикова Н.И. 40, 241, 542
 Чихачевы Б.Е., Ф.Е. 35, 645
 Чичерин **(445)** 618, 639
 Чичерина В.А. —
     см. Лопухина (445)
 Чуканов, *революционер* 109
 Чусовитин П.П., *скульптор (406)*
     169, 607, 639
 Чусовитин Т.П. 169, 607
- Шавельский В.И., дипломат** 102
 Шаврина Е., *певица* 520
 Шамиль 411, 670
 Шамполион, *египтолог* 431
 Шан-Гирей А.П. 408, 419, 421, 422
 Шатилов, *генерал* 632
 Шатрова С.Н. 686
 Шаховская А.Д., *княжна* 130
 Шаховская Е.Е., *княгиня* 557
 Шаховская З.А., *писательница* 479
 Шаховской Я.П., *князь* 557
 Шебуев В.К., *художник* 253
 Шевченко В.Г. 362, 363
 Шевченко Т.Г., *поэт* 363
 Шелеспанов Ф.М. 595
 Шелеспанова З.Ф. —
     см. Лопухина (331)
 Шенк П., *гравёр* 201

- Шереметев Б.П., *граф, генерал-фельдмаршал (119)* 60, 77,
     189, 243, 303, 548, 560, 639
 Шереметев В.П. 647
 Шереметев Ф.В. **(127)** 555, 639
 Шереметева А.П., *графиня* 560
 Шереметева В.Б., *графиня* —
     см. Лопухина (159)
 Шереметева М.А., *графиня* —
     см. Лопухина (266)
 Шереметева М.С. —
     см. Лопухина (127)
 Шереметевы А.В., М.Г. 580
 Шетнев Н.А. 582
 Шетнева Е.Н. —
     см. Лопухина (270)
 Шидловская С.С. 622
 Шиманская М.Н. —
     см. Лопухина (345)
 Шингарев А.И., *политик* 114
 Шайман Г., *археолог* 9
 Шубинский С.Н., *историк* 76, 288,
     289, 352
 Шувалова Е.П., *графиня* 153, 613, 789
 Шуйский В.И. —
     см. Василий Иванович, Царь
 Шуйский-Гребенка В.В., *князь* 26
- Щапов Я.Н., историк, член-корреспондент РАН** 4
 Щербатов А.Г., *князь* 412
 Щербатов И.И., *князь* 545
 Щербатова А.О., *княжна* —
     см. Лопухина (146)
 Щербатова М.Д., *княгиня* 545
 Щербачев И.С. 556
 Щербачев О.В., *историк, генеалог*
     185, 556
 Щербачева А.И. —
     см. Лопухина (139)
- Эванс 157
 Эккартсхаузен К., *писатель, мистик* 227, 256
 Энгельгардт А.М., А.Н. 136, 579
 Энгельгардт М.Е., *барон (380)* 602,
     639
 Энгельгардт О.Н., *баронесса* —
     см. Лопухина (380)
- Ювеналий (Воейков), игумен** 183,
     381, 800
 Юнг Э., *поэт, мистик* 78, 224, 225
 Юрий, *князь* — *см. Лопухин (3)*
 Юсупов А.Б., *князь* 193, 563
 Юсупова А.А., *княжна* —
     см. Лопухина (168)
 Юсупова К.М., *княгиня* 563
 Юдин Н.П., *дипломат* 102
- Яблочкова А.А.** —
     см. Лопухина (274)
 Ягода Г.Г. 130
 Ягужинская А.Ф., *графиня* 561
 Ягужинская Е.П., *графиня* —
     см. Лопухина (160)
 Ягужинский П.И., *граф* 561
 Языков А.В. 582
 Языкова А.А. —
     см. Лопухина (272)
 Яков Черменка 18, 530
 Якун Слепой, *варяжский вождь* 11
 Якуничкова М.В., *художник* 250
 Янин В.Л., *историк, академик РАН*
     20, 25
 Ярослав Мудрый, *Великий Князь*
     10—12, 253, 360
 Ясныгин Т.Д., *архитектор* 245

Примечание. Написание имен и фамилий дается по приведенным источникам — историческим документам. Правописание некоторых имен не соответствует принятому в Свяцах.

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге	3
От автора	5

РОД

У истоков рода	9
Новгородская быль, или Первые Лопухины на Волхове	19
Московское служение	32
На службе Российской Империи	59
XX век — Лопухины в 1914—1939 годах	95
XXI век — Лопухины в 1939—2000 годах	145
Лопухинская геральдика	180
Родственные связи Лопухиных	187
Лопухины в искусстве и литературе	195
Лопухины в архитектуре и строительстве	228

ЛЮДИ

Последняя Русская Царица	263
Царевич Алексей Петрович	294
Адмирал Степан Васильевич, или «Лопухинское дело»	314
Рыцарь ордена «Златорозового креста»	328
Светлейший князь	349
Под знаменами российских полков	381
Друзья поэта	405
Создатель «Лопухинской Библии»	424
Директор Департамента полиции	443

ЛОПУХИНЫ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

Жизнь за Царя	466
Православный деятель Русского Зарубежья	479
Монархист	492
Капитан дальнего плавания	508
Послесловие князя В.О. Лопухина	524

ПРИЛОЖЕНИЯ

Светлейшие князья, князья и дворяне Лопухины (родословная поколенная роспись)	529
Лопухины, не вошедшие в роспись	630
Указатель фамилий и имен супругов и супруг Лопухиных в основной росписи	634
ДОКУМЕНТЫ РОДА ЛОПУХИНЫХ	643
СТРОКИ ИЗ ТРУДОВ	707
Библиография	809
Именной указатель	826